

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1. R 2523.

~~12.
2.
20.~~

Pslov 460.5 ($\frac{1900}{3-4}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Книжка № 323

Шифр 4

Цена 8

Место книги на полке 8

2523/2
Годъ IX-й.

№ 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

М А Р Т Ъ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Н. Скороходова (Надеждинская 13).

1900.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР.
1. БИРЖИ ТРУДА ВО ФРАНЦІИ. (Экономическій очеркъ). Ев. Лозинскаго	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПЕРВЫЙ СНѢГЪ. А. Колтоновскаго.	20
3. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. Андрея Неможевскаго. Перев. съ польскаго М. Троповской. (Окончаніе)	21
4. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ НѢМЕЦКАГО КРЕСТЬЯНСТВА. (Академическая вступительная лекція). Пер. съ нѣм. Ю. Р.	63
5. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. (Продолженіе).	87
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ. Allegro	122
7. ИСТОРИЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Проф. М. Мензбира. (Окончаніе).	123
8. ВОСКРЕСШИЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе)	141
9. ЛИТЕРАТУРА РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ. (Историко-критическій этюдъ). В. Т.	195
10. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюкова	220
11. ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Очерки). Н. Гарина. (Продолженіе)	242

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Современныя теченія въ искусствѣ», В. В. Березовскаго.—Иллюстрація къ этимъ теченіямъ на выставкѣ «Міра Искусства».—«Накипь» г. Боборыкина.—Изъ прошлаго: «Литературныя воспоминанія» г. Михайловскаго.—Некрасовъ, Щедринъ, Елисеевъ.—50 лѣтней юбилей А. М. Жемчужникова.—Его «Пѣсни старости». А. Б.	1
13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ.—Экономическія мѣропріятія земствъ.—Сельскіе банки—Заработная плата въ фабрично-заводской промышленности.—Дѣло о безпорядкахъ рабочихъ на заводахъ Брянскаго Общества.—Скопцы и прокаженные въ Сибири.—Остатки язычества на сѣверѣ.—Юбилей журнала «Русская Мысль».—Ф. Ф. Павленковъ. (Некрологъ).—Отсрочка въ прекращеніи обмѣна кредитныхъ билетовъ	16

1900 1900 г.

Годъ IX-й.

№ 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

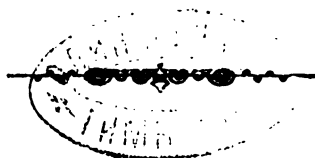
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1900 г.

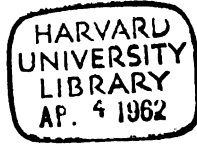
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.

6773
8810

D
Pslav 460.5 $\frac{(1900)}{3-4}$

62 x 2

Доволено ценаурою 26-го февраля 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	стр.
1. БИРЖИ ТРУДА ВО ФРАНЦІИ. (Экономическій очеркъ). Ев. Лозинскаго	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ПЕРВЫЙ СНѢГЪ. А. Колтоновскаго. . .	20
3. ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНАГО ЧЕЛОВѢКА. Андрея Немоевскаго. Перев. съ польскаго М. Троповской. (Окончаніе) . . .	21
4. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ НѢМЕЦКАГО КРЕСТЬЯНСТВА. (Академическая вступительная лекція). Пер. съ нѣм. Ю. Р. . . .	63
5. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. (Продолженіе).	87
6. СТИХОТВОРЕНІЕ. ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ. Allegro	122
7. ИСТОРИЯ ЖИВОТНАГО НАСЕЛЕНІЯ ЕВРОПЫ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОМЪ РАЗВИТІИ. Проф. М. Мензбира. (Окончаніе).	123
8. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе)	141
9. ЛИТЕРАТУРА РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ. (Историко-критическій этюдъ). В. Т.	195
III ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюнова	220
11. ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Очерки). Н. Гарина. (Продолженіе)	242

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

12. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ «Современныя теченія въ искусствѣ», В. В. Березовскаго.—Иллюстрація къ этимъ теченіямъ на выставкѣ «Міра Искусства».—«Накипь» г. Боборыкина.—Изъ прошлаго: «Литературныя воспоминанія» г. Михайловскаго.—Некрасовъ, Щедринъ, Елисеевъ.—50-лѣтней юбилей А. М. Жемчужникова.—Его «Пѣсни старости». А. Б.	1
13. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ.—Экономическія мѣропріятія земствъ.—Сельскіе банки—Заработная плата въ фабрично-заводской промышленности.—Дѣло о безпорядкахъ рабочихъ на заводахъ Брянскаго Общества.—Скопцы и проказенные въ Сибири.—Остатки язычества на сѣверѣ.—Юбилей журнала «Русская Мысль».—Ф. Ф. Павленковъ. (Некрологъ).—Отсрочка въ прекращеніи обмѣна кредитныхъ билетовъ	16

	СТР.
14. П. Л. Давровъ (Некрологъ). П. Милюкова	32
15. Къ исторіи устройства общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій въ Россіи. Н. К.	35
16. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Вѣстникъ Европы». — «Русская Мысль». — «Русская Старина»	38
17. За границей. Событія англійской жизни. — Отмѣна штемпельнаго налога въ Австріи. — Картинки турецкой жизни. — Республиканская школа во Франціи. — Въ Германіи	46
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue de Paris». — «The Forum». Трансваальская «афера». (Статья Берты фонъ-Суттнеръ изъ «Die Zeit»).	55
19. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физиологія. 1) Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній. 2) Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью. 3) О цвѣтной слѣпотѣ. Д. Н. — Метеорологія. Выстрѣлы, какъ средство противъ града. — Техника. Новый сплавъ — магналіи. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.	63
20. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія государственнаго права. — Статистика. — Народныя изданія и самообразование. — Справочныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	80
21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	114
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	117

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

22. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гѣмфри Уордъ. Перев. съ англ. М. В. Маннъ	1
23. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	57
24. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерснаго	1

БИРЖИ ТРУДА ВО ФРАНЦІИ.

(Экономическій очеркъ).

Еще въ средніе вѣка, на зарѣ буржуазно - капиталистической эры, все усиливавшаяся мобилизація капитала потребовала удобныхъ средствъ и методовъ его передвиженія. Нужно было найти средство искусственно предупреждать чрезмѣрное скопленіе капиталовъ въ мѣстахъ, гдѣ они переставали быть продуктивными, направляя ихъ въ центры большаго на нихъ спроса. Такъ возникъ вексель, а вслѣдъ за нимъ биржа, сдѣлавшаяся, въ концѣ концовъ, сердцемъ капиталистическаго хозяйства, отражающимъ на себѣ съ необычайной чувствительностью всѣ его боли и нужды, тревоги и радости.

Въ новое время, съ уничтоженіемъ крѣпостничества, т.-е. съ болѣе или менѣе полнымъ освобожденіемъ труда отъ прикрѣплявшихъ его къ опредѣленному мѣсту путъ, съ быстрымъ прогрессомъ путей и средствъ сообщенія, дающимъ рабочимъ классамъ уже фактическую возможность передвиженія, возникла сильная потребность въ центрально-регулирующемъ учрежденіи, способномъ распредѣлять рабочія руки по всей странѣ съ возможно-большой пользой для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ. Такъ возникли на западѣ рабочія биржи, или биржи труда, переживающія пока лишь юношескую эпоху своего развитія, полную надеждъ и идеаловъ, но въ то же время обнаруживающія всѣ симптомы наступающей здоровой возмужалости съ ея разно-сторонней дѣятельностью и разумной дѣловитостью.

Въ первый разъ счастливая идея биржи труда была провозглашена во Франціи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Ея апостоломъ и застрѣльщикомъ явился вѣрный и безупречный рыцарь манчестерской школы Молинари. Въ июльскихъ номерахъ «Gazette de France» за 1843 годъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ его статей, подъ общимъ заглавіемъ «Будущее желѣзныхъ дорогъ», гдѣ онъ, упоенный медовымъ мѣсяцемъ появившихся тогда желѣзныхъ дорогъ, сталъ мечтать о великой преобразовательной миссиі, которую онѣ должны будутъ осуществить по отношенію къ все обостряющемуся соціальному вопросу. На этихъ статьяхъ отпечатлѣлся тотъ духъ энтузіазма, не знавшаго границъ, который проникъ собою всѣ сердца и умы при видѣ новой и великой

культурной силы пара, примѣннаго къ средствамъ челоѳческаго передвиженія. «Открытіе желѣзныхъ дорогъ,—писалъ Молинали,—произвело невыразимое впечатлѣніе на современниковъ. Даже не подозревая всей высокой степени дальнѣйшаго развитія этихъ новыхъ путей сообщенія, многіе пытаются отгадать, какъ отразятся они на будущемъ европейскихъ народовъ, на взаимныхъ отношеніяхъ государствъ и т. п. *)...» Что касается самого автора, то его больше всего интересовалъ вопросъ о вліяніи новаго изобрѣтенія на взаимныя отношенія различныхъ общественныхъ классовъ, на измѣненіе положенія рабочихъ, ихъ заработную плату и другія условія труда. Вліяніе это, по его мнѣнію, должно быть громадное. «Вѣдь, главная причина низкой заработной платы,—аргументируетъ авторъ,—заключается въ нецѣлесообразномъ распредѣленіи въ странѣ рабочихъ рукъ, въ диспропорціи между наличнымъ спросомъ и числомъ рабочихъ въ данной мѣстности, а также въ чрезмѣрномъ скопленіи ихъ въ нѣсколькихъ продуктивныхъ центрахъ. Дайте рабочему классу средства быстрого и дешеваго передвиженія на большія разстоянія, укажите каждому отдѣльному рабочему, гдѣ въ данной моментъ онъ можетъ найти работу на болѣе выгодныхъ условіяхъ, и свободная конкуренція, поставленная въ нормальныя условія, не замедлитъ довершить остальное. Свободная и правильная циркуляція рабочихъ силъ въ великомъ соціальному организмѣ, какъ естественное слѣдствіе такого новаго порядка, необходимо приведетъ къ благу какъ самихъ рабочихъ, такъ и всей страны». Однако, для осуществленія такой цѣлесообразной мобилизаціи труда, кромѣ желѣзныхъ дорогъ и кромѣ свободной конкуренціи, необходимо еще какое-либо *централино-регулирующее* мѣсто, подобное биржамъ капиталистическаго класса, которое Molinari и предложилъ наименовать «биржей труда».

Вслѣдъ, затѣмъ, появилось нѣсколько брошюръ того же автора, задача которыхъ была распространять идею биржи труда въ средѣ французскихъ рабочихъ. Такъ, въ одной изъ нихъ: «*Des moyens d'améliorer le sort des classes laborieuses*» («средства улучшить положеніе рабочаго класса») авторъ проводитъ полную параллель между проектируемыми имъ биржами и существующими. «Биржи труда были бы для сдѣлокъ рабочаго класса тѣмъ же, что существующія—для денежныхъ и другихъ операций капиталистовъ. Въ каждомъ изъ болѣе важныхъ центровъ земледѣлія и индустріи могло бы быть учреждено опредѣленное мѣсто, куда стали бы обращаться какъ рабочіе, ищущіе труда, такъ и предприниматели, имѣющіе нужду въ рабочихъ. Каж-

*) См. «*Les Bourses du Travail*» par G. de Molinari. Данныя, относящіяся къ современному положенію биржъ во Франціи, взяты нами изъ центрального органа ихъ: «*L'Ouvrier des Deux Mondes*», изъ «Ежегодника парижской биржи труда («*L'Annuaire de la Bourse du Travail*) и статья Fern. Pellutier о биржахъ труда въ «*Revue Politique et Parlementaire*» за 1899 годъ, т. XXI.

дый день въ этомъ мѣстѣ объявлялась бы высота заработной платы въ различныхъ областяхъ промышленности, и такой «курсъ» биржи труда опубликовывался бы въ газетахъ, какъ это и дѣлается теперь съ курсами биржи капиталистовъ. Такимъ образомъ, рабочіе не только всей страны, но даже и цѣлаго континента могли бы быть освѣдомлены относительно колоссальнаго рабочаго рынка и знали бы, гдѣ въ данный моментъ работа предлагается на болѣе выгодныхъ условіяхъ».

Отъ печатной пропаганды своей идеи Molinagі перешелъ къ дѣлу. Въ газетѣ «*Courier Français*», отъ 20 іюля 1846 года, появилась его воззваніе къ рабочимъ, въ которомъ онъ предлагаетъ парижскимъ рабочимъ, впредь до устройства биржи, воспользоваться безвозмездными услугами газеты, къ изданію которой онъ намѣренъ приступить исключительно въ видахъ содѣйствія рабочимъ въ присканіи труда. «Въ числѣ упрековъ, выраженныхъ по адресу той экономической школы, къ числу adeptовъ которой я имѣю честь принадлежать,—читаемъ мы въ этомъ воззваніи,—находится и то, что школа эта совершенно равнодушна къ судьбѣ рабочихъ классовъ. Утверждаютъ даже, что практическое осуществленіе доктринъ этой школы отразилось бы на этихъ классахъ самымъ вреднымъ образомъ и что абсолютное господство нашей свободы не замедлило бы привести къ самому тяжкому гнету или къ страшной анархіи»... Подобныя заявленія авторъ называетъ «жалкими софизмами»: «не въ свободѣ конкуренціи лежитъ зло,—говоритъ онъ,—а въ тѣхъ многочисленныхъ путяхъ, которые мѣшаютъ полному расцвѣту этой свободы». Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Molinagі разъясняетъ рабочимъ всѣ блага, ожидаемыя имъ отъ проектируемыхъ биржъ труда, способныхъ вѣрнѣе, чѣмъ какія-либо другія покровительственныя мѣры, улучшить матеріальное положеніе трудящихся. Въ концѣ своего воззванія авторъ, предлагая парижскимъ рабочимъ свои безвозмездныя услуги, проситъ ихъ оказать поддержку его полезному предпріятію.

Доброжелательныя затѣи Molinagі не встрѣтили, однако, сочувственнаго отклика въ средѣ рабочихъ. Одни отнеслись къ нимъ съ равнодушіемъ, другіе даже враждебно. Такъ, въ газетѣ «Работникъ» воззванію Molinagі была посвящена статья, въ которой весьма любезно отдавалось должное его добрымъ намѣреніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ само предпріятіе отвергалось, какъ непрактичное. «Конечно,—замѣчаетъ газета,—правительству слѣдовало бы отмѣчать тѣ пункты территоріи, гдѣ нужда въ рабочихъ силахъ чувствуется наиболѣе интенсивно; ему слѣдовало бы также установить особенный тарифъ желѣзныхъ дорогъ, соотвѣтственно денежнымъ ресурсамъ рабочаго населенія. Но если Molinagі полагаетъ, что его биржи труда способны повысить заработную плату, то здѣсь онъ безусловно ошибается: высота ея опредѣляется конкуренціей, и чтобы достигнуть измѣненія положенія трудящихся, надо, прежде всего, измѣнить послѣднюю». Еще

богѣ отрицательно къ данному предпріятію отнеслись парижскіе каменотесы. Изданіе проектируемаго «Бюллетеня труда» они прямо-таки нашли вреднымъ для своихъ интересовъ, ибо,—аргументировали они,—публикація богѣ высокихъ парижскихъ «курсовъ» заработной платы привлечетъ лишь въ столицу изъ провинці новыя рабочія силы, что не замедлитъ, въ свою очередь, отразиться на усиленіи конкуренціи и пониженіи существующей платы.

Вскорѣ, затѣмъ, наступили бурные февральскіе дни 1848 года. Послѣ кратковременнаго фарисейскаго заигрыванія временнаго правительства съ рабочимъ вопросомъ послѣдовалъ полный разгромъ парижскаго пролетаріата. Юная республика осталась безъ защитниковъ, среди враговъ и равнодушныхъ, что не замедлило привести къ новой катастрофѣ, 2-му декабря. Въ числѣ эмигрантовъ, бѣжавшихъ отъ бонапартистскаго режима, оказался и нашъ добросердечный манчестерецъ, Молинарі, переселившійся въ Бельгію. Идея биржи труда и здѣсь не давала ему покоя. При содѣйствіи своего брата, Евгенія Молинару, онъ основываетъ въ 1857 году въ Брюсселѣ газету «Биржа Труда», первый номеръ которой выпущенъ былъ 17 января. Во вступительной, программной, статьѣ редакторъ касается, между прочимъ, вопроса объ условіяхъ процвѣтанія народной прессы и о причинахъ постигавшихъ ее до сихъ поръ неудачъ. Откуда эти неудачи?—спрашиваетъ авторъ.

«Прежде всего,—отвѣчаетъ онъ,—неуспѣхъ народной прессы необходимо вытекаетъ изъ недостаточной образованности и невоспитанности нашихъ рабочихъ классовъ, большая часть которыхъ не получила даже элементарныхъ знаній народныхъ школъ. Однако, въ средѣ рабочаго населенія нашихъ городовъ есть не мало лицъ, способныхъ читать газету и интересоваться ею. Наличность такихъ читателей дѣлаетъ, такимъ образомъ, вполне возможнымъ изданіе соотвѣтственнаго печатнаго органа. Если, поэтому, всѣ газеты, адресовавшіяся до сихъ поръ спеціально къ рабочему классу, не пользовались успѣхомъ, то виною этому является не только необразованность рабочихъ, но также неумѣлое веденіе самого газетнаго дѣла. Газета должна быть, прежде всего, собраніемъ новостей и свѣдѣній, полезныхъ для тѣхъ, которые ее читаютъ. Такъ, напримѣръ, что, прежде всего, ищетъ купецъ, банкиръ, фабрикантъ и т. д., развертывая свою газету? Разумѣется, прежде всего, ихъ интересуется цѣна тѣхъ или иныхъ товаровъ, положеніе денежнаго рынка и т. п. На какіе столбцы газеты бросается съ самаго начала взглядъ капиталиста, вложившаго свой капиталъ въ бумаги государственнаго займа или въ какое-либо крупное промышленное предпріятіе? На столбцы, гдѣ печатаются обыкновенно биржевые курсы... И такъ, полезныя свѣдѣнія—вотъ, что должно, главнымъ образомъ, заполнить ежедневный органъ и что до сихъ поръ всегда отсутствовало въ газетахъ, предназначавшихся для народа»...

Согласно такой программѣ, братья Молинару и стали выпускать

свою «Биржу Труда». Они обращались за содѣйствіемъ не только къ рабочимъ, но и къ предпринимателямъ, стараясь и послѣднимъ разъяснить ихъ собственныя выгоды отъ успѣха задуманнаго ими дѣла. Несмотря, однако, на все самоотверженіе издателей, газета просуществовала лишь съ 17 января по 20 іюня 1857 года. Съ тѣхъ поръ, никакихъ попытокъ съ ихъ стороны осуществить задуманный планъ «Биржи Труда» не предпринималось, и самая идея такой биржи, казалось, канула въ Лету исторіи «благихъ намѣреній».

Прошло тридцать лѣтъ. Періодъ, самъ по себѣ, незначительный, но въ исторіи народныхъ массъ на западѣ онъ сыгралъ изумительную педагогическую роль. Въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи человѣчества ни одинъ, даже болѣе продолжительный, ея періодъ не внесъ въ темныя углы народной жизни столько знанія, столько истиннаго воспитывающаго просвѣщенія, какъ эти шестидесятые — восьмидесятые годы. Цѣль всякаго воспитанія—существо воспитуемое изъ опекаемаго сдѣлать «кующимъ самостоятельно свое счастье»—въ эти тридцать лѣтъ была въ значительной степени достигнута. Народныя массы Запада въ эти годы привыкли думать и жить самостоятельно. Не удовлетворяясь образованіемъ, получаемымъ ими въ школахъ, онѣ стали посвящать свое свободное время дальнѣйшему ученію, чтенію, саморазвитію. Въ эти годы возникли народная литература, народная пресса, народные читальни, чтенія, концерты и т. д.

Первый разъ за всю исторію человѣчества народная масса обнаружила признаки зрѣлости и возмужалости. То, чего прежде не могли достигнуть даже наиболѣе самоотверженныя стремленія интеллигентныхъ идеологовъ, осуществляется теперь съ сравнительной легкостью, съ принесеніемъ значительно меньшихъ матеріальныхъ и нравственныхъ жертвъ, а также съ наибольшей цѣлесообразностью и практичностью. Самоотверженіе и безкорыстіе первый разъ въ исторіи почувствовали подъ собой твердую почву дѣйствительности, первый разъ получили давно искомый и давно желанный рычагъ могущественной коллективности, и неудивительно, если при помощи этого поистинну Архимедова рычага съ поражающей быстротой переворачивается весь міръ вѣковыхъ народныхъ привычекъ, инстинктовъ и воззрѣній.

Къ концу тридцатилѣтняго періода, считая съ момента прекращенія выпуска газеты «Биржа Труда», именно 3-го февраля 1887 года, въ Парижѣ совершалось скромное торжество: муниципальный совѣтъ вводилъ представителей мѣстныхъ рабочихъ синдикатовъ во владѣніе предоставленнымъ имъ отъ города помѣщеніемъ для устройства... «Биржи Труда». Идея Молинали, такимъ образомъ, осуществилась и притомъ, какъ читатель увидитъ ниже, въ объемѣ, о какомъ и не смѣлъ мечтать этотъ безкорыстный рыцарь свободной конкуренціи.

На сей разъ парижскіе рабочіе не только не противились устройству своей «биржи», но, наоборотъ, послѣдняя казалась имъ необходи-

мымъ звеномъ ихъ синдикальной организаціи. Самый отводъ подъ биржу городской недвижимости совершился лишь благодаря долголѣтнимъ и настойчивымъ просьбамъ рабочихъ синдикатовъ. Уже въ 1875 году муниципальный совѣтъ Парижа долженъ былъ обсуждать вопросъ о ходатайствѣ рабочихъ, желавшихъ имѣть, «по крайней мѣрѣ, какое-либо крытое помѣщеніе для многочисленныхъ группъ, собирающихся каждое утро въ ожиданіи спроса на ихъ трудъ». Ходатайство это было до такой степени ново для парижскаго муниципального совѣта, что онъ считалъ необходимымъ передать его на «детальное» обсужденіе особенной комиссіи. Вопросъ былъ, такимъ путемъ, снятъ съ очереди, а само ходатайство было навсегда погребено въ комиссіонныхъ актахъ. Такой же судьбѣ подверглись и другія подобныя же ходатайства, вносившіяся въ совѣтъ въ теченіе слѣдующихъ годовъ, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока парижское рабочее населеніе не стало избирать своихъ собственныхъ представителей въ городское самоуправленіе, и городскимъ представителямъ пришлось тогда болѣе серьезно считаться съ его нуждами и запросами. вмѣсто скромнаго «крытаго помѣщенія», о какомъ парижскіе рабочіе мечтали въ семидесятыхъ годахъ, они имѣютъ теперь цѣлый дворецъ на улицѣ Château-d'Eau, вблизи Place de la République, съ обширными залами для собраній, библіотекой, особымъ періодическимъ органомъ и т. д. Утопія Молинару получила плоть и кровь, и при видѣ красивой биржи улицы Château-d'Eau ему приходилось, вѣроятно, не разъ переживать радостное настроеніе гордаго родительскаго счастья.

Примѣру Парижа послѣдовали рабочіе синдикаты и другихъ городовъ. Биржи труда стали расти, какъ грибы послѣ дождя, и уже въ февралѣ 1892 года могъ состояться въ Сентъ-Этьеннѣ первый конгрессъ представителей *четырнадцати* биржъ, организовавшихъ на этомъ конгрессѣ «*Национальную федерацию биржъ труда*». Въ іюнѣ 1895 года число биржъ достигло 34, группировавшихъ вокругъ себя 606 синдикатовъ; въ 1896 году къ этимъ тридцати четыремъ прибавилось еще двѣнадцать съ 256 синдикатами. Конгрессъ «*Национальной федерации*», состоявшійся въ сентябрѣ 1898 года въ Рениѣ, констатировалъ во Франціи наличность пятидесяти одной биржи труда, объединившихъ 947 синдикатовъ, т.-е. 43% всего числа профессиональных организацій французскихъ рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ спеціальныя періодическіе органы биржъ труда не переставали сообщать о дальнѣйшемъ ростѣ этого оригинальнаго теченія въ средѣ французскаго пролетаріата. Все растущая популярность рабочихъ биржъ указываетъ на ихъ практичность и полезность для рабочихъ, и потому является весьма своевременнымъ подвергнуть ближайшему разсмотрѣнію этотъ новый народный институтъ Запада, его задачи, его организацію, сферы дѣятельности и т. д. Такое разсмотрѣніе должно быть тѣмъ болѣе интереснымъ, что, представляя собою

какъ бы нервныя центры синдикально-рабочаго организма Франціи, биржи труда съ замѣчательною чуткостью отражаютъ въ себѣ всякія новѣйшія теченія и вѣянія, возникающія въ самыхъ глубокихъ тайникахъ этого организма, равно какъ съ безпримѣрной отзывчивостью относятся ко всѣмъ его новымъ запросамъ и потребностямъ.

Приступивъ къ изученію функций, исполняемыхъ въ настоящее время биржами труда во Франціи, мы на первыхъ же порахъ были поражены ихъ многосложностью и разносторонностью. Чего только не дѣлаютъ биржи труда для рабочаго класса, какихъ только услугъ ему не оказываютъ! Конечно, не всѣ образовавшіяся биржи проявляютъ одинаковую силу и широту дѣятельности; большая часть изъ нихъ—лишь вѣшніе всходы и первые побѣги плодотворной идеи; но и теперь уже, по кое-какимъ ея вѣшнимъ признакамъ и силуэтамъ, мы можемъ судить о предстоящей ей въ ближайшемъ будущемъ великой роли.

Пока что, всѣ разнообразныя функции рабочихъ биржъ мы можемъ распредѣлить на четыре разряда. Къ первому относятся функции *взаимопомощи* въ дѣлѣ присканія работы, поддержки во время безработицы; далѣе, такъ наз. *viaticum*, т.-е. «дорожная» помощь всѣмъ, отправляющимся искать заработка въ другія мѣста; матеріальная поддержка потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и т. п. Ко второй категоріи слѣдуетъ отнести функции *педагогическія*, состоящія въ устройствѣ библиотекъ, музеевъ, въ организаціи профессиональныхъ курсовъ, чтеній и такъ наз. «генеральнаго» обученія (*les cours d'enseignement général*). Къ третьей категоріи относятся всѣ мѣры *экономической самозащиты* рабочаго класса противъ стѣснительныхъ условій труда, противъ всего, что такъ или иначе можетъ отразиться неблагоприятно на интересахъ рабочихъ и т. п. Наконецъ, въ—четвертыхъ, биржи труда содѣйствуютъ всѣми мѣрами дальнѣйшей синдикальной организаціи рабочихъ, *устройству кооперативныхъ ассоціацій*, т.-е. производительныхъ и потребительныхъ обществъ; для большей успѣшности такой организаціонной работы, биржи стремятся стать центрами всякаго рода статистическихъ и экономическихъ изслѣдованій и справокъ. Соотвѣтственно такой сложной дѣятельности составляется внутренняя организаціа рабочихъ биржъ. Такъ, напримѣръ, Сентъ-Этьенская биржа управляется делегацией, образуемой представителями каждаго синдиката даннаго округа. Каждый синдикатъ отражаетъ для этого двухъ своихъ членовъ, и общее собраніе всѣхъ такихъ представителей называется «*l'Administration générale*» (главное правленіе). Всѣ они раздѣляются, затѣмъ, на отдѣльныя подкомиссіи, число которыхъ всегда соотвѣтствуетъ количеству основныхъ функций, исполняемыхъ биржей. Въ Сентъ-Этьенѣ такихъ субъ-комиссій пять. Первая—*административная*; ей принадлежатъ исполнительныя функции. Вторая—*финансово-статистическая*, завѣдующая всѣми формами матеріальной взаимопомощи, статистическими изслѣдованіями и финансовымъ контролемъ. Третья—*учебно-наблюдательная*, слѣдящая

за правильнимъ ходомъ професіональнаго обученія. Четвертая—*организаторская*, готовая всегда помочь словомъ и дѣломъ всѣмъ, стремящимся къ коопераціи, къ устройству потребительныхъ обществъ, производительныхъ товариществъ и т. п. Наконецъ, *пятая* субъкомиссія завѣдуетъ библиотечнымъ дѣломъ и издаетъ спеціальныя биржевыя органы: ей принадлежитъ редактированіе его, организація корреспонденцій, сношенія съ абонентами, закупка новыхъ книгъ для бібліотеки...

Кромѣ этихъ постоянныхъ комиссій, организуются, по мѣрѣ надобности, и временныя; послѣднія распускаются тотчасъ по исполненіи ими возложенной на нихъ задачи.

Послѣ такого общаго перечисленія различныхъ функцій, исполняемыхъ биржами труда во Франціи, перейдемъ теперь къ болѣе детальному ихъ разсмотрѣнію, причемъ, прежде, всего займемся коренной задачей этихъ биржъ, состоящей въ облегченіи рабочимъ поисковъ труда и въ помощи имъ во время безработицы. Въ этой задачѣ заключается самый жизненный нервъ биржъ труда; въ правильномъ и успѣшномъ ея исполненіи кроется залогъ ихъ популярности среди рабочихъ, а слѣдовательно, и ихъ прочности и будущаго процвѣтанія. Въ услугахъ присканія труда, приносимыхъ биржей каждому отдѣльному рабочему, заключается могущественное средство вербовки новыхъ членовъ, организація новыхъ синдикатовъ. Существующія частныя бюро для ищущихъ труда предлагаютъ свои услуги лишь за извѣстное вознагражденіе, уплачиваемое въ большинствѣ случаевъ впередъ, на рискъ потерять послѣдніе гроши, не получивъ за то никакого мѣста. Неудобство это принимаетъ особенно острый характеръ для всѣхъ тѣхъ, которые получаютъ, обыкновенно, лишь временную работу, такъ какъ тѣмъ чаще приходится дѣлать имъ свои взносы въ частныя посредническія конторы. Въ виду этого, услугами ихъ могутъ пользоваться лишь весьма немногіе, а большинству приходится разсчитывать на собственную энергію, на собственную выдержку и сноровку. Цѣлый рядъ униженій и лишеній, которыя приходится выносить при такихъ условіяхъ, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ то радостное настроеніе, въ какомъ каждый рабочій обращается къ *своей* биржѣ за содѣйствіемъ въ присканіи ему работы, зная впередъ, что за такое содѣйствіе ему не придется платиться послѣдними деньгами. Въ биржѣ труда ему стоитъ лишь заявить свою професію и свой адресъ; въ случаѣ оказавшагося спроса на его трудъ, ему сообщаютъ объ этомъ немедленно по почтѣ, не взирая даже почтовыхъ расходовъ. Благодаря такимъ услугамъ, авторитетъ биржи труда растетъ даже въ глазахъ наиболѣе равнодушныхъ рабочихъ; этими же услугами объясняется и быстро усиливающаяся популярность ея въ средѣ трудящихся. Но посреднической функціи рабочихъ биржъ оказываютъ пока мѣсть сильную конкуренцію подобныя же муниципальныя бюро. Предлагая рабочимъ самыхъ различныхъ категорій свои даровыя услуги, муниципальныя посредническія конторы пользуются тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что

къ нимъ съ большей охотой, чѣмъ къ рабочимъ биржамъ обращаются всѣ работодатели, въ силу чего *спросъ* на трудъ всегда болѣе силенъ въ городскихъ бюро. Отсюда враждебное отношеніе биржъ труда къ муниципальному посредничеству и стремленіе ихъ всѣми силами монополизировать посредническое дѣло исключительно въ своихъ рукахъ. Съ этой цѣлью намѣченъ уже цѣлый рядъ мѣръ, какъ-то: предупрежденіе образованія новыхъ муниципальных посредничествъ въ городахъ, гдѣ его еще нѣтъ, путемъ собственной энергичной дѣятельности; организація посреднической корреспонденціи между ищущими труда и биржами; солидарное содѣйствіе рабочихъ биржъ другъ другу и даже централизація посредническаго дѣла въ одномъ важнѣйшемъ пунктѣ, а также и другія мѣры, дѣлающія ихъ посредничество болѣе цѣннымъ въ глазахъ рабочихъ, чѣмъ услуги, предлагаемыя имъ со стороны муниципалитетовъ. Къ числу послѣднихъ мѣръ, осуществленныхъ уже на практикѣ, относится упомянутый нами выше «віатикъ»—одна изъ значительнѣйшихъ услугъ, оказываемыхъ рабочему существующими биржами. Такъ называемый «віатикъ» состоитъ въ предоставленіи рабочимъ, являющимся въ какой-либо городъ, въ видахъ полученія работы, извѣстнаго дароваго помѣщенія, въ самой ли биржѣ или въ снятой для этой цѣли частной гостинницѣ, на все то время, какое необходимо рабочему для посѣщенія всѣхъ мастерскихъ данной профессіи. Если въ результатъ такого посѣщенія работы не окажется, рабочему предоставляется возможность отправиться въ другой, сосѣдній городъ. Значеніе этой помощи для каждаго отдѣльнаго рабочаго неопредѣлимо. Кромѣ непосредственной пользы, приносимой ему этимъ институтомъ, есть еще не менѣе важная польза косвенная, состоящая въ пробужденіи и укрѣпленіи товарищескихъ чувствъ въ каждомъ рабочемъ, въ поднятіи его духа, въ уменьшеніи бродяжничества и т. д. Благодаря віатику, рабочіе менѣе склонны теперь принимать работу на самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ, что благоприятно отражается на высотѣ заработной платы и способствуетъ болѣе равномерному распредѣленію рабочихъ силъ по отдѣльнымъ городамъ. Въ послѣднее время увеличивается число биржъ, дающихъ странствующимъ рабочимъ пріютъ въ собственныхъ помѣщеніяхъ; съ этою цѣлью залы, предназначенныя для собраній рабочихъ синдикатовъ, обращаются на ночь, благодаря системѣ гамаковъ, въ обширные дортуары. Биржа труда въ Béziers отдѣлила для спаленъ два специальныхъ зала, для женщинъ и мужчинъ, и даже устроила кухню для тѣхъ изъ женщинъ, которыя почему-либо не желали бы столоваться въ народныхъ кухмистерскихъ. Вечера въ такихъ биржахъ не проходятъ напрасно; собравшихся стараются развлечь чтеніями, общепользными бесѣдами и т. п., что способствуетъ умственному и нравственному развитію рабочаго класса.

Подобная помощь рабочимъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно организована,—нѣтъ, напримѣръ, надлежащаго контроля за приходя-

щими и уходящими, за добросовѣстностью лицъ, пользующихся этой помощью, нѣтъ однообразія и постоянства послѣдней. Зло это, однако, сознано уже биржами, поручившими своему федеральному комитету составить проектъ новой организаціи «віатика». Въ центральномъ ихъ органѣ «*L'Ouvrier des Deux Mondes*» мы находимъ основныя черты даннаго проекта, окончательная судьба котораго должна рѣшиться на междунарочномъ конгрессѣ биржъ труда лѣтомъ 1900 года въ Парижѣ. По новому порядку, «віатикъ» можетъ практиковаться только по отношенію къ рабочимъ, состоящимъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ членами какого-либо профессиональнаго синдиката. Кромѣ того, въ условіе включается также аккуратный платежъ причитающихся съ нихъ членскихъ взносовъ, за исключеніемъ, конечно, безработицы или болѣзни, а также оставленіе прежняго мѣстожителства лишь въ силу потери труда или требованія солидарности. По прибытіи въ новый городъ, рабочій получаетъ отъ секретаря мѣстной биржи адреса всѣхъ существующихъ въ этомъ городѣ мастерскихъ соотвѣтственной профессіи, которыя онъ обязанъ обойти, причемъ эти визиты свидѣтельствуются работающими въ мастерскихъ мѣстными членами синдикатовъ. Найдя работу, пришедшій не въ правѣ принять ее за плату, которая была бы ниже обычной въ данномъ мѣстѣ. Для образованія необходимаго капитала и покрытія текущихъ расходовъ взимается съ каждаго рабочаго *десять* сантимовъ въ мѣсяць. Каждые четыре мѣсяца составленная такимъ образомъ сумма распределяется по биржамъ, соотвѣтственно ихъ нуждамъ. Въ основу финансовой части проекта было положено статистическое изслѣдованіе слѣдующаго рода. Каждая изъ биржъ труда сообщила федеральному комитету о числѣ членовъ каждаго приуроченнаго къ ней синдиката, о годичномъ процентѣ лицъ, остающихся безъ работы, о средней продолжительности безработицы и т. д. Въ результатѣ такой анкеты оказалось, что въ годъ на каждые сто рабочихъ 15 остаются безработными, а число прогульныхъ дней простирается до 90 или трехъ мѣсяцевъ, и что на вытекающіе отсюда расходы пойдетъ ежегодно не болѣе 90⁰/₁₀₀ всѣхъ членскихъ взносовъ.

Организаціей контроля и финансовой части проектъ федеративнаго комитета не ограничился. Съ момента введенія новаго порядка, этотъ комитетъ станетъ издавать еженедѣльный вѣстникъ, въ которомъ будутъ регистрироваться условія труда въ округѣ каждой отдѣльной биржи, что дастъ возможность каждому рабочему точно знать, въ какомъ направленіи ему слѣдуетъ отправиться за поисками труда и заработка. Если принять во вниманіе, что число всѣхъ рабочихъ, группирующихся около существующихъ биржъ труда, простирается до трехсотъ тысячъ, то важное соціальное значеніе уже одной этой функціи биржъ станетъ особенно яснымъ. Но, какъ мы отмѣтили уже выше, дѣятельность этихъ учрежденій съ каждымъ днемъ растетъ и въ глубину, и въ ширину; кромѣ «віатика», биржи труда даютъ матеріальную

поддержку безработнымъ, больнымъ, потерпѣвшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и т. д. Для каждаго такого вида помощи существуютъ особыя кассы и особые взносы. Для покрытія всѣхъ расходовъ принимаются экстраординарные сборы во время корпоративныхъ собраний и празднествъ. Кроме того, нѣкоторыя биржи имѣютъ кассы безвозмездныхъ ссудъ, подъ одно лишь ручательство синдиката, а также особыя кассы для женщинъ во время родовъ: каждая изъ такихъ женщинъ имѣетъ право на тридцатидневную помощь въ размѣрѣ 3 франковъ 50 сантимовъ ежедневно...

Таковы въ краткихъ чертахъ функціи взаимопомощи, исполняемыя въ настоящее время биржами труда во Франціи. Переходимъ ко второй категоріи дѣятельности этихъ биржъ къ *функціи педагогической*. Тутъ мы встрѣчаемся съ замѣчательной попыткой французскаго рабочаго класса организовать, на свой страхъ и рискъ и по собственной лишь инициативѣ, воспитательно-образовательное дѣло на совершенно новыхъ началахъ. Въ то время какъ французское правительство вмѣстѣ съ представителями буржуазной интеллигенціи трудятся надъ оживленіемъ застывшей системы средняго и высшаго образованія, французскій пролетаріатъ, опираясь исключительно на собственныя силы, уже фактически реформируетъ народное образованіе соотвѣтственно новымъ запросамъ современной общественной жизни. Удастся ли официальнымъ педагогамъ Франціи обновить среднюю и высшую школу, мы не беремся судить; мы склонны лишь думать, что существенныхъ реформъ отъ этихъ педагоговъ врядъ ли можно дожидаться. Разлагающаяся система традиціоннаго образованія будетъ лишь немножко «модернизирована», прикрашена и нѣсколько оживлена. Процессъ разложенія будетъ идти своимъ чередомъ, пока новые ростки, показывающіеся уже и теперь, благодаря частной инициативѣ, не окрѣпнутъ настолько, чтобы стать рѣшающимъ факторомъ въ тѣхъ или иныхъ судьбахъ просвѣтительнаго дѣла страны. Такіе новые ростки и показываются теперь въ тѣхъ попыткахъ, какія предпринимаются биржами труда въ цѣляхъ *реальнаго* образованія и *общественнаго* воспитанія рабочихъ массъ. Еще въ 1889 году въ зданіи парижской биржи труда засѣдалъ «свободный конгрессъ воспитанія», разрѣшавшій вопросъ объ организаціи просвѣтительнаго дѣла на новыхъ началахъ. Резолюція, принятая этимъ конгрессомъ, гласитъ, между прочимъ, что «общественное воспитаніе должно имѣть цѣлью интегральную культуру человѣческихъ силъ и способностей въ видахъ соціальнаго процесса,—другими словами, оно должно быть подготовленіемъ чловѣка въ нравственномъ и промышленномъ отношеніи къ лучшему будущему, несущему съ собой исчезновеніе неравенства и несправедливости, эксплуатаціи и привилегій, невѣжества и суевѣрій». Согласно той же резолюціи, образовательное дѣло «должно носить характеръ исключительно *научный* и опираться на методы наблюденія и экспери-

мента»; воспитательное дѣло должно быть поручено ассоціаціямъ педагоговъ и вестись подъ контролемъ всѣхъ классовъ и группъ, являющихся представителями особыхъ соціальныхъ интересовъ, пропорціоально ихъ важности; общественное воспитаніе должно быть не только *обязательно*, но и *доступно* всѣмъ вплоть до шестнадцатилѣтняго возраста; каждое дитя, начиная съ рожденія и до шестнадцати лѣтъ, должно находиться подъ общественнымъ покровительствомъ, защищающимъ его отъ семейнаго, педагогическаго и патрональнаго произвола». На томъ же конгрессѣ была учреждена «международная ассоціація воспитателей» въ цѣляхъ «собиранія документовъ и фактовъ, относящихся къ экспериментальной педагогической наукѣ, а также распространенія идей свободы, справедливости и экономической солидарности между народами» *).

Попытка организаціи международной и свободной ассоціаціи воспитателей, правда, такъ и осталась попыткой; ея рожденіе было преждевременнымъ. Тяжкая экономическая борьба, непосредственныя задачи рабочаго движенія черезчуръ ревниво поглощаютъ пока всѣ свободныя силы современнаго пролетаріата, чтобы воспитательное дѣло могло быть имъ организовано соотвѣтственно идеалу, оповѣщенному впервые парижскимъ конгрессомъ. Но не, смотря на это, желанія, выраженные на немъ, не остались платоническими; наоборотъ, ояъ далъ толчекъ цѣлому ряду мѣръ, предпринятыхъ и осуществленныхъ уже биржами труда для надлежащаго просвѣщенія и воспитанія рабочихъ массъ. То, что еще остается сдѣлать въ данномъ направленіи, превышаетъ, конечно, сдѣланное, но и теперь уже содѣйствіе биржъ труда народному просвѣщенію настолько велико, что Edouard Petit въ своемъ официальномъ рапортѣ министру народнаго просвѣщенія, отъ 27 іюля 1898 года, замѣтилъ по ихъ адресу, что «биржи труда становятся университетомъ рабочихъ» **). И дѣйствительно, внутренняя тенденція этихъ учреждений отмѣчена имъ вѣрно. Современная биржа труда это еще не разившійся организмъ, это скорѣе соціальныи эмбрионъ будущаго, скрывающій въ себѣ здоровыя силы и самыя разностороннія способности.

Биржи труда во Франціи организуютъ профессиональные курсы, распространяютъ общее образованіе, устраиваютъ библіотеки и читальни, основываютъ народную прессу,—словомъ, стремятся всюду распространить свѣтъ реального знанія, чтобы такимъ путемъ возмѣстить тотъ ущербъ, какой терпитъ рабочій въ силу однообразія и чрезмѣрной продолжительности своего труда. Распространяя среди рабочихъ профессиональное образованіе, биржи труда доказали не только

*) «*Annuaire de la Bourse du Travail*», 1899: Congrès libre international de l'éducation, tenu à la Bourse du Travail 21—25 Sept. 1889.

**) Rapport au ministre de l'Instruction publique, «*Journal officiel*», 27 juillet 1898.

свою чуткость къ насущнымъ запросамъ рабочаго, но и глубокое пониманіе интересовъ страны. Дѣло въ томъ, что еще въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія былъ констатированъ во Франціи упадокъ ея обрабатывающей промышленности. Первый забилъ тревогу въ 1853 г. де-Лабурдъ въ официальномъ докладѣ министру торговли, гдѣ, между прочимъ, указывалось на отсутствіе у рабочихъ профессиональнаго образованія, какъ на главную причину промышленнаго упадка. Практическихъ послѣдствій этотъ докладъ не имѣлъ: вопросъ долженъ былъ вначалѣ «созрѣть», и этотъ процессъ созрѣванія продолжался до 1881 года, когда сочли, наконецъ, нужнымъ созвать виѣнпарламентскую комиссію, состоящую изъ 150 предпринимателей и директоровъ разныхъ школъ, для обсужденія вопроса о средствахъ подъема французской индустріи, Комиссія единогласно высказалась, что такимъ средствомъ можетъ быть лишь организація промышленнаго и художественнаго образованія. Спустя три года созывается новая комиссія, на сей разъ парламентская, пришедшая къ тѣмъ же результатамъ: кризисъ, по ея заявленію, принялъ уже характеръ національной опасности. Лишь теперь правительство признавалось и рѣшило командировать своего представителя Вашона въ Англію, Германію и Австрію для непосредственнаго изученія ихъ профессиональныхъ школъ, музеевъ, художественныхъ ассоціацій, имѣющихъ близкое прикосновеніе къ индустріи. Такая подготовительная работа продолжалась до 1896 года, когда тому же Вашону было поручено изслѣдованіе главныхъ центровъ индустріи раціональной. Итоги получились самые печальные. Вашонъ констатировалъ не только общій упадокъ промышленнаго дѣла, но даже исчезновеніе нѣкоторыхъ художественныхъ ремеслъ, находившихся раньше въ состояніи процвѣтанія, какъ, напр., гончарнаго и стекольнаго искусствъ, ювелирнаго дѣла, выдѣлки кружевъ и т. д. Въ его докладѣ приводятся такіе, на примѣръ, факты, какъ упадокъ мебельной мануфактуры въ Тулузѣ, ювелирнаго искусства въ Марсели, фарфоровыхъ издѣлій въ Лиможѣ и цѣлый рядъ другихъ, какъ нельзя лучше объясняющихъ сокращеніе вывоза всѣхъ этихъ издѣлій за границу и, параллельно этому, усиливающійся ввозъ иностранныхъ продуктовъ.

Въ то время, когда французское правительство дѣлаетъ свои изслѣдованія и созываетъ комиссіи, биржи труда, по мѣрѣ силъ и возможности, устраиваютъ профессиональные курсы, организуютъ практическія упражненія въ ремеслахъ, стремятся поднять общій духовный уровень рабочихъ, составляютъ спеціальныя бібліотеки по той или иной отрасли промышленности. Такъ, биржа труда въ Марсели организовала курсы столярнаго дѣла, металлургіи, плотничества, типографскаго искусства, сапожнаго и портняжнаго кроя. Въ Сентъ-Этьеннѣ рабочіе имѣютъ возможность учиться чертежному искусству, строительной геометріи, межеванію и т. п. Тулузская биржа, благо-

даря пособію отъ города въ размѣрѣ одиннадцати тысячъ франковъ ежегодно, устроила курсы по 16 самостоятельнымъ ремесламъ и открыла образцовую типографскую мастерскую. Въ Парижѣ и Нимѣ, кромѣ профессиональныхъ курсовъ, организованы лекціи и по общимъ предметамъ. Такъ, Парижская биржа труда вошла въ соглашеніе съ политехнической ассоціаціей, отряжающей на ея курсы своихъ профессоровъ, читающихъ лекціи по индустріальному электричеству, коммерческой бухгалтеріи, стенографіи, рисованію, механикѣ, прикладной химіи, практической геометріи, коммерческому и промышленному праву, нѣмецкому и англійскому языку. Особенно образцово и широко организованы курсы въ Нимѣ. Техническое обученіе, даваемое этой биржей, простирается на ариметику, геометрію, механику, счетоводство, коммерческую географію, товаровѣдѣніе. Въ программу общаго или «дополнительнаго» обученія входятъ испанскій языкъ, медицина, законодательство и практическая хирургія. На очереди, какъ и въ Парижѣ, стоятъ курсы по политической экономіи, гигиенѣ, социологіи и философіи. Биржа труда въ Клермонъ-Ферранъ, за отсутствіемъ необходимыхъ матеріальныхъ средствъ, не имѣетъ профессиональныхъ курсовъ, но зато, благодаря сочувственному содѣйствію профессоровъ мѣстнаго университета, устраиваетъ каждую зиму публичныя лекціи для рабочихъ по вопросамъ общественно-экономическимъ и научнымъ.

Кромѣ перечисленныхъ видовъ просвѣтительной дѣятельности биржъ труда во Франціи, каждая изъ нихъ имѣетъ свою бібліотеку съ читальней, отличающаяся отъ обыкновенныхъ частныхъ бібліотекъ свѣжимъ, сравнительно, небольшимъ размѣромъ, но зато и строгимъ подборомъ заключающихся въ нихъ журналовъ и книгъ. Рабочія биржевыя бібліотеки отличаются, въ этомъ отношеніи, чисто пуританскимъ характеромъ. Просматривая ихъ каталоги, нельзя не замѣтить, что при выборѣ этихъ нѣсколькихъ сотенъ книгъ руководящимъ критеріемъ служили не только экономическія соображенія, весьма, впрочемъ, умѣстныя, если принять во вниманіе, что эти бібліотеки составляются на скудныя рабочія деньги, но также опредѣленный идеалъ, долженствующій, при посредствѣ данныхъ книгъ, озарить своимъ свѣтомъ всѣхъ, питающихся изъ этого источника. Наиболѣе богатой бібліотекой можно считать теперь парижскую, имѣющую около трехъ тысячъ томовъ по самымъ различнымъ отраслямъ науки: политической экономіи, физикѣ, химіи, беллетристикѣ, антропологіи, социологіи и т. д. Тутъ вы встрѣтите и Дарвина, и Сень-Симона, и Геккеля, и Адама Смита, Эмиля Золя и Гюйо, Шатобріана, Реклю, Карла Маркса, Гюго, Анатоля Франса... Изъ сферы беллетристики особенно строго изъято все, что способно лишь, отнявъ у рабочаго его свободные часы, деморализовать его чувство и умъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, просвѣтительная дѣятельность биржъ труда. Понятное дѣло, что результаты такой дѣятельности благо-

творно отразятся не только на умственномъ и нравственномъ развитіи рабочихъ, но и на положеніи всей промышленности въ странѣ, получающей новые кадры рабочихъ съ надлежащей профессиональной подготовкой.

Находясь еще въ періодѣ развитія, французскія биржи труда не могутъ, конечно, удовлетвориться уже сдѣланнымъ; живыя силы, таящіяся въ этихъ учрежденіяхъ, побуждаютъ ихъ къ новымъ затѣямъ, къ болѣе широкимъ планамъ. На очереди стоитъ теперь вопросъ объ устройствѣ въ помѣщеніяхъ этихъ биржъ особыхъ «музеевъ труда», задача которыхъ заключалась бы въ наглядномъ обученіи рабочихъ всѣмъ важнѣйшимъ общественнымъ явленіямъ современной жизни. «Трактаты политической экономіи, цѣлый рядъ брошюръ и книгъ по общественнымъ вопросамъ,—читаемъ мы въ «L'Ouvrier des Deux Mondes»,—дѣлаютъ лишь половину дѣла. Для полнаго пониманія этихъ вопросовъ необходимо, чтобы передъ глазами рабочаго была представлена наглядная картина современнаго производства, обмѣна и распредѣленія продуктовъ! Вотъ, напримѣръ, образцы нитей и волоконъ, употребляемыхъ въ ткацко-прядильныхъ заведеніяхъ Аміена. Мы знаемъ, вѣроятно, сколько получаютъ рабочіе въ этихъ заведеніяхъ, равно какъ и въ прядильняхъ другихъ мѣстностей. Но что даютъ намъ эти цифры? Почти ничего, такъ какъ мы не знакомы со всѣми сопровождающими эти данныя условіями, именно: съ цѣною сырыхъ продуктовъ въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго добыванія и по прибытіи въ мануфактуры, другими словами, съ долей, взимаемой транзитомъ, таможенными, комиссіонерами; далѣе съ мѣстными цѣнами на первые предметы потребленія, квартиры и т. п., т. е. съ минимумомъ необходимѣйшихъ расходовъ рабочаго данной мѣстности; въ какомъ количествѣ и по какой цѣнѣ фабрикантъ сбываетъ свой продуктъ, и въ какую цѣну обходится онъ розничнымъ покупателямъ. Кромѣ того, каждый образчикъ фабриката, выставленнаго въ музеѣ, можетъ быть сопровождаемъ объясненіями по вопросу о продолжительности рабочаго дня въ данномъ производствѣ, объ общественномъ положеніи и условіяхъ жизни производителя даннаго продукта и его потребителя и т. п.

Въ подобномъ музеѣ рабочіе получали бы «нѣмые» уроки по политической экономіи и смежнымъ общественнымъ вопросамъ, благодаря чему они научились бы глубже понимать, современные социальныя явленія, ихъ взаимозависимость и законсообразность.

Такова одна изъ ближайшихъ задачъ рабочихъ биржъ во Франціи. Осуществима ли она? Мы думаемъ, что, познакоившись съ ихъ современной дѣятельностью на основаніи уже всего вышесказаннаго, нельзя найти въ этомъ превосходномъ проектѣ музеевъ труда ничего утопическаго. Кто могъ организовать профессиональные курсы, устроить образцовыя бібліотеки, привлечь лучшія силы къ публичнымъ лекціямъ по общенаучнымъ вопросамъ, тому не въ диковину сдѣлать еще

и этотъ шагъ впередъ. Мы готовы согласиться, что при ближайшемъ знакомствѣ со всей этой социально-педагогической дѣятельностью, съ широтой ея плановъ, рациональностью осуществленія, новизной руководящихъ идей, наконецъ, съ замѣчательной цѣлесообразностью учреждаемыхъ ею институтовъ, въ душѣ всякаго посторонняго человѣка можетъ возникнуть въ первый моментъ не только глубокое изумленіе, но и недоувѣріе: возможно ли, чтобы эти крупныя начинанія въ области народнаго просвѣщенія были проведены не государствомъ, не муниципальными управленіями, наконецъ, не такъ наз. «обществомъ», т. е. всевозможными доброжелателями, а самими же рабочими, на ихъ собственный счетъ. Между тѣмъ это такъ: биржи труда—дѣтище чисто народное, это продуктъ и выраженіе народной мысли, народной воли и народныхъ чувствъ. По нимъ можно судить о благотворности того новаго идеализма, нетронутая и неисчерпаемая сокровища котораго лежали до сихъ поръ безъ приложенія въ «запасныхъ магазинахъ» человѣческой исторіи, и который оказался въ состояніи даже столь скомпрометированному слову — «биржа» придать новое, благородное значеніе.

Каково отношеніе биржъ труда къ новѣйшимъ *экономическимъ* запросамъ и теченіямъ жизни, а равно къ тѣмъ спорнымъ пунктамъ, которые возбудили въ послѣднее время столько толковъ и дебатовъ въ заграничной прессѣ и прежде всего къ аграрному вопросу?

Эти вопросы были поставлены, въ 1896 году, на разрѣшеніе конгресса федеральнаго комитета биржъ труда, и затѣмъ, разъ поставленные на очередь, они служатъ предметомъ обсужденія и послѣдующихъ сѣздовъ. Какъ распространить воспитательное вліяніе рабочихъ биржъ и на аграрное населеніе? Какими мѣрами содѣйствовать образованію и дальнѣйшему развитію синдикатовъ, производительныхъ ассоціацій и потребительныхъ обществъ?

Аграрнымъ вопросомъ, еще раньше биржъ труда, занялся марсельскій рабочій конгрессъ 1892 года и выработалъ свою первую аграрную программу. Для безземельныхъ рабочихъ она требуетъ установленія минимальной заработной платы, отдачи обществамъ рабочихъ для коллективной обработки въ аренду государственныхъ земель и т. п. Въ интересахъ малоземельныхъ крестьянъ выставлены были слѣдующія требованія: покупка общинами сельскохозяйственныхъ машинъ для отдачи крестьянамъ на прокатъ, образованія крестьянскихъ товариществъ для покупки удобренія и для продажи продуктовъ, отиѣна налога на недвижимую собственность. На нантскомъ конгрессѣ 1894 года была выработана новая программа, гдѣ, между прочимъ, указывалось на предстоящую фатальную гибель мелкаго земледѣльческаго хозяйства и рѣшено «не ускорять» этой гибели, а, наоборотъ стремиться «удержать въ рукахъ самостоятельно работающихъ крестьянъ ихъ клочки земли отъ фиска, ростовщиковъ и посягательства крупныхъ землевладѣль-

девь». Какъ извѣстно, Фр. Энгельсъ нашелъ эти программы неудачными и не свободными отъ внутреннихъ противорѣчій. Аграрная проблема и до сихъ поръ еще ждетъ своего полного разрѣшенія. Тѣмъ болѣе становится интереснымъ, какъ отнеслись къ ней представители биржъ труда, рѣшившіе распространить свою дѣятельность и на жителей французскихъ селъ и деревень.

На тулузскомъ конгрессѣ биржъ труда былъ доложенъ по данному вопросу интересный докладъ одного изъ депутатовъ, нѣкоего Arcés-Sacré, близко знакомаго съ условіями деревенской жизни Франціи, и въ виду того, что изложенные въ этомъ докладѣ взгляды легли уже въ основу аграрной дѣятельности нѣкоторыхъ биржъ, мы передаемъ ниже его болѣе существенныя мѣста.

Докладъ дѣлитъ все деревенское населеніе на три разряда: 1) сельскохозяйственныхъ рабочихъ, 2) самостоятельныхъ мелкихъ земледѣльцевъ и 3) рабочихъ въ разнаго рода сопредѣльныхъ съ земледѣліемъ, главнымъ образомъ, кустарныхъ промыслахъ. Изъ всѣхъ этихъ категорій первая наименѣе доступна какимъ бы то ни было внѣшнимъ на нее воздѣйствіямъ, и виною этому—существующія условія жизни и трудъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Всѣ эти жнецы, молотильщики, плужники, кучера, пастухи и т. д. получаютъ свои харчи и живутъ на частныхъ фермахъ тѣхъ землевладѣльцевъ, на которыхъ они работаютъ. Въ 8 часовъ вечера ворота фермы затворяются, и никому нельзя ни войти, ни выйти. Лишь въ воскресенье, и то только въ послѣобѣденное время, они пользуются свободой или, вѣрнѣе, полусвободой, такъ какъ въ сельскомъ хозяйствѣ все требуетъ неустаннаго къ себѣ вниманія и ухода. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности поддерживать съ этими людьми непосредственныя связи, и является потребность въ посторонней помощи лицъ, ближе соприкасающихся съ частновладѣльческими фермами. Въ качествѣ такого посредника является населеніе двухъ послѣднихъ категорій—мелкіе земледѣльцы и кустарные рабочие, представляющіе, кромѣ того, сами по себѣ среду, удобную для просвѣтительныхъ воздѣйствій биржъ труда. Докладъ, вообще, далекъ отъ обычнаго пессимизма; виною крайней отсталости этого населенія служить не столько его врожденная консервативность, сколько непрактичность тѣхъ мѣръ, какія предпринимались до сихъ поръ для его развитія. «Чувство товарищества присуще крестьянину, быть можетъ, болѣе, чѣмъ рабочему населенію городовъ», замѣчаетъ докладъ, указывая на удачныя кооперативныя попытки въ средѣ земледѣльцевъ Бельгіи и Даніи. Необходимо лишь, для большей успѣшности дѣла, чтобы въ составъ одного и того же аграрнаго синдиката входили не только одно земледѣльческое населеніе, но и рабочіе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ—мельники, телѣжника, столяры, сапожники, представляющіе наиболѣе интеллигентную часть сельскихъ обывателей. Это—люди, способные все разъяснить, дать совѣтъ, распутать какое-либо сложное

дѣло и т. п. Изъ всѣхъ этихъ лицъ и слѣдуетъ составлять аграрные синдикаты подъ общимъ именемъ «синдикатовъ земледѣльческихъ рабочихъ и мелкой промышленности». Съ лицами первой категоріи они бы сносились посредствомъ особыхъ секретарей-делегатовъ, избираемыхъ сельскохозяйственными рабочими изъ посторонней независимой среды: задача такихъ секретарей состояла бы въ поддержаніи постоянныхъ связей между этими рабочими и синдикатами, въ веденіи корреспонденціи, передачѣ книгъ и газетъ. Главное усиліе должно быть, конечно, направлено къ тому, чтобы заинтересовать данные слои населенія вступленіемъ ихъ въ синдикаты и присоединеніемъ къ одной изъ ближайшихъ биржъ. И вотъ тутъ возникаетъ вопросъ: съ чѣмъ представители этихъ биржъ явятся къ сельскому населенію, какіе непосредственныя выгоды они ему предложить и какія перспективы будущаго они ему откроютъ. Марсельскія и нантскія программы, какъ выше упомянуто, предсказываютъ крестьянству въ ближайшемъ будущемъ полное разореніе, при чемъ, наперекоръ собственнымъ же пророчествамъ, предлагаютъ ему свое содѣйствіе въ дѣлѣ удержанія ихъ клочковъ земли отъ поглощенія фискомъ, ростовщиками и крупными землевладѣльцами. Докладчикъ тулузскаго конгресса отнесся къ дѣлу болѣе послѣдовательно: онъ признаетъ, что современное положеніе мелкаго земледѣлія очень плохо и что будущее его еще хуже; онъ вполне присоединяется къ гипотезѣ о существованіи экспроприрующаго процесса въ сферѣ добывающей, какъ и обрабатывающей промышленности. Мало того, онъ полагаетъ даже, что и образованіемъ земледѣльческихъ товариществъ не спасти крестьянъ отъ усиливающагося разоренія: не успѣемъ мы, говоритъ докладчикъ, доставить мелкому земледѣлію, при посредствѣ ассоціацій, всѣ выгоды крупнаго, какъ и въ сферѣ послѣдняго возникнуть союзы, подобно тому, какъ это уже имѣетъ мѣсто въ Бельгіи и Германіи. При борьбѣ же крестьянскихъ и землевладѣльческихъ союзовъ между собою выйдетъ побѣдителемъ, конечно, сторона, располагающая большими капиталами. Всѣ эти соображенія нисколько, однако, неспособны подорвать значеніе аграрныхъ синдикатовъ и, вообще, крестьянскихъ товариществъ; благодаря имъ, мы приучимъ земледѣльцевъ и прочихъ сельскихъ жителей къ совместной солидарной работѣ, мы покажемъ имъ всѣ выгоды, какія можетъ принести трудъ сообща и, въ то же время, изъ всѣхъ поражений и бѣдствій, какія, вопреки кооперативнымъ усиліямъ, будутъ постигать мелкое земледѣліе, мы извлечемъ для нихъ поучительные уроки, въ смыслѣ характеристики современнаго индивидуалистическаго хозяйства.

Соотвѣтственно такой программѣ, биржи труда во Франціи и приступили въ послѣдніе годы къ просвѣщенію и корпоративному воспитанію крестьянъ. Биржи въ Нарбоннѣ, Монпелье, Каркасонѣ, Нантѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ успѣли уже сгруппировать вокругъ

себя нѣсколько аграрныхъ синдикатовъ. Практическая программа, выработанная этими биржами, вполне доступна пониманію сельскихъ учителей. Корпоративное воспитаніе сводится къ такимъ мѣрамъ, какъ организація общей доставки на сосѣдніе рынки сельскихъ продуктовъ, при посредствѣ небольшого количества телѣгъ, животныхъ и личнаго персонала; устройство общихъ пастбищъ, корпоративныхъ маслобоекъ и сыроваренъ; коллективная закупка сѣмянъ, удобренія, сельскохозяйственныхъ орудій и инструментовъ. Крімъ того, биржи труда входятъ въ непосредственныя сношенія съ покупателями сельскихъ продуктовъ для посредничества съ производителями; защищаютъ ихъ интересы передъ судомъ и предлагаютъ свое третейское посредничество спорящимъ сторонамъ; доставляютъ мѣста ищущимъ заработка и стремятся къ улучшенію условій труда для сельскохозяйственныхъ рабочихъ. При всемъ этомъ, онѣ не упускаютъ изъ виду и умственного просвѣщенія массъ, устраивая бібліотеки, литературные вечера, распространяя книги, газеты и т. д.

Биржи труда возлагаютъ большія надежды на устраиваемые ими аграрныя синдикаты и на принятые методы ихъ умственного и нравственнаго воспитанія. Такія же надежды онѣ возлагаютъ и на другія формы экономической дѣятельности, поставленныя ими на очередь: на устройство крестьянскихъ производительныхъ ассоціацій, потребительныхъ обществъ, на федерацію этихъ послѣднихъ съ производительными товариществами. Парижскія потребительныя общества, воодушевленные этимъ новымъ кооперативнымъ движеніемъ, образовали между собой союзъ подъ названіемъ «*Биржи рабочихъ потребительныхъ товариществъ*», преслѣдующій задачи, подобныя поставленнымъ биржами труда. Вообще, выражаясь словами Пеллютье, секретаря федераціи этихъ биржъ, въ современномъ кооперативномъ движеніи Франціи замѣчается «*нравственный переворотъ*», причемъ руководящая роль въ этомъ здоровомъ кризисѣ все болѣе концентрируется вокругъ биржъ труда, и не пройдетъ десяти лѣтъ, говоритъ Пеллютье, какъ французская кооперація будетъ совершенно преобразована.

Ев. Лозинскій.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Люблю я первый снѣгъ,—когда въ морозный день
На небо набѣжитъ серебряная тѣнь,
И, словно сдутыя, посыплются снѣжинки.
Сначала рѣдкія дрожащія пылинки
Мелькаютъ призрачно, чуть видны глазамъ;
Потомъ—пушинка, двѣ... еще... то здѣсь, то тамъ...
Все чаще, все крупнѣй... И вотъ ихъ рой сгустился,
Живѣй завихрился, смѣлѣе закружился...
И въ платье, и въ лицо впиваются онѣ,
И внизъ, и вверхъ летятъ, и гинуть въ сторонѣ.
Не видно ничего за сѣткою волнистой,
А на земнѣ лежитъ уже коверъ пушистый...
Какъ весело глядѣть! Какъ дышется легко!
И въ прошлое мечта уносить далеко...
И хочется бродить, и бѣгать, и смѣяться,
Иль вихремъ по полю на рѣзвой тройкѣ мчаться...

А. Колтоновскій.

ПИСЬМА НЕНОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВѢКА.

Андрея Немоевскаго.

Переводъ съ польскаго М. Траповской.

(Окончаніе *).

ПИСЬМО XXXV.

Хорошо, Людвигъ, хорошо—такъ мнѣ и надо!

Вы ловко цѣпились... каждое слово попало въ цѣль... Но я не думаю брать щита, не стану загоразживаться и софизмами...

Давайте лучше толковать объ искусствѣ!

У меня ужъ на эту тему составленъ въ головѣ цѣлый планъ. Это будетъ цѣлая книга.

Что это будетъ за книга! Ей-Богу, наши читатели и художники расхватаютъ ее!

Мнѣ кажется, я уже вижу ее, эту книгу, т.-е. не книгу собственно, а только ея остовъ. Въ ней, точно въ строящемся зданіи, есть и фундаментъ, и стропила, и балки, есть и башенка, на которой будетъ развѣваться знамя.

Фундаментъ ея—это четыреста страницъ въ восьмушку. Ея стропила—это главы, раздѣленные на массу параграфовъ. Если бы меня теперь спросили, что я изъ этой книги вижу въ данную минуту, я изобразилъ бы въ воздухъ рядъ такихъ знаковъ: § § § § § § § §

Изъ такихъ же знаковъ составлены и балки, и перекладки башенки. А на знамени, въ видѣ девиза, тотъ же самый знакъ...

А дальше что??

Возьмемъ какую-нибудь чудовищныхъ размѣровъ мельницу, вложимъ въ нее буквы, взятыя со всѣхъ печатныхъ станковъ со всего міра, и станемъ вертѣть рукоятку, выпуская наудачу по нѣсколько буквъ—вѣдь составятся же, чортъ возьми, какія-нибудь слова. Слова эти мы нагѣпимъ на остовъ нашей книжки—и, право, получится у насъ такая прелестная книжка, что наше эстетическое чувство ничуть не пострадаетъ.

*) См. «Міръ Вошія», № 2, февраль 1900.

Были вѣкогда у людей сивиллины книги, изъ которыхъ люди могли черпать мудрые совѣты. Но книги эти были запечатаны семью печатями, и непосредственный доступъ къ нимъ имѣли только жрецы, которые и объявляли безтолковому народу то, что находили нужнымъ. Случилось однажды, что вѣкій юноша, не довѣряя мудрости жрецовъ, пробрался ночью въ храмъ. Усталая весталка дремала подлѣ свѣтильника съ вѣчнымъ огнемъ, который совсѣмъ погасъ за это время. Юноша былъ пораженъ, и у него явилось подозрѣніе, не есть ли только символъ этотъ такъ называемый вѣчный огонь, который весталки зажигаютъ, когда онѣ не спятъ. Покачалъ онъ въ недоумѣніи головой и пошелъ дальше. Тихонько, на цыпочкахъ, ошупью пробираясь въ потемкахъ, подкрался онъ туда, гдѣ за таинственной завѣсой былъ сокрытъ священный алтарь. Упреки, одинъ за другимъ, стали мучить его душу, но юноша стиснулъ зубы и—протянулъ руку. Да... вотъ они... Онъ пугливо оглянулся вокругъ. Въ храмѣ царил невозмутимая тишина. Не разверзлась земля, чтобы поглотить его, не грянулъ въ него громъ. Изумился юноша еще болѣе. Осторожно крадучись, точно воръ, держа подъ мышкою книги, онъ пробирался къ выходу: благополучно миновалъ онъ спящую весталку, которая только немного всхрапнула, миновалъ склонившихся на ступени храма стражей, погруженныхъ въ глубокій сонъ, вышелъ въ кипарисовую рощу, облитую луннымъ сіяньемъ, и, присѣвъ у подножія статуи Гермеса, прижалъ эти книги къ сильно бьющемуся сердцу.

Оправившись немного, онъ началъ внимательно оглядывать ихъ со всѣхъ сторонъ. И тутъ, къ великому своему изумленію, онъ замѣтилъ, что книги вовсе не были запечатаны, а только какіе то шарики восковые на шнуркахъ висѣли на нихъ. Покачалъ онъ опять головою, а затѣмъ раскрылъ первую книгу и при свѣтѣ кроткой Селены взглянулъ на пергаментовую страницу; буквы какъ будто знакомы, но смысла словъ никакъ нельзя доискаться. Что за диво! Между рядами буквъ есть промежутки, значить, слова тутъ какія-то есть. Читаетъ онъ первую страницу—ничего не поймешь. Перевертываетъ другую—та же исторія, третью—та же! Поднялъ юноша голову вверхъ, поглядѣлъ на небо, подумалъ и опять взялся за первую страницу. Вздумалось ему попробовать сравнить первое слово этой страницы съ первымъ же словомъ слѣдующей... Что такое? Буквально одно и то же! На цѣлой какъ есть страницѣ все тѣ же самыя буквы! Глядитъ онъ на третью страницу, на четвертую... Открываетъ вторую книгу, третью. И вотъ онъ приходитъ къ заключенію, что, въ сущности, достаточно прочесть одну страницу, совершенно безразлично которую, чтобы узнать содержаніе всѣхъ книгъ. И онъ снова берется за первую страницу.

Онъ замѣчаетъ, что среди цѣлаго ряда буквъ нѣкоторыя какъ будто побольше и какъ будто составляютъ нѣчто цѣлое съ извѣстнымъ смысломъ. Крупныя капли пота выступаютъ у него на лбу, дыханіе

замираетъ въ груди. Вотъ ужъ онъ прочиталъ одно слово — вотъ уловилъ и другое. На мгновеніе страхъ за свою смѣлость охватываетъ его. Онъ кидаетъ взоръ на небо. Ни одна звѣздочка не упала, ничуть не потускнѣлъ серебристый свѣтъ луны, и статуя Гермеса неподвижно стоитъ на своемъ мѣстѣ, не выказывая ни малѣйшаго намѣренія обрушиться на него. И онъ опять опускаетъ глаза на пожелтѣвшій пергаментъ и водить пальцемъ дальше. Красныя пятна горятъ на его лицѣ... О Зевесъ громовержецъ! Что-жъ это такое? О, совоокая! Какъ же это! Онъ отираетъ рукою потъ съ лица и ниже наклоняетъ голову къ священному пергаменту. Какъ безумный, вскакиваетъ онъ съ мѣста, поднимаетъ книгу выше къ свѣту луны, чтобы яснѣй освѣтить страницу. Волосы дыбомъ встаютъ у него на головѣ, ноги подкашиваются, зубъ не попадаетъ на зубъ. Вотъ дочиталъ! Передъ остолбенѣлыми, непосвященными очами юноши, освѣщенная луннымъ сіяніемъ, желтѣла страница сивилиной книги, на которой удивительно какъ отчетливо и ясно выступали вотъ какія буквы:

вк.* — ...ЭмвцТ.ми мнО.к.* — вцча
 - сде.К.НкгдфеИ. длГпоиИ.сдавер
 мксдвЧ...кЕ.кгЛсдвОімуВЪ. :ксЧвЕсдСвКтцОмвнИ
 лпцеГ...ЛвкУраПнбаОвксСзцТсдИ.Ркв

ПИСЬМО XXXVI.

Ага, другъ мой, совѣсть заговорила!.. Да, это—роковая сила тяжести, заваленная и задерживаемая только камнемъ нашего эгоизма. Но порой чья-нибудь рука отвалитъ этотъ камень—и тогда берегись! Совѣсть гуляетъ...

Нѣтъ, ничего не пишите Рымковскому. Это было бы, пожалуй, довольно сентиментально, но все-таки не пишите. Что-то подсказываетъ мнѣ, что это было бы не къ добру. Кто жилъ, какъ онъ, у кого столько прямолинейнаго простодушія, какъ у него, кто, наконецъ, тогда на мосту могъ поблѣднѣть, какъ этотъ человѣкъ, тотъ, по прозрѣнію, могъ бы еще устроить намъ такой прямолинейный сюрпризъ.

Нѣтъ, ничего не пишите Рымковскому.

Отчего вы меня такъ ругаете за мою легенду о сивилиныхъ книгахъ? Такъ вы полагаете, что наши сивилины книги объ эстетикѣ не заслуживаютъ такихъ... нападокъ???

Нападки??? Къ чему тутъ видѣть сейчасъ нападки???

Мнѣ кажется только, что эстетика у насъ поддѣлывается къ искусству. Искусство, видите ли, можно сравнить съ королевой, вторая совершаетъ много знаменательныхъ дѣяній, но, какъ женщина, тоже рождаетъ иногда дѣтей. Эти дѣти, недовольные нѣсколько пренебрежительнымъ къ нимъ отношеніемъ со стороны королевы-матери, садя у себя въ комнатѣ, бранятъ ее. Затѣмъ они начинаютъ даже явно бун-

товаться противъ нея и устанавливаютъ кодексъ законовъ, согласно которому королева-мать должна поступать, если не желаетъ заслужить ихъ порицанія. Королева мать жалуется иногда передъ другими королями, что у нея такія вышли неудачныя дѣти, но продолжаетъ себѣ править по своему, не обращая никакого вниманія на предписанія дѣтей.

Да, искусство—это мать, а критика—дочь искусства. Между тѣмъ, критикѣ часто кажется, что это она мать-то, а искусство—дочь ея. Но, Боже мой, слыханное ли это дѣло, чтобы дочь родила свою собственную мать?!

Я, по крайней мѣрѣ, никогда еще о подобномъ феноменѣ не слыживалъ...

А вы еще говорите нападки!!!

Въ такомъ случаѣ мнѣ боже ничего не остается, какъ досказать вамъ легенду о томъ юношѣ, что дерзнулъ заглянуть въ сивиллиныя книги.

Открывъ такую характерную тайну, бѣдняга уронилъ священныя книги на святую землю и долго почесывалъ у себя затылокъ. Кроткій свѣтъ Селены все блѣднѣлъ и блѣднѣлъ, а на восточной сторонѣ неба на постели, устланной серебристыми облачками, зашевелилась розово-перстая Эось. Священная роща торжественно зашумѣла; юноша схватилъ книги и тихонько вошелъ въ храмъ. Шорохъ шаговъ его разбудилъ весталку. Священная дѣва потянулась, зѣвнула, разгребла священную золу, но, не найдя ни одной искорки, принялась съ трескомъ разламывать на колѣняхъ полѣнья священнаго кедра и высѣкать огонь. Юноша двинулся дальше, отдернулъ завѣсу и—трепетъ объялъ его.

Четыре священныя жреца съ отчаяннымъ видомъ стояли передъ алтаремъ и рвали на себѣ волосы.

Но когда они увидѣли на порогѣ оцѣпенѣвшаго отъ ужаса юношу, съ книгами подъ мышкой, крикъ священнаго негодованія вырвался изъ ихъ груди. Разбуженные этимъ крикомъ стражи сбѣжались, связали юношу и въ тотъ же самый день преступникъ предсталъ передъ высшимъ трибуналомъ.

Въ виду огромнаго стеченія народа, рѣшено было судить юношу въ амфитеатрѣ.

Вскорѣ весь театръ наполнился народомъ. Въ глубинѣ сцены, откуда актеры потрясали трагедіями сердца людей или въ легкихъ комедіяхъ подсмѣивались надъ ничтожествомъ міра, теперь засѣдали судьи. Тамъ же размѣстились явившіеся въ качествѣ обвинителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелей жрецы, туда же ввели и юношу, какъ обвиняемаго въ святотатствѣ и оскверненіи того, что было для народа дорогимъ и священнымъ.

Золотой Геліосъ, откинувъ свои свѣтлые кудри, заглянулъ въ глубь амфитеатра и глядѣлъ въ недоумѣніи на это зрѣлище, словно вопрошая, что это за трагедія будетъ разыгрываться сегодня?

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—раздался среди глубокой таинственной тишины голосъ старѣйшаго изъ судей.

Зрители наострили уши.

— Я сдѣлалъ это потому, что не довѣрялъ мудрости жрецовъ,— послышался отвѣтъ.

Нечеловѣческій ревъ огласилъ все священное пространство.

— Безбожникъ! Богохулецъ!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Старѣйшій изъ судей всталъ, обвелъ своимъ взоромъ ревѣвшую толпу—и вновь водворилась священная, давящая тишина.

— Что ты прочелъ въ этихъ книгахъ?—обратился онъ съ вопросомъ къ юному преступнику.

Жрецы запротестовали противъ такого вопроса, они окружили судей и, горячо жестикулируя, спорили съ ними. Народъ зашумѣлъ.

Но старѣйшій изъ судей, извѣстный въ народѣ своей справедливостью, настоялъ на своемъ и, приказавъ отвести жрецовъ на назначенныя для нихъ мѣста, сдѣлалъ жестъ рукою народу. Глубокая, святая тишина водворилась снова.

— Что ты прочелъ въ этихъ книгахъ? Отвѣчай!—повторился вопросъ.

— Я въ нихъ прочелъ одно единственное предложеніе: это книги человѣческой глупости...—громко и отчетливо раздалось среди тишины.

Поднялся дикій гамъ, свистъ, ревъ, плачь и скрежетъ зубовой. Казалось, вотъ-вотъ вспыхнетъ революція. Жрецы обступили старѣйшаго изъ судей и, кивая головами, жестикулируя, точно желая сказать: «Ага, видишь? видишь? видишь?» срывали съ головъ своихъ священные вѣнды и простирали руки къ свѣтлому Геліосу, у котораго былъ-таки довольно смущенный видъ.

Черезъ нѣсколько времени, когда уже устали работать легкія и руки, охрипли горла, взрывъ священнаго негодованія улегся и возобновилась святая тишина, старѣйшій изъ судей, обращаясь къ толпѣ, произнесъ:

— Право... я не предполагалъ, чтобы дерзость непосвященныхъ устъ была такъ неслыханно велика...

Онъ принужденъ былъ прервать свою рѣчь, такъ какъ пришлось выносить лежавшихъ въ обморокъ жрецовъ. Громкій плачь женщинъ вторилъ этой печальной церемоніи.

Наконецъ, народъ снова стихъ въ священномъ ожиданіи.

— Ты ошибаешься, нехорошій юноша, — продолжалъ дрожащимъ голосомъ старѣйшій изъ судей,—ты ошибаешься, если думаешь, что ты своимъ поступкомъ оскорбилъ бессмертныхъ боговъ, осквернилъ храмъ и подорвалъ вѣру въ священныхъ жрецовъ. Нѣтъ! Ты оскорбилъ народъ! Ты посягнулъ на честь человѣчества! Не миновать тебѣ суроваго наказанія. Но если ты хочешь, несчастный, чтобы должествующее постигнуть тебя наказаніе было, по возможности, смягчено, чтобы не потрясло оно жестокостью своею нашихъ печалью объятыхъ душъ, то отречись отъ своихъ словъ, отреченіемъ очисти

уста свои! Это будетъ удовлетвореніемъ правосудія и предостереженіемъ для всѣхъ юношей, дерзающихъ усомниться въ мудрости толкователей сивиллиныхъ книгъ. Итакъ, призываю тебя: отречись!

Толпа опять заревѣла, требуя отреченія. И какъ громъ, прокатившись по небу, стихаетъ гдѣ-то въ дали и вновь раздается, такъ ревъ толпы то усиливался, то смолкалъ, покуда старѣйшій изъ судей не поднялъ надъ нею своей дрожащей руки.

Внизу, среди торжественной тишины, прозвучалъ голосъ юноши. Толпа разинула рты, чтобы лучше услышать.

— Какъ же могу я отречься, — свободнымъ и чуть ли не веселымъ тономъ заговорилъ обвиняемый, — если всякій ребенокъ, который только умѣетъ различать буквы и знаетъ, что такое книга, что значить слово глупость и что значить слово челоуѣчество, прочтетъ въ этихъ книгахъ то же самое, что и я.

Чаша наглости переполнилась.

Народъ послѣ того около полугода страдалъ хрипотью, глухотой и ломотою въ рукахъ.

Пришлось созвать Эскулаповъ со всего края. Спустя нѣкоторое время, всѣ богатѣйшія и красивѣйшія зданія перешли въ собственность врачей.

Что же случилось съ юношей?

Объ этомъ спросите деревья, съ которыхъ оборвали всѣ вѣтви! Спросите дороги, на которыхъ не оставили ни одного камня!

А когда начались осеннія законодательныя совѣщанія, жрецы потребовали закона, по которому, подъ страхомъ строжайшаго наказанія воспрещалось даже вспоминать объ этомъ.

Потому-то рассказъ объ этомъ событіи можно найти лишь въ одномъ единственномъ произведеніи, недавно лишь разысканномъ при раскопкахъ. Названіе этого источника: «Но Fantazyon» (см. гл. XXI, стр. 129).

Чтобы вамъ, дорогой мой Людвигъ, насомнить еще пуще, я послалъ сію легенду въ «Ежедневную Газету». Черезъ полчаса у меня, вѣроятно, въ рукахъ будетъ номеръ этой газеты.

ПИСЬМО XXXVII.

Вотъ такъ пріятный сюрпризъ! Сейчасъ получаю отъ редактора «Ежедневной Газеты» письмо вотъ какого содержанія (привожу вамъ его цѣликомъ):

Милостивый Государь!

Къ великому сожалѣнію, я принужденъ возвратить Вамъ присланную Вами легенду о сивиллиныхъ книгахъ, въ виду того, что вещь эта могла-бы, пожалуй, оскорбить добрыя чувства нашихъ читателей.

Съ искреннимъ уваженіемъ

Антоній Струмиловскій.

Ред. «Ежедн. Газ.»

Повѣрите ли, я былъ такъ изумленъ, что сначала долго не могъ придти въ себя и никоимъ образомъ не могъ понять, какое отношеніе могутъ имѣть сивиллины книги языческихъ временъ къ доброму чувству читателей римско-католическаго вѣроисповѣданія. Взявъ я, наконецъ, да отправился съ этимъ письмомъ къ одному старому, достопочтенному патеру, другу отца моего. Когда я прочиталъ ему мою легенду, старичекъ захихикалъ и, потрепывая меня по спинѣ, сказалъ: «шутникъ вы, сударь, а редакторъ вашъ просто дуракъ». Онъ попросилъ меня оставить у него рукопись и терпѣливо выжидать.

Спустя нѣкоторое время, попадаетъ мнѣ въ руки номеръ «Ежедневной Газеты», и предъ моими изумленными глазами предстаетъ вотъ какая статья.

I *Изъ нашей прессы.*

«Въ послѣднемъ номерѣ «Лона», органа, посвященнаго традиціямъ христіанъ, мы находимъ чрезвычайно интересный этюдъ извѣстнаго нашего эстетика Х. Х. Онъ передаетъ намъ, на основаніи единственнаго источника, «Но Fantasyon», недавно найденнаго археологами въ области классической литературы, о томъ, какъ однажды изъ одного изъ древнихъ языческихъ храмовъ были украдены священныя сивиллины книги. Этюдъ этотъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что классическій міръ тогда уже начиналъ сознавать безсиліе боговъ и плутни авгуровъ и что вѣра въ сивиллины книги была уже тогда подорвана. Мы увѣрены, что читатели наши, которые, навѣрное, интересуются тѣмъ духовнымъ разладомъ и сомнѣніями, которые царили тогда въ народѣ, наканунѣ новой эпохи, охотно прочитаютъ эту вещицу и потому мы позволяемъ себѣ ниже привести ее цѣликомъ».

Тутъ слѣдуетъ дословная перепечатка моей легенды.

Въ первую минуту я было струсилъ: мнѣ пришло въ голову, что наши филологи еще, пожалуй, вздумаютъ меня страшнѣйшимъ образомъ отгнестать за болтовню Струмиловскаго. Но я вскорѣ успокоился, вспомнивъ, что наши ежедневныя и даже еженедѣльные изданія не помѣщаютъ у себя полемическихъ статей, касающихся древняго періода. Ну, и ладно! Пускай себѣ наши классики бѣсятся втихомолку!

П И С Ь М О XXXVIII.

Вы себѣ и представить не можете, дорогой Людвигъ, какой фуруръ произвела моя легенда о сивиллиныхъ книгахъ!

Первымъ дѣломъ прискакалъ ко мнѣ Шаняевскій, по порученію Стаса, и спросилъ меня, намѣренъ ли я издать это отдѣльнымъ изданіемъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ очень желалъ бы нарисовать къ нему иллюстраціи. Я отвѣтилъ ему, что не придаю этой работѣ ровно никакого значенія. Тогда онъ сказалъ мнѣ, что я неправъ, такъ какъ

это] вещь очень хорошая и притомъ написанная толково и добросовѣстно. На это я ему возразилъ, что это пустая бездѣлка, написанная чортъ знаетъ какъ и безъ всякаго толку. На это Шанявскій мнѣ замѣтилъ, что какъ бы тамъ ни было, но объ этомъ всё заговорили, въ особенности же художники, у которыхъ уже давно являлась мысль выступить въ печати противъ произвола непосвященной критики. Въ моей работѣ художники видятъ яркій протестъ противъ старой, безтолковой шаблонности, и вотъ они очень желали бы завязать со мною сношенія и поставить меня во главѣ своей партіи.

Едва только онъ ушелъ, пришли ко мнѣ Юлій съ Медведемъ.

Подавая мнѣ руку, Юлій сложилъ свои малиновыя губы въ самую мягкую и сладкую улыбочку и сказалъ, что искренне сожалѣетъ о томъ, что «обстоятельства» разлучили насъ на нѣкоторое время, что онъ всегда глубоко скорбѣлъ объ этомъ, ибо чувствовалъ въ душѣ, что мы съ нимъ художники одного «тона». Разсказъ мой о сивиллиныхъ книгахъ—это нѣчто замѣчательное и, по словамъ графини Жиглинской (которую, между прочимъ, рисуетъ теперь Медвей и довольно хорошо ее чувствуетъ), трудъ этотъ должны особенно оцѣнить живописцы. И вотъ, значить, оба они, т.-е. онъ и Медвей, предлагаютъ мнѣ устроить кружокъ, который принялъ бы на себя обязанность защищать интересы палитры, той бѣдной палитры, которую у насъ не умѣютъ надлежащимъ образомъ цѣнить. Онъ замѣтилъ также, что они надѣются, что я еще многое напишу въ томъ же родѣ и что я не откажусь работать вмѣстѣ съ ними для такого дѣла, какъ поднятіе эстетическаго уровня въ обществѣ. Я отвѣтилъ ему, что постараюсь обо всемъ этомъ хорошенько подумать, такъ какъ, въ виду моихъ слабыхъ мыслительныхъ способностей, мнѣ нѣсколько трудно сейчасъ ориентироваться въ этомъ. Юлій сладенько улыбнулся и, чуть-чуть прикасаясь рукой къ моему колѣну, проговорилъ: «позвольте мнѣ сказать вамъ, что я этого рѣшительно не нахожу». Затѣмъ онъ распрощался и ушелъ. Медвей остался: у него было ко мнѣ еще какое-то личное дѣло.

Это субъектъ огромнаго роста, сложенія атлетическаго, съ широкимъ, немного расплывшимся лицомъ, обросшимъ свѣтлыми волосами, и съ голубыми, добрыми глазами. Прежде чѣмъ онъ принялся излагать мнѣ свое дѣло, мнѣ вздумалось поразспросить его немного о графинѣ Жиглинской, такъ какъ изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ Юліемъ, я заключилъ, что тамъ у нихъ вѣрно что-то измѣнилось.

— Итакъ, вы, значить, теперь срисовываете графиню Жиглинскую?—сказалъ я, угощая его папирсомъ.

— Да, я ее дѣлаю до колѣнъ... Она недурна...

— Какъ это недурна? Это значить, что вы ее хорошо «чувствуете», не такъ ли?

— Извините, сударь, объ этомъ вы спросите Юлія, я въ этомъ смыслу мало.

— Я ужъ его спрашивалъ. Онъ говоритъ, что чувствуетъ ее, какъ символъ...

— Э, онъ, простите за выраженіе, просто идиотъ, вотъ и несетъ ерунду.

— Но это обстоятельство не нарушило той гармоніи, которая между вами... я хочу сказать...

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы хотите знать, не расстроились ли мы съ Юліемъ изъ-за этого?

— Да, да, я думалъ что-то вроде.

— Да, дулся онъ на меня, да только не долго; я церемоній не люблю—взялъ да швырнулъ его объ стѣну и все тутъ...

— Какъ это: швырнулъ?

— Да такъ. Больно онъ много болтать любитъ. Не нравилось мнѣ, что онъ съ вами стрѣлялся, да что было дѣлать! Ну, слава Богу, что хоть хорошо кончилось. Теперь онъ со мной ссориться не смѣетъ, потому что я графиню рисую. Морочилъ онъ мнѣ что-то тамъ голову какими-то «совѣтъ новыми» картинами, да не удалось ему меня на эту удочку поймать, я какъ умѣю, такъ и катаю...

— Однако, я предполагаю, что вы раздѣляете его взгляды на искусство, тѣмъ болѣе, что вотъ и теперь вы вмѣстѣ съ нимъ явились ко мнѣ по дѣлу основанія кружка...

— Э, это совѣтъ другое дѣло. Критики насъ ругаютъ, вотъ мы и хотимъ отъ нихъ защищаться—и только. Мнѣ все равно, лишь бы я только смогъ нарисовать то, что вижу.

— Знаете ли, вѣдь я васъ совѣтъ до сихъ поръ не зналъ.

— Такъ вотъ будьте столь любезны выслушать меня: у меня къ вамъ такого рода дѣльце...

— Съ удовольствіемъ... готовъ служить...

Онъ наклонился ко мнѣ поближе.

— Кажется—только вы, пожалуйста, не разсердитесь—мы вѣдь мужчины, намъ нечего стѣсняться—кажется, у васъ одно время жила эта дѣвушка съ каштановыми волосами...

— Какая дѣвушка? Нѣтъ, вы ошибаетесь...

— Вы вѣрно позабыли. Ее, кажется, зовутъ Бронкой.

— А, Бронка!.. Да... правда... Но, позвольте, что вы понимаете подъ словами: жила у васъ...

— Вы съ нею были... въ связи...

— Кто вамъ сказалъ?

— Я не знаю... у васъ говорили...

— Глушья сплетни...

— Да, вѣроятно, сплетни, а то чего бы вамъ такъ отпираться...

Досада меня брала. Какъ это можно выдумать про человѣка такую нелѣпость, когда всѣ знали, что я лежу раненый, больной, въ бреду—и стану я въ такомъ состояніи глупостями заниматься... И чего они

хотять отъ этой бѣдной дѣвушки? За что они наклеили ей мой ярлыкъ? За то, что она за мною, больнымъ, ухаживала, за то, что она замѣнила мнѣ мать, сестру?

Медвей опять наклонился ко мнѣ и, добродушно улыбаясь, посмотрѣлъ на меня своими голубыми глазами и произнесъ:

— Такъ ужъ я, значить, теперь могу навѣрно безъ церемоній говорить съ вами объ этомъ. А то я боялся, что тутъ будетъ загвоздка. Я, видите ли, хотѣлъ бы знать, гдѣ она.

— А на что она вамъ? Вамъ нужна натурщица?

— Э, нѣтъ; я теперь занятъ Жиглинской, притомъ я вообще женщинъ рѣдко рисую.

— Такъ чего же вамъ надо??

— Я, видите ли, хотѣлъ бы, чтобъ она одно время пожила у меня...

Я вскочилъ, какъ ужаленный, и быстрыми шагами заходилъ по комнатѣ. Наконецъ, я остановился передъ нимъ и сдержаннымъ голосомъ проговорилъ:

— Я васъ очень прошу не искать этой дѣвушки.

— Почему такъ, скажите?—спросилъ онъ, глядя на меня съ изумленіемъ.--Да когда она мнѣ нравится?

— Бронка замужъ выходитъ...—наскоро совралъ я.

Медвей вытаращилъ на меня глаза, перекрестился и захихикалъ быстрымъ тоненькимъ смѣшкомъ: хи, хи, хи, хи, хи, хи!

— О, знаю,—заговорилъ онъ, успокоившись и отирая слезы,—вы серьезный человѣкъ, вамъ можно вѣрить. А нельзя ли полюбопытствовать, за кого же она выходитъ? Да вѣдь мы ей такую свадьбу устроимъ, какой еще свѣтъ не видалъ!

— Господишь Медвей,—рѣзко произнесъ я,—будетъ объ этомъ. Бронка выходитъ замужъ, знайте это, и я васъ прошу никому объ этомъ ни слова.

— Да отлично, отлично, я противъ это ничего не имѣю,—сказалъ Медвей, подымаясь и подавая мнѣ руку.

— Вы на меня не сердитесь, что я такъ откровенно...

— Я не сержусь ничуть.

— Мое почтеніе...

— Прощайте.

Онъ ушелъ.

Я долго ходилъ по комнатѣ, потирая лобъ и сляясь собрать свои мысли. Сумерки надвигались.

Кто-то тихо постучался въ дверь.

— Здравствуйте, дорогой collega.

Кого тамъ еще чортъ принесъ? Подымаю голову—и вся кровь мнѣ бросилась въ лицо.

Передо мною стоялъ Рымковскій.

ПИСЬМО XXXIX.

Я былъ такъ пораженъ его внезапнымъ приходомъ, что не зналъ, что ему сказать. Но онъ совсѣмъ не замѣтилъ моего смущенія; у самого у него былъ веселый, радостный видъ.

— Знаете ли, коллега, вотъ у меня бѣда маленькая...—ни съ того, ни съ сего произнесъ онъ.

— Что за бѣда?

— А вотъ съ метрикой...

Я опять быстро заходилъ по комнатѣ. Чортъ возьми! Точно они всѣ сговорились нынче... Рыжковскій, между тѣмъ, присѣлъ у окна и преспокойно продолжалъ:

— Вы вѣдь знаете, я отчасти какъ подкидышь, такъ сказать... Я полагаю, однако, что окрестить меня матушка все-таки окреститъ. вѣдь это у насъ, крестьянъ, первое дѣло. Да вотъ поди, отыщи приходъ-то!

— Послушайте, коллега—проговорилъ я, вдругъ останавливаясь передъ нимъ,—не пройтись ли бы намъ съ вами теперь далеко куда-нибудь, хоть за городъ...

— Да съ удовольствіемъ!—воскликнулъ онъ, вставая.—Я и самъ было хотѣлъ предложить вамъ; погода чудная, не зналъ только, согласитесь ли вы.

Черезъ минуту мы уже были на улицѣ.

Теперь или никогда! подумалъ я.

ПИСЬМО XL.

Весна, преждевременно собравшись въ путь, медленно подвигалась впередъ, вдрагивая отъ холода и то и дѣло останавливаясь. Кое-гдѣ торопливая почка, выглянувъ на свѣтъ зеленымъ краешкомъ, мерзла подъ утреннимъ инеемъ. А тамъ блѣдный цвѣтокъ, коварно заманенный солнышкомъ, уныло поникъ подкошенной вѣтромъ головкой и клонился къ землѣ, которую такъ рано покинулъ. Тамъ и слякъ валялись грязныя комья снѣга. Ясное небо точно поблекло отъ постоянныхъ дождей.

Но къ вечеру все измѣнилось. Въ воздухѣ послышалось веселое щебетаніе птичекъ, кружившихся цѣлыми стаями надъ землей. Солнце, утративъ свою дневную яркость, уходило краснымъ дискомъ далеко на небосклонъ и, остановившись на мгновеніе, словно желая въ послѣдній разъ взглянуть на свѣтъ, стало медленно погружаться въ темное лоно далекаго горизонта. Повѣяло свѣжестью. Въ воздухѣ чувствовалась настоящая весна!

На небѣ замелькали бѣлыя звѣздочки и черезъ минуту цѣлымъ роемъ разсыпались по немъ, однѣ загораясь золотымъ блескомъ, другія переливаясь разными цвѣтами, словно перебираемая чьей-то невидимой рукой драгоценныя каменья.

Синеватый сумракъ сталъ окутывать окрестность; въ дали причудливо выдѣлялись черныя очертанія деревъ. Повѣяло теплымъ вѣтеркомъ—и воцарилась глубокая тишина.

А вверху горѣли безчисленные мириады звѣздъ, небо гордо сверкало всѣми своими сокровищами, которыя ревнивый день скрываетъ отъ взоровъ за яркой бѣлой пеленой. Небесный куполь уходилъ все глубже и глубже, становился все синѣй и синѣй—и вотъ онъ разсѣлся на двое туманной полосой млечнаго пути.

По чистому синему небу промелькнуло нѣсколько метеоровъ и мигъ угасло, нѣсколько звѣздочекъ покатилося, оставляя за собой золотистые слѣды, и опять величественно и тихо сверкало таинственное дивное небо...

Внизу послышался глухой шумъ, словно лѣсъ зашумѣлъ. Это Висла катила свои черныя воды. Изрѣдка брызнетъ кой-гдѣ вверху нѣсколько капелекъ, обольется сіяніемъ и гаснетъ. Воды бѣгутъ и бѣгутъ, шумятъ и кружатся, вздымаются кверху и катятся дальше все впередъ и впередъ. Необъятная водная ширь тонетъ во мракѣ, шумитъ и вьется безъ конца, вьется, словно змѣй исполинскій, что хвоста еще не вытянулъ изъ горъ, а огромною пастью ужъ кидается въ море. Этотъ черный змѣй своимъ огромнымъ тѣломъ врылся глубоко въ землю и врывается все глубже и глубже, огражденный съ обѣихъ сторонъ обрывистыми берегами. Порою при мерцающемъ сіяніи звѣздъ онъ блистаетъ кой-гдѣ своей чешуею—блеснетъ и съ глухимъ рокотомъ, брызгая пѣной, уходитъ все въ даль, въ безконечную даль...

Блуждая позднимъ вечеромъ или ночью по берегу рѣки, невольно вслушиваешься въ этотъ говоръ водъ, въ этотъ рокотъ пѣнистыхъ волнъ, въ этотъ неясный лепетъ, остановишься и глядишь, глядишь и, глядя, забываешься, что нужно тебѣ жить и работать, весь уходишь въ свои заботы и думы и невольно задаешь себѣ вопросъ, долго ли будутъ онѣ еще мыкать тебя по свѣту. Пѣснь льющихся водъ затрагиваетъ въ душѣ безчисленныя струны. Рѣка поетъ:

... Всѣ горести, всѣ слезы, всѣ невзгоды укатитесь съ водами моими...

... Всѣ печальные годы, всѣ безсонныя ночи, всѣ тщетные вздохи идите къ моимъ берегамъ...

... Вы, съ окропленными холоднымъ потомъ лицами, съ красными отъ работы глазами, вы, обезсиленные тоской и отчаяніемъ, склонитесь на мою водяную грудь...

... Вы, съ безпомощно поникшими головами, съ помертвѣлыми устами, придите въ лоно мое, во мнѣ — утѣшеніе, покой, забытье, я убаюкаю васъ, унесу вапе горе...

Безмолвно стояли мы съ Рышковскимъ на берегу, заслушавшись этой дивной, манящей пѣсни рѣки. Я взглянулъ на Рышковскаго; онъ былъ блѣденъ, задумчивъ и глубокой невыразимой грустью дышали его глаза.

ПИСЬМО XL.

Преждевременно выбравшись въ путь, весна неровнымъ, медленнымъ шагомъ шла впередъ, то и дѣло останавливаясь на дорогѣ и вздрагивая отъ холоднаго дыханія еще не уступившей свои права зимы. Кой-гдѣ торопливыя почки, выглянувшія на свѣтъ Божій зелеными краешками, мерзли подъ покровомъ утренняго инея. А тамъ блѣдный цвѣтокъ, коварно взманенный солнышкомъ, уныло поникъ подкошенной вѣтромъ головкой и клонился къ землѣ, которую такъ рано покинулъ. Тамъ и сямъ лежали комья грязнаго снѣга. Чистое небо выглядѣло словно поблекшимъ отъ неустанныхъ дождей.

Къ вечеру, однако, природа вдругъ измѣнилась. Птички, весело щебеча, закружились въ воздухѣ цѣлыми стаями. Солнце, утративъ свою дневную яркость, краснымъ дискомъ уходило далеко на край небосклона и, на минуту пріостановившись, словно желая въ послѣдній разъ взглянуть на Божій свѣтъ, стало медленно погружаться въ темное лоно далекаго горизонта. Откуда-то понесло свѣжестью. Въ воздухѣ повѣяло настоящей весною!

На небѣ замелькали бѣлыя звѣздочки и черезъ минуту разсыпались цѣлымъ роемъ, то загораясь золотымъ блескомъ, то переливаясь разными цвѣтами, словно перебираемая чьей-то невидимой рукою алмазы.

Синеватый сумракъ окутывалъ окрестность, въ дали выдѣлялись причудливыя черныя силуэты деревь. Подулъ теплый вѣтеръ и водарила глубокая тишина.

А тамъ сверху небо величественно сверкало безчисленными мириадами яркихъ звѣздъ, гордо красуясь своими сокровищами, которыя свѣтлый день ревниво скрываетъ отъ взоровъ за бѣлой пеленой. Небесный куполъ уходилъ все глубже и глубже, становился все синѣй и синѣй и вдругъ разсѣлся на двое туманной, усѣянной звѣздами полосой млечнаго пути.

Блеснуло, вмигъ угасая, нѣсколько метеоровъ, нѣсколько звѣздочекъ покатилося, оставляя за собою на мгновеніе золотистый слѣдъ, и вновь спокойно величественно сверкало дивное таинственное небо.

Внизу послышался шумъ, словно лѣсъ запумѣлъ. Это Висла катила свои черныя воды. Порой кое-гдѣ брызнетъ вверхъ нѣсколько капелекъ, обольется сіяніемъ и гаснетъ. Воды бѣгутъ и бѣгутъ, шумя и крутятся, вздымаются кверху и катятся впередъ и впередъ. Необъятная водная ширь тонетъ во мракѣ, кажется будто змѣй исполинскій, хвостомъ еще прячась въ горахъ, а огромною пастью ужъ ринувшись въ море, растянулся во всю свою длину и огромнымъ тѣломъ своимъ тысячеклѣтніями углубляется въ землю все глубже и глубже, оградивъ себя съ обѣихъ сторонъ обрывистыми берегами. Порою, при мерцающемъ сіяніи звѣздъ, блеснетъ онъ кой-гдѣ своей чешуею—и вновь,

крутятся и вздымаясь, съ глухимъ рокотомъ катятся пѣнистыя волны въ даль, въ безконечную даль.

Блуждая позднимъ вечеромъ или ночью по берегу рѣки, невольно вслушиваешься въ этотъ говоръ водъ, въ этотъ рокотъ волнъ, въ этотъ неясный лепетъ, остановишься и глядишь, глядишь и, глядя, забываешь, что тебѣ еще нужно жить и работать, весь уходишь въ свои заботы и думы, словно вопрошая ихъ: долго ли будутъ онѣ еще мыкать тебя по свѣту. И въ душѣ колеблются и звенятъ безчисленныя струны, вторя пѣснѣ рѣки. Она поетъ:

...Всѣ горести, всѣ слезы, всѣ невзгоды—укатитесь съ водами моими...

...Всѣ тоскливые годы, всѣ безсонныя ночи, всѣ тщетные вздохи—неситесь къ моимъ берегамъ...

...Всѣ вы, съ потускнѣвшими отъ страданій глазами, съ окропленными холоднымъ потомъ лицами, съ помертвѣлыми устами,—склонитесь ко мнѣ на грудь...

...Всѣ вы, что въ безнадежномъ отчаяніи поникли головой, что бессильно ломаете руки,—придите въ лоно мое... во мнѣ—утѣшеніе, покой, забытье, я убаюкаю васъ, унесу ваше горе...

Безмолвно стояли мы съ Рымковскимъ на берегу, заслушавшись дивной, манящей пѣсни рѣки. Я взглянулъ на него; лицо его было блѣдно, задумчиво и глубокой, невыразимой грустью дышали его глаза.

Но этого лица еще не коснулась жизнь своимъ рѣзцомъ и еще не исказила его чертами горечи, разочарованій, угаснувшихъ надеждъ. И мнѣ подумалось, что этотъ юноша—это пестрый мотылекъ нашихъ луговъ: какой-то теплый вѣтерокъ случайно занесъ его въ нашъ городской омутъ, но на крылышки его еще не сѣлъ сѣрая пыль, еще дожди не смыли его на мостовую, еще никто изъ прохожихъ не успѣлъ наступить на него ногой.

Кто-жъ будетъ первымъ?

И я уже хотѣлъ было взять его за руку и высказать ему все то, что такъ давно хотѣлъ ему сказать...

— Знаете ли, что?—глядя на звѣзды, вдругъ заговорилъ онъ самымъ удивительно мягкимъ, душу ласкающимъ голосомъ.—Вотъ говорятъ, надо, чтобы всѣ люди были умными... Говорятъ, надо, чтобы люди были добрыми... А я, знаете-ли, я сталъ бы ходить по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ городамъ и деревнямъ и говорить бы одно: надо, чтобы люди были счастливыми!

Я переждалъ минутку и прошепталъ:

— Слушай, Рымковскій, скажи мнѣ, ты любишь... Бронку?

Онъ опустилъ голову. Я взялъ его за обѣ руки и смотрѣлъ ему прямо въ лицо. Онъ покраснѣлъ, замаяся, поднялъ на меня испуганный взглядъ...

— Вѣдь вы объ этомъ...—что-то несвязно бормоталъ онъ.

— Ступай въ деревню, къ своимъ!—воскликнулъ я, задыхаясь отъ волненія.

Мы молча шли обратно въ городъ.

П И С Ь М О Х Л I .

Я только, что успѣлъ вернуться домой и сталъ зажигать лампу, какъ вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ комнату вбѣжала Бронка.

Я остановился, какъ вкопанный.

Она бросила въ уголъ зонтикъ, сдернула съ головы шляпу и, швырнула ее на землю и, прижавшись лицомъ къ стѣнѣ, начала всхлипывать.

Я не рѣшался тронуться съ мѣста.

Рыданія Бронки становились все сильнѣй, все громче и, наконецъ, вдругъ перешли въ какіе-то нечеловѣческіе крики. Все тѣло дѣвушки передергивалось, какъ въ лихорадкѣ.

Я не подходилъ къ ней, чтобы разспросить, угѣшить; во мнѣ словно все окаменѣло, замерло.

Вдругъ она отвернулась отъ стѣны, заломила надъ головой руки и повалилась на полъ.

Я оперся руками на столъ и опустилъ голову. Холодная дрожь стала пробѣгать по моему тѣлу. Черезъ минуту я пересилилъ себя, сжалъ кулаки, потеръ рукою лобъ. Я искоса поглядѣлъ на нее.

Изъ горла ея вырывались какіе-то хриплые звуки. Я сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ.

— Бронка!..

Я нагнулся надъ нею. Какая-то злобѣщая судорога искривила ея лицо. Мнѣ стало страшно. Я бросился за водой, сталъ поливать ей голову, лицо, разстегнулъ воротникъ. Она открыла глаза, посмотрѣла на меня блуждающимъ взглядомъ, но потомъ, узнавъ меня, опять положила голову на руки и заплакала, какъ дитя.

— Ну, Броня, Броня, — шепталъ я, наклоняясь къ ней, — не будь размазней... ну, тише, тише, Бронка, тише...

Мало-по-малу она стала успокоиваться, положила лицо мнѣ на колѣни и крупныя, теплыя слезы, одна за другой, закапали мнѣ на руки, на костюмъ.

Я поднялъ ее съ земли и усадилъ на постель. Она прижалась ко мнѣ, вся дрожа, какъ въ лихорадкѣ, зубы у ней стучали. Я подалъ ей стаканъ воды, она жадно выпила его и потомъ опять прижалась ко мнѣ и заплакала.

Наконецъ, она притихла и, прошептавъ нѣсколько разъ: «ужасно, ужасно, ужасно!» положила голову мнѣ на грудь и молчала.

Я погладилъ ее по волосамъ. Она еще сильнѣе прижалась ко мнѣ и вдругъ, осторожно приподнявъ голову и смотря мнѣ въ лицо, залепетала:

— Знаете... знаете... этого, вѣрно, еще ни съ кѣмъ въ жизни не бывало и не будетъ...

— Тихе, тихе,—успокаивалъ я ее.

— Иду я по улицѣ... знаете... по Маршалковской... Вдругъ... сердце у меня такъ и замерло... Господи! крикнула я... Какая-то дикая, безумная радость меня охватила... Бѣгу я, протягиваю руки... А онъ... онъ отворачивается... не смотритъ... притворяется, что не узнаетъ меня... Знаете... такъ... такъ... Знаете... Папенька!.. Папенька мой!.. Мой старый, сѣдой мой папенька!

Слезы сдавили мнѣ горло.

— Знаете... я еще своимъ глазамъ... не вѣрила... иду я за нимъ, руки протянувши... Смотрю... Да, таже бурка... и шапка таже... Это онъ! онъ!.. Папашенька мой!.. Хватаю его за локоть... А онъ даже не повернулся... даже одного словечка не сказалъ... только... и не глядя на меня... взялъ такъ рукою... и тихонько меня оттолкнулъ.

Голосъ у ней оборвался... Ледяной ужасъ сковалъ меня, только внутри, я чувствовалъ, что-то горѣло.

— И знаете... Остановилась я... Стою, какъ окаменѣлая... въ себя придти не могу... Гляжу... А онъ идетъ дальше, голову опустилъ... пропадаетъ въ толпѣ... вотъ еще виденъ... а тутъ набѣжала толпа гимназистокъ... и я ужъ больше не видала его... И не оглянулся на меня даже... Даже голоса его я не услышала... ничего... ничего... какъ чужая... хуже чѣмъ чужая... Папенька мой стыдился меня... меня... меня стыдился... сѣдой мой, старенькій папенька!..

Я больше не въ силахъ былъ выдержать; я всталъ, прошелся по комнатамъ и безсилно упалъ въ кресло, закрывая лицо руками.

И думалось мнѣ: за что мучается такъ на свѣтѣ эта бѣдная дѣвушка, отчего это жизнь такъ ожесточилась противъ нея, отчего такъ спугиваетъ ее отовсюду, какъ истомленную птицу... Отчего, гдѣ бы она ни остановилась на порогѣ, крыша зажигается надъ ея головою, и она все должна идти дальше и дальше... Всѣ зовутъ ее, всѣ протягиваютъ къ ней свои объятія, и, обнявъ, отталкиваютъ ее отъ себя и велятъ идти дальше... Куда? Одинъ Богъ вѣдаетъ...

И думалъ я о Стефкѣ, первомъ виновникѣ ея гибели, который ее совратилъ, обезчестилъ и такъ нагло оттолкнулъ потомъ... И думалъ я о той ужасной покровительницѣ покинутыхъ дѣвушекъ, что «лечить» ихъ отъ непрощенныхъ послѣдствій, съ тѣмъ, чтобы потомъ заманить въ свою ночную армію... И еще думалъ я о Густавѣ, о Юліи, о Стасѣ, обо всѣхъ этихъ художникахъ, эстетикахъ, сверхъ-людяхъ, призванныхъ служить одному прекрасному и пробуждать въ варварской толпѣ тонкія, возвышающія душу чувства... Я думалъ объ этихъ жрецахъ искусства, объ ихъ картинахъ, изображающихъ чувствительныя сцены— и вдругъ вся эта ихъ красота, всѣ ихъ тонкія чувства, все ихъ служеніе искусству представилось мнѣ такою ложью, такою чудовищной,

отвратительной ложью. Нѣтъ! думалъ я, тутъ нѣтъ божества, тутъ какое-то апокалипсическое чудовище, которому человѣчество должно каждый годъ отдавать въ жертву сотни едва успѣвшихъ расцвѣсти дѣвушекъ, погружая въ отчаяніе ихъ отцовъ, что никогда потомъ забыть этого не могутъ...

И думалъ я о попыткахъ этихъ дѣвушекъ взяться за работу, объ ихъ тщетныхъ усиліяхъ вырваться какъ-нибудь изъ этихъ дьявольскихъ сѣтей... Я думалъ о Краковѣ... я думалъ о Медвеѣ..

Вдругъ передъ моими глазами предсталъ образъ Рымковскаго.

Я содрогнулся.

Нѣтъ, мнѣ не разрѣшить этой задачи... Рымковскій!.. Нѣтъ, тутъ нужны другія силы, нужны общія, соединенныя, колоссальныя силы, тутъ ничего не поможетъ голова какого-то ненормальнаго человѣка.

Я невольно оглянулся.

Бронка лежала на постели, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Въ комнатѣ было тихо. Я взялъ лампу, тихонько подошелъ къ постели и посвѣтилъ...

Бронка спала. Только отъ времени до времени она вся вздрагивала и, всхлипывая, глубоко вздыхала. Такъ засыпаютъ маленькія дѣти, заплакавшись, когда мать уйдетъ и оставитъ ихъ дома.

П И С Ъ М О Х Л И I.

Геніи нерѣдко тяжело грѣшатъ противъ человѣчества, но ихъ великія заслуги горой поднимаются надъ могилой, въ которой грѣхи ихъ предаются забвенію. У талантовъ же мы видимъ почти совсѣмъ обратное явленіе. На огромной кучѣ ихъ грѣховъ сидитъ, важно нахолившись, птенчикъ—ихъ духовная лепта обществу. Время сталкиваетъ этого птенчика въ бездну вѣчнаго забвенія, но куча грѣховъ остается на мѣстѣ.

Развѣ кто-либо при жизни можетъ сказать о себѣ: я—тотъ, кого ждали вѣка!

При жизни... Скажемъ лучше: при жизни въ первой ея половинѣ, когда вдохновеніе еще не успѣло и не могло широко развернуть свои крылья, а грѣхи такъ и влекутъ къ себѣ...

Художники, которые не желаютъ признавать частичной силы, не видятъ того, что человѣчество, частицами котораго они состоятъ, раздавить ихъ въ пухъ и въ прахъ. Поэты, что уносятъ свои чувства въ какое-то четвертое измѣреніе, сами обрекаютъ себя на гибель. Пѣвцы, что хотятъ быть красивой игрушкой въ рукахъ женщинъ, современемъ будутъ выброшены, какъ негодные плевелы, въ мусорную яму забвенія. Художники безъ чести и вѣры, что не отличаютъ добродѣтели отъ порока, что достигаютъ славы своей цѣною чужого позора, получаютъ когда-нибудь возмездіе: рабочія пчелы въ ульѣ человѣче-

ства поймутъ, что они только трупы, и скоро обрѣжутъ имъ мишурныя крылышки.

Настанутъ же, я думаю, такія времена!

Вѣдь челоѳество, что водная стихія. Дѣлай что угодно съ ея берегами, не касаясь только уровня воды—она себѣ спокойно будетъ катиться дальше. Но пусть только толпа смѣльчаковъ попробуетъ подорвать ея стѣны—и она вмгъ круто измѣнитъ теченіе и всей своей массой ринется на нихъ...

Сѣренькое утро заглянуло въ окно и ослабило свѣтъ горѣвшей на столѣ лампы. Я повернулъ голову къ кровати.

Бронка приподнялась, протерла глаза, безсознательно посмотрѣла на меня и испуганно заговорила:

— Что это? Что это такое? Гдѣ я?...

Я поднялся со стула, надѣлъ пальто и шляпу и подойдя къ ней, сказалъ:

— Слушай, Бронка, раздѣнься, какъ слѣдуетъ, и ложись. Я ухожу. Запри дверь на ключъ и никого не впускай. Можешь спать хоть цѣлый день.

Она поднялась и сѣла на постели.

— Знаете, что...—заговорила она, глядя куда-то впередъ и потирая рукой лобъ.—Мнѣ снилось... все время мнѣ снилось, будто я была духомъ... такимъ блѣднымъ духомъ.

— Ну, ладно, ладно... Я ухожу... запри дверь на ключъ...

— Сейчасъ, сейчасъ... Погодите... И вотъ знаете... вѣтеръ ночью занесъ меня къ какому-то дому... въ окнахъ свѣтло было... И такой мнѣ этотъ домъ какъ-будто знакомый... гдѣ-то среди полей, среди деревьевъ... Подхожу я къ одному окну... руки у меня такъ на груди сложены, а оттуда высовываются люди и отгоняютъ меня крестнымъ знаменіемъ... иду къ другому окну... и тамъ тоже... Брожу я такъ вокругъ этого дома, а тутъ на крыльцо выбѣгаетъ даже собака... и такъ мнѣ что-то эта собака знакома... выбѣгаетъ и начинаетъ выть на меня.

ПИСЬМО XIII.

Я до самаго полудня безцѣльно бродилъ по улицамъ. Экая огромная мельница—эта наша Варшава!

Тысячи извозчичьихъ колесъ неутомимо вертятся день и ночь, сотни тысячъ ногъ топчутъ тротуары. Длинныя ряды домовъ воздвигаются по улицамъ, а люди копошатся, копаются словно огромный муравейникъ, и каждый тащитъ на своихъ плечахъ свой мѣшокъ дѣлъ, занятій, проектов! Ежегодно на лошадяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ доставляются все новыя и новыя партіи людей, и всѣ они рассыпаются

во всё стороны, теряясь въ общемъ роѣ. Всякій новый припелецъ за что-нибудь ухватывается въ этой мельницѣ, цѣпляется за какое-нибудь колесо, беретъ какой-нибудь мѣшокъ и тащитъ его дальше. А мельничныя жернова вертятся и вертятся безъ конца—и не дай Богъ кому-нибудь зацѣпиться въ нихъ—вмигъ измелютъ въ муку! А вѣялка, приводимая въ движеніе какой-то невидимой силой, все выбрасываетъ, одинъ за другимъ, людскіе плевелы, все дальше и дальше, съ перво-классныхъ улицъ на второстепенныя, на предмѣстья, за заставы, а порою и въ Вислу-матушку, либо подъ колеса обѣгающихъ Варшаву поѣздовъ.

Побывалъ я, между прочимъ, на выставкахъ. На одной изъ нихъ я встрѣтилъ Стася.

Хотѣлъ бы я очень знать, гдѣ это онъ себѣ раздобылъ свою физиономію... Представьте вы себѣ, милый Людвигъ, пышку съ пенснэ на носу; коротко подстриженные волосы выглядятъ, точно посыпанный на этой пышкѣ песочный сахаръ. Глазъ изъ-за пенснэ вовсе почти не видать, губы у него развѣ внутри, ибо снаружи ихъ не видать, а только вотъ какъ будто бы кто-то взялъ да сдѣлалъ на этой пышкѣ сверху маленькій надрѣзъ ножомъ—и вышелъ ротъ. Вы знаете, теперь въ кондитерскихъ подаютъ пышки въ бѣлыхъ бумажкахъ, ну, а тутъ вмѣсто бѣлой бумажки—бѣлый воротничекъ, на этомъ-то воротничкѣ красуется пышка въ пенснэ. И все это помѣщается на какомъ-то черномъ столбѣ съ двумя едва раздвинутыми ногами.

Стась почти никогда ничего не говоритъ, онъ только слушаетъ, что говорятъ ему, и дѣлаетъ при этомъ иронически-презрительную гримасу.

Картины его тоже представляются какъ бы презрительной гримасой, пущенной по адресу суеты житейской. На выставкѣ онъ всегда производить сенсацію.

У насъ съ нимъ произошелъ вотъ какой казусъ.

— Поглядите-ка,—говорю я ему,—что это вашъ братъ выдѣлываетъ! Вы видите вонъ тамъ этотъ квадратикъ? Что это, какое-то матовое стекло, что-ли? А за стекломъ лежитъ какъ будто какая-то грязная тряпка, свернутая въ комокъ.

Стась молчитъ. Смотрю на него—на лицѣ у него иронически-презрительная гримаса.

Я протираю глаза, приближаюсь къ тому, что мнѣ показалось матовымъ стекломъ—и, право, я остоленѣлъ.

Матовое стекло обращается въ туманъ, а грязная тряпка—въ развѣсистую вербу, которая какъ будто качаетъ обнаженными вѣтвями отъ ноябрьскаго вѣтра.

Поворачиваюсь къ Стасю. А онъ все молчитъ и на лицѣ его все та же иронически-презрительная гримаса.

Я опять перевожу взглядъ на картину и что же я вижу? Разсы-

павшіеся по землѣ листья складываются въ іероглифическую подпись: Станиславъ Ратай...

— Ну, знаете ли, ужъ этого я, право, никакъ не ожидаю, глядя на матовое стекло,—говорю я, въ недоумѣніи покачивая головой передъ картиной.

Стась все продолжаетъ молчать и гримаса на лицѣ его, на которомъ блеститъ пенснэ, становится все презрительнѣе.

Предъ картиной останавливаются двѣ дамы.

— Посмотри, Соня, что это такое?—говоритъ одна изъ нихъ, прикладывая лорнетъ къ глазамъ.

Та подходитъ къ картинѣ, нагибается и начинаетъ читать по складамъ:

— Ста-ни-славъ Ра...

— Ратай! Знаю, знаю! А что тамъ еще написано?

— Цѣна: четыреста рублей...

— Да нѣтъ же! Я спрашиваю, названіе какое?

— Названія нѣтъ.

— Ахъ да, правда, вѣдь теперь въ модѣ безъ названія... Главное въ впечатлѣніи, а не въ названіи... Видишь ли, Ратай, Ратай...

Она покачиваетъ головой и, продолжая стоять передъ качающейся вербой, отъ времени до времени посматриваетъ на другія картины.

Стась стоитъ неподвижно, съ презрительной гримасой на лицѣ.

Подходитъ какой-то дядюшка съ нѣсколькими барышнями, которыя, не стѣняясь, шумятъ и смѣются.

— Дядюшка, дядюшка, пойдѣте къ ратаевскому стеклу съ тряпкой!—кричатъ онѣ всѣ заразъ.

— Тише, глупыя...

— Манька, не кричи такъ!.. Тише, Юзя!.. Соня, перестань такъ ногами шаркать, а то дядя съ нами больше не пойдетъ!

Они подходятъ, наконецъ, къ картинѣ Ратая.

— Фу, ты чортъ, полѣзетъ же бестіи въ голову этакая ерундистика!—бормочетъ дядюшка.

— Дяденька, дяденька, что это такое ерундистика? Что это такое?—налетѣли на него дѣвчонки со всѣхъ сторонъ.

Дядюшка со всею кучей надоѣдливыхъ подростковъ удаляется, объясняя имъ:

— Видите ли, дурочки, ерундистика—это...

Больше нельзя слышать.

Стась молчитъ, дѣлая презрительно-нисходительную гримасу.

Въ это время откуда-то вырастаетъ передъ нами Юлій. Мы здороваемся другъ съ другомъ. Стась съ глубоко-презрительнымъ видомъ подаетъ ему свою руку. Юлій задерживаетъ мою руку и отводитъ меня въ сторону.

— У меня къ вамъ имѣется маленькое дѣльце...—И, обращаясь къ Стасю со сладенькой улыбкой, онъ произноситъ:

— Вы, надѣюсь, ничего противъ этого не имѣете?

Стась презрительно молчитъ.

— Терпѣть не могу этого шута...—шепчетъ Юлій, нагибаясь ко мнѣ.

— Но онъ художникъ съ душой,—говорю я.

— Да съ несвоевременной душой. Мутить только народъ...

— Чѣмъ могу служить?

— Вотъ я васъ прошу... завтра... но навѣрно?.. Завтра вечеромъ я устраиваю маленькій ужинъ...

— Но, вы знаете, вѣдь я еще не совсѣмъ здоровъ...

— Вы можете ничего не пить и не ѣсть. У насъ полная свобода. Я умѣю уважить права индивидуальности... Такъ, значитъ, я могу на васъ навѣрно рассчитывать?

— Я бы лучше...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вы меня обидите... Притомъ это не простой ужинъ. Мы будемъ обсуждать устройство нашего кружка...

— Да я вѣдь собственно къ вашему кружку не принадлежу...

— Это ничего! Вы написали замѣчательную вещь—вотъ эту легенду о сивилинскихъ книгахъ, и мы васъ считаемъ своимъ.

— Эту глупость...

— Ну, ну, ну, знаемъ мы вашу скромность... Слушайте! Не слѣдуетъ быть скромнымъ, особенно въ Варшавѣ—это прямо несчастье... Вѣрьте мнѣ! Нужно быть крайне самоувѣреннымъ, не то васъ будутъ ставить ни во что...

— Ну, и пускай себѣ ставятъ меня ни во что...

— О, позвольте! Мы, художники, этого ни за что не допустимъ! Вы намъ необходимы.

— На что? На то развѣ, чтобы выслушивать ваши теоріи и разглядывать ваши картины...

— Итакъ, вы значитъ общаете?

— Общаться не могу...

— Ну, тогда мы къ вамъ пришлемъ депутацію...

— Помилуйте, ради Бога!

— Такъ вы будете навѣрное. Будетъ Густавъ, будетъ Медвей... Будетъ нѣсколько натурщицъ...—прибавляетъ онъ шепотомъ, наклоняясь къ самому моему уху.

Я быстро подымаю голову, а онъ, дѣлая незамѣтный жестъ въ сторону Стася, шепчетъ: «А этого шута не будетъ!» и заливается тоненькамъ смѣшкомъ. Потомъ, слегка прикасаясь рукою къ краю цилиндра, онъ дѣлаетъ изящный пируэтъ и исчезаетъ за колонной. Въ воздухѣ еще носится тоненькій смѣшокъ.

ПИСЬМО XLIV.

Едва только успѣлъ отойти Юлій, какъ предо мною очутился Шанявскій. Онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ смежную залу посмотреть его одалиску.

Я съ перваго взгляда узналъ въ ней Бронку.

Долго, долго глядѣлъ я на эту картину. Шанявскій стоялъ подлѣ и слѣдилъ за каждымъ моимъ движеніемъ.

Наконецъ, изъ груди у меня вырвался вздохъ.

— Ну, что, производить впечатлѣніе не правда ли? — шепнулъ онъ мнѣ.

— Да-съ, сударь, производитъ, — отвѣтилъ я, — и даже гораздо болѣе сильное, чѣмъ вы предполагаете...

Мнѣ показалось, что я сказалъ ему этимъ черезчуръ много, такъ какъ я собственно подразумѣвалъ впечатлѣніе совершенно иной категоріи. Но Шанявскій самодовольно улыбнулся и произнесъ:

— Я очень радъ, что вамъ, наконецъ, хоть одна изъ моихъ картинъ нравится.

Я опустилъ голову и молчалъ. Шанявскій въ самомъ пріятномъ настроеніи сталъ водить меня отъ одной картины къ другой, давая мнѣ всѣ возможныя и невозможныя объясненія. Сначала я еще слушалъ его однимъ ухомъ, но, наконецъ, пересталъ совершенно слушать и углубился въ свои думы. Мы съ нимъ прохаживались по залѣ назадъ и впередъ. Онъ говорилъ сначала, кажется, что-то о своей одалискѣ, потомъ о какой-то новой, задуманной имъ картинѣ, но, наконецъ, замѣтивъ, что я о чемъ-то задумался, проговорилъ въ полголоса:

— У васъ, должно быть, какая нибудь непріятность?

— Скажите вы мнѣ, — отвѣтилъ я, — отчего это во всемъ этомъ (я обвелъ рукою вокругъ) такъ мало фантазіи, такъ мало размаху? Отчего все это такъ сѣро, такъ однообразно?.. Вѣдь говорятъ, что у насъ живопись торжествуетъ теперь эпоху расцвѣта. Скажите же мнѣ, гдѣ въ этой залѣ знаменія этой эпохи?

Онъ чуть-чуть покраснѣлъ и прошепталъ:

— Будьте, пожалуйста, откровенны... Вамъ моя картина не понравилась?

— О вашей картинѣ мы уже говорили. Ужъ не стану я говорить и о картинахъ Стася Ратая...

— Э, Ратай...

— Ладно, оставимъ мы Радаю. Но въ такомъ случаѣ вопросы, которые я вамъ сейчасъ поставилъ, приобрѣтаютъ еще болѣе важное значеніе.

— Да, ваши жалобы отчасти справедливы, — грустнымъ тономъ заговорилъ Шанявскій. — Я тоже иногда объ этомъ думаю. Видите ли, въ этомъ виновата варшавская жизнь. Здѣсь эта жизнь такъ кипитъ, что нельзя сосредоточиться. Намъ не достаетъ какого нибудь художественнаго центра. У художниковъ въ мастерскихъ пусто, сѣро, нѣтъ сюжетовъ. Мы всѣ словно ждемъ какого нибудь Мессію, который вдохнулъ бы въ насъ новую жизнь, новый жаръ...

— Мнѣ казалось, что у васъ всего недавно было еще такъ на-

зывается «совсѣмъ новое направленіе». Чего же вы хотите? Неужели же вамъ нужно еще чего нибудь «самоновѣйшаго», что ли?

— Шутки въ сторону. Эти «совсѣмъ новыя» вещи ужъ намъ пріѣлись. Во-первыхъ, въ нихъ не было ничего особенно новаго, а во-вторыхъ, отъ нихъ вѣяло какимъ-то холодомъ, такъ что они не могли дѣйствовать на публику.

Нѣсколько минутъ ходили мы по залѣ молча. Публика постепенно рѣдѣла. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно пусто и сѣро было кругомъ,

— Если бы наши заграничные художники,—началь опять Шанявскій,—отъ времени до времени кой-чего не присылали сюда, тогда, право, рѣшительно не за чѣмъ было бы сюда приходить!

— Однако, вы здѣсь, кажется, бываете довольно часто.

— Надо же какъ бы тамъ ни было послушать, что говорить публики...

— А мнѣ казалось, что вы относитесь съ презрѣніемъ къ этой толпѣ... По крайней мѣрѣ, не такъ давно вы, кажется, придерживались такой теоріи.

— Разумѣется, такъ; мы и продолжаемъ презирать ее и теоріи нашихъ мы не мѣняемъ, какъ перчатки. Однако, ходить сюда намъ нужно и въ доказательство этого я назову вамъ тѣхъ, кого вы здѣсь всегда можете встрѣтить: назову вамъ Юлія, назову вамъ Медвея, назову вамъ десятки другихъ. Даже вотъ и Ратай приходитъ, хоть только всего и дѣлаетъ, что презрительно улыбается. Ничего не подѣлаешь! Жить надо!

— Такъ чего же ради, въ такомъ случаѣ, вы вертитесь въ этомъ закодированномъ колесѣ, почему не стараетесь освѣжить свою душу, набраться новыхъ впечатлѣній, чтобы сердце надъ чѣмъ нибудь забилось сильнѣе? Вѣдь у васъ бы кисть дрогнула въ рукѣ съ иною силой!

— Вотъ то-то же, что стараемся! Вотъ я теперь собираю деньги на новую поѣздку въ Парижъ...

— За сюжетами?

— Зачѣмъ за сюжетами? Просто для того, чтобы освѣжиться немного...

— Удивительное дѣло! Мнѣ кажется, французскіе художники удираютъ изъ Парижа, чтобы освѣжиться...

— Ну, это вы ошибаетесь! Парижъ — это центръ міра, сюжетовъ, всего на свѣтѣ!

— А знаете ли вы, что наши великіе художники тоже удирали изъ Парижа на родину за фантазіей, за вольнымъ размахомъ, за матеріаломъ и вдохновеніемъ!

Шанявскій начиналъ хмуриться и раздражаться. А я продолжалъ:

— Да только эти великіе наши художники жили, какъ истые ху-

дожники, вы же... Послушайте, что вы дѣлаете сегодня вечером? — вдругъ спросилъ я, какъ будто бы переходя на другую тему разговора.

— Сегодня? Иду на рауть.

— А завтра?

— Завтра вечеринка у Юлія.

— А послѣзавтра?

— Послѣзавтра пріемный день у графини Жиглинской.

— А послѣ послѣзавтра?

— Мы идемъ всей нашей компаніей на концертъ. (Да зачѣмъ вамъ это?)

— Въ которомъ часу вы встаете?

— Около одиннадцати.

— Неправда ли, у васъ голова болитъ послѣ вчерашняго, когда вы встаете?

— Да, немного...

— Потомъ вы идете на выставку?

— Какъ видите.

— Потомъ завтракать?

— Не угодно ли вамъ пойти со мной вмѣстѣ? Хорошо?

— Потомъ вы идете погулять на Краковское Предмѣстье или въ Аллеи?

— Нѣтъ, я послѣ завтрака возвращаюсь въ мастерскую.

— А въ пять уже темно и нужно собираться туда, гдѣ пріемные дни? Вѣдь вамъ нужно показываться въ обществѣ, я понимаю...

— Само собою разумѣется.

— Безспорно... Но только скажите вы мнѣ, пожалуйста, когда же вы, собственно говоря, рисуете?

Шанявскій высвободилъ свою руку и, сердито глядя на меня, произвѣсь:

— Что это вы меня постоянно такъ раздражаете? Вы развѣ не понимаете, что вы меня этимъ на цѣлую недѣлю выводите изъ равновѣсія??

— Я васъ покорнѣйше прошу простить меня, но, мнѣ кажется, я—не «five o'clock» и не рауть, не вечеринка и не графиня Жиглинская, чтобы выводить васъ изъ равновѣсія...

— Вы не понимаете жизни...

— Нѣтъ, я не понимаю васъ!

Разговоръ оборвался.

Шанявскій стиснулъ зубы, лицо у него пожелтѣло, а черные глазки ушли глубоко въ орбиты.

— Придумайте что-нибудь...—произвѣсь онъ черезъ минуту, потряпывая себя перчаткой по ногѣ.

— Не можете ли вы мнѣ сказать,—спросилъ я,—что побуждаетъ васъ заняться работой?

— Отчего же? Я могу вамъ сказать: любовь къ искусству, любовь къ славѣ...

— А не можете ли вы мнѣ сказать, что такое, напримѣръ, любовь къ искусству?

— Вы задаете странные вопросы.

— Они вовсе не такъ странны. Ну, вотъ, напримѣръ, вы натягиваете полотно, берете кисть и палитру, подходите къ мольберту—такъ за вашей спиной стоитъ любовь къ искусству и водить вашей рукой?

— Вы все такъ превратно понимаете.

— А съ другой стороны стоитъ любовь къ славѣ и показываетъ вамъ на палитрѣ, какъ подбирать краски?

— Именно, именно!—вскричалъ Шянявскій, задыхаясь отъ бѣшенства.—Именно! Знайте же, что именно такъ!

— А скажите, какая изъ этихъ дѣвушекъ красивѣе: любовь къ искусству или любовь къ славѣ?

Сверхъ-человѣкъ не выдержалъ. Губы его исказились, ноздри расширились, глаза заблестали. Казалось, онъ такъ на меня сейчасъ и кинется. Но вдругъ онъ громко расхохотался и закашлялся.

— Ну, что тамъ!—воскликнулъ онъ.—Идемте завтракать. Я приглашаю васъ, вы будете сегодня моимъ гостемъ! Вѣдь вы написали такую чудную вещицу о сивилиновыхъ книгахъ...

— А теперь вотъ какъ разъ собираюсь написать еще чуднѣе, о васъ, Густавъ.

— Потѣшный вы человѣкъ!

— Я васъ изображу передъ мольбертомъ съ палитрою въ рукѣ. Съ одной стороны будетъ стоять любовь къ искусству безъ бурки отъ Герзе и безъ многихъ вещей, а съ другой стороны—любовь къ славѣ въ точно такомъ же костюмѣ. Обѣ эти любви будутъ вамъ глаза платкомъ завязывать и бѣгать около васъ, крича: «ловите насъ, ловите!» а вы будете гнаться за ними...

— Откуда вамъ въ голову приходятъ подобныя мысли?

— Откуда? Да при одной мысли, что я ѣду въ Парижъ...

— Вы ѣдете въ Парижъ?—встрепенулся Шянявскій.—И вы мнѣ ничего не говорите! Поздравляю васъ, отъ души поздравляю! О, по этому случаю надо выпить...

Но тутъ же онъ опустилъ голову и грустнымъ тономъ произнесъ:

— Здѣсь, дѣйствительно, нечего дѣлать.

— Эхъ, знаете,—отвѣтилъ я,—здѣсь собственно *некогда* дѣлать...

Что же касается остального...

Я остановился въ нерѣшительности. Я пылливо посмотрѣлъ ему въ глаза и думалъ: сказать ли ему откровенно, или нѣтъ...

Но нѣтъ! Не скажу... Онъ никогда не повѣритъ!

Знаете ли вы, дорогой Людвигъ, что я хотѣлъ ему сказать?

Я хотѣлъ ему сказать: Гутекъ, милый мой мальчикъ, къ чему тебѣ

рисовать Бровокъ безъ бурокъ отъ Герзе и безъ многихъ другихъ принадлежностей туалета?

Выйди ты лучше изъ дому на улицу, кинь ты свою палитру, бери въ руки простую малярскую кисть, намочи ее въ ведрѣ и крась дома.

Правда, не будетъ уже тогда трагедій наболѣвшихъ душъ, не будетъ вниканія въ себя, не будутъ жаловаться Бронки на то, что отцы отворачиваются отъ нихъ на улицѣ, но зато нашъ городъ будетъ красоваться отлично выкрашенными домами

Разумѣется, я этого не могъ сказать Шаянскому: во-первыхъ, онъ никогда бы этому не повѣрилъ, а во-вторыхъ, довольно съ меня этихъ поѣздокъ на разсвѣтѣ въ первую рожицу за гроховской заставой...

ПИСЬМО XLV.

Дорогой Людвигъ! Въ чемъ вы меня обвиняете? Въ томъ, что я преувеличиваю? Вы говорите, что я всѣ факты оболщенія молодыхъ дѣвушекъ и нравственной разнузданности отношу несправедливо исключительно на счетъ сверхъ-людей и что этому противорѣчатъ всѣ уголовныя преступленія, всѣ полицейскія записи и протоколы?

Быть можетъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ вамъ сказать, что я полагалъ, что, выступая въ защиту сверхъ-людей, вы сошлетесь на / другого рода факты.

Я полагалъ также, что, согласно съ законами всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, люди, отдавшіе себя на служеніе «прекрасному», должны быть въ большей степени отвѣтственны за «некрасивые поступки», чѣмъ, напримѣръ, личности, не занимающіяся никакой профессіей изъ области прекраснаго.

Наконецъ, я думалъ еще и то, что если, по закону всемірнаго тяготѣнія, къ землѣ притягиваются одинаково всѣ люди безъ исключенія, внѣ всякой зависимости отъ ихъ сословія, происхожденія и наклонности къ вниканію въ себя, то и законы нравственнаго тяготѣнія должны быть для всѣхъ, безъ исключенія, обязательны въ одинаковой степени.

Правда, сверхъ-человѣкъ этого не признаетъ. Но въ такомъ случаѣ не было ли бы, пожалуй, лучше, ради избѣжанія возникающихъ по этому поводу недоразумѣній, не было ли бы лучше, говорю я, чтобы эти сверхъ-люди основали себѣ гдѣ-нибудь подальше отъ людей отдѣльное государство.

А то, право, настоящія недоразумѣнія нарушаютъ нѣсколько взаимную гармонию. Посудите сами.

Люди обязаны доставлять сверхъ-человѣку всевозможные съѣстные припасы, подчасъ довольно-таки дорогіе, что они, впрочемъ, выполняютъ не всегда одинаково добросовѣстно и аккуратно. Сверхъ-человѣкъ же отплачиваетъ имъ за это своими картинами, которые, надо

сказать, не всегда бываютъ первостепенной цѣнности, а вдобавокъ послѣ разчета въ большинствѣ случаевъ отзывается о нихъ не совсѣмъ благопристойнымъ образомъ. Среди порядочныхъ людей такіе факты не пользуются особымъ уваженіемъ.

Люди даютъ художникамъ всевозможные предметы мужского туалета, чистятъ имъ сапоги, возятъ ихъ, а они взамѣнъ совращаютъ ихъ дочерей, такъ что, право, за дѣвушками, особенно за красивыми, никакъ не услѣдишь. Если сверхъ-человѣкъ считаетъ себя, въ сущности, только гостемъ въ этой юдоли общественныхъ порядковъ, постояннымъ же мѣстомъ жительства служить имъ какой-то Парнасъ, то подобное безцеремонное ихъ поведеніе у насъ, на землѣ, является по меньшей мѣрѣ нарушеніемъ законовъ гостеприимства.

Люди чествуютъ сверхъ-человѣка, осыпаютъ его цвѣтами, на расхватъ раскупаютъ ихъ портреты, значить, обращаются съ ними довольно любезно—и что же? Взамѣнъ за это сверхъ-человѣкъ называетъ ихъ подлой толпою.

Нельзя же сказать, чтобы людямъ все это было пріятно—они волей-неволей должны жаловаться и выискивать средства надъ упорядоченіемъ подобныхъ отношеній.

И, значить, если сверхъ-люди не довольны контрактомъ, который, между прочимъ, признаетъ только одна сторона, то нельзя ли его разорвать? Тѣмъ болѣе, что, въ сущности, даже не всѣ люди пользуются дарами художниковъ, а всего только какая-то ничтожная кучка избранныхъ?

Такъ пускай себѣ сверхъ-люди оснуютъ свое собственное государство, пускай себѣ они тамъ сами шьютъ себѣ костюмы и чистятъ сапоги, гладятъ рубахи, маринуютъ селедки, ловятъ кильки и устрицы, варятъ медъ, строятъ дома, изготовляютъ мебель, карандаши, краски, палитры, мольберты, пускай они себѣ сами дѣлаютъ все, что имъ нужно, а въ свободныя отъ этихъ занятій минуты пускай себѣ отдаются служенію «чистому искусству».

Тогда, пожалуй, внизу, на грѣшной землѣ, люди, собравшись толпою, упадутъ ницъ и, ударяя себя въ грудь, съ благоговѣніемъ будутъ внимать раздающемуся свыше голосу, начинающему свою рѣчь слѣдующими знаменательными словами:

— Подлая чернь, темная толпа, филистеры.

Ибо въ противномъ случаѣ они могутъ дождаться того, что выведенные изъ терпѣнія люди совсѣмъ взбунтуются противъ нихъ...

ПИСЬМО XLVI.

Былъ на вечеринкѣ у Юлія. Опишу ее вамъ.

Въ комнатѣ шумъ и гамъ невообразимый, такъ сказать «сверхъ-человѣчскій». Юлій подбѣгаетъ ко мнѣ съ бутылочкой «очищенной».

У стѣны, гдѣ висѣла прежде «Меланхолія тополя», стоитъ Шанявскій и, пошатываясь изъ стороны въ сторону, налѣваетъ: «гордо въ жизнь она вошла».

Изъ-за клубовъ дыма, носящихся въ воздухѣ, я различаю длинный столъ, а за нимъ рядъ спинокъ. Напротивъ сіяетъ добродушное, нѣсколько расплывшееся лицо Медвея. Протянувъ впередъ руку, онъ что-то говоритъ. Къ нему съ обѣихъ сторонъ наклоняются головы.

— Возьмите маленькую рюмочку,—сладко улыбаясь, говоритъ мнѣ Юлій.— Или не угодно ли вамъ коньячку! Великолѣпный коньякъ. У Жиглинской даже подаютъ не лучше. А вотъ грибки... Вы, кажется, любите грибки? Простите, если я, быть можетъ, слишкомъ свободно выражаюсь, но, признаюсь... всѣ мы сегодня въ особенно веселомъ настроеніи.

За столомъ водворяется молчаніе. Мы оглядываемся.

— Что вы говорите о критикахъ?—громовымъ голосомъ вопрошаетъ Медвей. —То-есть, извините,—поправляется онъ,—что вы говорите объ этой дряни?

Взрывъ хохота встрѣчаетъ эти слова, и вновь наступаетъ тишина.

— Господинъ Медвей, знаете пословицу: каковъ приходъ, таковъ и попь,—произноситъ маленькая фигурка, сидящая по другую сторону стола, напротивъ Медвея (это—Альфредъ Инкаустъ, публицистъ).

Подымается опять невообразимый шумъ. Медвей перегибается назадъ и, подымая руку, кричитъ:

— Что тутъ за попь? Кто попь? Критикъ у васъ попь? Сапожникъ онъ, а не попь!

И затѣмъ, поддаваясь впередъ, онъ опирается на обѣ руки и говоритъ:

— Знаете ли, что я вамъ скажу, господинъ Инкаустъ... Сейчасъ... Впрочемъ, можетъ быть, ваша фамилія уже Инкаустовскій? Въ такомъ случаѣ извините...

Взрывъ хохота.

— А, что весело?—наклоняется ко мнѣ Юлій.—Неправда ли? Вотъ увидите, сейчасъ и вы развеселитесь...

Кто-то стучитъ ложечкой о стаканъ. Водворяется молчаніе.

Изъ-за стола подымается Игнасъ Буковскій (сочинитель комедій и репортеръ) и, щури глаза, окидываетъ свысока взоромъ своихъ присутствующихъ.

— Господа, одно суовечко...—начинаетъ онъ, запинаясь.—Пишемъ и мы дья сцены, изображаемъ и жизнь на поотнѣ уучшей, чѣмъ она есть—мы никогда не доужны забывать, господа, что честь дорога каждому... Она дорога, какъ жиду...

— При чемъ тутъ жиды!—перебиваетъ его Медвей.

— Дайте мнѣ, пожауйста, кончить...

— Нѣтъ, я вамъ не дамъ кончить, чего вы вамъ толкуете о жидѣ, когда я говорилъ о господинѣ Инкаустовскомъ...

— О господинѣ Инкаустѣ, прошу васъ не забываться...

— Ну, простите... я людей обижать не люблю, только не морочьте вы намъ головы, потому что у насъ имѣются болѣе важные предметы для обсужденія. Юлій, выпей съ Игнасемъ, а то онъ намъ мѣшаетъ.

Юлій подбѣгаетъ къ Буковскому.

— За ваше здоровье, уважаемый господинъ Буковский!

— Буагодарствую. Я ужъ достаточно пиу,—патетически произносить Буковский.

— Такъ я говорю,—продолжаетъ Медвей,—только вы вотъ не слушаете меня,—говорю я, что больше такъ продолжаться не можетъ. Живопись наша обратится ни во что, если надъ нею будутъ такъ глумиться въ газетахъ.

— Да кто глумится, никто не глумится,—небрежно замѣчаетъ Альфредъ Инкаустъ.

— Да вы же первый!—кричитъ Медвей, указывая на него пальцемъ.—Ну, что это вы написали о Ратаѣ?

— Медвей, не увлекайся!—перебиваетъ его съ иронической улыбкой Юлій.—Какъ разъ о Ратаѣ онъ написалъ очень хорошо.

— Хорошо? Какъ это хорошо? Онъ говоритъ, что у него нѣтъ таланта,—воскликаетъ Медвей.

— И онъ совершенно правъ,—внушительнымъ голосомъ произносить Юлій.

Медвей упирается руками въ бока.

— Что ты толкуешь, Юлій? Стась, можетъ, и шутъ, да какое мнѣ до этого дѣла! Онъ замѣчательный художникъ!

— Медвей, повторяю тебѣ, не увлекайся, ты приходишь уже въ экстазъ...

— Экстазъ—не экстазъ, ты сиди да молчи! Господинъ Инкаустовскій!..

— Инкаустъ,—поправляетъ его Буковский.

— Пускай... Господинъ Инкаустъ, что вы написали о Шавярскомъ, а?

Опять слышенъ звонъ стакана—и опять подымается съ мѣста Буковский.

— Я-прошу суова.

— Ну, ужъ я вижу, что вамъ необходимо выболтаться,—говоритъ Медвей.—Болтайте себѣ, болтайте, а я тѣмъ временемъ отдохну себѣ маленько.

— Многократно суышау я,—начинаетъ медленно и патетически Буковский,—что въ настоящемъ нашемъ засѣданіи публичные голоса привлекались къ личной отвѣтственности... Господа, такая постановка вопроса...

— Господинъ Инкаустовскій, слышите вы публичный голосъ,—перебиваетъ его Медвей.

— Инкаустъ, — проскрежеталъ Буковскій, обводя все собраніе взглядомъ недовольнаго льва.

— Вы можете продолжать, — обращается Медвей къ Буковскому. Буковскій вздыхаетъ, какъ истый Демосоевъ, и щуритъ глаза.

— Господа... — продолжаетъ онъ. — Хотя я — тою драматургъ и посему могъ бы пропагандировать партійность, тѣмъ не менѣ врожденное чувство справедливости заставляетъ меня относиться съ уваженіемъ къ правамъ критики... Будемте снисходительны, будемте буагородны...

— А рггроз благородства... — подымается Медвей. — Мсье Буковскій, правдали, что вы играете на скрипкѣ?

— Къ чему вамъ это знать?

— А потому, что говорятъ, будто вы всѣмъ рекомендуете играть на скрипкѣ?

— Такъ что-же изъ этого, позвольте спросить?

— А то, что вы будтобы для того играете на скрипкѣ, чтобы развить въ себѣ благородныя чувства или даже, такъ сказать, пробудить благородныя чувства.

— Милостивый государь!

— Можетъ быть, я и ошибаюсь... Такъ, пожагуйста, будьте столь любезны объяснить мнѣ...

Всѣ засмѣялись. Буковскій поблѣднѣлъ. Но черезъ мгновеніе на его суровыхъ устахъ заиграла сардоническая усмѣшка.

— Господинъ Медвей, — промолвилъ онъ, — я глубоко цѣню ваше остроуміе!

— Очень пріятно, очень пріятно, — кланялся ему Медвей, — значить, вы уже кончили? Слѣдовательно, господинъ Инкаустовскій, мы можемъ съ вами продолжать нашъ разговоръ.

— Онъ этимъ Инкаустовскимъ доведетъ меня до отчаянія, — произнесъ, обращаясь ко мнѣ, Буковскій.

— Господа, давайте устройте пуншъ! — громко закричалъ Юлій.

— Пуншъ! Пуншъ! Пуншъ! — раздались крики.

— Господинъ Инкаустовскій, мы съ вами будемъ послѣ продолжать, — сказалъ Медвей.

Всѣ кинулись къ пуншу. Послышался шумъ отъ передвигаемыхъ стульевъ, звонъ стекла, нѣсколько бутылокъ упало на полъ и разбилось. Буковскій положилъ мнѣ на плечо свою руку, прищурилъ затуманенные глаза и задекламировалъ патетическимъ тономъ:

«Друзья, давайте обниматься,

Тѣснѣе къ груди прижиматься!

Пускай сердца забьютъ живѣе

И время промейкнетъ скорѣе...»

Въ эту минуту чьи-то руки схватили его сзади и увлекли куда-то, и мнѣ не пришлось услышать конца оды. А передо мною мелькнуло

слегка раскраснѣвшееся лицо Шанивскаго, который задавалъ мнѣ вопросъ:

— Ну, что весело вамъ?

Не успѣлъ я ему отвѣтить, какъ меня, въ свою очередь, подхватили чьи-то руки и подняли вверхъ; подо мною заколыхалось съ полдюжины головъ—и я, качаясь, повисъ въ воздухѣ.

— Да здравствуетъ авторъ исторіи о сивиллиныхъ книгахъ! Ура! Ура! Ура!—слышались возгласы.

Штукъ двадцать бокаловъ зазвенѣло подлѣ моихъ колѣнъ, проливаясь на головы и костюмы. Мнѣ волей неволей пришлось осушить залпомъ огромный бокалъ пуншу, послѣ чего опять прогремѣли возгласы «ура!» и меня, наконецъ, осторожно опустили на полъ «орлиного гнѣзда».

— Рѣжь ихъ здорово, этихъ скотовъ!—кричалъ Медвей.—Они разбойники. Недавно они меня отхлестали за портретъ, который я, между нами говоря, крошечку попортилъ...

— Это я, не будь я Инкаустовскій,—послышалось гдѣ-то въ сторонкѣ.

— Господинъ Буковскій, господинъ Буковскій!..—закричалъ Медвей.—Гдѣ Буковскій?

— Я здѣсь,—произнесъ, подходя, Буковскій.

— Вы слышали?

— Что?

— Альфредъ, повторите, пожалуйста...

— Я васъ отдѣлалъ за этотъ портретъ, не будь я Инкаустовскій...

Медвей положилъ обѣ свои руки на плечи Буковскаго и убѣдительною тономъ произнесъ:

— Вы, господинъ Буковскій, всегда любите спорить. Вотъ Альфредъ самъ называетъ себя Инкаустовскимъ, а вы меня за это браните!..

— Господинъ Инкаустъ,—угрюмо произнесъ Буковскій,—я въ васъ разочаровался...

Началась какая-то толкотня, меня приперли къ стѣнѣ. Я очутился подлѣ Юлія; онъ вдругъ сталъ обнимать меня и извиняться передо мною въ томъ, что произошло между нами за гроховской заставой на разсвѣтѣ въ рошицѣ. Онъ увѣрялъ меня, что попасть въ цилиндръ противнику, будучи раненымъ, свидѣтельствуетъ объ умѣнн стрѣлять артистически и для этого необходимо обладать баснословной ловкостью. Затѣмъ онъ заявилъ мнѣ, что Рымковскій ему чрезвычайно нравится. Онъ даже былъ у него, не безъ труда отыскавъ его квартиру, и пригласилъ на вечеринку. Рымковскій сначала было отказывался, но, наконецъ, обѣщалъ, только съ условіемъ, что ему можно будетъ придти попозже.

— Мы должны сблизиться, мы всѣ должны сблизиться—говорилъ

Юлій, не совѣмъ твердо держась на ногахъ я, дѣйствительно, черезчуръ ужъ приближая свое лицо къ моему.—Если бы вы чаще проводили съ нами время, увѣряю васъ, вы бы начали совершенно иначе творить. Все это удивительно вдохновляетъ. Ну, вотъ, напримѣръ, что вы скажете на такую картинку, а?—сказалъ онъ, протягивая впередъ руку.

Подлѣ стола окруженный тѣсной группой слушателей стоялъ Икаръ (поэтъ, недавно выпустившій въ свѣтъ томикъ сонетовъ подъ заглавіемъ «Сонеты въ свѣтѣ солнца»). Удивительно характерная это была личность, ну, прямо воплощеніе символизма. Онъ одинъ пришелъ во фракѣ. Каждая черта его лица была словно какимъ-то символическимъ украшеніемъ. Волосы мягкими кольцами обрамляли его меланхолическое лицо; взглядъ немного бессмысленныхъ очей былъ устремленъ куда-то въ четвертое или пятое измѣреніе. Онъ стоялъ, опершись о столъ и бессильно опустивъ руки, и декламировалъ стихотвореніе собственнаго пера, и голосъ его, то повышаясь, то понижаясь, былъ такъ нѣженъ, какъ таинственное дуновеніе вѣтерка въ кипарисовой рощѣ. Передъ нимъ стоялъ Жегота Ковальскій (тоже поэтъ, только не изъ сверхъ-людей) и, выпучивъ немного свои маленькіе черные глазки, похожіе на двѣ шевелящіяся пуговицы, поправляя на нихъ очки и нервно передергивая нѣсколько полнощекимъ лицомъ, внимательно слушалъ. На меланхолическомъ лицѣ Икара отъ времени до времени появлялось съ трудомъ скрываемое выраженіе самодовольства и, словно не декламируя, а замирая отъ любви, онъ полураскрывалъ губы, заканчивая послѣдній стихъ «leitmotiv'омъ»:

«И говори, что любишь, хоть бы не любила»...

Ковальскій еще больше выпучилъ глаза и уже хотѣлъ было что-то сказать, но въ это время выступилъ изъ группы слушателей Аріэль (поэтъ, который тоже недавно выпустилъ въ свѣтъ томикъ сонетовъ, подъ общимъ заглавіемъ «Мрачные сонеты») и, взглянувъ на Икара, сталъ импровизировать ему отвѣтъ:

«Не говори, что любишь, если ты не любишь»...

Икаръ опустилъ глаза и наклонилъ голову, причѣмъ свѣтлая борода его красиво и мягко легла на бѣлую грудь рубахи. Аріэль глядѣлъ на него, точно переодѣтый въ сюртукъ миннезенгеръ, и отъ времени до времени движеніемъ головы подчеркивалъ значеніе произносимыхъ словъ.

Когда онъ кончилъ, раздались громкіе аплодисменты. Жегота же схватилъ за одну пуговицу Икара, за другую Аріэля, поглядѣлъ изъ-за очковъ своими черными глазками на того и на другого и сказалъ:

— Послушайте, идіоты, знаете ли вы сами, чего хотите?

Аріэль подмигнулъ Икару и, незамѣтно указывая на Жеготу, провелъ рукою по лбу. Икаръ отвѣтилъ ему сострадательной улыбкой.

— Вы не понимаете поэзіи «Молодой Польши»,—сказалъ онъ Ковальскому.

А Аріэль, потрепывая Ковальскаго по груди, заговорилъ:

— Ты, Ковалька, чурбанъ, ты, видишь ли, человѣкъ нормальный, и посему ты этого понять не можешь. Я на тебя сердить за то, что ты не признаешь «новыхъ направленій», вѣдь это, согласишься, даже не по-товарищески...

Ковальскій вытаращилъ свои черные глазки и, плюнувъ, произнесъ:

— Эхъ, чтобъ вамъ пусто было. Напишетъ кто-нибудь вздоръ, чушь какую-нибудь—вотъ тебѣ и готово «новое направленіе»! Мальчишка всякій, еще не выйдя изъ пеленокъ, надѣлавъ что-то... уже кричитъ матери: «плюсу тебя, мама, не седдиться, это наплавленіе Молодой Польси»!

Мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось дослушать конца спора, такъ какъ въ это время почти все общество окружило Медвея, который, сидя на столѣ и размахивая своей огромной рукой, пѣлъ съ хоромъ: «гордо въ жизнь она вошла»...

Юлій куда-то пропалъ съ моихъ глазъ. Я хотѣлъ съ нимъ попрощаться и сталъ пробираться черезъ толпу въ другую комнату.

Я остановился на порогѣ и—вздригнулъ. Вотъ что я увидѣлъ.

На маленькомъ столикѣ, передъ диваномъ, разставлены чашки съ чернымъ кофе, рюмки съ ликеромъ, лежатъ папиросы и свѣча стоитъ зажженная.

Сбоку, на низкомъ креслѣ, сидитъ Шанявскій и держитъ въ рукахъ рюмку. Съ другой стороны подымается съ кресла блѣдный, почти позеленѣвшій Юлій съ своей вѣчно сладенькой улыбочкой на устахъ и, чокаясь съ нимъ, восклицаетъ:

— Ты сверхъ-человѣкъ!.. я сверхъ-человѣкъ!. А они всѣ тамъ—толпа, чернь... Выпьемъ съ тобой брудершафтъ!..

Раздается звонъ рюмокъ, вино проливается на столикъ. Изъ-за зажженной свѣчи вдругъ раздается женскій смѣхъ. Кто-то подымается, съ рюмкой въ рукѣ—что я вижу? Это Бронка!

Она была еще въ буркѣ и въ шляпѣ; повидимому, она недавно пришла и не имѣла намѣренія раздѣваться. На лицѣ ея горятъ два большія красныя пятнышка, глаза блестятъ и, держа въ рукѣ рюмку, она смѣется и кричитъ:

— Пью за здоровье сверхъ-людей!..

— Все ерунда!—кричитъ Шанявскій, чокаясь съ нею.

— Все ерунда! — повторяетъ Бронка, залпомъ выпивая рюмку, и ставитъ ее на столъ съ такою силой, что она разбивается пополамъ. А Бронка кричитъ:

— Нечего стариковъ слушать!.. Жизнь не повторяется... Нужно жить, пока живется!.. Наливай, Юлій.. Слышите вы, сверхъ-люди!.. Все на свѣтъ—ерунда!

Я протираю глаза.

— Что, капитальная дѣвушка?—шепчетъ мнѣ на ухо Юлія, подавая мнѣ рюмку.—Сама не думала, что придетъ!

— Какъ же это случилось?

— А ужъ это дѣло моего умишки—смѣется Юлія, складывая свои губы, точно для подѣлуя.

— А, Бронка! Ты здѣсь? Вотъ такъ штука!—раздается вдругъ въ дверяхъ громовой голосъ.

Я оглядываюсь: на порогѣ, едва держась на ногахъ, стоитъ Медвей.

— Что-жъ это, Бронка, говорили,—продолжаетъ онъ, поддаваясь впередъ и всплескивая руками,—говорили, будто ты замужъ выходишь, я ужъ, право, съ отчаянія трауръ хотѣлъ надѣть...

У ней брови сдвинулись, глаза засверкали и, поднявъ голову, она крикнула:

— Такъ знай же, болванъ, что я выхожу замужъ...

Въ отвѣтъ на эти слова послышался сперва тоненькій, какъ звуки флейты, смѣшокъ Юлія; за нимъ, словно *glissando* октавой на альтъ-віолѣ, раздался смѣхъ Шанявскаго, прерываемый хриплымъ кашлемъ и, наконецъ, словно генералъ-басъ, загремѣлъ смѣхъ Медвея, который, прижавшись къ стѣнѣ, отиралъ платкомъ потъ съ лица и трясся всей своей огромной фигурой.

Бронка схватила чашку кофе и швырнула ее въ голову Медвею, но ему удалось уклониться, и чашка разлетѣлась въ дребезги, оставляя на стѣнѣ мокрое коричневое пятно.

Я оглянулся. Во второй комнатѣ было уже пусто, и только голубоватый дымъ густымъ слоемъ висѣлъ въ воздухѣ.

— Бронка разошлась!—раздался голосъ Юлія.—Господа, нужно привести ее въ себя!—и онъ бросился наливать рюмку.

Въ то же мгновение Бронка схватила его за голову и хохоча драла его за волосы. Юлія рванулся отъ нея, столікъ перевернулся и все, что на немъ было, со звономъ и трескомъ полетѣло на полъ. Медвей схватилъ Бронку за руки, Шанявскій снялъ съ нея бурку и шляпку, а Юлія, котораго она все продолжала держать за волосы, обнялъ ее за талію.

— Вы мнѣ платье разорвете, убирайтесь вонъ!—кричала Бронка.

Мгновение — и сверкнули ея обнаженныя руки. На лицѣ дѣвушки выступили какія-то мѣдно-красныя пятна, глаза дико блеснули, губы раскрылись...

— Все ерунда!—кричала она.—Нужно жить, пока живется!.. Ура! Да здравствуютъ художники!.. Нечего слушать стариковъ!

Но вдругъ голосъ ея круто оборвался и лицо словно окаменѣло. Краска мгновенно сбѣжала съ ея лица, щеки покрылись мертвенной блѣдностью, губы посинѣли, а въ глазахъ застыло выраженіе безумнаго ужаса...

Шумъ не прекращался; ее держали, рвали во всѣ стороны. Волосы у ней распустились и длинными волнистыми прядями разсыпались по сверкающимъ наготю плечамъ.

Но она словно ничего не видѣла, не чувствовала, не сознавала. Взглядъ ея затуманившихся глазъ былъ неподвижно устремленъ въ одну точку. Синіе круги выступили у ней подъ глазами, глаза закрылись, голова бессильно упала на обнаженную грудь...

Я быстро оглянулся назадъ. На порогѣ другой комнаты предо мною мелькнула чья-то спина. Я кинулся туда, выбѣжалъ въ сѣни, слышу—кто-то быстро сбѣгаетъ внизъ по лѣстницѣ. Я нагибаюсь, смотрю въ пролетъ: шумъ шаговъ все слабѣй и слабѣй, вотъ на поворотѣ мелькнула чья-то фигура, держась одной рукой за перила, а другою впившись въ волосы на головѣ... Кто это? Удивительно похожъ на... Рышковскаго!

ПИСЬМО XLVII.

Дорогой другъ мой Людвигъ!

Сижу я у Рышковскаго. Чтобы сократить минуты ожиданія, я взялъ листочекъ бумаги и задумалъ писать вамъ покуда письмо. Послѣ вчерашней пирушки у меня еще немного болитъ голова. Но не стану я философствовать на эту тему, ибо трудно вѣдь основываться на аргументаціи, начинающейся со словъ: «ego autem censeo», разъ, какъ-бы тамъ ни было, хотя бы даже только пассивно, самъ принималъ въ этоѣ участіе.

Рышковскаго нѣтъ дома. Но мнѣ необходимо его дожидаться: во-первыхъ, потому что «Ежедневная Газета» хочетъ помѣстять въ новогоднемъ номерѣ что нибудь изъ произведеній его пера, а во-вторыхъ, для того, чтобъ убѣдиться, онъ ли это мелькнулъ тогда предо мною на лѣстницѣ, или не онъ, а если онъ, то, въ виду того, что онъ навѣрное видѣлъ ту сцену, я хотѣлъ бы знать, какъ онъ намѣренъ теперь поступить.

Холодновато у этого Рымушки. Изъ окна виднѣется вся Огородная улица.

Но что у него за библіотека! Четыре огромныя полки, доходящія до самаго потолка, сплошь заставлены книжками. Въ углу цѣлая гора журналовъ, а вотъ и еще книжки! Подумаешь, право, что этотъ парень не пилъ, не ѣлъ, а все только книги покупалъ. А между тѣмъ я не знаю болѣе здороваго человѣка, чѣмъ онъ. На стѣнахъ развѣшено нѣсколько фотографій съ картинъ Хелмонскаго. Какая прелесть эти его болота! Мужичкой душѣ Рымушки не трудно было понять всю великую поэзію, какою дышутъ эти болота. Свой своего узналъ! Даже «Марія» Мальчевскаго не въ состояніи вызвать такой глубокой грусти въ душѣ человѣка, какая пробуждается въ ней при взглядѣ на эти унылыя болота. Кажется, такъ и стоялъ бы передъ ними и плакалъ, плакалъ безъ конца...

Я его, кажется, не дождусь сегодня, этого Рымушку. Экая досада!

Въ комнату входитъ его хозяйка, довольно толстая баба, съ засученными по локоть рукавами. У ней за поясомъ бренчить связка ключей.

— Господинъ Рышковскій не говоритъ вамъ, когда приблизительно онъ вернется?—спрашиваю я.

— Да они говорили, что сію минуточку вернутся. Ужъ давно пора имъ быть!

— А онъ давно ушелъ?

— Ранехонько. Восьми еще не было.

А теперь уже двѣнадцать. Хороша «минуточка»!

Я начинаю барабанить пальцами по столу. Черезъ минуту я опять обращаюсь къ хозяйкѣ и спрашиваю:

— Не сказалъ ли вамъ какъ нибудь господинъ Рышковскій, куда онъ идетъ?

— Говорю-жъ вамъ, что должны были сію минуточку вернуться, такъ же, значить, никуда далеко пойти не могли.

Совершенно вѣрно. Я оставляю ему на столѣ записочку и благодарю хозяйку. Она улыбается, поправляя на себѣ кофту, кланяется и уходитъ.

Право, я порою завидую Рышковскому!

Хотите ли знать, въ чемъ я ему завидую?

Первымъ дѣломъ, я завидую его здоровой простой натурѣ, его непосредственности и кротости, его умѣнью такъ прямолинейно рассуждать при выборѣ между добромъ и зломъ. Я завидую его философіи, его удивительной снисходительности—но больше всего, да, больше всего я завидую его добротѣ...

Мнѣ порой кажется, что такая доброта—это болѣе могучій рычагъ для культуры человѣчества, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ взятые паровыя, электрическія, бензиновыя и т. п. машины, что онъ сильнѣе, чѣмъ всѣ эти вмѣстѣ взятые теоріи, статьи и трактаты, толкующіе о томъ, «какъ сдѣлать человѣка лучшимъ, чѣмъ онъ есть»...

Вѣдь этотъ человѣкъ обладаетъ всѣмъ тѣмъ, къ чему я самъ такъ стремился всегда и въ погонѣ за чѣмъ я пришелъ въ какое-то особое состояніе...

Ну, вы знаете...

ПИСЬМО XLVIII.

Я страшно встревоженъ. Вотъ ужъ три дня, какъ Рышковскій пропалъ куда-то безъ слѣда. Какъ вышегъ онъ тогда изъ дому, такъ больше и не приходилъ.

Я обошелъ всѣ редакціи, съ которыми онъ имѣлъ сношенія, былъ въ бібліотекѣ, повидался со всѣми общими знакомыми. Никто не знаетъ, куда онъ дѣлся.

Я понять не могу, что это такое?

Теперь только я чувствую, что я не только уважалъ его, я и любилъ его искренно. Я не знаю, какъ успокоиться.

Я ужъ побывалъ нынче два раза на Огородной. Хозяйка такъ и расплакалась, увидѣвъ меня. Какая это славная женщина! Вѣдь простая баба, а какое у ней доброе сердце!

— Боже мой, Боже мой, — говорила она сквозь слезы, — что это такое съ нимъ статься могло? Вѣдь человекъ — не ключи, чтобы этакъ куда запропасться... Вѣдь здоровый былъ, веселый, пилъ, ѣлъ, никогда не скучалъ... Ахъ, Боже ты мой, Боже мой!...

Я постоялъ тамъ съ четверть часа молча, бессмысленно уткнувшись глазами въ полъ, и пошелъ обратно.

Простите меня, дорогой Людвигъ, но я долженъ кончить, я больше не могу писать. Грудь моя ноетъ отъ тоски и невыносимой грусти.

Что это съ Рымушкой могло статься!?

П И С Ь М О Х Л I X .

Руки у меня трясутся, перо выскальзаетъ...

Сегодня въ полдень является ко мнѣ Шанявскій, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ входитъ и, не раздѣваясь, садится на стулъ.

— Вы уже слышали? — говоритъ онъ, помолчавъ немного.

Я быстро скидываю на него глаза.

— Что такое??

Онъ не отвѣчаетъ сразу, колеблется какъ будто и, наконецъ, грустнымъ тономъ произносить.

— Бронка утопилась...

Въ первое мгновеніе мнѣ показалось, что онъ сошелъ съ ума или бредить. Я поднялъ голову, потеръ лобъ и спрашиваю:

— Что вы говорите, Густавъ? Кто утопился? Бронка?

Онъ покачалъ головой и съ какимъ-то особенно серьезнымъ видомъ произнесъ:

— Да, да, она... Еще третьяго дня. Нѣсколько рыбаковъ кинулись было ее спасать, но было уже поздно. Ее вытащили безъ признаковъ жизни.

Я вскочилъ.

— Слушайте, Густавъ, что вы говорите — это правда??

— Увы, правда истинная! Сегодня утромъ встрѣчаю я знакомаго околоточнаго, онъ мнѣ вдругъ и говоритъ: «вотъ Бронка-то ваша что сдѣлала!» Что такое? спрашиваю. «Идите, говоритъ, со мной, сейчасъ ее вывозить будутъ». Ведетъ онъ меня подъ руку, потому что я, признаться, ошеломленъ былъ страшно. Входимъ въ прозекторію. Пахнуло карболкой. Проходимъ сѣни, входимъ въ какую-то залу. Какіе-то люди несутъ носилки, прикрытыя простыней. Околоточный попросилъ ихъ остановиться, отдернулъ простыню... Я такъ и остолбенѣлъ...

— Послушайте, ведите меня туда сію минуту! — крикнулъ я, хватая Шанявскаго за руку.

Онъ не трогался съ мѣста. Отвернувшись отъ меня лицомъ, онъ продолжалъ разсказывать:

— Я отошелъ къ окну. Я больше ничего не слышалъ. Въ вискахъ у меня стучало, какъ молотомъ. На дворѣ стояла телѣга, люди съ носилками подошли и вложили въ какой-то деревянный ящикъ что то, завернутое въ бѣлую простыню. Лошади тронулись...

Онъ помолчалъ съ минуту, а потомъ, проводя рукою по шляпѣ и глядя на полъ, прибавилъ:

— Да, да... увезли нашу Броню на кладбище...

Я долго ходилъ въ волненіи по комнатѣ взадъ и впередъ и только иногда останавливался перевести духъ, но я не въ состояніи былъ вымолвить ни слова; Шанявскій тоже молчалъ.

Наконецъ, онъ поднялся и подошелъ ко мнѣ.

— Я вижу, — произнесъ онъ, — на васъ это извѣстіе тоже сильно подѣйствовало. Мы сейчасъ идемъ къ Вислѣ разспросить рыбаковъ. Не хотите ли пойти съ нами!

Я машинально надѣлъ пальто, шляпу и, безсмысленно озираясь кругомъ, какъ будто ища чего-то. Шанявскій взялъ меня подъ руку и вывелъ изъ комнаты.

Я все еще никакъ не могъ придти въ себя.

По дорогѣ мы зашли въ ворота дома, гдѣ жилъ Юлій. Шанявскій нажалъ пуговку электрическаго звонка и приложилъ ухо къ слуховой трубѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ сбѣжали Юлій съ Медвеемъ.

Мы двинулись по направленію къ Вислѣ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ ней, Варшава мѣняла свой видъ. Пошли грязныя, кривыя, идущія подъ гору улочки. Въмѣсто высокихъ роскошныхъ домовъ стали попадаться старыя, низенькія, полуразвалившіяся домишки. Даже лица прохожихъ и костюмы были тутъ какіе-то иные и даже звукъ человѣческаго голоса обратился въ какой-то крикливый, рѣзкій, пронзительный.

Зато вверху было видно все больше и больше неба, солнце свѣтило ярче и воздухъ широко и свободно врывался въ грудь.

Впереди запумѣла Висла. Ея еще не видно было изъ-за насыпи, но уже слышался говоръ ея водъ, рокотъ ея пѣнистыхъ волнъ, журчаніе переливающихся струй.

Юлій съ Медвеемъ пошли впередъ и взобрались на насыпь; на чистомъ фонѣ неба завидѣлись ихъ черныя силуэты.

Мы съ Шанявскимъ медленно пошли за ними. Мы молчали. Да и о чемъ говорить въ такія минуты? Все словно замираетъ въ тебѣ, не интересуешься и не думаешь ни о чемъ, движешься, какъ автоматъ: мысли, какъ спуганныя птицы, улетаютъ совсѣмъ изъ головы.

Мы остановились на верху насыпи.

Передъ нами катилась Висла, словно огромная, широкая полоса движущагося золотистаго песку, кой-гдѣ покрытаго сѣдыми клубами пѣны. Позади насъ ярко сіяло солнце, отбрасывая отъ насъ косыя тѣни на берегъ.

Вдали плыло нѣсколько лодокъ; онѣ выглядѣли, точно длинныя спички, только, вмѣсто головокъ, виднѣлись у руля какія-то сгорбленныя фигуры. Съ другой стороны, надъ трубою медленно разсѣкающаго воды парохода длинною черною лентой вился густой дымъ.

Слышится плескъ волнъ, бьющихся о берегъ. Снизу донеслись голоса. Это Юлій и Медвей о чемъ-то говорили съ какимъ-то рыбакомъ, который то и дѣло качалъ головой и сильно жестикулировалъ правой рукой. Юлій кивнулъ намъ.

— Вотъ этотъ человекъ видѣлъ всю эту сцену, — сказалъ онъ намъ, когда мы подошли. — Ну-съ, бываютъ въ жизни болѣе пріятныя минуты, — прибавилъ онъ съ грустной улыбкой.

Рыбакъ снялъ шапку и провелъ рукой по волосамъ. Юлій кинулъ ему въ шапку полтинникъ и пошелъ съ Медвеемъ на насыпь.

Шанявскій попросилъ рыбака рассказать намъ на ново всю эту исторію.

Рыбакъ надѣлъ шапку и, протянувъ руку по направленію къ отвѣсно подымавшемуся надъ рѣкой берегу, началъ:

— Самая эта барышня раза ужъ два прежде сюда приходила. Изъ себя-то такая красивая, ловкая была, да только, видно, внутри ее что-то больно грызло, потому, то и знай, бѣжить по берегу туда и назадъ и громко плачетъ. Поглядѣлъ я это на нее, какъ извѣстно, всегда на человекѣ поглядишь, да и отвернулъ голову, потому не впервой это мнѣ видѣть, какъ сюда люди плакать приходятъ. Какъ-то такъ къ полудню приходитъ она опять, опять туда и назадъ по берегу бѣгаетъ, опять плачетъ — заливается. И былъ у ней платочекъ бѣлый такой, такъ вотъ она его все при глазахъ держала. Поглядѣлъ я опять, да за сѣтью мнѣ смотрѣть надо было, такъ и не думалъ я о ней. Вотъ подъ вечеръ, довольно ужъ таки позднеенько, прибѣгаетъ, вижу, моя барышня опять на берегъ и опять туда и назадъ съ платочкомъ бѣгаетъ. Ну, думаю себѣ, замышляетъ, видно, что! Да только чего бы это ей столько разъ бѣгать сюда!? Я какъ разъ въ ту пору отдыхалъ послѣ работы, потому больше она мнѣ въ глаза и бросилась. Подойти, думаю, да спросить, что это съ ней? А она, знай, бѣгаетъ да плачетъ, бѣгаетъ да плачетъ. Всталъ я это съ камня, трубку въ карманъ сунулъ, подхожу это къ ней и говорю: «ой, барышня ты моя милая, что жъ это ты такъ кручиннишься?» Какъ я это сказалъ, она тутъ какъ вздрогнетъ, руки на голову забросила, побѣжала прямо къ рѣчкѣ — хлюсть!... Только ее и видали. Господи помилуй! Оторопѣлъ я, стою да крещусь. Тутъ ее на верхъ выки-

ную. Опомнися я, кидаюсь къ лодкѣ, кличу на помощь. А они ужъ всѣ сбѣжались—сами видѣли. Бухъ весломъ въ воду, разъ, бухъ другой, а вода ее, ровно въ мельницѣ, крутитъ: то выбросить, то накроетъ, то вверху, то внизу. Подъѣзжаемъ, одинъ, нагнулся, багромъ за платье зацѣпилъ—тащимъ ее. Есть! Такъ мы ее и вытащили, взяли къ себѣ на лодку, качали, качали, да только ужъ изъ ней, горемычной, духъ вышелъ. Слабенькая такая была, что-жъ? Водой разъ только залеть, захлебнется и готово. Тутъ мы, не долго думая, взяли къ берегу. Сбѣжались отовсюду. Кто-то дагъ знать, прѣхалъ дохтуръ, взяли ее и увезли, а что тамъ съ нею дальше было, такъ ужъ этого не знаю.

Онъ развелъ руками, снялъ шапку, провелъ рукой по волосамъ и переводилъ взглядъ съ меня на Шанявскаго и обратно. Шанявскій кинулъ ему что-то въ шапку, взялъ меня подъ руку и мы пошли по насыпи. Разказъ рыбака не выходилъ у меня изъ головы. Куда бы я ни кинулъ взгляда—на небо ли, на растилавшійся ли вдали городъ, на водную ли ширь Вислы, которая становилась все свѣтлѣй, все прозрачнѣй—всюду стоялъ передо мной образъ бѣгающей по берегу дѣвушки, закрывающей платочкомъ глаза.

Не легко, видно, было ей, бѣдной, покончить съ собой. Все ходила къ рѣкѣ, плакала и—не рѣшалась кинуться въ воду. И только слова рыбака...

Мы шли по насыпи, которая становилась все уже и уже. Передъ нами, взявшись подъ руки, медленно шагали Медвей съ Юліемъ и о чемъ-то толковали, указывая руками то на Варшаву, то на Саксонскій полуостровъ, то на желѣзную мостъ. Вдругъ они остановились. Насыпь была узкая, такъ что и намъ съ Шанявскимъ поневогѣ пришлось остановиться. Лицо мое разгорѣлось отъ волненія, я неподвижно глядѣлъ на рѣку и мнѣ чудилось, что берегъ уплываетъ вмѣстѣ со мною. Среди тишины раздавался голосъ Юлія, который все говорилъ да говорилъ. Сначала я не обращалъ никакого вниманія на то, что онъ говорилъ, но вотъ вдругъ мало-по-малу слова его стали проникать въ мое сознаніе. Я невольно прислушался. И вотъ что я услышалъ:

— Посмотрика-ка, Медвей! Очертанія Варшавы не совсѣмъ ровны, но это бы еще ничего, это могло бы вызывать кой-какія неясныя впечатлѣнія... Но эта ливія моста совершенно лишена какой бы то ни было художественности... Тамъ вонъ небо нехорошо отражается на горизонтѣ. Это совсѣмъ не то, что на югѣ, гдѣ все сливается одно съ другимъ, а если иногда и отдѣляется, то въ этомъ имѣется нѣкоторая цѣлесообразность... Посмотри, Медвей, на Вислу... Помнишь Сену? Какъ послѣ нея рисовать Вислу!.. У ней совершенно фальшивые тона! Она годится, пожалуй, для того, чтобы въ нее кидались сентиментальныя дѣвушки, но...

Передо мною все стоялъ образъ бѣдной Бронки, съ платочкомъ въ рукѣ.

П И С Ь М О I.

А Рышунки нѣтъ, какъ нѣтъ...

Уже три мѣсяца прошло, какъ онъ, точно сквозь землю провалился! Мы подали заявленіе властямъ, разослали повсюду телеграммы, бѣгали смотрѣть всѣ трупы, о которыхъ узнавали изъ газетъ.

И все же мнѣ кажется, что онъ еще живъ, что онъ только ушелъ отъ насъ...

Его кроткій, голубиный характеръ не могъ довести его до отчаянія, до самоубійства. Его доброта такъ нужна, такъ необходима людямъ нашего времени, что если ея ужъ нѣтъ на землѣ, такъ остается только волосы рвать...

Нѣтъ! Онъ живъ, онъ долженъ жить!

Я часто чувствую его около себя.

Прокаживаясь въ сумерки по своей комнатѣ съ заложенными за спину руками и думая Богъ знаетъ о чемъ, я вдругъ останавливаюсь: мнѣ чудится, что я слышалъ за собою его шаги, что вотъ онъ тоже остановился. Если бы я въ это мгновеніе обернулся, я, быть можетъ, его бы увидѣлъ... Но я боюсь нарушить иллюзію...

Этотъ человѣкъ внесъ въ нашу жизнь здоровое тѣло и здоровую душу. Онъ внесъ въ нашу жизнь бодрость, свѣжесть, чистоту и ясность мысли, твердость убѣжденій, гранитную этику и много, много поэзіи, простой, дорогой сердцу, родной поэзіи...

А съ чѣмъ онъ ушелъ отъ насъ?

О, я знаю, съ чѣмъ онъ ушелъ или, лучше сказать, какимъ онъ ушелъ отъ насъ!

Онъ ушелъ такимъ же твердымъ, такимъ же непоколебимымъ, такимъ же простымъ и добрымъ, какимъ былъ...

А ушелъ онъ отъ насъ оттого, что... что.

Приходится поломать немного голову надъ отвѣтомъ... Нѣтъ, отвѣтъ есть, его только нужно сформулировать...

Да, только сформулировать: я начинаю чувствовать и понимать, отчего такъ часто уходятъ отъ насъ такіе люди...

Отчего? Оттого, что вѣдь это такъ нормально, что люди лгутъ, что они обманываютъ другъ друга, что они губятъ красивыхъ, плохо береженныхъ матерьями дѣвушекъ... Что любишь немного повеселиться, пожить нервами и только нервами... Что порою на крыльяхъ искусства уносишься съ грѣшной земли куда нибудь въ пятое или шестое измѣреніе, презирая темную, филистерскую толпу, что не умѣешь ни вникать въ себя, ни тонко чувствовать... Что дѣвушки порой кидаются въ воду...

Нормально... О, да, это нормально... Только эта нормальность доводитъ иныхъ до какого-то страннаго состоянія, до какихъ-то безумныхъ мыслей и рассужденій, которыя вызываютъ улыбку соболизно-

ванія на нормальныя уста... которыя заставляють нормальную руку подняться и провести нормальнымъ пальцемъ по нормальному лбу.

Вы мнѣ говорите, дорогой Людвигъ, что я вамъ не писалъ объ искусствѣ? Что я писалъ вамъ о разныхъ глупостяхъ, о Юліяхъ, Стефкахъ, о Бронкахъ, Рымковскихъ, о теткахъ и Стасяхъ?? Странно!.. А мнѣ казалось, что я писалъ именно объ искусствѣ.

Впрочемъ, если это даже и такъ, такъ вѣдь я васъ заранѣе предупредилъ, что вы будете читать письма ненормальнаго человѣка.

Знаете ли, о чемъ мнѣ нынче ночью шумѣла Висла?

Луна обливала изумруднымъ сіяніемъ предмѣстья Варшавы, берега неумолчной Вислы, ея необъятную водную ширь. Воды катились, шумя, не смолкая—и въ плескѣ волнъ, въ шипѣніи пѣны, въ журчаніи струй мнѣ слышался одинъ голосъ, звучавшій, словно голосъ какого-то добраго, безсмертнаго, вѣчно съ нами живущаго духа, звучавшій такъ мягко, но сильно, какъ голосъ Рымковскаго. Этотъ голосъ шепталъ:

— Надо, чтобъ люди были счастливы... надо, чтобы, прежде всего, они были счастливы...

Тихій ночной вѣтерокъ обвѣвалъ мнѣ лицо. Воспоминанія о томъ, что я видѣлъ въ жизни, что я самъ пережилъ и что пережили другіе, нахлынули на меня. Я всею душой, всѣмъ существомъ своимъ ушелъ въ окружающій меня таинственный міръ, я адно лоя его говоръ. Отъ залитой изумруднымъ сіяніемъ рѣки медленно понеслись въ пространство звучные, стройные аккорды и торжественнымъ, дивнымъ хоромъ гремѣли волны:

«Пойте, воды, пойте, струи, потоки, пучины...

«Пойте всѣ, пойте...

«Выходите тѣни утопленниковъ, выходите изъ мрака водъ на лунный свѣтъ...

«Соберитесь толпой и внимайте хоровой пѣснѣ рѣки...

«Пойте же, воды, пойте, пучины, пойте, потоки и струи...

«Пойте погибшимъ въ волнахъ, пойте живымъ, что по берегу блуждаютъ ночью...

«Пойте безъ устали, пойте одно...

«Пойте: надо, чтобъ люди счастливыми были... надо больше всего, чтобы люди счастливыми были!..»

Конецъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ НѢМЕЦКАГО КРЕСТЬЯНСТВА.

(АКАДЕМИЧЕСКАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ)

Профессора Фрейбургскаго университета, д-ра Карла Иоганна Фукса.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО Ю. Р.

Ни въ одной области политической экономіи и въ особенности экономической исторіи втеченіе послѣднихъ 10—12 лѣтъ не сдѣлано такъ много, какъ въ области нѣмецкой аграрной исторіи и исторіи древнѣйшей нѣмецкой аграрной политики. За основными работами Георга Гансена послѣдовали работы Мейтцена, Инама-Штернегга, Лампрехта, Готгейна, Кнаппа и его учениковъ. Одна область германскаго отечества за другой, одна эпоха за другою были изслѣдованы съ точки зрѣнія аграрно-историческаго и аграрно-политическаго развитія, и, такимъ образомъ, въ настоящее время аграрная исторія германскаго народа, по крайней мѣрѣ, въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія, слѣдовательно приблизительно съ эпохи Каролинговъ, представляется ясно нашему взору. Мы знаемъ теперь, какъ возникъ тотъ «дуализмъ», который проникаетъ и заражаетъ народное хозяйство нынѣшней германской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всю германскую народнохозяйственную политику, дуализмъ, который теперь принято обозначать терминомъ «Германія на востокъ отъ Эльбы» и «Германія на западъ отъ Эльбы». Но мы знаемъ также, что только самое поверхностное изслѣдованіе можетъ удовлетвориться этимъ «дуализмомъ», что, напротивъ, нужно различать *три* формы аграрнаго строя, которыя послѣдовательно другъ за другомъ развивались въ теченіе германской исторіи и которыя еще и до сихъ поръ встрѣчаются рядомъ другъ съ другомъ въ различныхъ областяхъ, причемъ одна изъ этихъ формъ встрѣчается даже въ двухъ отдѣленныхъ другъ отъ друга территорияхъ. Мы можемъ и должны, такимъ образомъ, говорить теперь уже о *тройномъ* или *четверномъ* дѣленіи Германіи въ аграрномъ отношеніи. Шагъ за шагомъ открывался тотъ путь, который втеченіе этого тысячелѣтія велъ отъ прошлаго къ настоящему; мы знаемъ теперь, почему въ настоящее время въ различныхъ частяхъ Германіи картина сложилась такъ, а не иначе.

Такимъ образомъ, на основаніи всей новѣйшей литературы мы имѣемъ теперь полную возможность окинуть взглядомъ пройденный путь и указать тѣ выдающіяся черты, которыми характеризуются важнѣйшія эпохи въ исторіи нѣмецкаго земледѣлія и землевладѣнія.

I.

Аграрная исторія есть исторія земли и землевладѣльца, исторія «земельнаго строя». Этотъ послѣдній имѣетъ, такимъ образомъ, всегда двѣ стороны. во-первыхъ, *агрономическую*, т. е. техническіе способы обработки земли, во-вторыхъ, *соціальную*, т. е. земельный строй въ тѣсномъ смыслѣ слова, правовыя отношенія земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ по отношенію другъ къ другу и къ землѣ. Если эти оба лица, землевладѣлецъ и земледѣлецъ, не совпадаютъ, то между ними существуетъ вплоть до самаго новѣйшаго времени (которое и здѣсь создало свободныя договорныя отношенія) связь господства и подчиненія. Такимъ образомъ, главные задачи аграрной исторіи слѣдующія: заселеніе и возникающая при этомъ зависимость самой земли, возникновеніе личной зависимости земледѣльцевъ, крестьянъ и, наконецъ, уничтоженіе этой двойной зависимости. Смотри по тому, согласимся мы или нѣтъ, что личная зависимость въ формѣ «феодалнаго владѣнія» (*Grundheirrschaft*) возникла *уже одновременно* съ самымъ заселеніемъ страны, намъ придется дѣлать аграрную исторію или на двѣ, или на три главные эпохи: заселеніе, образованіе феодалнаго владѣнія (*Grundherrschaft*) и освобожденіе землевладѣнія. Въ нѣмецкой аграрной исторіи, однако, мы должны различать двѣ формы личной зависимости, старѣйшую и новѣйшую: феодалное владѣніе (*Grundherrschaft*) и вотчинное (*Gutsherrschaft*), существующія притомъ не только одна послѣ другой, но и рядомъ другъ съ другомъ; только въ одной части Германіи первая превратилась въ послѣднюю.

Этотъ дуализмъ «феодалнаго» (*Grundherrschaft*) и «вотчиннаго» владѣнія (*Gutsherrschaft*) тождественъ съ упомянутымъ въ началѣ дуализмомъ въ нынѣшнемъ аграрномъ строѣ нѣмецкаго государства. Послѣднее, какъ извѣстно, раздѣляется линіей, образуемой приблизительно Эльбой и Зааломъ, на двѣ части съ очень различнымъ земельнымъ строемъ: въ западной мы находимъ по преимуществу среднія и мелкія, т. е. крестьянскія хозяйства и только небольшое количество крупныхъ имѣній; въ восточной господствуютъ большія владѣнія, крестьянскихъ же меньше или даже почти совсѣмъ нѣтъ, и притомъ эти послѣднія крупнѣе, чѣмъ на юго-западѣ. Въ XVIII вѣкѣ, при началѣ освободительнаго законодательства, на западъ отъ этой границы мы находимъ только феодалное владѣніе, восточнѣе же ея — возникшее изъ нея вотчинное. Но этотъ дуализмъ восходитъ гораздо глубже: упо-

мянутая граница, какъ оказывается, почти соотвѣтствуетъ старой границѣ славянъ IX столѣтія. Нѣмецкія земли, лежашія на востокъ отъ Эльбы, въ которыхъ въ 18 вѣкѣ мы находимъ крупныя вотчины, представляютъ обширную колонизованную область, которая только съ XI вѣка политически и культурно завоевана Германіей и потому имѣетъ свою особенную аграрную исторію, почти на 1000 лѣтъ болѣе юную.

Я началъ смѣлымъ заявленіемъ, что изслѣдованіе нѣмецкой аграрной исторіи и политики въ теченіе послѣдней тысячи лѣтъ въ настоящее время можно считать до извѣстной степени законченнымъ. Однако, общій опытъ всякаго историческаго изслѣдованія показываетъ, что чѣмъ яснѣе мы постигаемъ ближайшіе къ намъ по времени процессы, тѣмъ неопредѣленнѣе становятся болѣе отдаленныя времена. Это происходитъ оттого, что прежнія построенія перестаютъ удовлетворять и древнему времени предъявляется все большее количество отдѣльныхъ вопросовъ, на которые не можетъ отвѣтить скудный матеріалъ. Такъ именно и въ настоящій моментъ—отчасти даже благодаря значительнымъ изслѣдованіямъ послѣдняго времени—первая эпоха нѣмецкой аграрной исторіи отъ первобытнаго времени и почти до времени Каролинговъ, отъ перваго заселенія почти до возникновенія крупной земельной собственности стала болѣе сомнительной и мѣнѣе ясной, чѣмъ когда-либо.

Прежде всего выплылъ снова старый вопросъ о происхожденіи феодальнаго владѣнія (Grundherrschaft), вопросъ, который уже прежде, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія такъ много обсуждался. Этотъ вопросъ заключается въ томъ, была ли огромная масса древнихъ германцевъ, послѣ первыхъ прочныхъ поселеній и перехода къ земледѣлію, какъ главному средству существованія,—свободными и равноправными членами марки, или же крѣпостными, подчиненными одному владѣльцу крестьянами. Тогда этотъ вопросъ рѣшался такъ или иначе въ зависимости отъ политическихъ тенденцій, съ цѣлью—исторически обосновать или опровергнуть предполагавшееся, а отчасти уже и осуществленное освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ собственностью. Либеральное пониманіе побѣдило и осталось господствующимъ почти до настоящаго времени. Но теперь, когда мы не нуждаемся болѣе въ подобной защитѣ крестьянскаго освобожденія, это господствующее мнѣніе, положенное даже въ основу новаго большаго сочиненія Мейтцена, сильно поколеблено одновременно съ двухъ сторонъ, независимо одна отъ другой: въ Германіи—работами Виттиха и Гильдебранда и еще ранѣе иностранными аграрными историками, какъ Сибомъ, Фюстель де-Куланжъ и др.

Въ то время какъ Виттихъ, исходя изъ изслѣдованія позднѣйшаго развитія въ нижней Саксоніи, приходитъ къ заключенію, что феодальное устройство было господствующей формой еще во времена Тацита, Гильдебрандъ, наоборотъ, на основаніи сравнительныхъ этнологическихъ изслѣдованій оспариваетъ для древнѣйшаго времени какъ

существованіе свободного товарищества въ маркѣ и сельской общинѣ, такъ и феодальнаго владѣнія и даже поземельной собственности вообще, но допускаетъ, что переходъ къ земледѣлію уже съ самаго начала вызываетъ извѣстную зависимость занимающихся имъ,—согласно словамъ пророка: «вездѣ, гдѣ появилось это орудіе (плугъ), всегда оно приносило съ собою рабство и позоръ». Такимъ образомъ, снова возгорѣлся старый споръ о Цезарѣ и Тацитѣ.

Но съ этимъ спорнымъ вопросомъ тѣсно связанъ другой—о причинахъ существующаго и до сихъ поръ въ Германіи различія между формами поселенія *отдѣльными дворами* и *деревнями*. По теоріи Мейтцена, не всѣми, однако, раздѣляемой, поселенія отдѣльными дворами—кельтическаго происхожденія, деревнями же—германскаго. Другая теорія (Кнаппа), наоборотъ, выводитъ различныя формы поселенія изъ характера самой земли; наконецъ, третья теорія (Виттиха и Гильдебранда) видитъ въ отдѣльномъ дворѣ всеобщую первоначальную форму поселенія. Затѣмъ, и еще одинъ вопросъ о возникновеніи «чреполопности» (*Gemengelage*), т.-е. такого характернаго для древней нѣмецкой деревни полевого устройства, при которомъ поля отдѣльныхъ хозяевъ находятся не въ одномъ кускѣ, какъ при поселеніи отдѣльными дворами, но въ различныхъ, въ зависимости отъ качества почвы, отрѣзкахъ поля,—«полосахъ», лежащихъ рядомъ другъ подлѣ друга, какъ крестьянскіе дворы въ деревнѣ. Вотъ здѣсь и является вопросъ, возникло-ли это своеобразное полевое устройство «раціонально» и преднамѣренно, для осуществленія равныхъ правъ жителей, т.-е. членовъ марки или деревни, на дѣйствительно равноцѣнныя части въ полѣ; или оно произошло исторически, вслѣдствіе постепеннаго образованія поля изъ разныхъ кусковъ, неодновременно разработанныхъ, или же путемъ цѣлаго ряда раздѣловъ, или, наконецъ оно было создано преднамѣренно, но не свободной сельской общиной, а помѣщикомъ для осуществленія не равныхъ правъ крестьянъ на землю, а равныхъ обязанностей ихъ къ помѣщику. Такимъ образомъ, Ганссенъ, Мейтценъ, Кнаппъ и Гильдебрандъ защищаютъ въ этомъ вопросѣ каждый свое особое мнѣніе.

Наконецъ, изъ того воззрѣнія, которое относитъ возникновеніе феодальнаго владѣнія къ эпохѣ перваго заселенія, неизбѣжно вытекаетъ несогласное съ господствующимъ мнѣніемъ пониманіе того, какъ слѣдуетъ смотрѣть на крупную феодальную собственность временъ Каролинговъ. Именно, въ такомъ случаѣ рѣчь уже можетъ идти не о возникновеніи при Каролингахъ феодальнаго владѣнія вообще, а только о происхожденіи *крупныхъ* феодальныхъ помѣстій. И съ точки зрѣнія послѣдней теоріи—лицами, передающими и «коммендирующими» себя и свои участки крупнымъ владѣльцамъ посредствомъ соотвѣтствующихъ актовъ, должны являться не прежніе свободные крестьяне, желающіе подчиниться феодалу, а мелкіе помѣщики. Эти послѣдніе передаютъ крупнымъ владѣльцамъ принадлежащія имъ небольшіе крестьянскіе

дворы съ находящимися на нихъ подчиненными крестьянами, чтобы потомъ снова получить ихъ въ ленъ.

Сдѣлать окончательный выборъ между всѣми этими гипотезами невозможно безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Особенно намъ нужны новыя изслѣдованія, помимо юго-востока Германіи, т.-е. Баваріи на югъ отъ Дуная, также и относительно юго-запада, особенно Бадена, гдѣ поселеніе деревнями и отдѣльными дворами встрѣчаются рядомъ другъ съ другомъ и гдѣ римскія, галльскія и германскія аграрныя отношенія соприкасались и оказывали взаимное вліяніе. Поэтому съ большимъ нетерпѣніемъ будетъ встрѣчевъ второй томъ соч. Готгейна, «Промышленная исторія Шварцвальда», который, вѣроятно, скоро появится.

II.

Оставимъ теперь сомнительную почву древняго времени и начнемъ нашъ очеркъ нѣмецкой аграрной исторіи со второй большой эпохи, со времени Каролинговъ, когда въ болѣе древней западной части Германіи и уже существовало феодальное (*grundherrliche*) устройство, во вновь заселяемой же, сѣверо-восточной, образовывалось вотчинное. Въ эту эпоху мы находимъ во всей древнѣйшей Германіи однообразное сельское устройство, состоящее изъ крупныхъ феодальныхъ имѣній и виликаций (*villikationen*), «вилликаціонное» или барщинное устройство. Оно представляло не что иное, какъ примѣненіе организаціи дворцовыхъ земель, установленной въ 812 г. (въ уставѣ *de villis* Карла Великаго), къ владѣніямъ епископовъ, монастырей, князей и крупныхъ господъ.

Эти владѣнія состояли изъ многочисленныхъ, подчиненныхъ одному господину, крестьянскихъ дворовъ и изъ барскаго или прикащичьяго двора съ принадлежавшимъ къ нему участкомъ пахотной земли (*Herren—или Salland*). Этотъ послѣдній участокъ обрабатывался крестьянской барщиной (полевая и другія работы, особенно подводныя). Но эти барщинныя работы были незначительны сравнительно съ тѣми денежными и натуральными поборами, которыя доставлялись на барскій дворъ для хозяйскаго обихода, какъ плата за пользованіе крестьянскими дворами. Такихъ «обязанныхъ» крестьянъ было въ меньшихъ помѣстьяхъ около 12—20, въ крупныхъ же, въ особенности въ монастырскихъ, цѣлыя тысячи. Крестьяне этого разряда, т. наз. «латы» (*die Laten*), хотя были лично несвободными, «обязанными» прикрупленными къ землѣ, но при всемъ томъ вполне сохранили всѣ гражданскія права. По вотчинному праву (*Hofrecht*) они составляли товарищество и имѣли наследственное право пользованія своими недѣлимыми дворами; кромѣ того, размѣры ихъ оброковъ и повинностей, установленныя изстари, не подлежали повышенію.

Такъ какъ эти феодальныя владѣнія не представляли географиче-

ски замкнутыхъ округовъ, а состояли изъ разбросанныхъ кусковъ, такъ что крестьяне одной деревни могли принадлежать къ различнымъ феодальнымъ помѣстьямъ, то управлять сколько-нибудь значительными изъ нихъ было невозможно изъ одного какого-нибудь центрального пункта. Поэтому, эти владѣнія дѣлились на нѣскольکو отдѣльныхъ хуторовъ (Hofhöfe), и каждый изъ послѣднихъ съ принадлежавшими къ нему крестьянами составлялъ особую единицу, «вилликацію», которая управлялась слугой помѣщика, «villicus» или прикащикомъ, вначалѣ изъ крестьянъ, послѣдѣ изъ его свиты. Онъ обрабатывалъ господскій участокъ земли (Salland) собственными несвободными людьми этого хутора съ помощью крестьянской барщины и собиралъ съ крестьянъ оброкъ для господина.

Значеніе всего этого феодальнаго устройства изобразилъ Кнаппъ въ слѣдующихъ словахъ: «На одной сторонѣ стоитъ только сельскохозяйственный трудъ, и притомъ только мелкое производство, домашнее хозяйство. На другой сторонѣ стоятъ: король, герцоги, графы, дворяне, которыхъ надо прокормить; кромѣ того, и монастырямъ также надо создать хозяйственный фундаментъ. Всему этому удовлетворяетъ феодальное хозяйство. Оно является экономической основой для всѣхъ высшихъ и свободныхъ профессій».

Если въ это время, т. е. около X—XII столѣтій, поземельное устройство во всей коренной Германіи было одинаково, то съ этихъ поръ пути развитія въ сѣверной и южной половинахъ значительно расходятся, такъ что въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны различать сѣверо-западъ и юго-западъ.

На сѣверо-западѣ, и прежде всего въ Нижней Саксоніи, послѣднѣмъ Ганноверѣ, съ XII и XIII столѣтій дальнѣйшее развитіе феодальнаго землевладѣнія идетъ уничтоженія путемъ прикащичьихъ дворовъ. Возникшая у феодаловъ вмѣстѣ съ вторженіемъ денежнаго хозяйства (вслѣдствіе крестовыхъ походовъ) потребность въ повышеніи доходовъ, а также злоупотребленія и нерадѣніе управляющихъ привели сначала къ сдачѣ въ аренду «вилликацій» за опредѣленный денежный или натуральный оброкъ самимъ управляющимъ, а потомъ, когда и это перестало удовлетворять, къ полному уничтоженію прикащичьихъ хуторовъ.

Господинъ оставилъ «латамъ» личную свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ они потеряли наслѣдственное право на свои участки, Онъ отнялъ у нихъ землю, соединилъ 4 прежнія крестьянскія хозяйства по 30 моргеновъ въ одно новое, соотвѣтственно требованіямъ ушедшей впередъ земледѣльческой техники. Затѣмъ, онъ снова отдалъ эти новые участки одному изъ отпущенныхъ на волю латовъ. Но только теперь они получали землю на тѣхъ же правахъ, на какихъ до сихъ поръ отдавалась вся вилликація управляющему, т. е. въ аренду на 3—12 лѣтъ за высокій натуральный оброкъ, который по истеченіи этого срока могъ

быть возвышенъ. Такъ возникли ниже-саксонскіе арендаторы изъ крестьянъ и крупныя ниже-саксонскія крестьянскія хозяйства въ 4 участка, или «гуфы». вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось новое чисто-земледѣльческое устройство безъ владѣнія личностью крестьянъ т. е. безъ крѣпостного элемента, «новѣйшій земельный феодализмъ».

Но является вопросъ: что же случилось съ прочими тремя четвертями прежнихъ крестьянъ? Одна часть, повидимому, превратилась въ особый классъ сельскаго населенія, Kossät'овъ или Kötter'овъ. владѣвшихъ незначительнымъ количествомъ земли и притомъ не полевой. Другая часть направилась въ только-что основавшіеся тогда города. Наконецъ, третья, гонимая нуждой, а не жаждой приключеній, потянулась со всѣмъ своимъ движимымъ добромъ въ славянскіе земли, на востокъ отъ Эльбы, куда ее привлекала и личная свобода, за которую она только что такъ дорого заплатила, и наследственное право владѣнія, потерянное ею на родинѣ.

Описанное выше превращеніе феодальнаго владѣнія, только недавно открытое намъ Виттихомъ, произошло только что указаннымъ образомъ лишь въ одной части сѣверо-западной Германіи, въ Нижней Саксоніи. Однако и въ Вестфалии сельское устройство постепенно видоизмѣнялось подобнымъ же образомъ. Здѣсь сохранилось только «крѣпостное состояніе», которое въ концѣ-концовъ тоже превратилось въ простой источникъ ренты.

Въ Нижней Саксоніи, однако, вскорѣ послѣ описаннаго процесса началась борьба между государствомъ и землевладѣльцами изъ-за крестьянъ, — борьба, въ которой государство было сильно заинтересовано съ податной стороны; борьба эта окончилась полной побѣдой государства. Землевладѣльцу было запрещено повышать арендную плату и уже въ XVI-мъ вѣкѣ управляющимъ было предоставлено наследственное право на ихъ «прикащичьи имѣнія». Таковъ былъ первый примѣръ аграрной политики въ Германіи, не превзойденный по своей энергіи ни однимъ изъ послѣдующихъ мѣропріятій третьей эпохи.

Но государство пошло еще далѣе въ ограниченіи свободы распоряженія «прикащичьимъ хуторомъ» какъ для господина, такъ и для самого крестьянина. Въ концѣ XVII-го вѣка оно признало за замкнутымъ недѣлимымъ крестьянскимъ хозяйствомъ юридическое значеніе и присвоило себѣ надъ нимъ извѣстную публично-правовую господскую власть. Такимъ образомъ, къ концу XVIII-го вѣка феодалъ превратился здѣсь въ простого получателя ренты.

Въ то время, какъ въ сѣверо-западной Германіи вилликаціонное устройство въ XII-мъ и XIII-мъ столѣтіяхъ было уничтожено, и его мѣсто заняло «новое феодальное владѣніе» и «прикащичье» право (Meierrecht),—въ большей части областей южной, юго-западной, рейнской Германіи оно сохранилось въ древнѣйшей формѣ и съ XIII-го

столѣтія совершенно окаменѣло въ ней. Латы сдѣлались тутъ «оброчными собственниками» (*Zinspflichtige Eigenthümer*). Такимъ образомъ феодалу не удалось здѣсь усилить хозяйственную эксплуатацію настолько, какъ при ниже-саксонскомъ уничтоженіи вилликацій; наоборотъ, феодальное владѣніе постепенно исчезало и пало само собою. Зато судебная власть помѣщика была въ этихъ мѣстностяхъ принципиально отдѣлена отъ феодальной, приобрѣла болѣе важное значеніе и разрослась отчасти въ верховную власть надъ маленькими территориальными государствами. Вотчинный судъ и сословное господство являются для этихъ мѣстностей характеристическими формами государственнаго строя. Съ этой судебной властью землевладѣльца часто, но отнюдь не всегда, соединялось крѣпостное или наследственное господство, которое здѣсь является въ послѣдствіи отдѣленнымъ отъ феодальнаго владѣнія. Крестьяне были здѣсь «крѣпостными» (*leibeigen*) до XVIII-го столѣтія, но это крѣпостное состояніе здѣсь, какъ въ Вестфали, мало-по-малу теряетъ всякое значеніе; крѣпостные были обязаны только уплачивать различныя подати,— правда, иногда очень тяжелыя, какъ, напр., уплата помѣщику части наследства крѣпостного (*Mortuarium*). Но, во всякомъ случаѣ, на личное и социальное положеніе человѣка крѣпостное право подъ конецъ не имѣло уже рѣшительно никакого вліянія.

Но въ XV-мъ и XVI-мъ столѣтіяхъ дѣло обстояло еще иначе: у крестьянъ было много личныхъ обязанностей по отношенію къ различнымъ господамъ, не столько отяготительныхъ въ матеріальномъ смыслѣ для крестьянства, сколько унижительныхъ въ нравственномъ и общественномъ смыслѣ. Безпощадная эксплуатація этихъ помѣщичьихъ правъ и попытки ихъ еще расширить, рядомъ съ захватомъ общинныхъ земель, были главными причинами, вызвавшими крестьянскую войну. Въ извѣстныхъ «12-ти статьяхъ», гдѣ формулировались желанія возставшихъ, требовалось отнюдь не уничтоженіе всѣхъ повинностей, а только восстановленіе древняго обычая и возвращеніе общинныхъ земель.

На сѣверѣ, а также позднѣе и на сѣверѣ-востокѣ, поземельное устройство измѣнялось съ теченіемъ времени соотвѣтственно экономическимъ отношеніямъ, и эти измѣненія служили промышленному прогрессу; именно поэтому они были настолько послѣдовательны и разумны, что лишь изрѣдка встрѣчали противодѣйствіе со стороны задѣтаго ими и терпѣвшаго отъ нихъ крестьянскаго сословія. На сѣверо-западѣ, кромѣ того, какъ мы уже видѣли, скоро началось внимательство государственной власти въ интересахъ крестьянъ, которое имѣло въ виду и достигло если не освобожденія крестьянъ, то во всякомъ случаѣ ихъ правовой защиты. Наоборотъ, на югѣ и особенно на юго-западѣ дѣло не дошло до полнаго разрыва со стариной, и личнаго освобожденія крестьянъ не произошло; поэтому-то крестьянство не принимало тамъ никакого участія въ томъ культурномъ прогрессѣ конца среднихъ вѣ-

ковъ и начала эпохи возрожденія, который начался всего ранѣе именно въ этихъ мѣстностяхъ. Крестьянство слишкомъ отстало здѣсь въ хозяйственномъ отношеніи и занимало слишкомъ низкое положеніе въ социальномъ отношеніи, такъ какъ никакое радикальное преобразование экономическаго устройства его еще не коснулось, не вызвало такого напряженія силъ, какъ у крестьянъ сѣверо-запада, и не внушило ему сознанія внутренней свооды. Такимъ образомъ, этотъ устарѣлый, бессмысленный для обѣихъ сторонъ и крайне придиричивый для слабѣйшей стороны порядокъ вещей, приводившій къ постояннымъ притѣсненіямъ презираемыхъ крестьянъ ненавистнымъ для нихъ духовенствомъ и чиновниками, — представителями мелкой территориальной власти, и вызвалъ ту вспышку долго сдерживаемыхъ страстей, которую представляютъ крестьянскія войны. Безполезное притѣсненіе всегда сильнѣе всего озлобляетъ. Къ этому присоединилось образование сельскаго пролетаріата, уже тогда начавшееся въ этихъ странахъ съ древнѣйшей культурой, съ наиболѣе плотнымъ населеніемъ и съ полной свободой крестьянскихъ раздѣловъ.

Но такъ какъ крестьянскія войны не выставляли широкихъ экономическихъ задачъ и не ставили подъ вопросъ самаго экономическаго существованія помѣщиковъ, то и послѣ этихъ войнъ, не смотря на поражение крестьянъ, обстоятельства въ общемъ не ухудшились; скорѣе даже было наоборотъ. Теперь стали хоть, по крайней мѣрѣ, остерегаться чрезмѣрныхъ требованій и возвышенія повинностей, особенно личныхъ. Вообще, положеніе крестьянъ на юго-западѣ съ XVI-го столѣтія ни въ чемъ существенномъ болѣе не ухудшалось.

Совершенно иначе шло развитіе на сѣверо-востокѣ, въ земляхъ на востокъ отъ Эльбы, заселенныхъ германцами только съ XII в. Здѣсь начинается именно въ это время настоящій упадокъ крестьянства, постепенное ухудшеніе его положенія, сложившагося во время колонизаціи. Это произошло вслѣдствіе развитія вотчиннаго поземельнаго строя и возникновенія крупныхъ вотчинныхъ хозяйствъ.

Эти области, прибрѣтенныя отчасти оружіемъ, отчасти мирнымъ путемъ, вслѣдствіе онѣмеченія туземныхъ князей, были открыты нѣмецкой культурѣ, благодаря широкой колонизаціи XII—XIV вѣковъ. Повсемѣстно за нѣмецкимъ монахомъ и рыцаремъ слѣдовалъ нѣмецкій крестьянинъ съ тяжелымъ нѣмецкимъ плугомъ, который распахивалъ лѣса и строилъ новыя деревни или осѣдалъ въ существующихъ славянскихъ деревняхъ и вытѣснялъ славянина съ его легкой сохою и примитивнымъ земледѣліемъ, или же становился его учителемъ.

Сельское устройство, которое создано было здѣсь нѣмецкой колонизаціей, характеризуется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что феодальные господа явились повсюду прежде крестьянина, по крайней мѣрѣ нѣмецкаго. Владѣтельные князья и нѣмецкіе монастыри, получали здѣсь въ даръ большія пространства земли для заселенія нѣмецкими крестья-

нами; къ нимъ присоединился еще третій элементъ — крупные вассалы — высшее нѣмецкое и туземное дворянство. Всѣ эти три рода феодальныхъ владѣльцевъ систематически заселяли свои земли нѣмецкими крестьянами, приходившими, большею частью, изъ Нижней Саксоніи вслѣдствіе происходившей тамъ мобилизаціи сельскаго населенія. Эти колонисты, какъ было уже сказано, на первыхъ порахъ получили здѣсь наилучшія личныя и имущественныя права: личную свободу и наследственное право владѣнія на свои новые дворы; они пользовались, обыкновенно, правомъ наследственной аренды, отчасти также правами «наследственнаго ласситнаго владѣнія» (Lassbesitz). Въ тѣхъ восточныхъ областяхъ, гдѣ германизація была мирнымъ процессомъ и славянское населеніе не было истреблено, и это послѣднее получало также, если переходило къ нѣмецкимъ способамъ веденія хозяйства, «лучшее нѣмецкое право». Не болѣе, какъ въ два столѣтія совершилось полное сліяніе славянскаго населенія съ нѣмецкими поселенцами, какъ показываетъ намъ особенно характерный примѣръ Помераніи и Рюгена.

Такимъ образомъ, здѣсь на сѣверо-востокѣ нѣмецкая аграрная исторія начинается прямо со второй формы поземельнаго устройства древнѣйшей Германіи, т. е. съ «чистаго феодальнаго владѣнія». Однако существуетъ и важное различіе. Крупныя владѣнія на востокѣ съ самаго начала представляли округленныя географическія территоріи, и этотъ территоріальный характеръ землевладѣнія въ колонизованной странѣ послужилъ основаніемъ позднѣйшихъ вотчинныхъ хозяйствъ. Другая форма, т. е. многочисленныя и обширныя рыцарскія владѣнія въ деревняхъ появляются уже приблизительно столѣтіе спустя послѣ окончанія колонизаціоннаго процесса. Мы находимъ обыкновенно въ деревняхъ между крестьянами — одного или нѣсколькихъ дворянъ, владѣющихъ мелкими хозяйствами, данными имъ за ихъ услуги въ ленъ. Эти хозяйства образовались изъ очистившихся крестьянскихъ дворовъ, или изъ «поссессорскихъ участковъ», полученныхъ когда-то предпринимателями и руководителями колонизаціи въ вознагражденіе за устройство новой нѣмецкой деревни. Первоначально владѣльцы такихъ дворовъ являются простыми сосѣдями крестьянъ, безъ всякихъ правъ надъ ними. Но въ слѣдующій же періодъ, благодаря государственному безсилію и финансовой нуждѣ, то тотъ, то другой такой дворянинъ приобреталъ всѣ принадлежавшія владѣтельному князю или какому-нибудь другому землевладѣльцу права на крестьянъ той деревни, въ которой находилось его имѣніе, а иной разъ также и въ одной или нѣсколькихъ сосѣднихъ деревняхъ. Отъ владѣтельнаго князя онъ получалъ полную, даже самую высшую юрисдикцію и право на общественныя повинности крестьянъ, а отъ помѣщика — право верховной собственности и право на оброки и платежи.

Такимъ образомъ дворянское имѣніе становилось центромъ небольшого, но опять-таки территоріально округленнаго феодальнаго вла-

дѣнія; дворянскія землевладѣльческія, судебныя и феодальныя права сливались въ однѣхъ рукахъ и такимъ образомъ возникало «вотчинное владѣніе» (Gutsherrschaft). Большія феодальныя имѣнія разложились, такимъ образомъ, на многочисленныя вотчинныя владѣнія. Какъ видимъ, вотчинное владѣніе не есть идеальный комплексъ различныхъ правъ: правъ на ренту и т. д., но вполне реальная территориальная область господства, въ которой вотчинникъ! есть въ то же время и высшая власть, а жители — его частные подданные, обязанные своимъ личнымъ трудомъ обрабатывать его имѣніе.

Съ окончаніемъ этого процесса, завершившагося въ «средней маркѣ» уже во второй половинѣ XV-го столѣтія, начинается въ этихъ странахъ паденіе крестьянства; послѣднее мало-по-малу совершенно устраняется изъ сферы публичнаго права и предоставляется въ полное распоряженіе господина. Государство не имѣетъ болѣе никакого непосредственнаго интереса по отношенію къ нему; даже подати оно теперь получаетъ черезъ посредство помѣщика. Такимъ образомъ, прежде всего, въ области личнаго права отношеніе крестьянина становится хуже: онъ оказывается привязаннымъ къ той землѣ, на которой владѣлъ дворомъ, оказывается «вещно-подчиненнымъ». Эпоха реформациі ухудшаетъ также и его имущественныя права и его экономическое положеніе. Вслѣдствіе происшедшаго въ это время измѣненія въ военной организациі и появленія наемнаго войска, дворянинъ, который не могъ здѣсь сдѣлаться владѣтельнымъ княземъ и лишь въ неполной степені могъ стать городскимъ, патриціемъ, становился сельскимъ хозяиномъ и тотчасъ же начиналъ увеличивать собственную, принадлежавшую къ дворянскому имѣнію, землю путемъ захватовъ бывшей крестьянской. Начиналось выдвореніе крестьянства и образованіе крупныхъ вотчинныхъ владѣній. Но такъ какъ увеличившаяся въ размѣрахъ помѣщичья земля теперь, какъ и прежде, продолжала обрабатываться барщинными работами крестьянъ, а число послѣднихъ стало меньше, то и работы эти въ той же мѣрѣ пришлось усилить; крестьяне превращены были теперь—чтобы отрѣзать имъ возможность ухода—въ «наслѣдственно-подданныхъ», т. е. были прикрѣплены лично.

Государственная власть, здѣсь гораздо болѣе слабая, чѣмъ на сѣверо-западѣ, тщетно пыталась остановить, этотъ процессъ въ XVI-мъ столѣтіи. Послѣ секуляризаціи монастырскихъ имуществъ она и сама стала дѣлать то же самое въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Наконецъ, внесеніе римскаго права также способствовало ухудшенію личныхъ и имущественныхъ правъ крестьянъ, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ обыкновенно принимаютъ.

Но главнымъ образомъ повміяла въ этомъ направленіи тридцатилѣтняя война, которая здѣсь подѣйствовала особенно разрушительно и отъ послѣдствій которой такой юной культурѣ, какъ здѣшняя, было гораздо труднѣе оправиться, чѣмъ областямъ съ болѣе древней куль-

турой. Большинство крестьянских дворовъ было разорено и могло быть восстановлено только при помощи помѣщиковъ. Но произошло это въ дѣйствительности только по отношенію къ такому количеству дворовъ, какое было необходимо для обработки помѣщичьей земли при самомъ крайнемъ напряженіи ихъ рабочей силы; остальные же дворы помѣщикъ оставлялъ вначалѣ незанятыми, а потомъ постепенно ихъ захватилъ. «Возстановленные» такимъ образомъ крестьяне вообще не представляютъ болѣе ничего самостоятельнаго, а только рабочую силу для помѣщика. При этомъ они получили другое, худшее право владѣнія; вообще говоря, простое «ласситное владѣніе», или наслѣдственное, или только пожизненное, или же наконецъ по произволу могущее быть отнятымъ; слѣдовательно, во всякомъ случаѣ они уже не имѣютъ вещнаго права и не пользуются болѣе правомъ наслѣдственной аренды. Гдѣ раньше господствовала наслѣдственная аренда, тамъ теперь установилось лишь наслѣдственное ласситное владѣніе; гдѣ же было наслѣдственное ласситное владѣніе, тамъ оно превратилось въ ненаслѣдственное. вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась личная зависимость крестьянъ, были установлены тяжелые штрафы за побѣгъ.

Въ слѣдующемъ XVIII столѣтіи этотъ процессъ паденія крестьянства на сѣверо-востокѣ идетъ еще дальше. Сѣверная и семилѣтняя войны повліяли такъ же, какъ и тридцатилѣтняя. Со середины столѣтія успѣхи въ области сельскохозяйственной техники, недоступные для эксплуатируемыхъ, разоренныхъ и порабощенныхъ крестьянъ, дали помѣщикамъ могущественный толчекъ къ обширному увеличенію ихъ помѣстій путемъ заселенія цѣлыхъ новыхъ деревень. Такимъ образомъ, наступаетъ самый худшій періодъ — эксплуатаціи крестьянъ въ широкомъ стилѣ, *капиталистическими* приемами. Въ дворянскихъ республикахъ Мекленбургѣ и шведской Помераніи такъ называемое «крѣпостное состояніе», наслѣдственная зависимость превращается въ дѣйствительное рабство, подданный продается безъ земли, какъ товаръ.

Впрочемъ, этотъ послѣдній процессъ могъ совершиться безпрепятственно лишь въ меньшей части восточно-эльбскихъ земель, въ большей же части, въ «старыхъ прусскихъ провинціяхъ», ему было своевременно поставлено препятствіе въ видѣ закона Фридриха-Великаго 1749 года объ «охранѣ крестьянъ». Государственная власть наконецъ достаточно окрѣпла и сознала свой интересъ въ сохраненіи крестьянскаго сословія, не столько изъ финансовыхъ, сколько изъ военныхъ соображеній. И эта ея первая удачная аграрно-политическая мѣра имѣетъ большое значеніе для дальнѣйшаго освобожденія крестьянъ; безъ нея, пожалуй, некого было бы освобождать. вмѣстѣ съ этимъ мы пришли къ началу третьей эпохи.

III.

Если мы, прежде чѣмъ обратиться къ третьей большой эпохѣ, освободительному законодательству, попытаемся дать общую картину поземельнаго устройства въ XVIII вѣкѣ, разрушеніе котораго это законодательство имѣло въ виду, то мы встрѣтимся съ тѣми самыми тремя историческими формами, возникновеніе которыхъ мы только что прослѣдили. Каждая изъ трехъ формъ господствуетъ въ одной изъ трехъ большихъ, опредѣленно ограниченныхъ областей. Мы находимъ, во-первыхъ, область древнѣйшаго, постепенно приходящаго въ упадокъ, или же превращающагося въ мелкія княжескія владѣнія феодализма, съ личной несвободой на югъ (точнѣе, на юго-западѣ); во-вторыхъ, область новѣйшаго феодализма съ личной свободой на *стверо-западѣ* и въ-третьихъ, область вотчиннаго владѣнія съ новой несвободой на *стверо-востокѣ*. Между ними, конечно, находятся переходныя области со смѣшанными формами. Совершенно свободныя отъ феодальныхъ отношеній крестьянскія хозяйства, «свободные крестьяне», встрѣчаются лишь спорадически во всѣхъ этихъ областяхъ, но преобладаетъ этотъ элементъ только въ Дитмарсенѣ, у бременскихъ крестьянъ и въ восточномъ Фрисландѣ.

Эта группировка по областямъ очень ясно показываетъ намъ, на то взаимодѣйствіе, которое существуетъ между развитіемъ феодализма и собственностью, а слѣдовательно, и вообще крестьянскими правами владѣнія.

Гдѣ феодализмъ утратилъ всякое значеніе, тамъ существуетъ наилучшее право владѣнія: настоящая *собственность* или *право наследственной аренды*.

Гдѣ феодализмъ возродился вновь, тамъ право владѣнія хуже, хотя все-таки оно въ концѣ концовъ сдѣлалось наследственнымъ и вещнымъ: это, именно, *прикащичье право* (Meierrecht).

Тамъ же, гдѣ феодальное владѣніе пошло въ своемъ развитіи дальше и превратилось въ вотчинное владѣніе, мы находимъ самыя худшія права, большею частью даже наследственное пользованіе; таково *ласситное владѣніе* (Lassbesitz).

Сообразно съ этимъ и интересъ землевладѣльца по отношенію къ землѣ и къ своему владѣнію является далеко неодинаковымъ.

Но въ тѣсной связи со всѣмъ этимъ находится еще и другой уже затронутый моментъ, который также послужилъ источникомъ очень важной дифференціаціи въ сельскомъ строѣ XVIII вѣка, приведя къ раздѣленію всей массы крестьянскаго населенія на двѣ большія группы. Мы разумѣемъ разницу «подворнаго устройства» и рѣзкое разграниченіе «крестьянскихъ классовъ».

То и другое опять-таки связаны между собою. Точно опредѣленные крестьянскіе классы,—крестьяне полноворные, половинные, четвертные

и вовсе безземельные (Kossät'ы) имѣются лишь тамъ, гдѣ есть «замкнутое крестьянское имѣніе», «дворъ» въ узко техническомъ смыслѣ. Подъ этимъ терминомъ разумѣютъ «крестьянское имѣніе, которое прочно сохраняетъ свой земельный и иной хозяйственный составъ и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній остается неизмѣннымъ въ рукахъ своихъ владѣльцевъ». Противоположностью являются такія крестьянскія имѣнія, которыя путемъ выдѣленія земельныхъ участковъ могутъ уменьшиться или даже совершенно раздробиться: это такъ называемое «свободно-подвижное землевладѣніе». Вслѣдствіе обычныхъ въ этомъ случаѣ раздѣловъ и происходящего отсюда раздробленія хозяйствъ, никакой прочной классификаціи по разрядамъ «двора» здѣсь нѣтъ, а есть лишь различіе между «бюргерами» и «бобылями» («захребетниками», Hintersassen), смотря по различному юридическому положенію ихъ въ общинѣ.

Такимъ образомъ существуетъ громадная разница между «замкнутымъ крестьянскимъ владѣніемъ», которое въ силу закона или обычая переходитъ всегда къ *одному* наслѣднику, и «свободой раздѣловъ» — разница, которая и теперь еще проникаетъ и дифференцируетъ аграрное устройство нѣмецкаго государства хотя уже и не въ тѣхъ пропорціяхъ, какъ до освободительнаго законодательства.

Въ зависимости отъ того, какая изъ этихъ двухъ системъ преобладала, вся Германія въ XVIII вѣкѣ распадалась на *четыре* области: 1) область исключительно подворнаго строя, — восточно-эльбскія земли; 2) область преобладающаго подворнаго владѣнія — сѣверозападъ, а также на юго-востокѣ баварскіе округа южнѣ Дуная, югъ Вюртемберга и Бадена; 3) область съ преобладаніемъ свободныхъ раздѣловъ — средняя Германія и сѣверная Баварія, и наконецъ, 4) область исключительной свободы раздѣловъ, — страны по Рейну, сѣверный Вюртембергъ и равнинныя мѣстности Бадена.

Какъ видно изъ этого сравнительнаго распространенія обѣихъ указанныхъ формъ, различіе между замкнутыми и не замкнутыми крестьянскими хозяйствами связано также съ различіемъ между заселеніемъ *отдѣльными дворами и деревнями*, хотя и не вполне совпадаетъ съ послѣднимъ. Въ общемъ отдѣльные дворы являются въ то же время и замкнутыми дворами, какъ, напримѣръ, въ Вестфалии, но не наоборотъ; замкнутые дворы встрѣчаются и при заселеніи деревнями, какъ напримѣръ, въ Ганноверѣ и на сѣверо-востокѣ.

Но прежде всего и больше всего — подворный строй тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ феодальнымъ землевладѣніемъ и его различными формами: строй этотъ встрѣчается вообще на сѣверозападѣ, сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ, слѣдовательно, какъ разъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ феодальное землевладѣніе осталось жизнеспособнымъ или преобразовалось въ вотчинное; напротивъ, подворный строй не встрѣчается въ юго-западной и средней Германіи, гдѣ феодальное владѣніе пало. И это совершенно естественно такъ какъ только здѣсь существуетъ до-

статочное прочное право владѣнія, при которомъ становится возможна свобода раздѣловъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны *собственность и свобода раздѣловъ*, съ другой стороны—*феодалное владѣніе и наследованіе одного* являются внутренне связанными другъ съ другомъ. Нераздѣльное наследованіе одного (*Anerbenrecht*) вѣдь и существуетъ главнымъ образомъ въ интересахъ господина и по своему происхожденію является продуктомъ феодальнаго или вотчиннаго господства, какъ чисто частнаго, такъ въ особенности публично-правоваго, государственнаго.

Но теперь возникаетъ вопросъ: каковы конечныя причины указанной нами разницы юридическаго и экономическаго развитія сельскаго строя въ различныхъ частяхъ Германіи? Почему разнообразныя признаки этихъ областныхъ различій оказываются всегда связанными и совпадающими другъ съ другомъ? Почему не вездѣ развитіе достигло такой новѣйшей формы вотчиннаго владѣнія, какъ на сѣверо-востокѣ, почему на юго-западѣ старое феодальное владѣніе разрушилось, не перейдя въ новую форму, почему оно на сѣверо-западѣ остановилось въ своемъ развитіи, не дойдя до превращенія въ вотчинное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ, какъ мы видѣли, препятствіемъ явилось раннее вмѣшательство государственной власти въ пользу крестьянъ. Вмѣшательство же это было возможно потому, что государственная власть никогда не поступалась здѣсь всѣми своими правами на крестьянъ въ пользу частныхъ владѣльцевъ, какъ это было въ колонизаціонной области въ періодъ полнаго финансоваго безсилія ея. Этотъ процессъ, который въ старей Германіи привелъ уже цѣлымъ тысячелѣтіемъ раньше къ образованію старыхъ большихъ феодальныхъ владѣній,—на востокѣ происходилъ въ XVI столѣтіи.

Точно такъ же какъ на сѣверо-западѣ, было и на юговостокѣ въ Старой Баваріи (*Altbayern*), гдѣ особенно долго сохранявшееся крупное владѣніе духовенства уничтожило значеніе дворянства. На юго-западѣ, наоборотъ, дворянинъ совсѣмъ не думалъ объ увеличеніи своей собственной запашки, его честолюбіемъ было сдѣлаться не земледѣльцемъ, а владѣтельнымъ княземъ. «Всякій имперскій дворянинъ, подражая князю, а всякій помѣстный дворянинъ—дворянину имперскому, хотѣлъ быть законодателемъ и правителемъ. Эти жалкія политическія претензіи лучше всего охраняли отъ дворянъ крестьянское сословіе».

Такимъ образомъ, ближайшей причиной различій въ земельномъ строѣ является *политическій* моментъ,—развитіе даннаго государства, т. е., главнымъ образомъ, его финансовъ, ставившихъ государство въ большую или меньшую зависимость отъ сословій и отъ дворянства и принуждавшихъ его въ болѣе или менѣе значительной степени уступать дворянству свои публичные права на крестьянъ. Въ томъ же смыслѣ дѣйствовала также и разница въ характерѣ и положеніи самаго дворянства.

Къ этому присоединяется *національный* моментъ, который, безъ сомнѣнія, способствовалъ подавленію крестьянъ на сѣверо-востокѣ; это подавленіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе данная область была колонизована настоящими нѣмцами, чѣмъ значительнѣе было въ ней славянское населеніе, пощаженное или мало-по-малу овѣмеченное пришельцами.

Наконецъ, очень большое значеніе имѣла также разница въ степени сопротивленія, какое могли разныя мѣстности оказать опустошительному дѣйствию тридцатилѣтней войны, смотря по степени богатства, густоты населенности, древности заселенія и т. д.

Но помимо всѣхъ этихъ причинъ, различно дѣйствовавшихъ въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ, на послѣднемъ или даже собственно на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить одну общую причину, которую теперь такъ же сильно склонны забывать, какъ раньше, въ 50-хъ—60-хъ годахъ этого столѣтія, преувеличивали ее: вліяніе почвы и устройства поверхности, какъ перваго условія всякой промышленной дѣятельности. Это вліяніе обнаружится тотчасъ, какъ только мы сравнимъ области трехъ формъ поземельнаго устройства съ физической картой нѣмецкаго государства. Тогда именно передъ нами выступитъ очевидное и совершенно естественное соотношеніе этихъ трехъ формъ съ *физическимъ* дѣленіемъ на три части. Значеніе этого физическаго дѣленія для процесса дифференцированія нѣмецкаго народа очень хорошо выяснилъ недавно умершій тонкій знатокъ Германіи В. Г. Риль. Это именно: сѣверо-нѣмецкая низменность, средняя гористая Германія, верхне-нѣмецкая возвышенность—другими словами, Нижняя, Средняя и Верхняя Германія. Эти три области имѣютъ совершенно различныя естественныя условія промышленнаго развитія.

Первая есть преимущественно приморская страна, особенно удобная для судоходства и торговли, благодаря впадающимъ въ море судоходнымъ рѣкамъ. Но эти рѣки имѣютъ лишь небольшой наклонъ, поэтому здѣсь незначительно развита промышленность, поскольку она зависитъ отъ пользованія силой воды. Вторая часть на западѣ доходитъ до Боденскаго озера и сѣверной Швейцаріи съ одной стороны и до Кельна—съ другой, на востокѣ же до Рудныхъ горъ, и имѣетъ такимъ образомъ форму трехугольника. Она представляетъ сѣтъ рѣкъ и ручьевъ, массу мелкихъ, пригодныхъ для пользованія водяныхъ силъ, благодаря которымъ здѣсь рано развились безпримѣрно разнообразныя роды промышленности. Третья часть представляетъ такую-же равномерность въ направленіи рѣчныхъ линій, какъ и первая, но только альпійскія рѣки негодны ни для судоходства, ни для промышленности, «онѣ раздѣляютъ, а не соединяютъ».

Во второй области, въ «средней гористой Германіи», которая гораздо больше другихъ подверглась вліянію римской культуры, мы и благодаря ея естественнымъ условіямъ встрѣчаемъ первое по времени,

скольکو-нибудь высокое промышленное развитіе, сложную городскую жизнь, движимую собственность и денежное хозяйство; промышленность развивается здѣсь также и въ деревняхъ, внѣ города. По той-же причинѣ здѣсь раньше начался и упадокъ древняго феодальнаго владѣнія, барщины и виликацій, вообще всего натурально-хозяйственнаго аграрнаго строя. Въ то же время, вслѣдствіе большой плотности населенія и очень значительнаго мѣстнаго сбыта, мелкое сельское производство не преобразовалось въ крупное, которое работаетъ обыкновенно для отдаленнаго сбыта,—будь то крупныя крестьянскія хозяйства, какъ на сѣверо-западѣ, или-же вотчинныя, какъ на сѣверо-востокахъ. Наоборотъ, здѣсь очень рано возникла свобода раздѣловъ и также мобилизація земли.

Объ-же другія области еще долгое время оставались земледѣльческими съ ограниченнымъ промышленнымъ развитіемъ, которое сосредоточивалось только въ городахъ, и со строгимъ раздѣленіемъ между городомъ и деревней. Но въ первой области, по крайней мѣрѣ, сильно развилась торговля, поэтому феодальное владѣніе пошло дагѣе въ своемъ развитіи, тогда какъ въ третьей области, юго-восточной возвышенности мы встрѣчаемъ только начатки такого развитія. Въ обѣихъ же крестьянскія хозяйства остаются замкнутыми и недѣлимыми. Первая область, ниже-нѣмецкая низменность нынѣшней Германіи, представляетъ, наконецъ, вслѣдствіе своего историческаго развитія большое различіе между сѣверо-западомъ и сѣверо-востокомъ,—различіе на тысячу лѣтъ, а также, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—разницу въ почвѣ и климатѣ. Сѣверо-востокъ, какъ болѣе молодая страна, остается дольше всего земледѣльческимъ и переживаетъ поэтому весьма цѣлесообразное (въ чисто аграрномъ смыслѣ) преобразование новаго феодальнаго владѣнія въ вотчинное (съ замкнутымъ дворомъ),—преобразование, съ котораго и начинается его нѣмецкая исторія.

Изъ этого различія, этого дѣленія на три (или даже четыре) типа поземельнаго устройства въ XVIII вѣкѣ вытекаютъ и соотвѣтственно различныя задачи и формы освободительнаго законодательства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

IV.

Было три обстоятельства, благодаря которымъ уже въ теченіе XVIII и еще болѣе XIX вѣка большая или меньшая зависимость и подчиненность, въ какой находилась громадная масса крестьянскаго населенія въ Германіи, оказывалась все болѣе и болѣе невыносимой, что и привело къ первымъ попыткамъ уничтожить эту зависимость. Это, во-первыхъ, техническіе успѣхи въ области земледѣлія вмѣстѣ съ преувеличенной оцѣнкой послѣдняго фізіократами; во-вторыхъ, выросшія изъ того-же самаго философскаго корня естественнаго права просвѣ-

тительныя идеи «правъ человѣка» и наконецъ опять-таки связанное съ этимъ развитіе новѣйшей государственной идеи съ требованіемъ равныхъ политическихъ правъ для всѣхъ гражданъ государства. Технические реформы были невыполнимы при болѣе или менѣе плохомъ положеніи крестьянъ и связанности ихъ хозяйствъ вслѣдствіе чрезполосности съ принудительнымъ чередованіемъ сельскихъ работъ (Flurzwang) и барщиной. Но «просвѣщеніе» прежде всего обратило вниманіе на личную несвободу, на крѣпостное состояніе, да и съ современнымъ государствомъ крѣпостное состояніе стало точно такъ же несовмѣстимо, какъ и патримоніальная полиція и патримоніальный судъ.

Такимъ образомъ потребности времени вызывали необходимость освобожденія крестьянъ, какъ экономического, такъ и личнаго и политическаго. Крестьянинъ долженъ былъ сдѣлаться вездѣ совершенно неограниченнымъ и лично свободнымъ собственникомъ своего двора и поля со всѣми правами гражданина. Это было пѣлюю освободительнаго законодательства, въ этомъ заключался великій соціальной вопросъ Германіи въ XVIII и первой половинѣ XIX столѣтія.

Все освободительное законодательство состоитъ изъ двухъ частей: уничтоженіе стараго землевладѣльческаго и рабочаго строя путемъ «освобожденія крестьянъ», и уничтоженіе старой системы полеводства путемъ «раздѣла» всего, что было «общиннаго» у крестьянъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Освобожденіе крестьянъ избавило крестьянина отъ какого-бы то ни было господина—будь это владѣлецъ политическихъ, судебныхъ или вотчинныхъ правъ; раздѣлъ всего «общаго»—освобождалъ его отъ равныхъ ему, отъ его сосѣдей и отъ господина также, поскольку послѣдній являлся его сосѣдомъ въ полѣ. Въ соціальномъ отношеніи гораздо больше значенія имѣетъ освобожденіе крестьянъ, о которомъ здѣсь вообще только и можетъ идти рѣчь. Оно состоитъ, согласно вышеизложенному, въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, оно уничтожаетъ экономическую зависимость крестьянъ отъ господина посредствомъ стѣбны барщинныхъ работъ, превращенія всѣхъ неполныхъ правъ владѣнія въ собственность и выкупа всѣхъ, лежащихъ на крестьянскомъ хозяйствѣ, повинностей; во-вторыхъ, оно восстанавливаетъ личную свободу крестьянина путемъ уничтоженія стараго крѣпостнаго права и болѣе новой наследственной зависимости, которую XVIII вѣкъ смѣшалъ съ первымъ. Въ-3-хъ, оно уничтожаетъ судебную и полицейскую власть господина, принадлежавшую ему, какъ члену правящаго сословія, и предоставляетъ крестьянскому сословію политическія права. Эта послѣдняя задача для всей Германіи была почти одинаковой. Напротивъ, разрѣшеніе двухъ первыхъ задачъ было очень различно для каждой изъ тѣхъ трехъ или четырехъ группъ, которыя мы различили въ поземельномъ устройствѣ XVIII вѣка.

Въ области «новѣйшаго феодализма», на сѣверо-западѣ, вторая задача, именно личное освобожденіе, почти совершенно отпадала. Здѣсь

дѣло шло главнымъ образомъ о возстановленіи полной собственности вмѣсто наследственно-вещнаго прикащичьего права и объ уничтоженіи не очень значительныхъ барщинныхъ работъ на господина. Большую часть крестьянскихъ повинностей составляли здѣсь не личные, а «вещныя обязательства», лежавшія на крестьянской землѣ, слѣдовательно, освобожденіе крестьянъ сводилось къ «выкупу вещныхъ обязательствъ», т.-е. къ превращенію ихъ, если они еще таковыми не были, въ опредѣленные денежные ренты, и къ погашенію этихъ послѣднихъ посредствомъ единовременной уплаты суммы, капитализированной изъ опредѣленнаго процента.

Въ области древнѣйшаго феодализма, на югѣ, на первомъ планѣ стояло уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, уцѣлѣвшаго еще со времени среднихъ вѣковъ, но превратившагося уже въ простой источникъ дохода; затѣмъ отжила—тоже не особенно тяжелыхъ—барщинныхъ работъ, которыми крестьяне здѣсь были обязаны относительно вотчиннаго судьи; наконецъ, погашеніе «реальныхъ обязательствъ». Право собственности на землю здѣсь во многихъ мѣстахъ уже существовало ранѣе. Только на юго-востокѣ нужно было превратить неполныя, отчасти даже не наследственныя права владѣнія въ собственность.

На югѣ, также какъ и на сѣверо-западѣ, уничтоженію подлежали одни обломки устарѣлаго строя, притомъ на югѣ въ еще большей степени, чѣмъ на сѣверо-западѣ. Здѣсь, какъ и тамъ, дѣло шло о денежныхъ повинностяхъ или о такихъ, которыя легко было перевести на деньги, а слѣдовательно, и выкупить безъ существеннаго измѣненія въ хозяйственномъ положеніи господина, владѣвшаго до тѣхъ поръ правами на эти повинности. Трудность поэтому была здѣсь не столько экономическая, сколько политическая, но и въ этомъ отношеніи на сѣверѣ она была не такъ велика, какъ на югѣ, такъ какъ здѣсь медиатизированныя въ началѣ XIX столѣтія владѣтельные князья создавали особыя препятствія, на сѣверѣ же государственная власть уже со времени среднихъ вѣковъ была очень сильна сравнительно съ дворянами. На западѣ, а именно на юго-западѣ, довольно часто многие господа имѣли права на одного крестьянина, такимъ образомъ послѣдній долженъ былъ здѣсь быть освобожденъ отъ многихъ господъ и вслѣдствіе этого дѣло освобожденія усложнялось, но зато здѣшній крестьянинъ никогда не попадалъ въ такую неограниченную зависимость отъ *одного* господина, какъ это было въ области «вотчиннаго владѣнія».

Здѣсь, на сѣверо-востокѣ, наоборотъ, главную задачу составляетъ уничтоженіе обременительныхъ барщинныхъ работъ и превращеніе большей частью ненаследственныхъ правъ владѣнія въ собственность. Кромѣ того и личная несвобода,—вновь возникшее наследственное подданство,—состоитъ здѣсь не только въ обязанности исполнять самыя разнообразныя повинности и платить подати, но и въ настоящемъ личномъ порабощеніи, послѣдовательно созданномъ въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпечить

владѣльцу всю имѣвшуюся на лицо рабочую силу подданнаго и всей его семьи. Крѣпостной являлся здѣсь дѣйствительно частью имущества господина. Такимъ образомъ, въ противоположность всему западу, здѣсь дѣло шло объ уничтоженіи совершенно *новыхъ* отношеній: несвободнаго рабочаго строя, характеризующаго современное капиталистическое крупное предпріятіе,—перенесенное въ область сельскаго хозяйства.

Чтобы освободить крестьянина, здѣсь было необходимо такимъ образомъ прежде всего создать вознагражденіе за его *рабочую силу*. Эта рабочая сила, а не деньги важны были здѣшнему господину, все экономическое существованіе котораго подрывалось въ случаѣ уничтоженія этого строя: господинъ вѣдь былъ здѣсь не рабъ, а производитель, сельскохозяйственный предприниматель, который вовсе не желалъ внезапно ликвидировать свое предпріятіе. Такимъ образомъ здѣсь представлялась трудная *хозяйственная* и *соціальная* проблема: или уничтожить крупныя предпріятія, или-же снабдить ихъ свободной рабочей силой на мѣсто несвободной. Но и политическое значеніе этой проблемы было не менѣе важно въ виду той роли, которую—по крайней мѣрѣ въ молодомъ прусскомъ государствѣ—играло дворянство въ арміи и чиновничествѣ.

Такимъ образомъ, на сѣверо-востокѣ дѣло освобожденія было безъ сомнѣнія дѣломъ самымъ труднымъ, на сѣверо-западѣ—самымъ легкимъ. Однако, оно началось не тамъ, гдѣ оно было легче всего, какъ этого можно было бы ожидать, а тамъ, гдѣ оно было наиболѣе настоятельно, т. е. какъ разъ именно на сѣверовостокѣ, гдѣ вплоть до XVIII столѣтія положеніе становилось постоянно все хуже и хуже. Притомъ здѣсь освобожденіе имѣло болѣе самостоятельный характеръ, будучи только косвенно вызвано заграничнымъ вліяніемъ. Между тѣмъ, западъ а особенно юго-западъ, воспринялъ и осуществилъ новыя идеи благодаря Франціи; три французскія революціи оказали здѣсь самое сильное и непосредственное вліяніе.

Несмотря на эти разницы, мы можемъ все-таки повсюду въ исторіи освобожденія нѣмецкихъ крестьянъ различить одни и тѣ же два періода: до-наполеоновскій и послѣ-наполеоновскій, XVIII и XIX столѣтія, раздѣляемые другъ отъ друга великой революціей и наполеоновскими войнами.

Въ первый, до-наполеоновскій, періодъ просвѣщеннымъ абсолютнымъ государямъ, несмотря на ихъ широкіе планы, реформы удавались только по отношенію къ ихъ собственнымъ крестьянамъ,—на ихъ собственныхъ земляхъ (доменахъ), гдѣ эти государи являлись одновременно государями и вотчинниками,—судьями и землевладѣльцами. Въ сколько-нибудь значительномъ размѣрѣ освобожденіе было произведено и тогда лишь на сѣверо-востокѣ, въ старыхъ провинціяхъ прусскаго государства. Здѣсь государственные крестьяне постепенно

были превращены въ свободныхъ собственниковъ безъ всякихъ обязательствъ; и это было достигнуто не путемъ уничтоженія крупнаго землевладѣнія, какъ въ Австріи при Маріи-Терезіи, а путемъ выдачи непосредственно изъ казначейства денежныхъ субсидій арендаторамъ крупныхъ хозяйствъ для приобрѣтенія необходимаго скота и свободныхъ рабочихъ рукъ. Старое прусское государство совершило это великое дѣло еще передъ своимъ глубокимъ паденіемъ въ 1806 г.

Но и въ періодъ послѣ-наполеоновскій старая Пруссія оставалась первымъ государствомъ, гдѣ, какъ средство для внутренняго возрожденія, предпринято было трудное дѣло не только личнаго, но и экономическаго освобожденія крестьянъ. Первые рѣшительные шаги въ этомъ смыслѣ сдѣланы были извѣстнымъ «законодательствомъ Штейна и Гарденберга». Какъ заявляется въ запискѣ Гарденберга 1807 г., королевское правительство желало, «сохраняя нравственность и религію, воспринять цѣли революціи, осуществить въ монархическомъ режимѣ демократическіе принципы». Уничтоженіе наслѣдственной зависимости эдиктомъ 1807 г. и «регулированіе вотчинныхъ стношеній между помѣщиками и крестьянами», т.-е. уничтоженіе барщинныхъ повинностей и превращеніе ласситнаго владѣнія въ собственность эдиктомъ 1811 г., а также декларація 1816 г. сдѣлали, по крайней мѣрѣ, богѣе крупныхъ—«владѣвшихъ полной упряжкой» ласситовъ свободными собственниками, правда, лишь половины или двухъ третей обрабатывавшейся ими до тѣхъ поръ земли. Другая половина или треть перешли къ владѣльцамъ въ видѣ вознагражденія, также въ полную собственность. Задача же—создать на мѣсто несвободной барщинной работы свободную рабочую силу для остающихся крупныхъ хозяйствъ была разрѣшена деклараціей 1816 г. совершенно односторонне—въ интересахъ помѣщиковъ. Это сдѣлано было путемъ изытія мелкихъ, безлошадныхъ крестьянъ, Kossät'овъ и т. д. изъ упомянутаго регулированія отношеній и путемъ отміны правилъ объ «охранѣ крестьянъ» по отношенію къ нимъ, вслѣдствіе чего всѣ эти крестьяне могли быть превращены помѣщиками въ поденныхъ рабочихъ. Все это, особенно со времени капитальной работы Кнаппа, слишкомъ извѣстно, чтобы стоило здѣсь распространяться объ этомъ подробнѣе. Такимъ образомъ, 1818 году предстояло здѣсь только закончить освободительное законодательство, усовершенствовать, насколько тѣо было возможно, регулированіе отношеній и провести выкупъ реальныхъ обязательствъ по отношенію къ существовавшимъ и здѣсь, хотя въ меньшинствѣ, крестьянамъ съ полными правами владѣнія и къ крестьянамъ государственнымъ.

Въ противоположность этому, въ наиболѣе важной части сѣверо-запада, въ Ганноверѣ, ранѣе всего было закончено освобожденіе *частновладѣльческихъ* крестьянъ, закончившееся уже въ 30-хъ годахъ. Сначала это было лишь освобожденіе отъ частновладѣльческой зависимости; публично-правовая зависимость и особенности гражданскаго права

крестьянъ, какъ, напр., передача одному наследнику, продолжали существовать и послѣ этого. Только прусское законодательство 70 годовъ покончило съ государственными правами, и тогда же были измѣнены правила относительно *Anerkennung*.

На югѣ (и въ средней Германіи) первоначально проведено было одно только личное освобожденіе, благодаря введенію новыхъ государственныхъ учреждений, «конституцій», т. е. какъ прямое слѣдствіе общаго политическаго развитія. Напротивъ, экономическое освобожденіе было поставлено на очередь только юльскою революціей и только въ 1848 г. положено начало осуществленію его. Зато чѣмъ позднее, тѣмъ оно обставлялось серьезнѣе и выгоднѣе для крестьянъ: реальныя обязательства были здѣсь капитализированы по болѣе низкой оцѣнкѣ, чѣмъ на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ; государство давало ссуду для выкупа, и никакая часть земли не была взята у крестьянъ для вознагражденія помѣщиковъ.

Наконецъ, освобожденіе отъ патримоніальной власти въ большинствѣ странъ, хотя все-таки не вездѣ, было осуществлено только въ 1848 г.

Съ освобожденіемъ крестьянъ связаны различныя техническія мѣропріятія для устраненія средневѣковыхъ стѣснительныхъ условій полеваго хозяйства: разверстаніе всего «общиннаго» въ самомъ обширномъ смыслѣ, т. е. раздѣлъ общинныхъ полей, уничтоженіе сервитутовъ, округленіе участковъ. Но описывать здѣсь всѣ эти мѣропріятія и различія между ними въ отдѣльныхъ областяхъ, въ зависимости отъ общей организаціи землевладѣнія и отъ физическаго дѣленія на три поля, мы не имѣемъ возможности.

V.

Результатъ освободительной работы получился ко второй половинѣ текущаго столѣтія въ главнѣйшихъ чертахъ вездѣ одинъ и тотъ же. Послѣдствіемъ ея повсюду, особенно тамъ, гдѣ правовыя и экономическія реформы сопровождались обширными техническими мѣропріятіями, былъ необычайный подъемъ германскаго земледѣльческаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе, основной характеръ германскаго земледѣльческаго строя, какимъ онъ былъ въ концѣ XVIII в., и послѣ освободительнаго законодательства остался неизмѣннымъ: «аграрный дуализмъ», контрастъ между восточно-эльбскою и западно-эльбскою Германіей не только не ослабѣлъ, но отчасти даже еще болѣе усилился. На сѣверо-западѣ изъ немногихъ, находившихся тамъ крупныхъ хозяйствъ, извѣстная часть была уничтожена. На сѣверо-востокѣ же этого нигдѣ не случилось, за исключеніемъ относящихся сюда частей Шлезвигъ-Гольштейна. Здѣсь, напротивъ, именно вслѣдствіе освобожденія крестьянъ, количество крестьянскихъ дворовъ, а еще болѣе количество

крестьянской земли значительно уменьшилось. Особенно освобождение крестьянъ, въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи, т. е. въ главной части сѣверо-востока, вслѣдствіе отмѣны правилъ объ «охранѣ крестьянъ» по отношенію къ категоріи крестьянъ, изъятаѣ изъ закона о регулированіи 1816 г., а также вслѣдствіе вознагражденія помѣщиковъ частью земли,—сильно способствовало образованію характерныхъ для сѣверо-востока крупныхъ хозяйствъ изъ крестьянской земли—процессъ, который на время былъ задержанъ закономъ о «крестьянской охранѣ» Фридриха Великаго. Освобожденіе крестьянъ, такимъ образомъ, разрѣшило крестьянскій вопросъ того времени, но создало одновременно для сѣверо-востока сельскій рабочій вопросъ.

Сверхъ того, и многіе изъ регулированныхъ (по положенію 1816 г.) дворовъ, не будучи въ состояніи сохранить свое самостоятельное существованіе, были скуплены крупными помѣщиками. При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что «свободное обращеніе земли» въ Пруссіи тогда далеко еще не было полнымъ; оно было сильно стѣснено фидеикоммиссами и правами гипотечныхъ кредиторовъ на заложенные имѣнія. Вслѣдствіе этого дѣлалось невозможнымъ естественное—при общемъ процессѣ хозяйственнаго развитія и возрастанія населенія—раздробленіе крупныхъ хозяйствъ; свобода раздѣловъ, въ дѣйствительности, была создана лишь для крестьянскаго землевладѣнія, и это послѣднее, поэтому, вплоть до нашего времени (до закона о «рентныхъ имѣніяхъ») постепенно сокращалось не только путемъ распродажи, но и путемъ раздробленія между мелкими хозяевами.

Съ другой стороны, введеніе свободы раздѣловъ и общаго римскаго права наследованія съ одинаковыми правами всѣхъ дѣтей, а также свободы залога привело въ большинствѣ мѣстностей съ подворнымъ строемъ хотя и не къ дѣйствительнымъ раздѣламъ, но зато къ постоянно растущему отягощенію крестьянскаго сословія долгами, связанными съ раздѣлами. Правда, эта задолженность крестьянъ все же не такъ велика, какъ задолженность крупнаго землевладѣнія, тѣмъ не менѣе—по крайней мѣрѣ на сѣверо-востокѣ, она достигла уже размѣровъ, внушающихъ серьезныя опасенія.

Въ настоящее время, однако, все болѣе и болѣе крѣпнеть убѣжденіе въ необходимости для государства и народной экономіи значительнаго по количеству и цвѣтущаго крестьянскаго класса не только въ интересахъ фискальных, военныхъ и социальныхъ, но и въ интересахъ народнаго здоровья, для возобновленія городского населенія. И современный аграрный кризисъ показалъ, что крестьянское хозяйство устойчивѣе крупнаго или что, по крайней мѣрѣ, оно вполне способно къ конкуренціи съ послѣднимъ. Въ то же время ростъ населенія и общій хозяйственный прогрессъ требуютъ сокращенія размѣровъ и увеличенія количества сельскохозяйственныхъ предпріятій.

Вслѣдствіе этого съ недавняго времени возникла реакція противъ

исключительно освободительнаго характера аграрнаго законодательства третьей эпохи, старавшагося только снимать всѣ путы съ земельной собственности. Мы стоимъ на порогѣ новаго періода въ аграрной политикѣ. Наслѣдіе освободительнаго законодательства, дѣлавшаго развѣ и слишкомъ мало въ однихъ отношеніяхъ, и слишкомъ много въ другихъ, ставитъ этому новому періоду двоякую задачу: *сохраненіе* освобожденнаго крестьянскаго сословія въ его нынѣшнемъ составѣ и *увеличеніе* его тамъ, гдѣ описанный историческій процессъ и самый ходъ освобожденія такъ сильно уменьшилъ это сословіе, — именно въ восточно-эльбскихъ частяхъ имперіи. А такъ какъ сохранять вообще гораздо легче, чѣмъ воссоздавать вновь, то первую задачу современной аграрной политики составляетъ поддержаніе крестьянскаго сословія тамъ, гдѣ оно находится въ опасности, т. е., прежде всего, (хотя и не только) на сѣверо-востокѣ. Важнѣйшимъ средствомъ для этого, т. е. для того, чтобы помѣшать возрастанію задолженности при наслѣдственныхъ переходахъ, является возвращеніе къ нѣкоторымъ публично-правовымъ ограниченіямъ, введеніе законнаго порядка наслѣдованія безъ завѣщанія во всѣхъ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ еще въ силу обычая удержалась цѣльность дворовъ; такъ какъ свобода раздѣловъ, принятая на юго-западѣ, не имѣетъ для себя на сѣверо-востокѣ самаго необходимаго условія — интенсивнаго развитія сельскихъ ремеселъ.

Вторую не менѣе важную задачу современной нѣмецкой, въ особенности прусской аграрной и вообще экономической политики составляетъ увеличеніе крестьянскаго сословія на сѣверо-востокѣ путемъ широко проведенной при помощи самого государства внутренней колонизаціи — «*Verwestlichung des Nordostens*», какъ говоритъ Кнаппъ.

Значеніе этой внутренней колонизаціи для всего народнаго хозяйства германской имперіи весьма велико. Она представляетъ, съ одной стороны, единственное возможное разрѣшеніе современнаго аграрнаго кризиса путемъ принудительной ликвидаціи наиболѣе задолженныхъ крупныхъ хозяйствъ; съ другой стороны, она является разрѣшеніемъ сельскаго рабочаго вопроса посредствомъ удержанія въ самой странѣ рабочихъ силъ, уходящихъ теперь на сторону, наконецъ, она служила бы вентиляторомъ для излишка населенія на юго-западѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранительнымъ средствомъ противъ чрезмѣрнаго въ этой мѣстности раздробленія поземельной собственности.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровою.

(Продолженіе *).

XIII.

Блѣдный свѣтъ, въ которомъ исчезли сани Сю, ступилъ въ раннія зимнія сумерки, прежде чѣмъ пришелъ поѣздъ и умчалъ Матта въ Бостонъ. Въ то же время электрическіе фонари засвѣтились, словно рядъ лунъ, внезапно выступившихъ изъ тьмы, и озарили серебристыми лучами все пространство кругомъ вокзала, откуда молодой человѣкъ, подписывавшійся подъ своими газетными статьями «одинъ изъ молодыхъ людей» «Бостонскаго Вѣстника», пришелъ въ ресторанъ неподалеку отъ желѣзной дороги.

Внутренняя обстановка этого ресторана носила въ себѣ отпечатокъ домовитости безъ затѣй, и молодой человѣкъ вздохнулъ съ чувствомъ довольства въ этомъ уютномъ уголкѣ, гдѣ было тепло и свѣтло. Въ ресторанѣ находилась женщина съ очень словоохотливымъ видомъ, въ ней чувствовалась несомнѣнная общительность, и молодой человѣкъ тотчасъ же это замѣтилъ, когда она взглянула на него.

Она подошла къ тому столу, гдѣ былъ молодой человѣкъ. Онъ положилъ шляпу и пальто на одинъ стулъ и собирався взять другой для себя.

— Ну,—началъ онъ,—посмотримъ, что у васъ тутъ есть. Нечего, кажется, спрашивать насчетъ кофе?— Онъ потянулъ носомъ, глубоко вдохнувъ ароматъ этого напитка, выходящій изъ открытой двери въ другую комнату.

— Есть у васъ запеченные бобы?

— Есть.

— Ладно. По мнѣ, нѣтъ ничего вкуснѣе запеченныхъ бобовъ. А вы какъ думаете объ этомъ?

*) См. «Миръ Вождя», № 2, февраль.

— Конечно, коли они хорошо приготовлены,— согласилась женщина,— то-есть, въ настоящемъ видѣ.

— А что можетъ быть лучше куска пирога съ мясною начинкою?

— Ужъ, вправду, не знаю лучшаго кушанія. Горячаго пирога прикажете?

— Всенепремѣнно.

— Я такъ и думала,— отвѣчала женщина. — У насъ есть горячій и холодный пирогъ, но я не очень-то охоча до холоднаго пирога.

— У насъ дома постоянно пекутъ пирогъ съ мясомъ, — сообщалъ молодой человѣкъ, — но если бы я вздумалъ поѣсть холоднаго пирога, женѣ моей пришлось бы сейчасъ же послать за докторомъ.

Женщина засмѣялась, словно обрадованная этой симпатіей, установившейся между нею и молодымъ человѣкомъ въ силу ихъ пристрастія къ горячему пирогу съ мясомъ.

— Да, безъ доктора ей бы никакъ нельзя. А больше вамъ ничего не потребуется?

Она принесла кофе съ нагрѣтой тарелкой и салфеткой изъ японской бумаги. Ставя все это передъ молодымъ человѣкомъ, она сказала:

— Пирогъ вашъ разогрѣвается. Вотъ вамъ нѣсколько булочекъ, только-что вышли изъ печи. А вотъ и масло, могу сказать, лучше никогда не бывало. Вкуснѣе и слаще масла не сыскать; оно прямехонько изъ имѣнія Нортвика, по одному доллару за фунтъ.

— Ладно! Мнѣ бы слѣдовало догадаться, что у васъ подается къ столу масло Нортвика, — сказалъ молодой человѣкъ съ дружеской ироніей.

— А вы знаете масло Нортвика?—спросила женщина, восхищенная, что открыла новую связь между ними.

— Да, жена моя употребляетъ это масло для кухни, — отвѣчалъ молодой человѣкъ,— а для стола у насъ масло новомодной фермы.

Женщина раскохоталась отъ удовольствія, такъ ей понравилась его шутка.

— Господи! Голову готова прозакладать, что вы также ворчите за это!— вскричала она, стремительно пускаясь въ откровенныя изліянія, которыя онъ выслушивалъ снисходительно.

— Ну да, мнѣ довольно трудно угодить,—признался молодой человѣкъ.— Но къ женѣ моей не легко придратъся, такой хозяйки днемъ съ огнемъ другой не сыскать. Только теперь мнѣ, вѣроятно, придется распоститься съ масломъ Нортвика.

— Почему же?

— Да если онъ погибъ во время этого несчастія...

— Охъ, я увѣрена, ничего подобнаго не случилось,—отвѣчала женщина. — Должно, это какой-то другой Нортвикъ. Кучеръ ихъ — Элбриджъ Ньютонъ—сказывалъ моему мужу, что мистеръ Нортвикъ оста-

новился въ Спрингфилдѣ поискать тамъ лошадей. Онъ то и дѣло покупаетъ новыхъ лошадей. У него теперь, кажись, на конюшняхъ стоитъ восемьдесятъ либо девяносто лошадей. Я ни одному слову не вѣрю изъ того, что тамъ о немъ напечатано.

— Вотъ оно что!—сказалъ молодой человѣкъ. — Ну, а зачѣмъ же тотъ малый въ москательной лавкѣ говорилъ, будто онъ улизнулъ въ Канаду?

— Какой такой малый?

— Маленькій, худенькій человѣчекъ, съ большими черными усиками и голубыми глазами, которые можно назвать «голубыми, искрометными» очами.

— Охъ!.. мистеръ Путэй! Это онъ просто пошутилъ. Онъ вѣчно прохаживается насчетъ мистера Нортвика.

— Значить, онъ, вѣроятно, проѣхалъ въ Понкуассетъ по поводу тамошнихъ безпорядковъ.

— Съ рабочими?

— Должно быть, что такъ.

Женщина крикнула черезъ открытую дверь:

— Уильямъ!

Показался мужчина въ крахмальной рубашкѣ и жилетѣ безъ сюртука.

— Ты слышалъ насчета рабочихъ безпорядковъ на фабрикахъ мистера Нортвика?

— Нѣтъ, все это одни глупости,—сказалъ мужчина.

Онъ съ любопытствомъ подошелъ къ столу, у котораго жена его разговаривала съ молодымъ сотрудникомъ «Бостонскаго Вѣстника».

— Ну, что-жъ, очень жаль, — замѣтилъ молодой человѣкъ. — Значить, такъ или иначе, я не особенно потерялъ, не заставъ здѣсь мистера Нортвика. Я пріѣхалъ сюда изъ Бостона, чтобы поразспросить его насчетъ рабочихъ безпорядковъ для нашей газеты.

— А я-то, дура, и не догадалась!—вскричала трактирщица.— Вы издатель?

— То-есть, я репортеръ... одно и то же...—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Можетъ, у васъ тутъ въ вашихъ заведеніяхъ то же не все благопоучно?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ трактирщикъ,—у насъ, кажется, всѣ довольны въ Гатборо.

Его сильно подмывало пооткровенничать съ молодымъ сотрудникомъ «Бостонскаго Вѣстника», внушавшимъ ему довѣріе своимъ видомъ, но врожденная осторожность истаго янки одержала верхъ и онъ не принялъ предложеннаго ему вызова развязать языкъ.

— Да, --- сказалъ молодой человѣкъ, — я замѣтилъ одного изъ вашихъ согражданъ, тамъ, въ москательной лавкѣ, который показался мнѣ предовольнымъ своею судьбою.

— О, да; мистеръ Путнэй! Я слыхалъ, вы говорили про него съ женою.

— А кстатѣ, кто таковъ этотъ мистеръ Путнэй? — спросилъ сотрудникъ «Бостонскаго Вѣстника».

— Мистеръ Путнэй?—повторилъ трактирщикъ, бѣгло взглянувъ на жену, словно прося ее «научить» его или поправить, коли онъ, чего добраго, скажетъ какую-нибудь глупость. — Путнэй люди стариннаго рода въ Гатборо.

— Всѣ они представляютъ изъ себя консервы въ спирту, такъ, что ли?

— Н...нѣтъ, этого я не могу сказать.

Трактирщикъ засмѣялся, повидимому, неохотно смакуя остроту своего собесѣдника. А жена его даже не улыбнулась, и молодой человекъ понялъ, что взялъ фальшивую ноту.

— Жаль,— сказалъ онъ,— когда видишь такого человѣка въ подобномъ состояніи. Въ теченіе пяти минутъ онъ наговорилъ столько остроумныхъ вещей, несмотря на то, что былъ на седьмомъ взводѣ, сколько мнѣ не сказать въ цѣлый мѣсяць, не бравши въ ротъ ни капельки хмѣльнаго.

Благодаря этой готовности самоуничиженія, доброе согласіе было восстановлено.

— Ну, конечно, не мнѣ судить, правы вы, либо нѣтъ, — сказала трактирщица,— только онъ-то умный-преумный, это вамъ всѣ скажутъ. И не всегда же онъ бываетъ во хмѣлю, какъ вы его видѣли. Теперь у него какъ разъ такая линія вышла. Съ нимъ это бываетъ разъ черезъ каждые четыре-пять мѣсяцевъ, а во все остальное время онъ не хуже другихъ. У него это словно хворь какая, мужу я тоже говорила.

— Если бы онъ могъ устоять противъ этого, ни одному бы адвокату съ нимъ не помѣряться, т.-е. въ нашемъ городѣ, конечно,—сказалъ мужъ ея.

— Пріятно, мнѣ кажется, пользоваться такой популярностью, — замѣтилъ молодой человекъ.— А за что онъ такъ разноситъ мистера Нортвика?

— Ну, ужъ этого я не знаю,—отвѣчалъ трактирщикъ.—Онъ всегда былъ такой. Сдается мнѣ, это онъ больше насчетъ того, какого сорта человекъ мистеръ Нортвикъ, а не насчетъ всего прочаго.

— Ну, а какого же сорта миссеръ Нортвикъ, какъ вы полагаете?—спросилъ молодой человекъ, начавъ уписывать пирогъ, который трактирщица подала ему въ ту минуту.—Его, кажется, здѣсь не особенно любить. Отчего это?

— Да ужъ, право, не могу сказать навѣрно. Одно, кажется, что онъ жила въ здѣсь только лѣтомъ до этого года, съ тѣхъ поръ какъ померла его жена, а прежде совсѣмъ мало занимался нашими краями.

— Зачѣмъ живетъ онъ здѣсь зимою? Экономіи ради, что ли?

— Нѣтъ. У него денегъ куры не клюютъ, — отвѣчалъ трактирщикъ.

Жена его посмотрѣла значительно и сказала смѣясь:

— Ужо про то вамъ бы слѣдовало спросить миссъ Сю Нортвикъ.

— Ого, понимаю, — отвѣчалъ репортеръ небрежнымъ тономъ, спѣша перейти къ болѣе интересному предмету. — Тутъ замѣшанъ молодой человѣкъ. Представитель, не имѣющій друзей, который того и гляди потеряетъ свое значеніе?

— Ну нельзя сказать, чтобы у него не было друзей, — отвѣчала трактирщица, — насколько мнѣ извѣстно до сихъ поръ, онъ самый любимый изъ всѣхъ представителей компаніи, особенно среди рабочихъ, со времени мистера Пэка.

— Кто былъ этотъ мистеръ Пэкъ?

— Его переѣхали вагоны на станціи два или три года тому назадъ. Вотъ эта гостинница устроена по его почину. Сначала она была вродѣ, такъ сказать, коопераціи; мы держимъ ее теперь для желѣзной дороги общественнаго союза.

— Кооперація лопнула, — сказалъ репортеръ, дѣлая замѣтку въ своей записной книжкѣ. — Вѣчно одна и та же исторія; а тогда вы сняли эту гостинницу и стали наживать денежки. Общеизвѣстный финалъ кооперативнаго предпріятія.

— Мнѣ кажется, намъ до богатства еще очень далеко, — сухо замѣтила трактирщица.

— Ну, авось разбогатѣете, коли будете употреблять масло Нортвика. А почему его тутъ не любятъ, а здѣсь любятъ? Должно быть, ему порядочныхъ денегъ стоитъ содержаніе такого громаднаго имѣнія. И рабочимъ здѣсь не мало дѣла.

— Мистеръ Путнэй говоритъ, что сосѣдство такого богача портитъ народъ; что своими деньгами онъ дѣлаетъ больше зла, чѣмъ добра.

Трактирщица высказала это сужденіе словно нѣчто такое, съ чѣмъ она никогда не была въ состояніи сама согласиться и какъ бы желая увидать, какое дѣйствіе оно окажетъ на человѣка съ широкимъ репортерскимъ кругозоромъ.

Онъ считаетъ, что дѣла Гатборо шли лучше, когда здѣсь была только одна шляпная или башмачная лавка.

— А адвокатскія конторы благоденствовали при этомъ, — сказалъ засмѣявшись, молодой человѣкъ. — Словомъ, то было счастливое времячко. А каковъ мистеръ Нортвикъ самъ по себѣ?

Трактирщица обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ своему мужу. Тотъ на минуту былъ въ раздумьи.

— Ну изъ него слова не выжмешь. Съ здѣшнимъ народомъ въ Гатборо онъ мало водился. Но на него никогда не слыжалъ я никакихъ жалобъ. Мнѣ кажется, онъ очень хорошій человѣкъ.

— Обь атомъ нельзя будетъ слишкомъ распространяться, если онъ удралъ въ Канаду. Э? Ну, какъ бы то ни было, мнѣ жаль, что я не могъ повидаться съ мистеромъ Нортвикомъ. Теперь повсюду стачки рабочихъ на фабрикахъ и онъ могъ бы дать нѣкоторыя цѣнныя указанія на рабочей вопросъ вообще. Кажется, самъ онъ былъ бѣднякомъ въ юности?

— Не думаю, чтобы дочери его помнили про то время, — насмѣшливо замѣтила трактирщица.

— Вотъ оно какъ! Что-жъ, мы способны позабыть про дни невзгоды, когда намъ повезло въ свѣтѣ, особенно женщины. Понкуассетъ не на линіи прямого сообщенія, неправда ли?

Онъ задалъ этотъ вопросъ хозяину, словно оно такъ и слѣдовало.

— Нѣтъ, въ Спрингфилдѣ поѣздъ мѣняется; надо пересѣсть на Союзную и Главную дорогу. А въ Понкуассетъ проведена вѣтвь.

— Ну, кажется, мнѣ придется отправиться туда, чтобы повидать мистера Нортвика. Какъ вы назвали того молодого человѣка, благодаря которому семейство Нортвика оставалось тутъ зимою?

Съ этимъ вопросомъ онъ обратился неожиданно къ хозяйкѣ, открывъ свою записную книжку и бросивъ на столъ для размѣна серебряный долларъ.

— Вы знаете, вѣдь я самъ женатый человѣкъ.

— Я не поминала никакихъ именъ, — сказала женщина съ чрезвычайно веселымъ видомъ.

Мужъ ея вернулся на кухню, а она убрала долларъ въ конторку, стоявшую въ углу комнаты, и принесла сдачу.

— Съ кѣмъ бы здѣсь можно поговорить о положеніи рабочихъ? — спросилъ молодой человѣкъ, кладя деньги въ карманъ.

— Ужъ и не знаю, кого бы вамъ назвать, — раздумчиво отвѣчала трактирщица. — Полковникъ Марвинъ; у него самая большая башмачная лавка. Также хозяева шляпныхъ заведеній, они кое-что могутъ вамъ сообщить объ этомъ. Вотъ и мистеръ Уилмингтонъ, которому принадлежитъ чулочная фабрика. Онъ, а не то мистеръ Джэкъ Уилмингтонъ. Оба могутъ пригодиться. По мнѣ, мистеръ Джэкъ лучше всѣхъ. А насчетъ разговора никого не найти здѣсь рѣчистѣе миссисъ Уилмингтонъ. Съ ней потягается развѣ миссисъ Моррэлъ, жена доктора.

— Мистеръ Джэкъ ихъ сынъ?

— Что вы, Господь съ вами! Да она не старше его будетъ, со всѣмъ какъ есть молодая. Онъ ихъ племянникъ.

— О, понимаю: вторая жена. Значитъ, онъ-то и есть тотъ молодой человѣкъ, э?

Трактирщица посмотрѣла на молодого человѣка съ восхищеніемъ.

— Ловко же вы меня поддѣли! Если не онъ, не знаю, кто другой.

Репортеръ объявилъ, что охотно съѣстъ другой кусокъ ея вкуснаго пирога съ мясной начинкой и выпьетъ еще чашку кофе, если у нея

найдется и то, и другое. Прежде чѣмъ огъ съ ними покончилъ, ему дано было понять, что не будь мистеръ Джэкъ племянникомъ миссисъ Уилмингтонъ, онъ уже давнымъ давно былъ бы мужемъ миссъ Нортвикъ и что объ этой любви, потраченной на двухъ женщинъ, не стоило жалѣть.

Нашъ репортеръ попалъ въ свое настоящее званіе путемъ цѣлаго ряда случайностей, изъ которыхъ многія не имѣли вовсе прямого, непосредственнаго отношенія къ его ремеслу и въ послѣднемъ онъ употреблялъ не столько хитрости, сколько врожденные инстинкты. Онъ съ удовольствіемъ заводилъ рѣчь о самомъ себѣ и о своей домашней обстановкѣ и замѣчалъ, что притягательной силѣ его добродушныхъ изліяній противились немногіе мужчины. Женщины же всѣ шли на одну приманку. Въ настоящую минуту онъ вызвалъ одобрительное сочувствіе трактирщицы своимъ размышленіемъ по поводу всеобщей молвы, что миссисъ Уилмингтонъ удерживала своего племянника отъ женитьбы, имѣя въ виду сама выйти за него замужъ послѣ смерти своего стараго мужа. Онъ сказалъ, что этого всегда слѣдуетъ ожидать, когда старикъ женится на молодой женщинѣ. Это послужило ему предлогомъ распространиться о счастіи, которое можно найти только въ брачной жизни, если человекъ сумѣлъ найти себѣ подходящую пару, и о своей личной исключительно удачной женитьбѣ.

Онъ находился въ полномъ разгарѣ оживленныхъ признаній, какъ вдругъ отворилась дверь и блѣдный юноша, обратившій на себя вниманіе Луизы Гилари на вокзалѣ, вошелъ въ комнату.

Репортеръ прервалъ свое повѣствованіе, привѣтствуя новоприбывшаго со смѣхомъ.

— Здравствуйте, Максвеллъ! Вы также разслѣдуете это?

— Разслѣдую что? — спросилъ другой безъ малѣйшаго репортерскаго пыла.

— Да эти рабочіе беспорядки, — сказалъ репортеръ, незамѣтно подмигнувъ ему.

— Полноте, Пиннэй! У васъ страсть всегда говорить обиняками.

Максуэллъ повѣсилъ шляпу на вѣшалку, но усѣлся противъ Пиннэя, не снимая пальто; оно было порядкомъ поношено и петли его обтрепались до послѣдней возможности.

— Я попрошу чаю, — обратился онъ къ трактирщицѣ, — чаю съ закуской на англійскій манеръ, коли у васъ найдется такая; и небольшою ломоть поджареннаго хлѣба.

Онъ положилъ локти на столъ, обхватилъ голову руками и прижалъ пальцы къ вискамъ.

— Голова болитъ? — спросилъ Пиннэй съ тѣмъ комическимъ сочувствіемъ, которое люди выказываютъ къ чужимъ страданіямъ, словно послѣдніе можно прогнать шуткой. — Лучше поѣсть чего-нибудь болѣе существеннаго. Отъ головной боли первое средство яичница съ ветчиной?

Другой развернулъ свою бумажную салфетку.

— Узнали что-нибудь интересное?

— Пропастъ толковъ съ мѣстной окраской,—отвѣчалъ Пинней.—
А вы?

— Я совсѣмъ одурѣлъ отъ этой головной боли. Мнѣ кажется, мы привезли большую часть новостей съ собою,—заявилъ онъ.

— Ну, я этого не знаю,—сказалъ Пинней.

— А я знаю. Вы добыли ваши указанія прямо изъ главнаго источника. Мнѣ все извѣстно относительно этого, Пинней, поэтому вамъ нечего тратить попусту времени, если только время для васъ имѣетъ какое-нибудь значеніе. Тутъ, кажется, никто ничего не знаетъ; но общее мнѣніе въ Гатборо таково, что онъ удралъ. Не хотите ли помѣняться свѣдѣніями?—спросилъ Максвеллъ послѣ того, какъ ему былъ поданъ чай. Нѣсколько глотковъ этого напитка привели его въ болѣе оживленное настроеніе духа.

— А у васъ имѣются какія-нибудь особенныя данныя?—освѣдомился осторожно Пинней.—Что-нибудь исключительно интересное?

— Эхъ, куда хватили!—сказалъ Максвеллъ.—Нѣтъ, ничего такого у меня нѣтъ. Да и у васъ нѣтъ. Къ чему вы играете въ прятки? Я обследовалъ все это дѣло самымъ тщательнымъ образомъ, вы—тоже. Тутъ все ясно и просто. Никакихъ скрытыхъ цѣлей или мотивовъ.

— Я думаю, если поработать, найдутся и скрытыя цѣли,—таинственно замѣтилъ Пинней.

Максвеллъ насмѣшливо улыбнулся.

— Вамъ бы слѣдовало быть сыщикомъ... въ романѣ.

Онъ намазалъ масломъ хлѣбъ и слегка дотронулся до него, какъ человѣкъ съ плохимъ аппетитомъ и дурнымъ пищевареніемъ.

— Полагаю, вы интервьюировали его домашнихъ?—спросилъ Пинней.

— Цѣтъ,—мрачно отвѣталъ Максвеллъ,—есть вещи, которыхъ не долженъ дѣлать даже репортеръ.

— Вамъ слѣдовало бы отказаться отъ жалованья,—сказалъ Пинней съ состраданіемъ превосходства.—Этакъ, пожалуй, рискуете опростоволоситься, коли будете церемониться со всякимъ вздоромъ.

— Какъ, напримѣръ, пойти и разспрашивать семью, думаетъ ли она, что близкій ей человѣкъ сгорѣлъ во время несчастнаго случая на желѣзной дорогѣ, а затѣмъ описать въ газетѣ чувства этой семьи? Спасибо, я предпочитаю опростоволоситься. Если въ этомъ заключается ваша цѣль, сдѣлайте милость, займитесь ею.

— Да вѣдь семья не обязана лично видѣться съ вами,—убѣждалъ Пинней.—Вы посылаете свою карточку и...

— Люди эти захлопываютъ дверь передъ вашимъ носомъ, если у нихъ есть нѣкоторая доля мужества.

— Ну такъ что же? Вамъ что до этого? Вѣдь тутъ все сводится къ дѣловымъ отношеніямъ. Личность тутъ не при чемъ.

— Нравственная пощечина всегда задѣваетъ личность, Пинней. Репортеру до нея нѣтъ дѣла, но отъ нея горитъ лицо человѣка.

— Отлично! Если вы намѣрены предаваться такимъ сквернымъ сомнѣніямъ, то вамъ слѣдуетъ удалиться въ поэтический уголокъ и оставаться тамъ. Разумѣется, вы можете написать статью объ этомъ. Только вы не созданы репортеромъ. Когда уѣзжаете вы въ Бостонъ?

— Въ четверть седьмого. У меня есть свои виды.

— Что такое?—недовѣрчиво спросилъ Пинней.

— Приходите утромъ, я вамъ скажу.

— Можетъ, я съ вами поѣду въ Бостонъ. Мнѣ хочется выйти на свѣжій воздухъ и посмотрѣть, въ состоянн ли я закалить себя для этого интервьюированія. Ваши сомнѣнія заразительны, Максвеллъ.

XIV.

Въ самомъ дѣлѣ, Пинней былъ нѣсколько озадаченъ и смущенъ видомъ Максвелла; одновременно въ немъ были затронуты наиболѣе чуткія и великодушныя стороны его внутренняго я, которыми онъ часто былъ вынужденъ поступаться ради своихъ репортерскихъ цѣлей, и у него явилось подозрѣніе, что Максвеллъ уже интервьюировалъ дочерей Нортвика. Въ такомъ случаѣ онъ уже предупреждены и, разумѣется, откажутся принять его. Но въ качествѣ газетнаго репортера, имѣвшаго право заполнить исторіей этой растраты чужихъ капиталовъ столько столбцовъ газеты, сколько пожелаетъ, онъ считалъ своей обязанностью ради своей семьи употребить всѣ средства для составленія длинной статьи.

Онъ старался подбодрить себя мыслями о своей женѣ и о томъ, что она, вѣроятно, дѣлала въ эту минуту въ ихъ бостонскомъ домѣ; поэтому онъ преспокойно попросилъ доложить о себѣ миссъ Нортвикъ у дверей величественнаго дворца. Онъ успѣлъ занести въ свою записную книжку бѣглое описаніе его, прежде чѣмъ лакей Джемсъ отворялъ двери и на одно мгновеніе окинулъ его внимательнымъ взглядомъ, нѣсколько сбитый съ толку его важностью. Несмотря на свою опытность, лакей не могъ угадать, былъ ли этотъ господинъ приказчикъ, переодѣтый разносчикъ, или попрошайка «благороднаго» званія.

— Не знаю, сэръ, сейчасъ схожу доложить о васъ.

Онъ вѣрнѣе пропустилъ, чѣмъ пригласилъ Пиннея войти. А въ его отсутствіе представитель «Извѣстій» сдѣлалъ замѣтку о внутреннемъ убранствѣ передней, куда его пропустили, и бібліотеки, гдѣ онъ очутился самъ за своею личной отвѣтственностью. Лакей нашелъ его здѣсь грѣющимъ спину у камина, когда вернулся съ карточкой въ рукѣ.

— Миссъ Нортвикъ думаетъ, что вы желаете видѣть ея отца. Его нѣтъ дома.

— Да, я это знаю. Я очень хотѣлъ повидать мистера Нортвика и просилъ повидать миссъ Нортвикъ, потому что узналъ, что его нѣтъ дома.

Лакей исчезъ, и послѣ небольшого промежутка въ бібліотеку вошла Аделина. Она не могла скрыть трепета ужаса, очутившись въ присутствіи интервьюера.

— Не угодно, вамъ присѣсть?—робко обратилась она къ нему и взглянула на карточку, которую вернула ему обратно.

На карточкѣ значилось имя «Лоренцо А. Пиннэй», а слѣва въ уголкѣ стояли слова: *представитель «Бостонскихъ Извѣстій»*.

Мистеръ Пиннэй поспѣшилъ успокоить ее весьма почтительною и дѣловою прямою обращенія, которому онъ придалъ слабый оттѣнокъ авторитетности.

— Мнѣ очень прискорбно беспокоить васъ, миссъ Нортвикъ. Я надѣялся побесѣдовать съ вами насчетъ этого... этого слуха... несчастья.. Не будете ли столь добры сказать мнѣ, когда именно мистеръ Нортвикъ уѣхалъ изъ дому?

— Онъ отправился на заводъ вчера утромъ на разсвѣтъ.—отвѣчала Аделина.

У нея явилась надежда, какъ у Сюзетты, что Маттъ Гилари сумѣетъ прекратить эти ужасные слухи въ самомъ ихъ источникѣ. Ей хотѣлось бы сказать свои мысли этому репортеру, у котораго былъ такой дружественный видъ, но безъ дозволенія Сюзетты не посмѣла сдѣлать этого. Сюзетта разбранила ее за то, что она не показала ей тотчасъ же газеты, которую прочитала въ то утро. Обѣ онѣ въ настоящую минуту настолько освободились отъ своего страха, что даже колебались, слѣдовало ли имъ вообще принять этого репортера. Аделина держала себя съ нимъ поэтому насторожѣ.

— Вы ожидали, что онъ вернется тотчасъ же?—почтительно освѣдомился Пиннэй.

— О, нѣтъ. Онъ сказалъ, что вернется только черезъ нѣсколько дней.

— Кажется, до Понкуассета всего нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ?—замѣтилъ Пиннэй.

— Да, три—четыре часа. Тотъ поѣздъ, который отходитъ отсюда въ половинѣ перваго, кажется,—сказала миссъ Нортвикъ, взглянувъ на часы,—приходитъ туда черезъ три часа.

— Слѣдовательно, утренній поѣздъ не идетъ туда прямо?

— Нѣтъ. Отцу моему приходилось переждать въ Спрингфилдѣ. Онъ рѣдко отправляется туда съ утреннимъ поѣздомъ. Когда мы узнали, что его нѣтъ на заводѣ, мы подумали, что онъ остановился въ Спрингфилдѣ на одинъ день купить тамъ лошадей. Но мы только что узнали, что его тамъ не было. Вѣроятно, онъ уѣхалъ въ Нью-Йоркъ; у него часто бываютъ дѣла въ Нью-Йоркѣ. Мы совсѣмъ не вѣримъ этой исторіи...—она произнесла послѣднія слова чуть слышно,—насчетъ... этого несчастнаго случая.

— Разумѣется, нѣтъ,—молвилъ съ искреннимъ сочувствіемъ Пиннэй.—Это одинъ изъ тѣхъ летучихъ, неосновательныхъ слуховъ, въ которыхъ всѣ имена спутаны провинціальными телеграфистками.

— Въ разныхъ газетахъ имя это написано двумя способами,— сказала Аделина.— Такъ рѣшительно не для чего было туда ѣхать. Да притомъ онъ бы непремѣнно, телеграфировалъ намъ.

— Кажется, заводъ этотъ находится на линіи Союзной и Главной желѣзной дороги, не правда ли?—перешелъ Пиннэй къ формальному стилю своихъ вопросныхъ пунктовъ.

— Да, именно такъ. Отецъ могъ пересѣсть въ Спрингфилдѣ на курьерскій и отѣхать за Понкуассэтскую соединительную станцію; курьерскій поѣздъ не останавливается у водопада.

— Понимаю. Ну-съ, я не стану васъ долѣе беспокоить, миссъ Нортвикъ. Надѣюсь, вы скоро узнаете, что все это было ошибкой насчетъ...

— О, я убѣждена, что тутъ ошибка!—сказала Аделина.— Одинъ господинъ... нашъ хорошій знакомый... только что уѣхалъ въ Уэлутеръ, собрать всѣ нужныя справки по этому дѣлу.

— Ахъ, вотъ и чудесно,—согласился Пиннэй.— Значить, у васъ скоро будутъ хорошія извѣстія. Полагаю, вы уже телеграфировали?

— Мы не могли ничего добиться по телеграфу. Вотъ почему онъ и поѣхалъ туда.

Пиннею показалось, что она хотѣла сказать ему, кто туда поѣхалъ; но она такъ и не сказала. Переждавъ напрасно минуту, онъ всталъ со словами:

— Ну я долженъ теперь поторопиться въ Бостонъ. Миѣ бы слѣдовало пріѣхать сюда третьяго дня вечеромъ поговорить съ вашимъ отцомъ объ этихъ рабочихъ беспорядкахъ, послушайся я совѣта моей жены. Миѣ всегда неудача, когда я ее не слушаюсь,—прибавилъ онъ улыбувшись.

Неизвѣстно, отчего мужчина выигрываетъ во мнѣніи другихъ женщинъ, дѣлая видъ, что онъ подчиняется своей женѣ или дорожить ею. Но безспорно это такъ. Женщины принимаютъ это за извѣстнаго рода дань самимъ себѣ или женщиѣ въ идейномъ смыслѣ. Уваженіе ихъ къ такому мужчинѣ становится выше; онѣ начинаютъ относиться къ нему съ почтеніемъ и сердца ихъ преисполняются къ нему горячимъ сочувствіемъ. Уже во многихъ случаяхъ преданная любовь къ женѣ сослужила ему хорошую службу, внушивъ къ нему довѣріе. Онъ не могъ поговорить пяти минутъ безъ того, чтобы не упомянуть ея имени; всѣ предметы бесѣды рано или поздно сводились къ разговору о его женѣ.

— Миѣ жаль, что отца моего нѣтъ дома, и жаль, что я не могу сообщить вамъ объ этихъ беспорядкахъ...

— О, я поѣду завтра на заводъ,—весело прервалъ онъ ея рѣчь. Ея мягкое обращеніе дало ему смѣлость прибавить:

— У васъ, здѣсь должно быть, великогѣпно лѣтомъ, миссъ Нортвикъ.

— Миѣ нравится здѣсь во всѣ времена года,—отвѣчала она.— Намъ живетъ здѣсь такъ хорошо зимою.

Она испытывала странное удовольствіе говорить это. Ей казалось, что, упоминая о ихъ общей семейной жизни, она какъ бы обезпечиваетъ ее непрерывность и отстаиваетъ безопасность своего отца.

— Да,—согласился Пиннэй.—Мнѣ было извѣстно, что вы покинули вашу городскую обитель. Мнѣ кажется, жена моя вполне сошлась бы въ этомъ съ вами; она страстно любитъ деревню и не будь я прикованъ къ городу условіями моей работы, я увѣренъ, она съ радостью поселилась бы здѣсь.

Миссъ Нортвикъ взяла огромный пучекъ пышныхъ ярко-розовыхъ розъ Жакмино изъ вазы, стоявшей на каминѣ, и, завернувъ ихъ въ бумагу, которая лежала тутъ же на столѣ, церемонно презентовала ихъ Пиннэю.

— Не соблаговолите ли отвезти эти розы вашей женѣ?—сказала она.

Это было не только признаніемъ «порядочности» Пиннэя, нѣжнаго, любящаго мужа своей жены, но смутной попыткой умиловить Пиннэя-репортера. Она подумала, что эти розы, быть можетъ, смягчатъ въ немъ сердце интервьюира и помѣшаютъ ему написать въ газетѣ что-нибудь о ней. Ей было страшно попросить его не дѣлать этого.

— Ахъ, благодарю васъ!—сказалъ Пиннэй.—Я, право, не думалъ... Это очень мило съ вашей стороны... увѣряю васъ.

Ему было очень чудно огнестись къ этимъ людямъ съ чисто-человѣчной точки зрѣнія и онъ поторопился закончить интервью. Онъ не сдѣлалъ ничего достойнаго порицанія, а между тѣмъ его внезапно охватило ощущение какой-то укоризны. При свѣтѣ семейной жизни человѣка, растратившаго чужія деньги, Нортвикъ являлся его жертвой. Пиннэй не намѣревался казнить его, онъ намѣревался только дать огласку его преступнымъ дѣяніямъ; но все равно, въ эту минуту ему показалось, что онъ гонитель Нортвика, что онъ преслѣдуетъ его по пятамъ, чтобы принизить и растоптать его. Ахъ, если бы эта несчастная старая дѣвушка не дарила ему этихъ цвѣтотъ! Ему казалось, что онъ не смѣетъ передать ихъ своей женѣ, они жгли ему руки.

По дорогѣ на станцію онъ отошелъ всторону и бросилъ розы въ глубокій свѣгъ.

Жена встрѣтила его у дверей дома, сгорая отъ нетерпѣнія узнать, удалась ли ему розыски. При видѣ ея, уныніе его какъ рукой сняло, онъ нарисовалъ передъ нею живую картину того, что сдѣлалъ.

Онъ сѣлъ, а она вскочила къ нему на колѣни и обняла его.

— Рэнъ, какъ ты великоколѣпно сдѣлалъ это! Я увѣрена, ты совсѣмъ затмишь «Краткій Обзоръ». О, Рэнъ, Рэнъ!

Она обняла руками его шею и счастливыя слезы наполнили глаза ея.

— Послѣ этой статьи ты можешь рассчитывать на какое угодно мѣсто въ любой газетѣ! О, я самая счастливая женщина въ свѣтѣ!

Пиннэй радостно прижалъ ее къ своей груди.

— Да, дѣло мое чудесно налажено. Изъ ста вѣроятностей девя-

носто девять за то, что онъ удралъ въ Канаду. Оказалась громадная растрата, въ нѣсколько сотъ тысячъ, а ему дали возможность свѣсти счеты... старая исторія! Факты расположены такъ, какъ мнѣ того хотѣлось, и какъ только Мантонъ дастъ намъ сигналъ: «Впередъ»!

— Ждать сигнала Мантона! — воскликнула миссисъ Пиннэй. — Ну, Рэнъ, ты не сдѣлаешь такой глупости. Мы не будемъ ждать ни одной минуты.

Пиннэй расхохотался и вторично заключилъ ее въ свои объятія, восхищенный ея энтузіазмомъ; смѣясь и цѣлуя ее, онъ объяснилъ ей, почему надо было подождать. Вѣдь если онъ воспользуется своимъ матеріаломъ прежде, чѣмъ получить разрѣшеніе отъ сыщика, то послѣдній никогда больше не дастъ ему ни малѣйшаго указанія.

— Мы ничего не потеряемъ, переждавъ немного. Я сейчасъ же примусь за составленіе статьи. Мнѣ хочется отдѣлать ее по всѣмъ правиламъ искусства. А ты пойди, приготовь мнѣ кофейку, Гатъ. Во всякомъ случаѣ, можешь быть увѣрена, я разработаю свой матеріалъ такъ, что другимъ не останется сказать ничего новаго.

Онъ снялъ съ себя верхнее платье и усѣлся за свой письменный столъ. Жена остановила его.

— Не лучше ли тебѣ пойти въ кухню? Тамъ удобнѣе работать, потому что кухонный столъ больше этого.

— Мнѣ кажется самому, что тамъ будетъ лучше, — согласился Пиннэй.

Онъ собралъ всѣ свои рабочія принадлежности и послѣдовалъ за женою въ чистенькую маленькую кухню, гдѣ она стряпала незатѣйливые обѣды; кухня служила имъ одновременно и столовою.

— Питалась только чаемъ безъ меня?

Онъ открылъ холодильникъ, продѣланный въ стѣнѣ, и заглянулъ въ него.

— Вчерашній обѣдъ такъ и остался нетронутымъ!

— Ты знаешь, я не въ состоянн ѣсть, когда тебя нѣтъ со мною, Рэнъ, — отвѣтила она съ трогательной гримаской.

Пиннэй поцѣловалъ ее и снова усѣлся за работу; а когда усталъ писать, онъ передалъ перо женѣ, которая стала писать подъ его диктовку. Во время этой работы у нихъ совершенно исчезло представленіе о человѣческомъ существѣ—если такое представленіе существовало когда-нибудь въ ихъ умѣ. Правда, проникнувъ въ семейную обстановку Нортвика и повидавъ лицомъ къ лицу его старшую больную дочь, Пиннэй почувствовалъ въ душѣ поползновеніе отнестись къ нему съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ. Онъ считалъ такую умѣренность съ своей стороны достоинствомъ и къ концу статьи, во время небольшой передышки, высказалъ по поводу этого слѣдующія мысли:

— Репортеровъ обыкновенно страшно ругаютъ; но если бы публикѣ было извѣстно, о чемъ мы умалчиваемъ, быть можетъ, она бы

перемѣнила свои сужденія о насъ. Разумѣется, мнѣ ужасно хотѣлось бы описать его дочь, эту бѣдную старую дѣвушку, и представить полный отчетъ о моемъ разговорѣ съ нею, но я нахожу это совершенно неудобнымъ. Я порѣшилъ исключить все это вплоть до того факта, что она, очевидно, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о его растратахъ или о томъ, зачѣмъ ему понадобилось махнуть въ Канаду. Это бы внесло немного трогательнаго элемента въ мою статью, но, мнѣ кажется, я не долженъ этого знать!

Жена его оттолкнула отъ себя рукопись и бросила перо.

— Ну, Рэнъ, если ты будешь говорить въ этомъ тонѣ, ты отнимешь у меня всякое удовольствіе,—ты знаешь это не хуже меня. Если мнѣ надобно будетъ думать о его семействѣ, я тебѣ не помощница больше.

— Пустое!—воскликнулъ Пиннэй.—Вѣдь факты должны такъ или иначе выйти наружу; я убѣжденъ, что другіе не обойдутся съ ними и въ половину такъ бережно, какъ я.

Онъ обнялъ жену и крѣпко прижалъ ее къ себѣ.

— Твое мягкосердечіе, однако, можетъ быть губельно для меня, Гатъ. Не знай я, какъ ты къ этому отнесешься, я бы отправился прямо въ Уэлутэръ и тамъ же на мѣстѣ обследовалъ лично это происшествіе. Но я отлично зналъ, что ты съ ума сойдешь отъ горя, если я не вернусь въ назначенное время, а потому не поѣхалъ туда.

— Ахъ, какой вздоръ!—нѣжно сказала его молодая жена, смотря на него влюбленными глазами.—Мнѣ было бы все равно, если бы ты никогда не вернулся!

— Въ самомъ дѣлѣ? Насколько долженъ я вѣрить этому заявленію?—спросилъ онъ и снова притянулъ ее къ себѣ въ упоеніи отъ ея прелестныхъ влюбленныхъ глазъ. Самъ Пиннэй былъ красивый малый, веселый и, какъ говорится, не промахъ; онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, и жена его часто ему говорила, что порѣшила завладѣть имъ съ перваго же раза, какъ его увидала.

Случилось это лѣтомъ во время открытія одной роскошной загородной гостиницы, два года назадъ, когда «Бостонскія Извѣстія» поручили Пиннэю описать ее. Молодая дѣвушка поступилъ въ новую гостиницу телеграфисткой, — это было ея первое мѣсто. А онъ принесъ туда свою депешу и подалъ ей для отправки въ Бостонъ, какъ разъ въ ту минуту, когда она собиралась закрыть контору вечеромъ и пойти посмотреть на танцующихъ въ главной столовой, быть можетъ, рассчитывая и самой потанцевать съ молодыми клерками.

Услышавъ стукъ карандаша о выступъ крошечнаго окошка въ чугунной рѣшеткѣ ея каморки, она быстро обернулась, готовая заплакать отъ досады. Но при видѣ Пиннэя съ голубыми глазами и темными пушистыми усиками, вьющимися надъ его верхней губой, подъ его короткимъ прямымъ носомъ, и съ презабавной ямочкой

на подбородкѣ, ей почему-то стало смѣшно, а досады какъ не было,—вотъ что она ему рассказывала въ сотый разъ. Онъ написалъ ей изъ Бостона, придумавъ какое-то «дѣло», и между ними завязалась переписка; а прежде окончанія лѣта они уже стали женихомъ и невѣстой. Имъ и по сю пору не надоѣло говорить объ этой первой ихъ встрѣчѣ, какъ не наскучило говорить о самихъ себѣ и другъ о другѣ порознь во всѣхъ смыслахъ. Какъ только они «поженились» и у нихъ миновало то особое ослѣпительное состояніе, которое молодые люди принимаютъ въ глазахъ другъ друга, они увидали, что представляютъ оба очень простыхъ, безобидныхъ людей и начали считать себя хорошими людьми. При богѣ тѣсномъ брачномъ сожителствѣ ихъ влеченіе другъ къ другу только усилилось. Они считали себя хорошими, главнымъ образомъ, потому, что такъ крѣпко любили другъ друга; она знала, что онъ былъ хорошъ, потому что онъ любилъ ее; а онъ былъ убѣжденъ, что въ немъ должна быть масса добродѣтелей, разъ такая дѣвушка такъ горячо его полюбила. Они считали доблестью жить только одинъ для другого, какъ они жили; ихъ взаимная безусловная преданность казалась имъ проявленіемъ безкорыстія. Они считали великимъ подвигомъ свою умѣренность и свое трудолюбіе ради взаимнаго преуспѣянія; они заботились о своемъ благосостояніи только ради собственныхъ удобствъ, но приобрѣтеніе удобствъ путемъ бережливости и трудолюбія казалось имъ своего рода альтруизмомъ; благодаря этому сознанію, они были постоянно довольны сами собою и удовлетворены другъ другомъ. Они порядкомъ рисковали, когда повѣнчались, рассчитывая жить на маленькое жалованье Пиннея, но ихъ мужество, повидимому, получило вознагражденіе и въ концѣ концовъ въ нихъ жило сознаніе, что, приобрѣтая свое благосостояніе, они участвовали нѣкоторымъ образомъ въ интересахъ общественной жизни.

XV.

Головная боль Максвелла совершенно прошла послѣ чашки чая. Но очутившись въ домѣ на Клеверной улицѣ, гдѣ онъ занималъ комнату, онъ почувствовалъ себя утомленнымъ и пожелалъ немедленно лечь спать. Онъ жилъ у своей матери, которая сдавала жильцамъ комнаты со столомъ. Онъ сказалъ ей, что не усталъ, а только недоволенъ результатами своей работы.

— Я не могъ узнать почти ничего. Ну, конечно, если бы порыться въ помойныхъ ямахъ, матеріала нашлось бы достаточно, да только больно претитъ мнѣ такая работа. Ты узнаешь все изъ отчета Пиннея, а я пока еще не рѣшилъ, писать мнѣ или нѣтъ объ этомъ дѣлѣ. По мнѣнію Пиннея все это цѣнный матеріалъ. Я предоставилъ ему интервьюированіе семейства Нортвика, пусть себѣ пользуется ихъ несчастіемъ для своей статьи. Я же не могъ сдѣлать этого.

— Да и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы ты этимъ занимался, Брайсъ,— сказала мать.— Мнѣ это было бы крайне непріятно.

— Ну мы оба неправы съ одной стороны,— возразилъ юноша.— Пиннэй говоритъ, что въ нашемъ дѣлѣ нельзя безъ этого, а дѣловыя побужденія очищаютъ и облагораживаютъ всѣ поступки. Пиннэй мѣтитъ въ первоклассные репортеры; онъ сдѣлается главнымъ редакторомъ и собственникомъ газеты; не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ я сдѣлаюся заштатнымъ репортеромъ.

— Я надѣюсь, что ты гораздо раньше отдѣлаешься отъ такой работы,— сказала мать.

— Весьма вѣроятно, я «отдѣлаюсь» отъ всякой работы, коли буду держаться такой дорожки. У Пиннэя нѣтъ ни малѣйшаго литературнаго дарованія. По природѣ ему бы колоть дрова, либо ходить за лошадьми. Но онъ умѣетъ написать репортерскій отчетъ и навѣрно будетъ имѣть успѣхъ.

— Да вѣдь ты же не желаешь имѣть успѣхъ на его поприщѣ,— съ нѣжной ласкою замѣтила мать.

— Да. Но мнѣ слѣдуетъ заручиться успѣхомъ на его поприщѣ, стараясь услѣть на томъ, которое отвѣчаетъ моему призванію. Мнѣ приходится работать восемь часовъ въ должности репортера за право заниматься два часа литературой. Такъ ужъ устроенъ нашъ міръ. Прежде всего, надобно зарабатывать свой насущный хлѣбъ.

— Ужъ ты ли не зарабатываешь своего хлѣба насущнаго, сыночекъ... никому не достается хлѣбъ такъ тяжело, какъ тебѣ.

— Ахъ, но онъ чертовски грязенъ, этотъ заработанный мною насущный хлѣбъ!

— О, дитя мое, зачѣмъ ты такъ говоришь!

— Ну ладно. Не стану ругаться. Притомъ это глупо; глупо, какъ и все остальное.

Онъ всталъ со стула, на который опустился, и подошелъ къ двери слѣдующей комнаты.

— Мнѣ надобно приукрасить свою особу чистымъ воротничкомъ и чистыми манжетками. Я долженъ сдѣлать визитъ и хочу оставить хорошее впечатлѣніе у человѣка, который укажетъ мнѣ на дверь, узнавъ, кто я и что мнѣ надо. Я намѣренъ интервьюировать мистера Гилари насчетъ чувствъ и мыслей компаньоновъ товарищества относительно ихъ сбѣжавшаго казначея. Что за тошнотворная обязанность! Никогда ему не узнать, что мнѣ въ десять разъ противнѣе, чѣмъ ему. Но у меня нѣтъ иного способа извлечь что-нибудь изъ этого дѣла.

— Я убѣждена, что ты будешь хорошо принять, Брайсъ. Онъ увидитъ, что ты джентльмэнъ...

— Нѣтъ, мама, я не джентльмэнъ,— рѣзко перебилъ ее сынъ изъ комнаты, гдѣ онъ переменялъ бѣлье.— Не джентльмэнское мое занятіе. Но подобно многимъ другимъ, я намѣренъ стать джентльмэномъ,

какъ только мнѣ станеть доступна эта роскошь. Я долженъ по обыкновенію убрать подальше свое я, когда буду интервьюировать мистера Гилари. А быть можетъ и онъ не джентльмэнъ. Въ этой мысли есть нѣчто утѣшительное. Мнѣ бы хотѣлось когда-нибудь написать статью о способахъ, которые употребляются въ коммерческихъ дѣлахъ, и о томъ, насколько способы эти совмѣстимы съ чувствомъ самоуваженія. Бѣда въ томъ, что мистеръ Риккеръ ни за какія коврижки не напечатаетъ моей статьи.

— Онъ очень хорошо относится къ тебѣ, Брайсъ.

— Да, насколько у него хватаетъ на это смѣлости. Онъ представляетъ оазисъ въ пустыцѣ моей жизни. Но зачастую дуетъ конторскій самуиъ и высушиваетъ этотъ оазисъ. Что же выйдетъ, если я начну свою статью съ обзора конторскихъ книгъ, какъ независимый журналистъ?

Миссъ Максуэллъ не нашлось, что ему отвѣтить на этотъ вопросъ. Зато она очень краснорѣчиво доказывала ему необходимость укутать шею теплымъ шарфомъ, чего, какъ она увидала, онъ не дѣлалъ въ теченіе цѣлаго дня. Теперь она сама надѣла его ему на шею и взяла обѣщаніе, что онъ не забудетъ сдѣлать это самъ, выходя изъ дома Гилари.

Лакей, отворившій ему дверь, объявилъ, что мистера Гилари нѣтъ дома, но что онъ скоро вернется, и милостиво согласился впустить его подождать. Онъ пытался опредѣлить рангъ Максуэлла, чтобы согласно этому рѣшить, гдѣ ему ждать: платье и шляпа Максуэлла указывали на стулъ въ передней; а его блѣдное изящное, нѣсколько надменное лицо годилось для гостиной. Лакей пошелъ на компромисъ и провелъ незнакомаго гостя въ бібліотеку.

Луиза быстро приподнялась съ кушетки, на которой расположилась для послѣобѣденнаго отдыха, въ полусвѣтѣ сумерокъ, думая о странныхъ событіяхъ этого дня. Она уставилась на него смущенными, безпомощными глазами. Для большаго удобства и покоя она сбросила съ ногъ башмаки и они упали за кушетку. Она почувталась лицомъ къ лицу передъ этимъ рабочимъ, который привлекъ ея вниманіе на станціи въ Гатборо своимъ упорнымъ взглядомъ, этими тонкими, насмѣшливыми губами и огромными мечтательными глазами, врѣзавшимися въ ея память.

— Охъ, барышня, я не зналъ, что вы тутъ—извинился лакей, остановясь въ нерѣшительности.—Баринъ желаетъ повидать вашего папу.

— Не угодно ли вамъ присѣсть?—обратилась молодая дѣвушка къ Максуэллу.—Отецъ мой скоро вернется, я думаю.

Она начала подумывать, не удастся ли ей придвинуться какъ-нибудь незамѣтно бокомъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали ея башмаки и потихонько всунуть въ нихъ свои ноги. Но въ ту же минуту она вспомнила, гдѣ находится, и не потому только, что башмаки ея лежали далеко въ сторонѣ, а также потому, что по своему характеру она любила видѣть вокругъ себя всѣхъ счастливыми и довольными. Она отнюдь

не была кокеткой, но не могла видѣть ни одного мужчины, не стараясь ему понравиться.

— Мнѣ жаль, что его нѣтъ,—сказала она. А затѣмъ, такъ какъ ему нечего было на это отвѣтить, рѣшилась заявить.—На дворѣ очень холодно, не правда ли?

— Подъ вечеръ стало холоднѣе,—отвѣтилъ Максвеллъ.

Онъ помнилъ ея лицо, она видѣла это, и это обстоятельство вызвало въ ея душѣ какое-то неподдающееся разсужденію чувство знакомства съ нимъ.

— Такая погода кажется необычайной въ началѣ февраля,—продолжала она въ томъ же тонѣ.

— Ну, я этого не скажу,—возразилъ Максвеллъ съ гораздо большей самоувѣренностью, чѣмъ ей бы хотѣлось видѣть въ немъ за такое короткое время.—Мнѣ кажется, у насъ часто бываютъ очень сильные холода послѣ январьской оттепели.

— Правда,—согласилась Луиза, внутренне удивляясь, какъ она не подумала объ этомъ.

Его самоувѣренность не вязалось съ его поношеннымъ платьемъ, какъ не вязались его чистое произношеніе и спокойный тонъ съ его обликомъ трудящагося пролетарія, который она за нимъ признала. Она рѣшила про себя, что онъ странствующій делегатъ и пришелецъ, вѣроятно, по поводу какого-нибудь неудовольствія со стороны рабочихъ ея отца. Она никогда еще не видала странствующихъ делегатовъ, но часто слышала споръ своего отца и брата относительно полезности ихъ дѣятельности для общества, потому ея рѣшеніе придало Максвеллу новый интересъ въ ея глазахъ. Еще не зная, кто была Луиза, онъ вообразилъ ее себѣ гордячкой, кичащейся своими милліонами, такъ какъ встрѣтилъ ее въ домѣ Гилари и потому что возненавидѣлъ ее за щегольство,—насколько молодой человѣкъ можетъ возненавидѣть хорошенькую женщину,—когда она прохаживалась передъ его глазами на платформѣ въ Гатборо. Онъ разглядѣлъ бібліотеку богача съ презрительнымъ отношеніемъ къ ея роскоши. Его пренебреженіе было чисто драматическаго свойства и не касалось личностей; тѣмъ не менѣе Луизу оно испугало. Ей хотѣлось уйти отсюда; но если бы даже ей удалось незамѣтно надѣть башмаки, она непременно закричала бы ими по твердому деревянному паркету. Она не знала, чтобы такое сказать еще, и сердце ея загорѣлось благодарностью къ Максвеллу, когда онъ сказалъ ей, безъ всякаго отношенія къ предыдущему ихъ разговору, то, что было у него на умѣ.

— Не думаю, чтобы можно было имѣть вѣрное представленіе о зимѣ помимо деревни.

— Ваша правда,—отвѣтила она.—Мы забываемъ, какъ хорошо зимою за городомъ.

— И какъ ужасно,—прибавилъ онъ.

— О, неужели вы такъ думаете? — спросила она, а самой себѣ сказала: — теперь у насъ начнутся разсужденія, когда пріятѣе, зимою или лѣтомъ, если будемъ продолжать нашу бесѣду въ этомъ стилѣ.

— Да, таково мое мнѣніе, — отвѣчалъ Максвеллъ.

Онъ нечаянно посмотрѣлъ на картину, висѣвшую надъ каминомъ, желая «подбодрить» себя, и принялся говорить о ней вкривь и вкось, разбирая ея живопись и характеръ. Молодая дѣвушка увидала, что онъ совсѣмъ не смыслить въ художествѣ, а картину оцѣниваетъ лишь съ литературной точки зрѣнія. Она изъ состраданія къ его невѣжеству пробовала перевести бесѣду на другую тему, когда услышала внизу шаги своего отца.

Войдя въ библіотеку, Гилари бросилъ удивленно—вопросительный взглядъ на молодого человѣка. Максвеллъ всталъ.

— Мистеръ Гилари, я сотрудничаю въ «Ежедневномъ Обзорѣніи» и пришелъ узнать, не угодно ли вамъ будетъ поговорить со мною объ этомъ пресловутомъ казусѣ съ мистеромъ Нортвикомъ.

— Нѣтъ, милостивый государь! Нѣтъ, милостивый государь! — бурно разразился Гилари. — Я знаю объ этомъ событіи не больше вашего! Мнѣ нечего сказать вамъ. Ни единого словечка! Ни единого звука! Надѣюсь этого достаточно?

— Вполнѣ, — отвѣчалъ Максвеллъ и, слегка кивнувъ въ сторону Луизы, вышелъ вонъ.

— Ахъ, папа, — жалобно простионала Луиза, — какъ могъ ты такъ обойтись съ нимъ?

— Обойтись съ нимъ такъ? А почему бы мнѣ не обойтись съ нимъ такъ, позволъ узнать? Этакій наглецъ, подумаешь! Какъ это его угораздило заглѣзть сюда и разсѣяться у меня въ библіотекѣ? Почему не остался онъ ждать въ передней?

— Патрикъ проводилъ его сюда. Онъ призналъ въ немъ джентльмэна!

— Призналъ въ немъ джентльмэна?

— Ну да, разумѣется. Онъ очень образованный человѣкъ. Онъ не... онъ совсѣмъ не похожъ на зауряднаго репортера!

Голосъ Луизы дрожалъ отъ огорченія за своего отца и отъ жалости за Максвелла, когда она такъ рѣшительно выступила на его защиту. Ей было ужасно обидно сознавать, что отецъ ея въ данномъ случаѣ погрѣшилъ противъ правилъ джентльмэнства,

— Тебѣ... тебѣ слѣдовало быть крошечку добрѣе, папа. Вѣдь онъ совсѣмъ не навязывался къ тебѣ. Онъ только спросилъ, можемъ ли ты что-нибудь сказать ему. Онъ не приставалъ къ тебѣ.

— Я вовсе не думалъ, что онъ станетъ приставать, — сказалъ Гилари.

Его вспышка быстро прошла. Ему было неприятна эта размовка съ дочерью, которая обыкновенно была его любящей союзницей, восхищавшейся имъ. Но онъ не могъ признать себя неправымъ сразу.

— Если тебѣ не понравилось мое обращеніе съ нимъ, зачѣмъ оставалась ты здѣсь?—спросилъ онъ.—Къ чему тебѣ понадобилось занимать его разговорами до моего прихода? Разспрашивалъ онъ тебя о семействѣ Нортвика? Что значить вся эта исторія?

Глаза молодой дѣвушки блеснули слезами обиды и она отвѣтила съ негодованіемъ:

— Патрикъ не зналъ, что я здѣсь, когда провелъ его сюда. Увѣряю тебя, я была бы рада уйти, когда ты раскричался на него, если бы я могла это сдѣлать. Не очень пріятно было слушать тебя. Я больше не стану приходить сюда, если ты не хочешь. Я думала, тебѣ, нравилось, когда я здѣсь. Ты самъ говорилъ это.

— Перестань болтать вздоръ!—раскопился ея отецъ.—Приходи, какъ всегда приходила, никто тебѣ не запрещаетъ. Мнѣ кажется,—прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, во время котораго Луиза подняла съ полу свои башмаки и, держа ихъ въ рукѣ у себя за спиною, стояла передъ нимъ, стройная и высокая, настоящее олицетвореніе обиженной любви и оскорбленной гордости,—мнѣ кажется, мнѣ слѣдовало быть немного мягче съ этимъ малымъ, но сегодня за мною по пятамъ бѣгало до двадцати репортеровъ.—Съ ними, да съ тобою, да съ Маттомъ, да со всей этой возней я совсѣмъ потерялъ голову. Неужели Маттъ не понимаетъ, что его поѣздка въ Уэлуотэръ ради семейства Нортвика налагаетъ на меня всеобщую и большую отвѣтственность?

— А по моему, ему ничего другого не оставалось, какъ поѣхать туда. Вѣдь Сюэтта хотѣла отправиться туда одна. Онъ не могъ не оказать ей этой маленькой услуги.

— О, хороша маленькая услуга!—произнесъ Гилари съ худосерживаемымъ гнѣвомъ.

Онъ отвернулся, чтобы не глядѣть на Луизу, и глаза его упали на записную книжку страннаго вида; она лежала на столѣ у того мѣста, гдѣ сидѣлъ Максвеллъ.

— Что это такое?

Онъ взялъ ее въ руки, а Луиза сказала:

— Онъ, должно быть, оставилъ ее здѣсь.

А про себя она подумала:— конечно, онъ вернется за нею.

— Хорошо. Я долженъ отослать ее ему. И я... я напишу ему записку,—проворчалъ Гилари.

Луиза улыбнулась, сгорая желаніемъ простить.

— Онъ оказался мнѣ очень умнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тотъ бѣдный юноша. Развѣ ты не замѣтилъ, папа, какой у него изящный выговоръ? Меня возмущаетъ, когда думаю, что ему приходится интервьюировать и наткаться на всякаго рода грубости.

— Мнѣ кажется, ты бы лучше сдѣлала, не тративъ черезчуръ много симпатіи на него,—замѣтилъ Гилари, съ нѣкоторою досадою въ голосѣ.

— О, папа, вѣдь я говорю не о тебѣ,—кратко сказала Луиза.

Зазвенѣлъ колокольчикъ у подъѣзда и послѣ недолгихъ переговоровъ внизу, Патрикъ поднялся наверхъ объявить, что тотъ баринъ, что былъ здѣсь, кажется, оставилъ здѣсь свою записную книжку. Онъ...

Гилари не далъ ему договорить.

— О, да! Попросите его наверхъ. Опа здѣсь.

Онъ самъ бросился на встрѣчу Максвеллу.

XVI.

Луиза взглянула на себя украдкой въ маленькое трехстороннее зеркало, висѣвшее на другомъ концѣ комнаты. Прическа ея была въ порядкѣ и она завершила свой туалетъ, опустивъ башмаки на полъ и прикрывъ ихъ подоломъ своей юбки.

Отецъ ея провелъ Максвелла до дверей, а она снова поклонилась ему улыбаясь.

— Мы... я только что нашелъ вашу книжку. Я... я очень радъ, что вы вернулись, я... былъ немного рѣзокъ съ вами минуту назадъ. Я... я... Могу ли предложить вамъ сигару?

— Спасибо. Я не курю.

— Ну такъ стакавъ... На дворѣ порядкомъ холодно!

— Благодарю васъ. Я никогда не пью.

— Ну, это хорошо! Это... садитесь, садитесь!.. Это чудесная привычка. Увѣряю васъ, я не считаю, чтобы это приносило малѣйшую пользу, хотя и курю, я пью. Сынъ мой не куритъ и не пьетъ, подаетъ примѣръ воздержанія своему отцу.

Несмотря на приглашеніе Гилари, Максвеллъ продолжалъ стоять имѣя въ виду лишь выслушать его.

— Я... мнѣ жаль, что мнѣ нечего сказать вамъ объ этомъ несчастномъ происшествіи... Я цѣлый день протелеграфировалъ безо всякаго толку, не узнавъ ничего кромѣ того, что уже было напечатано въ газетахъ. А теперь мой сынъ отправился въ Уэллоутеръ, можетъ ему и посчастливится добыть какія-нибудь свѣдѣнія на самомъ мѣстѣ происшествія. Можетъ быть это нашъ, а можетъ другой Нортвикъ. Могу я спросить у васъ, что извѣстно вамъ?

— Не знаю, имѣю ли я право говорить,—отвѣчалъ Максвеллъ.

— А!

— И я не ожидалъ услышать отъ васъ что-нибудь кромѣ того, что вы заходили бы предать огласкѣ. Это дѣло коммерческое.

— Именно,—сказалъ Гилари.—Но мнѣ кажется, я могъ сказать вамъ это въ болѣе вѣжливой формѣ. Слухи эти доставили мнѣ много неприятностей, а я люблю дѣлиться своими неприятностями съ другими. Вѣроятно, ваши занятія нерѣдко заставляютъ васъ сталкиваться съ людьми такихъ дружественныхъ наклонностей? Э?

Гилари взялъ сигару въ зубы, приготавливаясь закурить ее.

— Намъ приходится имѣть дѣло съ людьми средней руки,—возразилъ Максвеллъ; извиненія Гилари не поколебали его душевнаго равновѣсія.— Скучно, когда васъ интервьюируютъ. Я это понимаю, потому что интервьюировать тоже скука.

— Я думаю, нерѣдко послѣднее несравненно непріятнѣе перваго,—сказалъ Гилари, раскуривая сигару и выпуская первые клубы дыма.— Ну, значить, я отъ души радуюсь, что могу васъ избавить отъ этой не-пріятной обязанности. Не зналъ я, что мы такъ славно поладимъ.

Эта тема, повидимому, была исчерпана, а Максвеллъ не пытался завязывать разговоръ. Гилари протянулъ ему руку. Желая сгладить шероховатость этого прощанія, онъ обратился къ молодому человѣку со слѣдующими словами:

— Если вамъ угодно будетъ зайти ко мнѣ снова, спустя нѣкоторое время, быть можетъ...

— Благодарю васъ,—сказалъ Максвеллъ и повернулся, чтобы выйти. Затѣмъ, онъ обернулся и послѣ минутнаго колебанія поклонился Луизѣ, сказавъ очень преремонно,—добрый вечеръ.

Когда онъ ушелъ, Луиза глубоко вздохнула.

— Отчего, папа, ты не удержалъ его подольше и не узналъ все, что его касается?

— Мнѣ кажется, мы знаемъ все, что необходимо,—сухо отвѣчалъ ей отецъ.—По крайней мѣрѣ, на моей совѣсти не тяготѣетъ болѣе грѣха относительно его. Надѣюсь, и ты теперь удовлетворена.

— Да... да,—нерѣшительно произнесла она.—Какъ ты думаешь у тебя не былъ черезчуръ покровительственный тонъ, когда ты извинялся, папа?

— Покровительственный?

Гилари начиналъ снова пѣтушиться.

— Ахъ, я не то хотѣла сказать! Но мнѣ хотѣлось бы, что бы ты не показывалъ ему, что ожидалъ, какъ онъ вспрыгнетъ отъ радости, когда ты начнешь разсыпаться передъ нимъ въ извиненіяхъ.

— Въ слѣдующій разъ, если мое обращеніе съ людьми тебѣ не по вкусу, прошу не оставаться, Луиза.

— Я знаю, тебѣ хотѣлось, чтобы я осталась, папа, и увидѣла, какъ прекрасно ты извинишься передъ нимъ. И ты прекрасно это сдѣлалъ. Это было великогѣпно... быть можетъ, черезчуръ великогѣпно.

Она разсмѣялась и принялась цѣловать отца, чтобы прогнать досаду съ его лица. При этомъ она продолжала держать за спиною руки, въ которыхъ у нея были башмаки.

— А развѣ я хотѣлъ, чтобы ты сидѣла здѣсь и занимала его разговорами до моего прихода?—спросилъ онъ, не желая слишкомъ скоро поддаться ей ласкамъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она запинаясь.—Это было дѣломъ необходимости. У него было такой большой, грустный видъ, что мнѣ стало жаль его, да притомъ... Какъ ты, думаешь, могу я довѣрить тебѣ тайну, папа?

— Что ты такое говоришь?

— Ну, понимаешь, я приняла его сначала за странствующаго делегата.

— И потому осталась?

— Нѣтъ... Это меня испугало, а затѣмъ заинтересовало. Мнѣ захотѣлось узнать, что это за люди. Только это не тайна.

— Она, вѣроятно, имѣетъ совершенно такое же значеніе,—проворчалъ Гилари.

— Ну, понимаешь, это отличный урокъ мнѣ на будущее время! Я сбросила башмаки съ ногъ, когда прилегла здѣсь, и не могла выйти отсюда. Онъ появился такъ неожиданно.

— И ты хочешь мнѣ сказать, Луиза, что ты все время болтала съ этимъ репортеромъ въ...

— Да развѣ онъ зналъ объ этомъ? Ты, папа, и самъ не зналъ. Вѣдь не могла же я надѣть башмаки послѣ того, какъ онъ уже очутился здѣсь!

Она показала ихъ ему въ доказательство своихъ словъ.

— Послушай, Луиза, это скандалъ, сущій скандалъ! Всякій разъ придя сюда послѣ того, какъ ты здѣсь побываешь, я вахожу рваныя принадлежности твоего туалета... шпильки, перчатки, ленты, пояса, носовые платки или что-нибудь другое... а я не хочу этого. Я хочу, чтобы ты поняла, что я считаю это позорнымъ. Мнѣ стыдно за тебя!

— Не говори такъ! Тебѣ не стыдно, папа!

— Да, мнѣ стыдно,—сказалъ отецъ, но не могъ устоять передъ ея кротко умоляющимъ взглядомъ и продолжалъ,—т.-е. мнѣ слѣдовало бы стыдиться. Не понимаю, какъ могла ты подымать свою голову.

— И еще какъ высоко, папа! Если у тебя на ногахъ нѣтъ башмаковъ... въ обществѣ... это придаетъ тебѣ нѣчто въ родѣ... внутренняго величія. И я держала себя очень величаво. Но это послужило мнѣ страшнымъ урокомъ, папа!

Она заставила отца засмѣяться, затѣмъ порывисто бросилась къ нему и расцѣловала его за его любезность.

Своя ласки она закончила слѣдующими словами:

— А вѣдь его не слишкомъ тронули твои извиненія, какъ ты думаешь, папа?

— Нѣтъ, нисколько,—проворчалъ Гилари.—Онъ преупрямый.

— Да,—задумчиво сказала Луиза.—Онъ, должно быть, гордый. Какіе забавные гордые люди, папа! Я не могу ихъ взять въ толкъ. Меня всегда очаровывала этимъ Сюзетта.

Лицо Гилари смягчилось выраженіемъ печали.

— Ахъ, бѣдняжка! Теперь-то ей понадобится вся ея гордость.

— Ты думаешь объ отцѣ ея,—сказала Луиза. Она такъ же при-тикла.—А ты развѣ не надѣешься, что ему удалось выпутаться изъ бѣды?

— Что ты хочешь сказать, дитя? Такое желаніе было бы большою подлостью съ моей стороны.

— Но послушай, тебѣ пріятнѣе было бы знать, что онъ уѣхалъ, а не убитъ?

— Ну, разумѣется, разумѣется,—печально согласился Гилари.— Но если Маттъ узнаетъ, что онъ не погибъ... во время этого ужаснаго происшествія, то я обязанъ употребить всѣ средства для преда-нія его въ руки правосудія. Человѣкъ этотъ воръ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, дай Богъ, чтобы онъ уѣхалъ подальше.

— Ты не должна говорить такія вещи, Луиза.

— О, нѣтъ, папа. Я буду только думать ихъ про себя.

XVII.

Гилари пришлось уступить настойчивымъ требованіямъ своихъ компаньоновъ и послать на мѣсто несчастія сыщиковъ для разслѣдованія судьбы Нортвика. Такое дѣйствіе было формальнымъ нарушеніемъ обѣщанія, даннаго имъ Нортвику, что его не потревожатъ въ теченіе трехъ дней. Но, быть можетъ, обстоятельства оправдаютъ Гилари съ коммерческой точки зрѣнія и, въ сущности, не будетъ имѣть никакого значенія для растратчика—умеръ онъ или живъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ былъ внѣ опасности. Матту также казалось ужаснымъ находиться здѣсь для того же, что и эти полицейскіе агенты его отца. Иногда ему казалось, что онъ по молчаливому съ ними соглашенію работаетъ въ одномъ направленіи и для одной и той же цѣли, что они. Но онъ не позволялъ этому страшному привраку овладѣвать своимъ воображеніемъ и до послѣдней возможности хранилъ вѣрность Сюзеттѣ. Онъ сдѣлалъ рѣшительно все, что бы она могла попросить его сдѣлать. Онъ придумалъ даже массу совершенно бесполезныхъ вещей и сдѣлалъ ихъ, чтобы впослѣдствіи совѣсть не упрекнула его въ какомъ-либо упущеніи. На пожарищѣ остались лишь обугленные слѣды крушенія. Прекратить пожаръ не было никакой возможности и вагоны, охваченные имъ, сгорѣли почти до тла. Не сгорѣло только нѣсколько вагоновъ съ навѣтренной стороны; они лежали, опрокинутые, у рельсовъ, согнутые и скорченные, лопнувшіе въ поперечномъ направленіи, напоминая своимъ причудливымъ видомъ изображенія вагоновъ, сошедшихъ съ рельсовъ, какія Маттъ видывалъ въ иллюстрированныхъ газетахъ. Локомотивъ, занесенный въ тяжелый сугробъ снѣгу, походилъ на какое-то мертвое чудовище, выдержавшее отчаянную борьбу

со смертью. На мѣстѣ пожара видѣлись огромныя черныя пятна посреди сверкающей бѣлизны сгѣзнаго покрова: зола, исковерканные куски жегѣзныхъ частей, обугленные кусочки дерева. Но ничто не говорило, кто здѣсь умеръ или сколько человѣкъ здѣсь погибло. Несомнѣнно носильщикъ и кондукторъ погибли вмѣстѣ съ пассажирами вагонъ-салона, сгорѣлъ также списокъ пассажировъ. У телеграфистки находился только оригиналъ телеграммы, въ которой просили объ удержаніи кресла въ Пулманскомъ вагонѣ отъ Уэлутарской станціи; телеграмма была подписана фамиліей Нортвика, кромѣ начальныхъ буквъ его имени, которыя были не тѣ. Она-то и вызвала извѣстіе о его смерти.

Вотъ, что узналъ, въ концѣ концовъ, Маттъ; фактъ этотъ въ его точно-выясненной формѣ онъ могъ передать дочерямъ Нортвика, а онѣ уже знали его сущность. Но Маттъ бился надъ нимъ, словно фактъ этотъ былъ нѣчто совершенно новое, и мучился, придумывая, какъ представить его имъ. Въ душѣ онъ сильно сомнѣвался относительно гибели Нортвика, и телеграмма могла быть уловкой, хитростью, для прикрытія настоящаго слѣда своего бѣгства. Но вѣдь его попытка скрыть свой слѣдъ являлась безсмысленной, такъ какъ ему было хорошо извѣстно, что за нимъ еще никто не гнался. Если телеграмма была хитростью, то послѣдняя имѣла цѣлью скрыть фактъ пребыванія Нортвика въ странѣ, а слѣдовательно онъ и не думалъ уѣзжать въ Канаду. Но Маттъ не могъ придумать никакой причины для подобной хитрости; она являлась въ данномъ случаѣ однимъ изъ тѣхъ непослѣдовательныхъ импульсовъ, которые зачастую управляютъ поступками преступниковъ. Во всякомъ случаѣ, Маттъ не могъ сообщить свои догадки несчастнымъ женщинамъ, ожидавшимъ его возвращенія съ такой мучительной тоскою. Если человѣкъ этотъ дѣйствительно умеръ, дѣло упрощается до послѣдней возможности; Маттъ понималъ, насколько отъ этого смягчится участь семейства Нортвика; онъ понималъ, что на самоубійство привыкли смотрѣть какъ на единственный исходъ, приличный для человѣка въ стѣсненномъ положеніи Нортвика. Онъ осуждалъ самого себя за то, что на мгновеніе пришелъ къ этому сужденію. Но тѣмъ не менѣе, онъ почувствовалъ невольное облегченіе, когда Сюзетта Нортвикъ приняла его сообщеніе за окончательное доказательство смерти своего отца.

Она сказала, что все время говорила объ этомъ съ сестрой и онѣ убѣдились въ этомъ; онѣ были приготовлены къ этому; онѣ ожидали услышать отъ него именно это.

Маттъ старался дать ей понять, что рассказъ его не имѣлъ этого значенія. Онъ приводилъ, насколько ему было возможно, основанія, внушавшія надежду, что отецъ ея не погибъ во время этого пожара.

Она отвергла всѣ его доводы. Различіе въ начальныхъ буквахъ имени, въ сущности, ничего не доказывало. Да притомъ, будь ея отецъ

живъ, онъ уже къ этому времени долженъ былъ прочесть извѣстіе о своей смерти и прислать имъ письмо или какое-нибудь увѣдомленіе, чтобы успокоить ихъ. Она была увѣрена въ этомъ, тѣмъ болѣе, что онъ всегда такъ тревожно заботился о нихъ, когда бывалъ съ ними въ разлукѣ. Онѣ, уѣзжая, постоянно извѣщали его о малѣйшихъ измѣненіяхъ въ своихъ намѣреніяхъ, а онъ всегда телеграфировалъ имъ о своихъ. Единственною тайною для нихъ была его поѣздка въ Канаду; объ этомъ онъ ни раньше, ни послѣ ихъ не увѣдомилъ. По всей вѣроятности, у него неожиданно явилось какое-нибудь безотлагательное дѣло, которое заставило его на минуту позабыть обо всемъ другомъ.

Матъ безмолвно опустилъ голову, страшась, какъ бы она не спросила, что онъ думаетъ объ этомъ, и придумывая, что ему отвѣчать. Онъ сознавалъ, что ему не оставалось иного выбора, какъ солгать, если она спроситъ его. Но она не спросила его ни о чемъ.

Наступило лишь второе утро съ того времени, какъ онъ расстался съ нею. Но онъ увидѣлъ, что она пережила страшно много за эти сутки. «Такою она будетъ, когда состарится», подумалъ онъ. Нѣжныя очертанія ея щекъ слегка вытянулись, ихъ округлость опала; губы ея были плотно сжаты; орлиный выгибъ ея носа заострился. Глаза ея не носили слѣдовъ отъ пролитыхъ слезъ. Но Аделина плакала и безпрестанно вытирала слезы платкомъ. Она переносила свое горе кротко, а Сюзетта переносила его гордо. Казалось, она предоставила всѣ предположенія и заключенія своей сестрѣ.

Сюзетта находилась въ томъ возбужденномъ состояніи, которое смерть вызываетъ въ душѣ человѣка, потерявшаго любимое существо. О такомъ состояніи принято говорить, что человѣкъ не сознаетъ своей потери и только позднѣе почувствуетъ ее. Женщины преимущественно склонны къ такой истерической силѣ равнодушія... Матъ не зналъ, оставаться ему или уходить. Ему казалось навязчивостью затягивать ихъ свиданіе и жестокостью уйти послѣ такихъ незначительныхъ словъ. Сюзетта приняла его такъ спокойно, такъ холодно, что онъ несказанно удивился ея страстной порывистости, когда онъ всталъ, чтобы проститься съ нею.

— Никогда не забуду я, что вы для насъ сдѣлали, мистеръ Гиллари; никогда! Не умаляйте вашего поступка, не старайтесь заставлять насъ думать, что вы ничего не сдѣлали! Вы сдѣлали все! Я удивляюсь, какъ вы могли это сдѣлать!

— Да!—встала Аделина, словно онѣ уже переговорили о его добротѣ, какъ и о своей уtratѣ, и были совершенно одинаковаго мнѣнія по этому вопросу.

— Вы такъ думаете?—началъ онъ.—Всякій сдѣлалъ бы то же самое...

.. Не говорите этого!—вскричала Сюзетта.—Вамъ это кажется,

потому что вы сдѣлали бы это для всякаго! Но вѣдь вы сдѣлали это для насъ и я не забуду этого во всю свою жизнь! Охъ...

Голосъ ея оборвался; она закрыла руками лицо съ выраженіемъ трогательной, дѣтской безпомощности. Теперь менѣе чѣмъ когда либо онъ былъ въ состояніи оставить ее. Они снова усѣлись всѣ трое послѣ того, какъ встали, чтобы проститься. Маттъ чувствовалъ настоятельную потребность ободрить бѣдныхъ дѣвушекъ, спасти Сюзетту отъ отчаянія.

Онъ принадлежалъ къ тѣмъ мужчинамъ, у которыхъ страстная любовь развивается только вслѣдствіе безкорыстной доброты. Только такіе мужчины могутъ дать женщинамъ счастье. Если въ его сердцѣ и поднялась теперь любовь, это произошло такъ необычайно, что онъ не узналъ, что то была любовь; онъ думалъ, что то была жалость, которую онъ чувствовалъ къ безмѣрному несчастію, постигшему молодую дѣвушку. Онъ зналъ, что ему не уберечь ее отъ всѣхъ фазисовъ этого несчастія, но онъ старался уберечь ее отъ того, который теперь предстоялъ передъ нею и причинялъ ей страданіе. Снова онъ сталъ обсуждать съ злополучными сестрами всѣ факты и вселилъ въ нихъ надежду, что отецъ ихъ живъ еще. Когда, наконецъ, онъ ушелъ отъ нихъ, сердца ихъ просіяли этой надеждой, которая въ результатѣ—будь то смерть или позоръ—должна была потонуть въ болѣе мрачномъ отчаяніи.

Сознаніе этой истинны хлынуло въ его душу въ тотъ самый моментъ, когда онъ вышелъ, шатаясь, изъ этого рокового дома, отбросивъ яркій свѣтъ на снѣгъ; оно послѣдовало за нимъ во мракѣ ночи вмѣстѣ съ упорнымъ ощущеніемъ его тепла и роскоши. Но къ волненію души его примѣшивалась какая-то странная, непонятная радость. И въ теченіе всей этой бессонной ночи столкновение эгихъ чувствъ, казалось, бросало его то въ одну, то въ другую сторону, словно самъ онъ былъ чуждъ имъ и его отклоненіе къ нимъ было чисто внѣшнее. То Нортвикъ былъ мертвъ и смерть его отвратила позоръ, грозившій его имени; то онъ былъ еще живъ и бѣгство его загладило все зло, сдѣланное имъ. Затѣмъ, бѣгство его только увеличило безчестіе, отъ котораго онъ хотѣлъ укрыться; смерть его легла несмываемымъ кровавымъ пятномъ виновности на его проступки: то былъ не капризъ судьбы, а приговоръ вѣчнаго правосудія. Противъ такого дикаго умозаключенія Маттъ возмутился и на этомъ прекратилъ свои построенія.

XVIII.

Еще двое сутокъ замалчивался фактъ растраты, но затѣмъ, въ силу внимательства закона, къ которому обратились тѣ, кто не признавалъ предполагаемой смерти Нортвика, фактъ этотъ вышелъ на свѣтъ Божій и прорвалъ всѣ границы непреодолимымъ потокамъ гласности.

День за день газеты наполнялись фактами и въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль передовыя статьи не прекращали своихъ поученій. Отъ времени до времени новыя подробности и неожиданныя разоблаченія, остроумныя догадки и безстыдныя шутки придавали новый интересъ совершившемуся факту. Въ иные дни о немъ не упоминалось ни словомъ въ газетной хроникѣ, а затѣмъ въ другіе дни онъ выступалъ въ бойкихъ статьяхъ и замѣткахъ и снова занималъ всѣ столбцы въ газетахъ. Происходило это не оттого, чтобы мошенническая продѣлка Нортвика представляла нѣчто особое по своему характеру; она ничѣмъ не отличалась отъ большинства растратъ, великихъ и малыхъ, составлявшихъ предметъ повседневныхъ газетныхъ толковъ. Но сомнѣнія относительно участи Нортвика и продолжительная тайна его мѣсто-пробыванія,—если только онъ былъ живъ,—придавали настоящему дѣлу своеобразную пикантность. Сверхъ ожиданія, въ результатъ пострадало много людей, непосредственно не принимавшихъ участія въ мошенническихъ операціяхъ Нортвика; и сумма его расхищенія компанейскаго капитала возрастала по мѣрѣ разслѣдованія. Вся эта исторія оказалась, въ дѣйствительности, гораздо хуже того, что можно было вообразить, и во многихъ передовицахъ, разглагольствовавшихъ на эту тему, нравственная важность преступныхъ дѣяній Нортвика измѣрялась итогами украденныхъ или косвенно потерянныхъ суммъ. По обыкновенію, газеты удивлялись, что преступникомъ оказался человекъ, стоявшій выше всякихъ подозрѣній, и выражали довольно комическій ужасъ передъ такимъ упадкомъ нравственныхъ принциповъ въ самомъ сердцѣ бостонскаго торговаго міра.

Въ «Бостонскихъ Извѣстіяхъ» появился отчетъ Пиннэя; недаромъ онъ хвастался, что напишетъ его на славу: это было дѣйствительно образцовое произведеніе репортерскаго искусства, оно держало въ напряженіи каждый нервъ въ читателѣ путемъ впечатлѣній, повторявшихся на многихъ столбцахъ и продолжавшихся непрерывно на нѣсколькихъ страницахъ подрядъ, съ періодическимъ изверженіемъ сенсационныхъ заглавныхъ строкъ. Въ пылу сочинительства всѣ колебанія и сомнѣнія испарились въ стремленіи угодить интересамъ «Бостонскихъ Извѣстій» и ихъ читателямъ. Съ каждымъ часомъ тяжелое впечатлѣніе, вынесенное Пиннэемъ изъ его интервью съ миссъ Нортвикъ ослабѣвало все болѣе и болѣе, а желаніе утилизировать добытый матеріалъ крѣпло. Онъ кончилъ тѣмъ, что описалъ это интервью, не щадя красокъ. Но онъ выразилъ свое сочувствіе къ бѣдной дѣвушкѣ, ступивъ тѣни въ поведеніи человека, который подвергнулъ всему этому горю самую дорогія для него существа. Онъ пространно остановился на полнѣйшемъ невѣдѣніи, въ которомъ легко и плавно протекала жизнь его семейства и домочадцевъ, между тѣмъ какъ глава ихъ бѣжалъ отъ правосудія, если не сдѣлался жертвою скорого возмездія. Онъ разработалъ фактическую сторону со всей горячностью и силою чувства,

какую только могъ извлечь, и до известной степени приправилъ факты авторской «отсебятиной». Онъ далъ живописное изображеніе чертоговъ Нортвика. Подъ его перомъ передняя расширилась, лѣстница растянута, извиваясь, ковры уплотнились, число слугъ увеличилось; бібліотеку, въ которую» представителя «Бостонскихъ Извѣстій» вѣжливо «пригласили войти», онъ снабдилъ «всѣми затѣями высокоразвитого вкуса». Произведенія классическихъ авторовъ въ роскошныхъ переплетахъ красовались на ея полкахъ; великолѣпныя картины и чудныя статуи украшали ея стѣны и ниши. Одежду лэди, которая благоклонно приняла репортера «Бостонскихъ Извѣстій» онъ порядкомъ приукрасилъ; онъ сдѣлалъ значительную скидку ея лѣтамъ, а красоту ея уподобилъ красотѣ патриціанокъ. У Пиннея самая мелочи получили трондіозную окраску, а дому Нортвика онъ щедро придалъ характеръ барскаго великолѣпія какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутренней обстановкѣ. Даже самое мѣстечко Гатборо получило у него романтическое значеніе: «Продвѣтающій городокъ Новой Англіи, гордый своимъ историческимъ прошлымъ, наслаждающійся своимъ современнымъ благоденствіемъ, съ пяти или шеститысячнымъ населеніемъ; изъ среды его вышли рабочіе обоого пола, осуществившіе новѣйшія теоріи самаго прогрессивнаго закала въ хорошо известномъ общественномъ союзѣ Пэка, съ его столовой на кооперативныхъ началахъ и ея завсегдатаями — интеллигентными членами и хозяевами».

Люди всевозможнаго званія превратились въ передовыхъ обывателей города, благодаря оказанному ими довѣрью репортеру, а въ статьѣ подъ претенціознымъ заглавіемъ «Выдающійся пролетарій» онъ даровымъ образомъ навязалъ рабочему классу мнѣніе о характерѣ Дж. М. Нортвика. «Единство общественнаго мнѣнія» явилось предметомъ нѣсколькихъ замѣтокъ, полныхъ драматизма. Въ цѣломъ же отчетъ этотъ представилъ яркую и удобную рамку для главнѣйшихъ обстоятельствъ несомнѣнно мошенническаго поведенія и бѣгства Нортвика и для предположеній Пиннея насчетъ его дальнѣйшей судьбы.

Однимъ словомъ, мастерской отчетъ Пиннея былъ написанъ такъ, какъ только онъ могъ написать въ моментъ своего полнаго развитія и въ томъ видѣ, въ какомъ только могли его напечатать «Бостонскія Извѣстія» въ этомъ періодѣ ихъ газетной славы. Отчетъ былъ на дешевый эффектъ, изобиловалъ общими мѣстами и ради «краснаго словца» грѣшилъ противъ правды. Но авторъ его не былъ жестокъ, развѣ, какъ говорится, пенарокомъ, онъ не былъ безжалостенъ, развѣ по необходимости, въ силу самаго казуса, и отчетъ его былъ отъ доски до доски чисто личнаго характера, онъ повѣствовалъ, не будя мысли, ничуть не отличаясь въ этомъ отношеніи отъ какой-нибудь средневѣковой монастырской хроники.

«Бостонское Обзорѣніе» обращалось къ читателямъ совершенно иного сорта и преслѣдовало совершенно инныя цѣли при разборѣ обще-

*

ственныхъ дѣлъ. Мы думаемъ, что газеты представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ сложный темпераментъ, составленный изъ темпераментовъ всѣхъ различныхъ участвующихъ въ нихъ сотрудниковъ; однако, въ сущности, каждый изъ нихъ выражаетъ мнѣніе и является отраженіемъ темперамента одного управляющаго ума, которому подчиняются всѣ другія мнѣнія и темпераменты. По большей части это такъ вѣрно, что бываетъ трудно «выкурить» вліяніе сильнаго ума изъ созданной имъ газеты даже тогда, когда онъ болѣе не состоитъ ея дѣятельнымъ представителемъ. Много лѣтъ до того, какъ обнаружился растраты Нортвика, «Бостонскія Извѣстія» редактировалъ журналистъ, когда-то пользовавшійся большою популярностью въ Бостонѣ, нѣкій Бартлэй-Гюббардъ; онъ выбился въ газетные редакторы изъ репортеровъ и обратилъ свой органъ въ репортерскіе толки въ худшемъ смыслѣ. Послѣ того, какъ онъ оставилъ эту газету, ея владѣлецъ пробовалъ поднять и преобразовать ея духъ различными способами, но потерпѣлъ полную неудачу, во-первыхъ, частью оттого, что самъ былъ человѣкомъ узкихъ идей, а главнымъ образомъ оттого, что газета не могла освободиться отъ своего направленія, не убивъ самой себя. Итакъ, «Бостонскія Извѣстія» продолжали быть тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлалъ Бартлэй-Гюббардъ и чѣмъ желалъ ихъ видѣть тотъ кругъ читателей, который имѣлъ ихъ въ виду: газетою безъ всякихъ принциповъ и безъ убѣжденій, преслѣдовавшей лишь наживу. Всѣ событія повседневной жизни получали въ ней окраску, бьющую въ глаза, съ грубыми усиліями на картинность при полнѣйшемъ отсутствіи жизненной правды и глубины. Во времена Гюббарда «Бостонское Обозрѣніе» редактировалъ закадычный пріятель его Риккеръ. Въ концѣ концовъ, однако, друзья поссорились по поводу какого-то вопроса, который, по мнѣнію пріятели, позорилъ Гюббарда. Риккеръ съ тѣхъ поръ не оставлялъ газеты и хотя многіе изъ наиболѣе передовыхъ и смѣлыхъ юношей обзывали его взыбаломъ, онъ крѣпко держался своего идеала—установить сознательные принципы въ журналистикѣ. Онъ придалъ «Бостонскому Обозрѣнію» определенное направленіе и, подобно «Бостонскимъ Извѣстіямъ», оно не могло бы измѣниться, не уничтоживъ самого органа. Сотрудниковъ у него насчитывалось немного и, быть можетъ, по этой причинѣ онъ зналъ не только ихъ имена, но и ихъ способности.

Когда Максвеллъ явился съ голымъ фактомъ растраты, переданнымъ ему сыщиками для репортерскаго отчета, и попросилъ редактора позволить ему заняться разработкою этого факта, Риккеръ согласился, но неохотно. По его мнѣнію, Максвеллъ годился на что-нибудь лучшее, чѣмъ репортерскій отчетъ. Онъ зналъ, что Максвеллъ поглощалъ книги по философіи и социологіи и скоро узналъ его тайну—Максвеллъ былъ поэтъ. Съ того времени тайна эта стала извѣстна его товарищамъ репортерамъ и ему пришлось изъ-за нея выносить и славу, и позоръ.

— Я не думалъ, что вы захотите взять на себя эту работу, Мак-

суэлъ,—ласково сказалъ Риккеръ.—Вѣдь это не ваша специальность, не правда-ли? Отдадимъ это лучше кому-нибудь изъ другихъ сотрудниковъ.

— Это касается моей специальности болѣе, чѣмъ вы думаете, мистеръ Риккеръ,—возразилъ молодой человѣкъ.—Этимъ предметомъ я много занимался въ послѣднее время. Я задумалъ какъ-то,—онъ застѣнчиво потупилъ глаза,—попробовать написать драму на сюжетъ о растратѣ и собралъ довольно много фактовъ, касающихся растраты чужихъ денегъ. Вы и представить себя не можете, до чего это явленіе заурядно; это одно изъ заурядѣйшихъ явленій въ нашемъ цивилизованномъ мірѣ.

— А! Неужели? — спросилъ Риккеръ съ ироническимъ снисхожденіемъ къ дерзкому обобщителю.—Кто еще «отдѣлываетъ» этотъ вопросъ?

— Пипнэй въ «Извѣстіяхъ».

— Ну, онъ опасный соперникъ въ нѣкоторомъ отношеніи,—замѣтилъ Риккеръ.—Когда дѣло идетъ о малярной работѣ, вамъ за нимъ не угоняться. Но, можетъ быть, вы намѣрены выбрать другое оружіе.

Риккеръ опустилъ зеленый картонный козырекъ, который надѣвалъ на лобъ при газовомъ освѣщеніи и повернулъ свое кресло обратно къ письменному столу. Макссуэлъ понялъ, что ему дано позволеніе исполнить эту работу.

Однако, онъ принялся за нее только на слѣдующее утро, потому что былъ слишкомъ утомленъ, прійдя изъ дома Гиларя. Онъ всталъ рано, приготовилъ себѣ самъ чашку чаю на газовой лампочкѣ и написалъ значительную часть отчета, пока еще въ домѣ всѣ спали. Онъ окончилъ его къ вечеру и тотчасъ же отнесъ къ Риккеру. Редакторъ еще не обѣдалъ и отнесся къ работѣ Мексуэлла съ придирчивостью голоднаго человѣка. Работа эта состояла изъ двухъ отдѣльныхъ частей: первая часть, — тщательное и ясное изложеніе всѣхъ фактовъ, которые успѣлъ собрать Макссуэлъ въ качествѣ репортера, безъ сенсационныхъ замашекъ на эффектъ, въ благопристойно — сдержанномъ тонѣ, котораго держалось «Обозрѣніе»; другая часть — пояснительная передовая статья. Риккеръ пробѣжалъ первую, не сказавъ ни слова; при видѣ другой, онъ приподнялъ свой зеленый козырекъ и вскричалъ:

— Что это значитъ, молодой человѣкъ? Кто просилъ васъ вступать не въ свою область?

— Никто. Я нашелъ, что не могу втиснуть свои общія познанія о хищеніяхъ въ отчетъ, такъ какъ это показалось бы, пожалуй, некстати. А такъ какъ мнѣ надобно было, тѣмъ или инымъ способомъ, сбыть свою опытность по этому вопросу, то я изложилъ ее въ формѣ передовой статьи. Я не рассчитываю, что вы ее примете. Можетъ быть, мнѣ удастся продать ее въ какую-нибудь другую газету.

Риккеръ, повидимому, не обратилъ никакого вниманія на его объясненіе. Онъ продолжалъ читать рукопись, а по окончаніи чтенія взялъ снова отчетъ и сравнилъ его длину съ длиною передовой статьи.

— Если мы напечатаемъ эти двѣ вещи, какъ они есть, это будетъ похоже на исторію хвоста, покинувшаго собаку.

— О, я не ожидалъ...—началъ было Максвеллъ.

— О, да, вы ожидали,—сказалъ Риккеръ.—Разумѣется, вы видѣли, что этотъ отчетъ, по крайней мѣрѣ, физически несомвѣстимъ.

— Я написалъ его, насколько умѣлъ добросовѣстно. Я знаю, что вы не любите пустоозвонной, безцѣльной болтовни, да и самъ я не терплю ея.

Риккеръ продолжалъ разсматривать обѣ рукописи. Онъ передалъ ихъ черезъ плечо Максвеллу, стоявшему тутъ же.

— Можете ли соединить эти двѣ статьи въ одну?

— Не знаю.

— Хотите попробовать?

— Въ передовую или...

— Все равно. Я рѣшу послѣ того, какъ она будетъ готова. Сдѣлайте это здѣсь же.

Онъ подвинулъ нѣсколько листовъ бумаги, лежавшей на длинномъ столѣ, къ Максвеллу и тотъ сѣлъ за работу. Она была нетруднымъ дѣломъ. Матеріалъ былъ однородный и ему пришлось только написать нѣсколько вступительныхъ фразъ къ своему отчету, въ формѣ передовой статьи, а затѣмъ сдѣлавъ небольшія измѣненія, дополнить передовую статью.

Въ какіе-нибудь полчаса статья была готова и подана Риккеру.

— Хорошо,—сказалъ Риккеръ и принялся перечитывать, дѣлая поправки синимъ карандашомъ.

Максвеллъ мужественно приготовлялся вынести отказъ редактора принять его статью цѣликомъ, но ему было невыносимо тяжело зачеркиваніе всѣхъ его завѣтныхъ выраженій и любимыхъ мнѣній, причемъ иногда подъ редакторскимъ карандашомъ исчезали цѣлые періоды.

Когда Риккеръ возвратилъ ему, наконецъ, статью со словами:

— Ну что вы скажете теперь объ этомъ?

Максвеллъ отважился отвѣтить редактору:

— Что-жъ, мистеръ Риккеръ, если я долженъ сказать прямо, то, по моему мнѣнію, вы лишили ее плоти и крови.

Риккеръ расхохотался.

— О, нѣтъ! Я отнялъ у нея только излишнюю язвительность и ядовитость. Выслушайте меня, молодой человѣкъ! Думали ли вы всѣ тѣ циническія вещи, которыя здѣсь высказываете?

— Не знаю...

— Я знаю. Я знаю, вы ихъ не думали. Каждое слово въ нихъ звучало фальшиво. Это говорилось ради краснаго слова и на утѣху низкопробной публики. Но понемногу, если вы будете продолжать говорить такія вещи, вы станете думать ихъ, а человѣкъ думаетъ то,

что онъ самъ есть. У васъ тутъ такія мнѣнія, которыхъ вы должны стыдиться, если бы вы въ самомъ дѣлѣ ихъ имѣли, но я знаю, вы ихъ не имѣли, а потому и позволилъ себѣ вычеркнуть ихъ всѣ огуломъ.

Максуэлль смотрѣлъ растерянно; ему хотѣлось сказать что-нибудь въ свою защиту, но онъ не зналъ, какъ это сдѣлать. А Риккеръ продолжалъ:

— Эти прелестные маленькіе сарказмы и ѣдкіе намеки вашего остроумія погубили бы вашу статью въ глазахъ дѣйствительно интеллигентныхъ читателей. Они заподозрѣли бы въ авторѣ статьи легкомысленнаго молодого кутилу или стараго безумца съ пустой, черствой душою. А въ настоящемъ видѣ мы сдѣлали изъ нея нѣчто единственное въ своемъ родѣ и, откровенно говоря, я очень радъ имѣть ее для своей газеты. Я никогда не скрывалъ отъ васъ увѣренности, что у васъ есть литературное дарованіе!

— Вы были очень добры,—сказалъ Максуэлль все еще нѣсколько огорченный: ножъ хирурга, врача, тѣмъ не менѣе, причиняетъ боль.

Придя домой, Максуэлль увидалъ свою мать.

— Знаешь мама,—сказалъ юноша,—старый Риккеръ намѣчаетъ мой отчетъ, какъ передовую статью.

— Я говорила тебѣ, что она хорошо написана!

Максуэлль чувствовалъ себя обязаннымъ передъ самимъ собою немного пороптать.

— Такъ-то такъ,—сказалъ онъ,—но онъ лишилъ ее огня своимъ проклятымъ синимъ карандашомъ. Она совершенно потеряла всю свою соль.

Но онъ пережѣвилъ мнѣніе, когда позднѣе прочиталъ ее въ корректурѣ, а въ особенности, когда увидалъ ее въ газетѣ. Онъ плохо спалъ, потому что его волновала масса ощущеній: употребленіе, сдѣланное Риккеромъ изъ его работы, и надежды на успѣхъ, вызванныя въ немъ этимъ. Онъ не стыдился своей статьи; онъ очень гордился ею; и его поражала ея соразмѣрность и сила, когда онъ снова и снова перечитывалъ свое произведеніе.

Онъ сталъ въ немъ на очень высокую точку философскаго мышленія и обвинилъ общественный строй. «Что-нибудь испорчено,—писалъ онъ,—въ нѣдрахъ нашей цивилизаціи, если каждое утро приносятъ намъ повѣствованіе о расхищеніяхъ, великихъ или малыхъ, происходящихъ въ той или другой части нашего государства; рѣчь идетъ не о мелкихъ кражахъ ничтожныхъ клерковъ и разсылныхъ, противъ недобросовѣстности которыхъ ихъ хозяева могутъ обезпечить себя, а о лицахъ, занимающихъ общественныя должности, и представителей корпоративныхъ учрежденій, отъ которыхъ мы гарантированы только принципами средней нравственности нашей торговой дѣятельности. О низкомъ уровнѣ этихъ принциповъ можно судить изъ того факта, что такія расхищенія, въ которыхъ обвиняется Дж. М. Нортвика, создали панику

и уныніе въ торговыхъ и общественныхъ кружкахъ, хотя нельзя сказать, чтобы они удивили кого бы то ни было. Къ несчастію, этого можно было ожидать во всякую данную минуту, въ доказательство чего достаточно привести то, чего пришлось быть очевидцемъ репортеру «Обозрѣнія» въ деревнѣ, гдѣ растратчикъ жилъ и гдѣ, несмотря на его незапятнанную репутацію честнаго человѣка, всѣ были убѣждены, что онъ убѣжалъ, захвативъ чужія деньги, только потому, что онъ былъ въ отсутствіи въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ, не извѣстивъ о своемъ мѣстопробываніи».

Максуэлль развилъ матеріалъ, собранный имъ во время своего посѣщенія Гатборо, съ этой точки зрѣнія; не называя ни именъ, ни личностей, онъ сумѣлъ дать яркое впечатлѣніе о положеніи дѣла и о мѣстномъ настроеніи. Онъ стремился стать на почву исторіи и выполнилъ свою задачу, слегка подражая методу и способу изложенія Тэна. Весь его отчетъ о расхищеніи отличался тѣсною связью отдѣльныхъ частей, обнимавшихъ собою всѣ важныя подробности, начиная отъ простаго случайнаго подозрѣнія, коснувагося честности растратчика, вплоть до рѣшительныхъ мнѣній и заключеній относительно постигшей его участи.

Въ то же время были соблюдены правдивая передача и соразмѣрность главныхъ фактовъ; изложеніе поражало благородствомъ и безпристрастною выдержанностью и носило изящный отпечатокъ чего-то далекаго во времени и мѣстѣ. Но тамъ, гдѣ заканчивалось повѣствованіе и начиналась критика, ярко выступали художественныя достоинства статьи. Риккеръ открыто призналъ превосходство работы Максуэлла и сразу оцѣнилъ ея значеніе для газеты. Онъ высказалъ молодому сотруднику нѣсколько комплиментовъ съ глазу на глазъ, но были въ этой статьѣ достоинства, которыхъ онъ не замѣтилъ сразу. Разумѣется, появленіе этой статьи обуславливалось въ значительной степени случайнымъ накопленіемъ у Максуэлла богатаго матеріала о расхищеніяхъ для задуманной имъ драмы. Но Риккеръ видалъ людей, которые зачастую не умѣли справиться съ обиліемъ своего матеріала, поэтому его удивляло и восхищало, какъ легко и увѣренно Максуэлль распорядился своимъ богатствомъ. Этотъ большой юноша вынесъ его на своихъ плечахъ съ видомъ сильнаго и зрѣлаго ума, что забавляло и удивляло Риккера. Онъ увидалъ, гдѣ юноша воспользовался—сознательно или безсознательно—стилемъ и методомъ своихъ любимыхъ авторовъ, и онъ восхищался философскому безпристрастію, которому научился у нихъ молодой авторъ. Но Максуэлль одинъ зналъ тайну своего снисхожденія и гуманной сдержанности по отношенію къ Нортвику. То была черта, заимствованная имъ изъ драмы, которую онъ разорвалъ въ клочки. Онъ просто и просто прииѣнилъ идеальное представленіе о типическомъ расхитителѣ чужаго имущества, какое онъ вывелъ изъ сотни примѣровъ, къ данному случаю и это удалось ему въ совершенствѣ. Его воображаемый расхититель вызывалъ къ себѣ въ зрителяхъ скорѣе состраданіе, чѣмъ осужденіе,

и онъ представилъ читателю почти роковую неизбѣжность преступленія. Онъ остановился на томъ, что случай этотъ, далеко не единичный или исключительный, не представлялъ никакихъ особенностей, былъ совершенно нормальнымъ явленіемъ. Въ подтвержденіе своей мысли онъ привелъ кучу фактовъ и бѣглый перечень неисправныхъ казначеевъ, касировъ, управляющихъ, президентовъ и придалъ ихъ зловредной дѣятельности однообразный характеръ, что такъ очевидно для человѣка, изучившаго этотъ вопросъ. Всѣ эти люди имѣли хорошія мѣста и стояли на пути къ преуспѣванію, если не къ богатству; всѣхъ ихъ искушало обладаніе средствами къ немедленному обогащенію; всѣ они поддавались искушенію настолько, чтобы спекулировать деньгами, которыя имъ не принадлежали; всѣмъ имъ удавалось вернуть первые займы, сдѣланные ими по собственному почину; всѣ они дѣлали новые займы, а затѣмъ не могли уже ихъ вернуть. Всѣ они попадали въ ловушку и всѣмъ имъ давался извѣстный срокъ для уплаты. Послѣ этого появлялось нѣкоторое разнообразіе: иные пускали себѣ пулю въ лобъ, другіе кончали съ собою веревкою, третьи рѣшались предстать на судъ; громадное большинство убѣгало въ Канаду.

Освѣщая такимъ образомъ это дѣло, Максвеллъ смѣло переписалъ слова одного изъ лицъ своей пьесы: обязанность этихъ циничныхъ личностей, часто встрѣчающихся въ драматическихъ произведеніяхъ, заключается въ наблюденіи за ходомъ дѣйствія и въ высказываніи веселыхъ сарказмовъ относительно поступковъ и побужденій другихъ дѣйствующихъ лицъ. Вотъ тутъ-то Риккеръ и прибѣгнулъ, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, къ своему синему карандашу, зачеркнувъ выраженіе сатанинскаго зубоскальства и освѣтивъ мрачныя бездны пессимизма нѣсколькими лучами надежды. Конецъ статьи былъ также заимствованъ изъ драмы, отвергнутой поставщиками грубо-комическаго вздора за ея якобы безнравственность. Въ монологѣ, который долженъ былъ исторгнуть у слушателя слезы, герой пьесы Максвеллъ, разставшись съ молодой женою и дѣтьми, прежде чѣмъ принять ядъ, высказалъ нѣсколько вѣрныхъ размышленій; онъ считалъ себя жертвой условій и въ будущемъ пророчески видѣлъ безконечный рядъ новыхъ расхитителей, которые встрѣтятся съ тѣми же искушеніями и совершатъ тѣ же преступленія при тѣхъ же обстоятельствахъ. Максвеллъ просто на просто передѣлалъ этотъ монологъ для передовой статьи и доказывалъ, что дѣло Нортвика не только не было исключительнымъ явленіемъ, но что слѣдовало ожидать его безконечнаго повторенія. «Съ одной стороны, передъ вами люди, воспитанные на принципахъ торговой системы, дозволяющей одну форму безчестности и осуждающей другую ея форму; эта борьба за деньги, происходящая повсюду вокругъ нихъ, притупила, если не ослабила, ихъ нравственное чувство. Съ другой стороны, передъ нами благоприятный случай, приманка того, что лежитъ плохо, надежда на «авось», сойдетъ съ рукъ. Если тѣ же причины будутъ продолжаться, вызываемыя ими

дѣйствія будутъ тѣ же». Максвеллъ заявлялъ, что ни одинъ добропорядочный гражданинъ не можетъ желать, чтобы расхититель избѣгнулъ отвѣтственности за свое преступное дѣявіе противъ общества; но общество обязано разсмотрѣть, насколько оно само было отвѣтственно, что оно въ состояніи сдѣлать, не игнорируя отвѣтственности преступника. Онъ заканчивалъ очеркомъ будущаго общественнаго строя, гдѣ не будетъ подобныхъ дѣйствій. Но Риккеръ не пропустилъ этихъ строкъ, хотя Максвеллъ придалъ своимъ мыслямъ полунасиѣшливую форму. Риккеръ вычеркнулъ ихъ въ корректурѣ, давъ заключительнымъ словамъ статьи вопросительную, а не утвердительную форму.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ЗИМНЮЮ НОЧЬ.

Мы вышли и мѣсяцъ взглянулъ намъ въ лицо,
Печальный, холодный, далекій,
Вокругъ него смутно бѣлѣетъ кольцо,
Свершая съ нимъ путь одинокій.

Мы вышли изъ тажеихъ и гулеихъ дверей,
Минуя угрюмыя сѣни,
Отъ вѣтра колеблется свѣтъ фонарей,
Дрожать и шатаются тѣни.

Вдоль улицы блѣдной вся жизнь умерла,
Лишь окна чуть рдѣютъ огнями,
Вездѣ голубая хрустальная мгла,
Вблизи, и вдали, и надъ нами.

Привѣтъ нашъ прощальный такъ робко звучитъ,
Пугаетъ насъ путь одинокій,
А мѣсяцъ намъ въ блѣдныя лица глядитъ
Холодный, печальный, далекій.

Allegro.

Исторія животнаго населенія Европы въ его постепенномъ развитіи.

(Окончаніе *).

III.

Переселенія животныхъ.—Европейская Россія ледниковаго періода.—Измѣненіе фауны въ теченіе мезозойной эры.—Третичная фауна Европы, ея особенности и измѣненіе.—Первобытные обитатели Европы.—Палеолитическій и неолитическій вѣкъ.

Мы подошли теперь къ рѣшенію нашей ближайшей задачи—тѣхъ измѣненій, которыя претерпѣло животное населеніе Европы въ теченіе огромнаго періода времени, начинающагося ранѣе ледниковаго періода и оканчивающагося послѣ его окончанія. Ключомъ къ пониманію этихъ явленій должно служить слѣдующее: тогда какъ въ арктическихъ странахъ суша постепенно опускалась и огромная, вновь развивающаяся площадь моря давала необходимый запасъ влаги для обильныхъ водяныхъ осадковъ, южная Европа была въ непосредственномъ соединеніи и съ Африкой, и съ Малой Азіей. Благодаря послѣднему обстоятельству, животныя южной и центральной Ази имѣли свободный доступъ въ южную Европу и это объясняетъ распространеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., лави, благороднаго оленя и пр., которыя въ крайне близкихъ и отчасти даже тождественныхъ формахъ принадлежатъ этой области. Однако, это соединеніе двухъ материковъ тамъ, гдѣ теперь они разъединены, относится, повидимому, и къ гораздо болѣе отдаленному времени, ко всей третичной эрѣ, а это, въ свою очередь, даетъ объясненіе многому. Отъ Альпійской страны центральной Европы, Пиринейскаго полуострова и Алжира на западѣ, черезъ Малую Азію, Сирію, Персію и т. д. до Гималая, Тянь-Шаня и Алтая на сѣверо-востокѣ, распространена очень сходная фауна, которую можно назвать «горной». Горныя козлы и бараны, сурки и другіе грызуны среди млекопитающихъ, альпійскія галки или клушицы, завирушки, стѣнолазъ, горныя индѣйки и пр. среди птицъ одинаково бросаются въ глаза, будемъ ли мы на горахъ Кавказа, на Гималаѣ или

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

на Алтаѣ. Кое-какія изъ нихъ идутъ даже по горамъ Сибири и Сѣверной Америки, но если даже пока остановиться только на ранѣе указанной области, для насъ станетъ очевидно, что происхожденіе этой фауны относится къ очень отдаленному времени. Его во всякомъ случаѣ было достаточно, чтобы коренная, прародительская форма нѣкоторыхъ изъ названныхъ животныхъ, со сплошнымъ распространеніемъ, разбилась на нѣсколько близкихъ видовъ, съ прочно установившимися признаками (что мы, напр., видимъ у горныхъ барановъ), тогда какъ между другими видами разниа возрасла настолько, что ихъ ставятъ даже въ разные рода (напр., желтоносая и красноносая клушица). Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что эта горная фауна развилась постепенно въ теченіе третичной эры, когда на указанной площади, сначала во многихъ мѣстахъ даже покрытой моремъ, выросла холмистая, а потомъ и горная страна. Формы низменности, въ непрестанной борьбѣ за существованіе, должны были занимать каждый новый холмъ, каждый горный кряжъ и, постепенно приспосабливаясь къ новымъ условіямъ существованія, все болѣе и болѣе уклоняться отъ своихъ прародичей, населявшихъ низины. Это совершенно согласуется съ тѣмъ, что горная фауна на огромной площади несетъ весьма однообразный характеръ, тогда какъ съ другой стороны объясняетъ и то, что формы съ болѣе общими признаками организациі принадлежатъ низменностямъ. Само собою разумѣется, что даже эта частичная исторія нашей фауны не происходила въ столь простой формѣ, какъ указана. Особенно въ центральной Азіи съ ея громадными плоскогоріями и горными кряжами. На болѣе обширной площади и борьба горныхъ животныхъ осложнялась: дѣло сводилось уже не къ тому только, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ сравнительно съ обитателями низменностей, а къ тому, чтобы въ горной странѣ занять разныя станціи. Борьба шла такимъ образомъ уже между горными формами и всѣ измѣненія въ рельефѣ страны, въ ея подъемахъ и опускавіяхъ, въ ея покрытіи снѣгами или развитіи на плоскогорьяхъ тучныхъ пастбищъ,—все это и многое другое должно было отразиться на измѣненіи животнаго міра.

Итакъ, на горную фауну внѣтропическихъ частей Стараго Свѣта мы смотримъ, какъ на фауну очень древнюю. Однако, внѣ всякаго сомнѣнія къ этой фаунѣ позднѣе примѣшивались разныя примѣсы. Такъ, на Альпахъ, Пиринеяхъ, Карпатахъ и даже на Кавказѣ, въ альпійской области, живетъ полярный заяцъ; на Тарбагатаѣ—песецъ; на Альпахъ же и Тарбагатаѣ—альпійская куропатка, и т. д. Внѣ всякаго сомнѣнія, эти формы не имѣютъ ничего общаго съ перечисленными ранѣе горными животными и въ нихъ легко узнать обитателей арктическихъ странъ. Когда и какъ они попали въ альпійскую область названныхъ горныхъ системъ? Для этого достаточно припомнить то, что было сказано о ледниковомъ періодѣ. Когда ледяки направились на центральную Европу, они, конечно, выдвинули передъ

собою, какъ аванпостъ, все животное населеніе полярныхъ странъ съ ихъ мускуснымъ быкомъ, сѣвернымъ оленемъ, песцомъ, леммингами, полярнымъ зайцемъ, чистиками, гагарами, бѣлыми куропатками и пр. Все это животное населеніе должно было занять низменности центральной Европы и даже проникнуть еще далѣе къ югу. Задаваться вопросомъ о томъ, насколько пребываніе полярныхъ животныхъ въ низменностяхъ средней и южной Европы обуславливалось климатическими данными, совершенно бесполезно: имъ не было выбора и они должны были идти къ югу передъ наступающими ледниками, чѣмъ бы имъ это ни грозило; а кромѣ того, какъ мы видѣли, климатическія условія ледниковаго періода были таковы, что къ нимъ могли приспособиться разныя формы, тѣмъ болѣе, что животныя, вообще говоря, довольно безразлично относятся къ прямому вліянію температуры, если, конечно, не брать ея крайностей. Это выселеніе полярныхъ животныхъ въ среднюю Европу прошло мимо Россіи: развитіе скандинавскаго ледника и частичное затопленіе сѣверной и средней Европы устранило совершенно Россію отъ этого движенія. Оно совершилось по той полосѣ суши, которая тянулась при началѣ ледниковаго періода отъ Гренландіи черезъ Шпицбергенъ и западную часть Скандинавіи къ Британскимъ островамъ и связывала послѣдніе съ сѣверо-западной Франціей. Въ среднюю и южную Россію сѣверныя формы также проникли, но, вѣроятно, этотъ потокъ сѣверныхъ формъ былъ отдѣленъ отъ западнаго и бралъ свое начало въ области, охватывающей Новую Землю и Уральскій хребетъ. Крайнимъ этапомъ этого движенія является Кавказъ, однако, едва ли даже какія-нибудь полярныя животныя попали туда, такъ сказать, подъ прямымъ давленіемъ ледниковаго покрова. На Кавказѣ полярныя животныя—исключеніе и совершенно тонуть въ массѣ сѣверныхъ лѣсныхъ формъ. Поэтому можно думать, что проникновеніе тѣхъ и другихъ на Кавказъ совершилось при нѣсколько различныхъ условіяхъ: въ до-ледниковую эпоху Кавказъ не былъ отдѣленъ отъ остальной площади Россіи, и широкій морской рукавъ, который соединялъ Черное море съ Арало-Каспійскимъ, образовался лишь позднѣе, уже въ ледниковый періодъ. Естественно, что полярныя колонисты встрѣтили въ этомъ рукавѣ весьма серьезную, хотя и не непреодолимую преграду къ своему распространенію, и не могли населить Кавказъ въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ. Сѣверныя же виды, спустившіеся далеко къ югу еще въ до-ледниковую эпоху, могутъ быть, отчасти подъ вліяніемъ измѣнившагося климата, отчасти вслѣдствіе общаго животнымъ стремленія къ расселенію, могли проникнуть на Кавказъ еще до развитія протока между Чернымъ и Арало-Каспійскимъ моремъ. Къ этому времени, вѣроятно, относится также и распространеніе на Кавказѣ зубра, хотя не исключена возможность что онъ проникъ туда только въ послѣ-ледниковый періодъ. Въ центральной Европѣ дѣло происходило иначе: полярныя животныя, насе-

явшія въ ледниковый періодъ ея низменности, позднѣе должны были двинуться, слѣдомъ за отступавшими ледниками, въ разныхъ направленіяхъ, между прочимъ и въ горы, гдѣ нашли себѣ около нижней границы ледниковъ всѣ необходимыя условія для своего существованія. Тутъ только они и смѣшались съ болѣе древнимъ животнымъ населеніемъ горъ, которое, въ свою очередь, пережило ледниковый періодъ, вѣроятно, въ нижнемъ поясѣ горъ, если только не на самыхъ ледникахъ и торчавшихъ между ними скалахъ.

Что же касается находенія полярныхъ животныхъ на Тарбагатаѣ, это, вѣроятно, находитъ себѣ объясненіе въ ихъ періодическихъ странствованіяхъ въ суровыя континентальныя зимы, постепенно привившіяся къ Сибири, такъ какъ объясненіе ледниковыми явленіями въ данномъ случаѣ не приложимо. Такимъ образомъ, вовсе не однѣ и тѣ же причины обусловили собою распространеніе полярныхъ животныхъ въ альпійскомъ поясѣ горъ умеренныхъ странъ, образовавъ ясно выраженное наслоеніе фауны. Чтобы разобрать теперь другія составныя части европейской фауны, надо внимательнѣе отнестись къ орогидрографіи нашего материка въ теченіе ледниковаго періода. Прежде всего надо обратить вниманіе на то, что еще въ до-ледниковый, пліоценовый періодъ морской рукавъ соединялъ нынѣшнее Бѣлое море съ Каспійскимъ, препятствуя прямому широкому распространенію сибирскихъ млекопитающихъ въ Европу. При однообразіи пліоценовой фауны, особенно рѣзкаго различія между сибирской и европейской, конечно, не могло быть, но вліяніе этого рукава ни въ какомъ случаѣ не оставалось безслѣдно. Затѣмъ, въ великій ледниковый періодъ суша на мѣстѣ нынѣшней Европейской. Россіи реставрируется въ видѣ нѣсколькихъ участковъ, острововъ, сообщеніе между которыми тоже не могло быть вполне свободнымъ. Трудно сказать, продолжалась ли въ это время Сибирь непосредственно въ восточную Россію, или же въ Западной Сибири былъ морской рукавъ, соединявшій Арало-Каспійское море съ сѣвернымъ бассейномъ и отдѣлявшій Сибирь отъ Уральской области. Скорѣе, послѣдняго не было. Но, такъ или иначе, вся область нынѣшняго Уральского хребта съ прилежащими низменностями, Общимъ Сыртомъ и Усть-Уртомъ составляла одно цѣлое. Ледники едва ли были развиты здѣсь гдѣ-нибудь, кромѣ сѣвернаго Урала, и животное населеніе имѣло въ своемъ владѣніи обширную площадь, гдѣ переселенія разныхъ формъ, вызванныя мѣстными погруженіями страны и надвиганіемъ ледниковаго покрова, должны были вести къ замѣчательнымъ группировкамъ представителей болѣе сѣверныхъ и болѣе южныхъ странъ. Вотъ чѣмъ объясняется, на нашъ взглядъ, вышеупомянутое своеобразное сочетаніе сѣвернаго и южнаго животнаго населенія въ южныхъ предгоріяхъ Урала и Киргизскихъ степяхъ. Это—живой памятникъ той отдаленной эпохи, сохранившійся до нашего времени, благодаря годовымъ климатическимъ контрастамъ названной страны и періодическимъ странствованіямъ животныхъ.

Арало-каспійскій бассейнъ заливалъ собою въ ледниковую эпоху всю область нижней Волги и рѣки Урала и шелъ по лѣвому берегу Волги до нижняго теченія Камы. На западъ отъ него суша шла узкой подковообразно изогнутой полосой вокругъ ледника, отъ нынѣшней Вятки по правому берегу Волги до Сарепты и отсюда къ Днѣпру, замѣтно расширяясь на мѣстѣ нынѣшней Харьковской и отчасти Курской и Орловской губ., между двумя выступами ледника, изъ которыхъ одинъ охватывалъ верхнее теченіе Дона и его притоки Воронежъ, Хоперь и Медвѣдицу, другой спускался по Днѣпру. Вѣроятно, здѣсь было скучено богатое животное населеніе, которое позднѣе преимущественно вымерло, отчасти дало отъ себя колонистовъ на Кавказъ. Третій обширный участокъ суши принадлежалъ Карпатамъ и прилегающему къ нимъ галиційско-подольскому плато и, подобно Уральскому, игралъ, безъ сомнѣнія, важную роль въ позднѣйшемъ заселеніи страны: когда ледники, наконецъ, отступили окончательно съ площади Европейской Россіи и послѣдняя стала заселяться, заселеніе шло изъ двухъ центровъ — съ востока, черезъ Уралъ, и съ запада, черезъ Карпаты. И поскольку фаунистическая разница между западной Европой и Сибирью была выражена въ то время, это отразилось и на современной фаунѣ Европейской Россіи: здѣсь мы видимъ, какъ постепенно рѣдѣютъ западныя формы, по мѣрѣ удаленія отъ Карпатъ къ востоку, и восточныя, по мѣрѣ удаленія отъ Уральского хребта къ западу. Что же касается своеобразной фауны пустынь въ юго-восточномъ углу страны, она всецѣло позднѣйшаго происхожденія (для Россіи): это центрально-азиатская фауна, занявшая лишь сравнительно недавно осушившееся дно постпльоценоваго бассейна.

Въ современной фаунѣ и флорѣ Европейской Россіи существуютъ несомнѣнныя указанія на вліяніе на ихъ составъ ледниковаго покрова. Такъ, въ центральной Россіи найдено много моллюсковъ и цвѣтковыхъ растений весьма опредѣленно альпійскаго типа; съ другой стороны, тундряныя и таежныя звѣри и птицы нигдѣ не спускаются такъ далеко къ югу, какъ въ Европейской Россіи. И эти факты совершенно необъяснимы только современными данными, тогда какъ по отношенію къ ледниковому періоду они не только понятны, но даже, въ свою очередь, разъясняютъ многое.

Попытаемся теперь представить себѣ идеальный ландшафтъ западной части южной Россіи того времени съ одной стороны и восточной — съ другой. Начнемъ съ перваго. На заднемъ планѣ, если смотрѣть съ юга, должна лежать южная окраина ледника, уходящаго въ даль огромнымъ ледянымъ массивомъ. Около этой окраины мѣстами болота, мѣстами озера и отсюда къ югу направляется неисчислимое множество разныхъ размѣровъ рѣчекъ, отчасти текущихъ въ песчаномъ ложѣ, отчасти заросшихъ по берегамъ камышами. На грядахъ между ними лѣсные колки отчасти изъ лиственныхъ (дубъ, береза, липа, кленъ,

ольха и пр.), отчасти изъ хвойныхъ деревьевъ (ель, сосна и др.), на болѣе ровныхъ площадяхъ степные участки. Мягкость приморскаго климата дѣлаетъ невозможнымъ допущеніе существованія на этихъ островахъ сѣверной (лѣсной) и южной (степной) полосы. Распрежденіе растительности, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ условій влажности, рельефа страны и почвы, а вмѣстѣ съ растительностью группировалось извѣстнымъ образомъ и животное населеніе. Изъ характерныхъ млекопитающихъ этого времени мы должны отмѣтить мамонта, покрытаго шерстью носорога, зубра, ирландскаго оленя, сѣвернаго оленя, кабана, дикихъ лошадей и кулановъ, сайгаковъ, бобра, сурковъ и пищухъ-сѣноставцовъ. Изъ птицъ, какъ и изъ млекопитающихъ, однѣ являются чисто лѣсными, такъвъ глухарь, другія—чисто степными, такъвы: дрофы, стрепета и журавли. Но особаго обилія, безъ сомнѣнія, достигала фауна болотъ, озеръ и текучихъ водъ. Между первыми гагары и турпаны, между голенастыми цапли и колпики должны были точно также оживать воды суши ледниковаго періода, какъ теперь однѣ изъ нихъ оживаютъ сѣверныя озера и другія—устья нашихъ большихъ южныхъ рѣкъ.

Иной видъ представлялъ собою Урало-устыртскій участокъ, по крайней мѣрѣ въ его южной части. О сѣверной пока можно сказать, что къ общей массѣ животнаго населенія, приведеннаго сейчасъ для карпатскаго и южно-русскаго, здѣсь присоединялись такія формы, какъ колоссальный, близкій къ носорогамъ, но съ рогомъ на лбу, эламотерій, несомнѣнно были настоящіе быки, быть можетъ, мускусные и т. д. Въ этой части пока произведено еще слишкомъ мало палеонтологическихъ изысканій, чтобы отмѣтить всѣ особенности ледниковой фауны; современный же составъ ея, очевидно, слишкомъ измѣнился уже въ послѣ-ледниковый періодъ, чтобы можно было опереться на него. Не то степи, охватывающія собою Мугоджары и теряющіяся въ пескахъ и глинахъ Усть-Урта: если палеонтологическія данныя скудны и для этой страны, зато ея современная фауна, какъ уже было упомянуто, полна историческаго значенія. Отъ отроговъ Уральскаго хребта на сѣверѣ и до такъ называемаго Чинка Усть-Урта, т. е. крутыхъ и обрывистыхъ южныхъ уступовъ Усть-Урта, на югѣ, мы встрѣчаемъ разнообразіе характерныхъ мѣстонахожденій и не менѣе разнообразную фауну и флору. Степи съ разбросанными среди нихъ лѣсными колками, степи, поросшія различными видами полынокъ, наконецъ обширныя песчаныя пространства,—вотъ главнѣйшія мѣстонахожденія страны. Въ результатѣ этого получается, что на идеальномъ ландшафтѣ, воспроизводящемъ интересующую насъ страну въ ледниковый періодъ, мы встрѣчаемъ вблизи другъ друга сѣвернаго оленя, сайгу, джейрана, бобра, дикихъ лошадей, кулановъ, кабана, тигра, барсука, корсака, степныхъ зайцевъ, тушканчиковъ и пр. Въ то же самое время дрофа, стрепеть и тетеревъ-косачъ населяли однѣ и тѣ же степи. Около озеръ,

берега которыхъ мѣстами были покрыты низкорослымъ кустарникомъ, гнѣздились бѣлыя курошати, далѣе въ степи—стерки или бѣлыя журавли, на озерѣ гагары, а въ небольшомъ разстояніи отсюда, по берегу озера или морского залива съ песчаными берегами стояли длинныя ряды фламинго, тогда какъ въ песчаной степи держались ея коленные обитатели—джекъ или дрофа-красотка, рябки и копытки. Наконецъ, настоящая степь—родина многочисленныхъ видовъ жаворонковъ.

Послѣ всего сказаннаго не трудно представить себѣ, какими способомъ ледниковая фауна превратилась въ современную: вымираніемъ однихъ формъ, расселеніемъ другихъ и наконецъ, измѣненіемъ третьихъ. Примемъ еще во вниманіе, что къ постплиоценовому періоду относится полное отдѣленіе Европы отъ Африки, чѣмъ окончательно было отрѣзано возвращеніе въ Европу ея плиоценовыхъ обитателей. Затѣмъ, когда площадь Сибири и Европы составила одно цѣлое, изъ Сибири двинулись на западъ послѣдніе колонисты, можетъ быть, не столько новые для Европы, сколько болѣе многочисленные. Изъ вымершихъ ледниковыхъ млекопитающихъ наибольшую извѣстностью пользуются мамонтъ и покрытый шерстью носорогъ. Спорный вопросъ, были ли они въ Европѣ въ до-ледниковую эпоху; но во всякомъ случаѣ они во множествѣ встрѣчались здѣсь въ теченіе ледниковыхъ и межледниковыхъ періодовъ и вымерли лишь позднѣе. Обиліе остатковъ этихъ животныхъ не оставляетъ никакого сомнѣнія какъ въ ихъ широкомъ распространеніи, такъ и въ большомъ количествѣ ихъ особей. Что привело ихъ къ полному вымиранію? Вѣроятно, сильно измѣнившіяся климатическія условія.

Теперь намъ остается только связать Европу ледниковаго періода съ тѣмъ до-историческимъ, когда она представляла въ низменностяхъ нынѣшней Германіи обширныя травянистыя степи. Этотъ промежуточный періодъ я предположилъ въ свое время назвать «озернымъ», такъ какъ едва ли можетъ быть сомнѣніе, что на почвѣ, освободившейся ото льда, мѣстами образовались болота, мѣстами озера, въ зависимости отъ рельефа мѣстности и характера подпочвы. Послѣ-ледниковыя болота должны были напоминать собою по виду настоящую тундру, безъ кустика, съ множествомъ разбросанныхъ по нимъ озеръ, съ тысячами голенастыхъ и водяныхъ птицъ, стадами сѣверныхъ оленей и т. д. Когда запасъ влаги, пополнявшейся отъ таянія ледниковъ, вмѣстѣ съ исчезновеніемъ послѣднихъ, сталъ уменьшаться, почва стала постепенно осушаться, озера начали соединяться системою протоковъ въ характерныя цѣпи—зачатки будущихъ рѣчныхъ системъ, между ними появились сухія гряды, а рука-объ-руку съ этимъ пошло и измѣненіе растительности: по сухимъ грядамъ появились тѣ травянистыя площади, которыя, на мой взглядъ, удачнѣе всего воспроизводятся теперешними датскими «маршами» и которыя должны были отмѣтить собою начало періода развитія травянистой растительности. Что было далѣе—мы знаемъ уже изъ первой главы.

Такимъ образомъ, для пониманія современнаго состава европейской фауны намъ надо было дойти до ледниковаго періода — этого рубежа между третичной и четвертичной эры. Но фауна, населявшая Европу непосредственно передъ ледниковымъ періодомъ, произошла, въ свое очередь, отъ болѣе древней и потому намъ остается еще, хотя вкратцѣ, ознакомиться съ исторіей европейской фауны въ теченіе третичной и предшествующихъ ей эръ.

Палеонтологи сходятся между собою въ томъ, что, начиная съ палеозойной эры, суша постепенно выростала изъ водъ моря, долгое время сохраняя видъ сравнительно небольшихъ острововъ. Какіе это были острова, гдѣ лежали, въ какомъ отношеніи стояли другъ къ другу — этого мы не можемъ сказать съ достовѣрностью. Признавая господствующее нынѣ ученіе о постоянствѣ материковъ и океановъ, надо признать, что эти острова появлялись и постепенно увеличивались въ размѣрахъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь лежатъ материки, но во всякомъ случаѣ не исключена возможность и того, что нѣкоторые архипелаги лежали внѣ предѣловъ площадей современныхъ материковъ и исчезли, оставивъ намъ въ наслѣдіе нѣсколько загадочныхъ фактовъ географическаго распространенія животныхъ.

Исторія этихъ острововъ очень интересна: въ водахъ, ихъ омывавшихъ, жили простѣйшія изъ нынѣ извѣстныхъ рыбъ; на ихъ сушѣ прошла исторія голыхъ и чешуйчатыхъ гадовъ; здѣсь же начали свое существованіе птицы и млекопитающія. Благодаря недавно умершему американскому палеонтологу Маршу, мы познакомились съ поразительнымъ разнообразіемъ представителей группы вторичныхъ (мезозойныхъ) гадовъ, т. наз. динозавровъ, которые въ названную эпоху біологически замѣняли собою и наземныхъ млекопитающихъ, и летающихъ птицъ. На этихъ же островахъ, въ юрскомъ періодѣ, жила древнѣйшая изъ извѣстныхъ птицъ — археоптериксъ, съ недоразвитыми крыльями, примитивнымъ строеніемъ черепа и совершенно ящеричнымъ хвостомъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ для того, чтобы съ достаточной полнотой возстановить природу суши вторичной эры и потому мы прямо начинаемъ съ третичной.

Къ этому времени суша уже успѣла сплотиться мѣстами въ обширныя площади, съ характеромъ материковыхъ острововъ. Обширная площадь лежала въ области сѣвернаго полярнаго круга, объединяя собою Гренландію, Землю Франца-Иосифа, Шпицбергенъ и сѣверную Европу. Британскіе острова и западная часть средней Европы образовали второй островъ. На мѣстѣ средиземноморской области лежало также нѣсколько острововъ, изъ которыхъ одинъ шелъ отъ нынѣшней Швейцаріи черезъ Балканскій полуостровъ въ Малую Азію. Африка была представлена также нѣсколькими островами. На мѣстѣ настоящей Азіи суша разстиралась преимущественно тамъ, гдѣ теперь на-

ходится Небесная Имперія и, что особенно важно, въ области вытѣшняго Берингова пролива непосредственно продолжалась въ Сѣверную Америку. Послѣдній материкъ былъ уже настолько развитъ, что существовалъ почти въ его современныхъ предѣлахъ, и весьма возможно, что это имѣло большое значеніе для развитія здѣсь млекопитающихъ.

Можно думать, что климатъ начала третичной эры отличался какъ высокой температурой, такъ и своей равномѣрностью; но вѣтъ всякаго сомнѣнія разница по широтамъ начала сказываться еще при концѣ вторичной эры и все развивалась въ теченіе третичной. Соответственно этому, растительный міръ достигалъ наибольшаго развитія въ началѣ третичной эры—въ періодъ эоценовыхъ отношеній, когда наземная флора болѣе всего походила на современную намъ индійско-австралійскую. Къ этому времени уже значительно сократились папоротники и саговья, процвѣтавшія во вторичную эру, но все же эоценовый лѣсъ представлялъ собою настоящій тропическій лѣсъ съ его смоковницами, эвкалиптами, сандаловыми деревьями, цезальпиніями, араціями, пальмами и пр. Животныя также отличались большимъ разнообразіемъ, не представляя никакого сходства съ современными европейскими. Не говоря уже о тропическихъ змѣяхъ и ящерицахъ, морскихъ черепахахъ и крокодилахъ, здѣсь были крайне своеобразныя млекопитающія. Таковы: похожіе на тапировъ палеотеріи, средніе между лошадьми и тапирами анхитеріи, стройные, похожіе на газелей ксифодоны, тяжеловѣсныя аноплотеріи и много другихъ, болѣе сходныхъ съ современными формами.

Въ періодъ міоценовыхъ отложеній климатическая разница по широтамъ сказалась съ еще большей силой, и это въ значительной мѣрѣ облегчаетъ сравненіе міоценовой флоры съ современной. Можно сказать, что центрально-европейская міоценовая флора характеризовалась особенностями подтропической. Около двухъ третей всего числа міоценовыхъ деревьевъ составляли вѣчно зеленые виды, что, очевидно, устраняетъ всякую возможность допущенія холодныхъ снѣжныхъ зимъ. Затѣмъ, даже такія деревья, которыя на зиму сбрасывали листья, начинали цвѣсти на мѣсяць—полтора раньше, нежели теперь, и продолжался періодъ цвѣтенія очень долго. Благодаря этому, одновременно стояли въ цвѣту камфорныя деревья, платаны, тополи, вязы, ивы, амбровыя деревья и др., какъ это теперь наблюдается на Мадейрѣ, но совершенно невозможно въ центральной Европѣ. Подтропическій характеръ лѣса усиливался еще присутствіемъ папоротниковъ, пальмъ, бразильскихъ деревьевъ и пр. Міоценовая фауна, будучи очень близкою къ эоценовой, носила на себѣ также подтропическій характеръ. Особенное вниманіе останавливаютъ въ ней на себѣ многочисленныя твердокожія млекопитающія, каковы близкій къ тапиру листріодонъ, похожіе на слоновъ мастодонты, динотеріи съ своими огромными нижнечелюстными бивнями, нѣсколько видовъ носороговъ. Со-

временныя лошади представлены были трехпалымъ гиппариономъ, яено выдѣлились жвачныя, только намѣченныя въ эоценовую эпоху (напр. олени) и т. д. Южнѣе, на нынѣшнемъ Балканскомъ полуостровѣ, фауна носила совершенно африканскій характеръ, благодаря присутствію здѣсь жирафъ, газелей и мартышекъ. Наконецъ, въ морѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Пьемонта, жили такіе типичные представители морей жаркаго пояса, какъ полипы. Рука-объ-руку съ развитіемъ міоценовыхъ типовъ шло вымираніе эоценовыхъ, изъ которыхъ одни исчезли совсѣмъ, другіе сохранились лишь въ небольшомъ числѣ.

Послѣдній періодъ третичной эры — пліоценъ характеризуется еще большимъ развитіемъ площади европейскаго материка, который изъ разбросанныхъ острововъ сплотился теперь уже въ одно цѣлое, и вмѣстѣ съ уменьшеніемъ площади моря климатическія разницы по широтамъ продолжаютъ, въ свою очередь, выступать все съ большей силой. Значительная разница въ флорѣ наблюдается для пліоценоваго періода даже между такими близко лежащими странами, какъ Норфолькъ и окрестности Ліона: въ первой лѣсъ состоитъ изъ пихтъ, сосенъ, тиса, орѣшника и дуба, во второй росли олеандры, гранаты, тюльпанныя деревья, лавры, магноліи, дубы, клены, серебристыя тополи и др. Изъ міоценовыхъ животныхъ мастодонты едва дошли до пліоцена, но зато появились настоящіе слоны, носороги, бегемоты, лошади, дикіе быки, олени и т. д.

Особенно важно для насъ прослѣдить то, какимъ образомъ пліоценовая фауна приблизилась къ фаунѣ ледниковаго періода и, съ этой цѣлью, мы сошлемся на графа Сапорта, который даетъ такое описаніе этого періода.

Итакъ, «мы стоимъ у конца пліоценоваго періода; температура продолжаетъ понижаться; ледники съ вершинъ высочайшихъ горъ, которыя они покрывали до тѣхъ поръ, сползаютъ постепенно въ долины и занимаютъ ихъ, чему, безъ сомнѣнія, благопріятствуетъ влажный климатъ; чрезмѣрное количество водяныхъ осадковъ объясняетъ собою обиліе рѣкъ и источниковъ, которые, все возрастая, въ началѣ четверичной эпохи достигаютъ поминутѣ поражающаго развитія.

«Въ теченіе второй половины пліоценоваго періода внѣшнія условія все еще продолжали благопріятствовать развитію въ Европѣ растительнаго царства вообще, хотя непрерывно продолжающееся пониженіе температуры постепенно ограничивало число и разнообразіе составныхъ элементовъ флоры. Звѣри, въ свою очередь, не только возрастали въ числѣ, но шли дальше въ своемъ развитіи, хотя среди нихъ уже исчезла часть родовъ, существовавшихъ въ нижнемъ пліоценѣ. Къ этому періоду мастодонты и тапиры уже оставили Европу; обезьяны эмигрировали въ Африку; но слоны, носороги и гиппопотамы никогда еще не достигали такого развитія и ихъ процвѣтаніе вмѣстѣ съ обиліемъ оленей и быковъ служитъ очевиднымъ доказательствомъ неисчер-

наемаго богатства пищевого матеріала, доставляемаго растительнымъ царствомъ. Южный слонъ, наибольшее изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ наземныхъ млекопитающихъ, служить характернымъ представителемъ этой эпохи.

«Весьма поучительны, несмотря на ихъ небольшое число, найденныя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, растенія, несомнѣнно миоценоваго періода. Слѣдовательно, нѣкоторыя изъ миоценовыхъ растений еще продолжали существовать на почвѣ этой страны, но, какъ послѣднія развалины по большей части уже сошедшей со сцены флоры, и они, въ свою очередь, были предназначены къ скорому исчезновенію. Наиболѣе распространенные изъ дубовъ Дюрфорта, вѣтви которыхъ, вѣроятно, служили пищею для южнаго слона, мы нашли тождественными съ дубами изъ южной Италіи, изъ средней Испаніи и Португаліи. Такимъ образомъ, формы, преобладавшія въ описываемый періодъ въ южной Франціи, съ тѣхъ поръ выселились оттуда: онѣ росли тамъ вмѣстѣ съ близкими къ исчезновенію миоценовыми формами и наши зимніе дубы тогда еще не существовали; ихъ, сравнительно, новое первоначальное появленіе доказано только для четверичной эры, хотя группа, къ которой принадлежатъ эти видовизмѣненія, сама по себѣ гораздо болѣе древняя: въ сѣверной и средней Франціи она могла быть уже въ концѣ пліоценоваго періода.

«Климатическое различіе между сѣверной и южной Европой въ извѣстномъ отношеніи было выражено къ концу пліоценоваго періода гораздо рѣзче, чѣмъ въ какое либо другое время. Тогда какъ приземистая пальма росла еще въ Липари, лузитанскій и фарнетскій дубы, лавръ и пр. еще существовали въ долинѣ Роны и нижнемъ Лангедокѣ, норфолькское «лѣсное ложе», причисляемое Годри къ новѣйшему пліоцену, даетъ весьма отличную отъ предъидущей флору, и этого контраста достаточно, чтобы видѣть разницу между двумя областями. Хвойныя деревья, тождественныя съ хвойными деревьями нашего материка, образовали тогда большіе лѣса на англійскомъ берегу, который въ то время, вѣроятно, еще соединялся съ противолежащимъ французскимъ берегомъ. Проф. Гееръ упоминаетъ еще горную сосну, обыкновенный тисъ, орѣшникъ, дубъ и многія водяныя растенія, въ томъ числѣ желтыя и бѣлыя водяныя лиліи. Горная сосна и ель съ тѣхъ поръ оставили англійскую почву, точно такъ же, какъ тутовое дерево, лавръ и іудино дерево, которыя всѣ можно найти въ четверичныхъ моретскихъ туфахъ подъ Парижемъ, выселились на югъ со времени мамонта. Такимъ образомъ, мы стоимъ совершенно въ періодѣ высеяющихся растений», и если бы мы сопоставили факты, относящіяся до фауны, то и они, въ свою очередь, оправдали бы обозначеніе періода, который слѣдовалъ за періодомъ высеяющихся или вымирающихъ растений, тогда какъ еще болѣе ранняя эпоха могла бы назваться «періодомъ вымершихъ типовъ».

Этимъ мы заканчиваемъ историческій очеркъ фауны Европы и переходимъ теперь къ вопросу о первобытныхъ обитателяхъ нашего материка.

Когда мы ставимъ себѣ задачею опредѣлить древность человѣка, мы опять-таки не ищемъ цифровыхъ данныхъ: для насъ важно знать лишь его относительную древность, т. е. ту геологическую эпоху, которой онъ первоначально принадлежалъ, тѣхъ животныхъ и тѣхъ растенія, которыя были ему современниками. Мы совершенно удовлетворимся, узнавъ, напр., появился ли человѣкъ въ до-ледниковую эпоху, или позднѣе, каково его было отношеніе къ ледниковому и межледниковому періоду. При этомъ, опредѣляя время появленія человѣка въ Европѣ, мы, само собою разумѣется, не касаемся вопроса о появленіи человѣка вообще. Въ такихъ изысканіяхъ приходится опираться на остатки человѣка и на остатки его издѣлій. Съ первымъ имѣетъ дѣло собственно геологія, со вторымъ—археологія. До-историческая эпоха дѣлится археологами на вѣкъ каменный, бронзовый и желѣзный. Въ каменный вѣкъ матеріаломъ для своихъ издѣлій человѣкъ бралъ камень, дерево, рогъ и кости. Въ бронзовый—мечи, ножи и топоры дѣлались изъ мѣди и сплава мѣди съ оловомъ—бронзы. Наконецъ, въ желѣзный вѣкъ въ употребленіе вошло желѣзо. Это археологическое дѣленіе поддерживается и геологическими данными. Естественно, что, выбирая матеріалъ для подѣлокъ, сначала остановились на камнѣ; открытіе металловъ и сплавовъ могло быть случайнымъ и возможно даже, что знаніе бронзы было занесено въ Европу изъ другихъ странъ. Отчасти три названные вѣка, какъ выраженіе послѣдовательныхъ стадій развитія культуры, могли быть современны между собою, но продолжительность каждаго изъ нихъ въ общемъ должна быть такъ велика, что частичное совпаденіе ихъ во времени не можетъ мѣшать признаванію ихъ послѣдовательной смѣны.

Съ бронзовымъ и желѣзнымъ вѣкомъ геологамъ нечего дѣлать. Европа въ это время была почти тѣмъ же, что она представляетъ собою теперь, и исторія ея обитателей интересна постольку, поскольку мы интересуемся исторіей культуры. Совсѣмъ не то каменный вѣкъ, когда нашъ материкъ претерпѣлъ огромныя климатическія и географическія измѣненія. Этотъ вѣкъ совершенно естественно распадается на палеолитическій и неолитическій, на основаніи принадлежащихъ ему издѣлій человѣка. Палеолитическій характеризуется однообразною формою издѣлій и ихъ грубостью, неолитическій—разнообразіемъ и большею тонкостью отдѣлки. Первые—почти исключительно изъ кремня, вторые—изъ разнаго твердаго камня. Палеолитическія издѣлія изъ рога и кости, вѣроятно, служившія украшеніями, носятъ изображенія разныхъ животныхъ: медвѣдя, быка, ирландскаго оленя, сѣвернаго оленя и т. д. Весьма возможно, что въ теченіе палеолитиче-

скаго вѣка быть достигнутъ нѣкоторый прогрессъ и попытка де-Мортилье классифицировать въ этомъ направленіи произведенія палеолитическаго человѣка не можетъ считаться неудачной. Но вѣроятно, что разныя орудія употреблялись одновременно, подобно тому, какъ разныя орудія, одни менѣе, другія болѣе совершенныя, употребляются теперь эскимосами. Несмотря на отрывочность относящихся сюда данныхъ, мы все-таки можемъ вывести заключеніе объ образѣ жизни палеолитическаго человѣка. Тѣ его представители, которые гравировали простыя кости и слоновую кость, были, вѣроятно, охотники и рыболовы. Добычей имъ служили сѣверный олень, мускусный быкъ, мамонтъ и др.; шкуры этихъ же животныхъ, вѣроятно, шли на защиту ихъ тѣла. Одежды собственно никакой не сохранилось, но зато сохранились инструменты, которые не могли быть ничѣмъ инымъ, какъ иглою, откуда мы и заключаемъ, что нѣкоторое знаніе портняжнаго ремесла не было чуждо палеолитическому человѣку. Съ другой стороны, ничто не указываетъ, чтобы онъ обрабатывалъ почву или имѣлъ прирученныхъ животныхъ. Не знакомъ онъ былъ и съ гончарнымъ искусствомъ, и такимъ образомъ всецѣло пребывалъ въ варварскомъ состояніи, едва ли обладая въ какой бы то ни было формѣ общественнымъ устройствомъ. Но, судя по находженію скелетовъ виѣстѣ съ кремневымъ оружіемъ и чѣмъ-то, напоминающимъ урны, пожалуй, можно думать, что палеолитическій человѣкъ выработалъ въ себѣ нѣкоторое представленіе о загробной жизни и, быть можетъ, приготовлялъ своихъ покойниковъ къ счастливой охотѣ въ будущей жизни. Несомнѣнно, люди палеолитическаго вѣка жили въ пещерахъ, питались мясомъ убитыхъ животныхъ и особенно любили костный мозгъ. Во время охоты, вѣроятно, разбивали лагерь и въ открытомъ полѣ, у трупа добычи; если не было пещеръ, быть можетъ, сооружали шалаши лѣтомъ и снѣговыя жилища, какъ это дѣлаютъ эскимосы, зимою. Тамъ же, гдѣ были пещеры, палеолитическій человѣкъ, конечно, прятался въ нихъ въ дурную погоду и, кто знаетъ, не употреблялъ ли свой досугъ на гравировку костей, скульптуру и т. под. попытки въ артистическомъ направленіи. Судя по тому, что на палеолитическихъ орудіяхъ имѣются изображенія китообразныхъ, нѣтъ сомнѣнія, что владѣльцы этихъ орудій доходили до моря и даже, быть можетъ, пускались на лодкахъ въ море, но у насъ нѣтъ данныхъ, чтобы судить о размѣрахъ ихъ кочевокъ.

Въ виду отдаленности отъ насъ палеолитическаго вѣка, нечему удивляться, что до насъ дошло такъ мало череповъ и скелетовъ. Самый знаменитый черепъ—неандертальскій, найденный въ пещерномъ глиняномъ наносѣ между Дюссельдорфомъ и Эльберфельдомъ. Затѣмъ слѣдуетъ энгисскій изъ пещеръ подъ Люттихомъ и остатки, найденные въ долинѣ Везера, близъ Кро-Маньонъ. Еще найдены остатки палеолитическаго человѣка близъ Ментоны, въ западныхъ Пиринеяхъ и т. д. Чаще всего остатки человѣка встрѣчаются въ пещерахъ, рѣже въ

рѣчныхъ и озерныхъ наносныхъ почвахъ. По вмѣющимся въ нашемъ распоряженіи черепахъ для него можно установить двѣ расы: такъ называемую кэнштэдскую, типомъ для которой служатъ неандертальскій черепъ, черепа изъ западныхъ Піринеевъ и др., и кроманьонскую. Первая характеризовалась сильнымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ и низкимъ, узкимъ, покатымъ назадъ лбомъ; орбиты у нея были широкія, почти круглыя; носовыя кости выдающіяся, ноздри широкія, скулы выдающіяся. Общій видъ былъ дикій, что усиливалось атлетическимъ сложеніемъ, хотя ростъ былъ только отъ 2 ар. 6 в. до 2 ар. 7 в. Кроманьонская раса отличалась широкимъ и высокимъ лбомъ, безъ выдающихся надбровныхъ дугъ, при общей пропорціональности частей черепа и гораздо большимъ ростѣ, отъ 2 ар. 8 в. до 2 ар. 10 в.

Помимо характера издѣлій, оставленныхъ намъ ископаемымъ человѣкомъ, мы основываемъ еще его дѣленіе на палеолитическаго и неолитическаго въ силу біологическихъ соображеній: палеолитическій жилъ вмѣстѣ съ вымершими животными, неолитическій — вмѣстѣ съ современными. Переходовъ между тѣмъ и другимъ нѣтъ, если не считать сомнительныхъ находокъ изъ Піринеевъ. Напротивъ, отъ неолитическаго вѣка можно прослѣдить весьма постепенный переходъ къ бронзовому. Это уже одно указываетъ на огромный промежутокъ времени, отдѣляющій на материкѣ Европы существованіе палеолитическаго человѣка отъ неолитическаго, и невольно заставляетъ задаться вопросомъ, какова была судьба перваго. Все это выясняется изъ восстановленія условій существованія палеолитическаго человѣка.

Животныя, вмѣстѣ съ которыми онъ жилъ, дѣлятся на три группы: южную, изъ формъ, которыя (или близкія къ нимъ) живутъ къ югу отъ Чернаго и Средиземнаго морей (бегемотъ, африканскій слонъ, пятнистая и полосатая гіена, сервалъ, кафрская кошка, левъ, леопардъ); сѣверную или альпійскую (мускусный быкъ, покрытый шерстью носорогъ, мамонтъ, росомаха, сѣверный олень, песецъ, леммингъ, пищуха, полярный заяцъ, сурокъ, тундряная полевка, горный козелъ, серна) и среднюю (дикій быкъ, зубръ, лошадь, благородный и ирландскій олени, косуля, сайга, медвѣдь и др.). Всѣ эти животныя послѣдовательно смѣнялись другъ друга на площади Европы, и это служитъ намъ важнымъ указаніемъ на нѣкоторыя страницы въ исторіи палеолитическаго человѣка. Особенно важны въ смыслѣ доказательства одновременнаго существованія палеолитическаго человѣка съ этими животными и ихъ рѣзкаго отграниченія отъ неолитическаго тѣ данныя, которыя мы находимъ въ собранныхъ въ пещерахъ остаткахъ. Если эти пещеры не несутъ на себѣ никакихъ слѣдовъ новѣйшихъ измѣненій, въ такомъ случаѣ совершенно ясно видно, что остатки палеолитическаго человѣка съ остатками современныхъ ему животныхъ лежатъ ниже остатковъ неолитическаго человѣка и сопровождавшихъ его животныхъ, безъ всякаго признака перехода между отложеніями той и другой категоріи. Сначала высказывались большія сомнѣнія въ одновременности

существованія человѣка съ вымершими животными, но изслѣдованіи Кентской пещеры устранили всѣ сомнѣнія въ этомъ направленіи. Нѣкоторыя пещеры послѣдовательно нѣсколько разъ занимались звѣрями и человѣкомъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Особенности залеганія этихъ остатковъ позволяютъ даже составить нѣкоторое представленіе о томъ громадномъ промежуткѣ времени, который прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ они попали туда. Дѣло въ томъ, что эти остатки обыкновенно бываютъ заключены въ сталагмиты, образовавшіеся отъ просачиванія дождевой воды въ пещеры, гдѣ, послѣ ея паденія каплями, изъ нея выкристаллизовывалась известь. При изслѣдованіи Кентской пещеры въ ней были найдены надписи, относящіяся къ XVII-му столѣтію, и вычисливъ, сколько времени нужно было для образованія прироста сталагмитовъ на такую ничтожную толщину, что надписи остались совершенно ясно видимыми, можно вычислить, зная толщину слоя сталагмита въ и принимая, что они возрастали прежде съ такой же быстротой, какъ и теперь, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ были погребены кости палеолитическаго человѣка и современныхъ ему животныхъ. Оказывается, что на это нужно было 240.000 лѣтъ въ однихъ случаяхъ, около 576.000—въ другихъ. Допустимъ, что сталагмиты образовывались прежде, при болѣе влажномъ климатѣ, быстрѣе, все-таки несомнѣнно, что десятки и даже сотни тысячъ лѣтъ отдѣляютъ отъ насъ вѣкъ палеолитическаго человѣка. Съ другой стороны, изученіе залеганій остатковъ палеолитическаго человѣка и современныхъ ему животныхъ въ пещерахъ позволяетъ судить и о громадной продолжительности собственно палеолитическаго вѣка.

Сдѣланное выше перечисленіе тѣхъ животныхъ, вмѣстѣ съ которыми найдены остатки палеолитическаго человѣка, несомнѣнно указываетъ на то, что онъ пережилъ огромныя климатическія измѣненія, которыя имѣли мѣсто на материкѣ Европы втеченіе плейстоценоваго періода. Но мы можемъ пойти далѣе и приурочить палеолитическаго человѣка къ болѣе опредѣленнымъ отдѣламъ четверичной эпохи. Первое появленіе его совпадаетъ, повидимому, съ первымъ межледниковымъ періодомъ, которому принадлежали млекопитающія южной группы; но относительно этого мнѣнія еще нѣсколько расходятся. Когда климатъ измѣнился и погруженіе значительной площади суши подъ воды моря намѣтило собою начало второго оледенѣнія, палеолитическій человѣкъ несомнѣнно долженъ былъ выселиться постепенно въ южную Европу. Огромное развитіе ледниковъ и бурныхъ, многоводныхъ потоковъ, связанныхъ съ таяніемъ льда, дѣлало неудобнымъ пребываніе палеолитическаго человѣка въ средней Европѣ, тѣмъ болѣе, что холодное теченіе, которое омывало берега Европы, обусловливало собою настолько же неблагоприятныя климатическія условія. Обстоятельства измѣнились вмѣстѣ съ окончаніемъ второго ледниковаго періода, когда ледники отступили, а осушившаяся до извѣстной степени почва покрылась растительностью тундры, среди которой

нашли себѣ мѣсто жительства сѣверный олень, мамонтъ, покрытый шерстью носорогъ и росомаха. По мѣрѣ того какъ климатическія условія улучшались, сѣверныя растенія и животныя отступали, съ одной стороны, къ сѣверу и востоку, съ другой — въ горы, уступая мѣсто животнымъ и растеніямъ умѣренныхъ странъ. Гиппопотамы, слоны, носороги, стада лошадей и быковъ, а также многочисленные хищники опять появились на почвѣ средней Европы, и въ это время присутствіе здѣсь человѣка уже стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Прибавимъ, что суша достигла въ теченіе второго межледниковаго періода большого развитія какъ въ направленіи къ югу, такъ и къ сѣверу, и соединительные мосты между Европой и Африкой давали возможность свободному переселенію животныхъ съ одного материка на другой.

Какъ выше было сказано, начиная съ третьяго ледниковаго періода оледенѣнія все больше и больше сокращались, но въ теченіе третьяго ледниковаго періода лѣтніе потоки еще несли массу воды и, заливая огромныя пространства низменностей, отлагали здѣсь въ огромномъ количествѣ гравій, песокъ и глину. Это и подготовило ту почву, на которой къ концу этого періода развились снова тундры съ ихъ скудной растительностью, населившіяся леммингами, сѣверными оленями, мамонтами и носорогами. Здѣсь же былъ и человѣкъ, вѣроятно, лишь немного откочевывавшій къ югу въ теченіе наибольшаго развитія третьяго оледенѣнія.

При постепенномъ расширеніи материка къ сѣверо-западу въ теченіе третьяго межледниковаго періода, въ средней Европѣ климатическія условія очень измѣнились и здѣсь надолго водворился климатъ, характеризующій теперь юго-восточную Россію. Мы думаемъ, что съ нѣкоторыми колебаніями, когда послѣдовательно развилось четвертое и пятое оледенѣніе, эти климатическія условія и границы материка прямо перешли въ то, что нами было дано для Европы послѣ-ледниковой эпохи, съ преобладаніемъ степныхъ станцій въ характерѣ ландшафта. Первые травянистыя площади появились еще въ теченіе второго межледниковаго періода, но тогда онѣ по своему развитію не могли оказывать большого вліянія ни на характеръ ландшафта, ни на составъ животнаго населенія, тогда какъ съ третьяго межледниковаго періода ихъ значеніе надолго стало господствующимъ. Повидимому, съ третьяго ледниковаго періода связь Европы съ Африкой порвалась и, быть можетъ, этимъ объясняется окончательное исчезновеніе изъ европейской фауны слоновъ и гиппопотамовъ. Въ эту пору палеолитическій человѣкъ является преимущественно охотникомъ на открытыхъ площадяхъ, но къ четвертому ледниковому періоду онъ исчезаетъ. Въ сѣверо-западной Европѣ онъ оставилъ многія пещеры, повидимому, уже въ теченіе третьяго ледниковаго періода и потомъ не возвратился сюда. Есть указанія, что съ этого времени онъ занялъ пещеры южной Франціи, откуда проникъ въ Швейцарію и дунайскія низменности. Здѣсь онъ

несомнѣнно оставался очень долго, но, наконецъ, мы его совершенно турачиваемъ изъ виду.

Неолитическій человѣкъ появляется только въ концѣ четвертаго межледниковаго періода и мы рѣшительно не можемъ усмотрѣть никакой генетической связи между нимъ и палеолитическимъ. Періодъ времени, раздѣляющій исчезновеніе одного и появленіе другого, чрезвычайно великъ и чтобы рѣшить вопросъ, была ли между ними какая-нибудь связь, очевидно, нужны изслѣдованія за предѣлами европейскаго материка. Неолитическій человѣкъ былъ не только охотникъ и рыболовъ, но до извѣстной степени земледѣлецъ. У него уже были домашнія животныя, онъ зналъ гончарное искусство, умѣлъ строить жилища и, ради безопасности, располагалъ ихъ на сваяхъ по озерамъ. Какъ выше указано, отсюда идетъ уже гладкій путь культурнаго развитія отдаленныхъ обитателей Европы, черезъ бронзовый и желѣзный вѣкъ въ болѣе близкое къ намъ время.

Подобно западной Европѣ, Россіи также дала нѣсколько интересныхъ данныхъ относительно ея древнѣйшихъ обитателей. Такъ, проф. Кащенко недавно сообщилъ объ остаткахъ мамонта, найденныхъ подъ Томскомъ, изъ тщательнаго изученія которыхъ несомнѣнно слѣдуетъ, что это животное (молодое) было убито человѣкомъ и съѣдено на томъ мѣстѣ, гдѣ найдены его остатки. Становище охотниковъ было здѣсь случайнымъ: его опредѣлило мѣсто, гдѣ пала добыча, повидимому славшаяся лишь послѣ упорной борьбы. Изъ этого несомнѣнно, что человѣкъ каменнаго вѣка въ Сибири былъ современникъ мамонта, но, къ сожалѣнію, не выяснено, былъ ли это палеолитическій или неолитическій человѣкъ. Въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи (юго-западной, западной и центральной) также были найдены болѣе или менѣе убѣдительные слѣды одновременнаго существованія человѣка и мамонта, причемъ опять-таки съ ясными указаніями на то, что человѣкъ употреблялъ мамонта въ пищу. Очень можетъ быть, что при болѣе правильномъ производствѣ раскопокъ именно у насъ будутъ найдены данныя для возстановленія образа жизни дикаря каменнаго вѣка съ надлежащей полнотой, но пока этому только положено основаніе.

Гораздо многочисленнѣе у насъ находки, относящіяся къ позднѣйшему неолитическому періоду, по всѣмъ видимостямъ—ко времени развитія хвѣсной растительности послѣ-ледниковаго эпохи. Таковы остатки человѣка каменнаго вѣка, найденные при прорытіи Сясскаго канала и, вѣроятно, приблизительно соответствующіе по времени т. наз. кучамъ кухоннаго сора въ Даніи. Въ это время дубъ шелъ гораздо дальше къ сѣверу, нежели теперь, когда его тамъ замѣстили сосна и ель. Фауна, ископаемые представители которой найдены на берегу Ладожскаго озера, почти вся состоитъ изъ современныхъ животныхъ: нѣтъ только дикаго быка, не дошедшаго до нашего времени. Повидимому, этотъ дикарь былъ охотникъ и рыболовъ, и уже имѣлъ домашнихъ животныхъ.

На этомъ я кончаю свой очеркъ. Въ немъ мнѣ хотѣлось показать на частномъ примѣрѣ, насколько успѣшно мы боремся съ случайностью палеонтологическихъ находокъ, которыя сами по себѣ не могли бы дать особенно многого. Чтобы округлить свѣдѣнія, надо прибѣгать къ даннымъ рѣшительно всѣхъ другихъ категорій и изъ этого сопоставленія самыхъ разнообразныхъ фактовъ возстановлять картину прошлаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что для Европы всѣ эти свѣдѣнія собраны въ большемъ количествѣ, нежели для какой-либо другой страны. Но подобныя же картины отдѣльныхъ эпохъ въ исторіи животнаго населенія разныхъ странъ добыты въ свою очередь и теперь предстоитъ ихъ болѣе полное сопоставленіе другъ съ другомъ. Лучше всего изслѣдована въ интересующемъ насъ направленіи послѣ Европы Сѣверная Америка; особенно ошутителенъ пробѣлъ для сѣверной и средней Азіи, откуда шли расселенія множества отдѣльныхъ формъ и цѣлыхъ фаунъ. Индія изслѣдована лучше многихъ даже европейскихъ странъ и здѣсь удалось открыть, съ одной стороны, слѣды древнѣйшаго существованія несомнѣннаго человѣка, съ другой—остатки его ближайшаго прародича. Если когда-нибудь изслѣдованія Азіи достигнутъ желаемой степени полноты, передъ нами возстанетъ огромная по своей продолжительности эпоха, которая тѣмъ болѣе должна насъ интересовать, что въ нее цѣликомъ укладывается начало исторіи человѣческаго рода.

Но для зоолога нисколько не меньшій интересъ представляетъ исторія суши южнаго полушарія съ нынѣ вымирающими типами животныхъ. Здѣсь еще много загадочнаго со стороны географическаго распространенія животныхъ, а что дастъ палеонтологія—трудно даже себѣ представить. Можетъ быть, Южная Америка позволитъ возстановить, рано или поздно, такой же богатый формами міръ ископаемыхъ, какъ это позволила Сѣверная, и вѣстѣ съ тѣмъ разрѣшитъ наши сомнѣнія относительно генетической связи между многими уже извѣстными группами. Точно въ такомъ же положеніи, вѣроятно, стоитъ и Африка, но возлагать на нее тѣ или другія ожиданія можно скорѣе по аналогіи съ Южной Америкой, нежели на основаніи прямыхъ данныхъ.

Замѣтимъ при этомъ, что всѣ указанныя изслѣдованія не могутъ остаться замкнутыми въ самихъ себѣ. Съ накопленіемъ новыхъ фактическихъ данныхъ рука-о-руку должна идти и разработка общей біологіи, на обязанности которой лежитъ выясненіе законовъ, управляющихъ развитіемъ органическаго міра. Такимъ образомъ мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, гдѣ лежитъ граница нашего познанія природы, и въ этомъ заключается заманчивая прелесть всякаго истинно научнаго изслѣдованія. Подчасъ утомительное собраніе фактическаго матеріала не пугаетъ не только отдѣльныхъ изслѣдователей, но даже цѣлыя ихъ поколѣнія, разъ эта работа согрѣвается увѣренностью въ ея плодотворности.

М. Мензбиръ.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ **).

Дневникъ Джіованни Вельтраффіо.

1494—1495.

L'amore di qualunque cosa è figliuolo d'essa cognitione. L'amore è tanto piu fervente, quanto la cognitione è piu certa. *Leonardo da Vinci.*

Любовь есть дочь познанія. Любовь тѣмъ знаменнѣе, чѣмъ познаніе точнѣе.

Leonardo da Vinci.

Будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби.

Маттея X, 16.

Я поступилъ ученикомъ къ флорентинскому мастеру Леонардо да Винчи 25 Марта 1494 года.

* * *

Вотъ порядокъ ученія: перспектива, размѣры и пропорціи человѣческаго тѣла, рисованіе по образцамъ хорошихъ мастеровъ, рисованіе съ натуры.

* * *

Сегодня товарищъ мой Марко д'Оджіоне далъ мнѣ книгу о перспективѣ, записанную со словъ учителя. Она начинается такъ:

«Наибольшую радость тѣлу даетъ свѣтъ солнца, наибольшую радость духу—ясность математической истины. Вотъ почему науку о перспективѣ, въ которой созерцаніе свѣтлой линіи—la linea radiosa,—величайшая отрада глазъ, соединяется съ ясностью математики,—величайшею отрадой ума, должно предпочитать всѣмъ остальнымъ человѣческимъ изслѣдованіямъ и наукамъ. Да просвѣтитъ же меня снѣзавшій о себѣ: «Азъ есмь Свѣтъ истинный», и да поможетъ изложить

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль.

**) Съ этой главы начинается текстъ не бывшій въ печати.

Ред.

науку о перспективѣ, науку о Свѣтѣ. И я раздѣлю эту книгу на три части: первая—уменьшеніе вдали объема предметовъ, вторая—уменьшеніе ясности цвѣта, третья—уменьшеніе ясности очертаній».

* * *

Мастеръ заботится обо мнѣ, какъ о родномъ. Узнавъ, что я бѣденъ,—не захотѣлъ принять условленной ежемѣсячной платы въ пять лиръ.

* * *

Учитель сказалъ:

— Когда ты овладѣешь перспективой и будешь знать наизусть пропорціи человѣческаго тѣла, наблюдай усердно во время прогулокъ движенія людей, какъ стоятъ они, ходятъ, разговариваютъ и спорятъ, какъ хохочутъ и дерутся, какія при этомъ лица у нихъ и у тѣхъ зрителей, которые желаютъ разнять ихъ, и у тѣхъ, которые молча наблюдаютъ. Все это отиѣчай и зарисовывай карандашемъ, какъ можно скорѣе, въ маленькую книжку изъ цвѣтной бумаги, которую неотлучно имѣй при себѣ. Когда же наполнится она, замѣняй другою, а старую откладывай и береги. Помни, что не слѣдуетъ уничтожать и стирать эти рисунки, но—хранить, ибо движенія тѣлъ такъ безконечны въ природѣ, что никакая человѣческая память не можетъ ихъ удерживать. Вотъ почему смотри на эти наброски, какъ на своихъ лучшихъ наставниковъ и учителей.

Я завелъ себѣ такую книжку и каждый вечеръ записываю слышанныя въ теченіе дня достопамятныя слова учителя.

* * *

Сегодня встрѣтилъ въ переулкѣ лоскутницъ, недалеко отъ Собора, дядю моего, стекольнаго мастера Освальда Ингрима. Онъ сказалъ мнѣ, что отрекается отъ меня, что я погубилъ душу мою, поселившись въ домъ безбожника и еретика Леонардо. Теперь я совсѣмъ одинъ: нѣтъ у меня никого на свѣтѣ,—ни родныхъ, ни друзей,—кромѣ учителя. Я повторяю прекрасную молитву Леонардо: «да просвѣтитъ меня Господь, Свѣтъ міра, и да поможетъ изучить перспективу, науку о свѣтѣ Его». Неужели это—слова безбожника?

* * *

Какъ бы ни было мнѣ тяжело,—стоитъ взглянуть на лицо его, чтобы на душѣ сдѣлалось легче и радостнѣе. Какіе у него глаза,—ясные, блѣдно-голубые и холодные, точно ледъ, какой тихій, пріятный голосъ, какая улыбка! Самые злые, упрямые люди не могутъ противиться увѣтливымъ словамъ его, если онъ желаетъ склонить ихъ на «да» или «нѣтъ». Я часто подолгу смотрю на него, когда онъ сидитъ за рабочимъ столомъ, погруженный въ задумчивость, и привычнымъ, медленнымъ движеніемъ тонкихъ пальцевъ перебираетъ, разглаживаетъ длинную, вьющуюся и мягкую, какъ шелкъ дѣвичьихъ кудрей, золотистую бороду. Если онъ съ кѣмъ-нибудь говоритъ, то обыкновенно прищуриваетъ

одинъ глазъ съ немного лукавымъ, насмѣшливымъ и добрымъ выраженіемъ: кажется тогда, взоръ его изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей проникаетъ въ самую душу.

* * *

Одѣвается просто. Не терпитъ яркой пестроты въ нарядахъ и новыхъ суетныхъ модъ. Не любитъ никакихъ духовъ. Но бѣлье у него—изъ тонкаго реннского полотна, всегда бѣлое, какъ снѣгъ. Черный бархатный беретъ—безъ всякихъ украшеній, медалей и перьевъ. Поверхъ чернаго камзола—длинный до колѣнъ, темно-красный плащъ съ прямыми складками, стариннаго флорентинскаго покроа—*pitocco gosato*. Движенія плавны и спокойны. Несмотря на скромное платье, всегда, гдѣ бы онъ ни былъ,—среди вельможъ или въ толпѣ народа,—у него такой видъ, что нельзя не замѣтить его. Онъ не похожъ ни на кого.

* * *

Все умѣетъ, знаетъ все: отличный стрѣлокъ изъ лука и арбалета, наѣздникъ, пловецъ, мастеръ фехтованія на шпагахъ. Однажды видѣлъ я его въ состязаніи съ первыми силачами народа: игра состояла въ томъ, что подбрасывали въ церкви маленькую монету такъ, чтобы она коснулась самой середины купола. Мессэръ Леонардо побѣдилъ всѣхъ ловкостью и силой.

Онъ лѣвшя. Но лѣвою рукою,—съ виду нѣжной и тонкой, какъ у молодой женщины,—сгибаетъ онъ желѣзныя подковы, перекручиваетъ языкъ мѣднаго колокола и ею же, рисуя лицо прекрасной дѣвушки, наводитъ прозрачныя тѣни прикосновеніями угля или карандаша, легкими, какъ трепетанія крыльевъ бабочки.

* * *

Сегодня послѣ обѣда онъ кончалъ при мнѣ рисунокъ, который изображаетъ склоненную голову Дѣвы Маріи, внимающей благовѣстію Архангела. Изъ-подъ головной повязки, украшенной жемчугомъ и двумя глубинными крыльями, стыдливо играя съ вѣяніемъ ангельскихъ крылъ, выбиваются пряди волосъ, заплетенныхъ, какъ у флорентинскихъ дѣвушекъ, въ прическу, по виду небрежно свободную, на самомъ дѣлѣ полную утонченнаго искусства. Красота этихъ вьющихся кудрей плѣняетъ, какъ странная музыка. И тайна глазъ ея, которая какъ будто просвѣчиваетъ сквозь опущенныя вѣки съ густою, пушистою тѣнью рѣсницъ, похожа на тайну подводныхъ цвѣтовъ, видимыхъ сквозь прозрачныя волны, но недосыгаемыхъ.

Вдругъ въ мастерскую вбѣжалъ маленькій слуга Джяякопо и, прыгая, хлопая отъ радости въ ладоши, закричалъ:

— Уроды! Уроды! Мессэръ Леонардо, ступайте скорѣе на кухню! Я привелъ вамъ такихъ красавчиковъ, что пальцы оближете.

— Откуда?—спросилъ учитель.

— Съ паперти у Сантъ-Амброджіо. Нищіе изъ Бергамо. Я сказалъ, что вы угостите ихъ ужиномъ, если они позволяютъ снять съ себя портреты...

— Пусть подождутъ. Я сейчасъ кончу рисунокъ.

— Нѣтъ, мастеръ, они ждуть не будутъ. Назадъ въ Бергамо до ночи торопятся. Да вы только взгляните, — не пожалѣете! Стоитъ, право же стоитъ. Вы себя представить не можете, что это за чудовища!

Покинувъ неконченный рисунокъ Дѣвы Маріи, учитель пошелъ въ кухню. Я за нимъ.

Мы увидѣли двухъ чинно сидѣвшихъ на лавкѣ братьевъ стариковъ, толстыхъ точно водяною раздутыхъ, съ отвратительными, отвснелыми опухольями громаднхъ зобовъ на шеѣ, — болѣзнью обычною среди обитателей Бергамскихъ горъ, — и жену одного изъ нихъ, сморщенную, худенькую старушенку, по имени Паучиха, вполне достойную этого имени.

Лицо Джьякопо сіяло гордостью:

— Ну, вотъ видите, — шепталъ онъ, — я же говорилъ, что вамъ понравится. Я ужъ знаю, что нужно...

— Леонардо подсѣлъ къ уродамъ, велѣлъ подать вина, сталъ ихъ подчивать, любезно разспрашивать, смѣшить глупыми побасенками. Сперва они дичились, поглядывали недоувѣрчиво, должно быть, не понимая, зачѣмъ ихъ сюда привели. Но когда онъ разсказалъ имъ нелѣпую, площадную новеллу о мертвомъ жидѣ, изрѣзанномъ на мелкіе куски своимъ соотечественникомъ, чтобы избѣжать закона, воспрещавшаго погребеніе жидовъ землѣ города Болоньи, замаринованномъ въ бочку съ медомъ и ароматами, отправленномъ въ Венецію съ товарами на кораблѣ и нечаянно съѣденномъ однимъ флорентинскимъ путешественникомъ христіаниномъ, — Паучиху сталъ разбирать смѣхъ. Скоро всѣ трое, опьянѣвъ, захохотали съ отвратительными ужимками. Я въ смущеніи потупилъ глаза и отвернулся, чтобы не видѣть. Но Леонардо смотрѣлъ на нихъ съ глубокимъ, жаднымъ любопытствомъ, какъ ученый, который дѣлаетъ опытъ. Когда уродство ихъ достигло высшей степени, — онъ взялъ бумагу и началъ рисовать эти мерзостныя рожи тѣмъ самымъ карандашемъ, съ тою же любовью, съ которой только-что рисовалъ божественную улыбку Дѣвы Маріи.

Вечеромъ показывалъ мнѣ множество каррикатуръ не только людей, но и животныхъ, — страшныя лица, похожія на тѣ, что преслѣдуютъ больныхъ въ бреду. Въ звѣрскомъ мелькаетъ человѣческое, въ человѣческомъ — звѣрское, одно переходитъ въ другое легко и естественно — до ужаса. Я запомнилъ морду дикобраза съ колючими оцетивившимися иглами, съ отвислою нижней губою, болтающеюся, мягкою и тонкою, какъ тряпка, обнажившею въ гнусной человѣческой улыбкѣ продолговатые, какъ миндалины, бѣлые зубы. Я также никогда не забуду лица старухи съ волосами, вадернутыми кверху въ дикую, нарядную прическу, съ жидкою косичкою сзади, съ гигантскимъ лысымъ лбомъ, расплющеннымъ носомъ, крохотнымъ, какъ бородавка, и чудовищно-толстыми губами, напоминающими тѣ дряблые, ослизлые грибы, которые

растутъ на гнилыхъ пняхъ. И всего ужаснѣе то, что эти уроды кажутся знакомыми, какъ будто гдѣ-то уже видѣлъ ихъ, и что-то есть въ нихъ соблазнительное, что отталкиваетъ и въ то же время притягиваетъ, какъ бездна. Смотришь, мучаешься, и нельзя оторвать отъ нихъ глазъ такъ же, какъ отъ божественной улыбки Дѣвы Маріи.

И тамъ, и здѣсь—удивленіе, какъ передъ чудомъ.

* * *

Чезаре да Сесто рассказываетъ, что Леонардо, встрѣтивъ гдѣ-нибудь въ толпѣ на улицѣ любопытнаго уroda, въ теченіе цѣлаго дня можетъ слѣдовать за нимъ и наблюдать, стараясь запомнить его лицо. Великое уродство въ людяхъ,—говоритъ учитель,—также рѣдко и необычайно, какъ великая прелесть. Только среднее—обычно.

* * *

Онъ изобрѣлъ странный способъ запоминать человѣческія лица. Полагаетъ, что носы у людей бываютъ трехъ родовъ: или прямые, или съ горбиной, или съ выемкой. Прямые могутъ быть или короткими, или длинными, съ концами тупыми или острыми. Горбина находится или вверху носа, или внизу, или посерединѣ,—и такъ далѣе для каждой части лица. Всѣ эти безчисленные подраздѣленія, роды и виды, отмѣченные цифрами, заносятся въ особую разграфленную книжку. Когда художникъ гдѣ-нибудь на прогулкѣ встрѣчаетъ лицо, которое желалъ бы запомнить, ему стоитъ лишь отмѣтить значкомъ карандаша соответствующій родъ носа, лба, глазъ, подбородка и, такимъ образомъ, посредствомъ ряда цифръ навѣки закрѣпляетъ въ памяти какъ бы мгновенный снимокъ съ живого лица. На свободѣ, вернувшись домой, онъ соединяетъ эти части въ одинъ образъ.

Придумалъ также маленькую ложечку для безукоризненно-точного математическаго измѣренія количества краски для изображенія постепенныхъ, глазомъ едва уловимыхъ переходовъ, переливовъ свѣта въ тѣнь, тѣни въ свѣтъ. Если, напримѣръ, для того, чтобы долучить опредѣленную степень густоты тѣни, нужно взять десять ложечекъ черной краски,—то для полученія слѣдующей степени, должно взять одиннадцать, потомъ двѣнадцать, тринадцать и такъ далѣе. Каждый разъ, зачерпнувъ краски, срѣзываютъ горку, сравниваютъ ее стекляннымъ наугольничкомъ, какъ на рынкѣ равняютъ мѣру, насыпанную зерномъ.

* * *

Марко д'Оджіоне—самый прилежный и добросовѣстный изъ учениковъ Леонардо. Онъ работаетъ, какъ волъ, выполняетъ съ точностью всѣ правила учителя; но, повидимому, чѣмъ больше старается, тѣмъ меньше успѣваетъ. Марко упрямъ: что онъ забралъ себѣ въ голову,—и гвоздемъ не вышибешь. Убѣжденъ, что «терпѣніе и трудъ все перетрутъ»,—и не теряетъ надежды сдѣлаться великимъ художникомъ. Больше всѣхъ насъ радуется изобрѣтеніямъ учителя, которыя сводятъ искусство къ механикѣ. Намедни, захвативъ съ собою книжечку съ

цифрами для запоминанія лицъ, отправился на площадь Бролетто, выбралъ лица въ толпѣ и отмѣтилъ ихъ значками въ таблицѣ. Но когда вернулся домой, сколько ни бился, никакъ не могъ соединить отдѣльныя части въ живое лицо. Такое же горе вышло у него съ ложечкой для измѣренія черной краски. Несмотря на то, что онъ въ своей работѣ соблюдаетъ математическую точность,—тѣни остаются непрозрачными и неестественными, такъ же, какъ лица—деревянными и лишенными всякой прелести. Марко объясняетъ это тѣмъ, что не выполнитъ всѣхъ правилъ учителя, и удваиваетъ усердіе. А Чезаре да Сесто злорадствуетъ.

— Добрѣйшій Марко,—говоритъ онъ,—истинный мученикъ и страстотерпецъ науки. Примѣръ его доказываетъ, что всѣ эти хваленныя правила и ложечки, и таблицы для носовъ ни къ чорту не годятся. Мало знать, какъ рождаются дѣти, для того, чтобы имѣть ребенка. Леонардо только себя и другихъ обманываетъ. Говоритъ одно,—дѣлаетъ другое. Когда пишетъ, не думаетъ ни о какихъ правилахъ, а только слѣдуетъ вдохновенію. Но ему недостаточно быть великимъ художникомъ, — онъ хочетъ быть и великимъ ученымъ, хочетъ примирить искусство и науку, вдохновеніе и математику. Я, впрочемъ, боюсь, что, погнавшись за двумя зайцами, ни одного онъ не поймастъ!

Быть можетъ, въ словахъ Чезаре есть доля правды. Но за что онъ такъ не любитъ учителя? Леонардо прощаетъ ему все, охотно выслушиваетъ его злыя, насмѣшливыя рѣчи, цѣнитъ умъ Чезаре и никогда не сердится на него.

* * *

Я наблюдаю, какъ онъ работаетъ надъ Тайной Вечерей. Рано потру, только что солнце встало, уходитъ изъ дому, оправляется въ монастырскую трапезную и въ теченіе цѣлаго дня, пока не стемнѣетъ пишетъ, не выпуская кисти изъ рукъ, забывая о пищѣ и питьѣ. А то проходитъ дѣдья, другая—не дотрагивается до кистей. Но каждый день простаиваетъ два, три часа на подмосткахъ передъ картиной, разсматривая и обсуждая то, что сдѣлано. Иногда въ полдень въ самую жару, бросая начатое дѣло, по опустѣвшимъ улицамъ, не выбирая тѣневой стороны, какъ будто увлекаемый невидимой силой, бѣжитъ въ монастырь, взлѣзаетъ на подмости, дѣлаетъ два, три мазка и тотчасъ уходитъ.

* * *

Всѣ эти дни учитель работалъ надъ головой апостола Іоанна. Сегодня долженъ былъ кончить. Но, къ моему удивленію, остался дома и съ утра, вмѣстѣ съ маленькимъ Джьякопо, занялся наблюденіемъ надъ полетомъ шмелей, осъ и мухъ. Такъ погруженъ въ изученіе устройства ихъ тѣла и крыльевъ, словно отъ этого зависятъ судьбы міра. Обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему, когда нашелъ, что заднія лапки служатъ мухамъ, вмѣсто руля. По мнѣнію учителя, это чрезвы-

чайно полезно и важно для изобрѣтенія летательной машины. Можетъ быть. Но все же обидно, что голова апостола Іоанна покинута для изслѣдованія мушинныхъ лапокъ.

* * *

Сегодня новое горе. Мухи забыты, какъ и Тайная Вечера. Мастеръ сочиняетъ красивый, тонкій узоръ для герба не существующей, но предполагаемой герцогомъ Миланской академіи живописи, — четырехугольникъ изъ переплетенныхъ, безъ конца, безъ начала, свивающихся веревочныхъ узловъ, которые окружаютъ латинскую надпись: *Leonardi. Vinci. Academia.* Онъ такъ поглощенъ отдѣлкой узора, какъ будто ничего болѣе въ мірѣ не существуетъ, кромѣ этой сложной, трудной и совершенно бесполезной игры. Кажется, никакія заботы не могли бы его оторвать отъ нея. Я не вытерпѣлъ и рѣшился напомнить о неконченной головѣ апостола Іоанна. Онъ пожалъ плечами и не подымая глазъ отъ веревочныхъ узловъ, процѣдилъ сквозь зубы:

— Не уйдетъ. Успѣемъ.

Я иногда понимаю злобу Чезаре.

* * *

Герцогъ Моро поручилъ ему устройство во дворцѣ слуховыхъ трубъ, скрытыхъ въ толщѣ стѣнъ, — такъ называемаго Діонисіева Уха, которое позволяетъ государю подслушивать изъ одного покоя то, что говорится въ другомъ. Сначала Леонардо съ большимъ увлеченіемъ принялся за проведеніе трубъ. Но скоро, по обыкновенію охладѣвъ, сталъ откладывать подъ разными предлогами. Герцогъ торопитъ и сердится. Сегодня поутру нѣсколько разъ присылали за нимъ изъ дворца. Но учитель занятъ новымъ дѣломъ, которое кажется ему не менѣе важнымъ, чѣмъ устройство Діонисіева Уха, — опытами надъ растеніями: обрѣзавъ корни у тыквы и оставивъ одинъ маленькій корешокъ, обильно питаетъ его водою. Къ немалой радости Леонардо, тыква не засохла, и мать, — какъ онъ выражается, — благополучно выкормила всѣхъ своихъ дѣтей, — около шестидесяти длинныхъ тыквъ. Съ какимъ терпѣніемъ, съ какой любовью слѣдилъ онъ за жизнью этого растенія! Сегодня до зари просидѣлъ на огородной грядкѣ, наблюдая, какъ широкіе листья пьютъ ночную росу. «Земля, — говоритъ онъ, — поить растенія влагою, небо — росю, а солнце даетъ имъ душу», — ибо онъ полагаетъ, что не только у человѣка, но и у животныхъ, даже у растеній есть душа, — мнѣніе, которое фра Бенедетто считаетъ весьма еретическимъ.

* * *

Онъ любитъ всѣхъ животныхъ. Иногда цѣлыми днями наблюдаетъ и рисуетъ кошекъ, изучаетъ ихъ нравы и привычки: какъ онѣ играютъ, дерутся, спятъ, умываютъ морду лапками, ловятъ мышей, выгибаютъ спину и ерошатся на собакъ. Или съ такимъ же любопытствомъ смотритъ сквозь стѣнки большого стекляннаго сосуда на рыбъ,

*

слизняковъ, волосатиковъ, каракатицъ и всякихъ другихъ водяныхъ животныхъ. Лицо его выражаетъ глубокое, тихое удовольствіе, когда они дерутся и пожираютъ другъ друга.

* * *

Сразу тысячи дѣлъ. Не кончивъ одного, беретъ за другое. Впрочемъ, каждое изъ дѣлъ похоже на игру, каждая игра—на дѣло. Онъ разнообразенъ и непостояненъ. Цезаре говорить, что скорѣе потекутъ рѣки вспять, чѣмъ Леонардо сосредоточится на одномъ какомъ-нибудь замыслѣ и доведетъ его до конца. Смѣясь называетъ онъ его самымъ великимъ изъ безпутныхъ людей, увѣряя, что изъ всѣхъ его необъятныхъ трудовъ не выйдетъ никакого толку. Леонардо будто бы написалъ сто двадцать книгъ «О природѣ—Delle Cose Naturali». Но все это—случайные отрывки, отдѣльныя замѣтки, разрозненные клочки бумаги,—болѣе пяти тысячъ листковъ въ такомъ страшномъ безпорядкѣ, что самъ онъ иногда не можетъ разобраться—ищетъ какой-нибудь нужной замѣтки и ничего не находитъ.

* * *

Какое у него неутолимое любопытство, какой добрый, вѣщій глазъ для природы! Какъ онъ умѣетъ замѣчать незамѣтное! Всему удивляется радостно и жадно, какъ дѣти, какъ, должно быть, первые люди въ раю.

Иногда о самомъ будничномъ такое слово скажетъ, что потомъ, хоть сто лѣтъ живи, не забудешь,—прилипнетъ къ памяти и не отвяжется.

Намедни, войдя въ мою келью, учитель сказалъ: «Джіованни, обрати ли ты вниманіе на то, что маленькія комнаты сосредоточиваютъ умъ, а большія—возбуждаютъ къ дѣятельности?»

Или еще: «Въ тѣнистомъ дождѣ очертанія предметовъ кажутся яснѣе, чѣмъ въ солнечномъ».

А вотъ—изъ вчерашняго дѣлового, скучнаго разговора съ литейнымъ мастеромъ о какихъ-то заказанныхъ ему герцогомъ, военныхъ орудіяхъ: «Взрывъ пороха, сжатого между тарелью бомбарды и ядромъ, дѣйствуетъ, какъ человекъ, который, упершись задомъ въ стѣну, изо всей силы толкаетъ бы передъ собою руками тяжесть».

Говоря однажды объ отвѣченной механикѣ, онъ сказалъ: «Сила всегда желаетъ побѣдить свою причину, и, побѣдивъ, умереть... Ударъ—сынъ Движенія, внукъ Силы, а общій прадѣдъ—Вѣсь».

Въ спорѣ съ однимъ тупоумнымъ, упрямымъ архитекторомъ онъ воскликнулъ съ нетерпѣніемъ: «Какъ же вы не понимаете, мессэре? Это ясно, какъ день. Ну, что такое арка? Арка—ничто иное, какъ сила, рождаемая двумя соединенными и противоположными слабостями». Архитекторъ даже ротъ разинулъ отъ удивленія. А для меня все въ ихъ разговорѣ сразу сдѣлалось яснымъ, какъ будто въ темную комнату свѣчку внесли.

* * *

Опять—два дня работы надъ головою апостола Іоанна. Но увы,— что-то потеряно въ безконечной вознѣ съ мушинными крыльями, тылкою, кошками, Діонисіевымъ Ухомъ, узоромъ изъ веревочныхъ узловъ и тому подобными важными дѣлами. Опять не кончилъ, бросилъ я, по выраженію Чезаре, весь ушелъ въ геометрію, какъ улитка въ свою раковину,—полный отвращенія къ живописи—Говорить, будто бы самый запахъ красокъ, видъ кистей и полотна ему противны.

Вотъ такъ мы и живемъ, по прихоти случая, изо дня въ день, предавшись волѣ Божьей. Сидимъ у моря и ждемъ погоды. Хорошо, что еще до летательной машины не дошло, а то—птица пропала, — такъ зароется въ механику, что только мы его и видѣли!

* * *

Я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ послѣ долгихъ отговорокъ, сомнѣній и колебаній, онъ приступаетъ наконецъ къ работѣ, беретъ кисть въ руки,—чувство, подобное страху, овладѣваетъ имъ. Всегда не доволенъ тѣмъ, что сдѣлалъ. Въ созданіяхъ, которыя кажутся другимъ предѣломъ совершенства, замѣчаетъ ошибки. Стремится все къ высшему, къ недосягаемому, къ тому, чего рука человѣческая,—какъ бы ни было искусство ея безконечно,—выразить не можетъ. Вотъ почему почти никогда не кончаетъ онъ своихъ пронаведеній.

* * *

Приходилъ сегодня жидъ барышникъ продавать лошадей. Мастеръ хотѣлъ купить гнѣдого жеребца. Жидъ началъ его уговаривать, чтобы онъ купилъ вмѣстѣ съ жеребцомъ кобылу, и такъ умолялъ, настаивалъ, еговилъ и божился, что Леонардо, который любитъ лошадей и знаетъ въ нихъ толкъ, наконецъ, разсмѣялся, махнулъ рукою, взялъ кобылу и позволилъ себя обмануть, чтобы только поскорѣе отдѣлаться отъ жида. Я смотрѣлъ, слушалъ и недоумѣвалъ.

— Чему ты удивляешься?—объяснилъ мнѣ потомъ Чезаре.—Такъ всегда: первый встрѣчный можетъ сѣсть ему на плечи. Ни въ чемъ нельзя на него положиться. Ничего твердо рѣшить не умѣетъ. Все на двое,—и нашимъ, и вашимъ, и да, и нѣтъ. Куда вѣтеръ подуетъ. Никакой крѣпости, никакого мужества! Весь—мягкій, зыбкій, податливый, точно безъ костей, точно расслабленный, несмотря на всю свою силу. Играя, желѣзные подковы гнетъ, рычаги придумываетъ, чтобы флорентинскую мраморную крестильницу Санъ-Джіованни на воздухъ поднять, какъ воробьиное гнѣздо, а для настоящаго дѣла, гдѣ воля нужна,—соломенки не подыметъ, божьей коровки обидѣть не посмѣетъ!..

Чезаре еще долго бранился, явно преувеличивалъ и даже клеветалъ. Но я чувствовалъ, что въ словахъ его съ ложью смѣшана правда.

* * *

Заболѣлъ Андреа Салаино. Учитель ухаживаетъ за нимъ, ночей не спитъ, просиживая у изголовья. Но о лѣкарствахъ слышать не хочетъ. Марко д'Оджіоне тайно принесъ больному какихъ-то пилюль. Леонардо

нашелъ ихъ и выбросилъ за окно. Когда же самъ Андреа занялся что хорошо бы пустить кровь, что онъ знаетъ одного цирюльника, который отлично открываетъ жилы, учитель не на шутку разсердился, обругалъ всѣхъ докторовъ нехорошими словами и между прочимъ, сказалъ:

— Совѣтую тебѣ думать не о томъ, какъ лѣчиться, а какъ сохранить здоровье, чего ты достигнешь тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе будешь остерегаться врачей, лѣкарства которыхъ подобны негѣпнымъ составамъ алхимиковъ.

И прибавилъ съ веселой, простодушно-лунавой усмѣшкой:

— Еще бы имъ, обманщикамъ, не богатѣть, когда всякій только для того и старается накопить побольше денегъ, чтобы отдать ихъ врачамъ, разрушителямъ человѣческой жизни! *Ogni omo desidera far capitale per dare a medici, destruttori di vite,—adunque debono essere ricchi!*

* * *

Леонардо забавляетъ больного смѣшными рассказами, баснями, загадками, до которыхъ Салаино большой охотникъ. Я смотрю, слушаю и дивлюсь на учителя. Какой онъ веселый!

Вотъ для примѣра нѣкоторыя изъ этихъ загадокъ:

«Люди будутъ жестоко бить то, что есть причина ихъ жизни.— Молотьба хлѣба.

«Лѣса произведутъ на свѣтъ дѣтей, которымъ суждено истреблять своихъ родителей.—Ручки топоровъ.

«Шкуры звѣриныя заставятъ людей выйти изъ молчанія, клясться и кричать.—Игра въ кожаные мячики».

Послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ въ изобрѣтеніи военныхъ орудій, въ математическихъ выкладкахъ или работѣ надъ Тайною Вечерей, утѣшается онъ этими загадками, точно ребенокъ. Записываетъ ихъ въ рабочихъ тетрадяхъ рядомъ съ набросками великихъ будущихъ произведеній или только что открытыми законами природы.

* * *

Сочинилъ и нарисовалъ въ прославленіе щедрости герцога Моро странную, сложную аллегорію, на которую потратилъ немало труда: въ образѣ Фортуны герцогъ принимаетъ подъ свою защиту отрока, убѣгающаго отъ страшной парки Бѣдности, съ лицомъ Паучихи, покрываетъ его мантией и золотымъ скиптромъ грозитъ чудовищной богинѣ. Моро доволенъ рисункомъ, хочетъ, чтобы Леонардо исполнилъ его красками на одной изъ стѣнъ дворца. Эти аллегоріи вошли въ моду при дворѣ. Кажется, онѣ имѣютъ большій успѣхъ, чѣмъ всѣ остальные произведенія учителя. Дамы, рыцари, вельможи, чьямбелланы, камерьеры пристають къ нему, наперерывъ добиваются какой-нибудь замысловатой аллегорической картинки, исполненной рукою Леонардо.

Для одной изъ двухъ главныхъ наложницъ герцога, графини Це-

дигли Бергамини, сочинилъ онъ аллегорію Зависти: дряхлая старуха съ отвислыми сосцами, покрытая леопардовой шкурой, съ колчаномъ ядовитыхъ языковъ за плечами, ѣдетъ верхомъ на человѣческомъ остовѣ, держа въ рукѣ кубокъ, наполненный скорпіонами и ехиднами.

Пришлось ему сочинить и другую аллегорію, тоже Зависти,—для другой наложницы, Лукреціи Кривелли, чтобы и она не обидѣлась: вѣтвь орѣшника бьютъ палками и потрясаютъ тогда именно, какъ доводитъ она плоды свои до совершенной зрѣлости. Рядомъ надпись: *per ben fare*,—за благодѣянія.

Наконецъ и для супруги герцога, свѣтлѣйшей мадонны Беатриче надо было выдумать аллегорію Неблагодарности: человѣкъ при восходящемъ солнцѣ гасить свѣчу, которая служила ему ночью. Теперь бѣдному мастеру ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя. Заказы, просьбы, записочки дамъ сыплются на него. Онъ не знаетъ, какъ отдѣлаться.

Чезаре злится: «всѣ эти глупые рыцарскіе девизы, слащавыя аллегоріи пристали развѣ какому-нибудь придворному блюдолизу, а не такому художнику, какъ Леонардо. Срамъ!» Но я думаю, что онъ неправъ. Учитель вовсе не помышляетъ о лести. Аллегоріями забавляется онъ точно также, какъ игрою въ загадки и математическими истинами, божественной улыбкою Маріи Дѣвы и узоромъ изъ веревочныхъ узловъ.

* * *

Леонардо задумалъ и давно уже началъ, но, по своему обыкновенію, не кончилъ, и Богъ вѣсть, когда кончить, *Книгу о живописи—Trattato della Pittura*. Въ послѣднее время онъ со мною много занимался воздушною и линейной перспективою, свѣтомъ и тѣнью, приводилъ изъ книги выдержки и отдѣльныя мысли объ искусствѣ. Я записываю здѣсь то, что помню.

Господь да наградить учителя за любовь и мудрость, съ коими руководствуетъ онъ меня на всѣхъ высокихъ путяхъ этой благороднѣйшей науки. Пусть же тѣ, кому попадутся въ руки эти листки, поманутъ въ молитвѣ душу смиреннаго раба Божьяго, недостойнаго ученика Джіованни Бельтраффіо и душу великаго мастера, флорентинца Леонардо да Винчи.

* * *

Учитель говоритъ: «все прекрасное умираетъ въ человѣкѣ, но не въ искусствѣ. *Cosa bella mortal passa e non d'arte*».

* * *

«Тотъ, кто презираетъ живопись, презираетъ философское и утонченное созерцаніе міра — *filosofica e sottile speculazione*, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось отъ природы, и родило въ свою очередь науку о живописи. Вотъ почему говорю я, что живопись—внучка природы и родственница Бога—*parente d'Iddio*. Кто хулитъ живопись, тотъ хулитъ природу. *Chi biasima la pittura, biasima la natura*».

* * *

«Живописецъ долженъ быть всеобъемлющъ. Il pittore debbe cercare d'essere universale. О, художникъ, твое разнообразіе да будетъ столь же безконечно, какъ явленія природы. Продолжая то, что началъ Богъ, стремись умножить не дѣла рукъ человѣческихъ, но вѣчныя созданія Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будетъ каждое твое произведеніе, какъ бы новымъ явленіемъ природы».

* * *

«Для того, кто владѣетъ первыми, общими законами естественныхъ явленій, для того, кто *знаетъ*, — легко быть всеобъемлющимъ, ибо по строенію своему всѣ тѣла, какъ человѣка, такъ и животныхъ, сходятся».

* * *

«Берегись, чтобы алчность къ приобрѣтенію золота не заглушила въ тебѣ любви къ искусству. Помни, что приобрѣтеніе славы есть нѣчто большее, чѣмъ слава приобрѣтенія. Память о богатыхъ погибаетъ вмѣстѣ съ ними, память о мудрыхъ никогда не исчезнетъ, ибо мудрость и наука суть законныя дѣти своихъ родителей, а не побочныя, какъ деньги. Люби славу и не бойся бѣдности. Подумай, какъ много великихъ философовъ, рожденныхъ въ богатствѣ, обрекали себя на добровольную нищету, дабы не осквернить души своей богатствомъ».

* * *

«Наука молодитъ душу, уменьшаетъ горечь старости. Собирай же мудрость, собирай сладкую пищу для старости».

* * *

«Я знаю такихъ живописцевъ, которые безстыдно, на потѣху черни, размалевываютъ картины свои золотомъ и лазурью, утверждая съ высокомерною наглостью, что могли бы работать не хуже другихъ мастеровъ, если-бы имъ больше платили. О, глупцы! Кто же мѣшаетъ имъ сдѣлать что нибудь прекрасное и объявить, — вотъ эта картина въ такую-то цѣну, эта дешевле, а эта совсѣмъ рыночная, — доказавъ такимъ образомъ, что они умѣютъ работать на всякую цѣну».

* * *

«Нерѣдко алчность къ деньгамъ унижаетъ и хорошихъ мастеровъ до ремесла. Такъ, мой землякъ и товарищъ, флорентинецъ Перуджино дошелъ до такой поспѣшности въ исполненіи заказовъ, что однажды отвѣтилъ съ подмостокъ женѣ своей, которая звала его обѣдать: «подавай супъ, а я пока напишу еще одного святого».

* * *

«Малого достигаетъ художникъ, не сомнѣвающийся. Благо тебѣ, если твое произведеніе — выше, плохо, если оно, наравнѣ, но величайшее бѣдствіе, если оно ниже, чѣмъ ты его цѣнишь, что бываетъ съ тѣми, кто удивляется, какъ это Богъ ему помогъ сдѣлать такъ хорошо».

* * *

«Терпѣливо выслушивай мнѣнія всѣхъ о твоей картинѣ, взвѣшивай и разсуждай, правы ли тѣ, кто укоряютъ тебя и находятъ ошибки, если да,—исправь, если нѣтъ—сдѣлай видъ, не слышалъ, и только людямъ, достойнымъ вниманія, доказывай, что они ошибаются».

«Сужденіе врага нерѣдко—правдивѣе и полезнѣе, чѣмъ сужденіе друга. Ненависть въ людяхъ почти всегда глубже любви. Взоръ ненавидящаго проникательнѣе взора любящаго. Истинный другъ—все равно, что ты самъ. Врагъ не похожъ на тебя,—вотъ, въ чемъ сила его. Ненависть освѣщаетъ многое, скрытое отъ любви. Помни это и не презирай хулы враговъ».

* * *

«Яркія краски плѣняютъ толпу. Но истинный художникъ не толпѣ угождаетъ, а избраннымъ. Гордость и цѣль его—не въ блистающихъ краскахъ, а въ томъ, чтобы совершилось въ картинѣ подобное чуду: чтобы тѣнь и свѣтъ дѣлали въ ней плоское выпуклымъ. Кто, презирая тѣнь, жертвуетъ ею для красокъ,—похожъ на болтуна, который жертвуетъ смысломъ рѣчи для пустыхъ и громкихъ словъ».

* * *

«Больше всего берегись грубыхъ, рѣзкихъ очертаній. Да будутъ края твоихъ тѣней на молодомъ и нѣжномъ тѣлѣ не мертвыми, не каменными, но легкими, неуловимыми и прозрачными, какъ воздухъ, ибо само тѣло человѣческое прозрачно, въ чемъ можешь убѣдиться, если черезъ пальцы посмотришь на солнце. Слишкомъ яркій свѣтъ не даетъ прекрасныхъ тѣней. Бойся яркаго свѣта. Въ сумерки, или въ туманные дни, когда солнце—въ облакахъ, замѣтъ,—какая нѣжность и прелесть на лицахъ мужчинъ и женщинъ, проходящихъ по тѣнистымъ улицамъ между темными стѣнами домовъ,—*quanta gratia e dolcezza si vede in loro*. Это самый совершенный свѣтъ. Пусть же тѣнь твоя мало-по-малу исчезая въ свѣтѣ, таетъ, какъ дымъ, какъ звуки тихой музыки. Помни: между свѣтомъ и мракомъ есть нѣчто среднее, двойственное, одинаково причастное тому и другому, какъ бы свѣтлая тѣнь или темный свѣтъ. Ищи его, художникъ,—въ немъ тайна плѣнительной прелести!»

Такъ онъ сказалъ и, поднявъ руку, какъ бы желая запечатлѣть эти слова въ нашей памяти, повторилъ съ неизъяснимымъ выраженіемъ:

— Берегитесь грубаго и рѣзкаго. Пусть тѣни ваши таютъ, какъ дымъ, какъ звуки дальней музыки.

Чезаре, внимательно слушавшій, усмѣхнулся, поднялъ глаза на Леонардо и что-то хотѣлъ возразить, но промолчалъ.

* * *

Спустя немного, говоря уже о другомъ, учитель сказалъ:

— Ложь такъ презрѣнна, что, превознося величіе Бога, унижаетъ Его, истина такъ прекрасна, что, восхваляя самыя малыя вещи, облагораживаетъ ихъ. *È di tanta villipendia la bugia, che s'ella dicesse bene*

già cose di Dio, ella toglie gratia a sua deità, ed è di tanta eccelentia la verità, che s'ella laudasse cose minime, elle si fanno nobili. Между истиной и ложью—такая же разница, какъ между мракомъ и свѣтомъ.

Чезаре, что-то вспомнивъ, посмотрѣлъ на него испытующимъ взоромъ.

— Такая же разница, какъ между мракомъ и свѣтомъ?—повторилъ онъ.—Но не вы ли сами, учитель, только что утверждали, что между мракомъ и свѣтомъ есть нѣчто среднее, двойственное, одинаково причастное и тому, и другому,—какъ бы свѣтлая тѣнь или темный свѣтъ? Значить,—и между истиной и ложью... но, нѣтъ, этого быть не можетъ... Право же, мастеръ, ваше сравненіе въ умѣ моемъ порождаетъ великій соблазнъ, ибо художникъ, ищущій тайны плѣнительной прелести въ смѣшаніи тѣни и свѣта, чего добраго, спросить, не сливаются-ли истина съ ложью такъ же, какъ свѣтъ и тѣнь...

Леонардо сперва нахмурился, какъ будто былъ удивленъ, даже разгнѣванъ словами ученика, но потомъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Не искушай меня. Отыде, сатана!

Я ожидалъ другого отвѣта и думаю, что слова Чезаре достойны были большаго, чѣмъ легкомысленная шутка. По крайней мѣрѣ во мнѣ возбудили они много странныхъ мучительныхъ мыслей.

* * *

Сегодня вечеромъ я видѣлъ, какъ, стоя подъ дождемъ въ тѣсномъ, грязномъ и воночемъ переулкѣ, внимательно разсматривалъ онъ каменную, повидимому, ничѣмъ не любопытную стѣну съ пятнами сырости. Это продолжалось долго. Мальчишки указывали на него пальцами и смѣялись. Я спросилъ, что онъ напелъ въ этой стѣнѣ.

— Посмотри, Джіованни,—отвѣтилъ Леонардо,—посмотри, какое великолѣпное чудовище,—химера съ разинутой пастью, а вотъ рядомъ—ангелъ съ нѣжнымъ лицомъ и развѣвающимися локонами, который убѣгаетъ отъ чудовища. Прихоть случая создала здѣсь образы, достойные великаго мастера.

Онъ обвелъ пальцемъ очертанія пятенъ, и въ самомъ дѣлѣ, къ изумленію моему, я увидѣлъ въ нихъ то, о чемъ онъ говорилъ.

— Можетъ быть, многіе сочтутъ это изобрѣтеніе негѣпнымъ,—продолжалъ учитель,—но я, по собственному опыту, знаю, какъ оно полезно для возбужденія ума къ открытіямъ и замысламъ. Нерѣдко на стѣнахъ, въ смѣшеніи разныхъ камней, въ трещинахъ, въ узорахъ илѣсѣни на стоячей водѣ, въ потухающихъ угляхъ, подернутыхъ пепломъ, въ очертаніяхъ облаковъ случалось мнѣ находить подобіе прекраснѣйшихъ мѣстностей съ горами, скалами, рѣками, долинами и деревьями, также чудесныя битвы, странныя лица, полныя неизъяснимой прелестью, любопытныхъ дьяволовъ, чудовищъ и многіе другіе удивительные образы. Я выбиралъ изъ нихъ то, что нужно, и доканчивалъ. Такъ, вслушиваясь въ дальній звонъ колоколовъ, ты можешь въ ихъ

смѣшавномъ гулѣ найти по желанію всякое имя и слово, о которомъ думаешь.

* * *

Сегодня сравнивалъ онъ морщины, образуемыя мускулами лица во время плача и смѣха. Въ глазахъ, во рту, въ щекахъ нѣтъ никакого различія. Только брови плачущій, подымая вверхъ, соединяетъ, лобъ собирается въ складки, и углы рта опускаются, между тѣмъ, какъ смѣющійся широко раздвигаетъ брови и подымаетъ углы рта.

Въ заключеніе сказалъ онъ:

— Старайся быть спокойнымъ зрителемъ того, какъ люди смѣются и плачутъ, ненавидятъ и любятъ, блѣднѣютъ отъ ужаса и кричатъ отъ боли,—смотри, учись, изслѣдуй, наблюдай, чтобы познать выраженіе всѣхъ человѣческихъ чувствъ.

Чезаре сказывалъ мнѣ, что мастеръ любитъ провожать осужденныхъ на смертную казнь, наблюдая въ ихъ лицахъ всѣ степени муки и ужаса, возбуждая въ самихъ палачахъ удивленіе своимъ любопытствомъ, слѣдя за послѣдними содроганіями мускуловъ, когда несчастные умираютъ.

— Ты и представить себѣ не можешь, Джіованни, что это за человѣкъ!—прибавилъ Чезаре съ горькой усмѣшкой,—Червяка подыметъ съ дороги и посадитъ на листикъ, чтобы не раздавить ногой,—а когда найдетъ на него такой стихъ,—кажется, если бы родная мать плакала, онъ только наблюдалъ бы, какъ сдвигаются брови, морщится кожа на лбу, и опускаются углы рта.

* * *

Леонардо сказалъ: «учись у глухонѣмыхъ выразительнымъ движеніямъ».

* * *

«Когда ты наблюдаешь людей, старайся, чтобы они не замѣчали, что ты смотришь на нихъ: тогда ихъ движенія, ихъ смѣхъ и плачъ естественнѣе».

* * *

«Разнообразіе человѣческихъ движеній такъ же безпредѣльно, какъ разнообразіе человѣческихъ чувствъ. Высшая цѣль художника заключается въ томъ, чтобы выразить въ лицѣ и въ движеніяхъ тѣла страсть души—*la passione del animo*».

«Помни,—въ лицахъ, тобою изображаемыхъ, должна быть такая сила чувства, чтобы зрителю казалось, что картина твоя можетъ заставить мертвыхъ смѣяться и плакать».

«Когда художникъ изображаетъ что-нибудь страшное, скорбное или смѣшное,—чувство, испытываемое зрителемъ, должно побуждать его къ такимъ тѣлодвиженіямъ, чтобы казалось, будто бы онъ самъ принимаетъ участіе въ изображенныхъ дѣйствіяхъ. Если же это не достигнуто,—знай, художникъ, что всѣ твои усилія тщетны».

* * *

«Мастеръ, у котораго руки узловатыя, костлявыя, охотно изображаетъ людей съ такими же узловатыми, костлявыми руками, и это повторяется для каждой части тѣла, або всякому человѣку нравятся лица и тѣла, сходныя съ его собственнымъ лицомъ и тѣломъ. Вотъ почему, если художникъ некрасивъ,—онъ выбираетъ для своихъ изображеній лица тоже некрасивыя и наоборотъ. Берегись, чтобы женщины и мужчины, тобой изображаемые, не казались сестрами и братьями-близнецами ни по красотѣ, ни по уродству,—недостатокъ, свойственный многимъ итальянскихъ художникамъ. Ибо въ живописи нѣтъ болѣе опасной и предательской ошибки, какъ подражаніе собственному тѣлу. Я думаю, что это происходитъ оттого, что душа есть художница своего тѣла. Нѣкогда создала она и выгѣпила его по образу и подобію своему. [И теперь, когда опять ей нужно, при помощи кисти и красокъ, создать новое тѣло, всего охотнѣе повторяетъ она образъ, въ который уже разъ воплотилась».

* * *

«Заботыся о томъ, чтобы произведеніе твое не отталкивало зрителя, какъ человѣка, только-что вставшаго съ постели—холодный зимній воздухъ, а привлекало бы и плѣняло душу его, подобно тому, какъ спящаго изъ постели выманиваетъ пріятная свѣжесть лѣтняго утра».

* * *

Вотъ исторія живописи, рассказанная учителемъ въ немногихъ словахъ:

«Послѣ римлянъ, когда живописцы стали подражать другъ другу искусство пришло въ упадокъ, длившійся много вѣковъ. Но явился Джіотто флорентинецъ, который, не довольствуясь подражаніемъ учителю своему, Чимабуэ, рожденный въ горахъ и пустыняхъ, обитаемыхъ лишь козами и другими подобными животными, и будучи побуждаемъ природою къ искусству, началъ рисовать на камняхъ движенія козъ, которыхъ онъ пасъ, и всѣхъ животныхъ, которыя обитали въ странѣ его, и, наконецъ, посредствомъ долгой науки, превзошелъ не только всѣхъ учителей своего времени, но и многихъ прошлыхъ вѣковъ. Послѣ Джіотто искусство живописи снова пришло въ упадокъ, потому что каждый сталъ подражать готовымъ образцамъ. Это продолжалось цѣлыя столѣтія, пока Томазо флорентинецъ, по прозвищу Мазаччіо, не доказалъ своими совершенными созданіями, до какой степени даромъ тратятъ свои силы тѣ, кто беретъ за образецъ что бы то ни было, кромѣ самой природы,—учительницы всѣхъ учителей».

* * *

«Первымъ произведеніемъ живописи была черта, обведенная вокругъ тѣни человѣка, брошенной солнцемъ на стѣну».

* * *

Сегодня, говоря о томъ, какъ слѣдуетъ художнику сочинять замыслы картинъ, учитель рассказалъ намъ для примѣра задуманное имъ изображеніе потопа.

Пучины и водовороты, озаренные молніями. Вѣтви громаднѣхъ дубовъ, съ людьми, прицѣпившимися къ нимъ, уносимыя смерчемъ. Воды, усѣяныя обломками домашней утвари, на которыхъ спасаются люди. Стада четвероногихъ, окруженныя водою — на высокихъ плоскогоріяхъ,—одни кладутъ ноги на спины другимъ, давятъ и топчутъ другъ друга. Въ толпѣ людей, защищающихъ, съ оружіемъ въ рукахъ, послѣдній клочекъ земли отъ хищныхъ звѣрей, одни ломаютъ руки, кусаютъ и грызутъ ихъ, такъ что кровь течетъ, другіе затыкаютъ уши, чтобъ не слышать грохота громовъ, или же, не довольствуясь тѣмъ, что закрыли глаза, кладутъ еще руку на руку, прижимая ихъ къ вѣкамъ, чтобы не видѣть грозящей смерти. Иные убиваютъ себя, удушаясь, закалываясь мечами, бросаясь въ пучину съ утесовъ, и матери, проклиная Бога, хватаютъ дѣтей своихъ, чтобы размозжить имъ голову о камни. Разложившіеся трупы покидаютъ глубину и всплываютъ на поверхность воды, сталкиваясь среди волнъ, и, ударяя другъ друга, какъ мячики, надутые воздухомъ,—отскакиваютъ. Птицы садятся на нихъ или, въ изнеможеніи падая, опускаются на живыхъ людей и звѣрей, не находя другого мѣста для отдыха.

Отъ Салаино и Марко узналъ я, что Леонардо въ теченіе многихъ лѣтъ разспрашиваетъ путешественниковъ и всѣхъ, кто когда-либо видѣлъ смерчи, наводненія, ураганы, обвалы, землетрясенія, — узнавая точныя подробности, терпѣливо, какъ ученый, собирая черту за чертой, наблюденіе за наблюденіемъ, чтобы составить замыселъ картины, который, быть можетъ, никогда не исполнить. Помню, слушая разсказъ о потопѣ, я испытывалъ то же, что бывало при видѣ дьявольскихъ рожъ и сверхъестественныхъ чудовищъ въ рисункахъ его,—ужасъ, который притягиваетъ, какъ бездна.

И вотъ еще, что меня удивило: разсказывая страшный замыселъ, самъ художникъ казался спокойнымъ и безучастнымъ.

Говоря о блескахъ молній, отражаемыхъ водою, онъ замѣтилъ: «ихъ должно быть больше на дальнихъ, меньше—на ближнихъ къ зрителю волнахъ, какъ того требуетъ законъ отраженія свѣта на гладкихъ поверхностяхъ».

Говоря о мертвыхъ тѣлахъ, которыя сталкиваются и отскакиваютъ другъ отъ друга въ водоворотахъ, онъ прибавилъ: «изображая всѣ эти удары и столкновенія,—не забывай закона механики, по которому уголъ паденія равенъ углу отраженія».

Я невольно улыбнулся и подумалъ: «вотъ онъ весь—въ этомъ напоминаніи!»

* * *

Учитель сказалъ:

— Не опытъ, отецъ всѣхъ искусствъ и наукъ, обманываетъ людей а воображеніе, которое обѣщаетъ имъ то, чего опытъ дать не можетъ, Невиненъ опытъ, но наши суетныя и безумныя желанія преступны.

Отличая ложь отъ истины, опыты учить стремиться къ возможному и не надѣяться, по незнацію, на то, чего достигнуть нельзя, чтобы не пришлось тебѣ, обманувшись въ надеждѣ, предаться отчаянію.

Когда мы остались наединѣ, Чезаре напомнилъ мнѣ эти слова и сказалъ, брезгливо поморщившись:

— Опять ложь и притворство!..

— Въ чемъ же теперь-то солгалъ онъ, Чезаре? — спросилъ я съ удивленіемъ.—Мнѣ кажется, что учитель...

— Не стремиться къ невозможному, не желать недостижимаго! — продолжалъ онъ, не слушая меня.—Чего добраго, кто-нибудь повѣритъ ему на слово. Только, нѣтъ, не на такихъ дураковъ напасть. Не ему бы говорить, не мнѣ бы слушать! Я его насквозь вижу..

— Что же ты видишь, Чезаре?

— А то что самъ онъ всю жизнь только и стремился къ невозможному, только и желалъ недостижимаго. Ну, скажи на милость: изобрѣтать такія машины, чтобы люди какъ птицы летали по воздуху, какъ рыбы подъ водою плавали,—развѣ это не значить стремиться къ невозможному? А ужасъ Потопа, а небывалыя чудовища въ пятнахъ сырости, въ облакахъ, небывалая прелесть божественныхъ лицъ, подобныхъ ангельскимъ видѣніямъ,—откуда онъ все это беретъ,—ужели изъ опыта, изъ математической таблички носовъ и ложечки для измѣренія красокъ?.. Зачѣмъ же обманываетъ онъ себя и другихъ, зачѣмъ лжетъ? Механика нужна ему для чуда,—чтобы на крыльяхъ взлетѣть къ небесамъ, чтобы владѣя силами естественными, устремить ихъ къ тому, что сверхъ и противъ естества человѣческаго, сверхъ и противъ законовъ природы,—все равно къ Богу или къ дьяволу, только бы къ неиспытанному, къ невозможному! Ибо вѣрить-то онъ, пожалуй, не вѣритъ, но любопытствуетъ,—чѣмъ меньше вѣритъ, тѣмъ больше любопытствуетъ,—это въ немъ, какъ похоть неугасимая, какъ уголь раскаленный, котораго нельзя ничѣмъ залить—никакимъ знаніемъ, никакимъ опытом!..

Слова Чезаре наполнили душу мою смятеніемъ и страхомъ. Всѣ эти послѣдніе дни я думаю о нихъ. Хочу и не могу забыть.

Сегодня, какъ-будто отвѣчая на мои сомнѣнія, учитель сказалъ:

— Малое знаніе даетъ людямъ гордость, великое—даетъ смиреніе. Такъ пустые колосья поднимаютъ къ небу надменные головы, а полные зерномъ склоняютъ ихъ долу къ землѣ, своей матери.

— Какъ же, учитель,—возразилъ Чезаре со своей обыкновенной язвительно-испытующей усмѣшкой,—какъ же говорятъ, будто бы великое знаніе, которымъ обладалъ свѣтлѣйшій изъ херувимовъ, Люциферъ, внушило ему не смиреніе, а гордыню за которую онъ и былъ низвергнутъ въ преисподнюю?

Леонардо ничего не отвѣтилъ, но, немного помолчавъ, рассказалъ намъ басню:

«Однажды капля водяная задумала подняться къ небу. При помощи огня взлетѣла она тонкимъ паромъ. Но, достигнувъ высоты, встрѣтила разрѣженный, холодный воздухъ, сжалась, отяжелѣла,—и гордость ея превратилась въ ужасъ. Капля упала дождемъ. Сухая земля выпила ее, и долго вода, заключенная въ подземной темницѣ, должна была каяться въ грѣхѣ своемъ».

Учитель больше ничего не прибавилъ, но я понялъ значеніе басни.

* * *

Кажется, чѣмъ больше съ нимъ живешь, тѣмъ меньше знаешь его.

Сегодня опять забавлялся, какъ мальчикъ. И что за странныя шутки! Сидѣлъ я вечеромъ у себя наверху, читалъ передъ сномъ любимую свою книгу «Fioretti di S. Francesco». Вдругъ по всему дому раздался вопль нашей страпухи, доброй и вѣрной Матурины:

— Пожаръ! Пожаръ! Помогите! Горимъ!

Я бросился внизъ и перетрусилъ, увидѣвъ густой бѣлый дымъ, наполнявшій мастерскую Леонардо. Озаренный отблескомъ, голубого пламени, подлбнаго молніи, учитель стоялъ въ облакахъ дыма, какъ нѣкій древній магъ, и съ веселой, лукавой улыбкой, смотрѣлъ на Матурину, блѣдную отъ ужаса, махавшую руками, и на Марко, который успѣлъ прибѣжать съ двумя ведрами воды и вылилъ бы ихъ на столъ, не шадя ни рисунковъ, ни рукописей, если бы учитель не остановилъ его, крикнувъ, что все это—шутка. Тогда мы увидѣли, что дымъ и голубое пламя подымались отъ бѣлаго порошка съ ладаномъ и колофоніемъ на раскаленной иѣдной сковородкѣ, состава, изобрѣтеннаго имъ для устройства увеселительныхъ игрушечныхъ пожаровъ. Не знаю, кто былъ въ большемъ восторгѣ отъ шалости—неизмѣнный товарищъ всѣхъ его игръ, маленькій плутъ Джьякопо, или самъ Леонардо. Какъ смѣялся онъ надъ страхомъ Матурины и надъ спасительными ведрами Марко! Видитъ Богъ, кто такъ смѣется—не можетъ быть злымъ человѣкомъ. Неправду говорить о немъ Цезаре.

Но, среди веселья и хохота, не преминулъ Леонардо записать сдѣланное имъ на лицѣ Матурины наблюденіе надъ складками кожи и морщинами, которыя производятъ ужасъ въ человѣческихъ лицахъ.

* * *

Почти никогда не говоритъ онъ о женщинахъ. Только разъ сказалъ, что люди поступаютъ съ ними такъ же незаконно, какъ съ животными. Впрочемъ, надъ модною платоническою любовью смѣется. Одному влюбленному юношѣ, который читалъ слезливый сонетъ во вкусъ Петрарки, Леонардо отвѣтилъ тремя, должно быть, единственными сочиненными имъ стихами, ибо онъ весьма плохой стихотворецъ:

S'el Petrarca amò si forte il lauro,—
E perchè gli è bon fralla salscicia e torde.
I'non posso di lor ciancie far tesauro.

«Ежели Петрарка такъ сильно любилъ Лавръ—Лауру,—это, вѣроятно, потому, что лавровый листъ—хорошая приправа къ сосискамъ и жаренымъ дроздамъ. Я же не могу благоговѣть передъ такими глупостями».

Чезаре увѣряетъ, что въ теченіе всей своей жизни Леонардо такъ занятъ былъ механикой и геометрией, что не имѣлъ времени любить женщинъ, но что, впрочемъ, онъ едва ли совершенный дѣвственникъ, ибо, ужь конечно, долженъ былъ, хотя бы разъ, любить женщину, не какъ обыкновенные смертные, а изъ любопытства, для научныхъ наблюдений, наслѣдуя таинство любви такъ же безстрастно, съ математической точностью, какъ всѣ другія естественныя явленія природы.

* * *

Мнѣ кажется порою, что не слѣдовало бы мнѣ никогда говорить съ Чезаре о Леонардо. Мы точно подслушиваемъ, подсматриваемъ за нимъ, какъ шпионы. Чезаре каждый разъ испытываетъ злую радость, когда удается ему бросить новую тѣнь на учителя. И что ему нужно отъ меня, зачѣмъ отравляетъ онъ душу мою? Мы теперь часто ходимъ въ маленькій, скверный кабачокъ у рѣчной Катаранской таможни, за Верчельскою Заставою. Цѣлыми часами, за полбрентой дешеваго, кислаго вина бесѣдуемъ подъ ругань лодочниковъ, играющихъ въ засаленныя карты, и совѣщаемся, какъ предатели.

Сегодня Чезаре спросилъ меня, знаю ли я, что во Флоренціи Леонардо былъ обвиненъ въ развратѣ. Я ушамъ своимъ не повѣрилъ, подумавъ, что Чезаре пьянъ или бредитъ. Но онъ мнѣ все подробно и точно объяснилъ.

Въ 1476 году,—Леонардо было въ то время 24 года, а его учителю, знаменитому флорентинскому мастеру Андрае Вероккіо 40 лѣтъ,—безымянный доносъ на Леонардо и Вероккіо съ обвиненіемъ въ развратной жизни опущенъ былъ въ одинъ изъ тѣхъ круглыхъ деревянныхъ ящиковъ, называемыхъ «барабанами» — tamburi, которые вывѣшиваются на колоннахъ въ главныхъ флорентинскихъ церквахъ, преимущественно въ соборѣ Маріи дель Фіоре 9-го апрѣля того же года Ночные и Монастырскіе Надаиратели—Uffì, ciali di Notte e Monasteri—разобрали дѣло и оправдали обвиненныхъ, но подъ условіемъ, чтобы доносъ повторился—*assoluti cum conditione, ut retamburentur*,—а послѣ новаго обвиненія, 9-го іюня Леонардо и Вероккіо были окончательно оправданы. Богѣ никому ничего неизвѣстно. Вскорѣ послѣ того Леонардо, навсегда покинувъ мастерскую Вероккіо и Флоренцію, переселился въ Миланъ.

— О, конечно, это гнусная клевета!—прибавилъ Чезаре съ насмѣшливой искрой въ глазахъ.—Хотя ты еще не знаешь, другъ мой Джіованни, какими противорѣчіями полно его сердце. Это, видишь ли, такой лабиринтъ, въ которомъ самъ чортъ ногу сломаетъ. Всякихъ за-

гадокъ и тайнъ не оберешься! Съ одной стороны, пожалуй, правда,— какъ будто бы и дѣвственникъ, ну а съ другой...

Я вскочилъ, должно быть, поблѣднѣлъ, потому что вдругъ почувствовалъ, какъ вся кровь прилила къ моему сердцу, и воскликнулъ:

— Какъ ты смѣешь, какъ ты смѣешь, подлый человѣкъ!..

— О чемъ ты? Помилуй... Ну, ну, не буду! Успокойся. Да и я не думалъ, что ты этому придаешь такое значеніе...

— Чему придаю значеніе? Чему? Говори, говори все. Не лукавь, не вилай!..

— Э, вздоръ! Зачѣмъ горячиться? Стоить ли такимъ друзьямъ, какъ мы, ссориться изъ-за пустяковъ? Выпьемъ-ка за твое здоровье, *In vino veritas!*

И мы пили, и продолжали этотъ разговоръ.

Нѣтъ, нѣтъ, довольно!.. Забыть скорѣе! Конечно. Не буду я больше никогда говорить съ нимъ объ учителѣ. Онъ — врагъ не только ему, но и мнѣ. Онъ — злой человѣкъ.

Гадко мнѣ, — не знаю, отъ вина ли выпитаго въ проклятомъ кабацкѣ, или оттого, что мы тамъ говорили. Стыдно подумать, какую подлую радость могутъ находить люди, унижая великаго.

* * *

Учитель сказалъ:

— Художникъ, сила твоя — въ одиночествѣ. Когда ты одинъ, ты весь принадлежишь себѣ — *se tu sagai solo, tu sagai tutto tuo* когда же ты хотя бы съ однимъ товарищемъ, ты себѣ принадлежишь только на половину — или еще менѣе, сообразно съ нескромностью друга. Имѣя нѣсколько друзей, ты еще глубже впадешь въ то же бѣдствіе. И если ты скажешь: я отойду отъ васъ и буду одинъ, чтобы свободнѣе предаваться созерцанію природы — я говорю тебѣ, — это едва ли удастся, потому что ты не будешь въ силахъ не развлекаться, не прислушиваться къ болтовнѣ. Дѣйствуя такъ, ты будешь плохимъ товарищемъ и еще худшимъ работникомъ, ибо никто не можетъ служить двумъ господамъ. И если ты возразишь: я отойду такъ далеко, чтобы вовсе не слышать ихъ разговора, — я скажу тебѣ, что они сочтутъ тебя за сумасшедшаго, — и все-таки ты останешься одинъ. Но, если ты непремѣнно хочешь имѣть друзей, пусть это будутъ живописцы и ученики твоей мастерской. Всякая иная дружба опасна. Помни, художникъ, сила твоя — въ одиночествѣ.

* * *

Теперь я понимаю, почему Леонардо удаляется отъ женщинъ. Для великаго созерцанія нужна ему великая тишина и свобода.

* * *

[Андреа Салаино иногда горько жалуется на скуку, на нашу трудную, однообразную и уединенную жизнь, увѣряя, что ученики другихъ мастеровъ живутъ куда веселѣе. Какъ молодая дѣвушка, любить онъ

обновки и горюетъ, что доказывать ихъ некому. Ему хотѣлось бы праздниковъ, шума, блеска, толпы и влюбленныхъ взоровъ.

Сегодня учитель, выслушавъ упреки и жалобы своего баловня, обычнымъ движеніемъ руки началъ гладить его длинные, мягкіе локоны и отвѣтилъ ему съ доброй усмѣшкой:

— Не горюй, мальчикъ. Я обѣщаю тебя взять на слѣдующій праздникъ въ Замокъ. А теперь, хочешь, расскажу я тебѣ басенку?

— Да, да, расскажите, учитель! Вы такъ давно не рассказывали!— обрадовался Андрэа, какъ дитя, и, приготовляясь внимательно слушать, сѣлъ у ногъ Леонардо.

— На высококомъ мѣстѣ надъ большою дорогою,—такъ началъ мастеръ,—тамъ, гдѣ кончался оградой садъ, лежалъ камень, окруженный, деревьями, мохомъ, цвѣтами и травами. Однажды, когда онъ увидѣлъ множество камней внизу на большой дорогѣ, захотѣлось ему къ нимъ и сказалъ онъ себѣ: «какая мнѣ радость въ этихъ изнѣженныхъ недолговѣчныхъ цвѣтахъ и травахъ. Я желалъ бы жить среди ближнихъ и братьевъ моихъ, среди себѣ подобныхъ камней!» И камень скатился на большую дорогу къ тѣмъ, кого называлъ онъ своими ближними и братьями. Но здѣсь колеса тяжелыхъ повозокъ стали давить его, копыта ослонъ, муловъ и гвоздями подкованные сапоги прохожихъ—топтать. Когда же порою удавалось ему немного подняться, и онъ мечталъ вздохнуть свободнѣе, липкая грязь или калъ животныхъ покрывали его. Печально смотрѣлъ онъ на прежнее мѣсто, свое уединенное убѣжище въ саду, и оно казалось ему раемъ. Такъ бываетъ съ тѣми, Андрэа, кто покидаетъ тихое созерцаніе и погружается въ страсти толпы, полныя вѣчнаго зла.

* * *

Учитель не позволяетъ, чтобы причиняли какой либо вредъ живымъ тварямъ, даже растеніямъ. Механикъ Зороастро да Перетола рассказывалъ мнѣ, что Леонардо съ юныхъ лѣтъ не вкушаетъ отъ мяса и говоритъ, что наступитъ время, когда всѣ люди, подобно ему, будутъ довольствоваться растительною пищею, полагая убійство животныхъ столь же преступнымъ, какъ убійство человѣка.

Проходя однажды мимо мясной лавки на Мэркато-Ново и съ отвращеніемъ указывая на туши телятъ, овецъ, быковъ и свиней на распоркахъ,—онъ сказалъ мнѣ:

— Да, воистину человѣкъ есть царь животныхъ, или лучше сказать—царь звѣрей—*re delle bestie*, потому что звѣрство его величайшее.

И помолчавъ, прибавилъ съ тихою, глубокою грустью:

— *Facciamo nostra vita coll'altrui morta!* Мы дѣлаемъ нашу жизнь изъ чужихъ смертей! Люди и звѣри суть вѣчныя пристанища мертвецовъ—*albergo de morti*, могилы одинъ для другого...

— Таковъ законъ природы, чью благость и мудрость вы же сами, учитель, такъ прославляете!—возразилъ Чезаре.—Я удивляюсь, зачѣмъ

воздержаніемъ отъ мяса нарушаете вы этотъ естественный законъ, повелѣвающій всѣмъ тварямъ пожирать другъ друга.

Леонардо посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ задумчиво:

— Природа, находя безконечную радость въ изобрѣтеніи новыхъ формъ, въ созиданіи новыхъ жизней и производя ихъ съ большею скоростью, чѣмъ время можетъ истребить, устроила такъ, чтобы одни твари, питаясь другими, очищали мѣсто для грядущихъ поколѣній. Вотъ почему нерѣдко посылаетъ она заразы и повѣтрія туда, гдѣ чрезмѣрно размножились твари, въ особенности люди, у которыхъ избытокъ рожденій не уравновѣшенъ смертями, ибо остальные не пожираютъ ихъ.

Такъ Леонардо, хотя съ великимъ спокойствіемъ разума объясняетъ естественные законы природы, не возмущаясь противъ нихъ и не сѣтуя, самъ поступаетъ по иному закону, воздерживаясь отъ употребленія въ пищу всего, что имѣетъ въ себѣ дыханіе и жизнь.

* * *

Вчера ночью долго читалъ я книгу, съ которой никогда не расстаюсь,—«Маленькіе Цвѣты св. Франциска»—«Fioretti di S. Eganesco» Францискъ такъ же, какъ Леонардо, миловалъ тварей. Иногда, вмѣсто молитвы, прославляя мудрость Божью, цѣлыми часами на пчельникѣ среди ульевъ наблюдалъ онъ, какъ пчелы лѣпять восковыя кельи и наполняютъ ихъ медомъ. Однажды на пустынной горѣ проповѣдовалъ птицамъ слово Господне. Онѣ сидѣли у ногъ его рядами и слушали. Когда же онъ кончилъ, встрепенулись, захлопали крыльями, защебетали и, открывая клювы, начали ласкаться головками о ризы Франциска, какъ бы желая сказать ему, что поняли проповѣдь. Онъ благословилъ ихъ, и онѣ улетѣли въ небо съ радостнымъ крикомъ.

Долго читалъ я. Потомъ уснулъ. Казалось, этотъ сонъ былъ полонъ тихимъ вѣяніемъ голубиныхъ крылъ.

Я проснулся рано. Солнце только что встало. Всѣ въ домѣ еще спали. Я пошелъ на дворъ, чтобы умыться холодною водою изъ колодезя. Было тихо. Звукъ дальнихъ колоколовъ походилъ на жужжаніе пчелъ надъ цвѣтами. Пахло дымной свѣжестью. Вдругъ услышалъ я, какъ бы изъ сна моего, трепетаніе безчисленныхъ крылъ. Я поднялъ глаза и увидѣлъ мессера Леонардо на лѣстницѣ высокой голубятни.

Съ волосами, пронизанными солнцемъ, окружавшими голову его, какъ золотое сіяніе, стоялъ онъ въ небесахъ, одинокій и радостный. Стая бѣлыхъ голубей, воркуя, тѣснилась у ногъ его. Они порхали вокругъ него, доверчиво сажались ему на плечи, на руки, на голову. Онъ ласкалъ ихъ и кормилъ изо рта. Потомъ взмахнулъ руками, точно благословилъ,—и голуби взвились, зашепестѣли шелковымъ шелестомъ крыльевъ, полетѣли, какъ бѣлые хлопья снѣга, тая въ лазури небесъ. Онъ проводилъ ихъ нѣжной улыбкой, и я подумалъ, что Леонардо похожъ на святого Франциска, великаго друга всѣхъ живыхъ тварей,

*

который называлъ вѣтеръ братомъ своимъ, воду—сестрою, землю—матерью.

* * *

Да простить мнѣ Богъ,—опять я не вытерпѣлъ, опять пошли мы съ Чезаре въ проклятый кабакъ. Я заговорилъ съ нимъ о милосердіи учителя.

— Ужъ не о томъ ли ты, Джіованни, что мессэръ Леонардо мяса не вкушаетъ, Божьими травками питается?

— А если бы и о томъ, Чезаре? Я знаю...

— Ничего ты не знаешь!—перебилъ онъ меня.—Мессэръ Леонардо дѣлаетъ это вовсе не отъ доброты, а только забавляется, какъ и всѣмъ остальнымъ,—чудачить, кродствуесть...

— Какъ кродствуесть? Что ты говоришь?..

Онъ засмѣялся съ притворною веселостью:

— Ну, ну, хорошо! Спорить не будемъ. А лучше погоди, вотъ ужъ, какъ придемъ домой, я покажу тебѣ нѣкоторые любопытные рисунки нашего мастера...

Вернувшись, мы потихоньку, точно воры, прокрались въ мастерскую учителя. Его тамъ не было. Чезаре пошарилъ, вынулъ тетрадь изъ подъ груды книгъ на рабочемъ столѣ и началъ мнѣ показывать рисунки. Я зналъ, что поступаю нехорошо, но не имѣлъ силы противиться и смотрѣлъ съ любопытствомъ.

Это были изображенія гигантскихъ бомбардъ, разрывныхъ ядеръ, многоствольныхъ пушекъ и множества другихъ военныхъ машинъ, исполненныя съ такою же воздушною нѣжностью тѣней и свѣта, какъ лица самыхъ прекрасныхъ изъ его Мадоннъ. Помню я одну бомбу, величиною въ половину локтя, называемою «фрагиликою», устройство которой объяснилъ мнѣ Чезаре: вылита она изъ бронзы, внутренняя полость набита пенькою съ гипсомъ и рыбьимъ клеемъ, шерстяными пострижками, дегтемъ, сѣрою, и на подобіе лабиринта, переплетаются въ ней мѣдныя трубы, обмотанныя крѣпчайшими воловьими жилами, начиненныя порохомъ и пулями. Устья трубъ расположены винтообразно на поверхности бомбы. Черезъ нихъ вылетаетъ огонь при взрывѣ, и фрагилика вертится, прыгаетъ съ неимоверной скоростью, какъ исполинскій волчокъ, выхаркивая огненные снопы. Рядомъ, на поляхъ рукою Леонардо было написано: «это—бомба самаго прекраснаго и полезнаго устройства. Зажигается черезъ столько времени послѣ пушечнаго выстрѣла, сколько нужно для того, чтобы прочесть Ave Maria».

— Ave Maria!—повторилъ Чезаре.—Какъ тебѣ это нравится, другъ? Неожиданное употребленіе христіанской молитвы! И затѣйникъ же мессэръ Леонардо! Ave Maria—рядомъ съ эдакимъ чудовищемъ! Чего только не придумаетъ... А кстати, знаешь ли, какъ онъ войну называетъ?

— Какъ?

— Pazzia bestialissima.—Самая звѣрская глупость.—Неправда ли, недурное словечко—въ устахъ изобрѣтателя такихъ машинъ?..

Онъ перевернулъ листъ и показалъ мнѣ изображеніе боевой колесницы съ громадными желѣзными косами. На всемъ скаку врѣзается она во вражье войско. Огромныя, стальные, серпообразныя, острыя, какъ бритвы, лезвія, подобныя лапамъ исполинскаго паука, вращаясь въ воздухѣ, должно быть, съ пронзительнымъ свистомъ, визгомъ и скрипомъ зубчатыхъ колесъ, разбрасывая клочья мяса и брызги крови, разсѣкають людей пополамъ. Кругомъ валяются отрѣзанныя ноги, руки, головы, разрубленныя туловища.

Помню я также другой рисунокъ: на дворѣ арсенала рои нагихъ работниковъ, похожихъ на демоновъ, поднимають громадную пупку съ грозно-зіяющимъ жерломъ, напрягая могучія мышцы въ неимоверномъ усилии, цѣпляясь, упираясь ногами и руками въ рычаги гигантскаго ворота, соединеннаго канатами съ подъемной машиной. Другіе подкапываютъ ось на двухъ колесахъ. Ужасомъ вѣяло на меня отъ этихъ гроздій голыхъ тѣлъ, висящихъ въ воздухѣ. Это казалось оружейною палатою дьяволовъ, кузницею ада.

— Ну что? Правду я тебѣ говорилъ, Джіованни,—молвилъ Чезаре,—прелюбопытные рисуночки? Вотъ онъ, блаженный мужъ, который тварей милуетъ, отъ мяса не вкушаетъ, червяка съ дороги подымаетъ, чтобы прохожіе ногой не растоптали! И то, и другое—вмѣстѣ. Сегодня кромѣшникъ, завтра угодникъ. Янусъ двуликій! Одно лицо—ко Христу, другое—къ Антихристу. Поди, разбери,—какое истинное, какое ложное. Или оба—истинныя?.. И вѣдь все это—съ легкимъ сердцемъ, съ тайной плѣнительной прелести, какъ будто шутя да играя!..

Я слушалъ, молча. Холодъ, подобный холоду смерти, пробѣгалъ у меня по сердцу.

— Что съ тобой, Джіованни?—замѣтилъ Чезаре.—Лица на тебѣ нѣтъ, бѣдненькій! Слишкомъ ты все это къ сердцу принимаешь, другъ мой... Погоди,—стерпится, слюбится. Привыкнешь,—ничему удивляться не будешь, какъ я.—А теперь вернемся-ка въ погребъ Золотой Черепи да выпьемъ снова...

Dum vivam potamus...
 Вору Вакху пропоемъ:
Te Deum laudamus...

Я ничего не отвѣтилъ, закрылъ лицо руками и убѣжалъ отъ него.

* * *

Какъ? Одинъ человѣкъ—и тотъ, кто благословляетъ голубей съ невинной улыбкой, подобно святому Франциску,—и тотъ,—въ кузницѣ ада, изобрѣтатель желѣзнаго чудовища съ окровавленными паучьими лапами,—одинъ человѣкъ!—Нѣтъ, быть этого не можетъ, нельзя этого вынести. Лучше все,—только не это! Лучше—безбожникъ, чѣмъ слуга Бога и дьявола вмѣстѣ, ликъ Христа и Сфорцы-Насильника вмѣстѣ!

* * *

Сегодня Марко д'Оджіоне сказалъ:

— Мессэръ Леонардо, многіе обвиняють тебя и насъ, учениковъ твоихъ, въ томъ, что мы слишкомъ рѣдко ходимъ въ церковь и въ праздники работаемъ, какъ въ будни...

— Пусть ханжи говорятъ, что угодно,—отвѣчалъ Леонардо,—да не смущается сердце ваше, друзья мои. Изучать явленія природы—есть Господу удобное дѣло. Это—все равно, что молиться. Познавая законы естественные, мы тѣмъ самымъ прославляемъ перваго Изобрѣтателя, Художника вселенной и учимся любить Его, ибо великая любовь къ Богу проистекаетъ изъ великаго познанія. Кто мало знаетъ, тотъ мало любитъ. Если же ты любишь Творца за милости, которыхъ ждешь отъ Него, а не за высочайшую благость и силу Его,—ты подобенъ псу, который виляетъ хвостомъ и лижетъ хозяину руку въ надеждѣ лаковой подачки. Подумай, насколько бы сильнѣе любилъ песь господина своего, постигнувъ душу и разумъ его. Помните же, дѣти мои, любовь есть дочь познанія. Любовь—тѣмъ пламеннѣе, чѣмъ познаніе точнѣе. И въ Евангеліи сказано: будьте мудры, какъ зміи, и просты, какъ голуби.

— Можно ли соединить,—возразилъ Чезаре,—мудрость змія съ простотою голубя? Мнѣ кажется, надо выбрать одно изъ двухъ...

— Нѣтъ,—вмѣстѣ!—молвилъ Леонардо.—Вмѣстѣ,—одно безъ другого невозможно. Совершенное знаніе и совершенная любовь—одно и то же.

* * *

Сегодня, читая Апостола Павла, я нашелъ въ восьмой главѣ Перваго Посланія къ Коринтеянамъ слѣдующія слова: «знаніе надмѣваетъ, а любовь назидаетъ. Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ, какъ должно знать. Но кто любитъ Бога, тому дано знаніе отъ Него».

Апостолъ утверждаетъ: познаніе изъ любви, а Леонардо—любовь изъ познанія. Кто правъ? Я этого не могу рѣшить и не могу жить, не рѣшивъ.

* * *

Кажется мнѣ, что я заблудился въ извилинахъ страшнаго лабиринта. Кричу, зываю—и нѣтъ мнѣ отклика. Чѣмъ дальше иду, отыскивая выхода, тѣмъ больше путаюсь. Гдѣ я? Что со мною будетъ ежели и ты меня покидаешь, Господи?

* * *

О, Фра Бенедетто, какъ бы мнѣ хотѣлось вернуться въ твою тихую келью, рассказать тебѣ всю мою муку, припасть къ твоей груди, чтобы ты пожалѣлъ меня, снялъ съ души моей эту тяжесть, отче возлюбленный, овечка моя смиренная, исполнившая Христову заповѣдь: блаженны нищіе духомъ.

Сегодня—новое несчастіе.

Придворный лѣтописецъ, мессэръ Джорджіо Мэрула и старый

другъ его, поэтъ Бернардо Беллинчioni вели бесѣду наединѣ въ пустынной залѣ дворца. Дѣло происходило послѣ ужина. Мэрула былъ навеселѣнъ и, по своему обыкновенію, хвастая вольнолюбивыми мечтами, презрѣніемъ къ ничтожнымъ государямъ нашего вѣка, непочтительно отозвался о герцогѣ Моро и, разбирая одинъ изъ советовъ Беллинчioni, въ которомъ прославляются благодѣянія, будто бы оказанныя герцогомъ Джіану-Галеаццо,—назвалъ Моро убійцей, отравителемъ законнаго герцога. Благодаря искусству, съ которымъ устроены были трубы Діонисіева Уха, герцогъ изъ дальняго покоя услышалъ этотъ разговоръ, велѣлъ схватить Мэрулу и бросить въ темницу подъ главнымъ крѣпостнымъ рвомъ Редифоссо, окружающимъ Замокъ.

Что-то думаетъ объ этомъ Леонардо, который устраивалъ Діонисіево Ухо, не помышляя о злѣ и добрѣ, изучая любопытные законы «шутя да играя», по выраженію Чезаре,—такъ же, какъ онъ дѣлаетъ все,—изобрѣтаетъ чудовищныя военныя машины, разрывныя бомбы, желѣзныхъ пауковъ, разсѣивающихъ однимъ взмахомъ громадныхъ лапъ съ полсотни людей?

* * *

Апостолъ говоритъ: «отъ знанія твоего погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ».

Изъ такого ли знанія прористекаетъ любовь? Или знаніе и любовь—не одно и то же?

* * *

Порой лицо учителя такъ ясно и невинно, полно такой голубиной чистотою, что я все готовъ простить, всему повѣрить—и снова отдать ему душу мою. Но вдругъ въ непонятныхъ изгибахъ тонкихъ губъ мелькаетъ выраженіе, отъ котораго мнѣ становится страшно, какъ будто я заглядываю сквозь прозрачную глубину въ подводныя пропасти. И опять мнѣ кажется, что есть въ душѣ его тайна, и я вспоминаю одну изъ его загадокъ:

«Величайшія рѣки текутъ подъ землею».

* * *

Умеръ герцогъ Джіанъ Галеаццо.

Говорятъ,—о видитъ Богъ, рука едва подымается написать это слово, и я ему не вѣрю!—говорятъ, Леонардо—убійца,—онъ будто бы отравилъ герцога плодами ядовитаго дерева.

Помню, какъ механикъ Зороастро да Перетола показывалъ мнѣ Кассандрѣ это проклятое дерево. Лучше бы мнѣ никогда не видать его! Вотъ и теперь оно чудится мнѣ, какимъ было въ ту ночь,—въ мутно-зеленомъ лунномъ туманѣ, съ каплями яда на мокрыхъ листьяхъ, съ тихо-зрѣющими плодами,—окруженное смертью и ужасомъ. И опять звучатъ въ ушахъ моихъ слова Писанія: «отъ Древа Познанія добра и зла, не ѣшь отъ него, ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него—смертію урешь».

О горе, горе мнѣ, окаянному! Нѣкогда въ сладостной кельи отца моего Бенедетто, въ невинной простотѣ я былъ, какъ первый человѣкъ въ раю. Но согрѣшивъ, предалъ душу мою искушеніямъ мудраго Змія, вкусилъ отъ Древа Познанія,—и се открылись глаза мои, и увидѣлъ я добро и зло, свѣтъ и тѣнь, Бога и Дьявола, и еще увидѣлъ я, что есмь нагъ и сиръ, и нищъ,—и смертью душа моя умираетъ.

* * *

Изъ преисподней вопію къ Тебѣ, Господи, внемли гласу моленія моего, услышь и помилуй меня! Какъ разбойникъ на крестѣ исповѣдую имя Твое: помяни мя, Господи, егда придеши во Царствіе Твое!

* * *

Леонардо снова началъ ликъ Христа.

* * *

Герцогъ поручилъ ему устройство машины для подъема Святѣйшаго Гвоздя.

Съ математической точностью онъ взвѣситъ на вѣсахъ орудіе Страстей Господнихъ, какъ обломокъ стараго желѣза,—столько-то унцій, столько-то гранъ,—и святыня для него—только цифра между цифрами, только часть между частями подъемной машины,—веревками, колесами, рычагами и блоками.

* * *

Апостолъ говоритъ: «дѣти, наступаетъ послѣднее время. И какъ вы слышали, что придетъ Антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ, то мы познаемъ изъ того, что наступаетъ послѣднее время».

* * *

Ночью толпа народа, окруживъ нашъ домъ, требовала Святѣйшаго Гвоздя и кричала: «скодунъ, безбожникъ, отравитель герцога, антихристъ!» Леонардо слушалъ вопли черни безъ гнѣва. Когда Марко д'Оджионе хотѣлъ стрѣлять изъ аркебузы, онъ запретилъ ему. Лицо учителя было спокойно и непроницаемо, какъ всегда.

Я упалъ къ его ногамъ и молилъ сказать мнѣ хотя бы единое слово, чтобы разсѣять мои сомнѣнія. Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ,—я повѣрилъ бы! Но онъ не хотѣлъ или не могъ мнѣ сказать ничего.

Маленькій Джьякопо, выскользнувъ изъ дома, обѣжалъ толпу, черезъ нѣсколько улицъ встрѣтилъ обходъ стражи, всадниковъ Капитана Джустиччи, привелъ ихъ къ дому,—и въ то самое мгновеніе, когда сломанныя двери уже валились подъ напоромъ толпы, солдаты ударили на нее съ тылу. Бунтовщики разбѣжались. Джьякопо раненъ камнемъ въ голову,—едва не убитъ.

* * *

Сегодня былъ я въ Соборѣ на праздникъ Святѣйшаго Гвоздя. Подняли его въ мгновеніе опредѣленное астрологами. Машина Лео-

нарко дѣйствовала какъ нельзя лучше. Ни веревокъ, ни блоковъ не было видно. Казалось, что круглый сосудъ съ хрустальными стѣнками и золотыми лучами, въ который былъ заключенъ Гвоздь, возносится самъ собою въ облакахъ эниама, подобно восходящему солнцу. Это было торжество и чудо механики. Грянулъ хоръ:

Confixa Clavis viscera,
Tendens manus vestigia,
Redemptionis gratia
Hic immolata est Hostia.

И ковчегъ остановился въ темной аркѣ надъ главнымъ алтаремъ Собора, окруженный пятью неугасимыми лампадами.

Архіепископъ возгласилъ:

— O Crux benedicta, quae sola fuisti digna portare Regem caelorum et Dominum. Alleluia!

Народъ упалъ на колѣни, повторяя за нимъ: Аллилуйя!

И похититель престола, убійца Моро со слезами поднялъ руки къ Святѣйшему Гвоздю.

Потомъ угощали народъ виномъ, тушами быковъ, пятью тысячами мѣръ гороха и двумястами пудовъ сала. Чернь, забывъ убитаго герцога, объѣдаясь и пьянствуя, воила: «да здравствуетъ Моро! Да здравствуетъ Гвоздь!»

Беллинцони сочинилъ гексаметры, въ которыхъ говорится, что подъ кроткимъ владычествомъ Августа, богами любимаго Моро, возсіяетъ міру изъ древняго желѣзнаго Гвоздя новый Вѣкъ Золотой.

Выходя изъ Собора, герцогъ подошелъ къ Леонардо, обнялъ его, поцѣловалъ въ уста, называя своимъ Архимедомъ, поблагодарилъ за дивное устройство подъемной машины и обѣщалъ ему пожаловать чистокровную берберійскую кобылу изъ собственнаго коннаго завода на виллѣ Сфорцескѣ, съ двумя тысячами имперскихъ дукатовъ,—потомъ, снисходительно потрепавъ по плечу, сказалъ, что теперь мастеръ можетъ кончать на свободѣ ликъ Христа въ Тайной Вечери.

* * *

Я появлъ слово Писанія: «человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ».

Не могу я больше терпѣть. Погибаю, съ ума схожу отъ этихъ двоящихся мыслей, отъ лика Антихриста сквозь ликъ Христа.—Зачѣмъ Ты покинулъ меня, Господи?

* * *

Надо бѣжать, пока еще не поздно.

* * *

Я всталъ ночью, связалъ платье, бѣлье и книги въ походный узелъ, взялъ дорожную палку, въ темнотѣ ошупью спустился внизъ, въ мастерскую, положилъ на столъ тридцать флориновъ, плату за послѣдніе шесть мѣсяцевъ ученія,—чтобы выручить ихъ я продалъ кольцо съ

изумрудомъ, подарокъ моей матери, — и ни съ кѣмъ не простившись, — всѣ еще спали, — ушелъ изъ дома Леонардо навѣки.

* * *

Фра Бенедетто сказалъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ его, онъ каждую ночь молился обо мнѣ, и было ему видѣніе о томъ, что Богъ возвратилъ меня на путь истинный.

Фра Бенедетто идетъ во Флоренцію для свиданія съ большимъ своимъ братомъ доминиканцемъ въ монастырѣ Санъ-Марко, гдѣ настоятелемъ Джироламо Савонарола.

* * *

Хвала и благодареніе Тебѣ, Господи! Ты извлекъ меня изъ тѣни смертной, изъ пасти адовой.

Нынѣ отрекаюсь отъ мудрости вѣка сего, запечатлѣнной печатью Змія Седмглаваго, Звѣря, грядущаго во тьмѣ, именуемаго Антихристомъ.

Отрекаюсь отъ плодовъ ядовитаго Древа Познанія, отъ гордыни суетнаго разума, отъ богопротивной науки, коей отецъ есть Дьяволъ.

Отрекаюсь отъ всякаго соблазна языческой прелести.

Отрекаюсь отъ всего, что — не воля Твоя, не слава Твоя, не мудрость Твоя, Христе Боже мой!

Просвѣти душу мою свѣтомъ единымъ Твоимъ, избавь отъ проклятыхъ двоящихся мыслей, утверди шаги мои на путяхъ Твоихъ, да не колеблются стопы мои, укрой меня подъ сѣнью крылъ Твоихъ.

Хвали душа моя Господа! Буду восхвалять Господа, доколѣ живъ, буду пѣть Богу моему, доколѣ есмь!

* * *

Черезъ два дня мы съ фра Бенедетто идемъ во Флоренцію. Съ благословенія отца моего хочу быть послушникомъ въ обители Санъ-Марко у великаго избранника Господня, фра Джироламо Савонаролы. — Богъ спасъ меня.

Этими словами кончался дневникъ Джіованни Бельтраффіо.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Сожженіе Суеть

1496.

Чѣмъ больше чувства, — тѣмъ больше муки.
 Великое мученичество! Grande martirio!

Леонардо да Винчи.

Человѣкъ съ двоющимися мыслями.

Посланіе Іакова. I, 8.

1.

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ Бельтраффіо поступилъ послушникомъ въ обитель Санъ-Марко.

Однажды, послѣ полудня, въ концѣ карнавала тысячу четыреста девяносто шестого года, Джироламо Савонарола, сидя за рабочимъ столомъ въ своей кельѣ, записывалъ недавно бывшее ему отъ Бога видѣніе Двухъ Крестовъ надъ городомъ Римомъ, — чернаго въ смертоносномъ вихрѣ, съ надписью—Крестъ Гнѣва Господня, и сіяющаго въ лазури, съ надписью—Крестъ Милосердія Господня.

Блѣдный лучъ февральскаго солнца проникалъ черезъ рѣшетчатое окно въ тѣсную келью съ бѣлыми голыми стѣнами, большимъ Распятіемъ и толстыми книгами на полкахъ въ старинныхъ кожаныхъ переплетахъ. Порою изъ голубого неба долетали крики ласточекъ.

Джироламо чувствовалъ усталость и лихорадочный ознобъ. Отложивъ перо, опустилъ онъ голову на руки, закрылъ глаза и сталъ припоминать то, что слышалъ въ это утро о жизни папы Александра VI Борджіа отъ смиреннаго фра Паголо, монаха посланнаго въ Римъ для развѣдокъ и только что вернувагося во Флоренцію.

Какъ видѣнія Апокалипсиса, проносились передъ глазами Савонаролы чудовищные образы: багряный Быкъ изъ родословнаго щита испанцевъ Борджіа, подобіе древняго египетскаго Аписа, Золотой Телецъ, предносимый римскому первосвященнику, вмѣсто кроткаго Агнца Господня, — безстыдныя игрища ночью послѣ пира въ залахъ Ватикана передъ Святѣйшимъ Отцемъ, его возлюбленной дочерью и толпой кардиналовъ, — прекрасная Джулія Фарнезе, молодая наложница шестидесятилѣтняго папы, изображаемая на иконахъ, — двое старшихъ сыновей Александра, Донъ-Цезарь, юный кардиналъ Валенцы и Донъ-Жуанъ, знаменосецъ римской церкви, ненавидящіе другъ друга до каинова братоубійства изъ-за сестры своей Лукреціи.

И Джироламо содрогнулся, вспомнилъ те, о чемъ фра Паголо едва осмѣлился шепнуть ему на ухо, — странныя отношенія отца къ собственной дочери, стараго папы къ мадоннѣ Лукреціи.

— Нѣтъ, нѣтъ, видитъ Богъ, не вѣрю,—клевета... Этого быть не можетъ!—повторялъ онъ и въ тайнѣ чувствовалъ, что все можетъ быть въ страшномъ гнѣздѣ Борджіа.

Холодный потъ выступилъ на лбу монаха. Онъ бросился на колѣни предъ Распятіемъ.

Раздался тихій стукъ въ дверь кельи.

— Кто тамъ?

— Я, отче!

Джироламо узналъ по голосу помощника и вѣрнаго друга своего—брата Доминика Буонвичини.

— Достопочтенный Риччіардо Бэки, довѣренный папы испрашиваетъ позволенія говорить съ тобою.

— Хорошо. Пусть подождетъ. Пошли ко мнѣ брата Сильвестра.

Сильвестро Маруффи былъ слабоумный монахъ, страдавшій падучею. Джироламо считалъ его избраннымъ сосудомъ благодати Господней, любилъ и боялся его, толкуя видѣнія Сильвестро по всѣмъ правиламъ уточненной схоластики великаго Ангела Школы, Ѳомы Аквината, при помощи хитроумныхъ доводовъ, логическихъ посылокъ, энтимемъ, апофтегмъ и силлогизмовъ,—находя пророческій смыслъ въ томъ, что казалось другимъ бессмысленнымъ лепетаніемъ юродиваго. Маруффи не выказывалъ уваженія къ своему настоятелю, нерѣдко поносилъ его, ругалъ при всѣхъ, даже билъ. Джироламо принималъ эти обиды со смиреніемъ и слушался его во всемъ. Если народъ флорентинскій былъ во власти Джироламо, то онъ въ свою очередь былъ въ рукахъ слабоумнаго Маруффи.

Войдя въ келью, братъ Сильвестро усѣлся на полъ въ углу, и, почесывая красныя голыя ноги, замурлыкалъ однообразную пѣсенку. Выраженіе тупое и унылое было на веснупчатомъ лицѣ его съ острымъ какъ шило, носикомъ, отвислою нижнею губою и слезящимися глазками мутно-зеленаго бутылочнаго цвѣта.

— Братъ,—молвилъ Джироламо,—изъ Рима отъ папы прѣхалъ тайный посолъ. Скажи, принять ли его и что ему отвѣтить? Не было ли тебѣ какого-либо видѣнія или гласа?

Маруффи состроилъ шутовскую рожу, залаялъ собакою и захрюкалъ свиньею; онъ имѣлъ даръ подражать въ совершенствѣ голосамъ всѣхъ животныхъ.

— Братецъ милый,—упрашивалъ его Савонарола,—будь добрымъ, молви словечко! Душа моя тоскуетъ смертельно. Помолись Богу, да испошлетъ Онъ тебѣ духа пророческаго.

Юродивый высунулъ языкъ. Лицо его исказилось.

— Ну, чего ты, чего ты лѣзешь ко мнѣ, свистунъ окаянный, перепелъ безмозглый, баранья твоя голова! У... чтобъ тебѣ крысы носъ отъѣли! — крикнулъ онъ съ неожиданнымъ порывомъ злобы.—Самъ заварилъ, самъ и расхлебывай. Я тебѣ не пророкъ, не совѣтчикъ!

Онъ взглянулъ на Савонаролу изподлобья, вздохнулъ и продолжалъ другимъ болѣ тихимъ, ласковымъ голосомъ:

— Жалко мнѣ тебя, братецъ, ой, жалко глупенькаго... И почему ты знаешь, что видѣнія мои отъ Бога, а не отъ дьявола?

Сильвестро умолялъ, смежилъ вѣки, и лицо его сдѣлалось неподвижнымъ, какъ бы мертвымъ. Савонарола, думая, что это видѣніе—замеръ въ благоговѣйномъ ожиданіи. Но Маруффи открылъ глаза, медленно повернулъ голову, точно прислушиваясь, посмотрѣлъ въ окно и съ доброй, свѣтлой, почти разумной улыбкой проговорилъ:

— Птички, слышишь, птички. Небось теперь и травка въ полѣ, и желтые цвѣтики. Эхъ, братъ Джироламо, довольно ты здѣсь намутилъ, гордыню свою потѣшилъ, бѣса порадовалъ,—будетъ! Надо же и о Богѣ подумать. Пойдемъ-ка мы съ тобой отъ міра окаяннаго въ пустыню любезную.

И онъ запѣлъ пріятнымъ тихимъ голосомъ, покачиваясь:

Въ лѣса пойдемъ зеленые,
Въ невѣдомый пріютъ,
Гдѣ бьютъ ключи студеные,
Да иволги поютъ.

Вдругъ вскочилъ,—желѣзные вериги звякнули на тѣлѣ его,—подбѣжалъ къ Савонаролѣ, схватилъ его за руку и прошепталъ, какъ будто задыхаясь отъ ярости:

— Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ!.. У, чертовъ сынъ, ослиная твоя голова, чтобъ тебѣ крысы носъ отъѣли,—видѣлъ!..

— Говори, братецъ, говори же скорѣй...

— Огонь! огонь!—произнесъ Маруффи.

— Ну, ну, что же далѣе?

— Огонь костра,—продолжалъ Сильвестро,—и въ немъ человѣкъ!..

— Кто?—спросилъ Джироламо.

Маруффи кивнулъ головою, но отвѣтилъ не вдругъ. Сначала вперилъ въ глаза Савонаролы свои пронзительные зеленые глазки и засмѣялся тихимъ смѣхомъ, какъ сумашедшій, потомъ наклонился и шепнулъ ему на ухо:

— Ты!

Джироламо вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и отступилъ въ ужасѣ.

Маруффи отвернулся отъ него, вышелъ изъ кельи и удалился, позвякивая веригами, напѣвая пѣсенку:

Пойдемъ въ лѣса зеленые,
Въ невѣдомый пріютъ,
Гдѣ бьютъ ключи студеные,
Да иволги поютъ.

Опомнившись, Джироламо велѣлъ позвать довѣреннаго папы Риччардо Бѣкки.

II.

Шурша длиннымъ, похожимъ на рясу монаха, шелковымъ платьемъ моднаго цвѣта мартовской фіалки, съ откидными венеціанскими рукавами, съ опушкою изъ чернубураго лисьяго мѣха, распространяя вѣяніе мускусной амбры,—въ келью Савонаролы вошелъ скрипторъ святѣйшей апостолической канцеляріи. Мессэръ Риччіардо-Бэкки обладалъ тою елейностью во всѣхъ движеніяхъ, въ умной и величаво-ласковой улыбкѣ, въ ясныхъ почти простодушныхъ глазахъ, въ любезныхъ смѣющихся ямочкахъ свѣжихъ гладко-выбритыхъ щекъ, которая свойственна была вельможамъ римскаго двора.

Онъ попросилъ благословенія, выгибая спину съ полу придверною ловкостью, поцѣловалъ исхудалую руку пріора Сантъ-Марко, и заговорилъ по-латински, съ изящными цicerоновскими {оборотами рѣчи, съ длинными, плавно развивающимися предложеніями.

Начавъ издалека тѣмъ, что въ правилахъ ораторскаго искусства называется «исканіемъ благоволенія», упомянулъ онъ о славѣ флорентинскаго проповѣдника. Затѣмъ перешелъ къ дѣлу: святѣйшій отецъ, хотя справедливо разгнѣванный упорными отказами брата Джироламо явиться въ Римъ, но, пылая ревностью ко благу церкви, къ совершенному единенію вѣрныхъ во Христѣ, къ миру всего міра, желая не погибели, а спасенія вѣреннаго ему стада, изъявляетъ отеческую готовность, въ случаѣ раскаянія Савонаролы, вернуть ему свою милость.

Монахъ поднялъ глаза и тихо сказалъ:

— Мессэре, какъ полагаете вы, святѣйшій отецъ нашъ пана вѣруетъ въ Бога?

Риччіардо не отвѣтилъ, какъ будто не разслышалъ, или нарочно пропустилъ мимо ушей этотъ неприличный вопросъ, и, опять заговоривъ о дѣлѣ, намекнулъ, что высшій чинъ духовной іерархіи—красная кардинальская шапка, ожидаетъ брата Джироламо въ случаѣ покорности и, быстро наклонившись къ монаху, дотронувшись пальцемъ до руки его, прибавилъ съ вкрадчивой улыбкой:

— Словечко, отецъ Джироламо, только словечко,—и красная шапка за вами!

Савонарола устремилъ на собесѣдника неподвижные глаза свои и проговорилъ медленно:

— А что, ежели я, мессэре, не покорюсь,—не замолчу? Что, ежели безразсудный монахъ отвергнетъ честь римскаго пурпура, не польстится на вашу красную шапку, не перестанетъ лаять, охраняя домъ Господина своего, какъ вѣрный песъ, которому рта не заткнешь никакою подачкою?

Риччіардо съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, слегка поморщился, поднялъ брови, задумчиво полюбовался на свои ногти гладкіе и продолговатые, какъ миндаины, и поправилъ перстни. Потомъ нето-

ропливо вынулъ изъ кармана, развернулъ и подалъ пріору готовое къ подписи и приложенію великой свинцовой печати Рыбаря отлученіе отъ церкви брата Джироламо Савонаролы, гдѣ, между прочимъ, папа называлъ его «сыномъ погибели», «презрѣннѣйшимъ насѣкомымъ» — *pequissimus omnipredo*.

— Ждете отвѣта?—молвилъ монахъ, прочитавъ.

Скрипторъ молча склонилъ голову.

Савонарола поднялся во весь ростъ и швырнулъ папскую буллу къ ногамъ посла.

— Вотъ мой отвѣтъ! Ступайте въ Римъ и скажите, что я принимаю вызовъ на поединокъ съ папой Антихристомъ. Посмотримъ, онъ—меня или я его отлучу отъ церкви!

Дверь кельи тихонько отворилась, и братъ Доминико заглянулъ въ нее. Услышавъ громкій голосъ пріора, онъ прибѣжалъ узнать, чтó случилось. У входа столпились монахи.

Риччардо уже нѣсколько разъ оглядывался на дверь и, наконецъ, замѣтилъ вѣжливо:

— Смѣю напомнить, братъ Джироламо, я уполномоченъ лишь къ тайному свиданію...

Савонарола всталъ, подошелъ къ двери и открылъ ее настежь.

— Слушайте!—воскликнулъ онъ.—Слушайте всѣ,—ибо не вамъ однимъ, братья, но всему народу Флоренціи объявляю я объ этомъ гнусномъ торгѣ,—о выборѣ между отлученіемъ отъ церкви и кардинальскомъ пурпуромъ!

Впалые глаза его подъ низкимъ лбомъ горѣли, какъ уголья. Безобразная нижняя челюсть дрожа выступала впередъ, съ выраженіемъ дьявольской гордыни и ненависти.

— Се, время настало! Пойду я на васъ, кардиналы и прелаты римскіе, какъ на язычниковъ! Поверяю ключъ въ замкѣ, отопру сей мерзостный ларчикъ,—и выйдетъ такое зловоніе изъ вашего Рима, что люди отъ смрада задохнутся. Скажу такія слова, отъ которыхъ вы поблѣднѣете, и міръ содрогнется въ своихъ основаніяхъ, и церковь Божія, убитая вами, услышитъ мой голосъ: Лазарь изыде!—и встанетъ и выйдетъ изъ гроба... Ни вашихъ митръ, ни кардинальскихъ шапокъ не надо мнѣ!.. Единую красную шапку смерти, кровавый вѣнецъ твоихъ мучениковъ даруй мнѣ, Господи!..

Онъ упалъ на колѣни, рыдая, протягивая блѣдныя руки къ Распятію.

Риччардо, пользуясь минутой общаго смятенія, ловко выскользнулъ изъ кельи и поспѣшно удалился.

III.

Въ толпѣ монаховъ, внимавшихъ брату Джироламо, былъ послушникъ Джіованни Бельтраффіо.

Когда братья стали расходиться, сошелъ и онъ по лѣстницѣ на главный монастырскій дворъ и сѣлъ на свое любимое мѣсто въ длинномъ крытомъ ходѣ, гдѣ всегда въ это время дня бывало тихо и безлюдно.

Между бѣлыми стѣнами обители росли лавры, кипарисы и кустъ дамасскихъ розъ, подъ тѣнью котораго братъ Джироламо любилъ проповѣдывать. Преданіе гласило, что ангелы ночью поливаютъ эти розы,

Послушникъ открылъ Посланія апостола Павла къ Коринтянамъ и прочелъ:

«Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быти участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской».

Всталъ и началъ ходить по галлерей, припоминая всѣ свои мысли и чувства за послѣдній годъ, проведенный въ обители Санъ-Марко.

Въ первое время вкушалъ онъ великую сладость духовную среди учениковъ Савонаролы. Иногда поутру вводилъ ихъ отецъ Джироламо за стѣны города. Крутою тропинкою, которая вела какъ будто прямо въ небо, подымались они на высоты Фіэзоле, откуда между холмами, въ долинѣ Арно видна была Флоренція. На зеленой лужайкѣ, гдѣ были много фіалокъ, ландышей, ирисовъ и разогрѣтые солнцемъ, стволы молодыхъ кипарисовъ точили смолу,—садился пріоръ. Монахи ложились у ногъ его на траву, плели вѣнки, вели бесѣды, плясали, рѣзвились, какъ дѣти, пока другіе играли на скрипкахъ, альтыхъ и віолахъ, похожихъ на тѣ, съ которыми фра Беато изображаетъ хоры ангеловъ на небѣ

Савонарола не училъ ихъ, не проповѣдовалъ, только говорилъ имъ ласковыя рѣчи, самъ игралъ и смѣялся, какъ ребенокъ. Джіованни смотрѣлъ на улыбку, озарявшую лицо его,—и ему казалось, что въ пустынной рощѣ, полной музыки и гнѣнія, на вершинѣ Фіэзоле окруженной голубыми небесами, подобны они Божьимъ ангеламъ въ раю.

Савонарола подходилъ къ обрыву и съ любовью смотрѣлъ на Флоренцію, окутанную дымкой утра, какъ мать—на спящее дитя. Снизу доносился первый звонъ колоколовъ,—точно сонный младенческой лепетъ.

А въ лѣтнія ночи, когда свѣтляки летали, какъ тихія свѣчи невидимыхъ ангеловъ,—подъ благовонною кущей дамасскихъ розъ на дворѣ Санъ-Марко, рассказывалъ онъ, братьямъ о кровавыхъ стигматахъ,—язвахъ небесной любви на тѣлѣ Святой Катерины Сіенской, подобныхъ ранамъ Спасителя,—благоуханныхъ, какъ розы.

Дай мнѣ болью ранъ утѣться,
Крестной мукой насладиться,—
Мукой Сына Твоего!

пѣли монахи, и Джіованни хотѣлось, чтобы съ нимъ повторилось чудо, о которомъ говорилъ Савонарола,—чтобы огненные лучи, выйдя изъ чашы со святыми Дарами, выжгли въ тѣлѣ его, какъ раскаленное желѣзо, крестныя раны.

Gesù, Gesù, amore!

вздыхалъ онъ, изнемогая отъ нѣги.

Однажды Савонарола послалъ его также, какъ онъ дѣлалъ это съ другими послушниками, ухаживать за тяжело больнымъ на виллѣ Карреджи, находившейся въ двухъ миляхъ отъ Флоренціи, на полуденномъ склонѣ холмовъ Учелатой,—той самой виллѣ, гдѣ подолгу жила и умеръ Лоренцо Медичи. Въ одномъ изъ покоевъ дворца, пустынныхъ и безмолвныхъ, освѣщенныхъ слабымъ, какъ бы могильнымъ, свѣтомъ, сквозь щели запертыхъ ставень, увидѣлъ Джіованни картину Сандро Ботичелли,—рожденіе богини Венеры. Вся бѣлая, словно водяная лилія,—влажная, какъ будто пахнущая соленою свѣжестью моря, скользила она по волнамъ, стоя на жемчужной раковинѣ. Золотыя тяжелыя пряди волосъ висѣли, какъ змѣи. Стыдливымъ движеніемъ руки она прижимала ихъ къ себѣ, закрывая наготу свою, и прекрасное тѣло дышало соблазномъ грѣха, между тѣмъ, какъ невинныя губы, дѣтскія очи полны были странною грустью.

Лицо богини казалось Джіованни знакомымъ. Онъ долго смотрѣлъ на нее и вдругъ вспомнилъ, что такое же точно лицо, такія же дѣтскія очи, какъ будто заплаканныя, такія же невинныя губы, съ выраженіемъ неземной печали, онъ видѣлъ на другой картинѣ того же Сандро Ботичелли,—у Матери Господа. Невыразимое смущеніе наполнило душу его. Онъ потупилъ глаза и ушелъ изъ виллы.

Спускаясь во Флоренцію по узкому переулку, замѣтилъ онъ въ углубленіи стѣны ветхое Распятье, всталъ передъ нимъ на колѣни и началъ молиться, чтобы отогнать искушеніе. За стѣною въ саду, должно быть, подъ сѣнью тѣхъ же розъ, прозвучала мандолина. Кто-то вскрикнулъ, чей-то голосъ произнесъ пугливымъ шепотомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, оставь...

— Милая,—отвѣтилъ другой голосъ,—любовь, любовь моя! Амоге! Лютя упала,—струны зазвенѣли, и послышался звукъ поцѣлуя.

Джіованни вскочилъ, повторяя: *Gesù! Gesù!*—не смѣя прибавить—*Aмоге*.

«И здѣсь, подумалъ онъ, и здѣсь — она. Въ ликѣ Мадонны, въ словахъ святого гимна, въ благоуханіи розъ, освѣняющихъ Распятье!..»

Онъ закрылъ лицо руками и сталъ уходить, какъ будто убѣгая отъ невидимой погони.

Вернувшись въ обитель, Джіованни пошелъ къ Савонаролѣ и рассказалъ ему все. Пріоръ далъ обычный совѣтъ бороться съ дьяволомъ оружіемъ поста и молитвы. Когда же послушникъ хотѣлъ объяснить, что не дьяволъ любострастія плотскаго, искушаетъ его, а демонъ духовной языческой прелести,—монахъ не понялъ его,—сперва удивился, потомъ замѣтилъ строго, что въ ложныхъ богахъ нѣтъ ничего, кромѣ нечистой похоти и гордыни, которыя всегда безобразны, ибо красота заключается только въ христіанскихъ добродѣтеляхъ.

Джіованни ушелъ отъ него, не утѣшенный. Съ того дня приступилъ къ нему бѣсъ унынія и возмущенія.

Однажды случилось ему слышать, какъ братъ Джироламо, говоря о живописи, требовалъ, чтобы всякая картина приносила пользу, поучала и назидала людей въ душеспасительныхъ помыслахъ. Истребивъ рукой палача соблазнительныя изображенія, флорентинцы совершили бы, по мнѣнію Савонаролы, дѣло, угодное Богу.

Также монахъ судилъ о наукѣ. «Глупецъ,—говорилъ онъ,— тотъ, кто воображаетъ, будто бы логика и философія подтверждаютъ истины вѣры. Развѣ сильный свѣтъ нуждается въ слабомъ, мудрость Господня— въ мудрости человѣческой? Развѣ апостолы и мученики знали логику и философію? Неграмотная старуха, усердно молящаяся передъ иконою,— ближе къ познанію Бога, чѣмъ всѣ мудрецы и ученые. Не спасетъ ихъ логика и философія въ день Страшнаго Суда! Гомеръ и Вергилій. Платонъ и Аристотель,— всѣ идутъ въ жилище сатаны,—tutti vanno al casa del diavolo. Подобно сиренамъ—

Плѣняя коварными пѣснями уши,
Ведутъ они къ вѣчной погибели души.

Наука даетъ людямъ вмѣсто хлѣба камень. Посмотрите на тѣхъ, кои слѣдуютъ ученіямъ міра сего: сердца у нихъ—каменные».

«Кто мало знаетъ, тотъ мало любитъ. Великая любовь есть дочь великаго познанія»,—только теперь чувствовалъ Джіованни всю глубину этихъ словъ и, слушая проклятія монаха соблазнамъ искусства и науки, вспоминалъ разумныя бесѣды Леонардо, спокойное лицо его, холодные, какъ небо, глаза, улыбку, полную плѣнительной мудрости. Онъ не забылъ о страшныхъ плодахъ ядовитаго дерева, о желѣзномъ паукѣ, о Діонисіевомъ Ухѣ, о подземной машинѣ для Свѣтѣйшаго Гвоздя, о ликѣ Антихриста подъ ликомъ Христа. Но ему казалось, что не понялъ онъ учителя до конца, не разгадалъ послѣдней тайны сердца его, не распуталъ того первоначальнаго узла, въ которомъ сходятся всѣ нити, разрѣшаются всѣ противорѣчія.

Такъ вспоминалъ Джіованни послѣдній годъ своей жизни въ обители Санъ Марко. И между тѣмъ какъ въ глубокомъ раздумьи хѣдилъ взадъ и впередъ по стемнѣвшей галлерей,—наступилъ вечеръ, раздался тихій звонъ Ave Maria, и черной вереницей прошли монахи въ церковь.

Джіованни не послѣдовалъ за ними, сѣлъ на прежнее мѣсто, снова открылъ книгу посланій Апостола Павла и, помраченный лукавыми наущеніями Дьявола, великаго Логика, передѣлалъ въ умѣ своею слово Писанія такъ:

«Не можете *не* пить изъ чаши Господней и чаши бѣсовской. Не можете *не* быть участниками въ трапезѣ Господней и трапезѣ бѣсовской».

Горько усмѣхнувшись, поднялъ онъ глаза свои къ небу, гдѣ увидѣлъ вечернюю звѣзду, подобную свѣтильнику прекраснѣйшаго изъ ангеловъ тьмы, именуемаго Люциферомъ—Свѣтоносящимъ.

И пришло ему на память преданіе, слышанное имъ отъ одного убогаго монаха, принятое великимъ Оригеномъ, возобновленное флорентинцемъ Маттео Пальмьери въ поэмѣ Città di Vita—Городъ Жизни,—будто бы въ тѣ времена, когда дьяволъ боролся съ Богомъ, среди небожителей были такіе, которые, не желая примкнуть ни къ воинству Бога, ни къ воинству Дьявола, остались чуждыми Тому и другому, одинокими зрителями поединка,—о нихъ же Данте сказалъ:

Angeli che non furono né suoi, né suoi,
 Ne pur fideli a Dio, né per sé loro.
 Ангелы, кои не были ни мятежными,
 Ни покорными Богу,—но были сами за себя.

Свободные и печальные духи,—ни злые, ни добрые, ни темные, ни свѣтлые, причастные злу и добру, тѣни и свѣту,—они изгнаны были Верховнымъ Правосудіемъ въ долину земную, среднюю между небомъ и адомъ, въ долину сумерекъ, подобныхъ имъ самимъ, гдѣ стали человѣками.

— И какъ знать?—продолжалъ Джіованни вслухъ свои грѣшныя мысли,—какъ знать,—можетъ быть въ этомъ нѣтъ зла, можетъ быть слѣдуетъ пить во славу Единаго—изъ обѣихъ чашъ вмѣстѣ?

И ему почудилось, что это не онъ сказалъ, а кто-то другой, наклонившись и сзади дыша на него холоднымъ и ласковымъ дыханіемъ, шепнулъ ему на ухо: «вмѣстѣ, вмѣстѣ!»

Онъ вскочилъ въ ужасѣ, оглянулся, и хотя никого не было въ пустынной галлерей, затканной паутиною сумерекъ,—началъ креститься, дрожа и блѣднѣя. Потомъ бросился бѣжать вонъ изъ крытаго хода черезъ дворъ, и только въ церкви, гдѣ горѣли свѣчи, и монахи пѣли вечерню, остановился, перевелъ дыханіе, упалъ на каменные плиты и сталъ молиться:

— Господи, спаси меня, избавь отъ этихъ двоющихся мыслей! Не хочу я двухъ чашъ. Единой чаши Твоей, единой истины Твоей жаждетъ душа моя, Господи!

Но Божья благодать, подобная росѣ, освѣжающей пыльные травы, не смягчила ему сердца.

Вернувшись въ келью, онъ легъ.

Къ утру приснился ему сонъ: будто бы съ моной Кассандрой, сидя верхомъ на черномъ козлѣ, летятъ они по воздуху. «На шабашъ! На шабашъ!»—шепчетъ вѣдьма, обернувъ къ нему лицо свое, блѣдное, какъ мраморъ, съ губами, алыми, какъ кровь, глазами, прозрачными, какъ янтарь. И онъ узнаетъ богиню земной любви, съ неземною печалью въ глазахъ,—Бѣлую Дьяволицу. Полный мѣсяцъ озаряетъ голое тѣло, отъ котораго пахнетъ такъ сладко и страшно, что зубы стучать у него: онъ обнимаетъ ее, прижимается къ ней. «Amore! amore!»—лепечетъ она и смѣется, — и черный мѣхъ козла углубляется подъ яями, какъ мягкое, знойное ложе. И кажется ему, что это—смерть.

*

IV.

Джіованни проснулся отъ солнца, колокольнаго 'звона и дѣтскихъ голосовъ; пошелъ на дворъ и увидѣлъ толпу людей въ одинаковыхъ бѣлыхъ одеждахъ, съ масляными вѣтками и маленькими алыми крестами. То было Священное Воинство дѣтей-инквизиторовъ, учрежденное Савонаролою для наблюденія за чистотою нравовъ во Флоренціи.

Джіованни вошелъ въ толпу и прислушался къ разговорамъ.

— Доносъ, что ли? — съ начальнической важностью спрашивалъ «капитанъ», худенькій четырнадцатилѣтній мальчикъ другого, плутоватаго, шустрого, рыжаго и косоглазаго, съ оттопыренными ушами.

— Такъ точно, мессэръ Федериджи, — доносъ, — отвѣчалъ тотъ, вытягиваясь въ струнку, какъ солдатъ, и почтительно поглядывая на капитана.

— Знаю. Тетка въ кости играла?

— Никакъ нѣтъ, ваша милость, — не тетка, а мачиха, и не въ кости...

— Ахъ, да, — поправился Федериджи, — это Липпина тетка въ прошлую субботу кости метала и богохульствовала. Что же у тебя?

— У меня, мессэре, мачиха... накажи ее Богъ...

— Не мямли, любезный! Некогда. Хлопотъ полонъ ротъ...

— Слушаю, мессэре. Такъ вотъ, извольте ли видѣть, — мачиха съ дружкой своимъ, монахомъ, заповѣдный боченокъ краснаго вина изъ отцовскаго погреба выпили, когда отецъ на ярмарку въ Мариньолу уѣзжалъ. И посовѣтовалъ ей монахъ сходить къ Мядоннѣ, что на мосту Рубаконте, свѣчку поставить да помолиться, чтобы отецъ не вспомнилъ о заповѣдномъ боченкѣ. Она такъ и сдѣлала, и когда отецъ, вернувшись, ничего не замѣтилъ, — на радостяхъ подвѣсила къ изваянію Дѣвы Маріи маленькій боченокъ изъ воску, точь въ точь такой, какимъ монаха учествовала, — въ благодарность за то, что Матерь Божья помогла ей мужа обмануть.

— Грѣхъ, большой грѣхъ! — объявилъ Федериджи, нахмурившись. — А какъ же ты объ этомъ узналъ, Пиппо?

— У конюха вывѣдалъ, а конюху рассказала мачихина дѣвка татарка, а дѣвкѣ татаркѣ...

— Мѣстожителство? — перебилъ его капитанъ строго.

— У Святой Анниунціаты шорная лавка Лоронцетто.

— Хорошо, — заключилъ Федериджи. — Сегодня же слѣдствіе нарядимъ.

Хорошенькій мальчикъ, совсѣмъ крошечный, лѣтъ шести, прислонившись къ стѣнѣ въ углу двора, горько плакалъ.

— О чемъ ты? — спросилъ его другой, постарше.

— Остригли!.. Остригли!.. Я бы не пошелъ, кабы зналъ, что стригутъ!..

Онъ провелъ рукою по своимъ бѣлокурымъ волосамъ, изуродован-

нымъ ножницами монастырскаго цирюльника, который стригъ въ скобку всѣхъ новобранцевъ, поступавшихъ въ Священное Воинство.

— Ахъ, Лука, Лука,—укоризненно покачалъ головой старшій мальчикъ,—какія у тебя грѣшныя мысли! Хоть бы о святыхъ мученикахъ вспомнилъ: когда язычники отсѣкали имъ ноги и руки, они славили Бога. А ты и волосъ пожалѣлъ!

Лука пересталъ плакать, пораженный примѣромъ святыхъ мучениковъ. Но вдругъ лицо его исказилось отъ ужаса, и онъ завылъ еще громче, должно быть, вообразивъ, что и ему во славу Божью монахи обрѣжутъ ноги и руки.

— Послушайте,—обратилась къ Джіованни старая, толстая, красная отъ волненія, горожанка,—не можете ли вы мнѣ указать, гдѣ тутъ мальчикъ одинъ, черненькій съ голубыми глазками?..

— Какъ его зовутъ?

— Дино, Дино дель Гарбо...

— Въ какомъ онъ отрядѣ?

— Ахъ, Боже мой, я право не знаю!.. Цѣлый день ищу, бѣгаю, спрашиваю, толку не добыюсь. Голова кругомъ идетъ...

— Сынъ вашъ?

— Племянникъ. Мальчикъ—тихий, скромный, прекрасно учился... И вдругъ какіе-то сорванцы сманили въ это ужасное Воинство. Подумайте только, ребенокъ—нѣжный, слабенькій, а здѣсь, говорятъ, камнями дерутся...

И тетка опять заохала, застонала.

— Сами виноваты!—обратился къ ней пожилой почтенный гражданинъ въ одеждѣ стариннаго покроя.—Драли бы ребятишекъ, какъ слѣдуетъ,—дурь въ головы не полѣзла бы. А то—виданное ли дѣло?—монахи да дѣти государствомъ править вздумали. Яйца курицу учать. Воистину никогда еще на свѣтѣ не бывало такой глупости!

— Именно, именно, яйца курицу учать!—подхватила тетка.—Монахи говорятъ,—будетъ рай на землѣ. Я не знаю, что будетъ, но пока—адъ кромѣшный. Въ каждомъ домѣ—слезы, ссоры, крики...

— Слыхали?—продолжала она, съ тинственныиъ видомъ наклоняясь къ уху собесѣдника,—намедни въ Соборѣ передъ всѣмъ народомъ братъ Джироламо,—отцы и матери,—говорить,—отсылайте вашихъ сыновей и дочерей хоть на край свѣта,—они ко мнѣ отовсюду вернутся, они—мои...

Старый гражданинъ кинулся въ толпу дѣтей.

— А, дьяволенокъ, попался!—крикнулъ онъ, схвативъ одного мальчика за ухо.—Ну, погоди же, покажу я тебѣ, какъ изъ дома бѣгать, со сволочью связываться, отца не слушаться!

— Отпа небеснаго должны мы слушаться богѣ, чѣмъ земного,—произнесъ мальчикъ тихимъ, твердымъ голосомъ.

— Ой, берегись, Доффо! Лучше не выводи меня изъ терѣвіа... Ступай, ступай домой,—чего уперся!

— Оставьте меня, батюшка. Я не пойду...

— Не пойдешь?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ же тебѣ!

Отецъ ударилъ его по лицу.

Доффо не двинулся,—даже поблѣднѣвшія губы его не дрогнули. Онъ только подымае глаза къ небу.

— Тише, тише, мессере! Дѣтей обижать не дозволено,—подослѣли городскіе стражи, назначенные Синьоріей для охраны Священнаго Воинства.

— Прочь, негодяи!—кричалъ старикъ въ ярости.

Солдаты отнимали у него сына. Отецъ ругался и не пускалъ его.

— Дино! Дино!—взвизгнула тетка, увидавъ вдали своего племянника, и устремилась къ нему. Но стражи удержали ее.

— Пустите, пустите! Господи, да что же это такое!—вопила она.— Дино! Мальчикъ мой! Дино!

Въ это мгновеніе ряды Священнаго Воинства заколыхались. Безчисленные маленькія руки замахали алыми крестами, оливковыми вѣтками и, привѣтствуя выходящаго на дворъ Савонаролу, заплѣли звонкіе дѣтскіе голоса:

«Lumen ad revelationam gentium et gloriam plebis Israël».

«Свѣтъ къ просвѣщенію языковъ, ко славѣ народа Израилева».

Дѣвочки обступили монаха, бросали въ него желтыми весенними цвѣтами, розовыми подснежниками и темными фіалками. Становясь на коѣни, обнимали и цѣловали ему ноги.

Облитый лучами солнца, молча, съ нѣжной улыбкой, благословилъ онъ дѣтей.

— Да здравствуетъ Христосъ, король Флоренціи! Да здравствуетъ Марія Дѣва, наша королева!—кричали дѣти.

— Стройся! Впередъ!—отдавали приказанія маленькіе военачальники. Грянула музыка, зашелестѣли знамена, и полки—сдвинулись.

На площади Синьорія, передъ Палаццо Веккіо, назначено было «Сожженіе Суеть»—«Bruciamento delle vanità». Священное Воинство должно было въ послѣдній разъ обойти дозоромъ Флоренцію для сбора «суеть и анаемъ».

V.

Когда дворъ опустѣлъ, Джіованни увидѣлъ мессэра Чипріано Буонаккорраи, консула искусства Калималы, владѣльца товарныхъ фондаковъ близъ Оръ-Санъ-Микеле, любителя древностей, въ землѣ котораго у Санъ-Джервазіо, на Мельничномъ холмѣ, найдено было древнее изваяніе богини Венеры.

Джіованни подошелъ къ нему. Они разговорились. Мессэръ Чипріано разсказалъ, что на дняхъ во Флоренцію прїѣхалъ изъ Милана Леонардо да Винчи съ порученіемъ отъ герцога скупать произведенія художествъ изъ дворцовъ, опустошаемыхъ священнымъ воинствомъ. Съ этою же цѣлью прибылъ Джорджіо Мэрула, просидѣвшій въ тюрьмѣ два мѣсяца, освобожденный и помилованный герцогомъ отчасти по ходатайству Леонардо.

Купецъ попросилъ Джіованни проводить его къ настоятелю, и они вмѣстѣ направились въ келью Савонаролы.

Стоя въ дверяхъ, Бельтраффіо слышалъ бесѣду консула Калималы съ пріоромъ Санъ-Марко.

Мессэръ Чипріано предложилъ купить за двадцать двѣ тысячи-золотыхъ флориновъ всѣ книги, картины, статуи и прочія сокровища искусствъ, которыя въ этотъ день должны были погибнуть на кострѣ.

Пріоръ отказалъ.

Купецъ подумалъ, подумалъ и накинулъ еще восемь тысячъ.

Монахъ на этотъ разъ даже не отвѣтилъ. Лицо его было сурово и неподвижно.

Тогда Чипріано пожевалъ ввалившимся беззубымъ ртомъ, запахнулъ носъ истертой лисьей шубенки на зябкихъ колѣняхъ, вздохнулъ, прищурилъ слабые глаза и молвилъ своимъ пріятнымъ, всегда ровнымъ и тихимъ голосомъ:

— Отецъ Джироламо, я разорю себя, отдамъ вамъ все, что есть у меня,—сорокъ тысячъ флориновъ.

Савонарола поднялъ на него глаза и спросилъ:

— Ежели вы себя разоряете, и нѣтъ вамъ корысти въ этомъ дѣлѣ,—о чемъ вы хлопочете?

— Я родился во Флоренціи и люблю эту землю,—отвѣчалъ купецъ съ простотою,—не хотѣлось бы мнѣ, чтобы чужеземцы могли сказать, что мы, подобно варварамъ, сжигаемъ невинныя произведенія мудрецовъ и художниковъ.

Монахъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и молвилъ:

— О, сынъ мой, если бы любилъ ты свое отечество небесное такъ же, какъ земное!.. Но утѣшься: на кострѣ погибнетъ достойное гибели,—ибо злое и порочное не можетъ быть прекраснымъ,—по свидѣтельству вашихъ же хваленыхъ мудрецовъ.

— Увѣрены ли вы, отецъ,—сказалъ Чипріано,—что дѣти всегда безъ ошибки могутъ отличить доброе отъ злаго въ произведеніяхъ искусства и науки?

— Изъ устъ младенцевъ правда исходитъ,—возразилъ монахъ.— Ежели не обратитесь и не станете, какъ дѣти, не можете войти въ царство небесное. Погублю мудрость мудрецовъ, разумъ разумныхъ отвергну, говорить Господь. Денно и ноцно молюсь я о малыхъ сихъ,

дабы то, чего умомъ не поймутъ они въ суетахъ искусства и науки, открылось имъ свыше благодатью Духа Святого.

— Умоляю васъ, подумайте,—заклучилъ консулъ, вставая.—Быть быть можетъ, нѣкоторая часть...

— Не тратьте даромъ словъ, мессэре,—остановилъ его братъ Джироламо,—рѣшеніе мое неизмѣнно.

Чиприанно снова, пожевавъ своими блѣдными старушечьими губами, пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Савонарола услышалъ только послѣднее слово:

— Безуміе...

— Безуміе!—подхватилъ онъ, и глаза его вспыхнули.—Ну, а развѣ Золотой Телецъ Борджіа, предносимый въ кошунственныхъ празднествахъ папѣ,—не безуміе? Развѣ Святѣйшій Гвоздь, поднятый во славу Господа на дьявольской машинѣ похитителемъ престола, убійцею Моро,—не безуміе? Вы пляшете вокругъ Золотого Тельца, безумствуете во славу бога вашего Маммона. Дайте же и намъ, художникамъ, побезумствовать, покородствовать во славу нашего Бога, Христа Распятого. Вы издѣваетесь надъ монахами, плясавшими предъ Крестомъ на площади. Погодите,—то ли еще будетъ! Посмотримъ, что скажете вы, разумники, когда заставлю я не только монаховъ, но весь народъ флорентинскій, дѣтей и взрослыхъ, стариковъ и женщинъ, въ ярости Богу угодной, плясать вокругъ таинственного Дрова Спасенія, какъ нѣкогда Давидъ плясалъ предъ Ковчегомъ Завѣта въ древней Скиніи Бога Всевышняго!

VI.

Джованни, выйдя изъ кельи Савонаролы, отправился на площадь Синьоріи.

На Віа-Ларга встрѣтилъ онъ Священное Воинство. Дѣти остановили двухъ черныхъ невольниковъ съ паланкиномъ, въ которомъ лежала роскошно одѣтая женщина. Бѣлая собачка спала у нея на коленяхъ. Зеленый попугай и мартышка сидѣли на жердочкѣ. За носиками слѣдовали слуги и тѣлохранители.

То была кортезана, недавно пріѣхавшая изъ Венеціи,—Лена Гриффа, изъ разряда тѣхъ, которыхъ правители Яснѣйшей Республики называли съ почтительною вѣжливостью «puttana onesta», «meretrix onesta»—«благородная, честная куртизанка», или съ ласковою шутливостью—«шашола», «душка». Въ знаменитомъ, изданномъ для удобства путешественниковъ «Catalogo» имя Лены Гриффы было напечатано крупными буквами, отдѣльно отъ другихъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ.

Развалившись на подушкахъ леттиги, съ видомъ Клеопатры или царицы Савской, мона Лена читала записку влюбленнаго въ нее молодого

епископа, съ приложеннымъ къ ней сонетомъ, который кончался такими стихами:

Когда плѣнительнымъ рѣчамъ твоимъ я внемлю,
О, Лена дивная,—то, покидая землю,
Возносится мой духъ къ божественнымъ красамъ
Платоновыхъ идей и къ вѣчнымъ небесамъ.

Кортезана обдумывала отвѣтный сонетъ. Риемами владѣла она въ совершенствѣ и недаромъ говаривала, что, если бы это зависѣло отъ нея, она, конечно, проводила бы все свое время «nell' Academie degli uomini virtuosi»,—«въ академіяхъ добродѣтельныхъ мужей».

Священное Войнство окружило носилки. Предводитель одного изъ отрядовъ, Доффо, выступилъ, поднявъ надъ головою алый крестъ и воскликнулъ торжественно:

— Именемъ Иисуса, короля Флоренціи, и Маріи Дѣвы, нашей королевы,—повелѣваемъ тебѣ снять сіи грѣховныя украшенія, суеты и анаэемы. Ежели ты этого не сдѣлаешь, да поразитъ тебя болѣзнь!

Собачка проснулась и залаяла, мартышка запищѣла, попугай захлопалъ крыльями, выкрикивая стихъ, которому научила его хозяйка:

Amore a nullo amato amar perdona.

Лена собиралась сдѣлать знакъ тѣлохранителямъ, чтобы разогнали они эту толпу,—когда взоръ ея упалъ на Доффо. Она поманила его пальцемъ.

Мальчикъ подошелъ, потупивъ глаза.

— Долой, долой наряды!—кричали дѣти.—Долой суеты и анаэемы!

— Какой хорошенькій!—тихо произнесла Лена, не обращая вниманія на крики толпы.—Послушайте, мой маленькій Адонисъ. Я, конечно, съ радостью отдала бы всѣ эти тряпки, чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе,—но вотъ, въ чемъ бѣда: онѣ не мои, а взяты напрокатъ у жида. Имущество такой невѣрной собаки едва ли можетъ быть приношеніемъ угоднымъ Иисусу и Дѣвѣ Маріи.

Доффо поднялъ на нее глаза. Мона Лена съ едва замѣтной усмѣшкой кивнувъ головою, какъ будто подтверждая его тайную мысль, проговорила другимъ голосомъ, съ пѣвучимъ и нѣжнымъ венеціанскимъ говоромъ:

— Въ переулкѣ Бочаровъ у Санта Тринитѣ. Спроси кортезану Лену изъ Венеціи. Буду ждать...

Доффо оглянулся и увидѣлъ, что товарищи, увлеченные бросаніемъ камней и перебранкой съ вышедшей изъ-за угла шайкой противниковъ Савонаролы, такъ называемыхъ «бѣшенныхъ»—«аррабати», не обращали болѣе вниманія на кортезану. Онъ хотѣлъ имъ крикнуть, чтобы они напали на нее, но вдругъ смутился и покраснѣлъ.

Лена засмѣялась, показывая между красными губами острые бѣлые зубы. Сквозь образъ Клеопатры и царицы Савской мелькнула въ ней венеціанская «маммола»,—шаловливая и задорная уличная дѣвочка.

Негры подняли носилки, и кортезана продолжала путь безмятежно. Собачка опять уснула на ея колѣняхъ, попугай нахохлился, и только неутомная мартышка, строя уморительныя рожицы, старалась лапкою поймать карандашъ, которымъ вельможная блудница выводила первый стихъ отвѣтнаго сонета епископу:

Любовь моя чиста, какъ вздохъ серафимовъ.

Доффо, уже безъ прежней удали, во главѣ своего отряда всходилъ по лѣстницѣ чертоговъ Медичи.

VII.

Въ темныхъ безмолвныхъ покояхъ, гдѣ все дышало величіемъ прошлаго, дѣти охвачены были робостью.

Но открыли ставни. Загремѣли трубы. Застучали барабаны. И съ радостнымъ крикомъ, смѣхомъ и пѣніемъ псалмовъ, и разсыпались маленькіе инквизиторы по заламъ,—творя судъ Божій надъ соблазнами искусства и науки, отыскивая и хватая «суеты и анаемы», по наитію Духа Святого.

Джіованни слѣдилъ за ихъ работой.

Наморщивъ лобъ, заложивъ руки за спину,—съ медлительной важностью, какъ судьи, расхаживали дѣти среди изваяній великихъ мужей, философовъ и героевъ языческой древности.

— Пивагоръ, Анаксименъ, Гераклитъ, Платонъ, Маркъ Аврелій, Эпиктетъ,—читалъ по складамъ одинъ изъ мальчиковъ латинскія надписи на подножияхъ мраморныхъ и мѣдныхъ изваяній.

— Эпиктетъ!—остановилъ его Федериджи, насупивъ брови съ видомъ знатока,—это и есть тотъ самый еретикъ, который утверждалъ, что всѣ наслажденія позволены и что Бога нѣтъ. Вотъ кого бы сжечь! Жаль—мраморный...

— Ничего,—молвилъ бойкій, косоглазый Пиппо,—мы его все-таки моподчуемъ.

— Это не тотъ!—воскликнулъ Джіованни.—Вы смѣшала Эпиктета съ Эпикуромъ...

Но было поздно. Пиппо размахнулся, ударилъ молоткомъ и такъ ловко отбилъ носъ мудрецу, что мальчики захохотали.

— Э, все равно, Эпиктетъ, Эпикуръ—два сапога пара: *tutti vanno al casa del diavolo!* — повторилъ онъ любимую поговорку Савонаролы.

Передъ одной картиной Ботичелли заспорили. Доффо увѣрялъ, будто бы она соблазнительная, такъ какъ изображаетъ голаго юношу Вакха, прозвеннаго стрѣлами бога любви. Но Федериджи, соперничавшій съ Доффо въ умѣніи отличать «суеты и анаемы», подошелъ, взглянулъ и объявилъ, что это вовсе не Вакхъ.

— А кто же по-твоему?—сказалъ Доффо.

— Кто! Еще спрашиваетъ! Какъ же вы, братцы, не видите? Святой Первоученикъ Стефанъ!

Дѣти въ недоумѣніи стояли передъ загадочною картиною: если это былъ въ самомъ дѣлѣ святой, почему же голое тѣло его дышало такою языческою прелестью, почему выраженіе муки въ лицѣ было похоже на сладострастную нѣгу?

— Не слушайте, братцы,—закричалъ Доффо,—это мерзостный Вахъ!

— Врешь, богохульникъ! —воскликнулъ Федериджи, поднимая крестъ, какъ оружіе.

Мальчики бросились другъ на друга. Товарищи едва могли ихъ разнять. Картина осталась подъ сомнѣніемъ.

Въ это время неугомонный Пиппо, вмѣстѣ съ Лука, который давно уже утѣшится и пересталъ хныкать о своихъ остриженныхъ кудряхъ,—ибо никогда еще, казалось ему, не участвовалъ онъ въ такихъ веселыхъ шалостяхъ — забрались въ маленькій темный покой. Здѣсь, у окна, на высокой подставкѣ стояла одна изъ тѣхъ вазъ, которыя изготовляются венецианскими стекольными заводами Муррано. Задѣтая лучомъ сквозь щель закрытыхъ ставенъ, вся она искрилась въ темнотѣ огнями разноцвѣтныхъ стеколъ, какъ драгоценными камнями, подобная волшебному огромному цвѣтку.

Пиппо взобрался на столъ, тихонько, на ципочкахъ,—точно ваза была живая и могла убѣжать,—подкрался, плутовато высунулъ кончикъ языка, поднялъ брови надъ косыми глазами и толкнулъ ее пальцемъ. Ваза качнулась, какъ нѣжный цвѣтокъ, упала, засверкала, зазвенѣла жалобнымъ звономъ, разбилась—и потухла. Пиппо прыгалъ, какъ бѣсенокъ, ловко подкидывая вверхъ и подхватывая на лету алый крестъ. Лука съ широко-открытыми глазами, горѣвшими восторгомъ разрушенія, тоже скакалъ, визжалъ и хлопалъ въ ладоши.

Услышавъ издали радостные крики товарищей, вернулись они въ большую залу.

Здѣсь Федериджи нашелъ чуланъ со множествомъ ящичковъ, наполненныхъ такими «суетами», какихъ даже самые опытные изъ дѣтей никогда не видывали. То были маски и наряды для тѣхъ карнавалныхъ шествій, аллегорическихъ триумфовъ, которые любилъ устраивать Лоренцо Медичи Великолѣпный. Дѣти столпились у входа въ чуланъ. При свѣтѣ салнаго огарка выходили передъ ними картонныя чудовищныя морды фавновъ, стеклянный виноградъ вакханокъ, колчанъ и крылья Амура, кадуцей Меркурія, трезубецъ Нептуна и, наконецъ, при взрывѣ общаго хохота, появились деревянные, позолоченныя, покрытыя паутиною, молнии Громовержца и жалкое, изъѣденное молью чучело олимпійскаго орла съ обципанымъ хвостомъ, съ клочками войлока, торчавшаго изъ продырявленнаго брюха.

Вдругъ изъ пышнаго бѣлокураго парика, вѣроятно, служившаго Венерѣ, выскочила крыса. Дѣвочки завизжали. Самая маленькая, вспрыгнувъ на стулъ, брезгливо подняла платице выше колѣнъ.

Надъ толпой повѣяло холодомъ ужаса и отвращенія къ этой языческой рухляди, къ могильному праху умершихъ боговъ. Тѣни летучихъ мышей, испуганныхъ шумомъ и свѣтомъ, бившихся о потолокъ, казались нечистыми духами.

Прибѣжалъ Доффо и объявилъ, что наверху есть еще одна запертая комната: у дверей сторожить маленькій, сердитый, красноносый и плѣшивый старичокъ, ругается и никого не пускаетъ.

Отправились на развѣдки. Въ старичкѣ, охранявшемъ двери таинственной комнаты, Джіованни узналъ своего друга, мессэра Джіорджіо Мэрулу, великаго книголюбца.

- Давай ключи!—крикнулъ ему Доффо.
- А кто вамъ сказалъ, что онъ у меня?
- Дворцовый сторожъ сказывалъ.
- Ступайте, ступайте съ Богомъ!..
- Ой, старикъ, берегись! Пovyдергаемъ мы тебѣ послѣдніе волосы!..

Доффо подалъ знакъ. Мессэръ Джіорджіо сталъ передъ дверями, собираясь запитить ихъ грудью. Дѣти напали на него, повалили, избивали крестами, обшарили ему карманы, отыскали ключъ и отперли дверь. Это была маленькая рабочая комната съ драгоценнымъ книгохранилищемъ.

— Вотъ здѣсь, здѣсь,—указывалъ Мэрула,—въ этомъ углу—все, чтó вамъ надо. На верхнія полки не лазайте: тамъ ничего нѣтъ...

Но инквизиторы не слушали его. Все, чтó попадалось имъ подъ руку,—особенно книги въ роскошныхъ переплетахъ,—швыряли они въ одну кучу. Потомъ открыли настежъ окна, чтобы выбрасывать толстые фолианты прямо на улицу, гдѣ стояла повозка, нагруженная «суетами и анаеемами». Тибуллъ, Горацій, Овидій, Апулей, Аристофанъ,—рѣдкіе списки, единственныя изданія—мелькали передъ глазами Мэрулы.

Джіованни замѣтилъ, что старикъ успѣлъ выудить изъ кучи и ловко спряталъ за пазуху маленькій томикъ. Это была книга Марцеллина, съ повѣствованіемъ о жизни императора Юліана Отступника.

Увидѣвъ на полу списокъ трагедій Софокла на шелковистомъ пергаментѣ, съ тончайшими заглавными рисунками, онъ бросился къ ней съ жадностью, схватилъ ее и взмолился жалобно:

— Дѣточки! Милые! Попадите Софокла! Это самый невинный изъ поэтовъ! Не троньте, не троньте! .

Съ отчаяніемъ онъ прижималъ книгу къ груди. Но, чувствуя, какъ рвутся нѣжные словно живые листы,—заплакалъ, застоналъ, точно отъ боли,—отпустилъ ее и закричалъ въ безсильной ярости:

— Да знаете ли, подлые щенки, что единый стихъ этого поэта—большая святыня передъ Богомъ, чѣмъ всѣ пророчества вашего полоумнаго Джироламо!

— Молчи, старикъ, ежели не хочешь, чтобы мы и тебя вмѣстѣ съ твоими поэтами за окно выбросили!

И снова напавъ на старика, дѣти взяшей вытолкали его изъ книгохранилища.

Мэрула упалъ на грудь Джіованни.

— Уйдемъ, уйдемъ отсюда скорѣе. Не хочу я видѣть этого злодѣйства!..

Они вышли изъ дворца и мимо Маріи дель Фіоре направились на площадь Синьорин.

VIII.

Передъ темною, стройною башнею Палаццо Веккіо, рядомъ съ Лоджіей Орканьи, былъ готовъ костеръ, въ дридцать локтей вышины и сто двадцать ширины,—восьмигранная пирамида, сколоченная изъ досокъ, съ пятнадцатью ступенями.

На первой нижней ступени собраны были шутовскія маски, наряды, парики, искусственныя бороды и множество другихъ принадлежностей карнавала. На слѣдующихъ трехъ—вольнодумныя книги, начиная отъ Анакреона и Овидія, кончая Декамерономъ Боккачіо и Морганте Пульчи. Надъ книгами—женскіе уборы, мази, духи, зеркала, пуховки, напилки для ногтей, щипцы для подвиванія, щипчики для выдергиванія волосъ. Еще выше—ноты, люти, мандолины, карты, шахматы, кегли, мячики,—всѣ игры, которыми люди ралуютъ бѣса. Потомъ — соблазнительныя картины, рисунки, портреты красивыхъ женщинъ. Наконецъ, на самомъ верху пирамиды—лики языческихъ боговъ, героевъ и философовъ изъ крашенаго воска и дерева. Надо всеѣмъ возвышалось громадное чучело, изображеніе дьявола, родоначальника «суеть и анаееть»—начиненное сѣрой и порохомъ, чудовищно размалеванное, мохнатое, козловое, похожее на древняго бога Пана.

Вечерѣло. Воздухъ былъ холоденъ, звонокъ и чистъ. Въ небѣ за-теплялись первыя звѣзды. Толпа на площади шестѣла и двигалась съ благоговѣйнымъ шепотомъ, какъ въ церкви. Раздавались духовныя гимны—*laudi spirituali*—учениковъ Савонаролы, такъ называемыхъ «плаксъ». Риѣмы, напѣвъ и размѣръ остались прежними, карнавальными. Но слова передѣланы были на новый ладъ. Джіованни прислушался, и дикимъ казалось ему противорѣчіе унылаго смысла съ веселымъ напѣвомъ:

Tò tre onze almen di speme,
Tre di fede e sei d'amore...
Взявъ три унціи любви,
Вѣры—три и шесть—надежды,
Двѣ—рассказныя,—смѣшай
И поставь въ огонь молитвы,
Три часа держи въ огнѣ,

Прибавляя духовной скорби,
Сокрушенія, смиренья,
Сколько нужно, для того,
Чтобы вышла мудрость Божья.

Подъ Кровлею Пизанцевъ, человекъ въ желѣзныхъ очкахъ, съ кожанымъ передникомъ, съ ремешкомъ на жидкихъ, прямыхъ, смазанныхъ масломъ, косицахъ волосъ, съ корявыми мозолистыми руками, проповѣдывалъ передъ толпою ремесленниковъ, повидимому, такихъ же «плаксъ», какъ онъ.

— Я—Руберто, ни сэръ, ни мессэръ, а по-просто портной флорентинскій.—говорилъ онъ, ударяя себя въ грудь кулакомъ,—объявляю вамъ, братья мои, что Іисусъ, король Флоренціи, во многихъ видѣніяхъ изъяснилъ мнѣ съ точностью новое угодное Богу правленіе и законодательство. Желаете ли вы, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни малыхъ, ни великихъ,—чтобы всѣ были равны?

— Желаетъ, желаетъ! Говори, Руберто, какъ это сдѣлать.

— Если имѣете вѣру,—сдѣлать легко. Разъ, два—и готово. Первое,—онъ загнулъ большой палецъ лѣвой руки указательнымъ правой,—подходящій налогъ, именуемый лѣстничною десятиною. Второе,—онъ загнулъ еще одинъ палецъ,—всенародный, боговдохновенный парламенто...

Потомъ остановился, снялъ очки, протеръ ихъ, надѣлъ, неторопливо откашлялся и однообразнымъ, шепелявымъ голосомъ, съ упрямымъ и смиреннымъ самодовольствомъ на тупомъ лицѣ, началъ изъяснять, въ чемъ заключается лѣстничная десятина и боговдохновенный парламенто.

Джювани слушалъ, слушалъ,—и тоска взяла его. Онъ отошелъ на другой конецъ площади.

Здѣсь въ вечернихъ сумеркахъ монахи двигались, какъ тѣни, завяты послѣдними приготовленіями. Къ брату Доминико Буонвичини, главному распорядителю, подошелъ человекъ на костыляхъ, еще не старый, но, должно быть, разбитый параличемъ, съ дрожащими руками и ногами, съ неподымавшимися вѣками. По лицу его пробѣгала судорога, подобная трепетанію крыльевъ подстрѣленной птицы. Онъ подалъ монаху большой свертокъ.

— Что это?—спросилъ Доминико.—Опять рисунки?

— Анатомія. Я и забылъ о нихъ. Да вчера во снѣ слышу голосъ: у тебя надъ боттегою, Савдро, на чердакѣ въ сундукахъ есть еще суеты и анаемы. Всталъ, пошелъ и отыскалъ вотъ эти рисунки голыхъ тѣлъ.

Монахъ взялъ свертокъ и молвилъ съ веселой, почти игривой улыбкой:

— А славный мы огонекъ запалимъ, мессэръ сэръ Филиппи!
Тотъ посмотрѣлъ на пирамиду суетъ и анаемъ.

— О, Господи, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! — вздохнулъ онъ. — Если бы не братъ Джироламо, — такъ бы и померли безъ покаянія, не очистившись. Да и теперь еще, — кто знаетъ, — спасемся ли, успѣемъ ли отмогить?

Онъ перекрестился и забормоталъ молитвы, перебирая четки.

— Кто это? — спросилъ Джіованни стоявшаго рядомъ монаха.

— Сандро Боттичелли, сынъ дубильщика Маріано Филиппи, — отвѣтилъ тотъ.

IX.

Когда совсѣмъ стемнѣло, надъ толпою пронесся шепотъ: «идутъ, идутъ».

Въ молчаніи, въ сумракѣ, безъ гимновъ, безъ факеловъ, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ, дѣти-инквизиторы шли, неся на рукахъ изваяніе Младенца Іисуса. Одной рукой онъ указывалъ на терновый вѣнецъ на своей головѣ, другою — благославлялъ народъ. За ними шли монахи, клиръ, гонфалоньеры, члены Совѣта Восемьдесяти, каноники, доктора и магистры богословія, рыцари Капитана Барджелло, трубачи и булавоносцы.

На площади сдѣлалось тихо, какъ передъ смертною казнью.

На Рингьеру, — каменный помостъ передъ Старымъ Дворцомъ — взошелъ Савонарола, высоко поднялъ Распятіе и произнесъ торжественнымъ громкимъ голосомъ:

— Во имя Отца и Сына и Духа Святаго, — зажигайте!

Четыре монаха подошли къ пирамидѣ, съ горящими смоляными факелами, и подожгли ее съ четырехъ концовъ.

Пламя затрепало. Повалилъ сперва сѣрый, потомъ черный дымъ. Трубачи затрубили. Монахи грянули: «Тебя Бога хвалимъ». Дѣти звонками голосами подхватили:

«Lumen ad revelationem gentium et gloriam plebis Israël».

На башнѣ Старога Дворца ударили въ колоколъ, и могучему мѣдному гулу его отвѣтили колокола на всѣхъ церквахъ Флоренціи.

Пламя разгоралось все ярче. Нѣжные словно живые, листы древнихъ пергаментныхъ книгъ коробились и тлѣли. Съ нижней ступени, гдѣ лежали карнавальные маски, взвилась и полетѣла пылающимъ клубомъ накладная борода. Толпа радостно ухнула и загоготала.

Одни молились, другіе плакали. Иные смѣялись, прыгая, махая руками и шапками. Иные пророчествовали.

— Пойте, пойте Господу новую пѣсню! — выкрикивалъ хромой сапожникъ, съ полоумными глазами. — Рухнетъ все, братья мои, сгоритъ, сгоритъ все до тла, какъ эти суеты и анаемы въ огнѣ очистительномъ, — все, все, все — церковь, законы, правленія, власти, искусства, науки, — не останется камня на камнѣ, — и будетъ новое небо, новая

земля! И отретъ Богъ всякую слезу съ очей нашихъ, и смерти не будетъ,—ни плача, ни скорби, ни болѣзни! Ей гряди, Господи Исусе!..

Молодая беременная женщина съ худымъ страдальческимъ лицомъ, должно быть, жена бѣднаго ремесленника, упала на колѣни и, протягивая руки къ пламени костра,—какъ будто видѣла въ немъ самого Христа,—надрываясь, всхлипывая, подобно кликушѣ, вопила:

— Ей гряди, Господи Исусе! Аминь! Аминь! Гряди!

X.

Джіованни смотрѣлъ на озаренную, но еще нетронутую пламенемъ картину. То было созданіе Леонардо да Винчи.

Надъ вечерними водами горныхъ озеръ стояла бѣлая Леда. Исполнскій лебедь крыломъ охватилъ ея станъ, выгибая длинную, шею, наполняя пустынное небо и землю крикомъ торжествующей любви. Въ ногахъ ея, среди водяныхъ растеній, животныхъ и насѣкомыхъ, среди прозябающихъ сѣмянъ, личинокъ и зародышей, въ тепломъ сумракѣ, въ душной сырости, копошились новорожденные близнецы,—полубоги, полувѣри,—Касторъ и Поллуксъ, только что выгупившись изъ разбитой скорлупы огромнаго яйца. И Леда любовалась на дѣтей своихъ, обнимая шею лебеда съ цѣломудренной улыбкой.

Джіованни слѣдилъ, какъ пламя подходитъ къ ней все ближе и ближе,—и сердце его замирало отъ ужаса.

Въ это время монахи водрузили черный крестъ посерединѣ площади, потомъ, взявшись за руки, образовали три круга во славу Троицы и, знаменуя духовное веселіе вѣрныхъ о сожженіи суетъ и анаемъ, начали пляску, сперва медленно, потомъ все быстрѣе, быстрѣе и, наконецъ, помчались вихремъ, съ пѣсней:

Ognun gridi, com'io grido,
Sempre razzo; razzo, razzo!

Предъ Господомъ смиритесь,
Пляшите, не стыдитесь,
Какъ царь Давидъ плясалъ,
Подымемя наши раски,—
Смотрите, чтобы въ пляскѣ
Никто не отставалъ.

Опыивенные любовью
Къ истекающему кровью
Сыну Бога на крестѣ,
Дики, радостны и шумны,—
Мы безумны, мы безумны,
Мы безумны во Христѣ!

У тѣхъ, кто смотрѣлъ, голова кружилась, ноги и руки сами собою подергивались,—и вдругъ, сорвавшись съ мѣста, дѣти, старики и женщины пускались въ бѣшенную пляску. Плѣшивый, угреватый и тол-

стый монахъ, похожій на стараго фавна, сдѣлавъ неловкій прыжокъ, поскользнулся, упалъ и разбилъ себѣ голову до крови. Едва успѣли его вытащить изъ толпы,—а то растоптали бы до смерти.

Багровый, мерцающій отблескъ огня озарялъ искаженные лица. Громадную тѣнь кидало Распятье,—неподвижное средоточіе вертящихся круговъ.

Мы крестиками машемъ
И пляшемъ, пляшемъ, пляшемъ,
Какъ царь Давидъ плясалъ.
Несемса другъ за другомъ
Все кругомъ, кругомъ, кругомъ,
Справляя карнавалъ.

Пошрая мудрость вѣка
И гордыню человѣка,
Мы, какъ дѣти, въ простотѣ
Будемъ Божьими шутами,
Дурачками, дурачками,
Дурачками во Христѣ!

Пламя, охватывая Леду, лизало краснымъ языкомъ голое бѣлое тѣло, которое сдѣлалось розовымъ, точно живымъ,—еще болѣе таинственнымъ и прекраснымъ.

Джіованни смотрѣлъ на нее, дрожа и блѣднѣя.

Леда улыбнулась послѣдней улыбкой, вспыхнула, растаяла въ огнѣ, какъ облако въ лучахъ зари,—и скрылась навѣки.

Громадное чучело бѣса на вершинѣ костра запылало. Брюхо его, начиненное порохомъ, лопнуло съ оглушительнымъ трескомъ. Огненный столбъ взвился до небесъ. Чудовище медленно покачнулось на пламенномъ тронѣ, поникло, рухнуло и рассыпалось тлѣющимъ жаромъ углей.

Снова грянули трубы и литавры. Ударили во всѣ колокола. И толпа завывала неистовымъ, побѣднымъ воемъ, какъ будто самъ дьяволъ погибъ въ огнѣ священнаго костра—съ неправдой, мукой и зломъ всего міра.

Джіованни схватился за голову и хотѣлъ бѣжать. Чья-то рука опустилась на плечо его, и, оглянувшись, онъ увидѣлъ спокойное лицо учителя.

Леонардо взялъ его за руку и вывелъ изъ толпы.

XI.

Съ площади, покрытой клубами смятаго дыма, освѣщенной заревомъ потухающаго костра, вышли они черезъ темный переулокъ на берегъ Арно.

Здѣсь было тихо и пустынно. Только волны журчали. Лунный серпъ озарялъ спокойныя вершины холмовъ, посеребренныя инеемъ. Звѣзды мерцали строгими и нѣжными лучами.

— Зачѣмъ ты ушелъ отъ меня, Джіованни? — произнесъ Леонардо.

Ученикъ поднялъ взоръ, хотѣлъ что-то сказать, но голосъ его пресѣкся, губы дрогнули, и онъ заплакалъ.

— Простите, учитель...

— Ты предо мною ни въ чемъ не виноватъ, — возразилъ художникъ.

— Я самъ не зналъ, что дѣлаю, — продолжалъ Бельтраффіо. — Какъ могъ я, — о Господи, — какъ могъ уйти отъ васъ!..

Онъ хотѣлъ было рассказать учителю свое безуміе, свою муку, свои страшныя двоящіяся мысли о чапѣ Господней и чапѣ бѣсовской, о Христѣ и Антихристѣ, но почувствовалъ опять, какъ тогда, передъ памятникомъ Сфорца, что Леонардо не пойметъ его, — и только, съ безнадежною мольбою смотрѣлъ въ глаза его, ясныя, тихіе и чуждые, какъ звѣзды.

Учитель не спрашивалъ его, словно все угадавъ, и съ улыбкой безконечной жалости, положивъ ему руку на голову, сказалъ:

— Господь тебѣ да поможетъ, мальчикъ мой бѣдный! Ты знаешь, что я всегда любилъ тебя, какъ сына. Если хочешь снова быть ученикомъ моимъ, я приму тебя съ радостью.

И какъ будто про себя, съ той особою загадочною и стыдливою краткостью, съ которою обыкновенно выражалъ онъ свои тайныя мысли, — прибавилъ чуть слышно:

— Чѣмъ больше чувства, — тѣмъ больше муки. Великое мученичество!

Звонъ колоколовъ, пѣсни монаховъ, крики безумной толпы слышались издали, — но уже не нарушали безмолвія, которое окружало учителя и ученика.

Д. С. Меремиковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРА РОМАНСКОЙ ШВЕЙЦАРИИ.

(Историко-критическій этюдъ).

«C'est ce qu'un écrit?» — «Une parole qu
dure».

Louis Blanc.

—«Si je revenais dans un siècle, pour sa
voir où ils en sont, je demanderais le dernier
ouvrage de littérature imprimé».

Diderot

Сорокъ три писателя на 100.000 жителей—такимъ отношеніемъ могутъ гордиться во всемъ мірѣ только два центра: Парижъ и маленькая Женева—меньшій кантонъ едва ли не наименьшаго изъ государствъ. Но тогда какъ литература Франціи хоть по наслышкѣ, хоть по переводамъ извѣстна всѣмъ и каждому, о существованіи швейцарской литературы едва ли кто знаетъ, какъ и вообще обо всей обширной французской литературѣ внѣ Франціи,—литературѣ Бельгии Голландіи, Канады и пр. Старшая сестра затмила ихъ своимъ богатствомъ и остроуміемъ. Но не бѣдны, не безсодержательны и тѣ литературы, и главное—не безличны.

Романской называется та часть Швейцаріи, жители которой говорятъ на французскомъ языкѣ. Она обнимаетъ кантоны Женевскій, Водскій, Невшательскій, большую часть Фрибургскаго и Валезанскаго и небольшую часть Бернской Юры, всего около 600.000 человекъ.

Собственно народный говоръ всей этой части Швейцаріи едва ли имѣетъ что общее съ французскимъ языкомъ. Романское патуа—языкъ древнихъ пѣсней и легендъ, наивный, звучный и оригинальный—теперь все больше и больше забывается и исчезаетъ, переходя въ область исторіи, памятники которой швейцарцы стали собирать только совсѣмъ недавно, когда многое ужъ погибло безвозвратно.

Разговорный языкъ романской Швейцаріи также не чисто французскій, а имѣетъ массу своихъ особенностей, приближающихъ его нѣсколько къ бургундскому нарѣчію. Но объ этомъ впереди.

Литература же, та литература, которая явилась продуктомъ болѣе высокой культуры и результатомъ творчества наиболѣе развитыхъ

единиць, выдвинутыхъ талантомъ надъ общимъ уровнемъ народа и общества,—литература, которой принадлежитъ будущее, — презрѣла народными идиомами и орудіемъ своимъ взяла французскій языкъ, стремясь достигнуть его классической красоты и правильности. Однако, не смотря на всѣ старанія швейцарскихъ писателей вполнѣ усвоить себѣ чисто французскій слогъ, литература ихъ, и по формѣ и по содержанию, носитъ яркій отпечатокъ своего альпійскаго происхожденія, и, какъ альпійская роза, сохраняетъ и яркость красокъ, и свѣжесть аромата оригинальной горной флоры.

Альпы, подъ сѣнью которыхъ развивалась романская жизнь и литература, не дали имъ приобрѣсти характера единства и цѣльности,—своеобразіе и разнообразіе отмѣтили и народный бытъ, и литературное творчество швейцарцевъ. Непрístupность горъ обезпечила самобытность, различіе условій жизни на склонахъ горъ, въ ущельяхъ и долинахъ и на берегахъ озеръ, опредѣлило богатство и разнообразіе. Горы помѣшали сформироваться единой и цѣльной Швейцаріи, вызвавъ образованіе многихъ мелкихъ центровъ, различныхъ по духу, по нравамъ, по культурѣ. Горы же оградили народную вольность и обезпечили свободное развитіе. Сосѣдняя Франція, при всей мощи своего духовнаго развитія, не сумѣла покорить своему вліянію маленькую страну, несмотря на то, что общность языка, казалось бы, обезпечивала и легкость, и вѣрность побѣды. Но Швейцарія не только не подпала вліянію сильной Франціи, но еще и сама не разъ давала толчекъ ея развитію, направленіе ея духовной культурѣ. Руссо, Сталь и Неккеръ, и много другихъ развились на швейцарской почвѣ, и даже великая французская революція не чужда, по крайней мѣрѣ въ своемъ началѣ, тому же вліянію.

Но не однѣ лишь горы, защитившія вольность, и свойства природы, обусловившія своеобразіе, опредѣлили характеръ и намѣтили путь развитія романской Швейцаріи: реформація наложила на нее неизгладимую печать и направила теченіе романской жизни совершенно не по тому руслу, по какому течетъ она въ католической Франціи. Духъ реформаціи отразился и въ литературѣ и, притомъ, такъ сильно, что швейцарская литература и до сихъ поръ не освободилась отъ его вліянія. Реформація, впрочемъ, коснулась только трехъ изъ названныхъ выше кантоновъ: Женевскаго, Водскаго и Невшательскаго, но эти-то именно кантоны и затмили своимъ литературнымъ развитіемъ оставшіеся католическими, по крайней мѣрѣ въ большей своей части, кантоны Вале и Фрибургъ, къ тому же, наполовину французскіе, на половину нѣмецкіе по языку. Мало того: изъ трехъ реформированныхъ кантоновъ Водскій, принявшій реформу позднѣе и труднѣе, и въ своемъ литературномъ развитіи отставалъ отъ болѣе передовыхъ Женевы и Невшателя. Но поздній раздвѣтъ тамъ ярче и душистѣе.

Итакъ, съ одной стороны французскій языкъ, съ другой—проте-

стантство. Въ этомъ сближеніи двухъ какъ бы разнородныхъ элементовъ нѣкоторые теоретики и историки романской литературы склонны видѣть причину своеобразности ея въ прошедшемъ и настоящемъ и залогъ выполненія ею въ будущемъ великой задачи сближенія католической Франціи съ протестантскимъ міромъ (Rossel и др.). Другіе же ограничиваются указаніемъ на своеобразіе, силу и богатство горной природы и въ ней ищутъ и находятъ причину и объясненіе «оригинальности и мощи» своей литературы. Но зато есть между ними и такіе, которые не задумываясь отрицаютъ не только богатство и оригинальность родной литературы, но и самое существованіе ея. Мнѣ лично не разъ приходилось наталкиваться на такое презрительное отношеніе швейцарцевъ къ своей литературѣ. Примѣромъ можетъ служить отвѣтъ стараго Жаке, десятки лѣтъ завѣдующаго въ Ивердонѣ публичной бібліотекѣ, помѣщающейся въ томъ самомъ замкѣ, гдѣ нѣкогда великій Песталоцци, «живя какъ нищій, училъ нищихъ быть людьми» *). Въ отвѣтъ на просьбу назвать шедевры швейцарской литературы, на дѣтски открытомъ типичномъ лицѣ стараго швейцарца явилась недоумѣвающая улыбка: «Да развѣ у насъ есть шедевры? Какая у насъ литература! Вы, можетъ быть, хотите сказать французской». Но есть и болѣе компетентныя отрицанія. Хроникеръ одного изъ журналовъ романской Швейцаріи съ горечью отмѣчаетъ слѣдующій фактъ: одинъ нѣмецкій швейцарскій авторъ (Isabella Kaiser), говоря о романской литературѣ, «упрекаетъ ее главнымъ образомъ въ несуществованіи». Хроникеръ утѣшается, впрочемъ, тѣмъ, что нѣмецкій вкусъ ищетъ «кричащихъ эффектовъ и рѣзкихъ цвѣтовъ» и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, не находитъ ничего.

Есть ли, нѣтъ ли,—вопросъ болѣе трудный, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Несомнѣнно есть, если подъ литературой подразумѣвать всю совокупность духовнаго словеснаго творчества народа, независимо отъ силы и направленія этого творчества; есть, если подъ литературой понимать лишь словесныя произведенія, отмѣченныя болѣе или менѣе оригинальнымъ національнымъ талантомъ; но если литературу, самобытную національную литературу признавать только за тѣми странами, которыя могутъ гордиться гениями, то.... то и тогда романская Швейцарія имѣетъ свою литературу, потому что Руссо принадлежитъ ей.

Дагэ (M. A. Daguët), одинъ изъ лучшихъ швейцарскихъ историковъ, писалъ еще въ 1847 году: «Швейцарія, литература которой такъ богата, не имѣетъ еще своей исторіи литературы». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе пятидесяти лѣтъ, и только въ самые послѣдніе года одна за другой явились нѣсколько книгъ, излагающихъ болѣе или менѣе полно

*) Изъ надписи на его памятникѣ.

и безпристрастно исторію литературы романской *) и нѣмецкой **) Швейцаріи. Ранѣе эта исторія писалась отдѣльными главами, отдѣльными мелкими монографіями. Перечень авторовъ былъ бы слишкомъ длиннѣе: Bridel, Bordier, Blondel, Gaullieur, и мн. мн. др., и притомъ съ какихъ разныхъ точекъ зрѣнія! «Мы народъ не особенно-то литературный», писалъ одинъ; «я убѣжденъ, что мы одинъ изъ самыхъ литературныхъ народовъ въ мірѣ», говорилъ другой. Одни признавали швейцарскими писателями лишь тѣхъ, кто родился, воспитался и работалъ въ Швейцаріи, кто все отъ нея получилъ и ей же все отдавалъ,—другіе же, напротивъ, считали въ числѣ швейцарскихъ писателей и тѣхъ, кто, родившись или же не только родившись, но и развившись въ ея предѣлахъ, жилъ и трудился внѣ ихъ, и тѣхъ, кто, покидая почему-либо свою родину, искалъ и находилъ въ Швейцаріи свое второе отечество.

Переходя, затѣмъ, къ самымъ центрамъ швейцарской жизни и литературы, нужно прежде всего указать на существующія между этими центрами различія, опредѣлившія собою и характеръ творчества въ каждой отдѣльной части Швейцаріи. Уже три вельскіе кантона, болѣе другихъ «литературные», являютъ всю силу этого различія.

Крошечная Женевская республика, закаленная въ постоянной борьбѣ за свою свободу и свои вольности, центръ иммиграціи искавшихъ и находившихъ въ ней убѣжище гонимыхъ изъ всѣхъ странъ, — хотя и стала космополитической, но сохранила все тѣ же кальвинистскія, суровыя и трезвыя традиціи,—и требованія разумной пользы ставить выше непосредственнаго поэтического вдохновенія.

Лозанна со своимъ Водскимъ кантономъ не боролась и не страдала. Водуазецъ гнѣвно и безопасно мечталъ и предавался созерцанію вдали отъ всякихъ пограничныхъ распрей, борьбы и грома и блеска. Онъ жилъ тихой внутренней жизнью на берегахъ своего голубого Лемана, мѣшая дѣйствительность съ грезой. «Счастливая страна, въ которой самыя революціи проливали больше вина, чѣмъ крови!» восклицаетъ Годэ. «Водуазецъ—не онъ будетъ, если поторопится», говорятъ о нихъ другіе швейцарцы. И вотъ, въ то время, какъ *женевецъ* пропагандируетъ, полемизируетъ, изучаетъ и научаетъ, *водуазецъ* поетъ, мечтаетъ и философствуетъ, *невшателецъ* рассуждаетъ и систематизируетъ. Въ немъ есть врожденная правовая складка; онъ сдержанъ, остороженъ и благоразуменъ; предприимчивъ и изобрѣтателевъ, но изобрѣтательность его направлена преимущественно въ практическую сторону. Невшатель далъ и даетъ литературѣ сочиненія юридическія, полемическія и политическія, въ которыхъ логика и здравый смыслъ стоятъ на первомъ мѣстѣ.

Такъ было до сихъ поръ, такъ остается еще и теперь. Суровый

*) V. Rossel, «Histoire littéraire de la Suisse romande». Ph. Godet, «Histoire littéraire de la Suisse française».

**) Bechtold, «Geschichte der deutschen Litteratur in der Schweiz».

духъ кальвинизма еще живъ и силенъ, но разница уже замѣтна: прежде онъ проникалъ всѣ стороны жизни, подавляя всякую попытку независимой критики, свободнаго творчества, свободнаго вдохновенія. Кальвинизмъ сдѣлалъ то, что «искусство для искусства» неизвѣстно швейцарской литературѣ, и только побѣдой надъ кальвинизмомъ объясняется появленіе въ романской литературѣ бытовой школы и социальнаго романа. Вотъ эти-то послѣднія попытки и остановили мое вниманіе, возбудивъ интересъ къ романской литературѣ, желаніе изучить ее и познакомиться съ ней другихъ.

Первые признаки литературнаго пробужденія романской Швейцаріи восходятъ къ XIV вѣку. Что было раньше—неизвѣстно. Швейцарцы только недавно обратились къ изученію своей старины, къ собиранію легендъ и пѣсенъ и къ изданію ихъ. Многое уже, можетъ быть, безвозвратно потеряно, многое искажено. А между тѣмъ, здѣсь были когда-то свои трубадуры; ихъ пѣсни звучали среди горъ на теперь ужъ на половину забытомъ романскомъ патуа. Изъ того, что дошло до насъ отъ тѣхъ далекихъ временъ, на первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ «*Ranz der Vaches*». Швейцарцы гордятся своимъ «безсмертнымъ шедевромъ», и поютъ, и изучаютъ его въ школахъ.

Французскій языкъ водворился въ романской Швейцаріи только въ XIII вѣкѣ, и только съ XIV, XV вѣковъ являются первыя робкія попытки литературнаго творчества на немъ. Оттонъ Грандсонскій (*Othon de Grandson*) былъ первымъ поэтомъ, Гюгъ де-Пьеръ (*Hugues de Pierre*) первымъ хроникеромъ. Рыцарь и монахъ, оба они писали образнымъ цвѣтистымъ языкомъ, мало похожимъ на языкъ современной литературы. И въ то, время какъ поэтъ-рыцарь пѣлъ про личную скорбь и измѣны милой, монахъ-хроникеръ, весь проникнутый воинственнымъ энтузіазмомъ, отмѣчалъ шагъ за шагомъ все, что, по его разсужденію, способствовало «славлѣ и благоденствію отечества».

Такова первая страница исторіи романской литературы. Слѣдующія нѣсколько страницъ не такъ, можетъ быть, ярки и оригинальны, какъ первая, но и ихъ, еслибъ время, не мѣшало бы просмотрѣть. Здѣсь на сѣнну Невшателю является Водскій кантонъ и, наконецъ, Женева. На одной изъ этихъ страницъ нельзя не остановиться. Она помѣчена именемъ Бонивара (*Francis Bonivard*), знаменитаго «Шильонскаго узника». То была эпоха борьбы Жeneвы съ герцогами савойскими: этой борьбой наполненъ весь XVI вѣкъ. Бониваръ (1493 — 1570), бывший пріоромъ въ бенедиктинскомъ монастырѣ, близъ самой Жeneвы, примкнулъ къ образовавшейся тамъ молодой національной партіи, враждебной Савойѣ и горячо ратовалъ за свободу и независимость своего города. Но борьба была неравная, и могущественные враги дважды овладѣвали Бониваромъ: сначала три года заключенія, потомъ шесть лѣтъ, проведенныхъ въ мрачной Шильонской тюрьмѣ; воды Лемана слабо бились о толстыя стѣны каменной темницы; короткая

цѣпь приковывала его къ высѣченной въ скалѣ колоннѣ, давая ему, по его собственнымъ словамъ, «такую свободу гулять, что слѣды его ногъ остались на вѣки выдолбленными въ каменномъ полу...» у колонны. Много было имъ продумано въ долгіе годы заключенія, много мыслей сформулировано на французскомъ и латинскомъ языкахъ и записано впоследствии, когда, освобожденный, онъ вернулся въ свободную же реформированную Женеву. Духъ независимой критики былъ такъ силенъ въ Бониварѣ, что онъ и предъ реформой не склонился, смѣло отмѣчая ея крайности и недостатки, что, впрочемъ, не помѣшало Кальвину поручить ему составленіе «Женевскихъ хроникъ» (начатыхъ имъ въ 1542 г. и оконченныхъ въ 1551 г.), но помѣшало ихъ напечатать; онъ увидѣли свѣтъ только много позднѣе. Здравой критикой проникнуты всѣ труды Бонивара, жизнерадостнымъ настроеніемъ вѣетъ отъ его остраго и жѣткаго слога; ни тѣни внутренней муки, ни слѣда перенесенныхъ мученій. Пробовалъ онъ и стихи писать, но, по удачному выраженію одного швейцарскаго историка, «былъ поэтомъ только въ прозѣ».

Бониваръ и три другіе, жившіе почти одновременно съ нимъ хроникера, незамѣтно вводятъ насъ въ самый разгаръ эпохи реформации, этой великой религиозной и нравственной революціи, отразившейся на всѣхъ сторонахъ общественной и политической жизни реформированныхъ странъ. Дѣятелями реформации въ Швейцаріи были: Фарель (Guillaume Farel), Вире (Pierre Viret), Кальвинъ (Picard Calvin), и Де-Безъ (Theodore de Bèze). Ихъ дѣятельность, какъ реформаторовъ, хорошо извѣстна, какъ извѣстна и ихъ личная характеристика. Южанинъ Фарель, безстрашный пионеръ реформы, увлекательный и увлекающійся, приготовилъ путь Кальвину и уступилъ ему дорогу. Кальвинъ—суровый, свѣтлый умъ, научно-развитой и дисциплинированный. Вире—ученикъ и послѣдователь Фареля. Де-Безъ—послѣдователь и другъ Кальвина. Права ихъ на мѣсто и имя въ исторіи литературы различны: Фарель и не претендуетъ на нихъ, онъ былъ всецѣло ораторомъ и проповѣдникомъ, пера не любилъ и почти имъ не пользовался; онъ самъ сказалъ: «если я что и написалъ, то только по принужденію, да и то нехотѣлъ, чтобъ выставляли мое имя».

Кальвину принадлежить, конечно, первое мѣсто. Это былъ и ораторъ, и политикъ, и писатель, а писатель больше, чѣмъ ораторъ. Его «Institution chrétienne», написанная еще, впрочемъ, во Франціи, считается шедевромъ французской прозы того времени. Написанное имъ здѣсь, въ Швейцаріи, не уступаетъ ни по слогу, ни по языку его «Institution»: тотъ же чисто французскій литературный языкъ, та же логическая ясность, сила и простота слога, и въ его «Commentaires» — и въ «Confession», въ «Sermons» и «Lettres».

Но первое мѣсто въ чисто швейцарской литературѣ безспорно должно быть отведено Вире. Вире (1511—1571 г.)—водузеецъ; его писа-

нiя не отличаются литературными достоинствами,—это первый лепет пробуждающагося національнаго сознания, разбуженнаго реформой, это первый писатель изъ народа, сохранившiй въ своемъ слогѣ особенности мѣстнаго говора, въ своихъ многотомныхъ писанiяхъ особенности мѣстнаго колорита. Пятьдесятъ томовъ его писанiй не блещутъ отдѣлкой; у него не доставало времени быть краткимъ! Де-Безъ писалъ и даже стихами, но изъ всѣхъ его произведенiй дѣлаетъ ему честь одна лишь «*Vie de Calvin*», тепло и обстоятельно написанная биографiя Кальвина.

Другихъ именъ реформацiя исторiи литературы не дала, да и не могла дать. Реформацiя, стремившаяся все подчинить себѣ, и литературу обратила въ свою пособницу и слугу, и пользовалась ею какъ средствомъ, какъ орудiемъ пропаганды. И эта служебная роль литературы надолго, если не навсегда, осталась за ней. «Искусство для искусства» незнакомо, немислимо въ Швейцарiи,—тенденцiя въ ней все или *почти* все, потому что свободное творчество и здѣсь все-таки иногда невольно прорывается. Но та же вѣчно живая въ Швейцарiи тенденцiя привела естественнымъ путемъ къ созданiю социальнаго романа, которому принадлежить будущее.

Реформацiя такъ глубоко измѣнила теченiе романской жизни, такъ властно отразилась на всѣхъ ея сторонахъ, что въ реформѣ можно искать и находить начало и объясненiе огромной массы явленiй этой жизни. Такъ, ко временамъ реформы восходитъ основанiе въ романской Швейцарiи всевозможныхъ школъ, библиотекъ, коллежей, Лозанской и Женевской академiй,—тѣхъ центровъ, отъ которыхъ исходитъ и къ которымъ возвращается все умственное и художественное движенiе романскаго духа. Тамъ же и тогда же дѣятельно работаютъ швейцарскiе и иностранные печатники.

Потребовалось не менѣе двухсотъ лѣтъ, чтобъ національное сознание сбросило съ себя спутывавшия и душившiя его путы кальвинизма. Реформа, давъ сначала толчокъ и импульсъ всему, не обезпечила развитiю свободы, подавивъ его неподвижностью своего авторитета. Но вотъ сначала робко, потомъ все смѣлѣе и сильнѣе заговорило національное сознание, вспомнивъ и свою до-реформенную независимость, и свою жизнерадостность и любовь къ свободѣ.

Наступилъ восемнадцатый вѣкъ, возродилась къ свободѣ и романская Швейцарiя, но двухсотлѣтнее влiянiе кальвинизма не прошло для нея безслѣдно. Подавляя національный духъ своимъ объединяющимъ господствомъ, оно положило начало тому объединенiю, которое въ послѣднее время отразилось даже на ходѣ политической жизни Швейцарiи.

Но прежде чѣмъ вступить на путь болѣе или менѣе свободнаго національнаго развитiя, романская Швейцарiя пережила въ XVIII в. периодъ умственной и художественной полуавтономiи, въ который, переставъ быть исключительно протестантской, она, прежде чѣмъ стать сама

собой, прошла чрезъ французское вліяніе, и только въ XIX вѣкѣ, во второй его половинѣ стала возвышаться надъ этимъ вліяніемъ. Немалую роль въ смыслѣ французскаго вліянія играло то обстоятельство, что Швейцарія не разъ и не два, а много разъ за это время имѣла общихъ съ Франціей писателей и ученыхъ, права на которыхъ у обѣихъ странъ были, по крайней мѣрѣ, одинаковы. Къ числу такихъ представителей умственной и художественной жизни двухъ смежныхъ странъ, къ числу художниковъ и мыслителей, общихъ Франціи и романской Швейцаріи, относятся въ XVIII вѣкѣ два великихъ имени, которыми справедливо гордится Франція и которыя съ понятнымъ упорствомъ и увлеченіемъ старается оспорить у нея Швейцарія. Вольтеръ и Руссо хорошо знакомы намъ по исторіи французской мысли и литературы; намъ извѣстно ихъ международное значеніе; посмотримъ здѣсь, на чемъ основываетъ Швейцарія свои притязанія на нихъ и на другихъ дѣятелей XVIII вѣка, игравшихъ болѣе или менѣе выдающуюся роль въ жизни Европы того времени. Вотъ что говоритъ Годэ въ своей Исторіи» *): «Женева издаетъ въ свѣтъ «Духъ законовъ **), принимаетъ Вольтера, производитъ Руссо, даетъ Франціи Неккера съ его знаменитой дочерью, — сподвижниковъ Мирабо, революціи—публицистовъ и Соссюра—наукѣ. Лозанна, гдѣ выросъ Бенжаменъ Констанъ, принимаетъ и образовываетъ Гиббона, становится любимымъ rendez-vous интеллигентной Европы. Невшателъ стремится не отстать отъ нихъ, и если, по досадной случайности, въ немъ родится Маратъ, то у него есть и другія, болѣе достойныя, литературныя заслуги».

Итакъ, не одними Вольтеромъ и Руссо гордится Швейцарія XVIII в.; но сначала скажемъ два слова о нихъ. Вольтеръ уже 61 года отъ роду, но еще въ расцвѣтѣ силъ и славы, прибылъ въ 1754 году въ Лозанну послѣ своего разрыва съ Фридрихомъ II, и провелъ здѣсь три зимы, не возмущивъ ничьего покоя, чего никакъ нельзя сказать о его пребываніи въ Женевѣ, куда онъ затѣмъ переѣхалъ. Въ Лозаннѣ онъ только жилъ, — въ Женевѣ онъ дѣйствовалъ; онъ задумалъ дѣлать надѣлать Женеву театромъ, — Женеву, суровый кальвинизмъ которой не допускалъ актеровъ на порогъ города! Сарказмъ Вольтера восторжествовалъ. Но торжество это стоило ему двадцати лѣтъ упорной борьбы. Женевцы съ увлеченіемъ аплодировали его «Заирѣ». А онъ въ упоеніи побѣдой ***) только удвоилъ нападки. Духовенство было обезсилено борьбой съ Фернейскимъ отшельникомъ, не пощадившимъ его и въ посвященной Женевѣ статьѣ энциклопедіи, гдѣ духовенство

*) «Histoire littéraire de la Suisse française».

**) Монтескье избралъ Женеву мѣстомъ напечатанія своего труда потому, что городъ этотъ еще со временъ Генриха IV пользовался свободой ввоза смолкъ произведеній во Францію; Германія и Италія также были ему открыты.

***) «Никогда кальвинисты не были нѣжныѣ, писалъ Вольтеръ около того времени.—Слава Богу, все идетъ хорошо,—я совратилъ совѣтъ и республику».

женевское представлено чуть ли не рационалистическимъ. Двадцатилѣтнее пребываніе Вольтера сначала въ Женевѣ, а затѣмъ у воротъ ея, въ Фернеѣ, не прошло безслѣдно для нравственной и умственной жизни города, давшего міру Руссо съ его Новой Элоизой, «Эмилиемъ», и «Общественнымъ договоромъ».

Права Швейцарии на Руссо очевидны и безспорны. Въ самомъ гениі его, въ его характерѣ и темпераментѣ не мало чертъ, полученныхъ имъ въ наслѣдство отъ Женевы и Кальвина. Проповѣдникъ-моралистъ, республиканецъ, пуританинъ, горячность, энергія, независимость сужденій и склонность къ разсужденіямъ,—все говоритъ за его кровную связь съ романской Швейцаріей, — связь, подчеркнутую еще тѣмъ вліяніемъ, какое имѣла на него г-жа Варенсъ, олицетвореніе романской поэтичности и энтузіазма. Источникъ же пессимизма Руссо въ Кальвинѣ.

Какъ же отнесся «городъ» къ своему «гражданину»? Превознеся его сначала за его «рѣчь о нравственности», онъ затѣмъ воздвигъ на него гоненіе за «Эмиля»,—книгу предалъ огню, а автора—аресту. Но все это ужъ хорошо извѣстно читателю.

Восемнадцатый вѣкъ закончился великой революціей. Въ эпоху ея швейцарская литература, въ лицѣ главныхъ своихъ представителей, еще болѣе слилась съ французской, такъ что даже трудно прослѣдить, чтó тотъ или другой писатель унаслѣдовалъ отъ меньшей и чѣмъ онъ обязанъ большей изъ двухъ сосѣднихъ французскихъ странъ.

Ставъ, Бенжаменъ Констанъ, Сисмонди, Бошкеттенъ, а за ними и многіе другіе никогда не хотѣли признать себя швейцарцами, которыми были по происхожденію, тѣмъ менѣе считали они себя швейцарскими писателями, какими были отчасти по унаслѣдованнымъ особенностямъ ума и темперамента. Неккеръ (министръ Людовика XVI), г-жа Неккеръ-де-Сессюръ,—все это уроженцы и питомцы Швейцаріи, избравшіе для своей дѣятельности болѣе широкое поле. Только одна г-жа де-Шаррьеръ (M-me de-Chagrière, 1740—1805), голландка по происхожденію, не погнушалась всѣ свои силы отдать на служеніе Швейцаріи и ея литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ Швейцаріи стала ея вторымъ отечествомъ. Литературное дарованіе г-жи де-Шаррьеръ было большое и оригинальное; пренебрегая сложностью интриги и вышними эффектами, она едва ли не первая пыталась давать въ своихъ романахъ анализъ психической жизни героевъ. Къ лучшимъ ея произведеніямъ относятся: «Calixte», «Trois femmes», «Le mari sentimental» и наконецъ, ея Невшательскія письма, живо рисующія въ бѣгломъ и сжатомъ разсказѣ современное ей общество со всѣми его смѣшными и гадкими сторонами. Не мало личной непримиримой вражды къ писателю породили эти письма въ тѣхъ, кто узнавалъ или только думалъ, что узнавалъ себя въ живыхъ, но только на половину списанныхъ съ дѣйствительности типахъ. Это, впрочемъ, не помѣшало сгруппиро-

ваться вокругъ нея всему, что только было не зауряднаго въ Невшателѣ и Коломбѣ. Въ ея письмахъ о Лозаннѣ проходитъ цѣлый рядъ портретовъ знаменитыхъ личностей, на первомъ мѣстѣ среди которыхъ стоитъ Гиббонъ. Лозанна въ то время была любимымъ мѣсто-пребываніемъ иностранцевъ, которыхъ привлекало сюда и общество, и природа: не вѣнчанныя цари и развѣнчанныя писатели, любители свободы и искатели приключеній, ученые и дипломаты,—все искали и находили на гористомъ берегу голубого Лемана и желаемую свободу, и новое отечество («Свобода и отечество»—девизъ на гербѣ Водскаго кантона).

Перейдемъ теперь къ тѣмъ, чьи имена и дѣла живы и до сихъ поръ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ Винэ (Alexandre Vinet, 1797—1847). Большая часть его жизни и дѣятельности протекла въ Лозаннѣ, которая къ тому времени приобретаетъ значеніе самостоятельнаго центра духовной жизни. Начало XIX вѣка было отмѣчено для всей вообще романской Швейцаріи большими перемѣнами. Разрозненные до тѣхъ поръ отдѣльныя мелкія государства объединяются. Пересмотръ конституцій; переходъ отъ консервативной политики къ болѣе или менѣе радикальной; начало новой эры; пора войнъ борьбы за свободу и независимость закончена; настаетъ время мирнаго развитія; на смѣну герою-солдату выступаютъ труженики науки, релігіозные философы, вдохновенные пѣвцы романтизма.

Рамбергъ, характеризуя это движеніе, какъ «релігіозное и поэтическое», считаетъ представителемъ перваго Винэ, а втораго—Оливье. Дѣйствительно, вокругъ этихъ двухъ главныхъ фигуръ группируются все остальные. Впрочемъ, къ этимъ именамъ можно было бы прибавить еще два—Ришара и Моннерона.

Романтизмъ въ Швейцаріи не былъ самостоятельнымъ направлениемъ; онъ явился до нѣкоторой степени отблескомъ этого движенія во Франціи, но не отраженіемъ, не подражаніемъ.... Уступая Франціи по красотѣ формы и изяществу языка, Швейцарія дала больше глубины, больше мысли, больше содержанія. Въ одномъ лишь онѣ были равны,—«въ романтической сентиментальности». Болѣе мужественныя ноты встрѣчаемъ лишь у Ришара, болѣе веселыя у Оливье. Но что замѣчательно у швейцарскихъ авторовъ, такъ это ихъ искренность! Осторожныя, нерѣшительныя вначалѣ, они потомъ отдаются всей душой, и безъ возврата.

Современники спрашивали о Винэ: «Кто этотъ уродъ, который становится прекраснымъ, когда говорить?»

Воспитанный въ узкихъ и строгихъ взглядахъ кальвинизма, Винэ мало-по-малу освобождается отъ его вліянія, примыкаетъ къ движению «Пробужденія» *), пишетъ мемуары о свободѣ вѣроисповѣданій и съ

*) Мистически-нравственное ученіе, провозглашенное въ 1813 году въ Женевѣ баронессой Крюденеръ, очень схожее съ ученіемъ Моравскихъ братьевъ.

восторгомъ прѣтствуетъ возникновеніе въ 1845 г. свободной церкви (église libre). «Истинный прогрессъ,—говоритъ онъ,—заключается въ постоянномъ обновленіи; оставаясь всегда вѣренъ самому себѣ, онъ перестаетъ быть правдивымъ и истиннымъ». Его главной заботой была справедливость и терпимость къ чужому мнѣнію; онъ доходилъ до того, что вмѣсто литературной критики давалъ комментаріи, дополненія, выводы. Изъ области эстетики тотчасъ же переходилъ въ сферу этики и вопросы искусства вездѣ и постоянно смѣшивалъ съ вопросами нравственности. Онъ моралистъ. Литература для него—орудіе общественной пропаганды, слово, по его мнѣнію, должно всегда и непременно вести къ дѣлу и давать результаты. Но и за благое намѣреніе онъ часто готовъ былъ простить автору и неумѣнье, и безталантность. Зато какимъ позоромъ онъ клеймилъ тѣхъ, кто какъ Жоржъ Зандъ, не преклонялся предъ требованіями нравственности и даже осмѣливался игнорировать ихъ.

Къ своему труду онъ относился почти благоговѣнно, какъ къ священной обязанности,—обязанности отыскивать и указывать другимъ истину. Онъ читалъ и перечитывалъ по многу разъ то, надъ чѣмъ собирался произнести свой приговоръ; старался понять и объяснить даже то, о чемъ авторъ упоминалъ лишь мимоходомъ. Его анализъ удивительно глубокъ, выводы—истинны и новы, обобщенія—широки и смѣлы; но въ постоянной погонѣ за безусловной точностью выраженія онъ исправлялъ и переправлялъ языкъ своихъ сочиненій, нерѣдко въ ущербъ ясности и красотѣ слога, отнюдь не гоняясь ни за красотой, ни за звучностью языка, ни даже за его правильностью иногда. Онъ избѣгалъ «фразъ»; опасаясь, чтобы слова «ne dépassent la pensée» (бу-квально: не превзошли мысли).

Но мысль его была всегда сильна, свободна, оригинальна и богата содержаніемъ. Еще не такъ давно Брюнетьеръ признался, что пересталъ читать Винэ, такъ какъ убѣдился, что все, что онъ у себя считаетъ оригинальнымъ по мысли и обобщенію, равнѣе его и лучше его сказалъ Винэ. Брюнетьеръ только искреннѣе и добросовѣстнѣе другихъ: другіе заимствуютъ, не называя.

Авторитетъ его признавали современники, даже самые выдающіеся. Ламартинъ писалъ ему: «жду съ нетерпѣніемъ вашего авторитетнаго приговора,—онъ мнѣ покажетъ, чего стоитъ моя книга». И не одинъ Ламартинъ, но и Гюго, Беранже, и Шатобрианъ. Въ основѣ его критики всегда лежало широкое пониманіе христіанства, какъ гуманной идеи торжества всеобщаго братства. По выраженію Сентъ-Бева, критика его была «не только нисходительной, но и... милосердной». Взглядъ Винэ на религію и на религіозную критику былъ необыкновенно широкъ. «Религіозная критика,—писалъ онъ,—должна проникать всюду, об-суждать всѣ интересы общества, касаться всѣхъ сферъ умственной, духовной дѣятельности човѣка». Образчикомъ его критики можетъ

служить заключеніе его статьи о Робинзонѣ Крузо: «...наконецъ, Робинзонъ можетъ уже видѣть бѣгѹщие на горизонтѣ паруса судна, которое увезетъ его изъ пустыни. Робинзонъ, братъ мой, человекъ труда, безъ отдыха, безъ свободы, почти безъ общественныхъ отношеній! Отчего не могу я моими тѣлесными очами видѣть бросающимъ якорь судно твоего спасенія,—видѣть тебя радостно восходящимъ на корабль съ тѣмъ, чтобы вернуться въ лоно общества, унося съ собой лишь воспоминаніе о своемъ одиночествѣ!»

Писалъ Винз и стихи, но о нихъ лучше не упоминать.

Во время своего пребыванія въ Лозаннѣ онъ группировалъ вокругъ себя лучшія силы французскаго протестантизма и имѣлъ среди молодежи много горячихъ послѣдователей. Нѣкоторые изъ нихъ впоследствии составили себѣ имя въ швейцарской литературѣ и въ свою очередь стали центрами, вокругъ которыхъ группировалось швейцарское студенчество и молодежь вообще. Но школы в Винз не создалъ, хотя и могъ создать.

Ближайшими же послѣдователями Винз основалы старѣйшія изъ швейцарскихъ студенческихъ обществъ: въ 1806 гѹду Моннаръ основалъ общество художественной словесности (Société de Belles Lettres); Вюльеменъ—общество изученія романской исторіи (Société d'histoire de la Suisse romande); въ 1819 г.—студенческое общество Зофингенъ (Société de Zofingen). Каждое изъ этихъ обществъ имѣло, да имѣетъ и теперь свой органъ, въ которомъ молодые таланты впервые пробуютъ свои силы, начинаютъ работать и вырабатываются Изъ этихъ-то юныхъ соудрудниковъ выходятъ почти всѣ писатели и выдающіеся государственные люди Швейцаріи.

Около того же времени возникли и первые періодическіе журналы романской Швейцаріи: «Bibliothèque Britannique» (переименованная въ 1885 г. въ «Bibliothèque Universelle») и «La revue Suisse», основанная въ 1838 году. Оба изданія соединились въ одно въ концѣ 1861 года. Характеръ и направленіе ихъ были и остаются вполне швейцарскіе, романскіе, и большая часть соудрудниковъ ихъ вербуются изъ кантоновъ Женевы, Невшателя и Во. Труднобыло въ то время существованіе періодической печати въ Швейцаріи и велика заслуга тѣхъ, кто, побѣдивъ всѣ затрудненія, обезпечилъ за молодыми журналами будущность и успѣхъ. Главнымъ достоинствомъ «Bibliothèque Universelle» считаютъ и до сихъ поръ ея ситему ежемѣсячныхъ хроникъ, резюмирующихъ все умственное и общественное движеніе главныхъ европейскихъ центровъ.

Возвратимся къ крупнымъ представителямъ новаго направленія. Трудно сказать, кому изъ нихъ слѣдуетъ зѣсь отвести первое мѣсто. Одни считаютъ его за Фридрихомъ Моннерономъ (Fréd. Monneron), другіе—за Альберомъ Ришаръ (Alb. Richard), третьи, наконецъ, за Юстомъ Оливье (Juste Olivier). Первый изъ ихъ, по выраженію Сентъ-

Бева, «былъ истиннымъ поэтомъ и могъ бы стать великимъ поэтомъ», еслибъ жилъ дольше. Это былъ, можетъ быть, тотъ гений-поэтъ, котораго такъ ждешь, такъ жаждешь Швейцарія. Но онъ умеръ 24-хъ лѣтъ. Все въ его наброскахъ, эскизахъ, отрывкахъ—прекрасно, оригинально и смѣло, и мысли, и образы, и настроеніе, и слогъ.

Второй, Рипаръ, швейцарскій бардъ, пѣвецъ легендъ и преданій; уступая во многомъ первому, онъ превосходитъ его силой слога, воинственнымъ энтузіазмомъ и патриотизмомъ. Прислушавъ одно изъ его стихотвореній, Беранже сказалъ: «Да, это должно быть очень хорошо по-нѣмецки!»

Относительно третьяго, Жюсть Оливье, нельзя ограничиться двумя словами, хотя бы по одному тому, что имъ написано безконечно больше двухъ первыхъ. Въ массѣ его сочиненій не мало истинно цѣннаго и прекраснаго, недостаточно, впрочемъ, оцененнаго современниками. Онъ былъ лирикъ, мечтатель, мистикъ, художникъ съ натурой до сентиментальности чуткой и впечатлительной, весь проникнутый восторженной любовью къ роднымъ мѣстамъ, но, видно, и поэтомъ такъ же трудно быть признаннымъ на родинѣ, какъ и пророкомъ, особенно если эта родина Швейцарія. И вѣрный сынъ своей земли, возвеличившій и воспѣвшій ее, долженъ былъ всю жизнь свою скитаться по чужбинѣ, и на родину вернулся лишь умереть... нищимъ. А какъ онъ любилъ ее, эту родину! Какъ воспѣвалъ! Онъ создалъ ей національный гимнь, нарисовавъ себѣ идеалъ ея, могущественной и славной духовнымъ величіемъ. Его мечтой было создать своей родинѣ національную поэзію, французскую по языку, романскую, водуазскую по духу (кантонъ Во былъ его родиной). Онъ такъ любилъ его сельскіе пейзажи и голубой Леманъ, — «зеркало небесъ», сады, долины, виноградники и Альпы. Сколько альпійскихъ легендъ онъ переложилъ въ стихи, онъ и началъ свою поэтическую карьеру поэмой «Julia Alpinula», за которую юный поэтъ (21 года) получилъ первую (да и не единственную ли?) награду. Сколько наивныхъ народныхъ пѣсенъ, что пѣвала ему его мать или что подслушалъ онъ самъ впоследствии въ отрывочныхъ народныхъ припѣвахъ, облекъ онъ въ художественную форму правильнаго стиха и сохранилъ отъ забвенія («Ranz des Vaches», «Frère Jacques», и мн. мн. др.).

Интересенъ его взглядъ на исторію. Исторія страны, для него, заключается не только въ событіяхъ общественной и политической жизни, но и въ природѣ страны, въ ея нравахъ, преданіяхъ, предрассудкахъ, въ народной литературѣ и въ томъ, что онъ называлъ «тайственнымъ влияніемъ земли на человѣка». Между всѣмъ этимъ существуетъ тайная связь, задача историка—уловить эту связь и прослѣдить по ней единство національнаго характера («Etudes d'histoire nationale»). Въ романахъ его и новеллахъ ему скорѣе удавались портреты историческихъ личностей, нежели вымышленные герои, которые у него какъ-то всегда остаются въ тѣни, недорисованными, но это не мѣшаетъ имъ быть

очень привлекательными, какъ тотъ «Syloian» (пастушекъ въ его «Fins-Hauts»), въ которомъ онъ олицетворилъ «генія водуазской поэзіи»,—одинъ изъ послѣднихъ созданныхъ имъ образовъ.

Но слогъ его неровный, мѣстами тяжелый, мѣстами неясный и въ этомъ, можетъ быть, причина того, что его уже начинаютъ забывать; не имя,—имя Жюсть Оливье извѣстно въ Швейцаріи всякому и въ каждой библиотекѣ найдешь его творенія, но читаются они все меньше и меньше. И только швейцарская молодежь и до сихъ поръ зачитывается ими. У Жюсть Оливье юный швейцарецъ научается и любви къ литературѣ, и любви къ природѣ, и любви къ родинѣ,—къ той родинѣ, о которой извѣстенъ гордый стихъ его жены и сотрудницы:

«Qu'aujourd'hui l'on te voie
A genoux devant Dieu, debout devant les rois!» *).

Перейдемъ теперь къ тому, кто, по выраженію Марка Моннье, былъ сыномъ однихъ, отцомъ другихъ и братомъ всѣхъ. Пти-Сенъ (J. Petit-Senn, 1791—1870) пережилъ всѣхъ современныхъ ему поэтовъ, какъ пережилъ и романтизмъ, почти, впрочемъ, не испытавъ на себѣ его вліянія. Изъ всего его литературнаго багажа пересмотримъ только его «Bluettes et Boutades», въ которыхъ онъ выказалъ себя тонкимъ мыслителемъ, очень остроумнымъ, немного злымъ. Эта маленькая книжка почти не переводима.

«Скромный человекъ похожъ на вѣсы, которые склоняются съ одной стороны лишь для того, чтобы подняться съ другой.

«Скорѣе отдають справедливость тому, кого больше нѣтъ, чѣмъ тому, кого тутъ нѣтъ.

«Если другъ попроситъ у васъ денегъ, подумайте сначала, что для васъ легче, потерять друга или деньги.

«Пустякъ уязвляетъ самолюбіе, но ничто не можетъ убить его.

«Самой прибыльной торговлей было бы покупать людей за то, чего они стоятъ, и перепродавать за то, во сколько они себя цѣнятъ.

«Мы всегда крайне признательны за услуги, которыя намъ еще только собираются оказать.

«Уважайте сѣдины,—въ особенности свои».

Швейцарскіе историки, поэты и писатели, то и дѣло жалуются, «трудно быть великимъ писателемъ или великимъ историкомъ маленькой страны», и чѣмъ уже граница, тѣмъ, кажется, славѣ труднѣе ее перейти. Но бываютъ и исключенія. Такимъ былъ Родольфъ Тблферъ (Rodolphe Toeffler, 1799—1847). Извѣстность его далеко перешла за предѣлы его швейцарской родины,—во Францію, Англию, Германию. По направленію онъ не принадлежитъ ни къ одной изъ официальныхъ школъ,—стоитъ въ сторонѣ и одиноко. Трудно однимъ словомъ

*) «Пусть видятъ тебя на колѣняхъ передъ Богомъ и во весь ростъ передъ царями».

опредѣлить характеръ его дарованія, но несомнѣнно, что дарованіе у него было большое и оригинальное. Швейцарскіе критики его опредѣляютъ такъ: «туристъ, юмористъ, моралистъ, каррикатуристъ» и т. д. Вѣрно одно, это былъ не дюжинный художникъ, одинаково хорошо владѣвшій какъ перомъ, такъ и карандашемъ.

Еще школьникомъ онъ выказывалъ больше склонности къ искусству, чѣмъ къ наукамъ, и часто за уроками рука его почти безсознательно чертила на учебныхъ тетрадяхъ разные смѣшные типы; изъ нихъ-то и создались впоследствии знаменитые его «albums drolatiques», а многіе изъ созданныхъ имъ типовъ стали нарицательными именами: Jabot, Crépin, Festus и мн. мн. др. Болѣзнь глазъ помѣшала ему безраздѣльно отдаться искусству и побудила его стать педагогомъ (вѣдь въ каждомъ швейцарцѣ сидитъ скрытый педагогъ). Описаніе экскурсій, которыя онъ предпринималъ въ глубь Альповъ со своими учениками, составили его «Voyages en Zigzag». Это было еще первое художественное описаніе Альповъ: появилось оно одновременно съ научнымъ изслѣдованіемъ Соссюра. Это было счастливое начало, и съ тѣхъ поръ альпійская литература съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ.

Впрочемъ, едва ли бы Тѳферъ выпустилъ въ свѣтъ свои типы и альпійскіе рассказы, еслибъ не рѣшающій приговоръ Гёте. Случайно познакомившись съ типами, тогда еще не предназначавшимися для печати, онъ воскликнулъ съ восторгомъ: «Все въ нихъ дышитъ умомъ и талантомъ! Иныя страницы невозможно превзойти. Если когда-нибудь я видалъ оригинальный талантъ, то вотъ онъ».

Какъ романистъ Тѳферъ стоитъ гораздо ниже, хотя и тутъ у него есть нѣсколько талантливо написанныхъ вещей: «La Bibliothèque de mon oncle», «Preslytère» и др.,—которыя посвящены имъ юности. Есть у Тѳфера и теоретическій трактатъ объ искусствѣ, которому бы онъ хотѣлъ съ такой любовью служить; взгляды его на искусство, впрочемъ, довольно неопредѣленные: «искусство,—говоритъ онъ,—не подражаніе, не обманъ только зрѣнія,—это выраженіе, это поэзія, свободное толкованіе, это творчество».

Но на памяти этого человѣка лежитъ укорнымъ пятномъ его непримиримый консерватизмъ, даже больше! Тѳферъ былъ ретроградомъ. «Прогрессъ и холера, холера и прогрессъ — два бича, неизвѣстные древнимъ», говорилъ онъ, и тутъ же какъ бы смягчалъ сказанное: «подъ прогрессомъ я здѣсь разумѣю лишь измѣненія, ошибочно принимаемая за прогрессъ, пустыя слова, ложно считаемя за истину». Редактированный имъ съ 1841 года «Courrier de Genève» открыто и ожесточенно боролся противъ прогрессивныхъ демократическихъ влѣній того времени.

Швейцарцы стараются извинить этого «enfant terrible de la réaction»: «И въ самомъ ослѣпленіи своемъ онъ оставался искрененъ и честенъ». Онъ, повидимому, и самъ забывалъ объ этой сторонѣ своей

дѣятельности, почему и могъ, подводя итоги своей жизни, сказать: «Я не писалъ ничего вреднаго, безнравственнаго, не рисовалъ никакихъ другихъ эскизовъ, кромѣ веселыхъ».

Еще два слова о языкѣ его писаній. Слогъ у него неровный; мѣстами образный и живой,—настоящій французскій языкъ; мѣстами же грубый швейцарскій говоръ, испещренный архаизмами и провинциализмами.

И приговоръ, не разъ высказанный о немъ, мнѣ остается непонятенъ: «Талантъ его граничитъ съ гениемъ». Ни разу во время чтенія его произведеній не пришла мнѣ въ голову мысль о его гениальности. Талантъ—да, и даже большой, но далеко не гений.

Гений, гениальность—это то, чего ждетъ, чего жаждетъ Швейцарія въ своихъ поэтахъ и что все не дается ей послѣ того какъ Франція отняла у нея Руссо; но вѣдь Руссо и не былъ поэтомъ. А швейцарцы призываютъ именно поэта—гения, который бы силою своего дарованія возвеличилъ въ своихъ пѣсняхъ и на весь міръ прославилъ Великую Гельвецію.

Но кальвинизмъ еще такъ недавно сковывалъ въ ней всякое свободное проявленіе художественнаго творчества, что на почвѣ, имъ вскормленной, еще долго, пожалуй, не разцвѣстъ привольно и пышно свободной вдохновенной поэзіи; развѣ только ожидаемый поэтъ-гигантъ будетъ совѣтъ особаго рода. Кто онъ будетъ? И каковъ? Какія пѣсни онъ будетъ пѣть, что прославлять? и звать куда? Каковъ будетъ его идеалъ? Каковъ завѣтъ? И будетъ ли все это когда? Кто знаетъ....

А пока швейцарцы въ каждомъ рано угасшемъ дарованіи оплакиваютъ возможность потери, ищутъ и находятъ гениальныя черты. И такихъ рано скошенныхъ смертью поэтовъ у нихъ не мало: Галлюа, Моннеронъ, Дюранъ и Алиса Шамбрие (Alice de Chambrier, 1861—1882) съ безспорнымъ художественнымъ дарованіемъ, сильнымъ и оригинальнымъ. У нея почти нѣтъ біографіи: семнадцать лѣтъ она ужъ писала, двадцати одного года ужъ умерла. Но за этотъ короткий промежутокъ времени она такъ много создала, такъ усовершенствовалась въ технику стиха, такой достигла силы мысли и красоты образа, что мысль о томъ, чѣмъ бы она могла стать впоследствии для своей родины, естественно вызывала у швейцарскихъ патріотовъ жгучія слезы «еще одной разбитой надежды».

Къ посмертному изданію ея стиховъ (при жизни она ихъ почти не отдавала въ печать, очень строго относясь къ своему творчеству) приложенъ ея портретъ: дѣтское по очертаніямъ личико, но не дѣтское выраженіе большихъ, прекрасныхъ глазъ, задумчиво устремленныхъ вдаль, au-delà (заглавіе сборника ея стиховъ) на вѣчные неразрѣшимые вопросы бытія. Къ концу ея жизни (который, увы! почти совпалъ съ ея началомъ) къ нимъ примѣшивались уже и «проклятые» жизненные вопросы. Доказательствомъ можетъ служить одно изъ лучшихъ ея стихотвореній: «La plume».

Сборникъ открывается несовершеннымъ еще по формѣ, но прекраснымъ по содержанію, глубокимъ по мысли стихотвореніемъ «*Rouquoi mougig*», въ которомъ уже сказывается обычное направленіе ея мечты и мысли. Весь сборникъ не великъ, — всего пятьдесятъ названій.

Въ творествѣ своемъ она была самостоятельна и оригинальна, едва ли даже можно указать въ ея стихахъ вліяніе Гюго, ея любимаго поэта. Въ стихѣ ея нельзя замѣтить ни одной изъ тѣхъ особенностей и слабостей, какими привыкли отмѣчать женскій стихъ. Любовь не была мотивомъ ея пѣсенъ, хотя всѣ онѣ проникнуты любовью... къ людямъ, къ природѣ, къ родинѣ, любовью и, еще больше, мыслью, душой, наполнявшей и освѣщавшей всю ея жизнь и дѣятельность. Да, это былъ большой, самородный и прекрасный талантъ.

Я останавливаюсь только на болѣе выдающихся и потому обхожу молчаніемъ Пьера Ссиабере, Урбэна Оливье (о которомъ, впрочемъ, упоминаю выше), Фрица Берту и многихъ другихъ.

Дальше идутъ уже наши современники, поэты и писатели, живущіе и работающіе и по сейчасъ. Ихъ очень много; есть между ними и выдающіеся, талантливые, но нѣтъ ни одного, создавшаго школу, отмѣтившаго эпоху.

Обратимся сначала къ поэтамъ. Ихъ меньше. Они ярче рисуются. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоитъ Варнери (*Henry Wagnery*). По нему можно измѣрить путь, пройденный Швейцаріей и швейцарскою поэзіей отъ временъ кальвинизма. Исчезло слѣпое повиновеніе реформѣ, парализовавшее и мысль, и чувство; не чуждаются больше ни новизны, ни оригинальности, не пренебрегаютъ формой, не оглядываются назадъ, а смѣло поютъ и бодро идутъ впередъ. И только серьезность, скромность, не допускающая грубости и распущенности современной Франціи, сохранилась у нихъ отъ суровыхъ традицій кальвинизма. Они всегда знаютъ, о чемъ поютъ и почему поютъ; у нихъ всегда есть почва и цѣль: «искусство для искусства» чуждо и непонятно имъ теперь, какъ и прежде.

На первомъ мѣстѣ изъ твореній Варнери, безспорно, слѣдуетъ поставить едва ли не первую по времени его поэму «*Les Origines*», произведеніе въ своемъ родѣ единственное; это художественная поэма бытія, философская эпопея, ясная и смѣлая по мысли, оригинальная по формѣ и только изрѣдка грѣшащая въ выраженіяхъ, не всегда точныхъ. Произведеніе это стоитъ того, чтобъ на немъ остановиться подольше. Думается, что поэма Варнери не умретъ, что ей суждено жить въ исторіи не только швейцарской, но и всемірной литературы.

«*Les Origines*» это — поэма міра, его происхожденія, жизни и развитія. Прекрасный звучный стихъ облакаетъ научную мысль, здравое понятіе о мірѣ, не страшщееся завѣтной тьмы и не склоняющееся предъ вѣковыми предрасудками. Какъ съ ребенкомъ принято почему-то говорить его будто бы языкомъ, неяснымъ и невѣрнымъ, такъ

и стихами почему-то все больше воспѣваютъ фантастическія темы, предпочитая преданіе—исторію, неуловимыя движенія души проявленіямъ мысли и чувства. Варнери въ поэмѣ о мірѣ представлялся выборъ между преданіемъ и научной истиной; онъ выбралъ послѣднюю, облекъ въ художественную форму и воспѣлъ, какъ другой сѣумѣлъ бы воспѣть только преданіе. И въ этомъ заслуга Варнери.

Начало поэмы уже показываетъ намъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. Это не ученикъ Кальвина, не прежній робкій швейцарскій писатель, боявшійся пуше всего самостоятельности и оригинальности—это поэтъ и свободный мыслитель.

Поэма начинается обращеніемъ къ «всемирному глаголу»:

«Источникъ чистый бытія, пусть называютъ тебя законъ, сила или Богъ... Какова бы ни была твоя тайна, вселенная твоя книга; пламенные листы ея мы жадно пробѣгаемъ».

Поэтъ мечтою переносится къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда повсюду была только ночь одна да безконечность слѣпой матеріи въ движущихся атомахъ. Изъ хаоса постепенно одинъ за другимъ рождаются новые міры и среди нихъ земля. Зарожденіе жизни на ней и въ концѣ долгой эволюціи приходитъ человѣкъ:

«Часъ насталъ; пусть же явится онъ, царь вселенной! О, божественная природа! Вѣдь ты устранишь съ его пути всѣ страданія; подъ ногами его разцвѣтутъ цвѣты; ты откроешь ему тайну вещей и поработишь ему свои силы. Пусть же приходитъ онъ!.. Но что это? Какое страшное чудовище встаетъ во мракѣ изъ праха и воды? Какимъ ужасомъ полны его глаза! Онъ слабъ и голъ...»

«Такъ вотъ, природа, твой царь, твой властелинъ! О, какое паденіе...»

«Но нѣтъ! Настанетъ день, и въ этомъ глазу загорится искра. Воспитанный медленно въ борьбѣ, изъ звѣря выйдетъ человѣкъ, который будетъ обязанъ лишь своему гению своимъ безконечнымъ могуществомъ».

Въ лѣсу, во тьмѣ бродитъ онъ, съ ужасомъ прислушиваясь къ малѣйшему шуму и ежеминутно ожидая нападенія дикихъ звѣрей. Какъ отогнать ихъ, чѣмъ? Одинъ въ ночи не спитъ человѣкъ и думаетъ свою думу. И вотъ вспоминается ему зажженный молніей на лѣсистомъ утесѣ пожаръ. Самые страшные звѣри въ ужасѣ спасались бѣгствомъ отъ огня. О! Еслибъ онъ сѣумѣлъ вызвать изъ подъ коры спящаго тамъ таинственнаго друга! Мысль, что солнце со своимъ свѣтомъ и тепломъ можетъ не вернуться, его повергаетъ въ трепетъ и заставляетъ еще крѣпче думать трудную думу. Но вотъ, наконецъ, и огонь найденъ, зажженъ очагъ, вокругъ него семья, а съ ней и пѣсня, и улыбка, и счастье!..

Авторъ слѣдитъ дальше, шагъ за шагомъ, за постепеннымъ возвышеніемъ человѣка, за его медленнымъ и труднымъ совершенствованіемъ изъ вѣка въ вѣкъ, и до сегодня, за всѣми его побѣдами во всѣхъ областяхъ техники и знанія. Это вдохновенный гимнъ человѣ-

ческому гению, гимнъ борцамъ за истину и справедливость, гимнъ жертвамъ прогресса.

«Да! Истинное челоѣчество то, которое страдаетъ и борется и гибнетъ за правду!.. Впередъ же, впередъ! Все меньше несправедливости! Все меньше невѣжества, и больше истины! Силой ли, свободой ли, но работа вѣковъ должна совершиться!»

Кромѣ этой поэмы и одновременно съ ней, появились и другія стихотворенія Варнери, цѣлый сборникъ (въ 1887 году): Много есть между ними хорошихъ, сильныхъ вещей, и по мысли и по формѣ, но лучшимъ, по моему, является «Fogsat» (каторжникъ). Къ сожалѣнью, стихотвореніе въ прозѣ, да еще въ переводной, становится неузнаваемо:

«Работай, работай безостановочно, голодный старикъ! Ну же, каторжный! Хлысть нужды надъ тобой занесенъ. Что-жъ ты остановился? Тамъ на соломѣ голодные, съ впалыми глазами, стонуть дѣти. А съ голубыхъ небесъ горячее солнце сибѣтся надъ нимъ, и вѣтеръ, напоенный ароматами лѣта, несетъ ему мечту о свободѣ, цѣлый рой невыполнимыхъ желаній. О чемъ же ты задумался? Развѣ ты не чувствуешь, какъ гложетъ тебя голодъ? Вставай же, вставай, старый трусъ! Пусть напоить тебя твой потъ, пусть еще горше станетъ отъ него твой хлѣбъ! Работай же! Изсуши свое тѣло и душу въ трудѣ, и когда отъ усталости затрепчатъ твои кости, умри, скрестивъ свои руки на вѣчный отдыхъ!»

Въ 1895 г. появился новый сборникъ его стиховъ: «Sur l'Alpe» (На Альпахъ), рисующій природу и жителей высосъ. Кто видѣлъ Альпы, кто проводилъ въ нихъ и зиму, и лѣто, тому хорошо знакомы описанныя въ сборникѣ картины: и яркое, горячее солнце надъ ослѣпительнымъ снѣжнымъ покровомъ, и рѣзко обрисованные причудливые силуэты горъ, и голубоватая дымка ущелій, и бѣлыя волны тумана, закрывающія долину, и бури, и грозы въ горахъ... И все это передано съ истиннымъ реализмомъ, правдиво, просто и художественно.

Но Варнери не только поэтъ,—онъ въ то же время и критикъ, и публицистъ, и беллетристъ, но главнымъ образомъ критикъ. Профессоръ французской литературы въ Невшателѣ (Невшательской Академіи), онъ много работаетъ и много пишетъ, и многого еще можно и слѣдуетъ отъ него ожидать.

У другого современнаго писателя романской Швейцаріи—Фюстера недостаетъ воображенія, но зато у него много красокъ, много движенія, и языкъ его носитъ чисто-французскій характеръ легкости, красоты и силы. Особенно красивъ и звученъ его стихъ, но къ сожалѣнью, въ музыкѣ его стиха мало души. Со временемъ, можетъ быть, этотъ недостатокъ пополнится, да и теперь уже замѣтна разница съ его первыми произведеніями.

Оригинальнѣе другихъ сборникъ «L'âme des choses». Авторъ говоритъ

что «во всѣхъ предметахъ, у которыхъ нѣтъ души, бьется все то же наше сердце»,—но нужно много выстрадать, чтобъ это увидѣть и понять. Лучшими въ этомъ сборникѣ слѣдуетъ назвать «Пыль» и «Мраморъ».

«Двигается войско, приблизилось, прошло, солдаты пѣли громко, гордо; что же осталось? Пройденный путь, и пыль, пыль, пыль...

«Толстая книга, высокомѣрные рѣчи, клятвы любви, высѣченныя на камнѣ надписи;—все должно было жить вѣка и все черезъ день превратится въ пыль, пыль, пыль...

«Пыль возьметъ мое сердце, возьметъ мои руки; никто не можетъ, убѣгая ея, вернуться назадъ, и эти стихи, которыя я пишу, что останется отъ нихъ завтра?—пыль, пыль, пыль».

Переходя отъ поэтовъ современной намъ романской Швейцаріи къ романистамъ, невольно вспоминаешь замѣчаніе, высказанное однажды Варнери: «Если въ романскихъ кантонахъ находятъ шестьдесятъ поэтовъ, то я безъ труда насчитаю полсотни рассказчиковъ и романистовъ, самаго различнаго достоинства. У насъ пишутъ слишкомъ много,—рассказовъ, новеллъ, очерковъ, набросковъ, сценъ, сказокъ, эскизовъ, мелочей... Мы червимъ ужасающее количество бѣлыхъ страницъ».

Варнери правъ, и изъ пятидесяти писателей едва ли стоятъ остановиться на десяти-пятнадцати. Но за то эти десять оригинальны и талантливы, и литература, считающая ихъ своими, можетъ гордиться ими.

Кого поставить здѣсь на первомъ мѣстѣ: Т. Комбъ (T. Combe) или Эд. Рода (Ed. Rood)? Т. Комбъ, конечно, потому, что она всецѣло принадлежитъ родной литературѣ и лучше и полнѣе ее выражаетъ тогда какъ Родъ—на половину французскій писатель.

Т. Комбъ—псевдонимъ писательницы, уроженки и жительницы Невшательскаго кантона. Она весь свой талантъ отдала на служеніе родинѣ, которую такъ хорошо изучила и которую съ такою любовью описываетъ. Герои ея такъ типичны и въ то же время такъ вѣрны дѣйствительности, такъ близки къ реальной правдѣ, что невольно видишь, узнаешь въ нихъ живыхъ людей. Отъ всѣхъ ея рассказовъ вѣетъ такую искренностью, такой простотой, широкимъ пониманіемъ человѣческой природы, что, читая ея произведенія, чувствуешь себя въ обществѣ друга, понимающаго и гуманнаго, въ устахъ котораго ни иронія, ни юморъ не могутъ быть оскорбительны. Прелесть и оригинальность ея рассказовъ и составляетъ именно этотъ не принужденный и быстрый переходъ отъ серьезнаго и довольно глубокаго анализа къ веселому «юмору безъ слезъ» и въ постоянномъ преслѣдованіи высокаго нравственнаго идеала,—въ простомъ, безчуръ простомъ, но не грѣшащемъ ни грубостью, ни провинциализмомъ языкѣ и въ безграничной гуманности.

Мѣстный колоритъ въ ея произведеніяхъ очень силенъ и очень

правдивъ. Она до тонкости изучила природу своей страны со всѣмъ разнообразіемъ ея красокъ и очертаній. Но еще лучше она знаетъ своихъ мирныхъ невшательскихъ горцевъ со всѣмъ, что есть въ нихъ прекраснаго и смѣшнаго, со всѣми ихъ оригинальными особенностями. Съ развитіемъ своего таланта она все больше переноситъ сферу дѣйствій въ разсказахъ изъ узкихъ рамокъ частной и личной жизни на арену общественной дѣятельности и социальной борьбы.

Въ Швейцаріи она пользуется огромной популярностью, которую еще увеличила въ послѣднее время незаконченная еще серія общедоступныхъ брошюръ (по три, четыре копѣйки) на разные случаи и вопросы жизни рабочаго. Брошюры эти издаются одновременно на двухъ языкахъ—французскомъ и нѣмецкомъ. Другая серія брошюръ обращается къ «богатымъ женщинамъ».

Первой же величиной, но уже на половину, если не большей своей половиной, принадлежащей Франціи, является Эд. Родъ (Edouard Rod), членъ ея академіи и сотрудникъ ея журналовъ. Но во многомъ онъ еще швейцарецъ и талантъ его носить на себѣ слѣды реформаціи, строгія нравственныя требованія, серьезное отношеніе къ жизни и людямъ, склонность поучать и пренебреженіе до нѣкоторой степени къ формѣ, къ языку. И во французской литературѣ онъ стоитъ скорѣе одиноко, несмотря на то, что его стараются причислить то къ натуралистамъ, черезъ вліяніе которыхъ онъ несомнѣнно прошелъ, то къ моралистамъ, потому, можетъ быть, что онъ написалъ *Idées morales du temps présent*. Вѣрно только, что онъ относится серьезно къ вопросамъ нравственности и даетъ тонкій психологическій анализъ своихъ героевъ.

Языкъ его чисто литературный французскій языкъ, но въ слогѣ нѣтъ и слѣда погони за эффектомъ, за красотой и силой фразы. Его герои—воздузцы (я говорю о той части его литературнаго труда, которая принадлежитъ исключительно Швейцаріи) и жители горъ преимущественно предъ жителями долины. Несмотря на всю высоту его нравственнаго идеала и строгость его нравственныхъ требованій, въ его отношеніяхъ къ людямъ много добродушной снисходительности къ ихъ слабостямъ и живого сочувствія къ ихъ горю.

Въ 1891 году напечатаны были въ Лозаннѣ его «Nouvelles Romanes»—сборникъ небольшихъ разсказовъ, изъ которыхъ нѣкоторые такъ глубоко правдивы и художественны, что могутъ быть названы лучшими его вещами. Большой его психологическій романъ изъ воздушской жизни «Roches blanches» печатался въ «Revue de deux Mondes» и былъ очень замѣченъ. Молодой пасторъ, проникнутый благоговѣніемъ къ своему священнослуженію, вдругъ увлекается молодой прекрасной женщиной; любовь преступна; они находятъ силы поборотъ ее въ себѣ и сердца ихъ превращаются въ «roches blanches» («бѣлыя скалы»)..

Есть у него и еще «*Ménage du pasteur Nodié*», «*Scènes de la vie Suisse*», «*La-haut*» и др. Если вѣрять ему, трудно приходится швейцарскому писателю; вотъ что говорилъ онъ по этому поводу на публичной лекціи въ Лозаннѣ: «Наша Швейцарія—страна маленькая или, скорѣе, собраніе маленькихъ странъ, въ каждой изъ которыхъ свои обычаи и нравы, свой языкъ, даже описаніе этихъ нравовъ можетъ быть интересно и разнообразно, но это лишь рамка для картины,—содержаніе же ея надо искать въ игрѣ людскихъ страстей, въ столкновеніи ихъ съ препятствіями. Для писателя люди безъ страстей и безъ борьбы, каковы нерѣдко наши швейцарцы, все равно что здоровые пациенты для доктора,—ему нечего съ ними дѣлать. Въ романѣ главный интересъ сосредоточивается на любви, и на любви патологической, которую такъ рѣдко встрѣчаешь у нашихъ мирныхъ и честныхъ горцевъ. Остается описаніе нравовъ, пересказъ обычаевъ, обрисовка типовъ, *couleur locale*, но тутъ швейцарскаго писателя встрѣчаютъ новыя затрудненія: въ описанныхъ имъ герояхъ каждый узнаетъ или только думаетъ, что узнаетъ себя,—и дѣло доходить иногда до суда! Не мало мѣшаетъ писателю и недоувѣріе нашихъ горцевъ къ печатному слову—они ревниво оберегаютъ свои легенды, скрываютъ свои историческія пѣсни, боясь насмѣшки, недоувѣрія печати,—и въ нѣкоторыя описанныя мною мѣстности романской Швейцаріи въѣздъ мнѣ уже закрытъ враждой и непониманіемъ».

Жгучіе вопросы современности, борьба рабочихъ съ работодателями, вопросъ, поставленный XIX вѣкомъ и ждущій своего разрѣшенія въ XX-мъ, иллюстрируются главнымъ образомъ двумя писателями: В. Росселемъ (*Virgile Rossel*) и В. Биоллейемъ (*Walter Biolley*). Соціальныи романъ перваго носитъ названіе «Трудные дни» («*Jours difficiles*», roman de moeurs suisses, 1896). Дѣйствіе развертывается въ маленькомъ промышленномъ городкѣ Юры, котораго авторъ не называетъ, но, вѣроятно, это *Biègne* или *Chaux-de-Fond*,—центръ часоваго производства. Жизнь рабочаго, занятаго на часовой фабрикѣ, проходитъ передъ нами, правдиво и искусно очерченная тонкимъ перомъ автора. Мы присутствуемъ въ мастерской на фабрикѣ, въ жилищѣ рабочаго и на сходкѣ рабочаго синдиката и на стачкѣ. Романическій элементъ не ярокъ, но правдивъ и не мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія. Развязка—примиреніе. Вѣрность дѣйствительности—главное достоинство этого романа, можетъ быть, немного отгѣняющаго ожесточеніе борьбы счастливымъ концомъ.

Выведенныя лица не ярки, но не ярки и живые люди, убивающіе свою жизнь въ мастерскихъ за производствомъ часовъ. Рѣчь выведенныхъ въ романѣ лицъ не блестяща, не находчива, а скорѣе вяла и спокойна, движенія ихъ хотя и точны, но медленны,—все это не можетъ содѣйствовать внѣшней красотѣ и внѣшнему успѣху романа; но кто за внѣшностью ищетъ глубины и правды, тотъ прочтетъ и перечтетъ эту книжку.

Такой читатель не преминетъ, безъ сомнѣнiя, прочесть и другой социальный романъ другого автора «La Misère» («Нищета», даже больше—«несчастье») Вальтера Биоллея. Этотъ авторъ, можетъ быть, и не талантливѣе перваго, но, во всякомъ случаѣ, у него и больше красокъ, и больше энергiи въ письмѣ, и ярче тенденция, и сильнѣе впечатлѣнiе. Биоллей депутатъ, и его романъ—это его программа. Онъ сторонникъ обязательнаго страхованiя рабочихъ, и его романъ—художественная и убѣдительная проповѣдь въ пользу этой обязанности.

Передъ нами — рабочий на газовомъ заводѣ, примѣрный рабочий, ловкiй, честный и работающiй. Спасая своего пьянаго товарища, онъ попадаетъ подъ машину (ужасная сцена, сильно и смѣло написанная!) и теряетъ правую руку. Вѣдь, казалось бы, хозяева завода, акционерная компанiя, тутъ ни причеиъ, но здѣсь-то и выступаетъ особенно ярко тенденция романа: долгая болѣзнь, горе и нищета семьи, компанiя отклоняетъ отъ себя отвѣтственность и отказывается выдать вознагражденiе, и судъ тоже отказываетъ въ правосудii несчастному. Жизнь разбита. Потрясающая картина смерти. Жалкiй трупъ заноситъ снѣжная пыль. Въ горячкѣ угасаетъ изстрадавшаяся жена, а тринадцатилѣтняя дѣвочка дочь съ улыбкой предлагаетъ цвѣты «господамъ, убивающимъ отъ нечего дѣлать время въ кафе»... Безотрадная картина! Но надъ ней поднимается заря возможнаго лучшаго будущаго, всего нѣсколько строкъ: находятся люди, которые понимаютъ весь ужасъ положенiя и хотятъ вернуть здоровье и силы умирающей несчастной женщины и вернуть обществу дѣтей, сдѣлать изъ нихъ социально-полезныхъ членовъ, и «добиться обязательнаго страхованiя рабочихъ противъ несчастныхъ случаевъ и болѣзни».

Романъ производитъ неотразимое впечатлѣнiе; дѣйствiе разворачивается быстро, съ неумолимой послѣдовательностью дѣйствительной жизни. Всѣ почти безъ исключенiя типы очерчены прекрасно.

Къ сожалѣнiю, оба эти автора мало вниманiя обращаютъ на слогъ, который Биоллей презрительно называетъ «буржуазной правкой Франци».

Здѣсь можно было бы упомянуть еще о пятиактной драмѣ въ стихахъ «Le Sacrifice» Buchner-Rapin'a сюжетъ которой взятъ также изъ рабочаго быта; но уже самый замыселъ ея ложенъ и неправдоподобенъ: стачка рудокоповъ, подготовленная старанiями тайныхъ роялистовъ; рядъ сильныхъ сценъ, взрывы и убiйства, и въ концѣ концовъ примиренiе, принесенное депутатомъ радикальной партii.

Безусловно оригинальнымъ, волюнъ водуазскимъ писателемъ является А. Серезоль (Alfred Cérésolle), знатокъ исторii и языка своего кантона. Онъ изучилъ его, какъ никто, и съ любовью оставовился на его прошедшемъ, воссоздавая его въ живыхъ образахъ легендъ и сказанiй, вызывая его силой своего пера въ воображенii читателей. Его «Scènes vaudoises, — journal de Jean-Louis» является въ нѣкоторомъ родѣ класси-

ческимъ произведеніемъ. Онъ предпосылаетъ ему замѣтку о «*parler vaudois*» (водуазскомъ говорѣ), въ которой изучаетъ всѣ особенности крайне оригинальнаго нарѣчія простолюдина-водуазца. Этотъ говоръ составляетъ нѣчто среднее между древнимъ народнымъ *patois* и чистымъ французскимъ языкомъ, отличаясь отъ послѣдняго и по выговору, и по лексику. Выдающимися характерными чертами его онъ называетъ: «сельскую энергичность, оригинальную живописность, нерѣдко тонкость колорита и какую-то особенную, простую и естественную поэтичность выраженій». Въ говорѣ этомъ есть, дѣйствительно, особенная прелесть, которой невольно поддается даже иностранецъ.

«*Scènes vaudoises*»—это рядъ своеобразныхъ и талантливыхъ рассказовъ, которыми авторъ хотѣлъ доказать—и доказалъ!—выраженію какихъ тонкихъ оттѣнковъ мысли и чувства поддается этотъ грубоватый народный говоръ, на что способенъ онъ въ повѣствованіи и въ описаніи и сколько въ немъ и поэзіи, и силы. Это рядъ военныхъ рассказовъ памятнаго для швейцарцевъ 70-го года и набросковъ и сценъ сельской жизни.

Упомянемъ еще о рядѣ водуазскихъ рассказовъ того же автора, собранныхъ въ двѣ книжки: «*A la veillée*» и «*En cassant les noix*», и перейдемъ къ писателю, еще болѣе оригинальному, еще болѣе самобытному. «*Mélanges vaudois*» Фавра (*Louis Favrat*) написаны частью на французскомъ языкѣ, частью на патуа, старинномъ народномъ говорѣ, сохраняющемся теперь только въ самыхъ отдаленныхъ глухихъ мѣстахъ да и тамъ уже наполовину вытѣсненномъ «водуазскимъ говоромъ». «Патуа,—говоритъ Фавра въ предисловіи къ той части своего труда, которая написана на этомъ древнемъ языкѣ,—языкъ, оставшійся необработаннымъ, такъ сказать, въ первобытномъ состояніи; это отсталый говоръ рядомъ съ языкомъ совершенствующимся, обогащающимся, становящимся литературнымъ и классическимъ. Повсюду вокругъ образовавшихся центровъ языки развились и стали литературными; они послѣдовали въ своемъ развитіи за эволюціей цивилизаціи; тогда какъ вдали отъ этихъ очаговъ свѣта они остались въ своемъ первоначальномъ состояніи и обратились въ «патуа». Потому-то они и сохранились преимущественно въ деревняхъ, гдѣ обмѣнъ мыслей и знаній несравненно медленнѣе и труднѣе, чѣмъ въ большихъ и многолюдныхъ центрахъ. Романскіе патуа образовались отъ соприкосновенія латинскаго языка съ болѣе древними говорами и различными нарѣчіями средневѣковыхъ завоевателей».

Романскіе патуа можно подраздѣлить на двѣ главныя группы: патуа Юры и альпійскіе патуа; каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои характерныя особенности въ произношеніи и этимологіи. Альпійскіе патуа вообще сохранились лучше другихъ.

Французская часть труда Фавра отличается несомнѣнными досто-

инствами реализма. Онъ умѣетъ наблюдать и рассказывать, Его «Голодный годъ» (l'appée de la misère), его «Зигзаги ботаника» доказываютъ въ немъ присутствіе таланта, которому суждено было заглухнуть въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба,—50 уроковъ въ недѣлю! А талантъ рвался наружу и тихо плакалъ слезами безсилія и любви въ цѣломъ рядѣ пѣсень и стиховъ.

Но странное дѣло, въ общемъ отъ прочтенія сборника Фавра остается впечатлѣніе скорѣе ясное и умиротворяющее.

Кромѣ произведеній изящной словесности, литература романской Швейцаріи богата сочиненіями серьезными, глубокими, трудами критическими, философскими, богословскими, историческими и естественно историческими. Всемірно-извѣстныхъ именъ и здѣсь нѣтъ, но швейцарцы гордятся своими учеными и иногда не безъ основанія. Вліяніе нѣкоторыхъ изъ нихъ простирается далеко за предѣлы ихъ родины, и это не удивительно. Швейцарцы, уже по самой природѣ своей, склонны къ размышленію и критикѣ скорѣе, чѣмъ къ художественному творчеству, къ идеѣ—скорѣе чѣмъ къ формѣ, къ поученію скорѣе, чѣмъ къ развлеченію.

В. Т.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Продолжение *).

III.

Оппозиція XVI вѣка: религіозная, политическая и социальная.—Источники религіозной оппозиціи: еретическое и мистическое движеніе на Балканскомъ полуостровѣ и на Афонѣ.—Нидъ Сорскій переноситъ на Русь теорію «сисихастовъ».—Эксплуатація этой теоріи государственной властью.—Неудача секуляризаціи и разрывъ Ивана III съ еретиками и нестяжателями.—Новый характеръ борьбы партій при Василии III: компромиссы и политическая окраска споровъ.—Дѣло Серапіона и выясненіе политической роли «осифлянъ».—Союзъ съ ними государственной власти.—Союзъ «нестяжателей» съ политической оппозиціей.—Составные элементы послѣдней.—Положеніе боярства и его политическія стремленія.—Полемика Ивана IV съ Курбскимъ, какъ выраженіе идеаловъ спорившихъ сторонъ.—Соединеніе политическаго идеала оппозиціи съ религіознымъ.—Дальнѣйшая разработка его въ Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ.—Попытка осуществленія оппозиціонной программы на соборахъ середины XVI вѣка.—Ея неполнота.—Социальная оппозиція, какъ мотивъ религіозной полемики, какъ аргументъ въ рукахъ самодержавной власти (Сказаніе Пересвѣтова).—Ея непосредственное и самостоятельное выраженіе въ событіяхъ смутнаго времени.

Мы видѣли, какъ сама жизнь подготовила почву для *націоналистическихъ* идеологій въ московскомъ государствѣ XV в. и какъ на подготовленной такимъ образомъ почвѣ начали быстро прививаться завезенныя въ Москву изъ югославянскихъ земель политическія идеи. Судьба *оппозиціонныхъ* идеологій на Руси XV и XVI вѣка была совершенно противоположная. Завезенныя отчасти изъ чужеземнаго источника, онѣ не нашли для себя готовой почвы и послѣ недолгой борьбы должны были очистить поле сраженія передъ побѣдоноснымъ противникомъ. Исторію этой борьбы и этой побѣды намъ предстоитъ теперь прослѣдить.

Характеренъ уже самый порядокъ, въ которомъ развиваются оппозиціонныя идеологіи на Руси XV и XVI столѣтія. Въ началѣ онѣ носятъ преимущественно религіозный оттѣнокъ. Потомъ къ религіозному элементу присоединяется политическій. Наконецъ,—притомъ независимо отъ обѣихъ предыдущихъ,—встрѣчаемъ и элементъ социальный.

*) См. «Міръ Вожій», февраль 1900 г.

Слѣдую этому порядку, и мы начнемъ нашъ разсказъ съ наиболѣе отвлеченной оппозиціи, чтобы закончить наиболѣе стихійной.

Какъ извѣстно, религиозное вольнодумство на Руси впервые проявляется уже въ XIV и XV столѣтіи въ наиболѣе культурныхъ областяхъ: Псковѣ, Новгородѣ и Кіевѣ. Исслѣдователи усердно искали источниковъ этого вольнодумства на западѣ и на югѣ, въ сектахъ средневѣковой Германіи и въ богомилствѣ. Второе объясненіе априори кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ къ воздѣйствію запада даже самыя культурныя области тогдашней Руси не были готовы, особенно въ области религиозной мысли. Порвая русская ересь должна была явиться съ православнаго востока.

Это соображеніе приведетъ насъ къ тому источнику, откуда мы только что выводили политическія идеологіи московской Руси—къ Балканскому полуострову. Среди религиознаго броженія умовъ, которое господствовало въ XIV вѣкѣ на Балканскомъ полуостровѣ, намъ важно отмѣтить два направленія, которыя стоятъ въ очень близкой связи съ русскими движеніями того же времени. Я разумѣю направленіе *еретическое* и направленіе *православно-мистическое*. Прямою ересью было возродившееся въ это время богомилство и стоявшее, повидимому, въ какой-то связи съ нимъ рационалистическое ученіе, распространившееся среди евреевъ Балканскаго полуострова, тогда уже довольно многочисленныхъ. По отрывочнымъ даннымъ нашихъ источниковъ,—болгарскихъ и солунскихъ еретиковъ-евреевъ XIV вѣка обвиняли какъ разъ въ томъ самомъ, въ чемъ обвинялись и русскіе «жидовствующие», а именно, въ непризнаніи божественнаго происхожденія Спасителя отъ Маріи Дѣвы, въ отрицаніи иконъ, въ непочитаніи святыхъ и мощей, въ непризнаніи воскресенія мертвыхъ. Было бы странно, конечно, требовать, чтобы евреи признавали все это; но, очевидно, рѣчь шла объ активной пропагандѣ этихъ взглядовъ среди православныхъ. При обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ евреевъ нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что эта пропаганда перекинулась изъ крупнаго еврейскаго торговаго центра, какимъ была Солунь,—въ Крымъ, въ Кафу, къ тамошнимъ караимамъ; отсюда, а также и черезъ сухопутную границу, тѣ же ученія проникали въ Кіевъ и къ литовскимъ евреямъ; а изъ Кіева уже по прямымъ показаніямъ источниковъ «жидовская ересь» была завезена въ Новгородъ. По отношенію къ богомилству въ собственномъ смыслѣ мы, къ сожалѣнію, не можемъ съ такой же вѣроятностью восстановить путь, какимъ оно могло бы придти на Русь. Но всего естественнѣе предположить, что оно явилось въ сопровожденіи другаго религиознаго движенія, проникшаго къ намъ съ Балканскаго полуострова,—именно, мистическаго движенія такъ называемыхъ «исихастовъ» съ которымъ это еретическое движеніе находилось въ несомнѣнной связи—сохраненной и послѣ перехода богомилскихъ и «исихастическихъ» ученій на Русь. Посредникомъ же при этомъ переходѣ, всего скорѣе, могъ быть—православный Афонъ.

Аѳонъ, дѣйствительно, въ теченіе всего XIV и XV столѣтія былъ центромъ, въ которомъ находили лучшее выраженіе всѣ вопросы, волнованшіе тогдашнюю православную мысль. Вопросы эти вовсе не были такъ элементарны, какъ можно бы было думать по состоянію русской религіозности. Православный востокъ шелъ далеко впереди православной Руси. Въ сущности, онъ волновался тѣмъ самымъ, чѣмъ волновалась и европейская религіозная мысль того времени. Онъ колебался между номинализмомъ и реализмомъ, точнѣе говоря, между схоластикой и мистицизмомъ. Когда основатели теоретическаго славянофильства непремѣнно хотѣли представить схоластику особенностью западной мысли, а изъ мистицизма сдѣлать привилегію восточной, то они безспорно ошибались. Оба типа религіозной мысли существовали какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, хотя западъ тому и другому далъ наиболѣе яркое выраженіе. Но ошибка славянофиловъ легко объясняется тѣмъ, что, дѣйствительно, мистицизмъ (особенно въ то время, о которомъ мы теперь говоримъ) получилъ на православномъ востокѣ особенно широкое распространеніе. Его проповѣдникомъ и теоретикомъ въ XIV столѣтіи былъ Григорій Синаитъ, ученіе котораго развивалъ его землякъ—малоазіатскій грекъ Григорій Палама; послѣдователями обоихъ были болгаре: Феодосій и Евѳимій Тырновскіе. Ученіе всѣхъ этихъ религіозныхъ мыслителей близко подходитъ къ той чертѣ, за которой мистицизмъ перестаетъ согласоваться съ положительнымъ ученіемъ христіанства и превращается въ пантеизмъ. Всѣ они исходятъ, подобно нашимъ славянофиламъ, изъ отрицанія «силлогизма» и науки—«внѣшней мудрости»,—какъ способа познанія истины, и единственнымъ путемъ къ ея достиженію считаютъ погруженіе въ собственный духъ. Теоретическому «знанію» они противопоставляютъ нравственно-религіозную «дѣятельность». Но, на высшей ступени доступнаго человѣку «любомудрія»—они и самой «дѣятельности» (praxis) предпочитаютъ внутреннее, мистическое «созерцаніе» (theoria). А для достиженія полной глубины такого «созерцанія»—они рекомендуютъ рядъ обычныхъ у мистиковъ практическихъ приемовъ. Посредствомъ употребленія этихъ приемовъ достигается состояніе экстаза, выражающееся физически въ извѣстнаго рода тѣлодвиженіяхъ, а психически—въ особомъ ощущеніи покоя (hesychia, отсюда и названіе «исихастовъ»), восторга и, наконецъ, на высшей ступени, — «эаворскаго свѣта». Это послѣднее состояніе—ощущеніе свѣта—есть состояніе полного общенія съ Божествомъ. Для примиренія этой идеи непосредственнаго общенія съ положительнымъ христіанствомъ Григорій Палама долженъ былъ придумать особое различеніе между «сущностью» Бога и Его «проявленіемъ» («энергіей»): первая непостижима, но съ послѣднимъ человѣкъ можетъ сливаться.

На Аѳонѣ, гдѣ долго жилъ основатель ученія, Григорій Синаитъ, теорія «исихастовъ» была въ большемъ ходу. Былъ и такой моментъ въ XIV вѣкѣ, когда на Аѳонѣ пользовались вліяніемъ богомилы. Между

обоими учениями существовало не мало точек соприкосновения, какъ въ положительныхъ чертахъ учения, такъ еще болѣе въ отрицательномъ отношеніи ихъ ко всему тому, что въ традиціонной религіи мѣшало ихъ «внутреннему» пониманію вѣры. Ихъ пренебреженіе къ обрядности и вѣщности, предпочтеніе живаго духа мертвой буквѣ, враждебное отношеніе къ чиновническому пониманію пастырскаго служенія—все это настолько сближало ихъ другъ съ другомъ въ глазахъ противниковъ, что обвиненія балканскихъ и аеонскихъ «исихастовъ» въ «месаліанской ереси» (т. е. богомилствѣ) сдѣлались общимъ мѣстомъ. А между тѣмъ, именно эта критическая сторона ученія «исихастовъ», какъ болѣе доступная, должна была выдвинуться на первый планъ при перенесеніи ихъ взглядовъ на Русь.

Былъ, впрочемъ, въ тогдашней Россіи человекъ, который могъ и болѣе глубокимъ образомъ отнестись къ теоріи Григорія Синаита. Это былъ Нилъ Сорскій, имѣвшій возможность познакомиться съ учениями «исихастовъ» на самомъ Аеоноѣ, откуда онъ и вывезъ эти ученія въ Россію. Григорій требовалъ отъ своихъ послѣдователей, прежде всего, строгаго уединенія. Обыкновенный, «общезителный» монастырь не удовлетворялъ этому требованію; вотъ почему Нилъ ввелъ новый порядокъ жизни для своихъ учениковъ: въ скитахъ. Въ глухомъ заволжѣ, кругомъ Кириллова монастыря, создано не мало такихъ «скитовъ», населенныхъ «пустынниками», послѣдователями Нила или, какъ ихъ стали называть, «заволжскими старцами» *). При такомъ складѣ жизни имъ легко было осуществлять свой «нестяжательскій» идеалъ монашескаго существованія и критиковать монашеское и монастырское владѣніе собственностью: землями, селами и крестьянами. Цѣль ихъ была при этомъ, несомнѣнно,—уйти отъ міра. Но, совершенно неожиданно для нихъ самихъ, ихъ теорія оказалась имѣющей политическое значеніе, и вопреки основному своему принципу имъ пришлось сыграть видную роль въ политической борьбѣ.

Вообще религіозные споры на русской почвѣ очень быстро приобрѣли церковно-государственный характеръ. Когда на православномъ востокѣ возникало религіозное сомнѣніе, оно обыкновенно рѣшалось духовнымъ соборомъ. Ученіе «исихастовъ», напр. обсуждалось и принято было тремя такими соборами XIV в. На Руси дѣло стояло иначе. «Неслыхавное у насъ явленіе, ересь», застало совершенно врасплохъ мѣстныхъ духовныхъ власти и вызвало не теоретическое обсужденіе,—а административное преслѣдованіе. «Люди у насъ просты, писалъ новгородскій владыка Геннадій,—не умѣютъ по книгамъ говорить; такъ лучше ужъ о вѣрѣ никакихъ рѣчей не плодить, только для того и соборъ учинить, чтобы еретиковъ казнить, жечь и вѣшать». Однако, государь не сразу рѣшился на такую суммарную юстицію, какую рекомендовалъ епископъ.

*) См. Очерки по исторіи русской культуры, II, 30—31.

Причиной этого было, прежде всего, то, что на сторонѣ новгородскихъ еретиковъ стоялъ вліятельный кружокъ въ самой Москвѣ, раздѣлявшій, повидимому, ихъ мнѣнія по убѣжденію. Это были все люди книжные. Одинъ изъ нихъ склонилъ на сторону новыхъ ученій даже невѣстку великаго князя, Елену, партія которой (Патригѣевы) была въ то время сильна при дворѣ. Московскій митрополитъ Геронтіи, поэтому, молчалъ «или по непониманію, или по небрежности, или изъ страха передъ державнымъ». Преемникъ же его, Зосима, очевидно, самъ былъ выдвинутъ партіей и раздѣлялъ ея мнѣнія. Была и другая причина, по которой Иванъ III не спѣшилъ расправиться съ еретиками. Онъ только что (1478) отобралъ у новгородскаго духовенства и монастырей цѣлую половину ихъ земель,—а еретики какъ разъ проповѣдовали «нестяжательность». Еще удобнѣе для Ивана III въ этомъ отношеніи были теоріи русскихъ «исихастовъ» т. е. Нила Сорскаго съ его учениками—пустынниками. Они не были такими отъявленными еретиками, какъ новгородскіе «жидовствующіе», и не могли, слѣдовательно, такъ скандализировать своими мнѣніями православную паству, какъ «злѣбный волкъ», митр. Зосима. Вотъ почему, смѣстивъ явнаго еретика Зосиму, великій князь продолжалъ «держатъ въ великой чести» Нила. Эта «великая честь» очень хорошо совмѣщалась съ политикой Ивана III, т. е. съ подчиненіемъ духовенства государственной власти. При посвященіи преемника Зосимы Иванъ III обратился къ новому митрополиту Симону съ рѣчью, содержавшею нѣчто вродѣ инаугураціи: этимъ признавалось за московской государственной властью право, принадлежавшее прежде только византійскому императору,— право утверждать назначеніе митрополита. Черезъ четыре года (1500) Иванъ вторично отобралъ, съ благословенія того же Симона, нѣкоторыя земли новгородскаго духовенства и обложилъ остальные тяжелымъ посошнымъ тягломъ. Наконецъ, еще черезъ три года (1503), подъ иезвѣннымъ предлогомъ—рѣшить вопросъ о судьбѣ вдовыхъ поповъ—созванъ былъ духовный соборъ, и на немъ, послѣ того, какъ разбѣхались самые видные защитники интересовъ духовенства, неожиданно для всѣхъ Нилъ, а съ нимъ «пустынники бѣлозерскіе», его ученики, «начали говорить, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ, а кормились бы рукодѣліемъ». Это была бы, другими словами, полная секуляризація монастырскихъ имуществъ въ Россіи. Очевидно, русскіе «исихасты», болѣе умѣренные въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, не считали еще въ то время нужнымъ прибѣгать къ компромиссамъ въ практической программѣ: съ ними былъ самъ великій князь.

Партія старины переполошилась. Послали наскоро за волоколамскимъ игуменомъ Іосифомъ, вождемъ старо-православной партіи, ухавшимъ съ собора раньше его окончанія *). Не дожидаясь его

*) См. о немъ «Очерки», II, стр. 25—27.

пріѣзда, митрополитъ послалъ къ великому князю своего дьяка съ письмомъ; потомъ явился самъ съ московскими духовными сановниками и прочелъ Ивану докладъ, въ которомъ многочисленными цитатами, правда, не всегда добросовѣстно приведенными, доказывалась, если не нравственная справедливость и законность, то историческая древность и юридическая правильность вотчиннаго монастырскаго владѣнія. Передъ примѣрами древности, а еще больше передъ практическими неудобствами радикальнаго рѣшенія великому князю пришлось отступить, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и союзъ съ «нестяжателями» потерялъ для него всякое практическое значеніе. Тутъ кстати проснулась и совѣсть. Иванъ III призвалъ къ себѣ Іосифа Волоколамскаго, признался ему, что до тѣхъ поръ, дѣйствительно, поддерживалъ еретиковъ, общалъ разслѣдовать дѣло и окончательно искоренить ересь. Партія «нестяжателей», однако, не сразу сдалась: это видно изъ новыхъ колебаній и проволочекъ Ивана. Смущенный, очевидно, новыми аргументами «нестяжателей», онъ снова зоветъ Іосифа, чтобы спросить у него, «какъ писано: вѣтъ ли грѣха еретиковъ казнить»? Сподвижникъ Геннадія не затруднился, конечно, подобрать примѣры и цитаты, чтобы разсѣять опасенія великаго князя. Но дѣло всетаки тянулось. Послѣ тщетныхъ напоминаній Ивану III, Іосифу пришлось вступить въ литературную полемику съ нестяжателями, чтобы опровергнуть сомнѣнія, смущавшія великаго князя. Волоколамскій игуменъ рѣшительно утверждалъ, что «грѣшника или еретика—все равно, руками ли убить, или молитвой». Нестяжатели предлагали Іосифу самому попробовать надъ еретиками одно изъ описанныхъ имъ чудесъ и напоминали, что Евангеліе запрещаетъ осуждать ближняго. Этотъ первый на Руси публицистическій споръ кончился не въ пользу новаторовъ. Въ 1505 г. собранъ былъ соборъ, который удовлетворилъ всѣмъ желаніямъ защитниковъ старины. Новгородская ересь была искоренена жестокими казнями. Такъ кончилась исторія религіознаго вольнодумства эпохи Ивана III.

Въ княженіе Василія III борьба новыхъ идеологій со старыми привычками принимаетъ новыя формы. Наученные опытомъ, нестяжатели не защищаютъ болѣе прежнихъ позицій. Преемникъ Нила, Васціанъ, рисуется намъ человекомъ менѣе глубокимъ и менѣе знающимъ, чѣмъ Нилъ, но зато болѣе практичнымъ, болѣе близкимъ къ жизни. Онъ не хочетъ жертвовать дѣйствительностью теоріи и защищать радикальныя мѣры только потому, что онѣ логическія. Практика жизни требовала компромисса, и Васціанъ предложилъ компромиссъ. Онъ не отрицалъ больше за монастырями права владѣть землями, но старался только доказать, что не слѣдуетъ владѣть людьми. Съ своей стороны и партія Іосифа сдѣлала уступку: она признала за свѣтской властью право контроля надъ употребленіемъ монастырскихъ имуществъ. На этотъ разъ, однако же, споръ вышелъ далеко за прежніе предѣлы. Къ чисто религіознымъ теоріямъ оппозиціи присоединился элементъ

политическій:—онъ то и рѣшилъ окончательно судьбу русскаго религіознаго вольнодумства.

Пока нестяжателей обвиняли, болѣе или менѣе основательно, въ тайныхъ симпатіяхъ и сношеніяхъ съ новгородскими еретиками, государственная власть могла смотрѣть на это сквозь пальцы и продолжать пользоваться услугами партіи для своихъ цѣлей. Но если залоздрѣвалась политическая благовадежность религіозной оппозиціи, это уже было дѣло другое. Естественно, что противники нестяжателей воспользовались первымъ случаемъ, чтобы придать своему спору съ ними политическую окраску. Подходящій случай представился въ первые же годы княженія Василія III (1507—1509).

Монастырь Іосифа былъ расположенъ въ Волоколамскомъ удѣлѣ. Мѣстный удѣльный князь, Федоръ Борисовичъ, соблазнившись примѣромъ Ивана III, сталъ претендовать на свою долю въ имуществѣхъ и казнѣ монастырей своей области. Спасаясь отъ его вымогательствъ, Іосифъ передалъ свой монастырь въ непосредственное завѣдованіе великаго князя. Жаловаться на такой поступокъ Іосифа въ тогдашней Руси было некому. Волоцкій князь намерѣлъ, однако, косвеннымъ способомъ отмстить Іосифу. Дѣло въ томъ, что непосредственнымъ начальствомъ Іосифа былъ новгородскій владыка, и Іосифъ не могъ передать своего монастыря въ чужую епархію безъ его благословенія. Если онъ такъ поступилъ, то, очевидно, лишь потому, что хорошо зналъ тогдашняго новгородскаго владыку Серапіона и не могъ рассчитывать на его поддержку. «Подъ вліяніемъ дружественно расположенныхъ къ нему новгородцевъ, а можетъ быть и по собственному чувству справедливости, замѣчаетъ одинъ изслѣдователь, Серапіонъ не могъ сочувствовать тому, что удѣльный князь былъ лишенъ права вѣдать богатый монастырь, который достался «державному», и безъ того готовому не нынѣ-завтра воспользоваться послѣднимъ удѣломъ своего двоюроднаго брата». Съ другой стороны, Іосифъ имѣлъ полное основаніе не опасаться никакихъ возраженій противъ совершившагося факта ни со стороны князя, ни со стороны епископа. «Объ этомъ (благословеніи епископа) не заботьтесь, говоритъ самъ Василій посланцамъ Іосифа; а Іосифу скажите, что *не онъ* отошелъ изъ архіепископіи новгородской, а я сама взяла монастырь отъ насилія удѣльнаго; когда же окончится земская невзгода, я сама пошлю объ этомъ къ архіепископу».

Серапіонъ ждалъ этой «посылки» отъ князя два года и не дождался. Тогда, подстрекаемый волоцкимъ княземъ, онъ предпринялъ рѣшительный шагъ: отлучилъ Іосифа отъ священства и отъ причастія. «Ты отступилъ отъ небснаго и пришелъ къ земному», писалъ онъ въ своей неблагоговоренной грамотѣ Іосифу.

«Дѣло приняло политическій оборотъ, замѣчаетъ тотъ же изслѣдователь, грамоту Серапіона перетолковали по своему: онъ-де въ ней

небеснымъ назвагь князя Ѳедора, а земнымъ великаго самодержца. Въ этомъ увидали новгородскій духъ, крамолу». Московскій митрополитъ поспѣшилъ разрѣшить Іосифа отъ отлученія, произнесеннаго надъ нимъ новгородскимъ владыкой. Серапіона вызвали въ Москву, лишили священства и заключили въ Андрониковъ монастырь. Это не заставило его, однако, отказаться отъ защиты праваго дѣла. Изъ своего заключенія онъ пишетъ митрополиту посланіе, въ которомъ не проситъ объ облегченіи своей участи, а развиваетъ тѣ аргументы, которыхъ не хотѣлъ выслушать осудившій его соборъ, и заявляетъ во всеуслышаніе, что ему «не бояться въ правдѣ ни князя, ни народной толпы..., такъ какъ писано: правдою предъ цари глаголахъ— и не стыдихся».

Такое поведеніе низложеннаго епископа произвело впечатлѣніе даже въ тогдашней Москвѣ. У Серапіона нашлись поклонники и въ Новгородѣ, и въ столицѣ, особенно среди боярѣ. Сторонники Іосифа были смущены и одинъ за другимъ обращались къ нему съ просьбами—помириться съ Серапіономъ. Іосифъ отвѣчалъ на это рядомъ писемъ къ друзьямъ, въ которыхъ не только не признавалъ себя виновнымъ, а, напротивъ, рѣзко нападалъ на своего противника и подѣскивалъ теоретическое оправданіе своему поступку. Въ этихъ-то письмахъ Іосифъ откровенно подчеркнул политическій характеръ всего дѣла и этимъ окончательно опредѣлилъ положеніе, которое заняла его собственная партія въ современной политической борьбѣ.

«Священныя правила повелѣваютъ о церковныхъ и монастырскихъ обидахъ приходить къ православнымъ царямъ и князьямъ». «Отъ меньшихъ царей и князей всегда и вездѣ духовныя лица обращались къ большимъ». По ихъ примѣру и онъ, Іосифъ, билъ челомъ тому, «кто не только князю Ѳедору, но и архіепископу Серапіону и всѣмъ намъ общій всей русской земли государь»; его «Господь Богъ устроилъ вмѣсто себя и посадилъ на царскомъ престолѣ, предавъ ему судъ и милость и вручивъ и церковное, и монастырское, и власть надъ всѣмъ православнымъ государствомъ и всей русской землей. Если бы я иному государю билъ челомъ, то поступилъ бы дурно». Напротивъ, Серапіонъ «во всемъ противно чинилъ божественнымъ правиламъ». «Поразсуди ты Серапіоновъ умъ; чѣмъ бы ему бить челомъ на соборѣ государю православному и самодержцу всей Руси, да преосвященному митрополиту, онъ сталъ спорить съ государемъ и съ святителями. А божественныя правила повелѣваютъ царя почитать, не ссориться съ нимъ. Ни древніе святители не дерзали этого дѣлать, ни четыре патріарха, ни римскій папа, бывшій на вселенскомъ соборѣ. Когда царь на кого гнѣвался, то они съ кротостью, со смиреніемъ и со слезами молили царя». Поэтому только «неразумные, скоту подобные люди» могутъ поопрять Серапіона: «ты де, государь, стой, лица сильныхъ

не срамись; стой крѣпко». Словомъ, это была извѣстная намъ *) теорія «богонаученнаго коварства».

Съ теоріей нестяжателей, которую проводилъ на практикѣ Серапіонъ, этотъ взглядъ, дѣйствительно, представлялъ полный контрастъ. Нестяжатели хотѣли, чтобы церковь стояла выше государства, а для этого она, прежде всего, должна была быть независимой отъ него. Источникъ зависимости—собственность; отказъ отъ собственности долженъ обезпечить пастырямъ независимость отъ предержавшей власти: только при такомъ условіи они получаютъ возможность обращаться къ власти не съ собственными «обидами», а съ «печалованіемъ» о неправдахъ міра. Простаго сопоставленія этой точки зрѣнія со взглядами, которыя защищалъ Іосифъ,—достаточно, чтобы угадать, на чью сторону должна была стать московская власть.

Іосифъ, правда, вовсе не *даромъ* предлагалъ этой власти религиозную санкцію духовенства. Тѣмъ же случаемъ съ волоцкимъ княземъ онъ воспользовался, чтобы показать свидѣтельствами «писанія», къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ вмѣшательство властей въ неприкосновенность монастырскихъ имуществъ. Онъ выводилъ изъ грозныхъ примѣровъ прошлаго, что «не только власть отнимаетъ Богъ у похитителей церковнаго и монастырскаго имущества, а и душу беретъ у нихъ страшными, лютыми муками». Онъ требовалъ, другими словами, чтобы московское правительство оставило монастырскія имущества въ покоѣ **).

На этомъ пунктѣ власть готова была идти на уступки. Еще Иванъ III принужденъ былъ отказаться отъ полной секуляризаціи духовныхъ имуществъ. Василий III ограничился простымъ контролемъ, противъ котораго ничего не имѣлъ, какъ мы знаемъ, и самъ волоцкій игумень. На этихъ условіяхъ состоялся окончательный союзъ между «іосифлянами» и властью.

Нестяжатели съ своими возвышенными стремленіями были отброшены въ оппозиціонный лагерь. Изъ кого этотъ лагерь состоялъ, видно изъ только что рассказанной исторіи съ Серапіономъ. Къ нему примыкало все то, что еще удѣляло, вопреки суровымъ мѣрамъ Ивана III, отъ новгородскаго духа. Надо признаться, что это были уже одни только жалкіе обломки. Потомъ здѣсь были остатки—уже вѣсколько лучше сохранившіеся, хотя и немногимъ богѣе живучіе—удѣльно-княжеской власти, съ которой предстояло расправиться окончательно Ивану IV. Было бы, однако, неправильно заключать, что вся оппозиція XV вѣка состояла исключительно изъ этихъ развалинъ древности. Былъ тутъ и элементъ, не просто отрицавшій новый порядокъ, устанавливавшійся въ Москвѣ, а и стремившійся по своему приладиться къ этому порядку, требовавшій въ немъ мѣста для себя. *Бояре*—не только

*) См. Очерки II, стр. 27.

**) Ср. Очерки, II, стр. 27—28.

тѣ, которые давно уже жили въ Москвѣ, а и тѣ, которые въ нее только что пріѣхали съ своихъ удѣльно-княжескихъ престоловъ,—жили не прошлымъ, а настоящимъ, и въ настоящемъ хотѣли устроиться, какъ можно для себя удобнѣе.

Отъ своихъ прародителей XIV в. московскіе князья XV и XVI вв. получили завѣтъ «слушаться старыхъ бояръ». Теперь составъ этихъ бояръ сильно измѣнился и качественно, и количественно; вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно расширился и кругъ ихъ дѣятельности. Боярскій совѣтъ сдѣлался необходимымъ учрежденіемъ въ государствѣ, а кучка правительственныхъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ совѣтѣ въ удѣльную эпоху по служебной обязанности, превратилась въ цѣлый общественный классъ, смотрѣвшій на роль совѣтниковъ государя, какъ на свое политическое право.

Со стороны московскаго князя эти претензіи на первыхъ порахъ не только не встрѣтили никакого отпора, но, напротивъ, послужили липшимъ ресурсомъ для сформированія новаго государственнаго строя и сдѣлались однимъ изъ самыхъ эффектныхъ его украшеній. Когда Иванъ III получалъ изъ Литвы грамоту отъ «всѣхъ князей и пановъ рады» Литовскаго княжества съ необычнымъ для него адресомъ: «братьямъ и пріятелямъ нашимъ, князьямъ и панамъ рады великаго князя Ивана Васильевича»,—онъ не хотѣлъ ударить въ грязь лицомъ передъ своими учителями въ государственномъ правѣ: русскіе князья и бояре получали приказаніе приложить свои печати къ отвѣту, написанному въ княжеской канцеляріи. А чтобы въ другой разъ литовскіе «панырада» не имѣли повода отговариваться незнаніемъ именъ московскихъ бояръ и «мѣстъ, гдѣ кто сидитъ подлѣ кого въ радѣ государя», въ грамотѣ выписывались и имена и небывалые титулы московскихъ совѣтниковъ князя: «отъ князя Василья Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Данила Васильевича, воеводы великаго Новгорода и отъ Якова Захарьевича, воеводы Коломенскаго» и т. д. Такимъ образомъ, стремленіе подражать сосѣдямъ само по себѣ уже возвышало московскій боярскій совѣтъ на степень правильно организованнаго учрежденія. Съ той же точно цѣлью и самъ Иванъ скопировалъ свой собственный титулъ съ польско-литовскихъ грамотъ. Но помимо этихъ казовыхъ эффектовъ, Иванъ, несомнѣнно, цѣнилъ свою думу и какъ дѣйствительно полезное учрежденіе при усложнившихся государственныхъ задачахъ. Недаромъ онъ оставилъ по себѣ хорошую память даже въ такихъ приверженцахъ правящаго сословія, какъ князь Курбскій. По мнѣнію Курбскаго, Иванъ III потому «такъ далеко границы свои расширилъ, великаго царя ордынскаго изгналъ и юртъ его разорилъ», что «много совѣтовался съ мудрыми синклитами, былъ любосовѣтенъ и ничего не починалъ безъ глубочайшаго и многаго совѣта».

Однако, ужъ при Иванѣ III въ эти отношенія закрадывается дис-

сонансь, который скоро разрастается въ принципиальное противорѣчіе. Сознаніе этого противорѣчія растетъ по мѣрѣ роста извѣстныхъ уже намъ національно-политическихъ идеологій. Чѣмъ полнѣе развивалась теорія самодержавной власти, тѣмъ несовмѣстимѣе съ нею казалось «любосовѣтное» настроеніе прежнихъ князей. Но—что мы должны здѣсь особенно подчеркнуть—это то, что *и съ противной стороны, со стороны боярства—ходъ событій развивалъ совершенно новыя идеологии, еще болѣе обострившія только что указанное противорѣчіе.*

Конечно, силы съ двухъ сторонъ были далеко не равны: наступать приходилось только одной сторонѣ, а другой оставалось—обороняться. Вотъ почему слабѣйшая и побѣжденная сторона, боярство, сама привыкла представлять свою идеологію по преимуществу оборонительной, а идеологію своихъ противниковъ, государей,—по преимуществу агрессивной. Она готова была обвинять московскаго великаго князя въ «переставливаніи обычаевъ», а себя изображать защитницей старины. Мы, однако, сдѣлаемъ большую ошибку, если повѣримъ ей на слово. Въ дѣйствительности, старины не существовало болѣе ни для одной изъ сторонъ,—хотя обѣ старались доказать, что историческая традиція на ихъ сторонѣ.

Право «совѣта» въ государственныхъ дѣлахъ—такова была исходная мысль идеологіи боярскаго класса. По его представленію, бояре имѣли это право давно, и все дѣло было въ томъ, чтобы его сохранить при новомъ порядкѣ. «Земля замутилась», по ихъ понятію, лишь съ тѣхъ поръ, какъ на Москву пришла «цареградская царица (Софья)»: только съ этого времени стало все труднѣе и рискованнѣе «говорить навстрѣчу державному». Все это было совершенно вѣрно;—но такъ же вѣрно было и то, что прежде и темъ для такихъ «встрѣчныхъ» рѣчей было гораздо меньше, и такія рѣчи не считались *правомъ*, а тѣмъ болѣе *исключительнымъ* правомъ извѣстнаго общественнаго класса. Только тогда, когда обсужденіе усложнившихся по составу и увеличившихся въ количествѣ государственныхъ дѣлъ сдѣлалось постояннымъ занятіемъ извѣстнаго круга лицъ, только тогда всякое отклоненіе, всякая попытка обойти этотъ кругъ или выйти за его предѣлы стала чувствоваться членами сплотившагося круга, какъ обида. Обидой для боярства было, когда «совѣтникомъ» князя (не только по положенію, но и по титулу) становился какой-нибудь Шигонъ Поджогинъ и когда съ такими людьми князь думалъ свою думу «самъ-третей у постели». Обидно стало, что князь «зѣло вѣрить писарямъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благороднаго, но паче отъ попъ и чичевъ или отъ простаго всеародства, — и то творить, ненавидячи вельможъ своихъ». И эта «обида», съ одной стороны, и эта «ненависть» съ другой—были явленіемъ новымъ, произошедшимъ оттого, что пришлось дѣлать то, что раньше не дѣлалось.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ борьбой стараго отживаю-

щаго и новаго нарождающагося порядка, а съ борьбой двухъ политическихъ идеаловъ, правда, далеко неравносильныхъ, за осуществленіе въ будущемъ. Вполнѣ сознательно и отчетливо эти идеалы формулируются только въ третьемъ поколѣніи послѣ начала борьбы, въ знаменитой перепискѣ Грознаго съ Курбскимъ.

«Отчего же государь и *самодержецъ* называется, какъ не оттого что самъ строитъ», спрашиваетъ своего противника Иванъ IV, смѣло перенося на внутреннюю политику—понятіе, сложившееся во вѣншей. Иностранные государи «царствами своими не владѣютъ; какъ имъ велѣть подданные ихъ, такъ и владѣютъ». Потому и погибли эти царства, что «цари были тамъ послушны епархамъ и синклитамъ; если царю не повинуются подвластные, никогда не прекратятся въ странѣ междоусобныя брани». По настоящему «земля правится не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами, а Божиимъ милосердіемъ, всѣхъ святыхъ молитвами, родителей нашихъ благословеніемъ, а напоследокъ и нами, государями своими».

На такую точку зрѣнія никакъ не хотѣлъ стать первый русскій эмигрантъ, добровольно покинувшій «неблагодарное, варварское, недостойное ученыхъ мужей», но, все-таки «любимое отечество». Онъ вовсе не признавалъ, что «Богъ отдалъ въ работу» его предковъ—предкамъ великаго князя: для него это былъ просто «издавня кровопійственный родъ», основавшій свою власть на правѣ сильнаго. Его политическимъ идеаломъ было двоевластіе царя и избранной рады. Царь долженъ быть главой, а его совѣтники—членами одного тѣла. Впрочемъ, князь-публицистъ не ограничивался желаніемъ, чтобы участвовали въ «совѣтѣ» члены его собственнаго сословія, и шелъ дальше. «Царь долженъ искать добраго полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ». Негодуя, какъ мы видѣли, противъ «писарей», вознесенныхъ державнымъ на неподобающую высоту, онъ ничего не имѣлъ противъ такого члена «избранной рады», какимъ былъ Адашевъ.

Таковъ былъ характеръ той политической оппозиціи, съ которой религіозная оппозиція XVI в. вступила въ идейный союзъ. Мы оставили эту оппозицію въ началѣ третьяго періода ея существованія, когда, переставши быть еретической (въ смыслѣ жидовствующихъ) и радикальной (въ смыслѣ Нила), она вступила, въ лицѣ Вассіана, въ компромиссъ съ требованіями дѣйствительности. Именно эта близость Вассіана къ практической жизни, однако, поставила его лицомъ къ лицу съ тогдашней политической дѣйствительностью. Постриженный представитель опальнаго княжескаго рода (Патрикѣевыхъ), онъ на себѣ самомъ испыталъ всю тяжесть устанавливавшагося въ Москвѣ политическаго режима. Не увлекаясь никакой политической теоріей, не пытаясь создать никакого политическаго идеала, онъ, тѣмъ не менѣе, не могъ не отзываться на политическую злобу дня, тѣмъ болѣе,

что былъ одно время близокъ къ царю Василю и пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ. «Печалованіе» къ «державному» было единственной формой, въ которой князь-инокъ и его единомышленники могли высказать свой протестъ противъ возмущавшихъ ихъ совѣсть событій современности. Естественно, что за это право они такъ же крѣпко держались, какъ бояре за аналогичное право «совѣта». Такое сходство положенія само по себѣ сближало нестяжателей съ недовольными изъ бояръ, тѣмъ болѣе, что имъ нечего было дѣлать другъ съ другомъ. Конкурентами въ сферѣ землевладѣнія были для бояръ не нестяжатели, а ихъ противники, защищавшіе вотчинное владѣніе монастырей; а вліяніе на власть—нестяжатели хотѣли имѣть только нравственное.

Какъ проявлялась на практикѣ политическая оппозиція нестяжателей при Василии III и къ какимъ послѣдствіямъ она приводила, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1523 г. сѣверскій князь былъ оклеветанъ въ перепискѣ съ Литвой и заключенъ въ Москвѣ въ тюрьму, несмотря на письменное ручательство въ безопасности, данное ему великимъ княземъ и митрополитомъ Даниломъ (осифляниномъ). Митрополитъ, «взявшій его на образъ Пречистыя да на чудотворцевъ да на свою душу», самъ первый радовался поимкѣ «запазушнаго врага» государя. Нестяжатели взглянули иначе на поступокъ князя и митрополита. Они не только осуждали этотъ поступокъ въ разговорахъ между собой (впослѣдствіи послужившихъ однимъ изъ поводовъ къ обвиненію Максима Грека), но одинъ изъ нихъ, троїцкій игуменъ Порфирій, «яко мужъ обычаевъ простыхъ и въ *пустыни* воспитанъ», рѣшился «молить» государя, «да освободитъ брата... отъ оковъ»—и былъ за это изгнанъ изъ монастыря и замученъ. Въ тотъ же самый годъ очередь дошла и до Максима, идеалиста, присоединившагося во имя евангельскихъ требованій ко всей религіозной программѣ нестяжателей,—къ ихъ борьбѣ противъ монастырскаго сребролюбія, къ ихъ «печалованіямъ»,--и терпѣливо выслушивавшаго ихъ жалобы на печальную политическую дѣйствительность не только дикую и чуждую, но и малолонятную для ученика Савонаролы *). Максимъ былъ осужденъ за мнѣнія своей партіи гораздо больше, чѣмъ за свои собственные. Черезъ шесть лѣтъ за нимъ послѣдовалъ въ заточеніе и самъ Вассіанъ.

Итакъ, и третье поколѣніе оппозиціонеровъ сошло со сцены бесплодно для того дѣла, которое защищало. Брошенные ими сѣмена, однако, не заглохли сразу. Напротивъ, въ четвертомъ поколѣніи, — даже если мы оставимъ въ сторонѣ такія вершины политической мысли, какъ Курбскій и Иванъ Грозный, — оппозиціонная теорія разрабатывалась дальше, также какъ и теорія самодержавія. Точку зрѣнія Гроз-

*) См. о Максимѣ «Очерки», II, стр. 36—38.

наго развилъ и защищалъ новыми аргументами — Ивашка Пересвѣтовъ; ему отвѣчалъ, развивая политическія теоріи Курбскаго, — неизвѣстный намъ авторъ такъ называемой «Бесѣды Валаамскихъ чудотворцевъ, Сергія и Германа». Чтобы не прерывать нашего разсказа о политической оппозиціи XVI в., мы прямо перейдемъ къ ея теоретику, автору «Бесѣды»: къ вызвавшему это сочиненіе «Сказанію» Пересвѣтова мы будемъ имѣть случай вернуться ниже.

Любопытный памфлетъ, написанный какимъ-нибудь почитателемъ Вассиана, интересенъ, прежде всего, въ томъ отношеніи, что авторъ его совмѣщаетъ теоріи «нестяжателей» съ теоріями оппозиціоннаго боярства. Отъ имени обоихъ святыхъ «чернцовъ» —, авторъ «Бесѣды» развиваетъ цѣлую теорію, въ которой самымъ своеобразнымъ образомъ соединяются и перемѣшиваются идеи религіозной оппозиціи съ идеями оппозиціи политической. Авторъ предсказываетъ наступленіе послѣднихъ временъ, которое характеризуется, по его мнѣнію, «простотою» царей и «гибелью» монаховъ. Относительно «царей» авторъ, прежде всего, рекомендуетъ себя монархистомъ, хотя и не столь безусловнымъ, какъ тотъ противникъ его, съ которымъ онъ полемизируетъ.

«Напрасно думаютъ многіе (Пересвѣтовъ, ср. ниже, стр. 247), — заявляетъ онъ, — что Богъ сотворилъ человѣка на свѣтъ *самовольнымъ*. Если бы Онъ создалъ его самовластнымъ, тогда не оставилъ бы царей и прочихъ властей и не отдѣлилъ бы государство отъ государства». Несомнѣнно, государство создано «на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ». Но для этой цѣли недостаточно, чтобы государи были «грозны» и чтобы они все могли сдѣлать личными усиліями *). Они должны искать совѣта, и именно совѣта *мірскихъ* людей. На дѣлѣ же государи послѣднихъ временъ оказываются «просты»: они воздерживаютъ міръ *не съ своими друзьями, съ князьями и съ боярами*, а съ «непогребенными мертвецами» — съ монахами. Монахи, — люди, отрекшіеся отъ міра, — владѣютъ волостями съ крестьянами, судятъ мірянъ и отдаютъ ихъ на поруки; монахи кормятся крестьянскими слезами, собирая въ свою пользу всякіе царскіе доходы съ волостей, точно царскіе мірскіе приказчики. Наживая богатыя палаты, они губятъ душу; и міръ не церемонится съ духовнымъ саномъ, — съ бродящими по міру священниками, потерявшими свои мѣста. Чтобы поднять духовный авторитетъ, необходимо: во-первыхъ, собирать всѣ доходы съ земель въ казну, а духовенству выдавать ежегодное урочное содержаніе; во-вторыхъ, отдать подъ начало ѣвъ монастыри всѣхъ безпріютныхъ духовныхъ. Тогда міръ будетъ строиться и царство утверждаться иноческимъ постомъ и молитвами, непрестанными слезами и молитвостояніемъ. Инокі будутъ заботиться о томъ, чтобы всякій человѣкъ вездѣ и повсюду ежегодно говѣлъ, чтобы царю не быть въ отвѣтѣ передъ Богомъ за души под-

*) Именно такъ ставилъ вопросъ Пересвѣтовъ, см. ниже стр. 246.

давнихъ. Царь же править самъ съ своими властями: «совѣтъ совѣщеваетъ съ совѣтниками о всякомъ дѣлѣ». Совѣтниками должны быть «князья и бояре и прочіе міряне». Въ приложеніи, которое нѣкоторые ученые—неосновательно, какъ намъ кажется,—приписываютъ другому автору, нашъ публицистъ приводитъ объ свои мысли о спасеніи душъ посредствомъ ежегоднаго покаянія и объ устройствѣ всякихъ государственныхъ дѣлъ посредствомъ совѣта мірянъ—въ весьма оригинальную связь. Царь не своей личной храбростью, а разумомъ своего славнаго воинства крѣпитъ и распространяетъ свою державу. Поэтому, духовенство должно благословить царя «на единомысленный вселенскій совѣтъ». А царь долженъ «съ радостью, безъ высокоумной гордости, съ хриstopодобной смиренной мудростью воздвигнуть отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ городовъ тѣхъ *) и безпрестанно держать при себѣ погодно ото всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добръ разспросить царю самому о всегоднемъ посту и о каянїи всего міра и про всякое дѣло міра сего». Такимъ образомъ, «царю всегда будетъ вѣдомо про всѣ дѣла его самодержавства» и онъ сможетъ скрѣпить отъ грѣха всѣ власти и воеводъ и приказныхъ людей: отъ взятки и посула и отъ всѣхъ безчисленныхъ властелинскихъ грѣховъ, словомъ, отъ всякой неправды **). Тѣ же «всегодные постные люди» обезпечать царю и ежегодное всеобщее покаяніе, такъ что сохранены будутъ и души, и тѣла.

Однимъ развитіемъ оппозиціонной *теорїи* дѣло не ограничилось. Только что изложенная Бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ сама собой приводитъ насъ къ тому моменту русской исторїи, когда политическая и религиозная оппозиція получили возможность сдѣлать попытку практическаго осуществленія своей программы.

Можно было ожидать, повидимому, что такая попытка будетъ сдѣлана во время боярскаго правленія послѣ смерти Василія III. Но регентство Елены оказалось не особенно благопрїятнымъ моментомъ для осуществленія оппозиціонныхъ идеологій. Зато тѣмъ удачнѣе сложились обстоятельства въ концѣ этого смутнаго десятилѣтія, при вступленіи Ивана IV. Это было то время, которое Курбскій разрисовалъ въ такихъ розовыхъ краскахъ и про которое Иванъ Грозный говорилъ съ такимъ раздраженіемъ, какъ о времени, когда Сильвестръ съ Адашевымъ «всѣ строенія и утвержденія по своей волѣ и своихъ совѣтниковъ хотѣнію творили», когда ему оставили только имя и честь, а всю власть государя присвоили себѣ.

Идея духовнаго и земскаго «вселенскаго совѣта» или собора была въ это время осуществлена въ дѣйствительности; и программа вопро-

*) «Городъ», т.-е. собственно городское населеніе, отдѣляясь тогда отъ «уѣзда»,—высшей областной единицы тогдашней Россїи.

***) И здѣсь заключаются косвенный отвѣтъ Пересѣтову, предлагавшему для искорененія «неправды» другія мѣры, см. ниже, стр. 247.

совъ, представленныхъ царемъ на первый изъ соборовъ, во многихъ случаяхъ близко напоминала идеи автора Валаамской бесѣды *). На первомъ планѣ стоялъ здѣсь вопросъ о монастырскихъ имуществахъ, но за нимъ тотчасъ возникалъ другой, не менѣе серьезный для государства вопросъ о формѣ вознагражденія за военную службу, т.-е. о служилыхъ земляхъ. Съ монастырской собственностью связанъ былъ, какъ мы знаемъ, вопросъ о нравахъ и о внутренней дисциплинѣ духовенства. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ авторъ Бесѣды далеко не различалъ широкихъ взглядовъ Курбскаго: новыя моды съ Запада и съ Востока новый костюмъ и прическа, новое убранство комнатъ, новая манера гдѣть въ церкви и писать иконы, т.-е. новыя направленія въ церковной живописи и музыкѣ **), все это приводило его въ большое смущеніе; на все это онъ обращалъ вниманіе власти и ея совѣтниковъ.

И изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что только что очерченный, на основаніи Валаамской бесѣды, кругъ вопросовъ сильно занималъ «избранную раду» Ивана IV наканунѣ созыва соборовъ. Прежде всего, молодые реформаторы вспомнили своихъ старыхъ вождей: голосъ изъ тюрьмы Максима и другой голосъ друга вестяжателей, Артемія ***), вскорѣ сосланнаго въ Соловки,—первые раздаются по призыву Сильвестра и Адашева. Оба, разумѣется, сочувствуютъ реформѣ: Артемій намекалъ даже на возможность радикальнаго разрѣшенія вопроса о монастырскихъ имуществахъ въ духѣ Нила Сорскаго.

Но время радикальныхъ рѣшеній прошло или, лучше сказать, наступило: митрополитъ Макарій, несмотря на свою мягкость и привычку всѣмъ дѣлать пріятное, въ этомъ случаѣ оказался вѣрнѣе завѣтамъ своей alma mater, Волоколамскаго монастыря и подалъ—по обыкновенію, чужими словами (митр. Симона на соборѣ 1503 г.)—рѣшительное мнѣніе противъ радикальной постановки вопроса на предстоящемъ соборѣ. За нимъ высказались и еще нѣсколько лицъ не въ пользу затѣй молодой партіи; такъ что еще до созыва собора ясно было, что дѣло кончится полумѣрами. Не вызывалъ особенныхъ надеждъ и самый составъ собравшагося въ Москвѣ духовнаго собора (т. наз. Стоглава). Изъ девяти его членовъ только одинъ (Вассіанъ) извѣстенъ своими передовыми мнѣніями: за то преданіе и украсило его біографію самыми внушительными подробностями, вродѣ того, что у него рука отнялась, голова повернулась назадъ и т. п. Трое (кромя Макарія) были «осифляне», т.-е. явные противники реформы.

На дѣятельности собора мы здѣсь не можемъ останавливаться. Скажемъ только, что по отношенію къ вотчиннымъ правамъ монастырей

*) Этимъ мы не предпрѣшаемъ вопроса о времени написанія Бесѣды: всего вѣроятнѣе, она была составлена послѣ реформы 1550-хъ годовъ, т. е. позже фактовъ, идейнымъ оправданіемъ которыхъ она является.

**) См. объ этомъ «Очерки», II, 2-е изданіе, стр. 209—210, 224.

***) См. о немъ «Очерки», II, 30, 32, 95.

дѣло ограничилось нѣкоторыми мѣрами государственнаго контроля надъ монастырскимъ судомъ и финансовой администраціей. Зато новомодныя мурмолки («тафьи безбожнаго Магомета») подверглись жестокому гоненію, такъ же, какъ и модныя иконы и бритые бороды. Гораздо важнѣе были государственныя мѣры, принятыя въ интересахъ служилаго сословія. Наградить генераловъ за службу и обезпечить бытъ офицерства—это былъ настоящій лозунгъ времени, который такъ выдвигалъ впередъ Курбскій и на который такъ нападалъ Грозный.

Въ интересахъ того же офицерства созванъ былъ и первый русскій земскій соборъ. Недавно стало извѣстно, что этотъ соборъ не былъ ни собраніемъ настоящихъ представителей, ни выраженіемъ мнѣній всей земли,—какимъ хотѣлъ бы видѣть подобный соборъ авторъ Валаамской бесѣды. Государство созвало своихъ слугъ, занимавшихъ извѣстныя должности, и потребовало отъ нихъ не столько ихъ вотума, сколько простой экспертизы—въ видѣ отвѣта на опредѣленно поставленный вопросъ о ихъ служебной годности въ данной моментъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ моментъ перваго появленія такого, повидимому, интереснаго учрежденія историку русскихъ общественныхъ движеній съ нимъ уже нечего дѣлать. Оно завершаетъ собой, какъ и другой, духовный соборъ, оппозиціонное движеніе цѣлаго полувѣка, сводя къ минимуму его результаты,—и именно потому съ этихъ соборовъ не приходится начинать никакого новаго движенія.

Впрочемъ, оговоримся. Принявъ съ такой рѣшительностью подъ свою защиту интересы одного класса (надо прибавить: не того, который былъ въ силѣ въ данный моментъ и сила котораго вскорѣ оказалась такой непрочной, т.-е. боярства,—а того, которому принадлежало будущее, т.-е. дворянства), московское правительство этимъ самымъ готовило себѣ новую оппозицію, наименѣе идеологическую и наиболее опасную—даже тогда, когда она проявлялась не активно, а пассивно. Это была оппозиція социальная—оппозиція крестьянъ и холоповъ.

Первые признаки такой оппозиціи являются еще раньше соборовъ и раньше сознательнаго и систематическаго классоваго законодательства. Собственно, во все этой полемикѣ противъ монастырскаго владѣнія земель и людьми, рядомъ съ морально-религіозными и политическими побужденіями, все время слышится также и социальная нотка. Разумѣется, особенно сильно она звучитъ у пустынножителей, какъ у такихъ противниковъ монастырскаго собственности, которые не принадлежатъ сами къ числу рабовладѣльцевъ и нападаютъ на «иноковъ» не какъ на опасныхъ конкурентовъ служилаго землевладѣнія, а принципиально. Максимъ Грекъ—самый умѣренный въ своихъ политическихъ взглядахъ и самый отвлеченный въ своихъ моралистическихъ сужденіяхъ,—въ данномъ случаѣ выступаетъ съ самымъ рѣзкимъ и безповоротнымъ осужденіемъ. «Гдѣ писано, спрашиваетъ онъ, чтобы (угодившіе Богу иноки) давали

деньги взаймы, вопреки правиламъ закона или чтобы они вымогали у убогихъ проценты на проценты? А мы позволяемъ себѣ дѣлать это съ бѣдными селянами, трудящимися и страждущими безъ отдыха въ нашихъ селахъ и на всѣхъ нашихъ службахъ, отягчая ихъ высокимъ ростомъ и разоряя, когда они не могутъ отдать долга... Ты истязуешь человѣка и расхищаешь жалкое его стяжаньице; ты гонишь его, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, прочь изъ своихъ селъ съ пустыми руками или порабощаешь вѣчнымъ порабощеніемъ, какъ древній мучитель фараонъ—сыновъ израилевыхъ. Если, изнемогши отъ тяжести налагаемыхъ нами безпрестанно трудовъ, онъ захочетъ переселиться куда-нибудь въ другое мѣсто, мы его не пускаемъ безъ уплаты установленнаго оброка,—забывъ о безчисленныхъ трудахъ его и страданіяхъ и потѣ, пролитомъ для необходимыхъ намъ услугъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ нашемъ селѣ. Что можетъ быть мерзче этого, брать мой, что можетъ быть безчеловѣчнѣе?»

Всякій, кто стоялъ ближе къ тогдашней русской жизни, чѣмъ Максимъ,—не могъ не чувствовать, что тяжесть этихъ обличеній падаетъ не на одно монастырское землевладѣніе и рабовладѣніе. Любой мелкій помѣщикъ и крупный бояринъ дѣлалъ въ своихъ селахъ то же самое. Поэтому, когда авторъ Валаамской бесѣды, повторяя Вассіана и Максима, въ своихъ обличеніяхъ «иноковъ, кормящихся мірскими слезами»,—въ то же время тщательно выгораживаетъ изъ этихъ обличеній свѣтское землевладѣніе, это уже кажется или крайнимъ ослѣпленіемъ, или просто недобросовѣстностью: во всякомъ случаѣ, это крайне непослѣдовательно. Конечно, не одни иноки кормились мірскими слезами; не одними ихъ притѣсненіями объяснялся тотъ пассивный протестъ населенія, на который намекалъ Максимъ въ приведенныхъ выше словахъ и который авторъ бесѣды еще ярче характеризовалъ въ формѣ пророчества: «будутъ пустѣть, никѣмъ не гонимы, въ волостяхъ и селахъ дома крестьянскіе, люди начнутъ умирать и земля начнетъ пространнѣе быть, а людей будетъ меньше,—и тѣмъ оставшимся людямъ на той пространной землѣ жить будетъ негдѣ». И если авторъ Валаамской бесѣды, какъ на единственный радикальный исходъ, могъ указать только на взятіе всѣхъ монастырскихъ земель въ казну и на уплату монастырямъ ежегодно жалованья, то вполне послѣдовательно было предложить *распространить ту же мѣру и на сужилое землевладѣніе.*

Такъ и ставить вопросъ о вознагражденіи служилаго сословія одинъ документъ середины XVI в. *). Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи другое—чисто публицистическое произведеніе XVI вѣка—извѣстное «Сказаніе о Петрѣ, волошскомъ воеводѣ» Ивашки Пересвѣтова. Авторъ какъ будто знакомъ съ письмами Ивана IV къ Курбскому; до такой

*) См. «Очерки», ч. I. стр. 138—139.

степени тѣсно его собственная теорія примыкаетъ къ разсужденіямъ царя. Онъ, прежде всего монархистъ и притомъ гораздо болѣе послѣдовательный, чѣмъ авторъ Валаамской бесѣды. Царь долженъ быть «грозенъ и самоупрямливъ и мудръ безъ вопрошанья» (т.-е. безъ чужихъ совѣтовъ): тогда только «Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его и онъ будетъ обладать многими царствами». Это положеніе, — которое, какъ мы видѣли, авторъ Валаамской бесѣды цитируетъ и оспариваетъ, — положено въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій Пересвѣтова. Первое послѣдствіе этого положенія — то, что совѣтъ съ «пріятелями», вельможами, — можетъ только ослабить силу царской инициативы. вмѣстѣ съ самимъ Иваномъ, Пересвѣтовъ всѣ государственныя бѣдствія склоненъ выводить изъ одной причины: изъ того, что «вельможи своимъ чародѣйствомъ привратили къ себѣ сердце царево и научили его во всемъ волю свою творити». Отсюда «умалилась правда въ московскомъ государствѣ». Разбогатѣвшіе и обгнѣившіеся вельможи «цвѣтно, конно и людно выѣзжаютъ на потѣхи», а когда выѣзжаютъ на битву, то травятъ людей и теряютъ войско, благодаря своей трусости. Держа за собой города и волости въ кормленѣ, вельможи богатыютъ отъ слезъ и отъ крови крестьянской. Они подбрасываютъ мертвецовъ въ дома богатыхъ людей и въ села, чтобъ потомъ разорить подсудимыхъ неправымъ судомъ. Они дѣлятся со сборщиками податей, позволяя имъ за то «собирать деньги безъ пощады, мучить крестьянъ и брать на царя десять рублей, а себѣ сто». Словомъ, творя волю вельможь, царь «напускаетъ тѣмъ лишнюю войну на царство». Къ нему самому — доступа нѣтъ, такъ какъ тѣ же вельможи «отбиваютъ отъ него міръ съ челобитными». Мы знаемъ, какъ отвѣчалъ на эти обвиненія литературный противникъ Пересвѣтова. Признавая вполне «безчисленные властелинскіе грѣхи», онъ совѣтовалъ завести вселенскій совѣтъ, чтобъ царю «все всегда было вѣдомо». Грозному и его публицисту такой исходъ, очевидно, уже потому казался ненадежнымъ, что при этомъ посредниками между царемъ и народомъ оставались все тѣ же подозрительные царю вельможи. Дѣйствовать мимо нихъ, обратиться прямо къ самому народу съ лобнаго мѣста — таковъ пріемъ Ивана IV; такова же и теорія его защитника. При такомъ настроеніи, обличеніе властелинскихъ неправдъ превращается подъ его перомъ въ широкую картину социальныхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ Русь и отъ которыхъ она можетъ быть освобождена только прямымъ вмѣшательствомъ царской власти. Эта черта — составляетъ ту особенность Сказанія, благодаря которой оно становится помимо орудія политической борьбы, также и однимъ изъ выраженій социальной оппозиціи. Соціальная оппозиція выступаетъ здѣсь все еще не отъ своего собственного имени. Но она уже перестаетъ быть орудіемъ чисто-моралистическихъ обличеній, какимъ была у «нестяжателей». Въ рукахъ ихъ политическихъ противниковъ она превращается въ могущественное политическое орудіе самодержавной власти.

По теории защитника этой власти — вельможи, завладевъ царствомъ, «не даютъ управы на сильныхъ — бѣднымъ и безпомощнымъ. Слабому человѣку невозможно ни въ городѣ жить, ни отъ города хоть на версту отгѣхатъ. Поэтому, многіе, чтобы избавиться отъ бѣды, отдаются во дворъ къ вельможамъ. А Богъ не велѣлъ другъ друга по-работачать; Богъ *сотворилъ челоѵка самовластнымъ* и повелѣлъ ему быть самому себѣ владыкой, а не работи. Мы же беремъ челоѵка въ работу и записываемъ его навѣки». Исходъ, по мнѣнію нашего автора, можетъ быть только одинъ: «такой сильный государь, какъ царь русской, долженъ со всего своего царства доходы брать прямо себѣ въ казну, а изъ казны платить военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ ежегодное жалованье, чѣмъ имъ можно прожить съ людьми и съ конями съ году на годъ». За военные заслуги царь долженъ награждать, къ себѣ близко припускать, жалобы ихъ позлащать и тѣмъ сердца ихъ утѣшать. Тогда и 20.000 воиновъ будутъ сильнѣе, чѣмъ 100.000 при дѣйствующемъ порядкѣ; тогда и вельможи перестанутъ «неправеднымъ собираніемъ богатѣть, да родами считаться, да мѣстами мѣстничаться и тѣмъ цареву воинство ослаблять». Имѣя въ своихъ рукахъ «воинство», царь уже сможетъ «вельможъ своихъ всячески искушать и боярами своими тѣшиться, какъ младенцами; вельможи начнутъ его бояться и ни съ какими злохитростями не дерзнуть къ нему приблизиться».

Мы видимъ, дальше чего не идетъ демократизмъ защитника политики Грознаго въ его критикѣ социальныхъ условій тогдашней русской жизни. Онъ на сторонѣ «бѣдныхъ и безпомощныхъ» — лишь въ очень условномъ смыслѣ слова. Онъ не на сторонѣ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ, а на сторонѣ «воинства» противъ «вельможъ». Онъ, правда, не прочь посовѣтовать правительству — вступить въ прямыя отношенія къ крестьянамъ, минуя ихъ господъ, но съ тѣмъ, чтобы интересы этихъ господъ, — поскольку они суть интересы службы, слѣдовательно совпадаютъ съ государственными интересами, — были обезпечены. А если окажется, что прямыхъ сношеній съ крестьянами на этихъ условіяхъ установить нельзя, то государственная власть ни минуты не усомнится отдать «самовластнаго челоѵка, владыку самого себя», своему «воинству» «въ работу навѣки» *).

Итакъ, мы видимъ, что социальный вопросъ разрабатывается въ XVI в. въ двухъ направленіяхъ: сперва въ направленіи религіозно-моралистическомъ, потомъ въ направленіи политическомъ. То и другое направленіе не могло принести для его разрѣшенія никакой пользы, такъ какъ пользовалось социальнымъ вопросомъ, лишь какъ средствомъ борьбы другъ противъ друга. Социальная же оппозиція, въ собственномъ смыслѣ, сосредоточивалась въ такихъ сферахъ, которыя не могли формулировать никакого социального «вопроса». Когда она выступила

*) Ср. Очерки, I, 4-е изданіе стр.

сама отъ своего имени,—это выступленіе получило не форму теоріи, а форму поступковъ.

Одинъ изъ такихъ поступковъ отмѣтилъ уже авторъ Валаамской бесѣды, предсказавъ отъ лица святыхъ, что «люди начнутъ убывать и земля начнетъ пространѣе быти». Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ исполнялась мечта московскихъ публицистовъ, расширялись предѣлы государства,—особенно на востокъ и на югъ,—все многочисленнѣе начинали становиться побѣги отъ московскихъ порядковъ на привольныя окраины. Въ послѣднюю четверть вѣка эти побѣги сдѣлались массовыми и стали грозить чуть не полнымъ обезлюдѣніемъ стараго государственнаго центра *). Владѣльческому хозяйству центра грозилъ полный разгромъ,—и правительственная власть, смотрѣвшая въ началѣ на бѣглецовъ, какъ пригодный для своихъ цѣлей колонизаторскій элементъ, въ концѣ концовъ, принуждена была отождествить свои интересы съ интересами хозяевъ—служилыхъ людей **). При этихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о проведеніи намѣченной Пересвѣтовымъ идеи демократической монархіи, о защитѣ самодержавной властью «автономіи личности» отъ покушеній правящаго сословія на ея свободу. Правительство ограничило другою задачей,—тоже нелегкой, такъ какъ для ея осуществленія понадобилась причина: задачей освободить «войнство» отъ тяготѣнія надъ нимъ вельможъ—отъ непосредственной власти старыхъ удѣльныхъ государей. Такова и была, въ сущности, главная идея памфлета Ивашки Пересвѣтова.

Соціальная оппозиція не была, конечно, уничтожена однимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что правительство перестало о ней думать. Элементы этой оппозиціи продолжали копиться на окраинѣ; при первомъ случаѣ они должны были напомнить о себѣ правительству. Случай представился въ смутное время.

Любопытно, что знаменемъ для этого перваго активнаго соціального протеста послужилъ «истинный царь Дмитрій»—въ противоположность боярскому царю Василю. Законный наслѣдникъ Грознаго представлялся, очевидно, народной массѣ ея настоящимъ покровителемъ и защитникомъ—*противъ* боярскаго кружка, мечтавшаго, можетъ быть, возобновить преданія «избранной рады» Курбскаго. Идеи демократической монархіи, какъ видимъ, сознательно предпочитались въ народной массѣ тѣмъ конституціонно-боярскимъ идеямъ, во имя которыхъ царь Василій далъ свою «заявлю»—не казнить безъ боярскаго суда и не прибѣгать къ произвольнымъ конфискаціямъ имущества подданныхъ. Теорія Пересвѣтова столкнулись, такимъ образомъ, въ самой жизни съ теоріями Валаамской бесѣды,—и оказались болѣе популярными.

Въ этихъ теоріяхъ было, однако же, два отгѣвика, не совсѣмъ ла-

*) См. «Очерки», т. I, 4-е изданіе стр. 71—72, 76.

***) См. «Очерки», т. I, стр.

дившихъ другъ съ другомъ на бумагѣ и еще менѣе соединимыхъ въ жизни. Онѣ защищали противъ боярства, во-первыхъ, *воинство*, во-вторыхъ, порабощенное (не одними боярами, а также и тѣмъ же воинствомъ) низшее сословіе—*крестьянъ и холоповъ*. Оба эти элемента возстали теперь «на бояръ за убіеніе Дмитрія и самовольное избраніе Василя Шуйскаго». Въ рязанской землѣ возстало «воинство», т.-е. служилые люди; въ сѣверской землѣ возстали бѣглые крестьяне и холопы, прогнанные боярами во время голода, или отпущенные изъ конфискованныхъ у бояръ домовъ, или просто бѣжавшіе самовольно. Скоро, однако, оказалось, что оба элемента не могутъ дѣйствовать вмѣстѣ и быть союзниками, такъ какъ и цѣли борьбы, и самая тактика были у нихъ совершенно различны. Бѣглые холопы не интересовались простой смѣной династіи: вожди ихъ рисовали имъ въ перспективѣ цѣлый соціальный переворотъ. Въ своихъ прокламаціяхъ они «велѣли боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и сулили имъ женъ и вотчины и помѣстья этихъ бояръ, а безымяннымъ бродягамъ велѣли купцовъ и всѣхъ торговыхъ людей побивать и имущество ихъ грабить; призывая къ себѣ этихъ воровъ, они обѣщали имъ и боярство, и воеводство, и околичество, и дьячество». И, дѣйствительно, при первыхъ же успѣхахъ движенія, сѣверскіе бунтовщики начали именемъ истиннаго царя Дмитрія «разорять дома своихъ бояръ, грабить ихъ имущество и брать себѣ женъ; бояръ и воеводъ они побивали разными смертями, бросали съ башенъ, вѣшали за ноги, распинали на городскихъ стѣнахъ»,—словомъ, воспроизводили всѣ тѣ сцены, которыя такъ хорошо извѣстны изъ исторіи соціальныхъ движеній XVIII столѣтія. Рязанскіе дворяне немедленно отступились отъ такихъ опасныхъ союзниковъ и вернулись къ союзу съ законной властью, которая затѣмъ уже не жалѣла казней противъ враговъ общественнаго порядка. Цѣлые два года правительство царя Василя вѣшало и топило «воровъ»; вся сѣверская область была объявлена на военномъ положеніи и отдана на разграбленіе инородцамъ—черемисамъ и татарамъ.

Теперь, наконецъ, правительство почувствовало необходимость законодательнаго вмѣшательства въ область соціальныхъ отношеній, но сдѣлало это отнюдь не въ интересахъ «самовластія» личности. Въ 1607 г., непосредственно послѣ возстанія, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ мѣръ, общая цѣль которыхъ—подчинить правительственному надзору боярскихъ холоповъ и прекратить побѣги крестьянъ на окраину.

Такъ кончилось первое проявленіе соціальнаго протеста противъ новыхъ московскихъ порядковъ. Источники оппозиціи противъ этихъ порядковъ были теперь сполна исчерпаны. Порядки оказались сильнѣе—и выставявшихся противъ нихъ идеологій, и даже противорѣчившихъ имъ соціальныхъ интересовъ. И если, при всемъ томъ, эти идеологій успѣли достаточно ярко заявить о себѣ, то и этимъ онѣ обязаны были, во-первыхъ, тому, что порядки не успѣли еще уста-

повиться; во-вторыхъ, тому, что нѣкоторыя изъ этихъ идеологій принялъ подъ свою защиту единственный (кромѣ царской власти) сильный тогда социальный элементъ—боярство. Въ XVII вѣкѣ оба эти условія перестали дѣйствовать. Порядки установились окончательно, а боярство лишено было царской политикой всякаго политическаго значенія *). Немудрено, что въ XVII в. мы уже не найдемъ ничего подобнаго той борьбѣ разнородныхъ политическихъ началъ, какую прослѣдили въ XVI в. Новыя политическія идеологіи развиваются, конечно, своимъ чередомъ, но онѣ развиваются, такъ сказать, изнутри установившагося общественнаго порядка.

О религиозныхъ движеніяхъ XIV и XV в. на Балканскомъ полуостровѣ и на Асонтѣ см. указанную раньше книгу Радченко и книгу *Θ. И. Успенскаго*: «Очеркъ по исторіи византійской образованности. Одесса. 1892. Теорія западнаго вліянія на возникновеніе ереси въ Псковѣ и Новгородѣ развита *Н. С. Тихомировымъ*, см. его Сочиненія, т. I, Отреченныя книги древней Россіи, очеркъ шестой. М. 189. Общій разсказъ о религиозной и политической борьбѣ XV и XVI в., поскольку она отразилась въ литературныхъ произведеніяхъ, см. въ «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпина, т. II, Спб. 1898 г. Здѣсь и библиографическія указанія. Подробности о борьбѣ нестяжателей съ осифлянами см. въ «Исслѣдованіи о сочиненіяхъ Іосифа Санина» *И. Хрущова*, Спб. 1868 г. и въ «Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи» А. С. Павлова, въ «Запискахъ Новороссійскаго университета», т. VII, О. 1871 г. «Вестѣа Валдаискихъ чудотворцевъ» издана В. Г. Дружининимъ и М. А. Дьяконовымъ, Спб. 1890 г. О подготовкѣ Стоглаваго Собора см. статью *И. Жданова* въ Журналѣ Министерства Нар. Просвѣщенія, 1876, іюль и августъ. Специалисты замѣчаютъ, что мы не совсѣмъ согласны съ освѣщеніемъ фактовъ у автора и считаемъ двѣ безымянныя записки, поданныя устроителямъ собора,—принадлежащими не партіи реформъ, а ея противникамъ. О составѣ перваго земскаго собора см. статью *В. О. Ключевскаго*: Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси, въ «Русской Мысли» 1890 г., январь. Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Магметѣ напечатано въ «Извѣстіяхъ и ученыхъ запискахъ Казанскаго университета», 1865 г., вып. I. Указанная мною въ текстѣ связь между обоими памфлетами должна быть принята во вниманіе при пересмотрѣ вопроса о времени ихъ написанія. Сказаніе Пересвѣтова, несомнѣнно, составлено тогда, когда вполнѣ выяснился характеръ вліянія Сильвестра на Ивана Грознаго (чародѣйство), но нѣтъ никакой необходимости думать, что всѣ совѣты Пересвѣтова даются имъ *post factum*, т. е. тогда, когда Иванъ успѣлъ осуществить ихъ учрежденіемъ опричнины. Идеи «Вестѣа», во всякомъ случаѣ, должны были быть въ обращеніи уже ко времени реформъ 50-хъ годовъ. О социальномъ протестѣ смутнаго времени см. «Очеркъ по исторіи смуты въ московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.» С. Θ. Платонова, Спб. 1899 г. Тамъ же и всѣ указанія на источники

П. Миліоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) См. «Очерки» I, 4-е изд. стр. 181—182.

ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ).

(Продолженіе *).

VII.

Пять лѣтъ я отсутствовалъ и возвратился въ свою губернію въ началѣ зимы голоднаго 1891 года.

Рано покинули перелетныя птицы мертвыя поля въ тотъ годъ, и съ какимъ-то зловѣщимъ напряженнымъ молчаніемъ стояли они, пока не покрылись бѣлыми, какъ саванъ, сугробами снѣга. За этими сугробами уже притаился голодный тифъ и страшными глазами высматривалъ свои жертвы.

Пустотой вѣяло отъ губернскаго города.

Не было прежняго оживленія и въ пресективахъ улицъ уныло рисовались только рѣдкіе извозчики въ напрасномъ ожиданіи куда-то вдругъ исчезнувшихъ сѣдоковъ, да проходили по панелямъ, группами и въ одиночку, съ женами и дѣтьми деревенскіе обитатели, растерянные, съ вытянутыми лицами, блуждающими ищущими взглядами и въ то же время съ удовлетвореніемъ, говорящимъ о томъ, что вотъ они все-таки вырвались какимъ-то чудомъ изъ тѣхъ сугробовъ и теперь здѣсь среди богатаго города, среди живыхъ людей, которые не дадутъ имъ умереть голодной смертью.

Они и раньше знали этотъ городъ, когда въ хорошіе годы возили бывало сюда свой хлѣбъ на продажу. Двѣ-три тысячи подводъ тогда изо дня въ день выѣзжали на хлѣбную площадь и съ утра до вечера у конторокъ хлѣбныхъ торговцевъ стояла толпа, ожидая очереди разсчета или вѣрнѣе обсчета, потому что у рѣдкаго все сходило благополучно: того въ вѣсѣ обмануть, того въ качествахъ.

Воротить обманомъ отнятое—одного бы этого хватило на теперешній голодный годъ.

*) См. «Миръ Воинъ», № 2, февраль 1900.

Гдѣ ужъ тамъ воротить! Хотя бы Христа ради подали теперь всѣ эти грабившіе ихъ.

Но пусто на хлѣбной площади, только стаи голубей тревожно-расхаживаютъ по ней, то и дѣло цервно роетъ въ снѣгу; заперты и конторки, гдѣ толчился когда-то народъ, и нѣтъ, пропали куда-то вмѣстѣ съ перелетными птицами и хозяева этихъ конторокъ; прилетятъ снова къ хорошему году, чтобы снова тѣхъ, кто живъ останется, обвѣшивать, учитывать и фальшиво на глазъ опредѣлять качество хлѣба.

И опять отдадутъ свой хлѣбъ крестьяне, не вести же его назадъ.

И кричать нельзя: „караулъ, грабятъ“.

Съ горя можно только пьянымъ напиться, растерявъ и послѣднее по кабакамъ, да притонамъ постоянныхъ дворовъ, гдѣ всѣ соблазны, гдѣ зорко стерегутъ свои жертвы стаи живущихъ за ихъ счетъ тунейцевъ. И съ отчаяніемъ познавшіе городскую науку и людей города говорятъ люди деревни:

— Хуже всякой нечисти ѣдятъ они нашего брата.

Говорятъ и сами же теперь съ отчаяніемъ и смертью въ душѣ идутъ въ этотъ городъ.

Но если пуста хлѣбная площадь, заперты конторки, не пускаютъ на постоянные дворы и бѣгутъ теперь прочь отъ голодныхъ деревни тунейцы, то широко открываются двери какихъ-то другихъ, досихъ поръ неизвѣстныхъ деревнѣ квартиръ и домовъ.

Ласковыя слова, ласковое вниманіе, участіе, помощь посильная, и оголодавшій людъ съ похолодѣлыми сердцами быстро отходить, горячѣе молится и ужъ такъ благодарить, что у самаго черстваго просыпается аппетитъ къ помощи, къ дѣятельности не для себя только.

Общество, съ которымъ я впервые встрѣтился у фотографа, усиленно работало: собирали подписку, писали въ столичные газеты, — такъ какъ провинціальныя еще молчали, — устраивали приходящихъ изъ деревень, организовывали отряды въ деревни.

Явились бараки, столовыя, чайныя, и губернаторъ, поставленный въ безвыходное положеніе, говорилъ этимъ частнымъ лицамъ по поводу ихъ благотворительной дѣятельности:

— Я ничего не вижу, ничего не знаю, но, если я увижу, мнѣ, вы понимаете, ничего больше не останется, какъ прекратить все это.

Такъ стояло дѣло до того момента, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе, признавшее фактъ недорода.

Тогда картина сразу измѣнилась. Сейчас же по телеграфу было испрошено разрѣшеніе на экстренное дворянское и земское собраніе.

Дворяне и земцы наводнили городъ и все опять ожило и за-

волновалось. Прежде всего, пошли пререканія о томъ, кто виновать, что голодъ такъ долго не былъ обнаруженъ.

Въ настоящее время, когда прошло уже почти десять лѣтъ, все это уже достояніе исторіи, но тогда переживалось острое и жгучее мгновеніе.

У самаго равнодушнаго не могло не быть сознанія безвыходности положенія всѣхъ тѣхъ голодныхъ, которые теперь тамъ въ своихъ деревняхъ сидѣли съ пустыми амбарами, съ ужаснымъ сознаньемъ, что они забыты и брошены на произволъ судьбы. И всѣ знали, что эти люди ѣли то, чего и скотъ не хотѣлъ ѣсть, что среди этихъ людей уже свирѣпствовала голодный тифъ. Совѣсть мучила и тѣмъ злѣе, тѣмъ раздраженнѣе искали виноватыхъ.

Какъ бы-то ни было, но несомнѣнный фактъ тотъ, что благодаря позднимъ мѣрамъ продовольственное дѣло осложнилось и вслѣдствіе этого хотя и пришлось прибѣгнуть къ запрещенію вывоза нашего хлѣба за границу, — благодаря чему мы навсегда потеряли многіе заграничные рынки, — но это не спасло крестьянское населеніе отъ неисчислимыхъ бѣдствій и второго голода въ 1892 году, происшедшаго исключительно вслѣдствіе несвоевременной доставки сѣмянъ.

На этой почвѣ пререканій отношенія земства и администраціи такъ обострились, что было командировано даже спеціальное лицо для улаженія недоразумѣній. Лицо это присутствовало и на земскомъ собраніи, на которомъ опредѣлялись размѣры и форма ссуды.

Характеристикою настроенія земскаго собранія можетъ служить пустой, собственно, случай.

Командированное лицо, находя ссуду преувеличенной, сказало, что у правительства, можетъ, и не имѣется столько свободныхъ денегъ.

Всегда изящный Николай Ивановичъ теперь взволнованный, голосомъ обжогшимъ, какъ огонь, сказалъ:

— Собраніе не сомнѣвается, что это только частное мнѣніе представителя. Правительство, которое находитъ средства для войны, найдетъ, конечно, средства и для того, чтобы войны эти не умирали съ голоду.

Все смолкло, а представитель обратился къ Чеботаеву:

— Какъ фамилія говорившаго?

Влѣдннй Чеботаевъ, не предвидя ничего добраго, мрачно отвѣтилъ:

— Я не знаю.

Всталъ и отвѣтилъ на этотъ вопросъ предсѣдатель земства старый Лавиновъ:

— Ваше превосходительство, возразившій вамъ нашъ товарищъ... опъ только предвосхитилъ мысль каждаго изъ насъ и намъ остается лишь завидовать ему.

И съ глубокимъ поклономъ среди замершаго въ напряженномъ вызывающемъ молчапіи собранія—земцевъ и громадной публики на хорахъ, съ которой теперь установился непрерывный, какъ біеніе пульса, токъ—Лавиновъ полный достоинства опустился въ свое кресло.

Среди мертвой тишины, когда уже ждали какого-то взрыва, слова представителя раздались въ залѣ, какъ паръ, выпускаемый въ предохранительный клапанъ:

— Я лично буду отстаивать земствомъ требуемыя суммы.

Уже благодумиѣ собраніе перешло къ обсужденію формъ ссуды. Было предложено ссуду выдавать обществамъ зерномъ за круговой порукой и тѣмъ только обществамъ, которые согласятся ввести у себя общественную запашку.

Кто-то коснулся того, что мѣра эта, какъ принудительная, требовала бы законодательной санкціи, но ему отвѣтили въ томъ смыслѣ, что и времени нѣтъ для этой санкціи и что и принудительности здѣсь, собственно, никакой нѣтъ: кто хочетъ беретъ, кто не хочетъ не беретъ,—какая же тутъ принудительность?

Противъ предложенной мѣры возражалъ изъ немногочисленной группы гласныхъ-крестьянъ высокій елейный съ черной бородой крестьянинъ. Прокашлявшись, онъ сказалъ тоненькимъ теноровымъ голоскомъ:

— Трудно будетъ крестьянамъ.

Кто-то бросилъ ему въ отвѣтъ:

— Богъ труды любитъ.

А одинъ изъ земцевъ всталъ и сказалъ, обращаясь къ гласному изъ крестьянъ:

— Вы слышали и видѣли, какъ земство отстаивало ваши интересы. Плохо и намъ крупнымъ землевладѣльцамъ, но для себя мы ничего не просили,—только для васъ. Но крупные владѣльцы не могутъ и платить за васъ, какъ пришлось имъ платить за восьмидесятый тоже голодный годъ, когда правительство взыскало выданную вамъ ссуду со всѣхъ.

— Всего-то двѣсти тысячъ,—отвѣтилъ, привставъ, обиженно крестьянинъ,—остальное крестьяне сами уплатили.

— Всего!—иронически-обиженно подчеркнул кто-то и всѣ улыбнулись, а Нащовинъ, подмигнувъ сѣвшему опять крестьянину, добродушно пробасилъ:

— Придется, видно, помириться?

Гласный-крестьянинъ и кивнулъ, и улыбнулся, и развелъ руками. Дескать: и польщены, что не брезгуете, и говорить-то мнѣ среди васъ, господъ, трудно,—слава Богу, что и такъ все сошло, и, конечно, помириться придется.

За земскимъ собраніемъ открылось дворянское. Собственно и

въ земскомъ, и въ дворянскомъ собраніяхъ, за исключеніемъ земскихъ начальниковъ, которые тогда не принимали еще участія въ земскихъ собраніяхъ, большинство было все то же. Неслужилое дворянство почти отсутствовало, да теперь его, съ проведеніемъ реформы земскихъ начальниковъ, и не было почти. И даже не хватало для института земскихъ начальниковъ мѣстнаго дворянства: кадры ихъ пополнялся изъ дворянъ другихъ губерній, по преимуществу изъ отставныхъ военныхъ.

На дворянскомъ собраніи дворяне думали, конечно, только о себѣ. Проектовъ помощи было подано много. Самый яркій—былъ князя Семенова. Смыслъ его заключался въ томъ, что дворянство принесло на алтарь отечества ничѣмъ неизмѣримую жертву, отпустивъ своихъ вѣрнопостныхъ на волю. Всѣ теперешніе долги дворянства въ сравненіи съ денежной стоимостью отпущенныхъ вѣрнопостныхъ — только проценты на потерянный дворянствомъ навсегда капиталъ. Въ виду столь тяжкихъ жертвъ, дворянство, переживающее теперь небывалый кризисъ, ходатайствуетъ, — если только оно нужно правительству, — сложить съ него всѣ его долги по дворянскому банку.

Противъ этого проекта энергично возстали Николай Ивановичъ и Чеботаевъ со своими партіями.

Въ концѣ концовъ, удалось имъ провести болѣе умѣренное ходатайство, заключавшееся въ слѣдующемъ:

- 1) о пониженіи процентовъ;
- 2) о безпроцентной отсрочкѣ на 48 лѣтъ взносовъ этого года;
- 3) о возобновленіи дворянствомъ хлѣбныхъ поставокъ въ интендантство;
- 4) о регулировкѣ отношенія съ рабочими;
- 5) о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ облегченія, которыя правительство признаетъ для себя возможнымъ.

Въ заключеніе, дворянство обращало вниманіе какъ на то обстоятельство, что страдаетъ оно отъ недорода въ гораздо большей степени, чѣмъ крестьянство, такъ какъ послѣднимъ уже рѣшено оказать помощь, такъ и на то, что главный заработокъ крестьянъ не отъ ихъ посѣвовъ, а отъ работъ на дворянскихъ земляхъ и, слѣдовательно, разъ дворяне, вслѣдствіе отсутствія оборотнаго капитала, сократятъ свой посѣвъ, это тѣмъ тягостнѣе отразится на крестьянахъ.

Довольные дворяне собрались уже подписывать протоколы за сѣданій, когда вдругъ разнеслась по городу вѣсть, что старый предводитель скончался отъ разрыва сердца.

Такъ какъ всѣ давно ждали этого, то смерть старика не произвела особеннаго впечатлѣнія. И уже разъ быть тому, то хорошо, что случилось это какъ разъ въ періодъ собранія, когда

Проскурину невозможно и крайне безтактно было бы воспользоваться своими правами замѣстителя до новыхъ выборовъ. Тотчасъ же по телеграфу было испрошено разрѣшеніе и собраніе занялось выборами. Но такъ какъ всѣ партіи одинаково не были къ нимъ подготовлены и такъ какъ до настоящихъ выборовъ оставался только годъ, то и помирились всѣ партіи на томъ, чтобы выбрать безобиднаго, и остановились на одномъ старомъ, никому ненужномъ дворянинѣ Павлѣ Ивановичѣ Апраксинѣ. Павелъ Ивановичъ, ничего не дѣлающій человекъ, былъ извѣстенъ тѣмъ, что, являясь каждый разъ на выборы, кричалъ: „господа дворяне, только не меня!“

И господа дворяне каждый разъ, шутки ради, всегда подходили къ Павлу Ивановичу и, смѣясь, просили его быть ихъ губернскимъ предводителемъ. А Павелъ Ивановичъ падалъ на диванъ и, поднявъ руки вверхъ, весело кричалъ: „нѣтъ, нѣтъ, только не меня!“

Но когда Павла Ивановича дѣйствительно выбрали, многіе смутились:

— А что же теперь мы съ этимъ шуткомъ дѣлать будемъ? И какъ разъ въ моментъ новой реформы.

На это оптимисты отвѣчали:

— Повѣрьте, это еще лучше.

— Чѣмъ же лучше? Все дѣло попадетъ въ руки губернатора.

— Теперь все равно попадетъ, а ссоръ меньше будетъ, да и не время для нихъ.

Новый предводитель совершенно раздѣлялъ мнѣніе, что ссоръ не надо.

— Я вообще врагъ всякихъ ссоръ, — говорилъ онъ, раздѣвая съ визитами, — и меня одно мучить: близорукъ я! Ну прежде тамъ не узнаешь на улицѣ, — простятъ, а теперь я вѣдь предводитель дворянства.

— А, чортъ, — съ сочной интонаціей, вздрагивая своими могучими плечами, говорить черный Нащовинъ, — и близорукъ вдобавокъ!..

И подумавъ, тряся головой, еще убѣдительнѣе прибавлялъ:

— Убили бобра!

VIII.

Сейчасъ же послѣ выборовъ, установивъ сношенія съ организованными кружками помощи крестьянамъ, я выѣхалъ въ Князевку. Я ѣхалъ и думалъ объ этомъ помогавшемъ крестьянамъ обществѣ, которое теперь, когда нашлась и для него точка приложенія, такъ сильно вдругъ обнаружило готовый запасъ обще-

ственныхъ силъ, до времени тлѣвшій подъ пепломъ и теперь вспыхнувшій яркимъ пламенемъ любви къ ближнимъ, жаждой дѣятельности.

И сколько жизни, возбужденія, энергии, сколько теплоты! Все выходило такъ просто, какъ будто и дѣйствительно не требовалось никакого напряженія, между тѣмъ люди жертвовали и деньгами, и временемъ, и здоровьемъ, и жизнью.

Такіе люди оказались и тамъ, гдѣ я служилъ, оказались и вездѣ въ 91-мъ году, когда впервые выступили они на арену общественной дѣятельности.

Узнавъ этихъ людей, я всѣ эти пять лѣтъ стремился къ нимъ всѣми силами своей души.

Было, конечно, тяжело сознать, что я, дипломный человѣкъ, передъ этими людьми истиннаго знанія — только невѣжа, только профанъ, котораго давно и сознають, и понимаютъ, и только онъ самъ все еще находится въ блаженномъ невѣдѣніи относительно того, кто онъ и что онъ въ жизни.

Но ужъ слишкомъ выстрадалъ я свое дипломное невѣжество, связанное къ тому же съ натурой неудержимо стремящейся хотя и къ чисто практической дѣятельности, но всегда съ добрыми намѣреніями на общую пользу. Понять эту пользу, понять себя, найти свою точку приложенія, — понять, осмыслить, обосновать всѣмъ тѣмъ знаніемъ, которое имѣется уже въ копилкѣ человѣчества, вотъ задача, передъ которой отступили на задній планъ всѣ вопросы ложнаго самолюбія. И эти пять лѣтъ были моимъ вторымъ университетомъ, въ которомъ я дѣйствительно работалъ такъ, какъ не умѣютъ или не могутъ работать, преслѣдуя дипломныя только знанія.

Правда, я не приобрѣлъ еще одного диплома, въ глазахъ людей своего круга я, можетъ быть, даже потерялъ, но я приобрѣлъ компасъ самосознанія, съ помощью котораго я могъ ориентироваться. Я ѣхалъ теперь въ Князевку и понималъ горькимъ, своимъ собственнымъ опытомъ, что добрыми намѣреніями и адъ устланъ, что петлей и арканами даже въ рай не затащешь людей, что въ моей дѣятельности въ Князевкѣ я съ ногъ до головы и съ головы до ногъ былъ крѣпостникомъ.

Какъ лучшій изъ отцовъ командировъ добраго крѣпостнаго времени, я тащилъ своихъ крестьянъ сперва въ какой-то свой рай, а когда они не пошли или вѣрнѣе не могли и идти, потому что рай этотъ существовалъ только въ моей фантазіи, я имъ мстилъ, нагло нарушая всѣ законы, посягая на самыя священныя человѣческія права этихъ людей.

И это дѣлалъ я, человѣкъ, который, благодаря своему диплому, считалъ себя образованнымъ. Что же говорить о другихъ,

и такого образованія даже не имѣющихъ, но не менѣе твердо желающихъ создать благо для этихъ несчастныхъ? Что сказать объ этихъ несчастныхъ, надъ которыми я, человѣкъ безъ всякихъ правъ власти, человѣкъ равный съ ними передъ закономъ, могъ мудрствовать и продѣлывать съ ними все вплоть до изгнанія ихъ изъ родины?

И въ какой адъ мы всѣ желающіе можемъ, наконецъ, превратить жизнь деревни въ нашемъ благомъ намѣреніи создать ей свой рай?

Какъ бы то ни было, но мое просвѣтленіе пришло и я чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, который послѣ одного блужданія, въ темныхъ подвалахъ своего средневѣковаго произвола выбрался, наконецъ, на свѣтъ Божій.

По поводу голода относительно, собственно, Князевки я былъ спокоенъ, такъ какъ Петръ Ивановичъ все время писалъ мнѣ успокоительныя письма. Какъ потомъ оказалось, онъ не хотѣлъ меня огорчать, боясь чтобы, непосильной помощью я опять не подорвалъ бы себя. Онъ совѣтовался даже съ Чеботаевымъ и Чеботаевъ тоже говорилъ ему:

— И не пишите, батюшка,—вы вѣдь знаете его: возьми все и отстань... А? что? А вѣдь жена, дѣти... Ничего не пишите, конечно...

Тѣмъ ужаснѣе было то, что я увидѣлъ въ Князевкѣ.

Забить этого нельзя.

Стоить закрыть глаза а я теперь вижу и этотъ хлѣбъ изъ мякины, и эти изможденные голодомъ тускло прозрачныя лица, громадные глаза всѣхъ этихъ брошенныхъ людей.

И не людей даже, а уже звѣрей и мучительное чувство страха передъ этими перешедшими на стадію звѣрей оголодавшими людьми, готовыхъ какой угодно цѣной зырвать у другого кусокъ.

Но этого куска не было.

Николай Исаевъ, лѣтъ 30, несчастный горемыка, отецъ восьми дѣвочекъ и одного мальчика, моего крестника, на мой вопросъ при приходѣ къ нему, что-жъ онъ думаетъ дѣлать, отвѣтилъ, продолжая сидѣть:

— А вотъ въ лѣсъ заведу всѣхъ и брошу или перерѣжу ихъ, какъ курчатъ.

Онъ равнодушно показалъ на кучу своихъ дѣтей, которыя сбившихъ на печи, страшными глазами смотрѣли на своего отца и слушали знакомыя сказки про мальчика съ пальчикъ, Ваню и Машу, воплотившіяся для нихъ въ такую ужасную дѣйствительность.

— И крестника моего прирѣжешь?

— А что?

— А самъ что станешь дѣлать?

— А самъ на большую дорогу выйду, благослови Господи.

Николай говорилъ какъ будто весело и, скользя по мнѣ равнодушнымъ взглядомъ, сталъ смотрѣть въ окно пусто, равнодушно, безъ мысли.

Вышмыгнувъ, провожая меня въ сѣни, жена Николая шептала мнѣ съ смертной тоской въ голосъ, съ широко раскрытыми глазами:

— Ножъ потрогаетъ, потрогаетъ и положить опять... Третій вотъ день и сидитъ такъ. Скажешь ему: „хоть бы ты пошелъ“... „Ни куда не пойду“ — оборветъ, глазищами поведетъ... А дѣтишки въ голосъ воютъ: день такъ сякъ, а къ вечеру хуже голодъ: щепку сунешь имъ сосать, — такъ вѣдь отъ щепки какая сытость?

Черезъ недѣлю, никого не зарѣзавъ, Николай, самъ умеръ отъ тифа. И много такихъ умерло.

Кой-какъ устроившись, мы организовали столовня, гдѣ собиралась для ѣды два раза въ день голодающая округа: дѣти, женщины, старики. Рабочихъ крестьянъ было очень мало.

Много трогательныхъ, эпическихъ сценъ. Старуха Исаева, нѣкогда глава зажиточной громадной недѣленной семьи, — все это уже давно поросло травой забвенія: и раздѣлились, и разорились и старикъ умеръ. Высокая, худая, тихая, съ прекраснымъ строгимъ лицомъ, покорная судьбѣ, она ѣсть и рядомъ съ ней маленькая сиротка Маша, потерявшая сразу и отца, и мать, третій годъ не могущая забыть своей потери.

Сиротка... и такъ и вырастетъ она въ этомъ ореолѣ сиротчества, съ воспоминаніемъ о затерявшихся вдругъ гдѣ-то тамъ въ золотыхъ мечтахъ дѣтства тятьки и мамки.

Вотъ Оедоръ, старикъ, безстрашный свиталецъ по святымъ мѣстамъ — и лѣтомъ, и въ зимнюю пургу, — наивный ребенокъ, смотрящій на васъ своими чистыми, какъ у ребенка, голубыми глазами.

Въ послѣднемъ своемъ походѣ на Кіевъ, Ростовъ, Москву, Казань онъ потерялъ почти совсѣмъ свои ноги и, касаясь этого больного для него вопроса, онъ уже не спокойный, а смущенный говорить:

— Съ глазу, батюшка Николай Егоровичъ, съ глазу. Сидимъ мы на привалѣ, а Симбирскій одинъ этакъ ткнулъ въ меня и батъ: „вонъ старикъ, вмѣсто чая, воду пьетъ, а крѣпче насъ“. Съ той вотъ поры и отрѣзало, вступило въ ноги, хоть что... Вотъ ужъ буду живъ, Богъ дастъ, весны дождусь, къ отцу Александру за Самару пойду: отмаливаетъ, говорятъ люди, хорошо отмаливаетъ.

Старая Драчена срывается съ своего мѣста:

— Что ты дядя Оедоръ! Иди къ Казани, село вотъ только

забыла какъ прозванье: чудотворная икона въ томъ селѣ объявилась въ прошломъ годѣ на камешкѣ... Странникъ почевалъ у насъ, сказывалъ: „торопитесь, какъ бы поспѣть“.

На высказанное вѣмъ-то сомнѣніе относительно странника и иконы, Драчена съ торжествомъ вынула образокъ:

— А это что?! Копія...

На копіи впрочемъ стояла помѣтка: дозволено цензурой, Москва, 1865 года.

— Какой же это прошлый годъ?

И я разъяснилъ Драченѣ обманъ. Она очень огорчилась и говорила.

— Ахъ, онъ мошенникъ! Ахъ, онъ мошенникъ!

(Эго не помѣшало ей все-таки отправиться весной разыскивать святую чудотворную на камешкѣ).

Большинство ѣстъ молча, сосредоточенно. На всѣхъ какая-то общая печать непередаваемой ясности, покорности.

— Господь нашъ Царь небесный въ ясляхъ и во тѣмѣ родился и на крестѣ жизнь за насъ грѣшныхъ кончилъ: намъ ли роптать?

Эта фраза—девизъ этой толпы и одѣваетъ всѣхъ ихъ въ одинъ нравственный костюмъ.

Міръ, толпа — какъ одинъ человекъ и всѣ мелкія индивидуальныя особенности каждаго отдѣльно исчезаютъ безслѣдно подъ этимъ общимъ покровомъ.

Однажды заѣхалъ ко мнѣ мимоходомъ Михаилъ Алексѣевичъ Андреевъ, чиновникъ особыхъ порученій. Онъ былъ командированъ выяснить въ назначенныхъ ему волостяхъ размѣры голода. Еще совѣмъ молодой Андреевъ привлекалъ въ себѣ мягкой лаской, какой-то свѣжестью, не выдохнувшимся еще ароматомъ университетской скамьи, хорошихъ намѣреній. Но въ то же время на немъ былъ уже какой-то налетъ не то грусти, не то тоски по чемъ-то такому, чего ни онъ и никто уже не могли ни исправить, ни измѣнить.

— Все идетъ, какъ идетъ,—говорилъ онъ съ этимъ налетомъ грусти и начиналъ торопливо, озабоченно ходить по комнатамъ, или садился, глубоко забираясь въ диванъ, и долго молча смотрѣлъ передъ собой и снова вскакивалъ и съ новымъ порывомъ говорилъ:

— Да, чортъ возьми, хорошо бы, знаете...

Но что „хорошо“, такъ и не договаривалъ.

На другой день послѣ пріѣзда онъ по обыкновенію вскочилъ и рѣшительно сказалъ:

— Ну, сколько не сиди, а ѣхать надо. Слушайте! Поѣдемъ вмѣстѣ: что вамъ два дня?

Я не заставилъ себя просить и, поѣвъ, мы поѣхали съ нимъ. Ѣхать надо было верстъ шестьдесятъ отъ насъ. Рѣшено было на моихъ лошадяхъ доѣхать до Парашиноя чувашской деревушки, верстахъ въ тридцати отъ насъ, а тамъ взять земскихъ.

Дороги были въ тотъ годъ прекрасныя, потому что нечего во-зить по нимъ было. Мѣсяцъ свѣтилъ какъ днемъ, и мы тройкой гуськомъ ѣхали, разговаривая съ кучеромъ Владиміромъ. Кучеръ Владиміръ любилъ поговорить.

Франтоватый, съ серебряной цѣпочкой черезъ шею, Влади-мѣръ уважалъ красивыхъ бабъ, уважалъ хорошихъ лошадей, ува-жалъ себя и всѣхъ, у кого были деньги и кто умѣлъ эти деньги и зашибать, и сберечь.

— Хорошій человекъ, — говорилъ онъ, — богатый.

Или:

— Умный человекъ, — богатый.

Къ бѣдному человекъ, пьяницѣ, слабому Владиміръ отно-силъ съ презрѣніемъ.

Обо мнѣ Владиміръ говорилъ свысока:

— Что нашъ баринъ? Въ лошадяхъ ничего не пони аеть, — хоть свинью ему запряги, — хорооводится со всякой дрянью, добро свое мотаетъ...

И теперь, проѣхавъ съ десятокъ верстъ, наговорившись сперва съ лошадьми и въ достаточной степени выбивъ въ гусевой дурь, въ средней лукавство, а въ коренникѣ постоянное стремленіе его усѣться на облучекъ, Владиміръ повернулся къ намъ и за-говорилъ:

— А я все жалѣю васъ, баринъ, право: все добро свое раз-дадите, а дѣтямъ что оставите? Чѣмъ поминать васъ стануть? И опять на счетъ лошадей: вы развѣ думаете о нихъ?

— А, что, много еще осталось? — перебилъ его Андреевъ.

— Много? — фыркнулъ Владиміръ. — А давно ли выѣхали? Верстъ двадцать осталось. Я на часы смотрѣлъ какъ выѣхали: больше двухъ часовъ не проѣдемъ, даромъ что вотъ лошади какъ будто и не тянутъ, а потому что каждая въ аккуратъ одинаково съ другими. Ужъ я имъ не дамъ другъ на дружку надѣяться. Другому кучеру все равно: одна везетъ, другая нѣтъ. — Эй, ты!

Владиміръ хлеснулъ среднюю, полюбовался нѣкоторое время, какъ, покачиваясь и точно слушая его умныя рѣчи, стрижетъ ушами коренникъ, и заговорилъ на новую тему.

— И что вамъ, баринъ, за охота въ эту поганую Парашину ѣхать? Терпѣль я не могу чувашекъ. Грязный народъ, необразо-ванный. Какой ни на есть татаринъ, а у него все-таки и пись-

менный законъ есть, и молельні, а эти такъ: что по памяти набрешить имъ старикъ, то и ладно. Добрый богъ у нихъ,—Турачурбанъ,—на заднемъ дворѣ валяется, а злой,—Ирикъ,—просто дрянъ, кула деревянная, а тоже богъ. И вредная: чуть что, такъ и пустить болѣзнь на глаза. Ночь, полночь, а никогда не стану почевать въ чувашской избѣ: очень надо порчу принимать на себя. Дрянъ народъ, тьфу! Сами посудите, какой это народъ: русскіе мужики перепахали у нихъ землю. Ну, конечно, споръ поднялся,—тѣ говорятъ наша и другіе — наша. Такъ вѣдь до того освирипѣли,—даромъ смиренные поглядѣть,—что двухъ русскихъ тутъ же на мѣстѣ и убили. Четырехъ чувашекъ въ каторгу сослали. Я тутъ какъ разъ въ городѣ былъ и на судъ попалъ: сидятъ, мигаютъ глазами, какъ слѣпніи. Говорятъ имъ: въ „каторгу“, а старикъ спрашиваетъ: „а земля моя кому достанется?“ Говорятъ ему: „сыну“. „Ну, сыну, такъ ладно“. Тамъ что каторга или человекъ убили,—главное у него земля. А такъ будто народъ—какъ хочешь обижай,—тамъ бабу что ли,—это ничего.

— Такъ за что же вы ихъ не любите?—спросилъ Андреевъ.

— Такъ вѣдь какъ его любить,—отвѣтилъ Владиміръ, помолчавъ,—если на томъ свѣтѣ онъ слѣпой будетъ.

— Какъ слѣпой?

— Какъ вотъ щенки слѣпые тычутся, ну?

Такъ разговаривали мы, когда вдругъ среди мертвыхъ въ бѣломъ саванѣ и въ лунномъ блескѣ полей точно призракъ выпрыгнула сѣрая растрепанная деревушка. Это и была Парашина.

— Эхъ, вы-вы-ы!..

Встрепенулся Владиміръ и помчалъ-было по селу. Но сейчасъ же, вслѣдъ за этимъ, онъ сталъ осаживать лошадей съ такимъ видомъ, точно вотъ они несутъ его и несли такъ всю дорогу и всю дорогу такъ и не могъ онъ сдержать ихъ.

— Что-то не упомяну, кто здѣсь ямщикъ,—проговорилъ онъ, осадивъ, наконецъ, лошадей,—и огня на грѣхъ нигдѣ не видать.

Мы стояли передъ какой-то избой. Владиміръ еще посидѣлъ, посмотрѣлъ, потомъ слѣзъ и, подойдя къ овну избы, сказалъ громко обычную фразу въ нашихъ мѣстахъ:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, спаси и помилуй!

Онъ ждалъ обычнаго отвѣта: Аминь.

И не дождавшись, нетерпѣливо крикнулъ:

— Эй, тамъ! Кто живъ?

И подождавъ еще, сталъ стучать кнутовищемъ въ окно.

— Спятъ ли, померли, есть ли кто? Бѣжать что ли къ шабрамъ?

И онъ исчезъ, и мы долго слушали и его громкіе окрики, и стуки кнутовищемъ въ окно.

Онъ возвратился наконецъ назадъ къ намъ и, разводя руками, сказалъ:

— Что за оказія? Никогда этого и не бывало со мной: ужъ не онъ ли играетъ съ нами? Такъ вотъ крещусь же.

И Владиміръ, какъ бы въ доказательство, полу-шутя, полу-серьезно сталъ креститься, приговаривая:

— Святъ, святъ, святъ,—свѣто наше мѣсто... Вотъ...

Владиміръ хлопнулъ обѣими руками по полушубку и пошелъ опять къ избѣ.

— И калитка отперта,—крикнулъ онъ, и отворивъ калитку, просунулъ голову во дворъ.

Но потомъ онъ вдругъ быстро возвратился къ намъ назадъ и, проговоривъ съ испугомъ:

— Нѣтъ, боязно что-то,—вскочилъ на облучокъ.

— Почему боязно?

— Да какъ не боязно,—отвѣтилъ Владиміръ,—вы подумайте только: молчать, какъ убитые, калитка не на запорѣ, хоть бы одна собака тявнула,—статочное ли это дѣло въ крестьянствѣ?

— Ну, тѣмъ больше надо, значить, узнать, въ чемъ тутъ дѣло,—сказалъ Андреевъ и сталъ вылѣзать.

— Ужъ и мнѣ, что ли, идти?—проговорилъ я.

— Да сидите, сидите.

И Андреевъ зашагалъ по снѣгу, а я, откинувшись, въ пріятномъ нежеланіи вставать, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ оставаться, смотрѣлъ ему вслѣдъ.

Онъ отворилъ калитку и вошелъ во дворъ; нѣкоторое время видно было, какъ онъ шелъ по двору, затѣмъ слышно было, какъ хрустѣлъ снѣгъ подъ его ногами, но потомъ и эти звуки затихли и Андреева долго не было.

Когда онъ возвратился, онъ подошелъ вплотъ къ санямъ, навалился на нихъ и, смотря мнѣ прямо въ глаза, тихо сказалъ:

— А вѣдь плохо: всѣ въ тифѣ лежать.

— Какъ въ тифѣ?

— Всѣ—вся деревня. Есть такія избы, гдѣ уже замерзали,—въ этой послѣдній здоровый сегодня свалился... Хотите посмотрѣть?

— Такъ-таки всѣ?

— Говорить, всѣ.

Я всталъ и мы пошли съ Андреевымъ во дворъ, а Владиміръ жалобно, вдогонку намъ, растерянно глянулъ:

— Баринъ, а баринъ, ну что вамъ за охота,—поѣдемъ лучше назадъ...

Охоты у меня никакой не было: каждая поджилка во мнѣ билась такъ, какъ будто и я уже былъ охваченъ этой истомой тифознаго жара, и я шелъ впередъ съ такимъ трудомъ, точно черезъ силу уже совсѣмъ больной тащилъ самого себя. Мои мысли, воображеніе опережали меня, и я шелъ нехотя, съ каимъ-то

постороннимъ, исключительнымъ вниманіемъ замѣчая каждую мелочь, каждую мысль. Вотъ Владиміръ все еще проситъ воротиться: сказать ему, что онъ проситъ потому только, что боится остаться одинъ? Но я развѣ не боюсь? Чего я боюсь? Я точно пойманный вдругъ преступникъ, и ведутъ меня теперь на очную ставку. И всегда я зналъ, что это такъ кончится, но никогда я объ этомъ не думалъ и вдругъ сталъ думать и чувствовать: не умомъ, а всѣмъ тѣмъ существомъ, которое теперь, согнувшись, пролѣзаетъ въ дверь избы, тѣмъ бессознательнымъ, которое составляется изъ мяса, костей, крови, которое теперь отвѣтитъ за все.

И мнѣ было отвратительно это мое существо, его страхъ за сдѣланное.

Я задыхался въ ужасномъ зловоніи, дрожали руки, которыми я то и дѣло зажигалъ спички. Спичка вспыхивала и тухла и то освѣщался, то исчезалъ этотъ склепъ заживо погребенныхъ здѣсь людей.

Изба была курная и потолокъ и стѣны ея были точно обгнаны чѣмъ-то чернымъ,—черными брилліантами, которые вдругъ загорались отъ вспыхнувшей спички.

И въ этомъ вспыхнувшемъ огнѣ бросались въ глаза лежавшіе люди и сердце сжималось тоской и болью. А эти люди молчали и точно ждали въ напряженномъ злобѣщемъ молчаніи, окружавшемъ насъ, нашего слова теперь, когда, наконецъ, привели и поставили насъ лицомъ къ лицу съ ними.

И точно не дождавшись и извѣрившись, кто-то тяжело вздохнулъ въ темнотѣ. Какой это былъ тяжелый и скорбный вздохъ.

Въ тяжелой тоскѣ спросилъ я:

— Кто здѣсь?

И мнѣ страстно быстро отвѣтилъ откуда-то снизу голосъ изъ темноты:

— Люди, батюшка, люди!

И въ то же время сверху женскій голосъ съ бредомъ безумнаго весело взвизгнулъ:

— Люди, люди!

— Вы всѣ лежите?

— Всѣ лежимъ!

— Лежимъ, лежимъ!—подхватила сверху.

— Пища есть?

— Не ѣмши лежимъ!

— Не ѣмши, не ѣмши—истерично заметалась женщина.

— И вся деревня такъ?

— А такъ, такъ!

— И давно?

Никто не отвѣтилъ. Я подождалъ и зажегъ новую спичку и наклонился къ говорившему.

Это былъ подслѣповатый, съ всѣлокоченной курчавой бородой блондинъ.

Онъ уставился въ меня и уже совершенно равнодушно, голосомъ бреда сказалъ:

— Ишь чортъ глазища пялить.

— Это ты сейчасъ со мной говорилъ?

Но онъ молчалъ, молчала и та наверху, потухла спичка, и мракъ и молчаніе охватили меня, какъ страшныя объятія смерти.

Къ жизни, къ свѣту, къ людямъ!

И я бросился къ дверямъ.

Это былъ столько же сильный, сколько и животный порывъ. И сознаніе этого животного во мнѣ, эгоистичнаго, отвратительнаго, еще мучительнѣе почувствовалось и съ омерзтніемъ и къ себѣ, и къ Андрееву, и къ Владиміру и даже къ этимъ сытымъ своимъ лошадямъ я стоялъ опять у саней и мы совѣтовались, что намъ предпринять послѣ нашего случайнаго открытія этой въ поголовномъ тифѣ деревни.

— Надо точно выяснитъ положеніе, — сказалъ Андреевъ. — Надо обойти всѣ избы.

И мы пошли изъ избы въ избу.

Нервы притупились, и мы спокойно смотрѣли на однообразныя картины голоднаго тифа, на всѣ эти тѣла—живыя, умирающія и мертвыя, на всю эту деревню, которая стояла среди снѣжныхъ равнинъ въ страшномъ безмолвіи ночи, въ мертвомъ блескѣ луны.

Потомъ выяснилось, что это была одна ихъ тѣхъ деревень, которыя не пошли на запашку и въ отношеніи когорыхъ земство мужественно выдерживало свой ультиматумъ хочешь бери, хочешь нѣтъ.

Но почему же отказывались отъ запашки? Обычный отвѣтъ былъ такой:

— Кто на запашку пойдетъ, того въ крѣпость назадъ поворотятъ.

Сущность же заключалась въ томъ, что запашки не желали болѣе зажиточные, боясь отвѣтственности, вслѣдствіе круговой поруки, за голытьбу. То-есть, большинство относилось къ дѣлу такъ же, какъ и крупные землевладѣльцы: не желали платить за другихъ. Это было ихъ право, котораго ихъ самовольно и лишили крупные землевладѣльцы, позволивъ себѣ такимъ образомъ такой же произволъ, какой позволялъ себѣ и я съ князевцами. И только тогда, когда на деревнѣ и большинство уже проѣдало свою скотину, становясь, такимъ образомъ, тоже голытьбой — запашка принималась.

Но умершіе отъ тифа уже спали своимъ вѣчнымъ сномъ въ

могилахъ, да и разорившіеся распродажей скота крестьяне не могли ужъ поправиться, не могли и во время привезти себѣ сѣмянъ, отчего и произошелъ второй голодъ.

Я уже писалъ о голодномъ годѣ. Скажу только, что въ моихъ очеркахъ („Деревенскія паворамы“, „На ходу“, „Сочельникъ въ русской деревнѣ“) переданы дѣйствительные факты и фактовъ этихъ въ каждой голодающей деревнѣ было всегда больше, чѣмъ надо. Объ этомъ краснорѣчиво говорили новенькіе крестьяне на кладбищахъ, эти безмолвные, но всегда достовѣрные свидѣтели.

И рѣдкій, рѣдкій изъ страдальцевъ видѣлъ тогда помогавшихъ ему, —помощь потомъ пришла, но громадное большинство изъ нихъ сводило свои счеты съ жизнью въ страшной нечеловѣческой обстановкѣ.

Когда потомъ, лѣтомъ, разыгралась холера со всѣми ея ужасами, она не была страшнѣе: тогда было лѣто, тепло, можно было бѣжать, ѣсть траву, коренья, была иллюзія: люди умирали отъ ѣды, а не отъ голода, захватившаго ихъ среди бѣлыхъ, какъ саванъ, сугробовъ снѣга.

IX.

Съ Петромъ Ивановичемъ наши отношенія быстро все больше и больше портились.

Въ сущности, въ Князевѣ не должно было быть никакого голода, такъ какъ на моихъ унавоженныхъ земляхъ уродило около тридцати пудовъ на десятину, въ то время. какъ на обыкновенныхъ поляхъ было два—три пуда, но Петръ Ивановичъ, умѣвшій очень искусно собирать съ крестьянъ арену, умудрился собрать ее въ этотъ голодный годъ и съ осени, притомъ, заставивъ ихъ продавать рожь по 60 к. за пудъ.

Когда я пріѣхалъ, рожь стояла уже 1 р. 35 к. Такимъ образомъ, чтобы внести мнѣ 10.000 рублей аренды, крестьяне продали 17.000 пудовъ ржи, то есть, все, что имѣли.

Я пріѣхалъ и первымъ дѣломъ, конечно, откупилъ имъ назадъ ихъ хлѣбъ и такимъ образомъ за 10.000 р. каждая сторона: крестьяне и я, потеряли по столько же.

Обобщая князевскій фактъ на всю Россію, несомнѣнно, что въ голодный 1891 годъ такимъ путемъ въ руки хлѣбныхъ торговцевъ перешло до миллиарда рублей заработка.

Несомнѣнно также и то, что при ясномъ сознаніи, что такое сѣть элеваторовъ, мы въ одинъ голодный годъ окупили бы всю ее стоимость, опредѣленную въ 1878 году въ 260 милліоновъ и совершенно гарантирующую производителя отъ грабежа хлѣбныхъ торговцевъ.

Однажды утромъ, проснувшись, я увидѣлъ во дворѣ необыкновенное зрѣлище. Тамъ собрались всѣ мои арендаторы и, безъ особыхъ на этотъ разъ церемоній, громко разговаривали съ моимъ управляющимъ.

Вскорѣ Петръ Ивановичъ, уже давно не такой побѣдоносный, какимъ былъ раньше, вошелъ ко мнѣ и, кривя свои толстыя губы въ презрительную усмѣшку, сѣлся проговорить съ важностью:

— Э... непременно хотѣть съ вами... э... это бунтъ п вы прямо ихъ... того... войсками пригрозите...

Я, молча, одѣваюсь и выхожу.

— Здравствуйте, господа! Въ чемъ дѣло?

— Къ вашей милости...

— На счетъ чего?

— Отъ аренды освободите, Христа ради!

И одинъ за другимъ мои арендаторы падаютъ на колѣни. Только въ церкви такъ дружно валится народъ.

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ выясняется, что уже черезъ годъ послѣ аренды они просили о томъ же Петра Ивановича и каждый годъ повторяли свою просьбу. Но Петръ Ивановичъ не находилъ нужнымъ даже увѣдомлять меня.

— Почему?

Петръ Ивановичъ самодовольно и даже пахально отвѣчалъ:

— Э.. потому что все это бунтъ... э... фокусы... Надѣются, что даромъ получать отъ васъ землю... Э... я говорю прямо... Нѣсколько каштановъ ведутъ все дѣло, а остальные... э... какъ дураки, лѣзутъ за ними...

Петръ Ивановичъ плюется, брызжетъ, насмѣшливо машетъ рукой:

— Даромъ надѣются получить вашу землю...

— Но если это фокусъ, — говорю я Петру Ивановичу, — то онъ выплыветъ на свѣжую воду, — я соглашаюсь на ихъ просьбу.

И, обращаясь къ крестьянамъ, я говорю:

— Я согласенъ, господа.

Не участвовало въ этой просьбѣ только Садковское товарищество, остальные же отказались и до сего дня не заявляютъ о новой арендѣ.

Какъ только ушли крестьяне, Петръ Ивановичъ присталъ ко мнѣ опять со своимъ авторитетомъ.

— Это скучно, наконецъ, Петръ Ивановичъ, — отвѣтилъ я ему, — ни у меня, ни у населенія нѣтъ больше денегъ, чтобы оплачивать и поддерживать вашъ нелѣпый и вредный авторитетъ.

Петръ Ивановичъ сразу оборвался, покраснѣлъ, надулся и ушелъ. Послѣ этого онъ ходилъ нѣсколько дней темный, какъ

туча, уѣзжалъ и, наконецъ, войдя однажды ко мнѣ въ кабинетъ, холодно заявилъ мнѣ, что нашелъ себѣ другое мѣсто: у Крутовскаго, недалекаго сосѣда моего, теперь земскаго начальника.

Х.

Отъ аренды и земли отказались крестьяне, зато отбою не было отъ предложеній работъ для предстоящаго лѣта: за что бы то ни было, только бы получить впередъ деньги. Согласны на какіе угодно неустойки и штрафы, — явные, допускаемые закономъ, и тайные (въ формѣ всевозможныхъ храненій, сроковъ и пр.) — не допускаемые. Кулакъ, уже получившій свою мзду въ видѣ разницы цѣнъ, снимаетъ новую, не сѣянную имъ, но обильную жатву, — словомъ, все то же, что и до законовъ о ростовщикахъ.

И хоть даромъ отдай землю, хоть даромъ возьми трудъ, — ни пользы, ни толку.

Что отвѣчать всѣмъ этимъ, ломящимся въ мои двери за работою? Я думалъ такъ. Вѣдь они не милостыни, они работы просятъ. Они имѣютъ право не только просить, но и требовать этой работы отъ общества, государства, частныхъ лицъ, и нѣтъ выше нѣтъ благороднѣе такого требованія и нѣтъ больше и счастья, какъ дать эту работу, имѣть возможность удовлетворить это самое законное требованіе. А если еще дать такую работу, которая не только смоглабы поддержать чисто животное существованіе, но и создать то благосостояніе, при которомъ только и возможно зарожденіе высшихъ потребностей у людей: дать ту работу, въ которой въ свое время Фаустъ нашелъ такое удовлетвореніе, что отдалъ за него жизнь

Но возможенъ ли такой трудъ?

Мнѣ казалось, что да.

Вотъ какъ я рассуждалъ: рожь, овесъ, дѣйствительно, обезцѣнены, но подсолнухъ, чечевица, сѣмяна травъ, травосѣяніе и связанное съ нимъ скотоводство, сѣмянные посѣвы всякихъ вообще хлѣбовъ не только не обезцѣнены, но, напротивъ, щедро оплачиваемый товаръ.

Такъ, пудъ подсолнуха стоитъ рубль, чечевицы — два рубля, а сѣмяна травъ — уже 3, 5, 7 и 9 рублей за пудъ.

Овесъ, рожь, кудель обезцѣнены, но во второмъ этажѣ стоятъ цѣны не пропорціонально дорогія: желѣзо свыше двухъ рублей, канаты пять рублей. Словомъ, чуть сколько-нибудь культурный трудъ, какъ въ обрабатывающей, такъ и въ добывающей промышленности, и онъ уже оплачивается у насъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другой части свѣта.

Но почему же и не идти въ такомъ случаѣ въ эту сторону

культурнаго труда? Я зналъ возраженія вплоть до чисто практическаго, если я привезу свою люцерну на свой мѣстный рынокъ, то мѣстная акула, скупающая мой овесъ, мою рожь, только вздохнетъ и обиженно скажетъ:

— Намъ этого не надо.

Но что же дѣлать? Бросить все и бѣжать безъ оглядки изъ голодной деревни?

Бѣжать? Но если деревнѣ нуженъ докторъ, учитель, юристъ, то еще болѣе нуженъ тотъ, кто за ту же поденщину заплатитъ не двадцать копѣекъ, а рубль, тотъ, кто научитъ, какъ получить тройной урожай, тотъ, кому для своей и сельскохозяйственной и иной машины потребуется интеллигентный рабочій и не потому только, что владѣлецъ машины будетъ убѣжденъ, что образованіе полезно, а потому, что безъ образованнаго работника его машина не будетъ работать: будь это желѣзная дорога, элеваторъ, молотилка, сѣялка, фабрика, заводъ.

И я колебался, не зная, что предпринять, когда одно неожиданное обстоятельство положило конецъ моимъ колебаніямъ.

Это случилось въ началѣ весны. Садилось солнце, золотя весеннее небо, громко щебетали птицы, бодрый говоръ, какъ гулъ просыпающагося послѣ зимы улья, несся со стороны деревни. Послѣ теплаго дня морозная свѣжесть вечера уже пріятно охватывала, манила въ комнаты, къ камину.

Я отдавалъ во дворѣ послѣднія распоряженія, когда вдругъ раздался протяжный заунывный вопль:

— По-о-жарь!

И сразу тихо такъ стало, точно вымерла вдругъ вся деревня.

Я быстро повернулся къ деревнѣ.

Въ одной изъ ближайшихъ къ рѣкѣ избъ, выбиваясь изъ соломенной крыши, горѣло ровное, не толще свѣчи, пламя.

Я бросился въ людскую, распорядился, чтобы везли пожарные инструменты и побѣжалъ на деревню.

Когда, завернувъ за послѣднюю ограду сада, я опять увидѣлъ деревню, я уже не узналъ ее: огонь уже ревѣлъ, влублился и огненной черной рѣкой уже лился по избамъ, высокимъ сводомъ сходясь надъ улицей. Подъ этимъ сводомъ такими маленькими казались горящія избы. Красныя, точно налитыя кровью, прозрачныя, онѣ такъ уютно стояли, напоминая собой какой-то забытый, но страшный сонъ.

Меньше всего это походило на дѣйствительность и въ то-же время сознаніе страшной дѣйствительности держало мысль въ оцѣпенѣніи.

Тамъ подъ этимъ огненнымъ сводомъ прыгали какія-то фигурки и дико кричали. Этотъ крикъ и вопль сливались съ сильнымъ и грознымъ ревомъ огня.

Было жарко, горячій пепель падалъ на лицо, руки. Много бѣжали растерянные, озабоченные люди. Всѣ потеряли голову, толкаясь другъ о друга.

Бѣжала Матрена, растерявъ гдѣ-то дѣтей, держала рѣшето въ рукахъ и блѣдная, какъ смерть, причитала:

— Умильная скотинка такъ и горитъ... живьемъ горитъ...

И вдругъ, придя въ себя, она голосомъ, какъ ножъ рѣжущимъ ввизгнула:

— Батюшки, я вѣдь Оедьву спать уложила!

Но ужъ кричать: „Вотъ твой Оедька“.

Богобоязненный Оедоръ, всегда такой благообразный, бѣжалъ растерянно, какъ ребенокъ, разутый, въ рубахѣ, очевидно, со сна, напряженно смотрѣлъ своими голубыми глазами и растерянно твердилъ:

— Сыскалъ, Господь, сыскалъ...

Только Родивонъ не потерялся. Дикій ревъ его слышался на всю деревню:

— Тащи лошады! Завяжь глаза! Глаза завяжь!

Какая-то баба бѣжала и упала и, лежа на землѣ, таясь, надры- ваясь все ту же ногу:

— А-а-а!

И это „а-а!“ на всѣ лады повторяется въ дикомъ ревѣ пожара.

Еще не потухли краски заката, еще темнѣющая даль была прозрачна и нѣжна и розовый западъ еще горѣлъ, а двухъ третей деревни уже не стало. Остальная только потому и уцѣлѣла, что вѣтеръ былъ не на нее.

Тридцать пять семействъ очутились безъ крова, безъ послѣдней пищи, безъ скота.

Дымилось пепелище, черные остовы печей торчали тамъ, гдѣ такъ недавно еще стояли избы, черныя, потемнѣвшія фигуры всѣхъ этихъ голодныхъ, холодныхъ обружали меня. Сколько отчаянья, сколько тоски было въ нихъ!

Въ такое мгновеніе такъ отвратительна жизнь, если не хочешь помочь.

И я сказалъ всѣмъ этимъ несчастнымъ:

— Не надо плакать, я дамъ вамъ лѣсъ, деньги, хлѣбъ, дамъ работу. Я не буду васъ больше неволить и насиловать, живите, какъ хотите, а пока идите, занимайте мои помѣщенія и не плачьте больше!

Но они плакали, бѣдные страдальцы земли, можетъ быть, и я плакалъ. Это былъ тотъ рѣдкій порывъ съ обѣихъ сторонъ къ братству, любви, состраданію, когда кажется, что еслибъ охватила онъ вдругъ все человѣчество, то и горе земли сгорѣло бы все безслѣдно, вдругъ и сразу въ атомъ огнѣ чувства.

XI.

Помощь Князевкѣ требовалась быстрая, а наличныхъ денегъ у меня было мало. Тѣ же деньги, на которыя я уже рѣшилъ начать свой новый опытъ хозяйства, я могъ получить не ра ныше осени.

И поэтому я обратился за деньгами къ Чеботаеву.

Правда, онъ не разъ намекалъ и даже прямо говорилъ мнѣ, что основное его правило денегъ никому займа не давать, такъ какъ это-де всегда портить личныя отношенія. Но, во-первыхъ, въ теченіе нашей десятилѣтней дружбы, которую мы торжественно съ нимъ на-дняхъ отпраздновали, я никогда не обращался къ нему за деньгами, а во-вторыхъ, и теперь обращался не для себя.

Отношенія мои съ Чеботаевымъ къ этому времени уже значительно охладились.

Причинъ было много.

Прежде всего онъ не сочувствовалъ прекращенію моей желѣзно-дорожной дѣятельности.

Къ моей постановкѣ вопроса о необходимости постройки у насъ сѣти второстепенныхъ дешевыхъ желѣзныхъ дорогъ, по крайней мѣрѣ, въ 200 тысячъ верстъ, онъ относился крайне скептически и угрюмо говорилъ:

— Вы одинъ это говорите. Если бы она дѣйствительно нужна была, то что же вы одинъ, что ли, это сознаете? Всѣ остальные дураки?

Тѣмъ менѣе сочувствовалъ онъ обостренной рѣзкой постановкѣ съ моей стороны этого вопроса, — постановкѣ, вслѣдствіе которой мнѣ пришлось выйти въ отставку.

— Александръ Македонскій, — острилъ онъ, угрюмо фыркая, — былъ великій человекъ, но стулья-то, стулья изъ за чего же ломать?!

Также мало сочувствовалъ Чеботаевъ моимъ новымъ колебаніямъ, — не взялся ли снова за хозяйство, — и сухо бросалъ:

— Паки и пави не совѣтую... уже разъ не послушались...

Доводы тѣ же...

Но онъ окончательно обидѣлся, когда однажды я объявилъ ему, что вхожу въ компанію по изданію журнала.

— Еслибъ мнѣ предложили, — говорилъ онъ раздраженно, — стать вдругъ московскимъ главнокомандующимъ, что ли? Я думаю, я оказался бы очень плохимъ полководцемъ. Я думаю, мы съ вами столько же понимаемъ и въ литературѣ. У каждого наконецъ своя спеціальность и нельзя же хвататься за всѣ сразу.

Я уклончиво отвѣчалъ ему:

— Разные мы люди съ вами. Меня тянетъ впередъ, и нѣтъ

узелка на моихъ парусахъ, котораго не развязалъ бы я, а вы свои все крѣпите, да крѣпите.

Чеботаевъ не сразу отвѣтилъ, сдѣлалъ два тура и угрюмо самодовольно бросилъ:

— Пока и не жалѣю.

Не жалѣлъ и я, но, конечно, благополучіе Чеботаева являлось болѣе обеспеченнымъ: въ крайнемъ случаѣ онъ надѣнетъ лапти, станетъ ѣсть рѣдьку съ квасомъ, а все-таки удержитъ позицію. Другое дѣло, рѣшеніе ли это вопроса и какая польза отъ этого другимъ?

Въ отвѣтъ на мое письмо о деньгахъ, Чеботаевъ прислалъ мнѣ письмо, которое и привожу:

„По зрѣломъ размысленіи я нахожу себя вынужденнымъ во имя нашей дружбы отказать вамъ въ займѣ, такъ какъ, во-первыхъ, мое правило не давать займы друзьямъ, а во-вторыхъ, по моему искреннему убѣжденію, въ интересахъ вашей семьи, вы не имѣете и права жертвовать на благотворительность такія суммы“.

Первое, что я сдѣлалъ, прочитавъ это письмо, было то, что портретъ, на которомъ въ ознаменованіе нашей десятилѣтней дружбы мы съ Чеботаевымъ были изображены вмѣстѣ, я снялъ и повѣсилъ, повернувъ его лицевой стороною къ стѣнѣ. Затѣмъ написалъ Чеботаеву слѣдующее письмо:

„Если дружба даетъ право на такого рода опеку, то я отказываюсь и отъ дружбы, и отъ всякаго личнаго общенія съ вами“.

Всѣ дальнѣйшія попытки къ примиренію я отклонилъ, заявивъ, впрочемъ, что, не признавая его, Чеботаева, лично, я признаю его и буду признавать, какъ честнаго общественнаго дѣателя.

Деньги для князевцевъ я досталъ изъ другого источника, а бревна для постройки избъ отпустилъ изъ своего лѣса. Кстати сказать, эта помощь Князевцевъ враждебно взбудоражила всю округу. Дошло до того, что даже въ одной изъ ближайшихъ къ намъ церквей, священникъ, обсуждая въ проповѣди мой поступокъ, доказывалъ, что лѣсомъ я не имѣлъ права помогать въ силу того, что лѣсъ-де по новымъ лѣснымъ законамъ является скорѣе собственностью государства, чѣмъ частныхъ лицъ.

Я священнику этому послалъ данныя, изъ которыхъ онъ могъ ясно видѣть, что въ рублѣ лѣса я не вышелъ изъ разрѣшенныхъ мнѣ лѣсоохранительными законами размѣровъ.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Современныя теченія въ искусствѣ», В. В. Березовскаго.—Иллюстрація къ этимъ теченіямъ на выставкѣ «Мира Искусства».—«Накишъ» г. Боборыкина.—Изъ прошлаго: «Литературныя воспоминанія» г. Михайловскаго.—Некрасовъ, Щедринъ, Елисеевъ.—50-лѣтній юбилей А. М. Жемчужникова.—Его «Пѣсни старости».

«Да, міръ разлагается, міръ гниетъ, и только искусство, истинное искусство, вовуеще человѣка въ область идеала, остается вѣчно живымъ, вѣчнымъ источникомъ жизни и свѣта, въ немъ духъ почерпаетъ бодрость и силу, и сердце учится любить, и человѣкъ находитъ въ немъ путь къ счастью, научаясь во всемъ искать красоту, во всемъ находить радость жизни».

Такъ говоритъ г. Березовскій въ восторженномъ упоеніи предъ однимъ изъ самыхъ дикихъ проявленій недавней смуты въ искусствѣ, олицетворенномъ въ Саръ-Пеладанъ, магъ, волшебникъ, проще говоря несчастномъ психопатъ, на минуту привлечшемъ къ себѣ вниманіе праздної толпы въ концѣ 80-хъ годовъ. Характеренъ и этотъ возгласъ автора, и поводъ, вызвавшій его. Жозефъ Пеладанъ, несчастный мистикъ, договорившійся до сумасшествия, создатель сумбурнѣйшаго ордена «розы и креста», въ которомъ онъ пытался воскресить магію и чернокнижье средневѣковья, явился истымъ продуктомъ парижской «накиши», ошалѣвшей отъ скуки ничегонедѣланія и въ погонѣ за новыми ощущеніями готовой на любое приключеніе, вплоть до поклоненія Астартъ, Вельзевулу и прочей чертовщинѣ. Какъ и всякую экстравагантность, выходящую за предѣлы возможнаго и допустимаго, и Пеладана можно разсматривать въ ряду другихъ подобныхъ же странностей, порожденныхъ рѣзкими ненормальностями общественной жизни. Но чтобы увидѣть въ его дикихъ выходкахъ какой-то призывъ къ идеалу и возрожденію, надо быть лишеннымъ всякаго критическаго чувства и пониманія того, что допустимо въ искусствѣ и что относится прямо въ разрядъ бредовыхъ идей.

Г. Березовскій, какъ это ни удивительно теперь, ничего этого не различаетъ и въ одну кучу сваливаетъ и Сара Пеладана, и Ницше, и Джона Рескина, и всѣми равно восхищается. Для него все благо, все добро, лишь бы оно было возможно чудайъ и страннѣй. Въ этомъ онъ усматриваетъ «индивидуальность» художника, въ которой и лежитъ для него условіе и причина всякаго искусства. Здравую и простую истину, что въ каждомъ художественномъ произведеніи должна отразиться личность художника, г. Березовскій переворачиваетъ такъ, что все, въ чемъ видна индивидуальность, уже художественно. Вытекаетъ такое странное заключеніе изъ... идеализма! Для автора оба понятія индивидуализмъ и идеализмъ почти синонимы. Современный идеализмъ, по его словамъ, отличается отъ идеализма романтиковъ «своимъ взглядомъ на личность, на личное начало, личную инициативу. *Индивидуализмъ*—вотъ то, чѣмъ наша эпоха заключила предъидущія». Прженія эпохи принизили личность, подчиняя ее условіямъ морали и общественной, стѣснявшимъ ея проявленіе и укладывавшимъ ее въ опре-

дѣленные рамки. Гартманъ и Шопенгауэръ унизили ее окончательно, признавъ ее лишь выраженіемъ безсознательной міровой воли. Но вотъ явился Ницше, великій проповѣдникъ индивидуализма, и освободилъ личность отъ дѣпей наязанныхъ ей условностей, «Ницше—это истина, высказанная впервые такъ громко, это первая хвала «самолюбію, святому самолюбію, вытекающему изъ могучей души»; свою проповѣдь онъ разбудилъ спящихъ, онъ вернулъ чловѣка ему самому, воззвалъ къ его гордости», и т. д. Искусство, освобожденное Ницше, сразу воспрянуло, и если вѣрить г. Березовскому, провозгласило, что «цѣль жизни—наслажденіе, и искусство служить этой цѣли, уча насъ во всемъ искать красоту и наслаждаться ею».

Таковъ символъ вѣры г. Березовскаго, впрочемъ, далеко не новый. Авторъ привнесъ въ него свое «индивидуалистическое» пониманіе красоты, которую онъ усматриваетъ буквально во всемъ, что только отмѣчено «личнымъ настроеніемъ». Для него и Рёскинъ такъ же близокъ, какъ и упомянутый Пеладанъ, хотя именно Рёскинъ ставилъ, какъ высшую задачу искусства—поученіе: «задача искусства,—говоритъ Рёскинъ—поучать, но поучать любовно». Кажется, между обоями положеніями—«цѣль искусства—наслажденіе» и Рёскина нѣтъ ничего общаго, они прямо уничтожаютъ другъ друга. Но авторъ, нимало не смущаясь, сваливаетъ ихъ въ одну кучу въ своемъ изложеніи генезиса новыхъ теченій. Его историческій обзоръ, поверхностный и бѣглый, не даетъ возможности выяснить, какими образомъ могли обѣ эти формулы вырасти на общей почвѣ, а это именно было-бы интересно—показать и провести ту демаркационную линію, которая теперь такъ рѣзко обозначилась между символизмомъ и декадентствомъ.

Авторъ запоздалъ даже для лагеря своихъ единомышленниковъ, въ которомъ прежнія курьезныя проявленія «индивидуальности» потеряли теперь всякій кредитъ и клеймятся, какъ нелѣпныя выходки. Любопытные образцы такого откращиванія отъ прежнихъ кумировъ даетъ, напр., г. Волынский въ своей книгѣ «Борьба за идеализмъ», тоже достаточно сумбурной, но для г. Березовскаго весьма поучительной. Прежній вдохновитель русскаго декадентства, которое онъ разводилъ въ «Сѣв. Вѣстникѣ» и такъ неудачно старался привить при посредствѣ этого органа русскому читателю, теперь весьма недвусмысленно честить своихъ же учениковъ и поклонниковъ тупицами и бездаростями. Такъ, напр., бѣдную г-жу Гиппіусъ, которая еще не такъ давно шествовала съ нимъ подъ ручку къ «Новой красотѣ» *), онъ окончательно развѣнчиваетъ, заявляя, что «бѣдность психологическаго содержанія, при истерической кривизности формы, обрекаетъ ея творчество на неподвижность и бесплодность». «Ея идейные рассказы,—говоритъ онъ,—при отсутствіи органическаго художественнаго построенія, слитности идей и формъ, представляются сборищемъ случайныхъ для автора понятій, иногда борющихся между собою, но не такъ, какъ это бываетъ въ страстной и сложной душѣ, а какъ это бываетъ у души безъ собственной святости, готовой раскрыть себя для всякихъ вліяній». Не мало достается и г. Мережковскому, а еще всего разносится г. Сологубъ, произведенія котораго г. Волынский, не обинуясь, называетъ «смѣсю вульгарности и наивной риторики».

Запоздалъ г. Березовскій со своими восторгамъ передъ чепухой Пеладани, Гюисманса и прочей брати такъ живо сметеннаго со сцены декадентства. Запоздалъ онъ и со своимъ нищенствомъ, которое онъ грубо представляетъ, какъ голый эгоизмъ. Въ оправданіе этого эгоизма онъ даже приводитъ старое какъ міръ разсужденіе, что въ сущности эгоизмъ, здраво понимаемый, есть тотъ же альтруизмъ. Ибо, говоритъ г. Березовскій, «любить—это значить чув-

*) См. «Крит. зам.», «М. В.», февраль 1896 г.

ствовать потребность въ другихъ, находить свое счастье, свое наслажденіе въ другихъ людяхъ». Есть эгоизмъ узкій, поясняетъ онъ дальше, замыкающійся въ своемъ маленькомъ «я», и эгоизмъ широкій, распространяющій это «я» на весь міръ. «Игнорировать интересы другихъ—не значитъ ли это быть плохимъ купцомъ, который ради ближайшей выгоды лишаетъ себя выгоды въ будущемъ, отвращая отъ себя своихъ кліентовъ. И самая мораль—не есть ли это только сочувствіе къ слабымъ, благородство самолюбивой души, которая хочетъ быть великодушной... и красивой». Последнее словечко здѣсь приткнуто съ одной лишь цѣлью—модернизировать старинное разсужденіе бентамовскаго утилитаризма.

Г. Березовскій обращается съ упреками къ критикѣ, которая не сумѣла оцѣнить новыхъ теченій въ искусствѣ и, придираясь къ исключеніямъ, строила на нихъ «нелѣпныя предположенія». «Но,—утѣшаетъ онъ себя,—сміѣха ли бояться? Развѣ меньше смѣялись и возмущались, когда приходилъ романтизмъ, когда затѣмъ приходилъ натурализмъ. Какіе громы и проклятій раздавались надъ головами новаторовъ! И съ какимъ удивленіемъ потомъ, когда стихала буря, люди вспоминали объ этихъ громахъ, объ этихъ грозныхъ проповѣдяхъ защитниковъ стараго строя, отстаивавшихъ его, какъ привычку, безъ которой было немислимо ихъ существованіе. Придетъ время, и мы будемъ со спокойной улыбкой вспоминать о возмущеніяхъ, которыхъ были свидѣтелями, и то, что мы вынесли въ своемъ сердцѣ изъ-подъ града насмѣшекъ и проклятій (!), покажется намъ еще прекраснѣе, еще дороже, потому что оно было спасено борьбой, и какою радостью исполнится тогда наша душа! Много ли радостей можетъ сравняться съ радостью побѣды!»

Невинная, но мало основательная надежда, для которой мы рѣшительно не видимъ данныхъ. Вслѣдъ за шумнымъ походомъ, начатымъ представителями новыхъ теченій противъ старыхъ теченій, настала несомнѣнная реакція. Оказалось, что старое вовсе не такъ враждебно настроено, и если на натискъ яростный былъ данъ отпоръ суровый, то это вызывалось именно крайностями и исключеніями, въ которыхъ критики новаго направленія видѣли самое послѣднее слово обновленнаго искусства. Затѣмъ, въ ихъ рядахъ наступила смута, выразившаяся во взаимныхъ препирательствахъ, изъ которыхъ можно было понять, что у нихъ столько направленій, сколько прозелитовъ, и каждое считало себя единственно правильнымъ. Но и эта полоса прошла, и въ результатѣ, вмѣсто побѣды, о которой пророчествоуетъ г. Березовскій, мы видимъ если не поворотъ назадъ, то полный отказъ отъ прежней новизны.

По крайней мѣрѣ, именно такое впечатлѣніе производитъ выставка «Міра Искусства» въ текущемъ году, на которой прошлогоднее декадентство почти всецѣло отсутствуетъ, если исключить нѣсколько курьезныхъ «панно» во вкусѣ г. Врубеля, грубо размалеванныхъ въ оранжевые и фіолетовые тона. Выставка сама по себѣ до крайности тшедущна и жалка какъ по количеству, такъ и по качеству, но ничего декадентскаго нѣтъ ни въ портретахъ г. Сѣрова, ни въ скромныхъ пейзажахъ г. Левитана, ни въ большой и эффектной картинѣ г. Бакста «Адмиралъ Авеланъ въ Парижѣ». Есть, правда, художочный и дѣтски намалеванный «Св. Сергій» г. Нестерова, съ обычными для этого художника аксессуарами въ видѣ условно изогнутыхъ палочекъ, долженствующихъ изображать тѣсь, и тусклое зеленоватое фона, что должно имѣть въ себѣ нѣчто мистическо-аскетическое, хотя оно скорѣе похоже на то, какъ будто картина долго провалилась на чердакъ и страшно запылилась. Но г. Нестеровъ всегда одинъ и тотъ же, и у передвижниковъ онъ такъ же «худъ и блѣденъ», какъ и на выставкѣ декадентовъ. Превосходная скульптура князя Трубецкаго скрашиваетъ всю эту бѣдную и невидную выставку, и кто видѣлъ его «Даму съ собакой», группу «Два мальчика» и бронзовую статуэтку Льва Толстого верхомъ на ло-

шади, тотъ не пожалѣетъ о времени, потраченномъ на посѣщеніе выставкѣ «Міра Искусства». Скульптурой мы вообще не забавлены, и чахлые, прилизанные, словно вылощенные мраморы и бронза гг. академиковъ мало кого привлекаютъ обыкновенно на академической выставкѣ. У князя Трубецкаго со всѣмъ не то,—предъ вами сама жизнь, творчествомъ истиннаго художника зачарованная на вѣки въ бронзовомъ обликѣ. Въ особенности хороши его два мальчика, сидящіе обнявшись въ старинномъ креслѣ. Въ ихъ слегка задумчивой позѣ чувствуется цѣлая поэма полумечтательной грусти и дѣтскихъ грѣзъ, навѣянныхъ, можетъ быть рассказомъ, можетъ быть, прочитанной книгой, или же воспоминаніями, внезапно нахлынувшими въ минуту отдыха. Начего подобнаго намъ не приходилось видѣть за послѣднее время ни на одной выставкѣ. Впечатлѣніе этой высокохудожественной скульптуры уничтожаетъ жалкіе остатки декадентства, представленныя въ странныхъ образцахъ такъ называемой «художественной промышленности», способныхъ скорѣе отбить охоту къ художественнымъ предметамъ, чѣмъ содѣйствовать развитію вкуса къ изящному.

Вотъ и вся выставка. Она очень характерна, какъ показателъ вымиранія декадентскихъ тенденцій въ искусствѣ, съ восхваленіемъ которыхъ вздумалъ выступить теперь г. Березовскій. То новое, что стало усиленно проявляться въ современномъ искусствѣ, вовсе не заключается въ разнузданности индивидуализма, въ «эготизмѣ», употребляя излюбленное словечко эстетовъ, или въ отрицаніи всего, что не имѣетъ непосредственной цѣлю—наслажденіе. Искренность, свобода, чистота и благородство замысла—вотъ тѣ начала, которыя все болѣе и болѣе выясняются въ современныхъ теченіяхъ въ искусствѣ. Оно все болѣе склоняется въ сторону Рёскина, который съ такой силой выдвинулъ эстетическія требованія въ искусствѣ на первый планъ, а не въ сторону эстетовъ и Пеладановъ съ ихъ болѣзненными порываніями къ чудовищному, лишь бы оно было «индивидуально». Мы увѣрены, что чѣмъ дальше, тѣмъ ярче проявится именно это стремленіе къ гуманности, которая должна стать фономъ для высокаго искусства, его содержаніемъ и цѣлюю.

Искусственность и дѣланность, эти характернѣйшія черты декадентства, остались на долю той обезпеченной и празднои высшей буржуазіи, которая недурно изображена г. Боборыкинымъ въ его комедіи «Накипь», имѣвшей довольно шумный успѣхъ въ теченіе минувшаго сезона. Сама по себѣ, эта комедія—далеко не образцовое произведеніе. Какъ драматическое произведеніе. «Накипь» страдаетъ однимъ кореннымъ недостаткомъ: въ ней нѣтъ дѣйствія, а одни разговоры. На протяженіи четырехъ актовъ дѣйствующія лица все время только говорятъ, говорятъ, говорятъ, но дѣйствіе не двигается ни на шагъ. Особенно этимъ страдаютъ два послѣднихъ акта, что въ концѣ концовъ очень скучно. А если еще прибавить, что и разговоры эти чисто боборыкинскаго типа, т.-е. состоятъ не изъ мыслей, а изъ словечекъ въ ковычкахъ, то зрителю становится и совсѣмъ тошно.

До нѣкоторой степени все окупаетъ первый актъ и двѣ характерныя фигуры—модный художникъ Переверзевъ и миллионерша Воробьина, услаждающая жизнь при помощи этого проповѣдника самоновѣйшихъ теченій въ искусствѣ. Г. Боборыкинъ съ обычной своей воспримчивостью подмѣтилъ эту связь между эстетизмомъ и капитализмомъ,—связь, выражающуюся въ весьма грубой и не эстетической формѣ. Богатая вдова Мосеева и ея еще болѣе богатая племянница Воробьина, толкаемые чисто стихійной силою капитала, не знаютъ удержа и предѣла своимъ желаніямъ, весьма низменнымъ, почти животнымъ. Переверзевъ ловко эксплуатируетъ сначала тетушку, потомъ племянницу, давая яко бы философскую подкладку ихъ неудержимымъ аппетитамъ, одобряя ихъ словечками о сверхъчеловѣкѣ и особой морали его «по ту сторону добра и зла».

Переверзевъ больше всего удался автору, который заимствовалъ для его созданія многое изъ текущей дѣйствительности. Онъ могъ для этого воспользоваться вполне законченнымъ и опредѣлившимся явленіемъ, какимъ выступило на фонѣ сѣвренной жизни современности декадентство. Внутренняя пустота и бездѣйственность, прикрытая нахватаанными словечками о настроеніяхъ, о свободѣ индивидуальности и морали эгоизма, — словно позаимствованными изъ словаря г. Березовскаго, — вотъ типъ Переверзева. Двѣ миллионерши, которымъ онъ помогаетъ нести бремя ихъ капиталовъ, выдержаны тоже хорошо, какъ представительницы денежной силы, не имѣющей традицій и не считающейся ни съ чѣмъ.

Какъ карриатура на декадентскій мірокъ, гдѣ разнузданный эгоизмъ дружно сжился съ неменѣе разнузданнымъ капиталомъ, эта сторона комедіи очень хороша и жизненна. Но зато другая сторона, которая противопоставляется этому мірку, должна оттънать его и до нѣкоторой степени вознестся, — смѣшна и неумна, выражаясь мягко. Представляютъ ее захудалая, но родовитая княжна Горбатова, выходящая замужъ по недоразумѣнію за Переверзева, ея дядя, изъ породы «кающихся дворянъ», и мужъ миллионерши Воробьиной, который состоитъ при своей женѣ въ качествѣ управляющаго ея миллионами и добросовѣстно помогаетъ ей увеличивать ихъ. Эти три персонажа изображаютъ картонныхъ куколъ, за которыхъ авторъ все время старается изъ всѣхъ силъ говорить по-благородному. Въ то время, какъ Переверзевъ и его компанія жупруютъ во всю и превозносятъ себя, какъ новую силу, которой все позволено, — добродѣтельные персонажи источаютъ вельпныя слова о своемъ презрѣніи къ пороку и скорбятъ о народѣ, хотя и ничего не дѣлаютъ для него. Они стонуть о голодѣ, о необходимости помогать голодающимъ и на протяженіи трехъ актовъ не двигаютъ даже пальцемъ. А между прочимъ обнаруживается по авторскому велѣнію нѣкое «сродство душъ», и жена Переверзева, прозрѣвъ и разочаровавшись въ своемъ супругѣ, тяготеетъ къ добродѣтельному стражу миллионѣ недобродѣтельной Воробьиной. Онъ ей отвѣчаетъ тѣмъ же, отецъ изъ «кающихся дворянъ» одобряетъ это взаимное тяготѣніе, и на сценѣ совершается настоящее «chassé-croisé». Пьеса заканчивается прекомичнымъ эпизодомъ, по авторскому замыслу чрезвычайно глубокомысленнымъ и высокимъ. Недобродѣтельная пара, заставъ добродѣтельную въ весьма краснорѣчивой и недвусмысленной позиціи, предлагаетъ совершить внутренней разрывъ — разводъ, чтобы затѣмъ открыто соединиться каждому съ истиннымъ избранникомъ души и сердца. Но добродѣтельная пара упирается и ни за что не согласна на разводъ, чтобы такимъ страннымъ способомъ показать капиталистамъ, что не все покупается за деньги. Почтенный авторъ, повидимому, и не замѣчаетъ, въ какое противорѣчіе впадаютъ его любимцы, отказываясь дать свободу другимъ и самимъ освободиться, разъ они поняли, что никакой внутренней связи нѣтъ между ними и ихъ недобродѣтельными половинами. Въ зрителяхъ этотъ неожиданный пассажъ вызываетъ сначала недоумѣніе, а потомъ смѣхъ, когда порокъ одерживаетъ весьма чувствительную для добродѣтели побѣду и удаляется, пожимая плечами надъ непонятнымъ и неосновательнымъ упрямствомъ добродѣтели — отравлять жизнь и себѣ, и другимъ. Въ концѣ концовъ добродѣтельная пара рѣшаетъ ѣхать въ деревню, чтобы тамъ «найти себя» и затѣмъ вкусить отъ плодовъ своей добродѣтели.

Есть въ пьесѣ еще одинъ персонажъ, выведенный съ цѣлью подчеркнуть эгоизмъ и животность новѣйшаго капиталиста, упоеннаго властью денегъ и мералью à la Ницше. Это — добродѣтельный коммерсантъ Мосеевъ, котораго «считаютъ въ 10 миллионѣхъ». Онъ кончилъ университетъ, два года прожилъ въ Англій, изучая производство, и тѣмъ не менѣе говорить какъ замоскорѣцкій дворянинъ, съ чисто дворянскими хватками и манерами. Но духъ у него благородный, онъ съ презрѣніемъ относится къ Переверзеву и его компаніи и тяго-

тѣтъ въ сторону «кающагося дворянина» и его пріятеля, добродѣтельнаго стража миллионѣвъ своей жены. Онъ сочувственно вздыхаетъ, слушая о голодѣ, и даже готовъ привести ленту отъ своихъ 10 миллионѣвъ, поощряетъ дружескія отношенія добродѣтельной пары и даже готовъ посодѣйствовать ихъ окончательному сближенію. Въ соответственныхъ мѣстахъ онъ ядовито подчеркиваетъ декадентскія глупости Переверзева и высмѣиваетъ его цитаты изъ Ницше, продѣлывая все это съ ужимочкой и манерой старозавѣтнаго купца, который «хотя и сѣръ, да не чортъ его умъ сѣмъ». Фигура эта самая неудачная, хотя по замыслу автора она должна «оживлять пейзажъ» и нѣсколько разсѣвать томительную скуку пьесы, внося въ нее яко бы здоровый русскій юморъ, освѣженный европейскимъ образованіемъ. Этого-то истинно русскій купецъ, изучившій европейскія гостиницы, но сохранившій всѣ добрыя русскія черты вплоть до замесворѣцкаго говора и дворянскихъ хватокъ, противопоставляется капиталисту новѣйшей формаціи съ его декадентскими затѣями и увлеченіемъ цитатами изъ Ницше. Мораль же отсюда вытекаетъ такова, что если купецъ не увлекается декадентствомъ и плюетъ на Ницше, то остальное «все приложится» и онъ заслуживаетъ почтенія, хотя бы ни въ чемъ его добродѣтель не проявлялась, какъ это и происходитъ въ пьесѣ.

Отсутствіе дѣйствія, безконечные разговоры въ видѣ словъ въ ковычкахъ и картонные герои дѣлаютъ всю пьесу тошнотворно-вялой и скучной. Весь интересъ для зрителя сосредоточенъ въ первомъ актѣ, какъ обыкновенно въ романахъ г. Боборыкина онъ сосредоточенъ въ первыхъ главахъ. Романы почтеннаго автора много выиграли бы, если бы они заканчивались на этихъ первыхъ главахъ. То же самое можно сказать и о «Накипи»: сокращенная изъ четырехъ въ одинъ актъ, именно первый, она была бы хорошимъ водевилемъ на современную тему. Въ первомъ актѣ авторъ высказалъ все, что имѣлъ, удачно схвативъ въ лицѣ Переверзева и увлекающихся имъ двухъ капиталистовъ новую черту современнаго настроенія этого тунейднаго мірка, жаднаго и пресыщеннаго и при помощи Переверзевыхъ оживляющаго свои ожирѣвшіе нервы. Острыя ощущенія «новой красоты» въ костюмахъ à la Ботичелли и вовсе безъ костюмовъ, ѣдкія словечки Ницше и перевернутая мораль его, провозглашеніе свободы индивидуализма, какъ единственнаго мѣрила въ искусствѣ и въ жизни, — все это даетъ довольно матеріала для шаржа. Въ то же время именно эта сторона русскаго декаданса вполне выкристаллизовалась, опредѣлилась и отошла уже назадъ, почему и схватить ее легко, а такому опытному литературныхъ дѣлъ мастеру, какъ г. Боборыкинъ, это было вдвойне легко. Скользя всегда по поверхности общественныхъ явленій, г. Боборыкинъ, что называется, набилъ себѣ руку въ уловленіи характерныхъ словечекъ, этикетокъ и вѣщныхъ манеръ, изошрился дѣлать изъ этого пикантное кушанье и умѣетъ подать его какъ самое послѣднее слово современной литературной страпни. Но какъ только онъ пожелаетъ удубить содержаніе, явиться въ роли вдумчиваго бытописателя, сейчасъ же обнаруживается легкость и неустойчивость его постройки. Слово почва у него ускользаетъ изъ подъ ногъ, и на сценѣ передъ нами, вмѣсто живыхъ лицъ, выступаютъ неудачныя картонныя маріонетки, неуклюже размахивающія руками и выстрѣливающія готовыми сентенціями, позаимствованными изъ той или явой новой для даннаго момента брошюры, а то и изъ послѣдней книжки соотвѣтственнаго журнала.

Эти особенности г. Боборыкина достаточно извѣстны въ литературѣ и лучше всего очерчены г. Михайловскимъ въ его «Литературныхъ воспоминаніяхъ», который такъ опредѣлялъ ихъ: «Меня всегда поражала быстрота и точность его воспріятій, каковыми качествами отличаются и его литературныя произведенія... здѣсь лежитъ корень и сильныхъ, и слабыхъ сторонъ этого писателя. Отсюда, во-первыхъ, его рѣдкая плодовитость. Отсюда же его отзывчивое от-

ношеніе въ явленіямъ быстро текущей жизни. Но отсюда же, то-есть, изъ той же необыкновенной быстроты и точности воспріятій, простекають и нѣкоторыя слабыя стороны г. Боборыкина, а именно: отсутствіе яркой оригинальности, поверхностность и фотографичность творчества. Ни для кого не тайна, что г. Боборыкинъ не рѣдко воспроизводитъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ не художественныя обобщенія своихъ наблюденій, а самыя эти наблюденія во всей ихъ конкретной случайности, не типы, а совершенно опредѣленные, цѣликомъ съ натуры описанные экземпляры. Творчество его состоитъ при этомъ подчасъ лишь въ томъ, что онъ ставитъ портреты, которые очень легко узнать, въ такія положенія, въ какихъ соотвѣтственные оригиналы никогда не бывали. — Онъ столь быстро и точно воспринимаетъ попадающіяся ему на жизненномъ пути явленія, что ему, въ большинствѣ случаевъ, некогда проникать въ ихъ глубину: они сразу запечатлѣваются въ его мозгу своею внѣшностью и такъ и переходятъ подъ его перомъ на бумагу».

Если въ романахъ эта фотографичность изображеній не такъ сильно проступаетъ, благодаря общему фону, по словамъ г. Михайловскаго, «обыкновенно очень обдуманному», то въ драмѣ, гдѣ этотъ фонъ отсутствуетъ и лица гораздо рельефнѣе, этотъ коренной недостатокъ г. Боборыкина особенно силенъ. Въ «Накипи» его фотографія, можетъ быть, и вѣрна дѣйствительности, но однѣхъ фотографій для художественной драмы слишкомъ недостаточно. По мѣрѣ того, какъ дѣйствительность стирается и на нашихъ глазахъ отходитъ въ область прошлаго, и значеніе такихъ произведеній, какъ «Накипь», пропадаетъ. Теперь она имѣетъ интересъ злободневности, завтра становится уже непонятной, и мы увѣрены, что въ будущемъ сезонѣ, если только ей еще суждено появиться на подмосткахъ, «Накипь» уже потребуетъ комментаріевъ.

«...Весною 1860 года въ трепетнымъ сердцемъ и маленькой рукописью въ карманѣ пробирался я на Петербургскую сторону, въ редакцію «Разсвѣта», «журнала для взрослыхъ дѣвицъ», издаваемагося артиллерійскимъ офицеромъ Бремпинымъ», — такъ начинаются «литературныя воспоминанія» г. Михайловскаго.

Прошло съ тѣхъ поръ 40 лѣтъ, въ теченіе которыхъ г. Михайловскій не сходилъ съ литературной сцены, работая изо дня въ день, изъ книжки въ книжку въ текущей журналистикѣ. Намъ, маленькимъ людямъ сегодняшняго дня, о которыхъ завтра, быть можетъ, никто и не вспомнитъ, эта неустанная почти полулѣтняя работа — и какая работа! — представляется громадной, которую не сразу охватишь и ни съ чѣмъ не сравнишь. По крайней мѣрѣ, другого такого примѣра русская литература не знаетъ. Какую нервную силу, какой запасъ ума и знаній надо имѣть, чтобы не растратить себя въ этой ежедневной будничной работѣ, не потерять столь необходимой для журнальнаго работника воспріимчивости и отзывчивости, быть такимъ же, полнымъ энергій и свѣжести, журналистомъ, каковымъ мы видимъ и теперь г. Михайловскаго, стоящаго во главѣ большого дѣла и бодро ведущаго его. Помимо всего прочаго, оставляя въ сторонѣ талантъ и все то общественное значеніе, какое имѣла прежде и имѣетъ теперь работа почтеннаго автора, — невольное удивленіе, смѣшанное съ глубокимъ почтеніемъ, вызываетъ этотъ сорокалѣтній трудъ. Но когда подумаешь, при какихъ условіяхъ шла и идетъ работа русскаго журналиста вообще, а г. Михайловскаго въ частности, сколько за это время пережито и незабвенныхъ, и ужасныхъ минутъ въ исторіи русской литературы второй половины истекающаго вѣка, только тогда можно оцѣнить и понять значеніе этой по истинѣ гигантской работы, поднятой имъ на своихъ плечахъ.

«И все-таки, — говоритъ онъ въ началѣ своихъ воспоминаній, — если бы мнѣ надлежало начинать съ начала, я выбралъ бы литературу. И даже не все-таки, а *тѣмъ болѣе*». «Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы всѣ впечатлѣ-

нія бытія», я попалъ въ литературу просто по бессознательному влеченію, почти по инстинкту, хотя, конечно, роль писателя рисовалась и сознанию въ неясномъ, но прекрасномъ ореолѣ. Теперь я знаю, чего стоитъ этотъ ореолъ и какъ тернистъ жизненный путь писателя. Кромѣ того, и влеченіе къ литературной работѣ утратило свою первоначальную свѣжесть. Но за всѣмъ тѣмъ для меня не существуетъ дѣла, которое давало бы столько наслажденія и въ своемъ началѣ, при возникновеніи извѣстныхъ мыслей и чувствъ, зовущихъ къ письменному столу, и въ самомъ процессѣ своемъ, и, наконецъ, въ своемъ результатѣ—въ общеніи съ читателемъ. Кто разъ глотнулъ изъ этой чаши, того равнѣ какія-нибудь исключительныя обстоятельства могутъ оторвать отъ нея. Въ этомъ, между прочимъ, заключается причина многихъ драмъ, совершающихся въ литературной средѣ. Молодой человекъ, случайно написавшій удачную вещь, затѣмъ недурную вторую, пожалуй, третью, но уложившій въ нихъ все, что у него было за душой, лишь съ большимъ трудомъ убѣждается, что онъ попалъ на эту дорогу случайно, по ошибкѣ. А ошибки тутъ могутъ выйти разныя. Есть умные и знающіе люди, совершенно, однако, лишенные собственно литературнаго таланта, дара письменнаго изложенія; и это бываетъ при наличности другихъ, очень, повидимому, сродныхъ талантовъ, напр., ораторскаго. Но, кромѣ таланта, писателю нужна еще способность приходить въ извѣстное настроеніе, которое случайно можетъ посѣтить каждаго человека, но лишь въ призванныхъ или, пожалуй, обреченныхъ достигаетъ достаточной напряженности и прочности и обращается въ нѣчто привычное. Сюда надо еще ввести игру самолюбія, которое, вообще говоря, послѣ людей эстрады и сцены, наиболѣе развито у литераторовъ, и это лежитъ въ самыхъ условіяхъ ихъ профессіи. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ могутъ выходить чрезвычайно разнообразныя комбинаціи, способныя ввести неопытнаго человека въ ошибку насчетъ своихъ силъ, способностей, даже склонностей, а сладкой отравы онъ уже попробовалъ. Онъ заставляетъ себя работать, насилуетъ себя; колеблется вверхъ и внизъ волнами надежды и разочарованія; переживаетъ минуты страшнаго нервнаго напряженія и затѣмъ реакціи; ищетъ выхода и забвенія въ разгулѣ, столь вообще свойственномъ русскому человеку; ищетъ и, разубѣется, находитъ завистниковъ, враговъ, хотя въ дѣйствительности ихъ, можетъ быть, и въ поминѣ нѣтъ, становится, наконецъ, самъ завистникомъ и врагомъ,—врагомъ подчасъ не Ивана или Петра, а дѣлаго направленія, котораго прежде держался и которое теперь виновато тѣмъ, что не утилизируетъ его дарованій; чувствуя нравственную низменность этого мотива, онъ еще пуще грызетъ себя. А оторваться все-таки не можетъ»...

Эта повстинѣ глубоко-художественная страничка превосходно объясняетъ и влеченіе къ литературѣ, и всю трудность литературной работы. Немногоишъ дано, какъ автору, выйти побѣдителемъ и, пройдя сквозь всѣ тернія, съ чувствомъ справедливаго удовлетворенія оглянуться назадъ. Ибо ему есть что вспомнить, есть надъ чѣмъ остановиться и подѣлиться съ нами своими воспоминаніями. И какими воспоминаніями! Довольно назвать такія имена, какъ Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, съ которыми авторъ проработалъ лучшее время своей жизни, какъ равный имъ товарищъ и другъ.

Всѣ воспоминанія чрезвычайно интересны. Предъ нами, словно живые, встаютъ эти творцы русской журналистики, каждый отмѣченный рѣзкими индивидуальными чертами, которыя онъ навѣки врѣзалъ въ исторію русской литературы. Они были уже признанными руководителями общественнаго мнѣнія и первоклассными свѣтилами, когда авторъ, еще совѣмъ юноша, начиналъ свой многотрудный славный путь. Интересны и трогательны странички воспоминаній объ этихъ первыхъ шагахъ г. Михайловскаго, о его работѣ съ братьями Бурочкиными въ разныхъ мелкихъ повременихъ изданіяхъ. Но мы ихъ пройдемъ

мимо, такъ какъ глубокой интересъ получаютъ его воспоминанія только съ той минуты, когда, по его словамъ, онъ «подошелъ къ вершинамъ русской литературы, настоящимъ, несомнѣннымъ, общепризнаннымъ». Въ одномъ, можно сказать, отношеніи—г. Михайловскому дѣйствительно повезло: въ обновленныхъ тогда (1868 г.) «Отечественныхъ Запискахъ» онъ нашелъ превосходную «пристань», какая рѣдко кому выпадала на долю. Въ лицѣ Некрасова, Салтыкова и Елисеева онъ встрѣтилъ такихъ руководителей, товарищей и работниковъ, какихъ могъ бы пожелать самый взыскательный начинающій писатель.

«Бурная жизнь Некрасова,—говоритъ онъ,—создала ему много недоброжелателей. Литературная и въ особенности редакторская его дѣятельность тоже много этому способствовала. Но какъ бы далеко ни шло въ нѣкоторыхъ сферахъ отрицаніе не только личныхъ достоинствъ Некрасова, а и достоинствъ его поэзии, персть исторіи уже давно отмѣтила его, какъ достойнаго даже отдаленнаго будущаго, а въ настоящее время вся грамотная Россія зачитывалась его стихами. Салтыковъ тоже давно занималъ положеніе перваго въ своемъ родѣ человѣка. Елисеевъ былъ неизвѣстенъ въ большой публикѣ, но въ литературныхъ кружкахъ его цѣнили очень высоко, а мы, тогдашняя молодежь, не зная его лично, хорошо знали его «внутреннія обозрѣнія» въ «Современникѣ». А изъ-за этихъ трехъ выглядывали еще образы Добролюбова, Чернышевскаго, Бѣлинскаго, какъ бы передавшихъ имъ свой авторитетъ. Далѣе, всѣ трое, независимо отъ своихъ собственныхъ литературныхъ талантовъ, были опытные и горячо преданные своему дѣлу журналисты, убѣжденные въ возвышенности задачъ журналистики. Немудрено, что отъ этихъ людей и отъ руководимаго ими дѣла вѣяло спокойною сознающею себя силой».

Было еще нѣчто, что усиливало значеніе ихъ дѣла и чему г. Михайловскій посвящаетъ многократно особое вниманіе, справедливо придавая этому огромное значеніе. За ними была традиція, преемственность идей, прямая и непосредственная связь съ прошлымъ. «Чѣмъ глубже коренится идея въ прошломъ,—говоритъ онъ,—тѣмъ спокойнѣе выносятся она всякія бури и невзгоды, все равно, какъ дерево съ глубоко сидящими корнями». Именно такимъ деревомъ сознавала себя эта редація, единственная въ русской литературѣ, ни до «Отечественныхъ Записокъ», ни послѣ не повторявшаяся. При различіи въ характерахъ, темпераментахъ и всемъ складѣ жизни, три редактора тѣснѣйшимъ образомъ объединялись дѣломъ, внѣ котораго каждый жилъ самъ по себѣ. Такое духовное единеніе было возможно только на почвѣ полного согласія въ основныхъ взглядахъ и одинаковомъ пониманіи общественныхъ настроеній времени. Это и придавало «Отечественнымъ Запискамъ» такую поразительную стройность и цѣльность, при очень широкомъ и терпимомъ отношеніи къ массѣ явленій, въ которыхъ редація ясно прокладывала свой путь, ничего не замалчивая и не суживаясь до «кружковщины». Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ мы находимъ драгоцѣнныя по нашему времени указанія на то, что въ «Отечественныхъ Запискахъ», при общемъ строго выдержанномъ направленіи, давалась свобода и для многого, что не укладывалось въ рамки этого направленія, но не противорѣчило ему по существу. Такъ, рассказывая о своемъ знакомствѣ съ г. Боборыкинымъ, авторъ отмѣчаетъ одну переводную вещь «Записки дурака», напечатанную въ журналѣ по рекомендаціи перваго. «Помнится, что въ предисловіи г. Боборыкинъ указалъ на аналогію тенденціи «Записокъ дурака» съ нѣкоторыми тогдашними теченіями русской жизни. И очень возможно, что самъ онъ видѣлъ въ этомъ французскомъ произведеніи «народническую точку зрѣнія»... Эта сама по себѣ недурная и, во всякомъ случаѣ, интересная вещь не противорѣчила направленію «Отечественныхъ Записокъ», но отнюдь не совпадала съ его сущностью, хотя г. Боборыкинъ это, можетъ быть, и казалось». Въ другомъ мѣстѣ г. Михайловскій приводитъ случай со статьей гр.

Толстого, помѣщая которую редакція полагала, что «онъ, дескать, достаточно крупная и, притомъ, внѣ литературныхъ партій стоящая фигура, чтобы отвѣчать самому за себя, а редакція оставляетъ за собой свободу дѣйствій».

Изъ трехъ редакторовъ наиболѣе интересенъ Некрасовъ, которому г. Михайловскій посвящаетъ особое вниманіе. Скорбный обликъ поэта обрисованъ имъ съ полнотой художественнаго изображенія. Въ воспоминаніяхъ это лучшія страницы, проникнутыя чувствомъ безграничнаго уваженія и любви, хотя нигдѣ г. Михайловскій не затушевываетъ и тѣхъ особенностей поэта, которыя на автора, въ то время юнаго душой, могли производить тягостное впечатлѣніе. Но онъ умѣло отдѣляетъ личное впечатлѣніе отъ общаго, какое производила вся личность Некрасова въ связи съ огромнымъ значеніемъ его поэзіи и его дѣла, какъ несравненнаго и съ тѣхъ поръ еще никѣмъ не превзойденнаго журналиста. Г. Михайловскій останавливается на тѣхъ клеветническихъ извѣстьяхъ, которые, начиная со временъ «Современника», отравляли жизнь Некрасову. Изопrialись въ нападкахъ на Некрасова больше всего тѣ, кто сами не были чужды приписываемымъ ему недостаткамъ. Они-то больше всего требовали отъ него героическихъ поступковъ. Это была одна изъ тѣхъ обычныхъ у насъ исторій, когда люди, ничѣмъ и никогда не проявлявшіе геройства, требуютъ его отъ другихъ и готовы распять излюбленную жертву именно за то, въ чемъ сами больше всего повинны. Нѣтъ болѣе строгихъ цѣнителей чужой храбрости, какъ трусы. Нѣтъ болѣе нетерпимыхъ проповѣдниковъ, какъ люди нескренніе и слабые по части убѣжденій. Потому что герой, настоящій герой, знаетъ, чего стоятъ геройство, и снисходительно относится къ чужимъ слабостямъ. Искренно и глубоко убѣжденные люди болѣе другихъ терпимы къ уклоненіямъ въ сторону, потому что колебанія и сомнѣнія имъ понятны. Они прошли ту тернистую дорогу, на которой такъ мучительно вырабатываются убѣжденія, не вычитанныя изъ первой попавшейся книжки, не схваченныя съ чужихъ словъ, а выстраданныя и выношенныя въ душѣ.

Некрасовъ, по словамъ г. Михайловскаго, былъ замкнутый и сдержанный человѣкъ, привычка и жизнь наложили на него печать одиночества и отчужденности отъ окружающихъ, даже близкихъ и любимыхъ людей. Онъ не умѣлъ раскрываться, даже когда хотѣлъ и стремился объяснить свое поведеніе. Это долго и много молчать, терять способность къ сближенію съ другими, къ тому общенію души, которое иногда такъ облегчаетъ тягостность нашего настроенія. Но истиннѣ потрясающую картину рисуетъ г. Михайловскій, рассказывая, какъ умирающій поэтъ оправдывался, стараясь объяснить разные эпизоды своей жизни, послужившіе поводомъ для клеветы «друзей».

«...Умирающій, худой, какъ скелетъ, Некрасовъ и со мной, и со многими другими заводилъ свои затрудненныя оправдательно-покаянныя рѣчи, перемежаемыя еще вдобавокъ стопами и криками. Очевидно, было страстное желаніе выложить всю душу, уже еле державшуюся въ больномъ, изможденномъ тѣлѣ; страстное, послѣднее въ жизни желаніе раскрыть тайну этой жизни, можетъ быть, даже не намъ, слушателямъ этой единственной въ своемъ родѣ исповѣди, а самому себѣ. Но умирающій не находилъ словъ для выраженія «той казни мучительной, которую въ сердцѣ носилъ». Онъ то хватался за какой-нибудь отдѣльный эпизодъ своей жизни, то пробовалъ подвести ей общій итогъ, запинаясь и опять начиналъ. Въ сравненіи съ этой страшной сценой—ничто, дѣтскія игрушки—тѣ цеголеватыя публичныя исповѣди, авторы которыхъ самодовольно заявляютъ, что они отрясли прахъ прошлаго отъ ногъ своихъ и достигли высшей ступени нравственнаго сознанія. Некрасовъ чувствовалъ и понималъ, что въ его прошломъ есть большая заслуга, отъ которой отрекаться не приходится. Но она трагически-фатально забрызгалась грязью, и передъ

звѣщающей пропастью смерти Некрасовъ не могъ ни другимъ разказать, ни себѣ уяснить эту смѣсь добра и зла. Онъ старался, не могъ и мучился...

Для насъ, которые видятъ теперь эти «брызги грязи» въ исторической перспективѣ, достаточно ясно, что не на Некрасова ложится отвѣтственность за нихъ, а на то общество, которое не въ силахъ ни защитить своихъ лучшихъ людей отъ подобнаго забрызгиванія грязью, ни поддержать ихъ въ такія «трагически-фатальныя» минуты,—и правъ, тысячу разъ правъ г. Михайловскій, когда, заканчивая эту трогательную страничку своихъ воспоминаній, онъ говоритъ: «А, между тѣмъ, такъ ли уже, въ самомъ дѣлѣ, велики вины Некрасова? И не искуплены ли они благою стороною его дѣятельности и этому страшному, несказанному мукой совѣсти? Поэтъ молилъ: «Прости меня, о, родина, прости!» Благодарная родина давно простила. Но есть неумолимыя, которые не прощаютъ и непремѣнно желаютъ развѣчивать Некрасова. Должно быть, ихъ собственная совѣсть чиста, какъ зеркало, въ которое они могутъ спокойно любоваться на свои добродѣтели и гражданскіе подвиги. Должно быть, ихъ головы увѣнчаны безспорными лаврами... Да, эта совѣсть, очевидно, спокойна; да, оспаривать эти лавры немного найдется охотниковъ. Пусть... Но мы, грѣшныя, не послѣдуемъ за ними. Мы скажемъ: насъ прости, тѣмъ поэта! свою родину прости,—ту родину, грѣхами которой ты самъ заразился и для просвѣтленія которой ты сдѣлалъ такъ много»...

Рядомъ съ Некрасовымъ рисуется всегда Салтыковъ, который въ изображеніи г. Михайловскаго встаетъ передъ нами въ удивительно привлекательномъ видѣ. Первый разъ автору пришлось познакомиться съ нимъ лично на вечерѣ въ редакціи «Отеч. Записокъ», гдѣ г. Михайловскій читалъ свою неоконченную повѣсть «Борьба». «Внѣшнюю обходительностью, — говоритъ онъ, — редакция «Отеч. Записокъ» никогда не отличалась, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по существу была вполне доброжелательна. Въ данномъ же случаѣ смущеніе мое было тѣмъ сильнѣе, что, когда мы усѣлись за большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, возлѣ меня оказался Салтыковъ и сталъ смотрѣть въ тетрадь, по которой я читалъ, своими якобы суровыми, слегка выпученными глазами, время отъ времени побряхтывая громкимъ басомъ: э-гм! Какъ близки и понятны стали мнѣ потомъ якобы суровые глаза и какъ они смущали меня тогда! Между прочимъ, дойдя до одной главы, я почему-то вдругъ тутъ же сообразилъ, что она неучаена и требуетъ такихъ-то и такихъ-то передѣлокъ. Я хотѣлъ ее пропустить и это было тѣмъ удобнѣе, что она была вводная. Я уже перевернулъ двѣ-три страницы, ища слѣдующей главы, но Салтыковъ меня остановилъ: «Что же вы пропускаете?» — «Да тутъ передѣлать надо». — «Нѣтъ, ужъ читайте все подрядъ». Чтеніе кончилось. Прочиталъ я только первую часть, такъ какъ изъ остальнаго были лишь наброски, и я даже не захватилъ ихъ съ собою. Наступило молчаніе. Прервать его Салтыковъ сердитымъ басомъ: «Надо кончать! А то что жъ такъ-то, безъ хвоста». Некрасовъ сказалъ тоже самое, только гораздо любезнѣе».

Эта смѣсь суровости и добродушія составляла характернѣйшую черту личности Салтыкова. Въ противоположность Некрасову, крайне несдержанный и экспансивный, великій сатирикъ влечетъ въ себѣ той искренностью, съ которой онъ ко всему относился. Некрасовъ былъ дипломатъ и съ крайней осторожностью велъ свою журнальную ладью среди мелей и подводныхъ камней, между Сциллою цензурнаго вѣдомства тѣхъ временъ и Харибдой различныхъ общественныхъ настроеній. Много тутъ требовалось ума, выдержки и особаго практическаго такта, чтобы избѣгать тысячи отовсюду грозящихъ опасностей. Въ числѣ различныхъ средствъ, были у Некрасова знакомства въ мірѣ сильныхъ и власть имущихъ, съ которыми онъ *volens-nolens* долженъ былъ поддерживать дружескія отношенія, принимая ихъ у себя, устраивая имъ обѣды

и играя съ ними въ карты. На одномъ изъ такихъ собраній у Некрасова присутствовалъ и г. Михайловскій, который безпедобно описываетъ поведеніе Салтыкова при этомъ. «Мнѣ, — говоритъ г. Михайловскій, — было какъ-то не по себѣ, какъ-то чуждо и жутко, точно я въ дурномъ дѣлѣ участвовалъ. Между прочимъ, игралъ въ карты и Салтыковъ, по обыкновенію, раздражаясь на неудачный ходъ партнера, на плохія карты и проч. За его спиной сталъ одинъ изъ неигравшихъ гостей, значительный свѣдородный старецъ, и посовѣтовалъ ему какой-то ходъ. Салтыковъ проворчалъ что-то вродѣ: «Ну, да! совѣтчики!» Однако, послушался. Но когда ходъ оказался неудачнымъ. Салтыковъ грубо выбранилъ совѣтника и безцеремонно потребовалъ, чтобы тотъ отошелъ отъ его стула и не совался въ игру. Эта вспышка, очевидно, портила политичную музыку Некрасова, но мнѣ, признаюсь, Михаилъ Евграфовичъ былъ въ эту минуту необыкновенно милъ и дорогъ».

Такимъ же фигурируетъ онъ вездѣ въ воспоминаніяхъ г. Михайловскаго, которыя превосходно дополняютъ обликъ Салтыкова, какимъ мы его знаемъ по его произведеніямъ. Напр., прочтите тѣ мѣста, гдѣ г. Михайловскій рассказываетъ объ его отношеніяхъ къ дѣтямъ, когда Салтыковъ, большой и страждущій, пишетъ имъ письма, въ которыхъ рассказываетъ про канарейку. Столько здѣсь мягкости, чуткости, любовнаго отношенія въ желаніи большого развеселить ребенка! Безъ этихъ воспоминаній личность Салтыкова много потеряла бы. не казалась бы такой идеально-цѣльной и человѣчески-прекрасной.

Третій членъ этой знаменитой группы Елисеевъ дополняетъ ее, какъ истый «мужъ совѣта», всегда ровный, спокойный, съ яснымъ взглядомъ и строгой выдержкой. Онъ — словно основной тонъ въ музыкальномъ тріо, отгѣняющій страстную порывистость Салтыкова и мрачную замкнутость Некрасова. Если замкнутость послѣдняго мѣшала людямъ сближаться съ нимъ, а видимая суровость и несдержанность Салтыкова подчасъ запугивали, то простота и ясная ровность Елисеева, напротивъ, сближала съ нимъ всѣхъ и влекла къ нему. По крайней мѣрѣ, уважаемый авторъ воспоминаній замѣчаетъ, что при всемъ почтеніи и любви къ Некрасову и Салтыкову, сблизился онъ по-просту, по-человѣчески, только съ Елисеевымъ, несмотря на большую разницу въ годахъ и болѣзненность въ то время уже пожилого Елисеева. Участіе послѣдняго въ журналистикѣ, начиная съ первыхъ годовъ «Современника» и до начала 80-хъ годовъ въ «От. Запискахъ» было чрезвычайно важно. Помимо того, что Елисеевъ создалъ, по словамъ г. Михайловскаго, тотъ отдѣлъ въ журналистикѣ, который носитъ названіе «внутренняго обозрѣнія», — Елисеевъ былъ образцовымъ редакторомъ. Какъ понималъ онъ дѣло редактора, видно изъ слѣдующей его мѣтлой характеристики двухъ редакцій — «Современника» и «От. Записокъ».

«Большая часть нашихъ редакторовъ, — говоритъ онъ, — набирая сотрудниковъ, что называется, съ бору и сосенки, похожи на дурныхъ кучеровъ, которые не даютъ лошадямъ бѣжать спокойно и ровно, дергаютъ ихъ безъ всякой нужды изъ стороны въ сторону. Извѣстно, что нѣтъ ничего хуже такихъ кучеровъ, нѣтъ ничего хуже и такихъ редакторовъ. Напрасно они держатъ то и дѣло совѣщанія съ своими сотрудниками, о чемъ писать въ тотъ или другой моментъ; напрасно потѣютъ, сидя съ утра до вечера надъ корректурами, стараясь смягчить или ослабить ту или другую рѣзкую фразу въ виду тѣхъ или другихъ соображеній о возможныхъ читателяхъ и т. п. Все это ни къ чему не приводитъ, кромѣ возбужденія нервной боязни въ сотрудникѣ за свою натурально являющуюся мысль, за свою фразу, — боязни, кончающейся совершеннымъ его обезличеніемъ. Въ «Современникѣ» съ того времени, какъ я его знаю, дѣло это повелось другимъ образомъ. Тамъ набирались подходящіе къ направленію журнала сотрудники и имъ предоставлялось въ каждый данный моментъ писать, что имъ Богъ на душу положить. Никто не слѣдилъ ни за

мыслями, ни за фразами. Иногда казалось, что редакторы не читаютъ никакихъ статей въ своемъ журналѣ, а между тѣмъ, само собой выходило все ладно. Почему?—да потому, что въ журналѣ главнымъ образомъ нужно, чтобы всѣ говорили въ одно. Не только неудачныя фразы, но и неудачныя, т.-е. слабыя дѣльныя статьи, если только онѣ бьютъ въ одну цѣль въ общемъ, нисколько не вредятъ дѣлу. Оттого «Современникъ» торжествовалъ надъ всѣми журналами не только въ первый періодъ, съ 1857 г. по 1862, когда имъ руководилъ блестящій штабъ съ Чернышевскимъ во главѣ, но и впослѣдствіи, когда въ немъ сильно чувствовалось отсутствіе этого штаба, особенно въ критическомъ отдѣлѣ, сильно обдѣявшемъ и измѣвившемся. Сдѣлавшись редакторомъ «Отеч. Записокъ», Некрасовъ остался къ нимъ въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ былъ и къ «Современнику». Человѣкъ отъ природы несомнѣнно умный, съ сильно развитымъ эстетическимъ и критическимъ чутьемъ, онъ ограничивался выборомъ подходящихъ сотрудниковъ и предоставлялъ дѣлу идти, какъ оно могло идти, не подражая тѣмъ малоопытнымъ и неоскуснымъ кучерамъ, которые безъ толку дергаютъ лошадей и мѣшаютъ имъ бѣжать спокойно и ровно. Самъ Некрасовъ, непрестанно работавшій въ теченіе 30 лѣтъ, если не болѣе, въ разныхъ журналахъ или изданіяхъ, былъ болѣе или менѣе утопленъ этою работою и занимался ею, такъ сказать, наскокомъ и порывомъ. Иногда онъ все читалъ, что печаталось въ журналѣ, отъ начала до конца, иногда оставлялъ журналъ на цѣлые мѣсяцы, въ надеждѣ, что и безъ него, съ одними сотрудниками, дѣло пойдетъ такъ же хорошо, какъ оно шло, не смущаясь тѣмъ, что явятся статьи неудачныя или что допущены будутъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разныя неровности, излишества и т. п. И дѣло, дѣйствительно, шло хорошо, какъ только могло идти при данныхъ наличныхъ силахъ. Салтыковъ въ общемъ держался въ веденіи журнала той же системы, что и Некрасовъ, т.-е. употребляя прежнее сравненіе, онъ также не принадлежалъ къ числу плохихъ кучеровъ. Но Михаилъ Евграфовичъ былъ кучеръ не только умѣлый и ловкій, но и кучеръ-щеголь, который заботился не только о томъ, чтобы ѣзда была хороша и спокойна, но чтобы при выѣздѣ не было никакой неряшливости ни въ сбруѣ, ни въ экипажѣ, чтобы все въ выѣздномъ ансамблѣ, если не блистало, то было въ порядкѣ и чисто».

Такое было это знаменитое трио, въ теченіе четверти вѣка руководившее общественнымъ мнѣніемъ, поскольку дано это литературѣ въ нашихъ условіяхъ. Изъ воспоминаній г. Михайловскаго о нихъ мы взяли лишь ничтожную часть, можетъ быть, даже и не самую существенную, но насъ интересовали именно ихъ характеры, столь разные по кореннымъ своимъ качествамъ и столь тѣсно связанные общимъ дѣломъ,—примѣръ, крайне рѣдкій вообще, а въ литературѣ въ особенности.

Мы не коснулись еще огромной части воспоминаній, въ которой идетъ рѣчь о Д. Толстомъ и объ отношеніи къ нему автора. Помимо общаго интереса, связаннаго съ именемъ Толстого, многое въ мнѣніяхъ г. Михайловскаго, высказанныхъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ, получаетъ особый интересъ теперь, послѣ появленія «Воскресенія». Г. Михайловскій предугадалъ тотъ переломъ во взглядахъ Толстого, какой виденъ въ «Воскресеніи», и предсказалъ, что Толстой не можетъ успокоиться на морали личнаго совершенствованія. Вопросъ этотъ, однако, слишкомъ сложенъ, и намъ приходится отложить его до другого раза.

Въ февралѣ чествовался очень рѣдкій юбилей вообще, а въ литературѣ въ особенности—пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Алексѣя Михайловича Жемчужникова, старѣйшаго изъ современныхъ поэтовъ, послѣдняго изъ «славной» писателей шестидесятихъ годовъ. Маститый по возрасту, но еще вполне

бодрый духомъ, поэтъ выпустилъ ко дню юбилея новый сборникъ своихъ стиховъ «Пѣсни старости», въ которыхъ съ прежней силой и вдохновеніемъ отзывается на «голоса жизни», какъ дѣлалъ это въ теченіе пятидесяти лѣтъ, никогда не оставаясь равнодушнымъ къ нимъ. «Я былъ всегда чуждъ равнодушія,—говоритъ онъ въ предисловіи къ первому сборнику своихъ произведеній, изданному въ 1892 г.,—и это было для меня большое счастье. На своемъ вѣку я не разъ подмѣчалъ, какъ индифферентность вкрадывается въ человѣка большею частью подъ личиною благоразумія и практичности въ воззрѣніяхъ на жизнь, а потомъ мало-по-малу превращается въ нравственную гангрену, разрушающую одно за другимъ всѣ лучшія свойства не только сердца, но и ума». Великое счастье—сохранить эти лучшія свойства всю жизнь, какъ съ полнымъ правомъ можетъ сказать про себя А. М. Жемчужниковъ.

Сравнивая его «Пѣсни старости» съ прежними, мы слышимъ въ нихъ тотъ же энергичный голосъ, то полный ѣдкой сатиры, то скорбный, то радостно-бодрящій. Поэтъ-гражданинъ живъ въ этихъ прекрасныхъ, звучныхъ и строгихъ стихахъ и съ неослабвующей силой держитъ старое знамя, о которомъ говоритъ въ своемъ «Завѣщаніи».

Межь тѣмъ какъ мы въ разбродъ стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобралъ его, лежавшее въ пыли,
И съ той поры несу, возвысивъ надъ толпою.
Девизъ на знамени: «Духъ доблести храни».
Такъ воинъ рядовой за честь на бранномъ полѣ,
Я, счастливъ и смущенъ, явился въ наши дни
Знаменоносцемъ поневолѣ.

Но подвигъ не свершенъ, мнѣ выпавшій въ удѣлъ,—
Разбредшуюся рать сплотить бы во-едино...
Название мнѣ дано поэта-гражданина
За то, что я одинъ про доблесть пѣсни гдѣлъ,
Что былъ глашатаемъ забытыхъ старыхъ истинъ,
И силенъ былъ лишь тѣмъ, хотя и старъ, и слабъ.
Что въ людяхъ рабскій духъ мнѣ сильно ненавистенъ.
И самъ я съ юности не рабъ.

Въ этихъ словахъ лучше и полнѣе всего охарактеризована личность назваемаго поэта. Онъ—лирикъ по преимуществу, только его лирика всегда проникнута общественнымъ чувствомъ, составляющимъ главное и почти единственное содержаніе его поэзіи. Искренняя ненависть къ общественной лжи, горячая любовь къ униженному и забитому народу, страстное негодованіе на такъ называемыхъ «патріотовъ» извѣстнаго типа—вотъ главные элементы поэзіи Жемчужникова. На закатѣ дней этотъ мотивъ нисколько не мѣняется и въ своемъ «Завѣщаніи» онъ оставляетъ слѣдующій завѣтъ поэту, который долженъ явиться ему «на смѣну».

Послѣднія мои уже уходятъ силы.
Я дѣлалъ то, что могъ; я больше не могу.
Я остаюсь еще предъ родиной въ долгу.
Но да простятъ она мнѣ на краю могилы,
Я жду, чтобы теперь меня смѣнилъ поэтъ,
Въ которомъ доблести горѣло бы ярче пламя,
И принялъ отъ меня, не знавшее побѣдъ,
Но невапятнаное знамя.

О, какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,
Что духъ достоинства есть будто крамольный!
Она—нашъ древній грѣхъ и вольный и невольный;
Она—народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.
Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести;
Тамъ искалѣченъ умъ, душа развращена...
Приди,—я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести!
Ты нуженъ въ наши времена.

«Свершивъ жизни путь», поэтъ съ справедливой гордостью могъ сказать («Прежде и теперь»): «отъ позора, слава Богу, я душу уберегъ мою среди жизни суетной и ложной», праведно послуживъ на вѣку тому «Духу любви и свѣта», который онъ неустанно призывалъ къ «дорогой отчизнѣ» («Пѣсни старости», стр. 72—73).

Какъ поэтъ-гражданинъ, Жемчужниковъ занялъ почетное мѣсто непосредственно рядомъ съ Некрасовымъ, и это мѣсто навсегда упрочено за нимъ въ русской поэзіи. Онъ не такъ всеобъемлющъ, не такъ силенъ и глубокъ, какъ Некрасовъ, но не уступаетъ ему по нѣжной любви къ народу, выдержанности чувствъ и страстности негодованія. Послѣ смерти Некрасова, онъ, какъ ветхозавѣтный пророкъ, принялъ на себя миссію своего предшественника и до сихъ поръ не былъ превзойденъ никѣмъ, какъ продолжатель некрасовскихъ мотивовъ.

И стоитъ онъ среди насъ, этотъ доблестный старикъ, какъ та старая ракета, которую онъ прелестно воспѣлъ:

Часто гревится мнѣ, что стоитъ средь полей,
Долгій вѣкъ доживая, ракета.

Ей живется еще, но чувствительно ей,
Что могучею жизнью забыта.

Не нужна никому; далеко отъ жилья;
На просторѣ родномъ одинока —
Она, вѣтви свои къ долу низко склоня,
Ожидаетъ послѣдняго срока.

Но чутка и теперь, она въ ясные дни
И въ грозу, среди бурной тревоги,
Для себя лишь самой вдохновенно свои
Шелестить или шумать монолога.

А порой изъ нея крикъ идетъ по землѣ,
Всю окрестность отъ сна пробуждая;
Словно сердце въ груди, въ ея старомъ дулѣ
Громко бодрствуетъ птица съдая.

Можетъ быть, этотъ крикъ, въ тишинѣ, по ночамъ,
Повднихъ путниковъ за душу тронетъ:
Средь покоя и сна отчего кто-то тамъ
То смѣется, то плачетъ, то стонетъ?

Въ день своего юбилея пѣвецъ могъ убѣдиться что его голосъ «трогаетъ» многихъ и въ наши сумрачные дни получилъ пожалуй, большее значеніе, чѣмъ когда-либо.

Жемчужниковъ не только сатирикъ, но и юмористъ, что проявилось въ его участіи въ созданіи незабвеннаго Козьмы Пруткина. Вмѣстѣ съ Ал. Толстымъ и двумя своими братьями (Александромъ и Владиміромъ), Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ создалъ типъ, истиннѣй безсмертный въ нашей литературѣ,—типъ самодовольнаго и самоувѣреннаго петербургскаго чиновника, директора пробирной палатки, который въ часы досуга посвящаетъ себя литературѣ, отчасти изъ тщеславія, отчасти изъ сознанія пользы, приносимой имъ этимъ отечеству. Прутковъ до сихъ поръ служитъ неизсякаемымъ источникомъ самаго веселаго и безобиднаго смѣха и тѣхъ комично-глубокомысленныхъ цитатъ, которыя прочно вошли въ обиходъ нашей рѣчи и уже тѣмъ однимъ дали ему право на безсмертіе.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ. Въ парижской выставкѣ приготовлены свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Россіи. Для этого, между прочимъ, представлены подробныя данныя по двумъ уѣздамъ: Бердянскому (Таврической губ.) и Нижегородскому. Бердянской уѣздъ выбранъ, какъ *первый* по постановкѣ народнаго образованія въ земской Россіи. Надо замѣтить, что этотъ уѣздъ въ то же время одинъ изъ самыхъ благополучныхъ по зажиточности населенія. По собраннымъ даннымъ, народное образованіе представляется въ Бердянскомъ уѣздѣ въ слѣдующемъ видѣ.

При введеніи земскихъ учреждений, говоритъ корреспондентъ «С.-Петербур. Вѣд.», въ 1866 году, на весь уѣздъ съ населенностью въ 150 т. имѣлось всего 15 училищъ, въ которыхъ числилось по вѣдомостямъ 668 мальчиковъ и 86 дѣвочекъ. Въ дѣйствительности же, школы посѣщала едва десятая часть учениковъ. Такъ, когда въ 1868 году начальныя школы были осмотрѣны председателемъ училищнаго совѣта, то по класснымъ журналамъ значилось по 30, 40, 50 учениковъ въ школахъ, а налицо ихъ оказывалось 3, 5 или 6. Объясняется это жестокими приемами дисциплины, которую примѣняли учителя, обыкновенно дѣячки и псаломщики, вслѣдствіе чего дѣти разбѣгались изъ школъ и ихъ водворяли съ помощью десятскихъ и сотскихъ. Вотъ наследіе дореформенной эпохи, полученное земствомъ на первыхъ порахъ его жизни.

Далеко не то мы видимъ въ настоящее время. Въ началу 1899—1900 г. на содержаніи бердянскаго земства состояло уже 153 школы, изъ которыхъ 59 одноштатныхъ—съ однимъ учителемъ на 60 учениковъ каждая и 92 двухштатныя—съ двумя учителями, по расчету на 120 учениковъ. Изъ 153 школъ—136 помѣщается въ общественныхъ зданіяхъ, сооруженныхъ на счетъ общества, часто при содѣйствіи долгосрочныхъ безпроцентныхъ ссудъ изъ «фонда 19 февраля 1861 г.». Всѣ школы построены по нормальному земскому плану, съ соблюденіемъ требованій какъ въ отношеніи площади пола, такъ и кубическаго содержанія воздуха.

Кромѣ 153 собственно-земскихъ школъ, въ Бердянскомъ уѣздѣ насчитывается еще 63 нѣмецкихъ и 40 церковно-приходскихъ, 28 школъ грамоты, 19 начальныхъ школъ (изъ которыхъ 7 съ пособіемъ отъ земства) и 8 частныхъ начальныхъ училищъ. Такимъ образомъ, населеніе располагаетъ 311 начальными школами, причѣмъ одна школа приходится на 983 жителя и на 24,5 кв. вер. территоріи уѣзда.

Содержаніе 153 земскихъ школъ стоитъ земству 121.670 р. въ годъ, что въ среднемъ, составляетъ 800 р. на школу. Кромѣ расходовъ на содержаніе школъ, земство отпускаетъ значительныя суммы на другія потребности народ-

наго образованія, какъ-то: на устройство и обновленіе дѣтскихъ библиотекъ, на приобрѣтеніе свѣтовыхъ картинъ, на содержаніе гимназій и другихъ частныхъ и общественныхъ учебныхъ заведеній, такъ что весь расходъ на эту потребность равняется 166.917 р., т.-е. 37,3% бюджета. Помимо земства, успѣху развитія народнаго просвѣщенія содѣйствуютъ и города: Бердянскъ, Орѣховъ и Ногайскъ, которые за отчетный годъ дали 75.286 р. 49 коп. Сельскія общества, убѣдившись въ пользѣ грамотности, также отпускаютъ, помимо помѣщеній, сторожей и отопленія, 169.674 руб., а вѣмецкія общества на содержаніе центральныхъ и начальныхъ школъ отпускаютъ 95.817 руб. Весь же годовой расходъ за 1898 годъ на народное образованіе въ Бердянскомъ уѣздѣ достигаетъ крупной суммы 411.877 р. 49 к.

Число учащихся въ земскихъ школахъ составляло въ отчетномъ году 12.864 человѣка, изъ коихъ 9.860 мальчиковъ и 3.004 дѣвочки, болѣе противъ прошлаго года на 582. Во всѣхъ же школахъ было 21.584 учащихся, въ томъ числѣ 14.590 мальчиковъ и 6.634 дѣвочки. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ управою въ маѣ 1899 г., оказалось грамотныхъ 53.112 мужчинъ и 18.255 женщинъ, а вмѣстѣ съ дѣтьми школьнаго возраста 66.237 мужчинъ и 25.005 женскаго пола, что, по отношенію къ общему числу населенія, составитъ грамотныхъ 42.54% мужчинъ и 16,4% женщинъ. Еще рельефнѣе представляется степень грамотности среди населенія уѣзда по свѣдѣніямъ воинскаго присутствія, изъ которыхъ видно, что за 1898 г. процентъ грамотныхъ среди принятыхъ на службу составлялъ 71,7.

Достигнуть такихъ блестящихъ результатовъ бердянское земство могло только путемъ неуклоннаго стремленія къ развитію народнаго образованія, не жалѣя ни трудовъ, ни средствъ. Только преданность дѣлу, искренняя любовь къ народу могли вызвать такую отзывчивость населенія, которое рука объ руку шло съ желаніями земства «сбѣять разумное, доброе, вѣчное». Нигдѣ населеніе такъ довѣрчиво не относится къ земству, нигдѣ земство не пользуется такимъ вліаніемъ на народную массу, какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ.

Помимо развитія школъ, бердянское земство обращаетъ серьезное вниманіе и на подготовку учительскаго персонала, путемъ организаціи учительскихъ съѣздовъ, на устройство дѣтскихъ библиотекъ, сѣтью раскинувшись по всему уѣзду и на улучшеніе матеріальнаго быта труженнаго школьнаго учителя. Не меньшую заботу проявляетъ земство въ дѣлѣ распространенія путемъ школы рациональныхъ свѣдѣній по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и свѣдѣній по садоводству, огородничеству и винограду. Для этого при 94 земскихъ школахъ устроены сады, виноградники и огороды, гдѣ практическія занятія ведутся преподавателями, большей частью усвоившими знанія по сельскому хозяйству на содержимыхъ земствомъ при Преславской учительской семинаріи постоянныхъ сельскохозяйственныхъ курсахъ. Широко поставлено въ Бердянскомъ уѣздѣ и внѣ-школьное образованіе народа. Бромѣ 145 библиотекъ при школахъ, въ 43 селахъ открыты аудиторіи съ волшебными фонарями и со всѣми удобствами, располагающими посѣтителей къ занимательному и полезному времяпрепровожденію въ часы досуга. На 254 чтеніяхъ за годъ перебывало 50.000 слушателей.

Несмотря на такой выдающійся успѣхъ, ставшій Бердянской уѣздъ *первымъ* въ Россіи по развитію грамотности, все еще остается масса дѣтей школьнаго возраста, для которыхъ пока закрыты двери школы. Изъ общаго числа 40.323 дѣтей школьнаго возраста въ отчетномъ году посѣщали школу 21.584 душъ. Обсуждая вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, управа говоритъ, что для этой цѣли необходимо открыть еще 340 начальныхъ школъ, гдѣ могли бы обучаться тѣ 19.000 дѣтей, которые нынѣ остаются за порогомъ школы.

Экономическія мѣропріятія земствъ. Вятское земство одно изъ первыхъ пришло народу на помощь въ его экономическихъ нуждахъ. Небезынтересныя данныя сообщаетъ «Сынъ Отечества» о дѣятельности вятскаго кустарнаго склада и о помощи кустарямъ при обработкѣ древесныхъ продуктовъ.

Изъ прочитаннаго на послѣднемъ губернскомъ земскомъ собраніи доклада управы видно, что вятскій кустарный складъ занялъ послѣ семилѣтняго существованія одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду подобныхъ учреждений въ Россіи. Обороты склада за истекшій годъ достигли—302.322 р., причеъ по покупкѣ издѣлій и матеріаловъ—146.527 р., а по продажѣ—155.795 р., и превзошли обороты московскаго кустарнаго музея, одного изъ самыхъ старѣйшихъ и самыхъ большихъ учреждений этого рода. Какъ и въ прежніе годы, продажа матеріаловъ и издѣлій кустарей производилась, главнымъ образомъ, въ вятскомъ складѣ (109.513 р. или 73 проц. общаго количества продажи); затѣмъ на ярмаркахъ: ирбитской, казанской, рыбинской и нижегородской (24.143 р., или 16 проц.); семь уѣздныхъ отдѣленій склада занимаютъ третье мѣсто по продажѣ (12.903 р., или 9 проц.), а послѣднее мѣсто принадлежитъ иногороднымъ комиссіонерамъ склада въ Петербургѣ, Москвѣ, Рязани, Симбирскѣ и Нижнемъ (3.143 р., или 2 проц.). По сравненію съ прошлымъ годомъ, продажа въ вятскомъ складѣ увеличилась на 43.150 руб., благодаря начатой въ минувшемъ году торговлѣ желѣзомъ, достигшей нынѣ 25.450 р., а также благодаря исполненію иногородныхъ заказовъ (мебель изъ Сибири и на Пермь-Котласскую ж. д.). Зато 4 ярмарочныя отдѣленія оперировали тише, что объясняется неурожаемъ хлѣбовъ и травъ въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ. Чистая прибыль склада равняется 3.539 р., или 4,4 проц. на оборотный капиталъ склада (80 т. р). Слѣдствіемъ расходовъ по содержанію склада на 1900 г. нечислена въ 10.180 руб.—на 8 т. р. меньше расходовъ по Московскому кустарному музею, хотя послѣдній совершилъ въ 1898 г. на 31 т. р. меньшій оборотъ. При кустарномъ складѣ имѣется музей и складъ пчеловодныхъ принадлежностей, продавшій за годъ на 6.090 р. и давшій прибыль въ 2 т. руб. На московской пчеловодной выставкѣ вятское губернское земство за мѣропріятія по улучшенію пчеловодства награждено отъ министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія большой золотой медалью. Выѣстъ съ отчетомъ о состояніи склада на очередное собраніе внесено предложеніе возбуждать ходатайство о томъ, чтобы, при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ, деревянные издѣлія таксировались не какъ мебель и столярныя издѣлія, а по болѣе низкому тарифу «крестьянскихъ издѣлій», въ виду соображеній, что вывозъ кустарныхъ издѣлій за предѣлы Вятской губ. способствуетъ развитію производства и поддержанію на извѣстной высотѣ заработной платы.

На одномъ изъ засѣданій собранія (14 января) обсуждался очень интересный докладъ управы о заводѣ сухой перегонки дерева въ Пицальской глѣной дачѣ Орловскаго уѣзда. Заводъ этотъ устроенъ въ 1897 г., съ цѣлью поднятія экономики и улучшенія техники смолокуреннаго промысла. Въ истекшемъ году заводъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды. Онъ переработалъ 11.628 пудовъ сырого скипидара, доставленнаго кустарями, и 2.158 пудовъ съ смолокуренныхъ заводовъ гг. Пастуховыхъ, Глазовскаго уѣзда, а всего саяшкомъ вдвое больше противъ перваго года. Число кустарей, доставляющихъ заводу красный (сырой) скипидаръ, больше чѣмъ удвоился (въ 1898 г.—съ 42 котловъ, а въ 1900—съ 97). Кромѣ того, вслѣдствіе невыгодности возить издалека скипидаръ на земскій заводъ, крестьяне стали устраивать маленькіе очистительные заводики, сдавшие земскому заводу 2.213 пуд. полуочищеннаго скипидара, такъ что выпущеннаго земскимъ заводомъ количество скипидара увеличилось съ 3.100 пуд. до 5.930 пуд. Кромѣ скипидара, на заводѣ добыто 965 пуд. густой котельной смолы, 855 кулей угля и 6 пуд. эфирныхъ хвой-

ныхъ маслѣ. Всего выработано и продано продуктовъ на 9.682 р. и получено прибыли 186 руб. Населеніе, благодаря складу, получило заработокъ въ 1898 г.—5.500 руб., а въ 1899 г.—9.100 руб. Заводъ оказываетъ на населеніе и техническое вліяніе; такъ, на немъ въ текущемъ году живутъ 4 практиканта изъ уѣздовъ; еженедѣльно являются изъ деревень смолокуры то за справкой, то за совѣтомъ, разспрашиваютъ и разсматриваютъ все съ большимъ интересомъ. Почти каждый смолокуръ-крестьянинъ, передъ постановкой у себя аппарата, внимательно осматриваетъ его на земскомъ заводѣ. На заводѣ имѣется лабораторійка, прекрасное помѣщеніе для практикантовъ, очень большое поле для наблюдений, такъ что заводъ уже и въ настоящее время представляетъ практическую школу для изученія утилизаціи дерева. Содержаніе завода и опыты по сухой перегонкѣ дерева обошлись земству въ 13.457 руб., каковую сумму управа проситъ собраніе ассигновать и на 1900 годъ, при одновременномъ зачисленіи въ смѣту доходовъ ожидаемую отъ продажи продуктовъ выручку въ размѣрѣ 13 тыс. руб.

Остававшаяся на этихъ данныхъ, нельзя не отмѣтить, конечно, добрыхъ намѣреній земства поддержать, по возможности, кустарное производство. Но ничтожность результатовъ этой помощи указываетъ до нѣкоторой степени и на ее безсиліе бороться съ тѣми условіями, при которыхъ приходится теперь жить кустарю. Громадный контингентъ послѣднихъ, безъ сомнѣнія, не пользуется ею, находясь всецѣло во власти скупщиковъ, для борьбы съ которыми у земства не нашлось бы ни средствъ, ни людей. Помощь земства не задерживаетъ капитализацію кустарнаго промысла, но облегчаетъ самый процессъ ея и потому уже полезна.

Сельскіе банки. Въ очень интересной корреспонденціи изъ Ставропольской губерніи «Сѣв. Курьеръ» отмѣчаетъ все большее вовлеченіе чисто земледѣльческихъ округовъ въ круговоротъ міроваго хозяйства. Рѣчь идетъ о крестьянскихъ сельскихъ банкахъ, открытых по разнымъ селеніямъ губерніи сельскими обществами. Что это явленіе не случайное, а вызванное условіями жизни, за это говоритъ и время ихъ возникновенія, и быстрый ростъ ихъ числа за послѣдніе годы. Банки удовлетворяютъ назрѣвшей потребности въ кредитѣ, явившейся при переходѣ къ денежному хозяйству. Деньги въ рукахъ рядоваго крестьянства появляются только осенью, съ реализаціей урожая, а между тѣмъ въ обиходѣ крестьянской жизни онѣ требуются во всякое время. Сельскіе банки и явились навстрѣчу потребности въ деньгахъ. Какъ увидимъ дальше, благами дешеваго кредита не воспользовалась бѣднѣйшая часть крестьянства; банки выдаютъ ссуды только «надежнымъ» хозяевамъ; наибольшія же выгоды достаются на долю «богатѣевъ», которымъ особенно нуженъ кредитъ при ихъ обширныхъ торговыхъ операціяхъ по «хлѣбной», «сѣнной» и др. частямъ. Въ 1891 году во всей губерніи было всего 3 сельскихъ банка, а въ 1898 году дѣйствовало уже 27 сельскихъ банковъ.

Функции сельскихъ банковъ довольно несложны; онѣ заключаются въ приемѣ вкладовъ и выдачѣ ссудъ. Прибыль должна быть присоединяема къ основному капиталу; правда, она можетъ быть потрачена на удовлетвореніе какихъ-либо общественныхъ нуждъ, но не иначе, какъ съ согласія большинства ²/₃ лицъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ.

Ростъ операцій сельскихъ банковъ выражается въ слѣдующихъ числахъ: въ 1891 году тремя банками было принято вкладовъ на 9.990 р. 83 к.; въ 1898 году 27 банками было принято вкладовъ на 187.901 р. 80 к.; но такъ какъ пріливъ вкладовъ значительно превышалъ ихъ отливъ, то общая сумма оставшихся за банками вкладовъ прогрессивно возрастала; къ 1 янв. 1895 года

она равнялась 82.720 р. 70 к., а къ 1 янв. 1899 года она достигла 353.064 р. 29 к., т.-е. поднялась болѣе чѣмъ вчетверо. Эти цифры служатъ нѣкоторой иллюстраціей прогресса накопленія, который идетъ всегда параллельно съ развитіемъ денежнаго хозяйства. Перехода къ ссудной операціи, мы замѣчаемъ столь же сильный ростъ; тогда какъ въ 1891 году тремя банками было выдано въ ссуду 42.889 р. 86 к., въ 1898 г. 27-ю банками уже 527.279 р. 82 к.

Всѣ приведенныя данныя отражаютъ на себѣ вліяніе умноженія числа банковъ; поэтому, давая общую картину кредитныхъ операцій сельскихъ банковъ, эти данныя не могутъ дать намъ правильнаго представленія о ростѣ операцій даннаго числа банковъ. Для этого необходимо, чтобы число банковъ оставалось неизмѣннымъ: мы возьмемъ 8 банковъ—константиновскій, терновскій, горькобалковскій, среднягорыцкій, прасковейскій, архангельскій, новозаведенскій и чернолѣсскій; всѣ они безъ перерывовъ функционировали послѣдніе четыре отчетныхъ года.

Эти 8 банковъ приняли вкладовъ въ 1895 г. на сумму 43.885 р. 32 к., въ 1896 г.—58.058 р. 94 к., въ 1897 г.—50.460 р. 91 к. и въ 1898 г.—98.674 р. 22 к. Пониженіе, замѣчаемое для 1897 года, объясняется полнымъ неурожаемъ, постигшимъ въ этотъ году нашу губернію. Зато въ слѣдующемъ году цифра вкладовъ повышается сразу вдвое. Суммы вкладовъ, оставшихся за банками, выражаются въ слѣдующихъ числахъ: къ 1 января 1896 г.—101.800 р. 13 к., къ 1 янв. 1897 г.—142.892 р. 19 к., къ 1 янв. 1898 г.—179.533 р. 47 к. и къ 1 янв. 1899 г.—230.760 р. 41 к. Ростъ накопленія вкладовъ шелъ быстрымъ темпомъ. Развивалась также и ссудная операція.

Приведенныя цифры показываютъ, что сельскіе банки у насъ уже пустили прочныя корни; насколько успѣшно они функционируютъ, показываютъ, между прочимъ, получаемыя ими прибыли, сумма коихъ достигла въ 1897 г. 21.782 р. 84 к., или 22 проц. на основной капиталъ. Надо замѣтить, что основные капиталы банковъ довольно мизерны, такъ что орудуятъ они, главнымъ образомъ, чужими деньгами.

Быстрое увеличеніе числа банковъ и приносимыя ими прибыли показываютъ, что возникновеніе сельскихъ банковъ вызывалось назрѣвшею подъ вліяніемъ перехода къ денежному хозяйству потребностью въ дешевомъ и доступномъ кредитѣ. Является вопросъ, какіе слои населенія извлекли пользу изъ учрежденія банковъ. Выиграли, конечно, «благонадежныя» плательщики, т.-е. состоятельная часть крестьянства, потому что только «благонадежныя» могли пользоваться ссудами и вносить въ банки свои сбереженія въ видѣ вкладовъ. Не воспользовалась банками бѣднота, т.-е. классъ населенія, наиболѣе нуждающійся въ дешевомъ кредитѣ. Главнымъ образомъ кадры этого класса составляютъ такъ называемыя «иногородніе»; въ громадномъ большинствѣ это или батраки, или полунищіе арендаторы. «Иногородніе» не могутъ пользоваться ссудами изъ банковъ по уставу послѣднихъ. Основанные на общественныя средства банки могутъ выдавать ссуды только кореннымъ жителямъ, приписаннымъ къ обществу. Но и среди кореннаго населенія уже выдѣлился значительный контингентъ опустившихся хозяевъ; они лишены возможности пользоваться кредитомъ изъ банковъ за своей хозяйственной «неблагонадежностью». Въ громадномъ большинствѣ случаевъ они не могутъ представить за себя поручителей и банкъ имъ отказываетъ.

Заработная плата въ фабрично-заводской промышленности. Пользуясь «Сводомъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1897 г.», «Кіевлянинъ» даетъ таблицу валовой суммы заработковъ рабочихъ въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности.

	Число рабочих въ тысячахъ.	Получено вознагражд. въ мил. руб.
Обработка волокнистыхъ веществъ	544,7	94,5
Металлическія издѣлія	214,3	60,2
Керамическія производства	143,3	23,9
Питательные продукты	85,9	14,7
Обработка дерева	75	14,3
Обработка животныхъ продуктовъ	63	10,9
Писчебумажное производство	46	5,7
Химическое производство	20,7	4,5
Разныя производства	66,2	13
Итого	1.259,4	241,8

Въ поясненіе этой таблицы газета указываетъ, что приведенныя данныя не обнимаютъ всѣхъ рабочихъ и не обнимаютъ всѣхъ отраслей промышленности, а именно: не вмѣстѣ свѣдѣній о горной промышленности и о производствахъ, обложенныхъ акцизомъ. Такъ какъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, средняя цифра заработковъ одного рабочаго опредѣляется въ размѣрѣ около 200 р., то при двухъ милліонахъ фабрично-заводскихъ рабочихъ общая сумма заработковъ, доставляемыхъ фабрично-заводской промышленностью, можетъ быть исчислена примѣрно около 400 мил. рублей. Изъ приведенной таблицы можно также сдѣлать выводъ, что средній заработокъ рабочаго въ разныхъ отрасляхъ промышленности оказывается далеко неодинаковымъ. Высшую заработную плату получаютъ рабочіе въ производствахъ по изготовленію металлическихъ издѣлій, а именно, въ среднемъ выводѣ на рабочаго причитается 281 рубль въ годъ; за ними слѣдуютъ рабочіе въ химическихъ производствахъ, получающіе 220 р.; къ средней нормѣ болѣе всего подходятъ рабочіе по обработкѣ дерева, зарабатывающіе 191 руб. Рабочіе въ производствахъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ питательныхъ и животныхъ продуктовъ зарабатываютъ 171—173 р. въ годъ. Гораздо ниже заработокъ въ керамическихъ производствахъ—167 р., а послѣднее мѣсто занимаютъ рабочіе въ писчебумажномъ производствѣ—124 р. въ годъ. Эта очень крупная разница обусловливается, съ одной стороны, большимъ или меньшимъ участіемъ въ производствѣ простого труда чернорабочихъ, а съ другой стороны усиленнымъ спросомъ на нѣкоторые виды труда и болѣе высокими техническими требованіями. Нельзя не отмѣтить, что производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ, требующія значительнаго искусства и ловкости, но давно подготовившія себѣ большой контингентъ рабочихъ, оплачиваютъ нынѣ трудъ гораздо ниже, нежели производства металлическихъ. Промышленная статистика подтверждаетъ наблюденіе, что въ настоящее время въ Россіи наилучше оплачиваемыми для массы рабочихъ промыслами являются промыслы по обработкѣ металловъ (кузнецы, слесаря, литейщики, машинисты и пр.) и по обработкѣ дерева (плотнично-столярное ремесло); а такъ какъ этимъ промысламъ предстоитъ еще весьма широкое развитіе, и цѣнность труда здѣсь въ высокой степени зависитъ отъ технического искусства, то на подготовку къ этимъ промысламъ должны быть по преимуществу направлены заботы низшихъ профессиональныхъ школъ.

По средней годичной производительности первое мѣсто занимаютъ фабрики по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (213 тыс. руб. на одно предпріятіе), далѣе слѣдуютъ предпріятія по обработкѣ металловъ (129 тыс. руб.), горная промышленность (115 тыс. руб.), писче-бумажныя производства (86 тыс. руб.), химическія (77 тыс. руб.), питательныхъ продуктовъ (39 тыс. руб.), животныхъ и керамическія (24 тыс. руб.). По средней производительности одного рабочаго порядкомъ имѣняется: первое мѣсто занимаетъ обработка питательныхъ продуктовъ (2,5 тыс. руб. на одного рабочаго) далѣе слѣдуютъ: обработка животныхъ продуктовъ (2,1 тыс. руб.), химическія производства (1,7 тыс. руб.), обра-

ботка волокнистыхъ веществъ (1,5 тыс. руб.), металлическія издѣлія (1,4 тыс. руб.), обработка дерева (1,2 тыс. руб.), горная промышленность (700 руб.), керамическія производства (600 руб.).

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ съ размѣрами заработной платы видно, что не существуетъ опредѣленнаго соответствія между высотой заработной платы и величиною предпріятій или суммою производительности на одного рабочаго.

Дѣло о беспорядкахъ рабочихъ на заводахъ брянскаго Общества. 24-го января, какъ сообщаетъ «Приднѣпровскій Край», въ Екатеринославѣ въ выѣздной сессіи харьковской судебной палаты при открытыхъ дверяхъ слушалось дѣло о беспорядкахъ на Александровскомъ заводѣ брянскаго Общества. Всѣхъ подсудимыхъ 73 человекъ. Содержаніе обвинительнаго акта сводится къ слѣдующему.

Еще задолго до беспорядковъ, происшедшихъ между рабочими въ гор. Екатеринославѣ, на Брянскомъ (Александровскомъ) заводѣ, вечеромъ 29-го мая и въ ночь на 30-е мая 1898 года, рабочіе высказывали постоянно свое неудовольствіе на администрацію завода, что она нанимаетъ сторожами черкесовъ, а между тѣмъ русскіе рабочіе голодаютъ,—и между рабочими и черкесами бывали неоднократно столкновенія, оканчивавшіяся драками. Кромѣ того, заводскіе рабочіе нѣсколько разъ являлись къ директору завода толпами и требовали уменьшенія рабочихъ часовъ и прибавки заработной платы,—и на этой почвѣ рабочіе тоже имѣли столкновеніе съ администраціею завода.

Въ такомъ состояніи находились рабочіе Брянскаго завода до 29-го мая 1898 года, когда, послѣ шести часовъ вечера, при возвращеніи рабочихъ съ завода, одинъ изъ нихъ, Никита Кутилинъ, идя около забора, окружающаго Брянскій заводъ, оторвалъ доску и хотѣлъ ее унести; это замѣтилъ сторожъ завода осетинъ Алексѣй Парсievъ, который съ товарищемъ своимъ осетиномъ Кусовымъ погнался за Кутилинымъ, догналъ его и отнялъ доску, причѣмъ у нихъ завязалась ссора, во время которой Парсievъ кинжаломъ нанесъ Кутилину ударъ въ грудь, отчего Кутилинъ тотчасъ же умеръ. Этого событія было достаточно, чтобы собралась громадная толпа недовольныхъ рабочихъ, которая, будучи воодушевляема нѣсколькими вожаками, пошла съ криками на Брянскій заводъ, начала жечь по дорогѣ сторожевыя будки, ломать и жечь заборъ, окружающій Брянскій заводъ, подожгла заводскіе матеріальныя магазины, лабораторію и главную контору, изъ которой похитила деньги въ количествѣ около 5.000 рублей звонкой монетой; деньги эти находились въ желѣзной касѣ; злоумышленники вытащили кассу изъ конторы, разбили ее и деньги забрали; въ той же конторѣ находилась и главная заводская касса въ большомъ желѣзномъ шкафу; шкафъ этотъ злоумышленники сдвинули съ мѣста, пытались его разбить, такъ какъ на лицевой сторонѣ и правой токовой имѣются вдавленія и слѣды ударовъ желѣзнымъ орудіемъ; въ касѣ этой, по словамъ заводской администраціи, хранились до 50.000 р.; такъ какъ работы во время нападенія на заводъ были пріостановлены, то рабочіе оказали сопротивленіе нападавшей толпѣ, благодаря чему большая касса и осталась не разбитой. Послѣ этого толпа отправилась къ лавкѣ Общества потребителей завода, подожгла ее и разграбила какъ весь находившійся тамъ товаръ, такъ и частное имущество служащихъ при лавкѣ и жившихъ въ томъ же домѣ, гдѣ помѣщается и лавка; покончивъ съ лавкой, толпа направилась въ поселокъ Новые-Кайдаки, гдѣ разбила и разграбила казенную лавку № 1, еврейскіе дома и лавки, въ количествѣ двадцати, а также и еврейскій молитвенный домъ. Убытка отъ этихъ беспорядковъ жителями села Новыхъ-Кайдакъ понесено до 22.000 руб., а Брянскимъ (Александровскимъ) заводомъ—до 150.000 рублей.

При самомъ началѣ безпорядковъ прибыли на мѣсто екатеринославскій полицеймейстеръ Свицерскій, приставъ 2-й части Бозьминъ и помощникъ пристава Папковъ; всё они уговаривали толпу разойтись и прекратить безпорядки, но толпа ихъ не слушала, и, побуждаемая крестьянами Дмитриемъ Вуйдою и Пантелѣемъ Дѣтенковымъ, которые кричали: «не слушайте ихъ, идемъ все бить и жечь!», продолжала идти далѣе, и въ то же время въ чиновъ полиціи посыпался изъ толпы градъ камней, и однимъ изъ нихъ полицеймейстеръ Свицерскій былъ раненъ въ голову, почти лишился сознанія и былъ увезенъ домой. Въ виду все увеличивающихся безпорядковъ, былъ собранъ на мѣсто весь штатъ екатеринославской полиціи и вызваны два баталіона мѣстныхъ войскъ, до прихода которыхъ толпа стала расходиться, унося съ собою награбленное имущество. Въ с. Новыхъ-Кайдакахъ, кромѣ того, толпа, разбивая квартиру мѣщанина Бисина, уничтожила телеграфный аппаратъ № 33-й, громоотводъ, индуктивный звонокъ съ коммутаторомъ и два элемента Лекланше, чѣмъ причинила почтово-телеграфному вѣдомству убытковъ на 45 руб. 66 коп., а разгромомъ казенной винной лавки № 1-й акцизному вѣдомству причинивъ убытокъ на сумму 1.086 руб. 39¹/₂ коп. Безпорядки окончились въ 3-мъ часу утра 30-го мая, причѣмъ злоумышленниками на мѣстѣ преступленія были оставлены молотки, ломы и другія желѣзныя орудія.

Изъ свидѣтелей первымъ допрашивается, какъ видно изъ отчета «Придѣлпровскаго Брда», горный инженеръ М. А. Кохъ, состоящій на службѣ въ Брянскомъ заводѣ. По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ между рабочими и администраціей завода свидѣтель показалъ, что отношенія эти начали обостряться за послѣдніе 2—3 года, въ особенности же начиная съ января 1898 г., когда рабочіе 3-хъ цѣховъ, работавшіе съ 7-ми часовъ утра до 7-ми часовъ вечера, стали заявлять требованіе объ окончаніи работъ въ шесть часовъ вечера, по примѣру остальныхъ цѣховъ, работавшихъ съ 6—7-ми часовъ утра до 6—7-ми часовъ вечера. Послѣ безпорядковъ число рабочихъ часовъ было уменьшено, а дневная плата была увеличена, но сдѣлано это было заднимъ числомъ, для два раньше безпорядковъ. Кромѣ требованія о рабочихъ часахъ, рабочими предъявлялось также требованіе объ освобожденіи ихъ отъ работъ въ теченіе четырехъ дней въ мѣсяцъ,—требованіе, согласное съ временными правилами 2-го мая 1897 г. Эти правила вступили въ силу съ 1-го января 1898 г., но на Брянскомъ заводѣ они не примѣнялись. Кромѣ пунктовъ о заработной платѣ, продолжительности рабочаго дня и количествѣ дней, предназначенныхъ для отдыха, рабочіе нерѣдко выражали неудовольствіе по поводу присутствія на заводѣ въ качествѣ рабочихъ иностранцевъ, занимавшихъ хорошія мѣста и получавшихъ болѣе высокую плату. По мнѣнію свидѣтеля, большой надобности въ иностранцахъ на заводѣ не было. Ихъ обязанности могли бы выполняться и русскими не менѣе удовлетворительно, такъ какъ наши техническія училища даютъ вполне достаточную для того подготовку. Далѣе, по словамъ свидѣтеля, за послѣдніе годы рабочіе сдѣлались особенно чуткими къ «нелюбезному или презрительному» обращенію съ ними со стороны администраціи завода. При этомъ свидѣтель рассказываетъ, что, получивъ года три назадъ въ завѣдываніе два цѣха, онъ напелъ «положеніе вещей ужаснымъ»: рабочіе были сильно распулены, своевольны. Онъ завелъ желѣзную дисциплину. Рабочіе угрожали убить его, но онъ продолжалъ бороться съ прежними порядками, и вотъ въ теченіе двухъ лѣтъ положеніе измѣнилось къ лучшему. Впрочемъ, одною изъ причинъ этого, по мнѣнію свидѣтеля, послужило увеличеніе заработка рабочихъ въ два и три раза. На вопросъ защитника Муравьева, что свидѣтель разуметь подъ желѣзной дисциплиной, послѣдній отвѣтилъ: «чтобы и дышать нельзя было свободно». По показанію того же свидѣтеля, была еще причина для недовольства среди рабочихъ—несчастные случаи во время работъ на заводѣ. За послѣдніа 15 лѣтъ

число несчастных случаев, имѣвших мѣсто въ заводѣ, было не менѣе 10.000. Но вознаграждались далеко не все пострадавшіе. Послѣ беспорядковъ было введено коллективное страхованіе рабочихъ въ одномъ изъ страховыхъ Обществъ.

На второй день, 25-го января, какъ передаетъ «Южный Край», продолжался допросъ свидѣтеля Коха. Въ виду его показаній, смягченныхъ сравнительно съ показаніями на предварительномъ слѣдствіи, представители защиты вновь обратились къ нему за разъясненіемъ разныхъ сторонъ жизни на заводѣ и отношеній администраціи къ рабочимъ. Между прочимъ, свидѣтель объяснилъ, что подневная плата рабочимъ колеблется отъ 40 до 70 к., а заводъ имѣетъ 2—3 милл. руб. валоваго дохода и 800 тыс. руб. чистаго. Дѣль относительно увѣчья рабочихъ возникало потому мало, что, на основаніи закона и по требованію довѣреннаго завода, все означенныя дѣла переносились по мѣсту пребыванія правленія Общества, т.-е. въ Петербургъ, куда рабочіе не ѣздили. Относительно жалобъ и заявленій о неудовольствіяхъ со стороны рабочихъ, свидѣтель объяснилъ, что съ измѣненіемъ порядка поступленія жалобъ непосредственно къ дирекціи, а не къ завѣдывающимъ цѣхами, стало больше неудовольствій со стороны рабочихъ на неразмѣрныя жалобы. Кромѣ того, все коллективныя просьбы со стороны рабочихъ оставались администраціей безъ разсмотрѣнія, и администрація прибѣгала даже послѣ такихъ просьбъ къ наказанію рабочихъ лишеніемъ кредита до мѣсяца. Число черкесовъ на заводѣ было до 80-ти и все они были вооружены кинжалами, несмотря на существованіе закона о воспрещеніи носить оружіе. На вопросъ, отъ кого же собственно оберегали черкесы заводъ, свидѣтель затруднился отвѣтомъ.

Второй свидѣтель Вноровскій, горный инженеръ, помощникъ директора завода, къ подробностямъ, изложеннымъ въ обвинительномъ актѣ, прибавляетъ нѣкоторыя свои и директора распоряженія по заводу объ уговариваніи рабочихъ не дѣлать беспорядковъ, а также о своей поѣздкѣ для переговоровъ съ начальникомъ губерніи. На многіе вопросы со стороны защиты г. Вноровскій отвѣчаетъ неопредѣленно. Послѣ этого прочтывается показаніе отсутствующаго свидѣтеля Горяинова, горнаго инженера и директора завода, показанія котораго сводятся къ тому, что на заводѣ все обстояло благополучно. Такой же характеръ носили и показанія слѣдующаго свидѣтеля Пробнаго, горнаго инженера. Почти на все вопросы онъ отвѣчалъ: «не знаю, не помню, вопроса не понимаю». Когда же, по требованію защиты, было прочтано показаніе его на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ заявилъ, что въ началѣ января 1898 г. три цѣха заявили неудовольствіе на одинъ рабочій часъ и требованіе работы не до 7 час. вечера, а до 6-ти, а также на четыре дня праздниковъ, то со стороны администраціи эти справедливыя неудовольствія не были удовлетворены, и вслѣдъ за этимъ появились прокламаціи. Послѣ этого былъ изданъ заводомъ циркуляръ, помѣченный заднимъ числомъ, удовлетворяющій требованія рабочихъ. Тогда появились новыя прокламаціи съ требованіями трехсмѣнной работы, выражались неудовольствія на черкесовъ и на иностранцевъ, получающихъ въ 4 раза больше русскихъ, на мастеровъ, берущихъ взятки за доходныя мѣста, и на евреевъ, эксплуатирующихъ рабочихъ. Все эти данныя предварительнаго слѣдствія г. Пробный подтвердилъ.

Одинъ изъ защитниковъ, г. Муравьевъ, между прочимъ, отмѣтилъ, что законъ 1897 г. не былъ введенъ своевременно, и администрація вынуждала коллективныя жалобы. Увѣчья вознаграждались въ значительно меньшей суммѣ, чѣмъ та, какую удовлетворилъ бы судъ; но дѣла не возбуждались, а если и возбуждались, то скоро же и прекращались, такъ какъ правленіе Общества находилось въ Петербургѣ. Увѣчныхъ было за годъ до 40%, или 2.830 на 7.000 рабочихъ, изъ которыхъ 15% дѣлались калѣками. Страховое Общество выплачивало 23 тыс. руб., такъ что на каждаго приходится по 22 руб.

Резолюція, вынесенная судебной палатой 31-го января, гласить, по сообщенію «Придѣлпроваго Брая»: «семь человекъ присуждены къ лишенію всѣхъ личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты на 2 года; 12 человекъ—на 1 годъ 6 мѣсяцевъ, съ такимъ же лишеніемъ правъ; 1—на 1 годъ 6 мѣсяцевъ къ тюремному заключенію (подсудимая); 3—на 1 годъ къ тюремному заключенію и 1—на 8 мѣсяцевъ. Остальные подсудимые оправданы. Иски: акціоннаго вѣдомства въ суммѣ 1.086 руб. 39¹/₂ к., 2) почтовѣ телеграфнаго вѣдомства въ суммѣ 45 р. 60 к. и 3) Общества взаимнаго страхованія въ суммѣ 9,700 р.—удовлетворить. Искъ Брянскаго завода оставить безъ разсмотрѣнія въ виду отказа истца отъ предъявленныхъ имъ требованій. Иски 22-хъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ безпорядковъ, по недоказанности оставить безъ удовлетворенія».

Другое дѣло о безпорядкахъ на Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ того же брянскаго Общества слушалось 17-го января въ залѣ орловскаго окружнаго суда, уголовнымъ департаментомъ харьковской судебной палаты. Обстоятельства дѣла по обвинительному акту, какъ видно изъ отчета «Орловскаго Вѣстника», представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Въ ночь на 13-е іюня 1898 года на Брянскомъ рельсопрокатномъ заводѣ толпою рабочихъ означеннаго завода произведены были безпорядки, выразившіеся въ истребленіи огнемъ нѣсколькихъ конторскихъ магазиновъ, завокъ и другихъ зданій, винной лавки и виннаго склада купца Аврамова, магазина купца Забалуева, гостиницы и двухъ пивныхъ Мурзана, а также въ уничтоженіи и расхищеніи движимаго имущества, принадлежащаго какъ заводу, такъ и вышеназваннымъ лицамъ. Причиной, вызвавшей означенные безпорядки, какъ выяснилось при слѣдствіи, послужили слѣдующія обстоятельства: рабочіе были недовольны на администрацію завода, и недовольство это возникло на почвѣ чисто-экономическихъ отношеній, въ общемъ касалось дороговизны квартирной платы въ казармахъ и платы за право пасти скотъ рабочихъ на землѣ завода, взиманія платы за лѣченіе въ заводской больницѣ кого-либо изъ семи рабочихъ, выдачи заводомъ такъ называемыхъ харчевыхъ записокъ, а также пониженія въ нѣкоторыхъ случаяхъ расцѣнокъ въ мастерскихъ. Съ апрѣля мѣсяца между рабочими стали циркулировать неясные слухи о томъ, что на заводѣ имѣютъ быть безпорядки къ 20-му іюля, ко дню празднованія заводомъ 25-тилѣтія его существованія. Одновременно съ этимъ въ мѣстной газетѣ «Орловскій Вѣстникъ» появился рядъ статей, которыя читались рабочими нарахватъ, обсуждавшихъ неудовлетворительное экономическое положеніе рабочаго на Брянскомъ заводѣ. 30-го мая 1898 г. по заводу были разбросаны прокламаціи; въ однихъ изъ нихъ, обращенныхъ прямо къ брянскимъ рабочимъ, указывалось на необходимость проснуться и стать на защиту своихъ правъ. Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ распространившимися слухами о бывшихъ безпорядкахъ на заводѣ того же акціонернаго Общества въ Екатеринославской губерніи, сильно волновало умы рабочихъ, и, видимо, достаточно было незначительнаго толчка для того, чтобы это возбужденное состояніе прѣявилось въ формѣ безпорядковъ. Такимъ толчкомъ и было неосторожное убійство сторожемъ завода Реутомъ мальчика Кулькова, имѣвшее мѣсто вечеромъ 12-го іюня и вызвавшее сопротивленіе толпы распоряженіямъ пристава 1-го стана Брянскаго уѣзда, а затѣмъ—дальнѣйшіе безпорядки. Вышеозначеннаго числа сторожъ завода Реутъ, полякъ по происхожденію, показывая собравшимся около него ребятишкамъ, какъ нужно стрѣлять изъ револьвера, произвелъ нечаянный выстрѣлъ и убилъ пятилѣтняго мальчика Кулькова. Все это произошло на старомъ базарѣ часовъ въ 7 вечера, послѣ дневной сѣбны, когда на улицахъ завода было много мастеровыхъ и чернорабочихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были въ нетрезвомъ видѣ по случаю бывшаго тогда праздника «де-

сѣтой пятницы». Убитый мальчикъ былъ перенесенъ въ казарму, гдѣ проживали его мать и родные, и около казармы начала собираться толпа. Вскорѣ на мѣсто происшествія прибыли помощникъ пристава Выходцевъ, и тутъ изъ толпы стали раздаваться крики: «какихъ это сторожей держитъ контора, что начали стрѣлять нашихъ дѣтей!» Выходцевъ, желая разсѣять собравшуюся толпу, а также въ виду равнѣ заведеннаго порядка, предложилъ Бульковой отправить тѣло убитаго мальчика въ больницу, на что какъ послѣдняя, такъ и ея родные не согласились. Въ это время въ казарму пріѣхалъ становой приставъ Квитницкій и повторилъ требованіе Выходцева. Узнавъ о такомъ распоряженіи пристава, толпа заволновалась, вслѣдствіе чего приставъ вышелъ на крыльцо и пробовалъ уговорить собравшихся разойтись, но они не расходились и стали кричать: «не давать ребенка нести въ больницу!» Видя возбужденное настроеніе толпы, приставъ приказалъ дозорному Аксенову вызвать сторожей и объѣзчиковъ для того, чтобы при помощи ихъ заставить толпу разойтись. Это послѣднее распоряженіе пристава, видимо, слышали нѣкоторые изъ собравшихся около казармы, и поэтому, когда приставъ вторично вышелъ и сталъ уговаривать толпу разойтись, поднялся сильный свистъ, такъ что приставъ принужденъ былъ удалиться въ казарму. Въ это время въ такъ называемыхъ «пьяныхъ воротахъ» показались объѣзчики и сторожа, увидѣвъ которыхъ толпа, будучи, по словамъ Выходцева, сильно возбуждена, кинулась съ крикомъ «ура!» на объѣзчиковъ, стала кидать въ нихъ камнями и такимъ образомъ разогнала ихъ. Вернувшись къ казармѣ, толпа стала кричать: «братцы, приставъ ушелъ—догоняй его!» «Ребята, давайте бить пристава и всѣхъ, кто стоитъ за подьяков!» Немного ранѣ этого пристава, считая себя въ опасности и будучи предувѣдомленъ мастеровымъ Василиемъ Старостинымъ, что его хотѣтъ бить, успѣлъ уйти въ другую, недалеко расположенную казарму, гдѣ, по совѣту крестьянина Шакурина, спрятался на печкѣ; толпа же, узнавъ, что приставъ скрылся, бросилась его преслѣдовать, направившись «къ пьянымъ воротамъ», причемъ нѣкоторые изъ толпы побѣждали къ той казармѣ, гдѣ жилъ Акимъ Шакуринъ, и стали кричать: «бей казарму! Говорите, гдѣ становой приставъ». Бывшимъ около казармы женщинамъ удалось убѣдить толпу, что здѣсь нѣтъ пристава и что онъ побѣжалъ дальше, послѣ чего толпа двинулась къ становой квартирѣ; по дорогѣ попала въ винная лавка купца Авраамова, которая была немедленно разбита; народъ сталъ пить вино и захватилъ съ собою бутылки съ водкой. Затѣмъ, толпа подошла къ квартирѣ станового пристава, перебила окна, вывернула горѣвшій около квартиры фонарь, причемъ послѣдній упалъ на оконную раму въ домъ, которая загорѣлась, но скорѣ огонь былъ потушенъ. Не нашедши пристава Квитницкаго, толпа повернула обратно и бросилась истреблять имущество, принадлежащее заводу и заводскимъ арендаторамъ. Войдя во дворъ завода черезъ вторыя проходныя ворота и по дорогѣ перебивъ фонари и стекла въ окнахъ мастерскихъ, толпа, выйдя изъ завода черезъ первыя проходныя ворота, подожгла деревянную будку для дозорныхъ, примыкающую къ тѣмъ воротамъ, и направилась на площадь, гдѣ находились магазины — конторскій и купца Забалуева. Отъ деревянной будки загорѣлись контора строительнаго цеха, проходныя ворота, вторая деревянная будка, механическая мастерская и домъ для служащихъ, — и все это было истреблено огнемъ. На площади были послѣдовательно разбиты, разграблены и затѣмъ сожжены: мучныя и мясныя лавки, конторскій магазинъ, магазинъ Забалуева и гостиница Мурзина. Отсюда толпа направилась на новый базаръ, тамъ сожгла деревянныя лавки, въ которыхъ торговля производилась только въ базарные дни, и разбила, разграбила и сожгла винный складъ и винную лавку Авраамова и пивную Мурзина. Послѣ этого толпа снова вернулась къ заводу и у первыхъ проходныхъ воротъ раздѣлилась на двѣ партіи: большая —

направилась къ магазину Общества потребителей, а меньшая—прошла черезъ заводъ къ главной конторѣ, гдѣ перебила окна; небольшая часть толпы ворвалась въ контору и пыталась разбить неогороемый шкафъ, въ которомъ хранились деньги; тутъ на защиту конторы явились рабочіе изъ сталелитейной мастерской, и имъ удалось разогнать нападавшихъ, причемъ нѣсколько человекъ было задержано и посажено въ лѣкъ, откуда затѣмъ они были освобождены участвовавшими въ беспорядкахъ. Первая толпа подступила къ магазину Общества потребителей, но на защиту его стали многіе мастеровые, состоящіе пайщиками этого магазина,—и тутъ между нападавшими и защищавшими магазинъ произошла свалка,—выпадавшіе были отбиты и имъ удалось лишь разбить окна въ мануфактурномъ отдѣленіи магазина и похитить оттуда немного товара. Послѣ этого толпа пошла ко второму конторскому магазину, находившемуся около станціи желѣзной дороги, недалеко отъ магазина Общества потребителей. Магазины этотъ былъ разграбленъ и сожженъ. Оттуда толпа вновь подступила къ потребительному магазину, но вторично была отбита пайщиками, послѣ чего, разграбивъ и истребивъ огнемъ пивную Муранна, толпа стала расходиться, и беспорядки прекратились до прихода войскъ и пріѣзда властей.

При слѣдствіи невозможно было обнаружить всѣхъ участниковъ беспорядковъ, такъ какъ, по показанію свидѣтелей, толпа, производившая беспорядки, достигала 300—400 человекъ; однако, слѣдствіемъ добыты несомнѣнныя данныя, указывающія на виновность лицъ, 58-ми рабочихъ, уроженцевъ, главнымъ образомъ, Орловской губерніи.

Прокуроръ, останавливаясь на причинѣ беспорядковъ, заявилъ въ своей рѣчи что убійство ребенка сторожемъ было «лишь толчкомъ къ беспорядкамъ, было поводомъ, но не причиной. Надо поискать,—говоритъ онъ,—такихъ фактовъ, которые дали бы намъ возможность понять отношенія между рабочими и администраціей. Отношенія эти имѣютъ особенный характеръ. Интересы администраціи находятся въ обратномъ пропорціональномъ отношеніи къ интересамъ рабочихъ. Нѣкоторые свидѣтели несомнѣнно установили, что рабочіе нерѣдко выражали недовольство администраціей завода на почвѣ чисто-экономической (прокуроръ перечисляетъ причины недовольства). Это недовольство увеличилось особенно благодаря тому обстоятельству, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ на заводѣ существовали другіе порядки. Во главѣ завода стояла тогда личность, которая въ отношеніи рабочихъ дѣйствовала не на основаніи только расчетовъ ума, но и сердечныхъ, гуманныхъ побужденій. Новый хозяинъ завода—акціонерное Общество не могло продолжать такія отношенія, иначе оно могло разориться. При перемѣнѣ отношеній возникли и недовольства. Эти недовольства, быть можетъ, и не разрѣшились бы такимъ крупнымъ событіемъ, если бы въ дѣло не вѣшались прокламаціи, которыя читались очень многими рабочими. Къ этому присоединились еще упорно носившіеся слухи, что заводъ скоро будетъ горѣть; пожаръ приурочивается къ дню празднованія 25-лѣтія. Характеристикой взаимоотношеній между администраціей завода можетъ служить слѣдующій фактъ. Дирекція въ предупрежденіе кражъ объявила, чтобы рабочіе слѣдили другъ за другомъ. На это рабочіе написали отвѣтъ такого содержанія: «совѣтуемъ администраціи завода смотрѣть за начальствующими лицами, которыя похищаютъ не копѣйками, какъ рабочіе, а цѣлыми тысячами». Это отвѣтное объявленіе даетъ представленіе, насколько взаимоотношенія были натянуты (прокуроръ приводитъ нѣкоторыя другія данныя, полученныя на слѣдствіи и объясняющія причины недовольства). Такимъ образомъ, я прихожу къ заключенію, что на всѣ остальные обстоятельства, при которыхъ начался разгромъ, можно смотрѣть какъ на толчокъ, что этотъ разгромъ былъ результатомъ острыхъ серьезныхъ экономическихъ недоразумѣній между администраціей и рабочими».

Рѣчи защитниковъ не представили чего-либо существеннаго для изясненія дѣла.

Приговоръ палаты былъ вынесенъ 22 января. 17 обвиняемыхъ оправданы, одинъ приговоренъ къ содержанию въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи на 1½ года съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ, 22—къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ каждый, съ лишеніемъ особыхъ правъ, 11—къ тюремному заключенію на два мѣсяца безъ лишенія правъ, двое—къ тюремному заключенію на 3 мѣсяца и двое—къ аресту на двѣ недѣли.

Скопцы и прокаженные въ Сибири. Въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» напечатана интересная корреспонденція изъ Средне-Колымска. Заимствуемъ изъ нея два сообщенія—о самоубійствѣ скопца Карюшина въ с. Верхне-Колымскѣ и о прокаженныхъ въ с. Мансеркинѣ.

«Въ концѣ мая 1899 года рядовое управление 1-го Байдунаго наслѣга (якутская административная единица) донесло колымскому окружному полицейскому управленію о случаѣ самоубійства одного изъ проживающихъ въ селеніи Верхне-Колымскѣ, въ 450 верстахъ отъ города, скопцовъ—Карюшина, старика лѣтъ 60. Скопцы эти, въ количествѣ 5 человекъ, въ 1898 г. были высланы уже изъ Якутска, гдѣ они объявляли себя въ подаваемыхъ въ учрежденія бумагахъ непризнающими верховной власти и существующаго въ государствѣ порядка. Трое изъ нихъ поселены были въ Верхне-Колымскѣ: одинъ—въ Нижне-Колымской части и одинъ—въ городѣ. Не безъ труда добрались мы на гребяхъ противъ теченія и при большой еще водѣ на восьмью сутки въ Верхне-Колымскѣ. Оказалось, что въ данномъ случаѣ было дѣйствительно самоубійство, а не смерть отъ посторонней руки; причиною самоубійства послужило то, что К. былъ убѣжденъ, что такая смерть избавляетъ душу отъ грѣха; К. и раньше еще, въ Якутскѣ, пытался морить себя голодомъ и злѣсь передъ смертью въ теченіе 27-ми дней не принималъ никакой пищи и пилъ одну воду и, наконецъ, видя, что такъ не скоро уморишь себя, рѣшилъ повѣситься. Проживавшіе съ нимъ двое другихъ скопцовъ, Ткачевъ и Панинкинъ, при официальномъ допросѣ показывали очень сдержанно и выяснили только то, что у К. было твердое убѣжденіе въ спасительности такой смерти, что подобное убѣжденіе существуетъ и у нихъ, и у нѣкоторыхъ другихъ скопцовъ, поселенныхъ близъ Якутска и составляющихъ какъ бы отдѣльный толкъ въ скопческой сектѣ. Скопцы этого толка ищутъ мученій и хотѣли принять на себя иго, о которомъ сказалъ Спаситель (Матѣ. 11, 29)».

Этимъ только, по словамъ корреспондента, и объясняется, что скопцы «объявили» себя непризнающими существующаго государственнаго порядка. Прокаженные въ Мансеркинѣ живутъ вятеромъ въ одной юртѣ.

«Велико было удивленіе пришедшихъ туда и смотрѣвшихъ издали якутовъ, когда мы съ казакомъ-переводчикомъ вошли въ юрту той дверью, которой ходятъ прокаженные, а не той, которая дѣлается на случай прихода родственниковъ или священника; обыкновенно въ юртѣ больныхъ дѣлаются двѣ двери, и небольшое пространство внутри юрты около двери для входящихъ отдѣляется перегородкой, вышиной аршина 1½; изъ-за этой-то перегородки и разговариваютъ случайные посѣтители и исповѣдуютъ и причащаютъ священники, причемъ послѣ причастія сжигаютъ на кострѣ деревянныя лжицы, приготовляемыя для больныхъ. Когда я, выйдя, подошелъ къ кучкѣ якутовъ, то всѣ они шарахнулись въ сторону отъ меня: до того они боятся заразы; а заразиться, если проказа дѣйствительно заразительна, было очень легко благодаря тучѣ комаровъ—этого бича полярныхъ странъ, садящихся то на прокаженныхъ, то на насъ и своими лапками и жалами, конечно, могущихъ передать заразу. Двое изъ больныхъ, совсѣмъ уже полусгнившіе, представляютъ ужасный видъ: волосы на половину выгѣзли; бровей нѣтъ; лицо—синебагровый пузырь, на которомъ масса бугровъ и явъ разной величины; на всемъ почти тѣлѣ такіе же бугры, изъ

конхъ очень многіе изъязвились и представляютъ собою гнойныя раны; нѣкоторые пальцы на рукахъ отпали; на слизистыхъ оболочкахъ рта и носа язвы; у дѣвочки крылья носа ввали; голосъ у обоихъ сильный, едва слышный, дыханіе со свистомъ. Оба они люди довольно молодые: Николаю Лаптеву—31 годъ, а Акулині Третьяковой—23 года. Начальные признаки болѣзни появились у перваго шесть лѣтъ, у второй—пять лѣтъ тому назадъ; выдѣлили же ихъ: Лаптева—три года, а Третьякову—уже четыре года, причемъ у Лаптева призналъ фелдшеръ сначала сифилисъ; и онъ пролежалъ съ годъ въ нашей ужасной лечебницѣ; но такъ какъ улучшения отъ этого лежанія не послѣдовало, то его рѣшили выдѣлать. Остальные больные—двѣ дѣвочки 11 ти лѣтъ; лица ихъ не такъ еще страшны, но одна изъ нихъ, Екатерина Третьякова, троюродная сестра Акулины Третьяковой, вотъ уже годъ какъ ходитъ на колѣняхъ, такъ какъ разгибаніе рукъ и ногъ у нея стало невозможнымъ, на колѣняхъ у нея большія, съ пятакъ, раны; но велика благодѣтельство Творца, что при проказѣ теряется чувствительность и что почти всѣ больные не ощущаютъ боли въ своихъ язвахъ. Содержать въ этомъ мѣстѣ больныхъ общественники довольно хорошо, такъ что привезенные нами кирпичный чай, ржаная мука и сухари явились для несчастныхъ только лакомствомъ. Правда, мяса даютъ имъ мало, но наслегъ этотъ самый бѣдный скотомъ и носить прозвище даже «голодный Байдунски»; единственная пища у якутовъ этихъ—рыба, да у болѣе состоятельныхъ—молочные продукты въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Пятимъ жильцомъ этой юрты оказалась дѣвочка лѣтъ 5-ти, дочь умершей года три тому назадъ прокаженной. Родилась она тогда, когда мать ея была уже явно больной; мать привезла ее съ собой въ эту юрту, и она тамъ и осталась послѣ смерти матери. Такъ какъ она—незаконнорожденная, то заботы о ней приняла на себя упомянутая выше Акулина Третьякова и, какъ могла, выкормила ее; родные, конечно, и не подумали взять ее къ себѣ. Докторъ осмотрѣлъ ее и нашелъ, что въ настоящее время у нея не замѣтно никакихъ признаковъ болѣзни, въ виду чего, по возвращеніи настанціи, было приказано старшинѣ этого наслега предложить родственникамъ дѣвочки взять ее къ себѣ на воспитаніе. Какъ оказалось потомъ, никто не рѣшился взять ее, такъ какъ три года она пробыла уже среди больныхъ, да и родилась то отъ больной. Рѣшилъ я дѣвочку взять къ себѣ, и пока она живетъ у меня и ничего особеннаго не замѣтно».

Остатки язычества на сѣверѣ. «Перм. Губ. Вѣдом.» посвящаютъ очень интересную статью описанію жертвоприношеній, совершающихся въ предѣлахъ губерніи. Жертвоприношеніе бываетъ обыкновенно въ такъ называемый въ народѣ «скотскій праздникъ»—день свв. Флора и Лавра. Авторъ статьи наблюдалъ жертвоприношеніе въ д. Кочѣ, юксѣвской волости, Чердынскаго уѣзда. Здѣсь во всей своей неприкосновенности сохранились и исполняются на зарѣ XX вѣка грубые языческіе обычаи. Главный интересъ праздника представляется такъ называемое «закланіе» жертвенныхъ бычковъ, совершаемое наканунѣ вечеромъ, т.-е. 17 августа,

«Всѣхъ обрядностей, предшествующихъ началу торжества «закланія», мы уже не застали, но самый актъ закланія былъ еще въ полномъ разгарѣ. Представьте себѣ только что вспаханное подъ парь поле, площадью до 2 десятинъ, находящееся у самой деревни, въ 50—60 саж. отъ часовни, сплошь усѣянное народомъ, и лежащихъ на гризной отъ крови землѣ, корчащихся въ предсмертныхъ судорогахъ и издающихъ душу раздражающіе стоны и хрипѣніе головъ до 20 животныхъ. Вотъ мужичекъ ведетъ за веревку на «жертвенное поле» молодого бычка 2—3 лѣтъ. Тутъ на него набрасывается съ крикомъ и шумомъ толпа народа, челов. въ 20, и черезъ моментъ несчастное животное лежитъ уже распростертымъ на землѣ, придавленное толпою «жертвователей», а въ это

время подходит жрецъ конца XIX вѣка, съ невозможно тупымъ, крестьянскимъ, мѣстнаго издѣлія, ножемъ, и начинаетъ пилить животному голову.

«Я, — рассказываетъ г. В. Сабуровъ въ «Перм. Вѣд.», — ничуть не преувеличу, если скажу, что процессъ пиленія горла продолжается не менѣе $\frac{1}{4}$ ч. Не теряя времени, помощники «жреца» тотчасъ же приступаютъ къ потрошенію животного; такимъ образомъ, во времени, когда у животного будетъ окончательно разрѣзано горло, съ него успѣютъ содрать уже всю шкуру и отрѣзать ноги. Я самъ былъ очевидцемъ, что животное корчилось въ судорогахъ въ то время, какъ у него уже были отрѣзаны ноги, снята почти вся шкура и когда «жрецы» приступили уже къ вскрытію брюшной полости. Надо слышать ужасный стонъ животного, его тяжелый храпъ, видѣть его борьбу, его корчи, чтобы понять, сколько оно выноситъ мученій ради того, чтобы быть, по убѣжденію пермяковъ, удобной жертвой.

«Надо обладать желѣзными нервами, чтобы безъ содроганія смотрѣть на этотъ актъ человѣческаго звѣрства, называемый богоугоднымъ жертвоприношеніемъ. Послѣ окончанія закланія мы отправились осматривать жертвенные котлы. На берегу протекающей у деревни рѣчки Онолвы, саженахъ въ 30 отъ часовни, разведены два костра, съ подвѣшанными надъ ними котлами, емкостью до 5 ведеръ каждый. Около костровъ расположилась кучка людей. Это бѣдные, имѣющіе получить часть отъ жертвеннаго мяса. Среди нихъ есть немало людей, желающихъ получить мяса ради его особо священнаго свойства, но не мало есть и зѣвакъ. Котлы переполнены мясомъ, и два «повара» важно пошниваютъ въ нихъ палочками священное кушанье. Можете себѣ представить, что это получится за кушанье, когда части почти отъ 60 животныхъ, и при томъ грязныя, моются въ одной и той же водѣ и когда, вмѣстѣ съ мясомъ, въ одномъ котлѣ варятся и головы, поступающія туда безъ предварительнаго удаленія шерсти! Надо замѣтить еще, что кушанье это варится безъ соли. Насмотрѣвшись вдоволь на эту картину, мы поутно свернули въ складочное помѣщеніе (бывшая часовня), куда поступаютъ части животныхъ, предназначенныя въ жертву. Оказывается, что тутъ потроха, головы, ноги, шкуры, переднія лопатки и проч. Пермякъ, повидимому, начинаетъ быть практичнымъ и лучшія части жертвеннаго животного увозить домой. Въ складѣ замѣчается большое оживленіе. Поступающее сюда мясо быстро раскупается, по баснословно дешевой цѣнѣ, почитателями жертвеннаго священнаго предмета и охотниками до дешеваго товара. Около 2 часовъ ночи ударили въ колоколъ на часовнѣ, извѣщая народъ, что жертвенное кушанье послѣло. Я пошелъ посмотрѣть на дѣлежъ. На площади около часовни устроено возвышеніе, гдѣ стояла наполненная мясомъ кадка. Толпа народа, набросилась жадно на эту импровизированную миску и, несмотря на всѣ увѣщанія «поваровъ», расхватывало самолично руками горячее мясо. Многие получили больше чѣмъ слѣдуетъ, но многимъ не досталось ничего. Въ толпѣ слышалась крѣпкая брань, немущіе часто выхватывали куски мяса изъ рукъ у имущихъ, кой-гдѣ завязывались драки, ужасный шумъ и крикъ слышенъ былъ на всю деревню».

Юбилей журнала «Русская Мысль». 27 января въ Москвѣ отпраздновали двадцатилѣтіе «Русской Мысли» и двадцатилѣтнее же руководящее участіе въ этомъ журналѣ В. А. Гольцева. Основанный С. А. Юрьевымъ журналъ «Русская Мысль» во все время двадцатилѣтняго своего существованія, не измѣняя разъ принятому направленію, неуклонно служилъ русской литературѣ, наукѣ, народному просвѣщенію, развивая въ русскомъ человѣкѣ и въ русскомъ обществѣ правосознаніе, и по справедливости заслужилъ репутацію одного изъ лучшихъ нашихъ повременныхъ изданій. Въ праздникъ «Русской Мысли» приняли участіе всѣ лучшіе представители печати, науки и литературы, а равно

и общественные дѣятели, и этотъ праздникъ русской интеллигенціи отличался, по единодушному свидѣтельству газетъ, рѣдкою задушевностью и простотою. Друзьямъ и почитателямъ В. А. Гольцева пришла добрая мысль почтить его, достойную полнаго уваженія, общественную дѣятельность хорошимъ дѣломъ: задумано устроить народную бібліотеку-читальню его имени, и для этой цѣли, въ короткое время, ко дню праздника собрано было двѣ съ половиною тысячи рублей. Отъ всей души желаемъ «Русской Мысли» и В. А. Гольцеву, какъ одному изъ выдающихся ея представителей, еще много лѣтъ работать на пользу русской общественности и увидѣть въ русской жизни добрые и для всѣхъ осязательные результаты своихъ трудовъ на пользу родной страны.

Ф. Ф. Павленковъ (Некрологъ). Имя Флорентія Федоровича Павленкова, скончавшагося 20 января въ Ниццѣ, хорошо извѣстно каждому грамотному человѣку, такъ какъ съ этимъ именемъ связана обширѣйшая серія книгъ весьма разнообразнаго содержанія. Ф. Ф. родился въ 1839 году въ Тамбовской губерніи, образованіе получилъ въ Михайловской артиллерійской академіи, нѣсколько лѣтъ служилъ въ кievскомъ и брянскомъ арсеналахъ, сдѣлалъ было попытку перейти на учительскую службу, но потерпѣлъ неудачу и послѣ этого посвятилъ себя книжному дѣлу. Въ этой области въ качествѣ переводчика, издателя и книгопродавца онъ проработалъ болѣе 30-ти лѣтъ и, несмотря на трудности, сопровождающія у насъ это дѣло, обогатилъ нашу книжную литературу многими весьма цѣнными произведеніями. Не перечисляя всѣхъ переведенныхъ или изданныхъ имъ книгъ, напомнимъ, что онъ первый издалъ въ 1867 году сочиненія Д. И. Писарева, причемъ за изданіе второй части знаменитаго критика былъ преданъ суду. Сосланный вскорѣ послѣ этого въ Вятку, онъ перевелъ тамъ нѣсколько книгъ по физикѣ и, между прочимъ, составилъ пользовавшуюся въ свое время широкой извѣстностью «Наглядную азбуку» и издалъ «Вятскую незабудку» (памятная книжка Вятской губерніи), за что вновь вызвалъ противъ себя судебное преслѣдованіе. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ Ялтуторовскѣ, въ 1881 году Ф. Ф. возвратился въ Петербургъ, гдѣ и протекла его вся послѣдующая дѣятельность, всецѣло сосредоточенная на излюбленномъ книжномъ дѣлѣ. Памятниками этой дѣятельности остались болѣе 500 разныхъ книгъ, стоимостью свыше 2.000.000 рублей. Почти всѣ эти книги имѣли въ виду массоваго читателя, а потому обыкновенно издавались по общедоступнымъ цѣнамъ. Таковы, напримѣръ, серіи изданныхъ имъ книгъ подъ общимъ заголовкомъ: «Біографическая бібліотека», «Популярно-научная бібліотека», «Бібліотека полезныхъ знаній», «Популярно-юридическая бібліотека», «Сказочная бібліотека», «Пушкинская бібліотека», «Лермонтовская бібліотека» и др. Имъ же изданы сочиненія Пушкина, Лермонтова, Бѣлинскаго, Писарева, Гл. Успенскаго, Шелгунова, А. М. Скабичевскаго и др. Изъ иностранной литературы извѣстны его переводныя изданія сочиненій Вундта, Брэма, Герцена, Ланге, Липшера, Летурно, Ломброзо, Милля, Нимейера, Тарда и цѣлый рядъ другихъ авторовъ. Эти труды по распространенію въ широкихъ кругахъ нашего общества лучшихъ произведеній русской и иностранной литературы даютъ Ф. Ф. Павленкову неоспоримое право занять видное мѣсто въ ряду выдающихся нашихъ дѣятелей просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Тяжелый недугъ, который свелъ, наконецъ, Ф. Ф. Павленкова въ могилу, продолжался уже много лѣтъ и заставлялъ его проводить за послѣднее время по нѣскольку мѣсяцевъ ежегодно за границей. Но, несмотря на увѣщанія докторовъ, неутомимый работникъ съ трудомъ уживался на чужбинѣ. Онъ желалъ жить и работать на родинѣ и для родины. Три года подъ рядъ, по возвращеніи изъ-за границы, Ф. Ф. хворалъ инфлуэнцою, и еще въ началѣ 1898 года болѣзнь, усиленная простудой, едва не свела Ф. Ф. въ могилу. Къ счастью,

все кончилось тогда благополучно. Осенью 1899 г. повторилась та же исторія. Чахотка, осложненная инфлуэнцой, снова уложила Павленкова въ постель. Въ половинѣ декабря больному стало немного лучше. По совѣту врачей, онъ рѣшилъ ѣхать за границу, надѣясь тамъ продлать рабочую жизнь и «докончить начатыя изданія». 2 января больной, въ сопровожденіи М. В. Ватсонъ, выѣхалъ изъ Петербурга въ Ниццу. Первые дни по пріѣздѣ ему было лучше, но затѣмъ температура снова поднялась, и 20 января Павленкова не стало.

Значительное состояніе свое онъ отказалъ тому же народу и литературѣ, для которыхъ столько поработалъ при жизни. Такъ, 100.000 р. оставлено на учрежденіе 2.000 школьныхъ библиотекъ; 30.000 р. литературному фонду и 5.000 р. союзу русскихъ писателей.

Отсрочка въ прекращеніи обмѣна кредитныхъ билетовъ. Въ прошлой книгѣ нашего журнала мы говорили о затрудненіяхъ, вызванныхъ прекращеніемъ пріема старыхъ бумажекъ. Нынѣ, 25-го января Высочайше утверждено положеніе комитета министровъ: окончательнымъ срокомъ для обмѣна государственныхъ кредитныхъ билетовъ 25-ти-рублевого и 5-ти-рублевого достоинства, образца 1888 года, а равно и 100-рублевого достоинства, образца 13-го февраля 1868 года, назначается 31-е декабря 1901 года, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока кредитные билеты прежняго образца не были принимаемы въ казенные платежи и не были обязательны къ обращенію между частными лицами. Постановленіе это, независимо отъ обнародованія установленнымъ порядкомъ черезъ правительствующій сенатъ, печатается въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Перковныхъ Вѣдомостяхъ» и «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» ежемѣсячно до истеченія указанного срока. На обязанность начальниковъ губерній и областей возлагается наблюденіе за тѣмъ, чтобы обыватели городскихъ и сельскихъ поселеній были своевременно ознакомлены всеми зависящими отъ упомянутыхъ начальствъ способами съ содержаніемъ изложеннаго постановленія. Министру финансовъ предоставляется, независимо отъ изложенныхъ распоряженій, принимать и другія мѣры, какія онъ признаетъ полезными, чтобы настоящее постановленіе сдѣлать, сколь возможно, болѣе гласнымъ.

П. Л. Лавровъ (некрологъ).

29-го января скончался въ Парижѣ на 76 году отъ роду Петръ Лавровичъ Лавровъ. Покойный родился въ 1823 г., окончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ и нѣкоторое время состоялъ тамъ преподавателемъ математики. Въ литературѣ онъ дебютировалъ въ 1852 г., въ качествѣ сотрудника «Военно-энциклопедическаго словаря». Съ тѣхъ поръ и до конца 60-хъ годовъ дѣятельность Лаврова самымъ тѣснымъ образомъ связана съ періодической прессой, — или въ качествѣ редактора («Артиллерійскій журналъ» «Заграничный Вѣстникъ», «Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами» — вышла только буква А въ 5-ти томахъ и начало буквы Б) или въ качествѣ сотрудника («Отечественныя Записки», «Русское слово», «Женскій вѣстникъ», «Современное Обзоріе»). Нѣкоторые свои труды онъ тогда же издалъ и отдѣльно («Очерки вопросовъ практической философіи» 1860 г.; «Три бесѣды о современномъ значеніи философіи» 1862 г.; «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ» 1866 г., сокращенное изданіе статей, печатавшихся въ «Морскомъ сборникѣ»). Съ конца 60-хъ гг. Лавровъ навсегда покинулъ Россію, не разорвавъ, однако, на первыхъ порахъ, связи съ русскими журналами: его статьи продолжали и въ 70-хъ гг. появляться въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Дѣлѣ» «Знаніи», «Словѣ» подъ псевдонимомъ Миртова. Въ этотъ періодъ появляются въ отдѣльномъ изданіи доставившія Лаврову наи-

большую популярность «Историческія письма» (1870 г.), а также I-й томъ труда, который становится съ этихъ поръ задачей жизни Лаврова: его «Опытъ исторіи мысли» (Спб. 1874 г.). Не далѣе какъ два года тому назадъ эта задача, въ сильно измѣненной формѣ, но съ тѣмъ же основнымъ содержаніемъ и съ прежними исходными точками, осуществлена авторомъ въ его книгѣ, изданной подъ псевдонимомъ С. С. Арнольди («Задачи пониманія исторіи. Проектъ введенія въ изученіе эволюціи человѣческой мысли». Москва, 1898 г. *).

Начавши свою литературную дѣятельность въ одну изъ самыхъ горячихъ эпохъ русской общественности, Лавровъ сумѣлъ внести въ нее личную ноту, настолько сильную, что, послѣ небольшого промежутка борьбы съ другими мировоззрѣніями, тоже весьма популярными въ свое время,—его точка зрѣнія обратила на себя вниманіе всего мыслящаго общества и на цѣлое десятилѣтіе сдѣлалась господствующей. Эта точка зрѣнія извѣстна подъ названіемъ «субъективнаго метода въ социологіи». Развивавшаяся потомъ Н. Б. Михайловскимъ и Н. И. Барзевымъ, она, несомнѣнно, восходитъ къ автору «Историческихъ писемъ», какъ къ своему родоначальнику. Разница между инициаторомъ и его продолжателями въ данномъ случаѣ какъ и во многихъ подобныхъ, та, что у Лаврова эта теорія, такъ сказать, ближе къ своему источнику и поэтому цѣльнѣе. Когда Лавровъ составлялъ свою теорію, въ русскомъ обществѣ еще не совсѣмъ прошло обаяніе великихъ метафизическихъ системъ, всецѣло владѣвшихъ русскими умами 30-хъ и 40-хъ годовъ. Въ одной изъ своихъ раннихъ рецензій Лавровъ самъ призналъ, что система Гегеля «отжила исторически, но не побѣждена философски». Между тѣмъ, въ русскомъ обществѣ долгое время господство метафизики вызвало рѣзкую реакцію противъ философіи вообще. Противъ догматизма Гегеля выдвинуть былъ догматизмъ материализма, имѣвшій на своей сторонѣ общественное мнѣніе. Можно себѣ представить, какъ трудно было положеніе мыслителя съ несомнѣннымъ философскимъ образованіемъ,—какимъ являлся Лавровъ,—если онъ приходилъ въ литературу не съ простымъ отрицаніемъ, а съ намѣреніемъ создать собственную философскую систему. Лаврову пришлось на первыхъ порахъ не болѣе, не менѣе какъ защищать... Юркевича, съ которымъ въ общественномъ смыслѣ у него не могло быть ничего общаго,—и въ то же время принять на себя громы Писарева, съ которымъ онъ настоячиво заявлялъ себя единомышленникомъ. Въ дѣйствительности, система Лаврова съ метафизикой еще меньше имѣла общаго, чѣмъ съ материализмомъ. Въ отличіе отъ того и другого онъ называлъ свою точку зрѣнія «антропологической». Задняя мысль этого опредѣленія — есть тотъ самый монизмъ, во имя котораго (и вполнѣ основательно) возражали потомъ противъ субъективной школы въ социологіи,—точнѣе, противъ ея метода. Очевидно, въ своемъ источникѣ «антропологическая точка зрѣнія» не носитъ въ себѣ того внутренняго противорѣчія, какъ выведенный изъ нея «субъективный методъ». Мы не хотимъ утверждать, что этого противорѣчія вовсе не было въ системѣ Лаврова; мы только думаемъ, что въ ней оно сильно смягчалось указаніемъ на то отношеніе, въ которомъ стоятъ другъ къ другу теоретическая и практическая сторона человѣческой психики по связи съ высшимъ единствомъ человѣческой личности. «Антропологическая точка зрѣнія въ философіи,—такъ резюмировалъ самъ Лавровъ свой взглядъ въ любопытной статьѣ своего «Энциклопедическаго Словаря»,—отличается отъ прочихъ философскихъ точекъ зрѣнія тѣмъ, что въ основаніе построенія системы ставитъ *цѣльную* человѣческую личность, или физико-психическую особь, какъ неоспоримую данную. Для того,

*) Подробную библиографію сочиненій Лаврова см. въ «Вопросахъ психологіи и философіи», 1890 г. «Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи» *В. Н. Колубовскаго*; въ «Введеніи въ изученіе социологіи» *Н. И. Карцева*, Спб. 1897 г., стр. 414 и въ статьѣ «Энцикл. Словаря» Арсеньева, посвященной Лаврову.

чтобы подобное построение могло имѣть мѣсто, оно должно заключать: 1) доказательство, что всѣ факты, могущіе войти въ философію, не только не противорѣчаютъ *бытію цѣльнаго человека*, но предполагаютъ его (логическое доказательство); 2) доказательство, что другіе философскіе принципы суть иное что, какъ одностороннія формулы антропологическаго принципа, формулы, которыя приводятъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ въ построении, если мыслители не допускаютъ въ послѣднемъ непослѣдовательности, именно заимствованій изъ міросозерцаній другого рода (полемическое доказательство); 3) доказательство возможности построить съ антропологической точки зрѣнія стройную систему, охватывающую все сущее (философское доказательство); 4) доказательство, что историческое развитіе философскихъ системъ приводитъ наше время къ необходимости остановиться на антропологической точкѣ зрѣнія (историческое доказательство). Такъ широко закладывавъ Лавровъ фундаментъ своей системы.

Надо, однако, замѣтить, что для него вся эта система имѣла служебную цѣль. Выбранный имъ съ такимъ вѣрнымъ философскимъ чутьемъ основной принципъ былъ по существу принципомъ *соціологическимъ*. Его «личность» была не изолированная, а социальная. Психика этой личности была не индивидуальная, а коллективная. Онъ исходилъ изъ того принципа, который все болѣе и болѣе дѣлается въ наше время руководящимъ принципомъ соціологіи: онъ назвалъ его принципомъ «солидарности». И въ дальнѣйшемъ развитіи этого принципа онъ держался той точки зрѣнія, которая непосредственно вытекала изъ современнаго состоянія науки: онъ сдѣлалъ попытку построить эволюцію человѣческаго рода на внутренней эволюціи индивидуальной человѣческой психики. Если эта попытка и не удалась ему, то благодаря своей чрезвычайной трудности и благодаря тому, что Лавровъ оперировалъ съ слишкомъ смутными и недостаточно проанализированными психологическими категориями, а не благодаря невѣрной постановкѣ задачи: напротивъ, задача и теперь стоитъ такъ, какъ поставилъ ее Лавровъ. Полную неудачу онъ потерпѣлъ въ своихъ настойчивыхъ усиліяхъ, повторенныхъ еще и въ послѣдней его книгѣ—создать то, что онъ называлъ «схемой исторіи мысли», т.-е. дѣленіе всемірной исторіи на періоды, соответствующіе дедуктивно установленнымъ фазисамъ въ развитіи мысли. Можно догадываться, что въ данномъ случаѣ дурную услугу оказали автору традиціи гегелевской философіи исторіи. Вообще, на «философіи исторіи» слишкомъ часто сбивается соціологія Лаврова: обстоятельство, которое трудно, однако же, ставить ему въ упрекъ, если вспомнимъ, какъ живуче оказывается до сихъ поръ старое воззрѣніе, и какъ вѣрно опредѣлили Лавровъ многія задачи соціологіи въ собственномъ смыслѣ уже тогда, когда эта наука еще пребывала во младенчествѣ.

Уже по той настойчивости, съ которой мысль Лаврова постоянно обращалась къ разъ поставленной теоретической цѣли, по той систематичности, съ которой онъ съ самаго начала расчленилъ свою работу на части, по тому значенію, которое онъ придавалъ своимъ схемамъ и по тому упорству, съ какимъ придерживался разъ придуманныхъ схемъ, можно заключить, что это былъ умъ, по преимуществу, теоретическій. Судьба толкнула его въ самый водоворотъ жизни; не наше дѣло разбирать здѣсь, какъ онъ ориентировался въ этомъ водоворотѣ, какъ онъ поставилъ себя среди разныхъ теченій, одинаково бурныхъ. Но какъ бы ни судить о Лавровѣ въ этомъ отношеніи, котораго мы здѣсь не касаемся, остается безспорнымъ одно,—что въ лицѣ Лаврова отъ насъ отошелъ человекъ, давшій теоретическое выраженіе цѣлой полосѣ русской общественной мысли, человекъ крупный даже среди крупныхъ фигуръ своихъ сверстниковъ.

П. Миллюковъ.

Къ исторіи устройства общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій въ Россіи.

Дѣтъ тридцать тому назадъ, въ Англіи началось сильное движеніе, имѣвшее цѣлью распространеніе университетскихъ знаній среди народа. Это движеніе положило начало народнымъ университетамъ, появившимся сперва на родинѣ этого движенія, въ Англіи, а затѣмъ быстро распространившимися и на континентъ Европы.

Идея популяризаціи наукъ среди народной массы начинаетъ пользоваться гражданственностью и у насъ, въ Россіи.

Такъ въ послѣдніе три—четыре года у насъ возникаютъ то тутъ, то тамъ, какъ цѣлые общеобразовательные курсы, такъ и отдѣльныя лекціи по различнымъ предметамъ.

Ближе всего къ народнымъ университетамъ Запада, какъ по своимъ задачамъ, такъ и по характеру программъ и преподаванія подходили общеобразовательные курсы, организованные Петербургскимъ педагогическимъ Обществомъ взаимопомощи.

Въ январѣ 1898 года въ Петербургѣ открылось чтеніе лекцій на этихъ курсахъ. Курсы сразу были открыты въ трехъ отдѣленіяхъ, въ различныхъ частяхъ города.

Общее руководство курсами сосредоточено было въ правленіи педагогическаго Общества, причѣмъ при правленіи были организованы двѣ комиссіи: во-первыхъ, учебный совѣтъ курсовъ, во-вторыхъ административная комиссія курсовъ.

Курсы были систематическіе, съ одной руководящей цѣлью—дать слушателямъ тотъ необходимый запасъ свѣдѣній, съ которымъ каждый могъ бы ужъ самостоятельно продолжать самообразование. На этихъ курсахъ преподавались слѣдующіе предметы: литература, исторія русская и всеобщая, географія, математика, физика и естествознаніе.

Преподаваніе на петербургскихъ курсахъ носило классный и аудиторіальный характеръ. Кромя того, имѣлось въ виду устроить классы и послѣ лекцій, бесѣды лекторовъ и ихъ помощниковъ со слушателями по поводу прочитаннаго на лекціи.

Курсы эти сразу завоевали себѣ огромный успѣхъ: къ концу перваго же мѣсяца послѣ открытія чтенія лекцій слушателей было около 1.500 человекъ, въ мартѣ же мѣсяцѣ слушателей было ужъ 2.284 человекъ.

Педагогическое Общество хотѣло расширить начатое предпріятіе, а именно: открыть въ ближайшемъ будущемъ чтеніе лекцій и въ провинціи. Но эти курсы просуществовали только одно полугодіе—осенью 1898 года они не были открыты; не открыты эти курсы и до сихъ поръ.

Такъ остановилась въ самомъ началѣ одна изъ самыхъ симпатичныхъ попытокъ устройства правильно организованныхъ общедоступныхъ и общеобразовательныхъ курсовъ въ Россіи.

Еще раньше этой попытки устройства курсовъ въ столицѣ подобныя начинанія были въ провинціи; какъ увидать читатель, въ области устройства правильно организованныхъ курсовъ провинція даже сдѣлала гораздо больше, чѣмъ столица.

Такъ еще въ 1896 году Новороссійское Общество естествоиспытателей открыло систематическіе курсы по естествознанію. Въ 1897 году осенью курсы эти за недостаткомъ слушателей.—что, конечно, объясняется отчасти特殊ностью предмета,—открыты не были; съ января 1898 года Общество естествоиспытателей въ Одессѣ вновь открыло курсы по естествознанію. Плата опредѣлена была за полный курсъ по одному предмету довольно высокая—6 руб.,

причемъ широко практиковалось освобожденіе отъ платы за слушаніе курсовъ; такъ, изъ 616 слушателей около 300 человекъ слушали лекціи бесплатно.

Кромѣ этихъ курсовъ, въ Одессѣ съ осени 1897 года открылись безъ участія университета систематическіе публичные курсы въ городской народной аудиторіи. На этихъ курсахъ лекціи читались по слѣдующимъ предметамъ: политическая экономія, исторія, литература, географія, анатомія съ физиологіей и гигиеной, физика, химія и геологія.

Изъ числа лекторовъ и распорядителей былъ образованъ особый лекціонный комитетъ, на который и было возложено руководство этими курсами. Плата за слушаніе лекцій была назначена замѣчательно малая: за всѣ предметы 3 р. 50 коп., за отдѣльную лекцію 5 коп. Конечно, такую малую плату за слушаніе лекцій можно было установить только потому, что курсы эти были субсидированы одесской городской думой.

Курсы эти имѣли громадный успѣхъ. Всѣхъ записавшихся въ слушатели за первое только полугодіе 1897—1898 учебнаго года было 4.750 чел.; причемъ больше всего слушателей было на лекціяхъ по литературѣ и меньше всего на лекціяхъ по геологіи.

Въ прошломъ академическомъ году чтеніе лекцій на этихъ курсахъ продолжалось съ тѣмъ же успѣхомъ.

Въ Харьковѣ, какъ въ 1897—1898 г., такъ и въ 1898—1899 академическихъ годахъ, происходило чтеніе публичныхъ систематическихъ курсовъ лекцій при университетѣ. Въ каждомъ учебномъ году слушателей на этихъ курсахъ было 160—170 чел., причемъ въ 1898 году за неизмѣнимъ мѣста пришлось отказать 185 чел., желавшимъ посѣщать подобные курсы. Какъ видимъ, число недопущенныхъ превышаетъ 100% наличнаго состава слушателей.

Въ Кіевѣ въ прошломъ учебномъ году читались публичныя лекціи при мѣстныхъ Обществахъ дѣтописца Нестора и естествоиспытателей. Курсы эти читались по политической экономіи, статистикѣ, исторіи, исторіи литературы, психологіи, физикѣ, зоологіи, минералогіи и другимъ предметамъ. Лекціи пользовались большимъ успѣхомъ; число слушателей доходило до 300 человекъ.

Читались въ прошломъ академическомъ году лекціи по различнымъ предметамъ и въ другихъ городахъ: въ Варшавѣ, Юрьевѣ, Казани и даже въ не университетскихъ городахъ, Рязани, Балугѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ чтеніе лекцій происходило во всесловномъ клубѣ. Въ 1898—1899 академическомъ году здѣсь предполагалось прочесть всего около 100 лекцій по различнымъ предметамъ. Послѣ лекцій устраивались бесѣды лекторовъ со слушателями. Плата за слушаніе лекцій во всесловномъ клубѣ была назначена довольно низкая.

Въ Москвѣ правильно организованныхъ систематическихъ курсовъ устроено до сихъ поръ не было. Здѣсь читаются только отдѣльные курсы по нѣкоторымъ предметамъ. Такъ, въ 1897—1898 учебномъ году въ Москвѣ были прочтены курсы по астрономіи, химіи и физикѣ. Въ прошломъ академическомъ году устроены были курсы по исторіи, исторіи литературы, психологіи, геологіи и еще нѣсколько курсовъ по естествознанію. Все это было устроено безъ всякой системы, безъ всякой связи между отдѣльными курсами; о какомъ-либо руководящемъ началѣ при устройствѣ курсовъ, о научномъ контролѣ надъ слушателями, о непосредственномъ общеніи лекторовъ со своими слушателями пока, къ сожалѣнію, въ Москвѣ не слышно.

Кромѣ этихъ курсовъ, въ Москвѣ за послѣдніе два года прочтено было много отдѣльныхъ лекцій, большею частью по естествознанію.

Нѣкоторые изъ московскихъ лекторовъ ѣздили по провинціальнымъ городамъ и тамъ читали лекціи. Всюду, какъ въ Москвѣ, такъ и въ провинціи эти лекціи имѣли большой успѣхъ; большею частью лекторы читали при пол-

ной аудиторіи. Учрежденіемъ, организовавшимъ значительную часть провинціальныхъ лекцій, явилась московская коммиссія по организаціи домашняго чтенія; она входила въ сношенія съ мѣстными организаціями, предлагая имъ своихъ лекторовъ на извѣстныхъ, выработанныхъ коммиссіей условіяхъ. Почти всё, какъ цѣлыя курсы, такъ и отдѣльныя лекціи, читанные собственно въ Москвѣ, были устроены съ благотворительною цѣлью. Сборъ съ нихъ шелъ обыкновенно въ пользу или Общества попеченія объ улучшеніи быта учащихся въ начальныхъ училищахъ Москвы, или Общества для пособія нуждающимся студентамъ Московскаго университета.

Это смѣшеніе, если такъ можно выразиться, благотворительности съ устройствомъ курсовъ и лекцій слишкомъ сильно тормозитъ успѣхъ симпатичнаго дѣла популяризаціи наукъ среди народной массы. Билеты на московскіе курсы и лекціи слишкомъ дороги; большая половина слушателей московскихъ лекцій люди вполне обезпеченные. Бѣднымъ обитателямъ Москвы плата за слушаніе этихъ лекцій не по карману. Обыкновенно самыя дешевыя мѣста на отдѣльныя лекціи въ Москвѣ стоятъ 30—50 коп., на курсы, состояще изъ 12 лекцій, 1 р. 50 коп.—1 р. 80 коп. Къ этому надо прибавить плату за храненіе платья по 10 коп. за каждое разовое посѣщеніе и по 5 коп. за каждое посѣщеніе курсовой лекціи. Притомъ такихъ дешевыхъ мѣстъ въ аудиторіи Историческаго музея, гдѣ большею частью въ Москвѣ происходятъ лекціи, всего нѣсколько десятковъ нумерованныхъ и немного больше этого нумерованныхъ. Почти всегда дешевыя мѣста раскупаются нарасхватъ, что показываетъ, что желающихъ слушать лекціи, но могущихъ заплатить только за дешевое мѣсто, всегда гораздо больше, чѣмъ таковыхъ мѣстъ имѣется въ аудиторіи. Отказъ въ билетахъ за неизвѣннѣе мѣсто—случай самый обыкновенный и довольно часто повторяющійся въ Москвѣ.

Объ освобожденіи отъ платы за слушаніе курсовъ и лекцій или о взиманіи хотя половинной платы за слушаніе, какъ это происходитъ, напр., въ Одессѣ, въ Москвѣ нѣтъ и рѣчи. Плата же за слушаніе курсовъ въ Москвѣ во много разъ больше, чѣмъ плата за слушаніе курсовъ въ Одессѣ.

Высокая плата за лекціи тормозитъ и безъ того плохо поставленное дѣло распространенія научнаго образованія среди народа въ Москвѣ.

Свѣтлымъ явленіемъ на тускломъ фонѣ дѣятельности въ пользу просвѣщенія народныхъ массъ въ Москвѣ являются пречистенскіе классы для рабочихъ, состоящіе при Моск. отд. Импер. русскаго техническаго Общества. Программа этихъ курсовъ довольно полная и разнообразная; здѣсь преподаются какъ общеобразовательные, такъ и специально техническіе предметы. Лекторами здѣсь являются нѣкоторые профессора московскаго университета; слушаніе курсовъ бесплатное.

Итакъ, за послѣдніе два-три года у насъ сдѣлано для популяризаціи наукъ среди народа еще очень немного. До сихъ поръ правильно организованные систематическіе курсы были устроены только въ Одессѣ, да одно полугодіе въ Петербургѣ; все же остальное, сдѣланное въ этой области въ другихъ городахъ, далеко не удовлетворяетъ запросовъ, предъявляемыхъ массой желающихъ пополнить пробѣлы своего образованія.

Особенно неудачнымъ въ этомъ отношеніи оказался нынѣшній академическій годъ. Въ Москвѣ до сихъ поръ въ этомъ учебномъ году не читано ни одного курса по какому-либо предмету; были только отдѣльныя лекціи, большею частью по естественнаю. Въ Петербургѣ, съ прекращеніемъ общеобразовательныхъ курсовъ педагогическаго Общества, никакихъ общеобразовательныхъ курсовъ не читается, нрѣдка здѣсь читаются только отдѣльныя лекціи по различнымъ предметамъ.

Въ Екатеринбургѣ нынѣшней осенью коммиссія народныхъ чтеній устроила рядъ публичныхъ лекцій, гдѣ лекторами явились извѣстные русскіе ученые.

Для слушанія систематическихъ лекцій въ Одесской городской народной аудиторіи въ октябрѣ 1899 года уже записалось 1.705 человекъ. Въ Одессѣ же историко-филологическое Общество задумало этою осенью устроить рядъ публичныхъ лекцій по исторіи и литературѣ.

По примѣру прошлаго года въ Кіевѣ этою осенью историческое Общество лѣтописца Нестора предполагало открыть нѣсколько курсовъ по исторіи и другимъ предметамъ. Но попечитель учебнаго округа затруднился дать просимое разрѣшеніе на открытіе курсовъ, передавъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе Министерства. Хотѣлъ читать лекціи по психологіи и проф. Челпановъ; но какъ открытіе курсовъ при Обществѣ лѣтописца Нестора, такъ и чтеніе лекцій Челпановымъ въ первомъ полугодіи нынѣшняго учебнаго года не состоялось. Съ января 1900 года въ Кіевѣ будутъ читаться 8 курсовъ по исторіи при мѣстномъ историческомъ Обществѣ. Лекторами будутъ, большею частью, профессора университета св. Владимира. Плата за слушаніе назначена довольно высокая. Съ января же начнетъ читать лекціи по психологіи и г. Челпановъ.

Какая же причина такого медленнаго успѣха движенія въ пользу популяризаціи знаній среди народа, при помощи правильно организованныхъ курсовъ и лекцій въ Россіи?

Отчасти причиною тому служатъ, знакомыя всякому русскому обывателю «независимія обстоятельства», отчасти же—отсутствіе предприимчивости и инициативы у русскаго человека; да вѣдь откуда и явиться имъ при наличности данныхъ условій?

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что *потребность* въ устройствѣ общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій по большимъ городамъ Россіи существуетъ въ очень значительной степени, и что, каковы бы ни были затрудненія, съ которыми приходится бороться людямъ, стремящимся къ удовлетворенію этой потребности,—жизнь, въ концѣ концовъ, возьметъ свое. Н. К.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», январь. «Народный университетъ въ Вѣнѣ» (статья г. Орловскаго) открылъ свои чтенія въ 1895 г. по инициативѣ профессоровъ университета. Согласно уставу, предполагается открыть народные курсы не только въ Вѣнѣ и ея пригородахъ, но и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Австріи. По другому параграфу устава исключаются изъ занятій народнаго университета всѣ политическіе, социальныя и религіозныя вопросы современности. Вѣшняя организація народныхъ чтеній состоитъ въ томъ, что каждый вечеръ съ октября по май въ одномъ или нѣсколькихъ кварталахъ въ даровомъ помѣщеніи какого-нибудь учебнаго или ученаго учрежденія читаются систематическіе курсы, состоящіе изъ шести лекцій. Лекція продолжается часъ, а затѣмъ въ теченіе полчаса лекторъ вопросами старается вызвать слушателей на бесѣду о прочитанномъ. Вначалѣ аудиторія туго поддавалась на такое общеніе съ лекторомъ, но затѣмъ мало-по-малу смущеніе преодолевалось, особенно благодаря слѣдующему приему: слушатели записывали свои вопросы на билетикахъ и подавали профессору (между прочимъ, проф. Гернесу были поданы однажды слѣдующіе вопросы: «Отчего у человека развились рѣчь?» «Какая переходная форма между обезьяной и человекомъ?»). Преподавателямъ ставится два обязательныхъ условія: 1) излагать просто и ясно, избѣгая отвлеченныхъ терминовъ и иностранныхъ словъ; 2) ни въ какомъ случаѣ не читать по книгѣ или рукописи.

а говорить свободно, держась плана, даннаго въ программахъ. Эти программы являются большимъ подспорьемъ для усвоенія лекцій, онѣ представляютъ подробные конспекты и снабжены спискомъ подходящихъ книгъ. За слушаніе взимается небольшая плата (37 коп. за курсъ, съ рабочихъ—половина), съ цѣлью устранить изъ аудиторіи лицъ, приходящихъ лишь изъ любопытства. Число слушателей за годъ доходить до 7 тысячъ слишкомъ. Преобладающій контингентъ составляютъ рабочіе ($\frac{1}{3}$). Женщины составляютъ около 30% всѣхъ посѣтителей. Что касается вкусовъ народной аудиторіи, несомнѣнное пристрастіе обнаруживается къ естественнымъ наукамъ. Самыми любимыми предметами оказываются астрономія и анатомія, затѣмъ физика, электротехника и химія; слѣдующее мѣсто занимаютъ философія, исторія искусства и литературы. Сравнительно мало посѣщаются лекціи исторіи и географіи. Для характеристики народной аудиторіи, приведемъ отзывъ одного лектора-юриста: «Опытъ убѣдилъ меня, что въ народномъ университетѣ лекторъ имѣетъ дѣло съ избранной публикой, которая доставляетъ преподавателю истинное удовлетвореніе. Эта аудиторія въ своемъ стремленіи къ знанію можетъ быть сравниваема только съ самою лучшею студенческой аудиторіей».

Н. К. Михайловскій посвящаетъ нѣсколько страницъ «памяти Григоровича». Почему Григоровичъ, спрашиваетъ критикъ, написавъ Антона-Горемыку въ 1847 году, замолчалъ и не писалъ ничего и въ бурные 60 и 70-е годы, когда «мысль объ освобожденіи Антоновъ, а потомъ и фактъ освобожденія, и все огромное, что связывалось съ этимъ фактомъ, вызвали небывалое оживленіе въ русскомъ обществѣ? И почему, вернувшись къ литературѣ подъ конецъ своей жизни, Григоровичъ уже не оглядывался на «мужика-человѣка», котораго онъ такъ горячо воспѣлъ когда-то и который когда-то такъ прославилъ его? Г. Михайловскій находитъ объясненіе въ томъ, что Антонъ-Горемыка былъ счастливой случайностью какъ для русской литературы, такъ и для самого автора. Григоровичъ самъ рассказываетъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ», какъ въ молодости онъ жилъ безпечно, ни надъ чѣмъ не задумывался серьезно, нисколько не интересовался общественными вопросами, и какъ въ это время онъ вдругъ очнулся подъ влияніемъ кружка Бекетовыхъ, рѣшилъ поработать надъ собой, и «прежде всего разстаться съ праздною и оставить Петербургъ». Уѣхавъ въ деревню, онъ напряженно искалъ сюжета для литературнаго произведенія, но «сюжетъ не вырисовывался; и если приходилъ, то напоминалъ или Хуторокъ Кольцова или страданія маленькаго Оливера Твиста». Наконецъ, «случай выручилъ меня. Въ матушкинѣ привезли болѣзную молодую бабу. За обѣдомъ матушка рассказала ея исторію... Эта исторія и составила содержаніе «Деревни», а на слѣдующій годъ, опять въ деревнѣ, былъ написанъ Антонъ-Горемыка. Успѣхъ Антона-Горемыки объясняется тѣмъ, что это былъ рѣзкій и грубый, но мѣткій ударъ по болѣзному мѣсту. Особенность таланта Григоровича—рѣзкость и грубость, наклонность къ шаржу, недостатокъ чувства мѣры—въ этомъ сослужили ему хорошую службу. Кстати пришлось и другая особенность творчества Григоровича: сосредоточеніе вниманія исключительно на вѣдшихъ чертахъ, неумѣіе проникать во внутренній міръ своихъ героевъ. «Типиченъ къ саль Антонъ-Горемыка, типична его судьба, безмѣрность несчастій, обрушивающихся одно за другимъ на этого психически слишкомъ элементарнаго человѣка, чтобы онъ могъ быть типомъ. Бѣлинскій былъ совершенно правъ, говоря, что Антонъ—лицо трагическое въ полномъ значеніи этого слова, но эта трагичность вся относится къ вѣдшимъ событіямъ жизни Антона». Въ 60-хъ годахъ Григоровичъ ушелъ изъ литературы «съ такъ и приставшимъ къ нему высокимъ титуломъ автора «Антона-Горемыки». Конечно, это былъ высокій титулъ, какъ бы случайно ни было происхожденіе знаменитой повѣсти»...

Г-нъ А. В. Зотовъ рассказываетъ исторію «камеры соглашенія и третейскаго суда», устроенной въ округѣ желѣзодѣлательной промышленности на сѣверѣ Англїи для улаженія споровъ между рабочими и фабрикантами. Прототипомъ ея послужили первыя попытки подобныхъ трибуналовъ, возникшія въ 60-хъ годахъ по инициативѣ чулочнаго фабриканта Мунделлы и судьи Кетле, увѣнчавшіяся блистательнымъ успѣхомъ. Основной принципъ организаціи состоитъ въ томъ, что составляется совѣтъ изъ одинаковаго числа выборныхъ представителей какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны фабрикантовъ. Этому совѣту предоставляется разсмотрѣніе всѣхъ споровъ, и рѣшенія его признаются обязательными для обѣихъ сторонъ. Рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принято единогласное; въ случаѣ невозможности прійти къ соглашенію рѣшающей голосъ принадлежитъ третейскому судѣ. Дѣлопроизводство камеры характеризуется полнымъ отсутствіемъ всякихъ формальныхъ стѣпеней. «Члены камеры сидятъ за однимъ общимъ столомъ, фабриканты часто въ перемежку съ рабочими»; они совершенно свободно обмѣниваются взглядами, спорятъ, доказываютъ. Поводомъ къ учрежденію первой такой камеры были крайне враждебныя отношенія между хозяевами и рабочими въ чулочномъ производствѣ, постоянныя взрывы недовольства, выражавшіяся въ стачкахъ, на которыхъ фабриканты съ своей стороны, отвѣчали поголовнымъ распущеніемъ всѣхъ рабочихъ (lock out). Тотчасъ послѣ учрежденія камеры волненія и стачки прекратились и не возобновлялись за все время ея функціонированія. Камера на сѣверѣ Англїи, которою, главнымъ образомъ, и занимается статья, основана въ 1869 г. заводчикомъ Делемъ. Въ составъ ея членовъ входитъ по одному делегату отъ владѣльцевъ и по одному отъ рабочихъ каждаго изъ принадлежащихъ къ камерѣ заводовъ; поэтому число членовъ ея непостоянно, колеблется между 18 и 70. Право выбирать уполномоченнаго принадлежитъ только «подписчикамъ» камеры, т.-е. рабочимъ, вносившимъ извѣстную, небольшую, плату на ея содержаніе. Избираемыми же могутъ быть всѣ рабочіе, но, само собой разумѣется, выборъ падаетъ обыкновенно на самыхъ энергичныхъ и вліятельныхъ, вожаковъ рабочей массы и членовъ рабочаго союза. Эта связь между камерой и рабочимъ союзомъ имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ содѣйствіе рабочихъ союзовъ гарантируетъ исполненіе рѣшеній камеры: въ случаѣ отказа со стороны фабриканта, союзъ организуетъ стачку рабочихъ; въ случаѣ сопротивленія рабочихъ союзъ отказывается имъ въ поддержкѣ и этимъ принуждаетъ къ уступкамъ. Избранники рабочихъ и представители владѣльцевъ получаютъ неограниченныя полномочія разбирать претензіи и по своему усмотрѣнію рѣшать споры. За каждое засѣданіе тѣмъ и другимъ, въ видахъ проведенія принципа полнаго равенства, полагается одинаковая плата—по 10 шиллинговъ. Камера въ полномъ составѣ занимается только самыми важными вопросами—объ измѣненіяхъ общаго уровня заработной платы, и собирается лишь два раза въ годъ. Для рѣшенія всѣхъ прочихъ дѣлъ камера выдѣляетъ изъ себя «постоянный комитетъ» изъ 10 членовъ, который собирается чаще—около 9 разъ въ годъ. Въ случаѣ разногласія между членами комитета рѣшеніе принадлежитъ третейскому судѣ (referee).

«Вѣстникъ Европы», февраль. Въ статьѣ «Изъ психологіи дѣтей» И. И. Янжулъ дѣлаетъ попытку опредѣлить «дѣтскія воззрѣнія на право, законъ и наказаніе». Основаніемъ для этого очерка послужили статьи двухъ американокъ—Дарра и Шалленбергеръ, которыя, въ свою очередь, воспользовались обширнымъ матеріаломъ, добытымъ (проф. Барнесомъ) обычнымъ американскимъ способомъ—путемъ опроса. Взяты три казуса юридическаго характера, доступные пониманію дѣтей; при этомъ поставленъ вопросъ, какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть виновныхъ. Въ результатѣ опроса было получено отъ 100 до 3.000 письменныхъ отвѣтовъ на каждый вопросъ отъ дѣтей обоого пола

въ возрастѣ между 6 и 16 годами. Можно было бы думать, что маленькія дѣти въ большинствѣ присоединяются къ наказанію, предложенному самими спрашивавшими, но оказалось наоборотъ. Огромное большинство дѣтей младшаго возраста всецѣло *имигрируетъ законъ* и назначаетъ произвольное, строгое и даже жестокое наказаніе (напр., въ первомъ случаѣ)—«повѣсить, убить, застрѣлить» и т. д. Лишь постепенно, соразмѣрно съ возрастомъ, вырабатываются правовыя представленія и растетъ процентъ дѣтей, высказывающихся за примѣненіе законнаго наказанія (29% въ возрастѣ 12 лѣтъ и 74% къ 16 годамъ); поворотный пунктъ въ этомъ отношеніи для мальчиковъ начинается съ 12-ти лѣтъ, а для дѣвочекъ раньше—съ 9. Этотъ процессъ постепенно проявляющагося сознанія права можно прослѣдить по цифрамъ: отъ самаго элементарнаго взгляда на наказаніе, какъ на вещь со стороны потерпѣвшаго, какъ на воздаяніе за проступокъ, мы видимъ переходъ къ стремленію внушить страхъ, исправить, затѣмъ въ сужденіи о проступкѣ мало-по-малу входятъ альтруистическія соображенія, чувство состраданія, разборъ мотивовъ. И. И. Янжуль заканчиваетъ свой очеркъ практическимъ замѣчаніемъ: если въ такомъ высоко-культурномъ народѣ, какъ американцы, такъ медленно развивается сознаніе законности, то тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно утверждать то же про русскій народъ; между тѣмъ нашъ законъ ставитъ терминомъ невмѣняемости десятилѣтній возрастъ, тогда какъ, согласно приведенному статистическому изслѣдованію, вопросъ объ отвѣтственности едва ли серьезно можетъ ставиться раньше двѣнадцати лѣтъ. Въ виду этого авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы возрастъ полной невмѣняемости былъ расширенъ въ нашемъ законодательствѣ еще на два года, въ особенности для мальчиковъ, которые въ чувствѣ воспринятія закона или въ его разумнѣи развиваются ту же и позднѣе дѣвочекъ.

Г-нъ Е. Марковъ въ статьѣ «Живая душа въ школѣ» вспоминаетъ свѣтлый моментъ изъ своего педагогическаго прошлаго—годы возрожденія тульской гимназіи въ періодъ реформъ. Этотъ педагогическій опытъ лишний разъ подтверждаетъ, какъ все охватывающая регламентация убиваетъ «живую душу» во всякомъ дѣлѣ и какъ, наоборотъ, одушевляющее дѣйствіе свободнаго, самостоятельнаго труда извлекаетъ изъ человѣка все лучшее, на что онъ способенъ. Московскій попечитель Исаковъ рѣшилъ поднять тульскую гимназію, обратившись чуть не въ «бурсу». Ради этого онъ избралъ директоромъ одного изъ самыхъ выдающихся московскихъ учителей, Гагарина, и надѣлилъ его самыми широкими полномочіями. Гагаринъ подобралъ кучку свѣжихъ молодыхъ людей (въ числѣ ихъ былъ и авторъ статьи), со страстью отдавшихъся дѣлу воспитанія. Планы преподаванія и всѣ учебныя вопросы сообща обсуждались въ педагогическомъ совѣтѣ, и, благодаря полной свободѣ дѣйствій, тульская гимназія скоро значительно отступила отъ официальной программы. Латынь была сильно урѣзана и даже исключена изъ младшихъ классовъ; зато было расширено преподаваніе русскаго языка, исторіи, географіи, естественныхъ наукъ и новыхъ языковъ. Между директоромъ, учителями и учениками установились самыя простыя, близкія отношенія, основанныя на взаимномъ довѣрїи; экскурсіи, игры на свѣжемъ воздухѣ, хоровыя пѣсни вмѣстѣ съ учителями—все это придавало гимназической жизни семейный характеръ. Оригинальные педагогическіе порядки тульской гимназіи обратили на себя вниманіе печати и общества, и много лицъ официальныхъ и неофициальныхъ прїѣзжало нарочно въ Тулу познакомиться съ устройствомъ ея гимназіи. Но такой порядокъ не долго продержался. Появились недоброжелатели, посыпались доносы, прїѣхалъ бывший московскій попечитель графъ Строгановъ, съ неудовольствіемъ убѣдился, что въ тульской гимназіи все устроено по своему, въ явное нарушеніе разныхъ правилъ и министерскихъ циркуляровъ...

«Это все надо переменить, все переменить!» твердилъ графъ. «Все это и переменялось очень скоро», съ грустью прибавляетъ авторъ.

Г. К—съ въ обстоятельной статьѣ «о судьбахъ періодической печати въ Болгаріи» даетъ яркую картину того, какъ въ какіе-нибудь полстолѣтія періодическая пресса въ Болгаріи совершила полный циклъ развитія, начиная отъ робкихъ релігіозно-нравственныхъ, дидактическихъ изданій, подъ бдительнымъ турецкимъ окомъ, и кончая дерзко-зажигательнымъ политическимъ листкомъ послѣдняго времени. Главнымъ толчкомъ для такого быстрого развитія послужила освободительная борьба, всѣ перипетіи которой отражаются въ настроеніи прессы. Слѣдуя ходу борьбы, періодическія изданія мало-по-малу теряютъ безстрастіе, втягиваются въ жизненные интересы и на первыхъ порахъ подхватываютъ вопросъ о церковной и школьной зависимости отъ греческаго духовенства; чѣмъ далѣе, тѣмъ эта борьба за церковную самостоятельность ведется смѣлѣе и рѣшительнѣе. Когда эта первая цѣль была достигнута, выдвинута была другая—освобожденіе отъ турецкаго ига. Починъ былъ данъ болгарской эмиграціей, за границей стали издаваться революціонныя газеты извѣстными политическими бойцами—Любеномъ Каравеловымъ, Христо Ботевымъ. Выбѣстъ съ переменною темою и тономъ газетъ мѣняется: горячій революціонный языкъ, смѣлыя обличенія, призывъ къ возстанію—все это далеко ушло отъ дипломатическаго менажированія турецкаго правительства въ газетахъ предъидущаго періода. Съ освобожденіемъ Болгаріи происходитъ новый крутой и рѣзкій переломъ въ періодической печати. Прежде журнальные дѣятели работали дружно во имя одной великой цѣли и на свою дѣятельность смотрѣли не какъ на литературную или политическую карьеру, а какъ на патриотическое служеніе родинѣ. Теперь изданіе газеты становится дѣломъ партіи, средствомъ привлечь партизановъ и составить политическую карьеру редактора. Вслѣдствіе этого въ газеты вносятся страстная полемика, нападенія на личности; является безразборчивость въ средствахъ борьбы, частое употребленіе лжи и клеветы. Еще болѣе деморализаціи достигла пресса за время стамбуловскаго диктаторства: полное пренебреженіе къ законности, поправленіе элементарныхъ моральныхъ принциповъ въ конецъ разнуздало темные и хищническіе инстинкты прессы: всякая граница между дозволеннымъ и недозволеннымъ, приличнымъ и неприличнымъ была забыта. Для образца газетнаго тона авторъ приводитъ слѣдующую выписку изъ «Свободы», органа Стамбулова (1894), направленную противъ бывшаго сотрудника Стамбулова—Начевича. «Извѣстное всѣмъ грязное животное, именуемое Начевичемъ, не имѣя работы, по цѣлымъ днямъ бродитъ среди нечистотъ и отбросовъ, сваливаемыхъ за городомъ. А мы-то наивно удивлялись, отчего это животное стало до такой степени гнусно и грязно! Намъ не приходила на умъ естественная мысль, что настоящее мѣсто свинѣ—среди нечистотъ». Или еще: «Вѣрно говорятъ люди, что болѣе злобнаго, подлаго, губельнаго и ослѣпленнаго человѣка, чѣмъ Каравеловъ, нѣтъ и не можетъ быть на свѣтѣ. Прочтите передовицу въ послѣднемъ номерѣ его «Тырновской Конститущіи», и вы увидите, какимъ адскимъ злорадствомъ переполнена подлая душонка этого фатальнаго субъекта». Между тѣмъ какъ газеты кипятъ ненавистью, съ пѣной у рта разносятъ всякое распоряженіе правительства, вообще живутъ навраженною политическою жизнью, журналы (ихъ въ настоящее время издается въ Болгаріи около 60) являются (за исключеніемъ социалистическихъ) безличными, безстрастными, совершенно лишенными «направленія» изданіями, пробавающимися поэзіей, беллетристикой, искусствомъ, наукой, философіей. Не только какіхъ-нибудь политическихъ или общественныхъ точекъ зрѣнія вы тамъ не найдете, но даже ничего своего специфически-болгарскаго; беллетристика даже преимущественно переводная. «Это не журналъ въ нашеѣ смыслѣ слова, а какой-то тщедушный альманахъ». Нарисовать такую мрачную кар-

тивую, авторъ высказываетъ надежду на близкое зарожденіе въ Болгаріи независимой, серьезной, хорошо освѣдомленной газеты на европейскій манеръ, а также принципиальнаго не только литературно-научнаго, но и общественно-политическаго журнала. Потребность въ такихъ органахъ несомнѣнно есть въ болгарской читающей публикѣ, замѣтны также и въ журнальной сферѣ попытки лобсти этихъ потребностямъ навстрѣчу.

«Русская Мысль», январь. Г. Шестаковъ («Материалы для характеристики фабричныхъ рабочихъ») приводитъ результаты своего двукратнаго изслѣдованія рабочихъ на московской фабрикѣ Цинделя со стороны грамотности и матеріальнаго положенія ихъ. Изъ всѣхъ опрошенныхъ рабочихъ (1.417 чел.) 94% составляютъ крестьяне. Изслѣдованіе возрастнаго состава рабочихъ показало, что фабрика пользуется преимущественно молодыми силами—отъ 15 до 40 лѣтъ. По вопросу объ экономической связи рабочихъ съ деревней сообщаются слѣдующія цифры: изъ общей массы рабочихъ 90% оказались имѣющими земельный наделъ, но очень мелкій (въ среднемъ выводъ немного болѣе полу-десятины на йока); болѣе трети дворовъ принадлежатъ къ безлошаднымъ (37%). Земля болѣею частью обрабатывается семьей рабочаго; только 12,6% рабочихъ уходятъ домой на полевые работы. На фабрику рабочіе поступаютъ, среднимъ числомъ, съ 17 лѣтъ. Заработокъ рабочихъ, составляя въ среднемъ 67 к. въ день, колеблется отъ 30 к. до 5 р. 60 к. За вычетомъ расходовъ по содержанию, у неграмотнаго рабочаго останется 109 р., а у окончившаго курсъ начальной школы—169 р. Такимъ образомъ, начальное образованіе даетъ рабочему излишекъ минимумъ въ 60 р. въ годъ. Значитъ, образовательный цевъ является факторомъ, повышающимъ заработную плату. Грамотные среди рабочихъ составляютъ 67%. Пятая часть этого числа обучилась грамотѣ, уже будучи взрослыми. Но простой грамотностью рабочій уже не ограничивается. Ничего не читаютъ только 16,5% грамотныхъ; остальные 83,5% стремятся расширить свое образованіе путемъ чтенія или путемъ посѣщенія воскресной школы и лекцій. Фабричной библіотекой, правда, пользуются только 47,6% всѣхъ читающихъ рабочихъ; остальные достаютъ книги на сторонѣ, покупаютъ собственныя или выписываютъ газеты. Игнорированіе фабричной библіотеки объясняется тѣмъ, что она совершенно не удовлетворяетъ болѣе грамотныхъ рабочихъ, такъ какъ подборъ книгъ въ ней ограниченъ официальнымъ каталогомъ. Выборъ книгъ самими рабочими не всегда сознательнъ, часто совершенно случаенъ и оттого очень разнообразенъ: рабочіе читаютъ все, начиная съ «Витвы русскихъ съ кабардинцами» и кончая «Старымъ порядкомъ и революціей» Токвиля. Наиболѣе развитые рабочіе читаютъ преимущественно газеты. Читающіе періодическія изданія составляютъ болѣе трети всѣхъ грамотныхъ. Газета заходитъ на фабрику не всегда прямымъ путемъ. На всей фабрикѣ имѣется только 18 кружковъ, организованныхъ для выписки газетъ; многіе читаютъ газеты въ трактирахъ, наконецъ, не мало и такихъ, которые читаютъ газеты, кулѣнныя на папирсы. Что касается выбора газеты,—дешевизна имѣетъ здѣсь рѣшающее значеніе. Въ прошломъ году особенный успѣхъ имѣло «Русское Слово», благодаря перепечаткѣ изъ «Нивы» «Воскресенья» Л. Н. Толстого. Музей, театры, Третьяковская галлеря, публичныя лекціи посѣщаются только 35% всѣхъ рабочихъ. Наиболѣе популяренъ Политехнической музей,—но только потому, что онъ близокъ къ «толкучкѣ». Причины рѣдкаго посѣщенія образовательныхъ учрежденій объясняются рабочими различно: «не слышали», «дороги не знаемъ», «въ праздникъ отдохнуть хочется», «одежа плохая», «калошъ не имѣемъ, а безъ калошъ не пускаютъ». Есть и такіе, которые говорятъ: «лучше къ обѣднѣ сходить», или «мы не маленькіе», или наконецъ, откровенно: «не интересуемся этимъ».

Г. Ерошкинъ воспользовался многотомнымъ изданіемъ Министерства Ви.

Дѣлъ, представляющихъ сводку заключеній губернскихъ совѣщаній по пересмотру положенія о крестьянахъ. На первую очередь поставленъ былъ министерской программой вопросъ о *сельскомъ и волостномъ управленіи*. Уѣздное сѣдовое совѣщаніе Рязан. губ. высказалось рѣшительно противъ опредѣленія размѣровъ сельскаго общества извѣстнымъ числомъ душъ; такой механической принципъ повелъ бы за собой раздробленіе многихъ общинъ; между тѣмъ, болѣе многочисленныя общества, располагая большими средствами, могутъ заводить у себя многія полезныя учрежденія: школы, богадѣльни, банки, пожарныя инструменты. Первоначальной единицей крестьянскаго самоуправления должна быть поземельная община. Много голосовъ высказалось противъ соединенія въ сельскомъ обществѣ двухъ совершенно разнородныхъ единицъ, административной и поземельной. Авторъ также не видитъ никакой надобности дѣлать сельское общество низшей административной единицей; по его мнѣнію, слѣдовало бы всѣ административно-полицейскія обязанности перенести на волость, а земельной общинѣ предоставить хозяйственныя функціи. Этими бы разрѣшился вопросъ и объ устройствѣ всесословной волости, состоящей какъ изъ юридическихъ лицъ сельскихъ общинъ, такъ и изъ физическихъ землевладѣльцевъ и другихъ собственниковъ даннаго района». Требованіе всесословности волостного и сельскаго управленія заявляется многими губернскими совѣщаніями. Сельское населеніе уже не представляетъ той однородности, какъ въ моментъ отмены крѣпостнаго права; въ деревняхъ появилось много лицъ не крестьянскаго сословія, которые пользуются услугами общественнаго управленія и не несутъ никакихъ сборовъ; съ другой стороны и крестьяне, приписываясь въ мѣщане, уклоняются отъ платежей. Далѣе, волость, слишкомъ расширяющую свои предѣлы, авторъ предлагаетъ сгустить и отожествить съ приходомъ, (съ населеніемъ отъ 300 до 2.000 душъ муж. пола), какъ это предполагалось въ Положеніи 19 февраля 1861 г. Губернскія и уѣздныя совѣщанія указали на многія недостатки сельскихъ сходовъ, зависящіе отъ грубости, невѣжества и косности народной массы. Но эти недостатки нельзя устранить никакой регламентаціей, а исключительно народнымъ образованіемъ. По вопросу о составѣ сельскихъ сходовъ всѣ совѣщанія почти единогласно высказались за допущеніе женщинъ къ участію въ сходахъ. Вопросъ о возрастѣ для участія въ сходѣ разрѣшается различно: правоспособность признается одними съ 18 лѣтъ, другими—только съ 35. Авторъ ставитъ за то, чтобы всякій живущійся и начавшій самостоятельное хозяйство крестьянинъ тѣмъ самымъ получалъ право голоса на сельскомъ сходѣ. На министерскій вопросъ о замѣнѣ настоящихъ сельскихъ сходовъ, въ видахъ большаго порядка, сходами выборныхъ (напр., по одному представителю отъ десяти дворовъ) большинство совѣщаній высказалось безусловно отрицательно. Дѣйствительно, въ выборные легче всего пройдутъ нежелательные элементы—булаки и мірошды или бездомные пролетаріи, обладающіе неограниченнымъ досугомъ, тогда какъ настоящіе домовитые хозяева не захотятъ отвлекаться отъ работъ для участія въ сходахъ.

Проф. Мензбиръ характеризуетъ Альфреда Уоллеса, какъ одного изъ главнѣйшихъ представителей дарвинизма въ западной Европѣ. Извѣстно, что Уоллесъ, независимо отъ Дарвина, открылъ въ природѣ постоянную борьбу за существованіе и естественный подборъ. Но относительно разработки ученія Уоллесъ стоитъ далеко ниже Дарвина. Помимо того, что,—по его собственному признанію,—ему не хватало обширныхъ познаній, изобрѣтательности, сильной логики и напряженнаго трудолюбія, какими обладалъ Дарвинъ, самая обстановка для ученой работы была неблагопріятна: Уоллесъ провелъ восемь лѣтъ на Зондскомъ Архипелагѣ, изучая мѣстную фауну, совершенно въ сторонѣ отъ современной науки, между тѣмъ какъ Дарвинъ широко пользовался всѣми научными приобрѣтеніями своего времени. Однако, Уоллесъ разработалъ много частныхъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ эволюціонной теоріей и тѣмъ самымъ сдѣ-

лажь больше всѣхъ другихъ для ея утверженія. Особенно много онъ внесъ новаго по вопросу о географическомъ и геологическомъ распространеніи животныхъ. Въ его изслѣдованіи о «географическомъ распространеніи животныхъ» особенно цѣненъ отдѣлъ о вымершихъ формахъ. Много поработалъ онъ также надъ изученіемъ маскировки животныхъ, покровительственной и предохраняющей окраски ихъ въ видахъ самосохраненія. Десять лѣтъ назадъ онъ выпустилъ большую книгу «Дарвинизмъ», представляющую блестящую защиту эволюціоннаго ученія, Отрицательными сторонами ученой работы Уоллеса являются односторонность и предвзятость сужденій, мѣшающія широтѣ выводовъ и свободѣ изслѣдованія.

Въ коротенькой замѣткѣ («Пасынки русскаго законодательства») г. *Броновскій* въ яркихъ примѣрахъ рисуетъ подавляющее психическое дѣйствіе тѣлеснаго наказанія и практической его вредъ. Первый предсѣдатель редакціонныхъ комиссій Ростовцевъ былъ безусловнымъ противникомъ розги: «это было бы пятномъ настоящаго законодательства, законодательства объ освобожденіи», писалъ онъ. Послѣ его смерти сѣченіе было допущено, правда, — какъ временная мѣра; но вмѣсто того, въ 1889 г. число случаевъ примѣненія розги было увеличено. Теперь этимъ орудіемъ наказанія пользуются волостной судъ и административная власть. Волостной судъ сильно злоупотребляетъ приговорами о сѣченіи подъ вліяніемъ «темныхъ силъ» деревни. Полицейскія власти широко пользуются тѣлесными наказаніями для выколачиванія недомокъ и при усмиреніи народныхъ волненій и беспорядковъ. Авторъ приводит цѣлый рядъ случаевъ самоубійствъ приговоренныхъ къ тѣлесному наказанію, психическаго расстройтва, оскорбленія и убійства волостныхъ судей, сопротивленія властямъ и совершенія болѣе тяжкихъ преступленій съ цѣлью набавиться отъ тѣлеснаго наказанія. Наконецъ, наиболѣе развитое молодое поколѣніе крестьянства бѣжитъ изъ тьмы деревенскаго безправія въ городъ, и деревня, такимъ образомъ, лишается лучшихъ своихъ силъ.

«Русская Старина», январь и февраль. Приведемъ письмо А. Ѡ. Писемскаго къ А. В. Никитенко отъ 25-го ноября 1855 г. (?)

«Пользуясь вашей добротой, я рѣшаю обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшей просьбой. Я слышалъ, что открывается нѣсколько цензурскихъ мѣстъ и потому, не имѣю ли возможности поступить туда и я. Состою въ настоящее время безъ жалованья по министерству удѣловъ и живя въ Петербургѣ однимъ литературнымъ трудомъ, я крайне нуждаюсь въ службѣ и до сихъ поръ не имѣю въ виду никакого мѣста. Объ участіи вашемъ по этому дѣлу я хотѣлъ васъ просить еще въ прошлый разъ у Тургенева, но повѣстился и теперь рѣшаю обратиться письменно. Министерству очень удобно сдѣлать цензоровъ изъ литераторовъ, предостава, такъ сказать, цензурный судъ объ нихъ изъ среды же ихъ самихъ. Если есть надежда на полученіе мнѣ этой должности, то, Бога ради, не оставьте меня совѣтомъ, какъ и что мнѣ дѣлать: идти ли мнѣ прямо къ министру, или къ товарищу министра, или просить кого-нибудь прежде? За полученіемъ отвѣта я сегодня лично бы явился къ вамъ на вашу пятницу, но читаю свой новый романъ у Абрама Сергѣевича (Норова). Не обяжете ли меня письменнымъ отвѣтомъ, или, когда назначите, я самъ явлюсь. Еще разъ прося извиненія, что утруждаю моею просьбой, пребываю съ истиннымъ моимъ уваженіемъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Писемскій».

За границей.

Событія англійской жизни. Пренія, проходящія въ англійскомъ парламентѣ, указываютъ на серьезную опасность, которая грозитъ свободолюбивой Англiи. Лордъ Розберри въ рѣчи, преисполненной театральныхъ эффектовъ, настаивалъ на необходимости введенія обязательной военной службы, предрекая гибель Англiи, если она не пойдетъ по стопамъ континентальныхъ державъ и не превратится въ вооруженный лагерь. То же самое говоритъ и лордъ Ланддоунъ, военный министръ. Со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы: «у Англiи нѣтъ солдатъ, нѣтъ войска! Надо его создать!» Но какъ примирить между собой двѣ такія несовмѣстимыя вещи, какъ великая хартія вольностей и военная дисциплина? Въ такомъ духѣ отвѣчалъ и лордъ Салисбюри своему пылкому оппоненту лорду Розберри, желавшему во что бы то ни стало нарядить всю Англiю въ военный мундиръ. «Въ Европѣ и такъ достаточно націй, поглощенныхъ идеей милитаризма и страдающихъ отъ этой язвы,—сказалъ лордъ Салисбюри.—Зачѣмъ же Англiи вступать на этотъ путь? Пусть она попытается выпутаться изъ своихъ затрудненій, не прибѣгая къ такому средству, и тогда она окажетъ дѣйствительныя услуги цивилизаціи».

Съ этимъ взглядомъ, высказаннымъ лордомъ Салисбюри, согласны очень многіе въ Англiи и оппозиція введенію обязательной воинской повинности все еще достаточно сильна. Но такъ какъ все-таки должны быть приняты какія-нибудь мѣры для поднятія престижа Англiи, то эти противники конскрипціи указываютъ на флотъ. Спасеніе Англiи въ сильномъ флотѣ. Инсулярное положеніе Великобританіи устраняетъ отъ нея необходимость держать подъ ружьемъ такую массу войскъ, какую держатъ континентальныя державы. Пока у Англiи будетъ первый въ мірѣ флотъ, до тѣхъ поръ она можетъ быть спокойна!

Такіе голоса раздаются въ оппозиціи и англійское военное министерство пока еще не рѣшается выступить съ рѣшительными предложеніями въ духѣ милитаризма и только предлагаетъ нѣкоторыя экстренныя военныя мѣры. Мѣры эти заключаются въ образованіи новыхъ артиллерійскихъ батарей и усиленіи пѣхотныхъ батальоновъ.

Врядъ ли, однако, эти правительственныя мѣры будутъ признаны достаточными, — и потому главная опасность, которая грозитъ свободолюбивой Англiи, заключается въ томъ, что она волей неволей должна будетъ вступать на путь усиленныхъ вооруженій.

Ожиданія тѣхъ, кто предсказывалъ, что дни консервативнаго министерства сочтены, не оправдались. Оппозиція дѣйствовала вяло, быть можетъ, потому, что среди главныхъ ея вождей не нашлось желающихъ взвалить на свои плечи тяжелое бремя управленія государствомъ въ такія трудныя минуты. Конечно, это и было главнымъ причиною отклоненія предложенной лордомъ Фицъ Морисомъ (братомъ военного министра) поправки къ адресу, — въ которой выражалось сожалѣніе, что «министерство проявило недостатокъ знанія, осторожности и предусмотрительности какъ въ настоящую войну, такъ и вообще въ южноафриканскихъ дѣлахъ». Нельзя, впрочемъ, отрицать въ данномъ случаѣ также вліянія рѣчи Чамберлена. Многіе говорятъ, что Чамберленъ не имѣетъ больше соперниковъ въ ораторскомъ искусствѣ съ тѣхъ поръ, какъ Брайтъ, Дизраэли, Гладстонъ сошли со сцены. И на этотъ разъ Чамберленъ доказалъ, что онъ не потерялъ умѣнія владѣть аудиторіей, такъ что, по замѣчанію нѣкоторыхъ газетъ, еслибъ между понедѣльникомъ, когда онъ произнесъ свою рѣчь въ палатѣ общинъ, и вторникомъ—состоялось побѣдоносное сраженіе, которое обезпечило бы англiчанамъ дорогу въ Преторію, то и тогда настроеніе общества не могло бы измѣниться такимъ радикальнымъ образомъ. Чамберленъ поднималъ

духъ англичанъ и заставилъ ихъ снова вѣрять въ свою звѣзду, забывая, или вѣрѣе игнорируя, потоки крови, которые льются на югъ Африки. Какъ бы тамъ ни было, но онъ спасъ министерство своимъ краснорѣчіемъ. Нанадки оппозиціи были слабы и онъ отразилъ ихъ со свойственною ему рѣзкостью и находчивостью, закончивъ свою рѣчь эффектнымъ заявленіемъ, что второй Мэджубы не будетъ, насколько это зависитъ отъ правительства, и никогда бурамъ не удастся вновь соорудить въ центрѣ южной Африки такой очагъ, откуда распространяется расовая вражда,—никогда больше они не посмѣютъ третируютъ англичанъ какъ низшую расу!

Чемберленъ въ своей рѣчи не сказалъ ничего новаго, онъ поддерживалъ только свою прежнюю точку зрѣнія и доказывалъ, что война въ южной Африкѣ явилась роковою необходимостью. «Никакое правительство не виновато въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя возникли между нами и Трансваалемъ,—сказалъ онъ.— Эти затрудненія явились неизбежнымъ послѣдствіемъ кореннаго различія, существующаго между бурами и англичанами съ точки зрѣнія цивилизаціи и воспитанія. Буры стремятся освободиться отъ преобладанія англичанъ. Но преобладаніе буровъ означаетъ приниженіе всякой другой расы, тогда какъ наше преобладаніе поведетъ за собою равенство бѣлыхъ расъ и справедливое отношеніе къ чернымъ. Достигнувъ власти, мы скоро поняли, что положеніе серьезно и необходимо найти исходъ въ виду все возрастающей враждебности между такими народностями, которыя въ дѣйствительности должны были бы жить въ дружбѣ между собой. Недостаточность нашихъ военныхъ приготовленій именно и зависѣла оттого, что мы не теряли надежды на сохраненіе міра. Но война была необходима, справедлива и правильна!»

Пока въ англійскомъ парламентѣ происходятъ словесныя битвы, а въ южной Африкѣ идетъ упорная борьба, культурная работа продолжается также идти своимъ чередомъ въ Англии. На-дняхъ въ Лондонѣ состоялось мирное торжество—открытіе новаго городка или квартала для рабочихъ, выстроеннаго совѣтомъ лондонскаго графства, съ цѣлью доставить рабочимъ классамъ возможность жить болѣе удобны и болѣе здоровыя помѣщенія. Идея этого предпріятія возникла въ 1890 году и теперь приведена въ исполненіе. По расчету строителей, когда всѣ помѣщенія будутъ заняты, то населеніе городка должно будетъ достигнуть 6.000. Пространство городка занимаетъ 17½ акровъ и состоитъ изъ 23 группъ образцовыхъ зданій, заключающихъ въ себѣ въ общемъ 1.100 квартиръ. Каждая отдѣльная группа зданій носятъ особое названіе. Плата за помѣщеніе установлена слѣдующая: за одну комнату—3 шиллинга 6 пенсовъ въ недѣлю; за двѣ—отъ 5 шиллинговъ 6 пенсовъ до 8 въ недѣлю; за три—отъ 7 ш. 6 п. до 9 ш. 6 п.; за 4—отъ 9 шил. до 12 шил. 6 пенсовъ въ недѣлю. Жильцы могутъ также нанимать мастерскія, уплачивая отъ 3 шил. 6 пенс. до 6 шил. 6 пенс. въ недѣлю. Кромѣ того, въ услугахъ жильцовъ находятся ванны, по 1 пенсу за холодную и по 2 пенса за горячую ванну, и прекрасно устроенная паровая прачешная со всеми приспособленіями, паровымъ каткомъ, выжималками, сушильной и т. д. Каждый изъ жильцовъ можетъ пользоваться этою прачешной, уплачивая по полтора пенса въ часъ. Отдѣльныя ванны устроены въ каждой группѣ зданій и притомъ съ такимъ расчетомъ, что одна ванна приходится на каждыя четыре квартиры. Но въ этомъ городкѣ не всѣ зданія новыя: нѣкоторые старые дома передѣланы для жилья и снабжены всеми санитарными приспособленіями. Помѣщенія и въ этихъ домахъ также удобны, но дома не такъ красивы. Притомъ въ новыхъ домахъ при каждой квартирѣ устроена отдѣльная кухня, чего нѣтъ въ старыхъ зданіяхъ, гдѣ кухни общія для нѣсколькихъ квартиръ. Всѣ дома построены кругомъ площади, на которой разбитъ миниатюрный паркъ и устроена эстрада для музыкантовъ. Площадь носитъ названіе площади Арнольда въ честь бывшаго предсѣдателя совѣта лон-

донскаго графства. Въ городкѣ устроены двѣ городскихъ школы и одна приходская, а также существуютъ двѣ церкви и клубъ, организованный обществомъ трезвости, при которомъ находится прекрасная бібліотека и читальня.

Замѣчательно, что это новое рабочее поселеніе, названное «Boundary-Street Kstate», выстроено на мѣстѣ одного изъ самыхъ глухихъ и грязныхъ кварталовъ Лондона и одна изъ церквей возвышается на мѣстѣ дома, гдѣ отдавались прежде углы жильцамъ. Кварталь этотъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Old Nichol» и подробно описанъ подъ именемъ «The Jago» въ романѣ Артура Моррисона «The Child of the Jago». Когда совѣтъ лондонскаго графства въ 1889 году приступилъ къ осмотру и изслѣдованію этого квартала, то оказалось, что смертность въ немъ была 40,13 проц. на тысячу, тогда какъ во всемъ остальномъ Лондонѣ смертность равнялась 18,8 проц. Совѣтъ энергично принялся за дѣло очистки этого квартала и 6.004 человѣка были выслены отсюда въ другія мѣста. Условия жизни этого населенія были ужасны. Большинство состояло изъ чернорабочихъ, такъ называемыхъ «unskilled labourers», но было также очень много бродягъ самаго худшаго сорта. Вообще, совѣту лондонскаго графства пришлось не мало потрудиться, чтобы возстановить порядокъ въ этомъ населеніи и распредѣлить его по другимъ мѣстамъ. Но теперь метаморфоза уже совершилась, и на мѣстѣ грязнаго, зловоннаго квартала, изобиловавшаго всевозможными притонами порока и населеннаго всякимъ сбродомъ, возвышается теперь чистенькій, хорошенькій городокъ, населенный рабочими, ремесленниками и разными мелкими служащими. Перестройка и очистка этого квартала обошлась совѣту въ 331.610 фунтовъ стерлинговъ.

Отмѣна штемпельнаго налога въ Австріи. Австрійская палата господъ чуть-чуть не лишила Австрію пріятнаго подарка къ началу двадцатаго вѣка—отмѣны штемпельнаго налога на газеты. Налогъ этотъ тяжелымъ бременемъ ложился на періодическую печать въ Австріи и мѣшалъ ея свободному развитію, вслѣдствіе чего въ печати давно уже велась агитація противъ этого налога. До сихъ поръ на каждомъ номерѣ газеты долженъ былъ красоваться красный штемпель, которому была присвоена недѣльная кличка «позорнаго клейма Австріи». Клеймо это обозначало, что за этотъ номеръ уплаченъ требуемый налогъ въ размѣрѣ одного крэйцера. Такъ какъ нужно было платить за каждый отпечатанный номеръ, все равно будетъ ли онъ проданъ или нѣтъ, то вполне естественно, что налогъ этотъ тяжело ложился на бюджетъ газеты, такъ что изданіе газеты требовало обезпеченія крупнымъ капиталомъ и было все-таки рискованнымъ дѣломъ. Конечно, при такихъ условіяхъ нечего было и думать о развитіи дешевой народной печати. Съ другой стороны, трудность существованія газеты ставила ее часто въ зависимость отъ субсидій, получаемыхъ отъ различныхъ учреждений, группъ или отдѣльных лицъ, что, въ свою очередь, лишало печать ея независимости. Въ виду этого, въ Австріи давно уже начался протестъ противъ этого налога, устраивались демонстраціи, подавались петиціи, но налогъ держался крѣпко, несмотря на неоднократныя обѣщанія министровъ произвести реформу. Наконецъ, въ прошломъ году въ рейхсратѣ былъ внесенъ правительственный законопроектъ объ отмѣнѣ налога, какъ такой мѣры, «которая не находится болѣе въ соотвѣтствіи съ соціально-политическими воззрѣніями современнаго законодательства».

Почва была уже настолько подготовлена къ этой реформѣ, что рейхсратъ единогласно принялъ и вотировалъ законопроектъ объ отмѣнѣ штемпельнаго сбора съ газетъ. Печать возликовала, и уже нѣкоторыя еженедѣльные изданія извѣстили своихъ читателей, что они превращаются въ ежедневныя. Но это ликование печати чуть было не оказалось преждевременнымъ. Законопроектъ былъ переданъ въ палату господъ и тутъ-то начался его мытарства. Реакціонеры въ верхней палатѣ, главнымъ образомъ, состоящей изъ радикаловъ, при-

помнили, что налогъ этотъ былъ введенъ въ Австрію въ 1789 году съ цѣлью помѣшать распространенію въ этой странѣ вредныхъ идей, занесенныхъ изъ Франціи. Члены палаты Нйбауэръ съ видомъ ученаго финансиста объявилъ, что австрійское государство не можетъ лишиться себя 2½ миллионновъ гульденовъ ежегоднаго дохода, приносимаго штемпельнымъ сборомъ. Но министръ финансовъ горячо возсталъ противъ такого заявленія. Тогда члены палаты господъ подняли вопль, что результатомъ отиѣны налога явится полная разнузданность печати и т. д. Одинъ изъ молодыхъ членовъ палаты зашелъ даже такъ далеко, что всю печать обозвалъ «нечистымъ орудіемъ». Однимъ словомъ, пренія были очень горячія, но, какъ ни странно казалось гг. реакціонерамъ дать печати возможность свободно развиваться и процвѣтать въ странѣ, они все-таки должны уступить настойчивымъ требованіямъ. Все что они могли сдѣлать—это задержать введеніе законопроекта и передали его на разсмотрѣніе въ комиссію въ надеждѣ, что она пойметъ, что ей не надо торопиться. Во всякомъ случаѣ, австрійская печать можетъ теперь надѣяться, что къ началу двадцатаго столѣтія она избавится отъ «краснаго клейма» и «Steuer der Dummheit»—какъ принято называть въ Австрію этотъ налогъ отойдетъ въ область историческихъ преданій.

Мартини турецкой жизни. Когда въ прошломъ году французскій трагикъ Муне Сюлли, хорошо знакомый петербургской публикѣ, пріѣхалъ въ Константинополь, ему оказанъ былъ въ турецкой столицѣ радушный приемъ. Еврпейская публика и образованные турки съ восторгомъ посѣщали его представленія и французскій артистъ, конечно, долженъ былъ бы сгатасть доволенъ своимъ пребываніемъ въ оттоманской имперіи, еслибъ не турецкая цензура, которая отравляла ему существованіе своими придирками, заставляя его выбрасывать цѣлыя сцены или передѣлывать ихъ, такъ какъ турецкій цензоръ находилъ въ нихъ предосудительные намеки. Забавнѣе всего вышло съ «Рюа-Блазомъ» Виктора Гюго. Цензоръ самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился, чтобы были представлены сцены, изображающія какъ министры расхищаютъ государственное добро, такъ какъ это могло бы навести турецкую публику на нѣкоторыя размышленія и параллели, неудобныя для турецкихъ министровъ. Затѣмъ, была изъята также сцена, въ которой Рюа-Блазъ, заставъ врасплохъ министровъ, несмѣшливо говоритъ имъ: «bon appetit, Messieurs!» и прогоняетъ ихъ. Этого турецкій цензоръ не могъ допустить, — и потому онъ постановилъ, чтобы на сцену, вмѣсто министровъ и Рюа-Блаза явился режиссеръ и, обратившись къ публикѣ, торжественно произнесъ:

— Господа! Министерство подало въ отставку.

Зрители, не ожидавшіе этого, конечно, были поражены сначала, но когда поняли въ чемъ дѣло, то въ залѣ со всѣхъ сторонъ поднялся смѣхъ и послышались голоса: «bon appetit, Messieurs!» Но тѣмъ не менѣе цензоръ остался доволенъ; онъ выполнялъ свой долгъ и спасъ престижъ министерской власти въ глазахъ правовѣрныхъ турокъ. Нельзя же было даже на сценѣ допустить, чтобы министровъ прогоняли *coram publico!*

Такіе курьезные факты представляютъ, однако, нерѣдкое явленіе въ турецкой столицѣ. Издатели газетъ, которымъ всего больше приходится страдать отъ придирокъ своего строгаго начальства, должны прибѣгать ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы не возбудить противъ себя гоненій. Массы словъ приходится избѣгать. Напримѣръ, слово глупый и соотвѣтствующія выраженія на иностранныхъ языкахъ никогда не встрѣчаются въ турецкихъ газетахъ, такъ какъ мало ли кто можетъ обидѣться на это! Никогда ни одна газета не ставитъ говорить о болгарской или греческой границѣ, а только о «демаркаціонной линіи». Точно также ни одна газета не скажетъ: «болгарское

княжество», а только «восточно-румелійскій вилаеть». Президентъ Карно и императрица Елисавета для турецкихъ читателей умерли самымъ естественнымъ образомъ; догадливому читателю предоставлялось самому добираться почему собственно пострадалъ Дуккени. О концессіи багдадской желѣзной дороги, недавно полученной нѣмцами, никто не обмолвился ни единымъ словомъ, а что касается трансваальской войны, то тутъ не разрѣшается ни малѣйшая критика и только передаются тексты официальныхъ телеграммъ и отчетовъ; комментарии же къ нимъ не допускаются. Но одинъ находчивый журналистъ, врагъ англичанъ и сторонникъ буровъ, придумалъ способъ довести до свѣдѣнія публики настоящее положеніе дѣлъ въ Африкѣ. Онъ перевелъ на турецкій языкъ всѣ важнѣйшія сообщенія объ англійскихъ пораженіяхъ и въ особенности тѣ, гдѣ рассказывалось о злодѣяніяхъ англичанъ и передавались показанія пострадавшихъ буровъ, подтвержденные присягой, и затѣмъ, сдѣлавъ изъ этихъ сообщеній книгу въ роскошномъ переплетѣ, поднесъ ее султану черезъ одного изъ приближенныхъ къ нему. Въ своемъ посвященіи хитрый журналистъ очень тонко напоминаетъ о томъ, какъ негодовали англичане по поводу строгихъ мѣръ, принятыхъ турецкимъ правительствомъ относительно армянскихъ бунтовщиковъ,—а теперь они находятъ, повидимому, вполне естественнымъ, что ихъ солдаты обращаются подобнымъ варварскимъ образомъ съ ранеными и плѣнными бурами.

Журналистъ рассчитывалъ, что послѣ такого злостнаго напоминанія о коварствѣ англичанъ султанъ разрѣшитъ критику англійскаго поведенія въ южной Африкѣ, но до сихъ поръ такого разрѣшенія не послѣдовало.

Но не только печать окружена такими стѣсненіями. Ни одной телеграммы не можетъ быть послана за границу безъ того, чтобы она не подверглась предварительной цензурѣ. Одному комерсанту понадобилось недавно отправить телеграмму въ Голландію. Онъ отправилъ ее на телеграфъ, но черезъ часъ ему вернули ее обратно съ приглашеніемъ представить ее переводъ на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ.

— Я вовсе не обязанъ быть переводчикомъ,—объявилъ онъ начальнику телеграфа.—Если вы желаете пользоваться моими услугами, то потрудитесь мнѣ заплатить за нихъ.

Начальникъ телеграфа продолжалъ настаивать, пока, наконецъ, комерсантъ не вышелъ изъ терпѣнія и не пригрозилъ, что пожалуется посольству.

— Что же мнѣ дѣлать?—воскликнулъ съ неспритворнымъ огорченіемъ начальникъ телеграфа.—Вѣдь вы знаете, что мы не имѣемъ права посылать ни одной телеграммы безъ просмотра ея цензоромъ. А тутъ вы въ своей телеграммѣ, повидимому, говорите о томъ, что голландскій посланникъ не быль принятъ султаномъ.

Комерсантъ расхохотался и объяснилъ начальнику телеграфа его ошибку. Въ телеграммѣ шла рѣчь о томъ, что не принята одна поставка вслѣдствіе низкаго курса и больше ничего.

Но турецкое правительство больше всего боится, чтобы за границу не проникли какія-нибудь свѣдѣнія, которыми могли бы воспользоваться младо-турки, представляющіе либеральную турецкую партію. Младо-турки—это настоящій кошмаръ турецкаго правительства и султана. Они не даютъ ему спать спокойно, постоянно напоминаютъ о реформахъ и поддерживаютъ за границей агитацію противъ Турціи, разоблачая злоупотребленія турецкой администраціи и всѣ недостатки турецкаго режима. Султанъ боится и ненавидитъ ихъ отъ всей души. Представителемъ младо-турокъ за границей является Ахмедъ Риза, проживающій въ Парижѣ и издающій журналъ «Meshveret», проповѣдующій необходимость реформъ въ Турціи. Ахмедъ Риза эмигрировалъ изъ своего отечества, но продолжаетъ усердно свою пропаганду за границей и упорно вѣрять въ то,

что султанъ, наконецъ, самъ пойметъ преимущества либеральнаго конституціоннаго режима и самъ введетъ его въ Турціи, убѣдившись, что при такихъ условіяхъ его личная безопасность и прочность его престола будутъ болѣе обезпечены. Ахмедъ Риза никогда не былъ революціонеромъ, никогда не проповѣдовалъ никакихъ насильственныхъ мѣръ и ждетъ всего отъ доброй воли и сознанія султана. Но тѣмъ не менѣе султанъ его боится и разъ сто посылалъ къ нему уполномоченныхъ, чтобы подкупить его. Ахметъ Риза остается непреклоненъ и выпроваживаетъ ихъ за дверь своей скромной квартирки въ Парижѣ въ улицѣ Монжъ.

Другая политическая партія въ Турціи, старо-турецкая, отличается приверженностью Исламу и свято хранитъ мусульманскія традиціи. Они не способны ни на какую активную борьбу или пропаганду своихъ идей и остаются лишь хранителями мусульманскихъ идеаловъ, относясь со свойственнымъ имъ фатализмомъ къ господствующему порядку вещей.

Республиканская школа во Франціи. Въ новомъ парижскомъ народномъ университетѣ 14-го округа г. Банё прочелъ недавно, въ присутствіи очень многочисленной аудиторіи, публичную лекцію о народной школѣ. Онъ прежде всего указалъ на то, что вопросъ о народномъ образованіи все больше и больше выдвигается на первый планъ, обсуждается печально съ разныхъ сторонъ и служитъ предметомъ заботъ парламента. «Противники республики, — сказалъ Банё, — сильнѣе всего нападаютъ на республиканскую школу. Законы, создавшіе эту школу, они называютъ не иначе, какъ «преступными законами» (lois scélérates), изъ чего именно и слѣдуетъ заключить, что они-то и составляютъ краеугольный камень республики. Въ самомъ дѣлѣ, что представляли изъ себя школы при «старомъ порядкѣ»? Ихъ было мало и обставлены онѣ были очень дурно. Обыкновенно помѣщались онѣ въ сараяхъ и гумнахъ, иногда же обученіе происходило просто на открытомъ воздухѣ, Учителя были совершенно неподготовлены къ своей высокой миссіи, невѣжественны и находились въ полной зависимости отъ священника своего прихода. Большею частью это были церковные служки, попомари и церковные пѣвчіе, не получившіе никакого образованія. Главною ихъ обязанностью было сопровождать кюре при исполненіи церковныхъ требъ. Что же касается школьнаго преподаванія, то оно сводилось преимущественно къ обученію государственной религіи, и лишь мимоходомъ преподавали ученикамъ грамоту, да и то весьма поверхностно».

Банё указываетъ на то, что эти свѣдѣнія онъ заимствовалъ у аббата Аллена, изъ его книги о народномъ образованіи до-революціоннаго періода. Алленъ вонсе не былъ противникомъ до-революціонной школы и его нельзя заподозрить въ пристрастіи и преувеличеніи. Но результатъ такой системы преподаванія самъ за себя говоритъ. Судя по регистральнымъ книгамъ, при заключеніи браковъ изъ 100 супруговъ только 29 умѣли подписать свою фамилію. Грамотныхъ женщинъ было не болѣе 14%. Замѣчательно, по мнѣнію Банё, что великіе педагоги прошлаго режима, Рабле, Монтань, Руссо и др. нисколько не занимались народнымъ образованіемъ въ настоящемъ значеніи этого слова, хотя и слѣдуетъ упомянуть о Тюрго, выразившемъ желаніе, чтобы въ каждой общинѣ была школа и чтобы преподаваніе носило гражданскій характеръ, Революція вызвала перемѣну въ этомъ отношеніи и породила чувство, что республика должна опираться на школу. Такъ думалъ Мирабо и въ особенности Дантонъ, говорившій, что «воспитаніе, послѣ хлѣба, составляетъ первую необходимость народа». Кондорсэ мечталъ о томъ, чтобы въ каждой деревнѣ съ 400 жителей была устроена школа и затѣмъ въ каждомъ городѣ съ 4.000 жителей была бы выстроена школа съ высшимъ курсомъ и вечернія лекціи по воскресеньямъ для взрослыхъ. Если всѣ эти прекрасные планы такъ и оста-

*

лись невыполненными и законъ 17-го ноября 1794 года остался мертвою буквой, то лишь потому, что ресурсы страны пришлось употребить на защиту ея территоріи отъ вѣшнихъ враговъ. Но, во всякомъ случаѣ, были установлены принципы народнаго образованія.

Во время первой имперіи народное образованіе не вошло въ государственный бюджетъ, о немъ заботились лишь постольку, по скольку это было нужно, чтобы его поработить и подвергнуть тщательному надзору, который былъ порученъ юре. Батихизисъ, преподаваемый въ то время въ школахъ, гораздо болѣе говорилъ объ обязанностяхъ по отношенію къ императору, нежели о Богѣ.

Гизо первый вернулся къ традиціямъ революціи и произвелъ разслѣдованіе по дѣлу народнаго образованія. Это разслѣдованіе раскрыло массу злоупотребленій и недостатковъ, а также бѣдственное положеніе школьныхъ учителей, которые лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получали жалованье 60 фр. въ годъ: болѣею же частью имъ платили натурой. Это были настоящіе нищіе, которые ободили дома, собирая дань съ жителей; обыкновенно съ ними обращались дурно, такъ что они чуть не погибали съ голоду. Если мэръ какой-нибудь общины желалъ оказать любезность школьному учителю, то онъ позволялъ ему пообѣдать на своей кухнѣ. Это все, что онъ считалъ нужнымъ для него сдѣлать.

Въ 1838 году былъ изданъ законъ, по которому каждая община обязывалась имѣть первоначальную школу, каждый городъ съ 6.000 жителей долженъ былъ имѣть первоначальную школу съ высшимъ курсомъ, а каждый департаментъ—нормальную школу. Жалованье учителямъ платило государство, и наконецъ были учреждены женскія школы.

Далѣе Бане подробно останавливается на прекрасныхъ мечтахъ 1848 г., касающихся народнаго образованія. Во времена второй имперіи, благодаря Виктору Дюрюи, были введены улучшенія въ режимъ народнаго образованія. Третья республика произвела полную реорганизацію въ этомъ отношеніи. Перечисляя всѣхъ уже умершихъ дѣятелей народнаго образованія, Бане останавливается на Жюль Ферри, который много потрудился на этомъ поприщѣ. Затѣмъ Бане отвѣчаетъ критикамъ республиканской программы. «Есть люди, которые даже возстаютъ противъ обязательнаго обученія, говоря что такимъ образомъ совершается посягательство на волю отца семейства! Но вѣдь отцу не дозволяется наносить ущербъ тѣлу своего ребенка, атрофировать его органы, почему же ему должна быть дана полная свобода атрофировать его умъ?»

Бане закончилъ свою рѣчь горячимъ воззваніемъ ко всѣмъ сочувствующимъ дѣлу народнаго образованія. Работники нужны на этомъ поприщѣ—и пусть каждый вноситъ свою лепту. Всѣ цивилизованныя страны давно уже поняли, что спасеніе и будущность государства заключаются въ школахъ.

Слушатели Бане, среди которыхъ было много рабочихъ, членовъ новаго народнаго университета, горячо аплодировали оратору. Въ заключеніе, какъ всегда, раздались крики: «Vive la République!», въ которыхъ на этотъ разъ присоединился еще возгласъ: «Vive l'école Républicaine».

Въ послѣднее время въ Латинскомъ кварталѣ организовано нѣсколько учреждений, имѣющихъ спеціальною цѣлью оказывать содѣйствіе иностраннымъ студентамъ и студенткамъ въ Парижѣ. Учрежденія эти носятъ названіе «Université Hall» и находятся подъ покровительствомъ комитета въ Сорбоннѣ, отнесшагося очень сочувственно къ идеѣ, которая положена въ основу новаго дѣла. «Université Hall» оказываетъ гостепріимство всѣмъ иностраннымъ молодымъ людямъ, пріѣзжающимъ учиться въ Парижъ, помогаетъ имъ устраиваться и доставляетъ имъ всѣ нужныя свѣдѣнія, программы и т. д. Во главѣ этого учрежденія стоятъ: Мишель Вреаль, профессоръ Collège de France и докторъ Дельбе, директоръ Collège libre des sciences morales, и депутатъ, Дюкло, директоръ Па-

стеровскаго института, Перро, директоръ высшей нормальной школы, Мелони, генеральный секретарь сорбоннскаго комитета и др.

Для студентокъ и иностранныхъ профессоровъ—женщины открыты такъ называемый «Noms Universitaires», совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ в университетская резиденція для студентовъ. Основатели этихъ учреждений надеются, что они будутъ носить характеръ университетскихъ поселеній въ Англии и явятся центромъ соціальной дѣятельности, полезной для семействъ рабочихъ даннаго округа. Каждое воскресенье вечеромъ устраивается чаепитіе, на которое приглашаются молодые рабочіе, живущіе по сосѣдству. Секретарями этого учрежденія состоятъ: m-elles Lévy Armand и H. Higginson.

Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ учреждениямъ предполагается устроить лѣтнюю колонію въ департаментъ «Ardèche» близъ Верну, съ тою цѣлью, чтобы молодыя иностранки, которыя не могутъ вернуться на родину для отдыха, могли бы во время лѣтнихъ вакацій возстановить свое здоровье среди лѣсовъ и покойной жизни въ деревнѣ.

За всѣми свѣдѣніями иностранные студенты и студентки должны обращаться на Boulevard St.-Michel 25, гдѣ находится бюро «Université Hall».

Въ Германіи. Злобу дня въ Германіи составляютъ въ настоящее время жаркія пренія, происходящія въ рейхстагѣ по вопросу объ увеличеніи флота. Это новое военное бремя, которое императоръ Вильгельмъ желаетъ взвалить на плечи страны, вызываетъ, конечно, сильную оппозицію въ германскомъ парламентѣ и очень горячую полемику въ печати. «Докажите, что Германіи необходимы новые броненосцы и крейсера!—восклицаютъ противники правительственнаго законопроекта и указываютъ на громадныя военные расходы, которые и безъ того несетъ Германія.—Наше сухопутное войско отличается здоровымъ аппетитомъ!» прибавляютъ они. «Германія дѣйствительно заняла выдающееся мѣсто въ международной торговлѣ, но отнюдь не потому, что ея пушки защищали нѣмецкихъ купцовъ,—сказалъ между прочимъ Рихтеръ, въ своей рѣчи въ рейхстагѣ,—а вслѣдствіе того, что нѣмецкіе купцы и рабочіе сами прокладывали себѣ путь всюду своимъ умѣньемъ, трудолюбіемъ и настойчивостью». Онъ указалъ на то, что въ международной торговлѣ одерживаютъ побѣду никакъ не военныя суда, а прейс-куранты и качество товаровъ, поэтому и Англія испугалась нѣмецкой конкуренціи, хотя у нея огромный флотъ, а у Германіи не-большой. «Германскіе повинисты, конечно, желаютъ чтобы хоть на водѣ осуществился ихъ идеалъ, т.-е. было бы больше солдатъ, нежели гражданъ», сказалъ Рихтеръ въ заключеніе, вызвавъ громкій смѣхъ и бурныя аплодисменты на скамьяхъ оппозиціи.

Но самый большой успѣхъ имѣла рѣчь Бебеля, которая длилась около двухъ часовъ и произвела сильное впечатлѣніе, въ особенности та часть ея въ которой Бебель яркими красками изобразилъ, сильно жестикулируя и возбуждаясь, всѣ ужасы будущей войны, когда все взрослое населеніе будетъ призвано къ оружію, закрыты фабрики, поля брошены на произволъ судьбы, а города и села переполнятся голодающими женщинами и дѣтьми!

Бебель стремился разрушить существующее ложное убѣжденіе, будто миръ сохраняется лишь благодаря огромнымъ арміямъ. «Это неправда!—воскликнулъ онъ.—Если Европа избѣгала до сихъ поръ кроваваго столкновенія, то этимъ она обязана вовсе не своему войску, а все возрастающимъ международнымъ отношеніямъ въ области экономическихъ, соціальныхъ и умственныхъ интересовъ. Культурнымъ народамъ все труднѣе и труднѣе становится порывать эти отношенія и мысль о возможныхъ послѣдствіяхъ войны заставляетъ эти народы избѣгать ее».

Развивая дальше свою мысль, Бебель съ жаромъ обратился къ членамъ международной лиги мира, спрашивая ихъ, какъ могутъ они примирить такия

противорѣчія, какъ мечты о братствѣ народовъ и проекты усиленія военнаго могущества на морѣ? «Меня не удивляетъ, когда проектъ этотъ встрѣчаетъ сочувствіе у господъ антисемитовъ и приверженцевъ германскаго союза, мнящихъ себя добрыми христіанами! — воскликнулъ Бебель.— Вѣдъ эти господа имѣють обыкновеніе говорить о *нѣмецкомъ* Богѣ, какъ будто не у всѣхъ христіанъ вообще, какъ у нѣмцевъ, такъ и у русскихъ, англичанъ, французовъ и т. д., существуетъ одинъ только Богъ. Пусть же эти господа стремятся къ осуществленію своихъ идеаловъ прошлыхъ вѣковъ, ихъ шовинизмъ не можетъ никого удивить, но иное дѣло члены лиги мира! Вѣдъ они устраиваютъ международные конгрессы, на которыхъ произносятся трогательныя рѣчи, затѣмъ веселятся и устраиваютъ пиры, на которыхъ провозглашаютъ соответствующіе тосты, а мы, прочтя отчеты о засѣданіяхъ конгресса, думаемъ, что они и въ самомъ дѣлѣ сдѣлали великое дѣло! Но, что же дѣлають эти господа, когда въ парламентѣ заводится рѣчь о новыхъ мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью человекоубійство? Они молчатъ, словно въ ротъ воды набрали или же подають голоса за новыя пушки и новыя броненосцы! Почему никто изъ васъ, недавно пировавшихъ и произносившихъ рѣчи въ Бернѣ и Христіаніи, не встанетъ теперь и не возвыситъ своего голоса за мирное развитіе человѣчества, за прекращеніе вооруженій и общность европейской культуры! Неужели вы не въ состояніи отрѣшиться отъ узкихъ взглядовъ нѣмецкаго бюргерства, которому вбили въ голову, что только жертвуя миллиарды на армію и флотъ, оно обезпечиваетъ себѣ миръ и спокойствіе? Мы же смѣло смотримъ въ глаза милитаризму и говоримъ народу, что на такой почвѣ, какъ казармы и броненосцы, можно культивировать отнюдь не миръ, а лишь хищническіе и звѣрскіе инстинкты народовъ!»

Въ заключеніе своей прекрасной рѣчи, Бебель сказалъ, что Германіи скоро понадобятся новыя школы, нужны новыя больницы, санаторіи, убѣжища для выздоравливающихъ и затраченные на это миллионы будутъ содѣйствовать облегченію страданій и спасенію многихъ тысячъ человѣческихъ жизней. «Это будетъ производительная трата,—прибавилъ онъ,—создавайте земледѣльческіе и промышленные институты, поощряйте научныя изслѣдованія, устраивайте для народа музеи и бібліотеки—вотъ культурныя задачи, для исполненія которыхъ нужны деньги и рабочія руки. Отъ этого общественный порядокъ не только не поколеблется, но симпатіи народа къ нему возрастуть».

Возраженія защитниковъ усиленія флота не отличались ни силою аргументаціи, ни краснорѣчіемъ, такъ что оппозиціи въ этомъ случаѣ бесспорно принадлежитъ пальма первенства. Законопроектъ отправленъ теперь на разсмотрѣніе въ бюджетную комиссію и, вѣроятно, не раньше, какъ мѣсяца черезъ полтора будетъ обсуждаться въ общемъ засѣданіи рейхстага. Въ настоящее же время правительство очень озабочено рѣшеніемъ вопроса, откуда взять средства на покрытіе новыхъ расходовъ на флотъ, «Deckungs-Frage» представляетъ истинный камень преткновенія и найти источники новыхъ доходовъ—задача нелегкая.

Большую сенсацію въ берлинскихъ литературныхъ кружкахъ произвело извѣщеніе, что императоръ Вильгельмъ рѣшилъ въ этомъ году никому не выдавать шиллеровской преміи. Какъ извѣстно, эта премія представляющая денежную награду, должна ежегодно выдаваться какому-нибудь поэту или автору, чьи произведенія будутъ признаны достойными награды. Премію назначаетъ особый комитетъ, но утверждаетъ это назначеніе императоръ. Въ 1896 г. комитетъ, въ которомъ, между прочимъ, засѣдали директоры трехъ королевскихъ театровъ и такіе авторитеты, какъ профессоръ Дильтейхозеръ и Эрихъ Шмидтъ, а также нѣсколько извѣстныхъ писателей, единогласно постановилъ выдать премію Гергардту Гауптману. Но императоръ Вильгельмъ рѣшилъ иначе и, воспользовавшись своимъ правомъ, присудилъ выдать эту премію драматургу

Эрнсту фонъ-Вильденбруху, занимающему въ то же время довольно важную должность въ государствѣ. На этотъ разъ комитетъ снова *единогласно* объявилъ, что нѣтъ автора, который былъ бы болѣе Гергардта Гауптмана достоинъ полученія преміи, и императоръ опять разошелся съ комитетомъ и отказался санкціонировать его рѣшеніе. Въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ отмѣнилъ выдачу преміи въ этомъ году.

Конечно этотъ фактъ возбуждаетъ въ печати много толковъ. Говорятъ, что императоръ желалъ бы наградить капитана Лауфа, который посвятилъ свой драматическій талантъ на то, чтобы воспѣвать хвалу Гогенцоллернамъ, но, во всякомъ случаѣ желаніе императора, во что бы то ни стало, устранить Гауптмана, вопреки единогласному рѣшенію комитета, указываетъ, что онъ и въ дѣлахъ искусства желаетъ неуклонно проводить свой знаменитый принципъ: «*Regis voluntas suprema lex*». Одна изъ нѣмецкихъ газетъ выражаетъ по этому поводу желаніе знать, какого критерія придерживается императоръ при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. На полученіе отвѣта на свой вопросъ газета, вѣроятно, не рассчитываетъ.

Въ рейхстагѣ происходили также пренія по вопросу о допущеніи женщинъ и реалистовъ въ университеты. Депутатъ Рикертъ указывалъ на то, что женщины все еще терпятъ большія стѣсненія и что положеніе студентокъ зависитъ всецѣло отъ доброй воли каждаго отдѣльнаго профессора. «Женщинамъ,— сказалъ онъ,— не оказываютъ вовсе никакой милости, допуская ихъ въ университеты, но въ сущности предоставляютъ имъ гораздо меньше того, на что они имѣютъ право». Эти пренія указываютъ, что германскія женщины въ сравнительно короткое время значительно шагнули впередъ,—и въ обществѣ и въ рейхстагѣ имѣютъ массу сторонниковъ, сочувствующихъ женскому движенію. Точно также и пренія о допущеніи реалистовъ въ университеты выяснили, что въ германскомъ обществѣ усиливается движеніе противъ классической гимназій. Даже министръ, графъ Позадовскій, высказался въ рейхстагѣ въ пользу реалистовъ, замѣтивъ, что онъ не слышалъ, чтобы нужно было изучать греческихъ классиковъ для того, чтобы стать хорошимъ врачомъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«*Revue de Paris*».—«*The Forum*».

Revue de Paris Шарль Ланглау продолжаетъ развивать свой взглядъ на систему классическаго образованія и необходимость реформировать среднюю школу болѣе или менѣе кореннымъ образомъ. Прежняя простая система классическаго преподаванія подверглась съ теченіемъ времени большимъ измѣненіямъ, говорить онъ; въ нее была введена масса добавочныхъ главныхъ предметовъ и вслѣдствіе загроможденія программы ученики ничего не изучали какъ слѣдуетъ. Въ настоящее время всѣ приходятъ къ одинаковому заключенію, что результаты греколатинской культуры весьма посредственные; почти всѣ ученики классическихъ гимназій ничего не знаютъ по гречески и очень слабы въ латинскомъ языкѣ, и что всего важнѣе, совершенно не поддаются воспитательному влиянію курса словесныхъ наукъ. Въ этомъ пунктѣ сходятся всѣ, какъ противники, такъ и сторонники классической системы, только одни приписываютъ эти печальные результаты разнымъ нововведеніямъ, ограничившимъ прерогативы классическаго преподаванія, тогда какъ другіе полагаютъ, что именно въ этомъ преподаваніи гнѣздится, корень зла. Въ виду такого разногласія и средства, предлагаемыя для борьбы съ этимъ зломъ, также разнообразны: одни предлагаютъ героическое средство, возстановленіе прежней системы грекола-

тинскаго преподаванія насчетъ всего остального, другіе же, наоборотъ, предлагаютъ совершенно исключить древніе языки изъ программы. Но, разумѣется, между этими двумя крайними представителями двухъ противоположныхъ лагерей находится цѣлый рядъ промежуточныхъ степеней; болѣе умѣренные мечтаютъ о такой реформѣ средняго образованія, которая примирила бы всѣ интересы. Вопросъ, такимъ образомъ, остается открытымъ до сихъ поръ. Закономъ 27 іюля 1896 года греколатинское преподаваніе было отмѣнено въ Норвегійи во всѣхъ ереднеучебныхъ заведеніяхъ. Это, безъ сомнѣнія, была очень смѣлая реформа, на которую рѣшился норвежскій народъ въ назиданіе крупнымъ европейскимъ государствамъ. Но противники крайнихъ мѣръ предлагаютъ оставить классическому преподаванію то почетное мѣсто, которое оно занимало раньше и только измѣнить методъ этого преподаванія. Многіе справедливо указываютъ на то, что увлеченіе грамматикой было причиной, вызвавшей уклоненіе отъ первоначальной цѣли греколатинскаго преподаванія. Противъ этого «*furor grammaticus*», который овладѣлъ нѣмецкими гимназіями, возставалъ также Вирховъ въ 1892 году. Многіе изъ весьма ярыхъ словесниковъ находятъ, что нельзя преподавать какъ слѣдуетъ одновременно латинскій и греческій языки: тотъ или другой непременно должны пострадать. Но на счетъ того, которымъ изъ этихъ двухъ языковъ слѣдуетъ пожертвовать, мнѣнія также расходятся. Точно также много споровъ возбуждаетъ вопросъ о превосходствѣ классическаго образованія надъ реальнымъ. «Превосходство тѣхъ, кто получилъ классическое образованіе мнѣ всегда бросалось въ глаза во всѣхъ странахъ», говоритъ Леруа Боле. Но не таково было мнѣніе Трейчке, который доказывалъ, что никто изъ приверженцевъ классическаго образованія не въ состояніи отличить прежнихъ гимназистовъ отъ бывшихъ воспитанниковъ реальныхъ училищъ. По мнѣнію Ланглюа, современная система реального преподаванія страдаетъ такими же недостатками, какъ и классическая система. Въ сущности, эта «новая система», на которую возлагалось столько надеждъ, потерпѣла полную неудачу, такъ какъ она представляетъ не что иное, какъ передѣлку классической программы и точно также не достигаетъ цѣли. И та, и другая система грѣшатъ полнѣйшимъ отсутствіемъ цѣлесообразности, онѣ не могутъ культивировать умъ и не создаютъ истинно образованныхъ людей. Реформа, слѣдовательно, прежде всего должна коснуться этой стороны и освободить программы отъ лишнихъ предметовъ, вмѣнявъ въ то же время и самую систему преподаванія. Огромное значеніе имѣетъ также вопросъ объ учителяхъ. Во многихъ странахъ отношенія учебнаго персонала къ учащимся находятся не на высотѣ требованій. Необходимо философское и педагогическое воспитаніе учителей для того, чтобы они могли совладать со своею задачей. Германія опередила въ этомъ отношеніи другія страны и хотя германская педагогика страдаетъ излишнимъ догматизмомъ, но, тѣмъ не менѣе, у нея можно многимъ позаниматься и прежде всего рѣчь идетъ о необходимости философской подготовки для учителей и тщательнаго выбора воспитателей юношества, не столько на основаніи ихъ талантовъ, сколько на основаніи ихъ профессиональныхъ способностей, Ланглюа указываетъ на то, что германское общество ставитъ учителямъ большія требованія, но въ то же время оно и окружаетъ ихъ большимъ уваженіемъ и обезпечиваетъ ихъ будущность.

Вопросъ о реформѣ средней школы настолько назрѣлъ во всѣхъ странахъ, что откладывать его разрѣшеніе больше невозможно. Народъ, который съумѣетъ рѣшить эту сложную задачу, получитъ преимущество надъ другими народами, такъ какъ создастъ условія для образованія новаго истинно культурнаго общества, свободнаго отъ всякихъ стѣснительныхъ наслѣдій прошлаго, умѣющаго мыслить и разсуждать и способнаго къ разумной и плодотворной дѣятельности.

The Forum, январь-февраль. Михаилъ Дэвиттъ, известный ирландскій дѣятель, беретъ подъ свою защиту законопроектъ о пенсіяхъ для стариковъ, который разработанъ спеціальнымъ комитетомъ и долженъ быть внесенъ въ парламентъ. Проектъ чрезвычайно интересенъ, какъ одна изъ крупныхъ попытокъ социальнаго законодательства въ странѣ, вообще мало привыкшей къ вмешательству государства въ деликатную область социальныхъ отношений. Немудрено, что и этотъ проектъ уже нѣсколько разъ проваливался въ спеціальныхъ комитетахъ, несмотря на сильную поддержку Чемберлена,—и на этотъ разъ прошелъ лишь большинствомъ 9 противъ 4-хъ, со всевозможными урѣзками. Предполагалось организовать помощь старикамъ (выше 65 лѣтъ) на счетъ особаго налога съ земельной собственности и выдавать эти пенсіи совершенно независимо отъ существующихъ учреждений призрѣнія бѣдныхъ, чтобы не отпугивать пенсионеровъ ненавистнымъ для англичанъ призракомъ «рабочаго дома» и не ставить ихъ въ унижительное положеніе просителей милостыни. Такой радикализмъ сильно не понравился консервативной партіи, представителемъ взглядовъ которой выступилъ въ томъ же № «Форума» известный историкъ Лекки, самъ бывший въ комиссіи и подавшій голосъ противъ проекта. Лекки настаиваетъ на сохраненіи суровой точки зрѣнія на бѣдныхъ, которую проводилъ законъ 1834 г., и боится, что новый проектъ ослабитъ стремленіе къ сбереженіямъ, сократитъ заботы частныхъ рабочихъ организацій объ обезпеченіи стариковъ и, наконецъ, введетъ новую статью расхода, которая будетъ постоянно расти. За всѣмъ этимъ не трудно разсмотрѣть—впрочемъ, нисколько не скрываемый маститымъ историкомъ—страхъ манчестерства передъ вступленіемъ правительства на путь государственнаго социализма. Защитники проекта должны были уже теперь пойти на уступки: они поставили въ связь администрацію пенсій съ приходскими попечительствами о бѣдныхъ, сократили предлагаемый расходъ на государственную помощь до 100.000.000 р. ежегодно (вдвое сравнительно съ первоначальнымъ расчетомъ) отказались отъ спеціальнаго налога и постарались успокоить опасенія противниковъ правиломъ, по которому назначеніе пенсій обставляется рядомъ затрудненій и строгимъ разслѣдованіемъ причинъ, почему проситель не можетъ самъ содержать себя.

Трансваальскій вопросъ дебатруется въ тѣхъ же №№ съ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Профессоръ санскрита, Гопкинсъ, соглашается, что къ поведенію Англіи трудно отнестись сочувственно съ точки зрѣнія обычнаго мѣрила нравственности. Но онъ апеллируетъ къ «высшей нравственности», передъ трибуналомъ которой Англія получаетъ, по его мнѣнію, полное оправданіе. «Я радуюсь триумфамъ Англіи, потому что она служитъ Богу и человечеству. Служить Богу—значитъ улучшать людей, а вездѣ, гдѣ утверждалась Англія, люди улучшались. Такъ было въ Индіи. Такъ и въ Египтѣ. Такъ будетъ и въ южной Африкѣ, когда авторитетъ буровъ уступитъ мѣсто высшей цивилизаціи».

Голландецъ van Beeg Roetigael вовсе несогласенъ съ тѣмъ, чтобы Индія процвѣтала подъ британскимъ владычествомъ и ссылается на ея періодическія голодовки. Онъ подробно рассказываетъ удручающую исторію англійско-трансваальскихъ отношений (см. «Миръ Божій», 1899 г. № 11 и въ настоящей книжкѣ статью Сутнеръ).

Стоитъ ли заниматься колонизаціей, спрашиваетъ Austin, шефъ статистическаго бюро въ Соединенныхъ Штатахъ (подъ колонизаціей онъ разуметъ также и завоеваніе новыхъ странъ и новыхъ рынковъ)? По его справкамъ, оказывается, что очень стоитъ. Въ 1897 г. британскія колоніи получили цѣльмъ 41% своего ввоза непосредственно изъ Великобританіи, тогда какъ въ странахъ не подчиненныхъ британскому авторитету—только 14% всѣхъ товаровъ куплено было у англичанъ.

Американскій купецъ Feagon, тридцать лѣтъ торговавшій въ Шанхаѣ,—развертываетъ не менѣ блестящія перспективы для торговли своихъ земляковъ съ Китаемъ. «Вмѣсто того, чтобы подозрѣвать въ Китаѣ будущаго конкурента на всемірномъ рынкѣ,—замѣчаетъ онъ,—наше правительство и народъ должны бы были серьезно постараться сохранить за нами ту равноправность въ торговомъ отношеніи, которую мы имѣемъ по существующимъ трактатамъ. Намъ будетъ что дѣлать при постройкѣ многихъ тысячъ миль желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ нуждается Китай, при снабженіи его всякаго рода машинами и всевозможными приспособленіями для промышленнаго производства; въ этомъ отношеніи Китай еще для многихъ поколѣній будетъ представлять величайшій рынокъ въ мірѣ... Доля Соединенныхъ Штатовъ на этомъ рынкѣ зависить исключительно отъ тѣхъ усилій, которыя будутъ сдѣланы въ ближайшіе годы—пока поле еще открыто для всѣхъ».

Можно ли назвать нашъ вѣкъ—вѣкомъ вырожденія? W. Thayer предпочитаетъ называть его вѣкомъ долговѣчности, и приводитъ въ защиту своего мнѣнія цифры. Средняя продолжительность человѣческой жизни увеличилась въ теченіе этого вѣка—благодаря улучшенію санитарныхъ условій въ цивилизованныхъ странахъ, благодаря усовершенствованію медицины, наконецъ, благодаря болѣе правильному образу жизни—съ 30 лѣтъ до 40. Но, можетъ быть, вырождается психика людей, наиболѣе подверженныхъ тратѣ нервовъ, т. е. интеллигенціи? Авторъ и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ самой утѣшительной справкой. Онъ собралъ свѣдѣнія о 500 слишкомъ писателяхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Результатъ получился слѣдующій. Всѣхъ короче жизнь романистовъ, но и они живутъ, въ среднемъ, 62—63 года. Философы, поэты, живописцы и скульпторы, духовныя лица—живутъ 65—66 лѣтъ. Агитаторы и государственные люди живутъ еще долѣе—69—71 годъ. Наконецъ, всего долговѣчнѣе оказываются специалисты по естественнымъ наукамъ, изобрѣтатели и историки: средняя продолжительность ихъ жизни—72—73 года. Опираясь на эти факты, авторъ протестуетъ противъ объясненія генія, какъ ненормальности. Нормальный человѣкъ не есть дикарь, а человѣкъ усовершенствовавшій свою натуру для успѣшной борьбы съ природой. Въ этомъ отношеніи только что истекшій вѣкъ выше всѣхъ предыдущихъ.

Трансваальская «афера».

(Статья Берты фонъ-Суттнеръ, изъ «Die Zeit»).

Съ каждымъ днемъ становится яснѣ сходство между драмой, волновавшей французскую республику во время процесса Дрейфуса, и трагедіей, разыгрывающейся теперь въ Англии по поводу Трансваала. Та же лихорадка націоналистическаго шовинизма въ парламентскихъ кругахъ, въ правительствѣ и въ самомъ населеніи, та же ложь и травля въ печати, тѣ же грубыя демонстраціи простонародья. То же тупое упрямство и отстаиваніе несправедливаго дѣла, то же искаженіе и укрываніе истины, тотъ же надменный отказъ отъ всякаго разслѣдованія и нежеланіе подвергнуть хотя бы тѣни сомнѣнія справедливость затѣяннаго предпріятія. Совершенно какъ было съ «chose jugée» французской «аферы».

Аналогія идетъ и дальше. Небольшая кучка англійскихъ «интеллигентовъ», въ pendant къ историческимъ уже теперь фигурамъ Зола, Лабори, Пикара, Прессансе, ни минуты не переставала,—до войны также какъ и послѣ ея объявленія,—громко протестовать противъ нея; и точно такъ же какъ тѣхъ, такъ и этихъ всячески старались заподозрить въ продажности, въ отсутствіи

патріотизма: ихъ осыпали клеветами, ругательствами и даже побоями. Ихъ бойкотировали, какъ только могли; всякій, кто осмѣливался произнести свое «*réquis*» противъ махинацій, вызвавшихъ войну, привлечь къ отвѣту господъ вродѣ Чэмберлена или Мильнера, спасти сто тысячъ невинныхъ съ того Чортова острова, который представляетъ изъ себя южно-африканскій театръ войны, — всякій такой смѣльчакъ немедленно изгонялся изъ службы, изъ магазиновъ, изъ редакцій.

Еще одна аналогія заключается въ томъ единодушномъ осужденіи, съ которымъ отнесся весь цивилизованный міръ къ поведенію англійскаго правительства и солидарнаго съ нимъ англійскаго народа. То же самое было и съ Франціей; и англичане тогда сильнѣе всѣхъ другихъ народовъ негодовали на сучекъ въ глазу французовъ. Французскіе націоналисты совершенно равнодушно относились къ порицанію иностранцевъ: они, пожалуй, ничего бы не имѣли даже противъ маленькой войны. Такъ же точно относятся и англичане къ иномезной критикѣ: объявилъ же герцогъ Девонширскій, что все это—дѣло печати-подкупленной Лейлсомъ. Лучшимъ средствомъ противъ иностранныхъ порицаній объявлено было усиленіе флота и введеніе всеобщей воинской повинности. Чѣмъ яснѣе сознавалась англичанами потеря общихъ симпатій, тѣмъ громче они кричали, что война справедлива, что она—священна, что ее необходимо довести до конца. Чэмберленъ и его партія—такъ же неприкосновенны, какъ Мерсье и его штабъ. Разоблаченія «*Indépendance Belge*» объ участіи Чэмберлена въ Джемсоновскомъ набѣгѣ напоминаютъ намъ открытіе подлоговъ въ процессѣ Дрейфуса. Недавняя побѣда министра колоній въ парламентѣ напоминаетъ то засѣданіе французской камеры, въ которомъ рѣшено было опубликовать доказательство виновности въ надеждѣ покончить этимъ съ «аферой». Такія параллели можно бы было подбирать безъ конца. Но вотъ гдѣ аналогія кончается.

Французскіе борцы за правду и справедливость находили опору въ сочувствіи цѣлаго міра. Каждое ихъ слово отмѣчалось всей печатью. Со всѣхъ сторонъ они получали выраженія сочувствія и удивленія; весь свѣтъ боролся вмѣстѣ съ ними. Въ трансваальской «аферѣ» общее вниманіе сосредоточено на стратегическихъ новостяхъ съ театра войны; объ Англии же думаютъ, что весь народъ тамъ на сторонѣ Чэмберлена. О героическихъ усиліяхъ тамошнихъ защитниковъ права и правды очень мало извѣстно; большинство думаетъ, что даже и тѣ слабыя проявленія протеста, которыя обнаружались во время преній объ адресѣ, надо считать окончательно подавленными.

Это совершенно невѣрно. Точно такъ же какъ оправданіе Эстергази, осужденіе Зола и первые триумфы «*chose jugée*» не остановили борьбы за пересмотръ процесса, такъ и англійскіе «интеллигенты» не перестанутъ требовать, чтобы скрываемая изъ «государственныхъ соображеній» интрига была выведена на свѣжую воду и чтобы былъ, наконецъ, положенъ предѣлъ гибельной для отечества войнѣ.

Добьются ли они этого? Кто знаетъ? Во всякомъ случаѣ, задача ихъ, и безъ того трудная, еще больше затрудняется тѣмъ, что они лишены сочувствія и признанія всего остального міра.—Надо, чтобы мы знали, по крайней мѣрѣ, что сдѣлано въ этомъ направленіи; надо, чтобы были извѣстны имена тѣхъ, кто рисковалъ популярностью, чтобы добиться побѣды мира и справедливости.

Среди газетъ, оставшихся вѣрными дѣлу мира, наиболѣе выдающіяся: «*Westminster Gazette*», «*The Morning Leader*», «*The Star*», «*The Speaker*», потомъ «*Arbitrator*» Рандаля Кримера, еженедѣльный органъ Стета—«*War against the Transvaal war*» и множество отдѣльныхъ брошюръ.

Въ составъ «южно-африканскаго комитета примиренія» входятъ: Гербертъ Спенсеръ, величайшій изъ современныхъ мыслителей Англии, Генри Гладстонъ,

сынъ покойнаго премьера, Оскаръ Браунингъ, Валтеръ, Крэнъ, Фредерикъ Гаррисонъ, епископъ Герфордскій, «деканы»: винчестерскій, линкольскій и дэргемскій, лордъ и леди Кольриджъ и т. д., и т. д. Предсѣдателемъ состоитъ членъ парламента Леонардъ Корней.

О дѣлахъ комитета свидѣтельствуетъ выпущенное имъ воззваніе:

«Прискорбная трата крови и денегъ, происходящая въ Южной Африкѣ и влекущая за собой бѣдствія для нашей Капской колоніи и серьезную опасность для всей имперіи, возбудила во многихъ изъ насъ желаніе организовать комитетъ для распространенія точныхъ свѣдѣній о предметѣ спора, а также для подготовки мирнаго разрѣшенія великаго конфликта между нашей страной и республиками буровъ».

О политикѣ «доведенія до конца» сэръ Вильфридъ Лоусонъ въ своей статьѣ, напечатанной въ «Вестминстерской газетѣ», судить слѣдующимъ образомъ:

«Многія высокопоставленные и выдающіяся лица утверждаютъ, что намъ, конечно, не слѣдовало бы впутываться въ Трансваальскую войну, но что, разъ мы впутались, надо довести дѣло до конца. Имъ кажется, что остановиться теперь было бы опаснѣе, чѣмъ остановиться впоследствии, потому что когда-нибудь все таки нужно будетъ остановиться. Но остановить войну можно только путемъ соглашенія сторонъ, и оспариваемое мною мнѣніе состоитъ въ томъ, что соглашеніе лучше отложить до того времени, когда кончится война и убито будетъ гораздо больше британцевъ и буровъ. Но количество убитыхъ съ обѣихъ сторонъ не находится ни въ какой связи съ справедливостью того дѣла, изъ-за котораго мы деремся. Итакъ, это будетъ рѣзня для рѣзни. Безполезно говорить, что буры не приняли бы теперь никакихъ разумныхъ условій. Что они примутъ, это ихъ дѣло,—но дѣломъ нашей порядочности было бы объявить имъ, каковы наши условія и чего мы хотимъ добиться продолженіемъ войны. Вся болтовня на тему, будто буры—нападающая сторона, кажется мнѣ совершеннымъ вздоромъ. Всѣмъ извѣстно, что мы сами накликали войну, пославши войска въ то время, какъ велись переговоры, и затаивъ эти переговоры, съ тѣмъ чтобы выиграть время для военныхъ приготовленій. Во мнѣ эта фраза—довести до конца—вызываетъ отвращеніе. Въ своей политической жизни я немало встрѣчалъ безнравственныхъ девизовъ, но этотъ превосходитъ все, что я слышалъ. Возмутительно было слышать, что либеральный манчестерскій клубъ принималъ резолюцію, не находящую для правительства никакого другаго исхода, кромѣ продолженія войны. Если нѣтъ иного выбора, какъ дѣлать неправду, то запрежь всѣ наши церкви и часовни, перестанемъ кичиться религіей и цивилизаціей и прежде всего распустимъ либеральную партію, потому что если она не есть то, чѣмъ считалъ ее Гладстонъ—«великое орудіе добра,—то она просто ложь, обманъ, ловушка».

Для противодѣйствія войнѣ образовался не одинъ этотъ комитетъ одновременно съ нимъ возникаютъ и многіе другіе. Одна группа, напр. (члены парламента, публицисты, духовныя лица), распространила воззваніе, озаглавленное: «движеніе въ пользу приостановки войны. Къ народу и его вождямъ», слѣдующаго содержанія:

Мы призываемъ васъ—остановить войну. Это война несправедливая; мы никогда не должны бы были ее начинать. Мы не можемъ въ ней ничего выиграть, но можемъ все потерять. Довести ее до конца—только потому, что мы ее начали—значило бы къ одному преступленію прибавить другое.

Взглянемъ фактамъ въ глаза. Если бы мы согласились на третейскій судъ, который предлагалъ президентъ Крюгеръ и отъ котораго мы отказались, то не было бы никакой войны. До войны не дошло бы, если бы правительство рассчитало издержки; если бы собственники золотыхъ россыпей не рассчитывали бы на уменьшеніе рабочей платы и на увеличеніе дивидендовъ.

Что такое буры? Голландцы, живущіе въ южной Африкѣ; такіе же бѣлые люди и протестанты, какъ мы; они читаютъ ту же Библию и молятся тому же Богу; они убѣждены, что борятся за свою свободу и родину, при полномъ сочувствіи всей Европы, за исключеніемъ Турціи.

Почему мы не требуемъ перемирія? Тогда мы могли бы впервые узнать, въ чемъ заключается разногласіе между нами. И увидѣвши ясно, чего хочетъ каждая сторона, мы увидѣли бы, какъ можно уладить дѣло. И если бы даже не удалось прийти ни къ какому соглашенію, то можно бы было передать дѣло третейскому суду.

Что значитъ довести войну до конца? Значить—пожертвовать двадцатью тысячами жизней нашихъ храбрыхъ сыновъ. Перерѣзать, по меньшей мѣрѣ, столько же храбрыхъ буровъ. Отягчить положеніе бѣдняковъ на родинѣ. Вызвать застой въ торговлѣ. Повысить подати. Расточить сотни милліоновъ нашихъ кровныхъ денегъ. И, наконецъ, прибѣгнуть къ набору.

Стоитъ ли игра свѣчъ? Когда мы искупаемся въ крови, чтобы подружить наше знамя въ Преторіи, то тогда лишь начнутся настоящіе трудности. Мы завоюемъ народъ, которымъ не сможемъ управлять безъ его согласія. А если мы попробуемъ управлять имъ противъ его воли, то намъ придется держать тамъ по крайней мѣрѣ 50.000 солдатъ.

Сорокъ тысячъ рабочихъ вотировали 20 января резолюцію, предложенную вице-президентомъ радикальной федераціи въ Лондонѣ, Петтенгеллемъ, и требовавшую низложенія кабинета, вовлекшаго страну въ неудачную, несправедливую и дорогую войну. Кортней, членъ нижней палаты, въ публичныхъ собраніяхъ доказывалъ отвѣтственность Чемберлена за набѣгъ Джемсона, основываясь на письмахъ Гавкслея, напечатанныхъ въ «Indépendance Belge» и замолчанныхъ министерскими органами печати. На большомъ митингѣ въ пользу возстановленія мира въ Эксетерѣ-голдѣ предѣлательствовавшій Сайласъ Гокингъ объяснилъ еозывъ собранія тѣмъ, что отъ изъ всѣхъ частей Ангаіи, Шотландіи и Ирландіи онъ получаетъ сотни писемъ отъ людей, жалующихся на то, что принужденъ молчать и желавшихъ облегчить себя хотя бы простымъ выраженіемъ своихъ чувствъ противъ продолженія войны. «Тридцать лѣтъ я проповѣдывалъ людямъ Евангеліе и продолжаю думать, что этику Новаго Завѣта слѣдуетъ распространять также и на международныя отношенія. Я не хочу думать, что христіанство потеряло фiasco. Я не вѣрю также, чтобы упорство въ несправедливости вело къ правдѣ». Организованный на этомъ митингѣ союзъ мира постановилъ слѣдующую резолюцію:

«Принявъ во вниманіе, что провокація къ бесполезной войнѣ составляетъ преступленіе противъ человѣчности и что ея продолженіе изъ за поддержанія империалистскаго престижа равносильно увеличенію національныхъ грѣховъ, мы обращаемся къ правительствамъ имперіи и республикъ съ мольбою пріостановить безцѣльное кровопролитіе, съ тѣмъ чтобы мы могли, наконецъ, узнать, зачѣмъ мы воюемъ и такимъ образомъ подготовить почетное соглашеніе или путемъ прямыхъ переговоровъ, или путемъ посредничества какой-либо дружественной нейтральной державы, въ смыслѣ принциповъ Гаагской конференціи».

В. Т. Следъ присоединяетъ къ этому дальнѣйшія объясненія, содержащія въ себѣ зарыкъ и обвиненіе, и разоблаченіе относительно происхожденія войны.

«Мы полагаемъ, что настоящая война возникла изъ лживыхъ утвержденій и надменной политики секретаря колоній. Мы твердо убѣждены, что всѣ затрудненія возникли изъ совершенно основательнаго недовѣрія буровъ къ Чемберлену участіе котораго въ заговорѣ Родса и Джемсона еще сильнѣе было подчеркнуто его желаніемъ—замазать глаза парламентской комиссіи. Мы объявляемъ нечестной его попытку возстановить верховную власть 1881 г., уничтоженную въ 1884. Мы считаемъ нечестнымъ поступкомъ — отказъ отъ своего собственнаго

предложенія (назначать комиссію для изслѣдованія вопроса о семилѣтнемъ срокѣ для вступленія въ подданство), какъ разъ въ ту минуту, когда Брюгеръ согласился принять эте предложеніе. Мы заявляемъ наше отвращеніе и негодованіе по поводу диническаго признанія Чемберлена, что кровавая и несчастная война была послѣдствіемъ его неумѣнія написать ясную депешу въ отвѣтъ на предложеніе пятилѣтняго срока со стороны Брюгера. Мы отвергаемъ, какъ придуманный поздыбе, хитрый мнѣе о великомъ голландскомъ заговорѣ и объявляемъ ложью—утвержденіе, будто вооруженія Брюгера начались раньше 1895 г. и имѣли какую-либо иную цѣль, помимо законнаго желанія оградить себя на случайповторенія комплота. Мы глубоко сожалѣемъ объ упорномъ отказѣ нашего правительства исполнить настойчивую и нѣсколько разъ повторенную просьбу Брюгера—рѣшить всѣ разногласія посредствомъ третейскаго суда. Наконецъ, мы выражаемъ твердую увѣренность въ томъ, что пока Чемберленъ не удаченъ изъ министерства колоній, пока онъ занимаетъ тотъ почетный постъ, которымъ онъ злоупотребилъ, нарушивъ имперскій миръ и замаравъ репутацію Англіи, до тѣхъ поръ не будетъ никакой возможности возстановить миръ въ южной Африкѣ».

Это—сильный языкъ. Уда, блестящая романистка, тоже пишетъ письмо въ «Вестминстерскую газету», въ которомъ предостерегаетъ своихъ земляковъ отъ отвращенія, какое вызвалъ въ нравственномъ сознаніи Европы теперешній «шутковской имперіализмъ англичанъ».

Въ дѣлѣ Дрейфуса весь свѣтъ прислушивался къ ходу борьбы, потому что всѣ чувствовали, что на карту поставлена вовсе не судьба одного человѣка, а справедливость и истина противъ «государственныхъ соображеній» и національнаго фанатизма. Въ трансваальскомъ дѣлѣ—тотъ же антагонизмъ повторяется въ безконечно-большихъ размѣрахъ. Здѣсь на карту поставленъ вопросъ: неужели цѣлые народы должны впутываться въ несправедливыя и гибельныя войны всякій разъ, когда какой-нибудь клнѣ, добывающей почета или власти, вадумается, при помощи уличныхъ криковъ и при поддержкѣ разбойниковъ печати, выдвинуть на сцену *casus belli*? И если ужъ рѣшили и начали воевать, неужели *chose jugée*, какъ бы ни была она жива и вредна, должна быть освобождена отъ всякаго пересмотра? Неужели невинные будутъ попрежнему страдать,—все равно, по одиночкѣ ли гдѣ-нибудь въ ссылкѣ или цѣлыми тысячами на полѣ битвы? Небольшая кучка «интеллигентовъ» теперь въ Англіи, какъ тогда во Франціи, отвѣчаетъ—нѣтъ! На «интеллигентахъ» остальнаго міра лежитъ долгъ оказать имъ поддержку своимъ сочувствіемъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физиологія. 1) Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній. 2) Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью. 3) О цвѣтной слѣпотѣ. Д. Н.—Метеорологія. Выстрѣлы, какъ средство противъ града.—Техника. Новый сплавъ—магналий. П. М.—Астрономическія извѣстія. К. Покровский.

Физиологія. *Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній.* И въ практикѣ обыденной жизни, и въ изученіи явленій природы мы въ сущности руководствуемся впечатлѣніями, доставляемыми органами чувствъ. Едва ли не наименьшее значеніе для насъ имѣетъ чувство обонянія, и, быть можетъ, поэтому оно наименѣе обстоятельно изучено, но въ физиологическомъ отношеніи оно представляетъ большой интересъ, такъ какъ рѣзко отличается во многомъ отъ остальныхъ чувствъ (кромѣ вкуса). Органы зрѣнія и слуха даютъ намъ весьма опредѣленные указанія не только относительно качественной, но также и количественной стороны воздѣйствія, вызывающаго соотвѣтствующее ощущеніе; такъ, напр., весьма нетрудно научиться опредѣлять 10 градаций въ яркости звѣздъ (такъ называемую величину звѣздъ); при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что по чувствительности къ слабому свѣту человѣческой глазъ неизмѣримо превышаетъ лучшія фотографическія пластинки: если при ихъ помощи мы можемъ получить изображенія предметовъ, недоступныхъ глазу, какъ, напр., слабо свѣтящихся звѣздъ, то это только потому, что время, въ теченіе котораго пластинка можетъ воспринимать вліяніе свѣта, весьма продолжительно, тогда какъ глазъ въ этомъ отношеніи скорѣе приближается къ моментальному аппарату, — сѣтчатка глаза очень скоро утомляется. Обоняніе во многихъ случаяхъ количественныхъ отношеній намъ совершенно не указываетъ; правда, мы говоримъ о сильномъ и слабомъ запахѣ, но по наблюденіямъ оказывается, что зачастую сила впечатлѣнія вовсе не зависитъ отъ количества вещества, дѣйствующаго на концевые (воспринимающіе) аппараты обонятельнаго нерва. Далѣе мы знаемъ, что у нормальнаго человѣка опредѣленному свѣтовому или звуковому впечатлѣнію соотвѣтствуетъ одно только явленіе, т. е., напр., впечатлѣніе даннаго музыкальнаго тона можетъ быть вызвано только извѣстными, строго опредѣленными колебаніями частицъ воздуха. Между тѣмъ одинаковый для насъ запахъ имѣютъ иногда совершенно различныя вещества, и, что особенно замѣчательно, при постепенномъ повышеніи воздѣйствія на обонятельный аппаратъ нѣкоторыхъ веществъ впечатлѣніе качественно совершенно измѣняется или (въ другихъ случаяхъ) ослабѣваетъ. На нѣкоторыхъ интересныя примѣрахъ мы остановимся подробнѣе.

Всякій знаетъ, что чувство обонянія у нормально развитого и здороваго человѣка отличается большой тонкостью. Особыми изслѣдованіями установлено, что при помощи обонянія мы можемъ ясно различить присутствіе такого количества пахучаго вещества, какое далеко недостаточно, чтобы быть узаннымъ какимъ-либо инымъ способомъ посредствомъ остальныхъ органовъ чувствъ. До-

казательства тому можетъ дать каждый пахучій цвѣтокъ. Такъ, напр., количество вещества, содержащагося въ цвѣтахъ фіалки, отъ котораго зависитъ ея запахъ, такъ мало, что нужно взять не одинъ пудъ цвѣтовъ, чтобы получить 1 граммъ (приблизительно $\frac{1}{4}$ золотника) этого пахучаго вещества. Количество пахучаго вещества, содержащееся въ букетѣ фіалокъ, не достигаетъ миллионной доли грамма и только ничтожная часть этого количества переходитъ въ воздухъ, но достаточно войти въ комнату, гдѣ находятся фіалки, и немного втянуть въ себя воздухъ, чтобы почувствовать запахъ; не только опредѣлить, сколько пахучаго вещества достигаетъ при этомъ нервныхъ окончаній въ слизистой оболочкѣ носа, но даже и представить себѣ это количество мы совершенно не можемъ, во всякомъ случаѣ оно неизмѣримо меньше тѣхъ количествъ, которые химикъ обозначаютъ словомъ «слѣды». Единственно, быть можетъ, наиболѣе чувствительный изъ аналитическихъ методовъ—спектральный анализъ—и то въ наиболѣе чувствительной реакціи, а именно въ опредѣленіи натрія, можетъ ограничиться такимъ же малымъ количествомъ вещества, какъ обоняніе.

Если, вмѣсто одного букета фіалокъ, мы помѣстимъ ихъ десять въ комнатѣ, то каждый изъ насъ тотчасъ замѣтитъ, что запахъ усилился. Но и въ данномъ случаѣ количество пахучаго вещества все же совершенно ничтожно. Иныя впечатлѣнія получаемъ мы, когда на нашъ обонятельный аппаратъ дѣйствуетъ дѣйствительно большое количество пахучаго вещества фіалки. Въ настоящее время найденъ способъ готовить это вещество въ произвольныхъ количествахъ. Въ опытахъ было получено его столько, сколько, быть можетъ, его содержится во всѣхъ фіалкахъ, расцвѣтающихъ въ теченіе лѣта въ Европѣ. Стеклянки съ этимъ веществомъ оставались открытыми въ лабораторіи и даже его нагревали до кипѣнія, такъ что значительное количество его переходило въ видѣ паровъ въ воздухъ, но было бы весьма ошибочно думать, что химикъ, производившій эти опыты, чувствовалъ сильнѣйшій запахъ фіалокъ. Въ дѣйствительности этого не было. По мѣрѣ того, какъ въ воздухѣ увеличивалось количество паровъ этого пахучаго вещества, запахъ цвѣтовъ становился слабѣе и слабѣе и вскорѣ совершенно исчезъ; вмѣсто него распространился сильный запахъ малины. Это обстоятельство тѣмъ болѣе удивительно, что пахучее вещество малины также уже получено въ чистомъ видѣ и не обнаруживаетъ способности при сильномъ раздраженіи принимать запахъ фіалки. Не слѣдуетъ также думать, что превращеніе запаха фіалки въ запахъ малины въ указанномъ случаѣ можетъ быть сведено къ утомленію обонятельныхъ нервовъ: этотъ запахъ ощущается тотчасъ же и свѣжимъ человѣкомъ, если пахучее вещество взято въ большомъ количествѣ. Въ послѣднее время очень много готовится духовъ запаха фіалки именно вслѣдствіе того, что найденъ способъ получать это пахучее вещество синтетически. Но многіе изъ этихъ духовъ пахнутъ не фіалкой, а малиной и только потому, что въ духи прибавлено слишкомъ много вещества, которое само по себѣ совершенно тождественно съ пахучимъ веществомъ фіалки и дѣйствительно даетъ запахъ фіалки, если его взять гораздо меньше.

Появленіемъ запаха малины не оканчиваются удивительныя измѣненія, которыя наблюдаются въ воздѣйствіи пахучаго вещества фіалокъ на обоняніе. Если подѣйствовать на обонятельный аппаратъ еще большимъ количествомъ этого вещества, чѣмъ то, которое необходимо для полученія запаха малины,—напр., если понюхать сосудъ, въ которомъ содержится совершенно чистое, неразбавленное пахучее вещество фіалки, то чувствуется опять новый запахъ, а именно весьма слабый запахъ кедроваго дерева (такъ пахнутъ, напр., только что очиненные карандаши). Кедровое масло также получено въ чистомъ видѣ, но нивогда не наблюдалось, чтобы оно и при сильномъ раздраженіи пахло малиной или фіал-

ками. Описанныя особенности пахучаго вещества фіалки не представляют особаго исключенія, извѣстно не мало аналогичныхъ явленій. Особенно поразительны тѣ случаи, когда вещества, отвратительно пахнуція, при соответствующемъ разжиженіи превращаются въ ароматическія. Недавно былъ найденъ новый примѣръ такого превращенія при изслѣдованіи пахучаго масла изъ цвѣтовъ жасмина. Оказалось, что ароматъ жасмина принадлежитъ къ сложнымъ запахамъ, т.-е. что онъ зависитъ отъ нѣсколькихъ сильно пахнущихъ веществъ, взятыхъ вмѣстѣ. Въ числѣ ихъ важную роль играетъ индолъ, — вещество, которое давно уже извѣстно и которое принадлежитъ къ постояннымъ продуктамъ гніенія. Это вещество въ чистомъ видѣ отличается чрезвычайнымъ зловоніемъ и только при большомъ разбавленіи, въ какомъ оно находится въ маслѣ цвѣтовъ жасмина, оно принимаетъ участіе въ образованіи его характернаго аромата. Не менѣе удивительны, чѣмъ указанныя превращенія запаховъ, тѣ случаи, когда пахучее вещество при увеличеніи концентраціи дѣйствуетъ слабѣ. Такъ бываетъ, напримѣръ, съ искусственнымъ мускусомъ, съ ванилиномъ (пахучимъ веществомъ ванили), съ пипероналемъ (пахучимъ веществомъ геліотропа), съ кумариномъ, отъ котораго зависитъ запахъ свѣже-сѣошеннаго сѣна, — всѣ эти вещества въ большомъ количествѣ почти совсѣмъ не пахнутъ или пахнутъ очень слабо, и только при достаточномъ разжиженіи чувствуются ихъ настоящій запахъ. Такимъ образомъ, органъ обонянія по чувствительности можетъ быть поставленъ выше такихъ приборовъ, какъ спектроскопъ и гальванометръ съ зеркаломъ

Только что сообщенныя наблюденія съ достаточной ясностью показываютъ, почему мы не можемъ широко пользоваться чувствомъ обонянія въ изученіи явленій природы, но, разумѣется, истинная причина тому заключается не въ самыхъ свойствахъ чувства, но въ томъ, что свойства эти недостаточно хорошо изучены. Насколько, дѣйствительно, мало разработаны и не прочны наши представленія о механизмѣ обонянія, показывается то, что до сихъ поръ не установлено съ несомнѣнностью всѣми принимаемое основное положеніе, по которому ощущеніе запаха вызывается непосредственнымъ воздѣйствіемъ частицъ пахучаго вещества, переносящихся воздухомъ, на концевыя аппараты обонятельнаго нерва въ слизистой оболочкѣ носа. Въ № 26. Т. СХХІХ «Comptes rendus» Парижской академіи помѣщена статья Vaschide et Van Melle «Une nouvelle hypothèse sur la nature des conditions phisiques de l'odorat», авторы которой не безъ основанія считаютъ это положеніе совершенно недоказаннымъ. По общепринятымъ представленіямъ мы ощущаемъ запахъ потому, что отъ пахучаго вещества непрерывно отдѣляются мельчайшія частицы (т.-е. оно испаряется), распространяются въ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, достигаютъ слизистой оболочки носа, растворяются въ выдѣляемой ею жидкости и такимъ образомъ приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ окончаніями волоконъ обонятельныхъ нервовъ. Соответственно этому представленію тѣла, имѣющія запахъ, должны, во-первыхъ, испытывать потерю въ вѣсѣ, если они не находятся въ герметически запертomъ сосудѣ и, во-вторыхъ, должны непремѣнно растворяться въ выдѣленіяхъ слизистой оболочки. Всѣ доказательства въ пользу указаннаго представленія сводятся къ слѣдующему: 1) запахи переносятся воздухомъ и, чтобы почувствовать запахъ, необходимо ввести въ полость носа воздуха, содержащій частицы пахучаго вещества; 2) если пахучее вещество заключить въ герметически запертomъ вмѣстѣлище, то запаха болѣе не чувствуется. Конечно, такія доказательства совершенно недостаточны и авторы указанной работы, на основаніи дѣлаго ряда соображеній, приходятъ къ гипотезѣ о непрямомъ воздѣйствіи пахучаго вещества на обонятельные нервы: по ихъ представленію, отъ пахучихъ тѣлъ лучами расходятся короткія волны, аналогичныя, но не подобныя тѣмъ, которыя мы считаемъ причиною свѣта, тепла

и явленій, наблюдавшихся Рентгеномъ. По поводу упомянутыхъ выше доказательствъ общепринятаго воззрѣнія, они приводятъ слѣдующія соображенія, которыя кажутся небезосновательными: 1) звукъ также переносится воздухомъ, равно какъ и теплота въ нѣкоторыхъ условіяхъ, однако никто на этомъ основаніи не дѣлаетъ предположеній, что отъ нагрѣтаго или звучащаго тѣла отдѣляются и переносятся частицы; 2) если запереть герметически въ не прозрачномъ вмѣстилищѣ источникъ свѣта, то онъ не будетъ возбуждать свѣтовыхъ ощущеній; но, вѣдь, прозрачное для лучей Рентгена. Поэтому, врядъ ли логично ожидать, чтобы по отношенію къ гипотетическимъ лучамъ запаха всѣ вещества были прозрачны, да къ тому же и опытовъ въ этомъ направленіи никакихъ не имѣется.

Соображенія въ пользу предлагаемой гипотезы, въ которыхъ мы рассмотримъ наиболѣе важныя, резюмируются такъ. 1) «Исторія науки показываетъ, что постепенно мы были вынуждены признать ближайшими причинами ощущеній не самыя тѣла, которыя, повидимому, вызываютъ ихъ, а измѣненія въ окружающей средѣ». Это безусловно вѣрно для зрѣнія и слуха, но не для вкуса и осязанія. 2) «Обонятельные нервы начинаются въ мозгу тамъ же, гдѣ и зрительные, и отличаются въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ остальныхъ чувствительныхъ нервовъ». Это обстоятельство на мой взглядъ не имѣетъ никакого значенія: изъ сосѣдства органовъ никакъ нельзя заключать о сходствѣ ихъ функцій, и наоборотъ, слуховые нервы, начинаясь не тамъ же, гдѣ и зрительные, возбуждаются подобно имъ колебаніями опредѣленнаго типа. 4) «Пахучія вещества способны поглощать лучистую теплоту, какъ показала Тиндаль». По мнѣнію авторовъ, это доказываетъ, что существуетъ нѣкоторое внутреннее соотношеніе между пахучими веществами и лучами теплоты, но есть много тѣлъ совершенно не пахучихъ, которые, однако также поглощаютъ тепловые лучи, скорѣе можно утверждать, что совершенно не существуетъ такихъ тѣлъ, которыя бы вовсе не поглощали этихъ лучей. 6) «Есть много тѣлъ, частицы которыхъ непрерывно отдѣляются, другими словами, которыя превращаются въ пары, и однако не издаютъ запаха, равнымъ образомъ есть другія тѣла, которыя издаютъ весьма сильные запахи, но относительно которыхъ совершенно нельзя доказать, чтобы они испарялись». Это послѣднее обстоятельство крайне важно, и было бы совершенно достаточно одного только прочно установленнаго наблюденія, что данное тѣло обладаетъ запахомъ и въ то же время совершенно не испаряется, чтобы отвергнуть общепринятое представленіе о воздѣйствіи пахучихъ веществъ на органы обонянія, но, къ сожалѣнію, авторы не приводятъ примѣровъ явленій, на которыя они ссылаются, такъ что и это весьма важное соображеніе все-таки остается нѣсколько сомнительнымъ. 7) «Существуютъ вещества, изъ которыхъ каждое само по себѣ распространяетъ довольно сильный запахъ, но которыя, взятые вмѣстѣ, не образуя новаго химическаго соединенія, совершенно уничтожаютъ взаимно ихъ запахи, напр., кофе и одорформъ. Это явленіе представляетъ аналогію съ тѣмъ, что происходитъ, когда тѣло теплое и холодное находятся рядомъ. Они уничтожаютъ тѣ ощущенія, которыя обыкновенно вызываютъ, дѣйствуя отдѣльно». Мнѣ кажется, въ этомъ наблюденіи относительно запаховъ можно видѣть аналогію съ другимъ, весьма распространеннымъ и поразительнымъ явленіемъ, которое однако вполне объясняется существующими теоріями, а подразумѣваю явленіи интерференціи свѣта и звука, т.-е. такіе случаи, когда лучи свѣта или звуки взаимно уничтожаютъ другъ друга, когда, слѣдовательно, соединеніе двухъ пучковъ лучей даетъ темноту и соединеніе двухъ звуковъ—тишину. Указанныя наблюденія, если только они подтверждаются дальнѣйшими опытами, весьма сильно говорятъ въ пользу предлагаемой гипотезы, тѣмъ болѣе что для осязанія, гдѣ мы имѣемъ непо-

средственное воздѣйствіе тѣла на концевые аппараты нервовъ, ничего подобнаго, разумѣется, не можетъ наблюдаться и не наблюдается. 8) «Многочисленными опытами (напр. Старка, Эдинбурга и Дюмениля) доказано, что способность разныхъ матерій поглощать запахи находится въ зависимости отъ ихъ цвѣта». Такимъ образомъ оказывается, что способность поглощать опредѣленные свѣтовые лучи связана съ способностью поглощать запахи. 9) «Органъ обонанія можетъ быть утомленъ по отношенію къ одному опредѣленному запаху, оставаясь вполне воспримчивымъ къ остальнымъ. Совершенно такъ же, какъ глазъ можетъ быть утомленъ по отношенію къ однимъ, напр., только краснымъ лучамъ, оставаясь весьма чувствительнымъ къ остальнымъ». Это явленіе въ настоящее время нельзя приводить въ пользу разбираемой гипотезы, оно лишь указываетъ, что обонятельныя ощущенія качественно различны, что давно извѣстно; какъ это можно связать съ воздѣйствіемъ пахучаго вещества, выяснится только послѣ детальнаго изученія концевыхъ аппаратовъ обонятельнаго нерва.

Нельзя не согласиться съ авторами, что ихъ гипотеза открываетъ совершенно новые горизонты, тѣмъ болѣе, что они общають, короткое время спустя, физически доказать существованіе особыхъ волнъ, вызывающихъ обонятельныя впечатлѣнія; во всякомъ случаѣ, она интересна уже тѣмъ, что объясняетъ такіе факты, которые совершенно непонятны съ точки зрѣнія общепринятыхъ представленій о воздѣйствіи пахучихъ веществъ на органъ обонанія.

2) *Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью.* О вредномъ вліяніи употребленія спиртныхъ напитковъ родителями на дѣтей много говорилось и писалось. Относительно физиологическаго вліянія матери, употребляющей спиртные напитки, всѣми признается, что оно не ограничивается временемъ до рожденія ребенка, но продолжается и въ періодъ кормленія. Это мнѣніе настолько распространено, что никто не возьметъ въ кормилицы женщину, употребляющую спиртные напитки. Однако врядъ ли кто отдаетъ себѣ вполне ясный отчетъ въ томъ, какъ именно дѣйствуетъ при этомъ спиртъ. Чрезвычайно опредѣленные указанія по этому вопросу даютъ статьи Мориса Никлю, помѣщенные въ № 38 «Comptes rendus de la Société de la biologie» 1899. («Sur le pass. de l'alcool ing. de la mère au foetus en part. chez la femme» «Sur le pass. de l'alcool ing. dans le lait chez la femme»).

Наблюденія производились надъ животными и людьми слѣдующимъ образомъ. Морскимъ свинкамъ во время беременности вводился въ желудокъ посредствомъ особаго зонда 10% растворъ спирта въ пропорціи $\frac{1}{2}$ —5 куб. сант. чистаго спирта на килограммъ тѣла; $\frac{3}{4}$ часа или часъ спустя животное убивали, собирали его кровь, а также и кровь зародыша и опредѣляли количество спирта и въ той, и въ другой. Изъ цѣлага ряда подобныхъ опытовъ оказалось, что спиртъ переходитъ прямо отъ матери къ зародышу въ весьма значительныхъ количествахъ. Процентное содержаніе спирта въ крови матери и зародыша оказалось весьма близкимъ и притомъ какъ бы ни была мала доза спирта, даннаго матери, онъ все-таки появляется и легко можетъ быть открытъ въ организмѣ зародыша. Конечно, этого можно было ожидать, такъ какъ кровь матери раздѣлена отъ крови зародыша лишь весьма тонкой оболочкой, но въ организмѣ животнаго происходятъ весьма сложные и разнообразныя процессы, изъ которыхъ намъ извѣстна пока все же лишь небольшая часть и поэтому на основаніи однихъ только физическихъ свойствъ тѣлъ еще нельзя съ увѣренностью дѣлать заключенія о ихъ судьбѣ въ организмѣ: одинъ только опытъ можетъ дать вполне надежныя указанія.

Съ людьми опыты производились такъ. Приблизительно за часъ до родовъ женщинѣ давали питье, въ которое было прибавлено 60 куб. сант. (приблизительно, $\frac{1}{8}$ стакана) рома, содержащаго 45% спирта. Это количество соотвѣт-

*

стаетъ, приблизительно, $\frac{1}{4}$ куб. сант. на килограммъ тѣла. Послѣ родовъ изъ дѣтскаго мѣта получаютъ 20—50 грам. крови зародыша. Оказалось, что въ этой крови содержатся легко опредѣлимые количества спирта. Итакъ, изъ этихъ опытовъ ясно, что до рожденія ребенка женщина можетъ непосредственно передать ему принимаемый, хотя бы и въ самыхъ малыхъ концентраціяхъ (напр., въ видѣ слабаго вина) спиртъ. Вредное же вліяніе его на только что образующіяся ткани зародыша не подлежитъ сомнѣнію.

Другой рядъ опытовъ былъ произведенъ надъ передачею спирта посредствомъ молока кормилицы. Здѣсь также опыты были произведены и надъ животными, и надъ людьми. Животному (собакѣ) вводился 10% растворъ спирта въ количествѣ, соответствующемъ 3 куб. сант. абсолютнаго спирта на килограммъ тѣла. Часъ спустя, въ молоко животнаго оказалось $\frac{1}{4}$ % спирта, 2 часа спустя также $\frac{1}{4}$ % и 8 часовъ спустя все еще 0,11%. Въ опытахъ съ людьми давалось такое же питье, какъ и въ предыдущихъ (т.-е. содержащее ромъ) и затѣмъ черезъ опредѣленные промежутки времени въ молоко опредѣлялось количество спирта. Слѣдуетъ замѣтить, что принимавшееся кормилицей небольшое количество спирта никогда не производило опьяненія и вообще никакого замѣтнаго вліянія. Анализы молока показали, что уже черезъ $\frac{1}{4}$ часа въ немъ появляются легко опредѣлимые количества спирта и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ можно открыть даже 7 часовъ спустя послѣ принятія напитка, содержащаго спиртъ.

Итакъ, изъ приведенныхъ опытовъ очевидно, что, помимо вреда, причиняемаго ребенку измѣненіемъ тканей организма матери подъ вліяніемъ спирта,—измѣненіемъ, которое обозначается такимъ мало опредѣленнымъ выраженіемъ, какъ пониженіе энергіи, мать и кормилица могутъ, непосредственно, передавая ребенку принимаемый спиртъ, причинить ему вполне опредѣленный вредъ.

3) *О цвѣтной слѣпотѣ.* Вопросъ о цвѣтной слѣпотѣ имѣетъ такъ же важное значеніе и для физиологіи, какъ и въ обыденной жизни, напримѣръ, въ морской службѣ, потому что наблюденія надъ цвѣтной слѣпотой могутъ уяснить, почему именно мы различаемъ цвѣта. Между тѣмъ господствующія представленія относительно этого недостатка не вполне вѣрны, какъ можно видѣть изъ сообщенія, сдѣланнаго проф. Артуромъ Кенигомъ о современномъ состояніи этого вопроса на одномъ изъ засѣданій берлинскаго политехническаго общества. Полная цвѣтная слѣпота, при которой человекъ различаетъ только темное и свѣтлое, встрѣчается очень рѣдко. Лицъ, подверженныхъ такой слѣпотѣ, легко отличить уже по внѣшнему виду, такъ какъ они чрезвычайно близоруки, часто мигаютъ и въ свѣтлые дни вынуждены почти совсѣмъ прищуривать глаза. Гораздо чаще встрѣчается частичная цвѣтная слѣпота, при которой человекъ изъ огромнаго количества существующихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ различаетъ лишь немногіе. Прежде говорили о слѣпотѣ къ зеленому, красному, желтому и синему цвѣту и долгое время утверждали, что изъ ихъ числа слѣпота къ синему цвѣту наиболѣе распространенная форма. Это совершенно ошибочное мнѣніе, которое нисколько не подтверждается такой же ошибочной теоріей о слѣпотѣ къ синему цвѣту Гомера и культурныхъ народовъ древности и о постепенномъ развитіи цвѣтовыхъ ощущеній въ порядкѣ цвѣтовъ спектра отъ красной къ фіолетовой части. Отсутствие ясныхъ обозначеній для голубого и зеленого цвѣта въ древнихъ культурныхъ языкахъ просто указываетъ на недостатокъ самаго языка, въ которомъ первоначально, вѣроятно, и вовсе не было обозначеній различныхъ цвѣтовъ. Вместо «зеленый», быть можетъ, говорили цвѣтъ листьевъ; вмѣсто «красный»—крававый или розовый, вмѣсто «голубой»—небеснаго цвѣта и т. д., какъ и теперь мы говоримъ фіолетовый, оранжевый, сиреневый (т.-е. цвѣтъ фіалки, апельсіна, сирени). Эти отличія въ слѣпотѣ къ разнымъ цвѣтамъ, по указанію проф. Кенига, совершенно не соответствуютъ дѣйствитель-

ности: всё лица, подверженные цветной слепоте, различают вместо 170 оттенков в спектр только голубой и желтый. Далее, в отличие от людей с нормальным зрением они замечают посредний спектра белую линию. При этом, однако, они могут верно назвать все главные цвета спектра, хотя в действительности видят только голубой и желтый. Дело в том, что все остальные цвета они различают по степени яркости; наиболее темный оттенок они называют красным цветом, следующий несколько светлее — желтым, еще более светлый — зеленым и т. д. Таким образом в спектр они отячают цвета нередко даже лучше, чем люди с нормальным зрением, но если им дать стекла или бумагу, окрашенные в разные цвета, то они легко ошибаются, потому что и цветные стекла и краски всегда пропускают или отражают несколько различных цветных лучей спектра. Так, например, через красное стекло обыкновенно проходят также желтые и оранжевые лучи. Человеку с нормальным зрением такое стекло все-таки кажется красным, тогда как подверженный цветной слепоте, смотря по количеству других пропускаемых этим стеклом лучей, назовет его зеленым или фиолетовым и т. д. Лица, подверженных частичной цветной слепоте, можно разделить на две группы. Одни из них, разглядывая спектр, также как и люди с нормальным зрением, наиболее ярко видят желтую часть, для других же наибольшая яркость в спектр несколько смещена вправо, следовательно, к зеленой части. Для них красный цвет кажется гораздо более темным, чем для первых. Вот этих-то лиц прежде и считали слепыми к красному цвету, лиц же первой группы — слепыми к зеленому цвету. Эти обозначения, разумеется, совершенно неверны, так как и те, и другие не видят ни красного, ни зеленого цвета.

Чтобы отличить людей, подверженных цветной слепоте, существует несколько способов. Во-первых, эти лица отличаются тем, что посредний спектра они видят белый цвет. Второй способ состоит в том, что два белых экрана освещают спектрально чистыми зеленым и красным светом и затем к красному понемногу прибавляют белого. Для человека, подверженного частичной цветной слепоте, в известный момент оба экрана покажутся одинакового цвета, причем для лиц, принадлежащих к первой из вышеуказанных групп раньше, чем для лиц второй группы. Существует и еще несколько способов, дающих однако менее надежные результаты. Описанные особенности зрения лиц, подверженных цветной слепоте, были замечены впервые потому, что встречаются люди, у которых бывает поражен только один глаз, тогда как другой видит нормально и может контролировать впечатления, доставляемые первым. Пока не были исследованы такие лица, подверженные односторонней слепоте, сведения об этом недостатке сохранили много неточностей.

Причина частичной цветной слепоты лежит, по видимому, в особенностях строения сетчатки глаза, так как этот недостаток всегда бывает врожденным, приобретаться же могут лишь небольшие изменения в восприятии цветовых впечатлений.

Наблюдения, сообщаемые проф. Кенигом, разумеется, не раскрывают механизма цветного зрения, но все же говорят в пользу гипотезы о существовании в сетчатке отдельных воспринимающих элементов для нескольких основных цветов и во всяком случае они вносят единство и простоту соотношений в представления о цветной слепоте. («Prometheus»).

Д. Н.

Метеорология. *Выстрелы, как средство против града.* Недавно вышло в свет третье издание книги проф. Ed. Ottavi, под заглавием: «Выстрелы,

какъ средство противъ града, практиковавшееся въ Штиріи *)). Факты, изложенные въ названной книгѣ, какъ мы увидимъ далѣе, настолько убѣдительно сами по себѣ, что они обратили на себя серьезное вниманіе и 30 мая прошлаго года нѣкоторые депутаты итальянской палаты внесли запросъ министерству земледѣлія, не намѣрено-ли оно придти на помощь тѣмъ, кто пожелалъ бы сдѣлать опытъ разстрѣливанія градовыхъ тучъ. Правительство отнеслось съ должнымъ вниманіемъ къ ходатайству, признало однако невозможнымъ принять на себя введеніе на практикѣ этой системы, пока не выяснится полная ея состоятельность, для поощренія же частной инициативы предоставило желающимъ право изъ казенныхъ складовъ по низкой цѣнѣ, 30 сентимовъ за килограммъ (12 коп. за 2,4 фунта). Практика показала, что воспользовались предоставленною возможностью по преимуществу крестьяне и уже одно это обстоятельство сильно говоритъ въ пользу новаго предохранительнаго отъ града средства, такъ какъ крестьянинъ по большей части очень экономенъ и не любитъ бросать денегъ даромъ.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ данномъ случаѣ дѣло касается не полной «новости» въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ Италіи это средство было извѣстно съ давнихъ временъ; такъ, одинъ писатель XVI-го вѣка рассказываетъ, что Леонардо да-Винчи утверждалъ: «Безъ особенныхъ затрудненій можно было бы предотвратить опустошеніе отъ града области Винчензы; для этого достаточно поставить нѣсколько мортиръ на высотахъ горъ, откуда обыкновенно идутъ зловѣщія тучи, и при ихъ появленіи—стрѣлять въ нихъ: онѣ будутъ разорваны и разсѣяны и градъ изъ нихъ не выпадетъ».

Физикъ Араго рассказываетъ также объ одномъ случаѣ, когда, стоявшій въ Картагенѣ (Южн. Америка) флотъ, разгонялъ ежедневно собиравшіяся послѣ обѣда тяжелыя грозовыя тучи посредствомъ бомбардированія. Можно было бы еще умножить число извѣстныхъ фактовъ, гдѣ практиковался подобный способъ, но и этихъ достаточно, чтобы доказать, что способъ этотъ былъ уже и раньше извѣстенъ. Первымъ, подошедшимъ къ вопросу съ научной точки зрѣнія, былъ болонскій профессоръ Бомбиччи. Въ 1888 году онъ выступилъ съ научной теоріей, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ ниже. Однако не теорія дала толчекъ настоящему практическому движенію, а опыты, произведенные въ Штиріи, и къ нимъ мы теперь и обратимся.

Бургомистръ Виндишъ-Фейстрица владѣлъ обширными и драгоценными виноградниками на южномъ склонѣ Бахергебирге. Почти изъ года въ годъ урожай погибалъ отъ градобитія, такъ что владѣлецъ, не желавшій, по примѣру другихъ, вовсе бросить виноградный промыселъ, уже подумывалъ о томъ, чтобы съ громадными издержками покрыть всю площадь виноградниковъ мелкою проволоочною сѣткою. Онъ рѣшилъ, однако, сдѣлать сначала опытъ разстрѣливанія градовыхъ тучъ. Весною 1896 г. на пространствѣ въ 2 кв. километра, онъ устроилъ двѣнадцать станцій для стрѣльбы на возвышенныхъ пунктахъ. На каждой станціи было установлено по 10 мортирокъ съ персоналомъ прислуги—6 человекъ на каждой. На каждый зарядъ расходовалось 120 граммовъ пороху. Какъ только угрожало выпаденіе града, тотчасъ начиналась стрѣльба изъ всѣхъ 120 мортирокъ.

О дѣйстви этой стрѣльбы въ отчетѣ вѣнскаго королевскаго метеорологическаго общества говорится слѣдующее: «Темныя, грозныя тучи надвигались съ высотъ Бахергебирге; по сигнальному выстрѣлу началась стрѣльба со всѣхъ станцій и уже черезъ нѣсколько минутъ тучи остановились въ своемъ наступательномъ движеніи. Стѣна тучъ открылась наподобіе воронки, края которой начали образовывать расходящіяся все далѣе и далѣе круги, пока туча не

*) «Glispari contro la grandine in Stiria. Casale». 1899.

разбѣялась. Не выпало не только града, но даже и проливного дождя. Въ другихъ случаяхъ дѣло ограничивалось выпаденіемъ дождя, тогда какъ внѣ защищенной области (последняя равнялась квадратной милѣ) шелъ градъ. То же средство приѣнялось въ 1896 году шесть разъ и каждый разъ съ тѣмъ же благоприятнымъ результатомъ. Многіе жители Виндишь-Фейстрица были свидетелями этихъ опытовъ.

Тогда система эга въ окрестностяхъ названнаго города была расширена: въ первый годъ устроено—12, во второй—33 и въ третій—56 станцій для стрѣльбы. И окрестности Виндишь-Фейстрица охранили себя: съ 1896 года на защищенные виноградники не упала ни одна градина, но мало того, даже опасность отъ молніи и несчастные случаи отъ ея ударовъ значительно уменьшились, такъ что едва-ли можно согласиться съ тѣми скептиками, которые все приписываютъ простой случайности.

Итальянскій проф. Оттави обратилъ вниманіе на эти факты и отправился изслѣдовать на мѣстѣ вышеописанные опыты съ защитой отъ градобитія. Здѣсь онъ вполне убѣдился въ важномъ значеніи разстрѣливанія тучъ и тогда выпустилъ упомянутую вначалѣ книгу. Но, кромѣ того, путемъ публичныхъ лекцій во многихъ большихъ городахъ Италіи онъ попытался обратить должное вниманіе на опыты въ Штиріи.

Въ самомъ дѣлѣ, для Италіи вопросъ о предохраненіи отъ града является для нѣкоторыхъ мѣстностей вопросомъ существенной важности, такъ какъ нѣкоторые участки систематически выбиваются градомъ и крестьяне не въ состояніи платить высокой страховой преміи.

Компанія, предпринятая проф. Оттави въ пользу новаго способа борьбы со зломъ, нашла здѣсь благоприятную почву. Къ началу прошлаго лѣта уже было устроено много станцій для стрѣльбы по вышеописанному типу; такъ, въ провинціи Тревизо ихъ было 70, въ Падуѣ болѣе 30, въ Виченцѣ—260, въ Веронѣ—20, въ Бергамо—135. Подобныя же станціи подъ личнымъ руководствомъ проф. Оттави возникли и во многихъ другихъ провинціяхъ: Болонѣ, Туринѣ, Новарѣ и т. д.

Потребовавшіяся для этой цѣли mortarки выписывались изъ Штиріи, гдѣ для ихъ приготовленія развилась особая отрасль промышленности. Вскорѣ и многія фирмы въ Италіи начали готовить небольшія mortarки, длиною до 30 сант. и въ 15 сант. калибромъ, рассчитанныя на зарядъ 80—100 граммовъ чернаго пороха.

Уже въ самомъ началѣ опытовъ въ Италіи было отмѣчено два достовѣрныхъ случая успѣшнаго примѣненія стрѣльбы: одинъ въ провинціи Бергамо, другой вблизи Верчелли; въ последней мѣстности была пущена въ дѣло едва привезенныя изъ Италіи mortarки и успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія: черная, грозовая туча раздѣлялась и оросила мѣстность тихимъ, благодатнымъ дождемъ.

Таковы факты. Каковы же теоретическія представленія ученыхъ на этотъ счетъ? Многіе ученые вполне опредѣленно высказались противъ возможности защищаться отъ градобитія посредствомъ выстрѣловъ. Произошло это отъ того, что такая возможность противорѣчила бы тому представленію, которое эти ученые составили себѣ объ образованіи града. Однако здѣсь важно отмѣтить то обстоятельство, что теоретическія представленія объ образованіи града вопросъ крайне спорный, по которому, въ своихъ мнѣніяхъ, отдѣльные ученые далеко расходятся другъ отъ друга.

Вышеупомянутый проф. Бомбиччи слѣдующимъ образомъ объясняетъ происхожденіе града. Въ высшихъ слояхъ воздуха образуются кристаллы снѣга. Падая внизъ, они должны пройти чрезъ тучу, водяныя частицы которой охлаждены до довольно низкой температуры. Снѣжные кристаллы при этомъ смерзаются другъ съ другомъ и облекаются быстро замерзающимъ водянымъ покровомъ.

вомъ. Для этого нуженъ только моментъ полного покоя, который, по наблюденіямъ бургомистра Виндишъ-Фейстрица, наступалъ передъ каждымъ выпаденіемъ града совершенно отчетливо. Поэтому послѣдній наблюдатель и настаиваетъ на необходимости начать стрѣльбу именно къ этому моменту. Если, согласно такому теоретическому представленію, удастся чрезъ сотрясеніе воздуха или чрезъ возбужденіе теплаго тока воздуха нарушить это затишье въ холодной тучѣ, которая является мѣстомъ градообразованія, то можно вполне воспрепятствовать градообразовательному процессу. Проф. Бомбиччи придаетъ особенное значеніе сотрясенію воздуха, а потому онъ отдаетъ предпочтеніе стрѣльбѣ гранатами, которыя должны разрываться на опредѣленной высотѣ. И въ этомъ смыслѣ вскорѣ въ Итали будутъ произведены опыты: адвокатъ Обертъ заказалъ уже для этой цѣли соответствующія гранаты.

Далѣе, почти всѣ ученые согласны въ томъ, что градъ происходитъ съ сопутствующими электрическими явленіями чрезъ образованіе кристалловъ льда, которые при паденіи покрываются тотчасъ замерзающей водой, причемъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ для этого является опредѣленная разница въ температурѣ соответствующихъ слоевъ воздуха.

Слѣдовательно, направленныя противъ образованія града усилія, могутъ имѣть цѣлью воспрепятствовать:

Во-первыхъ, дѣйствию электричества. Исходя изъ этой мысли, уже вскорѣ послѣ изобрѣтенія громоотвода, задумались надъ устройствомъ градоотводовъ, основанныхъ на аналогичномъ принципѣ. Однако, на основаніи немногочисленныхъ опытовъ, произведенныхъ на практикѣ, многіе держатъ того мнѣнія, что градоотводы бесполезны. Однако, такой приговоръ можетъ быть еще слишкомъ преждевремененъ; достаточно уже вспомнить то обстоятельство, что въ новѣйшее время теорія громоотвода стоитъ совсѣмъ на иной почвѣ, чѣмъ прежде. Прежде стремились поймать отдѣльную молнію и сдѣлать ее безвредною; но теперешнему воззрѣнію громоотводъ долженъ содѣйствовать, по возможности, оживленному и постоянному обмѣну между электричествомъ земли и тучи, т.-е. предотвратить даже образованіе отдѣльной молніи. Поэтому современная система рекомендуетъ цѣлую систему шпировъ. Быть можетъ, будущее покажетъ, что и противъ града можно дѣйствовать тѣмъ же путемъ.

Во-вторыхъ, можно воспрепятствовать образованію ледяныхъ кристалловъ, по крайней мѣрѣ кристалловъ большихъ размѣровъ въ высшихъ слояхъ воздуха. Всякому химику извѣстно, что образованіе большихъ кристалловъ возможно лишь тогда, когда жидкость находится въ покой. Если ее сотрясать или мѣшать, то либо вовсе не появляется кристалловъ, либо появляются лишь очень мелкіе. Конечно, еще не доказано, что процессы въ высшихъ слояхъ воздуха происходятъ подобнымъ же образомъ, какъ въ жидкостяхъ, но въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ такихъ условіяхъ понятно, что рекомендуемое проф. Бомбиччи средство—сильныя сотрясенія воздуха, посредствомъ взрыва гранатъ въ тучахъ, могло бы оказаться дѣйствительнымъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, можно воспрепятствовать образованію града посредствомъ вліянія чрезъ воздушныя теченія, являющіяся слѣдствіемъ возвышенія температуры у поверхности земли. Вотъ почему рекомендовали также раскладываніе крупныхъ костровъ при угрожающемъ градобітіи.

Практиковавшійся въ Штиріи способъ стрѣльбы соединилъ въ себѣ два способа воздѣйствія: во-первыхъ, сотрясеніе воздуха и, во-вторыхъ, возбужденіе тока теплаго воздуха. Интересно также, не влечетъ ли примѣненіе этого способа уничтоженія градомъ сосѣднихъ участковъ, не разражается ли гроза надъ сосѣдними общинами, которыя не практикуютъ у себя подобнаго опыта? Только лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, повидимому, могла быть рѣчь объ этомъ; въ большинствѣ случаевъ отчеты говорятъ о разрѣшеніи грозовыхъ тучъ благодатнымъ

дождемъ. Во всякомъ случаѣ, пока метеорологамъ неизвѣстны еще разныя отношенія въ различныхъ слояхъ воздуха во время грозы, пока эти отношенія не сдѣлались еще предметомъ точнаго научнаго изслѣдованія, во многомъ придется идти впередъ чисто эмпирическимъ путемъ и, если дальнѣйшіе опыты съ разотрѣливаніемъ тучъ дадутъ и далѣе тѣ же благоприятные результаты, способу этому обезпечено быстрое распространеніе. («Globus». № 15, 1899).

И у насъ въ Россіи этотъ способъ могъ бы найти весьма широкое примѣненіе, въ особенности на Кавказѣ, который является, быть можетъ, странюю, гдѣ градъ выпадаетъ чаще, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ во всемъ свѣтѣ. О Кавказѣ еще Абухъ упоминаетъ, что всѣ грозы, притягиваемыя горами, принимаютъ здѣсь характеръ опустошительныхъ градовыхъ бурь, въ особенности тамъ, гдѣ длинныя долины оканчиваются у открытыхъ равнинъ, такія бури слѣдуютъ обыкновенно вдоль зоны низкихъ предгорій. Будемъ надѣяться, что выгода заинтересованныхъ лицъ, вскорѣ вызоветъ и здѣсь такіе опыты, которые окажутся также чрезвычайно цѣнными въ научномъ отношеніи.

Техника. Новый сплавъ — мангалій. У всѣхъ насъ на памяти увлеченіе новымъ, легкимъ, блестящимъ какъ серебро металломъ, алюминіемъ. Встрѣтили его съ большими надеждами, можно сказать съ энтузіазмомъ, пророчили ему широкую будущность, называя «металломъ будущаго» и начали заготовлять въ большихъ количествахъ. Вскорѣ цѣна на него значительно пала и начались опыты примѣненія его въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ техники. Результатомъ этихъ опытовъ было то, что послѣдовало столь же быстрое разочарованіе: чѣмъ далѣе, тѣмъ больше, мало-по-малу кругъ примѣненія новаго металла суживался. Въ настоящее время онъ идетъ лишь на приготовленіе предметовъ домашняго обихода мелкой индустріи, кухонной посуды, бездѣлушекъ и т. п. Нѣсколько болѣе распространены тисненныя издѣлія изъ алюминіевой жести: кубки, походныя фляжки, футляры; наконецъ, можно упомянуть еще о его примѣненіи, очень, впрочемъ, незначительномъ, для устройства нѣкоторыхъ частей научныхъ приборовъ, тамъ, гдѣ требуется не столько прочность матеріала, сколько его легкость. Гораздо существеннѣе роль алюминія въ желѣзной и стальной индустріи, гдѣ онъ цѣнится не за свои механическія, а за химическія качества.

Гдѣ же кроется причина того, что алюминій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, отстучаетъ всюду на задній планъ и не находитъ серьезнаго примѣненія въ большихъ техническихъ сооруженіяхъ? Она заключается въ механическихъ свойствахъ легкаго металла, его малой прочности, негодности его къ спайванью и къ обработкѣ рѣзущими инструментами. Мы можемъ свободно распилить кусокъ желтой мѣди, стали, платины и пр. Отъ металла, годнаго для техническихъ цѣлей, прежде всего требуется, чтобы онъ поддавался обработкѣ этимъ инструментомъ, т. е. чтобы зубцы пилы врѣзывались въ массу металла, опилки падали, не слипались между собою и не прилипали къ инструменту. Иначе обстоитъ дѣло съ чистымъ серебромъ и въ особенности съ алюминіемъ. Пила не рѣжетъ этихъ металловъ: пространство между зубцами ея быстро засоряется компактной массой опилокъ и инструментъ отказывается отъ выполненія своей роли. Обработанный металлъ не даетъ ровной поверхности, послѣдняя покрыта широкими буграми и бороздами. Рѣзущій инструментъ дѣйствуетъ не какъ ножъ, а какъ плугъ, производя разорванныя борозды въ мягкомъ металлѣ!

Не менѣе важенъ для технической пригодности алюминія вопросъ о его спайваньи. Неоднократно появлялись извѣстія, что найдено средство и способъ для соединенія кусковъ алюминія посредствомъ спайки. Однако, до сихъ поръ не найдено практически важнаго способа, который не представлялъ бы большихъ

затрудненій при выполненіи, не требовалъ бы большихъ предосторожностей, а главное, чтобы спайка отличалась прочностью.

Поэтому давно уже существуютъ попытки исправить недостатки чистаго алюминія прибавкой къ нему другихъ тяжелыхъ металловъ. Съ небольшою подбѣскою цинка или мѣди, алюминій даетъ сплавы съ иными механическими свойствами, чѣмъ у чистаго металла. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, сплавы эти имѣютъ однако существенный недостатокъ: они значительно тяжеле алюминія; удѣльный вѣсъ ихъ колеблется отъ 3 до 3,5.

Всѣ-же эти попытки не могли придать алюминію большей технической важности, такъ какъ множество перечисленныхъ недостатковъ, хотя и въ не столь рѣзкой степени, присущи и такимъ сплавамъ. Новое открытіе, къ которому мы сейчасъ обратимся, создало крупный переворотъ въ томъ смыслѣ, что оно вызываетъ надежду, что въ будущемъ алюминій будетъ играть въ техникѣ видную роль, и еще разъ доказало, что мы не въ состояніи предвидѣть всѣхъ свойствъ металлическихъ сплавовъ. Открытіе, о которомъ мы говоримъ, сдѣлано Махомъ и заключается въ томъ, что сплавы алюминія съ магніемъ, какъ оказалось, представляютъ много цѣнныхъ качествъ.

Магній, какъ извѣстно, имѣетъ много общихъ съ алюминіемъ свойствъ. Еще меньшаго удѣльнаго вѣса, чѣмъ алюминій, магній представляетъ сѣровато-бѣлый, мягкій металлъ, вѣсколько тягучій, но едва пригодный для механической обработки. Его можно вытянуть въ проволоку, въ ленту, но нельзя пилить или стругать. Въ своихъ химическихъ свойствахъ онъ уступаетъ алюминію: полированная поверхность его скорѣе тускнѣетъ, порываясь окисломъ и съ теченіемъ времени разрушительное дѣйствіе простирается еще глубже. Большою заслугою физика, д-ра Людвигъ Маха является замѣчательное открытіе, что сплавы магнія съ алюминіемъ обладаютъ такими свойствами, которыхъ вовсе нѣтъ ни у одного, ни у другого металла и которые дѣлаютъ эти сплавы пригодными для многихъ техническихъ цѣлей. Уже значительно раньше сплавы алюминія съ магніемъ приготовлялъ Велеръ, но онъ сплавлялъ ихъ въ эквивалентныхъ количествахъ (т. е. въ отношеніи 27,5 : 12) и масса получалась чрезвычайно хрупкая, горѣвшая при краснокальномъ жарѣ яркимъ свѣтомъ, какъ и магній. При смѣшеніи четырехъ эквивалентовъ магнія съ однимъ эквивалентомъ алюминія получалась полужелезная масса, также непригодная для техническихъ цѣлей. Послѣдующіе изслѣдователи, послѣ разныхъ опытовъ съ сплавами алюминія и магнія, пришли къ выводу, что сплавы эти не могутъ найти практическаго примѣненія ни въ какой области. Причину такого строгаго приговора Махъ видитъ отчасти въ томъ, что изслѣдователи имѣли подъ руками не чистые металлы, а главнымъ образомъ въ томъ, что они не варіировали систематически количественныхъ отношеній обоихъ элементовъ.

Если въ жидко-расплавленную массу чистаго алюминія погружать кусочки магнія, то въ зависимости отъ количества введеннаго магнія получаются сплавы съ самыми разнообразными механическими свойствами. Сплавы, содержащіе на 100 частей алюминія отъ 10 до 30 вѣсовыхъ частей магнія, отличаются въ общемъ тягучестью, колеблются въ твердости отъ латуни до красной мѣди и обладаютъ всѣми необходимыми свойствами для обработки посредствомъ пилы и прочихъ рѣзущихъ инструментовъ. Удѣльный вѣсъ этихъ сплавовъ колеблется отъ 2 до 2,5, тогда какъ удѣльный вѣсъ алюминія равенъ 2,7. Ихъ можно разливать въ формы въ огненно-жидкомъ видѣ, какъ и чистый алюминій, причемъ они выполняютъ прекрасно форму, такъ же какъ и алюминій; при обработкѣ на токарномъ станкѣ даютъ длинныя курчавыя стружки, какъ латунь; поверхность металла при этомъ получается зеркально-ясная и серебряно-бѣлаго цвѣта. При распиливаніи слышится характерный для металловъ шумъ. Сплавы съ 10—15% содержаниемъ магнія хорошо раскатываются въ листы, вытяги-

ваются въ трубки и проволоку т.-е. обладают тѣми же свойствами, какія составляютъ лучшее достоинство алюминія въ механическомъ отношеніи. Они прекрасно полируются, и гладкія поверхности хорошо противостоятъ вліянію воздуха. Поверхность получается бѣлѣе, чѣмъ у алюминія и значительно бѣлѣе, чѣмъ у магнія и обладаетъ большою отражательною способностью по отношенію къ лучамъ свѣта—свойство, о которомъ мы еще будемъ говорить ниже. Вотъ почему для обыкновенныхъ цѣлей механики и мелкаго машиностроенія, а также для тѣхъ случаевъ крупнои техники, гдѣ требуется малый вѣсъ наряду съ прочностью и большими удобствами для обработки—сплавы изъ алюминія и магнія съ малымъ содержаніемъ послѣдняго металла имѣютъ важное значеніе и должны несомнѣнно вытѣснить чистый алюминій, а также его сплавы съ тяжелыми металлами. Такими же качествами обладаютъ сплавы съ обратнымъ количественнымъ отношеніемъ обоихъ металловъ; послѣдніе представляютъ смѣси еще болѣе легкаго удѣльнаго вѣса, зато ихъ цвѣтъ хуже, они менѣе прочны, и легче измѣняются отъ дѣйствія воздуха.

Что касается цѣны такихъ сплавовъ, то она значительно выше цѣны чистаго алюминія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Зависитъ это отъ того, что магній значительно дороже алюминія. Килограммъ алюминія стоитъ отъ 1,80 до 2 марокъ, тогда какъ килограммъ магнія около 20 м.

Однако разниця въ цѣнѣ не помѣшаетъ техническому примѣненію новаго сплава, такъ какъ онъ все же по объему значительно дешевле латуни, да и самая цѣна на магній высока въ настоящее время лишь вслѣдствіе того, что металлъ этотъ готовится лишь въ малыхъ количествахъ, такъ какъ его примѣненіе очень ничтожно. Съ теченіемъ времени цѣна на него должна значительно упасть, вѣроятно, даже стать ниже цѣны на алюминій, такъ что можно надѣяться, что сплавъ, открытый Махомъ и названный имъ *мангалемъ*, сдѣлается однимъ изъ самыхъ дешевыхъ металловъ, примѣняемыхъ въ технику.

Исслѣдованія Маха, результаты которыхъ мы выше изложили, имѣли главною цѣлью не открытіе сплавовъ съ тѣми техническими свойствами, которыя у нихъ оказались; главною цѣлью Маха было получить матеріалъ для оптическихъ цѣлей, т.-е. матеріалъ для приготовленія металлическихъ зеркалъ, который при большой твердости, необходимой для оптической полировки, обладалъ бы большою отражательною способностью. Искусство приготовленія металлическихъ зеркалъ было извѣстно съ древнихъ временъ и только лишь въ новѣйшее время для цѣлей повседневной жизни перешли къ употребленію амальгамированныхъ или посеребренныхъ стеклянныхъ зеркалъ. Однако, для цѣлей науки и научной техники вопросъ о способѣ приготовленія и нахождения металла, пригоднаго для оптическихъ цѣлей, оставался очереднымъ и важнымъ вопросомъ. Еще въ срединѣ прошлаго столѣтія, когда не знали ахроматическихъ линзъ, зеркальные телескопы составляли крупную заботу для ученыхъ и ихъ изготовленіемъ были заняты Грегори и Ньютонъ. Позже, искали состава для металлическихъ зеркалъ въ особенности Вильямъ Гершель и лордъ Россъ. Много рецептовъ было предложено въ свое время; мы не станемъ приводить ихъ, скажемъ только, что всѣ эти металлическіе сплавы, даже очень пригодные для полировки, имѣли тотъ недостатокъ, что были слишкомъ тяжелы; удѣльный вѣсъ ихъ едва падаетъ ниже 8, а въ то же время отражательная способность далеко не достигаетъ лучшаго въ этомъ отношеніи металла, серебра. Оба эти качества были чрезвычайно неблагоприятными обстоятельствами въ данномъ дѣлѣ. Поэтому, приготовленіе твердаго, по возможности легкаго и притомъ съ большою отражательною способностью зеркальнаго металла явилось важною задачею для оптики,—задачею, которая и въ новѣйшее время не потеряла своего значенія. Оптическія зеркала употребляются не только въ различныхъ измѣрительныхъ инструментахъ, какъ гониометры, магнетометры, поляризаціон-

ные аппараты, но, благодаря нѣкоторымъ новѣйшимъ открытіямъ, можно предполагать, что и въ телескопической технику металлическимъ зеркаламъ придется играть большую роль, чѣмъ въ настоящее время.

Въ самомъ дѣлѣ, опыты Маха привели его къ убѣжденію, что магналія обладаетъ прекрасными качествами, дѣлающими его очень годнымъ для оптической цѣли. Сплавы изъ равныхъ, приблизительно, количество магнія и алюминія даютъ при соблюденіи нѣкоторыхъ предосторожностей матеріалъ, который отличается большой хрупкостью, очень большой твердостью, обладаетъ рѣдкими качествами для полировки и, кромѣ того, отличается весьма исключительною легкостью. Оптическія изслѣдованія, произведенныя физикомъ Шуманомъ, привели къ тому изумительному результату, что въ особенности по отношенію къ отражательной способности ультрафіолетовыхъ лучей сплавъ Маха превосходитъ даже посеребренное стекло.

Въ особенности удивительно, что сплавъ двухъ химически столь непрочныхъ металловъ, какъ алюминій и въ особенности магній, обнаруживаетъ такой индифферентизмъ къ дѣйствію атмосфернаго воздуха. Дѣйствительно, зеркальныя поверхности изъ такихъ сплавовъ уже выдержали безъ измѣненія годичное испытаніе всѣхъ атмосферныхъ вліяній. Въ отчетахъ объ этомъ новомъ металлѣ для зеркалъ, изданныхъ Махомъ и Шуманомъ, находится еще много интересныхъ подробностей относительно качествъ магналія, которыя представляютъ, однако, лишь слишкомъ спеціальныя интересъ. («Prometheus», № 521).

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Фотографированіе хромосферы солнца при обыкновенныхъ условіяхъ—каждый день, безъ затменія. Когда во время полнаго солнечнаго затменія луна закроетъ яркій дискъ солнца, взорамъ наблюдателя предстанетъ удивительная картина блестящаго серебристаго сіянія вокругъ чернаго диска. Это солнечная корона съ красными выступами, поднимающимися на значительную высоту отъ поверхности солнца, такъ называемыми протуберансами. Часто отчетливо можно прослѣдить вокругъ всего закрытаго луной диска солнца и узкую красную полосу—хромосферу. Въ 1868 году Жансенъ и Локьеръ, независимо другъ отъ друга, съ помощью спектроскопа установили, что протуберансы и хромосфера представляютъ собой массы раскаленныхъ газовъ, главнымъ образомъ водорода. Они указали также на возможность наблюдать спектръ этихъ образованій и даже по частямъ выяснять форму ихъ при блестящемъ дискѣ солнца, безъ затменія. «Скоро Геггинсъ предложилъ методъ наблюдать ихъ въ спектроскопѣ непосредственно.

Спектръ—это цвѣтная полоска, получаемая на экранѣ, который поставленъ на пути лучей, пропущенныхъ черезъ призму, въ каждомъ своемъ поперечномъ сѣченіи представляетъ изображеніе той узкой щели, черезъ которую прошелъ пучекъ лучей прежде чѣмъ попалъ онъ на призму.

Но если мы, вмѣсто щели, будемъ имѣть просто пламя монохроматическаго цвѣта, то никакого собственно спектра мы не получимъ. Призма только отклонитъ лучи и мы будемъ видѣть пламя въ той формѣ, какую оно имѣетъ, только въ другомъ направленіи. Если пламя испускаетъ разнородные лучи, напримѣръ, какъ въ случаѣ водороднаго пламени пять сортовъ: красные, зеленые, голубые и два пучка фіолетовыхъ, то призма разложитъ общій пучекъ лучей на составные, но не исказитъ форму пламени: мы увидимъ пять изображеній его, тождественныхъ по формѣ, но различныхъ по цвѣту и расположенныхъ при

горизонтальномъ положеніи преломляющаго ребра призмы одно надъ другимъ. Гёттингъ и указалъ, что когда мы, обходя спектроскопомъ по окружности солнца, встрѣтимъ протуберансъ (въ это время темныя водородныя линіи спектра солнца сдѣлаются блестящими), то стоитъ намъ расширить щель прибора и мы увидимъ рядъ изображеній самаго протуберанса со всѣми подробностями его часто сложнаго, причудливаго строенія. Теперь вотъ уже тридцать лѣтъ мы можемъ наблюдать протуберансы и хромосферу каждый день, когда на небѣ видно солнце, не дожидаясь затменія, но до послѣдняго времени не умѣли фотографировать эти образованія, а фотографія и въ этомъ случаѣ, конечно, должна быть чрезвычайно полезна.

Въ 1892 году американскій ученый Хэйль и французскій астрономъ Деляндръ, независимо другъ отъ друга, замѣтили, что въ спектрѣ солнечныхъ факеловъ и протуберансовъ есть двѣ свѣтлыя фіолетовыя линіи, тождественныя линіямъ Н и К, приписываемымъ кальцію.

Интересно было попробовать фотографировать изображеніе протуберансы въ этихъ лучахъ, къ которымъ фотографическая пластинка особенно чувствительна. Хэйль построилъ приборъ, названный имъ спектрогелиографомъ, который представляетъ собой спектроскопъ съ фотографической камерой и двумя щелями. Черезъ одну щель проходитъ пучекъ свѣта прежде, чѣмъ попадетъ на призму, другая пропускаетъ только кальцевые лучи на фотографическую пластинку.

Чтобы имѣть снимокъ хромосферы и протуберансовъ по всей окружности солнца надо закрыть самый дискъ послѣдняго ширмой, а прибору сообщить плавное равномерное движеніе, такъ чтобы первая щель его въ цѣломъ рядѣ параллельныхъ положеній прошла по всему солнцу. Если оставить дискъ солнца открытымъ, то тогда на фотографическомъ снимкѣ при болѣе короткой экспозиціи получаются факелы по всему диску. Извѣстно, что при непосредственныхъ наблюденіяхъ въ трубу факелы замѣтны только на краю солнечнаго диска, въ темной комнатѣ на экранѣ можно прослѣдить ихъ дальше, на $\frac{2}{3}$ или $\frac{1}{2}$ радіуса. Теперь опыты Хэйля значительно расширили область для изученія интересныхъ образованій; они выяснили также непосредственно, что факелы нельзя разсматривать просто лишь приподнятыми частями фотосферы, что они на самомъ дѣлѣ особенно блестящи, имѣютъ специфическій составъ.

Знаменитая астрофизическая обсерваторія въ Потсдамѣ также организовала интересныя изслѣдованія, слѣдуя методу Хэйля и совершенствуя все болѣе и болѣе конструкцію прибора.

Рядъ мемуаровъ о своихъ опытахъ на Парижской обсерваторіи напечаталъ и Деляндръ въ органѣ Парижской Академіи Наукъ «Comptes Rendus»... Между прочимъ, онъ утверждаетъ, что фіолетовыя линіи кальція являются свѣтлыми не только въ области факеловъ, но и на всѣхъ другихъ точкахъ диска, гдѣ онѣ оказываются лишь только болѣе слабыми.

Деляндръ подчеркиваетъ, что пары кальція плаваютъ въ хромосферѣ, а не фотосферѣ солнца, что, фотографируя ихъ, мы получаемъ изображеніе хромосферы такъ, какъ если бы она была изолирована отъ фотосферы. Сравнивая фотографическій снимокъ хромосферы съ обыкновеннымъ снимкомъ диска солнца, полученнымъ въ одно и то же время, можно констатировать, что факелы на томъ и другомъ снимкѣ тождественны по формѣ въ своихъ блестящихъ частяхъ, они являются лишь слабѣе по яркости на обыкновенномъ снимкѣ, особенно ближе къ центру; что же касается пятенъ, то для нихъ нѣтъ соответствія на обыкновенныхъ снимкахъ солнца и снимкахъ въ лучахъ кальція, потому что пятна очевидно, дѣйствительно, вполне или отчасти покрыты парами хромосферы.

Наконецъ, снимки хромосферы по всему диску обнаружили небольшіе максимумы свѣта, которые образуютъ родъ сѣтки. Эти увеличенія блеска, по Де-

ляндру, вопреки утверженію Хэйля, встрѣчаются не только въ области пятенъ, но и у полюсовъ, хотя близъ полюсовъ они менѣе значительны. У Деляндра два спектрографа. Одинъ онъ называетъ спектрографъ формъ, другой—спектрографъ скоростей. Съ первымъ и получены указанные выше результаты. Онъ даетъ изображеніе хромосферы, проектированной на дискъ солнца, а при болѣе медленной экспозиціи протуберансы на вѣншемъ краю его. Другой спектрографъ даетъ скорости движенія паровъ хромосферы въ направленіи луча зрѣнія, т.-е. къ намъ и отъ насъ, откуда можно судить о толщинѣ слоя атмосферы. Два такіе же спектрографа, съ которыми работаютъ Деляндръ на Парижской обсерваторіи, онъ построилъ также и для астрофизической обсерваторіи въ Медонѣ (близъ Парижа). Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Comptes Rendus» онъ сообщаетъ о новыхъ результатахъ, добытыхъ съ помощью этихъ новыхъ инструментовъ.

Снимки 1899 года имѣютъ спеціальныи интересъ въ виду минимума солнечныхъ пятенъ въ этомъ году. Какъ разъ первые снимки 1892 и 1893 годовъ получены во время максимума. На нихъ изображеніе хромосферы обнаруживаетъ широкія блестящія образованія въ соотвѣтствіи съ факелами, видѣнными непосредственно на дискѣ, и, сверхъ того, небольшія увеличенія блеска, образующія описанную выше *хромосферную сѣтку*. Такая же сѣтка получена и на снимкахъ 1897 и 1898 годовъ по всему диску, тогда какъ на полюсѣ не было замѣтно факеловъ. Снимки 1892 года обнаруживаютъ ее тоже по всему диску, даже въ то время, когда послѣдній покрытъ пятнами и факелами. Такимъ образомъ, хромосферная сѣтка какъ будто постоянное явленіе. Она и устойчива, съ другой стороны, въ томъ смыслѣ, что сохраняетъ въ общемъ одну и ту же форму продолженія многихъ часовъ. Часто она составлена изъ ряда нѣкотораго рода петель.

Отдѣльныя блестящія массы какъ бы сливаются, часто спаиваются, образуя петлю. Часто потому блескъ каждой петли увеличивается и въ соотвѣтственной точкѣ на дискѣ солнца становится видны пятна. Иногда вѣсто петли появляется пятно. Наиболѣе интенсивныя и наиболѣе широкія петли соотвѣтствуютъ наиболѣе значительнымъ факеламъ и пятнамъ. Съ другой стороны, въ хромосферной сѣткѣ можно различить области съ ясно-опредѣленными петлями, области, свободныя отъ нихъ, и области среднія по своимъ свойствамъ между этими двумя. Петли имѣютъ часто форму многоугольника.

Въ 1898 году петель было замѣтно менѣе, чѣмъ въ предыдущіе годы. Снимки 1892 года, еще болѣе близкіе къ минимуму, не подтверждаютъ прогрессивнаго уменьшенія, какое можно было заподозрить сначала. Впрочемъ, сравненіе затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что прежніе и послѣдующіе снимки получены съ различными инструментами и петли не были одинаково рѣзки.

Еще *новая переменная звезда типа Альголя* открыта г-жей Цераской, супругой директора Московской обсерваторіи по фотографическимъ снимкамъ, полученнымъ ассистентомъ обсерваторіи г. Блажко. Періодъ измѣненія блеска 6 дней 0 часовъ 9,4 мин.

Обыкновенно звезда 10-й величины, но въ моментъ минимума яркость падаетъ до 12-й величины или даже еще больше, такъ что уменьшается болѣе, чѣмъ въ пять разъ. Типъ Альголя наиболѣе интересный. Мы ясно представляемъ себѣ всѣ тѣ явленія, которыя обуславливаютъ паденіе яркости въ звѣздѣ. Обыкновенно звезда горитъ постояннымъ, опредѣленнымъ блескомъ, только на нѣсколько часовъ наступаетъ потемнѣніе. Оно усиливается постепенно до извѣстнаго максимума, потомъ снова начинается правильное постепенное усиленіе блеска. Очевидно, далекое свѣтило имѣетъ близъ себя болѣе темнаго спутника.

Этот спутникъ, обходя вокругъ главной звѣзды, закрываетъ ее отъ насъ въ известныя моменты, раздѣленные одинаковыми интервалами. Для самого Альголя (β Персея) это явленіе разслѣдовано также другимъ путемъ. Спектроскопъ раскрылъ намъ строеніа далекой сложной системы, которую намъ никогда не придется наблюдать непосредственно ни въ какую трубу. Въ спектрѣ этой звѣзды было констатировано правильное періодическое смѣщеніе линій то къ красному концу, то къ фіолетовому краю, которое свидѣтельствовало, что въ одно время звѣзда шла по направленію къ намъ, въ другое она удалялась отъ насъ. Отсюда слѣдовало дальнѣйшее непосредственное заключеніе, что эта звѣзда двойная, потому что только въ сложной системѣ изъ двухъ солнцъ возможны такіа періодическія движенія.

По обстоятельствамъ затмѣнія Альголя можно было вычислить вѣроятныя размѣры спутника, высоту его атмосферы и атмосферы главной звѣзды. Спутникъ, вѣроятно, даже не темный въ буквальномъ смыслѣ слова, а только менѣе блестящей, чѣмъ главная звѣзда.

Возможно, что дальнѣйшія наблюденія и вновь открытой переменнѣй звѣзды выяснятъ какія-либо интересныя подробности строенія этой сложной системы. Но интересно открытіе и непосредственно само по себѣ.

Это уже четвертая звѣзда, открытая г-жею Цераской.

К. Покровский.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Мартъ.

1900 г.

Содержаніе: — Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія государственнаго права. — Статистика. — Народныя изданія и самообразование. — Справочныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Денница» Альманахъ.—*В. Стрешевскій.* «Повѣсти и рассказы».—*В. В. Арсеневъ.* «Стихотворенія, поэмы и рассказы».

«Денница». Альманахъ 1900 г. Изд. подъ редакціей П. Гнѣдича, К. Случевского и І. Ясинскаго. Спб. Ц. 1 р. Группа писателей-поэтовъ и беллетристовъ, «собирающихся для товарищескихъ собесѣдованій еженедѣльно», рѣшила обозначить свое существованіе рядомъ изданій, и «Денница» является первымъ изъ нихъ. Какъ и всѣ сборники того типа, въ которомъ случайный подборъ играетъ главную роль, и «Денница» не представляла бы ничего опредѣленнаго и сколько-нибудь стоящаго вниманія, если бы гг. редакторы не сочли нужнымъ выпустить свой сборникъ подъ особымъ флагомъ, избравъ для этого имя Пушкина, какъ представителя «неизмѣнно-прекраснаго», «во имя котораго сплотился въ единое нѣчто нашъ тѣсный кружокъ». Такое высокое покровительство, къ которому столь претенциозно взываютъ еженедѣльно бесѣдующіе господа беллетристы, ко многому обязываетъ, и мы вправѣ спросить гг. редакторовъ, чѣмъ же руководились они при составленіи своего альманаха? Трудно въ самомъ дѣлѣ, объединить такіе разнородные элементы подъ знаменемъ Пушкина, какъ тѣ имена, которыми украшенъ альманахъ. Положимъ, теперь сочинили для Пушкина модный эпитетъ—«поэтъ съ многогранной душой», но если даже признать за этимъ болѣе звучнымъ, чѣмъ содержательнымъ опредѣленіемъ нѣкую внутреннюю сущность, то и она не объединяетъ декадентскій бредъ гг. Бальмонта и Сологуба съ пушкинскою ясностью и чистотою мысли [или г. Величко, столь прославленнаго нынѣ патріота и гонителя всего нерусскаго, съ гуманнымъ отношеніемъ великаго поэта ко всѣмъ народностямъ. Странно также видѣть нѣкоторыя имена въ этомъ сборникѣ, имена, которыя также сочетаются съ Пушкинымъ, какъ имена Булгарина или Сеньковского съ нимъ. Положимъ, Пушкинъ мертвъ, «нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ»,—все же никому до сихъ поръ въ голову не приходило ставить за одну скобку Патрокловъ и Терситовъ. Пушкинъ—объединитель столь разнообразной компаніи, какъ перечисленная въ введеніи, это не вяжется въ представленіи обыкновеннаго читателя. Чтобы совмѣстить столь несомвѣстимыя начала, надо быть или «сверхъ-читателемъ» или... «еженедѣльно бесѣдующимъ беллетристомъ».

«Что въ имени тебѣ моемъ?»—могутъ, однако, замѣтить редакторы альманаха. Можетъ быть, великое имя Пушкина способно творить чудеса, превращая современныхъ Булгаринныхъ въ чистыхъ душою служителей музъ, облагоражи вая даже тѣхъ, кто давно уже порвалъ со всѣми завѣтами благороднаго служенія сло-

вѣмъ родинѣ и литературѣ. Мы первые порадовались бы, если бы это чудо свершилось. Къ сожалѣнію, ничего подобнаго мы не видимъ въ «Денницѣ», гдѣ огромная часть стихотворнаго матеріала представляетъ обычный наборъ рѣмъ, перемежаемый мѣстами такими шедеврами, какъ «Проклятіе смѣху» г. Сологуба:

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ.
Все, въ чемъ только сладость,
Все—порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Побѣждайте смѣхъ.

* * *

Кто смѣется? Боги,
Дѣти да глупцы.
Люди, будьте строги
Будьте мудрецы,—
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

Наряду можно еще поставить привѣтствіе уродамъ, любезно посвященное имъ г. Бальмонтъ:

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
Ладья, разбитыя веселостью волны.
И вы мнѣ дороги, мучительные сны
Жестокій матери, безжалостной природы,
Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
И ящерицъ, и змѣй отверженные роды.
Чума, проказа, тьма, убійство и бѣда,
Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
Надежды хищныя съ раскрытыми губами,—
О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
Во имя Господа, блаженнаго всегда,
Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

Въ то же время почтенный редакторъ сборника г. Случевскій напутствуетъ своихъ сотрудниковъ въ концѣ отдѣла стихотвореній слѣдующимъ торжественнымъ заявленіемъ:

А знаете ли вы, что ясной мысли вслѣдъ
Идти возможно; тутъ неправды нѣтъ...

Это замѣчательное открытіе, сдѣланное г. Случевскимъ на склонѣ дней своихъ,—значительно облегчаетъ читателя, когда онъ неожиданно натывается на него послѣ «пушкинскихъ» стиховъ «Денницы». Руководствуясь этимъ столь глубокимъ по мысли афоризмомъ г. Случевского, онъ можетъ закрыть «Денницу», оставивъ безъ прочтенія слѣдующую затѣмъ прозу, которая производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы это все рукописи, возвращенныя изъ редакцій. Для образчика можетъ служить удивительный по формѣ и содержанию «рассказъ» г. Ясинскаго «Серьезная телеграмма», въ которомъ на шести страничкахъ разгонистаго шрифта повѣствуется о купцѣ, повѣсившемся оттого, что онъ продешевилъ товаръ,—и только. Далѣе идутъ четыре странички г. Влад. Соловьева, полъ-странички самаго г. Случевского, рассказывающаго анекдотъ про Тургенева, гдѣ главное содержаніе не анекдотъ, а то, какъ онъ, г. Случевскій, былъ удостоенъ посѣщенія знаменитыми литераторами Дудышкинымъ, Анненковымъ и Тургеневымъ. Затѣмъ, г. Буренинъ пробираетъ по своему артистовъ, изобразивъ въ образѣ «Перепоева» нѣкоего актера, болѣе приверженнаго къ Вакху, чѣмъ къ сценѣ,—исторія весьма поучительная и вполне достойная если не пушкинской преміи, то имени Пушкина. Наконецъ, достойно завершаетъ «Денницу»—«Завѣщаніе», комедія г. Гнѣдича, въ которой скука всецѣло изгнала смѣхъ по совѣту г. Сологуба.

Есть еще переводъ гг. Барятинскаго и Фидлера на французскій и нѣмецкій языки изъ Пушкина, Толстого и Некрасова. Переводы недурны сами по себѣ, но почему они появились въ сборникѣ для русскихъ читателей, не совсемъ понятно.

Такова «Деница», которой, какъ мечтаютъ гг. редакторы, суждено означать собою «посильное воскрешеніе полузабытыхъ издательскихъ предпріятій незабвенной пушкинской плеяды». О чемъ бы ни мечтали редакторы, все же и имъ не слѣдуетъ забывать, что Пушкинъ никогда не допускалъ безразличія въ литературныхъ отношеніяхъ. «Партидность», отсутствіе которой они такъ тщательно подчеркиваютъ въ «Деницѣ», никогда не была ему чужда, когда рѣчь заходила о страстно любимой имъ литературѣ, и, желая и впередъ выступать подъ флагомъ Пушкина, они должны по-тщательнѣе относиться и къ выбору сотрудниковъ, и къ подбору матеріала. А. Б.

В. Стрешевскій. «Повѣсти и разсказы». Изд. С. Дороватовскаго и А. Чапушниковъ. Спб. 1900 г. Ц. 80 к. Въ этотъ томикъ вошло шесть разсказовъ и одна повѣсть—«Риштау», печатавшаяся въ прошломъ году у насъ. Остальные печатались въ журналахъ «Начало» и «Жизнь». Въ отличіе отъ прежнихъ произведеній, авторъ описываетъ въ нихъ, за исключеніемъ разсказа «Чукчи»,—не якутскую природу и не якутскую жизнь. Область наблюденій его расширилась, впечатлѣнія стали разнообразнѣе и содержаніе богаче. Предъ нами то широкая рѣка, жизнь парохода, на которомъ авторъ возвращается изъ своихъ дальнихъ странствованій («Развѣтъ»), то «Бѣловѣжская пуца» съ ея оригинальнымъ, оторваннымъ отъ культуры бытомъ, хотя вокругъ такъ близка эта культура, то уголокъ Кавказа, грандіозный и роскошный, поражающій величественностью своихъ видовъ, дикостью и подавляющими эффектами красокъ. И снова—полярный кругъ, чукчи, жизнь, примитивная, задавленная суровой природой, но оригинальная и интересная для того, кто, какъ авторъ, сжился съ нею и въ своей души нашель сочувственные ей отголоски. Нужно замѣтить, однако, что вездѣ, гдѣ авторъ описываетъ новые для него уголки, его описанія слабѣе, впечатлѣнія поверхностнѣе и общая картина болѣе эффектная, чѣмъ правдива. Между тѣмъ, въ «Чукчахъ», какъ и въ прежнихъ очеркахъ изъ той же области, чувствуется сама жизнь, запахъ снѣга, запахъ юрты и душа якута выступаетъ предъ нами, словно обнаженная. Въ новыхъ произведеніяхъ этого уже нѣтъ, или лучше сказать—еще нѣтъ. Тамъ, въ далекомъ сѣверномъ краѣ онъ жилъ долго, сжился съ нимъ, прочувствовалъ, понялъ его и потому воссоздалъ потомъ такъ ярко и сильно, какъ въ «Хайлакѣ», «На краю лѣсовъ» или «Въ сѣтяхъ». По новымъ мѣстамъ онъ лишь промелькнулъ, какъ на Кавказѣ напр., откуда унесъ рядъ сильныхъ, но поверхностныхъ впечатлѣній, схватилъ мимоходомъ лишь внѣшность, да и то въ ея болѣе грубыхъ очертаніяхъ, одни контуры безъ тѣхъ мельчайшихъ, почти неуловимыхъ оттѣнковъ, въ которыхъ, однако, вся сила истиннаго художественнаго описанія жизни. Предъ нами не Кавказъ, а декорация Кавказа, выписанная умѣло, мѣстами съ силой настоящаго художника, но все же только декорация. Всѣ эти недостатки особенно сказываются въ самой большой вещи настоящаго изданія «Риштау», интересной и эффектной, талантливой вообще и мѣстами истинно художественной. Выдумка, въ сожалѣнію, замѣнила здѣсь то знаніе и пониманіе жизни, которыя такъ очаровываютъ въ якутскихъ разсказахъ того же автора. Сама по себѣ эта выдумка слишкомъ примитивна и не хитра, несмотря на видимое желаніе автора углубить ее. Одинъ изъ критиковъ, г. Оболенскій въ «Одескомъ Листкѣ» обрушился на автора, обвиняя его за отсутствіе «тенденціозности». Мы же какъ разъ обратный упрекъ готовы слѣдять автору, именно за тенденціозное нагроможденіе эффектовъ, которыми авторъ замѣнилъ жизненную правду. Въмѣсто живой картины быта и нравовъ

получилась романтическая, но мало правдоподобная исторія, не дающая вѣрнаго представленія о Кавказѣ, его природѣ и жизни, таящейся въ его горахъ,

Тѣмъ не менѣе, мы рады за автора, который понемногу выходитъ за узкій кругъ сѣвернаго края и начинаетъ живописать иную жизнь, иную природу. Пусть пока онъ еще недостаточно вникъ въ эту жизнь, не сполна сжился, съ новыми условіями,—его «Якутскіе разскззы» даютъ полное право надѣяться что и эта новая жизнь, культурная, полная борьбы не съ природой, какъ на сѣверѣ, а борьбы людей, партій, настроеній,—найдетъ въ немъ талантливаго и вдумчиваго, пэобразителя.

А. В.

«Сборникъ стихотвореній, поэмъ и разсказовъ» А. В. Арсеньева, съ предисловіемъ П. И. Вейнберга, виньеткой художника В. С. Крюкова и портретомъ автора. Спб. Изданіе А. А. Ивановой. 1899 г. Ц. 1 р. 25 коп. (стр. XXX+162). Книжка, на заглавной виньеткѣ которой красиво нарисованный ангелъ высоко держитъ надпись *На памятникъ автору*, издава лицомъ близкимъ къ покойному. И хорошая бумага, и шрифтъ, и виньетка и тепло написанный біографическій очеркъ, и самый выборъ статей, и ихъ группировка—все обнаруживаетъ дружескую руку именно такого лица, пожелавшаго посылить и безкорыстно выразить свою любовь къ тому, кого уже на свѣтѣ нѣтъ, на что указываетъ предисловіе извѣстнаго нашего писателя П. И. Вейнберга, къ которому обратился другъ покойнаго съ просьбою напутствовать книжку нѣсколькими строками.

«Съ искреннею готовностію,—пишетъ П. И. Вейнбергъ,—исполняю это желаніе. Арсеньевъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ писателей, на личности котораго съ любовью и уваженіемъ останавливается всякій любящій и уважающій литературу: глубоко честный, всегда искренній идеалистъ въ своихъ стремленіяхъ, старавшійся осуществить ихъ по мѣрѣ силъ, и, какъ всѣ идеалисты, особенно идеалисты русскіе, испытавшій на дѣлѣ печальную бесплодность того, къ чему онъ шелъ неуклонно, несмотря на всѣ препятствія. Такимъ онъ былъ всегда въ жизни, такимъ неизмѣнно остался и на своей писательской дорогѣ... Коротка и безотраднa была эта жизнь, но никакія невзгоды не затуманивали его чистой души; никакіе житейскіе удары не сокрушали его энергіи, не давали доступа какой бы то ни было сдѣлкѣ съ совѣстью, съ тѣми убѣжденіями, которыя съ самыхъ юныхъ лѣтъ вошли въ его плоть и кровь и пустили тамъ корни на всю жизнь, до послѣдней минуты этого грустнаго, рѣдко озарявшагося свѣтлыми лучами существованія».

Эти теплыя слова о симпатичѣйшемъ, юномъ и чистомъ душой, писателѣ, котораго близко знали лично и мы, много съ нимъ вѣстѣ работавшіе, вполне подтверждаются и его біографіей. Выросшій среди природы деревенскаго простора, въ бѣдности, съ шести лѣтъ сирота,—онъ отданный на казенный счетъ въ училище Человѣколюбиваго Общества и обнаружившій несомнѣнныя способности къ наукамъ и литературѣ, изъ-за болѣзни глазъ, не покидавшей его всю жизнь, не могъ поступать даже въ старшій классъ гимназіи и остался безъ всякихъ средствъ къ существованію и до самой смерти бѣднякомъ. Но ни бѣдность, ни постоянныя неудачи не заглушили въ немъ стремленій къ самообразованію, и никогда не поступился онъ ни въ чемъ своею совѣстью и каждымъ скуднымъ кускомъ хлѣба обязанъ только себѣ, своему упорному литературному труду. Начавъ съ рецензій и статей въ журналахъ и газетахъ, самоучкой хорошо изучивъ французскій и англійскій языки и особенно ревностно занимаясь русской исторіей, покойный сдѣлался однимъ изъ выдающихся писателей для дѣтей и народа и принималъ самое дѣятельное участіе въ комиссіи по устройству народныхъ чтеній. Не мало написано имъ и историческихъ бытовыхъ разсказовъ, изданныхъ и отдѣльно («*Старая быльыщина*», «*Первая книжная лавочка въ Петербургѣ*», «*Славное Сева-*

стополюское сидѣніе»), и составлено, единственное у насъ въ своемъ родѣ, пособие для изученія исторіи русской литературы «*Карта для народнаго обозрѣнія исторіи и хронологіи русской литературы*» и «*Словарь русскихъ писателей*» въ двухъ частяхъ. Уже въ концѣ жизни счастье, наконецъ, улыбнулось было добросовѣстному труженику, и его несомнѣнно талантливая и написанная прекраснымъ языкомъ и стихомъ большая историческая драма *Бояринъ Нечай Ногаевъ*, имѣвшая на сценѣ и въ печати большой успѣхъ, озарила радостью его послѣдніе дни, которые уже были сочтены. Любопытная исторія постановки этой пьесы, доставившей автору до своего появленія на сценѣ много горя, обстоятельно изложенная въ біографическомъ очеркѣ, представляетъ весьма интересную и печальную картинку нашихъ, еще недавнихъ театралныхъ порядковъ. Скончался покойный въ 1896 г. всего 42 лѣтъ.

Скромное литературное значеніе писателя совершенно правильно опредѣляетъ П. И. Вейбергъ. «Это, -- говоритъ онъ, -- не былъ яркій глубокій талантъ, хотя, судя по драмѣ *Нечай Ногаевъ*, дававшій основаніе ожидать отъ него многого вполне выдающагося. Это не было то дарованіе, которое говорить «новое слово», и тою или другою стороною своею обнаруживаетъ въ писателѣ истиннаго художника, самостоятельнаго мыслителя, всесторонняго наблюдателя челоѣческаго сердца и окружающаго общества. Но въ Арсеньевѣ, какъ писателѣ, неизменно сохранялись такіа драгоценныя— всегда, а въ наше время въ особенности— качества, какъ задушевная теплота, сердечное отношеніе къ изображаемымъ его перомъ явленіямъ жизни и та неподдѣльная неисчерпаемая искренность, которая одна служить доказательствомъ, что писатель *переживаетъ* то, что создаетъ, т.-е. выполняетъ одинъ изъ важнѣйшихъ завѣтовъ литературнаго творчества. Этимъ требованіямъ искусства онъ не измѣнялъ никогда, и это служеніе имъ прекрасно отразилось и въ самой манерѣ его писанія:— мягкой, задушевною, симпатичною, и въ тѣхъ сюжетахъ и мотивахъ которые обрабатывало его перо». Этотъ отзывъ о писателѣ какъ нельзя болѣе подтверждается и книжкою. Не блещущъ особой музыкальностью формы, яркостью образовъ и сорокъ два стихотворенія, и поэмка *Аринюшка-боярышня*, но онѣ искренни, просты и задушевы. Любовь къ роднымъ полямъ и лѣсу («Родина»), пробужденіе въ поэтѣ снова юныхъ силъ («Вновь»), высокое назначеніе поэзіи вести впередъ родной край («Поэтъ»), сочувствіе чистой и благородной юности, скорбь о почившихъ поэтахъ (*На смерть Достоевскаго*, *Надъ могилой Некрасова*), нѣсколько красивыхъ картинковъ природы, нѣсколько хорошихъ переводовъ (Гюго, Ламартинъ)— вотъ содержаніе выбранныхъ въ книжкѣ стихотвореній, которыя своею задушевностью и свѣжестью чувства подкупаютъ читателя. Интересны и восемь небольшихъ рассказиковъ, изъ которыхъ три историческихъ анекдота: *Одноногий конвоиръ*, *Атаманъ Платовъ* и *Бунтъ вятскихъ калачницъ*; рассказъ же *Необычно* (похороны самоубійцы) лучшій въ книжкѣ, полный глубокой, потрясающей правды. Рекомендую вниманію читателей эту книжку, заключимъ наше указаніе словами П. И. Вейберга: «пусть тѣ, въ рукахъ которыхъ будетъ эта книга, внимательно прочтутъ ее— и па душѣ ихъ станетъ также отрадно и грустно, какъ отрадно и грустно намъ, знавшимъ Арсеньева, вспоминать объ этомъ, такъ безвременно сошедшемъ въ могилу истинно хорошемъ челоѣкѣ и писателѣ».

В. О—скій.

КРИТИКА И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ф. Д. Батюшковъ. «Критическіе очерки и замѣтки». — Г. Брандесъ. «Литература XIX в. въ ея главныхъ теченіяхъ».

Ф. Д. Батюшковъ. «Критическіе очерки и замѣтки». С.-Петербургъ, 1900 г. Авторъ этой скромной книги не профессиональный критикъ-публицистъ. Главное его вниманіе обращено на научную обработку литературныхъ памятниковъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго; если же онъ порой прибѣгалъ къ общей періодической прессѣ, чтобы войти въ общеніе съ болѣе широкимъ кругомъ читателей, то онъ хотѣлъ бы, чтобы въ его журнальныхъ статьяхъ видѣли не что иное, «какъ путевыя замѣтки, которыя велись параллельно инымъ работамъ и какъ бы случайно всплывали наружу изъ записной тетради». Это видно и въ выборѣ темъ. Въ десять лѣтъ (1889—1899), въ теченіе которыхъ возникли соединенныя въ вышеназванной книгѣ статьи г. Батюшкова, профессиональный критикъ не могъ бы пройти молчаніемъ многихъ явленій нашей и иностранной литературы, болѣе крупныхъ, чѣмъ нѣкоторые изъ затронутыхъ г. Батюшковымъ предметовъ. Въ способѣ обработки своихъ темъ авторъ также не слѣдуетъ обычному пути. Отъ профессиональнаго критика въ большинствѣ случаевъ требуется, чтобы онъ на пространствѣ печатнаго листа далъ полную картину даннаго явленія, законченную характеристику даннаго писателя или всестороннюю оцѣнку данной литературной группы. Всемъ извѣстно, какъ часто, слѣдуя такимъ требованіямъ, критикъ усиливаетъ высказать только «взглядъ и нѣчто» съ десяткомъ почти случайныхъ цитатъ. У г. Батюшкова замѣчается болѣе нормальное отношеніе между размѣромъ статей и объемомъ затрогиваемыхъ вопросовъ. Онъ болѣею частью сосредоточиваетъ свое вниманіе на какой-нибудь одной чертѣ разбираемаго писателя, на отдѣльномъ типѣ или эпизодѣ. Такъ, онъ посвящаетъ цѣлую статью исторіи одной драматической поемы А. Н. Майкова («Два міра»), другую статью одному произведенію Вл. Г. Короленко («Слѣпой музыкантъ»), третью—одному типу г. Потапенко и т. п. Но зато онъ не ограничивается сопоставленіемъ нѣсколькихъ соображеній по поводу намѣченныхъ вопросовъ, а дѣйствительно изучаетъ ихъ съ тою обстоятельностью, объективностью и эрудиціей, которыя отличаютъ и его историко-литературныя изслѣдованія. Профессорская начитанность автора въ литературѣ всѣхъ временъ и народовъ даетъ ему при этомъ въ руки орудіе, которымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдко владѣютъ люди, посвятившіе себя исключительно публицистикѣ. Это качество даетъ возможность автору часто мелкій самъ по себѣ фактъ поставить въ надлежащую перспективу и тѣмъ подчеркнуть его истинное значеніе, но не доводитъ критику г. Батюшкова до сухой эрудиціи, чуждой общихъ идей и общественныхъ настроеній. Такого рода эрудицію авторъ прекрасно характеризуетъ въ предисловіи: «все подлежитъ вѣдѣнію науки,—такъ разсуждаютъ эрудиты,—въ ней нѣтъ фактовъ значительныхъ и незначительныхъ, ибо каждому явленію въ мірѣ своей часть и мѣсто; излишняя оправданія въ выборѣ того или другого предмета изысканій, а зачастую выборъ неумѣстенъ, ибо требованіямъ науки должно подчиняться, а не предъявлять своихъ притязаній. Служеніе наукѣ должно быть идейно-безкорыстнымъ». Это, повидимому, столь возвышенное стремленіе къ «чистой истинѣ» имѣетъ весьма непріятную обратную сторону: «нѣкоторое нравственное и общественное безразличіе изслѣдователя; научныя изысканія обращаются въ своего рода *casse tête* и становятся какъ бы особымъ видомъ умственнаго спорта, безкорыстнаго, но и безцѣльнаго (въ прикладномъ значеніи). Отчужденіе отъ жизни приводитъ къ атрофіи способностей отдѣляться на запросы жизни». Этотъ спортъ идолопоклонства передъ оторванной отъ жизни наукой,—замѣ-

тнѣ отъ себя, — особенно развивается въ періодъ реакціи, когда общественная мысль не въ авантажѣ обрѣтается, а потому безкорыстный характеръ такого спорта не всегда стоитъ вѣд сомнѣнія. О роли науки въ рѣшеніи вопросовъ жизни, о такъ называемомъ «банкротствѣ науки», о которомъ одно время столько говорилось, г. Батюшковъ весьма послѣдовательно и тонко рассуждаетъ въ статьѣ, помѣченной 1889 годомъ, по поводу романа Бурже «Ученикъ». Подумаешь, какъ скоро время идетъ! Этотъ романъ когда то вызывалъ такъ много толковъ и надеждъ, которыя столь блестящимъ образомъ не оправдались. Теперь, когда встрѣчаешь имя Бурже, невольно кажется, будто онъ тянетъ свою альковную канитель чуть ли не со временъ Э. Сю и Дюма-сына. Впрочемъ, г. Батюшковъ мало останавливается на достоинствахъ и недостаткахъ романа Бурже, какъ художественнаго произведенія, а главнымъ образомъ обнаруживаетъ съ полною ясностью и точною тѣ софизмы, посредствомъ которыхъ романистъ хотѣлъ взвалить на позитивную науку отвѣтственность за безнравственность современной молодежи совершенно такъ же, какъ въ 30-хъ годахъ Мюссе въ томъ же обвинялъ скептическую философію XVIII вѣка.

Статья о романѣ Бурже является одною изъ наиболѣе интересныхъ въ сборникѣ г. Батюшкова, также какъ заключительная статья «Утопія всенароднаго искусства» по поводу извѣстнаго рассужденія Л. Н. Толстого *«Что такое искусство?»* Не со всеми взглядами почтеннаго критика мы можемъ согласиться, напр., по вопросу о существованіи абсолютныхъ метафизическихъ категорій красоты, добра и даже истины, но въ критической своей части, въ разборѣ логическихъ скачковъ великаго писателя г. Батюшковъ высказываетъ много справедливаго и сопоставляетъ точку зрѣнія Л. Н. Толстого съ эстетическими теоріями многихъ западно-европейскихъ писателей. Но при этомъ критикъ не столько споритъ съ Л. Н. Толстымъ, сколько старается выяснитъ его мнѣнія и взгляды, основательно находя, что эстетическія исторіи такого художника «пріобрѣтають... интересъ не только и даже, скажемъ, не столько по сущности, какъ по отношенію къ индивидуальности автора».

Вездѣ оставаясь на общественной почвѣ при разсмотрѣніи произведенія искусства и сохраняя въ ихъ оцѣнкахъ неизмѣнно гуманную точку зрѣнія, авторъ держится спокойнаго объективнаго тона, никогда не полемизируетъ, не раздражается и старается всемір воздать должное. Такое шепетливое безпристрастіе, по нашему мнѣнію, авторъ доводитъ иногда до шаржа. Независимо отъ этой мелочи, стремленіе Ѳ. Д. Батюшкова держать въ постоянномъ равновѣсіи чаши вѣсовъ заслуживаетъ только глубокаго признанія. И если бы умѣстно было высказать какое-либо пожеланіе по отношенію къ возможной дальнѣйшей публицистической дѣятельности почтеннаго критика, то мы пожелали бы только, чтобы его оцѣнки чаще подвергались болѣе крупнымъ и цѣльнымъ литературнымъ явленіямъ.

Е. Деенъ.

Г. Брандесъ. «Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ». Нѣмецкая литература. Переводъ съ нѣмецкаго Б. Д. Порозовской и В. И. Писаревой. Изд. Ф. Павленкова. С.-Петербургъ. 1900 г. Курсъ новой литературы Брандеса давно привлекалъ вниманіе русскихъ переводчиковъ. Первые двѣ части его «Литература эмигрантовъ» и «Романтизмъ въ Германіи» появились на русскомъ языкѣ почти двадцать лѣтъ назадъ (изданіе В. Невѣдомскаго. Москва, 1881 г.), отдѣльныя главы, напр., о Байронѣ, Берне и Гейне, также печатались и въ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Въ настоящее время, наконецъ, г. Павленковъ закончилъ изданіе всѣхъ шести частей этого популярнаго труда, причемъ группировка отдѣльныхъ частей въ переводѣ иная, чѣмъ въ оригиналѣ: Брандесъ располагаетъ все сочиненіе по извѣстному плану, слѣдя за постепеннымъ распространеніемъ реакціонныхъ идей по всей Европѣ, а затѣмъ за развитіемъ свободомыслія вплоть до общеевропейскаго взрыва

1848 года; въ русскомъ же переводѣ эта идѣйная связь нарушена въ пользу группировки по національностямъ, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ силу этого цѣлостность плана является разрушенной и получаются только отдѣльные очерки безъ ясной системы.

«Психологическій методъ» Брандеса столько разъ критиковался въ иностранной и въ русской печати, что здѣсь говорить о немъ подробно не приходится. Сущность его заключается въ томъ, чтобы каждое литературное явленіе разсматривать въ связи съ тою общественно-психологическою основой, на которой оно выросло. Преимущества такого пониманія задачи предъ обычными курсами литературы, представляющими большею частью лишь исторію книгъ, сами собою понятны. Но въ примѣненіи своего метода авторъ останавливается на полпути: изображая психологическую основу литературы, онъ лишь изрѣдка и недостаточно опредѣленно указываетъ социальную основу общественной психологии. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что большая часть сочиненія Брандеса появилась въ свѣтъ около тридцати лѣтъ тому назадъ, когда о такой постановкѣ исторіи литературы еще не было рѣчи. Относясь поверхностно къ социальной средѣ, Брандесъ всюду настаиваетъ на связи литературы съ политической жизнью общества и это то и составляетъ главный интересъ его прекрасно изложенныхъ очерковъ. Нигдѣ эта связь не была столь близкой и непосредственной, какъ въ Германіи въ эпоху между Вѣнскимъ конгрессомъ и 1848 годомъ, и посвященная этой эпохѣ шестая часть курса Брандеса, впервые появившаяся въ русскомъ переводѣ (за исключеніемъ главъ о Гейне и Берне), должна считаться наиболѣе интересной какъ по мастерству изложенія, такъ и по самостоятельности обработки матеріала, чего, какъ извѣстно, Брандесу часто недостаетъ.

Общественная атмосфера въ нѣмецкихъ земляхъ послѣ освободительной войны сразу сдѣлалась удручающею. Меттерниховская реакція старалась въ родышѣ задавить всякое проявленіе жизни. «Германская печать никогда не достигала высокаго развитія и авторитетности. Но послѣ того, какъ ей было запрещено обсуждать государственныя дѣла, она оказалась вынужденною ограничиваться сообщеніемъ текущихъ политическихъ фактовъ и заниматься почти исключительно придворными извѣстіями, отчетами о градоубіицахъ и наводненіяхъ, описаніемъ необыкновенныхъ уродовъ въ животномъ мірѣ или панегириками новымъ свѣтиламъ сцены». Слабые отголоски вольнолюбиваго настроенія изъ эпохи шиллеровскихъ *Разбойниковъ* и *Фіеско* получили странное выраженіе въ извѣстныхъ гимнастическихъ обществахъ и въ патріотическихъ союзахъ молодежи. Если форма оппозиціи была наивна, то не менѣе наивна, при всей своей грубости, была и реакція. Ношеніе древнегерманской одежды, черно-красно-золотыхъ цвѣтовъ и различныхъ другихъ невинныхъ эмблемъ каралось, какъ государственное преступленіе. «Мнѣ отъ души жаль вашихъ государственныхъ людей,—говорилъ тогда французскій министръ, графъ де Серръ, знаменитому Нибуру:—они воюютъ со студентами». На этой почвѣ повальнаго мракобѣсія «произошло то, что обыкновенно наблюдается, когда высокоодаренный, но не обладающій энергіей народъ не въ состояніи стряхнуть съ себя иго: давленіе породило самопрезрѣніе, благодаря которому развилось какое-то отчаянное остроуміе, и лучшими людьми овладѣло какое-то страстное стремленіе искать самоутѣшенія въ осмѣяніи собственнаго ничтожества». Вотъ источникъ знаменитой ироніи нѣмецкихъ неоромантиковъ, которой нѣмцы до сихъ поръ не могутъ простить Гейне. Но Гейне былъ только самый ѣдкій изъ числа своихъ современниковъ. Шамиссо и гр. Платенъ насколько не съ большими пѣтетоми относились къ государственнымъ порядкамъ. Всѣ они одинаково издѣвались надъ господствомъ іезуитовъ, надъ цензурой, надъ безсильнымъ обществомъ, надъ терпѣніемъ народа и надъ самими собой. Уже къ началу 30-хъ годовъ интел-

лигентная часть общества такъ сильно жаждала выхода изъ этого гнетущаго состоянія безправія, что извѣстіе о іюльской революціи въ Парижѣ подѣйствовало на нее, какъ электрическая искра. Но для практической оппозиціонной дѣятельности силы еще не созрѣли. Либеральная публицистика «молодой Германіи», страстные рѣчи благородныхъ эмигрантовъ, подобныхъ Берне, потрясали пока одинъ воздухъ. Цензура, а въ крайнихъ случаяхъ полиція безъ труда пресѣкали распространеніе нежелательныхъ идей. Лишь съ восшествіемъ на престолъ Фридриха-Вильгельма IV (въ 1840 г.) въ обществѣ сказывается дѣйствительно серьезное политическое движеніе, которое въ литературѣ породило цѣлую плеяду талантливыхъ поэтовъ, черпавшихъ свое вдохновеніе въ политическихъ мотивахъ. Глубоко одушевленная нѣмецкая лирика 40-хъ годовъ лучше всего доказываетъ, что художественность зависитъ не отъ выбора темъ, а отъ того, насколько писатель ими проникнутъ. Но безпощивности и наивности съ той и другой стороны оставалось еще достаточно. Весьма благодарную фигуру для карикатуры представлялъ самъ король, волюнѣ благожелательный, литературно развитой, но совершенно не понимающій задачъ времени и своей роли. Свои прочувствованныя рѣчи безъ малѣйшаго признака реального содержанія, къ которымъ онъ питалъ такое пристрастіе, онъ считалъ актами глубокой политической мудрости. Въ дѣйствительности онѣ, конечно, не уменьшали запросовъ общества, а только раздражали своею банальностью. Народинъ Гейне («Новый Александръ», «Simplicissimus» и др.) потому и приводили въ такой ужасъ прусскую цензуру, что онѣ вовсе не особенно искажали истину. Особенно характеренъ эпизодъ свиданія короля съ революціоннымъ поэтомъ Гервегомъ: король увѣрялъ, что ему пріятно видѣть честнаго противника, и что каждый долженъ исполнять свое призваніе, король — свое, и революціонеръ — свое. Дѣло, однако, кончилось тѣмъ, что честнаго противника съ жандармами выпроводили за границу государства. Свиданіе это также весьма художественно изображено у Гейне («Аудіенція») и напоминаетъ нѣсколько свиданіе щедринскаго карася-идеалиста со щучкой. Но только Гейне еще находилъ въ себѣ запасъ смѣха. Положеніе становилось все серьезнѣе. Патріархальный режимъ довелъ страну до тяжелыхъ дней. Среди рабочаго населенія Силезіи разразился извѣстный голодъ, и у государства не нашлось никакихъ средствъ, чтобы предотвратить бѣдствіе, — оно старалось только не допустить огласки «истинныхъ причинъ голода» (извѣстный эпизодъ съ Варховымъ, тогда молодымъ прив.-доцентомъ). Недовольство во всѣхъ слояхъ страны расло, и сладкими словами его не удавалось замазать. Прусскій король до послѣдней минуты не понималъ значенія совершающагося, и меньше, чѣмъ за годъ до мартовскихъ дней 1848 года онъ торжественно говорилъ: «нѣтъ той земной силы, которой удалось бы превратить естественныя отношенія между государемъ и народомъ въ условныя конституціонныя, и я не допущу, чтобы между Богомъ и этою страной сталъ письменный договоръ» и т. д. Рокковыя событія 1848 г. опровергли эту легкомысленную увѣренность, но не осуществили и пылкихъ надеждъ либеральныхъ поэтовъ. Все тотъ же Гейне описываетъ намъ, какъ «нѣмецкую свободу», которая до тѣхъ поръ бѣгала босикомъ, нарядили въ калоши, въ ночной колпакъ и халатъ на ватѣ и обѣщали даже дать поѣсть, если она будетъ соблюдать умѣренность и аккуратность. Но Брандесъ не касается уже дальнѣйшаго хода событий, справедливо находя, что съ этого момента общественной жизни, а съ нею и литература стали развиваться совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ до тѣхъ поръ. Впрочемъ, нѣмецкая литература надолго утратила то значеніе, которое она приобрѣла въ первой половинѣ вѣка. Вождями движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ были идеалисты-публицисты, поэты, профессора, философы. Въ дальнѣйшемъ поступательномъ движеніи призваны были играть роль вождей иные элементы.

Въ заключеніе нужно сказать, что переводъ разсмотрѣнной книги выполненъ весьма неровно. Первая часть «Романтическая школа въ Германіи» (пер. г-жи Порозовской) переведена прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Во второй части «Молодая Германія» (пер. г-жи Писаревой) слогъ гораздо тяжеле и мѣстами замѣчается даже недостаточно тонкое пониманіе подлинника. Къ тому же, всѣ стихотворныя цитаты этой послѣдней части переданы простою русской прозой, слишкомъ подстрочной и потому неуклюжей. Въ первой же части сохранены нѣмецкіе стихи, что гораздо правильнѣе, разъ не имѣется удовлетворительныхъ поэтическихъ переводовъ. *Е. Дегенъ.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

М. Леклеркъ. «Воспитаніе и общество въ Англіи».—*Ж. Блонделя.* «Торгово-промышленный подъемъ Германіи».

М. Леклеркъ. «Воспитаніе и общество въ Англіи». Перев. *М. А. Шишмаревой.* Изд. товарищества «Знаніе», ред. *Г. Фальборна* и *В. Чарнолуснаго.* № 12. Спб. 1899 г. Сочиненіе *М. Леклерка* хотя написано не болѣе десяти лѣтъ назадъ, но является результатомъ совершенно иного взгляда на Англію, чѣмъ тотъ, который слагается въ настоящее время въ виду переживаемаго ею политическаго и промышленнаго кризиса. Взглядъ, изъ котораго исходилъ авторъ, основанъ на преклоненіи передъ государственнымъ величіемъ Англіи, высотою ея общественнаго развитія, нравственными и промышленными силами. Но конкурсу, открытому при школѣ политическихъ наукъ въ 1889 г., *М. Леклерку* было поручено произвести изслѣдованіе, которое выяснило бы, гдѣ обучаются и какъ формируются по ту сторону Ла-Манша высшіе и средніе классы, гдѣ страна беретъ своихъ замѣчательныхъ парламентскихъ дѣятелей, администрація—образцовыхъ чиновниковъ, промышленность—такихъ неутомимыхъ и знающихъ техниковъ, торговля—умѣлыхъ агентовъ, философія—такихъ глубокихъ мыслителей, литература и наука—такую массу оригинальныхъ талантовъ? Самъ *М. Леклеркъ* выясняетъ въ одномъ мѣстѣ книги задачу своего труда въ такихъ словахъ: «исходя изъ общезвѣстнаго факта силы и жизнненности англійской націи опредѣлить, какую роль сыграло въ немъ воспитаніе? Въ область же воспитанія я включаю всѣ факторы, вліяющіе на измѣненіе физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ свойствъ человѣка: не только школу, но и семью—до школы, а послѣ школы жизнь» (стр. 302).

Въ указанномъ смыслѣ и была выполнена авторомъ работа личнаго обслѣдованія въ періодъ 1889—1890 годовъ. Она представляетъ тѣмъ болѣе современный интересъ, что сквозъ призму упомянутаго выше признанія превосходства англійской системы семейнаго и общественнаго воспитанія у автора ярко выступаютъ тѣ существенныя ея недостатки, которыя обусловили возможность наблюдаемаго въ настоящее время внѣшняго упадка страны. И вмѣстѣ съ тѣмъ многія явленія, подмѣченныя въ ихъ развитіи авторомъ, даютъ увѣренность, что Англія, какъ цѣлое, англійскій народъ, съ его серьезнымъ отношеніемъ къ жизни и энергіею въ достиженіи цѣлей, сумѣетъ стать выше своихъ ошибокъ и вновь завоевать въ глазахъ всего міра положеніе націи передовой въ культурномъ отношеніи.

Изъ обзорѣнія фактовъ, приводимыхъ авторомъ, становится яснымъ, что постановка школьнаго образованія въ Англіи отличалась до послѣдняго времени большими несовершенствами; если все-таки Англія обладала дѣйствительно знающими и энергичными дѣятелями на различныхъ поприщахъ, такъ этимъ она была обязана не столько школѣ, сколько суммѣ всѣхъ воспитательныхъ

вліяній жизни, руководимыхъ однимъ общимъ направлениемъ—давать просторъ самодѣятельности. Уже семейное воспитаніе, равно чуждое сентиментальности, кабы и духа педантичнаго надзора за дѣтьми, заботится, прежде всего, о томъ, чтобы развить въ нихъ привычку къ самостоятельному образу дѣйствій, подготавливать людей съ сильными мускулами и дисциплинированной волею. Ту же цѣль—заблаговременно создавать личность—раздѣляетъ съ семьей и школа въ лучшихъ сторонахъ своего вліянія. Этими лучшими сторонами является вниманіе, которое обращено на физическое развитіе дѣтей, благодаря чему во всѣхъ школахъ Англій такъ много мѣста отводится на игры и физическія упражненія; боязнь вызвать умственное переутомленіе излишнимъ обремененіемъ памяти, почему отдается превосходство устному методу преподаванія; взглядъ, что образованіе ума и воспитаніе характера не могутъ быть раздѣлены, что учитель всегда долженъ быть въ то же время и воспитателемъ, главное орудіе котораго личный примѣръ и вліяніе; наконецъ, такая постановка школьной жизни, что дисциплина характера приходитъ не извнѣ, путемъ принужденія, но вырабатывается сама изъ постоянного общенія съ равными, изъ необходимости и по личному сознанію. Вотъ всѣ эти-то достоинства англійской системы школьнаго воспитанія и дѣлаютъ питомцевъ ко времени выхода ихъ въ жизнь настолько умственно бодрыми, полными жизненной энергіи и способности къ труду, что всѣ эти способности сохраняются и въ послѣдующей жизни, которая своими вліяніями продолжаетъ дѣло образованія личности. Эти вліянія—профессіональная практика, общественныя и политическія учрежденія и печать. Англичанинъ никогда не перестаетъ учиться, читать, изучать чуждые языки. Онъ дѣлаетъ это не съ той методичностью, какъ нѣмецъ, его не пріучила къ тому школа, но умъ его остается свѣжъ и воспримчивъ, школьное обученіе не притупляетъ его энергіи и любознательности.

Обратимся теперь къ основнымъ недостаткамъ школьнаго образованія въ Англій. Этими недостатками до послѣдняго времени были отсутствіе организаціи, крайняя хаотичность и аристократизмъ школы. Образованіе, даваемое провинціальными колледжами, да и вообще все среднее образованіе страдаетъ отъ хаотическаго состоянія (стр. 262, 291),—отсутствія выработанныхъ программъ и общихъ методовъ. Главною причиною тому служить, конечно, то положеніе, которое занимало до сихъ поръ государство въ дѣлѣ образованія,—его невмѣшательство. Государство входило въ это дѣло только путемъ инспекціи и правительственныхъ субсидій. Всего менѣе оказывало оно воздѣйствіе на среднее образованіе, предоставленное въ своемъ развитіи частной и общественной инициативѣ. Въ результатъ здѣсь получился особенный беспорядокъ. Въ отношенія невыработанности программъ достаточно указать на примѣръ того, что въ школѣ университетскаго колледжа—каждый отецъ, съ согласія директора, можетъ составить для своего сына программу учебнаго курса и слѣдить за ея примѣненіемъ (стр. 102). Леклеркъ замѣчаетъ болѣе, что «въ общей сложности въ Англій среднее образованіе стоитъ дороже, чѣмъ во Франціи,—дороже и абсолютно, и относительно, т.-е. принимая въ расчетъ его продуктивность. Это объясняется несовершенствами организаціи, или, вѣрнѣе, отсутствіемъ всякой организаціи» (стр. 297). Дороговизна средняго образованія въ Англій (см. 170 стр.) ведетъ къ тому, что «англійская система въ результатѣ создаетъ привилегированный классъ, хотя и не ставитъ себѣ этого цѣлью» (стр. 56, 62). Если прибавить къ этому, что англійскіе средніе классы, согласно наблюденіямъ М. Леклерка, далеко не пришли къ сознанію всей важности научнаго образованія и рано берутъ своихъ сыновей изъ учебныхъ заведеній, чтобы скорѣе отдать ихъ въ школу профессиональной практической дѣятельности, то для насъ станетъ яснымъ основной порокъ этихъ будущихъ дѣятелей—ихъ недостаточная научная подготовка. Бонекъ англичанъ—практическая жизнь, профессиональная выучка. На

примѣрахъ, приведенныхъ во второй части книги Деклерка мы видимъ, что какъ въ англійской промышленности и торговлѣ, такъ и на всѣхъ прочихъ поприщахъ дѣятельности: въ медицинѣ, журналистикѣ, администраціи, судѣ и проч., люди, стоящіе во главѣ профессіи, представляющіе ее и руководящіе ею, вырабатываются чисто практическимъ путемъ. Грубый эмпиризмъ до послѣдняго времени царилъ въ Англии во всѣхъ сферахъ ея общественной дѣятельности и если давалъ столь благопріятные плоды, то лишь благодаря высотѣ общей культуры и достоинствамъ національнаго характера. Но долго такъ продолжаться не могло и мы видимъ, что Англія въ настоящее время испытываетъ всѣ печальныя послѣдствія своего небрежнаго отношенія къ постановкѣ школьнаго дѣла. Тотъ фактъ, что промышленность Англии, въ наиболѣе интересующихъ ее отрасляхъ, начинаетъ отставать отъ промышленности Германіи и Соед. Штатовъ, былъ отмѣченъ еще въ 1880 г. особой королевской комиссіей по техническому образованію во принятыхъ съ тѣхъ поръ мѣры, выразившіяся въ изданіи закона 1889 г., не остановили этого процесса прогрессирующей отсталости англійской индустріи. Въ послѣднее время и въ области торговли Англія должна была уступить свои позиціи Германіи, вооруженной цѣлой арміей ловкихъ и коммерчески образованныхъ агентовъ (см. слѣдующую рецензію Современныя неуспѣхи англичанъ въ южно-африканской войнѣ также являются въ значительной степени тяжелой расплатой за недостаточное вниманіе къ научному образованію высшаго воинскаго персонала. «Для офицера современной арміи,—пишетъ М. Деклеркъ,—недостаточно быть закаленнымъ и храбрымъ; уже поступаая на службу, онъ долженъ быть человѣкомъ образованнымъ, а затѣмъ долженъ всегда знать, что дѣлается на свѣтѣ и не отставать отъ вѣка. Англійскіе же офицеры, особенно кавалеристы и пѣхотинцы, говоря вообще, люди безъ образованія, чуждые всякимъ умственнымъ интересамъ». (стр. 414). Въ главѣ объ англійской арміи и флотѣ у М. Деклерка читатель найдетъ объясненіе настоящимъ неудачамъ англійскаго оружія. И въ самой Англии многіе сознали основную причину этихъ неудачъ и съ характеризующей націю прямотою умѣютъ это выразить. Но подобный урокъ имѣетъ значеніе не для одной Англии, а для всякой страны, въ которой не отдается должнаго мѣста общему образованію, гдѣ оно не ставится въ связь съ реальными интересами жизни и современности или суживается въ рамки одного профессиональнаго, пракческаго обученія.

Однако если высшіе и средніе классы въ Англии до послѣдняго времени недостаточно сознавали важность методическаго общаго научнаго образованія, то рабочіе классы страны отнюдь нельзя упрекнуть въ непониманіи значенія образованія. И въ этомъ, можетъ быть, лежитъ высшая гарантія того, что Англія и впредь не потеряетъ своего положенія передовой культурной страны. Собственно, начальное образованіе въ Англии стало получать опредѣленную организацію лишь за послѣдніе 30 лѣтъ со времени закона Форстера въ 1870 г., дополненнаго закономъ 1876 г. о всеобщей обязательности обученія и актомъ 1891 г., введшимъ безплатность обученія. За послѣдніе двадцать лѣтъ расходы на народное образованіе сдѣлались одной изъ самыхъ крупныхъ статей государственнаго бюджета (въ 1893 г. расходъ на начальныя школы трехъ соединенныхъ королевствъ значился въ 74.892.419 руб.) Сильный толчокъ далъ дѣлу образованія народа законъ 1889 г. по техническому образованію и дѣятельность департамента наукъ и искусствъ, при крайне скромныхъ средствахъ широко распространявшаго свое вліяніе, главнымъ образомъ, путемъ поощренія частной инициативы мѣстнаго населенія. Мѣстныя ассоціаціи оказали громадныя услуги дѣлу образованія. Но въ особенности много сдѣлали для народнаго образованія университеты, ставъ во главѣ движенія, носящаго названіе *university-extension*—распространеніе университетскаго образованія. Однако, дви-

женіе это не могло бы имѣть такого вліянія, если бы не нашло благопріятной почвы.

Рабочіе классы Англіи, выдвинувшіе изъ своей среды не мало гениальныхъ самоучекъ, рано поняли силу знанія, столь необходимаго имъ въ борьбѣ за лучшее существованіе. Спасенные своевременно принятымъ фабричнымъ законодательствомъ и личной энергіею отъ страшной опасности рабства и вырожденія, грозившей имъ въ началѣ промышленной эры, они приобрѣли сознание своего достоинства, завоевали себѣ досугъ и право голоса. Приобрѣтенный досугъ они употребляли на самообразованіе. Эти ланкаширскіе и юрширскіе рабочіе давно уже принялись за дѣло саморазвитія; взрослые люди, чувствуя, что имъ надо начинать съ самаго начала, смиренно сѣли на школьную скамью. На свои трудовые гроши они завели обширныя библіотеки, организовали вечерніе курсы, основали воскресныя школы, общества саморазвитія. Прежде чѣмъ появился департаментъ наукъ и искусствъ, прежде чѣмъ университеты сдѣлали хоть шагъ для распространенія университетскаго образованія въ массахъ, рабочіе сѣверныхъ графствъ уже сгруппировались, уже учились въ институтахъ рабочихъ. Когда въ 1842 г. королева Викторія посѣтила Манчестеръ, 80.000 учениковъ воскресныхъ школъ всѣхъ возрастовъ устроили ей встрѣчу (стр. 483). Естественно, что когда въ началѣ 70-хъ годовъ среди нѣкоторыхъ молодыхъ ученыхъ Кембриджскаго университета возникла мысль дать университетскому знанію возможность болѣе широкаго распространенія въ массахъ, то она встрѣтила общее сочувствіе. Осуществилась она посылкою молодыхъ ученыхъ, членовъ университетскихъ коллегій, лекторами на публичныя чтенія, устраиваемыя мѣстными ассоціаціями. По инициативѣ м-ра Стюарта изъ Кембриджскаго университета, лекціи эти получили болѣе постоянный характеръ, выработалась практика послѣдовательныхъ чтеній по каждому отдѣльному предмету, раздачи конспектовъ, письменныхъ работъ и повѣрочныхъ классовъ. Постепенно подобныя чтенія организовались въ большинствѣ крупныхъ промышленныхъ городовъ Англіи, привлекая толпы учащихся. Въ 1877 году въ Лондонѣ образовался комитетъ изъ ученаго состава Лондонскаго, Оксфордскаго и Кембриджскаго университетовъ съ цѣлью насадить дѣло университетскихъ лекцій въ рабочихъ кварталахъ и предместьяхъ столицы. Оксфордъ взялъ западнаго графства, Кембриджъ—восточныя. О размѣрахъ и популярности этого движенія могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. Въ 1889—1890 г. въ вѣдѣніи Кембриджа состояло 85 центровъ, читалось 125 отдѣльныхъ курсовъ и было 11.595 слушателей, изъ коихъ 2.358 каждую недѣлю представляли письменныя работы, а 1.732 держали экзаменъ и получили дипломъ въ концѣ курса; Оксфордъ завѣдывалъ 109 центрами съ 148 курсами и 17.904 слушателей, Лондонъ—130 курсами и 12.923 слушателей. Если прибавить сюда 1.040 человекъ, слушавшихъ лекціи профессоровъ университета Викторіи въ Манчестерѣ, то получится итогъ въ 42.312 студентовъ «Extension». И все это при ничтожныхъ затратахъ (180.600 руб.), значительная часть которыхъ собрана по мелочамъ со слушателей при средней платѣ въ 10 шиллинговъ (4 р. 75 к.) съ человека. Предметы преподаванія самыя разнообразныя: естественныя науки, химія, физика, геологія и проч., исторія, искусства и литература, политическая экономія. На курсы ходятъ не въ видѣ развлечения; руководящіе экзаменами университетскіе профессора, тѣ самыя, которые даютъ ученые степени, въ одинъ голосъ говорятъ, что большинство представляемыхъ сочиненій были бы достойны любого изъ хорошихъ оксфордскихъ студентовъ, поражая оригинальностью мысли. Неудивительно, что, какъ пишетъ М. Леклеркъ, «рабочіе классы Ланкашира безспорно развитѣе тамошнихъ буржуа» (стр. 137). Дѣло университетовъ дополняется широкимъ развитіемъ передвижныхъ библіотекъ, музеевъ, лабораторій. Это движеніе въ пользу поднятія умственнаго уровня народа оживило и облагородило

жизнь самихъ университетовъ, начавшихъ застывать въ обычной рутинѣ и аристократизмѣ. Съ другой стороны, его успѣхъ достаточно говорить за то, что страна, рабочіе классы которой обладаютъ жаждою знанія и энергіей въ достиженіи его, имѣеть еще много жизненныхъ силъ и богатое будущее.

М. П.—вз.

Жоржъ Блондель. «Торгово-промышленный подъемъ Германіи». Переводъ подъ ред. М. И. Туганъ-Барановскаго. Изд. О. Н. Поповой «Экономическая бібліотечка». Спб. 1900 г. (Съ приложеніемъ статьи Г. А. Черныявскаго «Результаты промышленной переписи германской имперіи»). Конѣцъ XIX вѣка ознаменовался для Германіи необычайнымъ прогрессомъ ея промышленности и торговли. По словамъ Д. Ферда, «побѣды 1870 г. не только положили начало новой полетической эры для Германіи, но онѣ также были исходнымъ пунктомъ періода ея безпримѣрнаго торговаго и промышленнаго развитія. Нѣтъ ни одной отрасли промышленности, которая не свидѣтельствовала бы о прогрессѣ несомнѣнно непреходящаго характера». Населеніе ея, несмотря на сильную эмиграцію, увеличилось съ 1872 г. по 1897 г. на 12.300.000 человекъ, т. е. на 30%, и равняется теперь 53.324.000 чел.,—на 12 мил. больше населенія Франціи. Ростъ этотъ выражался въ ростѣ городского и промышленнаго класса, сельское населеніе почти не измѣнялось въ числѣ. Въ 1840 г. въ Германіи было только два города съ населеніемъ свыше 100.000 человекъ—Берлинъ и Гамбургъ, въ настоящее время ихъ около 13. Только въ Соединенныхъ Штатахъ мы видимъ примѣры столь быстраго роста городовъ. Число рабочихъ, занятыхъ по разнымъ отраслямъ промышленности и торговли, увеличилось на 61,5%, обогнавъ ростъ населенія почти вдвое. Благодаря этому, Германія въ какія нибудь четверть вѣка изъ земледѣльческой страны превратилась въ промышленную, измѣнилась до неузнаваемости. Производительность всѣхъ главныхъ отраслей промышленности, начиная съ горнаго дѣла и металлургическаго производства и кончая бумажнымъ, возрасла. Производительность 4 каменноугольныхъ бассейновъ Германіи, равнявшаяся въ 1870 г.—37 милліонамъ тоннъ, въ настоящее время превышаетъ 120 милліоновъ. Все это поглощается нѣмецкой промышленностью и, сверхъ того, въ страну ввозится еще свыше 4 милліоновъ тоннъ англійскаго угля. Это зависитъ отъ непрерывнаго развитія металлургической индустріи и машиностроительнаго дѣла. Вывозъ продуктовъ металлургическаго производства поднялся въ одинъ годъ, съ 1895 по 1896, съ 2.017.000 тоннъ на 2.587.000 т. Вывозъ нѣмецкихъ машинъ въ одну только Россію удвоился за время съ 1889 г. по 1896 г.; съ 16 мил. марокъ въ 1894 г. онъ поднялся до 40 мил. въ 1897 г. Также растетъ и хлопчатобумажное производство: несмотря на конкуренцію внутренняго производства странъ, бывшихъ ранѣе мѣстомъ сбыта, производительность его въ Германіи въ періодъ 1891—1895 гг. была вдвое выше, чѣмъ за періодъ 1876—1880 г. Прогрессъ этой индустріи такъ сильно обогналъ ростъ всего населенія, что въ 1895 г. средняя производительность, приходящаяся на каждого нѣмца, была на 73% выше, чѣмъ въ 1876—1880 гг., а потребление хлопчатобумажныхъ издѣлій поднялось отъ 2,86 килогр. до 4,95 кил. Далѣе, цифры указываютъ на болѣе или меньшій ростъ химической промышленности, производства фарфоровыхъ издѣлій, стеклянныхъ заводовъ, выдѣлки мебели, игрушекъ, музыкальныхъ инструментовъ, кожевеннаго и бумажнаго производствъ. Сельское хозяйство, переживающее кризисъ, общій съ другими странами, не можетъ удовлетворить растущихъ потребностей страны, но побочныя отрасли сельскаго хозяйства прогрессируютъ несомнѣнно: въ сахарномъ дѣлѣ какъ производство, такъ и отпускъ значительно поднялись, достигая въ 1896—97 г. 1.237.521 тоннъ вывоза и 505.078 тоннъ внутренняго потребленія.

Этому общему росту нѣмецкой промышленности соответствуетъ ростъ внѣш-

ней торговли. Германія медленно, методически вытѣсняетъ другіе народы изъ мѣстъ, которыя они занимали впродолженіи вѣковъ, и мирно завоевываетъ міровые рынки для своей индустріи и торговли. Съ 1872 г. вѣшняя торговля Германіи увеличилась на $\frac{3}{5}$, и обогнала вѣшнюю торговлю Франціи болѣе, чѣмъ на 2 $\frac{1}{2}$ миллиарда фр. Она растетъ вынѣ гораздо болѣе быстро, чѣмъ всемірная торговля. Германія занимавшая четвертое мѣсто среди торговыхъ націй въ 1871 г., занимаетъ теперь уже второе мѣсто. При этомъ ввозъ до сихъ поръ превышаетъ въ ней вывозъ. Соответственно росту внутренней и вѣшней торговли, развивается желѣзнодорожная сѣть, организациа водныхъ путей сообщенія, судостроеніе и торговый флотъ. Нѣмецкій торговый флотъ возросъ съ 1873 г. до 1895 г. въ пропорціи 100: 265 (французскій лишь 100: 132).

Подобные успѣхи Германіи въ области промышленности вызвали естественную тревогу со стороны тѣхъ странъ, для которыхъ она является конкурентомъ. Первая обратила на это вниманіе Англія. Года три тому назадъ вышла книжка Вильямса (Williams'a) «Made in Germany» (есть русское изданіе подъ редакціею проф. Георгіевскаго), начинающаяся словами: «промышленное превосходство Великобританіи было до сихъ поръ ходячей аксіомой; скоро оно отойдетъ въ область мѣа». Разсматриваемая книга Жоржа Блонделя изслѣдуетъ вопросъ о торгово-промышленномъ развитіи Германіи въ связи съ прогрессирующею отсталостію въ этомъ отношеніи Франціи. «Мы должны,—говоритъ онъ въ началѣ ея,—честно преклониться передъ фактами: на экономической почвѣ нѣмцы одержали такія же побѣды, какъ раньше на войнѣ». Прослѣдивъ успѣхи Германіи въ различныхъ отрасляхъ промышленности и въ сферѣ торговли, авторъ задается вопросомъ о причинахъ этихъ успѣховъ. Отвѣтъ онъ находитъ въ томъ, что Германія поставила во всемъ на должную высоту теоретическое и практическое образованіе, опирающееся на примѣненіи научныхъ методовъ (см. предъидущую рецензію).

«Въ Германіи предприниматели и купцы лучше поняли, чѣмъ мы, что роль науки въ индустріи становится съ каждымъ днемъ все болѣе важной и скоро сдѣлается преобладающей, они убѣждены теперь, что въ экономической войнѣ побѣда достанется тому, кто будетъ обладать лучшими машинами и наиболѣе усовершенствованными процессами производства... Прогрессомъ своей индустріи и торговли Германія въ значительной степени обязана научнымъ методамъ, которые привели постепенно къ болѣе рациональной эксплуатаціи ея желѣзнодорожной сѣти, къ примѣненію благоприятныхъ промышленности тарифовъ, къ внимательному изученію главныхъ торговыхъ путей, къ превосходному урегулированію ея рѣкъ и каналовъ» (стр. 174—175). Профессиональныя школы и приложеніе научныхъ методовъ къ производству—вотъ два пункта, въ которыхъ Германія обогнала въ настоящее время даже Англію. Каждая отрасль производства имѣетъ теперь въ Германіи свои спеціальныя школы, гдѣ преподается главнымъ образомъ. приложеніе науки къ практикѣ. Наряду съ техническимъ образованіемъ развивается и коммерческое обученіе. Тогда какъ во Франціи имѣется всего 11 признанныхъ государственныхъ высшихъ коммерческихъ школъ съ 611 человекъ обучавшихся (1897 г.), въ Германіи теперь насчитывается 365 коммерческихъ школъ съ 31.000 учащихся. Въ одной Саксоніи ихъ существуетъ 64, съ общимъ числомъ учащихся въ 6.315 человекъ. Промышленные музеи, выставки образчиковъ товаровъ, музеи художественной промышленности довершаютъ дѣло профессиональныхъ школъ. Само государство старается внушить всей націи сознаніе важности экономическихъ наукъ и расширить преподаваніе всѣхъ наукъ, касающихся торговли и промышленности, не только въ коммерческихъ и профессиональныхъ школахъ, но и въ университетахъ. Оно поняло, что наука имѣетъ рѣшающее значеніе въ экономическихъ успѣхахъ народовъ и что необходимымъ условіемъ социальнаго прогресса является

поднятіе знанія и культуры въ низшихъ рабочихъ классахъ населенія. Это убѣжденіе старается внушить и Жоржъ Блондель своимъ соотечественникамъ, побуждая ихъ не уступать въ борьбѣ, нагнать потерянное время, постараться понять, что все вокругъ насъ прогрессируетъ, и «страстной работой отвоевать мѣсто, на которое Франція имѣетъ право претендовать какъ вслѣдствіе своихъ заслугъ, такъ и вслѣдствіе своихъ традицій».

Книга Ж. Блондель имѣетъ интересъ полной современности. Въ заключеніи ея мы находимъ рядъ интересныхъ приложений: о каменноугольномъ производствѣ въсѣхъ странахъ, о торговыхъ сношеніяхъ Германіи съ Соединенными Штатами, о роли банковъ въ экономической жизни Германіи и проч., кромѣ того отдѣльную статью Г. А. Чернавскаго о результатахъ промышленной переписи Германіи, произведенной 14 іюня 1895 г. Данныя этой переписи въ сопоставленіи съ данными переписи предшествующей, произведенной въ 1882 г., освѣщаютъ многіе существенные вопросы, возбужденные изученіемъ эволюціи современнаго капиталистическаго хозяйства. *М. II—сг.*

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

Г. Ф. Кнаппъ. «Исторія освобожденія крестьянъ въ Германіи».—А. Гаусратъ «Средневѣковые реформаторы».

Г. Ф. Кнаппъ. «Освобожденіе крестьянъ и происхожденіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ старыхъ провинціяхъ прусской монархіи». Переводъ съ нѣмецкаго Л. Зака. Изданіе О. Н. Поповой (Экономическая бібліотека подъ общей редакціей П. Струве). Ц. 1 р. 25 к. Наконецъ-то вспомнили наши издатели о книгѣ Кнаппа. Въ подлинникѣ («Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den ältern Theilen Preussens. I. Th. Überblick der Entwicklung. II. Th. Die Regulierung der gutsherrlichbäuerlichen Verhältnisse von 1706 bis 1856, nach den Acten») она появилась еще въ 1887 г. и давно уже успѣла занять мѣсто главнаго источника для ознакомленія съ ходомъ отгнѣны крѣпостнаго права въ Пруссіи. Работа Кнаппа была дополнена изслѣдованіемъ его ученика Фукса *), со времени появленія книги котораго не было сдѣлано ничего крупнаго по интересующему насъ вопросу, если не считать изданія лекцій Кнаппа «Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit» (1891) и «Grundherrschaft und Rittergut» (1897).

Книга Кнаппа переведена не вся. Какъ видитъ читатель изъ подробнаго нѣмецкаго заглавія въ оригиналѣ, она распадается на двѣ части: обзоръ постепенной развязки крѣпостныхъ отношеній — и официальные документы, на основаніи которыхъ работалъ авторъ. Намъ кажется, что переводчикъ имѣлъ полное основаніе оставить вторую часть безъ перевода. Для «средняго читателя», на котораго съ полнымъ правомъ можетъ разсчитывать книга, акты не могутъ быть такъ интересны, какъ для спеціалиста; а между тѣмъ ихъ изданіе сдѣлало бы книгу менѣе доступной, увеличивъ ея цѣну болѣе, чѣмъ вдвое.

«Исторія освобожденія крестьянъ—это исторія социальнаго вопроса XVIII вѣка. Въ текущемъ столѣтіи социальный вопросъ имѣетъ дѣло не столько съ крестьянствомъ, сколько съ рабочимъ классомъ и въ частности съ сельскохозяйственными рабочими... Мы поставили себѣ задачей, между прочимъ, выяснитъ связь, существующую между социальнымъ вопросомъ XVIII в. и социальнымъ вопросомъ XIX вѣка...» Такъ опредѣляетъ самъ Кнаппъ одну изъ

*) Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften, nach archivalischen Quellen aus Neupommern und Rügen, 1888.

своихъ главныхъ задачъ, въ превосходномъ выполненіи которой мы видимъ его главную заслугу.

Изъ его книги читатель узнаетъ причины обезземленія крестьянъ и роста крупнаго землевладѣнія въ «старыхъ провинціяхъ» Пруссіи, изъ нея же онъ увидитъ, что весь процессъ развязки крѣпостныхъ отношеній велъ къ тому, чтобы породить новыя отношенія между классомъ господствующимъ и классомъ подчиненнымъ. Съ необыкновенной ясностью изображается постепенный переходъ соціального вопроса XVIII вѣка въ соціальный вопросъ нашего времени. Правда, Бяппъ говоритъ въ своей книгѣ только о сельскохозяйственныхъ рабочихъ, но если принять во вниманіе, что реформа кончилась незадолго до начала промышленнаго подъема Германіи, потребовавшего столько рабочихъ рукъ, то станетъ ясно, куда дѣвались прежніе земледѣльцы. Уже съ начала 70-хъ годовъ, когда наступила пора полной свободы передвиженія, стало замѣчаться бѣгство въ городъ. А такъ какъ съ тѣхъ поръ промышленная ростъ Германіи продолжается и требуетъ все больше и больше рабочихъ рукъ, то въ концѣ концовъ оказывается, что помѣщики, на интересахъ которыхъ была построена съ начала до конца вся реформа, создавая классъ фактически безземельныхъ батраковъ, рубили сукъ, на которомъ сидятъ. Чѣмъ другимъ, какъ не отливомъ изъ села въ городъ, объясняется скрежетъ зубовой всякихъ Каницевъ и ихъ не знающая границъ ненависть къ «совратителямъ» рабочихъ?

Вся эта близорукая эгонгическая политика помѣщиковъ нашла въ Бяппѣ превосходнаго историка. Статистикъ по специальности, онъ сумѣлъ избрать крайне плодотворную точку зрѣнія, сосредоточивая вниманіе главнымъ образомъ на соціальной сторонѣ дѣла. «Въ настоящемъ трудѣ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—рѣчь идетъ не о сельскомъ хозяйствѣ, а о занятыхъ въ немъ людяхъ, о сельскомъ устройствѣ, объ отношеніяхъ общественныхъ классовъ другъ къ другу, о положеніи, занятомъ государствомъ по отношенію къ этимъ классамъ. Ислѣдуя вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и происхожденіи сельскохозяйственныхъ работъ, мы изучаемъ соціально-политическую исторію сельскаго населенія». Не сложна была эта исторія: она свелась къ постепенному осуществленію двухъ требованій помѣщиковъ: земли, рабочихъ. Бяппъ правъ, говоря, что вѣянія XIX вѣка не повліяли на ходъ законодательныхъ работъ: они двигались принципами XVIII вѣка. Свободу личности цѣнили такъ дорого, что, когда крестьянинъ расплатился, у него осталось очень немного, а новосозданный сельскохозяйственный рабочий былъ намѣренно лишенъ всего. Пусть читатель провѣритъ тѣ страницы, на которыхъ Бяппъ изобразилъ положеніе хотя бы «инстовъ».

Выводы Бяппа приобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе, что на каждой страницѣ (за исключеніемъ введенія) чувствуется подлинный актъ (стоитъ за этого только сравить первый томъ со вторымъ). Большинство тѣхъ документовъ, на основаніи которыхъ работалъ авторъ, не было извѣстно ранѣе. Въ этомъ отношеніи его книга сдѣлала эпоху. Это замѣчаніе приходится ограничить лишь для Познани, самой новой изъ «старыхъ» провинцій (относительно Познани недавно появилась работа Guradze въ «Zeitschr. d. hist. Gesellsch. für Posen», Bd. XIII, 1898).

Менѣе самостоятеленъ вступительный очеркъ, гдѣ дается исторія крестьянъ въ нынѣшней Пруссіи до XVIII вѣка включительно. Тутъ Бяппъ опирался на сдѣланное до него.

Бяппъ не ограничивается однимъ историческимъ очеркомъ. Онъ всюду даетъ руководящія экономическія точки зрѣнія, имѣющія и болѣе общее значеніе. Поэтому, книга важна для русскаго читателя еще и тѣмъ, что даетъ богатый матеріалъ для сопоставленія съ исторіей паденія крѣпостнаго права у насъ.

Переводъ сдѣланъ добросовѣстно и со знаніемъ дѣла. Насъ иногда не удо-

влетворяетъ передача терминовъ, и прежде всего, переводъ слова Domänenbauer терминомъ «дворцовые крестьяне». Впрочемъ, переводчикъ не хотѣлъ впутывать одного изъ нашихъ терминовъ «государственные» и «удѣльные» крестьяне, въ виду ихъ дифференцированности. Если это такъ, то его опасенія намъ кажутся мало основательными: практика давно уже передаетъ прусскій терминъ терминомъ «государственные крестьяне», и, кажется, путаницы отъ этого не получается.

А. Джиселетовъ.

Адольфъ Гаусратъ. «Средневѣковые реформаторы» (перев. съ нѣмец. подъ редакціею Э. Л. Радлова) т. I. Абеляръ—Арнольдъ Брешианскій 1900 г. Общее заглавіе этой книги заставляетъ насъ задуматься. Что разумѣетъ авторъ подъ «реформой въ средіе вѣка»? Есть ли это работа великихъ идеалистовъ папства, работа представителей католической церкви XI в., направленная на укрѣпленіе ея павшаго авторитета, на утвержденіе неограниченной власти ея надъ дѣлами, мыслями и чувствами мірскихъ людей? Или же это, наоборотъ,—борьба *противъ* этой самой католической церкви за духовную свободу этихъ самыхъ мірскихъ людей, за право свободного исканія общественныхъ и религиозныхъ идеаловъ?

Въ живой дѣйствительности средневѣковья едва ли можно такъ разграничить эти двѣ группы «реформаторовъ». Едва ли возможно установить двѣ категоріи людей, изъ которыхъ одни составляли бы «католическую церковь», а другіе являлись бы борцами противъ нея. Но, нѣмецъ и протестантъ,—авторъ нашей книги исходитъ именно изъ такого противопоставленія. Мысль о мученикахъ, погибшихъ въ борьбѣ съ церковью, «вливаетъ энергію въ его кровь и гордо расправляетъ его протестантскую спину». Притомъ, «предоставляя другимъ знаніе ради знанія, онъ желаетъ учиться у прошлаго тому, что полезно настоящему». Эти двѣ черты—протестантскій догматизмъ и назидательная тенденція—до извѣстной степени окрашиваютъ книгу, придавая ей, какъ положительную особенность—одушевленіе, а какъ отрицательную—нѣкоторую односторонность. Въ I-мъ томѣ, появившемся въ переводѣ на русскій языкъ, выступаетъ первая пара отреченныхъ церковью: гениальный французскій схоластикъ Абеляръ и ученикъ его—Арнольдъ изъ Брешии—«Годіафъ, возставшій на Господа», по характеристикѣ св. Бернарда. Фигура každого изъ нихъ изъяснена отчетливо и живо. Мало того: составленная изъ нихъ группа обладаетъ такъ называемою «круглотою»: они дополняютъ другъ друга съ выгодной для цѣлаго.

Абеляръ рисуется у Гаусрата человекомъ науки, кабинетнымъ философомъ, «унаслѣдовавшимъ отъ своей націи слабую волю и свѣтлую голову». Въ эпоху, когда господствовавшей силой была католическая церковь и задачей ея было обращеніе всего міра въ монастырь, гдѣ успокоенная въ послушаніи христіанская душа мистически погружалась въ сладкія тайны откровенія—онъ заявилъ требованія разума и выступилъ съ двумя революціонными идеями: 1) съ критикою преданія, которая не убоилась открыть въ немъ противорѣчія и требовать исторической и логической его провѣрки («Разборъ Посланія ап. Павла», «Да и Нѣтъ»); 2) съ обличеніемъ противорѣчій въ жизни членовъ церкви («Этика», «Проповѣди» и Письма Абеяра).

Какъ человекъ глубже и правильнѣе другихъ проникшій въ сущность мыслей основателя логики.—Абеляръ боролся противъ средневѣковой постановки этой дисциплины. Самъ онъ внесъ въ нее немало существенныхъ поправокъ: таковъ найденный имъ выходъ изъ знаменитаго спора о значеніи «универсалий». Усовершенствованный логическій аппаратъ онъ приложилъ къ матеріалу христіанскаго преданія, имъ же полнѣе возстановленному. Такимъ образомъ, логикъ и эрудитъ, философъ и ученый сочетаются въ немъ, чтобы создать первую въ молодой Европѣ большую систему теологіи на мѣсто тѣхъ случайныхъ и разрозненныхъ попытокъ, какими довольствовалась богословская наука. Но эта

задача заключала въ себѣ внутреннее противорѣчіе: требованія разума сталкивались теоретика съ положительной церковной догмой. Когда онъ проламывалъ брешь въ ней—церковь его объявляла своимъ врагомъ, когда онъ покорялся—онъ попадалъ въ противорѣчіе съ собой. Последнее лишило цѣльности его сместу, первое лишило спокойствія его существованіе.

Если его критика кончала положительными выводами относительно содержанія религіи, если Абельяръ остался христіаниномъ и католикомъ, то свойственный ему духъ анализа, язвительный тонъ, съ какимъ онъ выступилъ противъ авторитетовъ, задорное настроеніе его учениковъ, «которыми онъ, какъ квакающими жабами, наполнилъ всю Францію» (письмо св. Бернара)—все это производило настоящую революцію въ нѣдрахъ церкви. Впрочемъ въ общественной борьбѣ онъ, по выраженію Гаусрата, «не имѣлъ ни мужества солдата, ни хладнокровія демагога. Тишина ученаго кабинета не развиваетъ увѣренности въ собственныхъ силахъ». Даже въ борьбѣ за независимость своей философской мысли Абельяръ не выдержалъ позиціи и проскитавшись всю жизнь, перемѣнивъ Парижъ на Меленъ, Меленъ на Борбейль, этотъ послѣдній опять на Меленъ, а его снова на Парижъ, перемѣнивъ должность церковнаго схоластика на положеніе нелегальнаго учителя въ Ардюзонскихъ лѣсахъ, онъ кончилъ отреченіемъ отъ своихъ «заблужденій». Абельяръ умеръ примиренный съ церковью на службѣ у нея

На фонѣ этой характеристики выгодно отдѣляется своей опредѣленностью обликъ Арнольда Брешийскаго. Человѣкъ, гораздо болѣе бѣдный мыслью, съ узкимъ философскимъ кругозоромъ, онъ изъ системы своего учителя ухватился за одинъ пунктъ. То была область этическихъ вопросовъ, отправляясь отъ которыхъ уже и Абельяръ поднималъ гласъ противъ мірскихъ притязаній и свѣтскихъ вкусовъ церкви. Но то, что у человѣка свѣтлой мысли и слабой воли прорывалось только въ видѣ отдѣльныхъ бѣдныхъ замѣчаній, въ устахъ пламеннаго итальянца разрослось въ грозное обличеніе, а потомъ—въ политическую пропаганду. Оно стало дѣломъ его жизни и дало ему раннюю славу—и раннюю смерть. Отсюда—его внутренняя жизнь проще и понятнѣе, а внѣшняя біографія ярче и эффектнѣе, чѣмъ исторія Абельяра. Начавъ съ проповѣди *бѣдной* апостольской церкви, онъ въ качествѣ дѣятельнаго участника вмѣшался въ ломбардскій споръ о епископскихъ ленахъ. «Онъ говорилъ—пишетъ Отгонъ Фрейзингенскій,—что ни духовныя лица, владѣющія имѣніями, ни епископы, пользующіеся регаліями, ни монахи, обладающіе собственностью, не могутъ быть сваты. *Все это принадлежитъ государямъ.*»

Если вспомнимъ, какой широкій районъ захватилъ споръ объ инвеститурѣ, то поймемъ, почему проповѣдь Арнольда проникается империалистическими тенденціями, почему изъ цензора жизни отдѣльныхъ епископовъ онъ становится обличителемъ римской курии и защитникомъ «свѣтскаго меча».

Но не эта черта особенно характерна въ его дѣятельности. Проповѣдь «бѣдной церкви» попадаетъ въ предѣлахъ самой Италіи на крайне вулканическую почву: ее въ то время глубоко волновалъ вопросъ о разграниченіи компетенціи *епископа* и зародившейся *городской коммуны*, а въ частности и особенно—*римскаго первосвященника* и *города Рима*. Уже въ 1139 году Арнольдъ изгнанъ былъ изъ Италіи за подстрекательство городской толпы къ нападенію на домъ епископа. Шесть лѣтъ скитался онъ по Европѣ—во Франціи подогрѣвая упавшій духъ Абельяра, въ Цюрихѣ—возбуждая протестъ гражданъ противъ ихъ церковныхъ начальниковъ. Въ 1145 г. онъ, прощенный папой, возвратился въ Римъ, гдѣ какъ разъ въ это время граждане, возбужденные смутой, которую произвела схизма Мнаклета, возстали противъ авторитета папы и задумали вырвать изъ его рукъ управленіе городомъ. Коммуна учредила сенатъ—*Sacer Senatus*, долженствовавшій править отъ имени народа. Въ

этотъ моментъ мятежный монахъ явился для нея особенно дорогимъ человѣкомъ: онъ подсказалъ ей ту идеальную цѣль, которою она могла прикрыть свои политическія стремленія: то была великая реформа очищенія дома молитвы отъ торгашей и разбойниковъ. Но и обратно—эти политическія стремленія, опьяненіе массъ мыслью о грядущей свободѣ, о воскрешеніи былой славы Рима, призраки которой витали на заросшемъ травою Форумъ и Капитоліи—мѣстахъ проповѣди брешіанскаго пророка—зажигали его самого новыми чувствами. «Къ могучимъ тонамъ нравственнаго паоса гнѣвнаго сердца присоединяются отголоски тоски по лучшимъ временамъ». Съ этого момента мы видимъ въ Арнольдѣ не столько *церковнаго реформатора*, сколько *политическаго революціонера*, и въ качествѣ такого—не столько *теоретика империализма*, сколько *бороника народовластія*. *Врагомъ папы* онъ является во всякомъ случаѣ. Поэтому понятно, что послѣдній,—едва примиреніе съ императоромъ и упадокъ духа среди гражданъ снова утвердили его въ Римѣ—поспѣшилъ покончить съ свободолюбивымъ монахомъ. Въ 1155 г., въ глухомъ углу Рима, Арнольдъ былъ тайно отъ народа повѣшенъ. Ни писаній, ни прямыхъ послѣдователей его не осталось. И однако Гаусратъ находитъ какіе-то слѣды «арнольдовскаго духа» вѣкъ спустя въ настроеніи цюрихскихъ гражданъ; точно такъ же, какъ, не признавая непосредственныхъ наслѣдниковъ у Абеяра—ищетъ ихъ черезъ нѣсколько вѣковъ въ фигурахъ великихъ протестантовъ.

Это замѣчаніе есть лишь образчикъ того общаго упрека, который можно поставить интересной книгѣ Гаусрата. Его научно-художественное изображеніе, дѣйствительно, скорѣе напоминаетъ скульптурную группу, нежели историческую картину. Въ ней вѣтъ настоящаго фона, и фигуры героев (изъ этого до извѣстной степени можно исключить Арнольда) остаются одиночками во времени и пространствѣ. Къ «обстановкѣ» Гаусратъ прибѣгаетъ только тогда, когда это нужно для пониманія вѣвшихъ фактовъ. Онъ мало входитъ въ то общее эпохѣ, что вылилось въ индивидуальностяхъ обонихъ реформаторовъ. Лучше и полнѣе это сдѣлано для Арнольда: его вѣвшая судьба давала для того больше поводовъ. Чго же касается Абеяра, то онъ скорѣе противопоставленъ своей эпохѣ, чѣмъ выведенъ изъ нея. Нельзя отрицать, что въ судьбѣ его воплощается борьба противоположныхъ началъ, но самъ онъ былъ не столько боецъ, сколько поле битвы. Миръ, раздраемый борьбою, былъ въ его душѣ. Это указано, хотя не проведено до конца у Гаусрата. «Болѣзнь,—замѣчаетъ онъ,—которою страдалъ Абеяръ—было научное богословіе, которое было для науки чрезъчуръ несвободно, а для церкви—чрезъчуръ вольнодумно. Онъ стремился вручить церкви оружіе науки, въ которомъ она не нуждалась, котораго не любила, и сталъ въ противорѣчіе съ своимъ сокровеннѣйшимъ я... привнесъ на службу неподвижнымъ догматамъ свой подвижный умъ... Онъ имѣлъ склонность къ естественной религіи древнихъ философовъ, но взятый имъ на себя долгъ излагать христіанское богословіе помѣшалъ выработкѣ его философскаго мировоззрѣнія... Это было своеобразное мученичество».

Но не было ли извѣстной доли такого же мученичества и въ тѣхъ, кому противопоставляетъ авторъ своего героя? Неправда, будто церковь не нуждалась въ наукѣ. Она спасла ея остатки и поставила ее на службу себѣ. А когда, по мѣткому наблюденію другого изслѣдователя (Кауфманъ), въ XI и XII вв. научныя стремленія развились съ такою силою, что не удерживались въ рамкахъ служебнаго положенія,—одинъ изъ высокомѣртвѣйшихъ носителей идеи верховенства церкви, Александръ III, призналъ извѣстную самостоятельность науки и возникшаго ея органа—университета. Абеяру въ частности пришлось столкнуться съ мощною мистическою струею, воплотившеюся такъ характерно въ лицѣ св. Бернарда;—но исчерпывалось ли ею содержаніе стремленій «церкви»? Въ этомъ смыслѣ не слѣдуетъ упускать изъ виду всю ея сложность. «Иоло-

жительная догма» въ то время далеко еще не установилась, что обусловливало известную свободу мысли. Поэтому, не у одного Абельяра мы встрѣтимъ мысли, которыя покажутся смѣлыми вѣкъ спустя. «Я не сомнѣваюсь, — говорить Іоаннъ Салисбургскій, — что современники во многомъ превосходятъ древнихъ. Я живу надеждой, что потомство оцѣнитъ величіе нашего времени, когда *столь многие* проявляютъ удивительный талантъ, остроу въ изысканіи, прочное прилежаніе, счастливую память, богатство слова». Эти «многие» и были предшественниками и еотрудниками Абельяра. — пусть даже въ личныхъ отношеніяхъ они были его врагами. Если, какъ логикъ и богословъ, онъ сталкивался почти со всѣми учителями своего времени, то какъ культурно-историческій типъ онъ шелъ по пути, протоптанному другими. Наука діалектики и школьная форма диспута со всѣми ихъ разрушительными для немудрой вѣры послѣдствіями — созданы были не имъ. Не онъ первый осуществилъ типъ бродячаго магистра, живущаго не при церкви отъ церковнаго лена, а отъ платы съ учениковъ; не онъ первый окруженъ былъ толпами учениковъ, «жаждавшихъ изучить что-нибудь новое», не онъ первый успалъ религію философіи до такой степени, что сбивался скорѣе на стоика и перипатетика, чѣмъ на смиреннаго клирика. Уже враги его и предшественники — Вильгельмъ изъ Шампо и Ансельмъ Лаонскій, получали эпитеты отступниковъ и квакающихъ жабъ, а Гонорій Отенскій жаловался, что «груди церкви, которыя должны бы поить молодежь молокомъ науки, содержать опьяняющее вино — свѣтскую философію». Движеніемъ, въ которомъ такую видную фигуру представлялъ Абельяръ, охвачена была вся сѣверная залуарская Франція, гдѣ въ началѣ XII в. шла волна коммунальныхъ возстаній. Уже намѣчалась, среди другихъ освобождавшихся ремесленныхъ корпорацій, вольная ассоціація магистровъ и учениковъ — *Universitas magistrorum et scoliarum*, которая выбивалась изъ рамокъ узко-церковной школы и нуждалась только въ санкціи короля и папы, чтобы выступить въ качествѣ признанной общественной силы въ жизнь. Первые годы XIII в. дали ей эту санкцію, и въ движеніи, направленномъ къ этому пункту, сыгралъ свою роль и безпокойный геній Абельяра. Поставленный въ эту цѣпь, онъ представляется фигурой, гораздо болѣе жизненной, чѣмъ если мы будемъ его связывать съ нѣмецкими протестантами болѣе поздняго времени, какъ это не прочь сдѣлать Гаусратъ.

О. Д—шг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

М. Ковалевскій. «Происхожденіе современной демократіи».

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Томъ первый. Части III и IV. Изданіе второе К. Т. Солдатенкова. Цѣна 2 р. 50 к. Въ новомъ изданіи первый томъ книги М. М. Ковалевскаго разрастается въ цѣлыхъ два. Передъ нами вторая половина, охватывающая анализъ общественныхъ и политическихъ доктринъ XVIII вѣка. Немного измѣненій потерпѣла часть III-я, трактующая о фізіократахъ, о крестьянскомъ и рабочемъ вопросѣ въ литературѣ и наказахъ и о податныхъ теоріяхъ; изъ части IV печатается безъ измѣненій глава объ англomanіи и американофильствѣ.

Это несомнѣнно лучшая часть перваго тома. М. М. Ковалевскій сумѣлъ найти плодотворный исходный пунктъ для своего изслѣдованія. «Экономическія и общественныя доктрины Франціи XVIII вѣка, — говоритъ онъ въ самомъ началѣ, — вытекали изъ критики современныхъ имъ хозяйственныхъ порядковъ и существующаго строя социальныхъ отношеній. Въ такихъ, повидимому, отвлеченныхъ трактатахъ, какъ «Духъ законовъ» или «Разсужденіе объ источникахъ

неравенства», поднимались и такъ или иначе рѣшались не одни только общечеловѣческіе вопросы, но и тѣ, которые составляли злобу дня, предметъ еже-часныхъ заботъ, если не правительства, то общества. Это еще въ большей мѣрѣ можетъ быть сказано о сочиненіяхъ первыхъ экономистовъ»...

Подвергнутыя анализу съ этой точки зрѣнія основныя положенія физиократовъ, теорія о *produit net*, теорія о предустановленной гармоніи и проч. получаютъ нѣсколько иное, болѣе правдоподобное объясненіе, чѣмъ то, которое давалось имъ раньше. Въ новомъ изданіи этюда дополненъ на основаніи матеріаловъ, напечатанныхъ Шелемъ (Schelle) въ его книгѣ «*Vincent Gougnau*», вышедшей послѣ перваго изданія «Происхожденія демократіи» (въ 1897 г.). Мы однако не станемъ останавливаться на отдѣлахъ, оставшихся болѣе или менѣе въ старомъ видѣ, такъ какъ они уже нашли свою оцѣнку раньше (см., напр., статью проф. Виноградова «Франція передъ революціей», «Р. Мысль», 1895, 11), а сосредоточимъ вниманіе на вопросѣ о революціонной теоріи демократической монархіи, — который вновь выдвигается и трактруется при помощи новаго матеріала.

Основная идея М. М. Ковалевскаго, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что между доктринами Руссо и Монтескье нѣтъ того глубокаго принципиальнаго различія, признаніе котораго сдѣлалось обычнымъ явленіемъ у историковъ. М. М. Ковалевскій не стоитъ одиноко въ этомъ отношеніи. Еще до него противъ признанія капитальной разницы въ ученіяхъ двухъ мыслителей возставали Эдмъ Шампювъ и Эспинасъ, послѣ него, приблизительно, ту же идею высказывалъ Лихтенбергеръ. Но далеко не всѣ эти ученые сходятся въ пониманіи дѣла. Эспинасъ и Лихтенбергеръ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ картину государства Троглодитовъ, нарисованную у Монтескье въ «Персидскихъ письмахъ», — и ее сопоставляютъ со взглядами Руссо. Путь, избранный Шампюномъ и Ковалевскимъ, иной. Вотъ что говоритъ послѣдній: «Я позволю себѣ усомниться въ томъ, чтобы между двумя школами, школою Монтескье и школою Руссо, дѣйствительно существовала та глубокая черта отличія, которая обыкновенно проводится, и чтобы та и другая не послужили къ образованію одной политической доктрины, ученія объ уравновѣшенной демократической монархіи». Остановимся пока на этомъ. Ясно, что вторая половина выписаннаго отрывка не можетъ служить предпосылкой для первой. Если два ученія въ одинаковой степени послужили источниками для одной доктрины, это вовсе не значитъ, чтобы они были совершенно однородны, а значитъ лишь то, что самая доктрина эклектична, не смотря на свое единство. Какъ увидимъ ниже, оно дѣйствительно такъ было.

М. М. Ковалевскій, конечно, не пытается доказать полнаго тождества ученія Монтескье о необходимыхъ условіяхъ политической свободы со взглядами на этотъ вопросъ Руссо и Мабли, — но принципиальное различіе между ними онъ отрицаетъ. Оставимъ пока то, что прибавлено авторомъ для новаго изданія, и остановимся на томъ, что есть въ обоихъ*).

Необходимымъ условіемъ политической свободы Монтескье считаетъ теорію раздѣленія и равновѣсія властей. Какъ относится къ ней Руссо?

М. М. Ковалевскій доказываетъ, что отношеніе Руссо къ теоріи раздѣленія властей — болѣе сочувственное, чѣмъ принято думать. Въ подкрѣпленіе этого взгляда приводится прежде всего *Contrat social* (III, 1), гдѣ Руссо говоритъ о выдѣленіи правительства, какъ исполнительной власти. М. М. Ковалевскій на-

*) Мабли мы при этомъ оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ его связь съ Руссо не кажется намъ столь тѣсной, чтобы можно было безразлично пользоваться идеями того и другого, какъ это дѣлаетъ М. М. Ковалевскій. Ближе къ истинѣ стоитъ въ этомъ отношеніи, какъ намъ кажется, г. Н. Карелинъ (Ж. Ж. Руссо, стр. 40—42), указывающій коренные пункты различія между обоими теоретиками.

ходить тутъ всё признаки раздѣленія и равновѣсія. Между тѣмъ, въ той же главѣ нѣсколько выше мы читаемъ слѣдующее: «тѣ, кто думаетъ, что актъ, которымъ извѣстный народъ подчиняется своимъ вождямъ, вовсе не есть договоръ, совершенно правы. Это не болѣе, какъ простое порученіе, должность, выполняя которую, они просто пользуются, въ качествѣ простыхъ чиновниковъ суверена, той властью, которою онъ ихъ временно одѣлъ и которую онъ можетъ ограничить, видоизмѣнить и взять назадъ, когда только захочетъ. Отчужденіе такого права, совершенно несовмѣстимо съ сущностью социальной организаціи, противорѣчило бы самой цѣли общественнаго союза». Гдѣ же тутъ равновѣсіе? Въ принципѣ Руссо никогда не уступалъ ни принципа недѣлимости, ни принципа неотчуждаемости власти. Только вопросы практическаго удобства заставляютъ его выдѣлять правительство. Это подчиненный агентъ, а не самостоятельная власть. Когда представляютъ власть подѣленной на равныхъ основаніяхъ, Руссо (Соп. Soc. II. 2) вышучиваетъ такое предположеніе. Это все равно, говоритъ онъ, если бы вдумали составить челоуѣка изъ отдѣльных частей, изъ которыхъ у одной были бы только ноги, у другой только руки, у третьей только глаза.

Значитъ, съ этой стороны довольно трудно свести различіе между доктринами Руссо и Монтескье до минимума. Попробовать же найти у Монтескье что-нибудь, подобное идеѣ Руссо о народномъ суверенитетѣ, М. М. Ковалевскій, конечно, не думаетъ. Онъ ссылается на то, что Мабли отступаетъ отъ этой идеи ровно настолько, насколько она противорѣчитъ теоріи Монтескье. Намъ кажется, что изъ этого слѣдуетъ только одно: Мабли нельзя считать вѣрнымъ сторонникомъ Руссо, болѣе ничего.

Другой вопросъ — о претвореніи обѣихъ доктринъ въ доктрину революціи. Для того, чтобы придти къ этому, совершенно правильному выводу, вовсе не требуется доказывать гипотезу о минимальномъ противорѣчій между Руссо и Монтескье. М. М. Ковалевскій прекрасно показываетъ, какъ постепенно сдвигались обѣ доктрины у менѣе крупныхъ публицистовъ (Сійесь, Черутти, Рабонь-Сентъ-Этьенъ, Кондорсе) и въ *salons* избирателей. Читателю совершенно ясно, что иначе и быть не могло. Идеи Руссо и идея Монтескье были такимъ же составнымъ элементомъ революціонной доктрины, какимъ были идеи физоократовъ и положительные принципы, заимствованные у англійской и американской прагматики. Всякому, прочитавшему книгу М. М. Ковалевскаго, ясно, что доктрина революціи — электична.

Въ сравнительной оцѣнкѣ Руссо и Монтескье почтенный изслѣдователь отступилъ отъ того взгляда, который высказанъ имъ въ началѣ второй половины его книги и формулировка котораго выписана нами выше. Какъ онъ вѣрно замѣтилъ, идеи Руссо и Монтескье выросли на почвѣ существующаго строя социальныхъ отношеній, но социальные отношенія, которыя нашли свое отраженіе въ «Духѣ законовъ» далеко не тѣ, подъ влияніемъ которыхъ создавался «Общественный договоръ». Мы не можемъ останавливаться на развитіи этой идеи. Укажемъ только, что Монтескье всегда оставался идеологомъ привилегированныхъ классовъ, въ то время какъ Руссо былъ идеологомъ пролетаріата, поскольку онъ тогда существовалъ. Это вырываетъ цѣлую бездну между ихъ доктринами и отыскивать въ нихъ принципиальное сходство въ основахъ, по нашему мнѣнію, задача совершенно безнадежная. Сходство между ними, конечно, есть, но это не болѣе, какъ результатъ заимствованій Руссо у Монтескье, и нисколько не уничтожаетъ коренного противорѣчія между теоріей народнаго суверенитета, неотчуждаемаго и нераздѣльнаго, и теоріей раздѣленія властей.

Во второмъ изданіи Ковалевскій прибавилъ два большихъ этюда о Монтескье и о Руссо, въ которыхъ пытается установить идейный генезисъ обѣихъ доктринъ. Детальное изслѣдованіе, предпринятое отчасти на основаніи новыхъ до-

кументовъ (дневникъ путешествія Монтескье, неизвѣстныхъ раньше сочиненія Руссо и пр.) и сообщающее много неизвѣстныхъ фактовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на процессъ образования обѣихъ доктринъ *), заставило автора сильно ограничить свое прежнее мнѣніе. Онъ совершенно основательно указываетъ на зависимость нѣкоторыхъ ностроній Руссо отъ Монтескье, «но, — прибавляетъ онъ, — если... мы перейдемъ къ основнымъ задачамъ государственнаго устройства, намъ на каждомъ шагѣ придется отмѣтить *полное несоответствіе* (курсивъ нашъ) между взглядами двухъ писателей, которые въ равной мѣрѣ доставили оружіе противъ существующаго въ ихъ время порядка и одинаково содѣйствовали выработкѣ революціонной доктрины» (стр. 437). Больше ничего и не требуется. Этими словами авторъ возвращается къ тому совершенно вѣрному положенію, которое онъ высказалъ въ предисловіи къ первому изданію: «Ихъ (экономистовъ и политическихъ мыслителей) дѣйствительныя или мнимыя разнорѣчія были сглажены ближайшими послѣдователями и популяризаторами... Изъ *противоположныхъ частей* (курсивъ нашъ)..., преклоненія передъ народнымъ суверенитетомъ и желанія раздѣлить послѣдній между королями, аристократіей и земельными собственниками, сложилась та революціонная доктрина, отраженіе которой можно найти въ наказахъ» (стр. VII — VIII). Если все это такъ, то къ чему было тратить столько остроумія, чтобы доказывать почти совершенно противоположное? Вѣроятно въ третьемъ изданіи, котораго книга несомнѣнно скоро дождется, М. М. Ковалевскій сгладитъ эти противорѣчія.

Мы остановились на вопросѣ о революціонной доктринѣ исключительно въ виду ея капитальной важности. Новые этюды о Монтескье и Руссо содержать и сами по себѣ много интереснаго. Авторъ, разсчитывавшій, вѣроятно, дать анализъ доктринъ обѣихъ мыслителей примѣнительно къ революціи, сильно расширилъ первоначальный планъ; получилась работа, имѣющая большой самостоятельный интересъ, хотя, съ другой стороны, въ виду перестановки точки зрѣнія, явилась нѣкоторая разбросанность изложенія.

Въ этюдѣ о Руссо г. Ковалевскій предпринимаетъ длинныя изысканія о корняхъ теоріи народнаго суверенитета и общественнаго договора. Съ одной стороны, ихъ онъ ищетъ въ политическихъ теоріяхъ, у Платона, монархомаховъ, Агустія, Спинозы, Жюрье, Гоббса, Локка, Сиднея, Монтескье и др., съ другой, — въ политическихъ условіяхъ Женевы, Берна, Венеціи, Генуи, а изъ древнихъ Спарты и Рима. Соціальныхъ условій М. М. Ковалевскій не касается, если не считать того, что говорится въ первой главѣ настоящаго полутома.

Оба этюда объединяетъ одно заключеніе: ни Монтескье, ни Руссо, создавая свои доктрины, не имѣли въ виду никакихъ разрушительныхъ цѣлей; оба автора никогда не проповѣдывали революціи. Ихъ задачи были теоретическія, а не практическія. Революціонными сдѣлались обѣ доктрины лишь тогда, когда несовершенства французскихъ учреждений настоятельно выдвинули вопросъ объ ихъ реформированіи и когда предреволюціонные публицисты и политики — практики стали искать новыхъ принциповъ въ теоретическихъ трактатахъ.

Такая схема не объясняетъ однако, одного: откуда взялось преобладаніе соціальной точки зрѣнія у Руссо? Намъ кажется, что и эту схему слѣдуетъ дополнить, исходя изъ точки зрѣнія, высказанной въ самомъ началѣ полутома и приведенной выше. Въ исканіи генезиса идей Руссо, при перечисленіи Женевы и Берна, Генуи и Венеціи, не слѣдовало упускать изъ виду соціальнаго строя Франціи. То же, хотя и въ меньшей степени, приходится сказать и о Монтескье. Ковалевскій приводитъ вѣскія доказательства въ подтвержденіе того, что революціонныхъ цѣлей ни у того, ни у другого не было. Но критика французскихъ

*) Между прочимъ, изъ дневника Монтескье видно, что онъ былъ знакомъ съ книгой Вико.

учрежденій и французскаго строя въ нихъ всегда была,—сознательная или безсознательная, это вопросъ другой. Въ этой критикѣ и слѣдуетъ искать революціонныя зерна.

Таковы главныя построенія М. М. Ковалевскаго. Лишнее говорить, что «Происхожденіе демократіи»—трудъ капитальный, который займетъ мѣсто въ почетномъ сосѣдствѣ съ мастерами исторіи революціонной эпохи. Для этого онъ нуждается лишь въ нѣкоторой обработкѣ.

А. Дживелеговъ.

СТАТИСТИКА.

Г. Майръ. «Статистика и обществовѣдѣніе».

Г. Майръ. Статистика и обществовѣдѣніе. Т. I. Теоретическая статистика. Перев. съ нѣмецкаго пр.-доц. В. Я. Желѣзнова. Изд. товарищества «Знаніе», ред. Г. Фальборна и В. Чарнолускаго. № 15. Спб. 1899 г. Профессору мюнхенскаго университета, Г. Майру, у насъ посчастливилось: «Статистика и обществовѣдѣніе»—второй трудъ его, появляющійся на русскомъ языкѣ, первый—«Законосообразности въ общественной жизни» не такъ давно вышелъ вторымъ изданіемъ. Подобный успѣхъ его работъ вполне заслуженъ: онѣ соединяютъ въ себѣ достоинства строгой научности съ ясностью и популярностью изложенія. Впрочемъ, послѣднее относится болѣе къ его сочиненію «Законосообразности въ общественной жизни», чѣмъ къ разсматриваемому, которое представляетъ научный курсъ статистики.

Какъ извѣстно, до сихъ поръ еще существуетъ между учеными разногласіе въ опредѣленіи какъ понятія, такъ и объекта изслѣдованій статистической науки. Одна группа ученыхъ вообще не признаетъ статистику наукою и видитъ въ ней только методъ, какъ-то: Герри, Онкенъ, Гукеръ, Гедесъ и др. Они ограничиваютъ дѣятельность статистика собраніемъ матеріала, всѣ же разсужденія, построенныя на основаніи статистическихъ данныхъ, согласно этому воззрѣнію, высказываются имъ не какъ статистикомъ, но какъ представителемъ другой какой-либо науки, политической экономіи, уголовного права и т. п. Не другая, что на-ряду съ статистической наукой и независимо отъ ея самостоятельнаго существованія дѣйствительно существуетъ и статистическій методъ въ общемъ смыслѣ этого слова, выходящій за предѣлы изслѣдованія соціальной жизни (напр., въ метеорологіи), Г. Майръ считаетъ статистику единою, замкнутою въ себѣ наукою, полагающей конечную задачу свою въ открытіи законосообразностей въ общественной жизни. Здѣсь онъ примыкаетъ къ такимъ именамъ, какъ Кетле, Энгель, Германъ, Эттингенъ, Моро-де-Жоннесъ, Левассеръ и т. д. Вмѣстѣ съ подавляющимъ числомъ ученыхъ онъ держится взгляда, высказаннаго давно уже Дюфо, именно, что объектомъ статистическаго изслѣдованія должно считать соціальныя явленія, всю разнообразно сложившуюся массу человѣческихъ отношеній, которую для краткости авторъ называетъ просто *соціальной массой*. Подъ этимъ терминомъ слѣдуетъ подразумѣвать не только суммы самихъ человѣческихъ индивидуумовъ, но также суммы дѣйствій этихъ индивидуумовъ и дѣющіеся результаты такихъ дѣйствій. Научное изученіе подобной соціальной массы всего совершеннѣе выполняется путемъ исчерпывающаго массоваго наблюденія ея элементовъ при помощи числа и мѣры. Подобное изученіе и называется статистикою. Такимъ образомъ, *статистика въ матеріальномъ смыслѣ* (статистическая наука) *есть выясненіе массовыхъ явленій общественной жизни людей, основанное на исчерпывающемъ массовомъ наблюдении, выраженномъ въ числѣ и мѣрѣ* (§ 13). Въ этомъ смыслѣ статистика занимаетъ самостоятельное мѣсто среди другихъ общественныхъ наукъ.

Существеннымъ признакомъ статистическаго изслѣдованія Г. Майръ считаетъ его *исчерпывающій характеръ*. Тамъ, гдѣ этого признака нѣтъ, хотя бы было въ наличности массовое наблюденіе социальныхъ явленій при помощи числа и мѣры, онъ видитъ лишь различныя формы внѣ-статистической ориентировки. Сюда онъ относитъ не только такіе случаи, какъ приблизительное вычисленіе или монографическое наблюденіе отдѣльныхъ типическихъ явленій, но и такъ-называемый анкетный способъ изслѣдованія, при которомъ фактически описываются избранные экземпляры социальныхъ элементовъ и, сверхъ того, собирается достаточное количество личныхъ сужденій относительно известныхъ социальныхъ условий и явленій. Этимъ изъ области, обычно считаемою статистикою, исключается цѣлый рядъ работъ и изслѣдованій. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, насколько это правильно принципиально, слѣдуетъ замѣтить, что автору самому бываетъ затруднительно въ дальнѣйшемъ изложеніи стоять на почвѣ опредѣленія статистическаго наблюденія, лишь какъ безусловно исчерпывающаго, не говоря уже о томъ, насколько противорѣчить это узореннымъ понятіямъ публики.

Общую область статистической науки Г. Майръ дѣлитъ на теоретическую и практическую части. *Теоретическую часть* составляютъ, главнымъ образомъ, тѣ изслѣдованія, которыя опредѣляютъ сферу статистическаго знанія, устанавливаютъ его общія основанія и излагаютъ его методъ и технику, а также касаются исторіи статистики и отношеній ея къ публичному управленію. Именно этому и посвящено содержаніе разсматриваемаго I-го тома соч. «Статистика и обществовѣдѣніе». *Практическая часть* статистической науки обнимаетъ собою совокупность матеріальныхъ научныхъ приобритеній, выводовъ, въ области массоваго наблюденія общественной жизни. Система практической статистики, изложенію которой посвящена будетъ вторая часть переводимаго сочиненія, обнимаетъ собою слѣдующіе отдѣлы: статистику населенія (демологию), моральную статистику, статистику образованія, хозяйственную статистику и политическую статистику.

Система практической статистики совпадаетъ съ точнымъ ученіемъ объ обществѣ, т. е. съ научнымъ познаніемъ общественныхъ условий и явленій, основанномъ на исчерпывающемъ массовомъ наблюденіи социальныхъ элементовъ всякаго рода. Въ этомъ именно смыслѣ вторая часть въ заглавіи предлагаемаго сочиненія и обозначена терминомъ: «обществовѣдѣніе» (Gesellschaftslehre). Это точное ученіе объ обществѣ не тождественно съ ученіемъ объ обществѣ вообще, которому присвоено въ современной наукѣ названіе «соціологіи». Авторъ признаетъ за соціологіей право на существованіе въ видѣ самостоятельной дисциплины (§ 10), понимая подъ нею науку, изслѣдующую социальные союзы, какъ таковые, въ ихъ строеніи и законсообразностяхъ, проявляющихся въ ихъ развитіи, а въ особенности со стороны тѣхъ вліяній, какія обнаруживаютъ общественные союзы на ихъ членовъ. Но онъ рѣшительно высказывается противъ методовъ изслѣдованія, употреблявшихся до сихъ поръ въ этой наукѣ. Это — съ одной стороны перенесеніе выводовъ естествознанія въ область социальныхъ наукъ путемъ аналогій, съ другой — дедутивная работа мысли, опирающаяся на фактическія данныя, собранныя посредствомъ несистематическихъ наблюденій. При такомъ способѣ изслѣдованіе социальныхъ союзовъ не можетъ оказаться удовлетворительнымъ въ научномъ смыслѣ. Удовлетворительное познаніе социальныхъ союзовъ, какъ особенныхъ сочетаній социальныхъ массъ, возможно только путемъ массоваго наблюденія статистики. Однако, Г. Майръ не утверждаетъ, что одна статистика можетъ разрѣшить всѣ вопросы. «И пользованіе исторически установленными данными, — пишетъ онъ, — и чисто логическая работа мысли съ цѣлями болѣе глубокаго проникновенія въ сущность процессовъ развитія человѣческой жизни — сохраняютъ серьезное значе-

ніе. Мы хотимъ лишь сказать, что такое рѣшительное устраненіе статистики, какое мы замѣчаемъ у главнѣйшихъ основателей социологій, можетъ быть только вреднымъ для точности изслѣдованій этой науки. Соціологія въ качествѣ общей дисциплины, вводящей въ изученіе общества—я назвалъ бы ее теоретическимъ ученіемъ объ обществѣ—много выиграла бы, примкнувъ къ статистикѣ, какъ практическому ученію объ обществѣ. Понимаемая такимъ образомъ, она составила бы связующее звено между науками о социальной жизни и всей совокупностью отдѣльныхъ наукъ о природѣ и человѣческомъ духѣ, являясь въ дѣйствительности «наукою второй инстанціи» (стр. 23). Еще Шеффле указалъ на важность статистики для цѣлей социологическаго изслѣдованія, о назначеніи ея въ этомъ отношеніи говорятъ также де-Грефъ (De Greef. «Les lois sociologiques». 1893).

М. П—въ.

САМООБРАЗОВАНИЕ. НАРОДНЫЯ ИЗДАНИЯ.

«Курсъ систематическаго чтенія. Годъ 4-ый».—Изданія М. Дорошенко.

Программы домашняго чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. М. 1900 г. Четвертый и послѣдній выпускъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ «Программъ» обнимаетъ собой наиболѣе интересные, какъ въ теоретическомъ отношеніи, такъ и по близкой связи съ дѣйствительностью—отдѣлы знаній. Въ виду этого даже та дробность, за которую часто упрекали составителей «Программъ»,—по отношенію къ настоящему выпуску навѣрное явится въ глазахъ читателей не недостаткомъ, а скорѣе достоинствомъ, которое обезпечитъ этой части «Программъ» еще болѣе широкое распространеніе, чѣмъ имѣли предыдущія.

Очередной частью въ отдѣлѣ физико-химическихъ наукъ является здѣсь исторія земли. Для первоначальнаго ознакомленія съ нею московская коммиссія рекомендуетъ книги В. Л. Соколова и В. К. Агафонова, но основнымъ пособіемъ при прохожденіи своей программы ставитъ превосходную книгу Неймайра, по которой и составлены провѣрочные вопросы. По биологій на очередь поставлено изученіе исторіи органическихъ формъ и ихъ распространенія по земной поверхности (палеонтологія и біогеографія). Въ обоихъ отдѣлахъ—популяризація современныхъ положительныхъ знаній идетъ объ руку съ сообщеніемъ важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи науки: то и другое ставится въ тѣснѣйшую связь съ вопросами общаго міровоззрѣнія. Естественнымъ завершеніемъ поставленной такимъ образомъ программы является ознакомленіе съ «теоріей эволюціи» и «дарвинизмомъ», которое и рекомендуется читателю предпринять: основнымъ пособіемъ избрана здѣсь коммиссіей книга Уоллеса; по ней поставлены провѣрочные вопросы. Насколько обстоятельно разработаны указанія для чтенія по обоимъ программамъ, видно изъ того, что та и другая вмѣстѣ занимаютъ 50 страницъ. Далѣе слѣдуетъ небольшая программа по этикѣ покойнаго пр. Грота (коммиссія не указала, къ сожалѣнію, кто будетъ руководить по этой программѣ) и очень обширная, одна занимающая 55 стр. программа по исторіи новой философіи. Въ основу положено печатающееся сочиненіе Гефдингга, но ему составлены (очень подробно) и провѣрочные вопросы. Параллельно съ чтеніемъ Гефдингга коммиссія предлагаетъ знакомиться съ самыми текстами наиболѣе выдающихся философовъ, хотя бы по сборнику отрывковъ изъ сочиненій ихъ, изданному Фулье. Для желакшихъ подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ или другимъ философомъ, коммиссія намѣтила 46 отдѣльныхъ темъ, разработка каждой изъ которыхъ можетъ идти такъ далеко, какъ только захочетъ читатель. Различная степень трудности разныхъ темъ даетъ возможность каждому читателю найти себѣ работу по силамъ, а разнообразіе темъ помогаетъ удовлетворить самыя

разнообразные философскіе вкусы: правда, что разобраться въ томъ и другомъ можетъ только читатель, уже до извѣстной степени посвященный въ философію.

Слѣдующій отдѣлъ наукъ общественно-юридическихъ открывается программой чтенія по международному праву, которая едва ли привлечетъ большое количество читателей. Тѣмъ болѣе имѣетъ общаго интереса отдѣлъ «соціальной политики» и особенно первая часть этого отдѣла, посвященная «рабочему вопросу». Но тутъ приходится посѣтовать на составителей за то, что они на такой важный для самообразованія отдѣлъ обратили сравнительно мало вниманія. Въ послѣдующихъ изданіяхъ слѣдовало бы совершенно переработать этотъ отдѣлъ, обновить выборъ книгъ, указанныхъ довольно неразборчиво и неполно, и, сосредоточивъ вниманіе читателя на меньшемъ, можетъ быть, количествѣ, но осторожнѣе подобранныхъ пособій, детальнѣе разработать заключающійся въ нихъ матеріалъ; въ заключеніе, именно по этому поводу слѣдовало бы дать указанія читателямъ, желающимъ перейти къ болѣе самостоятельной работѣ. Конечно, въ данномъ случаѣ, на такія практическія занятія нашлось бы не менѣе охотниковъ, чѣмъ въ отдѣлахъ ботаники или даже философіи,—гдѣ подобныя указанія даны.

Программы чтенія по исторіи занимаютъ 125 страницъ и составляютъ наиболѣе детально обработанный отдѣлъ всего сборника. По всеобщей исторіи (съ французской революціи до нашего времени) коммиссія предлагаетъ двѣ программы,—одну болѣе трудную, другую болѣе легкую. Разница между обѣими, однако, не настолько велика, чтобы оправдать параллельное существованіе двухъ отдѣльныхъ программъ. Та же самая цѣль, какъ намъ кажется, могла бы быть достигнута введеніемъ въ первую программу (изъ теперешней второй) нѣкоторыхъ болѣе элементарныхъ вопросовъ и выдѣленіемъ, затѣмъ, *въ ней самой*—элемента *обязательнаго*, болѣе легкаго, отъ элемента, *рекомендуемаго*, болѣе труднаго (относя къ послѣднему нѣкоторую часть отступленій изъ области политической исторіи—въ область соціальныхъ, экономическихъ и умственныхъ явленій и всѣ дополненія по книгѣ проф. Карѣва). Самый выборъ матеріала кажется намъ вполне цѣлесообразнымъ.

По русской исторіи программа распадается на слѣдующіе отдѣлы: внѣшняя политика Россіи въ XIX в.; административныя и судебныя учрежденія; земскія учрежденія, городское управленіе и сословія; государственное хозяйство; общенациональныя движенія. Послѣдній отдѣлъ ограничивается временемъ Александра I, о чемъ нельзя не пожалѣть. Будемъ надѣяться, что въ послѣдующихъ изданіяхъ коммиссія найдетъ возможнымъ включить также и позднѣйшее время. Желательно бы было, чтобы коммиссія обратила вниманіе на матеріалъ, заключающійся въ русской журналистикѣ: внутреннія обозрѣнія «Вѣстника Европы», систематически подобранныя за цѣлый рядъ годовъ могли бы, напр., дать превосходную и всѣмъ доступную лѣтопись русской общественности за вторую половину столѣтія. Можно было бы также и въ этомъ отдѣлѣ намѣтить рядъ темъ для болѣе или менѣе самостоятельныхъ работъ по первоисточникамъ нашей общественной исторіи.

Программы по всеобщей и русской литературѣ XIX в. занимаютъ по 50 стр. каждая. До послѣдняго времени доведена въ первомъ отдѣлѣ только исторія французской литературы и очень бѣгло-англійской. Нѣмецкая и итальянская останавливаются на первой трети вѣка. Эти пробѣлы тоже предстоитъ пополнить въ слѣдующихъ изданіяхъ. Въ числу достоинствъ даннаго отдѣла программъ слѣдуетъ отнести то, что составители его очень цѣлесообразно использовали журнальныя статьи. Не лишнее было бы—въ число европейскихъ литературъ, включенныхъ программами, ввести и скандинавскія.

Нѣкоторый недостатокъ программы русской литературы заключается въ томъ, что составитель ея слишкомъ близко придерживался программы средне-учебныхъ

заведеній. Такимъ образомъ, для средней школы программа, навѣрное, будетъ очень полезна и поможетъ учителямъ освѣжить учебный матеріалъ, но самообразовающійся читатель едва ли будетъ имѣть терпѣніе изучать во всѣхъ подробностяхъ Барамзина, Крылова и Жуковского. Зато разработка темъ, касающихся новѣйшихъ писателей, можетъ показаться тому же читателю слишкомъ уже короткой и слишкомъ слабо поставленной въ связь съ общественными теченіями времени: онъ найдетъ въ числѣ пробѣлочныхъ вопросовъ много такихъ, которые нужны скорѣй для класснаго прохожденія предмета, и не найдетъ цѣлаго «новѣйшаго періода» русской литературы, замѣненной простой ссылкой на г. Скабичевского, съ прибавленіемъ коротенькаго библиографическаго списка сочиненій главнѣйшихъ авторовъ и статей о нихъ. Такимъ образомъ, ни Салтыковъ, ни Глѣбъ Успенскій, ни беллетристы-народники, ни беллетристы современные, ни Михайловскій, ни представители русской лирики не являются предметомъ изученія въ программахъ. Конечно, было бы трудно разработать весь матеріалъ, заключающійся въ сочиненіяхъ каждаго изъ нихъ,—но если бы комиссія отказалась отъ группировки матеріала по авторамъ и замѣнила бы ее другой, болѣе систематической группировкой, напр., по направленіямъ,—тогда явилась бы, какъ намъ кажется, полная возможность выкинуть изъ программы весь балластъ и остановить вниманіе читателя только на существенномъ, сдѣлавъ извѣстный выборъ; несомнѣнно, только при такомъ выборѣ программа и можетъ получить значеніе руководства для читателя.

Въ концѣ помѣщена программа по этнографіи славянскихъ народностей, литовцевъ и латышей, семитическихъ народовъ, румынъ, молдаванъ и цыганъ. Въ сожалѣнію, этотъ отдѣлъ приходится признать совершенно неудавшимся. Указанія сводятся здѣсь къ довольно беспорядочному и не особенно разборчиво, а иногда и совершенно случайно составленному списку книгъ, которыя только смутная рубрика «этнографія» можетъ объединить въ довольно сомнительное цѣлое. Въ «самообразованію» эти списки, во всякомъ случаѣ, имѣютъ очень слабое отношеніе.

Настоящимъ четвертымъ выпускомъ заканчивается капитальный трудъ московской комиссіи. Успѣшнымъ завершеніемъ его русское общество обязано дружной совмѣстной работѣ нѣсколькихъ десятковъ специалистовъ, самоотверженно жертвовавшихъ для общаго дѣла не только своимъ трудомъ, но и своей привычкой—руководить публичкой, гораздо болѣе посвященной въ специальность каждаго, чѣмъ предполагаемые читатели Комиссіи. Слѣды ихъ внутренней борьбы съ самими собой не разъ отражались на страницахъ «Программъ». Теперь, когда главное дѣло сдѣлано, когда солидный результатъ соединенныхъ усилій у всѣхъ на глазахъ, гораздо легче составить понятіе о цѣломъ и отмѣтить тѣ неровности и отклоненія отъ общей основной задачи, которыя мѣшаютъ этому цѣлому быть идеальнымъ цѣлымъ. Ближайшей задачей комиссіи является, конечно, устраненіе этихъ недостатковъ при послѣдующихъ изданіяхъ программъ. Но есть и другія задачи, которыя могли бы быть поставлены на очередь комиссіей, освободившейся отъ своего главнаго труда.—Мы говоримъ о возможно большемъ приближеніи къ читателю самыхъ «Программъ» и о возможно болѣе активномъ руководствѣ «домашнимъ ученіемъ» при помощи программъ существующихъ. Выработать болѣе доступныя для средняго (и ниже средняго) читателя программы и создать новыя формы общенія съ читателемъ,—таковы, какъ намъ кажется, могли бы быть очередныя задачи комиссіи въ области руководства «домашнимъ чтеніемъ». Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что энергіи руководителей, обогащенныхъ теперь опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ, хватить на осуществленіе новыхъ задачъ, намѣчаемыхъ самою жизнью.

П. М.

«Новая библиотена». Изданія М. Дорошенко (М. Орѣховъ). Спб. 1899 г. В. Г. Короленко «Лѣсъ шумить» (съ 6 рис.). Цѣна 6 к. Его же «Сонъ Макара» (съ 6 рис.). Цѣна 8 к. Маминъ-Сибирякъ «Озорникъ» (съ 4 рис.). Цѣна 8 к. Просперъ Мериме «Маттео Фальконе». Переводъ М. Недошивиной (съ 5 рис.). Цѣна 5 к. Ежъ «На разсвѣтъ». Историческій романъ. Цѣна 60 к. За послѣдніе годы наша «народная» литература растетъ и развивается гигантскими шагами, а виѣсть съ тѣмъ растетъ и расширяется кругъ читателей подобной литературы. Лучшимъ объективнымъ показателемъ этого роста, этого проникновенія книги во все болѣе глубокіе слои народной массы можетъ служить появленіе новыхъ и новыхъ издательскихъ фирмъ «для народа». Близкій рынокъ, повинующійся тому же закону спроса и предложенія, какъ и всякій другой, даетъ все больше мѣста изданіямъ, носьщимъ по преимуществу интеллигентный характеръ, все успѣшнѣе вытѣсняющимъ издѣлія нѣсколькихъ торговцевъ, такъ называемыя «лубочныя» изданія.

Издаваемая г. Дорошенко «Новая библиотена», хотя и не носитъ названія «народной», можетъ быть, однако, причислена къ числу тѣхъ народныхъ изданій интеллигентнаго характера, которымъ суждено привлечь къ себѣ вниманіе и симпатію читающей массы. Съ особеннымъ удовольствіемъ встрѣчаемъ мы появленіе двухъ разсказовъ В. Короленко въ новомъ отдѣльномъ, доступномъ для читателя изъ народной среды, изданіи. Разказы г. Короленко «Лѣсъ шумить» и «Сонъ Макара» слишкомъ широко извѣстны, чтобы нужно было говорить объ ихъ достоинствахъ. Первый изъ нихъ появлялся уже и раньше въ отдѣльномъ дешевомъ изданіи (Спб. Комитета Грамотности), второй же появился теперь впервые въ «Новой библиотекѣ» г. Дорошенко. Мы не сомнѣваемся, что разсказъ «Сонъ Макара»—это высокохудожественное, проникнутое горячимъ чувствомъ справедливости произведеніе писателя, уже знакомаго и любимаго многими читателями изъ народа, получить самое широкое распространеніе среди той трудящейся массы, которой оно по существу посвящено.

Историческій романъ польскаго писателя Ежа «На разсвѣтъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ историческихъ произведеній, которые возбуждаютъ въ читателѣ такой же непосредственный живой интересъ, какъ если бы дѣйствіе его совершалось въ настоящее время. Какъ героическая борьба всего болгарскаго народа за свое освобожденіе, такъ и мощныя фигуры отдѣльныхъ дѣятелей, жертвующихъ всѣмъ ради спасенія родного края, изображены въ романѣ Ежа настолько увлекательно, притомъ въ такой доступной формѣ, что книгу «На разсвѣтъ» можно смѣло рекомендовать для всякаго читателя изъ народной среды.

«Озорникъ»—разсказъ г. Маминъ Сибиряка, прекрасно рисующій нравы глухой сибирской деревни; образъ озорника, съ его богатымъ запасомъ душевныхъ и физическихъ силъ, растрчиваемыхъ по-пусту, безъ цѣли и смысла, очерченъ очень хорошо, а романъ озорного Спирьки съ Дуней, типичной русской крестьянкой, производитъ трогательное впечатлѣніе, несмотря на всю свою дикость.

«Маттео Фальконе»—разсказъ извѣстнаго французскаго писателя Проспера Мериме, переноситъ насъ въ среду совсѣмъ иную по нравамъ и обычаямъ, хотя и не менѣе дикую,—въ среду корсиканскихъ пастуховъ и бандитовъ. Смыслъ одного изъ такихъ корсиканцевъ предалъ въ руки полиціи бѣглеца, искавшаго у него защиты. Отецъ мальчика, ставящій чувство чести выше отцовской любви, убиваетъ его. Въ предисловіи г. Дорошенко разсказываетъ вкратцѣ біографію Мериме, характеризуетъ въ нѣсколькихъ словахъ его произведенія и разъясняетъ читателю смыслъ печатаемаго ниже разсказа. Предисловіе это вполне умѣстно и написано толково и понятно.

Всѣ книги «Новой библиотекы» изданы съ внѣшней стороны хорошо, рисунки не дурны и цѣна книгъ не высока.

М. Б.

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНИЯ.

П. Аррианъ. «Первый женскій календарь на 1900 г.».

Первый женскій календарь на 1900 г. (второй годъ). Составила М. И. Аррианъ. Спб. Складъ въ нижнемомъ магазинѣ «Издатель». Спб. Невскій, д. 48—60. 1900. Цѣна 75 н. (Стр. 433). Книга составлена добросовѣстно; издана красиво и дешево. Помимо разнообразной массы практическихъ, необходимыхъ въ жизни женщины, свѣдѣній, она интересна вообще, какъ опытъ, такъ сказать, женской энциклопедіи, цѣлаго круга предметовъ, обнимающаго женскую жизнь въ разныхъ фазахъ и моментахъ. Такъ, за общими календарными свѣдѣніями, почтовыми, телеграфными, телефонными и юридическими помѣщены главы: «права и обязанности женщины и дѣтей по русскому праву, фабричное и заводское законодательство о женщинахъ и дѣтяхъ, и о дѣтяхъ незаконныхъ и усыновленіи ихъ». За этимъ отдѣломъ слѣдуетъ второй, женское образованіе, гдѣ въ опредѣленныхъ очеркахъ даны свѣдѣнія и объ общемъ женскомъ образованіи (высшіе курсы, гимназіи, институты: правила, программы, формы прошеній; даже есть свѣдѣнія о женской адвокатурѣ за границей), о педагогическомъ, медицинскомъ, художественно-музыкальномъ, коммерческомъ, сельскохозяйственномъ и, наконецъ, профессиональномъ. Въ этотъ же, особенно обширный, отдѣлъ внесены свѣдѣнія и о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ доступу женщинъ за границей (Франція, Бельгія, Швейцарія, Германія). Не мало мѣста удѣлено медицинѣ, гигиенѣ, уходу за тѣломъ, одеждѣ, обстановкѣ и особенно гигиеническимъ и физиологическимъ свѣдѣніямъ относительно матери и ребенка, значенія питанія, дѣтской и пр. Весьма полезенъ отдѣлъ *свѣдѣнія и справки*: спросъ и предложеніе женскаго интеллигентнаго труда, бюро для найма прислуги, кормилицы, оспопрививательнаго заведенія, родильные пріюты, дезинфекція, пособія для больныхъ, получаемыя изъ склада Общества самаритянъ, убѣжища и дешевыя комнаты для учащихся и учащихся, музеи. Въ пятомъ отдѣлѣ—изъ *прошлаго и настоящаго*—помѣщены небольшіе, толково и тепло написанные четыре биографическіе очерка (съ портретами) трехъ русскихъ женщинъ: С. В. Ковалевской, Н. В. Стасовой и Е. І. Дихачевой и очеркъ дѣятельности профессора П. Ф. Лесгафта, такъ много сдѣлавшаго для женскаго образованія. Интересны свѣдѣнія о *домженіи женскаго дѣла за границей* (Франція, Англія, Германія и пр.), къ сожалѣнію, слишкомъ краткія и отрывочныя. Очень важны свѣдѣнія о *разныхъ женскихъ обществахъ*, но въ отдѣлѣ этомъ при многихъ обществахъ не помѣчено ни адресовъ, ни условій вступленія въ общество. Есть и оригинальная попытка представить *хронологію нѣкоторыхъ событій*, относящихся къ женскому вопросу въ Россіи и за границей, расположенную по мѣсяцамъ, числамъ и годамъ, а также и *статистику женскаго труда въ Россіи*. Но послѣдняя, какъ знаетъ и сама составительница календаря, собиравшая данныя сама, лично, за почти полнымъ отсутствіемъ статистики женскаго труда, конечно, далеко не полна; но и приведенныя данныя, во всякомъ случаѣ, указываютъ на довольно широкія завоеванія, сдѣланныя женщинами на различныхъ поприщахъ труда. Календарь заканчивается *хронологіею женскаго и народнаго образованія въ Россіи за 1899 г.*

Какъ первая попытка составить спеціальныи календарь для женщинъ, книжка вполне заслуживаетъ вниманія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ въ смыслѣ неполноты и, можетъ быть, недостаточной обработки матеріала; но недостатки эти объясняются трудностью и новизною дѣла, почему и въ этомъ видѣ нельзя не пожелать календарю широкаго распространенія между женщинами, особенно въ далекихъ провинціяхъ.

В. О—скій.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го января по 15-е февраля 1900 года).

- Ф. фонъ-Бецольдъ. Исторія реформациі въ Германіи. Перев. съ нѣмецк. Т. I. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 3 р.
- И. Качоровскій. Русская община. Т. I. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Отчетъ о дѣятельности Об-ва попеченія о народномъ образованіи въ г. Красноуфимскѣ и его уѣздѣ за 1899 г.
- Руководство къ составленію различныхъ ученическихъ сочиненій. Хрестоматія. Пособіе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній и для готовящихся къ конкурснымъ испытаніямъ въ высшія учебныя заведенія. Ц. 1 р. Тифлясь. 1899 г.
- Миловидовъ. Опытъ объясненій. Пособіе при классныхъ разборахъ и разучиваніи наизусть избр. повт. образц. Изд. II. Орель. 1900 г. Ц. 1 р.
- Семеновъ. Полицейскія права и обязанности волостныхъ старшинъ, сельскихъ старость, сотскихъ и десятскихъ. Спб. 1900 г.
- Семеновъ. Новое положеніе о порядкѣ взысканія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.
- В. Н. Спасскій. Лѣкарственные растения однолѣтнія и двулѣтнія. Составъ по соч. Х. Егера. Изд. Тихомирова. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.
- Р. Морантъ. Дополнительныя народныя школы во Франціи. Переводъ съ англ. Межуева. Изд. ред. журнала «Техническое образованіе». Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- А. Л. Вольскій. Борьба за идеализмъ. Критич. статьи. Изд. Н. Г. Молоцова. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.
- Б. Львовъ. Соціальный законъ. Опытъ введенія въ социологію. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- А. А. Золотаревъ. Что говоритъ наука о половой потребности. Москва. 1900 г. Ц. 30 коп.
- Л. А. Золотаревъ. Личная и общественная борьба съ развратомъ. Москва. 1900 г. Ц. 30 к.
- Врача Сперанской - Берлинерблау. Прививайте оспу! Москва. 1899 г. Ц. 2 к.
- У. Вѣтринскій. Въ сороковыхъ годахъ. Москва. Складъ изд. въ книжн. магаз. А. Д. Карчагина. 1899 г. Ц. 2 р.
- И. Ламперта. Жизнь прѣсныхъ водъ. Изд. А. Ф. Девриена. Спб. 1900 г.
- Ранке, проф. Человѣкъ. Съ нѣмецк. Изд. д-ра М. Е. Ліона. Перев. подъ ред. Д. А. Коробчевского. Вып. 9—10 и 29—30. Спб. 1899 г.
- М. М. Марголинъ. Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Десятилѣтіе народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ. Тамбовъ. Губ. зем. тип. 1899 г.
- А. А. Саломинковъ. О преобразованіи календаря. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.
- А. А. Клоповъ. Къ вопросу о школьной реформѣ. Вып. I. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Вып. IV. Семипалатинскъ. 1900 г. Ц. 1 р.
- В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Съ нѣмецк. П. Ф. Теплова. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 40 к.
- Дж. Гобсонъ. Проблемы бѣдности и безработицы. Перев. съ англ., съ прилож. статьи П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Докладъ о книжномъ складѣ вятской губ. земской управы. Вятка. 1900 г.
- Ө. Четыркинъ. Курская святыня. Спб. Изд. Сойкина. 1899 г.
- Бережного Богъ береже. Тип. «Кекодочка». Черкассы. 1899 г. Ц. 3 к.
- Ликарь Авраменко. Рязочка або дизентерія. Черкассы. 1899 г. Ц. 2 к.
- Уставъ товарищества торговли артельными и кустарными товарами. «Союзъ». Москва. 1899 г.
- Модеста Боровиковскаго. Въ странѣ тепла и свѣта. 1900 г. Ц. 65 к.
- М. Петровъ. 1900 г. Почтово-телеграфный календарь. Изд. книжн. магаз. Сухой. Спб. 1899 г. Ц. въ обл. 50 к.
- Альфредъ Штернъ. Исторія революціи въ Англіи. Перев. съ нѣм. Г. Ө. Львовича. Изд. Пантелѣева. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.
- Д. Н. Мамина-Сибиряка. По Уралу. Разказы и очерки. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- Соч. Лависса. Перев. съ франц. Е. П. Кангаловскаго. Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣкахъ и объ исторіи новаго времени. Москва. 1900 г. Ц. 35 к.
- Эмиль Фагъ. Перев. съ франц. подъ ред. П. И. Шамолина. Политическіе мыслители и моралисты первой трети XIX вѣка. Москва. Изд. И. А. Баландина. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

- В. П. Соколовъ. Морское чудо. Повѣсть. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.
- Ө. А. Батушковъ. Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Абрикосъ — Борона. Полная энциклопедія русскаго сельск. хозяйства. Т. I. Вып. I. Спб. Изд. Девриена. 1900 г.
- Робинзонъ Крузо. Соч. Даниэля де Фо. Пер. съ англ. Петра Кончаловскаго. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Книги взрослыхъ. Состав. учительн. воскресныхъ школъ при ближайш. участіи Х. Д. Алчевской. Москва. 1899 г. 1, 2 и 3 годы обученія. Ц. 30 к., 80 к. и 1 р.
- Общее дѣло. Сост. подъ ред. В. С. Костроминной. Собраніе статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослого населенія. Вып. I. Москва. 1900 г. Ц. 1 р.
- Н. М. Писменный. Общеповятныя бесѣды объ устройствѣ и жизни человѣческаго тѣла. Бесѣды 1 и 2-я. Изд. К. Тихомірова. Москва. Ц. 10 к. каждая.
- С. Н. Архиповъ. Общедоступныя бесѣды по хѣсководству. Бесѣда 1-я. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 20 к.
- Н. И. Страховскаго. О крови и кровообращеніи. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 15 к.
- Е. К. Селиванова. Звѣзды. Фантастическая картина для дѣтскаго театра. Москва. 1900 г. Ц. 30 к.
- Е. К. Селиванова. Гувернантки. Комедія для дѣтей въ 1 дѣйствіи и 2 карт. Москва. 1900 г. Ц. 20 к.
- П. М. Скворцова, проф. Значеніе для здоровья свободнаго и жидкаго воздуха. Спб. 1899 г. Ц. 50 к.
- А. П. Прохоровъ. Огневая сушка плодовъ и ягодъ. Изд. К. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 5 к.
- В. В. Шарковъ. Крестьянскія работы и сельская жизнь по мѣсяцамъ года. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 10 к.
- Д. А. Горчаковъ. Василий Чабанъ. Изд. В. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 5 к.
- Енат. Аверниева. Малоизвѣстные овощи, пригодные для огородной культуры. Изд. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 7 к.
- В. Я. Лапгъ. Одна овца все стадо портитъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 8 к.
- А. Прохоровъ. Сушка овощей, грибовъ и зелени. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 5 к.
- Е. К. Селиванова. Дѣтскія пьесы. Москва. 1900 г. Ц. 60 к.
- Уставъ Об-ва для устройства и завѣдыванія убожичемъ для престарѣлыхъ и впавшихъ въ невалѣч. состояніе лицъ женскаго медицинскаго званія Россійской Имперіи. 1899 г.
- Сергій Насатинъ. Стихотворенія. Изд. Суворяна. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Ватсонъ. Критико-біографич. очеркъ о Джузеппе Джусти. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Отчетъ Русскаго библиографическаго Об-ва за 1899 г. Спб. 1900 г.
- В. В. Березовскій. Современныя теченія въ искусствѣ. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 10 к.
- А. А. Саломниковъ. Историческое назначеніе Россіи. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.
- А. Колощенко. Украинскія писанія въ нотахъ. Одесса. 1900 г. Ц. 30 к.
- Кенетъ Грэмъ. Дни грезъ. Перев. съ англ. А. Гаулеръ. Спб. Изд. Пантелѣева. 1900 г. Ц. 75 к.
- Регистры и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г.—1800). Т. I. Спб. 1899 г. Изд. Об-ва для распространенія просвѣщ. между евреями въ Россіи.
- Адресъ-календарь и справочная книга гор. Николаева на 1900 г. Изд. П. А. Ковалева и К^о. Николаевъ. 1899 г. Ц. 35 к.
- В. Лебедевъ. Пѣніе въ начальной народной школѣ. Тамбовъ. 1900 г.
- С. П. Писаревъ. Смоленскъ и его исторія. Изд. книжнаго магаз. А. К. Тестова. 1899 г.
- Коринфскій. Этюдъ. Повѣя. Случевского. Изд. П. Сойкина. Спб. 1900 г.
- М. М. Ковалевскій. Экономическій строй Россіи. Съ франц. Изд. П. П. Сойкина. Ц. 75 к.
- Вацлавъ Стрешевскій. Повѣсти и рассказы. Изд. Дороватовскаго и А. Чарушника. Ц. 80 к. Спб. 1900 г.
- С. Л. Цинбергъ. Галлерей еврейскихъ дѣятелей. Исаакъ Бееръ, Левинзонъ. Ц. 25 к. Спб. 1900 г.
- А. М. Жемчужниковъ. Пѣсни старости. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Л. И. Фаготина. Нужды современной деревни. Очерки и рассказы Старога Знакомаго. Ц. 35 к. Изд. книжн. магаз. Лапина. Смоленскъ. 1898 г.
- М. Доманскій. Памяти А. С. Пушкина. Ц. 5 коп. Изд. книжн. магаз. Лапина. Смоленскъ. 1899 г.
- А. М. Аленцевъ. Россія въ вопросѣ о разоруженіи. Изд. книжн. магаз. Лапина. Смоленскъ. Ц. 25 к.
- Врача В. В. Химникова. Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ санитарномъ отношеніи. Изд. херс. губенск. и земской управы. Херсонъ. 1899 г.
- Птицы Европы. Состав. проф. Н. А. Холодковскій. Вып. 5-й. Спб. Изд. Девриена. 1900 г.
- Льюисъ Г. Морганъ. Первобытное об-во. Перев. Румянцева, подъ ред. проф. Кудравскаго и съ предисл. Ковалевскаго. Изд. А. Ф. Пантелѣева. 1900 г. Спб. Ц. 3 р.
- Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хозяйств. отношеніи 1897—1898 гг. Вып. II. Изд. уфимской земской управы. Москва. 1899 г.
- Крестьянское скотоводство въ Уфимской губернии въ 1899 г. Сост. М. П. Кра-

- сильниковъ. Изд. уфимской губ. зем. управы. Самара. 1899 г.
- Обзоръ Уфимской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи въ 1898—1899 гг. Вып. 1-й. Изд. уфимской губ. зем. упр. Уфа. 1899 г. Ц. 1 р.
- Обзоръ Календарь-Альманахъ 1900 г. Изд. общее.
- Ө. В. Благовидовъ. Оберъ-прокуроры святѣйшаго синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. Казань. 1900 г. Ц. 2 р.
- Фабіола. Повѣсть изъ жизни первыхъ христіанъ. Съ англ. Сост. А. Матвѣева. Изд. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 75 к.
- Сочин. Шелли. Траг. Ченчи. Пер. съ англ. К. Д. Бальмонтъ. Москва. 1899 г. Ц. 75 к.
- Статистическій ежегодникъ Тверской губ. за 1899 г. Изд. тверск. губ. земства. Тверь. 1900 г.
- С. И. Горбовой. Главнѣйшія событія Новаго Завѣта въ картинахъ. Изд. Тихомірова. Москва. 1900 г. Ц. 40 к.
- И. И. Пантюховъ. Расы Кавказа. Тифлисъ. 1900 г.
- И. И. Пантюховъ. Проказы, зобъ, парша на Кавказѣ. Тифлисъ. 1900 г.
- И. И. Пантюховъ. Шаорская котловина и ея окрестности. Тифлисъ. 1900 г.
- И. И. Стороженко. О сонетахъ Шекспира въ автобиографическомъ отношеніи. Москва. 1900 г.
- Я. Новиковъ. Будущность бѣлой расы. Переводъ съ франц. Изд. Э. Н. Латернера. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.
- А. Т. Грабина. Юрьевъ день. Комедія-шутка въ 3 д. Кіевъ. 1899 г. Ц. 75 к.
- Шарль Секретанъ. Цивилизація и вѣра. Перев. съ франц. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. Москва. 1900 г. Ц. 75 к.
- Э. Бутру. О случайности законовъ природы. Перев. съ франц. подъ ред. П. П. Соколова. Москва. 1900 г. Ц. 75 к.
- А. С. Хомякова. Димитрій Самозванецъ. Трагедія въ 5-ти дѣйств. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.
- И. А. Крыловъ. Избранныя сочиненія. Изд. Тихомірова. Москва. 1899 г. Ц. 1 р.
- Ф. Д. Нефедовъ. Святочные рассказы. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.
- Проф. У. А. Малиновскій. Ссылка въ Сибирь. Томскъ. 1900 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. I. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 20 к.
- А. А. Навроцкій. Драматическія прозвенденія. Т. II Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Джероламо Роветта. Марко-Спадо. Драма въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ итал. А. А. Никитина. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- А. Франка, докт. Книжки хозяина. Перев. съ нѣмецк. М. Энгельгардта. Вып. 2-й. Спб. 1899 г.
- Робертъ Бранко. Женщина. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Перев. съ итальянск. А. А. Никитина. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- Ф. Д. Нефедовъ. Т. III-й сочиненій. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- Материалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Изд. нижег. губ. земства. Н.-Новгородъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ-Кичуновъ. Букеты, вѣнки и гирлянды. Ц. 1 р. Спб. Изд. А. Ф. Девріена.
- Ю. Кюнъ. Рациональное кормленіе крупн. рогатаго скота. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.
- А. Ф. Кунаховичъ. Пчела и пчеловодство. Изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.
- Ю. Вейсъ. Косилки, жатки и сноповязалки. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. 1900 г. Ц. 75 к.
- Олива Шрейнеръ. Рядовой Петръ Холькетъ. Перев. съ англ. Е. Г. Бекатовой. Москва. 1900 г. Ц. 25 к.
- Уставъ саратовскихъ женскихъ коммерческихъ курсовъ при Саратовской женской гимназіи.
- Н. П. Комдыревъ. Инстинктъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.
- М. Ротшильдъ. Коммерческая энциклопедія. Изд. В. Э. Форселлеса. Вып. IX и XIX. Спб. 1900 г.
- Отчетъ Об-ва Вспом. слушателей. Высш. Женск. Курсовъ за 1899 г.
- Отчетъ Об-ва Вспом. оконч. курсъ наукъ на Высш. Женск. Курсахъ за 1899 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Salaires et Misères de Femmes*» par le comte d'Haussouville. (Заработок и бытъея женщины). Вопросъ о женскомъ трудѣ и положеніи женщины-работницы составляетъ главный предметъ изслѣдованія автора, изучившаго матеріальныя и нравственныя условия жизни рабочихъ классовъ, преимущественно женщинъ и двѣшекъ, вынужденныхъ ручнымъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Авторъ не ограничился только теоретическими разсужденіями, а практически изслѣдовалъ этотъ вопросъ посредствомъ прямыхъ наблюденій и разпросовъ работницъ. Онъ собралъ такимъ образомъ очень цѣнный матеріалъ, касающійся современнаго положенія женскаго труда и указывающій на необходимость реформы въ этой области.

(Revue de Paris)

«*Innermost Asia: Traveland Sport in the Pamirs*» by R. P. Cuddold. With maps and illustrations. (Heinemann). (Внутри Азии: путешествіе и спортъ въ Памирахъ). Область, гдѣ встрѣчаются границы индійской, китайской и русской имперіи, заключаетъ въ себѣ восемь Памировъ. Первый фортъ, выстроенный русскими на одномъ изъ Памировъ, находится на высотѣ 12.000 футъ надъ уровнемъ моря. Жизнь въ Памирахъ означаетъ жизнь среди облаковъ. Авторъ, посѣтившій эту область, сообщаетъ любопытныя подробности объ условіяхъ жизни въ этой негостепримной странѣ, получившей теперь такое важное политическое значеніе. Политическіе взгляды автора проникнуты руссофобіей и увѣренностью, что Россія стремится разрушить британское могущество въ Азій. Описанія же его превосходны; гдѣ особенно интересенъ его разсказъ о тѣхъ трудностяхъ, которыя приходится преодолевать путешественнику въ горныхъ проходахъ. Очень хороши также описанія суровой горной природы въ Памирахъ. Къ книгѣ приложены иллюстраціи, сдѣланныя съ фотографическихъ снимковъ автора.

(Daily News).

«*The Races of Man*». An outline of Anthropology and Ethnography. By I. Deniker. (Walter Scott). (Расы человека). Хорошо и ясно написанная книга, заключающая въ себѣ очерки антропологии и этнографіи и знакомящая читателя съ современнымъ положеніемъ этихъ обѣихъ наукъ и такими научными фактами, которые необходимо знать каждому образованному человѣку. Очень интересно изложена теорія регрессивной эволюціи, а также главы, посвященные списанію человѣческихъ расъ и народовъ на всѣхъ континентахъ и Океаніи. Книга эта входитъ въ составъ серіи изданій, извѣстныхъ подъ названіемъ «Contemporary Science Series».

(Daily News).

«*Les Êtres vivants, organisation, évolution*» par Paul Busquet avec nombreuses illustrations. (Carri et Naud). (Живыя существа, ихъ организація). Интересная книга, въ которой подробно и популярно излагается ученіе о развитіи живыхъ организмовъ и разсматриваются прежніе взгляды и новѣйшія теоріи клѣточныхъ организмовъ. Въ особенности замѣательно написана заключительная глава, посвященная общей эволюціи живыхъ существъ и трансформизму.

(Journal des Débats).

«*L'Anthropologie et la science sociale. Science et Foi*» par Paul Togninard. (Maison et Co). (Антропология и социальная наука). Въ этой книгѣ заключаются исторія человѣка, какъ животнаго и какъ социальнаго существа. Антропология разсматривается какъ наука, охватывающая очень широкую область. Въ первой части излагается клѣточная теорія и теорія эволюціи. Вторая, самая интересная и самая обширная часть книги, посвящена изученію прогрессивнаго развитія семьи и общества и затѣмъ даѣе разсматривается эволюція государства, происхожденіе избирательнаго начала и т. д.

(Journal des Débats).

«*Le Tour du mont—Blanc par Emile Davida. (Ch. Mendel). (Вокруг Монблана).* Книга посвящена альпийскому клубу. Авторъ ея въ качествѣ туриста совершилъ восхождение на Монбланъ и описываетъ свою горную экскурсію такими заманчивыми красками, что у многихъ читателей это описание, вѣроятно, вызоветъ желаніе послѣдовать его примѣру. Во всякомъ случаѣ, книга эта можетъ служить хорошимъ путеводителемъ для всѣхъ желающихъ побывать на Монбланъ и вмѣстѣ съ этимъ представляеть занимательное чтеніе.

(Revue internationale).

«*Femmes d'Amérique par Th. Bentzon. (Armand Colin et Co). Prix: 3 fr. 50 c. (Американскія женщины).* Очень живо написанные очерки американской жизни, изображающіе женскіе типы и успѣхи женщинъ въ Америкѣ, такъ далеко опередившихъ своихъ европейскихъ сестеръ. Авторъ начинаетъ съ описанія женщинъ колониальнаго періода и дѣятельности ихъ во время войны за независимость. Затѣмъ отдѣльныя главы посвящены разнымъ дѣятельницамъ въ общественной жизни: Бичеръ Стоу, Лукреція Крукеръ, Френсисъ Волзаръ и мн. другимъ.

(Revue internationale).

«*L'Allemagne nouvelle et ses historiens par Antoine Guillaud, prof. d'histoire. (Felix Alcan), prix: 5 fr. (Современная Германия и ея историки).* Авторъ рассказываетъ исторію великаго національнаго движенія въ Германіи, которое привело къ образованію новой имперіи, и описываетъ дѣятелей и представителей этого движенія.

(Revue internationale).

«*The Gods of Old by the Rev. I. A. Fitts Simon. (Fisher Unwin), (Боги древности).* Авторъ возвращается къ прежней теории, которую, впрочемъ, поддерживали и позднѣйшіе греческіе философы, что греческая миеологія была замаскированной научною системою, и стремится посредствомъ изслѣдованія легендъ и миеовъ доказать это и примирить науку съ греческою миеологіей.

(Daily News).

«*Figures du temps passé par Lucien Percy. (Calman Ledy). Prix: 3 fr. 10 c. (Образы прошлаго).* Историческія личности, которыхъ изображаетъ авторъ въ своихъ очеркахъ, болѣе или менѣе хорошо известны, но авторъ, посредствомъ своихъ изслѣдованій, бросаетъ новый свѣтъ на нѣкоторыя черты ихъ характера, и событія, въ которыхъ они играли ту или другую роль. Читатель узнаетъ новые факты изъ жизни императрицы Екатерины, принца Делия, г-жи де-Собранъ, г-жи Жофрэнъ, королевы Гортензій и др. Самый любопытный очеркъ въ книгѣ озаглавленъ: «Графъ Фёдоръ Голловкинъ и его неизданные мемуары», такъ

какъ онъ освѣщаетъ нѣкоторыя сомнительныя и темныя стороны исторіи XVIII в. (Journal des Débats).

«*A Glimpse at Guatemala and Some Notes on the ancient Monuments of Central America by Anne Cary Maudslay and Alfred Percival Maudslay. With Maps, Plans, Photographs and other Illustrations. (Murray). (Гватемала и древніе памятники центральной Америки).* Мистеръ Маудслей совершилъ шесть экспедицій въ центральную Америку и результаты произведенныхъ имъ археологическихъ и географическихъ изысканій были опубликованы въ различныхъ научныхъ журналахъ. Въ седьмой разъ его сопровождала жена и они вмѣстѣ издали описаніе своей поездки, причѣмъ мистрисъ Маудслей взяла на себя повѣствовательную и описательную часть книги, а мужъ ея—чисто-научную. Благодаря такой совѣстной дѣятельности, изданная ими книга не носитъ характера сухаго научнаго изслѣдованія, рассчитаннаго только на специалистовъ, но представляетъ интересъ и для обыкновеннаго читателя, такъ какъ заключаетъ въ себѣ очень занимательныя описанія природы и жизни въ центральной Америкѣ въ настоящее время и картины древней цивилизаціи, памятники которой сохранились въ разныхъ мѣстахъ Гватемалы и должны привлечь туда изслѣдователей и путешественниковъ.

(The Athaeneum).

«*Progressive Lessons in Science by A. Abbot and Arthur Key. (Blackie and Son). (Прогрессивныя лекціи по наукамъ).* Науки, съ которыми авторъ знакомитъ своихъ читателей, это—домашняя экономія в гигиѣна, главныя положенія которыхъ авторъ иллюстрируетъ цѣлымъ рядомъ опытовъ.

(Literary World).

«*A literary History of Ireland by Douglas Hyde. (Fisher Unwin). (Литературная исторія Ирландіи).* Ирландія сдѣлала вкладъ въ литературу на трехъ языкахъ: ирландскомъ, латинскомъ и англійскомъ. Въ Англии ирландская литература возбуждаетъ большой интересъ и число авторовъ, занимавшихся этою литературою и писавшихъ на ирландскомъ языкѣ, довольно велико. Но и для всякаго другого читателя, интересующагося Ирландіей, ея литература можетъ послужить богатымъ источникомъ, изъ котораго можно черпать свѣдѣнія о политическихъ и социальныхъ чувствахъ ирландскаго народа въ такія времена, когда оно давило на него всего сильнѣе.

(Athaeneum).

«*In a State of Nature by M-r Alfred Clark. (Sampson Low and C^o). (Въ переобитномъ состояніи).* Авторъ описываетъ народъ европейскаго происхожденія, обитающій въ арктической области и спустив-

шіся до степени первобытной дикости. Приключенія, рассказываемыя авторомъ, полны драматическаго интереса, а описанія природы и жизни этихъ дикарей—превосходны.

(Athaenaeum).

«*Women and Economics*». *A Study of the Economic Relation between Men and Women as a factor in Social Evolution*. By Charlotte Perkins Stetson. Third edition. (Женщины и политическая экономія). Авторъ изучаетъ экономическія отношенія между мужчинами и женщинами, какъ факторъ социальной эволюціи. Съ другой стороны, книга эта представляетъ также вкладъ въ исторію женскаго вопроса.

(Literary World).

«*A White Woman in Central Africa*» by Hellen Caddick. With 16 Illustrations. (Fisher Unwin). (Бѣлая женщина въ центральной Африкѣ). Описаніе путешествія одной англичанки, отправившейся изъ Чиндэ къ восточному берегу Африки, къ Танганайкѣ и въ центральную Африку. Путь-

шествіе было предпринято не только изъ любознательности и желанія лично познакомиться съ жизнью африканскихъ туземцевъ и изучить африканскую природу, но также изъ любви къ приключеніямъ и сильнымъ ощущеніямъ, которыми это путешествіе изобиловало. Книга написана хорошимъ слогомъ и читается съ большимъ интересомъ.

(Athaenaeum).

«*Pages choisies des savants modernes, extraites de leurs oeuvres*» par A. Rebière. (Избранныя страницы изъ произведеній современныхъ ученыхъ). Въ предшествующемъ томѣ своего труда авторъ знакомитъ читателей съ жизнью и работами современныхъ ученыхъ на основаніи академическихъ документовъ. Въ этой же книгѣ авторъ какъ бы заставляетъ этихъ ученыхъ излагать свои взгляды, теоріи и открытія, выбирая изъ ихъ твореній наиболее выдающіяся мѣста и сопровождая ихъ нужными поясненіями.

(Revue de Paris).

Издательница А. Давыдова

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

смерть врача Жирнова.—Дѣло о покушеніи на убійство инспектора Киевской духовной семинаріи.—Борковская эпопея.—Изъ воспоминаній о Чернышевскомъ.—Письмо М. Е. Салтыкова	12
16. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Русская Мысль». — «Вѣстникъ Европы». — «Жизнь». — «Историческій Вѣстникъ».	30
17. За границей. Въ Германіи. — Работа дѣтей въ копяхъ. — Событія общественной жизни въ Англіи.—Столица алмазовъ—Кимберлей.—Морипъ Юкай на праздникъ венгерскихъ журналистовъ.—Мормонскій вопросъ въ американскомъ конгрессѣ и дѣло Карнеджи.—Нѣмецкій критикъ о Толстомъ	40
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Forum». — «Fortnightly Review». — «Contemporary Review». — «Nuova Antologia» — «Revue des Revues». — «Nineteenth Century».	54
19. КАКЪ ЖИВЕТЪ АНГЛІЙСКІЙ РАБОТНИКЪ. Д. М—ова.	61
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физиологія. Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита. — Зоологія. 1) Органы свѣченія у рыбъ <i>Porichthys notatus</i> . 2) Юконскія собаки. — Бактеріологія. Судьба богузветворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма. Д. Н. — Географія и путешествія. Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Навсена. — Химія. Новое анестезирующее вещество. — Техника. 1) Постройка желѣзной дороги на Юнгфрау. 2) Заводы Круппа въ Эссенѣ. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго	75
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія права.—Политическая экономія.—Философія и психологія.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.	92
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	126

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гѣмфри Уордъ. Перев. съ англ.	23
24. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	81
25. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерскаго	25

При этомъ № разсылается объявленіе «Генеральнаго Общества Страхованій».

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНИЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Лещко-ской*, Петровскія линія и книжномъ магазинѣ *Карбасникова*, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко переписаны, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятые мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятые статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, принятые же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) *Лича*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недельнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно съ контороу редакціи*. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по *сторонкамъ*, отъ 2 до 4 час., кромѣ праздничныхъ дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб.,
безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ:

С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ IX-й.

№ 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А П Р Ъ Л Ъ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская. 43).

1900.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	СТР
1. АСТРОНОМИЧЕСКІЯ ОБСЕРВАТОРИИ И ГЛАВНѢЙШИЯ ЗАДАЧИ НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ АСТРОНОМІИ. (Историческій очеркъ). К. Покровскаго	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. КЪ ВЕСНѢ. А. Колтоновскаго.	18
3. КАБАТЧИКЪ ГЕЙМАНЪ Разсказъ Семена Юшкевича.	19
4. ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ. (Опытъ характеристики). Статья Н. Shoen. Переводъ съ нѣмецкаго.	48
5. ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ. (Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ). Вацлава Сършевскаго. Съ польскаго. Перев. автора	78
6. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МАГАЗИНЫ И БАЗАРЫ, КАКЪ ЯВЛЕНІЕ НОВѢЙШАГО ТОРГОВАГО ОБОРОТА. (Экономическій этюдъ). Проф. М. Соболева.	114
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДУМА. Ал. Богданова	131
8. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уилльама Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. (Продолженіе).	132
9. ИДЕЯ РАВЕНСТВА СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Б. Кистяковскаго.	160
10. ВОСКРЕСШІЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе)	171
11. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милюкова	210
12. ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Очерки). Н. Гарина. (Продолженіе)	230
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРОЛЕТАРІЯ. А. Колтоновскаго.	248

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14 КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ Весенія выставки.—Обиліе картинъ въ этомъ году.—Передвижники.—Ихъ безжизненность и естественное вымираніе стараго искусства.—Академическая выставка.—Что новаго она вноситъ.—Второй томъ разсказовъ г. Чирикова.—Его «Инвалиды», «Чужестранцы», «Въ отставку». А. Б.	1
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Голодъ въ Бессарабской губерніи.—Врачебно-продовольственные пункты для рабочихъ.—Народныя бібліотеки.—Интересный опытъ.—Крючники на Волгѣ.—Безпорядки въ г. Луганскѣ.—Дѣло о загадочной	

Годъ IX-й.

№ 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

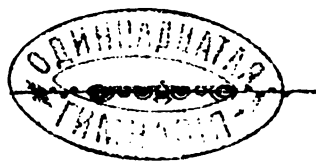
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

А П Р Ъ Л Ъ

1900 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1900.

Доведено цензурею 27-го марта 1900 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. АСТРОНОМИЧЕСКІЯ ОБСЕРВАТОРИИ И ГЛАВНѢЙШІЯ ЗАДАЧИ НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ АСТРОНОМИИ. (Историческій очеркъ). К. Покровскаго 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. КЪ ВЕСНѢ. А. Колтоновскаго. 18
3. КАБАТЧИКЪ ГЕЙМАНЪ. Разсказъ Семена Юшиевича. 19
4. ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ. (Опытъ характеристики). Статья Н. Шоен. Переводъ съ нѣмецкаго. 48
5. ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ. (Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ). Вацлава Стршевскаго. Съ польскаго. Перев. автора 78
6. УНИВЕРСАЛЬНЫЕ МАГАЗИНЫ И БАЗАРЫ, КАКЪ ЯВЛЕНІЕ НОВѢЙШАГО ТОРГОВАГО ОБОРОТА. (Экономическій этюдъ). Проф. М. Соболева. 114
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДУМА. Ал. Богданова 131
8. МИЛОСЕРДІЕ. Романъ Уильяма Д. Гоуэллса. Перев. съ англ. С. А. Гулишамбаровою. (Продолженіе). 182
9. ИДЕЯ РАВЕНСТВА СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Б. Кистяковскаго. 160
10. ВОСКРЕСШИЕ БОГИ. ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Романъ. Д. С. Мережковскаго. (Продолженіе) 171
11. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. (Продолженіе). П. Милокова 210
12. ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ. (Очерки). Н. Гарина. (Продолженіе) 230
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРОЛЕТАРІЯ. А. Колтоновскаго. 248

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Весеннія выставки.—Обяліе картинъ въ этомъ году.—Передвижники.—Ихъ безжизненность и естественное вымираніе стараго искусства.—Академическая выставка.—Что новаго она вноситъ.—Второй томъ разсказовъ г. Чирикова.—Его «Инвалиды», «Чужестранцы», «Въ отставку». А. Б. 1
15. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На редицѣ. Голодъ въ Бессарабской губерніи.—Врачебно-продовольственные пункты для рабочихъ.—Народныя бібліотеки.—Интересный опытъ.—Крючкики на Волгѣ.—Безпорядки въ г. Луганскѣ.—Дѣло о загадочной

	стр.
смерти врача Жирнова.—Дѣло о покушеніи на убійство инспектора Кіевской духовной семинарі.—Борковская эпопея.—Изъ воспоминаній о Чернышевскомъ.—Письмо М. Е. Салтыкова .	12
16. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Русская Мысль». — «Вѣстникъ Европы». — «Жизнь». — «Историческій Вѣстникъ»	30
17. За границей. Въ Германіи. — Работа дѣтей въ кояхъ. — Событія общественной жизни въ Англіи.—Столица алмазовъ—Кимберлей.—Морицъ Юкай на праздникѣ венгерскихъ журналистовъ.—Мормонскій вопросъ въ американскомъ конгрессѣ и дѣло Карнеджи.—Нѣмецкій критикъ о Толстомъ	40
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Forum». — «Fortnightly Review». — «Contemporary Review». — «Nuova Antologia» — «Revue des Revues». — «Nineteenth Century»	54
19. КАКЪ ЖИВЕТЪ АНГЛІЙСКІЙ РАБОТНИКЪ. Д. М.—ова. .	61
20. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физиологія. Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита. — Зоологія. 1) Органы свѣченія у рыбъ <i>Pogichthys notatus</i> . 2) Юконскія собаки. — Бактеріологія. Судьба болѣзнетворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма. Д. Н. — Географія и путешествія. Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Нансена. — Химія. Новое анестезирующее вещество. — Техника. 1) Постройка желѣзной дороги на Юнгфрау. 2) Заводы Круппа въ Эссенѣ. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго	75
21. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія права. — Политическая экономія. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	92
22. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	126

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

23. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гѣмфри Уордъ. Перев. съ англ.	23
24. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	81
25. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ. Эрнста Генкеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерснаго	25

Астрономическія обсерваторіи и главнѣйшія задачи наблюдательной астрономіи.

(Историческій очеркъ).

Начало астрономіи относится къ самой глубокой древности. Никто не можетъ указать для него опредѣленной даты. Чуть ни при первыхъ шагахъ культуры, когда человѣкъ кочевалъ съ своими стадами, онъ былъ уже въ нѣкоторомъ родѣ астрономомъ. Безоблачное, красивое небо благодатнаго юга не могло не привлекать его взоровъ. Онъ любовался имъ, съ нимъ соединялъ онъ свои религіозныя вѣрованія, скоро научился онъ и пользоваться имъ для счисленія времени. Систематическія наблюденія движенія небснаго свода являются необходимою, астрономическія знанія растутъ вмѣстѣ съ культурой. Сама жизнь толкаетъ впередъ только-что зарождающуюся науку о небѣ. Наблюденія производятся просто невооруженнымъ глазомъ, естественной обсерваторіей служатъ широкое поле, какой-нибудь пригорокъ или преддверіе храма.

У египтянъ, занимавшихся земледѣіемъ, астрономія стоитъ уже сравнительно довольно высоко. Жизнь обусловливается здѣсь урожаемъ. Урожай находится въ зависимости отъ разлитія плодороднаго Нила, регулируемыхъ смѣнами временъ года, о приближеніи которыхъ можно судить по положенію звѣздъ.

Первымъ вспомогательнымъ средствомъ для наблюденій древнихъ является плоскость горизонта: наблюдаютъ восходъ и заходъ свѣтилъ.— Но уже за 2170 лѣтъ до Р. Хр. въ Египтѣ стояли пирамиды, которыя, повидимому, служили для наблюденія прохожденій черезъ меридіанъ. По особому каналу, спускающемуся съ сѣверной стороны пирамиды проникаютъ внутрь, въ самое святилище, лучи Полярной звѣзды того времени (α Drgonis). Другое отверстіе смотритъ на югъ. Черезъ него ровно въ полночь, въ день осенняго равноденствія видны *Пляды*— эта маленькая группка звѣздъ, которую народъ нашъ зоветъ *Стожарами*.

Египетскій календарь, находившійся въ полномъ согласіи съ небесными явленіями, представляетъ удивительное произведеніе, дѣлаю-

щее честь остроумію жрецовъ, придумавшихъ его, и подтверждающее высокое развитіе наблюдательной астрономіи въ древнемъ Египтѣ.

Еще раньше, можетъ быть, развилась астрономія въ Китаѣ. Есть подозрѣніе, что тамъ богѣ или мѣнѣ правильно наблюдались звѣзды еще за 3400 л. до Р. Хр. Несомнѣнно, что подобныя наблюденія велись за 2500 л. Въ 2296 г. описана комета—первая, о которой имѣются свѣдѣнія; въ 2241 г. замѣчена новая яркая звѣзда, которая горѣла нѣкоторое время и пропала. Китайцы очень интересовались лунными и солнечными затмѣніями и, повидимому, пытались предсказывать ихъ. Рассказываютъ, что въ 2198 г. два астронома Хи и Хо были даже казнены за то, что не предупредили о затмѣніи, вызвавшемъ волненіе въ народѣ.

Наблюденія китайцевъ главнымъ образомъ распространяются на явленія необычайныя, эффективныя, но имъ не чужды были и измѣренія. Они пользуются древнимъ приборомъ *гномомомъ* для опредѣленія наклонности пути солнечнаго (такъ называемой эклиптики) къ экватору. Гномонъ—это просто шестъ, вертикально поставленный. Въ солнечный день онъ отбрасываетъ тѣнь. Чѣмъ выше поднимается солнце, тѣмъ тѣнь короче; въ полдень она кратчайшая—это укажетъ направленіе полуденной линіи, точки юга и сѣвера, а слѣдовательно востока и запада. Измѣряя длину тѣни и зная высоту гномона, изъ вычислений получимъ высоту солнца надъ горизонтомъ въ градусахъ. Разность высотъ солнца въ полдень весенняго и осенняго солнцестояній дастъ уголъ, вдвое большій наклонности эклиптики.

Сравнительно мы мало знаемъ объ астрономіи индусовъ, но и по тѣмъ источникамъ, которые уже разработаны, видно, что она въ глубокой древности стояла на высокой степени развитія и превосходила китайскую въ теоретическомъ отношеніи. Изъ наблюденій, занесенныхъ въ индійскія письма, стоитъ отмѣтить покрытія луной Плеядъ и планетъ, равно какъ и различныя соединенія послѣднихъ. Интересно, что описывая покрытіе Юпитера или Меркурія луной, индусы не говорили, что планета появляется изъ-за луны, а что луна рождаетъ ее.

Индійская астрономія имѣетъ несомнѣнную связь съ ассирійской и вавилонской, здѣсь мы находимъ и зачатки средневѣковой астрологии. Великіе повелители древняго востока ничего не предпринимали безъ предсказаній придворныхъ астрологовъ, которые слѣдили за движеніями планетъ и луны съ высоты специальныхъ обсерваторій.

Кромѣ необходимости какъ-нибудь ориентироваться во времени, создать какой-нибудь календарь, который регулировалъ бы образъ жизни народа, развивающаяся мало-по-малу культура выдвинула и другой факторъ, обуславливающий быстрые успѣхи астрономіи—это именно мореплаваніе. Морякъ долженъ быть знакомъ съ небомъ, потому что только по звѣздамъ онъ можетъ направлять корабль свой въ открытомъ морѣ. Онъ долженъ умѣть по движенію небснаго свода находить

стороны свѣта и какъ-нибудь опредѣлять время восхода и захода различныхъ созвѣздій.

Знаменитые своими смѣлыми, далекими плаваніями финикіянне переносятъ астрономическія знанія восточныхъ народовъ и Египта въ Грецію, но они не находятъ здѣсь подходящей для себя почвы. Несвойственно греку заниматься объективными наблюденіями, разъ нѣтъ уже непосредственнаго толчка къ этому, онъ предпочитаетъ строить философскія системы по умозрѣнію или отдыхаетъ на поэтическихъ созданіяхъ своей мифологіи, усѣявшихъ небо богами и героями.

Правда, начало наиболѣе точной астрономіи положено греками, но только уже позднѣе, въ III вѣкѣ до Р. Хр. и развивается она не въ самой Греціи, а въ Александріи.

Эратосеенъ—одинъ изъ выдающихся членовъ александрійской академіи дѣлаетъ первую попытку опредѣлить форму и размѣры земли по разности высотъ одного и того же свѣтила, наблюдаемаго въ Сіенѣ (теперь Ассуанъ) и въ Александріи, и по разстоянію между этими пунктами, его остроумнѣйшій коллега Аристархъ геометрическимъ путемъ опредѣляетъ разстояніе солнца отъ земли.

Во второмъ вѣкѣ на островѣ Родосѣ работаетъ Гиппархъ, поддерживающій дѣятельныя сношенія съ Александріей и одно время наблюдавшій тамъ. Онъ называется «отцомъ астрономіи»—астрономіи научной, основанной на наблюденіяхъ, а не на умозрѣніи. Онъ опредѣлилъ элементы солнечнаго пути, составилъ первыя солнечныя таблицы, изслѣдовалъ движеніе луны и, пользуясь наблюденіями жившихъ до него александрійскихъ астрономовъ Аристилла и Тимохариса, сдѣлалъ удивительное открытіе смѣщенія равноденственныхъ точекъ; онъ ввелъ тригонометрію въ сферическую астрономію и составилъ по своимъ наблюденіямъ первый звѣздный каталогъ. Нѣтъ равнаго ему наблюдателя въ древнемъ мірѣ.

Мѣстомъ наблюденія для александрійскихъ астрономовъ служилъ знаменитый музей (академія), сыгравшій такую огромную роль для развитія и другихъ отраслей знанія.

На терассѣ зданія, возвышающагося надъ спящимъ городомъ расположился наблюдатель. Его сосредоточенное лицо обращено къ небу. Но не мечты свои повѣряетъ онъ звѣздамъ и не гадаетъ онъ по положенію ихъ, нѣтъ онъ измѣряетъ взаимныя ихъ разстоянія на сферѣ небесной. Смѣется грекъ надъ прежними наблюдателями, оцѣнивавшими разстоянія звѣздъ на небѣ въ линейныхъ единицахъ, потому что онъ являются впечатлѣніями субъективными, во многихъ случаяхъ совершенно непримиримыми, онъ понимаетъ, что и оцѣнка по діаметрамъ луны не особенно точна. Послѣдователь Эвклида придумалъ инструментъ—простой и наивный, пожалуй, для нашего времени, но вѣрный въ своей математической идеѣ и дающій точные сравнительно съ прежними результаты.

Я имѣю въ виду такъ называемую *параллактическую линейку*, изобрѣтеніе которой приписываютъ Птолемею,—преемнику Гиппарха, извѣстному своей системой міра, продержавшейся семнадцать столѣтій, и знаменитымъ «Альмагестомъ»—первымъ учебникомъ астрономіи, въ которомъ онъ описалъ наблюденія и открытія своего великаго учителя.

Эратосвенъ изобрѣлъ меридіанный кругъ. Гиппархъ усовершенствовалъ его конструкцію, такъ что могъ опредѣлять имъ высоту солнца въ каждый полдень. Наблюденія въ меридианѣ онъ считаетъ болѣе удобными, чѣмъ въ горизонтѣ, но скоро находитъ, что нѣтъ основанія ограничиваться меридіаномъ и строить *астролябію*—инструментъ, съ помощью котораго оказывается возможнымъ наблюдать солнце, луну, планеты, неподвижныя звѣзды при всякомъ ихъ положеніи на небесномъ сводѣ. Подобному инструменту обязаны мы открытіемъ прецессіи, т.-е. предваренія равноденствія,—явленія, состоящаго въ томъ, что точка весенняго равноденствія движется навстрѣчу солнцу по эклиптикѣ на небольшой уголъ въ 50" въ годъ, что равносильно каченію земной оси по поверхности нѣкотораго конуса, причемъ полюсъ міра описываетъ на небѣ окружность около нѣкотораго центра круглымъ числомъ въ 26.000 лѣтъ, подходя въ различныя эпохи къ различнымъ созвѣздіямъ. Теперь полюсъ стоитъ близъ главной звѣзды въ созвѣздіи Малой Медвѣдницы (α Ursae minoris) — эта звѣзда и называется *Полярной*. Полюсъ все болѣе и болѣе къ ней приближается, но черезъ 200 лѣтъ онъ начнетъ отходить, въ 4100 году онъ приблизится къ γ Цефея, которая и будетъ называться тогда Полярной, черезъ 12.000 лѣтъ онъ будетъ у α Лиры. За 2700 до Р. Хр., наоборотъ, полюсъ находился близъ α Дракона.

За блестящей александрійской эпохой наступаетъ затишье въ исторіи астрономіи на цѣлыя 1½ тысячи лѣтъ. Правда, у арабовъ астрономія въ почетѣ. Она удостоена вниманія и покровительства самихъ халифовъ. Аль-Мамунъ въ началѣ IX-го вѣка строитъ близъ Багдада обсерваторію и иногда наблюдаетъ на ней вмѣстѣ съ своими астрономами; въ 827 году онъ организуетъ геодезическія измѣренія для опредѣленія размѣровъ земли. Дамаскъ имѣетъ свою обсерваторію.

Принцъ Альбатегвій, жившій съ половины IX вѣка по 928 г., считается однимъ изъ выдающихся астрономовъ, онъ много наблюдалъ въ Арактѣ (Месопотаміи) и Дамаскѣ, и искусно вычислялъ, извѣстенъ нѣкоторыми теоретическими открытіями.

Абуль-Вефа, родомъ персъ, специально интересуется движеніемъ планетъ, которыя онъ впервые прослѣдилъ во всѣхъ частяхъ ихъ орбитъ, онъ директорствуетъ на новой обсерваторіи, которую эмиръ Сарафъ-эдъ-Даула воздвигъ для этой цѣли въ саду своего дворца въ Багдадѣ.

Ибнъ-Юніусъ (ум. 1018) строитъ обсерваторію близъ Каира на горѣ Мокатпанъ.

Въ XIII в. появляются также у персовъ въ Самаркандѣ, Бухарѣ и Нишарурѣ университеты съ хорошими обсерваторіями, на которыхъ, кромѣ планетныхъ таблицъ, составляется звѣздный каталогъ на основаніи большого ряда наблюдений и т. п., но вездѣ на этихъ обсерваторіяхъ употребляются тѣ же инструменты, что у грековъ. Арабы измѣняютъ только нѣсколько методы наблюденія и конструкцію инструментовъ въ зависимости отъ огромныхъ размѣровъ, которые они придаютъ имъ для большей точности результатовъ. Вмѣсто круга они употребляютъ квадрантъ, т. е. $\frac{1}{4}$ окружности, или секторъ еще меньшаго угла. Такой квадрантъ, съ радіусомъ, напримѣръ, въ 58 футовъ, стоитъ въ меридианѣ. Когда свѣтило проходитъ черезъ эту плоскость, отмѣчается время, а высоту получаютъ, отсчитывая положеніе діоптровъ, направленныхъ на свѣтило по дугѣ квадранта, раздѣленной благодаря большому радіусу на довольно мелкія угловыя части.

Тѣ же инструменты въ общемъ и на западѣ. Къ нимъ надо прибавить только еще часы съ гириями, несравненно болѣе точные, чѣмъ прежніе—песочные и водяные.

Въ 1576 году одинъ датчанинъ Тихо-Браге воздвигаетъ на островѣ Хвенѣ, подаренномъ ему съ специальною цѣлью датскимъ королемъ Фридрихомъ II, громадную обсерваторію, которую онъ назвалъ «Ураниебургъ»—крѣпость неба. Это дѣйствительно крѣпость съ высокими стѣнами, громадными башнями. Обсерваторія обставлена богато. Правда, на ней все тѣ же параллактическія линейки, астролябіи, секстанты, стѣнные квадранты... но они построены болѣе тщательно, даютъ болѣе точные результаты, а самъ хозяинъ наблюдаетъ на нихъ много и искусно. Его наблюденія составляютъ эпоху въ исторіи астрономіи, потому что Кеплеръ, воспользовавшись ими, открылъ свои знаменитые законы движенія планетъ.

Александрійскіе греки могли опредѣлять положеніе свѣтила на небѣ только съ точностью до долей градуса, въ лучшемъ случаѣ до $10'$, а инструменты Тихо-Браге давали отсчеты до $10''$, такъ что его наблюденія, во всякомъ случаѣ не имѣли ошибокъ, большихъ 1 минуты, въ исключительныхъ случаяхъ $2'$, это удивительная точность, какой можно было достигнуть при наблюденіяхъ невооруженнымъ глазомъ.

Когда была изобрѣтена астрономическая труба, скоро догадались присоединить ее и къ измѣрительнымъ инструментамъ. Точность измѣреній значительно поднялась. Техника въ изготовленіи раздѣленныхъ квадрантовъ, а потомъ круговъ быстро прогрессируетъ, къ нимъ присоединяются вспомогательныя части, обуславливающія еще [болѣе точные отсчеты: нониусы и микроскопы съ микрометрами. Вмѣстѣ съ тѣмъ открыты были средства компенсаціи въ часахъ, появляются хорошіе регуляторы и хронометры.

Я не намѣренъ здѣсь дать полной картины послѣдовательнаго развитія инструментовъ, служившихъ для наблюденій свѣтилъ въ мери-

діанті, я перейду прямо къ послѣднему типу такъ называемыхъ меридіанныхъ круговъ, къ новѣйшей конструкціи великихъ художниковъ братьевъ Репсольдовъ въ Гамбургѣ.

Въ плоскости меридіана движется труба, допускающая довольно сильныя увеличенія. Она можетъ быть поставлена на какую угодно высоту, положенія ея отсчитывается на боковыхъ раздѣленныхъ кругахъ съ помощью четырехъ микроскоповъ. Круги не велики, но дѣленія на нихъ—чудо совершенства, ихъ всего на каждомъ кругѣ 10800, они такъ нѣжны, такъ тѣсны, что совсѣмъ почти не различимы глазомъ. Подъ микроскопомъ промежутокъ между дѣленіями кажется уже довольно большимъ, а микрометръ позволяетъ опредѣлить съ нѣкоторой степенью вѣроятности даже тысячныя доли его.

Большое вниманіе обращено на горизонтальную ось, вокругъ которой вращается труба. Концы ея—цилиндры идеальной формы, размѣры которыхъ одинаковы до сотыхъ долей миллиметра. Все приспособлено, чтобы оградить инструментъ отъ посторонняго вліянія. Онъ лежитъ на каменныхъ столбахъ, глубоко ушедшихъ подъ полъ, послѣдній не прикасается къ нимъ. Вокругъ инструмента можно свободно ходить—ни одно движеніе не передается ему. Микроскопы установлены на массивныхъ чугунныхъ барабанахъ, привинченныхъ къ столбу. Они стоятъ неподвижно, а кругъ съ дѣленіями, вращающійся вмѣстѣ съ трубой, подходитъ различными своими частями подъ ихъ объективы. Они имѣютъ значительную длину, чтобы наблюдатель не вліялъ на расширеніе круга теплотой своего собственнаго тѣла. Въ старыхъ обсерваторіяхъ, типичнымъ примѣромъ которыхъ можетъ служить обсерваторія нѣмецкаго университета въ Прагѣ, помѣщающаяся въ старой іезуитской коллегіи *Clementinum*, подобные инструменты ставились на второмъ и на третьемъ этажахъ (поближе къ небу) и, понятно, откликались на всѣ сотрясенія зданія. Самое помѣщеніе обыкновенно имѣло толстыя стѣны и очень узкіе прорѣзы, что обусловливало значительную разницу въ температурахъ зала и наружной; вслѣдствіе этого, всегда является токъ воздуха, изображеніе звѣзды въ трубѣ непокойно, размыто, наблюденія—неточны. Теперь измѣрительные приборы спущены прямо на почву, они, какъ сказано выше, располагаются на столбахъ, совсѣмъ не имѣющихъ связи съ окружающей обстановкой. Стѣны зала тонки,—деревянные или желѣзные съ наружнымъ щитомъ, люки широкіе. Они открываются за нѣсколько часовъ до наблюденій, чтобы наружная и внутренняя температуры сравнялись. Если на дворѣ морозъ 20°, то столько же и внутри, но наблюдатель не смущается этимъ. Онъ остается у инструмента нѣсколько часовъ—4, 6 и болѣе—въ непрерывной работѣ. Его уши открыты, руки тоже безъ перчатокъ, чтобы имѣть возможность, руководствуясь осязаніемъ, сообщить трубѣ самыя малыя перемѣщенія.

Вотъ приближается моментъ, когда интересующая его звѣзда подхо-

дять къ меридіану. (Онъ располагаетъ трубу на извѣстной высотѣ и садится или ложится на движущійся подъ ней на рельсахъ стулъ. По близъ стоящимъ астрономическимъ часамъ начинаетъ считать онъ мѣрные секундные удары: «разъ, два, три, четыре, пять...» Вотъ звѣзда показала въ полѣ зрѣнія трубы; повинувась суточному движенію небснаго свода, она плавно подходитъ все ближе и ближе къ центру. Наблюдатель весь превращается во вниманіе. Онъ не чувствуетъ болѣе ни холода, ни вѣтра, рвущаго наверху люки... «Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...» Вотъ звѣзда приближается къ первой изъ вертикальныхъ нитей, которыя натянуты въ полѣ зрѣнія. «Двадцать пять», говоритъ про себя наблюдатель, когда она совсѣмъ у нити, «двадцать шесть», когда она уже по другую отъ нея сторону. Опытнымъ взоромъ астрономъ оцѣниваетъ части, на которыя нить раздѣляетъ секундный интервалъ звѣзднаго пути, и записываетъ въ своемъ журналѣ, положимъ, 25,8. Но онъ не бросилъ при этомъ счета. Эти двѣ операци,—оцѣнка десятыхъ долей секунды и запись не должны его сбить. Онъ продолжаетъ считать и у второй нити запишетъ—34,6 и т. д.

Когда звѣзда у средней нити, онъ ловкимъ движеніемъ особаго ключа сразу ставитъ трубу такъ, чтобы звѣзда была точно на серединѣ между двумя горизонтальными нитями.

Моменты прохожденія черезъ нити, какъ до, такъ и послѣ средней, приводятся вычисленіями къ одному—получается точное время прохожденія черезъ середину поля. Отсчетъ по четыремъ микроскопамъ на кругѣ даетъ положеніе трубы, т.-е. высоту звѣзды, и этихъ двухъ величинъ достаточно, чтобы опредѣлить положеніе свѣтила на небѣ. Конечно, должны быть введены еще кое-какія поправки: нужно присчитать наклоненіе оси инструмента, отступленіе той плоскости, въ которой движется ось трубы, отъ плоскости меридіана, вліяніе рефракціи, измѣняющейся съ измѣненіемъ показаній барометра и термометра. Нужно знать и постоянныя ошибки инструмента. Со времени Бесселя астрономъ не полагается на искусство мастера, приготовившаго инструментъ. Какъ бы ни была знаменита фирма, какіе бы точные инструменты она ни выпускала, астрономъ, прежде всего, принимается за изслѣдованіе инструмента, съ которымъ начинаетъ работать. Онъ изслѣдуетъ форму цапфовъ, т.-е. концовъ горизонтальной оси, винтъ микрометра, уровень... измѣряетъ разстояніе между штрихами на кругѣ и пр. На это идутъ у него мѣсяцы, годы. На годы растягиваются и наблюденія. Какъ это скучно! Какая же это астрономія—это техника,—скажите вы, читатель. О да! У астронома много черной работы, но не одна она. Какъ виртуозъ не оставитъ на насъ впечатлѣнія одной своей техникой, какъ бы ни были удивительны его пассажи, но обладая чуткой, отзывчивой душой, онъ съ этими средствами заставитъ стонать и плакать свои аккорды, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь зрительный залъ, такъ и астрономъ можетъ извлечь изъ своихъ наблюденій богатые

результаты только тогда, когда обладаетъ достаточнымъ знаніемъ и извѣстнымъ запасомъ идей. Вотъ почему мы не допускаемъ до наблюдений людей, не отдавшихъ себя специально астрономіи, хотя бы они и способны были хорошо освоиться съ технической стороной наблюдений. Черная работа сравнительно и мало тяготитъ астронома. Если онъ ясно представляетъ свою задачу, если онъ понимаетъ, куда идетъ, куда стремится, то для него всѣ цифры живутъ и самая работа веселитъ. Весьма часто остроумный изслѣдователь дѣлаетъ по своимъ наблюдениямъ и неожиданныя открытія. Такъ, изъ меридіанныхъ наблюдений была открыта нутація—явленіе, состоящее въ томъ, что полюсъ міра, описывая на небѣ окружность, какъ мы говорили, идетъ зигзагами съ періодомъ въ $18\frac{1}{2}$ лѣтъ, что обусловливается вліяніемъ луны, положеніе орбиты которой подвержено колебаніямъ съ тѣмъ же періодомъ, открыта была также аберація, вслѣдствіе которой звѣзда за годъ опишетъ на небесномъ сводѣ небольшой эллипсъ размѣрами въ нѣсколько секундъ дуги, замѣчены были неправильности въ движеніи планеты Урана, повлекшія за собой открытіе новой планеты Нептуна, равно какъ и неправильности въ перемѣщеніяхъ Сатурна и Прозіона, указавшія на существованіе около нихъ спутниковъ, за послѣдніе годы дѣйствительно усмотрѣнныхъ въ сильныя трубы.

Меридіаннымъ кругомъ, главнымъ образомъ, пользуются для опредѣленія положенія звѣздъ—основныхъ точекъ, которыя служатъ для точнаго вычисленія орбитъ тѣмъ движущихся: кометъ и планетъ. Изъ меридіанныхъ наблюдений обнаружены и такъ называемыя собственные движенія самихъ звѣздъ. Звѣзды называются неподвижными только въ условномъ смыслѣ въ отличіе отъ планетъ и луны, имѣющихъ сравнительно быстрыя движенія, но онѣ также не сохраняютъ постояннаго положенія на сферѣ небесной. Кромѣ измѣненій въ положеніи, обусловливаемыхъ прецессіей, нутаціей, абераціей, многія изъ нихъ обнаруживаютъ небольшія смѣщенія въ нѣсколько долей секунды дуги въ годъ. Часть этихъ смѣщеній—кажущаяся, она является отраженіемъ движенія нашей солнечной системы, которая, какъ оказывается, несетъ по направленію къ созвѣздію Геркулеса со скоростью нѣсколькихъ верстъ въ секунду, но часть принадлежитъ и собственнымъ движеніямъ звѣздъ въ мировомъ пространствѣ. Болѣе точныя изслѣдованія движенія солнечной системы, опредѣленія того центра, около котораго оно совершается, а также выясненія собственныхъ движеній звѣздъ—задача будущаго.

Въ настоящее время въ большомъ распространеніи регистривные приборы, такъ называемыя *хронографы*, которые позволяютъ опредѣлить моменты прохожденія звѣзды черезъ нити въ общемъ, съ значительно большей точностью, чѣмъ по слуху.

Еще большее усовершенствованіе представляетъ регистривный микрометръ братьевъ Репольдовъ, только что начинающій входить въ употребленіе. Расхожденія отдѣльныхъ, отмѣченныхъ на приборѣ мо-

ментовъ, когда они сводятся къ одному, не превосходятъ здѣсь нѣсколькихъ сотыхъ долей секунды.

Значительно уменьшаются и такъ называемыя *личныя ошибки* (личныя уравненія) наблюдателей. Дѣло въ томъ, что никто не можетъ отмѣтить наблюдаемыя явленія абсолютно точно. Но помимо случайныхъ ошибокъ, одинъ наблюдатель, въ силу физиологическихъ особенностей своихъ органовъ, слышитъ *всегда* позднѣе, чѣмъ другой и всякій разъ позднѣе на одну и ту же дробь секунды, при подачѣ сигналовъ клавишей онъ также ударитъ раньше или позднѣе, чѣмъ другой, и всегда разоидется съ нимъ на одинъ и тотъ же интервалъ. При наблюденіяхъ относительныхъ, эти личныя ошибки наблюдателей не имѣютъ значенія, потому что онѣ приблизительно одинаковы какъ для опредѣляемой звѣзды, такъ и для фундаментальной, относительно которой ищется положеніе первой, но для абсолютныхъ опредѣленій устраненіе личного уравненія существенно важно.

Съ изобрѣтеніемъ трубы начинается еще новая отрасль астрономіи, которой не знали совсѣмъ прежде, это—изученіе физическаго строенія небесныхъ тѣлъ. Галилей, по наблюденіямъ въ свою трубу, разсказалъ міру, что на солнцѣ есть пятна, а на лунѣ горы, онъ наблюдалъ фазы Венеры, видѣлъ спутниковъ Юпитера и ихъ движенія. Вотъ сложная система, какъ бы модель нашей солнечной, по новымъ, живымъ воззрѣніямъ Коперника. Но вслѣдъ за первыми, поражающими умъ и воображеніе открытіями наступаетъ надолго затишье. Причина этому въ огромномъ недостаткѣ первыхъ трубъ, дававшихъ изображенія окрашенныя. Приходилось дѣлать трубы слишкомъ длинными при незначительномъ діаметрѣ.

Правда, въ половинѣ прошлаго столѣтія англійскому оптику Доллону удалось избавиться отъ окраски. Составляя объективъ изъ двухъ линзъ разнаго сорта стекла, такъ называемаго флинтгласа и кронгласа, онъ приготоилъ нѣсколько прекрасныхъ трубъ, которыя, при малыхъ размѣрахъ, давали чистыя изображенія, но успѣхъ Доллона во многомъ обусловливался случайностью—ему посчастливилось на одномъ стеклянномъ заводѣ найти однородную массу флинтгласа. Когда этотъ запасъ стекла вышелъ, другой хорошей массы онъ получить не умѣлъ, и всѣ позднѣйшія трубы выходили у него хуже. Поэтому все болѣе и болѣе распространяются такъ называемыя рефлекторы—трубы, объективомъ у которыхъ служитъ зеркало, отражающее, а не преломляющее лучи и дающее изображенія безъ окраски.

Къ началу текущаго столѣтія рефлекторы достигаютъ большого распространенія, главнымъ образомъ, благодаря удивительнымъ открытіямъ В. Гершеля. Своими гигантскими телескопами онъ проникъ въ самыя глубины мирового пространства, показавши намъ сложныя звѣздныя системы, нѣжныя туманности; онъ открылъ планету Урана, двухъ его спутниковъ, изслѣдовалъ строеніе звѣзднаго неба.

Но наряду съ достоинствами рефлекторы имѣютъ и свои недостатки. Они слишкомъ громоздки, управлять ими неудобно. Вслѣдствіе гнута и неравномѣрнаго расширенія зеркала отъ температуры изображенія часто искажаются, а главное, самое зеркало недолговѣчно. Оно скоро тускнѣетъ. И зеркаль Гершеля болѣе не существуетъ. Напрасно пытался Гершель вновь отполировать потускнѣвшее зеркало своего 40-футоваго телескопа. Гигантъ не могъ болѣе служить.

Вотъ почему усовершенствованныя рефракторы мюнхенскаго оптика Фраунгофера, нашедшаго способы отливать хорошее стекло и шлифовать большіе объективы, дающіе чистыя изображенія, были привѣтствованы всѣмъ міромъ. Знаменитый дерптскій рефракторъ начинаетъ собой плеяду прекрасныхъ и удобныхъ трубъ, достигшихъ въ настоящее время гигантскихъ размѣровъ.

Но какъ ни велики успѣхи техники въ изготовленіи рефракторовъ, и теперь еще отливка и шлифовка большого объектива представляетъ цѣлое событіе. Для примѣра я разкажу исторію заказа 30-ти-дюймоваго пулковскаго объектива.

Когда возникла мысль о пріобрѣтеніи большого рефрактора для Пулковской обсерваторіи (1878 г.), который превзошелъ бы своими размѣрами всѣ существовавшіе, рѣшили сначала поручить изготовленіе объектива Сигмунду Мерцу — преемнику искусства знаменитаго Фраунгофера.

Размѣры объектива были опредѣлены въ 30 дюймовъ въ діаметрѣ. Но заводъ Мерца не былъ приспособленъ къ отливкѣ такихъ большихъ массъ стекла и онъ не бралъ на себя финансоваго риска, сопряженнаго съ заказомъ.

Между тѣмъ, пока велись переговоры, О. Струве, директоръ Пулковской обсерваторіи, получаетъ отъ американскихъ ученыхъ Ньюкомба въ Вашингтонѣ и Дрепера въ Нью-Йоркѣ приглашеніе, прежде чѣмъ окончательно на чемъ-нибудь остановиться въ столь значительномъ предпріятіи, пріѣхать въ Америку и познакомиться лично съ высокими достоинствами новаго 26-ти-дюймоваго объектива въ Вашингтонѣ работы Альвана Кларка съ сыновьями, которымъ въ 1877 году было сдѣлано удивительное открытіе спутниковъ Марса. Они думали, что Кларки съ успѣхомъ могли бы отшлифовать объективъ и для Пулкова, причемъ сдѣлали бы это на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ европейскіе художники, въ виду только что съ успѣхомъ выполненнаго опыта.

О. Струве нашелъ доводы своихъ коллегъ въ пользу порученія заказа Альвану Кларку вполне основательными и вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Германомъ отправляется въ Америку.

Въ Августѣ 1879 г. вступили они на америкаускую почву и прежде всего направились въ Вашингтонъ для того, чтобы познакомиться съ знаменитымъ рефракторомъ, а 1-го сентября заключенъ былъ въ Кембриджѣ формальный контрактъ съ Кларкомъ, по которому послѣдній

обязался за 33.000 долларовъ отшлифовать для Пулковской обсерваторіи 30-ти-дюймовый объективъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ послѣ того, какъ будутъ добыты подходящія стеклянныя массы.

Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія этого контракта Альванъ Кларкъ—сынъ выѣзжаетъ въ Европу. Кларки умѣютъ только шлифовать стекла, но отлить большую однородную массу могутъ только два завода: въ Англіи Шансъ и во Франціи—Фейль.

У Шанса Кларкъ нашелъ готовую массу кронгласа. Оставалось размягчить ее, чтобы потомъ придать ей форму линзы. Flintгласъ заказанъ былъ у Фейля.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вдругъ получается извѣстіе, что кронгласъ во время размягченія треснулъ. Пришлось отлить новую массу. Этотъ заказъ былъ также переданъ Фейлю.

Только черезъ годъ удалось получить флинтгласъ, а отливка кронгласа затянулась на два года.

Когда флинтгласовая масса была доставлена Кларку, онъ нашелъ ее превосходной. Прекраснаго качества—прозрачной и однородной, оказалась и кронгласовая линза, несмотря на цѣлую кучку воздушныхъ пузырьковъ на одной ея поверхности (пузырьки эти не вліяютъ на дѣйствіе объектива), но она не имѣла достаточной толщины. Во избѣжаніе вреднаго гнутія, которое могло бы происходить при тонкихъ краяхъ, Кларкъ не рѣшился шлифовать ее съ такимъ фокуснымъ разстояніемъ, какъ предполагалось прежде. Начинаются переговоры объ удлиненіи трубы съ 40 до 45 футовъ. Это тоже не праздный вопросъ. Всѣ приготовленія и условія относительно монтировки инструмента и постройки башни для его помѣщенія были рассчитаны на фокусное разстояніе въ 40 футовъ, сообразно чему были распределены и денежныя средства. Сначала О. Струве даже рѣшительно отказался отъ измѣненія проекта. Но соображенія, что на отливку новой большой и достаточно толстой массы кронгласа потребуется еще нѣсколько лѣтъ, и сомнѣніе, что при тогдашнемъ состояніи техники художникамъ вообще удалась бы эта операція, заставили его хлопотать объ ассигновкѣ дополнительныхъ суммъ и разрѣшить Кларку шлифовку съ предложеннымъ ему фокуснымъ разстояніемъ. Это было въ декабрѣ 1881 года, а годъ спустя, 1-го января 1883 года Кларкъ телеграммой извѣстилъ О. Струве, что шлифовка объектива окончена.

Предстояла новая поѣздка въ Америку. О. Струве отправляется опять вмѣстѣ съ сыномъ Германомъ для спеціальнаго изслѣдованія и пріема новаго объектива. Потомъ слѣдуютъ хлопоты по перевозкѣ драгоцѣнности. Профессора Пикерингъ и Тровбриджъ любезно приняли на себя надзоръ за цѣлесообразной упаковкой объектива и осторожной доставкой его на бортъ шедшаго изъ Бостона парохода. Тамъ принялъ его г. Лундинъ, искусный помощникъ г-дѣ Кларкъ, которому было поручено сопровождать объективъ до Пулкова.

15-го іюня (ст. ст.) объективъ прибылъ въ Кронштадтъ, откуда немедленно на паровомъ баркасѣ перевезенъ въ Петергофъ. Изъ Петергофа по мягкимъ дорогамъ въ рессорномъ экипажѣ онъ шагомъ былъ доставленъ утромъ 16-го іюня въ Пулково.

Кронгласъ для 36-ти-дюймоваго объектива Лиекской обсерваторіи отливался 19 разъ. Объективъ стоилъ 100.000 руб. на наши деньги.

Самый большой изъ дѣйствующихъ объективовъ въ настоящее время—*сорокадюймовый* на обсерваторіи Іеркса близъ Чикаго.

Нельзя не упомянуть здѣсь, что за послѣдніе годы заводъ Цейсса въ маленькомъ германскомъ городкѣ Іенѣ началъ шифовать удивительные объекты новой конструкторіи г. Паули. Даже при небольшихъ размѣрахъ они даютъ на рѣдкость ясныя, отчетливыя изображенія, совершенно свободныя даже отъ признаковъ какой-либо окраски.

Труба служитъ астроному для изслѣдованія деталей и окраски различныхъ частей наблюдаемаго объекта, но однимъ разсматриваніемъ онъ не удовлетворяется. Ему все интересно положить на числа, все надо измѣрить. Поэтому-то всякая труба обыкновенно и снабжается особымъ измѣрительнымъ приборомъ, такъ называемымъ микрометромъ.

Изъ микрометровъ самый употребительный филиарный. Въ погѣ зрѣнія трубы расположено три нити: двѣ, напимѣръ, вертикальны, третья горизонтальна. Одна изъ вертикальныхъ нитей неподвижна, другая можетъ быть отодвинута отъ нея на различныя разстоянія. Направимъ трубу такъ, чтобы неподвижная нить коснулась одного края лунной горки, передвинемъ другую на другой край и мы измѣримъ въ извѣстныхъ единицахъ діаметръ горки. Но, конечно, труба должна быть такъ прочно поставлена, чтобы она ни на волосокъ не дрогнула во время измѣренія, чтобы неподвижная нить осталась на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы ее поставили.

Установка (монтажъ) рефрактора тоже важная сторона дѣла и стоитъ она дорого. Въ то время какъ въ меридіанномъ кругѣ труба движется только въ меридіанѣ, а наблюдатель ждетъ, когда звѣзда придетъ въ погѣ, а черезъ двѣ минуты потомъ, когда она пройдетъ, онъ уже болѣе не интересуется ею, наставляя трубу на другую—въ рефракторѣ, наоборотъ, наблюдаемый объектъ стараются удержать въ погѣ зрѣнія возможно дольше, чтобы разсмотрѣть его хорошенько. Здѣсь труба должна перемѣщаться за звѣздой, она должна вращаться, такимъ образомъ, вокругъ оси, параллельной оси міра. Самое движеніе большихъ трубъ производится часовымъ механизмомъ, регулируемымъ согласно со вращеніемъ небснаго свода.

Чтобы имѣть возможность поставить трубу на предметъ, который невидимъ невооруженнымъ глазомъ, невидимъ и въ трубу-искатель, сюда присоединены раздѣленные круги. Они позволяютъ повернуть трубу въ ту или другую сторону на опредѣленное число градусовъ и минутъ, указанное въ астрономическихъ таблицахъ.

Когда большая труба направлена на свѣтило, стоящее высоко на небѣ, ея окуляръ близко къ полу, наоборотъ—при наблюденіи свѣтила у горизонта приходится окулярную часть трубы слишкомъ поднимать. Отсюда высокія и сложныя лѣстницы въ различныхъ ярусахъ большой башни. Американцы устроились удобнѣе: въ Ликской обсерваторіи подъ 36-ти-дюймовымъ рефракторомъ, а теперь у Іеркса подъ 40-дюймовымъ самъ полъ поднимается и опускается гидравлическимъ давленіемъ по желанію наблюдателя, такъ что всегда приходится пользоваться одной только небольшой и удобной лѣстницей. Подобное приспособленіе имѣется также въ Европѣ на частной обсерваторіи общества «Уранія» въ Берлинѣ.

Темная, поздняя ночь. На черномъ небѣ сверкають звѣзды. Большой городъ спитъ; по крайней мѣрѣ на его окраинахъ давно уже тихо. Только на дворѣ одного дома въ глухомъ переулкѣ замѣтно нѣкоторое движеніе. Тамъ высится какое-то странное зданіе—какой-то огромный куполъ съ широкимъ прорѣзомъ. Въ черной пропасти, зіяющей оттуда, пробѣгаютъ непонятныя тѣни... Вдругъ все зданіе вздрогнуло, немного закрипѣло и двинулось.—Это обсерваторія... Астрономъ на своей ночной вахтѣ. Онъ покончилъ измѣреніе интересовавшей его двойной звѣзды, полуоткрылъ свой фонарь и хочетъ въ остатокъ ночи посмотрѣть еще Юпитера, за часъ поднявшагося на востокѣ. Его труба можетъ быть направлена на какое угодно мѣсто неба и въ соотвѣтствіе съ этимъ верхняя часть башни поворачивается кругомъ на всѣ 360°. Она поставлена на катки и съ помощью зубчатой передачи нѣсколькихъ колесъ движется прямо отъ руки довольно легко. При особенно большой башнѣ, какъ, на примѣръ, у 40-дюймаго рефрактора Іеркса, вращеніе производится электрическими моторами, а въ Ниццѣ извѣстный инженеръ Эйфель устроилъ изящную пловучую башню. Онъ сдѣлалъ кругомъ на стѣнахъ нижней части башни бассейнъ, наполнилъ его незамерзающимъ при обыкновенныхъ холодахъ растворомъ солей и опустилъ въ жидкость тяжелый куполъ, который, урегулированный еще катками, легко слушается руки наблюдателя.

Въ стремленіи уравнивать температуру помѣщенія, гдѣ стоитъ труба, съ температурой наружной и предоставить наблюдателю болѣе удобное положеніе, что, конечно, имѣетъ больше значенія на точность результатовъ, французскій астрономъ Леви предложилъ остроумную конструкцію ломанной трубы, такъ называемой *Equatorial coudé*. Одна часть ея неподвижна, она направлена по оси міра, другая вращается около нея, будучи направлена на опредѣленное свѣтило. Лучи отъ послѣдняго, принятыя объективомъ, отражаются рядомъ зеркалъ постоянно въ одномъ направленіи къ окуляру, находящемуся въ верхнемъ концѣ неподвижной части. Труба закрывается домикомъ, который во время наблюденія совсѣмъ сдвигается, такъ что инструментъ весь оказывается подъ открытымъ небомъ, но наблюдатель остается въ теплой комнатѣ и смотритъ въ окуляръ, не измѣняя своего удобнаго положенія

въ креслѣ. При построеніи этой трубы было высказано много недовѣрія чистотѣ и яркости изображеній, но оно оказалось неосновательнымъ. Удивительный по точности и красотѣ лунный фотографическій атласъ Loewy и Puisseux, превосходящій даже прекрасный Ликскій атласъ, составляется по снимкамъ, полученнымъ такой трубой на Парижской обсерваторіи.

Интересный приборъ построилъ директоръ Московской обсерваторіи проф. Цераскій. Онъ разрѣзалъ объективъ на двѣ половинки, сдвинулъ ихъ нѣсколько по тому диаметру, по которому былъ сдѣланъ разрѣзъ, и опять спаялъ. Каждая половинка даетъ свое самостоятельное изображение. Сдвигеніе половинокъ таково, что при наведеніи на солнцѣ въ тотъ періодъ, когда оно находится на наиболѣе близкомъ отъ земли разстояніи, получаютъ два диска, прикасающіеся другъ къ другу. При удаленіи отъ солнца видимые размѣры его уменьшаются, и два изображенія въ приборѣ проф. Цераскаго расходятся на разстояніе, въ два раза превосходящее сокращеніе радіуса диска. Всегда вдвойнѣ окажется и вообще всякое измѣненіе радіуса солнца. Приборъ проф. Цераскаго такимъ образомъ является наиболѣе простымъ и чувствительнымъ для рѣшенія интереснаго вопроса объ измѣненіяхъ радіуса солнца, если таковыя существуютъ.

Мериданный кругъ и рефракторъ являются основными инструментами, давно уже съ успѣхомъ примѣняющимися въ астрономической практикѣ. Но за послѣдніе сорокъ лѣтъ все болѣе и болѣе развивается также астрофотографія и астроспектроскопія, обогатившая насъ массой интересныхъ и важныхъ результатовъ.

Главнѣйшая особенность фотографической пластинки заключается въ способности суммировать дѣйствіе свѣтовыхъ лучей. Благодаря этому только, намъ стали извѣстны слабыя туманности, недоступныя даже гигантскимъ трубамъ, хвосты телескопическихъ кометъ, имѣющіе такое громадное значеніе для теоріи, открыто много астероидовъ, изслѣдовано нѣсколько звѣздныхъ скопленій и пр.

Чтобы лучи отъ фотографируемой части неба попадали во время длинной экспозиціи всегда на одно мѣсто пластинки, труба должна слѣдовать за вращеніемъ небеснаго свода; но какъ бы ни былъ хорошъ часовой механизмъ, положиться на него нельзя—всегда долженъ быть контроль. Поэтому фотографическій рефракторъ представляетъ собой двойную трубу. Два объектива заключены въ одну оправу, подъ однимъ фотографическая камера, подъ другимъ окуляръ. Поставивши трубу на звѣзду, наблюдатель все время смотритъ въ окуляръ. Въ полѣ зрѣнія его стоитъ тотъ же предметъ, который фотографируется рядомъ въ камерѣ. Особымъ ключемъ астрономъ правитъ трубой, не давая ей ни на волосокъ уйти впередъ или отступитъ отъ небеснаго свода.

Не вдаваясь въ подробности примѣненія спектроскопа, я напомнимъ здѣсь, что съ помощью его раскрытъ химическій составъ атмосферы

солнца и далекихъ звѣздъ, наблюдаются протуберансы—эти огненные фонтаны раскаленныхъ газовъ, бьющiе съ поверхности солнца, изслѣдуются движенiя свѣтилъ по лучу зрѣнiя. Особенно важные результаты получены за послѣднее время, когда спектры звѣздъ, въ общемъ очень слабыя, начали фотографировать. Тогда были, между прочимъ, открыты удивительныя системы двойныхъ звѣздъ, такiя тѣсныя, которыхъ раздѣлить мы никогда не сумѣемъ, ни въ какiе громадные телескопы. Спектроскопъ не только показалъ намъ ихъ, но онъ позволилъ выяснитъ характеръ ихъ движенiй, размѣры орбитъ, отношенiе массъ компонентовъ и пр.

Упомянемъ наконецъ еще о фотометрахъ, — приборахъ, служащихъ для опредѣленiя яркости свѣтилъ и ея измѣненiй, которыя имѣютъ большой интересъ, какъ непосредственно сами по себѣ, такъ и въ связи съ другими результатами физической астрономiи.

Выше я сдѣлалъ уже намекъ на то, что обсерваторiи строятся на окраинахъ города. Это дѣлается во избѣжанiе шума, пыли, загрязняющей воздухъ и портящей изображенiя, а также яркаго освѣщенiя, которымъ отличаются центры большихъ городовъ. Если обсерваторiя не имѣетъ непосредственной связи съ университетомъ, то ее вовсе предпочитаютъ вынести за городъ: такъ, Пулковская находится въ 17 верстахъ отъ Петербурга, Потсдамская, астрофизическая, въ 25 километрахъ отъ Берлина. За послѣднее время все болѣе и болѣе проявляется стремленiе на горы. Ликская обсерваторiя построена на горѣ Гамильтонѣ, на высотѣ 1.400 метровъ, отдѣленiе знаменитой обсерваторiи Гарвардскаго колледжа въ горахъ Перу—въ Арекипѣ, новая обсерваторiя въ Гейдельбергѣ — въ Кёнигштулѣ, на высотѣ 600 метровъ и пр.

Выгода для наблюденiй отъ этого несомнѣнная. Но для самихъ астрономовъ жизнь на горахъ, конечно, уже не такъ удобна, влѣдствiе удаленiя отъ умственныхъ центровъ, а часто и благодаря суровости климата. Обитатели Ликской обсерваторiи, напримѣръ, подолгу бываютъ отрѣзаны непогодой отъ всего мiра.

Нѣкоторыя обсерваторiи построены на снѣжныхъ вершинахъ съ специальной цѣлью, какъ, напр., обсерваторiя на Монбланѣ и обсерваторiя на Этнѣ, работы которой находятся въ непосредственной связи съ работами находящейся внизу Катанской обсерваторiи.

Чтобы сдѣлать заключительный общiй обзоръ сказаннаго о современныхъ наблюденiяхъ, удобно обратиться къ нашей Пулковской обсерваторiи, дѣятельность которой за послѣднiе годы обнимаетъ всѣ главнѣйшия задачи наблюдательной астрономiи. Главное зданiе этой обсерваторiи построено знаменитымъ В. Струве еще въ 1839 г., но до сихъ поръ въ достаточной степени удовлетворяетъ требованiемъ науки. Посрединѣ башня, въ которой стоитъ 14-дюймовый рефракторъ Мерца съ новой монтировкой Репсольдовъ—онъ употребляется, главнымъ образомъ, теперь

для микрометрическихъ измѣреній положеній кометъ, малыхъ планетъ и отчасти двойныхъ звѣздъ. Въ средней восточной башнѣ стоитъ фотографическій рефракторъ работы Репсольдовъ—на немъ фотографируются различныя части неба для уясненія разстояній звѣздъ отъ насъ, движеній спутниковъ около планетъ, звѣздныя кучи, туманности и пр. Въ западной находится старый инструментъ особой конструкціи, такъ называемый гелиометръ. Между западной и средней башнями—меридіанный залъ. Тамъ стоитъ меридіанный кругъ. На противоположной сторонѣ между средней и восточной башнями два зала съ инструментами, родственными меридіанному кругу, но подѣлившими между собой задачи послѣдняго. На одномъ изъ этихъ инструментовъ опредѣляется только время прохожденія звѣздъ черезъ меридіанъ, на другомъ соотвѣтственныя высоты. Результаты, получаемые ими, чрезвычайно точны; они считаются лучшими во всемъ свѣтѣ. При составленіи, такъ называемаго Фундаментальнаго каталога,—каталога наиболѣе яркихъ звѣздъ, служащихъ основаніемъ при опредѣленіи положеній другихъ звѣздъ,—имъ было дано преобладающее передъ всѣми значеніе. Сзади стоитъ башня большого рефрактора, поставленнаго въ 1885 году. Прежде онъ служилъ также для микрометрическихъ измѣреній. Германомъ Струве были сдѣланы удивительныя поточности измѣренія системы спутниковъ Сатурна, спутниковъ Нептуна и двойныхъ звѣздъ, теперь на немъ, главнымъ образомъ работаетъ со спектрографомъ астрофизикъ Бѣлопольскій, открывшій, нѣсколько интересныхъ тѣсныхъ двойныхъ звѣздъ и прослѣдившій движеніе въ этихъ системахъ, онъ изслѣдуетъ вращеніе солнца по зонамъ и пр. Къ главному зданію примыкаетъ сзади отдѣленіе съ инструментомъ для опредѣленія колебанія земной оси и абераціи, есть нѣсколько отдѣльныхъ башенокъ, въ одной изъ которыхъ стоитъ фотометръ. Послѣднимъ покойный астрономъ Линдеманъ сдѣлалъ много опредѣленій яркости звѣздъ. Наконецъ невдалекѣ тутъ есть еще небольшая обсерваторія Главнаго Штаба, предназначенная для обученія офицеровъ-геодезистовъ подъ руководствомъ профессора изъ числа пулковскихъ астрономовъ.

Соображая, какихъ громадныхъ денегъ стоятъ астрономическія обсерваторіи и не видя непосредственной практической пользы отъ нихъ, пожалуй, кто-нибудь спроситъ, да имѣетъ ли астрономія право рассчитывать на такую поддержку правительства и щедрое вниманіе частныхъ лицъ. Я рѣшаюсь сказать прямо: «имѣетъ». Отрѣшавсь даже совершенно отъ практическихъ выгодъ, которыя приносятъ намъ астрономическія свѣдѣнія, регулируюція наше счисленіе времени и необходимыя при построеніи картъ, а также ориентировкѣ на морѣ въ далекихъ плаваніяхъ, опуская все это, останавливаясь только на идеальной сторонѣ великой науки, мы должны быть благодарны ей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ съ помощью ея вырабатывается наше представленіе о вселенной! Земля уже давно не въ центрѣ, эта маленькая планетка вращается вмѣстѣ съ другими около громаднаго солнца, горячаго, ки-

иящаго, въ атмосферѣ котораго въ парахъ плаваютъ желѣзо и другіе тяжелые металлы, но и оно не стоитъ, а со всѣмъ кортежемъ несется въ мировомъ пространствѣ, вѣроятно вращаясь около какого-нибудь новаго центра, вокругъ котораго движутся и многія тысячи изъ безконечнаго числа звѣздъ. А эти звѣзды тоже солнца, одни только что возникающія, другія уже потухающія, есть и потухшія. Нѣкоторыя группируются въ большія скопленія, тамъ стелется полена туманностей, первобытная матерія, изъ которой, быть можетъ, возгорятся новые міры. Астрономія наноситъ ударъ за ударомъ пустому самолюбію, тщеславію человѣка. Онъ не имѣетъ теперь даже того утѣшенія, что наша солнечная система представляетъ собой, по крайней мѣрѣ, прототипъ для всѣхъ другихъ, что жизнь послѣднихъ пойдетъ такъ, какъ для нашей. Есть теоретическія изслѣдованія, которыя показываютъ, что наша солнечная система является скорѣе исключеніемъ, что однородный туманъ, вращаясь около нѣкотораго центра, при сгущеніи, не будетъ отдѣлять небольшія планеты, въ миллионъ разъ меньшія, чѣмъ центральное солнце, а раздѣлится на двѣ части, только немного отличающіяся другъ отъ друга по величинѣ. И дѣйствительно, на небѣ все болѣе и болѣе открываютъ такъ называемыхъ двойныхъ звѣздъ.

Астрономія показала намъ также однообразіе состава матеріи во вселенной и раскрыла общность законовъ ея. Это глубокое философское значеніе науки даетъ ей право на вниманіе, а интересъ къ ея результатамъ обуславливается живой потребностью нашего духа, который хочетъ «знать». Стремленіе къ знанію для него такъ же необходимо, какъ пища для тѣла, и въ этомъ смыслѣ астрономія является наукой жизненной, какъ всякая, если только не больше, социальная, нормирующая отношенія въ живомъ обществѣ.

Не пожалѣемъ мы о тѣхъ тысячахъ, которыя пошли на устройство обсерваторій, а пожелаемъ только, чтобы онѣ помогли побольше вырвать тайны у природы, уяснить общіе законы, господствующіе во вселенной.

К. Покровскій.

КЪ ВЕСНѢ.

I.

П о г о д и!

Какъ севозь туманное оконце
Улыбка милой въ ранній часъ,—
Изъ мглы морозной нынче солнце
Уградой глянуло на насъ.

И что-то манить, и тревожить,
И гонить сумракъ зимнихъ сновъ...
И сердце больше ждать не можетъ
Тепла, и свѣта, и цвѣтовъ!..

О, разгорайся ярче, солнце,
Скорѣй на небо выходи!..
Оно жь, какъ милая въ оконце,
Мигаетъ: выйду—погоди!

II.

С ж о р о.

Какъ мертвыя волны,
Повсюду бѣдѣють снѣга;
Подъ ними безмолвны
Ручьи, и холмы, и луга.
Какъ черная сѣтка,
Безжизненно роца сѣвзозить,
И солнышко рѣдко
Съ туманнаго неба глядитъ...

Но чудное что-то
Струится въ звенящей дали;
Тревожна дремота
Закутанной въ саванъ земли...
И только коснется
Къ ней трепеть волшебной струи,—
Природа проснется
Для пѣсенъ, цвѣтовъ и любви...

А. Колтоновскій.

КАБАТЧИКЪ ГЕЙМАНЪ.

Стукъ въ запертую дверь кабака становился всё рѣже, неувереннѣе и, наконецъ, совсѣмъ затихъ.

Супруги Гейманъ тоскливо прислушались, переглянулись долгимъ томительнымъ взглядомъ, и какъ бы боясь докончить не высказанную взоромъ мысль, какъ бы боясь, что слово, выпѣвшее на сердцѣ и томившее языкъ, сорвавшись, совсѣмъ добьетъ ихъ, опять углубились въ прерванную стукомъ работу, не проронивъ ни слова.

Было 12 часовъ ночи 31-го декабря 189... года, канунъ введенія водочной монополіи. Большой залъ кабака, закрытый со всѣхъ сторонъ сырыми стѣнами и удлиненный фантастическими тѣнями опрокинутыхъ на спину столовъ и сложенныхъ въ горку стульевъ, мрачно выглядывалъ въ печальномъ освѣщеніи догоравшей висячей лампы. Изъ грязнаго пола и стѣнъ поднимались и насыщали острый сивушный воздухъ кабака тяжелыя чесночныя испаренія, смѣшанныя съ какой-то пронизывающей сыростью. Въ казанкѣ догорала зола, и слышно было, какъ въ его трубахъ гулялъ вѣтеръ. Напротивъ выходныхъ дверей стояла стойка, на которой валялись старыя пробки, черствыя кусочки солдатскаго хлѣба, сухія маслины, перемѣшанныя съ тутъ же разсыпанной толстой солью, и ломтики просоленныхъ огурцовъ. Сзади стойки помѣщался такъ называемый буфетъ, теперь опустошенный, на которомъ задавала пиръ шайка таракановъ, расположившись на заржавѣломъ, безъ ручки, ножѣ. Буфетъ и стойку замыкали козлы, на которыхъ стояли двѣ пустыя бочки, безъ крановъ, старыя, отжившіе свидѣтели бывшаго здѣсь вѣчно праздника веселья и многихъ тайнъ кабацкой жизни. На полу въ беспорядкѣ валялись побросанные и разставленные штофы, бутылки, рюмки, тарелки, ящики отъ пива, исписанныя счетами бумажки и какая-то, не сразу опредѣлявшаяся куча хлама изъ картузовъ, сапоговъ, пиджаковъ и всякаго другого тряпья.

И по среди всѣхъ этихъ обломковъ вчерашней жизни, какъ дополненіе къ картинѣ разрушенія, двѣ копошащіяся фигуры стараго порядка, кабатчики супруги, сортировавшіе молча и сосредоточенно погубленное добро, за которое еще можно было кое-

что выручить. Тихо и важно шла работа. Аниска Гейманъ, полный человекъ, но замѣтно осунувшійся, съ картузомъ на головѣ, козырекъ котораго почти лежалъ на его добродушныхъ глазахъ, теперь помертвѣвшихъ отъ отчаянія, связывалъ длинной веревкой столы и стулья, поминутно крехтя и сопя отъ натуги, а Маня, жена его, разложивъ на другомъ концѣ кабака, на полу грязную простыню, сваливала въ одну вучу рюмки и картузы, и пиджаки, и тарелки, лезая нѣ колѣняхъ, чтобы достать ту или другую вещь. И ея лицо осунулось и испещрилось тѣми линиями, которыя говорятъ о свѣжемъ нагрянувшемъ горѣ. Она лазила, вскакивала, присаживалась, погруженная въ одну только мысль сдѣлать хорошо, по-хозяйски, то, что нужно было сдѣлать. Аниска же ни о чемъ не думалъ и только страдалъ. Онъ страдалъ, связывая веревками стулья, страдалъ, когда глядѣлъ на работу Маня, страдалъ отъ каждаго движенія своего, отъ каждаго шага, потому что все это влонилось къ одному, къ разрушенію его гнѣзда.

Впродолженіи полугода оффиціально даннаго срока, онъ ежедневно давалъ себѣ слово предпринять что-нибудь для защиты отъ грозившей бѣды, но до того былъ убитъ, испуганъ, растерянъ, что до послѣдняго дня не переставалъ метаться, не умѣя ничего сообразить, и только чувствовалъ, что пришелъ ему конецъ. Маня, растерявшаяся не меньше его, приходила въ отчаяніе отъ его разговоровъ, распросовъ, которые мучили и пугали ея забитую голову, не знавшую ни на что толковаго отвѣта. Знакомые ихъ, тѣ же кабатчики, приходили, совѣтовались, толковали обо всемъ въ мірѣ, перебирали тысячи исторій, но расходились ни съ чѣмъ, ибо въ началѣ даже не предвидѣлось какимъ такимъ дѣломъ, ремесломъ, торговлей ли или чѣмъ-нибудь другимъ можно начать заниматься, когда нѣтъ ни въ чемъ опыта, знанія, пониманія чего-либо другого, что не есть водка, шкаликъ, патентъ, закуска. И результатомъ отъ этихъ собраній была еще большая смута и ужасъ и какое-то безнадежное одервенѣніе. Аниска со всѣми соглашался, не спорилъ, находясь въ остолбенѣніи, и только кивалъ утвердительно головой, когда говорили о лавкахъ табачныхъ, бакалейныхъ, галантерейныхъ, готоваго платья и Богъ знаетъ еще о чемъ; когда настаивали, что хорошо было бы, если бы авторъ проекта водочной монополіи сгорѣлъ и бумаги этого проекта сгорѣли, но сердцемъ онъ чувствовалъ, что все это не то, что наступилъ конецъ, конецъ, конецъ.

Между тѣмъ время не стояло и наступило наконецъ 31 декабря. Аниска забился, какъ птица, раненая во время полета, и всѣ его дѣйствія въ этотъ ужасный день вплоть до его ухода изъ кабака навсегда, только по виду походили на что-то разум-

ное, но въ сущности онъ падалъ, какъ и та подстрѣленная птица, безсознательно, можетъ быть, еще пытаясь что-то сообразить, но съ несомнѣннымъ и не уничтожимымъ чувствомъ боли.

Было уже два часа ночи, когда усталые супруги окончили работу. Аниска, прежде чѣмъ потушить коптившую лампу и замѣнить ее свѣчей, которую носилъ въ карманѣ пиджака, еще разъ тревожно обѣжалъ всѣ углы кабака, мысленно простился со всѣмъ прошлымъ и, не найдя ничего стоящаго вниманія, подхватилъ съ помощью Мани приготовленный изъ всякой всячины узелъ, отворилъ дверь и вышелъ на улицу. Маня на минуту оставила узелъ, повѣсила замокъ на дверь и по привычкѣ прислушалась, не остался ли кто въ кабакѣ. Поймавъ себя на этомъ, она пожала плечами и съ сердцемъ взялась за тюкъ. Аниска движеніемъ живота подтянулъ штаны и съ какимъ-то стыдомъ, точно онъ былъ виновникомъ введенія монополіи, взялся за другой конецъ и задумчиво заговывалъ за ней.

И такъ какъ они пошли, раскачиваясь и мѣшая другъ другу. Было холодно и сухой снѣгъ глухо вздыхалъ подъ ногами однообразно и безстрастно. На улицѣ было тихо и мертвенно свѣтло, и сѣнный рядъ домовъ, сдавливавшій желаемый сердцемъ просторъ, пугалъ воображеніе своей важной молчаливостью и, казалось, таинственно переговаривался съ синимъ бархатнымъ небомъ о грядущемъ. Звѣзды беззаботно переливались гдѣ-то вдалекѣ, равнодушныя къ скорбной землѣ, и облитыя серебряными лучами луны, иногда перелетали съ мѣста на мѣсто, оставляя на небѣ мгновенную, точно проведенную мѣломъ дугу. Гдѣ-то сторожъ билъ въ колотушку и казалось, что это аистъ лопочетъ, готовый тронуться въ дальній путь. И странно, и чудно пронесся этотъ звукъ въ холодномъ, неподвижномъ воздухѣ заснувшей улицы.

Аниска, лѣниво поддерживая узелъ, не раскрывалъ рта, глядѣлъ кругомъ себя, и все казалось ему какимъ-то новымъ, впервые увидѣннымъ. Согнувшаяся на бокъ подъ тяжестью фигура Мани, низенькая, худенькая, завернутая въ шаль, смѣшно раскачивалась въ поискахъ за равновѣсіемъ, и онъ думалъ, глядя на нее, что монополія хуже сгибаетъ и никогда отъ нея нельзя подняться.

— Иди скорѣе, — прервала Маня его размышленія, — а то я упаду. Я уже не въ силахъ тащить.

Она на мгновеніе остановилась, чтобы передохнуть. Больное скверное сердце било, какъ молотъ, въ ея тщедушную грудь, а въ затылкѣ ломало, точно кто-то раздавливалъ позвонки. Когда они опять пошли, Аниска попробовалъ заговорить о дѣлахъ. Но на поворотѣ ихъ встрѣтилъ городской съ поста Андрей и оста-

новилъ. Супруги замолчали, а Маня, покосившись на мужа, прошептала:

— Его еще не хватало теперь,

Андрей поздоровался и, какъ старый знакомый, сталъ рассказывать Анисеѣ о томъ, что этой ночью была облава въ почлежкѣ и отырыли бѣглаго каторжника. Маня толкнула Аниску, чтобы онъ шелъ домой, но тотъ, чувствуя потребность поговорить о своихъ дѣлахъ съ свѣжимъ человѣкомъ, отослалъ ее, увѣряя, что сейчасъ придетъ. Потомъ, когда она ушла, они сѣли вдвоемъ у чьихъ-то воротъ на лавочкѣ и, заговоривъ о монополіи, закурили: Аниска папиросу, а Андрей трубку.

Вечеръ былъ суровый и холодный. Съ моря дулъ рѣзкій вѣтеръ и падалъ хлесткій, мелкій, какъ соль, снѣгъ. У Аниски казанокъ и трубы, выходившіе въ чей-то чужой дворъ, черезъ заднюю стѣну, раскалились до красна. На казанкѣ кипѣлъ, нарочно брошенный для очистки воздуха, кусочекъ сахара. Аниска, стоя посреди комнаты и держа малюсенькаго Шайку на рукахъ, съ нетерпѣніемъ слушала что-то говорившую Маню. Исаакъ, старшій мальчикъ Геймана, сидѣлъ у окна и вырѣзывалъ корову изъ газетной бумаги и каждый разъ озабоченно вскидывалъ глазами то на отца, то на мать, и въ глазахъ его виднѣлась тревога и страхъ. На деревянной большой кровати Соньба съ Шлемкой играли въ камешки, а немного поотдалъ отъ нихъ, раскраснѣвшись отъ теплоты, спала самая маленькая—Роза. Около матери пріютился Абрамчикъ и дергалъ ее за юбку, требуя чего-то однообразнымъ хнычущимъ голосомъ.

— Не лети,—повторила Маня, не обращая вниманія на Абрамчика.—Одинъ есть никто. Еще есть, слава Богу, люди, еще есть большой свѣтъ и свѣтъ еще не упалъ. Смотрѣть на то, что другіе убиты и плачутъ! Я еще не потеряла надежду. У насъ есть 300 рублей, и ты только крикни и у тебя будетъ сто дѣлъ. Возьми уже его отъ меня, я сегодня останусь безъ сердца!

— Сахаръ, сахаръ, сахаръ!—хныкалъ Абрамчикъ.

— Хорошо,—согласился Аниска,—будетъ сто дѣлъ. Развѣ я не знаю, что на свѣтѣ много дѣлъ? Я не пальцемъ сдѣланъ. Хорошо, но есть одинъ,—такъ онъ сапожникъ, другой портной,—ты уйдешь отъ нея, Абрамчикъ? ну уйди же, я тебѣ говорю; ты не можешь отогнать его, Маня; ударь его такъ, чтобы отъ него отпалъ кусокъ руки—я говорю, одинъ банкиръ, другой купецъ. Что же я? Чѣмъ я занимался? Чему меня учили? Въ какомъ дѣлѣ я работалъ? Такъ о чемъ же ты говоришь? Ты уйдешь, Абрамчикъ?

— Сахаръ, сахаръ,—однообразно жужжалъ мальчикъ.

— Абрамчика ты таки переспоришь!—воскликнула Маня.

Аниска хотѣлъ было посадить Шайбу на кровать, но тотъ заревѣлъ благимъ матомъ и уцѣпился руками за его жилетку.

— Что ты еще хочешь?—разсердился Аниска;—такой свер-
ный мальчикъ. Ну сиди уже у меня, только не кричи. Не кричи же,
собака. Вотъ я тебя черезъ окно во дворъ выкину. Не кричи же.
Вы идете тамъ, городской? Ну, не нужно, Шайка уже замолчалъ,
онъ уже хорошій, очень хорошій мальчикъ.

— Э, что ты мнѣ рассказываешь,—возразила Маня и вдругъ,
не вытерпѣвъ, отбросила отъ себя Абрамчика.

Абрамчикъ какъ будто этого ждалъ. Онъ бросился на землю
и сталъ орать и топтать ногами, какъ бѣшенный, и сейчасъ же
весь посинѣлъ.

— Ну, ну, колоти его самъ,—разсердилась Маня,—надѣлил
ты меня разбойникомъ...

— Исакъ,—раскричался Аниска,—вытащи его, сейчасъ же
вытащи его, или я его убью. Замолчи, воръ, чортъ, нечистый...

Онъ подбѣжалъ къ катавшемуся по полу мальчику и два
раза съ наслажденіемъ ударилъ его носкомъ своего башмака въ
бокъ.

— Если бы они хоть умерли, и то было бы легче!—прокри-
чалъ онъ.

— Только ногами нужно бить!—возмутилась Маня. — А,
пусть у того ноги отсохнутъ, кто бьетъ ногами ребенка. У твоего
отца тебя такъ учили. Разбойникъ!..

Она подошла съ Исакомъ къ ребенку и дала ему сахару.
Исакъ заботливо и нѣжно поднялъ его съ пола и, что-то шепча
на ухо, повелъ въ сосѣднюю комнату.

— Э, что ты мнѣ рассказываешь,—повторила Маня черезъ
нѣсколько минутъ,—если есть деньги, то ничего знать не нужно.
У насъ вѣдь есть 300 рублей. Вѣдь 300 рублей—это миллионъ
денегъ. На нихъ можно даже 3 лавки открыть. Вотъ, напримѣръ,
первое: лавка со сладостями. Что нужно для этого? Варить медъ.
Снимемъ помѣщеніе, сдѣлаемъ красивую выставку, купимъ орѣхи,
миндаль, халву. Потомъ еще одну такую лавку откроемъ. Потомъ
третью такую лавку откроемъ, потомъ четвертую... Смотри-ка,
Аниска, какъ у меня руки расчесались. Нужно будетъ уже опять
къ Басѣ пойти. Каждый разъ у меня на новомъ мѣстѣ чешется.
Отъ меня уже скоро ничего не останется.

— Когда ты уже умѣешь медъ варить,—возразилъ Аниска,
укачивая засыпавшаго Шайбу,—то я могу совершенно сѣсть на
стулъ. Я могу уже пойти плясать по улицамъ отъ радости. Съ
тобой только съ ума сойти можно!

— Не нравится тебѣ, такъ можно что-нибудь другое. Купи

баржу. Только купи и мы разбогатѣемъ. Будешь уголь перевозить, песокъ, камни, доски, воловъ... Посмотри-ка, Исаѣ, что это Сонька расплакалась?

— Баржу, баржу,—передразнилъ Аниска, улыбаясь осторожно Шайку на кровать,—тише Сонька, ты его разбудишь.— У тебя голова министра. Почему ты уже лучше могла не выдумала? Я имѣлъ баржу, я видѣлъ когда-нибудь баржу, я знаю, съ чѣмъ это кушаютъ?

— Ну, покупай старое желѣзо! Только я должна выдумывать. Что я—Богъ? Все тебѣ не нравится. Ты у своего отца лучше слышалъ? Видѣла ты такого помѣщика... Тебѣ нужно было бы другую жену имѣть, такъ тебѣ бы уже все нравилось. Ну, знаешь что? Поѣдемъ въ Турцію. Тамъ мы опять кабакъ откроемъ и вонецъ.

— Можетъ быть, ты бы уже перестала говорить, Маня. Вѣдь съ тобой нужно имѣть желѣзное сердце. Я даже не знаю, что тебѣ отвѣтить. Что же? Мы будемъ разговаривать; ты скажешь одно, я—другое, и изъ этого ничего не выйдетъ. Оставь меня хоть немного въ покоѣ. Въ головѣ у меня уже такъ шумитъ, будто тамъ сто мухъ сидитъ. Пусть мы немного помолчимъ.

— Хорошо, хорошо,—обидчиво возразила Маня,—я знаю, что тебѣ ни слова нельзя сказать. Что это первый разъ? Ты всегда былъ такимъ и покойная мать твоя не любила тебя за то. Отчего ты не спрашиваешь, шумитъ ли у меня въ головѣ? Такая, такая больная. Сосѣдки меня больше жалѣютъ, чѣмъ ты. Какую болѣзнь я не имѣю? Сердце больное, ногѣ хромя, больная и такая чесотека, что я изъ желѣза, если выдерживаю. И столько больныхъ дѣтей на моихъ рукахъ. А я вовсе не жалуюсь. Оставь ты меня уже лучше въ покоѣ. Дѣти, идите спать. Исаѣ, раздѣнь ихъ.

Она со слезами отвернулась, а Аниска почесалъ затылокъ, молча усѣлся на мѣстѣ Исака, и машинально сталъ рѣзать ножницами газетную бумагу.

— Ты уже навормила дѣтей?—наконецъ произнесъ онъ.

— Пусть это тебя не трогаетъ,—отвѣтила Маня, не повернувъ головы.—Добрый ты сдѣлался. Лучше бы жену свою пожалѣлъ!

— Что ты говоришь, Маня,—онъ бросилъ ножницы,—развѣ я тебя не жалѣю, что ты только говоришь? Ну, не сердись уже. Знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Уложи дѣтей спать и пойдѣмъ въ Азрилю. Можетъ быть, мы тамъ что-нибудь узнаемъ новаго...

— Иди самъ къ Азрилю!

— Нѣтъ, нѣтъ, Маня, я не пойду одинъ. Зачѣмъ намъ скучать весь вечеръ? Пойдемъ къ людямъ, поговоримъ, послушаемъ. Пойдемъ, Маня!

Маня вспомнила, какая пріятная жена у Азриля, и рѣшила согдаситься.

— Помоги же Исаку раздѣть дѣтей, а я ихъ уложу.

И они втроемъ начали хлопотать. Черезъ полчаса дѣти уже спали. Аниска и Маня одѣлись и, наказавъ Исаку, чтобы онъ присматривалъ за дѣтьми и былъ остороженъ съ лампой, отправились.

Аниску всрѣтилъ самъ Азриль, устроилъ его за мужскимъ столомъ, Маню провелъ въ другую комнату, гдѣ сидѣли женщины. Въ мужскомъ отдѣленіи стоялъ шумъ отъ голосовъ, а воздухъ и теплота были невыносимы. За столомъ сидѣло нѣсколько чело-вѣкъ и нѣкоторые изъ нихъ были ему знакомы. Сидѣли, какъ по-пало, кто въ шапкѣ, кто въ пальто и вообще не церемонились. Какъ только Аниска усѣлся, его перехватилъ кабатчикъ Нухимъ, испуганное, худенькое существо, и сейчасъ же сталъ шептать ему о разныхъ ужасахъ, происходившихъ съ кабатчиками. Выходило такъ, что кабатчики убили всякую торговлю. Они бросались къ лавкамъ и разорали себя и коренныхъ лавочниковъ; они бросались къ хлѣбу и разорялись, разоряя другихъ. Конкуренція горѣла въ городѣ и сжигала всякаго, кто начиналъ дѣло. И получалась такая картина ужаса и горя, что, казалось, городъ обратился въ кладбище и люди мертвыми падали на улицахъ, какъ во время эпидеміи.

Нухимъ все шепталъ, каждый разъ смачивая большой и указательный палецъ слюной, точно онъ собирался сдавать карты, и большой глазъ его слезился отъ волненія. Аниска внимательно слушала, но чей-то громкій голосъ каждый разъ заглушалъ шепотъ. Раздосадованный, но и заинтересованный, онъ, наконецъ, оглянулся и узналъ Мотю „шойхета“. Загнувъ рукава, такъ что видна была крѣпкая обросшая вѣсть руки, Мотя, съ круто спускавшимся носомъ, загороженнымъ отъ рта парюю густыхъ сѣдоватыхъ усовъ, ораторствовалъ, увѣренный, что говорить то самое, что нужно и что есть сама мудрость. Его могучія плечи высокаго чело-вѣка безпрестанно двигались, поддерживая огромную голову съ низко выстриженными волосами, оставленными пучками у висковъ. Онъ легко раздражался и тогда лицо его скашивалось на бокъ, какъ бы отъ невыносимой боли, а лобъ покрывался неисчислимыми морщинами и такими глубокими, что въ нихъ спрятались бы пальцы ребенка.

— Вотъ вы скажите, — обращался онъ поочередно ко всѣмъ глазами, словно передъ нимъ сидѣли мудрецы, а не простые кабатчики, — гдѣ тутъ есть смыслъ, и я вамъ дамъ себя въ куски изрѣзать.

Онъ краснорѣчиво помолчалъ, внимательно разсматривая крош-

ви хлѣба, которыя перебирала его рука, и, достигнувъ эффекта своимъ молчаніемъ, продолжалъ:

— Гдѣ смыслъ,—гаркнулъ онъ громче, морща свой удивительный лобъ, вдругъ обвисшій толстыми желваками изъ собранной кожи,—въ созданіи монополіи для трезвости народа? И, наконецъ, что означаетъ? Одно изъ двухъ: или вы хотите, чтобы онъ былъ трезвъ, уничтожьте водку, но уничтожьте и чтобы 5 капель не нашлось во всей Россіи. Или вы хотите, чтобы онъ пилъ, не говорите о трезвости и не отнимайте у людей хлѣба.

— Хорошо,—пробурчалъ кто-то,—очень хорошо!

— Оставимъ трезвость,—грозно оглянулъ онъ слушателей и искривилъ лицо.—Подойдемъ къ этому дѣлу съ другой стороны, но держите въ умѣ трезвость, ибо она намъ еще нужна будетъ. Я вамъ пока скажу, что тутъ политика, но это еще мое дѣло, и походите. Мы выйдемъ, какъ масло на водѣ.

Слушатели передохнули, откашлялись, отфырвались, предчувствуя что-то очень вкусное. Чахоточный бакалейщикъ, зять Азриля, хотѣлъ что-то вставить, но Мотя, какъ орелъ наблюдавшій за всѣми, поймалъ его въ тотъ моментъ, когда онъ собирался раскрыть ротъ, и, скорчивъ лицо, точно ему вырвали зубъ, проговорилъ умоляюще, но съ нетерпѣніемъ.

— Прошу васъ, прошу васъ, сидите тихо. Вы вѣдь еще не выслушали. Подождите, я вамъ что-нибудь скажу сейчасъ.

Всѣ глаза устремились на Мотю, цѣпко державшаго бакалейщика за воротъ.

— Мой отецъ,—началъ онъ,—когда я женился и долженъ былъ перейти жить къ тестю, на прощаніе далъ мнѣ одинъ совѣтъ, который я поклялся всегда исполнять. Сынъ мой, сказалъ онъ мнѣ, я сдѣлалъ для тебя все, что долженъ сдѣлать отецъ и это я не считаю заслугой. Всякій отецъ дѣлаетъ то же самое. Но одно я долженъ дать тебѣ, что не всякій сынъ получаетъ, и это послужить тебѣ хорошо въ жизни. Когда ты выйдешь отъ меня, то всю жизнь старайся помнить, что я далъ тебѣ здоровое сердце и не портъ его никогда на пустыя препирательства. Въ жизни будетъ довольно настоящихъ огорченій для этого.

Вся компанія засмѣялась, а онъ, отпустивъ воротъ бакалейщика, поглядѣлъ на слушателей съ плутовской улыбкой въ глазахъ.

— О чемъ же я говорилъ?—началъ онъ опять, когда всѣ успокоились, но замѣтивъ раскрывшійся ротъ Азриля, быстро самъ отвѣтилъ:

— Да, такъ мы подойдемъ къ дѣлу съ другой стороны. Если,—рѣзко началъ онъ отчеканивать,—какой-нибудь человекъ почему-либо захочетъ лишиться себя жизни на моихъ глазахъ, отвѣчайте, могу ли я помѣшать ему? Вы скажете, да, и я тоже это скажу. По-

дождите же, спрашивается, какъ? Если,—запѣлъ онъ, закрывая глаза и выдѣлывая удивительныя штуки рукой въ воздухъ,—онъ, напримѣръ, захочетъ броситься въ воду, я схвачу его за руку и буду съ нимъ бороться до тѣхъ поръ, пока у него перекипитъ въ душѣ, а можетъ быть я позову городского и тотъ отправить его въ полицію. Если, напримѣръ, онъ захочетъ застрѣлиться, я силой отниму у него пистолеть и, конечно, осторожно, чтобы онъ не выстрѣдилъ въ меня.

Онъ обождалъ, пока тутъ засмѣялись, и продолжалъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Ну, а если я имѣю аптеку и онъ придетъ просить у меня яда, что я тогда сдѣлаю? Я сдѣлаю все, чтобы отговорить его. Но если это не поможетъ, а? Тогда,—торжественно закончилъ онъ,—чтобы не допустить его пойти къ другому, который, можетъ быть, дастъ ему ядъ, я отпущу самую маленькую капельку и разбавлю ее въ большой водѣ. Слушайте же, тутъ весь умъ лежитъ. Ко мнѣ приходитъ человѣкъ и говоритъ: дай мнѣ водку. Водка—ядъ, я согласенъ. Что же мнѣ дѣлать? Отказать,—но онъ пойдетъ къ другому и напьется здѣсь или тамъ. Тогда я даю ему ядъ въ большой водѣ. И тутъ мы стоимъ уже у трезвости. Всѣ кабатчики въ продолженіи многихъ лѣтъ отучали понемногу человѣка отъ крѣпкаго яда и они дѣлали трезвость. Но гдѣ же, я спрашиваю, тутъ трезвость, тутъ, когда я даю ему самый крѣпкій ядъ и беру за это съ него дороже?

Слушатели вздохнули отъ облегченія и каждый произнесъ что-то одобрительное. Только одинъ изъ нихъ, Давыдка громко сказалъ:

— Вотъ оттого и отняли, что мѣшали водку съ водой. Когда пьяница напьется, ему водка не нужна и у него могутъ остаться деньги на что-нибудь другое. Но если ему дадутъ слабую водку, онъ все пропиваетъ. И ничего не ѣстъ.

Всѣ встрепнулись и ожидали, что скажетъ Мотя. Но онъ, поднявъ голову, уже обвивалъ бархатнымъ кошачьимъ взглядомъ его коротенькую фигурку.

— Хорошо! Вы слышали, что онъ сказалъ, хорошо слышали? Правъ, совершенно правъ! Рассказываютъ, что нѣкогда жило на свѣтѣ двое сватовъ. Одинъ изъ нихъ былъ умный, а другой придурковатый и со скверной головой. Вели они всѣ дѣла свои вмѣстѣ и у каждого была своя роль. Умный дѣйствовалъ, а придурковатый во всемъ ему поддакивалъ. Хорошо. Однажды нужно было сосватать горбатую, хромую, но очень богатую невѣсту одному бѣдному, но ученому мальчику. Пошли оба свата къ отцу жениха и стали сватать. „Есть ли у нея деньги?“—спросилъ отецъ. „Конечно есть“,—отвѣтилъ умный. „Вотъ столько“,—поддержалъ

придурковатый и разнялъ руки, будто хотѣлъ обхватить самую большую кассу въ мірѣ. „Хорошо,—сказалъ отецъ,—а красива ли она?“ „Ничего себѣ,—скромно отвѣтилъ умный,—только у нея чуть-чуть талія не въ порядкѣ“. „Какое немножко,—подхватилъ придурковатый,—у нея вотъ такой горбъ“. И онъ всталъ и поднялъ руки такъ высоко надъ головой, точно онъ большаго горба не видалъ въ своей жизни.

Мотя замолчалъ и, откинувшись назадъ, изогнулъ спину, какъ котъ, собравшійся прыгнуть.

Маленькіе, блестящіе глазки быстро засѣгали по лицамъ восхищенныхъ слушателей и, остановившись на злополучномъ Давыдѣ, вдругъ засверкали страннымъ металлическимъ блескомъ.

Томительный мигъ прошелъ и онъ опять смотрѣлъ ласково, обливая бархатомъ чуть-чуть близорукихъ глазъ притихшую компанію.

— Отвѣчайте же,—надулъ онъ опять желваки и поставивъ передъ собой растопыренную пятерню, точно онъ къ ней и обращался,—много воды вы подлили въ бочку? Если „тамъ“ говорятъ, что вы продавали слабую воду, то на это можно еще отвѣтить, но вамъ, какъ тому свату, мало: вотъ такой горбъ у нея.

Всѣ весело разсмѣялись, а Давыдеа спрятался за спину Аниски.

А Мотя продолжалъ пѣвучимъ голосомъ:

— Въ чемъ же тутъ дѣло? Вотъ тутъ мы подходимъ къ политикѣ, но не сейчасъ еще. Не надо намъ, говорятъ они себѣ, имѣть 2000 или 3000 посредниковъ для продажи воды, когда мы сами можемъ ими быть. Вы, говорятъ они, брали за ведро у народа по 10 руб., а мы возьмемъ только 6 или 7, а остальное оцается у пьяницы.

Онъ закачался, запѣлъ и, извиваясь, какъ змѣя передъ слушателями, показывая одни только бѣлки, задвигалъ самымъ удивительнымъ образомъ пятерней.

— Такъ первое,—пѣлъ онъ,—вышла трезвость. А второе,—играла пятерня, взрывава воздухъ,—вышло деньги. А третье—третье это политика.

Онъ опять остановился, показавъ зрачки, заботливо смель рукой со скатерти, опять нагнулся и, точно готовясь подать самое вкусное блюдо, пожевалъ губами, какъ кроликъ, и, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— Что же это за политика? Это,—вѣщимъ голосомъ загремѣлъ онъ,—указаніе на востокъ. Не на трезвость, не на монополию смотрите, а на востокъ... Наступаетъ конецъ нашимъ странствованіямъ во второй пустынь. Мы отъ Палестины шли впродолженіи долгихъ вѣковъ вокругъ свѣта и, наконецъ, подходимъ

уже туда, откуда вышли. Долгая и трудная была дорога, но конецъ я ей наступилъ, какъ наступаетъ всему. Почему мы очутились почти всё въ Россіи? Развѣ это не читается, какъ въ открытой книгѣ? Потому, что мы отсюда ближе къ нашей родинѣ и здѣсь нашъ послѣдній постой. Пусть отнимаютъ у насъ кабаки,—я же скажу: мало, больше нужно прижать. Пусть отнимутъ вѣсь, мѣру, пусть еще уменьшатъ черту осѣдлости—я все скажу мало; но пусть начнутъ насъ гнать, рѣзать,—я скажу хорошо. Когда вода въ Красномъ морѣ разошлась и дала намъ бѣжать изъ Египта, это было хорошо. Но развѣ еще не лучше было то, что вода у начала сошлась, когда многіе еще были въ серединѣ? Развѣ мы тогда же не хотѣли вернуться въ рабство, развѣ мы не роптали въ пустынѣ? Намъ нужно было тронуться изъ Египта въ путь и пусть тысячи погибли, но мы пошли, а не вернулись, ибо намъ во что бы то ни стало нужно было пойти.

Новое направленіе разговора, которое никто не ждалъ, странно подѣйствовало на слушателей. Всѣ какъ бы чего-то еще ждали и въ комнатѣ наступила страшная тишина. Люди какъ будто не узнавали другъ друга и удивлялись, какъ это они кабатчики, ростовщики, лавочники могутъ невольно исполнять какую-то предначертанную идею. Настроеніе это разрушилъ женскій полный голосъ, который доносился изъ сосѣдней комнаты.

— Снится мнѣ, что я пеку хлѣбъ, и хлѣбъ вышелъ такой большой, высокій, легкій, и я все говорю себѣ: „Боже мой, какой это хорошій, рѣдкій хлѣбъ“. Вдругъ съ потолка стала спускаться огромный паукъ и черный, черный какъ уголь...

Мужчины выслушали голосъ и очарованіе въ мигъ разсѣялось. Наступилъ какой-то беспредметный страхъ, отъ котораго у каждаго возникали мрачныя мысли.

— Вы не слышали,—запищаль чахоточный бакалейщикъ, пи къ кому не обращаясь,—вѣдь идутъ уже слухи, что отнимутъ у насъ вѣсь и мѣру.

Давыдка опять вмѣшался и началъ доказывать торопливо Нухиму, брызгая на него слюной, что это невозможно, но что пшеницу навѣрно отнимутъ у евреевъ. А потомъ всѣ заговорили разомъ и образовался такой шумъ, что ничего уже нельзя было разобрать. Мотя опять пытался заговорить, но его никто не слушалъ. Страхъ дѣлалъ свое дѣло и каждый кричалъ, точно его уже держали за горло. Азриль уговаривалъ Аписку, ничего толкомъ не появившаго, чтобы онъ непременно, непременно держалъ деньги наготовѣ и что онъ, Азриль, давно что-то такое подозревалъ, но „вѣдь вы знаете Аниска, у меня цѣлая куча дѣтей и я уже вынужденъ буду утонуть, если Богъ мнѣ не поможетъ“. Давыдка, стоя на бортовыхъ ножкахъ и покрытый отъ воз-

бужденія потомъ, отчего его лицо казалось изрытымъ оспой, сѣвѣтоваль черезъ столъ кабатчику Мордѣ, все время не раскрывавшему рта, чтобы тотъ отерылъ трактиръ, потому что горячая вода ничего не стоитъ, а за нее онъ будетъ брать по 8 коп. съ чайника. Бакалейщикъ своимъ тонкимъ проваливающимся голосомъ, увѣренный, что изъ-за шума не будетъ слышенъ, кричалъ что-то Могъ, стараясь по скверной привычѣ поймать его за бороду и обернуть кольцомъ вокругъ своего указательнаго пальца. Но тотъ быстро увернулся и бакалейщикъ, отчаявшись вызвать его вниманіе, набросился на опальлаго Аниску и быстро цапнувъ его за жесткую бородку не выпускалъ уже ее изъ рукъ и что-то началъ доказывать. А Аниска, постыдившись отнять ее, глупо глядѣлъ въ черные глаза своего учителя.

— Я говорилъ, — пищаль онъ, каждый разъ теряя голосъ, — моему тестю, что нужно бѣжать въ Америку. Тогда еще были, деньги. Теперь...

Онъ побагровѣлъ и оборвавшись не могъ уже выдать изъ себя звука. Раздался его кашель, жесткій, старательный и онъ весь согнулся, точно собирался поднять что-то съ пола. Аниска воспользовался замѣшательствомъ бакалейщика и отошелъ отъ него. Но его остановилъ Давыдка и сейчасъ же рассказалъ ему, что на его плечахъ, кромѣ семьи, еще сидятъ тестъ и теща и что ему остается только одѣть петлю на шею.

Шумъ становился все громче, и казалось, что рожденныя только что мысли и высказанныя вслухъ, какъ камни обрушились на головы этихъ людей. Сдѣлалось еще жарче, а сгустившійся воздухъ точно закупоривалъ легкія.

Аниска первый поднялся, позвалъ Маню и сталъ прощаться. Но на улицѣ онъ все еще слышалъ крикъ и это тутъ, въ темнотѣ, казалось еще болѣе страшнымъ.

А Маня, идя подлѣ него, фантазировала о новомъ дѣлѣ, которое она задумала, разговаривая съ женой Азриля.

— Знаешь что, откроемъ молочную. Мы купимъ пять коровъ; я буду смотрѣть за ними и у насъ будутъ молочные обѣды. Абрамчику нужно молоко, какъ жизнь. А Соничѣ думаешь не нужно? Старая Бася говоритъ, что молоко и болѣзнь два врага. И я тоже немного поправлюсь. Посмотри-ка, какъ я высохла вся. Я не имѣю въ себѣ здоровой кости. Тутъ ломить, а тутъ чешется, а сердце у меня просто разрывается отъ стука. Ну, а нога? По смотри-ка, какъ я хромаю. Я уже скоро на Басю буду похожа. Хоть бы здоровье было. Азрилю хорошо: у него жена, такъ радость посмотри-ка. Одной косточки ты у меня не найдешь, и мы всѣ больные. Слава Богу, что ты хоть здоровъ. Такъ я говорю, купимъ коровъ будемъ и продавать молоко. Увидишь, какъ мы разбогатѣемъ!

Аниска уныло молчала. Снѣгъ падалъ уже крупными, крѣпкими хлопьями, а большая круглая туча, точно злой черный коршунъ, все ниже опускалась надъ городомъ и безшумно засыпала дома, улицы, деревья и всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ ни крова, ни семьи.

И снѣгъ шелъ, и люди шли, и тоска шла, и было скверно отъ трудныхъ мыслей и сѣраго, грязнаго неба, съ угрозой стоявшаго надъ землей.

Въ Нижней улицѣ, гдѣ нѣкогда находится кабакъ Аниски, съ издавна пріютилась табачная лавочка. Она приходилась какъ разъ противъ кабака, такъ что все происходившее тамъ было видно какъ на ладони Эли, табачнику. Когда стихало отъ ѣзды, толкотни, гама, Аниска любила переговариваться съ Эли черезъ улицу. Аниска говорилъ громко, гулко, приставивъ въ видѣ рупора развернутый кулакъ ко рту, а Эли отвѣчалъ ужасно высокимъ голосомъ, который поражалъ чрезвычайной своей ѣдкостью и сардоничностью. Сосѣди жили между собой дружно и дружба ихъ выражалось самымъ трогательнымъ образомъ. Аниска, точно заведенная машина, въ каждую пятницу приносила Эли полъ-кварти водки, которую тотъ сдабривалъ сахаромъ и крѣпкимъ настоемъ изъ чая, а Эли дарилъ ему контрабандный табакъ едва терпимаго качества.

Въ свободное время они навѣщали другъ друга и съ годами ихъ отношенія перешли въ тѣсную дружбу. Въ послѣдній годъ они сблизились съ однимъ чудакомъ—Авштейномъ и немного времени спустя, когда узнали его ближе, сошлись съ нимъ окончательно.

Феликсъ Авштейнъ былъ торговецъ мѣшками и странный до нельзя человекъ, ревниво скрывавшій свою интимную жизнь. Презирая свое занятіе (и вообще всякое занятіе), которымъ занимался изъ матеріальной необходимости, онъ имѣлъ пристрастіе къ образованію, которое тѣмъ болѣе плѣняло его, чѣмъ меньше онъ разбирался въ немъ. Образование значило у него французскій языкъ и онъ тысячи разъ начиналъ изучать Марго, но дальше 36 перевода никогда не пошелъ. Потомъ онъ задался цѣлью изучить словарь Бровгауза и, Ефрона, но и здѣсь потерпѣлъ крушеніе. Читалъ Пушкина, Шекспира, Некрасова, Достоевскаго, толкуя ихъ своеобразно и иногда остроумно, и презиралъ всѣхъ, кто занимался торговлей, ремесломъ. Въ разговорѣ былъ вычуренъ и употреблялъ почти всегда невпопадъ стихи изъ любимыхъ авторовъ и думалъ при этомъ, что мечетъ бисеръ предъ свиньями. А еще онъ питалъ страсть къ сопилкѣ, на которой выдѣлывалъ одни только головомѣшійя рулады, доставлявшія ему чисто порочное наслажденіе.

Нѣсколько времени спустя послѣ посѣщенія Аниской Азриля друзья собрались по обыкновенію у табачника. Акштейнъ приказалъ принести три бутылки пива, и когда оно было принесено. Эли разставилъ бутылки на столы, досталъ стаканы и налилъ каждому порцію. Потомъ онъ усѣлся за прилавкомъ, потеръ между лопатками, гдѣ у него вѣчно чесался застарѣлый лишай, и пріятели чокнулись.

Эли никогда не могъ выпить пива, чтобы не провести нѣсколько мизантропическихъ параллелей.

Такъ и было на этотъ разъ.

— Знаете ли вы, друзья мои, — раздался его высокой сардонической голосъ, — который это разъ, что мы пьемъ пиво, что на землѣ рождается новое поколѣніе, или, наконецъ, который разъ, что со дня сотворенія міра восходитъ солнце на небѣ? Знаете ли вы, друзья мои? Увы, и я не знаю. Но, можетъ быть, вы знаете, когда мы въ первый разъ прикоснулись устами къ пиву, или когда родилось первое поколѣніе, или, наконецъ, когда солнце въ первый разъ взошло на востокѣ? Нѣтъ! Увы и я не знаю. Ахъ, друзья мои, поколѣнія—это ячмень, брошенный на дно огромной бочки, которое есть земля, а крышка ея небо, и ячмень этотъ бродитъ отъ солнца, чтобы сдѣлаться прекраснымъ пивомъ, а потомъ попасть въ большой животъ земли, какъ это пиво въ нашъ. Итакъ, друзья мои, выпьемъ, забудемъ несчастную землю, забудемъ зло, которое такъ же щедро разсыпано на нашемъ пути, какъ пшеница въ курятникѣ богатаго хозяина, и заткнемъ уши, чтобы хоть на минуту не слышать стоновъ и глухихъ разговоровъ. Что вы говорите, Аниска? Э, э, что-то прыгаютъ ваши губы. Смотрите въ стаканъ, смотрите въ стаканъ! Развѣ Богъ открылъ свои уши? За ваше здоровье, друзья...

Онъ сдѣлалъ какой-то мизантропическій жестъ и опрокинулъ стаканъ въ ротъ. На минутку наступило торжественное молчаніе и всѣ ожидали, когда Эли вернется къ дѣйствительности изъ своего мизантропическаго высока.

Осушивъ стаканъ, Эли снова наполнилъ его, не забывъ и друзей, и продѣлалъ это съ такимъ печальнымъ лицомъ, словно онъ наливалъ смертельный напитокъ.

— Пейте еще, друзья мои, — печально напомнилъ онъ, — жизнь летитъ и никогда не ждетъ кнута, и скоро, скоро мы будемъ мертвыми, каждый въ той грязной ямѣ, которая назначена ему судьбой. Пейте, потому что камень на могилѣ крѣпко наляжетъ на насъ и раздавитъ уста, еще умѣющіе теперь пить это ниво. Что вы скажете, Акштейнъ? Ну, говорите, говорите, теперь вашъ языкъ сто евреевъ не удержатъ.

— Когда это было? — началъ Акштейнъ, повторяя вопросъ

Эли и обращаясь къ потолку.—Это было,—отвѣтилъ онъ немедленно,—когда покойный король нашъ побѣдилъ Фортигбраса. И только скажите вы,—довѣрчиво обратился онъ вдругъ къ табачнику,—Эли, помните ли вы, гдѣ это покойный король побѣдилъ Фортигбраса? Не помните? При Гамлетѣ, при Гамлетѣ, невѣжественный человѣкъ. Надо исторію изучать, Эли, а не адъ! Развѣ вы были когда-нибудь въ аду? Нѣтъ, вы не были, и я васъ за это не обвиняю. Но если бы вы тамъ побывали, то только тогда, только тогда я могъ бы про васъ сказать словами одного человѣка, у котораго вы и всѣ мы недостойны вычистить башмаки:

Жилъ на свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства,
И попалъ потомъ въ стаканъ,
Полный мухоѣдства.

— А теперь Эли, вы только простой тараканъ и я не понимаю, куда вы суетесь? Вы самый обыкновенный, немного мрачный тараканъ, и это совсѣмъ не великая заслуга для человѣка. Вамъ нечего гордиться, Эли, хотя я только иногда понимаю васъ, но не постигаю, не постигаю, Эли.

И онъ развелъ руками, словно не понимая, какъ это нельзя постичь такого таракана, какъ Эли.

— Но,—продолжалъ онъ, подмигивая глазомъ выходной двери, гдѣ еще дрожалъ задѣтый мимоходомъ Эли воловочий,—но сокрушайся сердце, коли языкъ мой говорить не смѣетъ, то-есть это значить,—съ готовностью пояснилъ онъ ночи, не ласково глядѣвшей въ окно лавочки,—я, можетъ быть, еще мрачнѣе могъ бы смотрѣть на жизнь, но вы, Эли, слишкомъ невѣжественны, и я не хочу быть вашимъ товарищемъ. И такъ, Эли, выпьемъ за Фортигбраса, Эли, который теперь побѣдилъ покойнаго короля.

Аниска, слегка охмелѣвшій послѣ третьяго стакана, чувствовалъ себя очень, очень грустно. Теперь ему хотѣлось ласковаго, добраго сердца, которому онъ бы могъ открыть всѣ тайники своей души, ему хотѣлось бы сочувственныхъ словъ, которыя вызвали бы слезы изъ его опустошеннаго сердца; хотѣлось бы сдѣлаться вдругъ такимъ маленькимъ, жалкимъ, чтобы всякій его гладилъ и утѣшалъ, какъ ребенка.

— Эли,—произнесъ онъ голосомъ, точно давно надорвавшимся отъ рыданія,—Феликсъ, друзья мои, всѣ вы говорите вѣроятно правду, но чѣмъ, чѣмъ, я васъ спрашиваю, это меня облегчаетъ? У меня все-таки больная, очень больная жена, 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего 300 рублей. Я таки здоровъ, какъ быкъ здоровъ, но вѣдь у меня все-таки больная жена и 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего 300 рублей. Развѣ я могу рѣзать отъ себя куски и продавать ихъ, какъ свѣжее мясо? Ахъ, если бы

вы могли посмотрѣть на мой мозгъ, то увидѣли бы, какою онъ уже больной, измученный. Я думаю, думаю и все-таки у меня больная, очень больная жена и 6 маленькихъ больныхъ дѣтей и всего-всего 300 рублей. Это какъ стѣнка передо мной. Маня ползла бы на первую крышу, чтобы что-нибудь дѣлать. Маня бы на деревѣ взялась торговать, но я вѣдь не Маня. Я вѣдь долженъ давать хлѣбъ — моей семьѣ. Посмотришь на Абрамчика — сердце болитъ, теперъ ужъ онъ что-то хромать началъ, а я не знаю почему, на Сонечку посмотришь, на Шаечку посмотришь, куда ни посмотришь — и изъ сердца выливаются потоки крови. Больные, больные, бѣдные и больше ничего. Ахъ, Богъ, что онъ себѣ тамъ думаетъ на небѣ?

Эли, забравшись къ лопаткамъ, долго не выходилъ изъ мудрой задумчивости, а Акштейнъ, поиславши въ головѣ стихоевъ, который подходилъ бы къ настоящему положенію, продекларировалъ:

Отъ лнѣющихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

— Да, Аниска, сегодня вы въ станѣ погибающихъ и я очень, очень жалѣю васъ. Большую ошибку далъ вашъ отецъ, не сдѣлавъ изъ васъ ремесленника. Вообще, — задумчиво закончилъ онъ, можетъ быть, намекая на свое прошлое, — отцы въ старое время были очень глупы.

Что-то стиснуло его сердце отъ негодованія, въ головѣ молніей что-то пронеслось и онъ почти выкрикнулъ:

Плюньте въ лицо ему, честные люди,
Это отецъ развращающій дочь!

Потомъ онъ отвернулся и со слезами на глазахъ сталъ глядѣть въ оконныя стекла, которыя, казалось, были отполированы чернымъ лакомъ.

— Бываетъ несчастіе, — оправился Аниска, — такъ хоть что-нибудь есть, какая-нибудь опора, что-нибудь, что-нибудь. Десять лѣтъ я и Маня работали, какъ въ аду, а что намъ осталось — 300 рублей! А развѣ могло остаться больше? Я работалъ только на складчика. Всѣ кабатчики работали на складчика. Посмотрите-ка на Лейбовича, у котораго я покупалъ водку, повредила ему монополія? Посмотрите еще на складчиковъ. Они почти первые богачи въ городѣ, а всѣ кабатчики нищими остались. Я работалъ, какъ вѣрная собака, отъ 4 часовъ утра до 12 часовъ ночи, но если бы я землю копалъ, у меня за 10 лѣтъ больше бы осталось. А теперъ, Эли, что будетъ съ моей больной Маней, съ дѣтьми. Куда мнѣ пойти, за что взяться? Я вамъ говорю, Эли, что если бы разверзлась земля и поглотила меня съ женой и

дѣтьми, то я бы благословлялъ и благодарилъ Бога. Вотъ Маня ожидаетъ меня теперь, нашелъ ли я дѣло. Какое дѣло, скажите мнѣ, развѣ я одинъ въ городѣ? Кто мнѣ дастъ дѣло, когда всѣ хотятъ ѣсть? А дома холодно, всѣ голодные и больные, больные, и Маня ожидаетъ меня, какъ ожидаютъ Мессію.

Онъ опустилъ голову, чувствуя, что не въ силахъ выдержать душившихъ его рыданій.

— Аниска, — началъ Эли, выходя изъ задумчивости, — вы можете утѣшиться тѣмъ, что все идетъ къ погибели въ этомъ мірѣ. Вѣдь все должно имѣть конецъ. Въ эту самую минуту, когда вы напрасно ломаете себѣ голову, многихъ везутъ на кладбище, гдѣ ожидаетъ ихъ северная глубокая яма, въ эту самую минуту многие выпускаютъ дыханіе, многие голодаютъ, съ ума сходятъ и въ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы отчего-нибудь не страдалъ. Это, Аниска, большое утѣшеніе, если вообще есть утѣшеніе въ жизни. Но, — продолжалъ онъ саркастически, — въ маленькихъ городахъ есть тоже кабатчики и отъ нихъ исходитъ такой стонъ, что я удивляюсь, какъ мы не слышимъ его здѣсь. И вотъ стонъ этихъ кабатчиковъ, Аниска, долженъ быть для васъ уже настоящимъ утѣшеніемъ, потому что если я иногда молюсь кому-нибудь, то прошу только о томъ, что когда я буду умирать, то пусть совершу это не въ одиночествѣ. Я прошу о томъ, чтобы много даже, но хоть одинъ человѣкъ умеръ вмѣстѣ со мной, дабы я не долженъ былъ послѣ смерти сознавать одинъ свой ужасъ и искать въ этихъ безконечныхъ семи небесахъ ада, куда я, навѣрное, долженъ буду попасть, ибо товарищи по несчастію — великое облегченіе.

Глаза Эли углубились и онъ, казалось, искалъ въ черномъ стеклѣ дверей то мѣсто на небѣ, гдѣ нѣкогда въ такую же черную ночь будетъ искать свое вѣчное пребываніе.

— Такъ, такъ, — кивалъ Аниска головой, — такъ, но вѣдь все-таки нужно хлѣбъ отыскать, а сколько я не ищу, его нѣтъ, нѣтъ въ городѣ. Эли, знаете ли вы, что значить хлѣбъ, хлѣбъ, когда тутъ же возлѣ васъ больная жена, больныя, золотушныя, хилыя дѣти и всего, всего 300 рублей, которыхъ, лучше умереть, чѣмъ затронуть. А изъ маленькихъ денегъ, Эли, хлѣбъ не растетъ. Около маленькихъ денегъ нужно какъ въ аду работать, чтобы изъ нихъ выросъ хлѣбъ...

И погромче насъ были вити,
Но не сдѣлали пользы перомъ, —

продекламировалъ вдругъ Авштейнъ, барабана пальцами по стеклу.

— Аниска, — произнесъ Эли какимъ-то тончайшимъ голосомъ, — ваши слова могли бы даже камень тронуть, а я всего,

всего только прахъ. Допустимъ, что вы правы и ваша больная Маня и ваши дѣти, ибо всякая семья когда-нибудь бываетъ права. Нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать. Я хотѣлъ сказать, что когда желудокъ хочетъ ѣсть, то весь свѣтъ становится такимъ же болшимъ, какъ двухкопеечная булка, напшигованная иголками. Вы понимаете меня, Аниска. Нѣтъ? Ну, это не для вашей головы. Нужно не только свое несчастье видѣть, Аниска. Нѣтъ, не поняли? Ну, это все равно, вамъ даже не здорово это понять. Такъ я говорю, что вамъ нужно помочь. Въ молодости, когда у меня не было лишая, у меня былъ хорошей мозгъ, и крѣпкія, какъ желѣзо, ноги. Аниска,—закончилъ онъ вдругъ сардонически,—или я не буду Эли, или я вамъ найду дѣло!

— Эли, — внезапно поднялся, сильно взволнованный Акштейнъ,—хотя я презираю „дѣло“, потому что „дѣло“ погружаетъ существо человѣка въ низкую грязь, но порывъ вашей души тронулъ, сильно тронулъ меня. Я васъ кругомъ, кругомъ понялъ, Эли, кругомъ, кругомъ. Вы хотя, по моему, невѣжественный человѣкъ, Эли, вычурный и съ претензіями человѣкъ, но сегодня я отъ васъ услышалъ настоящее слово. О, если бы наши отцы были такими, если бы и у нихъ бывали порывы, то не мѣшками, Эли, влянусь, не мѣшками я бы торговалъ, а былъ бы теперь гдѣ-нибудь учителемъ ли, врачомъ ли, но честнымъ, честнымъ труженикомъ, который не долженъ насильно плевать ежеминутно въ свою совѣсть, чтобы набарышничать лишнюю копейку, а дѣлаетъ скромно и чисто свое дѣло. Вамъ же, Аниска, я скажу словами великаго человѣка, передъ которымъ я такъ благоговѣю:

Либералка вль жоржзандка—
 Все равно—теперь ликуй:
 Ты съ прилавнымъ гувернантка,
 Шлюй на все и торжествуй!

Онъ выпилъ пива, сложилъ руки на груди и долго еще лицо его подергивалось отъ волненія.

— У васъ будетъ дѣло, Аниска,—повторилъ Эли,—сегодня, завтра, черезъ мѣсяць, но оно будетъ. Пейте пиво.

Друзья посидѣли еще нѣсколько времени и не возобновляли разговора. Потомъ первымъ вышелъ Аниска и сейчасъ же словно провалился во тьмѣ. За нимъ вскорѣ вышелъ Акштейнъ. Эли сталъ запираеть дверь на ночь и звонъ встревоженнаго колокольчика долго преслѣдовалъ Феликса. Онъ зажалъ уши, чтобы не слышать его и нѣсколько времени подвигался, какъ автоматъ. Холодный, морской вѣтеръ забрался подъ его сорочку и ласкалъ своей свѣжестью. Было темно и башмаки его отчетливо стучали по камнямъ тротуара. Но тишина улицы и запахъ плѣсени, несшейся отъ старыхъ стѣнъ домовъ, наводили на него ту холодную тоску,

которую онъ испытывалъ, когда купаясь погружался въ воду и не чувствовалъ надъ собой никакого міра, кромѣ моря, которое куда-то бѣжало поверхъ его спины. Онъ пошелъ быстрѣе, бормоча про себя:

Въ столицахъ шумъ, гремятъ вѣтн,
Бипить словесная война,
А тамъ, въ глубинѣ Россіи,—
Тамъ вѣковая тишина.

Потомъ, когда онъ пришелъ домой, то, не зажигая свѣчи, не раздѣваясь, онъ отыскалъ сопилку и залился странными жалобными звуками, которые терзали и ласкали его сердце и напоминали плачь существа, которое хочетъ что-то сказать, пожалѣться, душу раскрыть, но, не имѣя словъ, умѣетъ только выть этими странными, раздирающими сердце звуками...

Дни тянулись за днями и не привносили съ собой ничего новаго. Эли съ одной стороны, Аниска съ другой, не щадя силъ, бѣгали ежедневно осматривать все, что имъ предлагали, но всѣ ихъ усилія пропадали даромъ. То просили много денегъ, то предлагаемое дѣло оказывалось аферой, мизернымъ или просто миеомъ, то перебивали конкуренты, и съ каждымъ днемъ становилось все очевиднѣе, что ужасное только впереди. Маня отъ огорченія начала часто прихварывать. У нея распухъ животъ, распухли ноги, и какъ ни дороги были 300 рублей, все же пришлось затронуть ихъ, чтобы лечить ее. Въ свою очередь недовольство между супругами становилось, по мѣрѣ того, какъ отодвигалась надежда, все острѣе, а озлобленіе и горе вымещалось на дѣтяхъ, которыя почему-то всегда всѣму мѣшали: жизни, ѣдѣ, разговорамъ. И такъ скверно, гадко и однообразно тянулись дни за днями.

Однажды Аниска, потерпѣвъ, по обыкновенію, неудачу, возвращался домой. Онъ шелъ усталый, печальный и весь міръ казался ему темнымъ и мрачнымъ, какъ его душа. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то положилъ руку на его плечо. Онъ испуганно оглянулся и увидѣлъ передъ собой улыбающееся лицо Моти „шойхета“. За нимъ стоялъ чахоточный бакалейщикъ съ своими странными, высоко поднятыми плечами и все горѣвшими черными глазами.

— Вотъ какъ, — выговорилъ Мотя, вмѣсто привѣтствія, — и вы здѣсь. Что вы тутъ дѣлаете?

Аниска лѣниво отвѣтилъ:

— Ничего, а вы?

— Я, — разсмѣялся Мотя, — я ищу вчерашній день!

Аниска поднялъ ногу, чтобы двинуться дальше, но Мотя удержалъ его за руку и тотъ безпомощно потоптался на мѣстѣ.

— Куда вы летите? — искривилъ онъ, по обыкновенію, свое лицо и прибавилъ, обращаясь къ бакалейщику: — Евреи только летятъ: что, зачѣмъ, иди человѣкъ спокойно, кто гонится за тобой? Летить!

Онъ сдѣлалъ шагъ и, не давая никому раскрыть рта, продолжалъ:

— Это слово „летать“ напоминаетъ мнѣ одну исторію, которая, положимъ, не имѣетъ отношенія къ намъ, но какъ всякая умная исторія, можетъ чему-нибудь насъ выучить. Однажды у овна сидѣли мужъ съ женой и смотрѣли на небо. Почему они смотрѣли на небо, а не на сосѣдній домъ, не на улицу, это особенный вопросъ и мы когда-нибудь къ нему вернемся. Оставимъ же это въ сторонѣ и будемъ держаться нашей дороги.

Большимъ и указательнымъ пальцемъ онъ вытеръ углы губъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился. Аниска и бакалейщикъ тоже шагнули и остановились.

— Такъ будемъ держаться нашей дороги, — не спѣша продолжалъ Мотя, — какъ бываетъ, — на небѣ случается облако, ласточка, ну галка, орель, а бываетъ, что и ничего не случается. Но на ихъ несчастье какъ разъ въ эту минуту, когда они смотрѣли, показались гуси и числомъ ихъ было девять. Когда гуси улетѣли, мужъ говоритъ женѣ: „Смотри-ка, не лучше ли было, если бы эти девять гусей были нашими, а не летѣли чортъ знаетъ куда?“ — „Какое, — говоритъ она, — девять, ты хочешь сказать семь“. — „Девять, я говорю тебѣ, — разсердился мужъ, — что же я считать не умѣю“. — „Семь“, — возразила жена. — „Девять“, — крикнулъ мужъ. Спорили, спорили, наконецъ, мужъ не выдержалъ и сталъ ее колотить. „Девять“, — кричитъ онъ, поднимая кулаки. — „Семь“, — отвѣчаетъ она, но уже безъ голоса. Наконецъ, увидѣвъ, что ничего не помогаетъ, онъ убилъ ее. „Ну, — думаетъ онъ, — теперь уже будетъ девять“. Потомъ онъ подошелъ къ покойницѣ и сталъ ее оплакивать: „Дура, ты дура, — началъ онъ, — нужно было тебѣ настаивать, нужно было тебѣ умереть такъ рано! Когда я сосчиталъ, что пролетѣло девять“... — „Семь“, — крикнула покойница и опять повалилась мертвой.

Аниска натянута разсмѣялся, а бакалейщикъ даже закашлялся отъ хохота, согнувшись для этой операціи почти до колѣнъ.

— Ну, такъ что же? — наконецъ, спросилъ Аниска.

— Я вѣдь вамъ сказалъ, что васъ это не касается. Но одна капля ума и вы увидите въ этой исторіи интересный примѣръ. Развѣ эта жена не похожа, какъ двѣ капли воды, на нашихъ евреевъ? Въ городѣ, и не только въ немъ, а въ маленькихъ городахъ идетъ такой плачь, что можно отъ него съ ума сойти. Развѣ тѣ, которые плачутъ о кабакахъ, не похожи на эту глу-

ную жену, которая хотѣла, чтобы было только семь? А безъ кабаковъ развѣ нельзя жить на свѣтѣ? Что монополія убила людей, то даже вотъ эта собака, что бѣжить, повѣрять, но эта самая собака не повѣрять, чтобы люди не могли жить безъ кабака. Къ чему эти слезы, этотъ плачь, кого онъ разжалобить, чему онъ поможетъ? Будьте евреями, не ропщите, ищите выхода!..

Голосъ его завенѣлъ, какъ бы отъ восторга.

— Можетъ быть, въ этомъ начало вашего исхода,—продолжалъ онъ,—вѣдь есть же одна капля, которая переполняетъ сосудъ! Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Мучьте, топчите, давите насъ, не давайте намъ вздохнуть, стоняйте насъ въ одну кучу, чтобы мы были ближе другъ къ другу. Человѣкъ любить кнута, а мы, евреи, держимся только благодаря ему.

На лбу у него повисли желваки, а рука заметалась, какъ раненая змѣя. Чахоточный опять расквашлялся своимъ ужаснымъ кашлемъ и его безкровное, костяное лицо посинѣло отъ натуги.

Мотя прислушался къ бакалейщику, но видно было, что его мысли витаютъ гдѣ-то далеко отъ этого мѣста. Казалось, онъ видитъ предъ собой эту кучу загнанныхъ евреевъ, которымъ онъ сейчасъ начертаетъ планъ исхода.

— Мы,—продолжалъ Мотя,—принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ добро есть зло, а зло есть добро. Пусть, сохрани Богъ, начать насъ жалѣть, то мы погибнемъ отъ перваго до послѣдняго, ибо самый худшій врагъ нашъ—это покой. Весь секретъ нашей долгой жизни, это то, что нигдѣ и никогда намъ не давали жить. Весь умъ, весь вкусъ нашей исторіи лежитъ въ этомъ. Кнутъ вездѣ сѣкъ наши плечи, вездѣ онъ будилъ насъ, сбивалъ въ кучу и гналъ все дальше и дальше. Онъ былъ нашимъ спасителемъ, нашимъ Мессією, котораго мы ждали, искали, не понимая, что Богъ съ перваго дня нашихъ бѣдствій далъ намъ его, какъ вѣрнаго стража для нашего сохраненія. Но еще лучше нашей исторіи бѣдствій, это наше высокое назначеніе. Мы, евреи, нація священниковъ, которымъ было дано разнести по всему міру мысль объ единомъ Богѣ, ученіе свѣта и добра, и мы это велѣніе уже совершили. Единаго Бога призналъ весь міръ, и больше намъ здѣсь нечего дѣлать. Теперь наступаетъ время вернуться домой послѣ большой войны, и мы вернемся, какъ побѣдители. И я говорю, не плачьте, оглянитесь назадъ, весь страшный путь пройденъ: скоро мы будемъ у себя!..

Онъ опять пошелъ, задыхаясь отъ волненія, не обращая вниманія, идутъ ли за нимъ его слушатели, весь поглощенный своей высокой идеей.

— Есть между нашими евреями такіе,—продолжалъ онъ,—которые отрицаютъ и наше назначеніе, и нашу удивительную

исторію, которые отрицають самого Бога. О, скажите мнѣ, можно ли, глядя на этотъ большой міръ, начиная съ самой маленькой песчинки его и кончая этимъ небомъ, на которомъ мелькають милліоны прекраснѣйшихъ звѣздъ, можно ли допустить мысль, что не было преднамѣренной мысли или какого-нибудь плана въ этой удивительной гармоніи, гдѣ каждое такъ хорошо сидитъ на своемъ мѣстѣ, имѣетъ свое назначеніе и ничто не способно на одинъ мигъ измѣнить свой ходъ? Если взять большой листъ бумаги и опрокинуть на него бутылку съ чернилами, что вы получите? Вы получите черное большое пятно. Не станете ли вы удивляться, если случайно, вмѣсто пятна, получится какая-нибудь буква? Но что вы подумаете, если вамъ расскажемъ, что эти чернила пролились такъ, что вмѣсто пятна вышли буквы, буквы эти удивительно сомынулись въ слова, слова связались въ предложенія, а предложенія дали хорошія разумныя мысли? Повѣрите ли вы, что это само собой сдѣлалось? Что же тогда сказать объ этомъ безконечномъ мірѣ, который такъ правильно устроенъ въ своихъ частяхъ и въ которомъ вы находите ежедневно бездну поучительнаго, предъ которымъ мысли на бумагѣ меньше, чѣмъ лепетъ ребенка. О, вы скажете, что это созданіе отца нашей жизни, великаго всемогущаго Бога, того, кто предвѣченъ, кто есть вездѣ и нигдѣ, единаго царя вселенной.

— Такъ, хорошо, — кивая головой, бормоталъ чахоточный, — теперь я вижу, что долженъ былъ получить чахотку. Потому что, если бы не я, не другой заболѣвалъ ей, тогда кто бы заболѣвалъ? Чахотка должна существовать и кто нибудь долженъ ее получить. Ну, хорошо, я получилъ, но „тамъ“ уже, хорошо знаютъ, почему и для чего и отчего именно я, а не другой. Продолжайте, Мотя, съ каждымъ днемъ я становлюсь все умнѣе. Мнѣ только жалко, что я васъ предъ смертью узналъ.

— Каждая вещь, — продолжалъ Мотя, искривившись, — должна имѣть свой хорошій конецъ. Смотрите не на начало, не на середину, а только на конецъ. Не смотрите на то, что вамъ теперь плохо или хорошо, потому что не это важно, а большой конецъ. Что вы, человекъ, другой человекъ? Ничего, пылинки, немножко золы. Главное, это ходъ Божьей воли, которая совершается въ тысячелѣтія и чрезъ милліоны людей. Сколько лѣтъ тому назадъ мы попали въ плѣнъ? Кому это нужно было, почему столько людей погибло? Теперь и я, и вы, и всякій знаетъ почему. Мы знаемъ теперь, почему мы мучились, почему мы перемѣняли изъ одного мѣста въ другое, почему насъ сжигали, рѣзали, убивали: это было нужно, чтобы исполнилась Божья воля. Итакъ, я теперь говорю. Наступаютъ опять тяжелыя времена, они будутъ еще хуже и я даже не могу охватить умомъ, какъ

велики будутъ наши страданія. Но помните, что самыя трудныя усилія родильница совершаетъ тогда, когда ребенокъ идетъ уже на свѣтъ. Укрѣпитесь хорошо на ногахъ, согните въ послѣдній разъ ваши спины и задавите крикъ на вашихъ устахъ. Скоро мы будемъ у себя!

Онъ замолчалъ, укрѣпился на ногахъ, согнулъ свои могучія плечи и, какъ бы задерживая крикъ, радостно глядѣлъ куда-то своими близорукими глазами, гдѣ ему видѣлась осуществленная мечта.

У Аниски, какъ и въ первый разъ, завертѣлось и помутилось въ головѣ. Исчезъ кабаекъ, исчезла Маня, дѣти, ежедневныя заботы, и была предъ глазами большая бойня, гдѣ палачи рѣзали евреевъ, евреевъ, евреевъ. И онъ испугался, и убѣждалъ, чтобы не видѣть этихъ картинъ, не слышать этого голоса, который словно благословлялъ его несчастіе.

— Я еще найду къ вамъ,—бормоталъ онъ чахоточному дрожа,—я еще найду къ вамъ. Кланяйтесь Аврилю.

— Еще одно тяжелое усиліе, — повторялъ бакалейщикъ, — и мы будемъ у себя.

Мотя медленно разогнулся и не спѣша продолжалъ свой путь.

Наконецъ морозы прекратились. Снѣгъ растаялъ, улицы покрылись грязью, съ деревьевъ сошла ледяная кора и отовсюду съ неба, съ крышъ, съ домовъ, съ уличныхъ фонарей, съ телеграфныхъ проволокъ, съ вѣтвей деревьевъ полилась какая-то мутная, жирная вода. Солнце не показывалось, а вмѣсто неба была какая-то сѣрая мгла, закопченная дымомъ отъ печныхъ трубъ. Нижняя улица, лежавшая у моря, почти потонула въ густомъ туманѣ и во всѣхъ домикахъ по цѣлымъ днямъ горѣли огни. Первымъ пострадавшимъ отъ оттепели былъ Аниска. Стѣны подвального этажа, въ которомъ онъ жилъ, были пропитаны неистребимой сыростью, отъ которой его спасали только одни морозы. Даже гѣто не приносило облегченія. Со стѣнъ, точно отъ мокраго лишая, безпрестанно текло, и вода эта была вонючая, какъ и камни, по которымъ она текла. Но самое тяжелое время наступало въ концѣ марта. Почти всегда переходъ отъ зимы къ веснѣ оплачивался Аниской какимъ-нибудь болѣе хилымъ или болѣзненнымъ ребенкомъ. То же самое происходило у сосѣдей Аниски, жившихъ при такихъ же условіяхъ. И когда начинались кори, оспы, скарлатины, крупы и всякія другія немощи, то маленькихъ людей косило съ одного края Нижней улицы до другого.

У Аниски первымъ заболѣлъ Абрамчикъ, игравшій наванунѣ во дворѣ съ ребенкомъ сосѣдки Бейлы—модистки, слегшимъ на слѣдующій день отъ дифтерита. Съ Абрамчикомъ въ вѣчно темной

и тѣсной комнатѣ обыкновенно спалъ Шайка, малюсенькій, на аршинъ отъ полу, ужасно худенькій мальчикъ, съ открытыми большими глазами, какіе бываютъ у вуколя. Шайка мучился всю ночь, потому что въ горлѣ у него какъ будто лежало что-то острое и каждый разъ, когда онъ глоталъ, больно рѣзало. Первую половину ночи ему было очень холодно и онъ все жался къ Абрамчику, который былъ теплый, какъ печка. А когда утромъ онъ проснулся, ему было уже такъ жарко, что онъ бы голымъ выбѣжалъ во дворъ. И Абрамчикъ пылалъ. Съ нимъ тоже произошло что-то странное ночью. Казалось ему, что онъ лѣзъ на тотъ самый домъ, что стоитъ всегда на горѣ надъ Нижней улицей. Такой страшный домъ со шпиромъ на верхушкѣ, куда обыкновенно садятся голуби. И этотъ шпиръ его всю жизнь интересовалъ. И вотъ онъ, наконецъ, лѣзетъ по стѣнѣ башни къ этому шпиру, куда обыкновенно садятся голуби. И все лѣзетъ онъ и мучится и пыхтитъ, чтобы добраться до него, а шпиръ тоже лѣзетъ, но гораздо скорѣе, чѣмъ онъ. „Скоро уже у неба будемъ“, думаетъ онъ, и все тяжелѣе становится ему подниматься и потъ льется съ него, какъ вода. „Передохну“, думаетъ Абрамчикъ. И только онъ остановился, какъ его обступили большія черныя мухи, которыя лѣтомъ такъ громко жужжать на стеклѣ и стали кусать въ горлѣ. Такъ, какъ-то прошли въ ротъ и стали кусать. И онъ началъ кричать „мухи, мухи“ и ему казалось, что мухи означаютъ домъ, что стоитъ всегда на горѣ. А потомъ его кто-то душилъ, потомъ за нимъ гнался дворникъ, котораго онъ какъ чорта боялся, и опять шпиръ, шпиръ, мальчикъ Бейлы и жарко, жарко, какъ будто его бросили въ печь, гдѣ въ пятницу утромъ сосѣдки хлѣбъ пекутъ.

Это утро было скверное утро. Горѣла лампа на старинномъ, еще отъ бабушки Мани комодѣ и плохо освѣщала комнату. Безпорядокъ былъ вездѣ, такъ какъ Аниска и Маня только что встали. На столѣ безъ скатерти лежали остатки вчерашняго ужина, засохшія корки хлѣба, шелуха отъ лука, глиняный чайничекъ и грязные стаканы. Постельное бѣлье на кровати тоже было грязное и на немъ валялись какая-то юбка яркихъ, но полинявшихъ цвѣтовъ, зимній красный шарфъ Аниски и Сонька со Шлембой. Маня, неумытая, съ подвязанной щекой, стояла подлѣ казанка и разводила огонь, чтобы сварить чай. Аниска въ чулкахъ, безъ жилетки, мотался по комнатѣ, то заходилъ на дыпочкахъ къ Абрамчику, что-то говорилъ тамъ, возвращался и машинально перекладывалъ свою жилетку съ одного мѣста на другое.

— Горятъ? — шепотомъ спросила Маня, снимая чайникъ съ вскипявшей водой.

— Можешь уже посмотреть. Эта зима насъ всѣхъ въ землю загонитъ.

— На, выпей чай и дай дѣтямъ. Хоть бы эти не заболѣли. Въ комнатѣ есть вода? Я забыла вчера приготовить. Я имъ холодную воду приложу къ головкамъ. Пошли Исаака. Разбуди и Шлемку, а то у него чая потомъ не будетъ!

Она взялась за щеку и, сдѣлавъ страдальческое лицо, пошла къ больнымъ, а Аниска разбудилъ Шлемку и остальныхъ дѣтей, взявъ Розу на руку и сталъ разливать чай въ грязные стаканы.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулась Маня съ Исакомъ. Аниска налилъ имъ чаю и спросилъ:

— Ну, что они тамъ дѣлаютъ?

— Горятъ, какъ огонь, — отвѣтила Маня, задыхаясь, — начинается уже хорошая весна. Только въ прошломъ году похоронили Лейбочку передъ Пасхой.

У нея заслезилась глаза, а Аниска махнулъ рукой, какъ бы отталкивая тяжелое воспоминаніе.

— Ты знаешь, — прибавила Маня, — вѣдь мальчикъ Бейлы уже готовъ!

— Уже! — воскликнулъ онъ, — это тебѣ сказалъ?

— Ну, выйди и ты услышишь. Такой плачь, такой плачь. Сегодня я уже пойду за Басей. Что я еще буду ждать. Дѣти такъ не выздоравлиютъ. И у меня былъ такой нехорошій сонъ, что сердце мое плачетъ, плачетъ. Бабушка сегодня пришла ко мнѣ. Она мнѣ не снилась уже 10 лѣтъ, и сегодня я ее увидѣла. Она подошла вотъ къ этому окну и постучала. Я вышла и увидѣла ее черезъ стекло.

„Что вы тутъ дѣлаете, баба?“ спросила я ее. Ты думаешь, что она, — пусть ей будетъ свѣтлый рай на томъ свѣтѣ, — мнѣ отвѣтила? Нѣтъ! Только она меня увидѣла, она вынула изъ-подъ шали вотъ такой большой камень и ударила имъ стекло — вотъ это стекло. И я сейчасъ же сдѣлалась мертвая отъ страха. „Баба, баба, — крикнула я ей, — за что вы сломали у меня стекло? Баба, у вашей внучки вамъ нужно было разбить стекло, ей такъ хорошо, вашей внучкѣ, столько у нея милліоновъ въ сундукѣ, такая она здоровая, баба“. Э, она даже на меня не посмотрѣла и убѣжала. Что ты скажешь? Я уже поѣду на кладбище переспросить ее. Я пошлю свѣчи въ синагогу. Вѣдь это смерть въ домѣ, если такой сонъ.

— Пустыя дѣла, — возразилъ Аниска, — тебѣ все снится. Отчего мнѣ не снится? Ну, поѣзжай на кладбище. Кто это тамъ?

Возившійся у щеколды, наконецъ, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату.

— А! — выговорилъ Аниска, — это Эли. Зайдите уже.

— Подождите немного, я вытру ноги. Я мокрый какъ утопленникъ.

— Ничего, ничего, зайдите, вы высушитесь у печки. Будете пить чай? Маня налей имъ стаканъ чаю.

Эли все-таки вошелъ не раньше, пока не вытеръ хорошо ногъ

— Что это у васъ такъ тихо?—началъ онъ, по обыкновенію почесавъ лопатки.—Гдѣ Абрамчикъ? Гдѣ мой Шаечка?

— Что вы скажете на наше новое несчастье,—отвѣтила Маня,—дѣти уже третій день больны. Вотъ они лежатъ тамъ и горятъ. Этотъ мѣсяцъ убиваетъ насъ всегда. Въ этотъ мѣсяцъ Лейбочка умеръ, а раньше Ханька умеръ. Я совсѣмъ не знаю, за что Богъ меня такъ наказываетъ?

— Ну, Бога оставьте въ покоѣ,—саркастически возразилъ Эли.—У него мало дѣлъ на головѣ и безъ васъ. Гдѣ они лежатъ?

— Вотъ тамъ,—отвѣтилъ Аниска.—Идите тихо, чтобы ихъ не разбудить.

Эли вышелъ и за нимъ пошла Маня.

— Пей же Шлемка,—обратился Аниска къ ребенку, одѣтому въ одной рубашкѣ,—потомъ тебя одѣнуть. Ну пей, пей. Исакъ, убери со стола. Смотри-ка, что тутъ дѣлается. Выкрути немного лампу.

— Раньше я Соньку одѣну,—отвѣтилъ мальчикъ.—Еще Шлемку нужно одѣть, еще много дѣлъ есть,—озабоченно прибавилъ онъ.—А потомъ я за Басей пойду.

— Иди уже на кровать, Шлемка. Исакъ перепеси Соньку. Что вы скажете, Эли?

— Я знаю—отвѣчалъ Эли, усаживаясь.—Вымажьте ихъ уксу-сомъ и накройте периной. Они будутъ потѣть и, можетъ быть, поправятся. А лучше позовите доктора.

— Мнѣ не нужно доктора,—возразила Маня,—они только убиваютъ дѣтей. У меня есть одна такая Бася, вы не знаете Басю хромую, такъ она лучше, чѣмъ сто докторовъ знаетъ.

— Пейте чай,—перебилъ Аниска,—онъ уже скоро холодный будетъ. Что ты стоишь, Исакъ. Одѣнь дѣтей.

— Я, кажется, пришелъ съ хорошей вѣстью,—началъ Эли, не притрогиваясь къ стакану,—и боюсь, что сдѣлаю вамъ хорошее дѣло.

— Ну, правда?—загорѣлась Маня.

— Не спѣшите, вы всегда любите выхватить. Хорошее дѣло, вы вѣдь знаете, теперь такъ же легко найти, какъ свѣжую, но такъ свѣжую грушу. Однако случается. Человѣкъ вѣдь долженъ когда-нибудь умереть, ну такъ онъ и умеръ. Тоже хорошая исторія. Но сказать вамъ, что это меня очень сильно тронуло—то я не хочу солгать. Умереть вѣдь нужно и наконецъ кому нужна эта славная жизнь. Такъ объ этомъ нечего говорить.

Онъ полѣвъ куда-то очень далеко въ лопаткѣ и старался попасть въ мѣсто, которое его рука не могла достать.

— Нечего говорить и о вдовѣ,—возился онъ за спиной,—которую я даже не хочу назвать несчастной. Что же, развѣ она думала, что мужъ ея будетъ вѣчно жить? Вѣдь онъ долженъ былъ умереть, что бы она себѣ ни думала. Такъ вы уже имѣете два. Теперь, что касается ея дѣтей, то они имѣютъ большого Бога. Положимъ, Богъ - таки глухой, но кто думаетъ, что онъ не глухой, пусть молится ему. А дѣти такія вѣрующія и будутъ такъ крѣпко молиться, что, можетъ быть, Богъ ихъ услышитъ. Такъ со всѣхъ сторонъ выходитъ, что это дѣло для васъ, а не для нихъ. Или они думали, что до прихода Мессіи они будутъ лавку держать. Я знаю, что если кто-нибудь имѣлъ лавку 10 лѣтъ, то это черезъ голову довольно.

— Что же это за лавка?—робко спросила Маня, забывъ уже о больныхъ дѣтяхъ.

— Что это за лавка?—перепросилъ онъ, наконецъ, добравшись до мѣста, гдѣ у него чесалось, - это лавка и больше ничего. Развѣ можетъ быть лавка, чтобы она не была лавкой? Это лавка. Но если вы хотите знать, Аниска, чѣмъ тамъ торгуютъ, то я могу вамъ сейчасъ же рассказать. Тамъ не торгуютъ ни табакомъ, ни посудой, ни платьемъ, ни хлѣбомъ. Это башмачная лавка.

— Хорошее дѣло,—задыхаясь поддержала Маня.—Башмаки. Развѣ можно жить безъ башмаковъ? Вотъ теперь, Эли, я только подумала, что никто не ходитъ безъ башмаковъ. Смотри ка, Аниска, есть столько людей на свѣтѣ и хоть бы одинъ ходилъ босой. Последній нищій вѣдь нуждается въ башмакахъ. Это какъ хлѣбъ. Ты видѣлъ, чтобы кто-нибудь жилъ безъ хлѣба? Я вамъ говорю, Эли, что то, что вы бѣдны,—это отъ Бога, но ваша голова,— пусть я уже такой годъ имѣю хорошей. Что это сердце у меня такъ начало сильно биться. Вы не знаете, Эли, почему я теряю дыханіе?

— Вы хотѣли развѣ всегда имѣть дыханіе?—возразилъ Эли.—Вы меня хорошо спросили. Развѣ всегда можетъ что-нибудь быть? Конецъ вѣдь долженъ откуда-нибудь взяться. Вы имѣете дѣло съ дыханьемъ, а я съ лишаемъ. Развѣ я жалуясь? Я вѣдь долженъ отчего нибудь кончиться, пусть будетъ лишай. Могла быть голова, дыханье, нога, ну а есть лишай. Вотъ теперь онъ уже большой, какъ эта половина стола. Такъ я о немъ думаю? Пусть идетъ себѣ своимъ ходомъ. Вѣдь я не могу быть всегда здоровымъ, а конецъ, все равно, долженъ придти.

— Я бы навѣрно взялъ эту лавку,—вмѣшался Аниска,— пусть будетъ тихо Сонька,—но скажите, Эли, это дѣло для меня?

Подумайте, Эли, что я сдѣлаю, если потеряю мои деньги. А, Эли?— Шлемка, молчи Шлемка, я не могу говорить изъ-за тебя. Собака. гдѣ собака, укуси его.—Я знаю, Эли, что такое башмакъ? Вѣдь это для меня новая тора.—Маня, посмотри въ дѣтямъ, кажется, Шаечка плачетъ.—Маня на все готова, а Эли? Закрой ей ротъ Исакъ, а то я ее задушу. Ты замолчишь, Сонька.

— Аниска, — отвѣтилъ Эли, — что черезчуръ, то лишнее. Можно развѣ все взвѣсить или предвидѣть? Нужно быть осторожнымъ, и я не велю вамъ бросаться съ закрытыми глазами. Мы пойдемъ, осмотримъ, узнаемъ у сосѣдей, какъ покойный торговаль, еще разъ осмотримъ, двадцать разъ осмотримъ. Но конецъ, Аниска, долженъ же быть. Не сегодня, такъ завтра, а дѣло вы вѣдь хотите? Большого счастья я не предвижу, но, можетъ быть, хдѣбъ вы будете имѣть. Можетъ быть, и не будете имѣть, я знаю? Но я думаю, что это не плохое дѣло...

Его прервалъ крикъ Мани, вбѣжавшей въ комнату.

— Абрамчикъ кончается! — кричала она, ломая руки, — скорѣй, скорѣй...

— Что ты говоришь? — вскочилъ Аниска. — Бѣги же куда-нибудь, — нѣтъ я побѣгу! Эли, что дѣлать? Исакъ, одѣнь Шлемку. Молчи, Сонька, молчи. Пойдемъ, Эли, нѣтъ ты, Маня...

Онъ побѣжалъ въ сосѣднюю комнату, а за нимъ съ плачемъ Маня. Эли на минуту бросился въ дѣтямъ, ревѣвшимъ во всю мочь отъ страха.

— Тише, дѣточки, тише, — умолялъ онъ ихъ, — вы хорошия, хорошия дѣти. Вотъ я вамъ коробочки, принесу, много, много коробочекъ. Исакъ, посмотри за ними!

И онъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ лежали больные. Аниска, стоя подлѣ кровати, съ тоской глядѣлъ на Абрамчика, который уже посинѣлъ. Шайка присѣлъ и что-то безсвязно бормоталъ, глядя на землю.

— Ахъ, Эли, Эли! — вырвалось у Аниски, — ну что, что вы скажете? Гдѣ ваша помощь? Евреи, друзья, помогите! Ахъ, каждый годъ, почти каждый годъ одно и то же. Больные, больные, и бѣдные. Ахъ, Эли, Эли...

— Не кричи, не кричи, Аниска! — шикнула Маня. — Посмотри ка на него. Абрамчикъ, Абрамчикъ! Аниска у меня сердце лопнетъ. Абрамчикъ, ты не узнаешь меня? Это вѣдь я, я. Шаечка, дорогія, дорогія дѣти мои. Богъ мой, добрый, дорогой Богъ...

— Ну, плачьте, плачьте, — тихо шепталъ Эли, — вы должны плакать, но что тутъ Богъ!? Аниска, Маня, развѣ не лучше умереть теперь, пока онъ не вышилъ все горе, что даетъ жизнь. Жить въ нищетѣ, безъ помощи, какъ живете вы, жить въ горѣ, въ мукахъ, какъ живутъ всѣ большія тысячи евреевъ, ахъ, Аниска,

Маня, лучше смерть теперь, чѣмъ вырости. Плачьте,—возвышалъ онъ голосъ,—плачьте несчастные люди, эти слезы ваши слезы и ихъ никто у васъ отнять не можетъ. Плачьте глазами и только половиной сердца и пусть другая радуется, что будетъ меньше однимъ евреемъ не свѣтъ, меньше одной клячей, которая, надорвавшись, умереть гдѣ-нибудь, наплодивъ еще клячь, которыхъ ожидаетъ та же судьба. Плачьте, плачьте, и я съ вами буду плакать вмѣстѣ и молить этого глухого Бога, чтобы онъ наконецъ помогъ вамъ и этимъ большимъ измученнымъ тысячамъ и каждому еврею, гдѣ бы онъ ни жилъ на землѣ!

Малютка тяжело хрипѣлъ. Казалось, что своими вздрагивающими руками онъ боролся съ какой-то злой силой, крѣпко наскѣвшей на его горло. А Шайка все смотрѣлъ на землю и бормоталъ что-то о холодѣ, Абрамчикѣ, о Сонькѣ и раскачивался тѣломъ, какъ молящійся старикъ.

Аниска плакалъ на груди у Эли, а Маня, припавъ на колѣни у постели, задыхаясь, всхлипывала.

— Сыночекъ мой, Абрамчикъ, одинъ разъ посмотри на меня, одинъ только разъ, ахъ, пусть бы я была на твоемъ мѣстѣ...

— Эли, Эли,—шептала Аниска.—Эли, вы еще не заглянули глубоко въ мое несчастье. Эли, и она больна, и долго ли она еще прохвораетъ? Эли, бѣдные, бѣдные, больные и никого на свѣтѣ...

— Уже!—вскрикнула вдругъ Маня.—Умеръ. Аниска, Эли, ахъ, мое сердце...

И она какъ-то сразу опустилась на полъ, словно подрѣзанная. Аниска, не позрѣвая еще правды, бросился къ ней и, повернувъ лицо къ Эли, началъ опять говорить ему что-то о бѣдныхъ, больныхъ людяхъ, у которыхъ никого, никого на свѣтѣ. Были тутъ уже и всѣ дѣти и они плакали, окруживъ мать, и теребя ее нетерпѣливо рученками; прибѣжала и Бася хромая, приведенная Исакомъ, явились и сосѣди, и всѣ эти разговоры, слезы, плачь слились въ одинъ общій стонъ.

А на дворѣ было темно, сыро и скверно, и мелкій дождь отчетливо, словно чьи-то шаги, стучалъ по крышамъ. Или, можетъ быть, это были шаги спѣшившихъ на помощь друзей?

Семень Юшкевичъ.

ЭРНЕСТЪ РЕНАНЪ.

(Опытъ характеристики).

Статья Н. Schoen.

Переводъ съ нѣмецкаго.

Рѣдко высказывались столь различныя сужденія о какомъ-либо ученомъ до и послѣ его смерти, какъ это было съ Ренаномъ. Тѣ же самыя черты характера, которыя въ Ренанѣ выше всего пѣвять извѣстные критики, наиболѣе горячо порицаются другими писателями. Одни восхваляютъ въ немъ неугасимую любовь къ истинѣ¹⁾, его божественно радостный оптимизмъ, его тонкую, чисто-галльскую иронию²⁾, его скептицизмъ въ духѣ новѣйшаго времени, его пламенное стремленіе къ идеалу³⁾, наивное безпристрастіе его взгляда, его ревностное усердіе къ наукѣ⁴⁾, наконецъ, его глубоко-религіозную натуру⁵⁾. Другіе упрекаютъ Ренана въ томъ, что онъ искалъ истину не изъ чистосердечной любви къ ней, но лишь изъ любопытства⁶⁾; порицаютъ его брюзгливый пессимизмъ, его аристократически-презрительный дилеттантизмъ⁷⁾, его безвадежный скептицизмъ, его грубо-реалистическій позитивизмъ, партийность его сужденій⁸⁾, неопредѣленность его религіознаго чувства,

1) См. замѣчательную статью Отто Пфлейдера въ «Deutsche Rundschau», и Юлиуса Роденберга, XIX, тетрадь 4-я, январь 1893 г., 17—18, стр. 32.

2) Вся французская пресса почти единогласно; объ этомъ сказано также уже въ 1867 г. въ берлинской «Реформѣ» («Reform»), номеръ отъ 18 апрѣля.

3) См. статью Мориса Барреса (Maurice Barrès), въ «Фигаро» отъ 4 октября 1892 года.

4) См. газету «Темпс» отъ 4 октября 1892 г.

5) См. превосходныя работы о Ренанѣ Густава Карпелеса (G. Karpeles) въ журналѣ «Magazin für Literatur»: 61-й годъ изданія №№ 42 и 43 отъ 15 и 22 октября 1892 г.

6) См. статью Эдмонда Шерера въ журн. «Mélanges de critique religieuse», Парижъ и Женевы 1860 г., стр. 593.

7) См. «Göttinger Gel. Anz.» отъ 5 августа 1863 г.

8) См. особенно рѣзкую критику Кеймса въ «Аугсбургской газетѣ» («Augsburger Zeitung») отъ 15, 16 и 17 сентября 1863 г.

«недостатокъ яснаго убѣжденія относительно законовъ и цѣлей религіознаго развитія человѣчества».

Въ чемъ заключается причина этихъ столь различныхъ, столь противоположныхъ сужденій? Это первый вопросъ, возникающій передъ тѣмъ, кто хочетъ критически разбирать произведенія Ренана. Но вопросъ этотъ не единственный. Проблемъ возникаетъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ подробнѣе разсматриваются личность Ренана, его духъ, его историческія сочиненія.

Нѣмногіе изъ новѣйшихъ писателей оказывали при своей жизни большее, чѣмъ Ренанъ, вліяніе на своихъ современниковъ. Пять-шесть лѣтъ тому назадъ былъ въ модѣ умѣренный скептицизмъ Ренана подъ названіемъ «ренанизма», а спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти этотъ дилеттантизмъ, повидимому, уже устарѣлъ. Никогда ни одного французскаго ученаго не прославляли во Франціи такъ, какъ Ренана,— и однако Ренанъ не основалъ прочной школы.

Вліяніе Тэна будетъ замѣчаться еще многіе годы: его изслѣдованіе охватило всѣ, поясняющія исторію, науки. Вліяніе Ренана, напротивъ того, уже такъ много уменьшилось, что можно задать себѣ вопросъ: чтѣ останется отъ его вліянія лѣтъ черезъ двадцать?

Въ чемъ же заключается тайна столь большого, но и столь кратковременнаго вліянія? Какъ могла быть возможна такая рѣдкая популярность человѣка, который съ аристократически-надменнымъ самосознаніемъ возвышался надъ массою обыкновенныхъ людей? Почему произошло такое быстрое паденіе послѣ столь прославленной жизни? Откуда эти знаки высокихъ почестей и эти враждебныя чувства — по отношенію къ человѣку, который никогда не отдавалъ своего пера къ услугамъ религіозныхъ или политическихъ партій, который работалъ въ очень ограниченной области и не хотѣлъ идти «ни къ какой иной цѣли, какъ только къ точному познанію истины?»¹⁾

Теперь, когда прошли времена перваго энтузіазма, равно какъ и годы партійной полемики, будетъ легче, быть можетъ, рѣшить нѣкоторыя изъ этихъ проблемъ и обозрѣть всю совокуиность твореній Ренана съ тѣмъ, чтобы оцѣнить этого великаго ученаго какъ филолога, какъ историка, какъ философа.

Авторъ нижеслѣдующихъ страницъ много лѣтъ былъ слушателемъ Ренана. Не легко дѣлать оцѣнку произведеній такого учителя, не прослушавъ его лекцій въ «Collège de France». Часто эти послѣднія бросали новый свѣтъ на его теоріи; часто взгляды писателя въ устномъ изложеніи выражались яснѣе и удобопонятнѣе, чѣмъ въ его книгахъ. Его слушатели въ Парижѣ были, такъ сказать, свидѣтелями генезиса его книгъ. Они присутствовали при изслѣдованіяхъ, одни результаты

¹⁾ См. введеніе въ сочиненіе Ренана «Etudes de l'histoire religieuse», 1-е изданіе 1856 г.

Прим. автора.

которыхъ узнавала читающая публика. Правда, слушавшій Ренана впервые въ «Collège de France» иностранецъ сначала нѣсколько разочаровывался въ немъ: ожидая изложенія столь же блестящаго, сколько остроумнаго, онъ слышалъ рѣчи совсѣмъ необработанныя, даже нѣсколько небрежно составленныя; медленно слѣдовало слово за словомъ; часто встрѣчались повторенія. Однако, какое богатство мыслей! какое обиліе мѣткихъ замѣчаній! Немного было профессоровъ, умѣвшихъ интересно излагать трудные научные вопросы. И уже навѣрное, не было ни одного ученаго, который сильнѣе дѣйствовалъ бы на слушателей. Одинъ за другимъ открывались новые взгляды на исторію христіанства, на исторію народа Израильскаго.

Поэтому первымъ чувствомъ къ Ренану въ каждомъ его слушателѣ должно быть чувство благодарности за испытанное умственное возбужденіе. Чѣмъ неудовлетворительнѣе кажется мнѣ методъ великаго ученаго, чѣмъ болѣе выводовъ его я отвергаю, тѣмъ менѣе права имѣю я забывать, какъ многимъ я ему обязанъ въ положительныхъ знаніяхъ, въ отдѣльныхъ сужденіяхъ, въ психологически - социальныхъ наблюденіяхъ. Если я отваживаюсь, все-таки, критиковать взгляды учителя, то вѣдь я дѣлаю только то, что дѣлалъ онъ самъ относительно своихъ учителей.

I.

Личность Ренана.

Личность Ренана тѣсно связана съ его историческими и критическими сочиненіями. Ни одинъ писатель-историкъ не вкладывалъ въ свои книги болѣе своихъ собственныхъ мыслей, чѣмъ Ренанъ. «Каждый человѣкъ», справедливо пишетъ Эдуардъ Родъ¹⁾: «носить въ себѣ разукрашенный образъ (une image embellie) себя самого, своего «я», недостатки котораго онъ уменьшаетъ въ своемъ воображеніи, добродѣтели котораго онъ въ душѣ усиливаетъ, представляетъ болѣе совершенными то «я», какимъ онъ хотѣлъ бы быть. Это идеальное «я» необходимо бываетъ нормой, по которой человѣкъ разбирается въ окружающемъ мірѣ и составляетъ сужденія о другихъ людяхъ. Такое свое «я» Ренанъ изображалъ въ своихъ сочиненіяхъ... Сакія Муни, Маркъ Аврелій, Францискъ Ассизскій, Спиноза суть у него только его внутреннее, разукрашенное, идеализированное «я» (son moi intérieur, corrigé, idéalisé), и, не смотря на то, что онъ научно, добросовѣстно изслѣдовалъ документы, эти образцы онъ создалъ болѣе изъ

¹⁾ Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Les idées morales du temps présent» 3-е изд., Парижъ, 1892 г., гл. I «Эрнестъ Ренанъ, 1848—1890 г.», стр. 31 и 32. Эд. Родъ, нынѣ профессоръ литературы въ Женевѣ, былъ сначала ученикомъ Золя, но нѣсколько лѣтъ назадъ пересталъ писать реалистическіе романы, не утративъ своей первоначальной способности къ наблюденію.

глубины своего существа (de son propre fond), нежели изъ объективной исторіи».

Мы увидимъ, насколько вѣрно это сужденіе и насколько герои Ренана походятъ на собственную личность автора.

Я не собираюсь здѣсь писать біографію великаго ученаго; но вслѣдствіе полнаго сходства духа его героевъ съ его собственнымъ міросозерцаніемъ невозможно разбирать сочиненія Ренана, не зная его характера.

По увлекательно и драматично написаннымъ «Воспоминаніямъ дѣтства и юности»¹⁾ мы можемъ ознакомиться съ характеромъ Ренана, хотя бы по немногимъ собственнымъ его признаніямъ. Онъ рассказываетъ, какъ унаслѣдовалъ отъ своей матери тотъ свѣтлый здравый смыслъ, ту гасконскую иронію, которыми характеризуются всѣ его сочиненія. Вліянію бретонской крови своего отца онъ приписываетъ мистически религіозное чувство, романтическую мечтательность, которыя его никогда не покидали вполнѣ, даже и въ часы сомнѣнія. Смѣшеніемъ обѣихъ этихъ чертъ характера, изъ которыхъ преобладаетъ то одна, то другая, объясняется намъ міровозрѣніе Ренана. Это покажетъ также, почему столь различно судили объ этомъ ученомъ.

Уже съ раннихъ лѣтъ Ренанъ предназначался къ духовному званію, которому, какъ казалось, наиболѣе соотвѣтствовалъ католическій идеалъ его юности. Богословіе ввело его въ область науки. Въ сущности онъ всегда оставался богословомъ, хотя и не создалъ никакой догматической системы. Внутреннее влеченіе возвращало его постоянно къ психологическимъ и религіознымъ проблемамъ. Въ этомъ сказывалось, впрочемъ, и вліяніе его воспитанія священниками въ большой семинаріи св. Сюльпиція («St. Sulpice») еще болѣе, чѣмъ его личная склонность къ религіознымъ вопросамъ. Эта священническая семинарія постепенно создала Ренана такимъ, какимъ онъ былъ. Она изошрала его умъ упражненіемъ въ научныхъ изслѣдованіяхъ и преніяхъ, такъ что умъ этотъ сдѣлался «острымъ какъ отточенная сталь»²⁾ Этой семинаріи Ренанъ былъ обязанъ своимъ классическимъ образованіемъ и особенно полнымъ знаніемъ латинскаго языка,—знаніемъ, какого онъ не получилъ бы ни въ одномъ изъ французскихъ «lycées» (гимназій) того времени. Въ семинаріи происходила и та «трагическая борьба разума съ прежней вѣрой»³⁾, та борьба честной совѣсти съ вѣшними и свѣтскими предразсудками, изъ которой Ренанъ вышелъ побѣдителемъ и которая оказала рѣшающее вліяніе какъ на его нравственный характеръ, такъ и на всю его жизнь.

¹⁾ «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», Эрнеста Ренана, 22-е изданіе, Парижъ 1893 года.

²⁾ «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 303: «Ce n'est pas ma faute si mes maîtres m'avaient enseigné la logique, et, par leurs argumentations impitoyables, avaient fait de mon esprit un tranchant d'acier».

³⁾ Idem., стр. 297: «cette grande lutte engagée entre ma raison et mes croyances».

Трогательно-драматически изображает Ренанъ этотъ внутренній кризисъ, который онъ любилъ называть «нафтали» (Naphthali) изъ древне-еврейскаго выраженія «я боролся въ божьихъ борьбахъ» («Naph-toulé Elohim niphalti»). «Свобода,—пишетъ онъ въ своихъ «Воспоми-ніяхъ дѣтства и юности»—которой другіе люди достигаютъ однимъ един-ственнымъ усиленіемъ, была для меня медленно приобрѣтенною собствен-ностью. Мнѣ нужно было шесть лѣтъ напряженнаго труда для того, чтобы замѣтить, что мои духовные учителя не были непогрѣшимы. При крушеніи вѣры, которую человѣкъ сдѣлалъ центромъ своей жизни, онъ охотѣе хватается за самое невѣроятное средство спасенія, чѣмъ усту-паетъ, какъ утраченное, все, что любилъ».

«Каждый день отпадало по члену моего символа вѣры. Сила, которой я не могъ преодолѣть, потрясала вѣру, бывшую основаніемъ моей жизни и моего земнаго счастья», такъ писалъ онъ 29-го марта 1844 г. своему вѣрному другу Франциску Лиару (Liart): «о другъ мой, какъ жестоко-мучительны эти ощущенія (que ces sensations sont cruelles). Человѣ-ческія средства помощи нисколько не помогаютъ въ такихъ болѣз-няхъ: только Богъ можетъ ихъ излѣчить, «*manu mitissima et suavissima portastans vulnera mea* ¹⁾», какъ говоритъ св. Августинъ. Иногда пробуждается «*Angelus Satanae qui me cholaphizet...*». А черезъ годъ Ренанъ пишетъ тому же другу, уже при смерти больному: «Какъ часто я уже чувствовалъ желаніе, чтобы человѣкъ появлялся на свѣтъ со-вершенно свободнымъ или безъ всякой свободы. О немъ менѣе слѣдо-вало бы сожалѣть, если бы онъ рождался какъ растеніе, безъ способ-ности къ перемѣщенію, прикрѣпленнымъ къ почвѣ, которая должна питать его. Съ этимъ же клочкомъ свободы (*ce lambeau de liberté*) че-ловѣкъ достаточно силенъ для сопротивленія и, напротивъ того, слиш-комъ слабъ для дѣйствія... Ахъ! Боже мой! Боже мой! почему Ты оста-вилъ меня? Какъ согласовать все это съ господствомъ одного Отца? Въ этомъ заключаются тайны, мой другъ! Счастливы, кто можетъ ихъ постигнуть хотя бы только умозрительно!» ²⁾.

Наконецъ Ренанъ призналъ, что не можетъ согласовать свои но-выя мнѣнія съ догматами католической церкви. Филологія, историче-скія событія привели его къ этому убѣжденію еще болѣе, чѣмъ фило-софскія и отвлеченныя умозаключенія. «Временами я жагѣю, что не родился въ странѣ, гдѣ оковы нравовѣрія были бы не столь тѣсны, какъ въ католическихъ странахъ, ибо при всемъ этомъ я хочу быть христіаниномъ, но *не могу быть правотернымъ*. Когда я вижу, что на-зываютъ себя христіанами мыслители столь свободные и смѣлые, какъ Гердеръ, Кантъ и Фихте, тогда для меня было бы радостью быть хри-стіаниномъ въ такомъ родѣ. Но возможно ли это для меня въ католи-

¹⁾ «Мягкой и вѣжной рукой касаюсь ранъ моихъ».

²⁾ «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 309 и 310.

цизмъ? Подъ такимъ желѣзнымъ затворомъ? Кто положить основаніе рациональному христіанству среди насъ? Признаюсь, я думаю, что нашелъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей истинную, подходящую для насъ форму христіанства. Если бы я могъ дожить до того дня, когда это христіанство приметъ форму религіи, удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ нашего времени! Если бы я самъ могъ содѣйствовать этому великому дѣлу! Что меня приводитъ въ отчаяніе, это то, что для того, чтобы быть въ состояніи содѣйствовать этому въ полной мѣрѣ, я, быть можетъ, долженъ буду когда-нибудь сдѣлаться священникомъ, а священникомъ сдѣлаться я не могу безъ грѣховнаго лицемѣрія... Иногда мнѣ удавалось быть одновременно католикомъ и рационалистомъ; все же священникомъ быть не могу: священниками становятся *не на мнѳовеніе*, ими становятся *навсегда* ¹⁾. Внутренняя борьба кончилась выходомъ изъ семинаріи. Юноша пожертвовалъ блестящей карьерой. Полное мрачныхъ предчувствій, стояло передъ нимъ будущее. Неутомимымъ трудомъ долженъ былъ онъ завоевывать себѣ независимое положеніе. Но честная совѣсть побѣдила: онъ могъ смѣло открытыми глазами смотрѣть на свѣтъ.

Такъ Ренанъ постепенно переходилъ отъ католической вѣры къ сомнѣнію, отъ догматики къ критикѣ.

Отъ семинаріи у него остается то симпатичное пониманіе чувственной стороны религіи, которое мы будемъ постоянно встрѣчать въ его историческихъ сочиненіяхъ. Если въ немъ и нѣтъ вѣры въ тотъ моментъ, когда онъ пишетъ, то все же эта вѣра въ немъ была прежде. «Для того, чтобы написать исторію религіи,—говоритъ Ренанъ въ своей «Жизни Иисуса»—необходимо, во-первыхъ, въ прошломъ имѣть въ себѣ вѣру по этой религіи; но, во-вторыхъ, необходимо, чтобы въ настоящемъ такой безусловной вѣры въ авторѣ уже не было, ибо безусловную вѣру нельзя согласовать съ исторіей». Оба эти условія были исполнены у Ренана. Онъ, по крайней мѣрѣ, сохранилъ любовь къ предмету своихъ разсужденій. Такая восторженно-религіозная любовь останется характеристической чертой Ренана. То, что онъ называлъ «радостью религіознаго возбужденія» (*le plaisir de l'émotion religieuse*) сдѣлалось его высшимъ удовольствіемъ.

Не смотря на эту мистическую черту характера, Ренаномъ всегда болѣе руководила *положительная* сторона его натуры: уже въ юности вниманіе его направлялось къ точнымъ наукамъ; въ семинаріи онъ ужасается передъ ихъ результатами. Послѣ сдѣланнаго имъ рѣшительнаго шага онъ знакомится съ молодымъ естествоиспытателемъ Бертело (Berthelot). Пиша свои «Воспоминанія дѣтства и юности», онъ сожалѣлъ, что судьба не направила его, какъ Бертело, къ изученію

¹⁾ Письмо отъ 6 сентября 1845 г. къ его духовному наставнику (Directeur de conscience) въ семинаріи.

Прим. автора.

естественныхъ наукъ: онъ сдѣлалъ бы, думаетъ онъ, главнѣйшія открытія Дарвина, основныя идеи котораго были у него уже по выходѣ изъ семинаріи въ формѣ неясныхъ предчувствій ¹⁾).

Эта все увеличивающаяся любовь къ реальному окажетъ значительное вліяніе на научный методъ Ренана. Она будетъ главной причиной той эволюціи въ немъ, которую мы рассмотримъ въ слѣдующей главѣ; этимъ стремленіемъ къ познанію реального объяснится существующее въ философіи Ренана противорѣчіе между позитивно-материалистическимъ мировоззрѣніемъ и мистически-религіознымъ чувствомъ. При такой склонности къ реальному Ренанъ обладалъ самымъ тонкимъ пониманіемъ жизни человѣка и народовъ. Католическіе священники во Франціи—наилучшіе психологи: они знаютъ, какъ можно играть на клавишахъ человѣческой души. Ренанъ никогда не забывалъ этого изученнаго имъ въ семинаріи «St. Sulpice» искусства; отсюда масса психологическихъ замѣчаній во всѣхъ сочиненіяхъ Ренана, даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ объясняетъ трудную филологическую задачу. Взглядъ его, повидимому, былъ особенно провидательнымъ относительно темныхъ сторонъ человѣческой природы; часто онъ говорилъ о человѣческихъ недостаткахъ, охотно бичевалъ народныя суевѣрія; въ его улыбка было нѣчто ироническое. Повидимому, Ренанъ всегда относился къ народной массѣ съ аристократическимъ презрѣніемъ; быть можетъ, поэтому могли упрекать его нѣкоторые критики въ томъ, что онъ сдѣлался подъ старость «брюзгливымъ пессимистомъ» ²⁾). Конечно, возможно выбрать у каждаго писателя нѣсколько замѣчаній, звучащихъ, на первый взглядъ, пессимистически, но, въ сущности, выражающихъ преобладающее въ извѣстный моментъ настроеніе духа ³⁾). Основная же черта Ренана есть именно противоположность пессимизму, — и это объяснить намъ его жизнерадостную, ясную философію. Жизнь представляется ему «увлекательною прогулкою»; вѣкъ въ которомъ онъ жилъ, онъ считалъ «занимательнѣйшимъ изъ всѣхъ вѣковъ». «Жизнь, дарованная мнѣ безъ моего желанія, была для меня благодѣяніемъ»... «Если бы я могъ измѣнить что-либо въ моей жизни, я все оставилъ бы, какъ было»... «Я не думаю, что существуетъ на свѣтѣ много людей болѣе счастливыхъ, нежели былъ счастливъ я». «Я любилъ міръ... Мое душевное спокойствіе—полное... Въ природѣ и обществѣ я встрѣтилъ чрезвычайную любезность».

Это не есть языкъ новѣйшаго пессимиста, и это душевное спокойствіе, это довольство сохранялось у Ренана неизмѣнно до старости.

Что сообщало ему эту ясность духа, несмотря на его въ послѣд-

¹⁾ См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 263.

²⁾ См. статью о Ренанѣ Г. Карпелеса въ журналѣ «Magazin für Litteratur», годъ изданія 61, номеръ 42.

³⁾ См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», вступленіе стр. XIII и XIV. и стр. 362, 373, 374, 377 и 378.

нѣ годы недостаточно хорошее здоровье,—это была его неутомимая охота къ труду: въ послѣдніе годы жизни онъ все еще работалъ иногда по 12—14 часовъ въ день. Онъ какъ будто предчувствовалъ, что долженъ поснѣшить; еще не было окончено печатаніе четвертаго тома его «Исторіи народа Израильскаго», какъ онъ уже посылалъ издателю пятый томъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ Ренанъ руководился естественною потребностью просвѣщенія, познанія истины¹⁾. Онъ самъ часто говоритъ объ этой своей «потребности», о своемъ «страстномъ желаніи познать истину», о своемъ «инстинктивномъ стремленіи» къ полному (adéquat) познанію вещей.

«Что у меня всегда было,—воскликнулъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на «кельтическомъ банкетѣ» въ мѣстѣ его рожденія, городѣ Трегіэ, въ Бретани,—это—любовь къ истинѣ, на моей могилѣ слѣдовало бы написать: «Veritatem dilexit». Да, я любилъ истину, искалъ ее, слѣдовалъ за нею, не обращая вниманія на жертвы, которыхъ она отъ меня требовала; повинуюсь ей, я разорвалъ узы, тѣснѣе всего меня связывавшія... У меня есть убѣжденіе, что я поступалъ хорошо».

Но не слѣдуетъ забывать, что это слово *истина* въ книгахъ Ренана часто имѣетъ смыслъ, отличный отъ обыкновеннаго значенія этого слова. Я долженъ признаться, что мнѣ всегда казалось страннымъ это слово въ сочиненіяхъ и на лекціяхъ Ренана. Когда мы говоримъ объ истинѣ или слушаемъ, какъ о ней говорятъ, мы привыкли думать о неизмѣнной, всегда остающейся одною и тою же идеѣ, которой все должно подчиняться. Она—цѣль нашихъ изслѣдованій; она внѣ насъ и отъ насъ независима. Но у Ренана это не такъ. Въ его сочиненіяхъ подъ истинною, повидимому, нужно понимать то христіанство, то науку, Божество, то ту его собственную идею, которую составилъ себѣ авторъ о Божествѣ. Это—истина, зависимая отъ духа автора, ее ищущаго; она измѣняется согласно тому, какъ измѣняется идея автора о Божествѣ.

Поэтому оказалось возможнымъ прославлять неугасаемую любовь Ренана къ истинѣ и въ то же время обвинять его въ томъ, что онъ покинулъ истину.

Эволюція Ренана (см. ниже § II) объяснитъ намъ эти различныя значенія слова «истина».

Но разъ мы признаемъ, что смыслъ слова «истина» у Ренана измѣняется, его любовь къ «истинѣ» можетъ обозначать для насъ только ту радость, какую находилъ онъ въ своей работѣ; а, безъ сомнѣнія, этотъ великій французскій ученый никогда не ощущалъ недостатка въ такомъ чувствѣ.

Мы видимъ, какая сложная натура былъ Ренанъ. «Во всѣхъ почти

¹⁾ См. мой некрологъ Ренана въ газетѣ «Post» отъ 12 октября 1892 г.

насть обитають по двѣ души (*presque tous nous sommes doubles*), — пишетъ онъ въ своемъ предисловіи къ «*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*». Великій французскій художникъ Леонъ Бонна (*Léon Bonnat*) два года тому назадъ стужѣлъ передать эти контрасты въ одномъ изображеніи знаменитаго профессора. Великій историкъ народа израильскаго представленъ въ его ученомъ кабинетѣ. Онъ сидитъ въ своемъ большомъ желтомъ кожаномъ креслѣ; голова наклонена немного впередъ; на черномъ старомодномъ сюртукѣ профессора ярко выдѣляется красный офицерскій бантикъ Почетнаго Легіона; изъ отгѣненныхъ густыми бровями глазъ сіяетъ тихая улыбка: это — гордое чувство ученаго, который послѣ безконечной работы спокойно и бодро просматриваетъ близкое къ концу сочиненіе; это — поэтическій огонь художника слова, пишущаго исторію «не такъ, какъ она была, но такъ, какъ она могла бы быть»¹⁾. Всѣ контрасты ясно выступаютъ на тонкихъ чертахъ лица великаго писателя: съ одной стороны, спокойствіе духа человѣка, который самъ всегда жилъ чисто и добродѣтельно, съ другой — проповѣдникъ легкой морали, который въ послѣдніе свои годы ободрялъ молодежь, совѣтуя наслаждаться жизнью. Съ одной стороны, взглядъ друга людей, довольнаго самимъ собою и міромъ, съ другой — та скептическая иронія, которая не снисходитъ до участія въ человѣческомъ бѣдствіи.

Какъ часто на лекціяхъ Ренана по исторіи замѣчалась эта его тонкая, слегка презрительная усмѣшка скептика. Спокойно и съ ироніей посматривалъ ученый на многочисленныхъ слушателей, желавшихъ хотя бы одинъ только разъ видѣть черты лица всемірно-извѣстнаго Ренана. Многие приходили только одинъ разъ, иные оставались только пять или десять минутъ: они видѣли великаго писателя и этимъ вполне удовлетворялись. «Продолжайте, — казалось, говорилъ Ренанъ своимъ любопытнымъ почитателямъ: — вѣдь вы итѣ вовсе не жѣпаете», и онъ предлагалъ вниманію прекрасныхъ слушательницъ, уставившихся на него широко-открытыми глазами, нѣсколько строчекъ древне-еврейскаго текста! Или онъ подсмѣивался надъ человѣческимъ легковѣріемъ, сдѣлавшимъ изъ священниковъ повелителей, изъ явленій природы — чудеса...

Такимъ образомъ Ренанъ былъ, можетъ быть, самою многостороннею личностью своего вѣка. Его характеръ, образованіе, вліянія, которымъ онъ подвергался, объясняютъ намъ его методъ, его историческія и филологическія сочиненія, философію и мораль.

II.

Методъ и эволюція Ренана.

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что методъ Ренана послѣ того, происшедшаго въ немъ, рѣшительнаго кризиса, который я оха-

¹⁾ Введеніе въ «*Histoire du peuple d'Israël*», I.

рактизовалъ въ предъидущей главѣ этой статьи, оставался всегда неизмѣннымъ. Большинство критиковъ удовольствовались разъясненіемъ рѣшительнаго перехода Ренана отъ католицизма къ независимой наукѣ по его «Воспоминаніямъ дѣтства и юности»¹⁾. Однако, эта эволюція не завершилась окончательно еще долго по выходѣ изъ семинаріи; эволюція совершалась медленно. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, найти большую противоположность, чѣмъ та, которая бросается намъ въ глаза при сравненіи первыхъ статей Ренана съ его послѣдними сочиненіями. Диссертация «Будущее науки»²⁾ и «Философскіе діалоги» или «Feuilles détachées» настолько же отличаются одно отъ другого, насколько періодъ мечтаній и самыхъ радужныхъ надеждъ автора, какимъ былъ 1848 годъ, отличается отъ періода его ослабленія и разочарованія, какимъ былъ годъ 1890. Это—полный переходъ отъ догматизма къ привѣтливому, благодушному скептицизму. «Является вопросъ, какъ могъ выйти изъ молодого доктринера поэтъ, который вкладываетъ въ уста своего героя Просперо столь блестящія рѣчи о непрочности добродѣтели,— изъ доктринера, который хотя и порвалъ отношенія съ церковью, но который, совсѣмъ какъ ученикъ Гизо, говорилъ о «непоколебимомъ основаніи... на которомъ человѣкъ до самой смерти будетъ находить прочную точку опоры». Одинъ кажется тоскующимъ по аббатству Телема (Thelème), гдѣ бы онъ могъ вмѣшаться въ веселыя игры мальчиковъ и дѣвочекъ, другой совсѣмъ просто говоритъ своимъ современникамъ: «добро есть добро, зло есть зло»³⁾.

Едва ли возможно точнѣе отмѣтить оба полюса эволюціи Ренана. Я хотѣлъ бы теперь обозначить, по крайней мѣрѣ, главныя стадіи этой эволюціи.

Уже въ свое учебное время Ренанъ медленно переходилъ отъ догматизма къ критицизму. Нѣмецкая литература, особенно критика Библии и научный методъ этой критики производили на него сильное впечатлѣніе⁴⁾. «Эта Германія,—пишетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства и юности», —восхищаетъ меня... Необходимость насколько возможно расширить мое изученіе семитическаго толкованія Священ-

¹⁾ Откуда противорѣчивые отзывы прессы. Однако, одинъ изъ нѣмецкихъ чонныхъ, Отто Пфлейдереръ, догадывался и объ окончательной эволюціи Ренана («Deutsche Rundschau», Jan. 1893. S. 32: «Sollten wir annehmen...». Если бы этотъ берлинскій профессоръ слушалъ и зналъ долгое время самого Ренана, онъ, навѣрное, ту эволюцію Ренана, которую онъ «не осмѣливается критически разбирать» («nicht zu beurtheilen wagt»...), охарактеризовалъ бы по своему обыкновенію ясно и остроумно. См. также изъ французскихъ ученыхъ Эд. Рода «Les idées morales du temps présent», стр. 12 и 13.

²⁾ «L'avenir de la Science»,—написано вскорѣ по выходѣ Ренана изъ семинаріи и только спустя полъ-вѣка издано.

³⁾ См. статью Эд. Рода «Les idées morales du temps présent», стр. 11 и 12.

⁴⁾ «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», добавленіе въ 22-мъ изданіи, стр. 385: «Oui, cette Allemagne me ravit...»

наго Писанія заставила меня изучать нѣмецкую литературу. Въ этой литературѣ позналъ я новый геній, совершенно отличный отъ нашего духа семнадцатаго столѣтія. Я удивлялся этому генію тѣмъ болѣе, чѣмъ далѣе прозрѣвагъ его до его предѣловъ. Особенный духъ, свойственный Германіи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія, поразилъ меня; мнѣ казалось, что я вступаю въ храмъ. Здѣсь, наконецъ, было то, что я искалъ: *примиреніе религіознаго духа съ критическимъ* ¹⁾... Я часто сожалѣю, что я не протестантъ: тогда я могъ бы быть философомъ, не переставая быть христіаниномъ... Я не могъ рѣшиться совсѣмъ оставить великую традицію религіи, которою я жилъ до той поры. Я мечталъ о будущихъ реформахъ, когда философія христіанства, освобожденнаго отъ шелухи суевѣрія и притомъ сохраняющаго свою нравственную силу (именно въ этомъ заключалась моя мечта!), оставалась бы великою школою и руководительницею челоуѣчества. Прочитанныя мною нѣмецкія сочиненія внушили мнѣ эти мысли; Гердеръ былъ тотъ нѣмецкій писатель, съ сочиненіями котораго я ознакомился лучше, чѣмъ съ сочиненіями другихъ писателей. Его широкіе взгляды приводили меня въ восхищеніе, и часто я говорилъ себѣ съ живымъ сожалѣніемъ: *увя! вотъ я не могу думать, какъ Гердеръ, и оставаться въ то же время христіанскимъ проповѣдникомъ* ²⁾.

Выражая это желаніе быть протестантомъ, молодой богословъ уже высказалъ свое отвращеніе къ семинарскому методу слѣпago подчиненія догматамъ церкви.

Въ тотъ моментъ, когда Ренанъ, имѣя отъ роду двадцать три года, по причинѣ сомнѣній совѣсти покидаетъ большую семинарію, онъ твердо убѣжденъ, что не могъ бы больше склоняться подъ авторитетомъ католической церкви. Мужественно, какъ воинъ, вступаетъ онъ въ борьбу и упрекаетъ католическую церковь въ униженіи высшаго блага, въ низкой оцѣнкѣ челоуѣческаго достоинства; онъ думаетъ, что церковь «нанесла дѣйствительный вредъ челоуѣчеству (*fait un tort réel a l'humanité*) тѣмъ, что она учила людей пренебрегать дѣйствительнымъ существованіемъ по сравненію его съ будущимъ блаженствомъ».

«Цѣль челоуѣчества,—говоритъ онъ въ диссертациі «Будущее науки»,—есть не блаженное состояніе, но интеллектуальное и моральное совершенство. Великій Боже! на этомъ, конечно, можно успокоиться, если для достиженія совершенства нужно проходить черезъ безконечное» ³⁾.

Въ этомъ 1848 году Ренанъ еще думаетъ, что нравственность сама по себѣ имѣетъ достоинство и представляетъ положительный объектъ! Онъ опровергаетъ скептическихъ философовъ, которые не хотятъ въ-

¹⁾ «Souvenirs...», стр. 291 и 292: «la conciliation d'un esprit hautement religieux avec l'esprit critique...»

²⁾ «Souvenirs...», стр. 311.

³⁾ См. критику Эд. Рода (E. Rod, loc. cit. S. 13 f.).

ритель въ прекрасное твореніе современной науки, въ божественную цѣль человечества, въ человѣческое достоинство, въ Бога и въ разумъ. Потеря прежней вѣры привела его къ нѣкоторой меланхоли: онъ сѣтуетъ на свое сомнѣніе и сожалѣетъ, что уже не можетъ найти прежняго покоя, прежняго непоколебимаго довѣрія. «Богъ,—воскликаетъ онъ,—оставилъ меня; безъ Бога міръ пустъ, печаленъ, бѣденъ добродѣтелями».

Мы видимъ, что въ этомъ юношескомъ произведеніи Ренана описывается лишь продолженіе той драмы въ его душѣ, первый актъ которой имѣлъ мѣсто въ семинаріи. Какъ тогда нѣмецкіе ученые толкователи Священнаго Писанія, такъ теперь французскіе энциклопедисты производятъ на него сильное впечатлѣніе, въ особенности Руссо; поэзія, мечтательность, направленная къ природѣ, и мистически-эстетическій спиритуализмъ этого послѣдняго овладѣваютъ душой молодого ученаго. Онъ восхваляетъ тихую деревенскую жизнь и еще болѣе восторгается живописно-грозными красотами дикой природы; онъ увлекается первоначальной исторіей человечества: «Священные вѣка, колыбель рода человѣческаго, кто будетъ въ состояніи васъ понять О правда, искренность жизни. Онъ удивляется французской революціи, плоды которой, какъ онъ полагаетъ, еще не созрѣли. Его душа открыта всѣмъ вѣяніямъ времени. Въ его писаніяхъ эхомъ отзывается все, что скрытно носится въ воздухѣ: «онъ насквозь пропитанъ окружающей его атмосферой», сказано въ одной рецензіи объ его книгѣ «Будущее науки». Ренанъ склоненъ къ социализму, какъ тогда понимали это ученіе. Ему знакомы сочиненія Фурье, онъ читалъ Сентъ-Симона; онъ убѣжденъ, что сенсимонизмъ могъ бы сдѣлаться «оригинальною философіею Франціи» въ девятнадцатомъ столѣтіи, если бы, по несчастію, эта философія не утратила своего надлежащаго пути. Воспитаніе, образованіе народа—это было, по его понятію въ то время, высшею цѣлью морали и политики. Но основою духа Ренана въ этомъ періодѣ была непоколебимая вѣра въ постоянную эволюцію религіозныхъ догматовъ и въ непрерывающіеся успѣхи науки. «Да, наступитъ день, когда человечество будетъ уже не *впрохатъ*, но *знать*... наступитъ день, когда ему будетъ извѣстна область метафизики и морали, какъ извѣстенъ міръ физическій». Однако, немного лѣтъ спустя въ блестящемъ, написанномъ для журнала «Revue des deux Mondes», произведеніи «Поэзія кельтическихъ расъ» исчезаетъ это убѣжденіе; появляется уже тотъ эстетически-скептический дилеттантизмъ, какимъ позже характеризуется Ренанъ. Ученый начинаетъ работать для журналовъ и газетъ, т. е. для «большой» (по количеству, разумѣется) публики. Возбуждать интересы становится, повидимому, главной цѣлью его сочиненій. Онъ отстранился отъ христіанства своей юности, въ чистой наукѣ онъ искалъ удовлетворенія для своего внутренняго влеченія къ истинѣ—и здѣсь также обманулся. Его религіозная вѣра рушилась; его жажда знанія не

была удовлетворена. «Онъ былъ», пишетъ Родъ,—недоволенъ самимъ собою, недоволенъ міромъ. 1).

И вдругъ онъ чувствуетъ, что христіанство, основы котораго онъ старался пошатнуть критикой, снова привлекаетъ его, что влеченіе это ново и непреодолимо. Первоначальное христіанство плѣняетъ его. Онъ находитъ въ религіи эстетическое наслажденіе. Что нельзя доказать научно, то можетъ имѣть значеніе *эстетически символическое*; во что уже не вѣрують, то все же можно любить: любовь возможна безъ вѣры. Можно призывать—не зная кого; можно благоговѣть передъ Божествомъ, не зная его; можно благодарить, не видя подателя: «я благодарю, не зная хорошо—кого (*sans savoir au juste qui je dois remercier, pourtant je remercie*)» 2); можно выдумать для себя вѣчную жизнь, рай, Бога; можно говорить объ этомъ и придавать своимъ вымысламъ имена, излюбленные суевѣрной толпой. Можно, употребляя любимое выраженіе Ренана, «выдумать свой романъ въ безконечномъ» 3) Медленно построить такой «романъ въ безконечномъ» становится дѣломъ Ренана: надъ этимъ трудился онъ въ своихъ статьяхъ, въ историческихъ сочиненіяхъ о происхожденіи христіанства и народа израильскаго, въ метафизическихъ діалогахъ и философскихъ драмахъ, въ «Essais» и «Mélanges», въ академическихъ рѣчахъ и лекціяхъ. Это былъ самый широко-плодовый періодъ дѣятельности великаго ученаго; однако мы увидимъ, что научное значеніе большей части его трудовъ понижается, когда методъ его отдаляется отъ чисто—научнаго критицизма. Какъ разрывъ съ догматизмомъ есть рѣшительный моментъ перваго періода духовной жизни Ренана, такъ переходъ отъ критицизма къ эстетически-гипотетическому способу воззрѣнія кажется намъ вторымъ актомъ этой эволюціи Ренана.

Какія же были побудительныя причины къ этому второму переходу?

Французскій критикъ, цитаты изъ статей котораго мы уже приводили, Э. Родъ хочетъ смотрѣть на путешествіе въ Палестину, какъ на существенно важный моментъ и главную причину этой перемѣны въ Ренанѣ. Нельзя сомнѣваться, что это путешествіе оказало значительное вліяніе на душу Ренана.

Послѣ того—какъ критика, казалось, разрушила все, чѣмъ поддерживалось мистическое благочестіе въ семинаріи, въ Святой Землѣ Ренанъ нашелъ многочисленныя воспоминанія, показавшіяся его поэтической душѣ новымъ откровеніемъ. «Палестина овладѣваетъ имъ»,—говоритъ не безъ основанія Эд. Родъ,—среди развалинь, свидѣтельствую-

1) Въ книгѣ Рода, изъ которой мы заимствуемъ многія указанія, глава II

2) См. «Souvenirs d'enfance et de jeunesse», стр. 375.

3) См. интересныя вступленія къ «*Vie de Jésus*» и къ 1-му тому «*Histoire du peuple d'Israël*»; напр., въ этомъ послѣднемъ сочиненіи Введеніе, стр. XXV.

Прим. автора.

щихъ о ярости магометанъ, путешественникъ находитъ повсюду слѣды древней роскоши и величія: граватовыя и фиговыя деревья пробуждаютъ въ его душѣ воспоминаніе о «галилейской идилліи». Геннисаретское озеро является поэту такимъ, какъ его изобразилъ Іосифъ, какимъ оно было во времена чудесной ловли рыбы, подобнымъ земному раю. Тамъ же Ренанъ обрѣтаетъ вновь школы, секты, идиллическое христіанство первыхъ вѣковъ; чувствомъ его овладѣваетъ божественная идиллія жизни Спасителя, ему представляется новый Мессія, «Мессія, присутствующій на свадебныхъ празднествахъ, призывающій какъ добраго Заххея, такъ и куртизанку»... Увлеченный картиной, которую представляетъ утомленному критикой изслѣдователю его поэтическая фантазія, Ренанъ забываетъ всѣхъ комментаторовъ жизни Іисуса, всѣхъ ученыхъ толкователей Священнаго Писанія, которые изъ вѣка въ вѣкъ отъ суроваго Павла до угрюмаго Кальвина, толковали мысли Христа. Душа Ренана дѣлается галилейской, простой, какъ души рыбарей на Геннисаретскомъ озерѣ. Какъ вѣкогда апостолы, какъ мытари, какъ Марія Магдалина, онъ отдается обаянію высокої прелести Мессіи. Какъ они, прислушивается Ренанъ къ голосу, къ Его божественнымъ словамъ. Онъ снова видитъ Его: исторія Спасителя становится для него похожей на чудесный сонъ; эта исторія выступаетъ передъ нимъ изъ мрака прошлаго въ видѣ ученія, которое является на землѣ торжествомъ всего добраго и сладостнаго, царствомъ благоговѣнія въ духѣ и истинѣ».

Я тѣмъ менѣе склоненъ отрицать такое рѣшающее вліяніе путешествія въ Палестину, что поэтическая натура Ренана сколько я знаю, была чрезвычайно воспримчива ко всѣмъ красотамъ Востока. Однако рядомъ съ этимъ я долженъ поставить не менѣе важную причину, на которую бѣльшая часть критиковъ обращали недостаточно вниманія: Ренанъ началъ писать для «большой» публики, узкій кругъ ученыхъ его уже не удовлетворялъ. «Что его испортило,—не безъ основанія говорилъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ Ад. Гарнакъ (Ad. Harnack),—это тотъ фактъ, что онъ писалъ для бульвара».

Никто не зналъ и не описывалъ эту опасность лучше самого Ренана. «Публика,—говоритъ онъ,—*большой губитель*: она соблазняетъ писателя впадать въ такія ошибки, въ которыхъ онъ послѣ долженъ раскаиваться. Такъ правящая буржуазія прежде громко рукоплескала актеру; но вслѣдъ за тѣмъ она изгоняла его изъ лона церкви». «Забавляй меня,—хотя-бы дѣною ада (*Damne toi, rougvi que tu t'amuses!*). Часто именно это чувство бываетъ скрыто въ самыхъ лестныхъ похвалахъ публики. Большею частью мы имѣемъ успѣхъ *благодаря нашимъ недостаткамъ* (*on réussit surtout par ses défauts!*) Когда я бываю очень доволенъ самимъ собою, меня похваляютъ десять человѣкъ. Когда я вступаю на опасный путь, на которомъ *колеблется моя лите-*

ратурная добросовѣстность и дрожитъ рука, тогда кричатъ тысячи и тысячи: «продолжай» ¹⁾).

Какъ тонко это замѣчаніе! Съ какою точностью приложимо оно къ сочиненіямъ Ренана во второмъ періодѣ его жизни! «Своими ошибками люди достигаютъ успѣха»,—не относится ли это точно также къ «Жизни Иисуса», къ «Исторіи народа Израильскаго»? Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ чисто научной дѣятельности Ренанъ замѣтилъ очень скоро, что писатели преимущественно стараются «облечься въ народный костюмъ», что они, вмѣсто того, чтобы служить исключительно только истинѣ, прежде всего стремятся *нравиться публикѣ*: «не понравиться массѣ—величайшее изъ несчастій (*le plus grand des malheurs*)» ²⁾, пишетъ вскорѣ послѣ вышеприведенныхъ разсужденій этотъ ученый.

Такъ прилагаются всѣ старанія къ тому, чтобы удовлетворить желаніямъ и потребностямъ современнаго поколѣнія.

Но этотъ новый методъ есть лишь послѣдствіе той эволюціи, вторую ступень которой мы только что отмѣтили.

Искусство удовлетворять вкусамъ «большой» публики Ренанъ постигъ какъ никакой другой писатель. Онъ зналъ тѣ требованія, какія французскій народъ предъявляетъ къ ученому. Въ то время, когда, видимо, романъ вытѣсняетъ всѣ инныя формы литературныхъ произведеній,—Ренанъ придалъ форму романа своимъ повѣствованіямъ о жизни Иисуса Христа, объ исторіи апостоловъ, объ исторіи развитія народа израильскаго. Въ тѣ годы, когда большинство ученыхъ отдалялось отъ ортодоксальнаго католицизма, онъ проповѣдывалъ рациональную, освобожденную отъ всѣхъ догматовъ религію. Своимъ жаднымъ до наслажденій современникамъ онъ доставлялъ удовольствіе религіознаго возбужденія чувствъ. Поколѣніе, которое само называетъ себя нервно больнымъ, онъ училъ анализировать свою болѣзнь и находить въ этомъ удовольствіе. «Наслаждаться жизнью, пока еще молоды—это быть можетъ, послѣднее слово мудрости, нравственности, религіи и къ этому все сводится»,—такова была мораль его послѣдней рѣчи въ «ассоціаціи студентовъ». Ренанъ приспособился къ окружающему его поколѣнію «декадентовъ» (*décadents*) и болѣе того,—онъ содѣйствовалъ распространенію духовной болѣзни, которою страдаютъ новѣйшіе писатели романовъ. Тотъ умѣренный скептицизмъ, который французы называютъ *ренанизмомъ*, существовалъ уже до Ренана. Однако остроуміе гениальнаго профессора много способствовало распространенію среди молодежи этого нравственнаго недуга (*névrosée morale*).

Особенно же удовлетворялъ Ренанъ требованіямъ французской публики формой своей литературы: у него была врожденная способ-

¹⁾ Публичные чтенія объ исторіи догматовъ (*Dogmengeschichte*) въ Берлинѣ, въ лѣтній семестръ 1891 г.

²⁾ См. «*Souvenirs d'enfance et de jeunesse*», стр. 352, 353 и 203.

ность придавать своимъ литературнымъ произведеніямъ увлекательную, поэтическую виѣшность; къ тому же, слогъ его былъ плодомъ долговременнаго труда. Прежде, чѣмъ отдавать рукопись для печатанія, онъ считалъ своей обязанностью нѣсколько разъ поправлять и снова переправлять ее; даже послѣдній пробный листъ всегда бывалъ испещренъ подкабливаніями. Хотя на его публичныхъ чтеніяхъ, какъ и въ его личномъ обхожденіи, рѣчь свою онъ говорилъ съ видимымъ усиленіемъ, почти нескладно, но при всемъ томъ въ книгахъ Ренана нельзя найти никакихъ слѣдовъ такой небрежности: каждое слово внимательно обдуманно. Что касается способности находить наилучшую литературную форму, то, начиная съ его докторской диссертациі «Averroës et l'Averrhoïsme» до послѣднихъ его произведеній включительно (особенно, если включить небольшую статью 1889 года «Исслѣдованіе философской совѣсти» *L'examen de conscience philosophique*)—нельзя не отмѣтить постоянно-возрастающаго прогресса: языкъ уже ясный, выразительный, гармоничный, переходитъ въ истинную поэзію.

Такъ, литературная форма сама по себѣ все болѣе и болѣе улучшается. Эстетическая цѣль, повидимому, замѣняетъ чисто научныя на мѣренія: передъ драматическимъ интересомъ интересъ историческій отступаетъ на задній планъ.

Однако этотъ переходъ отъ критицизма къ эстетическому дилеттантизму не составляетъ еще конца эволюціи нашего ученаго. Если разъ мыслитель сомнѣвается въ возможности познать истинное и въ успѣхѣ науки, онъ почти необходимо долженъ перейти къ скептицизму. Къ этому вела Ренана внутренняя логика; это и есть естественное окончаніе его эволюціи.

Соотвѣтственно добродушной, немного презрительной ироніи Ренана этотъ его скептицизмъ долженъ былъ оказаться благодушнымъ и веселымъ. Въ этомъ третьемъ періодѣ своей жизни нашъ ученый, кажется, легко готовъ отказаться отъ возможности достигнуть истины самой по себѣ. Было бы заблужденіемъ думать, что спокойствіе его послѣднихъ минутъ нарушалось важнымъ вопросомъ о смерти или о будущей жизни: для него всякая истина была относительна. Вопросы, надъ которыми мучатся другіе богословы, Ренанъ рассматривалъ, какъ остроумную игру: интеллигентный человекъ можетъ нѣкоторое время развлекаться попытками рѣшать такіе вопросы, но тревожиться ради этого онъ не станетъ; это онъ предоставляетъ религіозному фанатику или достойному сожалѣнія глупцу. Сознывая, что никогда не найдетъ опредѣленнаго рѣшенія, истинный философъ, т. е. ученикъ Ренана—не будетъ огорчать жизни такими вопросами. Что утверждаютъ—не имѣютъ права утверждать слишкомъ положительно, что отрицаютъ—не смѣютъ отрицать слишкомъ сильно: ибо во всякой истинѣ можетъ заключаться заблужденіе и въ каждомъ заблужденіи можетъ быть сокрыта истина. Такимъ образомъ разрѣшается вѣрить всему,—даже

вѣровать въ религіозныя истины, но безъ фанатизма, безъ мечтательности, такъ, чтобы каждый видѣлъ, что вѣрующій твердо убѣжденъ въ относительности тѣхъ истинъ, въ которыя вѣруетъ.

Это—тотъ періодъ, въ которомъ появилась большая часть такъ называемыхъ «философскихъ драмъ»: «Caliban», «L'eau de Jouvence» («Источникъ молодости»), «Le prêtre de Nemi», «L'Abbesse de Jouasse» (эта послѣдняя драма произвела большой шумъ); затѣмъ многіе фельетоны въ газетѣ «Temps» ¹⁾, въ которыхъ затрогиваются метафизическіе вопросы со скептицизмомъ, возмущающимъ религіозное чувство. Человѣкъ, всѣмъ пожертвовавшій для того, чтобы оставаться честнымъ, перестаетъ быть вѣрнымъ самому себѣ: онъ оставляетъ путь, по которому такъ бодро шелъ впередъ; онъ увѣряетъ, что все ненадежно, даже ничтожно; онъ какъ будто насмѣхается надъ тою любовью къ истинѣ, которая руководила имъ въ прежніе годы; онъ осмѣиваетъ все доброе такъ же, какъ и злое; по его теперешнему мнѣнію «весьма возможно, что наилучшую житейскую мудрость нашли прожигатели жизни (libertins)», «празднику вселенной недоставало бы кое чего, если бы міръ былъ населенъ только фанатическими иконоборцами и тупоумно-добродѣтельными людьми (la fête de l'univers manqueraît de quelque chose si le monde n'était peuplé que de fanatiques iconoclastes et de lourdauds vertueux)».

Итакъ, фривольный скепсисъ—таковъ [конецъ эволюціи этого великаго изслѣдователя, та пропасть, въ которую рушился его методъ.

Какъ могъ ученый и чистосердечный человѣкъ придти къ столь печальному концу? Гдѣ именно въ методѣ Ренана заключается та основная ошибка, по причинѣ которой этотъ мыслитель все болѣе и болѣе отклонялся отъ правильнаго пути? На мой взглядъ, Ренанъ вступилъ на ложный путь въ тотъ моментъ, когда пересталъ искать истину ради ея самой, но продолжалъ искать ее уже побуждаемый къ этому только тѣмъ своимъ личнымъ удовольствіемъ, какое онъ находилъ въ этомъ исканіи; въ тотъ моментъ, когда чисто-эстетическое удовольствіе изслѣдователя начало побуждать его къ работѣ, какъ прежде побуждало научное стремленіе.

Изъ всѣхъ критиковъ, прославляющихъ или осуждающихъ великаго ученаго ²⁾ только одинъ, мнѣ кажется, правильно понялъ это—профессоръ А. Сабатье (A. Sabatier), пишущій въ журналѣ «Journal de Genève».

Не нѣмецкая критика Штрауса или Гегеля сбила Ренана съ правильнаго пути; не потому ослабѣлъ онъ въ научномъ изслѣдованіи,

¹⁾ Желающій критически разбирать Ренана не долженъ игнорировать эти фельетоны, ибо именно въ нихъ проявляется полное сомнѣніе третьяго періода.

²⁾ Эти статья была написана около года спустя послѣ смерти Ренана; поэтому здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь объ отзывѣхъ критики въ теченіе перваго года послѣ смерти Ренана.

что хотѣлъ все *пропытать*, что *сомнѣвался*; нелицемерная критика тѣмъ менѣе заслуживаетъ осужденія, что трудно душѣ богослова избѣжать въ извѣстные часы чистосердечнаго сомнѣнія. Развѣ у Канта, Шлейермахера, Гегеля и недавно у Ричля не было религіозныхъ кризисовъ?

Научное значеніе Ренана понизилось въ тотъ моментъ, когда онъ легкомысленно утратилъ твердую вѣру, когда онъ призналъ, что не можетъ дойти до истины, необходимой ему и его ближнимъ. Какъ мыслитель, онъ погрѣшилъ противъ достоинства науки, когда страстное стремленіе къ истинѣ было вытѣснено изъ его души эгоистическимъ удовольствіемъ—удовлетворять личное любопытство. Онъ погрѣшилъ противъ себя самого, когда, суетно играя въ отыскиваніе истины, успокоился на томъ, что онъ, все-равно, не могъ бы дойти до познанія истины.

Тогда въ немъ личное удовлетвореніе и ироническая усмѣшка замѣнили прежнюю любовь къ истинѣ. Тогда интеллектуальный эпикуреизмъ и безвадежный скептицизмъ проникли въ великую душу Ренана.

Религіозная основа въ Ренанѣ не была достаточно прочною для того, чтобы онъ могъ преодолѣть кризисъ сомнѣнія. Поэтому серьезный трудъ и чистосердечная критика привели его къ столь печальному и столь легкомысленному дилеттантизму. Поэтому такой большой талантъ покончилъ на столь тщеславномъ довольствѣ самимъ собою.

«Этотъ легкомысленный оптимизмъ,—пишетъ профессоръ Сабатье,—при столь глубокой нравственной неудовлетворенности и столь безутѣшномъ пессимизмѣ—будетъ по справедливости самымъ тяжкимъ осужденіемъ этого ученаго» ¹⁾.

Мы видимъ, какъ далеко предѣлъ, до котораго дошелъ Ренанъ, отъ его исходнаго пункта. Эту эволюцію намъ никогда не слѣдуетъ забывать, когда мы хотимъ разсматривать французскаго писателя какъ филолога, какъ историка, какъ философа. Ею объяснится для насъ не одно разнорѣчіе въ теоріяхъ Ренана.

III.

Ренанъ, какъ филологъ.

Ренанъ началъ свою необыкновенно широкую дѣятельность съ языковѣдѣнія. Филологія также и впоследствии легла въ основу всего его творчества, хотя его труды въ этой области никогда не пользовались

¹⁾ „Journal de Genève“ отъ 9 октября 1892 г., статья Сабатье „Les pièges de la vie intellectuelle“.

такой извѣстностью среди широкой публики, какъ его историческія произведенія.

Уже въ молодости онъ проявлялъ особую склонность къ древнимъ языкамъ. «Я рожденъ быть филологомъ, j'étais philologue d'instinct», восклицаетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾. Любимыми писателями мальчика были Геродотъ и Фукидидъ, Ливій и особенно Тацитъ: у послѣдняго онъ находилъ то соединеніе исторіи съ искусствомъ, какимъ впоследствии отличались его собственныя произведенія. Вскорѣ онъ увлекается богатствомъ еврейской поэзіи, съ которою познакомилъ его выдающійся ориенталистъ, аббатъ Le Hir ²⁾.

Новые языки служили для Ренана только средствомъ познакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями о древнихъ діалектахъ. По-нѣмецки онъ говорилъ не очень бѣгло, хотя уже въ 1850 году былъ въ Берлинѣ; но онъ довольно легко читалъ на нѣмецкомъ языкѣ, что требовалось для изученія сочиненій по филологіи и теологіи; при этомъ онъ нерѣдко жаловался на ихъ «неуклюжій и тяжеловѣсный стиль».

Спеціальностью Ренана были семитскія нарѣчія. По-арабски онъ говорилъ превосходно, такъ что арабы Синайскаго полуострова съ восторгомъ слушали его толкованія древне-арабскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ знанія халдейскаго и еврейскаго языковъ съ нимъ могли спорить только немногіе изъ раввиновъ. Вся его дѣятельность въ этой области была въ высшей степени плодотворна.

Его открытія въ области археологіи Востока, и особенно касающіяся финикійскихъ древностей, составляютъ несравненно болѣе цѣнный вкладъ въ науку, чѣмъ его религіозно-психологическіе романы. Первые открыли передъ нимъ двери Collège de France. Его «Исторія семитскихъ нарѣчій» ³⁾ имѣетъ гораздо большую научную цѣнность, чѣмъ всѣ его философскія драмы. Мы осмѣливаемся утверждать, что своимъ *Corpus inscriptionum semiticarum* ⁴⁾ Ренанъ сдѣлалъ для науки гораздо больше, чѣмъ прославленной «Жизнью Иисуса».

Правда, онъ не одинъ является авторомъ этого солиднаго произведенія, но онъ сдѣлалъ такъ много, что далъ своимъ ученикамъ полную возможность довести до конца этотъ трудъ.

Corpus inscriptionum semiticarum найдетъ себѣ должную оцѣнку и въ глазахъ будущихъ поколѣній, такъ какъ это произведеніе послужитъ для позднѣйшихъ ученыхъ твердымъ основаніемъ, на которомъ они будутъ дальнѣйшія построенія.

¹⁾ «Souvenirs d'enfance», стр. 288.

²⁾ Одинъ изъ первыхъ ученыхъ, примѣнившій во Франціи сравнительное языковѣдѣніе къ изученію семитскихъ нарѣчій. См. о немъ «Воспоминанія» Ренана, стр. 287 «Его изложеніе еврейской грамматики и сопоставленіе ея съ другими семитскими нарѣчіями—замѣчательно. Если Богъ дастъ ему еще десять лѣтъ жизни, мы будемъ въ состояніи сопоставить его съ величайшими учеными Германіи».

³⁾ «Histoire générale et système comparé des langues sémitiques», 1855, 2 изд. 1856.

⁴⁾ Собраніе семитскихъ надписей.

Особенно крупную услугу оказалъ Ренанъ своимъ землякамъ въ качествѣ профессора филологіи. Онъ превосходно излагалъ грамматику восточныхъ языковъ. Онъ мастерски сравнивалъ между собою особенности различныхъ семитскихъ нарѣчій. Чтобы обучить простому, наивному, дѣтскому языку, ученый изслѣдователь самъ дѣлается наивнымъ; ему достаточно одного слова, чтобы обнаружить цѣлый міръ идей, изслѣдованіемъ одного корня онъ бросаетъ новый свѣтъ на рѣшеніе сложной филологической проблемы. Простой синтаксисъ семитовъ становится картиной всего міросозерпанія восточныхъ народовъ. И все это дѣлалось нагляднымъ, все оживлялось, благодаря сопоставленіямъ съ современными явлениями. Грамматика переходила въ сравнительную филологію, а филологія возвышалась до высшей философіи языка.

Филологія скоро привела нашего ученаго къ изслѣдованію «о происхожденіи языка» ¹⁾. Въ то время, когда появилось сочиненіе Ренана, во Франціи господствовали два противоположныхъ взгляда на происхожденіе языка. Одна теорія видѣла въ языкѣ искусственное изобрѣтеніе человѣческаго ума. Этотъ взглядъ господствовалъ въ XVIII столѣтіи у большинства энциклопедистовъ. По другой теоріи человѣческая рѣчь является сверхчужденнымъ божественнымъ откровеніемъ: само Божество научило первыхъ людей связывать извѣстные звуки съ соотвѣтствующими понятіями. Это послѣднее положеніе, представителемъ котораго былъ Бональдъ, было встрѣчено большимъ сочувствіемъ въ срединѣ нашего столѣтія.

Ренанъ несогласенъ съ обоими взглядами. Успѣхи филологіи, говорить онъ, противорѣчатъ первой гипотезѣ, такъ какъ новѣйшія изслѣдованія показали, что продолжительная эволюція вовсе не приводитъ къ развитію языковъ, что, наоборотъ, языкъ тѣмъ богаче, чѣмъ далѣе восходимъ мы къ началу его исторіи. Такъ же мало объясняетъ происхожденіе языковъ гипотеза де-Бональда: ученые открыли нѣсколько совершенно самостоятельныхъ системъ языковъ, которыя такъ же мало можно подвести подъ одинъ первоначальный типъ, какъ и различныя человѣческія расы. Гипотезой де-Бональда не объясняется ни наличность различныхъ семействъ или типовъ языка, ни присущій человѣку инстинктивный, органическій характеръ человѣческой рѣчи.

Ренанъ, наоборотъ, утверждаетъ, что языкъ неотдѣлимъ отъ совокупности всѣхъ характерныхъ особенностей расы. Онъ такъ же присущъ человѣку, какъ и мышленіе. Человѣкъ обладаетъ врожденной способностью выражать свои мысли помощью звуковъ. Мысль и звукъ нераздѣльны между собой. Это—первичный историческій фактъ, выше котораго восходить нельзя.

Если и эта теорія не даетъ полнаго рѣшенія трудной проблемы, то, по крайней мѣрѣ, автору ея принадлежитъ заслуга ясной и правильной

¹⁾ De l'Origine du Langage, 1848, 2 изд. 1858.

постановки ея, а также доказательство несостоятельности прежнихъ гипотезъ. Въ то время большой шагъ впередъ составляла уже одна попытка рѣшить вопросъ не апріорно, а на основаніи психологическихъ и историческихъ данныхъ.

Немаловажную услугу французскому языку оказалъ Ренанъ также своими переводами.

Французы, какъ извѣстно, не имѣютъ своей національной библіи. Ортодоксальный переводъ ея содержитъ больше ошибокъ, чѣмъ главъ, и, несмотря на многочисленныя исправленія, отличается почти варварскимъ языкомъ ¹⁾. Среди позднѣйшихъ переводовъ, появившихся главнымъ образомъ изъ Швейцаріи ²⁾, ни одинъ не сдѣлался, такъ сказать, національнымъ. Ничто такъ не повредило дѣлу реформаціи, какъ этотъ фактъ.

Что касается языка и формы, трудно найти человѣка богѣе способнаго перевести Ветхій Заветъ на французскій языкъ, чѣмъ былъ Эрнестъ Ренанъ. Его переводы книги Іова ³⁾, Пѣсни Пѣсней ⁴⁾ и Экклесіаста ⁵⁾ отличаются силою, смѣлостью и чистотой языка, какихъ нѣтъ въ правильной передачѣ Reuss'a. Если бы Ренанъ вмѣстѣ съ талантомъ переводчика обладалъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ Лютера, онъ, конечно, далъ бы своему народу недостающую ему французскую библію.

Къ сожалѣнію, Ренанъ скоро отказался почти совершенно отъ этой задачи. Онъ промѣнялъ эту «не видную, но благодарную для науки роль» ⁶⁾ на другую, которая обѣщала ему большій внѣшній успѣхъ и большую популярность, чѣмъ роль простого переводчика. Филологъ посвятилъ себя исторіи.

IV.

Ренанъ, какъ историкъ.

Ренана, какъ филолога, оцѣнилъ только ученый міръ. Въ широкой публикѣ его чисто филологическіе труды и его теорія о происхожденіи языка—почти неизвѣстны. Онъ прославился и приобрѣлъ популярность исключительно въ качествѣ историка.

¹⁾ Почти во всѣхъ церквахъ все еще принятъ крайне неудовлетворительный переводъ J. F. Osterwald. édition revue et corrigée.

²⁾ Лучшимъ считается переводъ L. Segond, Женева, 1879. Новый Заветъ переведенъ швейцарцемъ H. Olshausen (1879), и недавно парижскимъ профессоромъ E. Starce. Послѣдній переводъ представляетъ первую попытку изложить проверенный критикой, научный текстъ съ вариантами на ивритскомъ и ясномъ, чисто французскомъ языкѣ.

³⁾ Le livre de Job. traduit de l'hebreu avec une étude sur le plan, l'âge et le caractère du poëme, 1859.

⁴⁾ Le Cantique des Cantiques.

⁵⁾ L'Ecclésiaste, avec une étude sur l'âge et le caractère du livre.

⁶⁾ Введеніе въ «Etudes d'histoire religieuse», 1856.

Въ этомъ отношеніи, мы, вѣроятно, должны будемъ разойтись съ мнѣніемъ большинства во Франціи.

Безусловно, Ренанъ создалъ своеобразный способъ историческаго повѣствованія. Современникъ Ранке, Моммзена и другихъ, которые положили начало чисто объективному, основанному исключительно на историческихъ документахъ, изложенію исторіи, онъ придерживался искусственнаго изложенія историческихъ фактовъ въ «желательномъ» освѣщеніи.

Правда, онъ не первый во Франціи пытается такимъ образомъ «прикрашивать» исторію. До него *Александръ Дюма* примѣнилъ этотъ методъ къ эпохѣ Людовика XIV, а греческіе и римскіе историки были какъ извѣстно, настоящими художниками въ этомъ отношеніи. Но никто еще не отважился примѣнить этотъ методъ къ Священной исторіи.

Это сдѣлалъ Ренанъ. Онъ поставилъ себѣ задачей дать *интересный* рассказъ на основаніи имѣющихся документовъ.

«Изученіе прошедшаго доставляетъ высшее наслажденіе (la plus grande jouissance) и высшій интересъ (la plus noble curiosité) для человѣка»¹⁾

Чтобы удовлетворить стремленію къ этому «наслажденію» и этотъ «интересъ» своихъ современниковъ, Ренанъ предпринялъ изложеніе исторіи христіанства.

Всѣ его крупныя историческія произведенія можно было бы соединить подъ однимъ заглавіемъ: «Подготовленіе, происхожденіе и побѣда христіанства». Пятый томъ «Исторіи Израіля» доведенъ до появленія Мессіи, а въ седьмомъ томѣ, который начинается «Жизнью Іисуса», описана гибель античной культуры.

Какимъ же методомъ пользуется авторъ въ изложеніи этихъ историческихъ событій, составляющихъ всю основу новѣйшей цивилизаціи?

Прежде всего онъ желаетъ, какъ онъ самъ говоритъ, призвать на помощь «психологію и филологію»²⁾ для того, чтобы разсѣять густой туманъ, окружающій подготовленіе и происхожденіе христіанства. Это значитъ, что тамъ, гдѣ у него подъ руками нѣтъ подходящаго текста, онъ будетъ писать исторію такъ, «какъ она могла бы происходить», какъ онъ ее себѣ *представляетъ*. Если же подъ руками находятся два различныхъ текста, то онъ выберетъ тотъ изъ нихъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру его героевъ, т. е. тому представлецію, какое имѣетъ авторъ о своихъ герояхъ.

Эти герои всегда обладаютъ тѣми или иными свойствами современнаго человѣка. Неоднократно, къ великому удовольствію парижской публики, они сравниваются съ героями новѣйшей исторіи. Мом-

¹⁾ «Histoire du peuple d'Israël», т. I, 7 изд. Вст., стр. XXV.

²⁾ «Hist. d'Israël, I. Вст., стр. X.

сей—это «вождь, подобный Абдъ-эль-Кадеру» ¹⁾ Царь Саулъ сравнивается съ Наполеономъ Бонапарте. ²⁾ Миспа—это израильскій Вашингтонъ. Давидъ сдѣланъ предводителемъ бандитовъ, и ему приданы всѣ качества современнаго кондотьера. Ко всему этому онъ обладаетъ «искусствомъ пользоваться всѣми преступленіями, не совершая самъ ни одного изъ нихъ» ³⁾.

Того же метода держится авторъ и въ «Исторіи христіанства», которая есть не что иное, какъ продолженіе «Исторіи Израіля».

Кромѣ того, историческіе герои Ренана почти всегда обладаютъ нѣкоторыми чертами самого автора. Даже въ историческихъ произведеніяхъ у него проявляется это возвеличеніе своего я, на которое было указано въ началѣ нашей работы. Одинъ ученикъ знаменитаго академика сообщилъ мнѣ однажды, почему въ «Исторіи Израіля» царь Давидъ вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, начинаетъ страдать тучностью: со времени своего вступленія въ «Collège de France» авторъ страдалъ именно этою болѣзнью.

И все это, повидимому, подтверждается текстами изъ Ветхаго и Новаго Завѣта: Ренанъ умѣетъ искусно вырвать изъ общей связи одинъ стихъ, умолчавъ о содержаніи всѣхъ остальныхъ.

Часто ему достаточно одного факта, чтобы выставить общее положеніе. Такимъ способомъ обобщенія отличаются всѣ историческія произведенія Ренана. Напр., Синай считается въ книгѣ Бытія священной горой Бога: этого нашему историку достаточно, чтобы рассказать цѣлую исторію религіознаго значенія этой горы до прохожденія израильтянъ. Далѣе, мы узнаемъ изъ «Исторіи Израіля» Ренана, что «пустыня монотеистична». Такихъ абсолютныхъ утвержденій у него много. Можетъ быть, они-то и способствовали широкому распространенію его книгъ, такъ какъ современная публика любитъ парадоксы.

Иногда нѣсколько научныхъ замѣчаній придаютъ этимъ утвержденіямъ ложный видъ истины. Если же присмотрѣться ближе къ его выводамъ, они окажутся поверхностными или неправильными. Такъ, въ сочиненіяхъ Ренана неоднократно повторяется ⁴⁾, что «монотеизмъ есть существенный атрибутъ семитскихъ народностей» на томъ основаніи, что три великихъ монотеистическихъ религіи—іудейство, христіанство, магометанство—развились исключительно среди этихъ народовъ. Заключение, повидимому, логично. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ оказывается, что всѣ эти три религіи въ сущности

¹⁾ «Hist.» d'Isr., стр. 220.

²⁾ «Ibidem», стр. 415.

³⁾ Ibidem, гл. XVI.

⁴⁾ См. «Histoire générale et système comparée des langues sémitiques», 2 изд. стр. 9 и 418; «Histoire du peuple d'Israël, т. I; сравн также: «Nouvelles considérations sur le caractère général des peuples sémitiques et en particulier sur leur tendance au monothéisme». Парижъ 1859.

сводятся къ одной, такъ какъ іудейство есть только предшественникъ христіанства, отъ котораго, въ свою очередь, произошелъ исламъ. Далѣе, исторія и особенно Ветхій Завѣтъ указываютъ намъ, что всѣ семиты, за исключеніемъ евреевъ, были язычники, т. е. поклонники слѣпыхъ силъ природы, и оставались ими до перехода въ христіанство или магометанство. Что же остается отъ заключенія Ренана?

Итакъ, обращеніе Ренана съ историческими документами въ высшей степени произвольно. Его толкованіе Библии состоитъ не изъ выводовъ, а скорѣе изъ вставокъ въ нее. Гдѣ, напр., онъ вычиталъ, что царь Саул былъ эпилептикъ ¹⁾.

Но все это только частности. Ренанъ придаетъ мало значенія отдѣльнымъ фактамъ. Гораздо выше ставитъ онъ общее міровоззрѣніе историка. Онъ твердо убѣжденъ, что руководящая идея его «Исторіи христіанства» правильна.

«Даже если бы я выставилъ неправильныя гипотезы, касающіяся отдѣльныхъ пунктовъ, тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, что въ общемъ я правильно понялъ ту задачу, какую завершилъ, т. е. мировая душа, въ лицѣ народа израильскаго» ²⁾.

Но также и здѣсь философія Ренана, божественная мировая душа, стоитъ впереди историческаго изслѣдованія. Что, если и эта руководящая идея окажется ложной?

И развѣ возможно построить «правильное общее представленіе» на основаніи недостоверныхъ или невѣрныхъ фактовъ?

Но Ренанъ и не утверждаетъ, что онъ передаетъ историческія событія такъ, «какъ они были». Его цѣль—написать историческій романъ изъ эпохи возникновенія христіанства. Положимъ. Но, въ такомъ случаѣ, въ его произведеніяхъ не должно быть безчисленныхъ противорѣчій, встрѣчающихся у него на каждомъ шагу, благодаря тому, что авторъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ. Въ такомъ случаѣ, психологъ не долженъ навязывать «религіозному гевію», для котораго «полный идеализмъ есть величайшее правило нравственной жизни» ³⁾, лицемернаго притворства, игранія роли, которое есть не что иное, какъ «благочестивый обманъ».

Можетъ ли то, что Ренанъ называетъ «благочестивымъ обманомъ» (*une fraude pieuse*), согласоваться съ «нравственно чистымъ» характеромъ, о которомъ самъ біографъ утверждаетъ, что онъ создалъ «небеса чистыхъ душъ»?

Историкъ, имѣя въ виду только одну истину, можетъ позволить себѣ привести изъ различныхъ источниковъ противорѣчивые факты. Онъ постарается выяснитъ всѣ противорѣчія; иногда, не найдя объясне-

¹⁾ «Hist d'Israël», гл. XV.

²⁾ «Hist. d'Israël», гл. XV.

³⁾ «Vie de Jésus», 15 изд., стр. 461; въ 12 первыхъ изданіяхъ стр. 445.

ніа, онъ только констатируетъ ихъ. Но романисту, который беретъ изъ источниковъ только то, что ему годится, который по мѣрѣ надобности измѣняетъ факты или передаетъ ихъ такъ, какъ они представляются его фантазіи, романисту не дозволяется вносить въ свое изложеніе противорѣчій ¹⁾).

Итакъ, Ренанъ, какъ историкъ, не можетъ насъ удовлетворить. Несмотря на удивительную прелесть изложенія и прекрасныя описанія природы, несмотря на остроумныя замѣчанія и тонкую психологію, совершенство языка и блестящій стиль—историкъ стоитъ ниже филолога.

V.

Ренанъ, какъ философъ.

Кто знакомъ съ методомъ и эволюціей Ренана, тотъ не удивится, что талантливый филологъ и знаменитый историкъ не создалъ положительной философской системы. Много говорятъ о философіи Ренана, но я напрасно искалъ у его критиковъ и въ его собственныхъ произведеніяхъ яснаго, систематическаго изложенія его философскихъ взглядовъ.

Ренанъ самъ взглянулъ бы со свойственной ему добродушно-иронической улыбкой на всякую попытку изложить «его философію».

Между тѣмъ, почти во всѣхъ его произведеніяхъ, историческихъ и литературныхъ, разбросаны отдѣльныя замѣчанія, на основаніи которыхъ, если ихъ собрать и сопоставить, получится довольно ясный очеркъ его философскихъ воззрѣній.

Безъ сомнѣнія, и здѣсь мы найдемъ массу противорѣчій, что при дилеттантствѣ Ренана неизбѣжно. Понятіе Ренана о мѣрѣ, о челоуѣчествѣ должно было подчиниться той эволюціи, на какую было указано во второй главѣ.

Въ самыхъ общихъ чертахъ философію послѣдняго періода его жизни можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ. (Кромѣ вышеупомянутыхъ введеній къ историческимъ трудамъ, источниками служатъ: «Essais de Morale et de Critique», «Mélanges d'Histoire et de Voyages», «Questions contemporaines», «Dialogues philosophiques» и всѣ такъ называемыя «философскія драмы»).

Какъ и подобаетъ благодушному характеру Ренана, основной чертой его философіи является добродушный *оптимизмъ*. Ренанъ такъ же, какъ и Лейбницъ, хотя и въ иномъ смыслѣ, чѣмъ онъ, полагаеъ, что мы живемъ въ наилучшемъ изъ міровъ и что справедливость состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать излишествъ во всемъ, даже въ удовольствіяхъ «Хорошее расположеніе духа, говоритъ онъ самъ въ заключеніи къ

¹⁾ См. превосходную критику Krüger'a въ «Annales de Bibliographie théologique» за 1888 г.

своимъ «Воспоминаніямъ»¹⁾, «которое лишь съ трудомъ нарушается и является послѣдствіемъ полного нравственнаго здоровья... привело меня къ *спокойной философіи*, находящей себя выраженіе то въ *благодарномъ оптимизмѣ*, то въ *веселой ироніи*». Казалось, онъ вѣрилъ, что природа окружила его подушками, чтобы никакіе встрѣчныя толчки его не беспокоили.

Ренанъ неоднократно касался метафизическихъ проблемъ христіанской философіи и теологіи, понятій о Божествѣ, чудѣ, откровеніи, но ни разу не далъ себя труда какъ слѣдуетъ обосновать ихъ. Въ первомъ періодѣ своей научной дѣятельности онъ изучалъ критику Канта и Фихте; особенно импонировала ему система Гегеля. «Самымъ характернымъ признакомъ XIX столѣтія пишетъ онъ въ своей книгѣ «Аверроесъ и аверроизмъ»,—является замѣна *догматическаго метода историческимъ* во всѣхъ сферахъ человѣческой мысли. И дѣйствительно, исторія есть необходимая, единственно научная форма для всего, что живетъ и развивается... языковѣдніе есть исторія языковъ, научная литература есть исторія литературъ; философія есть исторія философскихъ системъ. Точно также и наука о человѣческомъ мышленіи есть исторія мысли. Въ глазахъ изслѣдователя сознаніе такъ же *формируется* у всего человѣчества, какъ и у отдѣльнаго индивидуума (*la conscience se fait dans l'humanité comme dans l'individu*): оно имѣетъ свою исторію. Большой прогрессъ критики состоялъ въ замѣнѣ категоріи *бытія* категоріей *возникновенія*, неизбежной *неподвижности—движеніемъ*. Прежде все разсматривалось, какъ *бытіе*, теперь всюду обращено вниманіе на *возникновеніе*».

Гдѣ, какъ не въ сочиненіяхъ Гегеля, вычиталъ все это Ренанъ въ 1852 году?

Но какъ ни изучалъ и какъ ни преклонялся Ренанъ передъ Гегелемъ, онъ никогда не могъ вполне усвоить его философію абсолютнаго. Въ послѣднемъ періодѣ своей жизни онъ сдѣлался ученикомъ Огюста Канта, и до самой смерти раздѣлялъ его любовь къ положительному знанію и ненависть къ трансцендентальной метафизикѣ.

Онъ рано потерялъ вѣру въ сверхъестественное, въ чудо въ библейскомъ смыслѣ этого слова, въ Провидѣніе, которое управляетъ міромъ, считаясь съ законами природы, и виѣшивается въ земныя дѣла ко благу своихъ дѣтей. И прежде всего онъ сталъ изгонять элементъ чудеснаго изъ религіи. Онъ училъ, что нѣтъ ничего, что могло бы доказать существованіе высшаго свободнаго существа (*la providence individuelle, comme on l'entendait autrefois, n'a jamais été prouvée par un fait caractéristique*)²⁾. Наконецъ, понятіе *Божества* онъ замѣняетъ

¹⁾ Souvenirs, стр. 374.

²⁾ «Souvenirs», стр. 372.

понятіємъ божественнаго, и это свое воззрѣніе выдаетъ за взглядъ Христа ¹⁾).

«Высокое понятіе Божества (или une haute notion de la divinité, которымъ онъ не былъ обязанъ іудейству, и которое является, видимому созданиємъ (une création) его великой души, было, такъ сказать, ядромъ (le germe) всего Его существа.. Въ настоящее время деизмъ и пантеизмъ составляютъ оба полюса теологіи. Жалкія умствованія схоластики, сухой умъ Декарта, глубокое безвѣріе XVIII столѣтія умалили Бога, увидели его... въ новѣйшемъ рационализмѣ они убили всякое живое сознаніе бытія Божія... Если Богъ имѣетъ объективное существованіе внѣ насъ, то всякій человѣкъ, представляющій себѣ возможнымъ личное общеніе съ Богомъ, есть *духовидецъ*; а такъ какъ естественныя науки учатъ, что *всякое сверхъестественное видѣніе есть иллюзія*, то поэтому логически является невозможнымъ понятъ вѣру прошлыхъ вѣковъ... Были ли люди, имѣвшіе высшее представленіе о Божествѣ,—Сакія-Муни, Платонъ, Францискъ Ассизскій, Августинъ — деисты или пантеисты? Подобный вопросъ не имѣетъ смысла. Физическія и метафизическія доказательства бытія Божія были бы совершенно необъдѣтельны для этихъ великихъ людей. *Они чувствовали божественное въ себѣ самихъ*».

Ясно, что подобныя воззрѣнія граничатъ съ пантеизмомъ и ведутъ къ крайнему субъективизму.

Если Богъ не есть болѣе цѣль религіознаго исканія, объективно существующее лицо, къ которому вѣрующіе могутъ обращаться, значить, Онъ есть не что иное, какъ продуктъ нашего собственнаго сознанія, исключительно намъ самимъ присущее понятіе ²⁾. Едва ли возможно выразить это яснѣе, чѣмъ сдѣлалъ Ренанъ въ своей рѣчи въ Гаагѣ на торжествѣ по случаю 200-лѣтія со дня смерти Спинозы: «Пока въ человѣческихъ сердцахъ бьются фибры, отзывающіеся на все истинное, справедливое и честное, пока невинно-чистая душа не отдастъ своей чистоты за самую жизнь, пока у истины найдутся друзья, чтобы пожертвовать своимъ покоемъ знанію, друзья добра, чтобы посвятить себя полезнымъ и святымъ подвигамъ милосердія, женскія сердца, чтобы любить все доброе, прекрасное и чистое, художники, чтобы въ звукахъ, краскахъ передавать вдохновенныя слова—до тѣхъ поръ, милостивые государи, *Богъ будетъ жить въ насъ*. Только въ тотъ день, когда эгоизмъ, пошлость, безсердечіе, равнодушіе къ знанію, презрѣніе человѣческихъ правъ, забвеніе всего великаго и благород-

¹⁾ Vie de «Jésus», 15 изд. стр. 77, въ 12-ти первыхъ стр. 74.

²⁾ Интересно сравнить эту мысль Ренана съ нѣкоторыми положеніями Ричля «Вещь сама по себѣ чисто формальное понятіе безъ всякаго содержанія». «Theologie und Metaphysik», стр. 20, во 2 изд. Ср. «Rechtfertigung und Versöhnungen» III стр. 21. Превосходное возраженіе О. Flügel'я Ричлю могутъ быть примѣнены и къ Ренану («A. Ritschls philosophische und theologische Ansichten», 2 изд. стр. 29 и слѣд.).

наго овладѣють міромъ—въ тотъ день не будетъ болѣе Бога среди человѣчества. Но прочь отъ насъ такія мысли! Наши порывы, наши страданія, даже самыя наши ошибки и сумасбродства являются доказательствомъ живущаго въ насъ идеала. Да, есть еще въ жизни божественное начало! *Бога еще живетъ въ насъ*, м. г., *Богъ живетъ въ насъ!* Est Deus in vobis!»

И несмотря на все это, Ренанъ увѣряетъ, что онъ не имѣлъ въ виду опровергнуть религію. Онъ ясно это выразилъ во введеніи къ появившемуся 20 лѣтъ тому назадъ популярному изданію «Жизни Иисуса».

«Я не стану въ двадцатый разъ опровергать упрекъ въ томъ, что я приношу вредъ религіи. Я думаю, что я служу ей... Народъ по своему религіозенъ». Такъ же высказывается онъ и въ вышеприведенной рѣчи въ Гаагѣ: «Да, религія вѣчна. Она отвѣчаетъ первой потребности какъ первобытнаго, такъ и культурнаго человѣка. Она можетъ исчезнуть только вмѣстѣ съ самимъ человѣчествомъ, или, скорѣе, ея исчезновеніе указало бы на возвращеніе выродившагося человѣчества къ тому низшему состоянію, изъ какого оно вышло. Но при всемъ этомъ, никакая догма, никакой культъ, никакая формула вѣры не могутъ въ наши дни вполне удовлетворить религіозному чувству. Въ настоящее время слѣдуетъ имѣть въ виду слѣдующіе два, на видъ противорѣчивыхъ положенія: Горе тому, кто утверждаетъ, что время религіи миновало! Но горе также и тому, кто воображаетъ, будто можно старымъ формуламъ вѣры сообщить ту силу, какую онѣ имѣли когда опирались на непоколебленный еще догматизмъ».

Трудно объяснить, какимъ образомъ такія торжественныя утвержденія вяжутся съ присущимъ Ренану субъективнымъ скептицизмомъ; для меня, по крайней мѣрѣ, мало сказать, что въ лицѣ великаго ученаго мы имѣемъ соединеніе Вольтера со Спинозой. Вопросъ остается попрежнему: какъ возможно въ одномъ и томъ же умѣ соединеніе такихъ противорѣчивыхъ воззрѣній?

На мой взглядъ, это объясняется исключительно теоріей Ренана объ эстетически-религіозныхъ истинахъ, которую я изложилъ при описаніи метода нашего писателя. Подобно тому, какъ можно рассказать религіозную легенду, не вѣря въ ея достовѣрность, подобно тому, какъ намъ доставляетъ наслажденіе изящное стихотвореніе или прекрасная музыка, такимъ же точно образомъ можно доставить себѣ «удовольствіе религіознаго чувства», не вѣря въ объективную реальность религіознаго объекта. Это мистическое углубленіе въ чувственную сторону религіи было единственнымъ, что осталось у Ренана отъ глубокой вѣры его юности: оно замѣнило ему всю полноту навсегда утраченной имъ религіи его отцовъ.

Во всякомъ случаѣ, затруднительно представить себѣ подобное душевное состояніе. Но если принять во вниманіе, какъ современные

теологи, которые называютъ себя еще и философиями, основываютъ всю христіанскую догматику, т.-е. научную теологію, исключительно на относителномъ сужденіи (Werturteilen), тогда возможность подобнаго метода мышленія станетъ до извѣстной степени понятной.

Но само собой разумѣется, что подобная эстетическая точка зрѣнія не можетъ имѣть никакого научно-философскаго значенія.

Тѣ же колебанія, что въ ученіи о Богѣ, можно замѣтить и въ сужденіяхъ Ренана о человѣческой *свободѣ*. И въ этомъ случаѣ легко можно указать противорѣчивыя положенія. Въ послѣдній періодъ своей жизни Ренанъ, повидимому, все болѣе склоняется къ детерминизму Спинозы, и тѣмъ не менѣе онъ дѣйствуетъ такъ, какъ если бы онъ признавалъ свободную волю, и тѣмъ не менѣе, онъ говоритъ молодежи о значеніи человѣческой свободы.

Мы видѣли, какъ Ренанъ уже во время релігіознаго кризиса, который привелъ его отъ догматизма къ критическому взгляду на религію, жаловался на «ничтожную долю свободы», разрушающую человѣческое счастье. «Моя философія, — пишетъ онъ позднѣе въ своихъ «Воспоминаніяхъ дѣтства» (стр. 372), — не можетъ признать дѣйствія особой воли въ управленіи міромъ»... «Мы можемъ разрушать планы Провидѣнія... мы почти безсильны, когда дѣло идетъ объ исполненіи его цѣлей. Quid habes, quod non acceperisti?». Въ другой главѣ Ренанъ, бросая взглядъ на свои юношескіе годы, восклицаетъ: «Судьба еще ребенкомъ приковала меня къ моему призванію... Когда я оставилъ Бретань, моя жизнь была уже начертана... я былъ *предназначенъ* къ тому, что я теперь изъ себя представляю»²⁾. Итакъ, нелогичный детерминизмъ завершилъ философію Ренана.

Въ сочиненіяхъ Ренана къ этой оптимистически-детерминистской философіи присоединяется *аристократическая мораль* ученика Горация. Не нужно переходить мѣру, не нужно наслаждаться слишкомъ долго или слишкомъ часто, потому что всякое излишество, всякое продолжительное наслажденіе скоро исчерпываетъ источникъ удовольствія. На міръ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на «восхитительную прогулку»³⁾, какъ на интересное зрѣлище: «міръ есть адская или божественная комедія, своеобразный хороводъ, въ которомъ передъ глазами зрителя добро и зло, отвратительное и прекрасное смѣняются другъ друга...»⁴⁾. Истинный философъ постарается помнить только о пріятныхъ ощущеніяхъ и съ помощью предусмотрительности и мудрости оградить себя отъ непріятныхъ. «Страданіе унижаетъ, обезличиваетъ человѣка, за-

1) Что у тебя есть, чего бы ты не получалъ извнѣ?

2) «Souvenir d'Enfance», стр. 73.

3) Ibidem, стр. 378.

4) «Vie de Jésus». Введеніе къ 13-му изд., стр. 21 — 22; этого мѣста нѣтъ въ 12-ти первыхъ изданіяхъ.

ставляетъ его роптать (*la douleur abaisse, humilie, porte à blasphémer*)»¹⁾. Любовью и смѣлостью можно всегда изъ дурного сдѣлать хорошее и изъ ничтожнаго—великое. «Ахъ, им. гт., какъ прекрасенъ человѣкъ!» Но куда же дѣвался грѣхъ? «Грѣхъ,—ахъ Боже мой, я думаю его отвергнуть». «Что могутъ значить мелкія пятна, которыя можно замѣтить на бѣлоснѣжной одеждѣ человѣчества?»²⁾. Если мы хотимъ имѣть правильное сужденіе о человѣчествѣ, мы должны принять въ расчетъ тысячу стремленій, тысячу неустанныхъ попытокъ осуществить истину, добро, красоту. Только суровый умъ можетъ жаловаться на непостоянство всего земного; правда, все суета, какъ говорить пророкъ; но эта суета сладостна и пріятна, не нужно только цѣнить ее слишкомъ высоко.

Каждому очевидно, что такая мораль не имѣетъ никакого практическаго значенія. Ей недостаетъ побудительной силы кантовскаго категорическаго императива. Она не можетъ имѣть воспитательнаго значенія для человѣчества. Она никогда не дастъ необходимаго утѣшенія народу. Но что за дѣло до всего этого автору? Онъ раздѣляетъ, какъ кажется, людей на двѣ главныя категоріи: на мудрецовъ и всѣхъ остальныхъ. Онъ пишетъ для первыхъ. Остальные для него безразличны: какое до нихъ дѣло философамъ? Они не могутъ задержать развитія человѣчества.

Мы видимъ въ воззрѣніяхъ Ренана постоянныя противорѣчія; тѣ же противорѣчія мы отмѣтили въ самомъ характерѣ знаменитаго писателя.

Все его міросозерцаніе есть міросозерцаніе переходнаго періода. Его дѣло было *возбудить известные вопросы*. Онъ много *разрушалъ* и очень мало создалъ положительнаго.

Въ этомъ, быть можетъ, скрывается причина его громаднаго, но быстро ослабѣвающаго вліянія. Это даетъ право его искреннимъ, но самостоятельнымъ послѣдователямъ попытаться стать выше дилеттантства своего учителя.

1) «Souvenirs», стр. 376.

2) См. интересную статью Rod, откуда я заимствовалъ нѣсколько замѣчаній: *Les idées morales*, стр. 29—31.

ПРЕДѢЛЪ СКОРБИ.

(Повѣсть изъ жизни прокаженныхъ).

Вацлава Сѣрошевскаго.

Съ польскаго. Переводъ автора

I.

На дальнемъ сѣверѣ есть глухія, таинственныя мѣста, о которыхъ туземцы говорятъ неохотно, на вопросы отвѣчаютъ уклончиво.

— Кто тамъ былъ? Туда развѣ вѣтеръ залетаетъ или перелетныя птицы садятся! Тамъ все вода!—говорятъ они.

Дѣйствительно, тамъ все вода. Тамъ царство озеръ.

Вездѣ мерцаютъ ихъ блѣдныя, блестящія лики, а надъ ними виситъ небо блѣдное отъ ихъ отраженій. Среди голубыхъ пространствъ причудливо вьются жилы болотистой, размокшей земли, кое-гдѣ выростаютъ лѣса и кустарники, рѣдкіе, точно ворсинки на щупальцахъ морскихъ чудовищъ. Только тамъ, гдѣ чуть поднимаются небольшіе бугры, являются болѣе крупныя и здоровыя деревья. Кое-гдѣ небольшая рѣчущка соединяетъ два водоема и своимъ журчаніемъ нарушаетъ однообразіе стоячихъ водъ. Глазъ теряется въ жемчужныхъ, блѣсыхъ дѣляхъ, гдѣ чернѣютъ слабо намѣченныя темныя острова, полуостровки и сизые далекіе мысы тщедушныхъ береговъ.

Страна эта—владѣніе безпредѣльной печали!

Печаль эту создаетъ, конечно, не обиліе воды, а характеръ ея береговъ. Воды тамошнія поражаютъ не въ бурю, когда ходятъ по нимъ крупныя волны, не въ ясныя дни, когда ихъ тихо уснувшія зеркала вѣжно ласкаетъ солнце, и онѣ жадно слѣдятъ за бѣгущими надъ ними облаками; не въ лунную ночь, когда свѣтъ мѣсяца кладетъ на нихъ дрожащую дорожку и тысячи звѣздъ проникаютъ лучами въ ихъ черную глубину,—воды здѣшнія больше всего трогаютъ своимъ видомъ въ обычныя, сѣрые, слегка вѣтренные дни, когда, разбитыя на мелкую, пологую рябь онѣ съ мягкимъ шумомъ ласкаютъ окружающія ихъ противныя болота. Нѣтъ у нихъ красивыхъ береговъ, нѣтъ утесовъ, обрывовъ, нѣтъ скалъ и гранитовъ. И онѣ кажутся благодарными даже

этимъ отбросамъ земли, словно понимаютъ, что еслибъ ихъ не стало, лазоревые водоемы опорожнились бы, потекли бы въ океанъ, для всѣхъ одинаково горкій и равнодушный. И онѣ жмутся къ болотамъ, вбирая ихъ муть, плещутся въ грязныхъ, измятыхъ мхахъ. Мертвенно-сѣрая гладь водъ ничего тогда не отражаетъ. Сѣтъ некрасивыхъ морщинъ и ржавой пѣны плыветъ по нимъ съ вѣтромъ и только въ говорѣ волнъ слышится безутѣшная грусть.

Такъ живутъ тамошнія озера.

Зимю все умираетъ, все исчезаетъ подъ толстыми покровами льда и снѣга; все превращается въ молчаливую, бѣло-мраморную усыпальницу, накрытую студенымъ небомъ. Рѣдкіе, заиндѣвѣлые лѣса точно паутина чуть отиѣчаютъ на снѣгахъ свой кружевной узоръ; густой, неподвижный воздухъ давить все съ силой твердаго хрусталя. Солнце всходитъ безъ блеска и сейчасъ же закатывается. Длинные ночи—внизу мрачныя и туманныя, вверху сіяютъ фосфорическимъ блескомъ. Эти ночи царятъ тогда надъ землею. Ничто не нарушаетъ глубокой тишины, развѣ гудъ трескающейся отъ холода почвы, подобно грому, прокатится судорожно по окрестностямъ—и больше ни звука. Тихо, слышно, какъ шелестятъ летящія къ землѣ звѣздочки инея, и холодно,—такъ холодно, что путникъ почти радъ безлюдю, радъ, что никто кромѣ него не страдаетъ отъ этой невыносимой стужи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во второй половинѣ зимы, необычное для этой мѣстности явленіе нарушило спокойствіе пустыни. Нарта, запряженная парой оленей, и два человекъ сплошь зашитые въ мѣха, пробирались съ большимъ скрипомъ и сопѣніемъ по обледѣлому пространству. Люди вязли нерѣдко по колѣни въ сугробахъ снѣга, паръ ихъ дыханія съ шипѣніемъ вылеталъ изъ-подъ мѣховыхъ капоровъ. Онъ соединялся съ паромъ, окружающимъ вспотѣвшихъ оленей, и образовалъ кругомъ каравана бѣлое облако, которое осѣдало въ видѣ чешуекъ снѣга на одеждѣ и упряжи, таяло за ними въ воздухѣ, подобно струямъ бѣлаго дыма. Мужчина шелъ впереди съ возжей въ рукахъ, упираясь въ снѣгъ длиннымъ, какъ посохъ, прутомъ. По временамъ онъ внимательно осматривалъ лѣсъ или вглядывался въ даль, гдѣ бѣлизна озеръ сливалась съ блѣднымъ небомъ. Женщина плелась за нимъ, не обращая ни на что вниманія. Ошейникъ изъ бѣличихъ хвостовъ совершенно закрывалъ ей глаза и лицо. Она руководилась въ движеніяхъ исключительно слухомъ, рѣзкими звуками движущейся впереди ея нарты. Когда вдругъ олени остановились, она немедленно сдернула мѣховое покрывало и взглянула вопросительно на провожатаго. Свернутые въ сторону олени стояли поперекъ дороги. Вожатый съ открытымъ лицомъ, красный и испуганный, указывалъ прутомъ на прогалину въ кустахъ.

— Прощель... Видишь?!—шепталъ онъ.

Женщина поспѣшно вытерла ладонью обледѣвшую рѣсницы.

На свѣгу тутъ же впереди былъ протоптанъ свѣжій человѣческій слѣдъ. Онъ шелъ изъ лѣсу и направлялся тропой, которой ѣхали они.

— Должно быть уже близко! Подожди, крикну!—замѣтилъ мужчина и сталъ хрипло голосить:

— Аху!.. ху... гуу!

Женщина нѣсколько погодя, присоединила къ его зову свой слабый голосъ. Оба путника принадлежали къ мѣстному якутскому племени.

— Уху!.. ху!.. Гууу!..

Послѣ нѣсколькихъ возгласовъ они умолкли и прислушались. Но въ неподвижномъ воздухѣ, въ которомъ только что голоса ихъ гудѣли подобно набату, царилъ тяжелая тишина.

— Должно быть не здѣсь!.. Или, можетъ быть, померли!?—сказалъ мужчина.

— Нѣтъ, Петручанъ! Они долго живутъ!..—отвѣтила дрожащимъ голосомъ женщина.—Поѣзжай дальше!

Петручанъ подозрительно взглянулъ на дорогу и заколебался, затѣмъ схватилъ оленей и повелъ, стараясь держаться возможно дальше отъ таинственныхъ слѣдовъ. Женщина уже не закрывала лица, хотя жестокой морозъ больно щипалъ ей щеки, лобъ и носъ. Ея черные тусклые глаза грустно глядѣли на слѣды, возбуждающіе такой ужасъ въ ея товарищѣ. Сердце ея билось учащенно, спертое, неровное дыханіе мѣшало идти.

— Господи!.. Даже этотъ уродъ боится!..

Они прошли еще нѣсколько сотъ шаговъ. Опять Петручанъ остановилъ оленей. На этотъ разъ онъ сдѣлалъ это до того стремительно, что животныя задними ногами повскакивали на тальниковыя облучки нартъ. Самъ якутъ высоко подпрыгнувъ, поднялъ вверхъ руки, поджалъ колѣни, какъ будто порывался удержѣть немедленно отъ замѣченнаго на дорогѣ предмета. Мѣховое покрывало его капора совсѣмъ отстегнулось и изъ мѣховой оторочки выглянуло противное лицо—плоское, прыщеватое, съ провалившимся носомъ и маленькими гноящимися глазками. Якутъ былъ смертельно блѣденъ, крупныя капли пота выступили на его верхней губѣ.

— Анка!.. Смотри... Видѣла?!.. Кровь...—шепталъ онъ упавшимъ голосомъ.—Нѣтъ, дальше не поѣду! Ни за что не поѣду... Пусть лопнутъ глаза мои, если поѣду... Кровь...

Дѣйствительно, тотъ, кто до нихъ прошелъ здѣсь, истекалъ кровью. Она образовала вдоль слѣдовъ ровную нить большихъ и мелкихъ алыхъ крапинокъ съ желтымъ ободкомъ. Анка съ ужасомъ глядѣла на эти знаки страданія.

— Мужчина или женщина?—спросила она.

Петручанъ заглянулъ внутрь одного изъ ножныхъ отпечатковъ.

— Кто его знаетъ? Кажись, женщина...

— Голубчикъ, милый Петручанъ, поѣзжай еще немного. Крикнемъ сначала, а затѣмъ поѣдемъ. Хорошо?

— Крикнуть—крикну, но не поѣду. Зачѣмъ я долженъ пропадать? Они нуждаются, они должны искать. Мы оставимъ здѣсь вещи и пищу. Пусть они придутъ, пусть возьмутъ! На морозѣ ничего не сдѣлается клѣди. Никто ничего у нихъ не тронетъ... Развѣ лисица...

Онъ задумался на мгновеніе, но скоро вернулся къ прежнему рѣшенію.

— Нѣтъ, не поѣду... ни за что не поѣду! Скажу обществу, что кровь была. Нѣтъ такого закона, чтобы ходить людямъ, гдѣ кровь прокаженныхъ. Вѣдь отъ одного ихъ вида, сказываютъ, захворать можно... *Госпожа* *) не шутить!

— Тогда я никого не увижу!—вскрикнула Анка.

— И лучше!.. Зачѣмъ тебѣ? Онъ все равно, что умеръ. Ты теперь на меня смотрѣть должна. У меня, правда, нога мало-мало не хватаетъ, но у него вѣрно совсѣмъ нѣтъ на лицѣ тѣла, однѣ кости...

— Петручанъ, Петручанъ, ты обѣщаль!.. Одинъ разъ... единственный разъ!.. Когда увижу его безъ тѣла на лицѣ, то, можетъ быть, забуду его!.. Перестанетъ онъ во снѣ мучить меня, ходить ко мнѣ... Вѣдь шаманъ говорилъ, что лучше всего посмотреть!.. Я хочу усноковаться, жить какъ другіе люди... Тогда я, можетъ быть, привыкну и... и тебя полюблю...

Петручанъ отрицательно трясъ головою.

— Крикнуть—крикну, а не поѣду... Нѣтъ такого закона, чтобы ѣдять. Всякому жизнь дорога! Еслибъ не кровь, поѣхалъ бы... да—кровь! Отъ одного запаха человекъ захворать можетъ... Тогда ты не пошла бы за мною туда... ой нѣтъ... не ври!.. Уху... гу... гу... оха!

Они прокричали нѣсколько разъ изо всей мочи и, сдвинувъ съ ушей капоры, ждали, не отзовется ли кто. Спустя немного изъ-за кружева бѣлыхъ гѣсовъ, изъ морознаго тумана долетѣли къ нимъ жалобные звуки, похожіе на вой голодныхъ собакъ...

— Слышишь, есть!.. Зовутъ!..—вскрикнула Анка и бросилась бѣжать. Петручанъ поймалъ ее за рукавъ.

— Куда? Съ ума ты сошла?! Чуть было не наступила на кровь...

— Пусти... пусти... Я сейчасъ... я издали. Только взгляну... Ты останься здѣсь... Вернись... сейчасъ...

Она вырвалась у него изъ рукъ и побѣжала по сугробамъ снѣга. Капоръ совсѣмъ сдвинулся у ней на затылокъ и лютый морозъ жегъ открытое лицо; густой, насыщенный снѣговой пылью воздухъ хлынулъ ей широко въ открытый отъ волненія ротъ. Минутами ей казалось, что она упадетъ, что земля куда-то далеко уходитъ изъ-подъ ея ногъ.

Тѣмъ не менѣе она все бѣжала, толкаемая невѣдомой ей силой. Сердце ея судорожно сжималось и болѣло, глаза ничего не видѣли, уши не слышали, она не замѣчала, что Петручанъ бѣжить слѣдомъ

*) Прокава, по образному выраженію якутовъ.

вмѣстѣ съ оленями и нартой. Наконецъ, она увидѣла вдали юрту, до верху заметенную заносами снѣга, а передъ ней нѣсколько черныхъ человѣческихъ фигуръ. Онѣ вдругъ разомъ стали на колѣни и протянули къ ней руки. Впереди стоялъ ея мужъ.

Она окончательно забыла обо всемъ и бросилась къ нему.

— Анка!.. Да что ты!?. Постой!.. Остановись! Сумашедшая баба, что ты дѣлаешь?.. Подожди, подумай...—останавливалъ ее Петручанъ, тщетно стараясь нагнать.

Чѣмъ ближе слышала она за собою его погоню, тѣмъ быстрѣе бѣжала. Ея приближеніе, въ свою очередь, вызвало переполохъ въ кучкѣ несчастныхъ. Первая шарахнулась въ испугѣ маленькая, почти голая дѣвочка; за ней попятились исхудалый кощей съдлинными волосами и движеніями тунгусскаго охотника, далѣе живой скелетъ, лицо котораго представляло сплошную язву, поднялся съколѣнъ... Только онъ оставался неподвиженъ и хотя глядѣлъ на нее, но, казалось, не видѣлъ. У него, она сейчасъ же замѣтила, было все то же доброе, немного сонное лицо и тѣ же грустные глаза.

Анка подскочила къ нему и схватила его за руку.

— Ты... живъ... дышишь, Грегорей?! И лицо у тебя есть... Они напали... И губы есть... все какъ раньше... Я знала... Я останусь... я не хочу... Какъ они мучили меня... прогоняли... Точно я была прокаженная... Всѣ... всѣ... Безносый и тотъ... Петручанъ... нѣтъ... нѣтъ!.. —бормотала она безсвязно.

— И ты значить заболѣла?!—прокрипѣлъ живой скелетъ, касаясь ея плеча.

Анка оглянулась и въ ужасѣ шарахнулась прочь отъ протянутой къ ней безъ пальцевъ руки. Она замѣтила чудовищное лицо, на которомъ блестяи оскаленные зубы, и сознаніе быстро вернулось къ ней.

— Зачѣмъ ты меня трогалъ? Ты знаешь, что нельзя! Я здоровая!.. Что случилось?!

Мертвецъ разсмѣялся. Въ то же время худая, высокая женщина, лучше другихъ одѣтая, которая до сихъ поръ угрюмо наблюдала изъ дверей, выскочила неожиданно изъ юрты и промчалась мимо Анки.

— Стой!.. Куда?! Не смѣй!.. Раньше вещи оставь!.. Я знаю, общество послало... Оставь или я вымажу кровью всю твою безносую морду... проклятый воръ!..—кричала она.

Всѣ оглянулись за ней. Петручанъ, который уже повернулъ нарту въ обратный путь, заколебался, затѣмъ поспѣшно сталъ сбрасывать съ саней кладъ, мѣшки, посуду, постель. Опорожнивъ нарту, онъ пригнулъ на нее и ускакалъ во всю прыть. Женщина и не думала гнаться за нимъ; она засмѣялась, наклонилась надъ брошеннымъ «добромъ» и принялась рыться въ немъ. Тамъ было много больше того, что послало «общество», такъ какъ Петручанъ въ испугѣ сбросилъ не только Анки, но и свои собственные вещи. Прокаженные собрались кругомъ «богатствъ», раз-

сматривали ихъ, дѣлили и дѣляли по поводу нихъ замѣчанія. На ихъ озвѣрѣлыхъ, изстрадавшихся лицахъ засіяли неожиданно мягкіе, человѣческіе проблески.

— А все-таки помнятъ! Есть еще на свѣтѣ добрые люди—якуты...— проговорилъ длинноволосый мужчина съ ухватками тунгуза.— Да да!.. Даже, о тебѣ, Бытерхай, вспомнили!.. Смотри, какую послали тебѣ рубаху?.. Совсѣмъ хорошую послали рубаху...—добавилъ онъ, поднимая на воздухъ небольшую ситцевую рубашенку.

Маленькая, подвижная какъ обезьянка, дѣвочка подбѣжала къ нему.

— Отдай!.. Мое!..— вскрикнула вдругъ высокая женщина и выхватила платье изъ рукъ мужчины.

— Откуда ты знаешь, что твое? Развѣ тамъ написано?! Вѣдь не родить тебѣ сразу такого большого, какъ эта рубашка, дитяти!..—отвѣтилъ онъ ей съ кривой усмѣшкой.

Женщина гнѣвно взглянула на него, но не выпустила своей добычи изъ тонкихъ хищныхъ пальцевъ.

II.

Красный свѣтъ горѣвшаго на очагѣ огня неровными вспышками освѣщалъ темную, убогую внутренность юрты. Фигуры больныхъ, столпившихся кругомъ шестка, отбрасывали на косыя стѣны юрты большія уродливыя тѣни. Люди отъ скуки собрались всѣ вмѣстѣ наблюдать за варкой ужина. Въ большомъ желѣзномъ котлѣ, подвѣшенномъ надъ пламенемъ, тихо пузырилась и вскипала вода. Ея общающее шипѣніе вызвало изъ дальнихъ угловъ даже Салбана и Кутуяхсытъ.

— Еще шевелитесь вы, проклятые гнилушки! Смерть найти васъ не можетъ... или не хочетъ? Кто ее знаетъ? Только ѣду зря изводите...— насмѣхалась надъ ними высокая женщина, та самая, что раньше присвоила себѣ рубашку Бытерхай.

— Не грѣши, Мергень... замолчи!.. Найдеть она и тебя...

— Пусть находятъ!.. Не боюсь я ея... Не сладко жить среди васъ...

— Намучить она тебя... не простить, не бось!.. Руки, ноги объѣсть... Перестанешь другихъ обижать... покорисься... не бось!..—простонала Кутуяхсытъ.

— Раньше того умру, ждать не стану,—отрѣзала Мергень.

— Спѣсива ты больно!.. Не хорошо! Ей! Пожалуй, что раньше человѣческаго сердце тебѣ понадобится,—вставилъ длинноволосый мужчина, котораго изъ-за неуклюжихъ движеній и медленной рѣчи, прозвали въ насмѣшку еще «на мру» Теченіемъ. Онъ знаменательно взглянулъ на необычайно толстую талію женщины. Та покраснѣла, гнѣвно сверкнула глазами, но не отвѣтила. Ея вниманіе поглощено было всецѣло уловленіемъ шопота, который долеталъ съ дальняго, утопавшаго во мракѣ конца избы.

— ...Негдѣ было дѣться!.. Когда увезли тебя, братъ сейчасъ же забралъ скотъ, а меня выгналъ. Говорилъ, что если ты, то и я должна забогѣть, что онъ боится. Другіе тоже бояться стали. Если кто и при- нялъ, то не на долго, на день, на два... Самую что ни на есть худ- шую работу заставляли меня дѣлать, въ худшемъ углу спать прика- зывали, съ особой посуды ѣсть... Я хозяйка, я госпожа—съ собаками, случалось, ѣдала... Мѣста на землѣ для меня не находилось... Тѣ, что раньше не разъ пользовались отъ нашихъ щедротъ, стали поносить меня хуже своей обуви... Богачъ Семенъ дольше другихъ держалъ меня въ коровникахъ. Не кормилъ, не одѣвалъ, но не гналъ—и за это спасибо... Работала я у него, а жила подаяніемъ, подбираючись. Но и Семенъ прогналъ меня, тогда я подала жалобу въ судъ на брата за отнятый скотъ... «Не нуждаюсь въ гордичкахъ-работникахъ, сказалъ онъ, Сосѣди возненавидятъ меня за нихъ!» И вотъ я очутилась безъ угла, безъ крова надъ головой!.. Братъ все мутилъ, разпускалъ слетни, рассказывалъ небылицы, говорилъ, что ты черезъ меня захворалъ, что онъ, братъ твой, будетъ кормить тебя вѣчно, что ты съ нимъ сдѣлалъ уговоръ... доказывалъ, что уже высладе тебѣ много. Наконецъ, обще- ственное собраніе собралось, уважило мои слезы и присудило отдать мнѣ половину... Онъ сказалъ, что пошлетъ эту половину прямо тебѣ, что онъ уже послалъ... Развѣ онъ послалъ тебѣ что-нибудь? Насилу добила, что далъ мнѣ нѣсколько штукъ!

Грегорій молчалъ.

— Я знала, что онъ все вретъ, но что могла подѣлать я... Отъ васъ вѣдь дыханіе на тотъ свѣтъ не проходитъ! А онъ доказывалъ и общество соглашалось, что я одна безъ мужика не управлюсь, что скотъ пропадетъ... И приказали общественники, чтобы братъ взялъ половину и тебя кормилъ...

— Какже! Жди!..—проворчалъ Грегорей—А куды дѣлся твой скотъ? Вѣдь половину, говоришь, отдали?!

— Безъ земли, безъ работника, безъ сѣна, что могла подѣлать, я, одинокая женщина?! Петручанъ пріютилъ меня...

Анка умолкла; грудь ея тяжело подымалась.

— Этотъ безносый...

— Этотъ... Противный, дурной..

— Онъ любилъ тебя?

Женщина продолжала волноваться; слезы тихо струились по ея щекамъ.

— Дѣться было негдѣ!.. Смерть ходила за мной... Все опротивѣло... Грусть, тоска точно тѣни всюду вились за мной... Я никакъ не могла забыть тебя... Не могла забыть, какъ познакомились мы!.. Слезы наполнили мои внутренности... Я желала во что бы то ни стало еще разъ увидѣть тебя... хоть издали, хоть на мгновеніе... Случилось иначе... Я не жалѣю... я съ тобою... Вездѣ умирать надо и смерть вездѣ оди-

накова... Ты долго еще можешь прожить здоровый и мы можемъ еще натѣшиться съ собою... А тамъ—умремъ вмѣстѣ... Все равно я не могла забыть тебя, тоска сосала мое сердце и толкала мои ноги къ тебѣ...

— Какже!.. Вѣрь ей!..—прошипѣла неожиданно Мергень. — Кто сюда, въ нашъ адъ, охотой придетъ?! Заболѣла она и люди прогнали ее!.. Только я, я одна среди васъ здорова-здоровехонька гибну... Помните вы—я сейчасъ, какъ пришла, въ самомъ началѣ показывала вамъ мое тѣло свѣжее, молодое, безъ пятнышка, безъ прыщика... Помните вы... За что, проклятые, страдаю я съ вами? Опорочили вы меня вашимъ дыханіемъ, осквернили кровью вашей!.. Закрытъ для меня міръ!.. Да поглотитъ васъ за то жгучій огонь раньше предѣла жизни!.. Пусть громъ бьетъ непрерывно въ язвы ваши!..

— Изъ-за чего ты опять взбѣсилась, Мергень!? — простоналъ Салбанъ.—Развѣ мы затащили тебя сюда?.. Вѣдь собственный твой мужъ привезъ тебя къ намъ и связанную бросилъ... Еслибъ мы тогда не нашли и не развязали тебя, комары бы тебя съѣли или съ голоду ты погибла бы...

— Пусть бы тогда погибла я лучше, чѣмъ такъ... ходить безъ души!

— Всѣ вѣдь мы только тѣни людей!—вздохнулъ «Теченіе».

— Да зачѣмъ эта сюда пришла добровольно? Зачѣмъ?! Обижать насъ, объѣдать насъ?! Снимемъ-те съ нея мы, прокаженные, одежду, вымажемъ ее сокомъ своимъ, пусть, поскорѣе узнаетъ муки наши,—кричала выходя изъ себя женщина. Она вскочила съ своего мѣста и направилась къ супругамъ. Присутствующіе видимо оробѣли. Анка, блѣдная, дрожащая, обхватила руками свое платье. Мергень остановилась передъ ней и разсмѣялась.

— Что? боишься?! Вотъ я какая! Помни... Не разъ, вѣрно, ты слышала обо мнѣ отъ якутовъ... Слышала?.. Такъ вотъ помни!..

— Слышала,—шепнула Анка.—Я знаю, что тебя обидѣли люди и что ты мстишь имъ, разносишь заразу...

— Нѣтъ!.. Погоди! Придетъ время... Теперь я еще, слава Богу, здорова!.. Да, обидѣли меня они, обидѣли!.. Ухъ, какъ обидѣли!.. Вѣдь и я была добра, тиха и всё у меня было...

— Выкипитъ!.. Смотрите готово, бѣжить!..—воскликнула Бытерхай и показала рукою на котелъ.

Общее вниманіе направилось въ эту сторону и женщины занялись приготовленіемъ къ ужину. Вскорѣ больные размѣстились у стола кругомъ большой деревянной чашки и стали оттуда по очереди черпать похлебку. Только Салбанъ и Кутуяхсытъ ѣли особо изъ маленькихъ чашекъ; ихъ израненныя губы не выносили горячей пищи и мѣшали имъ поспѣвать за другими.

— Дай Богъ здоровья Петручану, что пріѣхалъ! Опять пришлось бы намъ голодать!.. Вчера съѣли послѣднюю рыбицу,—сказалъ Теченіе, тщательно облизывая ложку.

— Не вижу, чѣмъ онъ лучше другихъ? Общество послало... Поѣхалъ онъ, потому что его заставили... Очередь!—замѣтилъ нехотя Грегорей.

— Скажи, жена твоя?..—вставила Мergenъ и сердито взглянула на Анку.

— Ты ее не слушай, Анка, а расскажи лучше, что новаго на свѣтѣ?—обратился къ ней Салбанъ.

Начались подробные разспросы и рассказы о рыбной ловлѣ, о урожаѣ сѣна, о голодѣ, угрожающемъ весною общинѣ. Прокаженные слушали напряженно; все это близко касалось и ихъ. Дальше пошли болѣе частныя сообщенія о знакомыхъ, о родныхъ, кто женился, кто умеръ, у кого родилась дочь, сынъ.

— Мучила женился. Взялъ женщину худую, червую, а далъ за нее десять штукъ скота...

— Кому же далъ, вѣдь она сирота?

— Князю далъ. Извѣстно—у всякой женщины есть цѣна и калямъ... Нельзя!.. Только много далъ!..

— Вотъ видишь, Грегорей! Мужикамъ всё въ пользу! Даже среди прокаженныхъ имъ барышъ!.. За женщинъ не платятъ, даромъ пользуются!..—разсмѣялась Мergenъ.

Анка пристально взглянула на нее, она уже поднялась, чтобы собрать и помыть посуду. Она грубо выхватила чашку изъ рукъ Бытеркай, которая прилежно вылизывала ее, гдѣ только могла достать языкомъ.

— Посуду продырявишь, обжора! Давай!..

Ребенокъ съѣжился и протянулъ впередъ свои худыя, какъ плети рученки, болѣзненно согнувшіяся подъ тяжестью чашки.

Изъ новостей высшаго порядка самое большое впечатлѣніе произвелъ рассказъ «о барынѣ, что пріѣхала изъ дальняго юга, въ сто лошадей...»

— Особыя для нея дороги въ тайгѣ прорубали, особые мосты на рѣчкахъ строили, по старымъ она ѣздить не могла... Такая большая она барыня!.. Отъ самой царицы ѣхала, вездѣ побывать должна была, всё осмотрѣть должна была... Только сюда къ намъ попасть не могла. Изъ-за болотъ, говорятъ, да комары ее больно искусили... Вотъ и вернулась... Всѣ спрашивала больныхъ про травы для лѣченія...

— Какое лѣченіе... Извѣстно—смерть наше лѣченіе!—простонала согласно супруги Салбанъ.

— Изъ-за этихъ то травъ задумали господа выстроить дождь съ желѣзными ставнями...

— Караулку!—поправилъ Теченіе.

— Туда доктора всѣхъ больныхъ соберутъ лѣчить со всего края...

— Мцы!.. мцы!..—причмокнули слушатели.—Гдѣ же имъ такой домъ выстроить... Насъ много!.. Къ примѣру: здѣсь насъ семеро, въ Борскомъ улусѣ тоже есть, въ восточныхъ земляхъ, въ сѣверныхъ улу-

сахъ тоже есть... Извѣстно: гдѣ рыба, тамъ и прокаженные! А вѣдь половина якутской земли питается рыбой!.. Какъ же такъ? Всѣхъ что-ли посадятъ!.. Кто изъ якутовъ знаетъ, что съ нимъ будетъ черезъ годъ?.. Вѣдь и мы были когда-то здоровы и веселы?.. Никто изъ насъ не зналъ, что внутри его ядъ сидитъ...

— Развѣ царь прикажетъ по поводу этой травы? Тогда другое дѣло! Но чѣмъ же виноваты мы, чѣмъ мы виноваты?..—повторяли больные.

— Пусть бы насъ лучше сразу убили! Зачѣмъ жить, если нужно сидѣть въ оградѣ, въ домѣ съ желѣзными ставнями. Свѣта не видно, звука не слышно!.. И зима, и весна, сказываютъ, тогда одинаковы. Ни сѣтей ставить, ни птицъ ловить, ни растений собирать... Теперь мы все-таки хоть немного, какъ другіе... какъ люди... а это вѣдь всякому лестно... Тогда—ничего! Что дадутъ они намъ?.. Ничего не дадутъ!.. Ничего дать они не могутъ... У самихъ не всегда есть... Теперь человѣкъ собственнымъ промысломъ можетъ дополнить, тогда... желѣзные ставни кругомъ...

— Навѣрно исправникъ выдумалъ, чтобы только людей обижать...—вспынилъ Теченіе.

— Молчи, молчи... Не болтай попусту!..—остановилъ его Грегорей.

— Что сдѣлаютъ мнѣ? Эхъ? Пусть придутъ, пусть приведутъ свое войско...

-- Мы имъ всѣмъ рожи кровью вымажемъ!—разсмѣялась Мергень... Пусть всѣ болѣютъ! Тогда и намъ будетъ лучше, тогда всѣ спрячутся!..

Теченіе замолчалъ и косо взглянулъ на нее.

— Советѣмъ я не желаю, чтобы всѣ были, какъ мы... Я не такой!.. Пусть живутъ, на здоровье имъ, пусть веселятся, пусть имъ Богъ дасть! Авось и насъ не забудутъ!.. Развѣ раны меньше у меня болѣть станутъ, когда онѣ у другихъ откроются?.. Нѣтъ!.. Но и насъ въ острогъ, думаю, садить не за что. Развѣ мы виноваты?.. За что въ гробъ людей живьемъ заколачивать!..

— Вѣрно!.. Согласны!.. Пусть имъ Богъ дасть, пусть живутъ, но и мы хотимъ умереть по положенію...—согласились присутствующіе.

Затѣмъ всѣ разбрелись по угламъ. Анка развязала свои узелки и принялась что-то шить и прикраивать для мужа. Мергень тоже работала иглой; Салбаны тихонько стонали, а Теченіе чинилъ у огня сѣти и хриплымъ голосомъ рассказывалъ Бытерхай сказку:

«Говорятъ, въ одно утро низенькая старушка «съ пятью коровами» пошла на хорошее поле искать коровъ. Съ широкаго поля взяла съ корнемъ цвѣтокъ съ пятью отростками, не сломавши ни корешка, ни одной вѣтви, и положила на подушку. Потомъ вышла, сѣла доить коровъ. Сидитъ она, слышитъ: вдругъ зазвенѣли бубенчики-колокольчики, ножницы упали со стукомъ. Бросилась старушка, разлила молоко, прибѣжала домой, видитъ: лежитъ трава травомъ. Снова вышла,

сѣла доить коровъ. Опять зазвенѣли бубенчики - колоколчики, опять упали ножницы. Опять пролила молоко. Посмотрѣла: на лѣвой сторонѣ дома сидитъ дѣвушка. Глаза что два свѣтлыхъ камня, брови какъ два черныхъ соболя протянули лапки другъ къ другу. Ротъ изъ складнаго серебра, носъ изъ кованнаго серебра. Когда говоритъ, на лицѣ будто бабочка летаетъ, когда глотаетъ, въ горлѣ будто пролетаетъ ласточка. Сквозь бѣлое платье сквозитъ лунное тѣло, сквозь прозрачное платье сквозитъ тѣло любимое.

«Послѣ того сынъ Похвальнаго Господина Кроваваго Глаза, Харджитъ-Бергень пошелъ на промыселъ въ темный лѣсъ. Сидитъ сѣрая бѣлка на кудрявой лѣсинѣ около дома низенькой старушки съ пятью коровами. Нашелъ здѣсь бѣлку, сталъ стрѣлять; съ темнаго утра ни разу не попадаетъ; наступилъ закатъ солнца. Въ это время стрѣла упала въ трубу. «Старуха, возьми стрѣлу, отдай мнѣ!» говоритъ онъ; не получаетъ отвѣта. Задымилась кровь въ его носу, зарумянилась кровь въ щекахъ, забѣгала кровь во лбу; пришла съ боку сердитая мысль, пришла съ затылка хвастливая мысль; влетѣлъ онъ въ дождь. Влетѣвъ, увидалъ эту дѣвушку, увидалъ—обмеръ. Потомъ ожилъ, влюбился; вышелъ, побѣжалъ, на лошадь пригнулъ и во весь опоръ прилетѣлъ домой. «Родители мои! говоритъ, у низенькой старушки съ пятью коровами такая хорошенькая дѣвушка! Возьмите эту дѣвушку и дайте мнѣ!» Тутъ отецъ послалъ людей на девяти коняхъ; во весь опоръ поѣхали; влетѣли къ низенькой старушкѣ съ пятью коровами. Всѣ они пали безъ чувствъ отъ красоты той дѣвушки. Очнулись, вышли вонъ, одинъ самый лучший человекъ остался. «Низенькая старушка съ пятью коровами, говоритъ онъ, — дай эту дѣвушку сыну Похвальнаго Господина Кроваваго Глаза!»...

Теченіе оборвалъ рассказъ и задумался. Женщины уже вносили въ избу постели, днемъ провѣтривавшіяся на морозѣ.

— Знаешь, дитя мое, Бытерхай! Иди спать! Раны мои сегодня что-то болятъ, не охота говорить... Должно быть, будетъ завтра переменна: непогода или оттепель!?

Бытерхай послушно поднялась и направилась въ уголъ, гдѣ спала вмѣстѣ съ Теченіемъ. Тотъ долго сидѣлъ у камина, осматривалъ и обмывалъ теплой водой изувѣченныя ноги. Усталый, измученный онъ уснулъ немедленно, чуть допелся къ постели.

— Ты спишь, Теченіе?! Не спи, милый, не спи!.. Ты ничего не слышишь?!—будила его долго спустя Бытерхай.—Теченіе, добрый мой господинъ, проснись!.. Я боюсь!..

— А что?..—съ просоня спрашивалъ Теченіе.—Что случилось?!

— Грemitъ, сильно грemitъ!

— Пусть грemitъ!.. Ледъ на озерахъ къ переменѣ лопаются!

— Нѣтъ!.. Не такъ грemitъ!.. Это вѣрно идетъ та барыня въ сто лошадей, что хочетъ насъ посадить за желѣзныя ставни...

— Пусть ѣдетъ! Спи!.. Не бось, уйдемъ!

— И меня возьмешь съ собою? Мой милый, серебряный... мой добрый...

— Возьму, возьму... Только спи!

III.

Зимой сообщеніе больныхъ съ внѣшнимъ міромъ почти прекратилось. Недостатокъ одежды и упадокъ силъ удерживали ихъ дома. Небо, снѣга, солнце они видѣли только тогда, когда принуждены были выйти, чтобы принести дровъ изъ собранной лѣтомъ кучи топлива, захватить льда или снѣга на воду или провѣтрить свое платье и постели. Исполняли это обыкновенно болѣе здоровые: Грегорѣй, Анка, Теченіе, иногда Мергенъ. Все время они проводили въ темной затхлои юртѣ, и почти не было у нихъ другихъ впечатлѣній кромѣ голода и мученій проказы, которая точно многоголовый червь ползала въ ихъ внутренностяхъ, вѣдалась въ мышцы, обвивалась кругомъ костей. Стоны болѣе или менѣе громкіе и ужасные все время носились въ темномъ отравленномъ воздухѣ юрты.

Зима стояла попрежнему суровая и холодная. Между тѣмъ, запасъ дровъ близился къ концу. Это заставляло ихъ скупиться въ отопленіи. Огонекъ чуть тлѣлъ въ обширномъ каминѣ юрты. Часто мятель почти тушила его, вбрасывая сквозь трубу вороха снѣговой пыли и струи холоднаго воздуха. Больные сильно страдали отъ холода и сырости. Сквозь щели въ стѣнахъ невыносимо дуло и морозъ торжествующе просовывалъ въ ихъ жилище свои хищные когти.

— Ахъ, Теченіе!.. Теченіе!.. Скверно осмотрѣлъ ты по осени избу... Теперь и дровъ много идетъ, и холодъ насъ мучитъ!

— Эхъ!.. Самъ страдаю! Вы забыли, что подъ конецъ работъ нарывы выскочили у меня на ладоняхъ... Никакъ не могъ...

— Вѣрно!.. мы все забыли... Всякій о себѣ только думаетъ!.. Больной человѣкъ похожъ на вонючаго пса!.. Ухъ, какъ холодно!.. Суставы ноютъ, жилы тянутъ... Смерть моя что ли идетъ?—стонала Кутуяхсытъ, протягивая изнуренныя руки къ чуть-чуть мерцающему огню.

— Не согрѣтъ-ли тебѣ воды, старуха?—мягко спросила ее Анка.

— Опять дрова жечь!.. Кто пойдетъ за ними ногѣ въ обледенѣлую тайгу? Топоромъ не сможешь, такъ зубами откусывать что-ли станешь! Не ты ли, красавица Анка, пойдешь? Бѣлыя у тебя правда зубы... Такъ попробуй... Что?! Большая ты барыня чужимъ распоряжаться!.. Не смѣть попусту изводить дровъ...—кричала Мергенъ.

Ея лицо окруженное вихрями черныхъ спутанныхъ волосъ, явилось на минуту изъ темнаго угла, откуда она въ послѣднее время почти не выходила.

— Господи, что теперь дѣлается на свѣтѣ, у людей?!—стоналъ Салбанъ.—Вѣдь сегодня праздникъ, масляница...

— Ходятъ якуты, гостятъ! Въ юртахъ смѣхъ и пѣсни... Огни горятъ... Пахнетъ топленымъ масломъ, мясомъ... Все веселые, все сытые... пѣсни поютъ, загадываютъ загадки... Свадьбы играютъ...

— Помнишь, Грегорѣй, какъ разъ годъ тому назадъ взялъ ты меня отъ родителей. Новую выстроилъ по осени юрту. Хорошо было намъ тепло, чисто... Помнишь, пришли сосѣди, стали мы ворожить... заставили шило показывать судьбу и вдругъ оно тебѣ черную показало дорогу... Никто не повѣрилъ.—Такой ты былъ тогда бойкій, крѣпкій, къ работѣ охочій... А теперь: оба мы здѣсь!.. Развѣялось богатство наше, точно дымъ, прошла молодость наша!..—шептала мужу Анка.

— Правда. Когда я домъ строилъ, не думалъ, что останется онъ пустымъ, что потухнетъ огонь мой... Я думалъ, что наполнится жилище говоромъ и смѣхомъ дѣтей... Теперь черная туча закрыла намъ міръ! Часто думаю, стоитъ ли жить, не лучше ли умереть?—отвѣтилъ Грегорѣй.

Анка вздрогнула.

— Слушай, тогда я осталась бы здѣсь совсѣмъ одна! Нѣтъ, нѣтъ!.. Мы можемъ еще долго жить. Смерть и старость вездѣ одинаковы, въ проказѣ ли, въ здоровьи ли! Старость та же проказа. Тоже чловѣкъ живъ да не живетъ. Не думай худо, прошу тебя...—шептала молодая женщина.

Она умоюще взглянула въ лицо мужа еще здоровое, но уже испещренное сине-багровыми пятнами. Грегорѣй ничего не отвѣтилъ, обычное, сонное равнодушіе его охватило.

Потрескиваніе огня и стоны Салбана мѣрно чередовались, точно тиканіе маятника. Въ углу Бытерхай тихо, не громче сверчка, говорила на ухо Теченію:

— Расскажи, Теченіе, какъ это бываетъ праздникъ? Что въ праздникъ дѣлаютъ люди? Отчего они тогда смѣются? Расскажи что-нибудь. Такъ скучно сегодня! Всѣ молчатъ! Только сердце стучить...

— Замоличи, дурочка! Отчего тебѣ тяжело и скучно? Развѣ видѣла другое? Намъ скучно, потому что всякій свое вспоминаетъ!.. Разные есть праздники: есть праздники, когда не работаютъ, одѣваются и ѣдятъ какъ всегда. Есть праздники побольше, когда одѣваются немного лучше и ѣдятъ лучше. Наконецъ, есть такіе большіе праздники, когда всѣ одѣваются въ свои лучшія платья и ѣдятъ какъ на свадьбѣ, сколько влѣзетъ, до сытости... Тогда всѣмъ весело...

— Такъ, знаешь, не надѣтъ ли мнѣ сегодня платокъ, который ты, Теченіе, подарилъ мнѣ напередни?!

— Э, не стоитъ! Сегодня не такой большой праздникъ. Платокъ ты спрячь на Пасху или на Миколу Вешняго... Сегодня праздникъ такъ себѣ... Иди ко мнѣ!

Рыбакъ вѣжно прикрылъ полою своего рваного кафтана голыя плечики ребенка.

— Скверно поступила Мергень, что отняла у тебя рубашку...

— И не говори!.. Сейчас у меня слезы изъ глазъ текутъ, какъ вспомню! Никогда, никогда еще у меня не было рубашки.. Анка сказала, что она когда-нибудь сошьетъ мнѣ рубашку... Я говорю: когда-нибудь... Я знаю, что теперь нельзя. Анка хорошая! Она зачѣмъ сюда пришла?

— Такъ, пришла по ошибкѣ, по глупости пришла... Теперь она останется поневолѣ, вернуться она уже не можетъ... Кто сюда разъ попалъ, не возвращается... Мы проклятые, Бытерхай!

-- Проклятые?! Кто же насъ проклялъ?

— Да такъ! Летаеть по воздуху, въ водѣ плаваеть, въ ѣдѣ сидеть такая проказа. Человѣкъ съѣстъ ее и готовъ. Онъ весель, играетъ, шутить, не знаетъ, что она уже въ немъ... Весело умѣють играть, якуты. Въ юртѣ тѣсно для веселья. Морозъ на дворѣ трещить. Выбѣгутъ дѣвушки и парни на дворъ, стануть ловить другъ друга. Кто кого поймаеть, тотъ того поцѣлуеть... Это называется «играть съ закрытыми глазами», потому что когда цѣлуются, то глаза закрываются. Или пригоняютъ во дворъ табунъ лошадей... А то пляшутъ... Берутся за руки мужицны и женщины, кружатся, пѣсни поютъ и тоже тогда при смѣнкѣ цѣлуются...

— Зачѣмъ они все цѣлуются?

— Дурочка, ты еще маленькая! Выростешь, узнаешь...

— Не хочу узнавать! Тебя только одного цѣловать буду! Салбанъ и Кутуяхсытъ скверно пахнуть!.. Мергень я боюсь; Грегорей и Анка не глядятъ даже на меня... Тебя только люблю, ты одинъ добрый!..

— Эхъ!.. Не болтай! Къ тому времени буду я вѣрно не лучше Салбана... Подожди, авось и тебѣ пошлетъ Богъ какого-нибудь не со всѣмъ стараго человѣка!

— Онъ выстрѣлитъ, стрѣла влетитъ въ трубу. Онъ войдетъ. Увидитъ меня, упадетъ въ обморокъ, затѣмъ придетъ въ себя, влюбится, выскочитъ, сядетъ на лошадь, помчится къ родителямъ и скажетъ имъ,—начала Бытерхай извѣстную ей сказку.

Теченіе разсмѣялся.

— Хорошо все помнишь, дѣвка!

— Такъ помню, такъ помню... Глаза закрою, все сейчасъ вижу!

— Эй, люди! Не устроимъ ли мы себѣ праздникъ?—предложилъ неожиданно Теченіе, онъ поднялся со скамьи и сталъ у огня.

— Да, да! Устроимъ и мы праздникъ!.. Ужасно скучно сегодня... Растопимъ огонь побольше... Хорошо?! Что? Согласны?!—поддержала его Анка.

— Подбрось дровъ!—крикнулъ Теченіе.

— Я такъ всегда говорю, что грѣхъ намъ, прокаженнымъ, о завтрашнемъ днѣ думать!..—вздохнулъ Салбанъ.—Богъ не пожелаеъ, чтобы мы о будущемъ думали, отняеъ у насъ здоровье...

— Какъ же! какъ же! Еще что? Съума вы поскондили!? Одни вы, что ли? Столько зимы впереди... ни дровъ, ни ѣды, а они праздники выдумываютъ... Думаете, общество пошлетъ вамъ подмогу? Ждите... какъ же!..—набросилась на ихъ предложеніе Мергень.

Она съ трудомъ двигалась, и никто ея не боялся теперь и не слушалъ.

Праздникъ состоялся. Прокаженные вволю согрѣлись у щедро растопленного огня, съ наслажденіемъ выкупали въ жаркомъ воздухѣ свои изъязвленные бока. Удовольствіе наполнило ихъ воспаленные глаза слезами умиленія, застывшіе члены вновь приобрѣли прежнюю гибкость. Рыбы они сварили цѣлую гору.

— Богъ и намъ посылаетъ иногда облегченіе,—шептала Кутуях-сытъ.

Обильная трапеза ихъ опьянила и скоро всѣ глубоко заснули. На нѣкоторое время замолкли даже стоны.

На разсвѣтѣ пронзительный крикъ нарушилъ неожиданно тишину. Грегорей, который первый проснулся, схватилъ Анку за руку.

— Это ты?.. Что такое?!

Другіе тоже подняли головы.

— Что такое?

Стоны, но иные, не ихъ стоны, стоны, полные силы, призыва и борьбы, неслись съ темнаго угла Мергень.

— Анка, ты пойди къ ней!..—проговорилъ дрожащимъ голосомъ Грегорей.

Якутка поспѣшно одѣлась, растопила огонь и исчезла въ темномъ углу. Крики на мгновеніе умолкли, затѣмъ раздалась съ прежней силой. Испуганная Бытерхай крѣпко схватила за руку Теченіе.

— Теченіе, я боюсь... Такъ боюсь... Кричить... А теперь и другое кричить... Теченіе, сжался, милый, скажи слово! Вѣдь это ребенокъ кричить?.. Маленькій ребенокъ... Анка вынесла его и грѣетъ у огня... Онъ плачетъ... Жалобно плачетъ... Развѣ и его люди прогнали съ того свѣта? Онъ такъ плачетъ, Теченіе, слышишь?..

— Эхей! Теченіе, помоги! Скорѣ согрѣй воды въ котлѣ!..—говорила торопливо Анка.

— Парень или дѣвка?—спросилъ Теченіе.

— Парень! Твой что ли?..

Теченіе отрицательно покачалъ головой.

— Вовсе жирный парень! Лучше, что парень—будетъ работникъ!—добавилъ онъ.

Анка обмывала у камина новорожденного, поливая его изо рта водою. Родильница тихо стонала.

— Анка... иди сюда!—звала она. — Парень или дѣвка? Парень!.. Хорошо. На кого похожъ, ты замѣтила? Повеси, покажи ему! Ему теперь даже не любопытно... Бѣдныя мы, женщины, Анка! Вездѣ тоже!..

Нѣтъ угла, гдѣ бы спрятаться могли мы предъ судьбой!.. Что же онъ молчитъ, Анка? Не взглянетъ даже!.. Ты теперь у него, молодая, свѣжая... Будешь для него работать и страдать... Не вѣрь ему, Анка! Не вѣрь никому... Себѣ только вѣрь, потому, по правдѣ, себѣ только человѣкъ хорошо желаетъ... Былъ у меня любимый мужъ... Взялъ меня изъ дому молоденькую, холеную... Работала я ради него, изъ кожи лѣзла, старалась, любила... Дѣтей у насъ не было... Чѣмъ же я виновата? Богъ не давалъ! А вотъ онъ возненавидѣлъ меня за это... «Останусь, говоритъ, черезъ тебя точно обгорѣлый столбъ, точно пенъ безъ вѣтвей... Потухнетъ огонь мой, опустѣетъ земля моя!..» Развѣ я была виновата?! Вѣдь Богъ не давалъ... Возненавидѣлъ онъ меня... Нашелъ себѣ другую, а меня сталъ бить, мучить, морить голодомъ... Когда я не умерла, онъ отвезъ меня сюда, въ этотъ живой гробъ, откуда никто не возвращается къ жизни... Вѣдь онъ могъ меня просто прогнать, да боялся—потребую у него свой скоть, что родные заступятся за меня, и ему не позволятъ вторично жениться... вотъ и вывезъ сюда, откуда никто не возвращается...

Она горько и долго плакала.

— Дай младенца! Ты уже его спеленала?—спросила она, наконецъ, немного успокоившись.

— Сейчасъ дамъ его тебѣ, только раньше брошу на огонь жертву. Мы не ждали, что это случится сегодня ночью и не приготовили ничего. Теченіе, сходи, дружище, въ амбаръ, принеси лучшую рыбу,—нужно поблагодарить за новое дыханіе... Да захвати по пути мой турсучекъ, остался тамъ еще кусочекъ масла... спрятали я его для тебя, Мергенъ...

Теченіе почесалъ затылокъ.

— По правдѣ, такъ долженъ бы идти Грегорей!—проворчалъ онъ, но надѣлъ обутки и вышелъ въ сѣни. Слышно было, какъ онъ тамъ возился въ темнотѣ, стучалъ дверьми и посудой. Наконецъ, вернулся, окруженный облакомъ морознаго тумана.

— Ухъ! Какая стужа!.. Холодъ... Сяѣгъ валить!.. Непогода мететь, чьи-то грѣхи заметаетъ!

— Почтенный рыжебородый Старикъ, Господинъ Нашъ Огонь—очагъ! Покровитель скота! Воспитатель и защита дѣтей нашихъ... прими ласковымъ сердцемъ нашу убогую чистосердечную жертву и въ будущемъ не оставь насъ милостью своей, дари, посылай намъ скоть многій и пестрый, мохнатыхъ жеребятъ, мальчиковъ туго-пальцевъ, способныхъ натягивать лукъ, и румяныхъ дѣвушекъ съ молочными грудями...—молилась Анка, бросая въ огонь куски жирной рыбы.

— Любить старикъ! Охъ, любить!—замѣтилъ Теченіе, благодушно кивая головою на сгорающую съ шипѣніемъ жертву.

— Всю рыбу вы ему отдали... всю рыбу...—проговорилъ жалобно Салбанъ, но жена быстро заткнула ему ротъ обернутой въ тряпки рукою.

— Не грѣши, не болтай зря!

— Зачѣмъ намъ косматые жеребята, пестрый скотъ?.. Что бы мы съ ними подѣлали? Гробъ бы намъ слѣдовало просить, доски на гробъ... Вотъ это я понимаю, а рыбу съѣсть бы слѣдовало... — не унимался сердитый старикъ.

Анка, между тѣмъ, растопила масло въ крошечной костремечкѣ, вылила его на блюдечко и поднесла къ губамъ Мергенъ, лежавшей въ полузабытѣи.

— На, пей, женщина!

Больная, не открывая глазъ, стала жадно глотать возбуждающій, ароматный напитокъ. Затѣмъ подняла вѣки и вперила удивленный взоръ въ Анку.

— Уйди!.. Зачѣмъ?!. Говорю тебѣ уйди!..—проговорила она глухо и оттолкнула ея руку вмѣстѣ съ блюдечкомъ.

Анка взяла младенца и ушла отъ нея. Однако, она не вернулась къ мужу, который неподвижно лежалъ на своей постели и спалъ или притворялся, что спитъ. Она усѣлась на пустой скамьѣ. Дитя безпокойно двигалось на ея колѣняхъ, она сквозь слезы глядѣла на пустую, темную внутренность юрты, на постели кругомъ подъ стѣнами, гдѣ въ полуснѣ чуть двигались и стонали живые мертвецы...

— Современемъ и я стану такой... Господи, пожалѣй меня грѣшную, дай скорую безболѣзненную смерть!..

Мысль, что ей некуда отсюда уйти, что міръ навсегда закрытъ для нея, что она вѣчная раба этихъ людей, казалась ей просто чудовищной. Мужество покидало ее, воля слабѣла подобно тому, какъ гнется подъ напоромъ вѣтра истлѣвшее внутри дерево. Не лучше ли умереть сейчасъ, раздумывала она, забывая доводы, которые приводила Григорью. Она вѣдь никому не нужна! Только мѣшаетъ... другимъ!..

Она уже съ меньшимъ отвращеніемъ вспоминала безносаго Петручана, который любилъ ее и былъ совершенно одинокъ!.. Ей казалось, что она ошиблась, неисправимо ошиблась въ выборѣ... Горькія слезы потекли у нея ручьемъ изъ глазъ.

— Господи, за что ты такъ наказываешь меня?

Плачь облегчилъ ее; она слабѣла и вздремнула. Но она все не могла подойти къ мужу и просидѣла всю ночь въ тревожной дремотѣ.

Дневной свѣтъ заглянулъ внутрь юрты сквозь ледяныя окна и озарилъ сѣрымъ, мертвеннымъ свѣтомъ грязный полъ съ лужами грязной воды и скамьи, прикрытыя рваными лохмотьями. Анка уже ничего не видѣла, не слышала шума мятели, врывающейся сквозь отверстие камина, не замѣчала стоновъ просыпающихся товарищей, не вняла даже зову Григорья, который надумался, наконецъ, и сталъ просить ее вернуться. Она сладко спала съ младенцемъ на колѣняхъ; нѣжная улыбка свѣтилась на ея мѣдномъ лицѣ, хотя слезы все еще дрожали на длинныхъ рѣсницахъ.

IV.

— Слышишь, старуха?... Сегодня ночью у меня отвалились два послѣдніе пальца. Будешь меня теперь кормить точно малаго ребенка...— стоналъ Салбанъ.

— Ну, такъ что-жь? Буду!.. Развѣ я не дѣлала этого до сихъ пори? Твои пальцы не велика потеря... чуть висѣли! Не тужи, старина,—утѣшала его Кутуяхсытъ.

— И то правда! А все-таки жалко... Досадно какъ-то смотрѣть, что они валяются на землѣ... Брось ихъ старуха въ огонь...

— Угару надѣлаете да и огонь оскверните... Не шутите съ огнемъ...—проворчалъ Грегорей.

— О руки мои, руки сильные — прощайте! Теперь я ужъ совсѣмъ какъ пень, опаленный молніей! Помнишь, Кутуяхсытъ, какъ мы носили сѣно бывало на нашемъ островѣ. Кто бы тогда подумалъ, что я умру здѣсь? Мой прокъ былъ самый широкій въ окрестности. Помнишь, старуха... Сосѣди приходили къ намъ, рассказывали новости... Затѣмъ пришла ночь кромѣшная, и окружила насъ, и не прекратилась, не просвѣтила ни-ни... Двѣ дочери было, двухъ сыновей мы воспитали, а развѣ знаемъ, что съ ними... Сначала они ходили... Хотя издали глаза наши видѣли ихъ... Теперь, давно уже, никто не ходитъ, и мы не знаемъ даже, живутъ ли они, размножаются или погибаютъ... Пусть ихъ!..

— Не проклинай, старикъ!—удержала его Кутуяхсытъ.

— Если по человѣчески ѣсть, такъ ѣды осталось на два дня, а если не по человѣчески ѣсть, такъ не знаю... Одинъ Богъ знаетъ...— торжественно проговорилъ Теченіе, являясь на порогѣ юрты съ посудой въ рукахъ. Анка шла сзади за нимъ.

— Крохи остались!—добавила она.

— Какъ крохи? На два дня?.. Какъ же это?

— А зима стоитъ, какъ стояла...—загадѣли присутствующіе.

— Это къ лучшему!.. Авось общество пошлетъ еще сколь-нибудь до распутицы...

— Какъ же—жди! Анка сказывала, у самихъ пустые амбары.

— Если вѣтъ, такъ что и толковать...

— Не сходитъ ли Анкѣ?

— Убьютъ меня! Боюсь, не пойду!..—отказывалась молодая женщина, встряхивая головой.

Прокаженные столпились въ раздумьи кругомъ камня. Мерцающее зарево огня освѣтило ихъ страшныя лица съ сине-багровыми подтеками, съ рубцами зажившихъ ранъ и свѣже-открытыми язвами. Сквозь дыры лохмотьевъ видѣлись темные и истощенные члены. Пламя ласкало ихъ, согрѣвало ихъ измученныя тѣла, вносило въ уставшія души крохи странной надежды на что-то. Больные жались къ огню, всѣмъ

существомъ старались возможно больше впитать въ себя свѣта и тепла, а дровъ тоже не хватало и вскорѣ долженъ былъ наступить холодъ и мракъ.

— Какъ же порѣшимъ, люди?—спросилъ Теченіе.

— Будемъ ждать... Что же другое можемъ мы дѣлать? Надо готовиться...—отвѣтилъ мрачно Грегорей и голосъ его вдругъ измѣнился, прозвучавъ хрипло и глухо. Всѣ взглянули въ его сторону.

— Уже въ горло къ тебѣ пробралась, Грегорей. Не ждетъ она, не смотритъ!—засмѣялась Мергенъ...—Боюсь, что Анка не достаточно захватила съ собою трепья...

Грегорей не отвѣчалъ. Въ его мутныхъ, красныхъ глазахъ вспыхивали и потухали безпокойные огоньки. По временамъ ему казалось, что все кругомъ куда-то проваливается, что тьма потопляетъ весь міръ и что сквозь отпрывшіяся, какъ ему казалось, по всему его тѣлу язвы пробирается внутрь его жгучій огонь. Онъ думалъ, что продержится много дольше, что болѣзнь пощадитъ его, между тѣмъ она оказалась такъ близко! Онъ поднялся и направился къ своей постелѣ.

— Уходишь, Грегорей? Кто же будетъ дрова носить? Вѣдь рѣшили ждать!.. Потому что, если не ждать, то, что мы можемъ дѣлать... А если ждать, такъ дрова надо въ избу нести...—доказывалъ Теченіе.

Грегорей продолжалъ молчать. Все для него поблѣднѣло въ сравненіи со сдѣланнымъ имъ только что открытіемъ.

— Пусть будетъ, что будетъ!..

Теченіе нѣкоторое время размышлялъ, какъ ему поступить въ виду явнаго равнодушія всѣхъ.

— Хорошо!—пробормоталъ онъ и рѣшительно надѣлъ на голову шапку.—Гдѣ мои рукавицы?

Бытерхай подала ему комочки тряпья, замѣнявшія рукавицы. Теченіе сердито надвинулъ ихъ на руки и все тѣмъ же рѣшительно-обиженнымъ шагомъ заковылялъ къ дверямъ. Анка пошла за нимъ. Они стали вдвоемъ носить въ юрту топливо. Мергенъ издали наблюдала за ними, но и не думала пошевелиться.

— Ты хоть помогла бы намъ! Вѣдь ты здорова!—не выдержавъ, сказалъ ей Теченіе.

— Чего еще?.. Позови свою Бытерхайку... Она тоже здорова!..

— Дитя маленькое она, слабое...

— Знаемъ, какое дитя... Работать дитя, а что ты, старый чортъ, съ ней выдѣлываешь, того никто не знаетъ!

— И не стыдно тебѣ, злая женщина?

— Стыдно? Что ты сказалъ? Что ты сказалъ? Повтори! Ты хорошъ?!. Безмозглый дуракъ!.. Да гдѣ здѣсь хорошіе?.. Да зачѣмъ они здѣсь? Хорошіи это здоровый, это богатый, сильный... Хорошіи чело-вѣкъ никого просить не станеть, онъ самъ все найдетъ, онъ самъ себѣ господинъ, не такъ какъ вы, проклятая проказа! Я найду, когда

миѣ понадобится... Я-то хорошая!.. Я не прокаженная... Меня Богъ не отиѣтилъ, какъ васъ.. Изводить бы васъ, проклятыхъ, а не помогать бы вамъ, нужно... Да!.. Еслибъ васъ не было здѣсь и меня бы не было... И зачѣмъ васъ только шадятъ? Зачѣмъ жалѣютъ?..

Брань и проклятыя полились рѣкою. Никто не возражалъ ей, не прекословилъ. Тогда Мергенъ схватила съ гнѣвомъ ребенка, прижала къ груди и зашипѣла:

— На, соси, идола! Авось вырастетъ изъ тебя изувѣръ и запла-тишь всѣмъ имъ за мои муки!..

Теченіе съ Анкой разъ за разомъ постукивали дверьми, таская подобно муравьямъ бревна въ избу. Бытерхай пугливо побѣжала за ними.

Потоки солнечнаго свѣта, яркаго отъ бѣлизны свѣговъ, ослѣпили ее. Мгновеніе она стояла въ ихъ ореолѣ, неподвижная, нагая, точно мѣдный истуканчикъ, тоненькая точно былиночка. Природная граціозность дѣвочки вполне окупала недостатки ея костюма. Анка взглянула на нее и улыбулась. Несмотря на собственное страданіе, она не могла равнодушно переносить вида этихъ маленькихъ худенькихъ ручекъ и ножекъ.

— Тебѣ чего... Иди въ избу... Замерзнешь...

— Мергенъ сказала... Я помочь хочу... Хоть одно бревно миѣ дайте...

— Иди, иди... Вотъ твое бревно! — засмѣялся благодушно Теченіе и подалъ ей самое маленькое изъ попавшихся ему погнѣевъ.

— А все-таки хорошо, что дѣвка пришла... Есть у нея совѣсты!.. — добавилъ онъ, когда двери за ребенкомъ закрылись.

Анка вздохнула.

— Что съ нами будетъ?

— Эхъ! Не тужи!.. Рано еще тужить... Не впервые... Вѣдь и тамъ, на міру, теперь голодъ, и дѣться передъ нимъ некуда... Не тужи! Отъ заботы хуже человекъ тощаетъ! Думать слѣдуетъ, но вѣдь все всегда дѣлается не по думкѣ, наоборотъ. Вотъ и я думалъ, что Грегорей будетъ миѣ товарищъ, а онъ вотъ... Слѣдовало ему идти, свѣдовало идти съ нами. Ты ему задай головомойку... Пусть живетъ, какъ люди, пока живется, а то такъ сразу осѣлъ!.. Неззя такъ!.. Нехорошо! — добавилъ онъ мягко.

Губы Анки дрогнули.

— Что же я подѣлаю!.. Не дитя онъ маленькое!.. Бѣдная моя головушка, и зачѣмъ я только живу на свѣтѣ...

— Знаешь, Анка, я тебѣ что посоветую?.. Я тебѣ вотъ что скажу: ты пожалуйся князю, что скотъ у тебя незаконно отняли, потребуй, чтобы его вернули... Все-таки со скотомъ будетъ намъ лучше... Сердцу будетъ лучше. А то теперь человекъ одинъ, не за что ему ухватиться... Вольный онъ. А тогда и сѣно косить нужно, и поить и кормить... Мы бы съ Грегорьемъ ловко еще могла сѣно косить... Право!.. Ты не смотри, что у меня ноги больные...

— Да какъ пожаловаться мнѣ... Вѣдь князь далеко!

— Скажи тому, что привезетъ пищу. Кода-нибудь привезутъ же они пищу...

Анка призадумалась; въ ея потускнѣвшихъ глазахъ опять заигралъ лучъ надежды. Она стала выспрашивать у Теченія кой-какія подробности о мѣстности, сѣнокосахъ, водѣ... Такъ разговаривая, они работали все время, пока силы окончательно не оставили ихъ.

Прокаженные сварили послѣдній ужинъ и легли «переждать»... Каждый изъ нихъ прикрылъ себя возможно плотно одѣяломъ и принадлежащимъ ему платьемъ и затѣмъ попробовалъ заснуть. Анка подѣлилась раньше того своими мечтами съ мужемъ, но тотъ встрѣтилъ ихъ довольно равнодушно.

— Да, да... Увидимъ.

Въ затихшей юртѣ раздавались только по временамъ жалобные стоны Салбана. Тотъ и лежать даже не могъ спокойно. Онъ упирался затылкомъ въ спинку кровати и такъ полу-сидя проводилъ все время. Стоны его то слабѣли, то учащались. Кутуяхсытъ, не меньше его страдавшая, все-таки нѣтъ, нѣтъ подымалась, чтобы подать ему пить или обмыть теплой водой запылившія раны. Тогда больной затихалъ на мгновение и шепталъ старухѣ забытыя слова признательности. Никто другой къ нему не приближался. Даже Теченіе съ ужасомъ отворачивался отъ картины ожидающихъ и его современемъ мученій.

Все время никто не выходилъ на дворъ. Они въ началѣ еще крѣпко приперли двери полѣномъ. Дни они узнавали по лучамъ солнца, которые, пробираясь въ ихъ юрту сквозь ледяныя окна, отбрасывали на земляномъ полу радужныя пятна. Ночи узнавали по лунному свѣту, который вмѣсто солнца слегка серебрилъ внутренность ихъ всегда темной избы. Ежедневно они сѣдали немного оставшейся пищи съ большой подмѣсью древесной заболони, стружекъ, обрѣзковъ кожи. Наконецъ, и этого не стало. Они жили, но сознаніе ихъ уже помугилось, голодныя грезы и дѣйствительность смѣшались въ одинъ дикій кошмаръ. Только въ углу Мергень не прекращалось движеніе и по временамъ тамъ плакалъ-плакалъ младенецъ. Остальные казалось совсѣмъ ослабѣли. Тѣмъ не менѣе, когда ночью на дворѣ послышался неожиданно протяжный вой, всѣ подняли головы.

— Слышали?.. Приѣхали... Зовутъ!..

Они жадно прислушивались, не повторятся ли звуки. Теченіе подползъ къ дверямъ и открылъ ихъ. Столбъ луннаго свѣта ворвался въ юрту на облакахъ морознаго тумана. Вой раздался совсѣмъ близко.

— Волки!—шепнулъ якутъ и захлопнулъ поспѣшно двери.

Опять надолго воцарилась тишина въ юртѣ, нарушаемая только стонами Салбана и плачемъ младенца. Наконецъ, Салбанъ замолкъ.

— Эй, Теченіе, вставай!.. Салбанъ умеръ... Надо его вынести,—крикнула спустя нѣкоторое время Мергень.

Никто ей не отвѣтилъ. Даже Теченіе притворился, что ничего не слышитъ или дѣйствительно уже не слышалъ. Никто не пошевелился. Мергенъ, которая до того времени старательно избѣгала всякаго движенія, выскочила изъ своего угла, растопила огонь и направилась къ рыбаку.

— Вставай!

Она дернула его за плечо, за волосы, но якутъ не шевелился.

— Дѣйствительно, помирать собираются!.. Нужно будетъ мнѣ самой потрудиться... Совсѣмъ старикъ воздухъ отравитъ!

Она сбросила остатокъ платья и нагая, страшная, съ обвисшими исхудалыми руками и волосами, въ безпорядкѣ разсыпанными по плечамъ, подошла къ трупу шагомъ разсерженной волчицы. Она взглянула ему въ лицо и вздрогнула, но мужество сейчасъ же вернулось къ ней, въ глазахъ замелькали даже гнѣвъ и ненависть.

— И мнѣ придется вотъ такъ умирать!..

Толчкомъ ноги она сбросила тѣло на полъ и попробовала потащить его къ двери, но члены за которые она ухватилась обрывались. Тогда она отыскала въ кучѣ хвороста два толстые сука и помощью ихъ стала подталкивать мертвеца къ дверямъ. Высокій порогъ задержалъ ее, дверная тяга бросила ей въ лицо весь удушливый запахъ трупа. Голова закружилась у ней, она отошла на мгновеніе къ огню и взглянула на нестокъ, чтобы отогрѣть иззябшія колѣни.

— Теченіе!.. Грегорей!.. Встаньте, проклятые отбросы, помогите мнѣ выбросить вашего родителя... Я одна не справлюсь, да и моя ли это обязанность?

Никто не отвѣтилъ. Мергенъ собралась съ силами, завязала носъ и ротъ платкомъ, схватила тѣло въ охапку и попробовала перевалить его черезъ порогъ. Сдѣлать это было не легко, безформенное, мягкое туловище Салбая то и дѣло выскользало у нея изъ рукъ, или задевало за косякъ повисшими членами.

— Теперь навѣрно уже заболѣю,—раздумывала Мергенъ, чувствуя на груди влажное прикосновеніе трупа. Потоки морознаго воздуха, насыщенная луннымъ сіяніемъ, лились на нее сквозь открытыя двери точно свѣтлый ледяной водопадъ, руки ея коченѣли и она съ трудомъ управлялась съ задачей. Затѣмъ двери быстро захлопнулись и она бросилась поскорѣе къ огню, дрожа отъ волненія и холода.

— Помоюсь, а то умру отъ одного запаха!

Она положила кусокъ льда въ котелокъ, растаяла его и умылась. Затѣмъ она принялась безпокойно блуждать по юртѣ въ поискахъ пищи. Ребенокъ ея жалобно пищалъ. Она, между тѣмъ, осмотрѣла по пути платье Анки и взяла, что было получше. Затѣмъ она перебрала ломотья Теченія и присвоила себѣ его ножъ. Около Грегорья она остановилась въ раздумьи, но не тронула его. Наконецъ, она вернулась къ огню, который совершенно почти выгоралъ и слабо мерцалъ. Дитя

*

все плакало. Мѣрное, сдавленное дыханіе спящихъ производило впечатлѣніе отдаленнаго хода мимо идущихъ людей. На мгновение Мергенъ почувдилось, что дѣйствительно гдѣ-то далеко мимо нихъ пробирается таборъ пастуховъ. Она открыла двери и прислушалась. Вдали виднѣлись все тѣ же непорочно бѣлые снѣга, облитые луннымъ свѣтомъ, надъ ними рѣяли тишина и сумракъ ночи, а у ногъ Мергенъ—сейчасъ же за порогомъ—лежалъ жалко свернувшійся трупъ Салбапа. Мергенъ вернулась въ избу и растопила большой огонь. Образъ далекихъ юртъ, гдѣ спятъ счастливые сытые люди въ теплѣ и въ чистотѣ, гдѣ пахнетъ жизнью и здоровьемъ, преслѣдовалъ ее неотступно.

— Пойду!—прошептала она.—Пойду!.. Пусть убьютъ!..

Она сорвала со спящаго Грегорѣя заячій кафтанъ Анки, схватила лисью шапку послѣдней, подвѣшенную на гвоздѣ въ изголовьи. Грегорѣй проснулся и поднялъ голову. Взоры ихъ встрѣтились.

— Тебѣ чего?—спросилъ мужчина глухимъ голосомъ.

— Чего?... Жизнь... Любви твоей, глупый мужиченко!—разсмѣялась женщина.

Она подвязала ножъ у пояса, взяла въ руки дорожный посохъ и вышла. Двери гулко хлопнули за ней. Огонь, вздутый сквознякомъ, выбросилъ изъ камина искры пламя и клубы дыма въ юрту.

— Ушла?—спросила—Анка.—И я бы пошла, да силъ нѣту!..

— Платье твое унесла, проклятая!—замѣтилъ Грегорѣй.—Слушай, Анка, не врать ли къ намъ дитя... слышишь, какъ плачетъ, еще замерзнетъ...

— Не встану, не смогу... силъ нѣтъ!..

Грегорѣй не настаивалъ, но супруги долго не могли уснуть, все прислушиваясь къ тихому плачу ребенка.

Мергенъ прямо направилась въ тайгу. Она держалась той же тропы, по которой тогда пріѣхала Анка, такъ какъ въ той сторонѣ ближе всего находились жилые дома. Мракъ и отсутствіе дороги не мѣшали ей. Мѣстная уроженка, она знала прекрасно окрестности, а окупшій уже на снѣгахъ весенній «настъ» позволялъ идти по ихъ поверхности точно по гладкому льду. Она не разъ уже раньше предпринимала подобные набѣги, гонимая неудержимой тоской и ненавистью къ обидѣвшимъ ее людямъ. Иногда ей удавалось украсть тамъ что-нибудь, подобрать оставленную на дворѣ одежду или дорожную суму; гѣтомъ она осматривала сѣти сосѣдей и вводила лодки... Она отличалась силой и мужествомъ. Шла она бойко, не останавливалась и все постукивала впереди себя по снѣгамъ посохомъ, чтобы избѣжать недостаточной отвердѣвшихъ подъ «настомъ» сугробовъ. Она торопилась пройти пустыню, пока голодъ и холодъ не обезсилятъ окончательно ея тогдаго тѣла.

— Худо!.. Не дойду, однако, на этотъ разъ!..—думала она, когда послѣ часу съ лишнимъ напряженной ходьбы, ея ноги стали гнуться и

мысли путаться. Она съ трудомъ преодолѣла себя, смочила снѣгомъ высохшія губы и двинулась дальше. Вскорѣ далекій лай собакъ ободрилъ ее.

— Еще немного... Еще смогу! Проснулись уже люди или нѣтъ? Вотъ что важно! Если проснулись, войду прямо въ юрту... Пусть со мной дѣлають, что хотятъ...

Холодный потъ облилъ ее, когда она стала размышлять, что могутъ съ ней сдѣлать остервенѣлые отъ испуга люди.

Въ мутной снѣговой дали неясно обрисовались очертанія засыпанныхъ снѣгомъ юртъ. Жильцы ихъ еще спали. Огонь не свѣтился въ ледяныхъ окошечкахъ и дымъ чуть струился изъ трубъ. Поодаль чернѣли меньшія строенія, амбары и скотники. Мергенъ замедлила шаги. Собаки съ лаемъ бросились къ ней, но она остановила ихъ якутскимъ окрикомъ. Они знали ее, дружили съ ней и теперь подошли къ ней, виляя хвостами въ ожиданіи обычной подачи. Мергенъ быстро проскользнула мимо дома и собакъ въ скотный хлѣвъ. Когда она открыла его двери, ее обдалъ острый запахъ навоза, столь милый всякому якуту. Мергенъ вошла тише тѣни, содрагаясь отъ страстнаго волненія. Мгновеніе она стояла неподвижно и слушала. Кто-то спалъ въ хлѣву. Его мѣрное дыханіе вятно пробивалось сквозь вздохи и сопѣніе жующихъ явачку животныхъ. Неизвѣстный продолжалъ крѣпко спать, и Мергенъ протянула жадно впередъ руки. Пальцы ея коснулись мохнатой, теплой спины. Тогда она скользнула ладонями вдоль тѣла повскала вымя и прикурнула на колѣняхъ подъ брюхо животнаго. Вымя было полно молока. Якутка почти легла подъ вздутымъ животомъ скотины, охватила его руками и прильнула судорожно губами къ соскамъ. Сладостная нѣга и теплота разлилась по всему тѣлу несчастной; она почувствовала, какъ ея собственныя груди, такъ долго остававшіяся пустыми, наливаются молокомъ и кровью съ каждымъ новымъ глоткомъ.

— Кто тутъ?! Кто здѣсь?!— окрикнулъ ее испуганный женскій голосъ, когда она уже обратно подкрадывалась къ дверямъ.

Хищница успѣла выскочить въ самый разъ; изъ трубы юрты во дворъ вылеталъ густой, искристый багровый дымъ и внутри гудѣмъ голоса. Мергенъ выбѣжала изъ воротъ веселая, добрая, раздумывая, залають ли на нее собаки или нѣтъ, и что подумаетъ про ночное посѣщеніе караулившая скоть работница?

По утру дома собравшіеся кругомъ огня прокаженные встрѣтили ее радостными восклицаніями.

— Ты вернулась и, можетъ быть, что-нибудь принесла?!

Мергенъ встряхнула отрицательно головой и взяла ребенка у нянчившей его Анки.

— Ничего не нашла... Завтра!..

Но и на слѣдующій день она не нашла ничего.

Вернулась она поздно, уже днемъ, съ прострѣнной ногой.

Больные не рѣшились ее разспрашивать. Мрачная съ судорожно стиснутыми зубами, она безъ посторонней помощи осматрѣла и перевязала свою рану. Ночью случился съ ней бредъ и лихорадка. Ея стоны скоро перешли въ дикое, похожее на вой, пѣніе, которому немедленно заворовали волки, рвущіе на дворѣ трупъ Салбана. И этотъ страшный хоръ уже не замолкалъ, только то крѣпчалъ, то слабѣлъ временами. Однообразіе его нарушали лишь восклицанія больной, проклятія, звѣроподобные звуки, ржаніе и взвизгиваніе... Прокаженные перестали вѣрить, что это голосить женщина... Во мракѣ юрты вдругъ замелькали всѣ злые боги, повелители голода, мора и страданій... Младенецъ умеръ...

.....

Набѣги Мергенъ не остались, однако, безъ послѣдствій.

Нѣсколько дней спустя больные услышали зовъ снаружи и поспешили къ выходу.

— Не подходи... Стой!..—заревѣлъ якутъ, когда они открыли двери. Онъ угрожающе выставилъ впередъ свое копьё—пальму.

— Я вамъ привезъ ѣду... общество послало... До весны должно вамъ хватить... Больше не будетъ!.. Сами голодаемъ... Для Теченія я привезъ сѣти, пусть рыбу ловить... Сами вы себѣ должны ѣду промыслять, а всѣ вѣдь вы помираете.

— Сѣти всегда старые, никуда не годные,—жаловался Теченіе.

— Даромъ даемъ, жалѣючи даемъ!.. Бери, что есть... А пусть эта чартова дочь, колдунья Мергенъ, не шляется, скажите ей, что убьемъ ее, какъ собаку... Нѣтъ такого закона, чтобы моръ по свѣту разносить.

— Не пустимъ ее больше, она ранена, она болѣетъ!.. Будьте увѣрены,—кричали восторженно нишіе...

— Послушай... не уходи...—начала говорить слабымъ голосомъ Анка.—Послушай... попроси князя... скажи ему, что жалуюсь я, что Петручанъ... обманулъ меня... нѣтъ... не обманулъ, а по ошибкѣ забылъ отдать мнѣ мой скоть... Пусть отдастъ также мои вещи.

— Говори громче!—издали прокричалъ якутъ.

— Да не... могу... Подойди ближе... не бойся, я еще здорова...

— А!.. эти ты, Анка!.. Бѣдняжка, зачѣмъ ты ушла сюда?

— Ничего не подѣлаешь!.. Значить—судьба! Скажи князю, пусть прикажетъ отдать мнѣ скоть и вещи... они мои... у Петручана...

— Пусть прикажетъ, а то сами пойдемъ за ними...

— Не смѣйте!.. Живьемъ васъ изжаримъ, запремъ въ пустую юрту и сожжемъ... Вотъ подлецы!..—ругался якутъ.

— Всѣхъ отравимъ, всѣмъ ядъ привьемъ!..—воскликнула бѣшено Мергенъ, не осмѣливаясь, однако, выглянуть за двери.

— Что она? Съ ума сошла!?. Вотъ баба-то звѣрь!..—заговорилъ вдругъ спокойно пріѣзжій.—Вы думаете, намъ васъ не жаль?.. Жаль, еще какъ,

да сами нуждаемся теперь и голодаемъ... Дневной свѣтъ меркнетъ, когда человѣкъ живыми глазами посмотреть на ваши мученія, но что же мы можемъ подѣлать? Даемъ, сколько въ состояніи дать! И князю я согласенъ сказать, а только вы ужъ насъ пощадите, не трогайтесь съ мѣста, сидите въ нашемъ углу...

— Иди съ Богомъ! Будьте счастливы, живите, богатѣйте и не забывайте насъ, среди послѣднихъ послѣднѣйшихъ, среди несчастныхъ несчастнѣйшихъ!..—кричали вслѣдъ ему проклятые.

V.

Кратковременны здѣсь весна, лѣто и осень—кратковременны и скоротечны. Они пролетаютъ здѣсь въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи. Особенно весна полна необычнаго шума, движенія, рокота бѣгущихъ потоковъ, пѣнія и говора перелетныхъ птицъ, животельныхъ дуновеній южнаго вѣтра. Земля, точно въ упоеніи, при несмолкаемыхъ возгласахъ радости и нѣги, сбрасивъ съ себя снѣговые покровы. Съ поразительной быстротой таютъ снѣга, рвутся, слетаютъ, обнажаются черныя вспухшія груди бугровъ, скользкія покатоности обрывовъ, мысы и острова. Всплываютъ изъ подъ снѣга черныя гѣса, напоенные теплою влажностью и ароматомъ древесной смолы. Тамъ и сямъ блестятъ голубые заливы живой воды. Тучи пернатыхъ гостей, бѣлыхъ какъ снѣгъ лебедей, сѣрыхъ утокъ и гусей, мелкихъ и безчисленныхъ, точно пчелиные рои, куликовъ, плавунчиковъ, полевыхъ пѣтушковъ садятся на прогалинахъ, плещутся въ водѣ, гогочутъ, шныряютъ въ прошлогоднихъ пожухлыхъ аирахъ. Разнообразные голоса ихъ тонутъ въ общемъ гомонѣ жизни, какъ звуки отдѣльныхъ инструментовъ въ музыкѣ оркестра. Онъ гремитъ непрерывно въ лучахъ незаходящаго солнца, никто не спитъ, не отдыхаетъ; всѣ торопятся вволю насладиться тепломъ, любовью, движеніемъ... всѣ точно боятся, глядя на скованныя еще льдами озера, что вотъ-вотъ вернется только что исчезнувшая зима. Проснулись, наконецъ, все еще дремлющія, крупные водоемы. Въ нихъ собралось уже достаточно воды, поднялись ихъ ледяные щиты и заколебались. Кругомъ, вдоль береговъ образовались широкіе «забереги», въ которыхъ волны, вздымаясь, крошили и объѣдали постоянно края оставшихся льдовъ. Рыбы весело заплескались въ просторныхъ полыньяхъ. Нерѣдко послѣ жаркаго дня, когда заря клала на черныя спокойныя воды свой алый отблескъ, въ столбахъ свѣта можно было замѣтить ряды неподвижныхъ черныхъ точекъ, это огромныя рыбы высунули наружу кончики мордъ и лѣниво отдыхали въ теплой водѣ. Ихъ жабры, уставшіе дышать въ зимнихъ, тивистыхъ омутахъ, жадно втягивали теперь съ влагой пахучій свѣжій воздухъ. Днемъ рыбы круги постоянно мутили воду.

Теченіе смолилъ на берегу лодку. Онъ прилежно водилъ горячимъ

желѣзомъ по швамъ, предварительно усыпаннымъ толченой листовенной смолой. Легкій вѣтерокъ далеко кругомъ разносилъ вѣстѣ съ синимъ дымомъ пріятный ароматъ горящаго янтаря. У огня сидѣла Бытерхай съ вѣнкомъ желтыхъ полярныхъ анемоновъ на черныхъ кудряхъ. Другого платья на ней не было. Она упиралась локтями въ согнутыя колѣни, а на ладони положила головку и внимательно слушала вѣсенку рыбака мягко звучащую на фонѣ мощнаго весенняго хора:

Изъ праваго ворота выходила красота—душа,
Ея русая коса ниже пояса была...
Ой, ой! Дунай... Дунай-даюшка ты мой!
Къ ней все въ гости пріѣзжали разбогатые купцы,
Разбогатые купцы, все донскіе казаки...
Ой, ой! Дунай! Дунай-даюшка ты мой!..!
Продаешься ли, красотка, за серебряны рубли?
Милый твой лежать покойный во широкомъ во-пуху...
Ой, ой!.. Дунай... Дунай-даюшка ты мой!

— Ты это какъ поешь, Теченіе?

— А что? Нравится тебѣ?.. Это «губернская» пѣсенка, русская пѣсенка! И-и-и... Сколько тамъ чудесъ?! Церквей сколько, домовъ, людей. Охъ-сіз! Ходилъ я туда и не разъ... Ты, дѣвка, не думай, что я всегда такой безногій... Нѣтъ, и я былъ проворенъ, и меня любили женщины...

— Голосъ пѣсенки шибко хорошъ! Переведи ее, Теченіе!..

Рыбакъ терпѣливо перевелъ слова по-якутски.

— Что она продасть имъ, Теченіе?

— Себя продасть. Тамъ такъ и сказано, что себя.

— И чтоже: они съѣдятъ ее?

Теченіе засмѣялся.

— Дурочка ты! Выростешь, узнаешь!..

— Какъ узнаю, если отсюда не выйду?

— И то правда. Не выйдешь отсюда. Отсюда никто не выходитъ...

Дитя и рыбакъ невольно взглянули на тотъ берегъ озера, гдѣ надъ далекимъ лѣсомъ висла чуть замѣтный сизый дымокъ.

— Эхъ!.. Погоди... Есть у тебя еще время впереди, дѣвка!.. Не тужи, говорю тебѣ. Еще тебѣ, можетъ быть, Богъ кого пошлетъ... А теперь помоги мнѣ стащить лодку на воду и поплывемъ забрасывать сѣти...

Изъ праваго ворота выходила красота...

Запѣлъ онъ, но сейчасъ же спохватился.

— Тссть!.. Тихонько надо двигаться. Ты садись сзади и, помни, не шевелись. И меня утопишь, и сама утонешь...

Легкая лодочка ласточкой помчалась по спокойной водѣ. Рыбакъ описалъ большую дугу, повернулъ ее и сталъ выбрасывать сѣти. Бытерхай свѣсила голову на край суденышка и наблюдала, какъ дрожить, колеблется, ломается въ водѣ ея отраженіе, какъ мутнѣютъ въ набѣгавшей волнѣ желтыя анемоны вѣнка. Теченіе составилъ весьма хитрый

планъ. Онъ отрѣзалъ сѣтями отступленіе назадъ рыбѣ, грѣющейся у береговъ. Затѣмъ онъ сталъ ее пугать, рассчитывая, что въ суматохѣ она не замѣтитъ западни. Расчеты его вполне оправдались. И когда рыбакъ съ большимъ шумомъ плавалъ по ометанному мѣсту, берестяные полавки сѣтей то и дѣло ныряли въ воду, которая сильно рябилась и бурлила подъ ними. Уловъ оказался сверхъ ожиданія обильнымъ. Вскорѣ дво-лодки загудѣло подъ ударами вынутой изъ воды рыбы. Большія шуки широко раскрывали зубастыя пасти, сяясь что-нибудь укусить передъ смертью. Но Бытерхой и не думала класть туда палецъ. Плоскія, серебристыя «бранатки», съ карими глазами, подскакивали всѣмъ тѣломъ сразу, точно подбрасываемыя въ рѣшетѣ серебряныя рубли. Теченіе одну изъ нихъ удержало дольше въ рукахъ.

— Смотри, Бытерхай! Эта рыба, какъ мы... Отъ этой рыбы болѣзнь наша...—сказалъ онъ, протягивая къ дѣвочкѣ рыбу съ странной распухшей головой, покрытой шрамами и ссадинами, напоминающими проказу. Чудовище вяло трепыхалось въ пальцахъ ребенка и злобно глядѣло ему въ лицо мутными, скверными глазами.

— Я пушу ее, Теченіе... Мнѣ жаль ее...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не отпускай!.. Ее нужно на берегъ, да такъ въ землѣ зарыть...

— Мнѣ жаль ее, она какъ мы!..—шептала дѣвочка.

— Да, да... Это отъ нихъ мы гибнемъ. Такую рыбу человѣкъ съѣсть, даже не знаетъ, что врага съѣлъ. У нихъ въ началѣ, какъ и у людей, не замѣтно, маленькія только подъ чешуей пятна... Зарыть ее надо въ землю живьемъ, чтобы, Боже упаси, капля крови не упала нигдѣ, чтобы ядъ не отравилъ цвѣтка или ягоды... Даже изъ-подъ земли онъ вылѣзетъ, черви вынесутъ его наружу, птицы растащутъ во всѣ стороны... Лучше бы сжечь, но огонь не любитъ скверноты, сердится, мститъ...

Такъ разговаривая, они плыли къ берегу. Луна взошла и, подмигивая свое серебро къ красному зареву заката, освѣщала имъ дорогу. Дальше за ними въ сумеркахъ колыкались розовыя отъ зари льдины, а еще дальше синѣли дымчатыя дали береговъ. Когда рыбаки вышли на землю и взглянули съ бугра на окрестности, они увидѣли кругомъ тысячи такихъ блестящихъ водоемовъ, красныхъ отъ заката, серебристыхъ отъ льдовъ и луннаго свѣта, чуть прикрытыхъ, точно рѣсницами, зеленоватыми побѣгами рѣдкой тайги. Якутъ направился съ дѣвочкой прямо къ юртѣ, сквозь открытыя двери которой виднѣлся весело пылающій огонь. Руки ихъ были полны добычи, а сердце — радости. У порога ихъ встрѣтила Мергенъ, которая вышла позвать ихъ ужинать.

— Съ промысломъ!..—привѣтствовали ихъ громко остальные.

Ихъ окружили и стали осматривать рыбу.

— Пожалуй, хорошій будетъ годъ!..—замѣтилъ Грегорій.

— Да вотъ, если бы рѣчку перегородить, Грегорей... Запаслись бы мы рыбой на всю зиму...

— Кости болятъ у меня... Вода холодная... — отвѣтилъ задумчиво якутъ.

— Въ воду незачѣмъ входить глубоко... Тамъ городьба уже раньше стояла и остался даже одинъ столбъ...

— Еще свалюсь внизъ... Руки у меня совсѣми ослабѣли!.. Тамъ глубоко, я плавать не умѣю...

— Дѣйствительно, еще упадетъ!..—согласилась Анка.

— Да вѣдь и я пойду... У меня ноги хуже его, а я не боюсь... Обо всемъ такъ судить можно, но тогда живо сгнить остается... Тогда человекъ раньше силъ своихъ утратить...

— Что тутъ долго разсуждать! Грегорей долженъ пойти... Это его работа, мужская обязанность... Если ты, Теченіе, пойдешь, то и онъ долженъ пойти!..—вскричала Мергень.—Иначе не дадимъ ѣсть ни ему, ни Анкѣ. Она здоровая, она сюда по собственной волѣ пришла... Ъду общество только больнымъ поставляетъ, нечего объѣдать ихъ...

Грегорей молчалъ.

— Пойду я одна съ Теченіемъ...—сказала робко Анка.

— Иди, иди!.. Тамъ кругомъ кусты густые!—разсмѣялась Мергень.

— А можетъ быть, и ты пойдешь съ нами?..—чистосердечно спросилъ Теченіе у Мергень.

— Какъ же! А дома кто останется... присмотрѣть Кутуяхсытъ? — проворчала якутка.

— Не надо! не надо...—простонала старуха... Идите всѣ, копите пищу... Мнѣ только утромъ оставьте немного ѣды, воды заготовьте и ступайте... всѣ ступайте!..

— Такъ пойдешь съ нами, Мергень?—Вотъ ловко! Ты вѣдь крѣпкая, удалая...—обратился къ якуткѣ льстиво Теченіе.

— Посмотримъ!..—отвѣтила та мрачно.

На другой день по утру, во время завтрака она предложила начинамъ съ дружеской улыбкой:

— Вотъ какъ сдѣлаемъ: пусть Теченіе съ Анкой отправляются рѣчку городить, а мы съ Грегорьемъ нарѣжемъ, наготовимъ тальнику и станемъ плести «морды»... «Мордъ» у насъ вѣтъ, а безъ нихъ не зачѣмъ городьбу городить...

— Правда, а только мы морды думали вечерами доспѣть. Что за работа для двоихъ мужчинъ двѣ морды сплести?!

Грегорій тоже вдругъ заупрямился.

— Пойду да пойду!—повторялъ онъ упрямо.—Колья вамъ таскать стану... Лишь бы могъ я на мостикъ удержаться... все стану дѣлать...

Мергень не сказала больше ни слова, только ложку сердито бросила на столъ и отошла въ свой уголъ. Она, разумѣется, не пошла съ ними и никто не смѣлъ объ этомъ ей напомнить.

— А что? Побоялся!..—шепнулъ Анкѣ съ улыбкой Теченіе и кивнулъ головою въ сторону Грегорья, который съ топоромъ на плечѣ шелъ впереди ихъ. — Побоялся!.. Говорю тебѣ... Онъ знаетъ, что я лютъ до бабъ, лютѣе татарина... Право!

— Рассказывай!..—смѣялась Анка, довольная и необычно веселая.

Они миновали уже ближайшій къ юртѣ «кочкарникъ» и вошли въ тальниковыя рощи, безлистные, но уже покрытыя кистями серебристыхъ сережекъ. Бытерхай шла въ концѣ кортежа и все время гѣла, какъ птичка; она не пропустила ни одной лужи, чтобы не взглянуть въ нее на себя, не полюбоваться платкомъ, который набросила ей Анка на плечи отъ комаровъ, вмѣсто рубашки. Утки, которыя уже разбились на пары и разсѣялись по кустамъ и камышнику вить гнѣзда, то и дѣло вспорхивали у нихъ изъ-подъ ногъ; бѣлыя, чуть пестрѣющія къ веснѣ куропатки съ карканьемъ взлетали на вершины лиственницъ. Теплый вѣтерокъ дулъ имъ въ лицо, гналъ по небу бѣлыя тучи, качалъ деревьями и сгонялъ прочь преслѣдующихъ ихъ комаровъ... Рыжыя прошлогоднія травы тоскливо шумѣли, точно жаловались, что приходится имъ умирать именно теперь, когда все кругомъ вновь зеленѣетъ. Нѣжная, блѣдная зелень, точно золотистый туманъ окутывала освѣщенные солнцемъ лѣса, ложилась тонкой пеленой на грязно-желтые луга, отражалась въ чистой, стремительной рѣчушкѣ вмѣстѣ съ коричневыми пнями и сизыми вѣтвями нависшихъ надъ ней деревьевъ, вмѣстѣ съ голубымъ небомъ надъ ними. Глубокія струи воды съ мѣрнымъ рокотомъ неслись изъ озера въ озеро.

Рыбаки остановились на берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ большой черный столбъ торчалъ изъ воды; теченіе колебало имъ и темное его отраженіе странно дрожало и мерцало на водѣ, точно стремилось оторваться и уплыть съ блгущими мимо волнами. Стаи молодыхъ рыбокъ съ видимымъ интересомъ кружились недалеко отъ этого страшнаго пугала и бросались бѣжать лишь только въ его поведеніи происходила малѣйшая перемѣна.

— Здѣсь перегородимъ, здѣсь самое узкое и самое неглубокое мѣсто!..

Бытерхай развела огонь. Взрослые принялись вырубать бревна и стаскивать ихъ къ берегу. Затѣмъ они построили маленькій плотъ и при его помощи вбили первый столбъ. На немъ они укрѣпили въ видѣ мостика два древесныхъ пня, вбили слѣдующій столбъ, устроили мостикъ дальше и такъ, шагъ за шагомъ, подвигались постепенно къ серединѣ протока. Анка съ ужасомъ глядѣла, какъ дрожать подъ ихъ тяжестью неокрѣпшіе еще лѣса, какъ быстрина напираетъ на столбы, вырываетъ у людей изъ рукъ погруженные въ нее бревна, поворачиваетъ ихъ поперегъ и угрожаетъ ежеминутно опрокинуть въ воду и работающихъ, и ихъ работу.

— Господи!.. Берегитесь, не упадите!..—шептала въ ужасѣ Анка.

— Не болтай!.. Только пугаешь... Мы и такъ едва стоимъ...— шутить Теченіе, вгоняя изо всей силы новый столбъ въ дно. Грегорей держалъ балку, Теченіе колотилъ ее толстымъ полѣномъ, а вода внизу съ шипѣніемъ завивала пѣнистыя змѣйки кругомъ новаго врага ея быстрины. Къ вечеру рыбаки едва добрались съ работою до полявины русла и вернулись домой усталые и голодные. Уже издали они замѣтили отсутствіе огня на камнѣ, дымъ не струился изъ трубы въ достаточномъ обилии и въ окнахъ не было видно свѣта.

— Не сварила, должно, быть ужина, проклятая баба!..— бѣсился Теченіе.

Въ темной юртѣ царила глубокая тишина. Кутуяхсыть проснулась только тогда, когда они растопили огонь.

— Съ голоду я уснула...—объяснила имъ старуха.—Мергенъ все унесла. Взяла лучший котелъ, топоръ, ножъ, вещи собрала въ узелъ и пошла... Спрашиваю ее: куда? Молчить, точно не человѣкъ говорить къ ней... Лучшій котелъ, топоръ, ножъ, вещи собрала въ узелъ и всю пищу... Говорю ей, молчить; точно не человѣкъ...—повторяла обиженно старуха.

— Ножъ, топоръ, самый лучший котелъ...—бормоталъ изумленно Теченіе. Онъ бѣгло осматривалъ оставшіяся хозяйскія принадлежности.

— Охъ-сіз! Да вѣдь она взяла и мою сѣть, лучшую сѣть... Пожалуй, что и лодку увела...—добавилъ онъ испуганно и выскочилъ вонъ изъ юрты; другіе послѣдовали за нимъ.

— Ну и дьяволъ!.. Пусть ее не минуетъ гибель!.. Язви ее проказа въ самое сердце. Взяла все!

— Оставила насъ, все равно, безъ рукъ... Завтра въ ротъ положить нечего будетъ... Сѣти-то на озерѣ, а она лодку. Побей ее громъ!..—горячился рыбакъ.

Онъ сейчасъ же хотѣлъ строить плотъ и отправляться за сѣтями, но Грегорей остановилъ его.

— Навѣрно взяла ихъ... Только попусту ночь промаешься... Язва она, извѣстно!.. Ну ее къ черту!..

— Можетъ, и лучше, что ушла... Спокойнѣе будетъ... Если намъ вернуть скотъ, все выйдетъ хорошо... Богъ милостивъ, не дастъ погибнуть намъ неповинно,—утѣшала ихъ Анка.

— Какъ же? Вернуть тебѣ!.. Развѣ сама пойдешь за нимъ... Кто тамъ торопится?! Да и что подѣлаемъ мы безъ лодки, безъ сѣтей?—не унимался Теченіе.

— Все-таки лучше будетъ, спокойнѣе... Завтра, Богъ дастъ, городьбу кончимъ, добывать станемъ,—повторяла Анка.

— Скоро комаръ пойдетъ, а у насъ нѣтъ ни крошки запасовъ!—замѣтилъ мрачно Грегорей.

— ...Взяла лучший котелокъ, ножъ, топоръ, вещи собрала въ

увелъ... Говорю ей: куда? — рассказывала въ десятый разъ Куту-хсытъ.

Бытерхай шныряла по угламъ, разыскивала, не оставила ли тамъ невзначай Мергенъ отнятой у нея рубашки.

VI.

Ночью, если на небѣ нѣтъ облаковъ, обильныя испаренія здѣшнихъ озеръ отъ соприкосновенія съ остатками льда сгущаются въ сѣдую мглу. Она покрываетъ окрестности сплошнымъ бѣлымъ пушистымъ ковромъ. На поверхности ея, точно барашекъ, выются отлѣль-ныя струйки. Снизу просвѣчиваютъ темныя пятна бугровъ, мысовъ, перешейковъ. Лѣса пробиваются сквозь мглу и червѣютъ верхушками надъ ней въ видѣ странныхъ воздушныхъ острововъ.

Вездѣ тишина и бѣлизна зимы, но въ то же время тепло, мягко и трепетно чутко. По временамъ подтаявшая снизу льдина шлепнется съ грохотомъ въ воду, разорветъ острой вершиной пелену тумана и на мгновеніе блеснетъ изъ подъ нея снизу черная съ просѣдью рябь озера. Стая утокъ проплыветъ съ кваканьемъ на утреннія пажити, безпечная подъ туманной, молочной броней. Выше въ чистомъ воздухѣ пусто; не видно орловъ и коршуновъ, не пищать ястреба, чайки дремлютъ еще въ гнѣздахъ, защищая яйца отъ холодной росы. На блѣдномъ небѣ мерцаютъ блѣдныя звѣзды, и только съ каждымъ мгновениемъ растетъ и крѣпнетъ румяная заря. Цвѣта ея густѣютъ и все шире разливаются по небу, все ярче и глубже окрашиваютъ колышущіеся туманы. Весь горизонтъ напоенъ огненнымъ ихъ блескомъ. Наконецъ, оттуда, гдѣ кроется восходящее солнце, брызнулъ далеко на небо золотой лучъ. Звѣзды потухли. Легкій вѣтерокъ побѣждалъ мелкой волною по мгламъ. Къ первому лучу присоединился второй, третій... цѣлый столбъ лучей—золотыхъ, ослѣпительныхъ, быстрыхъ, а за ними взошло солнце. Туманы порѣдѣли, озера начали блестѣть, всплыли кругомъ ихъ весенніе блѣдно-зеленые берега. Вѣтерокъ погналъ льды изъ края въ край по волнамъ. Они плыли, колыхались, звонко постукивали другъ о друга, а солнце зажигало пламенныя искры въ ихъ мокрыхъ граняхъ.

Такъ восходитъ здѣсь солнце ежедневно, пока льды не станутъ въ конецъ.

Обыкновенно прокаженные не выходили изъ юрты въ туманъ. Сырость болѣзненно дѣйствовала на ихъ ослабѣвшее тѣло. Но на этотъ разъ любопытство взяло верхъ и Теченіе ушелъ до восхода солнца, на рѣчку, осмотрѣть съ вечера поставленную въ городьбѣ «морду». Неотлучная Бытерхай сопутствовала ему. Соиные, кислые они брели среди тумана по старымъ слѣдамъ... Слабые голоса просыпающагося дня долетали къ нимъ съ озеръ и тайги.

— Скажи, Теченіе, что будетъ, если мы столько поймаетъ рыбы, что не подъ силу окажется снести ее намъ?!—шептала тихонько дрожащая отъ холода Бытерхай.

— Не болтай! Промышленникъ никогда такъ не долженъ сказывать!.. Пусть только Богъ дастъ, а какъ-нибудь справимся...

— Странно въ туманѣ... Все будто кто-то сбоку стоитъ... Ей-Богу стоитъ!.. Теченіе, милый, я боюсь, я не пойду... Дай мнѣ руку... коснись меня... хоть дай мнѣ палець...

Рыбакъ добродушно протянулъ назадъ руку и подаль дѣвочкѣ указательный палець. Тропинка была на столько узка, что рядомъ они по ней идти не могли.

— Теченіе, скажи правду: стоитъ тамъ что-нибудь или нѣтъ?!

— Ну тебя!.. Сказалъ: не стоитъ!

— Зато ходитъ! Слышишь, какъ трещить? Господа!.. Это, должно быть, самъ чортъ хохочетъ... Господи! что будетъ съ нами?!

— Молчи!.. Не поминай недоброе... Это гагара хохочетъ... Впрочемъ, правда твоя, что-то трещитъ!..

Они остановились. Рѣчка была уже недалеко, ея однообразный шумъ явственно долеталъ къ нимъ. Теченіе замеръ и прислушался; Бытерхай прильнула неподвижно къ его ногѣ.

— Что?.. Что слышно?..

— Ходить... Кто-то ходитъ по мостикамъ. Слышишь, какъ стучать жерди?!

Дѣвочка закрыла глаза и присѣла къ землѣ. Она буквально отъ страха превратилась въ льдинку. Рыбакъ продолжалъ внимательно слушать. Взоръ его мало-по-малу сталъ различать въ туманѣ болѣе темную грань земли и силуэты деревьевъ, склонившихся надъ свѣтлой, воздушной пропастью рѣчки.

— Вотъ она, вотъ тутъ рѣчка!..—шепнулъ онъ.

Туманъ въ этой пропасти непрерывно колебался, точно дергали его снизу струи бѣгущей воды. Рѣже пролетали болѣе крѣпкія, воздушныя теченія и рвали сплошную туманную занавѣсь, образуя въ ней окна и прорѣхи. Одинъ изъ такихъ порывовъ на мигъ обнажилъ столбы и мостики городьбы. На нихъ дѣйствительно стояла темная, низко склонившаяся фигура. Въ то же время опять скрипнули мостики, раздался всплескъ воды и сошнѣіе.

— Медвѣдь!..—пробормоталъ испуганный якутъ. Бытерхай затряслась и вскочила.

— Тихе!.. Молчи!.. Съѣстъ насъ!

Вначалѣ медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, они попятились назадъ и побѣжали.

— Только бы туманъ не сдуло вѣтромъ... Торопись, дѣвка!..—шептала Теченіе на бѣгущую впереди него дѣвочку.

— Медвѣдь! — вскричалъ онъ, врываясь въ юрту. — И ловко мы

удрали!.. Я и не думалъ, что мои ноги въ состояніи такъ быстро шевелиться?

— Гдѣ вы ея встрѣтили?

— Конечно, «морду» нашу онъ осматривалъ, захотѣлъ рыбы поѣсть!.. Стоитъ на мостикѣ, черный большущій, какъ туча, и мастерить себя! Только бы столбовъ не вывернуть!..

— Что столбы?! Разъ онъ узналъ дорогу, не скоро оставитъ насъ!.. Разъ рыбы поѣлъ,—все пропало!..—сѣтовалъ Грегорей.

— Пропали наши труды!..—заголосили Анка и Кутуяхсытъ.

— Теперь онъ будетъ караулить... Чего добраго, я къ намъ въ амбаръ еще навѣдается... Теперь онъ голоденъ... Кореньевъ нѣтъ, ягодъ нѣтъ, утата еще не вылупились, куропатки и зайцы ушли въ камни... Будетъ онъ нашу рыбу караулить... «Морду» въ воду бросить и будетъ ее осматривать... Доля наша проклятая!.. — согласно причитали якуты.

Въ большомъ страхѣ они просидѣли весь день въ юртѣ, поддерживая большой на каминѣ огонь. Бытерхай частенько выходила за порогъ и возвращалась съ радостнымъ сообщеніемъ:

— Не идетъ, не слышно!..

— Только бы не сѣлъ онъ Мергень! Развѣ трудно медвѣдю съѣсть одинокую женщину,—замѣтила со вздохомъ Кутуяхсытъ.

— Зачѣмъ убѣжала? А все-таки жалко, хорошая изъ нея вышла бы хозяйка,—отвѣтилъ Теченіе.

— Ничего ей онъ не сдѣлаетъ!.. Ночью будетъ баба жечь огонь, а днемъ онъ не придетъ... У Мергень есть лодка, сѣти, у нея все на озерѣ, на материкѣ это совсѣмъ не то...

— Да!.. Еслибъ у насъ была лодка, мы бы тоже могли пробраться по рѣчкѣ, посмотрѣть издали... Хотя онъ и плаваетъ, а уйти отъ него на ладѣ можно. А что Грегорей, что зря сидѣтъ? сами себя спали бы мы тунгусскую «берестянку»? Что ты на это скажешь? А?!

— Корья-то откуда возьмемъ?.. Лучше пусть Анка пойдетъ къ князю, все расскажетъ. О скотѣ тоже могла бы она похлопотать по пути... Не убьютъ ее вѣдь, а такъ всѣ мы поремъ.

Анка тоскливо взглянула на мужа и промолчала.

На завтра подъ давленіемъ голода, мужчины преодолѣли страхъ и двинулись въ поиски за пищей.

— Смотри, гдѣ пристроилась вѣдьма!—сказалъ Теченіе, указывая на крошечный островокъ среди Большого озера. — Хорошо выбрала. Кругомъ все видно... Вездѣ близко, а достать ее нельзя! Подожди, проклятая, ужъ рано или поздно, а отниму я у тебя мои сѣти!.. Не даромъ я всю зиму глаза на нихъ изводилъ, починалъ! Ужъ я ихъ найду... только лодку бы мнѣ.

Грегорей не отвѣчалъ; онъ долго и внимательно глядѣлъ на зеленый крошечный кружокъ земли, брошенный одиноко среди голу-

баго, водяного простора. Солнце золотило кудрявую листву острова и воду кругомъ него; надъ вершинами деревьевъ вился сизый дымокъ. Онъ-то и выдалъ Мергеня.

— Да, хорошо выбрала!.. Комаровъ мало, всюду близко... Пусть сидитъ!.. А мы доставимъ коровъ и намъ тоже будетъ не дурно. Анка пойдетъ. Я ужъ знаю, она пойдетъ. Сѣно будемъ косить... Развѣ намъ теперь худо безъ ссоръ, безъ ругани?.. Тихо, спокойно... Не люблю, когда бабы ругаются, все чего-то ждешь, все опасешься... Пусть она сидитъ себѣ на островѣ... Съ Богомъ!..—разсуждалъ всю дорогу Грегорій.

Промышленники вернулись съ довольно обильной добычей. Они нашли нѣсколько утиныхъ гнѣздъ и хотя яйца были уже съ зародышами, но и это—«слава Богу»—пища!

Дня черезъ два они до того набрались смѣлости, что рѣшили провѣдать «городьбу». Они отправились послѣ завтрака. Течение вооружился старой сковородой и барабанилъ въ нее все время. Грегорій размахивалъ пылающей головой. Оба они неистово ревели. Течение шелъ впереди, но высказывалъ мало довѣрія къ товарищу; онъ частенько оглядывался назадъ; Грегорій отвертывался, пряча отъ него поблѣднѣвшее лицо и глаза.

— Сознайся, Грегорій! Бросишь меня, если она выскочитъ? — не утерпѣлъ и спросилъ наконецъ рыбака.

— Охъ, должно быть, брошу!—сознался Грегорій.—Сердце сидитъ у меня въ глоткѣ...

— Тогда она съѣстъ меня... Куда дѣнусь я на моихъ ослабшихъ ногахъ... Даже на дерево не взлѣзть мнѣ... Знаешь, не пойдемъ лучше, а подождемъ лѣсъ!

«Сырой, весенній лѣсъ не хотѣлъ горѣть.

— Пусть будетъ, что будетъ! — мужественно рѣшилъ тогда Течение. — Пойдемъ, Грегорій, все равно, какъ умереть, умремъ вѣдь съ голоду!

Они опять принялись шумѣть, двигались они тихо, но вскорѣ очутились надъ рѣчкой. Здѣсь все осталось по прежнему. Солнце золотило зеленоватые струи, въ которыхъ отражались живописно нависшія надъ ними ивы и ольхи. Черные мостики городьбы бросали сверху на воду трепетныя тѣни, кругомъ столбовъ вились обычные змѣйки теченія. Якуты чутко прислушивались, не трещитъ ли гдѣ, но когда все кругомъ оказалось спокойно и неподвижно, они быстро развели огонь и принялись осматривать изгородь. Та оказалась попорченной, а «морда» совсѣмъ исчезла.

— Проклятая людоедка! Смотри, ножомъ порѣзала! Что она съ нами хочетъ сдѣлать?! — вскрикнулъ неожиданно Течение, который первый подошелъ къ мосткамъ.

— Что же ты говорилъ, что медвѣды? Что же ты говорилъ? Что ты думалъ, пустая башка, людей голодомъ морить!...—вспынилъ Грегорій.

Теченіе поглаживалъ въ смущеніи подбородокъ.

— Черное было, большеющее казалось... Никогда въ туманъ не пойду на промыселъ...—шепнулъ ояъ.—Смотри, смотри: вотъ гдѣ она, наша морда! Застрала въ тальникахъ. Людоѣдка отпустила ее съ водой... рыбы даже не взяла... Смотри, плаваеетъ гнилая внутри морды... О дьяволъ! Лишь бы намъ напакостить! И чего ей надо?... А городьбы-таки не могла сломать!.. Хорошо мы ее доспѣли!.. Только одно прясло вырвало... Должно быть, я тогда помѣшалъ ей... испугалась.

— Какъ же! Сбросилъ бы ты ее однако въ воду, какъ она эту морду, не пожалѣлъ бы!..—насмѣхался надъ нимъ Грегорей.

— Эхъ! Однако подумалъ бы я... Лошадь-баба! Молодецъ-баба! А только... все таки... стоялъ бы я однако на берегу да кричалъ!—отвѣтилъ весело Теченіе, къ которому съ исчезновеніемъ опасности вернулось хорошее расположеніе духа.

Якуты вынули изъ воды «морду», исправили поврежденія и поставили ее на мѣсто. Затѣмъ легли у огня и стали ждать добычи.

— Столько напраснаго труда!—ворчалъ Теченіе.—Эта баба, точно слова въ загадкѣ... Думаешь, она—то, а она—другое!.. Какъ быть, не знаешь! Одно полагаю, Мергенъ изъ за меня на эту «морду» сердится... Какъ думаешь Грегорей?

Грегорей насупился.

Вскорѣ вѣскольکو шукъ попало въ ловушку. Рыбаки рѣшили, что Теченіе снесетъ добычу домой, а Грегорей останется караулить «городьбу».

— Пошли мнѣ съ Анкой постель и посуду...—кричалъ оставшійся вслѣдъ ковьяляющему по дорожкѣ товарищу.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Универсальные магазины и базары, какъ явленіе новѣйшаго торговаго оборота.

(экономическій этюдъ).

Наряду съ поразительно быстрымъ процессомъ концентраціи предприятий въ области промышленности, послѣдніе годы характеризуются аналогичнымъ процессомъ въ торговлѣ. Именно, появляются и умножаются въ числѣ особая предприятия, носящія названіе «универсальныхъ магазиновъ» и «базаровъ» (Grossbazar, Waagenhäuser, grands magasins, department stores). Вмѣстѣ съ развитіемъ этой формы предприятий—среди заинтересованнаго класса мелкихъ купцовъ Германіи, Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странъ Западной Европы, возникло противъ нея цѣлое движеніе, мотивирующее свой походъ опасностью новой экономической организаціи для существованія всего мелкаго и средняго купечества.

Что же представляютъ собою эти универсальные магазины? Тѣ, кто бывали въ Парижѣ, Берлинѣ и другихъ большихъ городахъ Европы, видѣли, конечно, грандіозные дома въ пять, шесть и болѣе этажей, занятые большими магазинами для розничной торговли, съ многочисленными отдѣленіями по родамъ товаровъ, съ заманчивыми выставками въ витринахъ, съ роскошной обстановкой и пр. Къ числу извѣстнѣйшихъ предприятий этого рода относится въ Парижѣ магазинъ «Au Bon Marche», принадлежащій командитному товариществу на акціяхъ, который ведетъ торговлю предметами дамскаго туалета и роскоши.

Уже въ 1872 году годовою оборотъ его составлялъ 9,25 милліоновъ рублей, а въ 1898 г. онъ дошелъ до суммы въ 66 мил. руб. Этотъ магазинъ имѣетъ въ настоящее время 4.000 служащихъ, 7¹/₂ мил. руб. основного капитала, 8,14 мил. руб. резервнаго капитала и получаетъ ежегодно чистой прибыли около 3,7 мил. руб. Другой аналогичный магазинъ Louvre, основанный въ 1855 г. и превращенный въ 1890 г. въ акціонерную компанію съ капиталомъ въ 8,1 мил. руб., имѣетъ годовою оборотъ въ 53,6 мил. руб. (въ 1898 году). Наконецъ, магазинъ «Printemps», командитное товарищество на акціяхъ съ основнымъ капиталомъ въ 13 мил. руб., имѣетъ годовою оборотъ свыше 22 мил.

и чистый доходъ около 740.000 руб. Существовать въ Парижѣ и другіе крупныя магазины того же рода, какъ «Samaritaine», «La Belle Jardinière» и пр. Въ Берлинѣ наибольшее вниманіе публики и самыя ожесточенныя нападки мелкихъ торговцевъ возбуждаетъ торговый домъ Wertheim на Leipzigerstrasse, занимающій огромный домъ въ 6 этажей и имѣющій самыя разнообразныя отдѣленія, начиная отъ дамскихъ нарядовъ и галантерейныхъ товаровъ и кончая часами, игрушками и книгами. Этотъ магазинъ быстро развиваетъ свои операціи; его оборотъ поднялся съ 2,76 мил. руб. въ 1895 г. до 13,8 мил. руб. въ 1898 г. Въ томъ же родѣ другіе универсальныя магазины Берлина, Jandorf C^o, «Kaiser-Bazar», начавшій свою дѣятельность въ 1891 г. съ 4-хъ-милліоннымъ капиталомъ, но обанкротившійся черезъ 1½ года, и т. д.

Въ Лондонѣ весьма извѣстенъ торговый домъ Whiteley съ 5.000 служащихъ и годовымъ оборотомъ въ 21 мил. руб. (въ 1898 году), въ Филадельфіи существуетъ магазинъ Waunemaker съ 3.800 служащихъ и оборотомъ въ 14,3 мил. руб. за 1898 годъ, въ Чикаго—Marshall Field съ оборотомъ въ 30½ мил. руб., Steward съ 1.500 служащихъ и оборотомъ въ 55 мил. руб., Siegel, Cooper and C^o съ оборотомъ въ 34,2 мил., въ Лионѣ—«Les Deux Passages» и «Le Grand Bazar» и пр., и пр. Приведенныхъ примѣровъ достаточно для характеристики какъ существа, такъ и размѣровъ разсматриваемыхъ предпріятій. Въ заключеніе укажемъ еще на существующій въ Москвѣ универсальный магазинъ Мюръ и Мерилизъ, организованный по тому же принципу сосредоточенія въ одномъ большомъ помѣщеніи разнообразнѣйшихъ отраслей торговли—обуви, готоваго платья, матерій, игрушекъ, писчебумажныхъ и канцелярскихъ принадлежностей, домашней утвари, галантерейныхъ товаровъ, мебели, часовъ, электрическихъ принадлежностей, посуды и пр.

Итакъ, универсальныя магазины, о которыхъ идетъ рѣчь, характеризуются слѣдующими признаками: это частно-капиталистическія торговыя предпріятія съ милліонными капиталами и милліонными оборотами; область ихъ дѣятельности—розничная торговля, распространяющаяся на многія отрасли одновременно; въ однихъ случаяхъ число отраслей и, слѣдовательно, число отдѣленій бываетъ меньше, ограничиваясь только сферой дамскихъ нарядовъ и украшеній, въ другихъ—торговля принимаетъ болѣе широкіе размѣры, удовлетворяя всѣмъ главнымъ потребностямъ обывателя, за исключеніемъ пици, отопленія и освѣщенія. Частно-капиталистическій характеръ универсальныхъ магазиновъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ крупныхъ магазиновъ, принадлежащихъ потребительнымъ обществамъ. Если нѣкоторыя изъ этихъ обществъ, особенно тѣ, которыя имѣютъ задачей снабженіе нужными товарами чиновниковъ и военныхъ (напр., потребительная ассоціація гражданскихъ чиновниковъ, кооперативное общество арміи и флота, кооперативное общество

*

гражданскихъ чиновниковъ и др. въ Англіи, нѣмецкій офицерскій союзъ, торговый домъ нѣмецкихъ чиновниковъ въ Германіи, военное потребительное общество въ Італіи и т. д.), принимаютъ колоссальныя размѣры, занимаютъ большіе собственные дома въ 6—7 этажей, имѣютъ по нѣскольку десятковъ отдѣленій (до фотографическихъ ателье включительно, какъ въ англійскомъ обществѣ гражданскихъ чиновниковъ), то это сходство въ размѣрахъ отнюдь не даетъ права отождествлять эти организациі общественнаго характера съ частными предприятиями перваго рода *).

Чѣмъ вызывается появленіе и быстрое развитіе крупныхъ торговыхъ заведеній для розничной торговли? Объясненіе этому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ общемъ экономическомъ принципѣ большей выгодности крупныхъ предприятий по сравненію съ мелкими.

Прежде всего, всякое значительное торговое предприятие дѣлаетъ экономію на помѣщеніи, на оборудованіи инвентаремъ, на расходахъ по освѣщенію, отопленію и общему управленію. Извѣстный статистикъ Foville привелъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ «Economie française» слѣдующее любопытное сопоставленіе расходовъ крупнаго и мелкаго торговаго предприятия:

	Крупное предпріятіе съ годовымъ оборотомъ въ 36,2 мил. франк.	Мелкое предпріятіе съ годовымъ оборотомъ въ 36.000 франк.
Наемъ помѣщенія.....	400.000 фр.	4.000 фр.
Отопленіе, освѣщеніе и пр.	200.000 „	1.000 „
Прямые налоги.....	100.000 „	500 „
Жалованіе служащимъ..	2.000.000 „	2.000 „
Канторскіе расходы, рентамы и пр.....	500.00 „	500 „
Итого.....	3.200.000 фр.	8 000 фр.
	или 8,8 % годового оборота.	21,9 % годового оборота.

Изъ этой таблицы видно, что большой магазинъ несетъ отъносительно въ 2¹/₂ раза меньшую тяжесть издержекъ и вслѣдствіе этого можетъ ограничиваться надбавкой на цѣны товаровъ гораздо меньшаго процента, чѣмъ маленькій магазинъ. Предполагая даже, что условія закупки товаровъ для обоихъ предпріятій одинаковы, мы видимъ, что первый магазинъ можетъ продавать дешевле втораго на 13,1⁰/₀; если затѣмъ присчитать, какъ это дѣлаетъ Foville, еще 6⁰/₀ на вложенный капиталъ и чистую прибыль (въ первомъ предпріятіи 9.000.000+900.000 фр., во второмъ—1.000+6.000 фр.), то разница въ величинѣ процента, набавляемаго на продаваемый товаръ, будетъ еще значительнѣе; она составитъ разницу 13,7⁰/₀ и 41,1⁰/₀, т.-е. 27,4⁰/₀.

Крупнѣйшій универсальный магазинъ Wertheim'a въ Берлинѣ,

*) Эту ошибку дѣлаетъ V. Mataja въ своей книгѣ: «Grossmagazine und Kleinhandel».

имѣющій оборотъ около 14 мил. руб., вытѣсняетъ 600 магазиновъ среднихъ размѣровъ съ оборотомъ въ 23.000 руб. каждый. По расчетамъ компетентныхъ изслѣдователей, сумма всѣхъ расходовъ для такого средняго магазина на помещеніе, жалованье служащимъ, на объявленія и пр. составляетъ въ среднемъ 4.600 руб., т.-е. для 600 предприятий 2.760.000 руб.; между тѣмъ сумма расходовъ по веденію магазина Wertheim'a равняется всего 1.840.000 руб., меньше на цѣлую треть, на каковую и могутъ быть въ немъ понижены (при прочихъ равныхъ условіяхъ) цѣны продаваемыхъ товаровъ противъ мелкихъ торговцевъ.

Другой важный моментъ, дающій большимъ магазинамъ возможность продавать товары дешевле противъ мелкихъ, состоитъ въ закупкѣ ими товаровъ отъ производителей съ гораздо болѣе крупной скидкой въ цѣнѣ. Понятно, что фабрикантъ или оптовый коммерсантъ, получившій отъ универсальнаго магазина значительный заказъ, можетъ вслѣдствіе одновременнаго производства или доставки массы товара уступить его за болѣе дешевую цѣну. Приведемъ изъ практики магазиновъ - базаровъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ. Германскій союзъ оптовыхъ торговцевъ гуттаперчевыми издѣліями при продажѣ товаровъ на сумму до 200 мар. не дѣлаетъ никакой скидки; при продажѣ на 200—500 мар. онъ даетъ $2\frac{1}{2}\%$ уступки, при продажѣ на 500—1000 мар. — $7\frac{1}{2}\%$, при продажѣ до 2.000 мар. дѣлаетъ скидку въ 10% , при продажѣ до 10.000 мар. — $15\frac{1}{2}\%$, на 20.000 мар. — $17\frac{1}{2}\%$. И такъ, благодаря возможности купить сразу гуттаперчевыхъ товаровъ на 20.000 мар., крупный магазинъ выгадываетъ по сравненію съ мелкимъ отъ 15 до $17\frac{1}{2}\%$ и на столько же можетъ продавать дешевле. Другой примѣръ касается ликеровъ, которые покупаются универсальными магазинами Берлина по 26 мар. за 25 бутылокъ, между тѣмъ какъ оптовая цѣна ихъ для прочихъ торговцевъ равна $32\frac{1}{2}$ мар. Наконецъ, можно указать на то, что торговый домъ Wertheim забираетъ товаровъ у Либиковской фабрики ежегодно на 500.000 мар., благодаря чему получаетъ скидку на 4% больше остальныхъ заказчиковъ и имѣетъ возможность продавать мясной экстрактъ по 6 мар. 75 пфен. за 1 фунтъ вмѣсто повсемѣстныхъ 6 мар. 95 пфен.

При огромныхъ оборотахъ разсматриваемые магазины могутъ организовать дѣло закупокъ такъ, какъ это невозможно для мелкихъ торговцевъ. Они сами заказываютъ производителямъ то, что имъ нужно, по своимъ образцамъ, узорамъ и пр. Они заводятъ своихъ агентовъ на отдаленныхъ рынкахъ, напр., парижскіе *grands magasins* имѣютъ особыхъ представителей на Востокахъ для закупки азіатскихъ ковровъ, которые, благодаря этому, доставляются потребителямъ лучшаго качества и дешевле.

Далѣе, удешевленіе товаровъ, продаваемыхъ универсальными магазинами и базарами, обусловливается экономіей въ рабочихъ силахъ.

Въ небольшихъ и среднихъ магазинахъ приходится держать извѣстное количество приказчиковъ и служащихъ, соответственно помѣщенію и ассортиментамъ товаровъ. Между тѣмъ, при скромныхъ оборотахъ торговли трудъ этихъ лицъ далеко не вполне используется; занятые часть дня, они бездѣйствуютъ или почти бездѣйствуютъ остальное время. Наоборотъ, въ крупныхъ предпріятіяхъ весь рабочий день служащихъ занятъ производительнымъ образомъ, вслѣдствие чего ни одинъ часъ ихъ пребыванія въ магазинѣ не пропадаетъ даромъ; отсюда сбереженіе въ расходахъ на рабочую силу, составляющее довольно замѣтную сумму.

Наковецъ, быстрота торговыхъ оборотовъ крупныхъ магазиновъ также позволяетъ набавлять на продаваемые товары меньшей процентъ. Это обстоятельство станетъ вполне яснымъ изъ слѣдующаго примѣра. Если мы представимъ себѣ оборотный торговый капиталъ (для простоты отбросимъ существованіе основного капитала) предпріятія въ 100.000 руб., то при медленномъ оборотѣ его одинъ разъ въ годъ купецъ долженъ набавить на 100.000 рублей, составляющихъ цѣнность закупленныхъ товаровъ, положимъ, 40%, изъ которыхъ половина составляетъ издержки, а другая половина—чистую торговую прибыль. Если же этотъ самый капиталъ обернется два раза въ годъ, то та же самая сумма на издержки и прибыль получится, если на капиталъ будетъ сдѣлана надбавка въ 20%; при трехкратномъ оборотѣ эта надбавка понизится до 13¹/₂% и т. д. Въ универсальныхъ магазинахъ оборотъ отличается особенной живостью, быстротой и, главное, непрерывностью; напр., весной главная часть оборотнаго капитала направляется на закушку лѣтнихъ туалетовъ, лѣтнихъ шляпъ, купальныхъ принадлежностей, вещей для дачъ и пр.; когда сезонъ этихъ вещей прошелъ и деньги выручены обратно, они обращаются на приобретеніе товаровъ осенняго сезона—письменныхъ и школьныхъ принадлежностей, осеннихъ нарядовъ, затѣмъ слѣдуютъ зимнія платья и шубы, рождественскій товаръ, дѣтскія игрушки и т. д. Однимъ словомъ, капиталъ не лежитъ безъ движенія ни одну минуту, а въ теченіе всего года переходитъ изъ одной отрасли торговли въ другую. Съ быстротой этого оборота тѣсно связано указанное пониженіе надбавки, слѣдовательно, болѣе низкія цѣны продаваемыхъ товаровъ.

Всѣ приведенныя обстоятельства даютъ крупнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ розничной торговли *несомнѣнную возможность* болѣе дешевой продажи своихъ товаровъ. Это признаютъ даже такіе противники универсальныхъ магазиновъ, какъ Эрфуртъ, П. Денъ и др. Всегда ли эта возможность осуществляется въ дѣйствительности, зависитъ отъ цѣлаго ряда условій: отъ силы конкуренціи и отъ степени монопольнаго положенія крупнаго магазина, отъ силы стремленія къ болѣе быстрому обороту капитала, отъ характера продаваемыхъ товаровъ и пр. Можно утверждать, что универсальные магазины и базары

продаютъ въ общемъ дешевле противъ мелкихъ и среднихъ торговыхъ предприятий. Это положеніе, которое каждому легко проверить на личномъ опытѣ, подтверждается и свидѣтельствами торговыхъ организацій; такъ, напр., торговая палата въ Барменѣ указываетъ на большую дешевизну товаровъ въ магазинахъ-базарахъ *), торговая палата во Франкфуртѣ-на-Одерѣ говоритъ о продажѣ товаровъ универсальнымъ магазиномъ за болѣе дешевую цѣну, чѣмъ мелкими магазинами **).

Мы рассмотримъ тѣ условія, которыя даютъ универсальнымъ магазинамъ экономическій перевѣсъ въ силу ихъ болѣе большихъ размѣровъ. Это вытѣсненіе мелкихъ предприятий крупными обнаруживается въ торговлѣ такъ же, какъ въ промышленности. Весьма поучительныя данныя въ этомъ отношеніи представляютъ намъ двѣ германскія переписи занятій 1882 и 1895 гг.

	Общее число торговыхъ предприятий		Увеличеніе въ %.
	въ 1882 г.	въ 1895 г.	
Предприятия работаютъ силами семьи	293.399	350.572	19,5
Предприятия съ числомъ служащихъ до 10 чел.	154.023	274.104	77,8
Предприятия съ числомъ служащихъ отъ 11 до 50 чел.	5.073	10.023	97,5
Предприятия съ числомъ служащихъ отъ 51 до 200 чел.	224	475	112,0
Предприятия съ числомъ служащихъ свыше 200 чел.	6	95	483,3

Мы видимъ, что число торговыхъ предприятий увеличилось во всѣхъ группахъ. Однако, чѣмъ крупнѣе предприятия, тѣмъ интенсивнѣе былъ ихъ ростъ; значительнѣе всѣхъ умножилась послѣдняя группа предприятий, имѣющихъ болѣе 200 служащихъ (на 483%). Итакъ, крупные магазины завоевываютъ все болѣе видное мѣсто среди прочихъ торговыхъ предприятий и составляютъ все болѣе большой процентъ общаго ихъ числа. Этотъ процессъ есть результатъ экономическаго стремленія къ уменьшенію затраты человѣческихъ силъ и проявленіе тенденціи всей экономической жизни къ концентраціи и централизаціи. Справедливо замѣчаетъ Rathgen, что «развитіе торговли есть вѣчная борьба о сокращеніи цѣны между производителями и потребителями и выбрасываніе сдѣлавшихся излишними посредническихъ членовъ, которые безъ нужды удорожаютъ товары» ***).

Мелочная и мелкая розничная торговля давно уже перестала, по

*) «Die Lage des Kleinhandels in Deutschland. Ergebnisse der Erhebungen», herausgegeben von der Handelskammer zu Hannover. I Band, стр. 5.

**) Ibidem, стр. 30.

***) Rathgen, «Entwicklung des Handels», «Schmollers Jahrbücher», 1892, стр. 204.

справедливому убѣжденію многихъ ученыхъ, удовлетворять требованію экономіи силъ. Едва ли гдѣ такъ много растрачивается непродуцительно и бесплодно человѣческаго труда, какъ въ этой сферѣ дѣятельности. До сихъ поръ масса лицъ, обладающихъ небольшими капиталами, предпочитаетъ вкладывать ихъ въ устройство мелкихъ торговыхъ предприятий, соблазняясь легкостью торговаго труда, независимостью положенія и пр. Благодаря этому и продолжается ростъ мелкихъ магазиновъ безъ наемныхъ служащихъ или съ небольшимъ числомъ ихъ.

Можно было бы привести множество примѣровъ въ доказательство того, что, благодаря легкости основанія мелкой торговли, благодаря отсутствію явной необходимости специальныхъ знаній, число мелкихъ торговыхъ заведеній во многихъ случаяхъ растетъ несоотвѣтственно потребности въ нихъ. Масса такихъ торговцевъ ведетъ свои дѣла, кое-какъ перебиваясь и съ трудомъ поддерживая свое экономическое существованіе, тогда какъ въ другой сферѣ экономической дѣятельности они могли бы явиться необходимыми и производительными работниками. Такъ какъ кругъ покупателей этихъ лавокъ незначителенъ и часто случаенъ, оборотъ медленъ, такъ какъ, наконецъ, продавцы значительную часть времени проводятъ праздно въ ожиданіи немногихъ кліентовъ, то товары должны нести на себѣ всю тяжесть этихъ обстоятельствъ; цѣны на нихъ возвышаются противъ закупочныхъ на 50, 100 и болѣе процентовъ. По расчетамъ Жида, если даже взять минимумъ надбавки въ розничныхъ магазинахъ, окажется, что въ числѣ 25 миллиардовъ франковъ оборота внутренней розничной торговли Франціи потребители платятъ въ пользу торговцевъ около 8 миллиардовъ, т. е. вдвое большіе суммы всѣхъ государственныхъ налоговъ. По вычисленію *Bayersdorffer's*, Германія уплачиваетъ однимъ розничнымъ торговцамъ кофе за ихъ услугу посредничества въ этомъ товарѣ свыше 10 милліоновъ марокъ. Въ недавно опубликованномъ ганноверской торговой камерой изслѣдованіи положенія мелкой торговли отмѣчается весьма значительный процентъ надбавки въ розничныхъ магазинахъ. Въ *Hammeln'n* обычная надбавка для галантерейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ составляетъ отъ 10 до 33%, для модныхъ товаровъ—еще выше. По изслѣдованію розничной торговли Ахена, произведенной проф. *van der Borcht*'омъ, для большей части товаровъ вздорожаніе противъ оптовыхъ цѣнъ составляетъ свыше 20%, въ частности для половины всѣхъ товаровъ болѣе 25%, для одной пятой—до 30%, для одной шестой до—40%; прибавка къ цѣнѣ каменнаго угля равняется 120%, къ цѣнѣ риса—34%, арроурта—300%, миндаля—95%, чая—31½%, уксуса—50%, ваксы—56% и т. д. *). Къ сожалѣнію, не существуетъ опубликованныхъ данныхъ о томъ, какой процентъ прибавляютъ универсальные магазины къ стоимости закупленныхъ това-

*) *Van der Borcht*. «Der Einfluss des Zwischenhandels auf die Preise».

ровъ, и потому мы лишены возможности точно опредѣлить степень удешевленія товаровъ съ ихъ стороны. Вообще же это удешевленіе, какъ сказано выше, несомнѣнно.

Единственное экономическое соображеніе въ пользу мелкихъ торговцевъ то, что они сохраняютъ близость къ потребителямъ. Послѣдніе, имѣя надобность въ небольшихъ покупкахъ, обращаются къ лавочникамъ своего околотка и удовлетворяютъ свои потребности безъ большой потери времени. Однако, если это соображеніе имѣетъ нѣкоторое значеніе при покупкѣ предметовъ первой необходимости хлѣба, мяса, колониальныхъ товаровъ, для игольно-галантерейныхъ товаровъ и т. п., то въ отношеніи массы другихъ товаровъ, пріобрѣтеніе которыхъ составляетъ серьезный вопросъ для потребителя, это соображеніе отпадаетъ. Здѣсь покупатель охотно сдѣлаетъ длинный конецъ по городу лишь бы купить товаръ получше и подешевле. Но даже и въ дѣлѣ снабженія населенія предметами первой необходимости, широко практикуемая система доставки на домъ можетъ совершенно отгѣснить мелкія торговыя предпріятія на задній планъ; такъ обстоитъ дѣло, напр., въ Лондонѣ. Въ виду указанныхъ явленій въ сферѣ мелкой торговли, развитіе крупныхъ розничныхъ магазиновъ заслуживаетъ вниманія, какъ средство устраненія излишнихъ и ненужныхъ мелкихъ предпріятій и средство оздоровленія ненормальностей розничной торговли.

При выясненіи роли универсальныхъ магазиновъ нельзя обойти молчаніемъ цѣлаго ряда, на первый взглядъ, мелкихъ преимуществъ и удобствъ для покупателей, совокупность которыхъ дѣлаетъ ихъ излюбленнымъ мѣстомъ закупокъ для публики. Прежде всего, эти крупные магазины даютъ покупателямъ огромный выборъ въ сортахъ и категоріяхъ товаровъ, возможный въ нихъ, благодаря величинѣ сбыта и невозможный для небольшого магазина съ ограниченнымъ кругомъ покупателей. Единственное отступленіе отъ этого порядка встрѣчается въ тѣхъ базарахъ, которые рассчитаны на мелкую небогатую публику, которые устроены, напр., въ рабочихъ кварталахъ и въ силу этого не предполагаютъ спроса на дорогіе сорта. Другое удобство заключается въ возможности закупки разнообразнѣйшихъ товаровъ въ различныхъ отдѣленіяхъ одного и того же магазина; этимъ путемъ сберегается для покупателей время хожденія по нѣсколькимъ лавкамъ. Благодаря выставленнымъ на товарахъ опредѣленнымъ цѣнамъ (prix fixe), благодаря широко распространяемымъ каталогамъ и прейсъ-курантамъ, нерѣдко въ видѣ толстыхъ книгъ съ иллюстраціями, благодаря частымъ объявленіямъ въ газетахъ, публика въ универсальныхъ магазинахъ оказывается освѣдомленной о цѣнахъ, качествахъ и сортахъ товаровъ, можетъ лучше ориентироваться въ своихъ требованіяхъ и лучше удовлетворить своимъ вкусамъ. Сюда присоединяется стремленіе универсальныхъ магазиновъ дать публикѣ всѣ возможные удобства: устраиваются буфеты, читальные залы, мѣста для сбереженія покупокъ, подъемныя

машины. Продавцамъ виѣняется въ безусловную обязанность вѣжливость, предупредительность и внимательность къ покупателямъ и ихъ требованіямъ. Большое удобство для публики заключается въ организаціи почти всѣми универсальными магазинами бесплатной доставки купленныхъ предметовъ на домъ и высылки товаровъ почтой или желѣзной дорогой въ другіе города по прейсъ-курантамъ и образцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается правило обратнаго приѣма купленныхъ вещей въ случаѣ, если онѣ не понравятся или окажутся не подходящими покупателю, съ возвратомъ денегъ. Затѣмъ при большомъ оборотѣ и широкомъ кругѣ кліентовъ магазины могутъ устраивать выгодныя распродажи товаровъ, случайно приобретенныхъ по дешевой цѣнѣ, или оставшихся отъ сезона и покупаемыхъ мевѣе взыскательной на моду частью публики. Наконецъ, универсальныя магазины устанавливаютъ твердый принципъ продажи исключительно за наличныя деньги, чѣмъ вступаютъ въ борьбу съ широко распространеннымъ (особенно въ Германіи) вреднымъ обыкновеніемъ мелкихъ торговцевъ оказывать своимъ кліентамъ кредитъ и тѣмъ давать имъ поводъ расширять свои покупки выше средствъ.

Всѣмъ этимъ выгодамъ покупателей въ универсальныхъ магазинахъ сторонники мелкой торговли противопоставляютъ только одинъ пунктъ— большее приоровленіе мелкихъ магазиновъ къ индивидуальнымъ вкусамъ и требованіямъ публики. Утверждаютъ, что мелкія предпріятія, заинтересованныя въ сохраненіи круга своихъ мѣстныхъ кліентовъ, обращаютъ больше вниманія на ихъ желанія, приобретаютъ товары тѣхъ сортовъ, которые ими требуются, внимательнѣе относятся къ посѣтителямъ и т. п. При правильной постановкѣ дѣла въ крупномъ магазинѣ выборъ сортовъ и категорій товаровъ будетъ всегда шире и лучше уже въ силу большого оборота; что же касается внимательности продавцевъ, то это зависитъ отъ того, насколько за этимъ слѣдитъ управленіе и какъ подобранъ составъ приказчиковъ.

Въ области отношеній къ служащимъ универсальныя магазины стоятъ, по признанію многихъ изслѣдователей, выше мелкихъ торговыхъ заведеній, хотя и здѣсь встрѣчаются голоса, говорящіе о неудовлетворительномъ положеніи приказчиковъ. Несомнѣнно, что крупныя предпріятія могутъ безъ ущерба для себя осуществлять для служащихъ такія условія, какія недоступны или затруднительны въ маленькомъ дѣлѣ. Возьмемъ, напр., одинъ изъ важнѣйшихъ для рабочаго люда вопросовъ— продолжительность рабочаго дня. Универсальныя магазины имѣютъ очень широкій кругъ покупателей, который стекается къ нимъ специально для закупокъ въ наиболѣе оживленную часть дня. Для такихъ предпріятій держать двери открытыми до глубокой ночи и ждать случайныхъ, немногочисленныхъ покупателей не только не выгодно, но прямо убыточно. Большіе расходы по освѣщенію и пр. не окупаются малымъ оборотомъ поздняго вечера. Вотъ почему почти всѣ крупныя

магазины закрываются сравнительно рано — въ 6, 7, рѣдко даже въ 8 часовъ вечера; другими словами, рабочій день ихъ служащихъ не превышаетъ 10—12 часовъ. Этотъ порядокъ какъ разъ противорѣчитъ обыкновеніямъ мелкихъ купцовъ, которые стараются вести торговлю какъ можно дольше—до 10, 11, 12 часовъ ночи, въ надеждѣ залучить хотя немногихъ позднихъ покупателей. По новѣйшей статистикѣ германскаго бюро труда оказалось, что четвертая часть всѣхъ розничныхъ торговыхъ заведеній имѣла въ 1892 г. рабочій день *свыше 15 часовъ*, другая четверть имѣла рабочій день въ 13—15 часовъ, причѣмъ было констатировано, что чѣмъ меньше заведеніе, тѣмъ длиннѣе его рабочій день; наоборотъ, въ заведеніяхъ, имѣющихъ 10 и болѣе служащихъ, господствующимъ типомъ былъ 12-ти-часовой день. По сообщенію торговой палаты во Франкфуртѣ-на-Одерѣ, къ вѣдѣнію которой относятся 17 окрестныхъ городовъ и 120 мѣстечекъ, обычная продолжительность рабочаго дня въ колониальныхъ магазинахъ составляетъ отъ 13 до 17 часовъ. Кромѣ того въ воскресные и праздничные дни универсальные магазины и базары закрыты совершенно, что даетъ цѣлый свободный день въ недѣлю для служащихъ; мелкие торговцы и здѣсь по большей части стараются воспользоваться разрѣшеніемъ открывать лавки въ воскресенье на нѣсколько часовъ. Итакъ, въ отношеніи рабочаго дня приказчики въ универсальныхъ магазинахъ поставлены въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ служащіе мелкихъ. Точно такъ же и заработная плата служащихъ обыкновенно бываетъ въ первыхъ выше, чѣмъ во вторыхъ. Универсальные магазины, имѣя миллионный оборотъ и большой доходъ, не останавливаются передъ нѣсколькими большими расходами на заработную плату, чтобы этимъ привлечь лучшей подборъ приказчиковъ и болѣе привязать ихъ къ предпріятію. Если обратимся, напр., къ Парижу, то, по даннымъ «Annuaire statistique de la France», заработокъ приказчика (commis, employés de magasin) составляетъ въ среднемъ около 1.200 франковъ, колеблясь между 1.000 и 1.800 фр., заработокъ приказчицы (dames de comptoir) равенъ 800 фр., колеблясь между 600 и 1.500 фр. Между тѣмъ въ «Au Bon Marché» въ томъ же году средняя годовая плата для мужскаго и женскаго персонала служащихъ составляла 1.687 фр. По даннымъ, представленнымъ на Бреславльскомъ съѣздѣ союза соціальной политики осенью 1899 года, минимумъ мѣсячнаго заработка взрослыхъ служащихъ въ самомъ крупномъ магазинѣ—базарѣ Германіи—составляетъ 95 марокъ; кромѣ того, каждый служащій имѣетъ въ теченіе года право на мѣсячный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ способные и дѣльные служащіе универсальныхъ магазиновъ имѣютъ возможность постепеннаго повышенія въ своемъ положеніи. Начавъ съ простаго приказчика, они переходятъ на должность главнаго приказчика отдѣленія, затѣмъ помощника завѣдующаго отдѣленіемъ, завѣдующаго и т. д., дохода постепенно до мѣстъ съ

окладомъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Въ большихъ магазинахъ встрѣчаются такія вспомогательныя учрежденія, которыя совершенно отсутствуютъ въ мелкихъ предпріятіяхъ: пенсіонныя и вспомогательныя кассы, больничныя кассы, буфеты и столовыя для служащихъ и т. п. Правда, организація ихъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и далеко не повсемѣстна. Но уже то обстоятельство, что въ предпріятіи сосредоточены сотни и тысячи трудящихся лицъ, даетъ твердый фундаментъ для устройства и развитія такихъ учреждений. Это же соединеніе массы торговыхъ служащихъ въ одномъ магазинѣ служитъ къ ихъ объединенію, къ увеличенію ихъ соціального вѣса и упроченію ихъ экономическаго положенія. Пока это объединеніе не достигнуто, возможны иногда случаи и невыгодныхъ условій для служащихъ универсальныхъ магазиновъ; такъ, торговый домъ Wertheim до послѣдняго времени включалъ въ договоръ съ приказчиками пунктъ, по которому они не имѣли права въ теченіе года послѣ ухода изъ магазина поступать въ другіе универсальные магазины Берлина. Чѣмъ больше будутъ спланиваться многочисленныя служащіе, тѣмъ менѣе будутъ возможны такіе случаи.

Указавъ на экономическія преимущества, которыя даютъ универсальнымъ магазинамъ перевѣсъ надъ мелкими предпріятіями, и отмѣтивъ другіе выгодные моменты ихъ для покупателей и служащихъ*), мы не можемъ обойти молчаніемъ отрицательныхъ сторонъ, встрѣчающихся въ заведеніяхъ этого рода. Прежде всего, нѣкоторыя универсальные магазины практикуютъ иногда приемы такъ называемой недобросовѣстной конкуренціи. Для привлеченія публики они выставляютъ въ окнахъ предметы съ обозначеніемъ необычайно низкихъ цѣнъ (Lockartikel); эти цѣны назначаются даже ниже стоимости пріобрѣтенія, чтобы возбудить въ публикѣ увѣренность найти въ магазинѣ и прочіе товары на столь же выгодныхъ условіяхъ. Конечно, убытокъ отъ продажи этихъ Lockartikel возмѣщается повышеніемъ цѣны другихъ товаровъ; иногда же продавцы стараются всѣми силами убѣдить покупателей пріобрѣсти другіе, болѣе цѣнные сорта того же товара. Въ нѣкоторыхъ базарахъ Германіи установлены даже штрафы для тѣхъ приказчиковъ, которые отпустятъ въ теченіе дня болѣе опредѣленнаго количества товаровъ съ ненормально низкой оцѣнкой, не съумѣвъ убѣдить посѣтителевъ купить болѣе дорогіе. Впрочемъ, указывая на этотъ не совсѣмъ чистый приемъ базаровъ, слѣдуетъ отмѣтить широкое его распространеніе и въ другихъ магазинахъ; торговая палата въ Барменѣ, напр., констатируетъ его существованіе среди мануфактурныхъ торговцевъ города; тоже встрѣчается въ сигарной тро-

*) «Базары и универсальные магазины, по Mataja («Grossmagazine und Kleinhandel», стр. 81), соответствуютъ общему интересу постольку, поскольку являются высшей формой предпріятій, поскольку лучше и дешевле удовлетворяютъ потребностямъ населенія и выполняютъ торговую функцію съ меньшей затратой силъ».

говлѣ Гейдельберга, въ мануфактурной торговлѣ Гамельна, въ магазинѣ Гофхорна и др. *). На минусъ универсальныхъ магазиновъ ихъ противники ставятъ и другіе приемы привлеченія покупателей, практикуемые, нѣкоторыми изъ нихъ, на примѣръ, устройство концертовъ, даровое фотографированіе лицъ, купившихъ товаровъ не менѣе определенной суммы, предоставленіе публикѣ читальнаго зала съ газетами и журналами, предоставленіе даромъ прохладительныхъ напитковъ и т. п. Однако подобныя приемы, невысокаго нравственнаго достоинства сами по себѣ, не могутъ быть отнесены къ разряду дѣйствій недобросовѣстной конкуренціи, предполагающей всегда какой-нибудь обманъ покупателя продавцемъ въ отношеніи цѣны, качества, происхожденія товара или въ отношеніи другихъ конкурентовъ по торговлѣ.

Мы уже пришли къ заключенію, что развитіе универсальныхъ магазиновъ соотвѣтствуетъ общей тенденціи экономическаго процесса, именно тенденціи къ концентраціи и росту предприятий и въ общемъ, кромѣ случаевъ злоупотребленій и недобросовѣстной конкуренціи, отвѣчаетъ интересамъ массы населенія. Эти соображенія не имѣютъ, конечно, убѣдительной силы для мелкаго и средняго торговаго класса, который видитъ себя вытѣсняемымъ изъ прежняго положенія побѣдоносною конкуренціей крупныхъ базаровъ. Какъ только основывается на улицѣ универсальный магазинъ, говоритъ День, начинается банкротство и исчезновеніе окрестныхъ торговцевъ; это обстоятельство сейчасъ же чувствуется и домовладѣльцами, доходъ которыхъ уменьшается отъ пустующихъ лавокъ и магазиновъ. Въ силу этого обстоятельства всюду, гдѣ универсальныя магазины и базары начинаютъ пріобрѣтать нѣкоторое значеніе и вліяніе на экономическую жизнь, противъ нихъ поднимается ожесточеннѣйшая агитація со стороны заинтересованныхъ классовъ общества. Такая агитація велась въ недавнее время французскими лавочниками, которые основали даже для борьбы особую «синдикальную лигу защиты интересовъ труда, промышленности и торговли», насчитывавшую до 33.000 членовъ и издававшую журналъ «La Revendication». Въ настоящую минуту кампанія начата нѣмецкимъ купечествомъ. За послѣдніе два года многочисленныя общественныя собранія и торговыя организаціи Германіи обсуждали вопросъ объ универсальныхъ магазинахъ и высказывались за рѣшительныя мѣры противъ нихъ. На примѣръ, въ Штутгартѣ собраніе торговцевъ постановило весной 1899 года просить вюртембергское правительство о введеніи болѣе высокой нормы промысловаго обложенія для универсальныхъ магазиновъ. Общее собраніе центрального союза германскихъ купцовъ лѣтомъ 1899 года рѣшило просить прусское правительство о выработкѣ проекта прогрессивнаго на-

*) «Die Lage des Kleinhandels» I. стр. 4—5, 37, 39, 49, 70.

лога на оборотъ (Umsatzsteuer) для универсальныхъ магазиновъ, базаровъ, офицерскихъ, чиновническихъ и др. потребительныхъ обществъ и филиальныхъ отдѣленій, сообразно числу отраслей торговли и величинѣ оборота. Конгрессъ союза католическихъ торговыхъ обществъ Германіи, собравшійся лѣтомъ 1899 года, постановилъ слѣдующую резолюцію: «Крупные универсальные магазины, экспортные дома и ихъ филиальныя отдѣленія должны подлежать прогрессивному обложенію ихъ валовыхъ оборотовъ; доходъ отъ этого налога долженъ поступать въ пользу общины, которая употребляетъ его на облегченіе положенія мелкихъ и среднихъ торговыхъ предпріятій». Восьмое общее собраніе союза нѣмецкихъ промышленныхъ ферейновъ сдѣлало въ концѣ 1899 года слѣдующее постановленіе: «Развитіе базаровъ идетъ за послѣднее время непрерывно впередъ, чѣмъ подвергаетъ серьезной опасности существованіе многочисленнаго и имѣющаго безусловное право на существованіе средняго промышленнаго и торговаго класса; вслѣдствіе этого собраніе считаетъ настоятельно необходимымъ принятіе быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ противъ этой опасности. Весьма желательнымъ является надлежащее обложеніе универсальныхъ магазиновъ, которое создало бы справедливое уравненіе положенія и предупредило бы слишкомъ быстрое и безиѣрное увеличеніе этихъ предпріятій; самымъ лучшимъ налогомъ собраніе считаетъ прогрессивный налогъ на оборотъ». Наконецъ, въ іюль 1899 года былъ основанъ въ Лейпцигѣ «Германскій союзъ торговли и промышленности», который охватилъ собой 35 профессиональныхъ союзовъ съ 6.500 членовъ; цѣль союза—боротися съ порядками въ торговлѣ и промышленности и защищать интересы купцовъ и промышленниковъ; въ частности онъ ставитъ своей задачей защищать своихъ членовъ отъ недобросовѣстной конкуренціи, отъ универсальныхъ магазиновъ, базаровъ и потребительныхъ обществъ. Въ связи съ этимъ движеніемъ создалась довольно значительная литература въ видѣ статей въ газетахъ и журналахъ и спеціальныхъ книгъ и брошюръ. Наконецъ, на вопли торговаго класса откликнулось и законодательство, начавшее свою работу противъ универсальныхъ магазиновъ. Разсматривая итоги законодательной дѣятельности европейскихъ государствъ по этому вопросу, мы все время должны поминуть, что она исходитъ изъ интересовъ той части купческаго класса, которая чувствуетъ себя въ опасности отъ новой формы торговыхъ предпріятій *).

Среди мѣръ, рекомендуемыхъ заинтересованными лицами для борьбы съ универсальными магазинами, первое мѣсто занимаетъ спеціальныя на нихъ налоги. Это обложеніе предлагалось и предлагается въ разныхъ формахъ: въ видѣ налога по числу отдѣленій, по величинѣ по-

*) Въ Германіи это законодательство опирается на консервативную партію и антисемитовъ, отчасти на національ-либераловъ.

мѣщеній, по числу служащихъ и особенно въ видѣ прогрессивнаго налога на валовой оборотъ магазина. Первый шагъ въ дѣлѣ спеціальнаго обложенія крупно-капиталистическихъ розничныхъ магазиновъ былъ сдѣланъ Франціей. По закону 17 іюля 1889 года, существовавшій ранѣе патентный налогъ съ каждаго служащаго въ торговыхъ предпріятіяхъ былъ удвоенъ для магазиновъ, въ которыхъ было отъ 200 до 1.000 служащихъ, и утроенъ для магазиновъ, имѣвшихъ болѣе 1.000 служащихъ. Вслѣдствіе этого налоговая тяжесть большихъ магазиновъ значительно возросла: «Au Bon Marché» сталъ платить 424.000 фр. вмѣсто 261.000 фр., «Louvre»—433.000 фр. вмѣсто 278.000, «Printemps»—117.000 фр. вмѣсто 96.000, «La belle Jardinière»—94.000 вмѣсто 77.000, «La Samaritaine»—62.000 вмѣсто 46.000 (итого 1.130.000 фр. вмѣсто прежнихъ 758.000). Вскорѣ послѣ этого, 11 августа 1890 г., былъ изданъ новый законъ, который призналъ большими магазинами (*grands magasins*) всѣ тѣ, которые имѣютъ болѣе 100 служащихъ, причемъ платежъ за каждаго служащаго былъ повышенъ до 50 франковъ, а пропорціональный налогъ съ арендной платы за помѣщеніе былъ установленъ вмѣсто $\frac{1}{10}$ въ $\frac{1}{8}$. Такимъ образомъ перечисленные только что магазины стали платить 392.000 фр., 410.000 фр., 138.000 фр., 110.000 фр. и 70.000 фр.; другими словами: для наиболѣе крупныхъ предпріятій произошло облегченіе налогового бремени, а для менѣе крупныхъ—усиленіе его. Повышеніе этого обложенія пошло еще дальше и приняло позднѣе прогрессивный характеръ; такъ, патентный налогъ со служащихъ возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія ихъ числа въ предпріятіи и составляетъ для высшей группы съ числомъ служащихъ болѣе 2.000 человекъ 225 франковъ съ каждаго; пропорціональный налогъ съ арендной платы колеблется между $\frac{1}{20}$ и $\frac{1}{8}$, сообразно числу служащихъ; наконецъ, установлены спеціальныя налоги на отдѣльныя отрасли торговли, которые колеблются для Парижа между 300 и 6.000 фр. При такихъ условіяхъ «Au Bon Marché» долженъ платить около 933.000 франковъ (въ 1896 году); аналогично этому поднялось обложеніе и другихъ магазиновъ. Впрочемъ, на этомъ—желанія заинтересованныхъ лицъ не остановились. Они доказываютъ, что «Au Bon Marché» вытѣсняетъ собой около 6.400 мелкихъ предпріятій съ оборотомъ въ среднемъ по 25.000 фр.; такъ какъ каждое такое предпріятіе платитъ промысловаго налога по 600 фр., а всѣ вмѣстѣ, слѣдовательно, 3,8 милліоновъ франковъ, то, по крайней мѣрѣ, въ размѣрѣ этой суммы долженъ быть обложенъ и «Au Bon Marché».

Тожественное движеніе возникло въ Германіи, гдѣ торговцы обрушились не только на универсальныя магазины, но и на потребительныя общества, какъ на вредныя и опасныя для нихъ организаціи. Подъ вліяніемъ агитаціи мелкаго и средняго купечества, въ рядѣ нѣмецкихъ государствъ приняты или пока еще вырабатываются проекты спеціальнаго обложенія названныхъ предпріятій. Въ Саксоніи законъ 12 мая

1896 г. далъ право общинамъ облагать особымъ налогомъ на валовой оборотъ крупныя капиталистическія предпріятія розничной торговли и ихъ филиальныя отдѣленія, причеиъ максимумъ этого налога допускается въ 2⁰/₁₀. Слѣдуетъ замѣтить, что самыя большіе города, какъ Дрезденъ *), Лейпцигъ, Хемницъ, не воспользовались этимъ правомъ изъ опасенія подвергнуть тяжести налога и такія крупныя торговыя предпріятія, которыя не относятся къ типу базаровъ. Налогъ былъ введенъ только въ нѣкоторыхъ мелкихъ городахъ, наприиъръ, въ Rôtha для магазиновъ съ оборотомъ отъ 20.000 марокъ, въ Burgstädt и Markgaustädt для магазиновъ съ оборотомъ отъ 50.000 марокъ, Leisnig, Waldheim, Grossenhain—съ оборотомъ отъ 100.000 марокъ и въ нѣкоторыхъ другихъ.

Въ Пруссіи министръ финансовъ, циркуляромъ отъ 21 іюня 1897 г., предложилъ городскимъ думаиъ обложить крупныя торговыя предпріятія дополнительнымъ общиннымъ налогомъ сообразно размѣру помѣщенія и числу служащихъ. Немногіе города послѣдовали этому предложению.

Въ февралѣ 1899 года прусское правительство выработало общій проектъ спеціальнаго обложения предпріятій, охватывающихъ нѣсколько отраслей торговли и имѣющихъ болѣе 25 служащихъ или занимающихъ помѣщеніе не ниже установленной арендной платы.

Наконецъ, въ Баваріи 27 февраля 1899 г. былъ принятъ ландтагомъ спеціальныи налогъ на предпріятія, которыя имѣютъ превышающую обыкновенную норму размѣры, именно универсальныя магазины, базары, экспортныя торговыя предпріятія, въ размѣрѣ $\frac{1}{2}$ — 3⁰/₁₀ съ валового оборота; особому обложению подлежатъ филиальныя отдѣленія. Что касается Гамбурга и Брауншвейга, то здѣсь аналогичныя проекты налоговъ были отклонены.

Въ данномъ финансовомъ вопросѣ есть одна сторона дѣла, которая заслуживаетъ вниманія. Изъ очерка экономическихъ преимуществъ большихъ магазиновъ съ несомнѣнностью слѣдуетъ, что они, дѣлая миллионныя обороты, получаютъ и миллионныя доходы. Эти крупныя предпріятія являются несравненно болѣе платежеспособными субъектами обложения, чѣмъ соответственное число мелкихъ. Вполнѣ справедливо взииять съ нихъ подоходный налогъ, прогрессивно увеличивающійся по мѣрѣ роста размѣра и доходности предпріятія. Но, конечно, прогрессивный подоходный налогъ не долженъ падать исключительно на одни базары и универсальныя магазины, якобы вредныя для экономической жизни, а вообще на всѣ крупно-капиталистическія

*) Въ Дрезденѣ проектировалось обложение магазиновъ съ оборотомъ отъ 20.000 мар. въ прогрессивно возрастающемъ размѣрѣ отъ 0,2 до 2⁰/₁₀, а филиальныя отдѣленія съ оборотомъ отъ 10.000 мар. по 2⁰/₁₀ съ суммы оборота. Этотъ проектъ былъ однако отклоненъ думой.

предпріятія съ большими доходами. Весьма любопытно указаніе Губера, что магазинъ «Au Bon Marché», заплатившій въ 1890 г. 933.000 фр., долженъ былъ бы нести въ Пруссіи при подоходномъ налогѣ платежъ въ 1,6 милліоновъ франковъ. Такая постановка дѣла совершенно упраздняетъ вопросъ о специальномъ обложеніи большихъ магазиновъ, какъ о специально-политической мѣрѣ, тѣмъ болѣе, что само французское правительство послѣ 10 лѣтъ опытовъ съ такими налогами пришло къ убѣжденію, высказанному недавно въ парламентѣ, что это обложеніе, даже значительно усиленное въ послѣдніе годы, не привело къ сокращенію конкуренціи большихъ магазиновъ. Къ тому же отрицательному заключенію приводитъ и финансовое соображеніе о возможности переложенія значительной части этихъ специальныхъ налоговъ на покупателей, поставщиковъ и даже на служащихъ.

Итакъ, мы допускаемъ возможность прогрессивнаго обложенія доходовъ универсальныхъ магазиновъ и базаровъ, какъ формы крупнокапиталистическихъ предпріятій, приносящихъ колоссальные барыши, но подъ непремѣннымъ условіемъ распространенія этого подоходнаго налога на всѣ вообще крупные доходы, будутъ ли они происходить отъ промышленной дѣятельности, или отъ владѣнія процентными бумагами, или отъ земельной собственности, или отъ торговли; въ то же время вполне отрицаемъ цѣлесообразность борьбы государства противъ новой формы торговыхъ предпріятій на финансовой почвѣ. Нельзя не согласиться въ данномъ случаѣ съ Губеромъ, который говоритъ: «Государство не въ состояніи противодѣйствовать общему ходу экономическаго развитія и расширенію крупныхъ предпріятій; единственное, что можетъ сдѣлать государственная власть, это облегчить страданія переходнаго періода» *).

Другія предположенія заинтересованныхъ лицъ, направленные на поддержаніе позиціи мелкой торговли, относятся къ области средствъ самопомощи. Послѣдней ставится задача—укрѣпить положеніе этой торговли такъ, чтобы она была въ состояніи конкурировать съ большими магазинами. Такъ какъ мелкія лавки оказываются въ невыгодномъ положеніи при закупкахъ небольшими партіями, то предлагается устройство союзовъ и товариществъ для общей закупки товаровъ крупными партіями. Съ другой стороны крупные магазины оказываются въ выгодѣ при пользованіи большимъ помѣщеніемъ. Для того, чтобы воспользоваться той же выгодой, рекомендуется устройство коллективныхъ магазиновъ (Sortiments-Waarenhäuser), распадающихся на массу отдѣленій въ рукахъ отдѣльныхъ торговцевъ; расходы на помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, прислугу и пр. распределяются между всѣми участниками такого магазина пропорціонально ихъ оборотамъ. Тотъ

*) Huber, «Waarenhaus und Kleinhandel», стр. 22.

же принципъ ассоціаціи можетъ быть примѣненъ и при снабженіи мелкихъ торговцевъ болѣе выгоднымъ и доступнымъ кредитомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ предположеній получили практическое осуществленіе еще раньше,—когда вопросъ объ универсальныхъ магазинахъ не приобрѣлъ современной остроты,—напр. закупочныя и кредитныя товарищества. Другія средства начинаютъ примѣняться въ настоящее время; въ Гамбургѣ, напр., въ мартѣ 1899 года 70 купцовъ составили товарищество для веденія общей торговли (Waagenhaus) въ одномъ большомъ помѣщеніи для различныхъ отраслей съ основнымъ капиталомъ въ 6 мил. мар.

Врядъ ли, впрочемъ, всѣ эти попытки приведутъ къ цѣли преодоленія крупныхъ магазиновъ. Какъ мы уже не разъ говорили, универсальные магазины являются продуктомъ современныхъ экономическихъ условій. Борьба противъ нихъ есть лишь проявленіе классовыхъ интересовъ мелкаго и средняго купечества и отнюдь не отвѣчаетъ интересамъ массы населенія.

Проф. М. Соболевъ.

Д У М А.

Не той бѣды боюсь, что вихремъ налетитъ,
И—какъ березку—мигомъ изломаетъ.
Смерть тѣла моего—души не осквернитъ,
Зари грядущаго враждой не запятнаетъ.

* * *

Упало дерево, но цѣль его нарядъ,—
Сраженное красю зеленѣетъ...
Погибъ пловецъ, но дѣль свершенныхъ рядъ
Богатой жатвою созрѣетъ.

* * *

Нѣтъ! Той бѣды боюсь, что тихо подойдетъ:
Не стукнетъ, не ударитъ громомъ,
Но—какъ ненастный день—надъ тусклымъ небосклономъ
Сплошною тучею повиснетъ... и замретъ.

* * *

Порывы тщетные я въ сердцѣ скороню...
Померкнетъ все, что въ юности свѣтило...
Стоитъ березка, сохнетъ на корню...
Ахъ, лучше бы грозой тебя сразило!..

Ал. Богдановъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Уилльяма Д. Гоуэллса.

Переводъ съ англійскаго С. А. Гулишамбаровою.

(Продолженіе *).

ХІХ.

Члены семьи Гилари спускались внизъ къ завтраку обыкновенно, когда имъ было удобно. Если Маттъ бывалъ дома, первыми являлись мать его и онъ самъ; затѣмъ приходилъ отецъ, Луиза была послѣдней. Они получали «Извѣстія» подобно многимъ другимъ, потому что, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, газета эта отличалась полнотою; но они получали и «Обозрѣніе» изъ чувства самоуваженія. Въ то утро, когда дѣло Нортвика получило огласку, Маттъ послалъ за всѣми другими газетами. Онъ просмотрѣлъ ихъ и переговорилъ обо всемъ съ матерью, прежде чѣмъ отецъ его присоединился къ нимъ въ девять часовъ.

Во многихъ газетахъ были иллюстраціи: портреты Нортвика, виды его дома въ Бостонѣ и его дома въ Гатборо; виды компанейскаго завода въ Повкуассетѣ; видъ крушенія поѣзда въ Уэлутерѣ. Но Гилари страшно огорчилъ блестящій отчетъ Пиннея. Всѣ газеты были ужасны, но «Извѣстія» просто омерзительны. Однако, въ сущности, поведеніе газетъ заслуживало не больше порицанія, чѣмъ поведеніе директоро夫ъ компани, которые передали это дѣло въ руки сыскной полиціи и привели въ дѣйствіе механизмъ гласности. И тѣ, и другіе не переступали въ своихъ дѣйствіяхъ за предѣлы своихъ правъ; и тѣ, и другіе исполняли официальную обязанность.

Гилари, помимо желанія, былъ вынужденъ стать по отношенію къ Нортвику въ положеніе почти его защитника; онъ сильно страдалъ отъ фальшивости этого положенія, потому что никто болѣе его не презиралъ людей такого сорта, какъ Нортвикъ. Но когда вамъ при-

*) См. «Міръ Вождій», № 3, мартъ.

ходитя страдать даже изъ-за мошенника, у васъ является нѣкоторое снисхожденіе къ нему. Всѣ эти удары обрушились на его возраставшее сочувствіе къ «бѣднягѣ», какъ онъ его называлъ.

Онъ просмотрѣлъ различные отчеты въ разныхъ газетахъ съ большими передышками и почувствовалъ себя совершенно разбитымъ.

— По крайней мѣрѣ, гора съ плечъ долой, другъ мой,—сказала его жена, замѣтившая окончательный результатъ его страданій и видѣвшая, какъ онъ остановился ошеломленный послѣдней газетой которую уронилъ на полъ.—Вотъ въ чемъ утѣшеніе.

— Можно ли это назвать утѣшеніемъ?—сухо спросилъ онъ.

— Ну да, я считаю это утѣшеніемъ. Неопредѣленное положеніе кончилось и ты можешь теперь снова прийти въ себя.

— Кажется, тутъ есть что-то.

Онъ не спускалъ глазъ съ Матта или, вѣрнѣе, съ «Обозрѣнія», которое закрывало Матта.

— Что тамъ такое, Маттъ?—спросилъ онъ.

— Ужъ лучше прочту вслухъ,—отвѣчалъ Маттъ.—Мнѣ кажется, это необыкновенно хорошо. Какъ бы мнѣ хотѣлось узнать, кто это написалъ!

— Я думаю, ты можешь и послѣ заняться своими догадками! — нетерпѣливо отвѣчалъ отецъ, и Маттъ началъ читать.

Будь Гилари въ иномъ настроеніи, едва ли онъ согласился бы съ тезисами статьи; нѣкоторые изъ ихъ выводовъ были таковы, что онъ рѣшительно отказался бы признать ихъ; но общій ихъ характеръ отличался такой гуманностью, такой сдержанностью, такой свѣтлостью взглядовъ, что Гилари во время чтенія статьи воспылалъ лично благодарностью къ автору ея за то, что онъ называлъ «простою благопристойностью».

— Это чрезвычайно интересная статья,—сказалъ онъ, раздѣляя желаніе Матта узнать, кто написалъ ее, какъ это бываетъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ.

— Хорошо было бы,—сказала миссисъ Гилари,—припрятать всѣ остальные газеты отъ этихъ бѣдняжекъ.

Она намекала на дочерей Нортвика и прибавила:

— Если онѣ должны узнать о случившемся, снисходительнѣе этого нельзя рассказать.

— Вотъ и я думаю то же, мама,—сказалъ Маттъ.—Но, къ несчастью, имъ невозможно будетъ остановиться только на этой передачѣ фактовъ. Горе разразится надъ ними въ безобразной формѣ, какъ вообще всѣ наши напасти. Не знаю, такъ ли ужъ дурны всѣ остальные газеты...

— Не дурны!—воскликнулъ его отецъ.

— Нѣтъ. Онѣ не жестоки къ нему, исключая того, что онѣ справедливы къ нему. Несомнѣнно, онѣ являются вѣрнымъ отголоскомъ мнѣ-

ній и чувствъ средняго большинства по этому вопросу. Съ такими фактами имъ приходится считаться всю жизнь и онѣ приглядѣлись къ нимъ. Но мнѣ хотѣлось бы узнать, кто написалъ эту статью въ «Обозрѣніи», я бы желалъ поблагодарить автора ея.

— Вопросъ теперь въ томъ,—сказала миссисъ Гилари,— что можемъ мы сдѣлать для нихъ? Увѣренъ ли ты, Маттъ, что далъ имъ ясно понять, что мы будемъ рады ихъ видѣть у себя, что бы ни случилось?

— Луиза и я, мы оба старались это сдѣлать,—отвѣчалъ ея сынъ,— когда мы были у нихъ вмѣстѣ. А когда я передавалъ имъ о своей побѣдѣ въ Уэллутэръ, я вѣсколько разъ повторилъ имъ нашу просьбу.

— Хорошо,—сказала миссисъ Гилари.— Я рада, что мы сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ. Сначала я сомнѣвалась, благоразумно ли было съ твоей стороны брать съ собою къ нимъ Луизу; но теперь я довольна, что все такъ хорошо обошлось. И я довольна, что отецъ твой поступилъ хорошо, давъ этому несчастному человѣку отсрочку, которую онъ употребилъ во зло.

— О, да,—сказалъ Маттъ.— Это было отлично. И я ужасно радъ, что онъ такъ легко отдѣлался. Если онъ еще живъ, я радъ, что онъ выпутался изъ бѣды.

Гилари, хранившій молчаніе, горестно отдавшись угрызениямъ и сомнѣніямъ самаго разнобразнаго свойства, разгавился теперь потокомъ словъ.

— А я считаю твою болтовню отвратительною нечѣстью, Маттъ. Я и не думалъ давать Нортвику эту отсрочку для того, чтобы онъ улизнулъ отъ послѣдствій своихъ мошенническихъ продѣлокъ. Почему это онъ не долженъ быть за нихъ наказанъ?

— Потому, что это не принесетъ ни малѣйшей пользы ни ему и никому другому. Наказаніе не исправило бы его, оно не исправило бы ничего. Нортвикъ самъ по себѣ не зло; онъ только симптомъ зла. Ты можешь устранить симптомъ, но этимъ ты не уничтожишь зла. Болѣвнью пораженъ весь организмъ общественнаго строя, какъ предполагаетъ авторъ статьи въ «Обозрѣніи».

— Я въ ней не нахожу никакихъ такихъ предположеній,—сердито возразилъ его отецъ.— По твоей теоріи слѣдовало бы подыскать извиненіе негодяйству каждаго мошенника, заслуживающаго висѣлицы. Ужъ если говорить объ искорененіи зла въ обществѣ, то развѣ не слѣдуетъ начать съ каждаго человѣка въ отдѣльности? Повторяю тебѣ, для Нортвика и для плутовъ ему подобныхъ было бы весьма полезно отсидѣть свой срокъ въ острогѣ.

Споръ ожесточенно продолжался вѣкоторое время; обѣ стороны не отступали ни на іоту отъ своей аргументаціи. Миссисъ Гилари слушала съ нетерпѣніемъ, которое женщины испытываютъ, когда совершенно отсутствуетъ личная причина несогласія, единственно суще-

отвенная причина. Маттъ зашелъ, наконецъ, въ такія отвлеченности, что сказалъ отцу:

— Итакъ, ты утверждаешь, насколько я понимаю, что если А хорошенько наказать за его грѣхи, то В останется добродѣтельнымъ при тѣхъ же условіяхъ и при тѣхъ же искушеніяхъ, противъ которыхъ А не въ силахъ былъ устоять.

Тутъ мать его попробовала вмѣшаться въ ихъ споръ. Ей были мало понятны метафизическія тонкости вопроса; она чувствовала только, что Маттъ приперъ, какъ говорится, къ стѣнѣ своего отца, который любилъ его безъ памяти, и поведеніе сына показалось ей неприличнымъ. Притомъ же, когда случается что-нибудь дурное, женщина всегда желаетъ, чтобы кто-нибудь былъ наказанъ. Всѣ женщины консервативны въ этомъ отношеніи, и миссисъ Гилари рѣшилась положить конецъ разговору между ея сыномъ и мужемъ, такъ какъ чувствовала, что Маттъ неправъ вдвойнѣ.

Но при первыхъ же ея словахъ мужъ бѣшено крикнулъ на нее:

— Не перебивай, Сара!—А затѣмъ загремѣлъ на Матта:—Пойми же, что мнѣ нѣтъ дѣла до отдѣльной личности въ данномъ случаѣ! Пойми, что выгода, необходимость заставляютъ общество наказывать А за его грѣхи безъ малѣйшаго отношенія къ В, и что меня касается, я не оставлю камня на камнѣ, пока мы не съедемъ Нортвика, живого или мертваго. Если только онъ живъ, я употреблю всѣ усилія, чтобы привлечь его къ суду; онъ будетъ уличенъ и наказанъ.

Слова эти онъ прокричалъ во все горло и такъ стукнулъ по обѣденному столу, что чайныя ложечки зазвенѣли въ чашкахъ и миссисъ Гилари съ трудомъ разслышала, что ей докладывалъ Патрикъ, остановившись въ дверяхъ.

— Повидать мистера Гилари? Какая-то барыня? Гдѣ ея карточка?

— Она не захотѣла сказать своего имени, ма'амъ; она сказала, что не хочетъ войти, ма'амъ. Она хотѣла повидать мистера Гилари на одну минуту въ приемной.

Гилари наклонился впередъ, чтобы вторично хлопнуть кулакомъ по столу, но женѣ удалось остановить его повтореніемъ порученія Патрика.

— Я къ ней не выйду,—отрѣзалъ онъ.—Должно быть, какая-нибудь репортерша. Онѣ тоже примостились къ нашей квашнѣ. Пойми,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Матту,—общественныя требованія къ тебѣ, какъ къ гражданину, какъ къ общественному дѣятелю, уничтожаютъ всѣ твои сантиментальныя обязательства къ В, какъ къ брату. Боже мой! да развѣ С не братъ мой то же, какъ и вся остальная азбука? Если А обокрадетъ остальные буквы, пусть В получитъ урокъ изъ того озадоравлиющаго факта, что плутни А привели его въ тюрьму.

— Ахъ, я допускаю, что было бы лучше, если бы разные А страдали за свои грѣхи; но я сомнѣваюсь, чтобы наказаніе, налагаемое на

человѣка противъ его воли, было истиннымъ для него страданіемъ. Если бы человѣкъ этотъ пришелъ добровольно и согласился вынести наказаніе, которому онъ подвергалъ себя своими проступками, это было бы полезно для него и для всякаго другого; въ такомъ поступкѣ было бы много значенія. Но вѣдь онъ убѣждалъ.

— А поэтому его надобно оставить въ покоѣ! Ты судишь, какъ тотъ констабль, Догберри, въ шекепировской пьесѣ «Много шуму изъ-за пустяковъ»! Ты уличилъ бы вора, давъ ему возможность улизнуть.

— Мнѣ кажется, что именно это сдѣлалъ ты, отецъ. И по моему ты поступилъ хорошо, какъ я уже тебѣ говорилъ.

— Что я сдѣлалъ?—загремѣлъ Гилари.—Нѣтъ, сударь, ничего подобнаго я не дѣлалъ! Я далъ ему возможность стать честнымъ человѣкомъ...

— Другъ мой,—перебила миссисъ Гилари,—пойди же, отпусти эту женщину, по крайней мѣрѣ. Или позволь мнѣ это сдѣлать.

Гилари швырнулъ свою салфетку и весь красный отъ спора обвелъ присутствующихъ пылающимъ взоромъ. Не сознавая вполнѣ, что дѣлаетъ, онъ бросился вонъ изъ комнаты.

Не успѣла жена его сказать Матту:

— Тебѣ не слѣдовало бы заводить споръ съ отцомъ, Маттъ; вѣдь ты видишь, въ какую кашу онъ попалъ...

Какъ они услышали его голосъ:

— Господи! Мое бѣдное дитя!

Они не знали, что онъ вскрикнулъ отъ ужаса при видѣ Сюзетты Нортвикъ, которая встрѣтила его въ приемной вопросомъ:

— Что это они написали о моемъ отцѣ, мистеръ Гилари?

— О вашемъ отцѣ, дорогая?

Онъ взялъ ея руки, которыя она протянула ему, и старался придумать, что бы такое сказать ей, нѣжное и ободряющее. Она отняла ихъ и крѣпко сложила вмѣстѣ.

— Правда ли это?

Онъ позволилъ себѣ притвориться не понимающимъ значенія ея словъ. Онъ не могъ сдѣлать иначе.

— Ну, мы надѣмся... мы надѣмся, что это неправда! Ничего другого еще не узнали о томъ, былъ ли онъ во время этого несчастія. Развѣ Маттъ...

— Я не о томъ. Это хуже, чѣмъ то. Это другое... что говорятъ газеты... что онъ былъ растратчикъ... безчестный. Правда ли это?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Ничего подобнаго, голубушка!

• Гилари долженъ былъ отвѣтить ей это. Онъ чувствовалъ, что было бы жестоко сказать что-нибудь другое; всякій другой отвѣтъ былъ немислимымъ.

— Эти газеты... будь онѣ прокляты!.. вѣдь вы знаете, онѣ всегда такъ... Вамъ не надо мучить себя тѣмъ, что говорится въ газетахъ.

— Но почему же онъ заговорили о моемъ отцѣ въ такое время, когда онъ... Что все это значить, мистеръ Гилари? Я не вѣрю газетамъ, поэтому я и пришла къ вамъ... какъ только могла, пораньше утромъ. Я знала, что вы мнѣ скажете правду. Вы знали моего отца съ такихъ давнихъ поръ, вы знали, какой онъ славный! Я... Вы знаете, онъ никогда не сдѣлалъ никому дурного... онъ не могъ поступить дурно!

— Разумѣется, разумѣется! — согласился Гилари. — Вы отлично сдѣлали, что пришли ко мнѣ... отлично. Какъ... какъ здоровье вашей сестры? Вы останетесь у насъ... Луиза еще не сходила внизъ... вы будете завтракать съ нею. Миссисъ Гилари за столомъ. Пойдемте къ намъ. Она можетъ васъ увѣрить... Маттъ вполне убѣжденъ, что не надобно приходить въ отчаяніе относительно... Онъ...

Гилари безцѣльно суетился, произнося эти отрывочныя и неопредѣленныя фразы, а теперь старался заставить ее выйти изъ комнаты впереди себя. Но она опустила на стулъ и онъ долженъ былъ остаться.

— Я хочу, чтобы вы мнѣ сказали, мистеръ Гилари, есть ли маѣйшее основаніе у газетъ говорить то, что въ нихъ напечатано сегодня утромъ?

— Какъ, основаніе? Дорогое дитя мое...

— Были ли какія-нибудь непріятности между моимъ отцомъ и его компаньонами?

— Ну... всегда между компаньонами возникаютъ сомнѣнія.

— Есть ли какое-нибудь сомнѣніе относительно счетовъ моего отца... его честности?

— Люди сомнѣваются во всемъ въ наше время, когда такъ много... требуется довѣрія въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Отъ времени до времени бываютъ разслѣдованія.

— А былъ ли какой-нибудь поводъ подозрѣвать моего отца? Подозрѣваетъ ли кто-нибудь его?

Гилари обвелъ комнату блуждающимъ взглядомъ; онъ не могъ смотрѣть въ лицо молодой дѣвушки.

— Мнѣ кажется, нѣкоторые изъ насъ... нѣкоторые изъ директоровъ... усомнились...

— А вы?

— Моя милая дѣвочка... мое бѣдное дитя! Вы не можете понять этого. Но я скажу вамъ искренно, что послѣ этого просмотра... когда вопросъ былъ отданъ на обсужденіе совѣта, я счелъ себя въ правѣ настаивать на томъ, чтобы отцу вашему дали время уладить все это. Онъ сказалъ, что можетъ это сдѣлать. И мы условились дать ему эту возможность.

Гилари сказалъ эти слова изъ состраданія къ молодой дѣвушкѣ; онъ былъ искренно пристыженъ тѣмъ видомъ великодушія, который слова его придавали его роли въ этомъ дѣлѣ.

— Сплошь и рядомъ,—продолжалъ онъ,—люди въ положеніи довѣренныхъ лицъ пользуются деньгами, которыя у нихъ на храненіи, а затѣмъ возвращаютъ ихъ; это случается ежедневно и никакого вреда тутъ не предполагается, и ничего дурного въ этомъ нѣтъ... пока... пока рискъ не окончится неудачей. Такія дѣла мы видимъ на каждомъ шагу.

Гилари чувствовалъ, что теперь онъ выпутается изъ затруднительнаго положенія, хотя зналъ, что говорить весьма безнравственныя вещи; но вѣдь онъ говорилъ ихъ не для того, чтобы развратить эту несчастную дѣвочку, сидѣвшую передъ нимъ; онъ старался только утѣшить ее, облегчить ея горе.

— Все это дѣло очень хорошо передано въ «Обозрѣніи». Читали вы его? Вы должны прочесть эту газету и не обращать вниманія на то, что говорится въ другихъ. Дайте, я васъ проведу къ миссисъ Гилари... у насъ имѣется эта газета...

Сюзетта встала.

— Итакъ, нѣкоторые директора думаютъ, что мой отецъ взялъ деньги товарищества, какъ напечатано въ газетахъ?

— То, что они думаютъ, не имѣетъ никакого значенія относительно...

— А вы думаете?

— Какъ сказать... Я не думаю, что онъ хотѣлъ... Онъ надѣялся, конечно, вернуть ихъ. Ему было дано время для этого.

Гилари загнулся, затѣмъ подумалъ, что лучше прямо сказать.

— Но несомнѣнно онъ употреблялъ капиталы товарищества на свои личныя предпріятія.

— Это все,—сказала молодая дѣвушка. Теперь она вышла изъ комнаты. Гилари слѣдовалъ за нею. Съ невыразимымъ облегченіемъ увидалъ онъ Луизу, спускавшуюся по лѣстницѣ внизъ.

— Неужели Сю!—воскликнула она, быстро сбѣгая со ступеней. Она обвила руками шею своего друга.

— О Сю, Сю!—произнесла она голосомъ, которымъ обыкновенно женщина показываетъ другой женщинѣ, что понимаетъ ее и вполне сочувствуетъ ей.

Сюзетта холодно высвободилась изъ ея объятій.

— Пусти меня, Луиза.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ты не уйдешь! Я хочу, чтобы ты... ты должна остаться теперь у насъ. Я знаю, Маттъ совсѣмъ не вѣритъ этому ужасному отчету.

— Если даже въ немъ правда, теперь мнѣ все равно. Другой отчетъ—развѣ ты не знаешь?—напечатанъ въ газетѣ сегодня утромъ.

Луиза старалась принять недоумѣвающій видъ; Сюзетта на мгновеніе остановилась, а затѣмъ сказала:

— И твой отецъ сказалъ, что мой отецъ воръ.

— Ахъ, папа!—зарыдала Луиза.

Это было ужасно несправедливо и неблагоприятно со стороны ихъ обѣихъ и у Гилари вырвался крикъ скорби и протеста. Сюзетта убѣждала отъ Луизы и, прежде чѣмъ онъ могъ помѣшать ея намѣренію, стрѣлою пронеслась мимо него къ выходной двери и исчезла за нею.

XX.

Горе, превратившееся въ позоръ въ глазахъ постороннихъ людей, оставалось горемъ для дѣтей Нортвика. Отецъ ихъ не возвращался, не подавалъ никакихъ признаковъ существованія и онѣ попрежнему стали думать, что онъ умеръ. Но, оплакивая его, какъ умершаго, онѣ безусловно отвергали всякую мысль о его виновности. Любовь ихъ произвела то трогательное чудо, которое возможно вызвать въ женскихъ сердцахъ, она укрѣпила ихъ вѣру въ его честность, и вѣру это не могло поколебать никакое доказательство его безчестности.

Даже если бы онѣ и повѣрили всѣмъ тѣмъ вещамъ, въ которыхъ его обличали эти газеты, и тогда онѣ не могли бы осудить его дѣйствія, какъ осуждали другіе, чужіе люди. Но вѣдь, будучи женщинами, онѣ не умѣли дѣлать тонкія различія, которыя допускаются мужчинами въ кодексѣ торговой нравственности. А будучи дочерьми Нортвика, онѣ знали, что онъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ, если бы это было дурно. Отецъ ихъ занималъ чужія деньги, имѣя въ виду расплатиться, а затѣмъ потерялъ свои собственные и не могъ заплатить своихъ долговъ. Вотъ и все.

Совершенно несходныя по характеру, сестры были вполне согласны между собою въ этомъ отношеніи и обѣ одинаково считали чѣмъ-то въ родѣ измѣны его памяти всякое измѣненіе въ образѣ жизни, которое явилось бы, такъ сказать, поощреніемъ взводимыхъ на него обвиненій. Но онѣ почувствовали нѣкоторое облегченіе, въ особенности Сюзетта, которая вела расходы, когда измѣненія пришли сами собой и пышный штатъ ихъ прислуги распался, вслѣдствіе ея недовольства или страха за будущее. Въ концѣ концовъ у нихъ остались только Элбриджъ Ньютонъ да его жена. Ей теперь рѣшительно нечего было дѣлать, какъ только тосковать по своему умершемъ ребенкѣ, и она охотно приходила готовить кушанье и убирать комнаты. А мужъ ея смотрѣлъ за лошадьми и домашнимъ скотомъ, какъ умѣлъ, ухаживалъ за печами и наблюдалъ за оранжерейными растеніями, чтобы они не перемерзли. Онъ вставалъ рано, ложился поздно. У него не было подобострастной «холопской» вѣрности къ Нортвикамъ; но онъ, по его собственному объясненію, былъ имъ преданъ за то, что они всегда хорошо обращались съ нимъ, и онъ не любилъ дѣлать свое дѣло спустя рукава.

Дни шли за днями, недѣли проходили за недѣлями, а сестры продолжали жить въ одиночествѣ, которому ихъ предоставили сосѣди изъ

состраданія, сдержанности или пренебреженія. Аделина принимала мистера Уэда всякій разъ, какъ онъ заходилъ къ сестрамъ; онъ считалъ своею обязанностью и своимъ исключительнымъ правомъ приносить утѣшеніе повсюду, гдѣ была скорбь. Но Сюжетта не выдалась съ нимъ. Она посылала ему признательныя привѣтствія, когда онъ бывалъ у нихъ, и всякій разъ поручала сестрѣ сказать ему, что въ слѣдующій разъ надѣется съ нимъ увидѣться.

Одна изъ гатборскихъ дамъ, миссисъ Мунгеръ, жившая въ здѣшнихъ мѣстахъ круглый годъ, проникла въ бібліотеку, полагая по своему разумію, что поступаетъ такъ, какъ обязаны были бы поступить въ отношеніи къ ней ея сосѣди; но ей не удалось повидать ни одну изъ сестеръ. Ей пришлось удовольствоваться настоящимъ подговариваніемъ миссисъ Мореллъ, жены доктора, присоединиться къ ней для вторичнаго покушенія нарушить ихъ покой. Но у миссисъ Мореллъ составилось мнѣніе о личности и характерѣ Сюжетты враждебное импульсу материнскаго состраданія, которое она почувствовала бы ко всякой другой молодой дѣвушкѣ въ этомъ положеніи. Миссисъ Герришъ, жена главнаго купца въ Гатборо, который удостоился чести пріѣхать изъ Бостона въ одномъ поѣздѣ съ Нортвикомъ въ тотъ самый день, когда состоялось собраніе директоровъ, была бы пожалуй, не прочь присоединиться къ миссисъ Мунгеръ, но мужъ рѣшительнѣйшимъ образомъ запретилъ ей это. Онъ стоялъ горой за честность и состоятельность Нортвика противъ цѣлой деревни; тогда какъ всѣ и каждый обвиняли его въ бѣгствѣ, едва стало извѣстно изъ газетъ, что онъ находился въ числѣ погибшихъ во время пожара въ желѣзнодорожномъ поѣздѣ, одинъ Герришъ упрямо отказывался повѣрить этому. Исторія растраты свалилась на него словно ударъ грома при ясномъ небѣ; онъ чувствовалъ себя опозореннымъ передъ своими согражданами, а къ Нортвику сталъ питать злобу за то, что онъ такъ ловко обошелъ его. Герришъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ наложенія запрещенія на имущество, оставшееся послѣ растратчика, и, очевидно, сдѣлавшееся теперь собственностью его кредиторовъ. Другіе обыватели Гатборо, тѣ самыя, что такъ охотно заподозрили Нортвика, питали къ нему въ глубинахъ души преступное чувство снисхожденія. Иные думали, что онъ отправился представить свои счета въ другіе суды; другіе — что онъ жилъ въ бѣдности и изгнаніи, что было уже для него достаточнымъ наказаніемъ. Но Герришъ требовалъ отъ закона примѣрной, потрясающей расправы съ виновнымъ. Онъ честилъ полкуассетскихъ директоровъ, обзывая ихъ сборищемъ людшекъ, лишенныхъ всякаго патріотическаго чувства, за то, что они дали Нортвику уйти изъ своихъ рукъ, живому или мертвому.

— Почему не вышвырнуть его семьи изъ этого дома и не передадутъ его въ руки пайщиковъ, которыхъ онъ обокралъ?—спросилъ разъ утромъ Герришъ у случайно собравшихся въ его лавкѣ мѣстныхъ зѣвакъ.—Сдается мнѣ, этотъ Гилари, въ Бостонѣ, покрывалъ его и...

держалъ его руку съ самаго начала... и обѣлялъ его. А почему? не знаю. Будь я однимъ изъ понкуассетскихъ пайщиковъ, я бы ему показалъ себя. Первымъ дѣломъ я бы освѣдомился, почему семья Нортвика продолжаетъ жить въ моемъ домѣ послѣ того, какъ онъ ограбилъ меня, захватилъ въ свои руки все, что лежало плохо.

Адвокатъ Путнэй былъ тутъ же. Онъ переложилъ табакъ, бывший у него за щекою, за другую щеку и привелъ въ порядокъ свои маленькія, крѣпкія челюсти.

— Послушай, Билли, я скажу тебѣ, почему. Да потому, что и домъ, и ферма, и все недвижимое имущество принадлежатъ семьѣ Нортвика, а вовсе не кредиторамъ Нортвика.

Слушатели расхохотались, а Путнэй продолжалъ:

— Объ этомъ вопросѣ братъ Нортвикъ позаботился давнымъ-давно, какъ мнѣ кажется. Мнѣ кажется, онъ это сдѣлалъ еще въ тѣ времена, когда ты впервые выразилъ желаніе, чтобы его статую поставили наверху солдатскаго монумента.

— Никогда не выражалъ я такого пошлаго желанія!—сердито огрызнулся мистеръ Герришъ.

Періодъ запоя миновалъ для Путнэя и онъ находился въ полномъ упоеніи своимъ презрѣніемъ къ Герришу, которое могло превратиться въ глубокое уваженіе въ его пьяные дни. Ему самому было хорошо извѣстно это ненормальное переходное состояніе его души, вслѣдствіе котораго онъ становился отъявленнымъ консерваторомъ по всемъ вопросамъ и ревностнымъ другомъ стараго порядка вещей; онъ говаривалъ, что не зналъ худшаго состоянія при существующихъ условіяхъ.

Итакъ онъ продолжалъ:

— Неужели? Ну, а я думаю, что статуя эта была бы куда приличнѣе поставленной тамъ дѣвки въ клоунской одеждѣ.

Всѣ засмѣялись. Зубоскальство Путнэя насчетъ Побѣды, украшавшей солдатскій монументъ, всякій разъ, какъ онъ говорилъ о немъ, принимало различную форму.

— Это показало бы наглядно, для чего въ сущности умерли эти бѣдные молодцы: а для того, чтобы у насъ было все больше и больше Нортвиковъ, дѣлая нортвиковская система вещей. Что скажешь объ этомъ, пріятель Билли? Ты видишь, лично мнѣ нельзя быть слишкомъ суровымъ къ Нортвикамъ, такъ какъ я считаю этихъ господъ необходимой частью нашей системы управленія. Что случилось бы съ законами и судами, не будь у насъ плутовъ и мошенниковъ? Намъ *необходима* Нортвики. Жаль только, что у Нортвиковъ бываютъ семьи; но я не осуждаю Нортвиковъ за то, что они принимаютъ мѣры противъ того злосчастнаго дня, когда Нортвикизму пришелъ бы конецъ. Я радъ, что этихъ женщинъ нельзя лишить крова; я уважаю отцовскую любовь и предусмотрительность Дж. Мильтона, укрѣпившаго законнымъ порядкомъ это имѣніе за ними.

— Удерживать за собою его съ ихъ стороны просто-на-просто грабежъ и разбой!—сказалъ Герришъ.

— О нѣтъ, ты глубоко ошибаешься, Билли. Это законъ. Ты бы долженъ уважать законъ и права собственности. Ты, пожалуй, пожелаешь, чтобы статчики сожгли до тла здѣшнюю башмачную лавку, какъ только у насъ поднимется кавардакъ. Ты становишься возмутительно-краснымъ, Билли.

Слова Путнэя подняли Герриша на смѣхъ. Но нѣсколько человѣкъ изъ собравшихся и масса людей въ Гатборо, включая большинство женщинъ, стояли за энергическія мѣры наказанія по дѣлу Нортвика. Почтенныя гатборскія матроны считали нелѣпнымъ, что этихъ дѣвушекъ оставляютъ въ покоѣ, позволяя имъ жить, словно ничего не случилось, въ домѣ, который слѣдовало бы конфисковать за преступленія ихъ отца въ пользу его жертвъ, тогда какъ многое множество честныхъ людей не знали, куда голову преклонить въ эту ночь, не знали, откуда достать себѣ кусокъ хлѣба. Въ дѣйствительности жаловались на такую несправедливость не бездомные и не голодные; даже не тѣ, кто перебивался поденной работой въ гатборскихъ лавкахъ, говорили такія вещи. У людей этихъ было слишкомъ много дѣла, а затѣмъ они слишкомъ уставали, чтобы задумываться надъ этимъ, и слухи о злыхъ дѣлахъ Нортвика заглушались въ грохотѣ машинъ.

Толки и пересуды о его позорныхъ дѣяніяхъ наполняли тѣсныя, хорошо нагрѣтыя гостинныя почтенныхъ гражданъ, позади окошекъ, откуда въ теченіе такого долгаго времени они съ завистью смотрѣли на Нортвикова, развѣжавшихъ въ каретахъ и саняхъ; досужія и добропорядочныя женщины разбирали по косточкамъ эти позорныя дѣянія и за ущербъ нанесенный Нортвикомъ его кредиторамъ, призывали небесныя громы на его дочерей—вѣдь эти гордячки всегда важничали и не удостоивали своимъ разговоромъ добрыхъ людей. Такія женщины не могли понять, почему товарищество Понкуассэтскихъ заводовъ не выгнало безъ дальнѣйшихъ околичностей этихъ дѣвушекъ изъ дому, быть можетъ, имъ даже не было извѣстно, почему товарищество не имѣло права сдѣлать это. Когда же всѣ эти женщины узнали, что семейство предсѣдателя товарищества продолжало поддерживать дружескія сношенія съ дочерьми Нортвика, въ ихъ умѣ зародились сомнѣнія, обратившіяся весьма скоро въ положительную увѣренность, что эти Гилари получили свою долю въ награбленной добычѣ. Всѣ эти женщины не были жестокими и въ дѣйствительности едва ли имъ было бы пріятно увидѣть дочерей Нортвика въ нуждѣ, если бы дѣло дошло до этого. Но онѣ жаждали возмездія, уготованнаго злымъ, и не боялись «судить» и «отмѣривать» самую полную мѣрою.

Въ болѣе свободной атмосферѣ уличной жизни, лавокъ и конторъ мужья ихъ выказывали гораздо меньше рвенія. Въ самомъ дѣлѣ, можно сказать, что одинъ только Герришъ усердствовалъ съ этой стороны.

Когда миновало первое возбужденіе, а послѣдовательныя сенсационныя сотрясенія, сообщаемыя газетами, мало-по-малу улеглись, на гатборскихъ представителей сильнаго пола нашла полоса какой-то безропотной покорности, которую можно признать или не признать за доказательство всеобщей деморализаціи. Безцеремонное обращеніе Нортвика съ чужими капиталами встревожило ихъ, но нельзя было сказать, чтобы оно изумило кого-нибудь; этого слѣдовало ожидать отъ человѣка въ положеніи Нортвика; это случалось ежедневно гдѣ-нибудь, и наступилъ день, когда это должно было случиться здѣсь. Они не знали изреченія («великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ Его»), но тѣмъ не менѣе они были фаталистами. Они восприняли совершившійся фактъ и, обсудивъ, что бѣдствіе это въ сущности не коснулось ихъ лично, многіе изъ нихъ стали относиться къ нему вполне равнодушно, даже съ отгѣнкомъ шутиливости. Имъ не было ни малѣйшаго дѣла до всего этого сонмища бостонскихъ тузовъ, капиталами которыхъ Нортвикъ воспользовался для своихъ рискованныхъ биржевыхъ операцій: вѣдь банкъ въ Гатборо не разорился отъ этого и трудовой людъ не потерялъ своихъ вкладовъ. Они могли смотрѣть на это дѣло безстрастнымъ окомъ и въ ихъ душѣ смутно жило убѣжденіе, что каждый членъ Понкуассетскаго товарищества сдѣлалъ бы то же, что и Нортвикъ, представься удобный случай. Кромѣ того, ихъ ужасно занималъ вопросъ, дѣйствительно ли Нортвикъ погибъ во время желѣзнодорожной катастрофы, или сыгралъ ловкую штуку и нынѣ мирно пребываетъ гдѣ-нибудь въ «Пріютѣ Бродягъ», какъ называлъ Путнэй Канадскую область.

XXI.

Хотя Гилари, начиная искъ противъ Нортвика, дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по необходимости, онъ не могъ отдѣлаться отъ ощущенія, будто онъ умышленно навлекалъ гоненіе на этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужасно было предавать суду того, кто — пока не было доказано противное — уже представалъ со своими грѣхами передъ судилище Того, Кто судить скорѣе желанія и помышленія, чѣмъ по ступки. Но процессъ долженъ былъ пойти своимъ чередомъ, а Гилари долженъ былъ возбудить искъ. Обо всемъ этомъ переговорили въ семействѣ Гилари, гдѣ его жалѣли и прощали ему въ силу любви, которая дѣлаетъ насъ простыми и искренними, несмотря на личины, въ которыя мы рядимся передъ свѣтомъ. Его жена и его дѣти знали всю его доброту и что онъ выстрадалъ въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала, стараясь повести его какъ можно снисходительнѣе. Если онъ заговаривалъ объ этомъ, было рѣшено съ общаго согласія, что Маттъ не станетъ раздражать его своими теоретическими возрѣніями, а когда Гилари хранилъ молчаніе, никто не долженъ былъ упоминать объ этомъ.

Гилари сознавалъ всю особенную затруднительность своего положенія и сознавалъ это тѣмъ яснѣе, что совѣсть его не позволяла ему увильнуть отъ своего долга. Онъ употребилъ свое вліяніе, значеніе своего добраго имени и своей коммерческой безупречности для обузданія крутыхъ мѣръ совѣта относительно Нортвика, когда мошенничество его обнаружилось, и теперь былъ вдвойнѣ обязанъ удовлетворить желаніямъ директоровъ—начать дѣло судебнымъ порядкомъ. Большинство изъ нихъ были увѣрены, что Нортвикъ и не думалъ умирать; тѣ же, кто не питалъ такой полной увѣренности, во всякомъ случаѣ считалъ общественнымъ долгомъ преданіе его суду, и всѣ единогласно рѣшили, что Гилари подастъ въ судъ требуемую жалобу.

Итакъ, у Гилари не оставалось иного выбора и ему приходилось покориться. Другой на его мѣстѣ, быть можетъ, отказался бы отъ должности, но онъ не считалъ себя въ правѣ поступить такимъ образомъ, сознавая свою отвѣтственность въ бѣгствѣ Нортвика.

Онъ поставилъ себѣ въ не меньшую обязанность узнать, какой ущербъ можетъ произойти отъ этого для дочерей Нортвика, и пробовалъ предложить имъ денегъ взаймы. Но Сюзетта отвѣтила ему отъ имени обѣихъ, что отецъ передъ отъѣздомъ оставилъ имъ известную сумму. Гилари могъ только послать Луизу для объясненія, почему онъ долженъ былъ явиться формально въ судъ по этому дѣлу. Онъ уполномочилъ Луизу вложить столько горячности, сколько она пожелаетъ, въ оправданіе его сожалѣній и въ совѣтъ его, чтобы онѣ переговорили съ какимъ-нибудь адвокатомъ. Такой образъ дѣйствій не вязался съ коммерческой нравственностью; если бы о немъ узнали добрые люди, его навѣрно подвергли бы самой строгой критикѣ; но, обращаясь къ суду своей собственной совѣсти, Гилари чувствовалъ въ себѣ силу всегда послать своихъ строгихъ критиковъ къ чорту въ такомъ дѣлѣ, какъ это.

Луизѣ показалось сперва, что Сюзетта не хотѣла отдѣлать ея отца отъ его официального положенія, не хотѣла вполне оцѣнить его снисхожденія. Она говорила о дѣйствіяхъ *своего* отца, какъ о чемъ-то, стоящемъ выше подозрѣній и сомнѣній, къ чему онъ былъ вынужденъ своими врагами, которыхъ онъ пристыдилъ бы очень скоро, будь онъ живъ. Ей и Аделинѣ было рѣшительно все равно, что бы ни дѣлали; отецъ ихъ находился теперь внѣ людской злобы и когда-нибудь имя его очистится отъ вводимыхъ на него обвиненій. Аделина прибавила, что онѣ будутъ жить тамъ, гдѣ онъ ихъ оставилъ. Это были ихъ домъ и никто не можетъ отнять его у нихъ.

Луиза, движимая чувствомъ состраданія, соглашалась со всѣмъ. Ей казалось, что Сюзеттѣ слѣдовало бы выслушать съ большей сердечностью сожалѣнія ея отца. Но она вспомнила, что Сюзетта была всегда очень сдержана въ выраженіи своихъ чувствъ, и не стала се осуждать. Она замѣтила запущеніе, которое уже коснулось дома Норт-

вика; отчаяніе сестеръ выразалось во всемъ домашнемъ обиходѣ. Сестры не плакали, зато Луиза выплакала всѣ глаза надъ ихъ заброшенностью и ея слезы смягчили, наконецъ, несчастныхъ дѣвушекъ, возбудивъ въ ихъ душѣ что-то въ родѣ жалости къ самимъ себѣ. Онѣ пригласили Луизу остаться къ завтраку; ей очень не хотѣлось, но она подумала, что ей слѣдуетъ остаться. Завтракъ былъ плохо приготовленъ и очень скудно сервированъ; Луизѣ вообразилось, что онѣ начали морить себя голодомъ, и она чуть не расплакалась надъ своей чашкой чаю. Прислуживавшая имъ женщина имѣла такой злобщій, мрачный видъ; она двигалась взадъ и впередъ, неподвижно устремивъ глаза въ одну точку, плотно сжавъ губы и отъ нея несло слабымъ запахомъ конюшни. Это была миссисъ Ньютоу; она впустила Луизу въ домъ; другой прислуги молодая дѣвушка не видала.

Сюзетта ничего не сказала о ихъ планахъ на будущее время, а Луизѣ не хотѣлось разспрашивать ее объ этомъ. Луизѣ казалось, что ее приняли подъ флагомъ перемирія и что между ними откровенная бесѣда была неумѣстна. Обѣ сестры, повидимому, держали себя съ нею въ оборонительномъ положеніи. Но когда она встала, чтобы уйти, Сюзетта надѣла шляпу и жакетку и выразила желаніе пройтись съ нею до воротъ аллеи, навстрѣчу Симпсону, который долженъ былъ прѣхать за Луизою, чтобы отвезти ее на вокзалъ.

Былъ ясный мартовскій день; солнце стояло высоко на фонѣ голубого неба, а сойки хвастливо перекликались на вѣтвяхъ елей. Морозъ еще не покинулъ землю, но по тѣнистой дорогѣ было сухо.

Онѣ держались разговора о погодѣ; но вдругъ Сюзетта сказала неожиданно:

— Разумѣется, Луиза, твой отецъ долженъ сдѣлать то, что отъ него требуютъ, противъ... папы. Я это понимаю.

— Охъ, Сю...

— Не надо! Передай ему, пожалуйста, что я не такъ глупа, чтобы не понять этого.

— Я увѣрена, — отважилась Луиза, — онъ сдѣлаетъ все, чтобы помочь вамъ обѣимъ!

Сюзетта пропустила мимо ушей это выраженіе искренняго чувства.

— Мы не вѣримъ, чтобы папа сдѣлалъ что-нибудь дурное или что-нибудь такое, въ чемъ бы не могъ оправдаться, если бы онъ былъ живъ. Мы не позволимъ отнять у насъ его имущество, если только сможемъ это сдѣлать:

— Разумѣется, нѣтъ! Я увѣрена, и папа не захочетъ, чтобы вы позволили имъ это.

— Это значило бы признать, что они были правы, а мы *никогда* этого не признаемъ. Но я не виню твоего отца и мнѣ хочется, чтобы ты ему сказала это.

Луиза порывисто остановилась и поцѣловала Сюзетту. Ея любящему

оптимизму представилось въ эту минуту, что отнынѣ конецъ всѣмъ огорченіямъ. Она никогда хорошенько не могла взять въ толкъ, чтобы дѣло это было до такой степени непоправимо дурно. Ей оно представлялось въ родѣ недоразумѣнія, которое можно было вполне разъяснить, если бы люди согласились выслушать одинъ другого.

Сю высвободилась изъ ея объятій и сказала, отвернувшись въ сторону отъ своего друга:

— Это былъ тяжелый ударъ. Онъ умеръ; а намъ даже не довелось увидѣть его лежащимъ въ гробу.

— Ахъ, быть можетъ,—прорыдала Луиза,—онъ *не* умираетъ! Такъ много людей думаетъ, что онъ не...

Сюзетта отскочила отъ нея—суровая, глубоко оскорбленная.

— Неужели ты думаешь, что онъ оставилъ бы насъ безъ единаго слова... безъ малѣйшей вѣсти, если бы онъ былъ живъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ не могъ быть такъ жестокъ! Я этого не думала! Онъ умеръ и я всегда буду говорить такъ.

Она продолжала идти молча, но у воротъ Сюзетта, въ свою очередь, крѣпко обняла Луизу. Слезы стояли въ ея глазахъ, когда она сказала:

— Я бы хотѣла послать мой любящій привѣтъ твоей мамѣ... если ей будетъ это пріятно.

— Будетъ ли ей пріятно!

— И сказать твоему брату, что я никогда не забуду того, что онъ сдѣлалъ для насъ.

— Онъ никогда не забудетъ, что ты позволила ему сдѣлать это,—отвѣтила Луиза, горячо признательная за ея ласку.—Ему ужасно хотѣлось пріѣхать со мною, но онъ боялся показаться навязчивымъ.

— Навязчивымъ! Твой *братъ*!

Сю произнесла эти слова, словно Маттъ принадлежалъ къ существамъ какого-то высшаго порядка.

Страстность чувства, которою звучалъ ея голосъ, вызвалъ у Луизы новый потокъ слезъ.

— Маттъ хороший. Я передамъ ему твои слова. Ему будетъ пріятно ихъ услышать.

Онѣ смотрѣли на дорогу, но Симпсона было еще не видать.

— Не жди, Сю,—умоляла Луиза.—Пожалуйста, уходи! Ты въ конецъ разстроишь свое здоровье.

— Нѣтъ, я хочу побыть съ тобою, пока пріѣдетъ твой экипажъ,—отвѣчала Сюзетта. И онѣ минуту молча стояли рядомъ. Затѣмъ Луиза сказала:

— У Матта новая слабость: юноша, который пишетъ въ газетахъ...

— Въ газетахъ!—повторила Сю съ выраженіемъ отвращенія.

— О, но вѣдь онъ совсѣмъ не то, что другіе,—спѣшила объяснить Луиза.—Такой красавецъ, и такой интересный... блѣдный, больной. Онъ непременно будетъ поэтомъ, но пока ему приходится быть репор-

теромъ. Онъ ужасно уменъ; но Маттъ говоритъ, что онъ страшно бѣденъ и ему пришлось испытать такъ много тяжелаго въ жизни. Теперь, кажется, ему больше не потребуется интервьюировать... онъ интервьюировалъ папу, въ первый разъ; а бѣдный папа обращался съ нимъ ужасно рѣзко, а потомъ ему было очень жаль. Ему дадутъ какое-то другое занятіе въ газетахъ; не знаю, какъ это называется. Матту понравилось то, что онъ написалъ о... о твоихъ... огорченіяхъ, Сю.

— Гдѣ это было?—спросила Сю.—Всѣ статьи были гнусно фальшивы и жестоки.

— Его статья не была жестокою. Она напечатана въ «Обзорѣніи».

— А, теперь помню. Но онъ сказалъ, что папа взялъ деньги,—неумолимо возразила Сю.

— Неужели? Мнѣ казалось, онъ только сказалъ: *если* онъ взялъ ихъ. Я не вѣрю, чтобы онъ сказалъ еще чтонибудь. Матту не понравилась—бы такъ сильно статья, напиши онъ это. Еслибъ ты знала, какой онъ больной. Но онъ ужасно уменъ.

Экипажъ показался на подъѣмѣ дороги, и Симпсонъ бѣшено погналъ лошадей. Онъ всегда это дѣлалъ на виду у публики. Луиза снова обвила руками своего друга.

— Позволь мнѣ вернуться и остаться съ тобою, Сю! Или поѣдемъ со мной, ты и миссъ Нортвикъ. Мы всѣ будемъ такъ рады вамъ, мнѣ невыносимо больно оставлять тебя здѣсь одну. Мнѣ кажется это ужаснымъ.

— Правда твоя. Но легче переносить этотъ ужасъ здѣсь, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Когда-нибудь вся эта ложь разъяснится и тогда мы будемъ довольны, что перенесли свое горе тамъ, гдѣ онъ оставилъ насъ. Мы уже рѣшили, Аделина и я, что намъ дѣлать. Мы попробуемъ сдать въ наймы домъ съ мебелью на лѣто, а сами поселимся вотъ въ этомъ домикѣ.

Луиза оглянулась на мызу у воротъ аллея и сказала, что это будетъ великолѣпно.

— Здѣсь еще до сихъ поръ никто не жилъ,—продолжала Сюэтта.— А зимою мы снова можемъ перебраться въ нашъ домъ.

Эта мысль также показалась Луизѣ превосходной, и она разсталась со своимъ другомъ болѣе успокоенная, чѣмъ могла себѣ вообразить, когда онѣ свидѣлись. Она принесла съ собою домой это чувство душевнаго подъема и съумѣла, въ пересказѣ своихъ впечатлѣній, представить Сю почти въ цвѣтущемъ состояніи и вполне готовую уступить, если не покориться всему, что товарищество заставитъ Гилари сдѣлать. Въ ея воображеніи отецъ ея, такъ неохотно принявшійся за это дѣло, являлся въ нѣкоторомъ родѣ союзникомъ Нортвиковъ и ее огорчило, что ему, повидимому, не доставило удовольствія одобреніе Сю. Впрочемъ, въ общемъ онъ остался доволенъ всѣмъ, что она передала отъ

*

его имени сестрамъ, хотя положеніе дѣла далеко не казалось ему въ такомъ благоприятномъ свѣтѣ, какъ Матту. Луиза передала своему брату слова Сю, по поводу его нежеланія быть навязчивымъ и прибавила, что теперь онъ можетъ поѣхать повидаться съ ней.

XXII.

День или два спустя, Маттъ отправился въ Гатборо. Онъ засталъ Уэда у себя въ церкви и, не теряя времени, спросилъ у него:

— Уэдъ, что подѣлываетъ миссъ Нортвикъ? Бывалъ ли ты у нихъ за последнее время?

Уэдъ отвѣчалъ ему, что почти не видалъ старшей миссъ Нортвикъ, а съ Сюзеттой совсѣмъ не встрѣчался.

— Не знаю, зачѣмъ спросилъ я тебя объ этомъ, — сказалъ Маттъ, — вѣдь мнѣ все это извѣстно черезъ Луизу: она была у нихъ недавно и онѣ сказали ей. Въ дѣйствительности меня интересуетъ другое. Не знаешь ли ты, въ какомъ положеніи эта любовная исторія съ Джекомъ Уилмингтономъ? Не было ли съ его стороны попытки увидѣться съ нею послѣ того, какъ раскрылось это печальное дѣло съ ея отцомъ?

По обыкновенію, они совсѣмъ позабыли объ Аделинѣ Нортвикъ.

— Я вполне увѣренъ, что не было, — сказалъ Уэдъ, — хотя за другого отвѣчать трудно.

— Значить, тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній!

Маттъ отошелъ къ одному изъ готическихкихъ оконъ студи Уэда и сталъ глядѣть на улицу. Потомъ, вернувшись къ своему другу, сказалъ:

— Если онъ когда-нибудь серьезно любилъ ее, я думаю, онъ старался бы повидаться съ ней въ такое время, не правда ли?

— Не могу себѣ представить, почему онъ этого не дѣлаетъ. Я никогда не считалъ его пошлякомъ.

— Я тоже не считалъ его такимъ.

— Онъ бы такъ и поступилъ, если только... если только эта женщина не воспользовалась какимъ-нибудь обстоятельствомъ, которое даетъ ей власть надъ нимъ.

— Онъ показалъ себя, по меньшей мѣрѣ, настоящей тряпкой. Но я не считаю его негодяемъ... А что думаютъ здѣсь въ деревнѣ?

— Одни думаютъ всевозможныя безобразія, а другіе считаютъ всю эту исторію сущими пустяками... Здѣшняя публика привыкла смотрѣть сквозь пальцы на такихъ особъ, какъ миссисъ Уилмингтонъ или мистеръ Нортвикъ.

— Я не собираюсь съ ней ссориться по этому поводу, — молвилъ Маттъ съ невозмутимою ясностью философа, которую легко можно было принять за иронію при маломъ знакомствѣ съ нимъ. — Книга, изъ которой мы заимствовали свои религіозные принципы, учитъ насънисходительно судить о нашихъ ближнихъ.

— Она вовсе не учитъ насъ циническому индифферентизму,—замѣтилъ Уэдъ.

— Быть можетъ, ты ошибочно объясняешь побужденія здѣшняго общества.

— Не знаю. Иногда мнѣ просто страшно думать, какъ глубока наша нравственная испорченность въ извѣстныхъ направленіяхъ.

Маттъ не послѣдовалъ за притягательной силой, которая заключалась въ теоретическомъ изслѣдованіи этихъ вопросовъ для нихъ обоихъ. Онъ сказалъ, вернувшись неожиданно на личную почву бесѣды:

— Итакъ, по твоему мнѣнію, Уилмингтона не слѣдуетъ болѣе принимать въ соображеніе по отношенію къ ней?

— По отношенію къ миссъ Сю Нортвикъ? Не знаю, вполнѣ ли я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, долгъ каждаго изъ насъ... твой или мой... пойти къ этому человѣку и спросить у него: что онъ на самомъ дѣлѣ думаетъ, что онъ на самомъ дѣлѣ чувствуетъ? Я не хочу сказать этимъ, что надо просить его придти къ ней. Это было бы недостойно ея. Но, быть можетъ, онъ останется въ тѣни изъ ложнаго чувства деликатности, раскаянія, тогда какъ ему бы можно было объяснить, что его право, его привилегія стать для нея теперь всѣмъ, чѣмъ мужчина можетъ быть для женщины, в несравненно больше, чѣмъ какой бы то ни было мужчина можетъ надѣяться быть для счастливой женщины... Что ты скажешь объ этомъ? Вѣдь онъ могъ бы стать для нея оплотомъ, защитой, опорой, словомъ, всѣмъ?

Уэдъ сомнительно покачалъ головой.

— Это было бы бесполезно. Уилмингтонъ отлично понимаетъ, что такая дѣвушка никогда не позволитъ ему быть для нея ничѣмъ теперь, когда онъ пренебрегъ ея любовью прежде. Если бы даже онъ былъ все еще влюбленъ въ нее—въ чемъ я сомнѣваюсь—и тогда онъ не могъ бы этого сдѣлать.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, ты правъ,—сказалъ Маттъ. Послѣ небольшой паузы онъ прибавилъ:

— Ну, такъ я самъ долженъ пойти къ ней.

— Ты самъ долженъ пойти? Что ты хочешь сказать?—спросилъ Уэдъ.

— Кто-нибудь долженъ постараться объяснить имъ, каково ихъ настоящее положеніе. Не думаю, чтобы Луиза сумѣла сдѣлать это; мнѣ кажется, она и сама не знала, насколько судебное слѣдствіе затронетъ ихъ интересы. Я думаю, лучше мнѣ пойти и разъяснить имъ это дѣло начисто.

— Я думаю, въ такомъ объясненіи мало пріятнаго.

— Твоя правда,—сказалъ Маттъ,—я не жду ничего пріятнаго. Но я вывелъ изъ того, что мнѣ сказала Луиза, что она желала бы меня видѣть, и я думаю, мнѣ бы слѣдовало пойти къ ней.

Онъ высказалъ свою увѣренность въ вопросительной формѣ и Уэдъ искренно согласился съ нимъ.

— Ну, разумѣется. У тебя нѣтъ другого выбора.

Маттъ ушелъ отъ него съ лицомъ, дышавшимъ бодростью, если не надеждою.

Онъ увидалъ Сюзетту въ аллеѣ, въ костюмѣ для гулянья. Она шла ему навстрѣчу своей величавой, царственной походкой. При видѣ его она вздрогнула и затѣмъ почти побѣжала къ нему.

— Ахъ! это вы!—сказала она и отступила немного назадъ, а затѣмъ морывистымъ движеніемъ протянула ему свою руку.

Онъ взялъ эту руку въ обѣ свои и быстро заговорилъ:

— Вы идете куда-нибудь? Здоровы ли вы? Дома ли ваша сестра? Пожалуйста, не позволяйте мнѣ васъ задерживать! Можно ли мнѣ пойти съ вами?

Она печально улыбнулась.

— Я прохаживаюсь только здѣсь, въ аллеѣ. Что подѣлываетъ Луиза? Хорошо ли она доѣхала до дому? Какая она славная, что приѣхала сюда? Не веселое здѣсь мѣсто для гулянья?

— О, миссъ Нортвикъ! Какая вы добрая, что повидались съ нею. И насъ очень обрадовало... утѣшило... что вы не сердитесь ни на кого изъ насъ за то, что должно произойти. Я надѣюсь, вы не думаете, что я злоупотребилъ вашею добротою, придя къ вамъ!

— О, нѣтъ!

— Я только что былъ у Уэда.

Маттъ чувствовалъ, что покраснѣлъ.

— Но мнѣ какъ-то неловко, что я васъ увидѣлъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ вамъ поневолѣ приходилось принять меня!

— Я гуляю здѣсь каждый день утромъ,—уклончиво возразила она.— Мнѣ негдѣ гулять въ другомъ мѣстѣ. Я никогда не выхожу изъ этой аллеи. Аделина ходитъ иногда на деревню. А я не могу никого видѣть.

— Знаю,—сказалъ Маттъ съ нѣжнымъ сочувствіемъ. У него закружилась голова отъ внезапнаго желанія схватить ее въ объятія и укрыть ее отъ стыда и горя, терзавшихъ ея душу. Глаза ея выражали печаль и въ немъ сердце заняло отъ жалости. Онъ увидалъ—чего ранѣе не замѣчалъ—что глаза ея удивительно напоминали глаза ея отца.—Бѣдный Уэдъ!—продолжалъ онъ, не сознавая хорошенько, что говоритъ,—онъ говорилъ мнѣ... ему было очень грустно, что онъ не могъ васъ видѣть... сдѣлать что-нибудь...

— Зачѣмъ? Никто не можетъ ничего сдѣлать для насъ. Мы должны нести наше бремя. Но намъ не для чего увеличивать его тяжесть, встрѣчаясь съ людьми, которые думаютъ, что... что мой отецъ поступилъ дурно!

Маттъ почти задыхался. Онъ понялъ, что она соглашалась нести свой крестъ только подъ условіемъ непризнанія своего позора. Быть можетъ, по своей натурѣ она не могла воспринять этого факта и ей не требовалось большихъ усилій, чтобы создать теорію невинности

своего отца; быть может, всякое другое предположеніе было для нея невысказанно и очевидныя доказательства не имѣли никакого значенія для дѣйствительности, какъ она ее представляла себѣ.

— Отраднѣе всего для насъ, что никто изъ васъ не вѣритъ этому а вѣдь вашъ отецъ зналъ моего отца лучше, чѣмъ всякій другой. Боюсь, я не сумѣла объяснить Луизѣ, какъ сильно я это чувствую и Аделина тоже. Намъ трудно было высказать ей это; казалось, будто мы благодаримъ васъ за что-то, а между тѣмъ, это только должное моему отцу. Но мы обѣ глубоко чувствуемъ это, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы вашъ отецъ зналъ это. Я не осуждаю его за то, что намѣренъ сдѣлать. Судъ необходимъ для доказательства невинности моего отца. Я была очень несправедлива къ вашему отцу въ тотъ первый день, когда мнѣ показалось, что онъ думаетъ такія ужасныя вещи о папѣ. Мы глубоко цѣнимъ его доброту, но мы не хотимъ брать себѣ защитника на судѣ.

Матъ былъ поставленъ втупикъ. Что могъ онъ сказать на такое дикое смѣшеніе дѣльной правды и безысходнаго заблужденія? Онъ не зналъ, съ чего начать, чтобы открыть ей глаза. Онъ не находилъ возможнымъ произнести хоть одно слово, не оскорбляя ее любви, ее гордости.

Она заговорила торопливо, идя быстрымъ шагомъ, словно спѣша за стремительнымъ наплывомъ своихъ волненій.

— Мы не боимся, только бы имя нашего отца, который былъ всегда такъ безупречно-честенъ и такъ добръ ко всѣмъ, было очищено, а тѣ, кто его такъ гнусно обвинялъ, были наказаны по заслугамъ.

Она составила себѣ до такой степени ложное представленіе о положеніи и о характерѣ предстоявшаго процесса, что было бы невозможно объяснить ей все. Но онъ не могъ оставить ее въ ея заблужденіи и сдѣлалъ наконецъ попытку «просвѣтить» ее немного.

— Мнѣ кажется, отецъ мой хорошо сдѣлалъ, посоветовавъ вамъ обратиться къ адвокату. На судѣ рѣчь будетъ не о честности вашего отца, а о его состоятельности. Процессъ будетъ противъ его недвижимаго имущества. Надо позаботиться о томъ, чтобы вамъ самимъ не пришлось пострадать.

Она остановилась.

— Что намъ въ имущество, если его доброе имя не будетъ очищено?

— Боюсь... боюсь,—настаивалъ Матъ,—что вы меня не вполне понимаете.

— Если отецъ мой не имѣлъ намѣренія удержать чужія деньги, то процессъ покажетъ это,—возразила молодая дѣвушка.

— Но адвокатъ... Право, вамъ надо бы обратиться къ адвокату!.. адвокатъ могъ бы объяснить вамъ всю судебную процедуру... Искъ будетъ не противъ вашего отца, а противъ васъ.

— Противъ насъ? Что же, говорятъ, мы сдѣлали?

— Ничего! ничего! Но могутъ взять здѣсь все, что принадлежало вашему отцу... все, что у васъ здѣсь есть, для удовлетворенія его кредиторовъ. Вопросы о его неправотѣ не станутъ касаться. Не знаю, право, но вамъ бы слѣдовало взять адвоката, который защищалъ бы ваши права въ этомъ дѣлѣ.

— Если противъ насъ не заявлено никакихъ претензій, то намъ ничего не могутъ сдѣлать!

— Могутъ взять все, что только было у вашего отца, для уплаты его долговъ.

— Ну и пусть ихъ возьмутъ,—сказала молодая дѣвушка.—Если бы онъ былъ живъ, онъ бы выплатилъ свои долги. Мы не можемъ допустить, чтобы онъ сдѣлалъ что-либо для насъ, чего бы должно было стыдиться; чтобы онъ умышленно обидѣлъ кого-либо.

Маттъ видѣлъ, что главный вопросъ для нея заключался въ открытомъ признаніи невинности ея отца. Онъ не звалъ, является ли эта потребность ея души слѣдствіемъ гордой воли или выраженіемъ дѣйствительной увѣренности. Онъ зналъ только одно: онъ не желалъ оскорблять или мучить ее; пусть та святыня, которой не должна касаться человѣческая рука, остается во власти той таинственной силы, которую мы называемъ Провидѣніемъ. Вѣроятно, это тревожное состояніе выдало его мысли, потому что, взглянувъ ему въ лицо, она остановилась.

— Вы не думаете, что я права, мистеръ Гилари?

— Да, да!—началъ Маттъ. Онъ хотѣлъ сказать ей, что она права во всемъ, но подумалъ, что для него такая же святыня его правда, какъ для нея ея самообманъ. Поэтому онъ сказалъ:

— Я не имѣю права судить вашего отца. Ни въ какомъ случаѣ не желаю я дѣлать это. Конечно, я не думаю, чтобы онъ хотѣлъ нанести кому-нибудь ущербъ, если бы это зависѣло отъ его доброй воли.

— Благодарю васъ!—вскричала молодая дѣвушка.—Я вовсе не о томъ васъ спросила. Я знаю, каковы были намѣренія моего отца, и не нуждаюсь ни въ какихъ новыхъ увѣреніяхъ. Мнѣ жаль, что я обезпонила васъ всѣми этими чуждыми для васъ вопросами. Большое вамъ спасибо за вашъ добрый совѣтъ.

— Ахъ, не принимайте моихъ словъ такимъ образомъ!—вырвалось у него просто съ мольбою.—Я такъ горячо хочу быть вамъ полезнымъ... полезнымъ, какъ только можетъ быть лучшей другъ. Но я вижу, что оскорбилъ васъ. Не принимайте моихъ словъ въ дурную сторону. Вы бы никогда не приняли такъ моего намѣренія, если бы знали его! Если бы самое худшее, что говорить о вашемъ отцѣ, было въ десять разъ хуже, и тогда мои намѣренія не измѣнились бы и...

— Благодарю! благодарю!—сердито отвѣчала она.—Мнѣ кажется, мы говоримъ на разныхъ языкахъ, мистеръ Гилари. Было бы бесполезно продолжать нашу бесѣду. Мнѣ кажется, я должна съ вами проститься. Сестра ждетъ меня.

Она слегка кивнула ему головой, а онъ стоялъ въ сторонѣ, приподнявъ шляпу. Она стремительно прошла мимо него, а онъ продолжалъ стоять неподвижно, глядя ей въ слѣдъ послѣ того, какъ она исчезла за поворотомъ аллеи. Внезапно она появилась снова и быстро подошла къ нему.

— Я хотѣла сказать вамъ,—что бы вы ни думали и ни говорили,—я никогда не забуду того, что вы сдѣлали, и всегда буду благодарна за это.

Она бросила ему эти слова надменно, словно вызовъ, затѣмъ по-неслась вихремъ прочь отъ него и скоро снова скрылась изъ виду.

XXIII.

Вечеромъ, въ концѣ скуднаго обѣда, какимъ онѣ питались въ эти дни, Аделина обратилась къ сестрѣ съ слѣдующими словами:

— Элбриджъ говоритъ, что сѣно скоро выйдеть совсѣмъ. Надо рѣшить, что намъ дѣлать со всѣми этими лошадьми; не морить же ихъ голодомъ. Да и о коровахъ тоже надо подумать. Ихъ нечѣмъ кормить.

— Достанемъ немного денегъ и купимъ имъ корму—взяло отвѣчала Сюзетта. Аделина замѣтила по глазамъ ея, что она плакала; Аделина не спросила о причинѣ этихъ слезъ,—каждая изъ нихъ знала, почему плакала другая.

— Мнѣ все-таки страшно,—сказала старшая сестра.—Деньги уходятъ, какъ вода, не знаю, что съ нами будетъ скоро. Мнѣ кажется, намъ бы слѣдовало продать кое-какой домашній скотъ.

— Намъ нельзя этого сдѣлать. Вѣдь мы не знаемъ, нашъ онъ или нѣтъ.

— А чей же?

— Можетъ быть, скотъ принадлежитъ кредиторамъ. Надо подождать, пока процессъ кончится.

Аделина ничего не отвѣчала. Достаточно у нихъ было споровъ изъ-за этого процесса, въ которомъ обѣ ровно ничего не смыслили. Аделина всегда была того мнѣнія, что слѣдуетъ переговорить объ этомъ съ адвокатомъ; но Сюзетта ни за что не хотѣла. Даже когда въ это утро разсыльный принесъ и передалъ имъ какую-то бумагу, которую онъ называлъ «запрещеніемъ», онѣ не рѣшили между собою этого вопроса. Во-первыхъ, онѣ не знали, къ кому обратиться. У Нортвика имѣлся адвокатъ въ Бостонѣ; но онѣ жили въ невѣдѣніи, подобно большинству женщинъ, относительно такихъ дѣлъ и не знали его имени.

Теперь же Аделина рѣшилась дѣйствовать по своему собственному разумѣнію, но она скрыла свои намѣренія отъ Сюзетты, думая, что Сюзеттъ они не понравятся. Сестра ея ушла послѣ обѣда къ себѣ въ комнату. Тогда Аделина одѣлась и тихонько ушла изъ дому. Она захватила съ собою бумагу, оставленную разсыльнымъ, и крѣпостной

актъ на недвижимое имущество, переданный ей отцомъ вскорѣ послѣ смерти ея матери, когда Сю была еще маленькой дѣвочкой. Онъ сказалъ ей, что актъ этотъ былъ официальный документъ и она должна бережно хранить его. Съ тѣхъ поръ она всегда хранила его въ сундукѣ, гдѣ лежали ея старинныя кружева и часы ея матери, ни разу не заведенные со дня ея смерти.

Аделина не боялась вечерняго мрака, идя по дорогѣ и по пустыннымъ деревенскимъ улицамъ. Но когда она позвонила у дверей адвоката Путнэя, сердце въ ней забило такую тревогу, что ей казалось, будто оно готово выскочить изъ груди ея. Она пошла къ нему, потому что всегда слыхала, что, несмотря на свои періодическія выпивки, онъ былъ самый искусный адвокатъ въ Гатборо. Она была увѣрена, что онъ лучше всякаго другого сужметъ защитить ихъ права. Въ то же время ей хотѣлось, чтобы «судъ былъ правый», хотя бы имъ пришлось пострадать; пришла она къ Путнэю отчасти оттого, что ей было извѣстно его нерасположеніе къ ея отцу и она разсуждала, что такой человѣкъ будетъ менѣе способенъ посовѣтовать ей что-либо неправильное въ ея интересахъ, чѣмъ болѣе дружественная личность.

Путнэй самъ пошелъ отворить двери, что онъ дѣлалъ по вечерамъ, когда бывалъ дома. Онъ едва могъ удержаться отъ выраженія своего изумленія при видѣ миссъ Нортвикъ.

— Могу я зайти... зайти... зайти... къ вамъ на минуту, — проговорила она, заикаясь, — по... по одному... судебному дѣлу?

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Путнэй съ видомъ серьезной вѣжливости. — Не угодно ли вамъ пожаловать?

Онъ провелъ ее въ гостиную, гдѣ читалъ, когда она позвонила, и подалъ ей кресло; а затѣмъ заперъ дверь въ гостиную и ждалъ, чтобы она дала ему бумаги, которыя шелестили въ ея нервно зажатой рукѣ.

— Миѣ надо показать вамъ прежде вотъ эту, — сказала она, подавая ему приказъ о наложеніи запрещенія на ихъ имущество. — Ее оставилъ утромъ разсыльный и мы не знаемъ, что это значитъ.

— Это значитъ, — объяснилъ Путнэй, — что кредиторы вашего отца возбудили искъ противъ его имущества и наложили на него запрещеніе, такъ что вы не можете ни продать его, ни передать какимъ-нибудь инымъ путемъ въ другія руки. Если судъ признаетъ его несостоятельнымъ, то все, что ему принадлежитъ, должно пойти на уплату его долговъ.

— Что же намъ дѣлать? Мы не въ состояніи покупать кормъ для такой массы коровъ и лошадей и имъ придется голодать, — воскликнула Аделина, чуть не плача.

— Я думаю, не долго, — сказалъ Путнэй. — Судъ пришлетъ кого-нибудь для надзора за имѣніемъ, а затѣмъ всѣ эти коровы и лошади поступятъ къ вѣдѣнію кредиторовъ.

— А насъ они выгонятъ вонъ? Могутъ ли они отнять у насъ домъ?

Это нашъ домъ.. мой и моей сестры... Вотъ документы, которые отецъ мой передалъ мнѣ много лѣтъ тому назадъ. Онъ сказалъ, что это официальные акты.

Голосъ ея сталъ пронзительнымъ отъ душившихъ ее слезъ.

Путнэй взялъ документы и пробѣжалъ нотаріальную запись на оборотъ ихъ, прежде чѣмъ занялся ихъ чтеніемъ. Аделинѣ казалось, что онъ читалъ ихъ ужасно медленно, ее томили мучительные страхи, пока онъ не вернулъ ихъ ей обратно.

— Земля и домъ, и всѣ постройки принадлежатъ вамъ и вашей сестрѣ, миссъ Нортвикъ, и кредиторы вашего отца не могутъ ихъ коснуться.

Слезы такъ и покатались изъ глазъ Аделины; она бессильно откинулась на спинку кресла и безмолвныя крупныя слезы текли по ея измученному лицу. Послѣ небольшой паузы Путнэй мягко сказалъ:

— Это все, что вы желали спросить у меня?

— Все,—отвѣчала Аделина и принялась машинально собирать свои бумаги. Онъ помогъ ей.

— Сколько должна я заплатить?—спросила она. Въ голосѣ ея слышалась тревога, которую она напрасно старалась скрыть.

— Ровно ничего. Я не оказалъ вамъ никакой юридической услуги. Почти всякій, кому бы вы ни показали эти бумаги, могъ дать вамъ тѣ же свѣдѣнія, что и я.

Она пыталась пролететь слова признательности и протеста, пока онъ отворялъ ей двери.

— Какъ! вы однѣ?—удивился онъ, когда они вышли на крыльцо.

— Да. Я совсѣмъ не боюсь...

— Я провожу васъ домой.

Путнэй досталъ свою шляпу съ вѣшалки и накинулъ на себя поношенное пальто, болтавшееся подъ вѣшалкой.

Аделина пробовала отказаться, но была не въ силахъ это сдѣлать. Она вся дрожала и, казалось, вотъ-вотъ упадетъ. Она взяла его руку и, спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась возлѣ него въ спокойной тиши ранней весенней ночи.

— Миссъ Нортвикъ,—сказалъ онъ, спустя немного,—мнѣ бы хотѣлось дать вамъ маленькій совѣтъ.

— Ну?—кратко произнесла онѣ дрожащимъ голосомъ.

— Никому не позволяйте вводить васъ въ издержки, чтобъ оспаривать у кредиторовъ этотъ искъ. Это было бы вполне бесполезно. Вашъ отецъ запутался по уши...

— Онъ былъ несчастливъ, но онъ не сдѣлалъ ничего дурного,—съ нервною торопливостью встала Аделина.

— Рѣчь не о томъ,—возразилъ Путнэй съ улыбкою, которую онъ могъ себѣ позволить подъ покровомъ ночной тьмы.—Но онъ задолжалъ

огромную массу денегъ и кредиторамъ его, безъ сомнѣнія, легко будетъ доказать свои права на все его имущество, исключая недвижимаго.

— Сестра моя не хотѣла и слышать объ этомъ искѣ. Мы намѣревались оставить его идти своимъ чередомъ.

— Это самое лучшее въ вашемъ дѣлѣ,—одобрилъ Путнэй.

— Но мнѣ хотѣлось узнать, могутъ ли они отнять у насъ домъ и землю.

— Хорошо. Могу васъ увѣрить, они не имѣютъ права коснуться ни дома, ни земли. Если у васъ явится какое-нибудь сомнѣніе, приходите ко мнѣ опять... Когда вамъ будетъ угодно.

— Я непремѣнно приду, мистеръ Путнэй,—смирненно отвѣчала старая дѣвушка. Она позволила ему проводить себя домой, по аллеѣ, пока они не подошли совсѣмъ близко къ дому. Тутъ она выдернула свою руку изъ подъ его руки и поблагодарила его съ трогательнымъ тихимъ смѣшкомъ.

— Не знаю, что скажетъ Сюэтта, если узнаетъ, что я обратилась къ вамъ за совѣтомъ,—сказала она, какъ бы прося его этими словами не выдавать ея тайны.

— Ваше дѣло сказать ей объ этомъ или нѣтъ,—степенно отвѣчала Путнэй.—Но для васъ самихъ было лучше дѣйствовать заодно. Вамъ понадобятся всѣ ваши соединенныя усилія въ этомъ дѣлѣ.

— Ахъ, я скажу ей,—молвила Аделина.—Я не жалѣю объ этомъ и вполне раздѣляю ваше мнѣніе, мистеръ Путнэй.

— Ну, я очень радъ этому,—отвѣтилъ Путнэй; словно это было милостью съ ея стороны.

Когда онъ вернулся домой; жена его спросила:

— Куда это ты запропастился, Ральфъ?

— О, я только немножко приударилъ за Аделиной Нортвикъ «во мракѣ ночномъ».

— Ральфъ, что за вздоръ ты болтаешь?

Онъ разсказалъ ей. Обоихъ трогала и забавляла неожиданная перемена ихъ отношеній къ Нортвикамъ.

— Просто уму непостижимо, какъ это ей вздумалось обратиться за совѣтомъ именно къ тебѣ въ такую тяжелую минуту!

— Н-да,—сказалъ Путнэй. Но, вѣдь, ты же знаешь, Элленъ, я всегда былъ большимъ пріателемъ Нортвика.

— Ральфъ!

— Ахъ, я бы могъ провести всю свою жизнь, обличая его, какъ площеніе испорченности нравовъ и кару нашей общины, но я всегда любилъ его, Элленъ. Да, я очень любилъ Джона Мильтона, ожидая, что онъ окажется первокласснымъ мошенникомъ, чтобы понять, какъ *сильно* я его любилъ. Я не сомнѣваюсь, очутись онъ снова среди насъ, въ привлекательномъ одѣяніи обитателей здѣшней тюрьмы, я сталъ бы закадычнымъ другомъ брата Нортвика.

XXIV.

Причины, заставившія Аделину обратиться въ затрудненіи къ Путнею, помогли ей убѣдить и Сюзетту. Въ настоящемъ крайне-стѣсненномъ положеніи, которое все болѣе и болѣе обострялось, сестры были рады послѣдовать его совѣту; обѣ онѣ были увѣрены, что, подавая его, Путней дѣйствовалъ сообразно съ требованіями закона и справедливости, безъ всякаго личнаго отношенія къ нимъ. Эта мысль утѣшала ихъ и онѣ смѣло полагались на его слова, какъ на слова честнаго и искренняго врага. Онѣ вспомнили, что въ послѣдній вечеръ, проведенный вмѣстѣ съ ними, отецъ ихъ говорилъ о Путней, извиняя его несчастную слабость и восхищаясь его даровитостью. Теперь онѣ не дѣлали ни одного шагу безъ его совѣта. Онѣ покинули большой домъ, прежде чѣмъ кредиторы вступили во владѣніе движимымъ имуществомъ Нортвика, и поселились въ маленькомъ домикѣ, построенномъ для привратника у воротъ въ аллею. Онѣ омеблировали свое новое жилище, перенесли сюда тѣ немногія вещи, которыя могли считать безусловно своими изъ ихъ прежней обстановки, и докупивъ остальные на наличныя деньги, которыя остались у Сюзетты въ банкѣ на ея имя. Онѣ оставили все цѣнное въ покинутомъ ими домѣ, даже всѣ свои дорогія платья, наряды и брилліанты. Онѣ предпочли поступить такимъ образомъ и Путней одобрилъ ихъ поведеніе; онъ зналъ, что въ этомъ случаѣ ихъ неукротимая гордость подвергалась меньшимъ оскорбленіямъ.

Ньютоны продолжали себѣ спокойно жить въ своемъ помѣщеніи. Домашняя утварь была ихъ собственная, а постройка принадлежала «дѣвцамъ Нортвика», какъ называли ихъ Ньютоны. Миссисъ Ньютонъ ходила каждый день помогать имъ по хозяйству въ ихъ новомъ домѣ. Элбриджъ и его жена прожили здѣсь съ ними нѣсколько недѣль, пока онѣ не объявили, что не боятся остаться однѣ. Элбриджъ охранялъ ихъ права, насколько онъ могъ ихъ отстоять въ наступившемъ расхищеніи. Онъ запиралъ ворота въ аллею, не пуская тѣхъ, кто приходилъ на продажу, производившуюся агентомъ товарищества, и заставляя ихъ входить и уносить свои покупки черезъ ферму; онъ причинялъ этимъ непрощенымъ гостямъ всевозможныя помѣхи и безобразія, гдѣ только можно было это сдѣлать на законномъ основаніи.

Его уваженіе къ закону исчерпывалось всецѣло его отношеніями къ Путнею, колкое остроуміе котораго внушало Элбриджу такое почтеніе, какого онъ не чувствовалъ къ другимъ добродѣтелямъ въ человѣкѣ. Путней сговорился съ нимъ взять домъ Нортвика и управлять имъ на акціяхъ въ пользу «дѣвицъ Нортвика»; онъ раздобылъ для него двухъ старыхъ лошадей, которыя были нужны Элбриджу для дѣла, и одну изъ недорогихъ коровъ.

Остальныя коровы и другой домашній скотъ были распроданы со-сѣднимъ джентльменамъ-фермерамъ, имѣвшимъ страсть къ породистому скоту. Всѣ лошади, хорошія, плохія и посредственныя, были отосланы для распродажи въ Бостонъ. Изъ оранжерей было разграблено все самое цѣнное; изъ прежнихъ затѣй и сооруженій ничего не осталось, кромѣ кое-какихъ земледѣльческихъ орудій, одной или двухъ повозокъ, да старой коляски, которую Путнэй оттягаль для Элбриджа.

Затѣмъ, когда вся эта кутерьма окончилась, онъ сдѣлалъ въ газетахъ объявленіе о сдачѣ дома въ наймы на извѣстный срокъ, но не найдя постоянного арендатора до открытія сезона, отдалъ его въ наймы какой-то отважной спекуляторшѣ, которая предложила наполнить его лѣтомъ дачниками и обязалась уплачивать наемныя деньги помѣсячно, впередъ, чтобы дать возможность дочерямъ Нортвика жить на эти деньги, не боясь нужды, въ привратничкомъ домикѣ. Въ будущемъ Путнэй придумалъ планъ продажи земельного участка близъ вилъ Южнаго Гатборо, небольшими клочками подходящимъ покупателямъ. Эта операція представлялась весьма выгодною, такъ какъ цѣны на землю въ Южномъ Гатборо сильно поднялись за послѣднее время.

Помогая дочерямъ Нортвика удержать за собою все, что только можно было вырвать изъ цѣпкихъ лапъ кредиторовъ ихъ отца, Путнэй утверждалъ, что защищаетъ только ихъ права; а всякая борьба противъ корпораціи есть въ своемъ родѣ священная война. Онъ открыто объявлялъ, что совѣсть его вполне спокойна, и далъ слово, что не позволитъ постороннимъ людямъ тревожить ее. Онъ извинился передъ мистеромъ Герришемъ за веденіе дѣлъ двухъ безпомощныхъ женщинъ, у которыхъ не было друзей, тогда какъ ему надлежало бы присоединиться къ Герришу и наказать ихъ за грѣхи ихъ отца, какъ это сдѣлалъ бы каждый респектабельный человѣкъ. Онъ просилъ Герриша не забывать, какого сорта жалкимъ субъектомъ онъ былъ всегда, пропивая свое собственное имущество, между тѣмъ какъ Герришъ ловко и благополучно пожиралъ дома своихъ ближнихъ. На этомъ основаніи онъ умолялъ Герриша оказать ему снисхожденіе.

Необычайныя отношенія, завязавшіяся у него съ дочерьми Нортвика, доставили ему столько волненій и удовольствій, что онъ упустилъ «чортовъ дивидендъ», какъ онъ называлъ свои періодическія попойки. Онъ «крѣпился» дольше обыкновеннаго и такого продолжительнаго періода трезвости уже много лѣтъ не знавали за нимъ его достопочтенные сограждане.

Но Путнэй былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые вообще не могутъ пользоваться у добрыхъ людей вѣрою въ ихъ высшія душевныя побужденія. Онъ слишкомъ часто насмѣхался надъ тѣмъ, что у добрыхъ людей принято считать высшими душевными побужденіями; онъ ставилъ добрыхъ людей втупикъ и оскорблялъ ихъ; а такъ какъ никто изъ закадычныхъ друзей его не могъ прегендовать на признаніе за

нимъ респектабельности въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, то добрые люди приписывали ему вообще корыстныя побужденія или, по меньшей мѣрѣ, циническія.

Аделина Нортвикъ воспользовалась визитомъ своимъ къ доктору Морреллу насчетъ мучившаго ее дурного пищеваренія, чтобы вывѣдать его мнѣніе объ управленіи Путнэя ея дѣлами. Если бы докторскіе порошки не оказали ей такой существенной пользы, то, быть можетъ, она не положила бы на его завѣренія, что Путнэй дѣйствовалъ умно и вполнѣ безкорыстно по отношенію къ ней и къ ея сестрѣ.

— Онъ иной разъ говоритъ такія невозможныя вещи, — сказала она.

Но она крѣпко держалась за Путнэя и полагалась на него во всемъ, не столько изъ слѣпого довѣрія, къ нему, сколько потому, что не знала никого другого, кому бы могла довѣриться. Пользоваться добротой мистера Гилари, разумѣется, стало немислимо для обѣихъ сестеръ. И самъ онъ по необходимости пересталъ предлагать имъ прямо свои услуги, а Сю упорно отталкивала всѣ заискиванія и предложенія Луизы съ того послѣдняго дня, какъ онѣ видѣлись. Луиза хотѣла опять поѣхать къ ней; но Сю отвѣчала ей уклончиво на всѣ ея письма, а наконецъ и совсѣмъ перестала ей отвѣчать. Наружное проявленіе ихъ дружбы прекратилось. Луиза не сердилась на своего друга; она понимала, жалѣла и простила ее; она говорила себѣ, что на мѣстѣ Сю сдѣлала бы то же, но по всей вѣроятности, оставаясь сама собою, она бы не сдѣлала того, что дѣлала Сю, даже на мѣстѣ Сю. Она вспоминала о Сю съ нѣжнымъ постоянствомъ, когда ихъ открытая близость стала невозможной. Задолго до наступленія распродажи имущества Нортвика, Луиза придумала планъ, который былъ приведенъ въ исполненіе Уэдомъ съ помощью Путнэя. Тѣ изъ принадлежавшихъ сестрамъ вещей, которыми онѣ рѣшились пожертвовать, были выкуплены и возвращены имъ такимъ образомъ, что имъ невозможно было отказаться взять обратно платя, брилліанты и особенно ими любимую мебель, которую Луиза присоединила къ этимъ вещамъ.

Каждая изъ сестеръ поступила въ этомъ случаѣ по своему; Аделина просто и искренно ликовала, получивъ свои вещи обратно, а Сю отдала свои Аделинѣ на храненіе и выразила желаніе, чтобы вещи эти никогда не попадались ей на глаза.

Конецъ части первой.

ИДЕЯ РАВЕНСТВА СЪ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

(C. Bouglé, «Les idées égalitaires». Etude sociologique, Paris 1899).

Сдѣлать идею равенства предметомъ спеціального соціологическаго изслѣдованія, несомнѣнно, очень счастливая мысль. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ привѣтствовать, когда за выполненіе ея берется такой талантливый молодой ученый, какъ Бугле. Авторъ «соціологическаго этюда объ идеѣ равенства» уже извѣстенъ русской публикѣ, благодаря переводу на русскій языкъ его перваго труда—«Соціальныя науки въ Германіи».

Бугле не удовлетворяла постановка соціальныхъ наукъ во Франціи, и онъ отправился искать для нихъ болѣе прочныхъ и рациональныхъ основъ въ Германіи. Оттуда онъ вывезъ не только матеріалъ и тему для своего перваго сочиненія, но и цѣлое научное направленіе. Бугле объединяетъ въ своемъ лицѣ французскую и нѣмецкую школу соціальныхъ наукъ; онъ пользуется методами и результатами изслѣдованія, добытыми лучшими представителями соціологии той и другой страны.

Въ своемъ новомъ трудѣ Бугле самъ признаетъ, что больше всего онъ обязанъ Зиммелю и Дюркгейму. Оставляя въ сторонѣ его личныя отношенія къ Дюркгейму, какъ ученика къ учителю, которому онъ посвящаетъ свою новую книгу, мы должны признать, что въ научномъ отношеніи онъ особенно обязанъ Зиммелю. Его сочиненіе чрезвычайно интересно тѣмъ, что оно представляетъ попытку выполнить по отношенію къ одному частному вопросу программу, поставленную Зиммелемъ для соціологическихъ изслѣдованій вообще. Сущность этой программы заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать тѣ элементы и стороны общественнаго строя и соціальной жизни, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ ни въ одну изъ до сихъ поръ выдѣлившихся и существующихъ общественныхъ наукъ. Соціология, по мнѣнію Зиммеля, не должна повторять въ болѣе общей формѣ того, что уже дѣлается исторіей вообще и исторіей культуры въ частности, а также различными политическими и юридическими науками, какъ напр. политической экономіей и др.; она должна только пользоваться матеріаломъ, добытымъ ими. Спеціальная же задача ея состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать общество просто какъ собраніе людей, и слѣдить за тѣмъ,

какъ измѣняется характеръ отдѣльныхъ индивидуумовъ, цѣлыхъ социальныхъ группъ и всего общества вслѣдствіе видоизмѣненія социальныхъ связей, т.-е. благодаря тому, что одни и тѣ же лица живутъ вмѣстѣ или врозь, соединяются, разобщаются, группируются и комбинируются наново самымъ разнообразнымъ образомъ. Такимъ образомъ, предметомъ социологій въ этомъ смыслѣ Зиммель хочетъ сдѣлать собственно социальныя явленія или тѣ наслоенія въ жизни лицъ и социальныхъ группъ, которыя происходятъ отъ упоченія старыхъ и заключенія новыхъ общественныхъ отношений и связей.

Достаточно просмотрѣть оглавленіе сочиненія Бугле, чтобы имѣть болѣе точное представленіе о томъ, что надо подразумѣвать подъ социальной стороной общества въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Прежде всего, Бугле разсматриваетъ вліяніе численнаго состава общества, или количества, густоты и подвижности населенія на его характеръ и на распространеніе въ немъ идеи равенства. Затѣмъ онъ переходитъ къ изслѣдованію значенія качественного состава общества, т. е. однородности или разнородности элементовъ, составляющихъ его. Слѣдующій вопросъ заключается въ томъ, насколько усложненіе общественныхъ отношений и общественной жизни или возрастаніе числа и сложности частныхъ социальныхъ группъ и подраздѣленій отражается на успѣхѣхъ или неуспѣхѣхъ идей равенства. Наконецъ, послѣдняя проблема состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить дѣйствіе большаго или меньшаго объединенія общества на упоченіе равенства между членами его.

Что касается до соотношенія между количественнымъ составомъ общественной группы и распространеніемъ въ ней идеи равенства, то «въ исторіи западно-европейскихъ цивилизацій увеличеніе числа индивидовъ въ каждой социальной группѣ обыкновенно сопровождалось также стремленіемъ къ равенству ея членовъ. Уваженіе къ идеямъ феодализма все больше падало вмѣстѣ съ ростомъ числа лицъ, объединенныхъ современными великими націями. Между тѣмъ количественный ростъ обязателенъ для цивилизованныхъ націй; для каждой изъ нихъ, повидимому, является жизненною необходимостію ассимилировать возможно большее количество личностей. Стремленіе къ захвату и поглощенію является характернымъ для нашихъ обществъ. Они образовались путемъ поглощенія болѣе мелкихъ группъ, и можно сказать, что еще теперь они постоянно дѣлаютъ усилія, чтобы поглотить другъ друга. Впрочемъ, количество ихъ членовъ растетъ не только благодаря внѣшнему росту страны, а еще болѣе благодаря внутреннему возрастанію населенія. Извѣстно, что во всѣхъ нашихъ обществахъ, по крайней мѣрѣ до послѣднихъ десятилѣтій, наблюдался громадныи приростъ народонаселенія, происходившій съ невѣроятной быстротой, и это—сравнительно недавнее явленіе, характерное только для нашего времени. А вмѣстѣ съ количественнымъ ростомъ нашихъ обществъ идетъ распространеніе и упоченіе идеи равенства». Но намъ могутъ противопоставить великія го-

сударства древности, которыя, какъ, напр., Ассирія, занимали въ тысячу разъ большія пространства, чѣмъ маленькіе греческіе города и въ то же время во столько же разъ были дальше отъ уравнивательныхъ тенденцій, чѣмъ эти послѣдніе. Однако, это значило бы забыть, что намъ важны только тѣ количественныя соотношенія, которыя имѣютъ *соціальное* значеніе, или тотъ ростъ общества, который ведетъ къ усложненію, уразнообразенію и учащенію *соціальныхъ* отношеній. Неизмѣримость территоріи, охваченной одной имперіей, не имѣетъ никакого значенія, если между ея подданными на практикѣ нѣтъ почти никакой связи. Поэтому, напр., города со своимъ скученнымъ населеніемъ являются особенно благоприятной средой для процвѣтанія идей равенства. Съ своей точки зрѣнія, Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ вполне правъ, когда утверждалъ, что «въ городахъ господствуетъ нездоровая атмосфера». Между тѣмъ количественное возрастаніе нашихъ современныхъ обществъ все больше принимаетъ форму концентраціи народонаселенія въ городахъ, которые способствуютъ воспріятію и наибольшему распространенію идей равенства.

Но не только количество и густота или скученность населенія, образующаго одно общество, создаютъ ту *соціальную* среду, которая уже по внѣшнимъ условіямъ благоприятствуетъ идеѣ равенства. Не меньшее значеніе для послѣдней имѣетъ подвижность членовъ общества или способность ихъ въ наименьшее время проходить возможно большія пространства. Для уясненія этой стороны тѣхъ же соотношеній между количествомъ общественныхъ элементовъ и характеромъ общества—Бугле прибѣгаетъ къ естественно-научной параллели. «Химія,—говоритъ онъ,—чтобы опредѣлить составъ какого-нибудь тѣла, принимаетъ въ расчетъ не только число частицъ элементовъ, между которыми она проводитъ различіе, но и быстроту, также какъ и частоту движенія, охватывающаго эти элементы. Еще въ болѣе степени и *соціологія* должна обращать вниманіе на подвижность *соціальныхъ* элементовъ для того, чтобы объяснить природу и эволюцію *соціального* цѣлаго. Притомъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, *соціальная* группа увеличивается численно вмѣстѣ съ увеличеніемъ ея подвижности. Если, слѣдовательно, существуетъ извѣстное соотношеніе между количественнымъ ростомъ общества и успѣхомъ идей равенства, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что народы, наиболѣе склонные къ признанію равенства, являются въ то же время наиболѣе подвижными».

Мы должны, однако, доказать, что это соотвѣтствіе между внѣшними свойствами и-внутреннимъ характеромъ общества—не случайное совпаденіе: что увеличеніе числа гражданъ является, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ условій развитія идеи равенства. Для этого намъ надо уяснить, посредствомъ какихъ промежуточныхъ звеньевъ и благодаря какимъ общимъ законамъ одно явленіе можетъ вызвать другое.

Обратимся для этого къ разсмотрѣнію измѣненій въ психической жизни человѣка, происходящихъ подъ вліяніемъ общества. Вглянувъ на тѣ-же явленія съ этой точки зрѣнія, намъ, сравнительно легко будетъ раскрыть, согласно какимъ психологическимъ законамъ образованія нашихъ представленій и понятій количественный ростъ общества ведетъ за собой уваженіе къ каждой человѣческой личности и признаніе всѣхъ ихъ равноправными между собой. Расширеніе соціальныхъ круговъ, которые насъ объединяютъ, помогаетъ намъ проникаться идеей, что, несмотря на всевозможныя соціальныя дѣленія, существуетъ человѣчество, къ которому принадлежатъ всѣ люди, независимо отъ расы, происхожденія, общественнаго положенія и т. д. Сама идея человѣчества есть не что иное, какъ расширение идеи семьи, города и вообще общества на всѣхъ людей. Поэтому реальное расширение соціальныхъ формъ благоприятствуетъ идеальному расширенію взгляда на общество и человѣка. Но увеличеніе числа гражданъ не только способствуетъ расширенію кругозора по отношенію къ человѣку вообще. Оно ведетъ также къ болѣе близкому соприкосновенію однихъ лицъ съ другими, благодаря возрастающей густотѣ населенія, и къ измѣненію взгляда на cadaго отдѣльнаго человѣка. Въ рѣдко населенной странѣ извѣстный слой общества можетъ остаться скрытымъ и недоступнымъ для всей остальной массы населенія, а тайна, окружающая его, должна на долго сохранить ему престижъ и обезпечить почтеніе всѣхъ остальныхъ классовъ общества. Въ противоположность этому, у очаговъ современной общественной жизни, гдѣ столько лицъ приходитъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, гдѣ всякій привыкаетъ видѣть вблизи себя самыхъ различныхъ людей,—уваженіе къ отдѣльнымъ классамъ, занимающимъ привилегированное и исключительное положеніе, падаетъ. Въ этомъ смыслѣ города являются настоящей фабрикой непочтенія и неуваженія къ высокопоставленнымъ элементамъ общества. «Сожительство мѣщанъ и дворянъ въ городахъ Италіи въ эпоху Возрожденія», замѣчаетъ Буркгардтъ, «способствовало прогрессу индивидуализма». Густота населенія ведетъ такимъ образомъ за собой фактическое сліяніе разнообразныхъ общественныхъ элементовъ. Огромный прогрессъ по отношенію къ идеѣ равенства былъ достигнутъ тогда, когда надъ идеей, что извѣстныя лица имѣютъ одинаковыя права потому, что въ жилахъ ихъ течетъ одинаковая кровь,—восторжествовала идея, что они имѣютъ одинаковыя права потому, что они живутъ на одной и той же территоріи. Отсюда оставалось сдѣлать только одинъ шагъ до признанія принципа, что достаточно родиться въ границахъ извѣстной территоріи, чтобы обладать извѣстными политическими и гражданскими правами. Такимъ образомъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія увеличеніе числа членовъ общества настраиваетъ самыми различными и многообразными путями умы на воспріятіе идей равенства.

Разсмотрѣвъ вопросъ о вліяніи количественнаго состава общества на распространеніе въ немъ идеи равенства, мы должны перейти къ анализу значенія его качественного состава. Не представляется ли при этомъ само собой очевидной истиной, что чѣмъ однороднѣе общество тѣмъ болѣе оно доступно идеѣ равенства? Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣйствительность далеко не подтверждаетъ этого предположенія. Абсолютно простыми и однородными бывають только самыя небольшія соціальныя группы, какъ, напр., семья или община. Соціальная группа даже не можетъ вообще увеличиваться безъ того, чтобы не утрачивать своей однородности. Поэтому полное объединеніе и однородное образіе формъ возможно только для небольшой по своему объему общественной организаціи. Если же небольшое общество достигаетъ своего полнаго вывелированія, то оно пріобрѣтаетъ всѣ шансы для того, чтобы дѣлаться замкнутымъ и исключительнымъ—и соотвѣтственнымъ образомъ настраивать своихъ членовъ. Кромѣ того, безусловное однородное образіе и однородность превращаетъ общество не только въ замкнутое, но и въ нетерпимое, не только въ исключительное, но и въ угнетающее. Члены такого общества не могутъ сильно различаться между собой или вообще какъ бы то ни было дифференцироваться, а всякая выдвигающаяся впередъ личность необходимо должна быть подавляема. Поэтому въ такомъ обществѣ не можетъ даже развиваться представленіе о человѣческой личности и равенствѣ всѣхъ людей, а все говоритъ за то, что права личности будутъ въ немъ отрицаться. Такимъ образомъ, небольшія соціальныя группы представляютъ по большей части массу различныхъ формъ угнетенія человѣческой личности. Или, иными словами, безусловная однородность соціальныхъ круговъ, приучдая ихъ къ узости, стоитъ въ противорѣчіи съ проникновеніемъ въ нихъ идей гуманизма и равенства.

Съ другой стороны, однако, если кто-нибудь попытается составить общество изъ абсолютно—различныхъ индивидуальностей, то получить только коллекцію оригиналовъ, которые не могутъ быть сведены къ одному знаменателю, т.-е. въ данномъ случаѣ обобщены. По отношенію къ нимъ нельзя будетъ найти точки опоры, чтобы привести ихъ къ какой-либо организаціи на основахъ равенства. Такую коллекцію оригиналовъ нельзя даже будетъ подвести подъ одно общее понятіе человечества. Такимъ образомъ, если безусловная общественная вывелировка препятствуетъ возникновенію понятія о личности, то безусловное несходство индивидуальностей не позволяетъ намъ, имѣя только ихъ въ виду, возвышаться до идеи человечества. Въ виду этой полной невозможности какой бы то ни было соціальной организаціи изъ безусловно разнородныхъ элементовъ понятно, почему конкретныя общества этого типа состоятъ не изъ разнородныхъ единицъ, а лишь изъ разнородныхъ группъ, сами же эти группы по своему составу вполне однородны. Такъ, напр., въ кастовомъ строѣ Индіи между кастами нѣтъ

ничего общаго, а, слѣдовательно, и все общество крайне неоднородно и не ассимилировалось, но сами касты представляютъ изъ себя вполне однородныя и равноправныя группы людей. Также точно въ обществахъ, состоящихъ по преимуществу изъ крестьянскаго населенія, высшіе слои часто не имѣютъ никакого соприкосновенія и никакой связи съ низшими, между тѣмъ какъ крестьянскія общины сами по себѣ вполне однородны и члены ихъ совершенно равноправны между собой. Такимъ образомъ, общества этого типа представляютъ изъ себя объединеніе двухъ крайностей: представленныя ими болѣе мелкія социальныя единицы являются образцовыми по ассимиляціи и нивелировкѣ ихъ элементовъ, все же общество въ цѣломъ, или государство, можетъ служить типичнымъ примѣромъ неоднороднаго состава. Объединеніе этихъ двухъ крайностей въ одномъ обществѣ оказывается наиболѣе невыгоднымъ для идеи равенства. Въ такихъ обществахъ обыкновенно господствуетъ крайнее неравенство, страшное угнетеніе личности и деспотизмъ высшихъ классовъ. Мы пришли, слѣдовательно, къ одному и тому же выводу по отношенію къ двумъ противоположнымъ явленіямъ. Какъ однородность, такъ и разнородность состава общества, доведенныя до крайности, имѣютъ тенденцію препятствовать появленію идеи равенства.

Чрезвычайно интересно примѣненіе этихъ социальнопсихологическихъ наблюденій и выводовъ къ фактамъ и явленіямъ классовой борьбы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій Зиммель обращаетъ вниманіе на то, что классовая борьба возникаетъ только тогда, когда классы начинаютъ сближаться, когда различія между ними постепенно сглаживаются, и сами классы уже на пути къ слиянію и объединенію. Тамъ, гдѣ общественныя классы отстоятъ наиболѣе далеко другъ отъ друга, гдѣ одна часть общества пользуется всѣми правами и привилегіями, а другая совершенно безправна, тамъ никакой борьбы между классами не происходитъ. Въ такихъ обществахъ, несомнѣнно, господствуетъ наибольшее неравенство, несправедливость и угнетеніе личности. А между тѣмъ эта несправедливость общественныхъ отношеній менѣе всего сознается, и противъ нея совсѣмъ не возникаетъ протестовъ и борьбы. Какъ на примѣръ такихъ обществъ можно указать на кастовый строй въ Индіи и на феодальный укладъ въ средневѣковыхъ государствахъ Европы.

Если мы присмотримся хотя бы къ наиболѣе близкому намъ примѣру, къ феодальнымъ отношеніямъ въ среднихъ вѣкахъ, то увидимъ, что ужасное положеніе и подчиненіе низшихъ слоевъ общества феодаламъ мало ощущалось первыми. Отдѣльные случаи протеста противъ гнета и несправедливости были всегда единичными, спорадическими и случайными явленіями. Только съ развитіемъ городовъ, когда наряду съ крестьянствомъ и ремесленнымъ сословіемъ возникаютъ богатые слои городского населенія или крупная буржуазія,—подымается

протестъ противъ несправедливости соціальныхъ отношеній. Крупная буржуазія юридически была въ одинаковомъ положеніи съ остальнымъ городскимъ населеніемъ, но фактически, благодаря своему богатству и матеріальному могуществу, она болѣе приближалась къ дворянству, чѣмъ къ низшимъ слоямъ городского населенія. «Изсѣдуя это явленіе,—говоритъ Бугле,—уже давно замѣтили, что ростъ богатства является наиболѣе могущественнымъ рычагомъ революціи; роскошь играетъ роль орудія, пробивающаго бреши въ сомкнутыхъ общественныхъ кадрахъ: позволяя мѣщанамъ «жить по дворянски», она уменьшаетъ разстояніе между ними и «благородными». Въ одной народной пѣсенкѣ XV-го вѣка говорится: «наши жены одѣты въ рѣдкіе мѣха, овѣ наряжены какъ принцессы, кто же можетъ узнать ихъ общественное положеніе?» Такой взглядъ вполне понятенъ, такъ какъ сближеніе «вышнихъ знаковъ отличія», т.-е. вышнее однообразіе помогаетъ успѣхамъ равенства. Привилегированные слои общества всегда чувствовали, что вышнее сходство принуждаетъ рано или поздно къ одинаковому обращенію съ людьми, отмѣченными печатью этого сходства. Этимъ объясняется такъ часто встрѣчающееся въ исторіи явленіе, что полученіе извѣстныхъ правъ сопровождалось приобрѣтеніемъ какого-нибудь знака — кольца, ожерелья, браслета, такъ же точно, какъ отнятіе правъ закрѣплялось клейменіемъ». Въ исторіи борьбы за уравниеніе сословій идея равенства всѣхъ сословій возникаетъ главнымъ образомъ тогда, когда высшіе слои городского населенія и низшіе слои дворянства фактически сближаются, смѣшиваются и живутъ общей жизнью. Они сильнѣе всѣхъ сознаютъ несправедливость привилегированнаго положенія дворянства и духовенства и угнетеннаго состоянія остальныхъ сословій—и энергичнѣе всѣхъ ратуютъ за права третьяго сословія. Вообще сознаніе неравенства и несправедливости соціальныхъ отношеній и стремленіе устранить ихъ не всегда находятъ въ прямой зависимости отъ очевидности и громадности общественнаго зла. Наоборотъ, движеніе въ пользу улучшенія соціальныхъ отношеній пробуждается и развивается часто лишь тогда, когда рѣзкость соціальныхъ разграниченій и отсутствіе переходныхъ ступеней между классами сглаживается. Это явленіе повторяется отчасти теперь — въ борьбѣ четвертаго класса за свои права. Пionерами и передовыми бойцами въ этой борьбѣ являются обученные рабочіе, сравнительно обеспеченные и находящіеся въ лучшемъ положеніи. Во главѣ борьбы, въ качествѣ руководителей и умственныхъ вожаконъ часто становятся отдѣльныя лица и группы, привудлежація къ другимъ раньше привилегированнымъ классамъ. Между тѣмъ безработные и нищіи пролетаріаты не только не способствуютъ успѣшности этой борьбы, а скорѣе замедляютъ ея ходъ своимъ малымъ развитіемъ и отсутствіемъ классоваго самосознанія.

Такимъ образомъ, увеличеніе количества общественныхъ подраз-

дѣленій вмѣстѣ съ отсутствіемъ рѣзкихъ граней между различными элементами общества является самою выгодной комбинаціей для успѣха идей равенства и справедливости. Въ силу психологическихъ законовъ наиболее подготовленную почву для распространенія идей равенства представляютъ тѣ цивилизаціи, въ которыхъ отдѣльныя личности и цѣлыя общественныя группы, сближаясь другъ съ другомъ въ извѣстныхъ чертахъ, разнятся въ другихъ,—цивилизаци, въ которыхъ одновременно съ распространеніемъ ассимиляціи происходитъ углубленіе дифференціаціи—и нивелировка идетъ рука-объ-руку съ возрастаніемъ разнородности. Этимъ объясняется противоположность мнѣній, которыя высказываются о наиболее передовыхъ народахъ. Знакомая съ обществомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, которое Токвиль считаетъ образцомъ демократіи, одинъ вынесетъ впечатлѣніе, что американская толпа совершенно тождественна по своему составу, другой,—что всякій американецъ имѣетъ свои правила, свои убѣжденія, свои собственные вкусы. Сравнивая высшіе классы американскаго общества съ низшими, иные скажутъ, что ихъ представители совершенно похожи другъ на друга, другіе,—что у нихъ нѣтъ ничего общаго между собой. Это относится не только къ внѣшнимъ условіямъ и характеру общественной жизни, но и къ другимъ проявленіямъ общественности, какъ, напр., къ наукѣ и искусству.

Непосредственно къ проанализированному вопросу примыкаетъ дальнѣйшая поставленная Бугле соціологическая задача: вопросъ о соціологическомъ вліяніи увеличенія числа соціальныхъ круговъ и усложненія ихъ. Собственно соціологическій вопросъ, какъ его сформулировалъ Зиммель,—болѣе узокъ и заключается въ «перекрещиваніи соціальныхъ круговъ».

Въ болѣе примитивныхъ соціальныхъ организаціяхъ личность принадлежитъ обыкновенно одной общественной группѣ. Эта группа или община захватываетъ человѣка всего, поглощаетъ всѣ его интересы и стремленія. Такими соціальными организаціями были средневѣковыя гильдіи и цехи, а отчасти и до сихъ поръ осталась крестьянская община въ Россіи. Средневѣковая гильдія, напр., являлась одновременно и религиозной общиной для богослуженій въ честь своего патрона, и свѣтскимъ кружкомъ, который организовалъ празднества и балы, и обществомъ взаимопомощи на случай болѣзней и несчастій, и организаціей для судебной защиты общихъ правъ и, наконецъ, учрежденіемъ нравственнаго характера для строгаго надзора за выполненіемъ членами товарищескихъ и профессиональныхъ обязанностей. Поэтому члены гильдіи имѣли полное основаніе называть другъ друга братьями. Братство это—не свободно заключенный союзъ въ виду какой-нибудь общей цѣли, а неразрывная связь, поглощающая все время и всѣ стороны существованія человѣка. Понятно, что какъ въ такой замкнутой группѣ, такъ и въ обществѣ, раздробленномъ на подобныя группы, не можетъ быть признана свобода личности и равноправность всѣхъ членовъ.

Совсѣмъ другія общественныя условія создаетъ современное раздѣленіе труда и дифференціація спеціальностей. Современная мастерская или фабрика требуетъ отъ рабочихъ — проявленія лишь одной физической функціи. Религіозныя, нравственныя, общественныя, умственныя и душевныя потребности и стремленія рабочаго должны быть удовлетворены на сторонѣ, внѣ его основной и повседневной дѣятельности. Вслѣдствіе этого, современнаго человѣка окружаетъ совершенно новая и быстро смѣняющаяся общественная атмосфера. Для удовлетворенія различныхъ жизненныхъ запросовъ въ современномъ обществѣ необходимо должно увеличиваться число организацій, къ которымъ примыкаетъ каждая отдѣльная личность. Въ свою очередь, такое усложненіе общественныхъ отношеній ведетъ къ признанію свободы личности. Отдѣльная личность перестаетъ быть закрѣпощенной какой-нибудь опредѣленной соціальной группой и становится точкой пересѣченія различныхъ общественныхъ организацій. Ея самостоятельность, разносторонность и даже оригинальность, благодаря этому, увеличивается. Съ другой стороны, лица различныхъ профессій, общественныхъ положеній и состояній, примыкая къ однимъ и тѣмъ же общественнымъ, политическимъ, литературнымъ, научнымъ и этическимъ кругамъ, ассимилируютъ другъ друга и готовятъ почву для равенства. Такимъ образомъ усложненіе общественной жизни, утончая различія между отдѣльными индивидуальностями, расширяетъ также сходство между ними и непосредственно способствуетъ идеѣ равенства.

Прослѣдивъ вмѣстѣ съ нами всѣ перечисленныя условія развитія равенства, читатель однако можетъ усумниться вообще въ научной цѣнности такихъ соціологическихъ изслѣдованій. Противъ нихъ можетъ быть выдвинутъ упрекъ, что они переносятъ въ соціологію методы и понятія изъ чуждыхъ ей областей, такъ какъ изслѣдовать числа, величины, пересѣченіе круговъ и т. д.—это дѣло ариметики и геометріи. Для изученія общества по математическому методу уже существуетъ особая наука—статистика, изслѣдующая тѣ элементы въ соціальныхъ организаціяхъ, которые могутъ быть опредѣлены въ числахъ. А потому поиски за какимъ-то особеннымъ смысломъ въ тѣхъ же числовыхъ отношеніяхъ не безъ основанія могутъ показаться какою-то новою кабалистикой. Всѣ эти возраженія были бы совершенно вѣрны, если бы сущность новой постановки соціологіи заключалась въ той общей схемѣ, которая набросана только какъ программа соціологическихъ изысканій. Но заимствованныя изъ математики категоріи и рубрики въ этой схемѣ играютъ роль только внѣшнихъ показателей для внутреннихъ и скрытыхъ процессовъ. Уже изъ анализа приведенныхъ фактовъ видно, что вопросъ заключается не въ этихъ ариметическихъ и геометрическихъ отношеніяхъ, а въ *психологическомъ взаимодействіи* людей. Всѣ приведенныя измѣненія во внѣшнемъ составѣ общества важны для соціологіи въ этомъ смыслѣ, лишь по-

скольку, поскольку они измѣняютъ душевный и умственный складъ членовъ общества. Они приводятъ въ соприкосновеніе массу лицъ и способствуютъ ихъ вліянію другъ на друга.

Всѣ вѣщныя измѣненія въ соціальномъ строѣ, несомнѣнно, возникаютъ на почвѣ экономическаго развитія. Экономическое развитіе создаетъ то, что народонаселеніе растетъ и дѣлается гуще, сословія и классы въ извѣстныхъ своихъ частяхъ по своему матеріальному положенію сближаются, количество соціальныхъ организацій увеличивается, и само общество усложняется и объединяется. Но на настроеніе, взгляды, убѣжденія, стремленія и желанія человѣка больше всего вліяютъ другіе люди, а не неодушевленные предметы. Фабрика, напр., дѣйствуетъ на рабочаго главнымъ образомъ, конечно, не своимъ вѣщнымъ видомъ, т.-е. не своими зданіями, трубами и машинами, и не той массой товара, которая производится на ней, а тѣмъ, что она сближаетъ его съ сотнями рабочихъ, занятыхъ на той же фабрикѣ. Эти сотни лицъ, влія другъ на друга, способствуютъ выработкѣ у всѣхъ общихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ и потребностей. Сущность характеризуемаго направленія въ соціологіи заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы, рассматривая экономическое развитіе и произведенное имъ измѣненіе въ соціальномъ строѣ, какъ уже совершившійся фактъ, изслѣдовать только явленія, происходящія отъ психическаго взаимодействія членовъ общества при измѣнившихся матеріальныхъ условіяхъ. Поэтому это направленіе въ соціологіи можетъ быть названо соціально-психологическимъ.

Возвращаясь къ сочиненію Бугле, приходится сознаться, что намъ далеко не удалось передать всего содержанія этой интересной книги. Мы поневолѣ должны были ограничиться только общими выводами, стараясь при этомъ выяснитъ, главнымъ образомъ, то направленіе въ соціологіи, къ которому принадлежитъ авторъ. Книга Бугле, между прочимъ, очень богата фактическимъ матеріаломъ, котораго мы здѣсь, конечно, не могли передавать. Недостаткъ этого сочиненія состоитъ въ томъ, что оно не выдержано въ методологическомъ отношеніи. Авторъ часто уклоняется въ сторону отъ поставленной себѣ соціологической задачи и увлекается изслѣдованіемъ чисто экономическихъ или политическихъ вопросовъ. Но это дѣлаетъ его книгу болѣе доступной, такъ какъ иначе она была бы чрезчуръ спеціальна, абстрактна и суха. У насъ, гдѣ до сихъ поръ отъ соціологическихъ изслѣдованій прежде всего требуется доступность, это свойство должно быть признано за безусловное достоинство. Тѣмъ не менѣе, книга Бугле, при своей доступности, по научности стоитъ гораздо выше большинства произведеній французской соціологической литературы.

Б. Кистяновскій.

ВОСКРЕСШІЕ БОГИ.

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ.

РОМАНЪ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

З О Л О Т О Й В Ъ К Ъ .

1496—1497.

Turnerà l'età dell'oro.

Cantian tutti: viva' l Moro!

Bellincioni.

Въкъ Златой вернется скоро,—

Пойте: слава, слава Моро!

Bellincioni.

I.

Въ концѣ тысяча четыреста девяносто шестого года миланская герцогиня Беатриче писала сестрѣ своей Изабеллѣ, супругѣ маркиза Франческо Гонзага, повелителя Мантуи:

„Яснѣйшая мадонна, сестрица наша возлюбленная, я и мой мужъ, синьоръ Лодовико, желаемъ здравствовать вамъ и знаменитѣйшему синьору Франческо.

„Согласно просьбѣ вашей, посылаю портретъ сына моего Массимилиано. Только, пожалуйста, не думайте, что онъ такой маленькій. Хотѣли точную мѣрку снять, дабы послать вашей синьоріи, но побоялись: няня говоритъ, что это вредить росту. А растеть онъ удивительно: ежели нѣсколько дней не вижу его, потомъ, какъ взгляну, кажется, такъ выросъ, что остаюсь чрезмерно довольной и утѣшенной.

„А у насъ большое горе: умеръ дурачокъ Наннино. Вы его знали и тоже любили, а потому поймете, что, утративъ всякую

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ.

иную вещь, я надѣялась бы замѣнить ее, но для замѣны нашего Наннино ничего не могла бы создать сама природа, которая истощила въ немъ всѣ силы, соединивъ въ одномъ существѣ для потѣхи государей рѣдчайшую глупость съ очаровательнѣйшимъ уродствомъ. Поэтъ Беллинчioni въ надгробныхъ стихахъ говоритъ, что ежели душа его на небѣ, то онъ смѣшитъ весь рай, если же въ аду, то Церберъ „молчитъ и радуется“. Мы похоронили его въ нашемъ склепѣ въ Маріи дѣле Граціе рядомъ съ моимъ любимымъ охотничьимъ ястребомъ и незабвенною сукою Путиною, дабы и послѣ смерти нашей не разставаться съ такою пріятною вещью. Я плакала двѣ ночи, а синьоръ Лодовико, чтобы утѣшить меня, обѣщаль мнѣ подарить къ Рождеству великолѣпное серебряное сѣдалище для облегченія желудка—a *deroghe l'inutil peso del ventre*, съ изображеніемъ битвы кентавровъ и лапитовъ. Внутри сосудъ изъ чистаго золота, а балдахинъ изъ кармазиннаго бархата съ вышитыми герцогскими гербами, и все точь-въ-точь, какъ у великой герцогини Лорренской. Такого сѣдалища нѣтъ, говорятъ, не только ни у одной изъ итальянскихъ государынь, но даже у самаго папы, императора и Великаго Турка. Оно прекраснѣе, чѣмъ знаменитое сѣдалище Базада, описанное въ эпиграммахъ Марціала. Мэрула сочинилъ гекзаметры, которые начинаются такъ:

*Quis cameram hanc supero dignam neget esse tonante
Principe.*

Тронъ сей достоенъ всевышняго, въ небѣ гремящаго бога.

„Синьоръ Лодовико хотѣлъ, чтобы флорентинскій художникъ Леонардо да Винчи устроилъ въ этомъ сѣдалищѣ машину съ музыкой на подобіе маленькаго органа, но Леонардо отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что слишкомъ занять Колоссомъ и Тайною Вечерей.

„Вы просите, милая сестрица, чтобы я прислала вамъ на время этого мастера. Съ удовольствіемъ исполнила бы вашу просьбу и отослала бы его вамъ навсегда, не только на время. Но синьоръ Лодовико, не знаю почему, благоволитъ къ нему чрезмѣрно и ни за что не желаетъ разстаться съ нимъ. Впрочемъ, не особенно жалѣйте о немъ, ибо сей Леонардо преданъ алхиміи, магіи, механикѣ и тому подобнымъ бреднямъ гораздо болѣе, чѣмъ живописи, и отличается такою медлительностью въ исполненіи заказовъ, что ангела можетъ вывести изъ терпѣнія. Къ тому же, какъ я слышала, онъ—еретикъ и безбожникъ.

„Недавно мы охотились на волковъ. Ѣздить верхомъ не позволяють мнѣ, такъ какъ я уже пятый мѣсяцъ беременна. Я смотрѣла на охоту, стоя на высокихъ запяткахъ повозки, нарочно для меня устроенныхъ, похожихъ на церковную кафедру. Впрочемъ, это была не забава, а мука: когда волкъ въ лѣсъ убѣжалъ,

я чуть не плакала. О, будь я сама на лошади, не упустила бы, — шею сломала бы, а догнала бы звѣря!

„Помните, сестрица, какъ мы съ вами скакали? Еще донзелла Пентезилая въ ровъ упала, чуть себѣ голову до смерти не расшибла. А охота на вепрей въ Куснаго, а мячикъ, а рыбная ловля! То-то было славное время.

„Теперь утѣшаемся, какъ можемъ. Въ карты играемъ. Катаемся на конькахъ. Этому занятію выучилъ насъ молодой вельможа изъ Фландріи. Зима стоитъ лютая: не только всѣ пруды, даже рѣки замерзли. На каткѣ дворцоваго парка Леонардо вылѣпилъ прекраснѣйшую Леду съ лебедемъ изъ снѣгу бѣлаго и твердаго, какъ мраморъ. Жаль, что растаетъ весною.

„Ну, а какъ поживаете вы, любезная сестрица? Удалась ли порода кошекъ съ длинною шерстью? Если будетъ котенокъ рыжій съ голубыми глазами, пришлите вмѣстѣ съ обѣщанною арапкою. А я вамъ ценять подарю отъ Шелковинки.

„Не забудьте, пожалуйста, не забудьте, мадонна, прислать выкройку голубой атласной душегрѣйки, что съ косымъ воротомъ на собольей опушкѣ. Я просила о ней въ прошломъ письмѣ. Отправьте какъ можно скорѣе, лучше всего завтра же на зарѣ съ верховымъ.

„Пришлите также склянку вашего превосходнаго умыванія отъ прыщиковъ и заморскаго дерева для полировки ногтей.

„Что памятникъ Виргилія, сего сладкозвучнаго лебеда Мантуанскихъ озеръ? Ежели бронзы не хватитъ, мы вамъ пришлемъ двѣ старыя бомбарды изъ отличной мѣди.

„Астрологи наши предсказываютъ войну и жаркое лѣто: „собаки будутъ бѣситься, а государи гнѣваться“. Что говоритъ вашъ астрологъ? Чужому всегда больше вѣришь, чѣмъ своему.

„Я и синьоръ Лодовико поручаемъ себя милостивому вниманію вашему, возлюбленная сестрица, и вашего супруга, знаменитѣйшаго маркиза Франческо.
Беатриче Сфорца“.

II.

Несмотря на видимое простодушіе, въ этомъ посланіи было притворство и политика. Герцогиня скрывала отъ сестры свои домашнія заботы. Мира и согласія, которые можно было предположить, судя по письму, не было между супругами. Леонардо ненавидѣла она не за ересь и безбожіе, а за то, что нѣкогда, по заказу герцога, написалъ онъ портретъ Цециліи Бергамини, ея злѣйшей соперницы, знаменитой наложницы Моро. Въ послѣднее время подозрѣвала она еще другую любовную связь мужа съ одной изъ ея придворныхъ дамиджеллъ, — мадонною Лукреціей.

Въ тѣ дни герцогъ Миланскій достигалъ высоты своего могущества. Сынъ Франческо Сфорца, отважнаго романьольскаго наемника, полусодата, полуразбойника,—мечталъ онъ сдѣлаться самодержавнымъ владыкою объединенной Италіи.

„Папа,—хвасталъ Моро,—мой духовникъ, императоръ—мой полководецъ, городъ Венеція—мой казначей, король французскій—мой гонецъ“.

Ludovicus Maria Sfortia Anglus, dux Mediolani—подписывался онъ, производя свой родъ отъ славнаго героя, Энеева спутника, Англа Троянскаго. Колоссъ, изваянный Леонардо, памятникъ отца его съ надписью: *Ecce deus!*—*Се Богъ!*—свидѣтельствовалъ также о божественномъ величии Сфорца.

Но, вопреки наружному благополучію, тайная тревога и страхъ мучили герцога. Онъ зналъ, что народъ не любитъ его, считаетъ похитителемъ престола. Однажды на площади Аренго, увидѣвъ издали вдову покойнаго герцога Джіана-Галеаццо съ ея первенцомъ Франческо, толпа закричала: „да здравствуетъ законный герцогъ Франческо!“

Ему было восемь лѣтъ. Онъ отличался умомъ и необыкновенною красотою. По словамъ венеціанскаго посла Марино Сануто, „народъ желалъ его себѣ въ государи, какъ Бога“.

Беатриче и Моро видѣли, что смерть Джіана-Галеаццо обманула ихъ, не сдѣлала законными государами. И въ этомъ ребенкѣ вставала изъ гроба тѣнь умершаго герцога.

Въ Миланѣ говорили о таинственныхъ предзнаменованіяхъ. Рассказывали, будто бы ночью надъ башнями замка являются огни, подобные зареву пожара, и въ покояхъ дворца раздаются страшные стоны. Вспоминали, какъ у Джіано-Галеаццо, когда онъ лежалъ въ гробу, лѣвый глазъ не закрывался, что предвѣщало скорую кончину одного изъ его ближайшихъ родственниковъ. У мадонны дель Альборе трепетали вѣки. Корова, принадлежавшая одной старушкѣ за Тичинскими воротами, отелилась двухголовымъ телянкомъ. Герцогиня упала въ обморокъ въ пустынной залѣ Рокетты, испуганная привидѣніемъ, и потомъ не хотѣла объ этомъ говорить ни съ кѣмъ, даже съ мужемъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ почти совершенно утратила она шаловливую рѣзвость, которая такъ правилась въ ней герцогу, и съ недобрыми предчувствіями ожидала родовъ.

III.

Однажды, декабрьскимъ вечеромъ, когда снѣжные хлопья устилали улицы города, углубляя безмолвіе сумерекъ, Моро сидѣлъ въ маленькомъ палаццо, который подарилъ своей новой любви, мадоннѣ Лувреціи Кривелли.

Огонь пылалъ въ очагѣ, озаряя створы лабиринтныхъ дверей съ мозаичнымъ наборомъ, изображавшимъ перспективы древнихъ римскихъ зданій, — лѣпною рѣшетчатый переплетъ потолка, украшенный золотомъ, стѣны, покрытыя кордуанскими кожаными златотисненными обоями, высокая кресла и рундуки изъ чернаго дерева, круглый столъ съ темно-зеленою бархатною скатертью, съ открытымъ романомъ Боярдо, свѣтками нотъ, перламутровою мандолиною и граненымъ кубшиномъ Бальнеа Апонитана — цѣлебной воды, входившей въ моду у знатныхъ дамъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ Лукреціи кисти Леонардо.

Надъ каминомъ въ глиняныхъ изваяніяхъ Карадоссо порхающія птицы влевали виноградъ, и крылатая голыя дѣти, — не то христіанскіе ангелы, не то языческіе амурь, — плясали, играя святѣйшими орудіями страстей Господнихъ — гвоздями, копіемъ, тростью, губкою и колючими терніями. Они казались живыми въ розовомъ отблескѣ пламени.

Вьюга выла въ трубѣ очага. Но въ изящномъ рабочемъ покоѣ — „студіоло“ все дышало уютною нѣгою.

Мадонна Лукреція сидѣла на бархатной подушкѣ у ногъ Моро. Лицо ея было печально. Онъ ласково пенялъ ей за то, что она давно не посѣщаетъ герцогини Беатриче.

— Ваша свѣтлость, — молвила дѣвушка, потупивъ глаза, — умоляю васъ, не принуждайте меня: я не умѣю лгать...

— Помилуй, да развѣ это значить лгать? — удивился Моро, — мы только скрываемъ. Не хранилъ ли самъ Громовержецъ любовныхъ тайнъ своихъ отъ ревнивой супруги? А Тезей, а Федра и Медея — всѣ герои, всѣ боги древности? Можемъ ли мы, слабѣе смертные, противиться власти бога любви? Къ тому же тайное зло не лучше ли явнаго? — ибо, скрывая грѣхъ, мы избавляемъ ближнихъ отъ соблазна, какъ того требуетъ христіанское милосердіе. А если нѣтъ соблазна, и есть милосердіе, то нѣтъ зла, или почти нѣтъ.

Онъ усмѣхнулся своей хитрой усмѣшкой. Но Лукреція покачала головой и посмотрѣла ему прямо въ глаза, немного исподлобья, — строгими, важными, какъ у дѣтей, и невинными глазами.

— Вы знаете, государь, какъ я счастлива вашею любовью. Но мнѣ иногда хотѣлось бы лучше умереть, чѣмъ обманывать мадонну Беатриче, которая любитъ меня, какъ родную...

— Полно, полно, дитя мое! — молвилъ герцогъ и привлекъ ее къ себѣ на колѣни, одною рукою обвивъ ея станъ, другою лаская черные блестящіе волосы съ гладкими начесами на уши, съ нитью фероньеры, на которой посерединѣ лба блестѣла алмазная слеза. Опустивъ длинныя, пушистыя рѣсницы, — безъ упоенія, безъ страсти, вся холодная и чистая, — отдавалась она его ласкамъ.

— О, если бы ты знала, какъ я люблю тебя. мою тихую, мою смиренную, тебя одну!—шепталь онъ, съ жадностью вдыхая знакомый аромать фіаловъ и мускуса.

Дверь открылась, и прежде, чѣмъ герцогъ успѣлъ выпустить дѣвушку изъ своихъ объятій, въ комнату вбѣжала испуганная служанка.

— Мадонна, мадонна,—пробормотала она, задыхаясь,—тамъ, внизу, у воротъ... о, Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!..

— Да ну же, говори толкомъ,—произнесъ герцогъ,—кто у воротъ?

— Герцогиня Беатриче!

Моро поблѣднѣлъ.

— Ключъ! Ключъ отъ другихъ дверей! Я заднимъ ходомъ черезъ дворъ. Да гдѣ же ключъ? Скорѣе!

— То-то и есть, ваша свѣтлость,—въ отчаяніи всплеснула руками служанка,—кавалеры яснѣйшей мадонны стоятъ и у задняго хода! Весь домъ окружень...

— Западнѣ! — произнесъ герцогъ, хватаясь за голову. — И откуда она узнала? Кто могъ ей сказать?

— Никто, какъ мона Сидонія,—подхватила служанка,—недаромъ проклятая вѣдьма шляется къ намъ со своими снадобьями и притираніями. Говорила я вамъ, синьора, берегитесь...

— Что дѣлать, Боже мой, что дѣлать! — лепеталь герцогъ, блѣднѣя.

Съ улицы слышался громкій стукъ въ наружныя двери дома. Служанка бросилась на лѣстницу.

— Спрячь, спрячь меня, Лукреція!

— Ваша свѣтлость,—возразила дѣвушка,—если мадонна Беатриче подозрѣваетъ, она велитъ весь домъ обыскать. Не лучше ли вамъ прямо выйти къ ней?

— Нѣтъ, нѣтъ, Боже сохрани, что ты говоришь, Лукреція? Выйти къ ней! Ты не знаешь, что это за женщина! О, Господи, страшно подумать, что изъ всего этого можетъ произойти. Вѣдь она беременна. Да спрячь же меня, спрячь!..

— Право, я не знаю...

— Все равно, куда хочешь, только поскорѣе!

Герцогъ дрожалъ и въ это мгновеніе похожъ былъ скорѣе на пойманнаго вора, чѣмъ на потомка баснословнаго героя Англа Троянскаго, Энеева спутника.

Лукреція провела его черезъ спальню въ уборную и спрятала въ одинъ изъ тѣхъ большихъ, вдѣланныхъ въ стѣну шкаповъ, бѣлыхъ съ тонкими, золотыми узорами въ древнемъ вкусѣ. которые служили „гвардаробами“ — одеждохранилищами знатныхъ дамъ.

Моро притаился въ углу между платьями.

— Какъ глупо!—думалъ онъ,—Боже мой, какъ глупо! Точно въ смѣшныхъ побасенкахъ Франко Саветти или Боввачіо.

Но ему было не до смѣха. Онъ вынулъ изъ-за пазухи маленькую ладонку, съ мощами святого Христофора, и другую, точно такую же, съ моднымъ въ тѣ времена талисманомъ,—кусочкомъ египетской муміи. Ладонки были такъ похожи, что въ темнотѣ и второпяхъ не могъ онъ отличить одну отъ другой и на всякій случай сталъ цѣловать обѣ вмѣстѣ, крестясь и творя молитву.

Вдругъ, услышавъ голоса жены и любовницы, вхлотившихъ въ уборную,—похолодѣлъ отъ ужаса. Онѣ бесѣдовали дружески, какъ ни въ чемъ не бывало. Онъ догадался, что Лукреція повязываетъ герцогинѣ свой новый домъ, по ея настоянію. Должно быть, Беатриче не имѣла явныхъ уликъ и не хотѣла обнаружить подозрѣній.

То былъ поединокъ женской хитрости.

— Здѣсь тоже платье? — спросила Беатриче равнодушнымъ голосомъ, подходя къ шкапу, въ которомъ стоялъ Моро, ни живъ, ни мертвъ.

— Домашнія, старыя. Угодно взглянуть вашей свѣтлости?— молвила Лукреція беззаботно.

И пріотворила дверцы.

— Послушайте, думечка,—продолжала герцогиня,—а гдѣ же то, которое, помните, мнѣ такъ понравилось? Вы были въ немъ у Паллавичини на лѣтнемъ балу. Все такіе червячки, червячки, знаете,—золотые по темно-синему морелло, блестятъ, какъ ночью свѣтляки.

— Не помню что-то,—произнесла Лукреція спойно.—Ахъ, да, да, здѣсь,—спохватилась она,—должно быть, вотъ въ этомъ шкапу.

И, не притворивъ дверецъ шкапа, въ которомъ находился Моро, отошла съ герцогиней къ сосѣдней гвардаробѣ.

— А еще говорила, что лгать не умѣеть! — подумалъ герцогъ съ восхищеніемъ, несмотря на свой испугъ.—Какое присутствіе духа! Женщины, вотъ у кого бы намъ, государямъ, поучиться политикѣ!

Беатриче и Лукреція удалились изъ уборной.

Моро вздохнулъ свободнѣе, хотя все еще судорожно сжималъ въ рукѣ своей обѣ ладонки съ мощами и съ муміей.

— Двѣсти имперскихъ дукатовъ въ обитель Маріи дѣлле Граціе, Пречистой Заступницѣ—на елей и на свѣчи, ежели обойдется благополучно!—прошепталъ онъ съ пламенною вѣрою.

Прибѣжала служанка, отерла шапъ, съ почтительно-лукавымъ видомъ выпустила герцога и объявила, что опасность миновала, свѣтлѣйшая герцогиня изволила уѣхать, милостиво простившись съ мадонною Лукреціей.

Онъ перекрестился набожно, вернулся въ „студіоло“, выпилъ для подкрѣпленія стаканъ воды Бальнеа Апонитана, взглянулъ на Лукрецію, которая сидѣла, какъ прежде, у камина, опустивъ голову, закрывъ лицо руками,—и улыбнулся.

Потомъ тихими, лисьими шагами подкрался къ ней сзади, наклонился и обнялъ.

Дѣвушка вздрогнула.

— Оставьте меня, оставьте, умоляю васъ, уйдите! О, какъ вы можете послѣ того, что было!..

Но герцогъ не слушая, молча покрывалъ лицо ея, шею, волосы жадными поцѣлуями. Никогда еще не казалась она ему такую прекрасною: какъ будто женская ложь, которую онъ только что видѣлъ въ ней, овружила ее новою прелестью.

Она боролась, но уже ослабѣвала, и, наконецъ, закрывъ глаза, съ безпомощной улыбкой, медленно отдала ему свои губы.

Декабрьская вьюга выла въ трубѣ очага, между тѣмъ какъ въ розовомъ отблескѣ пламени вереница смѣющихся голыхъ дѣтей подъ виноградною кущею Вавха плясала, играя святѣйшими орудіями Страстей Господнихъ.

IV.

Въ первый день новаго тысяча четыреста девяносто седьмого года назначенъ былъ въ замкѣ балъ.

Три мѣсяца длились приготовленія, въ которыхъ участвовали Браманте, Карадоссо, Леонардо да Винчи.

Къ пяти часамъ послѣ полудня гости начали съѣзжаться во дворецъ. Приглашенныхъ было болѣе двухъ тысячъ.

Мятель занесла всѣ дороги и улицы. На мрачномъ небѣ бѣлѣли подъ снѣжными сугробами зубчатая стѣны, бойницы, каменные выступы для пушечныхъ жерлъ—крѣпостныя „мерлатуры“. На дворѣ пылали костры, у которыхъ грѣлись, весело гуторя, конюхи, скороходы, стремянные, вершники и носильщики паланкиновъ. У входа въ Палаццо Дукале и далѣе, у желѣзныхъ опускаемыхъ воротъ во внутренней дворъ маленькаго замка Рокетты, раззолоченныя, неуклюжія повозки, рыдваны и колымаги, запряженныя цугомъ, тѣснились, высаживая синьоръ и кавалеровъ, закутанныхъ въ драгоцѣнные русскіе мѣха. Обледенѣлыя окна сіяли праздничными огнями.

Вступая въ прихожую, гости слѣдовали между двумя длинными рядами герцогскихъ тѣлохранителей,—турецкихъ мамелюковъ, греческихъ страдіотовъ, шотландскихъ арбалетчиковъ и швейцарскихъ ландскнехтовъ, закованныхъ въ латы съ тяжелыми алебардами. Впереди стояли стройные пажи, миловидные, какъ дѣ-

вушки, въ одинаковыхъ, отороченныхъ лебяжьимъ пухомъ, двухцвѣтныхъ ливреяхъ, правая половина — розоваго бархата, лѣвая — голубого атласа, съ вытканными на груди серебряными геральдическими знаками дома Сфорца Висконти. Одежда прилегала къ тѣлу такъ плотно, что обозначала всѣ его изгибы, и только спереди изъ подъ пояса выступала короткими, тѣсными трубчатыми складками. Въ рукахъ держали они зажженные свѣчи, длинныя, на подобіе церковныхъ, изъ краснаго и желтаго воска.

Когда гость входилъ въ пріемную, герольдъ съ двумя трубачами выкрикивалъ его имя.

Открывался рядъ громадныхъ, ослѣпительно освѣщенныхъ покоевъ: „зала бѣлыхъ голубоевъ по красному полю“, „зала золотая“, — съ изображеніями герцогской охоты, „червчатая“, — вся сверху до низу обтянутая атласомъ, съ вышитыми золотомъ пламенѣющими головнями и ведрами, обозначавшими самодержавную власть миланскихъ герцоговъ, которые, по своему желанію, могутъ раздуть огонь войны и гасить его водою мира. Въ изящной, маленькой „черной залѣ“, построенной Браманте, служившей дамскою уборной, на сводахъ и стѣнахъ видѣлись неоконченныя фрески Леонардо.

Нарядная толпа гудѣла, подобно пчелиному рою. Одежды отличались многоцвѣтною яркостью и безмѣрною, нерѣдко безвкусною роскошью. Въ этой пестротѣ, въ неуважительномъ къ обычаямъ предковъ, порою шутовскомъ и уродливомъ смѣшеніи разноязычныхъ модъ одинъ писатель того времени видѣлъ „предзнаменованіе нашествія иноплемennыхъ, грядущаго рабства Итали“.

Ткани женскихъ платій, съ прямыми, тяжелыми, складками, не гнущимися вслѣдствіе обилія золота и драгоценныхъ камней, напоминали церковныя ризы. Онѣ были столь прочны, что передавались по наслѣдству отъ прабабушекъ правнучкамъ. Глубокіе вырѣзы обнажали плечи и грудь. Волосы, покрытые спереди золотую сѣткою, заплетались, по ломбардскому обычаю, у замужнихъ такъ же, какъ у дѣвушекъ въ тугую косу, удлиненную до полу искусственными волосами и лентами. Мода требовала, чтобы брови были едва очерчены: женщины, обладавшія густыми бровями выщипывали ихъ особыми стальными щипчиками, „пелатой“. Обходиться безъ румянъ и бѣлилъ считалось непристойнымъ. Духи употреблялись крѣпкіе, тяжелые — мускусъ, амбра, виверра, кипрскій порошокъ съ пронзительнымъ одуряющимъ запахомъ.

Въ толпѣ встрѣчались молодыя дѣвушки и женщины, съ особенною прелестью, которая нигдѣ не встрѣчается, кромѣ Ломбардіи, — съ тѣми воздушными тѣнями, тающими, какъ дымъ, на блѣдной матовой кожѣ, на нѣжныхъ, мягкихъ округлостяхъ лица, которыя любилъ изображать Леонардо да Винчи.

Мадонну Віоланту Борромео, чернооую, чернокудрую съ понятною для всѣхъ, побѣдительною красотою—называли царицею бала. Мотыльки, обжигающіе крылья о пламя свѣчи,—предостереженіе влюбленнымъ,—вытканы были золотомъ по темно-пунцовому бархату ея платья.

Но не мадонна Віоланта привлекала вниманіе избранныхъ, а донзелла Діана Паллавичини, съ глазами холодными и прозрачными, какъ ледъ, волосами сѣрыми, какъ пепель, съ равнодушною улыбкою и говоромъ медлительнымъ, какъ звукъ віолы. Ее облекала простая одежда изъ бѣлой струистой камені съ длинными шелковыми лентами, тускло-зелеными, какъ водоросли. Окруженная блескомъ и шумомъ, казалась она чуждой всему, одинокою и печальною, какъ блѣдныя водяныя цвѣты, которые спятъ подъ луною въ заглохшихъ прудахъ.

Грянули трубы, литавры,—и гости направились въ большой „Залъ для игры въ мячъ“—Grande sala per il giuoco della palla,—находившійся въ Рокеттѣ. Подъ голубымъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами сводомъ крестообразныя перекладины съ восковыми свѣчами горѣли огненными гроздьями. Съ балкона, служившаго хорами, свѣшивались шелковые ковры, съ гирляндами лавровъ, плюща и можжевельника.

Въ часть, минуту и секунду, назначенные астрологами,—ибо герцогъ шагу не дѣлалъ, по выраженію одного посла, рубашки не перемѣнял, жены не цѣловалъ, не сообразуясь съ положеніемъ звѣздъ,—въ залу вошли Моро и Беатриче, въ царственныхъ мантияхъ изъ золотой парчи, подбитыхъ горностаемъ, съ длинными шлейфами, которые несли бароны, камерьеры, спендиторы и чьямбелланы. На груди герцога въ пряжку сіялъ рубинъ неимоверной величины, похищенный имъ у Джіана-Галеаццо.

Беатриче похудѣла и подурнѣла. Странно было видѣть животь беременной женщины у этой дѣвочки, казавшейся почти ребенкомъ,—съ плоскою грудью, съ рѣзкими мальчишескими движеніями.

Моро сдѣлалъ знакъ. Главный сенешаль поднялъ жезлъ, на хорахъ заиграла музыка,—и гости стали садиться за пиршественные столы.

V.

Въ это время произошло замѣшательство. Посоль великаго князя московскаго Данило Мамыровъ не пожелалъ сѣсть ниже посла Яснѣйшей Республики Санъ-Марко. Мамырова стали уговаривать. Но упрямый старикъ, никого не слушая, стоялъ на своемъ: „не сяду,—заворно мнѣ сіе!“

Любопытные и насмѣшливые взгляды обращались на него отовсюду.

— Что такое? Опять съ московитами непріятности? Дикій народъ! Лѣзутъ на первыя мѣста—знать ничего не хотятъ. Никуда ихъ приглашать нельзя. Варвары! А языкъ-то,—слышите,—совсѣмъ турецкій. Звѣрское племя!..

Юркій и вертлявый мантуанецъ Бокалино, — толмачъ, подскокиль къ Мамырову:

— Мессэръ Даніеле, мессэръ Даніеле, — залепеталъ онъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, съ подобострастными ужимками и поклонами,—не можно, не можно. Сѣсть надо. Обычай въ Миланѣ. Спорить не хорошо. Дука сердится.

Подошелъ къ старику и молодой спутникъ его, Никита Карачьяровъ, —тоже дьякъ посольскаго двора.

— Данило Кузьмичъ, батюшка, не изволь сердчать. Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять. Люди иноземные, обычаевъ нашихъ не вѣдаютъ. Долго ли до грѣха? Еще подъ руки выведутъ. Сраму наживемъ.

— Молчи, Нивита, молчи! Младъ ты учить меня, старика. Знаю, что дѣлаю. Не быть тому во вѣки. Не сяду ниже посла Венеційскаго. Сіе для чести нашей посольской поруха великая. Сказано: всякій посолъ лицо носить и рѣчи говорить государя своего. А нашъ государь православный, самодержавный, всея Руси...

— Мессэръ Даніеле, о, мессэръ Даніеле, —егозилъ и разсыпался толмачъ Бокалино.

— Отстань! Чего лотопишь, обезьянья твоя рожа бусурманская? Сказано, не сяду—и не сяду!

Подъ нахмуренными бровями маленькіе медвѣжьи глазки Мамырова сверкали гнѣвомъ, гордынею и непобѣдимымъ упрямствомъ. Усыпанный изумрудами набалдашникъ посоха дрожалъ въ крѣпко сжатыхъ пальцахъ. Видно было, что никакія силы не принудятъ его уступить.

Моро подозвалъ къ себѣ посла Венеціи, съ обаятельною любезностью, на которую былъ мастеръ, извинился, обѣщаль ему свое благоволеніе и попросилъ, какъ о личномъ для себя одолженіи, пересѣсть на другое мѣсто, во избѣжаніе споровъ и пререканій, увѣряя, что нелѣпому честолюбію этихъ варваровъ никто не придаетъ значенія. На самомъ дѣлѣ герцогъ весьма дорожилъ милостью „великаго герцога Розійскаго“— „gran duca di Rosia“, надѣясь при помощи его заключить выгодный договоръ съ турецкимъ султаномъ.

Венеціанецъ, взглянувъ на Мамырова съ тонкой усмѣшкой и презрительно пожавъ плечами, замѣтилъ, что его высочество

правъ—подобные споры о мѣстахъ недостойны людей, просвѣщенныхъ свѣтомъ „человѣчности“—humanità,—и сѣлъ на указанное мѣсто.

Данило Кузьмичъ не понялъ рѣчи соперника. Но, если бы и понялъ, не смутился и продолжалъ бы считать правымъ себя, ибо зналъ, что десять лѣтъ назадъ, въ 1487 году, на торжественномъ выходѣ папы Иннокентія VIII, московскіе послы Дмитрій и Мануиль Ралёвы на ступеняхъ апостолическаго трона заняли мѣста, наиболѣе почетныя послѣ римскихъ сенаторовъ, представителей древняго міродержавнаго города. Недаромъ въ посланіи бывшаго кievскаго митрополита Саввы Спиридона великій князь Московскій уже объявленъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ двуглаваго орла Византіи, объединившаго подъ сѣною крылъ своихъ Востокъ и Западъ,—такъ какъ Господь Вседержитель,—сказано было въ посланіи,—низвергнувъ за ереси оба Рима, ветхій и новый, воздвигъ третій, таинственный Градъ, дабы излить на него всю славу, всю силу и благодать свою, третій полунощный Римъ,—православную Москву,—а четвертаго Рима не будетъ во вѣки.

Не обращая вниманія на враждебные взоры, самодовольно поглаживая длинную сѣдую бороду, поправляя поясъ на толстомъ животѣ и соболью шубу пунцоваго аksamита, грузно и важно вряхтя, опустился Данило Кузьмичъ на отвоеванное мѣсто. Чувство темное, радостное и опьяняющее, какъ хмѣль, наполняло ему душу.

Никита вмѣстѣ съ толмачемъ Бокалино сѣли на нижнемъ концѣ стола рядомъ съ Леонардо да Винчи.

Хвастливый мантуанецъ рассказывалъ о чудесахъ, видѣнныхъ имъ въ Московіи, смѣшивая былъ съ небылицею. Художникъ, надѣясь получить болѣе точныя свѣдѣнія отъ самого Карачьярова, обратился къ нему черезъ переводчика и сталъ спрашивать о далекой странѣ, которая возбуждала любопытство Леонардо, какъ все безмѣрное и загадочное,—о ея безконечныхъ равнинахъ, лютыхъ морозахъ, могучихъ рѣкахъ и лѣсахъ, о приливѣ въ Гиперборейскомъ океанѣ и Гирканійскомъ морѣ, о сѣверномъ сіяніи, такъ же, какъ о друзьяхъ своихъ, поселившихся въ Москвѣ, ломбардскомъ художникѣ Пьетро Антонио Солари, который участвовалъ въ постройкѣ Грановитой Палаты, и зодчемъ Аристотелѣ Фіоравенти изъ Болоньи, украсившемъ площадь Бремля великолѣпными зданіями. Никита отвѣчалъ ему, какъ умѣлъ.

— Мессаре,—обратилась къ толмачу сидѣвшая рядомъ бойкая, любопытная и плутоватая донзелла Эрмеллина,—я слышала, будто бы эту удивительную страну потому называютъ Розія, что тамъ растетъ много розъ. Правда ли это?

Бокалино разсмѣялся и увѣрилъ донзеллу, что это вздоръ, что

въ „Розіи“, несмотря на ея имя, меньше розъ, чѣмъ въ каковой-либо иной странѣ, и въ доказательство привелъ итальянскую новеллу о русскомъ холодѣ.

Нѣкоторые купцы изъ города Флоренціи однажды пріѣхали въ Польшу. Далѣе въ Розію не пустили ихъ, потому что въ это время польскій король велъ войну съ великимъ герцогомъ Московіи. Флорентинцы, желая купить соболей, пригласили русскихъ купцовъ на берегъ Борисоена, отдѣляющаго обѣ страны. Опасаясь быть взятыми въ плѣнъ, москвиты стали на одномъ берегу, итальянцы—на другомъ, и начали громко перебиваться черезъ рѣку, торгуясь. Но стужа была такъ сильна, что слова, не достигая противоположнаго берега, замерзали въ воздухѣ. Тогда находчивые ляхи разложили большой костеръ по срединѣ рѣки, въ томъ мѣстѣ, куда по расчету слова доходили еще незамерзшими. Ледъ, твердый, какъ мраморъ, могъ выдержать какое угодно пламя. И вотъ, когда зажгли огонь, слова, въ продолженіе цѣлаго часа остававшіяся въ воздухѣ неподвижными, обледенѣлыми, начали таять, струиться съ тихимъ журчаніемъ, шелестомъ, подобно вешней капели, и, наконецъ, были услышаны флорентинцами явственно, несмотря на то, что москвиты давно уже удалились съ противоположнаго берега.

Этотъ рассказъ всѣмъ пришелся по вкусу. Взоры дамъ, полныя сострадательнаго любопытства, обратились на Никиту Карачьярова, обитателя столь злополучной, Богомъ проклятой земли.

Въ это время самъ Никита, остолбенѣвъ отъ удивленія, смотрѣлъ на невиданное зрѣлище,—громадное блюдо съ голою Андромедою, изъ нѣжныхъ каплуныхъ грудинокъ, прикованною къ скалѣ изъ творожнаго сыру, и освободителемъ ея, крылатымъ Персеємъ, изъ телятины.

Во время мясной части пира все было червленое, золотое, во время рыбной стало серебрянымъ, соответственно водной стихіи. Подали посеребренные хлѣбы, посеребренные салатные лимоны въ чашкахъ, и, наконецъ, на блюдѣ между гигантскими осетрами, миногами и стерлядями появилась богиня океана Амфитрита изъ бѣлаго мяса угрей въ перламутровой колесницѣ, влекомой дельфинами надъ голубовато-зеленымъ, какъ морскія волны, трепетнымъ студнемъ, изнутри освѣщенномъ огнями.

Затѣмъ потянулись нескончаемыя сладости—изваянія изъ марципановъ, фисташекъ, кедровыхъ орѣховъ, миндаля и жженого сахару, исполненныя по рисункамъ Браманте, Карадосо и Леонардо,—Геркулесъ, добывающій золотыя яблоки Гесперидъ, басня Ипполита съ Федрою, Вакха съ Ариадною, Юпитера съ Данаею—весь Олимпъ воскресшихъ боговъ.

Никита съ дѣтскимъ любопытствомъ глядѣлъ на эти чудеса,

между тѣмъ какъ Данило Кузьмичъ, теряя охоту къ ѣдѣ при видѣ голыхъ, безстыдныхъ богинь,—ворчалъ себѣ подъ носъ:

— Антихристова мерзость! Погань языческая!

VI.

Начался балъ. Тогдашнія пляски—„Венера и Завръ“, „Жестовая Участь“, „Купидонъ“—отличались медлительностью, такъ какъ платья дамъ, длинныя и тяжелыя, не позволяли быстрыхъ движеній. Дамы и кавалеры сходились, расходились съ неторопливою важною, съ жеманными поклонами, томными вздохами и сладкими улыбками. Женщины должны были выступать, какъ павы, плыть, какъ лебедки, „чтобы маленькія ножки ихъ“, по выраженію поэта, „двигались тихо, тихо“. И музыка была тихая, нѣжная, почти унылая, полная страстнымъ томленіемъ, какъ пѣсни Петrarки.

Главный полководецъ Моро, молодой синьоръ Галеадцо Сансеверино, изысканный щеголь, весь въ бѣломъ, съ откидными рукавами на розовой подкладкѣ, съ алмазами на бѣлыхъ туфляхъ, съ красивымъ, вялымъ, испытаннымъ и женоподобнымъ лицомъ, очаровывалъ дамъ. Одобрительный шопотъ пробѣгалъ въ толпѣ, когда во время танца „Жестовая Участь“, ровная,—какъ будто нечаянно, на самомъ дѣлѣ нарочно,—туфлю съ ноги или навидку съ плеча, продолжалъ онъ скользить и кружиться по залѣ съ тою „скуучающею небрежностью“, которая считалась признакомъ высшего изящества.

Данило Мамыровъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на него и плюнулъ:

— Ахъ, ты шутъ гороховый!

Герцогиня любила танцы. Но въ тотъ вечеръ на сердцѣ у нея было тяжело и смутно. Лишь давняя привычка къ лицемѣрію помогала ей разыгрывать роль гостепріимной хозяйки—отвѣчать необходимыми пошлостями на поздравленія съ новымъ годомъ, на приторныя любезности вельможъ. Порою казалось ей, что она не вынесетъ,—убѣжить или зарыдаеть.

Не находя себѣ мѣста, блуждая по многолюднымъ заламъ, зашла она въ маленькій дальній покой, гдѣ у весело плававшего камина разговаривали въ тѣсномъ кружкѣ молодыя дамы и синьоры.

Она спросила, о чемъ они бесѣдуютъ.

— О платонической любви, ваша свѣтлость,—отвѣчала одна изъ дамъ,—мессэръ Антонниотто Фрегозо доказываетъ, что женщина можетъ цѣловать въ губы мужчину, не нарушая цѣломудрія, если онъ любитъ ее небесною любовью.

— Какъ же вы это доказываете, мессэръ Антонниотто?—молвила герцогиня, разсѣянно щуя глаза.

— Съ позволенія вашей свѣтлости, я утверждаю, что уста— орудіе рѣчи,—служать вратами души, и когда они соединяются въ лобзаніи платоническомъ, души любовниковъ устремляются къ устамъ, какъ бы къ естественному выходу своему. Вотъ почему Платонъ не возбраняетъ поцѣлуя, а царь Соломонъ въ Пѣсни Пѣсней, прообразуя таинственное сліяніе души человѣческой съ Богомъ говоритъ: лобзай меня лобзаніемъ устъ твоихъ.

— Извините, мессэре,—перебилъ его одинъ изъ слушателей, старый баронъ, сельскій рыцарь съ честнымъ и грубымъ лицомъ,—можетъ быть, я этихъ тонкостей не разумѣю, но неужели полагаете вы, что мужъ, заставъ жену свою въ объятіяхъ любовника, долженъ терпѣть...

— Конечно,—возразилъ придворный философъ,—сообразно съ мудростью духовной любви...

— Позвольте однако замѣтить,—въ такомъ случаѣ бракъ...

— Ахъ, Боже мой! Да мы о любви говоримъ,—понимаете?— о любви, а не о бракѣ!—перебила хорошенькая мадонна Фіордализа, нетерпѣливо пожимая ослѣпительными голыми плечами.

— Но, вѣдь, и бракъ, мадонна, по всѣмъ законамъ человѣческимъ...—началъ было рыцарь.

— Законы!—презрительно сморщила Фіордализа свои алыя губки,—какъ можете вы, мессэре, въ такой возвышенной бесѣдѣ упоминать о законахъ человѣческихъ—жалкихъ созданіяхъ черни,—превращающихъ святія имена любовника и возлюбленной въ столь дикія, постыдныя слова, какъ мужъ и жена?

Баронъ опѣшилъ и только руками развелъ.

А мессэръ Фрегосо, не обращая на него вниманія, продолжалъ свою рѣчь о тайнахъ небесной любви.

Герцогинѣ сдѣлалось скучно.

Она потихоньку удалилась и перешла въ сосѣднюю залу.

Здѣсь читалъ стихи пріѣзжій изъ Рима знаменитый стихотворецъ Серафино д'Аквила, по прозвищу Единственный—Unico—маленькій, худенькій, тщательно вымытый, выбритый, завитой и надушенный человѣчекъ съ розовымъ младенческимъ личикомъ, томной улыбкой, скверными зубами и масляными глазками, въ которыхъ сквозь вѣчную слезу восторга мелькала порой плутоватая хитрость.

Увидѣвъ среди дамъ, окружавшихъ поэта, Лукрецію, Беатриче смутилась, чуть-чуть поблѣднѣла, но тотчасъ же оправилась, пошла къ ней съ обычною ласкою и поцѣловала.

Въ это время появилась въ дверяхъ полная, пестро-одѣтая, сильно нарумяненная, уже не молодая и некрасивая дама, державшая платокъ у носа.

— Что это, мадонна Діониджіа? Не ушиблись ли вы?—спросила ее донзелла Эрмелина съ лукавымъ участіемъ.

Діониджія объяснила, что во время танцевъ, должно быть, отъ жары и усталости, кровь пошла у нея изъ носу.

— Вотъ случай, на который даже мессэръ Унико едва ли сумѣлъ бы сочинить любовные стихи,—замѣтилъ одинъ изъ придворныхъ.

Унико вскочилъ, выставилъ одну ногу впередъ, задумчиво провелъ рукою по волосамъ, закинулъ голову и поднялъ глаза къ потолку.

— Тихе, тихе,—благоговѣнно зашумукали дамы,—мессэръ Унико сочиняетъ. Ваше высочество, пожалуйста сюда,—здѣсь лучше слышно.

Донзелла Эрмелина, взявъ лютню, потихонько перебирала струны, и подъ эти звуки поэтъ торжественно-глухимъ, замирающимъ голосомъ чревоушца проговорилъ сонетъ.

Амуръ, тронутый мольбами влюбленнаго, направилъ стрѣлу въ сердце жестокой. Но такъ какъ на глазахъ его повязка—промахнулся, и вмѣсто сердца—

Стрѣла пронзила носикъ вѣжнй,—
И вотъ въ платочекъ бѣлоснѣжный
Росою алой льется кровь.

Дамы захопали въ ладоши.

— Прелестно, прелестно, неподражаемо! Какая быстрота! Какая легкость! О, это не чета нашему Беллинчioni, который цѣлыми днями потѣтъ надъ однимъ сонетомъ. Ахъ, душечка, вѣрите ли, когда онъ поднялъ глаза къ небу, я почувствовала—точно вѣтеръ на лицѣ, что-то сверхъестественное,—мнѣ даже страшно стало...

— Мессэръ Унико, не хотите ли рейнскаго?—суетилась одна изъ поклонницъ.

— Мессэръ Унико, вотъ прохладительныя лепешечки съ мятою,—предлагала другая.

Его усаживали въ кресло. Обмахивали опахалами.

Онъ млѣлъ, таялъ и жмурилъ глаза, какъ сытый котъ на солнцѣ.

Потомъ прочелъ другой сонетъ въ честь герцогини, въ которомъ говорилось, что снѣгъ, пристыженный бѣлизной ея кожи, задумалъ коварную месть,—превратился въ ледъ, и потому-то недавно, выйдя прогуляться на дворъ замка, она поскользнулась и едва не упала.

Прочелъ онъ также стихи, посвященные красавицѣ, у которой не хватало передняго зуба: то была хитрость амура, который, обитая во рту ея, пользуется этой щелкою, какъ бойницею, чтобы метать свои стрѣлы.

— Геній!—взвизгнула одна изъ дамъ.—Имя Унико въ потомствѣ будетъ рядомъ съ именемъ Данте.

— Выше Данте!—подхватила другая.—Развѣ можно у Данте научиться такимъ любовнымъ тонкостямъ, какъ у нашего Унико?

— Мадонны,—возразилъ поэтъ со скромностью,—вы, кажется, преувеличиваете. Есть и у Данте нѣкоторыя достоинства. Впрочемъ, каждому свое. Что касается до меня, то за ваши рукоплесканія я отдалъ бы всю славу Данте.

— Унико! Унико!—вздыхали поклонницы, изнемогая отъ восторга.

Когда Серафино началъ новый сонетъ, гдѣ описывалось, какъ, во время пожара въ домѣ его возлюбленной, никакъ не могли потушить огонь, потому что сбѣжавшіеся люди должны были заливать водою пламя собственныхъ сердецъ, зажженное взорами красавицы, Беатриче, наконецъ, не вытерпѣла и ушла.

Она вернулась въ главные залы, велѣла своему пажу Ричьярдетто, преданному и даже, какъ порой казалось ей, влюбленному въ нее мальчику, идти наверхъ, ожидать ее съ фавеломъ у дверей спальни, и, поспѣшно пройдя нѣсколько ярко-освѣщенныхъ многолюдныхъ комнатъ, вступила въ пустынную, отдаленную галерею, гдѣ только стражи дремали, склонившись на копыя, — отперла желѣзную дверцу, поднялась по темной витой лѣстницѣ въ громадный сводчатый залъ, служившій герцогскою спальнею, находившійся въ четырехугольной сѣверной башнѣ Замка. Подошла со свѣчко къ небольшому, вдѣланному въ толщу каменной стѣны дубовому ларцу, гдѣ хранились важныя бумаги и тайныя письма герцога, вложила ключъ, украденный у мужа, въ замочную скважину, хотѣла повернуть, но почувствовала, что замокъ сломанъ, распахнула мѣдныя створы, увидѣла пустыя полки и догадалась, что Моро, замѣтивъ пропажу ключа, спряталъ письма въ другое мѣсто.

Она остановилась въ недоумѣніи.

За окнами вѣяли снѣжные хлопья какъ бѣлые призраки. Вѣтеръ свистѣлъ, то вылъ, то плакалъ. И древнее, страшное, вѣчно знакомое сердцу напоминали эти голоса ночного хаоса.

Взоры герцогини упали на чугунную заслонку, закрывавшую круглое отверстіе Діонисіева Уха—слуховой трубы, проведенной Леонардо въ герцогскую спальню изъ нижнихъ покоевъ дворца. Она подошла къ отверстию и, снявъ съ него тяжелую крышку, прислушалась. Волны звуковъ долетѣли къ ней, подобныя шуму несуществующаго моря, который слышится въ раковинахъ. Съ говоромъ, съ шелестомъ праздничной толпы, съ нѣжными вздохами музыки славался вой и свистъ ночного вѣтра.

Вдругъ ей почудилось, что не тамъ, внизу, а надъ самымъ ухомъ ея кто-то прошепталъ:

«Беллинчіони... Беллинчіони»...

Она вскрикнула и поблѣднѣла.

«Беллинчioni!.. Какъ же я сама не подумала? Да, да, конечно! Вотъ отъ когдѣ я узнаю все... Къ нему? Только какъ бы не замѣтили... Будутъ искать меня. Все равно! Я хочу знать, я больше не могу терпѣть этой жи!»

Она вспомнила, что Беллинчioni, отговорившись болѣзнью, не пріѣхалъ на балъ, сообразила, что въ этотъ часъ онъ почти навѣрное дома одинъ, и кликнула пажа Ричьярдетто, который стоялъ у дверей.

— Вели двумъ скороходамъ съ носилками ждать меня внизу, въ паркѣ, у потайныхъ воротъ Замка. Только смотри, если хочешь угодить мнѣ, чтобы никто объ этомъ не зналъ, — слышишь? — никто.

Она дала ему поцѣловать свою руку. Мальчикъ бросился исполнять приказаніе.

Беатриче вернулась въ опочивальню, накинула на плечи собою шубу, надѣла черную шелковую маску и черезъ нѣсколько минутъ уже сидѣла въ носилкахъ, направляющихся къ Тичинскимъ Воротамъ, гдѣ жилъ Беллинчioni.

VII.

Поэтъ называлъ свой ветхій, полуразвалившійся домикъ „лягушечьей норкою“. Онъ получалъ довольно много подарковъ, но велъ безпутную жизнь, пропивалъ или проигрывалъ все, что имѣлъ, и потому бѣдность, по собственному выраженію Бернардо, преслѣдовала его, „какъ нелюбимая, но вѣрная жена“.

Лежа на сломанной трехногой кровати, съ полѣномъ вмѣсто четвертой ноги, съ дырявымъ и тонкимъ, какъ блинъ, тюфякомъ, допивая третій горшокъ дрянного кислаго вина, сочинялъ онъ надгробную надпись для любимой собаки мадонны Цециліи. Поэтъ наблюдалъ, какъ потухаютъ послѣдніе угли въ каминѣ, тщетно стараясь согрѣться, натягивалъ на свои тонкія журавлиныя ноги изъѣденную молью бѣличью шубенку вмѣсто одѣяла, слушалъ завываніе вьюги и думалъ о холодѣ предстоявшей ночи.

На придворный балъ, гдѣ должны были представить сочиненную имъ въ честь герцогини аллегорію „Рай“, не пошелъ онъ вовсе не потому, что былъ боленъ, — хотя въ самомъ дѣлѣ уже давно хворалъ и такъ былъ худъ, что, по словамъ его, „можно было, разсматривая тѣло его, изучать анатомію всѣхъ человѣческихъ мускуловъ, жилъ и костей“. Но, будь онъ даже при послѣднемъ издыханіи, — все-таки потащился бы на праздникъ. Дѣйствительной причиной его отсутствія была зависть: лучше согласился бы онъ замерзнуть въ своей конурѣ, чѣмъ видѣть

торжество соперника, наглаго плута и пройдохи, мессэра Унико, который нелѣпными виршами успѣлъ вскружить головы свѣтскимъ дурамъ.

При одной мысли объ Унико вся желчь прилиwała въ сердцу Беллинціони. Онъ сжималъ кулаки и вскакивалъ съ постели. Но въ комнатѣ было такъ холодно, что тотчасъ же снова благоразумно ложился онъ въ постель, дрожалъ, кашлялъ и кутался.

— Негодяи! — ругался онъ. — Четыре сонета о дровахъ, да еще съ какими приемами — и ни щепки!.. Пожалуй, чернила замерзнутъ, — нечѣмъ будетъ писать. Не затопить ли перилами лѣстницы? Все равно, порядочные люди не ходятъ ко мнѣ, а если жидь-ростовщикъ свихнетъ себѣ шею, — не велика бѣда.

Но лѣстницы онъ пожалѣлъ. Взоры его обратились на толстое полѣно, служившее четвертою ногою его хромому ложу. Онъ остановился въ минутномъ раздумьи: что лучше — дрожать всю ночь отъ холода или спать на шатающемся ложѣ?

Вьюга свистнула въ оконную щель, заплакала, захохотала, какъ вѣдьма, въ трубѣ очага. Съ отчаянной рѣшимостью выхватилъ Бернардо полѣно изъ подъ кровати, разрубилъ его на щепки и сталъ бросать ихъ въ каминъ. Пламя вспыхнуло, озаряя печальную келью. Онъ присѣлъ на корточехи и протянулъ посижившія руки къ огню, послѣднему другу одинокихъ поэтовъ.

— Собачья жизнь! — размышлялъ Беллинціони. — А, вѣдь чѣмъ я, подумаешь, хуже другихъ? Не о моемъ ли прапрашурѣ, знаменитомъ флорентинцѣ, въ тѣ времена, какъ о домѣ Сфорца и помину еще не было, — божественный Данте сложилъ этотъ стихъ:

Bellincion Bertì vid'io andar cinto

Di suojo e d'osso?..

Небось, въ Миланѣ, когда я пріѣхалъ, придворные лизоблюды страмботто отъ сонета отличить не умѣли. Кто, какъ не я, научилъ ихъ изяществамъ новой поэзіи? Не съ моей ли легкой руки влючъ Гиппокрены разлился въ цѣлое море и грозитъ наводненіемъ? Теперь, кажется, и въ Большомъ Каналѣ кастальскія воды текутъ... И вотъ награда! Подохну, какъ песь въ конурѣ на соломѣ!... Впавшаго въ бѣдность поэта никто не узнаётъ, точно лицо его скрыто подъ маскою, изуродовано оспою.

И онъ прочелъ стихи изъ своего посланія герцогу Моро:

Иного я всю жизнь не слыхивалъ отвѣта,

Какъ «съ Богомъ прочь ступай, всѣ заняты мѣста».

Что дѣлать? Пѣсенка моя, должно быть, спѣта.

Ужъ я и не прошу о колапѣѣ шута, —

Но хоть на мельницу принять вели поэта,

О, щедрый государь, какъ вьючнаго скота!

Съ горькою усмѣшкою опустилъ онъ свою лысую голову.

Долгоязыый, тощій, съ краснымъ, длиннымъ носомъ, на кор-

точкахъ передъ огнемъ, онъ походилъ на большую забную птицу.

Внизу въ двери дома послышался стукъ, потомъ сонная ругань сварливой, опухшей отъ водянки старухи, его единственной прислужницы, и шлепаніе деревянныхъ башмаковъ ея по кирпичному полу.

— Кой чортъ?—удивился Бернардо,—ужъ не жидъ ли Соломоне опять за процентами? У, нехристи окаянныя! И ночью не дадутъ покоя...

Скрипнули ступени лѣстницы. Дверь отворилась, и въ комнату вошла женщина въ собольей шубѣ, въ шелковой черной маскѣ.

Бернардо вскочилъ и уставился на нее.

Она молча приблизилась къ стулу.

— Осторожнѣе, мадонна — предупредилъ хозяинъ, — спинка сломана.

И со свѣтскою любезностью прибавилъ:

— Какому доброму генію обязанъ я счастьемъ видѣть знаменитѣйшую синьору въ смиренномъ жилищѣ моемъ?

— Должно быть, заказчица. Какой-нибудь любовный мадригалшко—подумалъ, онъ.—Ну что жъ, и то хлѣбъ! Хоть на дрова. Только странно, какъ это одна, въ такой часъ?.. А, впрочемъ, имя мое тоже, видно, что-нибудь да значить. Мало ли невѣдомыхъ поклонницъ!

Онъ оживился, подбѣжалъ къ очагу и великодушно бросилъ въ огонь послѣднюю щепку.

Дама сняла маску.

— Это я, Бернардо.

Онъ вскрикнулъ, отступилъ и, чтобы не упасть, долженъ былъ схватиться рукою за дверную притолку.

— Иисусе, Дѣва Пречистая! — пролепеталъ онъ, выпучивъ глаза.—Ваша свѣтлость... яснѣйшая герцогиня...

— Бернардо, ты можешь сослужить мнѣ великую службу,—сказала Беатриче и потомъ спросила, оглядываясь,—никто не услышитъ?

— Будьте спокойны, ваше высочество, никто,—кромя крысъ да мышей...

— Послушай,—продолжала Беатриче, медленно, устремивъ на него пронизательный взоръ,—я знаю, ты писалъ для мадонны Лукреціи любовные стихи. У тебя должны быть письма герцога съ порученіями и заказами.

Онъ поблѣднѣлъ и молча смотрѣлъ на нее, расширивъ глаза, въ оцѣпенѣніи.

— Не бойся.—прибавила она,—никто не узнаетъ. Даю тебѣ

слово, я сьумѣю наградить тебя, если ты исполнишь просьбу мою. Я озолочу тебя, Бернардо.

— Ваше высочество, — съ усиліемъ произнесъ онъ коснѣющимъ языкомъ, — не вѣрьте... это клевета... никакихъ писемъ... какъ передъ Богомъ!..

Глаза ея свергнули гнѣвомъ. Тонкія брови сдвинулись. Она медленно встала и, не отвоя отъ него тяжелого, пристальнаго взора, подошла къ нему.

— Не лги. Я знаю все. Отдай мнѣ письма герцога, если жизнь тебѣ дорога, — слышишь, отдай! Берегись, Бернардо! Люди мои ждуть внизу. Я съ тобой не шутить пришла!..

Онъ упалъ передъ нею на колѣни:

— Воля ваша, синьора! Нѣтъ у меня никакихъ писемъ...

— Нѣтъ? — повторила она, наклоняясь и заглядывая ему въ глаза, — нѣтъ, говоришь ты?

— Нѣтъ...

Бѣшенство овладѣло ею.

— Погоди же, сводникъ проклятый, заставлю я тебя всю правду сказать. Собственными руками задушю, мерзавецъ!.. — крикнула она — и въ самомъ дѣлѣ вцѣпилась ему въ горло своими нѣжными пальцами съ такою силою, что онъ задохся и жилы налились у него на лбу. Не сопротивляясь, опустилъ руки, только безпомощно моргая глазами, сдѣлался онъ еще болѣе похожимъ на жалкую, больную птицу.

„Убьетъ, какъ Богъ святъ, убьетъ, — думалъ Бернардо. — Ну, что же, пусть!.. А герцога я не выдамъ“.

Беллинчioni былъ всю жизнь придворнымъ шуткомъ, беспутнымъ бродягою, продажнымъ стиховропателемъ, но никогда не былъ измѣнникомъ. Въ жилахъ его текла благородная кровь, болѣе чистая, чѣмъ у романьольскихъ наемниковъ, выскочекъ Сфорца, и теперь онъ готовъ былъ это доказать:

«Bellincion Berti vid'io andar cinto
Di cujo e d'osso, —

вспомнилъ онъ стихъ Аллигieri о своемъ великомъ предѣѣ.

Герцогиня опомнилась. Съ отвращеніемъ выпустила изъ рукъ своихъ горло поэта, оттолкнула его, подошла въ столу и, схвативъ маленькую съ продавленными боками, съ нагорѣвшею свѣтильною оловянную лампаду, направилась къ двери сосѣдней комнаты. Она уже раньше замѣтила ее и догадалась, что это студіоло — рабочая келья поэта.

Бернардо вскочилъ, и, ставъ передъ дверью, хотѣлъ преградить ей путь. Но герцогиня молча смѣрила его такимъ взглядомъ, что онъ съежился, сгорбился и отступилъ.

Она вошла въ обитель нищенской музы. Здѣсь пахло плѣ-

сенью книгъ. На голыхъ стѣнахъ, съ облупленною штукатуркою темнѣли пятна сырости. Разбитое стекло заиндевѣлаго окошка заткнуто было отрепьемъ. На письменномъ наклонномъ поставцѣ, забрызганномъ чернилами, съ гусиными перьями, общипанными и обглоданными во время исканія рѣмъ, валялись бумаги, должно быть, черновые наброски стиховъ.

Поставивъ лампаду на полку и не обращая вниманія на хозяйина, Беатриче стала рыться въ этихъ листахъ.

Здѣсь было множество сонетовъ придворнымъ казначеямъ, ключникамъ, стольникамъ, кравчимъ, съ шутовскими жалобами, съ мольбами о деньгахъ, дровахъ, винѣ, теплой одеждѣ, стѣстныхъ припасахъ. Въ одномъ изъ нихъ выпрашивалъ поэтъ у мессера Палавичини къ празднику Всѣхъ Святыхъ жаренаго гуся, начиненнаго айвою. Въ другомъ, озаглавленномъ „Отъ Моро къ Цециліи“, сравнивая герцога съ Юпитеромъ, герцогиню съ Юноною, рассказывалъ, какъ однажды Моро, отправившись на свиданіе съ любовницей и по дорогѣ застигнутый бурей, долженъ былъ вернуться домой, потому что „ревнивая Юнона, догадавшись объ измѣнѣ мужа, сорвала діадему съ головы своей и рассыпала жемчугъ съ небесъ, подобно бурному дождю и граду“.

Вдругъ подъ кипю бумагъ замѣтила она изящную шкатулку изъ чернаго дерева, открыла ее и увидѣла тщательно перевязанную пачку писемъ.

Бернардо, слѣдившій за нею, всплеснулъ руками въ ужасѣ. Герцогиня взглянула на него, потомъ на письма, прочла имя Лукреціи, узнала почеркъ Моро и поняла, что это, наконецъ, то, чего она искала, — письма герцога, черновые наброски любовныхъ стиховъ, заказанныхъ имъ для Лукреціи, — схватила пачку, сунула ее себѣ за платье на грудь и, молча, бросивъ поѣту, какъ подачку собакѣ, кошелекъ съ дукатами, — вышла.

Онъ слышалъ, какъ она сходила по лѣстницѣ, какъ захлопнулась дверь, и долго стоялъ среди комнаты, какъ громомъ пораженный. Полъ, казалось ему, шатался подъ нимъ, какъ палуба во время качки.

Наконецъ, въ изнеможеніи повалился онъ на свое трехногое хромящее ложе и заснулъ мертвымъ сномъ.

VIII.

Герцогиня вернулась въ замокъ.

Замѣтивъ ея отсутствіе, гости перешептывались, спрашивая, что случилось. Самъ герцогъ тревожился.

Войдя въ залу, она приблизилась къ нему съ немного блѣднымъ лицомъ и сказала, что, почувствовавъ усталость послѣ пира, удалилась во внутренніе покои, чтобы отдохнуть.

— Биче,—молвилъ герцогъ, взявъ ея руку, холодную и чуть-чуть задрожавшую въ рукѣ его,—если тебѣ нездоровится, скажи ради Бога. Не забывай, что ты беременна. Хочешь, отложимъ до завтра вторую часть праздника. Я, вѣдь, и затѣялъ-то все только для тебя, дорогая.

— Нѣтъ, не надо,—возразила герцогиня.— Пожалуйста, не безпокойся, Вико. Я давно не чувствовала себя такъ хорошо, какъ сегодня... такъ весело. Я хочу видѣть „Рай“. Я и плясать еще буду...

— Ну, слава Богу, милая, слава Богу,—успокоился Моро, цѣлуя съ почитательною нѣжностью руку жены.

Гости снова перешли въ большую „залу для игры въ мячъ“, гдѣ для представленія Рая Беллинчioni воздвигнута была машина, изобрѣтенная придворнымъ механикомъ Леонардо да Винчи.

Когда усѣлись по мѣстамъ и потушили огни, раздался голосъ Леонардо:

— Готово!

Вспыхнула пороховая нить, и въ темнотѣ, какъ ледяныя прозрачныя солнца, засіяли хрустальные шары, расположенные кругообразно, наполненные водою и освѣщенные изнутри множествомъ яркихъ огней, переливавшихся радугой.

— Посмотрите,—указывала сосѣдѣ на художника донселла Эрмеллина,— посмотрите, какое лицо! Настоящій магъ. Чего добраго, весь Замокъ подыметъ на воздухъ, какъ въ сказкѣ!

— Съ огнемъ играть не слѣдуетъ. Долго ли до пожара,—молвила сосѣдка.

Въ машинѣ за хрустальными шарами спрятаны были черныя круглыя ящики. Изъ одного ящика появился ангелъ съ бѣлыми крыльями, возвѣстивъ начало представленія и произнесъ одинъ изъ стиховъ пролога:

Великій царь своимъ вращаетъ сферы—

указалъ на герцога, давая понять, что Моро управляетъ подданными съ такою же мудростью, какъ Великій Монархъ небесными сферами.

И въ то же мгновеніе шары стали двигаться, вращаясь вокругъ оси машины подъ странные, тихіе, необычайно пріятные звуки, какъ будто хрустальныя сферы, цѣпляясь одна за другую, звенѣли таинственной музыкой небесъ, о которой повѣствуютъ пифагорейцы. Особые, изобрѣтенные Леонардо стеклянные колокола, ударяемые клавишами, производили эти звуки.

Планеты остановились, и надъ каждой изъ нихъ, по очереди, стали появляться соотвѣтственные боги — Юпитеръ, Аполлонъ, Меркурій, Марсъ, Діана, Венера, Сатурнъ, обращаясь съ пріѣтствіемъ къ Беатриче.

Меркурій произнесъ:

О, ты, затмившая всё древнія свѣтила,
О, солнце для живыхъ, о, зеркало небесъ,
Ты красотой своей Отца боговъ плѣнила,
Лампада изъ лампадъ и чудо изъ чудесъ!

Венера склонила колѣни передъ герцогинею:

Всѣ прелести мои ты обратила въ прахъ,
Уже назвать себя Венерою не смѣю,
И, побѣжденная звѣзда въ твоихъ лучахъ,
О, солнце новое, отъ зависти блѣднѣю.

Диана просила Юпитера:

Отдай меня, отецъ, отдай меня въ рабыни
Богинѣ всѣхъ богинь, миланской герцогинѣ.

Сатурнъ, ломая смертоносную косу, воскликнулъ:

Да будетъ жизнь твоя блаженна и безбурна,
И Вѣкъ твой Золотой,—какъ древній вѣкъ Сатурна.

Въ заключеніе Юпитеръ представилъ ея высочеству трехъ эллинскихъ Грацій, семь христіанскихъ Добродѣтелей, и весь этотъ Олимпъ или Рай подъ сѣнью бѣлыхъ ангельскихъ крыльевъ и креста, унизаннаго огнями зеленыхъ лампадъ, символами надежды, снова началъ вертѣться, причемъ всѣ боги и богини запѣли гимнъ во славу Беатриче, подъ музыку хрустальныхъ сферъ и рукоплесканія зрителей.

— Послушайте, — молвила герцогиня сидѣвшему рядомъ вельможѣ Гаспаре Висконти, — отчего же нѣтъ здѣсь Юноны, ревнивой супруги Юпитера, „срывающей головную повязку съ мудрей своихъ, чтобы разсыпать жемчугъ на землю, подобно дождю и граду?“

Услышавъ эти слова, герцогъ быстро обернулся и посмотрѣлъ на нее. Она засмѣялась такимъ страннымъ насильственнымъ смѣхомъ, что мгновенный холодъ пробѣжалъ по сердцу Моро. Но, тотчасъ же овладѣвъ собою, заговорила она о другомъ, только вѣрнѣе прижала подъ одеждою на груди своей пачку писемъ.

Предвзвѣваемая месть опьянала ее, дѣлала сильной, сложной, — почти веселой.

Гости перешли въ другую залу, гдѣ ожидало ихъ новое зрѣлище: запряженные неграми, леопардами, грифонами, кентаврами и драконами триумфальныя колесницы Нумы Помпилія, Цезаря, Августа, Траяна съ аллегорическими картинами и надписями, гласившими о томъ, что всѣ эти герои—предтечи Моро, и въ заключеніе появилась колесница, влекомая единорогами, — съ огромнымъ глобусомъ, подобіемъ звѣздной сферы, на которомъ лежалъ воинъ въ желѣзныхъ ржавыхъ латахъ. Золотое голое дитя съ вѣтвью шелковицы, по-итальянски „*моро*“, выходило изъ тре-

щины въ латахъ война, что означало смерть стараго Желѣзнаго и рожденіе новаго Золотого Вѣка, благодаря мудрому правленію Моро. Къ общему удивленію, золотое изваяніе оказалось живымъ ребенкомъ. Мальчикъ, вслѣдствіе густой позолоты, покрывавшей тѣло его, чувствовалъ себя нехорошо. Въ испуганныхъ глазахъ его блестѣли слезы.

Дрожащимъ, заунывнымъ голосомъ началъ онъ привѣтствіе герцогу съ постоянно возвращавшимся, однозвучнымъ, почти зловѣщимъ припѣвомъ:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро,
Съ обновленной красотой,
Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Вокругъ колесницы Золотого Вѣка возобновился балъ.

Нескончаемое привѣтствіе надобло всѣмъ. Его перестали слушать. А мальчикъ, стоя на своей вышкѣ, все еще лепеталъ золотыми восхвѣющими губами, съ безнадежнымъ и покорнымъ видомъ:

Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Беатриче танцевала съ Гаспаре Висконти. Порою судорога смѣха и рыданія сжимала ей горло. Съ нестерпимой болью стучала кровь въ виски. Въ глазахъ темнѣло. Но лицо казалось безпечнымъ. Она улыбалась.

Окончивъ пляску, герцогиня вышла изъ праздничной толпы и вновь незамѣтно удалилась.

IX.

Она прошла въ уединенную Башню Сокровищницы. Сюда никто никогда не входилъ, кромѣ нея и герцога.

Взявъ свѣчу у пажа Ричъардетто, она велѣла ему ожидать у входа и вступила въ высокій, сумрачный залъ, гдѣ было темно и холодно, какъ въ погребѣ, сѣла, вынула пачку писемъ, развязала, положила на столъ и уже хотѣла читать, какъ вдругъ съ пронзительнымъ визгомъ, свистомъ и гуломъ вѣтеръ ворвался въ трубу очага, пронесся по всей башнѣ, завывалъ, зашуршалъ и едва не задулъ свѣчи. Потомъ сразу наступила тишина. И ей казалось, что она различаетъ звуки дальней бальной музыки и еще другіе, чуть слышные голоса, звонъ желѣзныхъ оковъ — внизу, въ подземельи, гдѣ была тюрьма.

И въ то же мгновеніе почувствовала, что за нею, въ темномъ углу, кто-то стоитъ. Знакомый ужасъ охватилъ ее. Она знала, что не надо смотрѣть. Но не выдержала и оглянулась. Въ углу стоялъ тотъ, кого она уже видѣла разъ, — длинный, длинный, черный,

чернѣ мрака, закутанный, съ пониженой головою, съ монашескимъ куколемъ, опущеннымъ такъ, что лица не было видно. Она хотѣла крикнуть, позвать Ричъардетто, но голосъ ея замеръ. Она вскочила, чтобы бѣжать, — ноги у нея подкосились. Она упала на колѣни и прошептала:

— Ты... ты опять... зачѣмъ?..

Онъ медленно поднялъ голову.

И она увидѣла не мертвое, не страшное лицо покойнаго герцога Джіана Галеаццо и услышала голосъ его:

— Прости... бѣдная, бѣдная...

Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ, и въ лицо ей пахнуло сверхъестественнымъ холодомъ.

Она закричала пронзительнымъ, нечеловѣческимъ крикомъ и лишилась сознанія.

Ричъардетто, услышавъ этотъ крикъ, прибѣжалъ и увидѣлъ ее, лежавшую на полу безъ чувствъ.

Онъ бросился бѣжать по темнымъ галлереямъ, кое-гдѣ освѣщеннымъ тусклыми фонарями часовыхъ, затѣмъ по яркимъ, многолюднымъ заламъ, отыскивая герцога съ воплемъ безумнаго ужаса:

— Помогите! Помогите!

Была полночь. На балу царствовала увлекательная веселость. Только что начали модную пляску, во время которой кавалеры и дамы проходили вереницею подъ „Аркою Вѣрныхъ Любowników“. Человѣкъ, изображавшій Генія Любви съ длинною трубою, находился на вершинѣ арки. У подножія стояли судьи. Когда приближались „вѣрные любовники“, геній привѣтствовалъ ихъ нѣжною музыкою. Судьи принимали съ радостью. Невѣрные же тщетно старались пройти сквозь волшебную арку: труба оглушала ихъ страшными звуками; судьи встрѣчали бурей конфетти, и несчастные подъ градомъ насмѣшекъ должны были обращаться въ бѣгство.

Герцогъ только что прошелъ сквозь арку, сопровождаемый самыми тихими, сладостными звуками трубы, подобными пастушеской свирѣли или воркованію горлицъ, какъ вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ любовниковъ.

Въ это мгновеніе толпа разступилась. Въ залу вбѣжалъ Ричъардетто съ отчаяннымъ воплемъ:

— Помогите! Помогите!

Увидѣвъ герцога, онъ кинулся къ нему.

— Что, что такое?..—спросилъ его Моро.

— Ваше высочество, герцогинѣ дурно... Скорѣе... Помогите!

— Дурно?.. Опять!..

Герцогъ схватился за голову.

— Гдѣ? Гдѣ? Да говори же толкомъ!..

— Въ Башнѣ Сокровищницы...

Моро пустился бѣжать такъ быстро, что золотая чешуйчатая цѣпь на груди его звякала, пышная гладкая цаццера, — прическа, похожая на парикъ, — странно подсаживала на головѣ его.

Геній на аркѣ Вѣрныхъ Любowników все еще продолжавшій трубить, — наконецъ, замѣтилъ, что внизу неладно, и умоляетъ.

Многіе побѣжали за герцогомъ, и вдругъ вся блестящая толпа всколыхнулась, ринулась къ дверямъ, какъ стадо барановъ, обуйное ужасомъ. Арку повалили и растоптали. Трубачъ, едва успѣвъ соскочить, вывихнулъ себѣ ногу.

Кто-то крикнулъ:

— Пожаръ!

— Ну, вотъ, говорила я, что съ огнемъ играть не слѣдуетъ! — всплеснувъ руками, воскликнула дама, не одобравшая хрустальныхъ шаровъ Леонардо.

Другая взвизгнула, готовясь упасть въ обморокъ.

— Успокойтесь, пожара нѣтъ, — увѣрили одни.

— Что же такое? — спрашивали другіе.

— Герцогиня больна...

— Умираетъ! Отравили! — рѣшилъ кто-то изъ придворныхъ по внезапному напѣтю и тотчасъ же самъ повѣрилъ своей выдумкѣ.

— Не можетъ быть! Герцогиня только что была здѣсь... Танцевала.

— Развѣ вы не слышали? Вдова покойнаго герцога Джіана Галеаццо, Изабелла Арагонская, изъ мести за мужа... медленнымъ ядомъ...

— Съ нами сила Господя!

Изъ сосѣдней залы долетали звуки музыки.

Тамъ ничего не знали. Въ танцѣ „Венера и Завръ“ дами съ любезной улыбкой водили своихъ кавалеровъ на золотыхъ цѣпяхъ, какъ узниковъ, и когда они съ томными вздохами падали ницъ, — ставили имъ ногу на спину, какъ побѣдительницы.

Вбѣжалъ камерьере, замахалъ руками и крикнулъ музыкантамъ:

— Тихе, тихе! Герцогиня больна...

Всѣ обернулись. Музыка стихла. Одна лишь віола, на которой игралъ тугой на ухо, подслѣповатый старичокъ, долго еще заливалась въ безмолвіи жалобно-трепетнымъ звукомъ.

Служители поспѣшно пронесли кровать, узкую, длинную, съ жесткимъ тюфякомъ, съ двумя поперечными брусками для головы, двумя колками по обѣимъ сторонамъ для рукъ и перемладиною для ногъ родильницы, сохранявшуюся съ незапамятныхъ временъ въ гвардаробныхъ покояхъ дворца и служившую для родовъ веѣмъ государынямъ дома Сфорца. Странной и злобщей казалась среди

бала въ блескѣ праздничныхъ огней надъ толпою разряженныхъ дамъ эта родильная кровать.

Всѣ переглянулись и поняли.

— Ежели отъ испуга или паденія, — замѣтила пожилая дама, — слѣдовало бы немедленно проглотить бѣлокъ сырого яйца съ мелко-нарѣзанными кусочками алаго шелка.

Другая увѣряла, что красный шелкъ тутъ ни при чемъ, а надо съѣсть зародыши семи куриныхъ яицъ въ желткѣ восьмого.

Въ это время Ричъардетто, войдя въ одну изъ верхнихъ залъ, услышалъ за дверями сосѣдней комнаты такой страшный вопль, что остановился въ недоумѣніи и спросилъ, указывая на дверь, одну изъ женщинъ, проходившихъ съ корзинами бѣлья, грѣлками и сосудами горячей воды:

— Что это?

Она не отвѣтила.

Другая, старая, должно быть, повивальная бабка, посмотрѣла на него строго и проговорила:

— Ступай, ступай съ Богомъ. Чего торчишь на дорогѣ, — только мѣшаешь. Не мѣсто здѣсь мальчишкамъ.

Дверь на мгновеніе приотворилась, и Ричъардетто увидѣлъ въ глубинѣ комнаты, среди беспорядка сорванныхъ одеждъ и бѣлья, лицо той, которую любилъ безнадежною дѣтскою любовью, — красное, потное, съ прядями волосъ, прилипшихъ ко лбу, съ раскрытымъ ртомъ, откуда вылеталъ нескончаемый вопль. Мальчикъ поблѣднѣлъ и закрылъ лицо руками.

Рядомъ съ нимъ разговаривали шепотомъ разныя кумушки, нянюшки, лѣварки, знахарки, повитухи. У каждой было свое средство. Одна предлагала обернуть правую ногу родильницы змѣиною кожею; другая — посадить ее на чугунный котелъ съ кипяткомъ; третья — подвязать къ животу ея шапку супруга; четвертая — дать водки, настоенной на отросткахъ оленьихъ роговъ и кошенильномъ сѣмени.

— Орлиный камень подъ правую мышку, магнитный — подъ лѣвую, — шамкала древняя, сморщенная старушенка, хлопотавшая больше всѣхъ, — это, мать моя, первое дѣло! Орлиный камень, либо изумрудъ...

Изъ дверей выбѣжалъ герцогъ и упалъ на стулъ, сжимая голову руками и всхлипывая, какъ ребенокъ:

— Господи! Господи! Не могу больше... не могу... Биче, Биче... Изъ-за меня, окаяннаго!..

Онъ вспоминалъ, какъ только что увидѣвъ его, герцогиня закричала съ неистовою злобою: „Прочь! прочь! Ступай въ своей Лукреці!“

Хлопотливая старушонка подошла къ нему съ оловянною тарелочкой:

— Откушать извольте, ваше высочество.

— Что это?

— Волчье мясо. Примѣта есть: какъ волчьяго мяса отвѣдаетъ мужъ, родильницѣ легче станеть. Волчье мясо, отецъ ты мой, первое дѣло...

Герцогъ съ покорнымъ и бессмысленнымъ видомъ старался проглотить кусочекъ жестваго, чернаго мяса, который застрялъ у него въ горлѣ.

Старуха, наклонившись надъ нимъ, бормотала:

Отче нашъ, вже еси.
Семь волковъ, одна волчиха.
На земли и небеси.
Взвейся вѣтеръ, наше лихо
Въ чисто поле унеси.

„Святъ, святъ, святъ — во имя Троицы единосущной и безначальной. Крѣпко слово наше. Аминь!“

Изъ комнаты больной вышелъ главный придворный медикъ Луиджи Марліани въ сопровожденіи другихъ врачей.

Герцогъ бросился къ нимъ.

— Ну, что? Какъ?..

Они молчали.

— Ваше свѣтлость, — произнесъ, наконецъ, Луиджи, — всѣ мѣры приняты. Будемъ надѣяться, что Господь въ своемъ милосердіи...

Герцогъ схватилъ его за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Есть же какое-нибудь средство... Такъ нельзя... Ради Бога... Ну, сдѣлайте же, сдѣлайте что-нибудь!..

Врачи переглянулись, какъ авгуры, — чувствуя, что надо его успокоить.

Марліани, строго нахмуривъ брови, сказалъ по-латински молодому врачу съ румянымъ и наглымъ лицомъ:

— Три унціи отвара изъ рѣчныхъ улитокъ съ мушкатнымъ орѣхомъ и краснымъ толченымъ коралломъ.

— Можетъ быть, кровопусканіе? — замѣтилъ старичокъ съ робкимъ и добрымъ лицомъ.

— Кровопусканіе? Я уже думалъ, — продолжалъ Марліани, — къ несчастью, Марсъ въ созвѣздіи Рака въ четвертомъ домѣ Солнца. Къ тому же вліяніе нечетнаго дня...

Старичокъ смиренно вздохнулъ и притихъ.

— Какъ полагаете вы, учитель, — обратился къ Марліани другой врачъ, краснощекій, развязный, съ непобѣдимо-веселыми и равнодушными глазами, — не прибавить ли къ отвару изъ улитокъ мартовскаго коровьяго помета?

— Да, — задумчиво согласился Луиджи, потирая себѣ переносицу, — коровьяго помета, — да, да, конечно.

— О, Господи! Господи! — простоналъ герцогъ.

— Ваше высочество, — обратился къ нему Марліани, — успокойтесь, могу васъ увѣрить, что все предписываемое наукою...

— Къ чорту науку! — вдругъ, не выдержавъ, накинулся на него герцогъ, съ яростью сжимая кулаки. — Она умираетъ, умираетъ, слышите! А вы тутъ съ отваромъ изъ улитокъ съ коровьимъ пометомъ!.. Негодяи!.. Вздернуть бы васъ всѣхъ на висѣлицу!..

И въ смертельное тоскѣ заметался онъ по комнатѣ, прислушиваясь къ неумолкаемому воплю.

Вдругъ взоръ его упалъ на Леонардо. Онъ отвелъ его въ сторону:

— Послушай, — забормоталъ герцогъ, точно въ бреду, видимо самъ едва помня, что говоритъ, — послушай Леонардо, ты стоишь больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ. Я знаю, ты обладаешь великими тайнами... Нѣтъ, нѣтъ, не возражай... Я знаю... Ахъ, Боже мой, Боже мой, этотъ крикъ!.. Что я хотѣлъ сказать? Да, да, — помоги мнѣ, другъ мой, помоги, сдѣлай что-нибудь... Я душу отдамъ, только бы помочь ей хоть ненадолго, только бы этого крика не слышать!..

Леонардо хотѣлъ отвѣтить. Но герцогъ, уже забывъ о немъ, кинулся навстрѣчу капелланамъ и монахамъ, входившимъ въ комнату.

— Наконецъ-то! Слава Богу! Что у васъ?

— Частицы мощей преподобнаго Амброджіо, поясъ родопомощницы святой Маргариты, честнѣйшій зубъ святого Христофора, волосъ Дѣвы Маріи.

— Хорошо, хорошо, ступайте, молитесь!

Моро хотѣлъ войти съ ними въ комнату больной, но въ это мгновеніе крикъ превратился въ такой ужасающій визгъ и ревъ, что, заткнувъ уши, онъ бросился бѣжать; миновавъ нѣсколько темныхъ залъ, остановился въ часовнѣ, слабо освѣщенной лампадами, и упалъ на колѣни передъ иконою.

— Согрѣшилъ я, Матерь Божія, согрѣшилъ, океанный, невиннаго отрока погубилъ, законнаго государя моего Джіана-Галеаццо! Но ты, Милосердная, Заступница единая, услышь молитву мою и помилуй! Все отдамъ, все отмолю, только спаси ее, возьми душу мою за нее!

Обрывки нелѣпыхъ постороннихъ мыслей тѣснились въ головѣ его, мѣшая молиться. Онъ вспомнилъ разсказъ, которому недавно смѣялся, — о томъ, какъ одинъ корабельщикъ, погибая во время бури, общалъ Маріи Дѣвѣ свѣчу величиною съ мачту корабля. Когда же товарищъ спросилъ его, откуда возьметъ онъ воску для

такой свѣчи, тотъ отвѣтилъ: молчи, только бы спастись намъ теперь, а потомъ будетъ время подумать; въ тому же, я надѣюсь, что Мадонна удовольствуется меньшею свѣчею.

— О чемъ это я, Боже мой! — опомнился герцогъ, — съ ума схожу, что ли?

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы собрать мысли, и началъ снова молиться.

Но яркіе хрустальные шары, похожіе на ледяныя, прозрачныя соляца, поплыли, закружились передъ его глазами, слышалась тихая музыка, вмѣстѣ съ назойливымъ прищѣвомъ золотого мальчика:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро
Я вернусь по волѣ Мора.

Потомъ все исчезло. Когда онъ проснулся, ему казалось, что прошло не болѣе двухъ, трехъ минутъ. Но выйдя изъ часовни, увидѣлъ онъ въ окнахъ, занесенныхъ вьюгою, сѣрый свѣтъ зимняго утра.

Х.

Моро вернулся въ залы Рокетты. Здѣсь всюду была тишина. Навстрѣчу ему попалась женщина, несшая коробъ съ пеленками. Она подошла и сказала:

— Изволили разрѣшиться.

— Жива? — пролетѣлъ онъ, блѣднѣя.

— Да. Но ребеночекъ умеръ. Очень ослабѣли. Желаютъ васъ видѣть, — пожалуйста.

Онъ вошелъ въ комнату и увидѣлъ на подушкахъ крошечное, какъ у маленькой дѣвочки, съ громадными впадинами глазъ, точно затканными паутиною, спокойное, странно-знакомое и чуждое лицо. Онъ подошелъ къ ней и наклонился.

— Пошли за Изабеллой... скорѣе, — произнесла она шепотомъ.

Герцогъ отдалъ приказаніе. Черезъ нѣсколько минутъ высокая стройная женщина съ печальнымъ, гордымъ лицомъ, герцогиня Изабелла Аррагонская, вдова Джіана-Галеаццо, вошла въ комнату и приблизилась къ умирающей. Всѣ удалились, кромѣ духовника и Мора, ставшихъ поодаль.

Нѣкоторое время обѣ женщины разговаривали шепотомъ. Потомъ Изабелла поцѣловала Беатриче со словами послѣдняго прощенія и, опустившись на колѣни, закрывъ лицо руками, стала молиться.

Беатриче снова подозвала къ себѣ мужа.

— Вико, прости. Не плачь. Помни... я всегда съ тобою... Я знаю, что ты меня одну...

Она не договорила. Но онъ понялъ, что она хотѣла сказать: я знаю, что ты меня одну любилъ.

Она посмотрѣла на него медленнымъ, какъ будто безконечно-далекимъ взоромъ и прошептала:

— Поцѣлуй.

Моро коснулся лба ея губами. Она хотѣла что-то сказать, не могла и только вздохнула чуть слышно:

— Въ губы.

Монахъ сталъ читать отходную. Приближенные вернулись въ комнату.

Герцогъ, не отрывая своихъ губъ отъ прощальнаго лобзанія, чувствовалъ, какъ уста ея холодѣютъ, — и въ этомъ послѣднемъ поцѣлуѣ принялъ послѣдній вздохъ своей подруги.

— Скончалась, — молвилъ Марліани.

Всѣ перекрестились и стали на колѣни. Моро медленно неподнялся. Лицо его было неподвижно. Оно выражало не скорбь, а страшное неизмѣрное напряженіе. Онъ дышалъ тяжело и часто, какъ будто черезъ силу подымался на-гору. Вдругъ неестественно и странно взмахнулъ сразу обѣими руками, вскрикнулъ: „Биче!“ — и упалъ на мертвое тѣло.

Изъ всѣхъ, кто тамъ былъ, одинъ Леонардо сохранилъ спокойствіе. Яснымъ, испытующимъ взоромъ слѣдилъ онъ за герцогомъ.

Въ такія минуты любопытство художника превозмогало въ немъ все. Выраженіе великаго страданія въ человѣческихъ лицахъ, въ движеніяхъ тѣла наблюдалъ онъ какъ рѣдкій необычайный опытъ, какъ новое, прекрасное явленіе природы. Ни одна морщина, ни одинъ трепетъ мускула не ускользали отъ его безстрастнаго всевидящаго взора.

Ему хотѣлось какъ можно скорѣе зарисовать лицо Моро, искаженное отчаяніемъ, въ памятную книжку. Онъ сошелъ въ пустынные нижніе покои дворца.

Здѣсь догорающія свѣчи коптели, роняя капли воска на полъ. Въ одной изъ залъ перешагнулъ онъ черезъ опрокинутую, измятую арку Вѣрныхъ Любовниковъ. Въ холодномъ свѣтѣ утра зловѣщими и жалкими казались пышныя аллегоріи, прославлявшія Моро и Беатриче, триумфальныя колесницы Нумы Помпилія, Августа, Траяна, Золотого Вѣка.

Онъ подошелъ къ потухшему камину, оглянулся и, удостоившись, что въ залѣ нѣтъ никого, вынулъ записную книжку, карандашъ и началъ рисовать, какъ вдругъ замѣтилъ въ углу каминна мальчишка, служившаго изваяніемъ Золотого Вѣка. Онъ спалъ, окоченѣлый отъ холода, сворчившись, съезжившись, охвативъ руками колѣни, опустивъ на нихъ голову. Послѣднее дыханіе стынущаго пепла не могло согрѣть его голаго золотого тѣла.

Леонардо тихонько дотронулся до плеча его. Ребенокъ не

поднялъ головы, только жалобно и глухо простоналъ. Художникъ взялъ его на руки.

Мальчикъ открылъ большіе, черно-синіе, какъ фіалки, испуганные глаза и заплакалъ:

— Домой, домой...

— Гдѣ ты живешь? Какъ твое имя?—спросилъ Леонардо.

— Липпи,—отвѣтилъ мальчикъ. Домой, домой! Ой, тошно мнѣ, холодно...

Вѣки его сомкнулись. Онъ залепеталъ въ бреду:

Скоро къ вамъ, о люди, скоро,
Съ обновленной красотой,
Я вернусь, по волѣ Моро,
Безпечальный Вѣкъ Златой.

Снявъ съ плечъ своихъ накидку, Леонардо завернулъ въ нее ребенка, положилъ на кресло, вышелъ въ переднюю, растолкалъ храпѣвшихъ на полу, напившихся во время суматохи слугъ, и узналъ отъ одного изъ нихъ, что Липпи—сынъ бѣднаго, стараго вдовца, пекаря на улицѣ Бролетто Ново, который за двадцать скуди отдалъ ребенка для представленія триумфа, хотя добрые люди предупреждали отца, что мальчикъ можетъ умереть отъ позолоты.

Художникъ отыскалъ свой теплый зимній плащъ, надѣлъ его, вернулся къ Липпи, бережно закуталъ его въ шубу и вышелъ изъ дворца, намѣреваясь зайти въ аптеку купить нужныхъ снадобій, отмыть позолоту съ тѣла ребенка и отнести его домой.

Вдругъ вспомнилъ онъ о начатомъ рисункѣ, о любопытномъ выраженіи отчаянія въ лицѣ Моро.

«Ничего,—подумалъ Леонардо,—не забуду. Главное—морщины надъ высоко поднятыми бровями и странная, свѣтлая, какъ будто восторженная улыбка на губахъ, та самая, которая дѣлаетъ сходнымъ въ человѣческихъ лицахъ выраженія величайшаго страданія и величайшаго блаженства,—по свидѣтельству Платона, раздѣленныхъ въ основаніяхъ, вершинами сросшихся».

Онъ почувствовалъ, что мальчикъ дрожить отъ озноба.

«Нашъ Вѣкъ Золотой»,—подумалъ художникъ съ печальной усмѣшкой.

— Бѣдная ты моя птичка!—прошепталъ онъ съ безконечною жалостью и, закутавъ его теплѣе, прижалъ къ своей груди такъ нѣжно, такъ ласково, что больному ребенку приснилось, что покойная мать ласкаетъ его и баюкаетъ.

XI.

Герцогиня Беатриче умерла во вторникъ, 2 января 1497 года, въ 6 часовъ утра.

Болѣ сутокъ провелъ герцогъ у тѣла жены, не слушая никакихъ увѣщаній, отказываясь отъ сна и пищи. Приближенные опасались, что онъ сойдетъ съ ума.

Утромъ, въ четвергъ, потребовавъ бумаги и чернилъ, написалъ онъ Изабеллѣ д'Эсте, сестрѣ покойной герцогини, письмо, въ которомъ, извѣщая о смерти Беатриче, говорилъ между прочимъ:

„Легче было бы намъ самимъ умереть. Просимъ васъ, не присылайте нивого для утѣшенія, дабы не возобновлять нашей скорби“.

Въ тотъ же день, около полудня, уступая мольбамъ приближенныхъ, согласился онъ принять немного пищи. Но сѣсть за столъ не хотѣлъ и ѣлъ съ голой доски, которую держалъ передъ нимъ Ричъардетто.

Сначала заботы о похоронахъ герцогъ предоставилъ главному секретарю, Бартоломео Калько. Но, назначая порядокъ шествія, чего никто не могъ сдѣлать, кромѣ него, мало-по-малу увлекся и съ такою же любовью, какъ нѣкогда великолѣпный новогодній праздникъ Золотого Вѣка, началъ устраивать похороны Беатриче. Хлопоталъ, входилъ во всѣ мелочи, съ точностью опредѣлялъ вѣсъ огромныхъ свѣчей изъ бѣлаго и желтаго воска, число локтей золотой парчи и чернаго, и карамзиннаго бархата для каждаго изъ алтарныхъ покрововъ, количество мелкой монеты, гороху и сала для раздачи бѣднымъ на поминовеніе души усопшей. Выбирая сукно для траурныхъ одеждъ придворныхъ служителей, не притронулъ пощупать ткань между пальцами и приблизить къ свѣту, дабы удостовѣриться въ ея добротности. Заказалъ и для себя изъ грубаго шероховатаго сукна особое торжественное облаченіе „великаго траура“ съ нарочитыми прорѣхами, которое имѣло видъ одежды, разодранной въ порывѣ отчаянія.

Похороны назначены были въ пятницу, поздно вечеромъ. Во главѣ погребальнаго шествія выступали скороходы, булавоносцы, герольды, трубившія въ длинныя серебряныя трубы съ подвѣшенными къ нимъ знаменами изъ чернаго шелку, барабанщики, бывшіе дробь похороннаго марша, рыцари съ опущенными забралами, съ траурными хоругвями, на коняхъ, облеченныхъ въ попоны изъ чернаго бархата съ бѣлыми крестами, монахи всѣхъ монастырей и каноникъ Милана съ горящими шестифунтовыми свѣчами, архіепископъ Милана съ причтомъ и клиромъ. За громадною колесницею съ катафалкомъ изъ серебряной парчи, съ четырьмя серебряными ангелами и съ герцогскою короною, шелъ Моро въ сопровожденіи брата своего, кардинала Асканіо, пословъ цезарскаго величества, Испаніи, Неаполя, Венеціи, Флоренціи; далѣе—члены тайнаго совѣта, придворные, доктора и магистры

Павійскаго университета, именитые купцы, по двѣнадцати выборовныхъ для каждаго изъ Воротъ Милана, и несмѣтная толпа народа.

Шествіе было такъ длинно, что хвостъ его еще выходилъ изъ крѣпости, когда голова уже вступала въ церковь Маріи дѣлле Граціе.

Черезъ нѣсколько дней герцогъ украсилъ могилу мертворожденнаго младенца Леоне великолѣпною надписью. Онъ сочинилъ ее самъ по-итальянски, Мэрула перевелъ на латинскій языкъ:

„Несчастное дитя, я умеръ прежде, чѣмъ увидѣлъ свѣтъ, еще несчастіе тѣмъ, что, умирая, отнялъ жизнь у матери, у отца — супругу. Въ столь горькой судьбѣ мнѣ отрада лишь то, что произвели меня на свѣтъ родители богоподобные, — Лудовикусъ и Беатриксъ, медіоланскіе герцоги. 1497 годъ, третьи ноны Января“.

Долго любовался Моро этою надписью, вырѣзанной золотыми буквами на плитѣ чернаго мрамора надъ маленькою гробницею Леоне, находившеюся въ томъ же монастырѣ Маріи дѣлле Граціе, гдѣ покоилась Беатриче. Онъ раздѣлялъ простодушное восхищеніе каменщика, который, кончивъ работу, отошелъ, посмотрѣлъ издали, склонивъ голову на бокъ и закрывъ одинъ глазъ, прищелкнулъ языкомъ отъ удовольствія:

— Не могила, — игрушка!

Было морозное солнечное утро. Снѣгъ на крышахъ домовъ сіялъ бѣлизной въ голубыхъ небесахъ. Въ хрустальномъ воздухѣ вѣяло тою свѣжестью, подобной запаху ландышей, которая кажется благоуханіемъ снѣга.

Прямо съ мороза и солнца, точно въ склепъ, вошелъ Леонардо въ темную душную комнату, обтянутую черною тафтою, съ закрытыми ставнями и погребальными свѣчами. Въ первые дни послѣ похоронъ герцогъ никуда не выходилъ изъ этой мрачной кельи.

Поговоривъ съ художникомъ о Тайной Вечери, которая должна была прославить мѣсто вѣчнаго упокоенія Беатриче, онъ сказалъ ему:

— Я слышалъ, Леонардо, что ты взялъ на свое попеченіе мальчика, который представлялъ рожденіе Золотого Вѣка на этомъ злополучномъ праздникѣ. Какъ его здоровье?

— Ваше высочество, онъ умеръ въ самый день похоронъ ея свѣтлости.

— Умеръ! — удивился и въ тоже время какъ бы обрадовался герцогъ, — умеръ... Какъ это странно!

Онъ опустилъ голову и тяжело вздохнулъ. Потомъ вдругъ обнялъ Леонардо:

— Да, да, именно такъ и должно было случиться! Умеръ нашъ Вѣкъ Золотой, умеръ вмѣстѣ съ моею ненаглядною! Похоронили

мы его вмѣстѣ съ Беатриче, ибо не хотѣлъ и не могъ онъ ее пережить! Не правда ли, другъ мой, — какое вѣщее совпаденіе, какая прекрасная аллегорія!

XII.

Цѣлый годъ прошелъ въ глубокомъ траурѣ. Герцогъ не снималъ черной одежды съ нарочитыми прорѣхами и, не садясь за столъ, ѣлъ съ доски, которую передъ нимъ держали придворные.

„Послѣ смерти герцогини, — писалъ въ своихъ донесеніяхъ Марино Сануто, посоль Венеціи, — Моро сдѣлался набожнымъ, присутствуетъ на всѣхъ церковныхъ службахъ, постится, живетъ въ цѣломудріи, — такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ, — и въ помыслахъ своихъ имѣетъ страхъ Божій“.

Днемъ въ государственныхъ дѣлахъ герцогъ забывался порою, хотя и въ этихъ занятіяхъ не доставало ему Беатриче. Зато ночью тоска съ удвоенною силою грывала его. Часто видѣлъ онъ ее во снѣ шестнадцатилѣтнею дѣвочкою, какою вышла она замужъ — своенравною, рѣзвою, какъ школьница, худенькою, смуглою, похожею на мальчика, столь дикою, что, бывало, пряталась въ гвардаробные шкапы, чтобы не являться на торжественные выходы. — столь дѣвственной, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы все еще оборонялась отъ его любовныхъ нападеній ногтями и к зубами, какъ амазонка.

Въ ночь, за пять дней до первой годовщины смерти ея, Беатриче приснилась ему, какою онъ видѣлъ ее однажды во время рыбной ловли на берегу большого, тихаго пруда, въ ея любимомъ имѣніи Куснаго. Уловъ былъ счастливый. Ведра переполнились рыбою до-верху. Она придумала забаву: засучивъ рукава, брала рыбу изъ влажныхъ сѣтей и бросала пригоршнями въ воду, смѣясь и любясь радостью освобожденныхъ плѣнницъ, ихъ бѣглымъ чешуйчатымъ блескомъ въ прозрачной волнѣ. Сколькіе окуни, лѣж, лещи трепетали въ голыхъ рукахъ ея, брызги горѣли на солнцѣ алмазами, горѣли глаза и смуглыя щеки его милой дѣвочки.

Проснувшись, герцогъ почувствовалъ, что подушка его смочена слезами.

Утромъ пошелъ онъ въ монастырь дѣле Граціе, помолился надъ гробомъ жены, откушалъ съ пріоромъ и долго бесѣдовалъ съ нимъ о вопросѣ, который въ тѣ времена волновалъ богослововъ Италіи, — о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи. Когда стемнѣло, прямо изъ монастыря отправился Моро къ мадоннѣ Лукреціи.

Несмотря на печаль о женѣ и на „страхъ Божій“, не только не покинулъ онъ своихъ любовницъ, но привязался къ нимъ еще болѣе. Въ послѣднее время мадонна Лукреція и графиня Цецилія

сблизились. Имѣя славу „ученой героини“ — „dotta eroina“, какъ тогда выражались, — „новой Сафо“, Цецилія была простою и доброю женщиной, хотя нѣсколько восторженной. Послѣ смерти Беатриче представился ей удобный случай для одного изъ тѣхъ вычитанныхъ въ рыцарскихъ романахъ подвиговъ любви, о которыхъ она давно мечтала. Цецилія рѣшила соединить любовь свою съ любовью молодой соперницы, чтобы утѣшить герцога. Лукреція сперва дичилась ея и ревновала герцога, но „ученая героиня“ обезоружила ее своимъ великодушіемъ. Волевымъ-неволей Лукреція должна была предаться этой странной женской дружбѣ.

Лѣтомъ 1497 года родился у нея сынъ отъ Моро. Графиня Цецилія пожелала быть крестною матерью и съ преувеличенною нѣжностью, — хотя у нея были собственныя дѣти отъ герцога, — стала нянчиться съ ребенкомъ, со „своимъ внукомъ“, какъ она его называла. Такъ исполнилась завѣтная мечта Моро: любовницы его подружились. Онъ заказалъ придворному стихотворцу сонетъ, гдѣ Цецилія и Лукреція сравнивались съ вечернею и утреннею зарею. а самъ онъ, неутѣшенный вдовецъ, между обѣими лучезарными богинями, съ темною ночью, — навѣки далекой отъ солнца, — отъ своей Беатриче.

Войдя въ знакомый уютный покой палатцо Кривелли, увидѣлъ онъ обѣихъ женщинъ, сидѣвшихъ рядомъ у камина. Такъ же, какъ и всѣ придворныя дамы, онѣ были въ глубокомъ траурѣ.

— Какъ здоровье вашего высочества? — обратилась къ нему Цецилія, — „вечерняя заря“, непохожая на „утреннюю“, хотя столь же прекрасная, — съ матово-бѣлою кожею, съ огненно-рыжимъ цвѣтомъ волосъ, съ нѣжными, зелеными глазами, прозрачными, какъ тихія воды горныхъ озеръ.

Въ послѣднее время герцогъ привыкъ жаловаться на свое здоровье. Въ тотъ вечеръ чувствовалъ онъ себя не хуже, чѣмъ всегда. Но, по обыкновенію, принялъ томный видъ, тяжело вздохнулъ и молвилъ:

— Сами посудите, мадонна, какое можетъ быть мое здоровье! Только объ одномъ и думаю, какъ бы поскорѣ лечь въ могилу рядомъ съ моею голубкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость, не говорите такъ, — воскликнула Цецилія, всплеснувъ руками, — это большой грѣхъ. Какъ можно? Если бы мадонна Беатриче слышала васъ!.. Всякое горе отъ Бога, и мы должны принимать съ благодарностью...

— Конечно, — согласился Моро. — Я не ропщу. Боже меня сохрани. Я знаю, что Господь заботится о насъ болѣе, чѣмъ мы сами. Блаженны плачущіе, — сказано, — ибо утѣшатся.

И крѣпко пожимая обѣими руками руки своихъ любовницъ, онъ поднялъ глаза къ потолку.

— Да награждать васъ Господь, мои милыя, за то, что вы не покинули несчастнаго вдовца!

Онъ вытеръ глаза платкомъ и вынулъ изъ кармана траурнаго платья двѣ бумаги. Одна изъ нихъ была дарственная запись, коею герцогъ жертвовалъ громадныя земли виллы Сфорцески у Виджезано павійскому монастырю дѣлле Граціе.

— Ваше высочество, — изумилась графиня, — кажется, вы такъ любили эту землю?

— Землю! — горько усмѣхнулся Моро. — Увы, мадонна, я разлюбилъ не только эту землю. Да и много ли надо человѣку земли?..

Видя, что онъ опять хочетъ говорить о смерти, графиня съ ласковымъ укоромъ положила ему на губы свою розовую ручку.

— А что же въ другой? — спросила она съ любопытствомъ.

Лицо его просвѣтлѣло. Прежняя, веселая и лукавая улыбка заиграла на губахъ.

Онъ прочелъ имъ другую грамоту, тоже дарственную запись съ перечнемъ земель, луговъ, рощъ, селеній, охотъ, садковъ, хозяйственныхъ зданій и прочихъ угодій, коими жаловалъ герцогъ мадонну Лукрецію Кривелли и незаконнаго сына своего Джьянъ-Паоло. Здѣсь была упомянута и любимая покойною Беатриче вилла Куснаго, которая славилась рыбною ловлею.

Голосомъ, дрожавшимъ отъ умиленія, прочелъ Моро послѣднія слова этой грамоты:

„Женщина сія, въ дивныхъ и рѣдкихъ узахъ любви, явила намъ совершенную преданность и выказывала столь возвышенныя чувства, что часто въ пріятномъ съ нею общеніи безмѣрную обрѣтали мы сладость и великое облегченіе отъ нашихъ заботъ“.

Цецилія радостно захопала въ ладоши и кинулась на шею подругѣ со слезами материнской нѣжности:

— Видишь, сестричка, — говорила я тебѣ, что сердце у него золотое! Теперь мой маленькій внучекъ Паоло — богатѣйшій изъ наслѣдниковъ Милана!

— Какое у насъ число? — спросилъ Моро.

— Двадцать восьмое декабря, ваша свѣтлость, — отвѣчала Цецилія.

— Двадцать восьмое! — повторилъ онъ задумчиво.

Это былъ тотъ самый день, тотъ самый часъ, въ который ровно годъ назадъ покойная герцогиня явилась въ палатцо Кривелли и чуть не застала врасплохъ мужа съ любовницей.

Онъ оглянулся. Все въ этой комнатѣ было по прежнему: такъ же свѣтло и уютно; такъ же зимній вѣтеръ вылъ въ трубѣ, такъ же пылалъ веселый огонь въ каминѣ, и надъ нимъ плясала вереница голыхъ глиняныхъ амуровъ, играя орудіями Страстей

Господнихъ. И на кругломъ столикѣ, крытомъ зеленою скатертью, стоялъ тотъ же граненый кувшинъ Бальнеа Апонитана, лежали тѣ же ноты и мандолина. Двери были такъ же открыты въ спальню и далѣе, въ уборную, гдѣ видѣлся тотъ самый гвардаробный шкапъ, въ которомъ герцогъ спрятался отъ жены.

Чего бы, казалось ему, не далъ онъ въ это мгновеніе, чтобы вновь послышался внизу страшный стукъ молотка въ двери дома, чтобы вбѣжала испуганная служанка съ крикомъ: „Мадонна Беатриче!“—чтобы хоть минутку постоять ему, какъ тогда, подрѣзать въ гвардаробномъ шкапу, словно, пойманному вору, слыша издали грозный голосъ своей ненаглядной дѣвочки. Увы,—не быть, не быть тому во вѣки!

Моро опустилъ голову на грудь и слезы искреннаго горя полились по щекамъ его.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ видишь,—опять плачетъ,—засуетилась графиня Цецилія.—Да ну же, приласкайся ты къ нему, какъ слѣдуетъ,—поцѣлуй его, утѣшь. Какъ тебѣ не стыдно!

Она тихонько толкала соперницу въ объятія своего любовника.

Лукреція давно уже испытывала отъ этой неестественной дружбы съ графиней чувство, подобное тошнотѣ, какъ отъ приторныхъ духовъ. Ей хотѣлось встать и уйти. Она потупила глаза и покраснѣла. Тѣмъ не менѣе должна была взять герцога за руку. Онъ улыбнулся ей сквозь слезы и приложилъ ея руку къ своему сердцу.

Цецилія взяла мандолину съ круглаго столика и, принявъ то самое положеніе, въ которомъ двѣнадцать лѣтъ назадъ изобразилъ ее Леонардо въ знаменитомъ портретѣ—новою Сафо,—запѣла гѣсню Петрарки о небесномъ видѣніи Лауры:

Levommi il mio pensier in parte ov'era
 Quella ch'io cerco e non ritrovo in terra.
 Я устремлялъ мои мысли въ жилищу той,
 Кого ищю и найти не могу на землѣ.
 Среди блаженныхъ въ третьемъ кругѣ неба
 Я увидалъ ее вновь болѣе прекрасной и менѣе гордой.
 Взявъ за руку меня, она сказала: «въ этой сферѣ
 «Ты будешь вновь со мной уже навѣки.
 «Я—та, что на землѣ съ тобою враждовала
 «И раньше вечера окончила мой день».

Герцогъ вынулъ платокъ и съ мечтательною томностью закатилъ глаза. Нѣсколько разъ повторилъ онъ послѣднюю строчку, вежливая и простирая руки какъ бы къ пролетавшему видѣнію!

И раньше вечера окончила мой день!

— Голубка моя!.. Да, да, раньше вечера!.. Знаете ли, мадонны, мнѣ кажется,—она смотритъ съ небесъ и благословляетъ насъ троекъ... О, Биче, Биче!..

Онъ тихо склонился на плечо Лукреціи, зарыдалъ, — въ то же время обнялъ ея станъ и хотѣлъ привлечь къ себѣ. Она противилась. Ей было стыдно. Онъ поцѣловалъ ее украдкою въ шею. Замѣтивъ это зоркимъ материнскимъ окомъ, Цецилія встала, указывая Лукреціи на Моро, — какъ сестра, поручающая подругѣ тяжело больного брата, — вышла на цыпочкахъ не въ спальню, а въ противоположный покой и заперла за собою дверь. „Вечерняя заря“ не ревновала къ „утренней“, ибо знала по давнему опыту, что очередь за нею и что герцогу послѣ черныхъ волосъ покажутся еще прелестнѣе огненно-рыжіе.

Моро оглянулся, обнялъ Лукрецію сильнымъ, почти грубымъ движеніемъ и посадилъ къ себѣ на колѣни. Слезы о покойной женѣ еще не высохли на глазахъ его, а на тонкихъ, извилистыхъ губахъ уже бродила шаловливая, откровенная улыбка.

— Точно монашенка, — вся въ черномъ! — смѣлся онъ, покрывая ея шею поцѣлуями. — Вѣдь, вотъ простенькое платьице, а какъ тебѣ къ лицу. Это, должно быть, отъ чернаго ваетъ шею такою бѣлою.

Онъ растегивалъ агатовыя пуговицы на ея груди, и вдругъ блеснула нагота, — между складками траурнаго платья еще болѣе ослѣпительная. Лукреція закрыла лицо руками.

А надъ весело плывшимъ каминомъ въ глиняныхъ изваяніяхъ Карадоссо голые амуры или ангелы продолжали свою вѣчную пляску, играя орудіями Страстей Господнихъ — гвоздями, молотомъ, клещами, копіемъ, и, казалось, въ мерцающемъ розовомъ отблескѣ пламени, что они лукаво перемигиваются, перешептываются, выглядывая изъ подъ виноградной вуши Вакха на герцога Моро съ мадонной Лукреціей, и что толстыя, круглыя щеки ихъ готовы лопнуть отъ смѣха.

А издалека доносились томные вздохи мандолины и пѣніе графини Цециліи:

Ivi fra lor, che il terzo cerchio serra,

La rividi, più bella e meno altera.

Тамъ, среди блаженныхъ въ третьемъ кругѣ неба

Я увидѣлъ ее вновь болѣе прекрасной и менѣе гордой.

И маленькіе древніе боги, слушая стихи Петrarки, — пѣсню новой небесной любви, — хохотали, какъ безумные.

Д. Мережковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Продолженіе *).

IV.

Торжество націоналистическихъ идеологій.—Побѣда націоналистическихъ идеологій во внѣшней политикѣ: принятіе царскаго титула и теоріи византійскаго преемства власти; приложеніе этой теоріи во внѣшнихъ сношеніяхъ; ея распространеніе въ широкіхъ кругахъ.—Побѣда націоналистической программы внутренней политики.—Роль боярства и казачества въ смутѣ: паденіе, вмѣстѣ съ ними, политической и социальной оппозиціи и торжество служилаго класса.—Роль «послѣднихъ людей» въ смутѣ.—Роль служилаго класса.—Попытки дѣйствовать его именемъ и его собственное выступленіе.—Договоръ съ Владиславомъ, какъ первое выраженіе стремленій служилаго класса.—Значеніе правъ, данныхъ въ договорѣ боярской думѣ: взглядъ русскихъ на своихъ бояръ и польскихъ магнатовъ.—Безсиліе боярскаго временнаго правительства и подчиненіе его полякамъ; выступленіе «всей земли» въ видѣ ратнаго совѣта при земскомъ ополченіи: договоръ совѣта съ начальниками ополченія.—Его отношеніе къ договору съ Владиславомъ.—Его обязательность для новаго начальника втораго ополченія, Пожарскаго.—Вопросъ о его обязательности для новаго царя: свидѣтельство Фокеродта.—Роль земскаго собора въ первые годы Михаила; соборы при Филаретѣ.—Развитіе бюрократіи и безсильный протестъ дворянства.

Мы познакомились теперь съ элементами, изъ которыхъ слагалось общественное самосознаніе Московской Руси. Мы разсмотрѣли содержаніе какъ націоналистическихъ, такъ и оппозиціонныхъ идеологій XV и XVI вв. Которыя изъ нихъ должны были побѣдить, это предрѣшалось совершенно объективными условіями политической и социальной жизни Московской Руси. Эти условія мы старались изобразить въ первой части «Очерковъ» и теперь должны предположить ихъ извѣстными. Въ результатѣ этихъ условій—во внѣшней политикѣ московское правительство стало подъ знамя націоналистическихъ идеологій, государственныхъ и религіозныхъ, а во внутренней политикѣ оно стало проводить политическую программу Грознаго и социальную программу Ивашки Пересвѣтова.

Націоналистическая программа внѣшней политики складывалась съ конца XV вѣка и получила свое окончательное завершеніе и формулировку во второй половинѣ XVI в. Социально-политическая программа внутренней политики нѣсколько запоздала: во второй половинѣ XVI в.

*) См. «Міръ Вожія», № 3, мартъ.

правительство еще вело за нее борьбу, а окончательная побѣда достигнута была лишь въ XVII в., послѣ испытаній смутнаго времени. Теперь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на побѣдѣ той и другой программы.

Въ московскомъ Успенскомъ соборѣ до сихъ поръ хранится живой свидѣтель того момента, когда официально восторжествовала националистическая идеологія московской государственной власти. Это — царскій тронъ съ балдахиномъ въ формѣ шатровой крыши московскихъ церквей того времени и съ затворами на три стороны: на каждомъ изъ этихъ затворовъ изображено по четыре сцены тонкой рѣзной работы. Тутъ же вырѣзанъ и текстъ, поясняющій смыслъ этихъ сценъ: это та самая легенда о присылкѣ Владимиру Мономаху греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ царскихъ регалій, съ которой мы познакомились раньше. Въ 1547 г. Иванъ Грозный торжественно вѣнчался на царство и принялъ официально царскій титулъ; въ 1552 г. посѣлъ и тотъ царскій тронъ, о которомъ мы только что упомянули и которымъ давалась легендѣ о византийскомъ преемствѣ власти официальная санкція. Въ 1561 г. Иванъ добился и формальнаго признанія легенды со стороны константинопольскаго патріарха. Правда, для этого пришлось немножко подскоблить греческую грамоту, содержащую въ себѣ не совсѣмъ то, что нужно было царю отъ патріарха; какъ бы то ни было, дѣло было сдѣлано, и московское правительство могло торжественно выступить со своими претензіями передъ иностранными державами.

Эти претензіи, правда, не сразу получили признаніе. Баторій еще въ 1581 г. совѣтуетъ Ивану «не твердить басенъ своихъ бахарей» про Пруса и про Августа кесаря, какъ про своихъ «сродниковъ». Но Иванъ въ долгу не остается и побѣдоносно опровергаетъ сомнѣнія своего соперника простымъ соображеніемъ: «коли ужъ Пруса на свѣтѣ не было, — пусть Стефанъ король намъ объяснить, откуда же взялась прусская земля». Въ свою очередь и онъ самъ возбуждаетъ сомнѣніе: при такомъ важномъ происхожденіи можетъ ли онъ, не теряя своего достоинства, сноситься, какъ равный съ равнымъ, съ человекомъ, не «отъ государскаго прироженья, а отъ рыцарскаго чина», каковъ Баторій? О шведскомъ королѣ Иванъ еще болѣе низкаго мнѣнія: тотъ прямо «мужичьяго рода». Получивъ грамоту «индѣйской земли государя», московскій царь былъ поставленъ въ крайнее затрудненіе: называть ли его братомъ въ своемъ отвѣтѣ? Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ «о братствѣ къ нему не писать», такъ какъ неизвѣстно — государь ли онъ, или простой урядникъ». На языкѣ московской политической теоріи это значило: «неограниченный онъ государь или конституціонный». Конституціонную монархію въ Москвѣ ставили чрезвычайно низко. «Мы думали, — писалъ Грозный английской королевѣ Елизаветѣ, — что ты на своемъ государствѣ государыня и сама вла-

*

дѣшь, а у тебя люди владѣютъ, — и не токмо люди, а мужики торговые..., а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чинѣ, какъ есть пошлая дѣвица». Такъ же презрительно относился Иванъ IV и къ «убогой» власти польскаго короля. «Ты посаженный государь, а не вотчинный, — писали московскіе бояре Сигизмунду-Августу, — какъ тебя захотѣли паны твои, такъ тебѣ въ жалованье государство и дали; ты въ себѣ и самъ не волея, какъ же тебѣ быть вольнымъ въ своемъ государствѣ?»

Успѣхи націоналистическаго самовозвеличенія завершились провозглашеніемъ полной независимости русской церкви отъ греческой, подъ управленіемъ собственнаго патріарха (1589). Официальный актъ и въ этомъ случаѣ воспользовался легендой, которая давно уже успѣла сдѣлаться популярной. Теоріи о Москвѣ-третьемъ Римѣ, о превосходствѣ русскаго православія, о религиозномъ преемствѣ отъ Византіи (наряду съ государственнымъ) — все это было дѣликомъ внесено изъ литературныхъ источниковъ начала вѣка въ государственный документъ, санкціонировавшій въ концѣ вѣка учрежденіе патріаршіи. Правда, дѣйствительность и здѣсь не совсѣмъ соотвѣтствовала гордымъ національнымъ претензіямъ: московскій патріархъ оказался послѣднимъ въ ряду вселенскихъ, несмотря на усилія московскихъ дипломатовъ добыть ему, если ужъ не первое, то хоть третье мѣсто. Пришлось довольствоваться и этимъ, такъ какъ и самое согласіе на учрежденіе патріаршіи было вырвано у грековъ чуть не насильно.

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что торжество націоналистическихъ теорій не ограничилось одними только правительственными кругами, но уже въ предѣлахъ XVI в. стало признаваться и въ средѣ самого населенія. Когда извѣстная идея проникаетъ въ массы, — она непремѣнно закрѣпляется въ народной памяти при помощи народной легенды, при помощи размѣра и рѣзкости. Книжныя легенды XVI в., наряду съ официальными актами, тоже нашли себѣ путь къ широкой публикѣ, воспринимавшей эти легенды не глазами, а слухомъ. Передавая другъ другу изустно живое преданіе, эта публика перепутала, конечно, имена, событія и даты, но общій смыслъ событій она запомнила твердо. И вотъ какой видъ приняла въ воспоминаніи народной массы извѣстная намъ націоналистическая легенда о приобрѣтеніи московскимъ княземъ царскихъ регалій. Какъ въ книжномъ источникѣ, такъ и въ народной передачѣ его герой легенды отправляется въ Вавилонъ изъ Царьграда добывать регаліи для *византійскихъ* императоровъ. Но дальше народная фантазія начинаетъ работать самостоятельно. Вернувшись назадъ, въ Византію, посланецъ Федоръ Барма (имя котораго, очевидно, подсказано царскими *бармами*) находитъ тамъ крушеніе царства и вѣры и прямымъ путемъ доставляетъ регаліи единому православному царю вселенной, Ивану Васильевичу. Онъ застаётъ его какъ разъ въ моментъ торжества православія надъ басурманами и въ

моментъ дѣйствительнаго принятія Грознымъ царскаго титула. «Тутъ было въ Царьградѣ великое кроволитіе: рушилась вѣра православная, не стало царя православнаго. И пошелъ Федоръ Барма въ нашу Руссію подселенную и пришелъ онъ въ Казань градъ и вошелъ онъ въ палаты княженецкія, въ княженецкія палаты богатырскія... И улегла тутъ порфира и корона съ града Вавилона на голову грознаго царя православнаго, Ивана царя Васильевича, который рушилъ царство Проходима, поганаго князя казанскаго».

Всего любопытнѣе то, что народная память не только удержала моментъ національнаго возвеличенія московской государственной власти, но и сохранила представленіе о связи между націоналистической политикой внѣшней и внутренней. Въ народной былинѣ новая государственная власть представляется или орудіемъ борьбы съ внутренними врагами, или результатомъ побѣды надъ ними: монархія является на свѣтъ съ демократической программой.

Когда-жъ то возсіяло солнце красное,
Тогда-то воцарился у насъ Грозный царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Заводилъ онъ свой хорошгъ почестный пиръ;
Всѣ на почестномъ напивались,
И всѣ на пиру порасхвастались.
Говорилъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ:
«Есть чѣмъ царю мѣѣ похвастати:
Я повывнесъ царенье изъ Цариграда.
Царскую порфиру на себя надѣлъ,
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ,
И повыведу измѣну съ каменной Москвы».

Или въ другой формѣ:

«Вывелъ я измѣну изъ Пскова.
Вывелъ я измѣну изъ каменной Москвы,
Казанское царство мимоходомъ взялъ,
Царя Симіона подъ миръ склонилъ;
Снялъ я съ царя порфиру царскую,
Привезъ порфиру въ каменну Москву,
Крестилъ я порфиру въ каменной Москвѣ,
Эту порфиру на-себя наложилъ,
Послѣ этого сталъ Грозный царь».

Здѣсь какъ будто сохранилась свѣжая память о томъ, какъ живой, не легендарный царь Иванъ Васильевичъ, дѣйствительно, «порасхвастался» передъ своимъ народомъ съ лобнаго мѣста, сваливая всю вину за государственныя нестроенія на бояръ и обѣщая самъ все исправить; или какъ тотъ же Иванъ Грозный объявлялъ публично полтора десятка лѣтъ спустя свою опалу высшимъ общественнымъ слоямъ и свою милость низшимъ, прося у послѣднихъ экстренныхъ полномочій для того, чтобы расправиться съ своими и ихъ врагами, — «повывести измѣну».

Мы видѣли, однако же, что, въ дѣйствительности, программа внутренней политики Грознаго и его сторонниковъ вовсе не была такъ демократична, какъ это могло показаться съ перваго взгляда. «Воссіявшее» надъ Россіей «красное солнце» скоро должно было оказаться кровавымъ заревомъ соціального пожара. Согласно теоріи Пересвѣтова, «воинство»,—рядовое дворянство все болѣе и болѣе становилось исключительнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ: въ немъ видѣли какъ необходимый элементъ для существованія и независимости государства, такъ и опору противъ притязаній «вельможъ». Его надѣляли землями; ему облегчали тяжесть податей; съ нимъ даже начали совѣщаться о государственныхъ дѣлахъ. Напротивъ, противъ верхняго общественнаго слоя Грозный «сталъ за себя», т.-е. въ интересахъ личнаго самосохраненія. Онъ «губилъ» его «всеродно» и такъ удачно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, что къ концу вѣка боярскій классъ представлялъ изъ себя только одни жалкіе остатки того, чѣмъ онъ былъ въ началѣ вѣка. Что касается низшаго общественнаго слоя, онъ просто выходилъ изъ кругозора московскаго правительства. Оно занялось имъ лишь тогда, когда это понадобилось для того же «воинства»; и, конечно, оно взглянуло на него глазами послѣдняго. Такимъ образомъ, недовольны положеніемъ должны были быть верхъ и низъ русскаго общества: верхъ, въ которомъ едва теплилась искра старой, почти совершенно сломленной политической оппозиціи, и низъ, въ которомъ быстро копился горючій матеріалъ, грозившій вспыхнуть соціальнымъ протестомъ. Оба элемента въ послѣднемъ счетѣ должны были оказаться несравненно слабѣе общественной середины, представлявшейся служилымъ классомъ московскаго государства. Однако, политическія обстоятельства сложились такъ, что на короткій промежутокъ дали перевѣсъ именно этимъ крайнимъ элементамъ надъ среднимъ.

Вѣдшей причиной, совершенно случайнаго свойства, послужило при этомъ прекращеніе династіи. Внутренней причиной, въ которой не было ничего случайнаго, была та степень легкости, съ которой различныя общественныя группы могли мобилизовать свои силы, чтобы воспользоваться представившимися обстоятельствами. Наиболѣе близко къ власти, выпавшей изъ привычныхъ рукъ, стоялъ классъ, только что перестававшій быть правящимъ,—боярство. Оно и попробовало первое—эксплуатировать наступившую смуту въ своихъ выгодахъ. Но оно было слишкомъ мало дисциплинировано, какъ классъ, и слишкомъ заинтересовано, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ представителей, въ разрѣшеніи династическаго вопроса въ пользу того или другаго кандидата, чтобы имѣть возможность выиграть въ начавшейся борьбѣ, какъ классъ. Оно, притомъ, слишкомъ было разбито политикой Грознаго и, въ оставшихся своихъ обломкахъ, слишкомъ занято родословными счетами, чтобы представлять какую-нибудь дѣйствительную силу. Его единственнымъ орудіемъ была придворная интрига,—орудіе превосходное въ бо-

лѣе спокойное время, но совершенно непригодное въ тѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ очутилось государство благодаря вмѣшательству въ смуту иностранныхъ враговъ и другихъ сословій. Расчеты боярства не разъ путала уже московская уличная толпа, совсѣмъ не организованная—и сильная лишь пока стояла на площади. Немудрено, что толпа, организованная въ постоянно: военное сообщество, какою были казаки съ присоединившимися къ нимъ бѣглевыми крестьянами и холопами, имѣла полную возможность овладѣть положеніемъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Несчастье этой группы состояло лишь въ томъ, что на другой день послѣ побѣды она не знала бы, что ей съ этой побѣдой дѣлать. Она годилась на роль кондотьеровъ; но воспользоваться ею такимъ образомъ, было некому, а для самостоятельной политической роли она не годилась. Союзъ ея съ бѣглевыми окончательно оттолкнулъ отъ нея всѣ имущіе классы и былъ главнымъ стимуломъ, заставившимъ ихъ принять мѣры самообороны. Вѣрно или невѣрно,—но тогдашняя буржуазія была убѣждена, что казаки до самаго конца смуты остались при своемъ «первомъ зломъ совѣтѣ», обнаружившемся еще въ возстаніи Болотникова: что они хотятъ «бояръ и дворянъ и всякихъ чиновъ людей и земскихъ, и уѣздныхъ *лучшихъ* людей побить и имущества ихъ разграбить и завладѣть ими по своему воровскому казацкому обычаю». Этотъ призракъ социальнаго переворота въ самыхъ нерѣшительныхъ долженъ былъ пробудить охоту дѣйствовать. Съорганизоваться для какого бы то ни было дѣйствія среднему классу было всѣхъ труднѣе: только крайняя нужда могла заставить его подняться, и только очень медленно онъ могъ сговориться и выступить на арену. Но разъ явившись въ роли активного элемента, онъ долженъ былъ поставить своей задачей возстановить тотъ прежній порядокъ, при которомъ ему жилось лучше, чѣмъ другимъ общественнымъ группамъ. По существу дѣла, это былъ, стало быть, элементъ консервативный. Его побѣда надъ послѣдней вспышкой политической оппозиціи (боярства) и надъ первымъ взрывомъ социальнаго протеста (казачества)—должна была очистить путь къ торжеству національной программы во внутренней политикѣ.

Очень часто говорятъ, слѣдуя риторическому выраженію лѣтописца, что московское государство спасли «послѣдніе люди». Конечно, если разумѣть подъ «послѣдними людьми» зажиточное купечество, — какъ это дѣлали привычные къ родословнымъ счетамъ служилые москвичи, то въ эту категорію попадетъ и Кузьма Мининъ. Но тогда не надо забывать, что такимъ же «торговымъ мужикомъ», какъ Мининъ, былъ и его антиподъ, Федька Андроновъ, сторонникъ Владислава и Сигизмунда. Характерно, конечно, для того момента что люди этого слоя вообще могли получить голосъ въ общественныхъ дѣлахъ; несомнѣнно также, что *и они* нужны были всякому правительству, какъ плательщики и какъ сборщики податей,—и сильное правительство нужно было имъ

для ихъ промышленныхъ предпріятій и торговыхъ оборотовъ. *Послѣ* служивыхъ людей они, дѣйствительно, были самымъ нужнымъ элементомъ: немудрено, что претенденты на власть старались имѣть на своей сторонѣ и тѣхъ и другихъ. Тѣ и другіе—и раскололись между разными претендентами, прежде чѣмъ время рѣшило, кто изъ нихъ окажется «прямымъ», а кто «кривымъ». «Вы бы безъ всякаго сомнѣнья собрались со всѣми людьми и шли къ намъ къ Москвѣ,—угovarиваетъ царь Василий отпавшія отъ него области,—и службу бы свою и радѣнье совершили, а мы васъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ: васъ, помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, пожалуемъ большой денежной и помѣстной придачей, велимъ васъ исполнить и наше жалованье дать. А васъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, пожалуемъ льготой на многіе годы: велимъ вамъ торговать безоштинно и во всемъ васъ отарканимъ, да и сверхъ того пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ, чего у васъ и въ разумѣ нѣтъ». Эта грамота чрезвычайно ярко показываетъ, на какіе элементы могло опереться правительство и чѣмъ оно могло вознаграждать ихъ за ихъ «службу». Былъ моментъ, когда «посадскіе и уѣздные люди», дѣйствительно, сослужили службу тому же Василю Шуйскому и *одни, безъ помощи служивыхъ, «помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ»*. Это было въ тотъ моментъ, когда рядовое дворянство уѣхало отъ «боярскаго» царя—по домамъ или въ Тушино,—а за него сталъ организованный Скопинимъ изъ Новгорода дальній московскій сѣверъ. Тамъ, на этомъ сѣверѣ, никакихъ служивыхъ людей вовсе не было, а только и были посадскіе въ городахъ и черные крестьяне въ уѣздахъ. Когда эти «мужики» явились изъ своихъ сѣверныхъ палестинъ въ центральную Россію,—населеніе тутъ сильно «смутилось». Это были вѣдь настоящіе «последніе люди» государства,—а въ центрѣ привыкли представлять себѣ такихъ послѣднихъ людей не иначе, какъ въ видѣ казаковъ и ихъ бѣглыхъ товарищей. Но ополченцы успѣли разсѣять эти страхи. «Вы смущаетесь потому,—писали они жителямъ города Романова,—что будто бы черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ побиваютъ и дома ихъ разоряютъ; а *здѣсь, господа, черные люди дворянъ и дѣтей боярскихъ чтятъ* и позора имъ никакого нѣтъ». Дѣйствительно, у этихъ поморовъ ничего не было общаго съ южно-русскимъ казачествомъ. Это были просто рекруты, поставленные своими волостями по приказу уѣздныхъ властей и содержавшіеся на счетъ мѣстныхъ государственныхъ сборовъ, отчасти специально для этого назначенныхъ. Посылая на помощь правительству этихъ рекрутъ, посадскіе люди исполняли обычную государственную повинность—не такъ охотно какъ всегда, такъ какъ они рисковали теперь попасть на службу не къ тому правительству, которое окажется законнымъ. Въ то самое время, какъ набирались мужицкія ополченія на сѣверѣ, устюжане писали, напр., сольвычегодцамъ: «пожалуйста, помыслите съ миромъ крѣпко и не спѣшите креста цѣловать: не угадать, на чемъ со-

вершится...; а если услышимъ, что Богъ пошлетъ гнѣвъ свой праведный на русскую землю, такъ еще до насъ далеко; успѣемъ съ повинной послать». И расчетъ оказался совершенно правильнымъ. Естественно, что къ концу смуты черносошныя волости русскаго сѣвера, въ лицѣ своихъ посадскихъ руководителей, еще меньше обнаруживали охоты «спѣшить». Такимъ образомъ, *настоящие* «послѣдніе люди» русской земли приняли самое незначительное участіе въ развязкѣ смутнаго времени.

Главная роль принадлежала здѣсь, безъ сомнѣнія, служилому сословію. Если бы оно успѣло своевременно организовать и во-время нашло бы себѣ кандидата, достаточно обезпечивающаго его интересы, то смута могла бы кончиться гораздо раньше, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности. Задолго до того времени, когда служилое сословіе выработало себѣ, среди смуты, свой собственный представительный органъ, его общественная сила была понята, на него старались опереться, какъ на самый надежный элементъ, его именемъ начали дѣйствовать. Рядомъ съ нимъ ставилось, правда, имя посадскихъ людей, когда рѣчь заходила о голосѣ *всей* земли, но всѣ понимали при этомъ, что фактическимъ представителемъ «всей земли» явится, именно, служилое сословіе,—ратные люди. Когда города сносились съ городами,—это значило, что переписываются между собой ихъ официальные представители, т.-е., за исключеніемъ черносошнаго сѣвера, «большіе дворяне». Когда шла рѣчь о «единомысленномъ земскомъ совѣтѣ», всякій зналъ, что и количественный, и качественный перевѣсъ будетъ имѣть на этомъ совѣтѣ голосъ служилаго сословія. Правда, въ идеѣ это былъ совѣтъ «всѣхъ чиновъ московскаго государства», но въ ряду этихъ «всѣхъ чиновъ» всевозможныя, даже самыя мелкія служилыя группы перечислялись самымъ точнымъ образомъ, тогда какъ тяглое населеніе уѣздовъ лишь глухо упоминалось для стилистической полноты въ концѣ обычной формулы и фактически обыкновенно вовсе отсутствовало.

Это не значитъ, конечно, чтобы въ событіяхъ смуты не было мѣста болѣе горячимъ элементамъ и болѣе идеальнымъ побужденіямъ. То и другое, несомнѣнно, было и даже имѣло значительное вліяніе на то, какъ сложилась индивидуальная фізіогномія событій. Но общій смыслъ ихъ былъ именно таковъ, какъ мы говорили,—и это очень хорошо чувствовали сами дѣйствующія лица громкихъ событій. Василія Шуйскаго свела съ престола народная сходка за Арбатскими воротами; а формулировала она свое дѣло въ слѣдующихъ корректныхъ выраженіяхъ: «дворяне и дѣти боярскія всѣхъ городовъ и гости, и торговые, и всякіе люди, и стрѣльцы, и казаки, и посадскіе и всѣхъ чиновъ люди всего московскаго государства, поговоря межъ себя... били челомъ ему государю всякіе люди, чтобы государь государство оставилъ». И дѣйствительно, если бы «дворяне» и т. д. не стояли за спиной пестрой московской толпы, то сверженіе Василія было бы немислимо. Точно также и Козьма Мининъ могъ быть правъ, вложивъ въ уста

преп. Сергія слова: «старѣйшіе на такое дѣло не пойдутъ, если не начнутъ юнѣйшіе»; и все-таки было бы странно объяснять успѣхъ ополченія Пожарскаго подъ Москвой тѣми чувствами, которыя Мининъ вдохнулъ въ нижегородскую молодежь.

Чѣмъ болѣе идея земскаго совѣта «всей земли» становилась реальностью, тѣмъ отчетливѣе вырисовывалась та партійная программа, которую должно было принять будущее правительство изъ рукъ своихъ избирателей. Совершенно ясно сдѣлалось для выступившей на сцену общественной группы, еще въ періодъ, пока шла переписка между городами, что безусловно должны быть отброшены въ сторону интересы двухъ другихъ группъ: боярства и казачества. Раньше чѣмъ сойтись въ Ярославль, городскія ополченія уже дали другъ другу письменныя обязательства—стоять заодно и противъ бояръ, и противъ казаковъ. Отстранивъ формально оба эти активные элемента смуты, служилыя городскія дружины просто игнорировали остальные «чины». Слово «вся рать» было для нихъ совершенно тождественно съ выраженіемъ: «вся земля».

Какъ такое положеніе отразилось на общественной программѣ служилаго сословія, видно изъ обязательствъ, продиктованныхъ имъ своимъ избранникамъ: Владиславу въ договорѣ 17 августа 1610 г.; триумвирату Трубецкаго, Ляпунова и Заруцкаго—въ «приговорѣ» 30 іюня 1611 г.;—вѣроятно, также и Пожарскому и, наконецъ, самому Михаилу Феодоровичу. Первые два обязательства извѣстны; о послѣднихъ двухъ мы можемъ догадываться.

При каждой новой переměнѣ власти программа ратныхъ людей развивалась все полнѣе и послѣдовательнѣе. Основной принципъ ея,—именно тотъ, что голосъ служилыхъ людей изъ городовъ есть голосъ «всей земли» и что онъ долженъ быть выслушанъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ,—этотъ принципъ былъ признанъ давно самими представителями власти. Не говоримъ уже о Борисѣ Годуновѣ, первомъ государственномъ чловѣкѣ, который повелъ сознательную политику покровительства служилому сословію. Но даже и боярскій избранникъ, Василій Шуйскій, пробовалъ опереться на всю служилую землю—и противъ боярской интриги, и противъ народной «крамолы». Въмѣсто присяги боярамъ, онъ попробовалъ всенародно присягнуть «всей землѣ»,—и вызвалъ этимъ сильнѣйшее раздраженіе своихъ избирателей. Зато, когда въ царскій дворецъ явилась взбунтовавшаяся толпа народа, тотъ же царь Василій сказалъ ей въ лицо, по словамъ летописи: «если хотите убить меня, я готовъ на смерть; но если желаете свергнуть меня съ престола—это невозможно вамъ сдѣлать безъ большихъ бояръ и дворянъ, безъ *совѣта всей російской земли*». И мы видѣли, что явившіеся, годъ спустя, низложить Василя ратные люди сдѣлали это отъ имени всѣхъ чиновъ московскаго государства. Низложивъ царя, побѣдители присягнули сами и заставили присягнуть русскую землю и назначенное ими временное правительство кн. Мсти-

славскаго въ томъ, что «выбрать государя на московское государство имъ боярамъ и всякимъ людямъ *всею землею... сославшись съ городами*». Что подъ «всякими людьми» и подъ «всею землею» ратные люди разумѣли, главнымъ образомъ, себя самихъ, это они тотчасъ же и показали, не дождавшись, пока соберется полный соборъ, и вступивъ, безъ дальнихъ сношеній съ «землей», въ предварительные переговоры съ намѣченнымъ ими кандидатомъ, королевичемъ Владиславомъ. На свое временное правительство дворяне наложили единственное обязательство: «насъ всѣхъ праведнымъ судомъ судити». Вступая въ постоянное соглашеніе съ чужеземнымъ избранникомъ, они, напротивъ, сочли нужнымъ развить это обязательство въ цѣлую программу, послужившую предметомъ формальнаго договора. Вчернѣ этотъ договоръ былъ написанъ подъ Смоленскомъ депутатами отъ дворянства, явившимися туда изъ Тушинскаго лагеря. Окончательно онъ былъ закрѣпленъ подъ Москвой и подписанъ Жолкѣвскимъ и боярскимъ правительствомъ. Последнее обстоятельство заставило изслѣдователей обратить особенное — и по нашему мнѣнію преувеличенное — вниманіе на тѣ немногія измѣненія, какія были въ немъ сдѣланы при окончательной редакціи. Предполагалось, что въ этихъ измѣненіяхъ особенно проявились боярскія тенденціи договора. Въ дѣйствительности, и въ этой редакціи влияніе дворянства имѣло рѣшающее значеніе. Не даромъ дворяне такъ ревниво слѣдили за переговорами временнаго правительства съ Жолкѣвскимъ и самолично являлись къ последнему цѣлыми толпами — до пятисотъ человекъ.

Если исключить тѣ пункты договора, которые касаются простаго возстановленія стараго правительственнаго порядка, а также тѣхъ, которые регулируютъ отношенія земли къ кандидату-иностранцу, его землякамъ и его государству, — т. е. пункты, вытекавшіе изъ особенныхъ условій момента и изъ личности кандидата въ цари — все остальное содержаніе договора съ Владиславомъ имѣетъ главную цѣль охрану интересовъ служилаго сословія и боярства, *какъ его составной части*. Представители «всей земли» прежде всего заботятся о томъ, чтобы сохранить «жалованье денежное, оброки и помѣстья и вотчины, кто что имѣлъ до сѣхъ мѣсть» за служилымъ сословіемъ. Затѣмъ они хлопочутъ объ облегченіи своего податнаго бремени и диктуютъ Владиславу мѣру, впоследствии принятую въ интересахъ служилаго сословія Михаиломъ. Въ запустѣвшіе отъ войны уѣзды они требуютъ «послать описати и дозирати, много-ль чего убыло и доходы велѣтъ имати съ *живущаго* по описи и дозору, а на запустошенныя вотчины и помѣстья дать льготы, поговоря съ бояры» (см. «Очерки», ч. 1, 4-е изд. стр. 144). Наконецъ, они пользуются случаемъ закрѣпить за собой рабочий трудъ и проектируютъ мѣру, опять-таки осуществленную новою династіей. «Промежъ себя крестьянамъ выходу не быть; боярамъ и дворянамъ и всѣмъ чинамъ держать крѣпостныхъ людей по прежнему обычаю, по крѣпостямъ»

(ср. объ этомъ «Очерки, ч. 1, стр. 212 — 213). Всѣ существенныя интересы служилыхъ людей были, такимъ образомъ, ограждены; имъ оставалось позаботиться лишь о томъ, чтобы и впредь, при нормальномъ теченіи государственной жизни ихъ голосъ былъ выслушанъ при всякой касающейся ихъ государственной реформѣ. Этого они не столько не сдумѣли, сколько просто не сочли нужнымъ сдѣлать въ договорѣ съ Владиславомъ. Только относительно «праведнаго суда» они на этотъ разъ приняли болѣе опредѣленное и обязательное для правительства рѣшеніе. «Суду быть и совершаться по прежнему обычаю и по судебнику; а если захотятъ въ чемъ пополнить для укрѣпленія судовъ, государю на то согласиться съ думою бояръ и *всей земли*, чтобъ было все праведно». Это единственный случай, когда предусмотрѣна въ договорѣ необходимость созыва земскаго собора. Надо прибавить, что это также—единственный случай, когда и новая династія все еще считала необходимымъ прибѣгать къ собору, когда вообще обращеніе ко «всей землѣ» давно уже вышло изъ моды. Очевидно, праведный судъ былъ слишкомъ насущной потребностью, неудовлетвореніе которой черезчуръ тяжело чувствовалось «всѣми чинами» московскаго государства. Всѣ остальные текуція дѣла служилое сословіе спокойно предоставляло правительству, выговоривъ только для болѣе важныхъ дѣлъ необходимость совѣщаться съ «думными людьми». Сюда введено было и правило, установленное при выборѣ Шуйскаго: «не сыскавъ вины и не осудивши судомъ—*всѣми бояры*—никого не казнити и чести ни у кого не отнимати и въ заточеніе не засылати, помѣстій и вотчинъ и дворовъ не отнимати», а также не распространять вины на родственниковъ преступника. Это было форменное отнятіе права, формально признаннаго всей землей за Иваномъ Грознымъ, когда тотъ принялся «выводить измѣну изъ каменной Москвы». Сюда же отнесено и еще одно важное правило, тоже фигурировавшее, по сообщенію одного иностранца, въ договорѣ Шуйскаго съ боярами: «доходы государскіе собирать по прежнему, а сверхъ прежнихъ обычаевъ, *не поговоря съ бояры*, ни въ чемъ не прибавлявати». Въ томъ и другомъ случаѣ, отдавая извѣстную категорію дѣлъ въ вѣдѣніе боярской думы, служилое сословіе просто руководилось своей любимой мыслью, что такимъ образомъ оно возвращается къ «прежнему обычаю» и нисколько не думало, чтобы этимъ могло быть усилено боярство, какъ классъ. Единственная мѣра, принятая въ договорѣ прямо въ пользу боярства, была вызвана тѣмъ, что паремъ дѣлался иноземецъ: онъ обязывался, именно, «московскихъ княженецкихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать». Но это обязательство вытекало само собой изъ того принятаго въ договорѣ принципа, по которому вообще рѣшено было «польскимъ и литовскимъ людямъ на Москвѣ ни у какихъ земскихъ расправныхъ дѣлъ и по городамъ въ воеводахъ не быть и городовъ въ намѣстничество польскимъ и литовскимъ лю-

дямъ не давать». Только путемъ такой раздачи высшихъ государственныхъ должностей и могли родовитые чужеземцы затѣснить московскіе боярскіе роды. Итакъ, единственная льгота, выговоренная договоромъ въ пользу боярства, вполне совпадала съ интересами самого служилаго сословія, больше всего боявшагося за свои помѣстья и вотчины, «если въ городахъ будутъ распоряжаться чужеземцы». Дворянство, очевидно, имѣло нѣкоторое представленіе о томъ, что происходило по этой части въ самой Польшѣ. Въ Москвѣ по этому поводу происходили интересные политическіе разговоры между поляками и русскими. «Соединитесь съ нами, — говорили поляки, — и у васъ тоже будетъ свобода». «Вамъ дорога ваша свобода, — отвѣчали имъ на это русскіе, — а намъ наша неволя. У васъ не вольность, а своеволие: сильный грабитъ слабого, можетъ у него отнять имѣніе и самую жизнь, а найти на него судъ, по вашимъ законамъ, трудно: дѣло можетъ затянуться на цѣлыя годы. Съ иного и ничего не возьмешь. У насъ, напротивъ, самый знатный бояринъ не властенъ обидѣть послѣдняго простолюдина; по первой жалобѣ царь творитъ судъ и расправу. А если самъ царь поступитъ неправосудно—его воля: отъ царя легче снести обиду, чѣмъ отъ своего брата; на то онъ нашъ общій владыка».

Можно спросить себя, слыша такія рѣчи: ужъ не осуществился ли въ самомъ дѣлѣ демократическо-монархическій идеалъ Ивашки Пересвѣтова? Или, можетъ быть, москвичи изъ патріотизма противопоставляли этотъ русскій идеалъ польской дѣйствительности, забывая упомянуть о русской? Какъ бы то ни было, очевидно, идеалъ проникъ такъ въ сознание общества: это мы видѣли и раньше; это подтверждается и теперь хотя бы тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ дворянство предоставляло боярамъ—*при царѣ*—заботу о новыхъ налогахъ, о высшемъ уголовномъ судѣ и даже о провѣркѣ правъ самихъ служилыхъ людей на землю: «что кому прибавлено не по достоинству или убавлено безъ вины».

Безъ царя или, точнѣе, въ ожиданіи царя, расчетъ дворянъ оказался, однако же, совершенно невѣрнымъ. Не то, чтобы временное боярское правительство злоупотребило своей властью: напротивъ, все зло было въ томъ, что этой власти у него, въ отсутствіи «всей земли», оказалось слишкомъ мало, чтобы съ авторитетомъ противустать дальнейшимъ польскимъ притязаніямъ на Россію. Для Сигизмунда боярское правительство оказалось такимъ же неопаснымъ, какимъ считали его для самихъ себя московскіе служилые люди. Онъ скоро фальсифицировалъ его составъ, введя въ него своихъ доброхотовъ; въ этомъ видѣ боярское правительство сдѣлалось игрушкой въ рукахъ Гонсѣвскаго. «Къ боярамъ ты ходилъ, — говорили послѣдному потомъ о его тогдашней дѣятельности въ думѣ, — челобитныя приносилъ; пришедши, сядешь, а воалѣ себя посадишь своихъ совѣтниковъ, а намъ и не слышать, что ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь; и

что по которой челобитной велишь сдѣлать, такъ и сдѣлають, а подписываютъ челобитныя твои же совѣтники дяки». Проигрывала отъ этихъ порядковъ, дѣйствительно, служилая масса, такъ какъ «челобитными», на которыя диктовалъ свои резолюціи Гонсѣвскій — были, главнымъ образомъ, прошенія о пожалованіи земель—въ незаконномъ количествѣ или людямъ, вовсе не имѣвшимъ на то права. Кромѣ того, въ рукахъ поляковъ московское временное правительство собиралось нарушить наложенное на него обязательство «выбрать государя всей землей»; а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергались вопросу и условія, на которыхъ служилое сословіе приглашало кандидата,—и даже самая личность кандидата.

Такимъ образомъ, служилому сословію—въ интересахъ своихъ и «всей земли» (что, въ данномъ случаѣ, было одно и то же)—пришлось создавать новое правительство. И если ратные люди на этотъ разъ постарались созданное ими правительство отдать *подъ постоянный уже контроль всей земли*, то не потому, чтобы они боялись силы сословія, только что обнаружившаго свое полное безсиліе, а потому, что обстоятельства требовали правительства дѣйствительно сильнаго. Такъ мы объясняемъ разницу въ содержаніи новаго договора ратныхъ людей съ Ляпуновымъ, Трубецкимъ и Заруцкимъ—въ сравненіи съ только что разобраннымъ договоромъ съ Владиславомъ. Эти два договора не есть выраженіе политическихъ стремленій двухъ различныхъ общественныхъ слоевъ, а просто двѣ формулировки одной и той же политической программы, разница которыхъ вызвана необходимостью осуществлять старую программу при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ.

Болѣе активное участіе служилыхъ людей въ новомъ правительствѣ Трубецкого съ товарищами выразилось, прежде всего, тѣмъ, что формальный договоръ съ ними (30 іюня 1611 г.) заключенъ былъ по прямому требованію дворянства и по настоянію представителя служилыхъ людей, Прокопія Ляпунова. Въ концѣ этого договора ратные люди, наученные опытомъ, выговорили себѣ право переимѣнять своихъ избранниковъ, въ случаѣ, если ихъ дѣятельность перестанетъ удовлетворять требованіямъ «всей земли». Что рѣшеніе дворянства равносильно рѣшенію всей земли, въ этомъ ни у кого не возникало никакихъ сомнѣній. Никакихъ принципиальныхъ вопросовъ государственнаго права, порѣшенныхъ договоромъ съ Владиславомъ, новый договоръ вновь не возбуждаетъ: «вся земля» продолжаетъ, очевидно, держаться разъ выработанныхъ ею условій: она пока не отказывается еще формально и отъ разъ намѣченнаго ею кандидата. Но одинъ изъ капитальныхъ пунктовъ договора съ Владиславомъ получаетъ въ приговорѣ 30 іюня новую редакцію: избранные землей воеводы обязуются «не объявля *всей землѣ* (не однимъ боярамъ), смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылатъ». Затѣмъ, все остальное содержаніе договора относится къ прекращенію того хищническаго разграбленія служилыхъ земель, которое санкціонировалось московскимъ временнымъ правительствомъ и при по-

мощи котораго Сигизмундъ старался наwerbenъ себѣ свою партію среди московскихъ служилыхъ людей. Любопытно, что, кассируя всѣ такія распоряженія московскаго правительства, ратные люди крайне снисходительно относятся къ своимъ собратьямъ, попользовавшимся отъ польскихъ щедротъ. Такъ какъ для нихъ государство—это они, то имъ не приходится различать между собой «прямыхъ и кривыхъ». И тѣ, что были въ Тушинѣ, и тѣ, что были въ Калугѣ (со вторымъ самозванцемъ), и служившіе царю Василью, и присягнувшіе Владиславу, и даже подслуживающіеся Сигизмунду,—въ случаѣ, если во время отстануть отъ своего покровителя, всѣ они члены одного сословія, всѣ имѣютъ право на свою долю въ служилой землѣ. Все дѣло лишь въ томъ, чтобъ однихъ не обдѣлить, другимъ не дать лишняго: въ этомъ главная забота и главный интересъ класса, диктовавшаго приговоръ 30 іюня. Не касаясь, какъ мы уже сказали, принципиальныхъ вопросовъ будущаго государственнаго устройства, не повторяя даже и разъ даннаго обязательства—добиваться избранія государя всей землей, приговоръ всецѣло погруженъ въ детальнѣйшія мѣропріятія по регулированію служилаго землевладѣнія. Наблюденіе за службой и за вознагражденіемъ ея будетъ сосредоточено въ центральныхъ вѣдомствахъ, въ главномъ изъ нихъ будетъ посаженъ выбранный всей землей «дворянинъ изъ большихъ дворянъ». Всѣ захваченные служилыми людьми лишки будутъ возвращены въ казну, всѣ нуждающіеся и разоренные дворяне надѣлены. Бѣглецы въ городъ и къ другимъ помѣщикамъ крестьяне будутъ возвращены старымъ владѣльцамъ (объ этомъ болномъ мѣстѣ своего тогдашняго хозяйства дворяне не могутъ забыть и въ критическій моментъ). Таковы всѣ существенныя постановленія приговора. То, чего въ немъ не оказалось, должно, очевидно, было считаться регулируемымъ предъидущими постановленіями.

Только ставъ на эту точку зрѣнія,—что приговоръ 30 іюня не *отменяетъ*, а *дополняетъ* прежнія обязательства, взятые на себя «всей землей», мы составимъ себѣ правильное понятіе о его значеніи. Ново въ немъ то, что «вся земля» съ этихъ поръ считаетъ необходимымъ оставаться ея регманепсе при ратномъ ополченіи, въ качествѣ постояннаго «земскаго совѣта». Цѣли остаются старыя; но старое средство, боярское представительство земли, оказалось недостаточнымъ: оно и замѣняется съ этихъ поръ новымъ непосредственнымъ представительствомъ самого служилаго сословія. Силою обстоятельствъ на мѣсто боярской думы выдвигается земскій соборъ.

Мы имѣемъ основанія думать, что договоръ перваго земскаго ополченія съ Трубецкимъ сохранилъ свою обязательность и для преемниковъ обѣихъ сторонъ: для втораго земскаго ополченія съ Пожарскимъ. Если даже онъ и не былъ возобновленъ формально *), то вѣдь и на-

*) На формальный актъ «выбора», необходимо сопровождавшійся и письменнымъ документомъ, «приговоромъ», указываетъ торжественный титулъ Пожар-

добности въ такомъ возобновленіи не было. «Вся земля», разошедшаяся изъ-подъ Москвы послѣ убійства Ляпунова—это была та же самая земля, которая вновь пришла подъ Москву съ Пожарскимъ. А «перемѣнить» своихъ бояръ и воеводъ «вся земля» предоставила себѣ право еще въ договорѣ 30 іюня. Новый представитель земли началъ съ того, что возобновилъ въ памяти всей земли старую, данную ею присягу: «совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, чтобы по совѣту всего государства выбрать общимъ совѣтомъ государя». Онъ распорядился также и о созывѣ «всякихъ чиновъ людей для земскаго совѣта вскорѣ». Собравшійся такимъ образомъ—впервые въ такомъ полномъ составѣ—земскій соборъ вступилъ во всѣ функціи, предусмотрѣнныя договоромъ ратныхъ людей съ Трубецкимъ. Онъ, напирѣ, принялся отбирать дворцовыя земли, расхваченныя служилыми людьми при помощи временнаго московскаго правительства: это прямо было предусмотрено договоромъ съ Трубецкимъ. Когда произошло покушеніе на жизнь Пожарскаго, преступниковъ пытала «*всѣ рать и посадскіе люди*», и «разослали ихъ по городамъ и темницамъ землею», т.-е. было исполнено указанное выше условіе договора: «не объявля всей землѣ, смертной казни никому не дѣлать и по городамъ не ссылатъ».

Какъ долго дѣйствовалъ новый «земскій совѣтъ» съ правами, предоставленными ему договоромъ съ Трубецкимъ или перешедшими къ нему отъ временнаго боярскаго правительства, роль котораго онъ поневолѣ долженъ былъ на себя взять? Былъ ли такой моментъ, когда эти функціи сняты были съ него формально и когда онъ вошелъ въ скромныя рамки дѣятельности обыкновеннаго земскаго собора? Эти вопросы прямо приводятъ насъ къ разъясненію одного пункта, до сихъ поръ остающагося спорнымъ. Рѣчь идетъ о взаимныхъ отношеніяхъ, какія установились между этимъ самымъ земскимъ соборомъ—и первымъ царемъ новой династіи.

Отвѣтъ, который мы даемъ на этотъ вопросъ, прямо вытекаетъ изъ всего нашего взгляда на значеніе предыдущихъ соглашеній «всей земли» съ мѣнявшимися представителями власти и кандидатами на престолъ. Исслѣдователи напрасно, какъ намъ кажется, разсматривали каждое изъ этихъ соглашеній совершенно отдѣльно отъ другихъ или, когда приводили ихъ въ связь, то старались отыскать въ каждомъ выраженіе интересовъ какого-нибудь особаго общественнаго слоя. Если разсматривать всѣ эти заявленія въ связи, какъ рядъ постоянно приспособлявшихся къ обстоятельствамъ заявленій отъ имени «всей земли» одного и того же сословія,—все болѣе сильнаго, по мѣрѣ того какъ оно все болѣе оказывалось организованнымъ,—тогда отвѣтъ на поставленный вопросъ станеть ясенъ самъ собой.

скаго: «по набранью всѣхъ чиновъ людей російскаго государства—у ратныхъ и у земскихъ дѣлъ стольникъ и воевода Дмитрій Пожарскій съ товарища». Это—бухгалтерское повтореніе вступительныхъ выраженій договора съ Трубецкимъ.

Уже по тому количеству свѣдѣній о соглашеніи Михаила Феодоровича со всей землей, какое дошло до насъ, и по разнообразію источниковъ изъ которыхъ идутъ однородныя показанія,—мы можемъ заключить, что фактъ этотъ не выдуманъ. Еще больше убѣдимся въ этомъ, если разберемъ содержаніе этихъ показаній.

Самое обстоятельное изъ нихъ принадлежитъ современнику Петра Великаго, Фокеродту — наблюдателю, которому нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ освѣдомленности. По его словамъ, «вельможи составили изъ себя родъ сената, который они назвали соборомъ и въ которомъ засѣдали и имѣли голосъ не только бояре, но также и всѣ другія лица, занимавшія высокія государственныя должности (*welche in hohen Reichsbedienungen stunden*). Они приняли единодушное рѣшеніе—не выбирать въ цари никого, кто не общается имъ клятвенно: предоставить полный ходъ правосудію по старымъ законамъ страны; никого не судить и не осуждать высочайшей властью; безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самонадѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ (*in Kriegs—und Friedensgeschäften*). Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не избирать своимъ властелиномъ никого, кто принадлежалъ бы къ вліятельной фамилии и имѣлъ бы много приверженцевъ, съ помощью которыхъ могъ бы нарушить предписанные ему законы и вернуть себѣ снова верховную власть... Царь Михаилъ подписалъ эти условія безъ колебаній, и въ теченіе нѣкотораго времени правленіе велось предписаннымъ образомъ».

За исключеніемъ извѣстія о выборѣ «фамилии», къ которой долженъ былъ принадлежать избираемый государь,—въ сообщеніи Фокеродта нѣтъ ничего для насъ новаго. Изложенныя имъ условія—тѣ же самыя, какія предлагались Владиславу, только съ замѣной боярской думы соборомъ, съ участіемъ «не однихъ бояръ», но также и другихъ лицъ. Такая перемѣна, дѣйствительно, была сдѣлана въ условіяхъ, какъ намъ извѣстно изъ договора дворянства съ Трубецкимъ. Мы не знаемъ, возобновленъ ли былъ этотъ договоръ формально съ Пожарскимъ, но если даже не было новаго соглашенія, то намъ остается только принять, что оставалось въ силѣ старое, такъ какъ мы видѣли выше, что Пожарскій считалъ себя связаннымъ нѣкоторыми и притомъ важнѣйшими постановленіями стараго договора. Фокеродтъ нѣсколько смутно изобразилъ то учрежденіе, въ пользу котораго вводились ограниченія власти; но даже и въ этомъ случаѣ онъ оставался вѣренъ истинѣ. Мы знаемъ, что «ратный совѣтъ» при ополченіяхъ, договаривавшійся съ вождями этихъ ополченій, дѣйствительно, пересталъ походить на думу, не пріобрѣта еще, между тѣмъ, характера полного земскаго собора. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, были «не одни бояре», но и «всѣ чины» присутствовали пока лишь на бумагѣ. Не менѣе

вѣрно и очень важно въ разсказѣ Фокеродта—то, что онъ представляетъ условія выработанными заранѣе, до опредѣленія личности кандидата. Такъ и должно было быть, если условія, предложенныя Михаилу, были тѣ же самыя, какія предложены раньше Владиславу и изменены потомъ тѣмъ фактомъ, что вмѣсто московскаго боярскаго правительства событія выдвинули органъ «всей земли», замѣнившій бояръ въ ихъ правахъ и обязанностяхъ. Такимъ образомъ, свидѣтельство Фокеродта во всѣхъ своихъ отгѣнкахъ соотвѣтствуетъ исторической обстановкѣ того момента, къ которому относится. Напротивъ, въ памяти русскихъ людей—уже въ XVII столѣтіи—событіе приняло одностороннюю и невѣрную окраску, вызвавшую совершенно справедливыя сомнѣнія изслѣдователей. Напрасно только, вмѣсто того, чтобы усомниться въ *оцѣнкѣ* факта русскими источниками, эти изслѣдователи усумнились въ *самоѣ фактъ*. Такъ, какъ передаютъ фактъ псковская лѣтопись и Котошихинъ, — это выходитъ повтореніе исторіи съ царемъ Шуйскимъ: *бояре* обязали царя безъ суда и вины никого не казнить и безъ *боярскаго совета* ничего не дѣлать. Конечно, какъ стояли дѣла въ моментъ избранія новаго царя,—*бояре* были безсильны и не могли наложить никакихъ обязательствъ: они сами, наравнѣ съ казаками, сдѣлались, какъ мы видѣли, предметомъ вражды всей земли, всемогущей тогда въ лицѣ своей рати и своихъ представителей на земскомъ соборѣ.

Роль земскаго собора въ послѣдніе мѣсяцы смуты и въ первые девять лѣтъ царствованія Михаила Феодоровича окончательно убѣждаютъ насъ въ правильности нашего пониманія дѣла. Какъ извѣстно, роль эта была совершенно исключительная. Соборъ превратился на это время изъ учрежденія, созывавшагося въ *исключительныхъ* случаяхъ для подачи *совѣщательнаго* голоса по *тѣмъ только* вопросамъ, съ которыми обращалась къ нему власть,—въ постоянное учрежденіе, заставлявшее непрерывно, съ постояннымъ составомъ депутатовъ, переменявшихся по трехлѣтіямъ, съ широкимъ кругомъ дѣлъ не только законодательнаго и учредительнаго, но и чисто распорядительнаго характера. Это учрежденіе непосредственно отъ своего имени сносилось съ областной администраціей. Словомъ, въ тогдашнихъ экстренныхъ обстоятельствахъ, оно, дѣйствительно, вѣдало «самомалѣйшія (*die allergeringsten*) дѣла войны и мира». Обычная московская формула закона и указа: «государь указалъ, а бояре приговорили», смѣнилась на время другою: «мы, великій государь говорили и совѣтовали на соборѣ, а всѣхъ великихъ россійскихъ государствъ (или «городовъ») ратные и выборные и всякіе люди приговорили». Въ особенно важныхъ случаяхъ, «чтобы вамъ (землѣ) наше (депутатское) обѣщаніе было вѣдомо», всякихъ чиновъ люди даже прикладывали свои руки къ такимъ «государевымъ указамъ и всей земли приговорамъ».

И въ другомъ своемъ сообщеніи Фокеродтъ оказывается совершенно правъ: дѣйствительно, только что описанный порядокъ дѣйстви-

валъ очень недолго, — только «до тѣхъ поръ, пока не вернулся изъ польскаго плѣна отецъ государевъ Филаретъ». Въ 1619 г. онъ приѣхалъ въ Москву, въ 1622 г. кончилась очередная (третья) сессія постоянного земскаго собора, та самая, при участіи которой Филаретъ выполнилъ одно изъ важнѣйшихъ обязательствъ, возлагавшихся на Владислава, — привести въ извѣстность потери служилыхъ людей въ разоренныхъ смутой мѣстностяхъ и дать имъ податныя льготы. Послѣ того Филаретъ пересталъ созывать новыхъ депутатовъ. Даже польскую войну онъ началъ, десять лѣтъ спустя, не спросившись «всей земли». Но война затянулась и потребовала дополнительныхъ военныхъ расходовъ, не предусмотрѣнныхъ раньше: необходимо было обязать всю землю обложить себя новымъ налогомъ, — и земскій соборъ опять появился на сцену (въ 1633 и 1634). Таже исторія повторилась черезъ три-четыре года. Опять правительство попробовало обойтись безъ помощи собора, опять это не удалось, и пришлось созвать соборъ для назначенія всей землей новаго налога и новаго набора. Но даже изъ формально обѣщанныхъ депутатами денегъ удалось собрать немногимъ больше половины оклада; можно себѣ представить, къ чему приводило взиманіе денегъ и рекрутъ собственными силами правительства и для чего, слѣдовательно, необходимъ еще былъ правительству соборъ. Наученная горькимъ опытомъ, власть уже серьезнѣе отнеслась къ вопросу, воевать или не воевать, когда этотъ вопросъ вновь представился по поводу взятія казаками Азова (1642). «Чины» всей земли были на этотъ разъ собраны въ особенной полнотѣ и ихъ мнѣнія отбирались особенно тщательно и детально, «на письмѣ». Правительство спрашивало: разрывать ли съ турецкимъ и крымскимъ царемъ, и если разрывать, откуда взять средства для войны, которая можетъ оказаться очень продолжительной? Депутаты — преимущественно тѣхъ слоевъ общества, отъ которыхъ и зависѣла исправность платежей, отвѣчали, что они платить не могутъ и Азовъ былъ очищенъ. Въ послѣдній разъ «вся земля» рѣшила вопросъ о войнѣ и мирѣ, и въ первый разъ въ голосъ всей земли послышалась новая нота. «Пуще турецкихъ и крымскихъ бусурманъ мы разорены отъ московской волокиты и отъ неправедныхъ судовъ», говорили, представители городского дворянства. «Наша братья», городовые дворяне идутъ въ Москву въ чиновники («къ государевымъ дѣламъ»); служа въ приказахъ и по областному управленію, они наживаются, а военная служба страдаетъ. Дворовые люди государя тоже занимаютъ выгодныя должности по управленію дворцовыми имуществами, а полковой службы не не служатъ. Дьяки и подьячіе, находясь постоянно «у государевыхъ дѣлъ», берутъ взятки и наживаются себѣ такія «неудобьсказаемыя палаты», какихъ при прежнихъ государяхъ не было и у «великородныхъ» людей. Торговые люди прибавляли къ этому, что они страдаютъ отъ воеводъ: «при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали губные ста-

росты, а посадскіе люди судились сами промежь себя, а воеводъ въ городахъ не было; посылались они только въ окраинные города съ ратными людьми для береженья отъ тѣхъ же турецкихъ и крымскихъ и нагайскихъ людей». Наконецъ, и мелкіе тяглецы московскихъ черныхъ слободъ жаловались, что государство запрягло ихъ на службы,— въ цѣловальники по приказамъ, въ «ярыжные», въ пожарный обозъ при московской полици. Смыслъ всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ неудовольствій былъ одинъ и тотъ же. Въ тотъ моментъ, когда «вся земля» непосредственнымъ личнымъ усиленіемъ отдѣлалась отъ бояръ и отъ казаковъ, когда она думала подъ наблюденіемъ своихъ депутатовъ возстановить «прежніе обычаи» московскаго государства, передъ ней обрисовалось не новое по существу, но новое по размѣрамъ зло, которое, притомъ, слишкомъ тѣсно было связано съ тѣмъ самымъ благомъ, къ которому земля стремилась,—съ упорядоченіемъ государства. Противъ этого неожиданнаго врага «земля», въ свою очередь, оказывалась безсильной.

Дѣло въ томъ, что необходимость въ постоянномъ земскомъ соборѣ вызывалась полнымъ разрушеніемъ управленія и отсутствіемъ правильной администраціи. Естественно, что реорганизація управленія была первой мѣрой, которую долженъ былъ принять государевъ отецъ, начавши «вновь строить государство». Онъ принялся за выполненіе этой задачи со свойственной ему энергіей и умѣніемъ. Результатомъ его усилій былъ тотъ строго-бюрократическій строй, который, безъ сомнѣнія, приводилъ въ порядокъ государственныя дѣла, но въ то же время избавлялъ власть отъ необходимости справляться при всякомъ важномъ случаѣ съ настроеніемъ «всѣхъ чиновъ». Вновь налаженный порядокъ управленія отдавалъ государство въ руки всемогущей бюрократіи, надъ злоупотребленіями которой никакой дѣйствительный контроль былъ невозможенъ.

Такимъ образомъ и произошло, что то же самое сословіе, которое за нѣсколько лѣтъ раньше законодательствовало и распоряжалось отъ своего собственнаго имени, въ ближайшій слѣдующій моментъ поставлено было въ необходимость изливать передъ властью свои безсильныя жалобы. Но какъ же могло оно само допустить такую невыгодную для себя пережѣву?

Отвѣтъ мы найдемъ въ извѣстныхъ намъ уже отчасти взглядахъ самого служилаго сословія на ту роль, которая выпала ему на долю въ событіяхъ смутнаго времени. Оно представляло себѣ эту роль временной и чрезвычайной. Оно и не хотѣло вовсе своимъ договоромъ съ избиравшимися имъ представителями власти устанавливать новаго государственнаго порядка. Оно видѣло въ этомъ только кратчайшій путь къ возстановленію «прежняго обычая». Его единственной цѣлью было, «чтобы російское государство послѣ московскаго разоренія впредь безгосударно не было». Оно боялось, такимъ образомъ, не излишества власти, а недостаточности власти и противъ этого принимало

свои мѣры. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы организовать надъ властью правильный контроль и позаботиться о дѣйствительности такого контроля, оно не побоялось само стать правительствомъ, чтобы помочь минутной слабости власти; а когда эта минута прошла, оно сразу—и безъ всякаго протеста—потеряло и участіе въ правительствѣ, и возможность контроля. Съ своей точки зрѣнія, оно даже еще слишкомъ долго засидѣлось въ правительствѣ: на свои депутатскія полномочія оно всегда смотрѣло, какъ на нецѣлительную повинность, къ отбыванію которой надо приступать какъ можно позже и отбывать ее какъ можно скорѣй. Ни вкуса, ни потребности во власти не развили въ служиломъ сословіи эти нѣсколько лѣтъ постоянныхъ мытарствъ по ополченіямъ и соборамъ. Богѣе ловкіе члены сословія воспользовались близостью ко двору и правительству, чтобы устроиться «у государевыхъ дѣлъ». Масса стремилась использовать плоды своего короткаго участія во власти у себя дома, въ деревнѣ. Обеспечить за своимъ сословіемъ, какъ цѣлымъ, политическую власть въ будущемъ не приходило въ голову ни тѣмъ, ни другимъ. Для этого въ сословіи было слишкомъ мало организованности и политическаго смысла. Его политическіе взгляды, въ огромномъ большинствѣ, совпадали съ тѣми, которые намъ извѣстны изъ разговора поляка съ русскимъ въ Москвѣ (стр. 221).

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что въ сознаніи господствовавшего сословія того времени мы не найдемъ элементовъ оппозиціи и критики. Содержаніе этого сознанія исчерпывается извѣстными намъ націоналистическими идеологіями. Чтобы найти элементы критики въ XVII ст., надо обращаться не къ классовой борьбѣ, какъ это мы дѣлали по поводу XV и XVI ст. Мы найдемъ эти элементы въ самой бюрократіи, въ вызванномъ ею дѣятельностью приливѣ иноземныхъ идей.

Данныя о побѣдѣ націоналистическихъ идеологій см. въ цитированныхъ раньше книгахъ М. А. Дьяконова и И. Жданова, а также въ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли» автора «Очерковъ». Новѣйшее изложеніе событий смутнаго времени съ точки зрѣнія классовой борьбы принадлежитъ С. Θ. Платонову: см. его «Очерки по исторіи смуты». Спб. 1899. Въ предыдущей литературѣ идея постепеннаго выступленія различныхъ общественныхъ слоевъ, какъ причины продолжительности смуты, съ особенной яркостью развита В. О. Ключевскимъ въ его «Боярской думѣ», гл. XVIII. Ср. также его «Краткое пособіе по русской исторіи». М. 1899. Въ текстѣ мы старались мотивировать наши собственныя отклоненія отъ взглядовъ нашихъ наслѣдователей. Текстъ договора съ Владиславомъ напечатанъ въ «Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. II, № 200. Текстъ приговора 30-го іюня см. въ «Исторіи» Карамзина, т. XII, примѣчаніе 793. Сочиненіе Фокеродта издано Ф. Германномъ въ книжкѣ: «Rusland unter Peter dem Grossen». Lpz. 1872; русскій переводъ см. въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей», 1874 г., кн. II. Политическій разговоръ поляка съ русскимъ въ Москвѣ рассказанъ въ дневникѣ Маскьямча, см. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», изд. 3-е, ч. II. Спб. 1859. Фактическія данныя о земскихъ соборахъ подобраны въ сочиненіи В. Н. Ламкина: «Земскіе соборы древней Руси», Спб. 1885. Показанія разныгъ чиновъ людей на соборѣ 1642 г. см. въ «Собраніи грамотъ и договоровъ», т. III, № 113.

П. Милюковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СУТОЛОКЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ).

(Продолженіе *).

XII.

Земскіе начальники у насъ вступили въ отправленіе своихъ обязанностей въ очень тяжелое и отвѣтственное время, — въ зиму послѣ голоднаго 1891 года.

Среди земскихъ начальниковъ, какъ и вездѣ, были и хорошіе люди, были и дурные, но самымъ характернымъ у всѣхъ было полное отсутствіе единства дѣйствій.

Земскій начальникъ Носиловъ, образованный, гуманный морякъ въ отставкѣ, не побоялся выяснить одну изъ ближайшихъ причинъ, вслѣдствіе которой голодъ 1891 года такъ сильно подорвалъ крестьянъ.

Совершенно зажиточные крестьяне послѣ аукціона превращались въ нищихъ. Добро ихъ переходило въ руки кулаковъ деревни, этихъ пиявокъ — только высасывающихъ. Городской кулакъ, при всей своей отрицательной сторонѣ, является въ то же время и основателемъ фабрикъ, заводовъ, промышленной дѣятельности; кулакъ же деревни только сосеть.

Эти пиявки въ 1890 году отняли все у населенія, причемъ на долю государства досталась едва ли четвертая часть отнятаго, потому что на торгахъ вещь шла за четвертую и пятую часть своей стоимости.

Носиловъ въ длинномъ спискѣ указалъ на всѣхъ этихъ разорившихся, спившихся, бросившихъ свои семьи.

Одного такого уже сумасшедшаго, высокаго, съ растрепанными волосами, съ идиотскимъ лицомъ, растеряннаго, качающагося на своихъ тонкихъ и жидкихъ ногахъ я видѣлъ. Онъ испуганно ищетъ глазами что-то и тихо твердитъ одно:

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1900.

— Тѣлочка, тѣлочка...

Это былъ богатый, уважаемый крестьянинъ, глава большой семьи...

Въ своей практической дѣятельности Носиловъ относился къ населенію съ уваженіемъ и тактомъ, безъ всякаго „я“, безъ всякихъ требованій, вродѣ ломанья шапокъ или вставанья при его проѣздѣ. Онъ никогда не присутствовалъ на сходахъ, не гнулъ никакихъ линий, почти не показывался въ деревняхъ, подвластныхъ ему, и только въ случаяхъ, когда крестьяне сами обращались къ нему за помощью, помогалъ имъ, растолковывалъ законы, указывалъ пути.

Такой образъ дѣйствій и далъ соотвѣтственные результаты, — его уважали. И хотя и въ его округѣ были безпорядки и во время голода, и холерные, и такъ называемый „коровій“ бунтъ, и безпорядки по поводу обязательнаго страхованія скота, исправленія татарскихъ религіозныхъ книгъ, всеобщей переписи, изъ-за Краснаго креста среди населенія полумѣсяца, но всѣ они обошлись безъ призыва войска, сѣченья, суда и всякихъ другихъ мѣръ наказаній.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что на-ряду съ Носиловымъ были земскіе начальники и другого типа.

Яркимъ представителемъ ихъ былъ Круговской, у котораго нашелъ себѣ пристанище бывший у меня управляющій, Петръ Ивановичъ Ивановъ.

Круговской былъ изъ военныхъ „хорошаго тона“. Онъ носилъ кольца и длинные выхолощенные ногти, не боялся никакихъ темъ и начиналъ всегда мечтательнымъ тономъ съ отгѣнкомъ презрѣнія:

— У насъ любятъ изъ мухи дѣлать слѣна...

Или:

— Мы, военные, обладаемъ однимъ несомнѣннымъ достоинствомъ: смотримъ на вещи просто...

Идеаломъ его былъ русскій солдатъ.

— Тотъ же хамъ, — говорилъ онъ, — приходитъ въ полеъ мужичье мужичьемъ и въ три, четыре года преобразовывается въ человѣка, которому я не задумался бы дать должность любого пристава, — толковый, исполнительный, грамотный и безъ заvirательныхъ идей, что очень важно.

Круговской многозначительно, небрежно и властно поднималъ свой палецъ съ перстнемъ.

— И вотъ совершенно опредѣленный путь для деревни, — дисциплина, гимнастика, отеческое отношеніе.

Это „отеческое отношеніе“ было особенно трогательно въ человѣкѣ, у котораго только пробивались еще усы.

Въ доказательство своихъ уже установившихся отеческихъ

отношеній Круговской носился съ письмомъ одного молодого крестьянина-пропойцы его округа, изъ грамотныхъ.

Письмо пошлое, наполненное грубой лестью, кончавшееся подписью: „вашъ негодный и вѣрный рабъ Алешка“.

Круговской приходилъ въ восторгъ особенно отъ словъ: „негодный и вѣрный рабъ“.

— Негодяй, шельма, но замѣчательно преданный,—типъ Шибанова стремянного. Въ огонь и воду готовъ: разноухать, разужать...

И Круговской, складывая свои обточенные ногти въ кучку, осторожно цѣловаль ихъ острія.

Впослѣдствіи, впрочемъ, этотъ самый Алешка „Шибановъ“ и явился главнымъ обвинителемъ Круговского въ безымянномъ доносѣ на имя губернатора.

У Круговского не сходили съ языка фразы, вродѣ слѣдующихъ: „со мной, голубчикъ, не долго нафинтишь“, или „я сразу вижу“, „я сквозь землю вижу“, „я по своему“ и т. п. По своему Круговской распорядился и въ дѣлѣ доставки сѣмянъ въ веснѣ 1892 года.

Я уже упоминалъ, что пока земство выдерживало характеръ въ борьбѣ съ голодающимъ населеніемъ относительно общественной запашки, пока, наконецъ, помирились и запашка была принята, и сѣмена, и рабочая скотина у большинства были уже проѣдены.

За сѣменами надо было ѣхать въ городъ, отстоявшій отъ насъ за сто верстъ, а за нами и еще верстъ на триста тянулась полоса безъ желѣзной дороги.

Только ничтожное меньшинство, обладавшее еще кое-какой рабочей скотиной, успѣло въ-время привезти сѣмена, остальные же возили ихъ еще и въ іюнѣ.

Когда богатые крестьяне у Круговского привезли себѣ сѣмена, онъ приказалъ ссыпать зерно въ свои амбары и собралъ сходъ.

На этомъ сходѣ онъ, приблизительно, сказалъ слѣдующее:

— Время пришло тяжелое и каждый долженъ помочь, чѣмъ можетъ, да и все равно, вамъ по круговой поруки отвѣчать же придется другъ за друга. Ну, такъ вотъ: у богатыхъ есть лошади, а у бѣдныхъ руки. Пусть богатые привезутъ бѣднымъ сѣмена, а бѣдные заплатятъ имъ работой: жнитвомъ, молотбой.

Богатые запротестовали. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Намъ бѣдные—братья, что ли? Намъ что для нихъ работать? Тамъ жнитво будетъ ли, нѣтъ ли,—можетъ и своимъ семейнымъ работы не хватить, таковой ли годъ, чтобъ нанимать, да и нанято уже все, что надо было, а сейчасъ, если мы сморен-

ныхъ голодухой лошадей погонимъ въ городъ опять, лошади встанутъ, вѣмъ тогда сѣять?

— Ну, полно,—презрительно кивнулъ ему Круговской,—морячъ другого, но не меня. Конечно, не охота, да ужъ видно придется все-таки вспомнить Бога, и наказаніе-то намъ за то, что Его совсѣмъ забыли. Забыли, что велѣлъ Онъ помогать другъ другу.

— Помогать?—грубо огрызнулся возражавшій,—такъ вѣдь по охотѣ, чай, а не силой. Вашей милости охота свое добро отдать,—хоть всю землю свою отдайте, коли охота помочь, а неволить нельзя.

Ноздри у Круговского раздулись, но онъ сдержался и сказалъ спокойно:

— Ну-съ, голубчикъ, я съ тобой долго разговаривать не буду: староста, посади его за непочтительное обращеніе на три дня по 51-й статьѣ.

— За что?!

— А вотъ узнаешь, за что, какъ три дня просидишь: мало? Опять на три дня; до Троицы такъ: сгною... я тебя научу!!

Крестьянинъ хотѣлъ было еще возразить, но только крякнулъ и, махнувъ рукой, тяжело пошелъ со схода.

Никто больше не грубилъ, но богатѣи все-таки подъ разными предлогами уперлись и ѣхать въ городъ вторично отказались наотрѣзъ.

— Ну-съ, какъ желаете, господа, но всѣ сѣмена будутъ ссыпаться во мнѣ въ амбаръ и раздѣлятся, когда послѣдній возъ пріѣдетъ изъ города.

Круговской выдержалъ характеръ и только въ началѣ іюня раздѣлилъ сѣмена.

Святой Егорій-надѣвъ сѣтливо—полтора мѣсяца тому назадъ прошелъ, когда зашагали по чернымъ полямъ тревожныя напряженныя фигуры сѣвцовъ въ нервной быстрой работѣ, точно желая догнать Егорія, точно стараясь заглушить тревогу души и страхъ за поздній посѣвъ.

— Никто, какъ Богъ,—говорили они, тоскливо оглядывая уже чисто лѣтнее звойное, безъ облака небо.

Самые уравновѣшенные крестьяне, хотя и сбитые совершенно съ толку посѣвомъ среди лѣта, старались все-таки убѣдить себя вопреки очевидной логикѣ вещей.

— Неужели же такъ зря и сѣмь! Чать, начальство все-таки понимаетъ, значить, не опоздано.

Но когда и сѣмена не взошли даже и черныя поля такъ и оставались черными вплоть до іюльскихъ дождей, то возмутились всѣ и говорили:

— Ну, конецъ свѣту: пошло все шиворотъ на выворотъ.

А богатѣи, въ числѣ двѣнадцати семействъ, сейчасъ же послѣ сѣва, послали ходоковъ на новыя земли. Къ осени и всѣ ушли, продавъ избы и размотавъ добро.

— Съ Богомъ, голубчичи,—напутствовалъ ихъ Круговской,—довольно насосались вы крови голытьбы,—отдохнуть безъ васъ.

Но и голытьба косилась на Круговского. Донималъ онъ ее номочами, при сдачѣ земли выговаривалъ барщину. Посѣялъ исполу гречу, а когда греча не уродилась, онъ приказалъ исполнителямъ жать свою рожь.

Но, главное, всѣ обижались за то, что Круговской, выписавшій и для себя сѣмена, до прибытія ихъ, высѣвалъ тѣ крестьянскія сѣмена, которыя лежали въ его амбарѣ.

И у Круговского былъ прекрасный урожай, а Петръ Ивановичъ утѣшалъ крестьянъ, говоря:

— Э... все же равно, раньше того, какъ подвезутъ всѣ сѣмена, они также лежали бы, такъ хоть съ пользой полежали въ землѣ.

И съ лукавой, снисходительной улыбкой, слюнявя, прибавлялъ:

— Все равно: Богъ дастъ и въ овно подастъ, а за барина вамъ Богу молиться надо: онъ васъ жалѣеть... э... тамъ взятокъ или тамъ... э... у богатенькаго тамъ займы взять... займы, понимаешь? Набралъ, гдѣ могъ, перевелся въ другое мѣсто, а тотъ сюда...

И Петръ Ивановичъ весь расплывался въ блаженную улыбку и уже совсѣмъ благодушно махалъ рукой:

— А вашъ баринъ ничего этого не дѣлаетъ: молиться за него надо... а тамъ, Богъ дастъ, и урожай будетъ еще...

Но Богъ не далъ въ тотъ годъ крестьянамъ урожая. Только у крупныхъ землевладѣльцевъ, да у кулаковъ былъ урожай, и хорошій урожай при хорошихъ цѣнахъ на хлѣбъ, къ тому же и дешевыхъ цѣнахъ на рабочія руки, такихъ же дешевыхъ, какъ и въ предыдущій голодный годъ.

И крестьяне съ завистью говорили:

— Ну, баре нынче противъ нашего брата на десять лѣтъ ходу взяли впередъ.

Недалеко отъ меня поселился какой-то земскій начальникъ изъ пришлыхъ—Левиновъ.

Онъ былъ изъ чиновниковъ, по какимъ-то неприяностямъ оставившій свою прежнюю службу.

Я только издали видѣлъ эту мрачную, сухую, загадочную фигуру, но о дѣйствіяхъ его говорила вся округа.

Онъ выписывалъ, на примѣръ, дешевыя картинки съ соотвѣт-

ственнымъ содержаніемъ, разсылалъ ихъ при бумагѣ по волостямъ, приказывая старшинамъ и старостамъ продавать ихъ.

Онъ заводилъ женскія руководѣльныя заведенія для дѣвушекъ отъ 15 лѣтъ и выше: онѣ ткали ковры, плели кружева—днемъ и вечеромъ.

Ковры и кружева куда-то отсылались, а на заведенія земскій энергично собиралъ деньги съ крестьянъ, главнымъ образомъ, съ богатыхъ, но собиралъ и на сходахъ. А когда кто отговаривался тѣмъ, что у него нѣтъ денегъ, земскій выговаривалъ съ него рабочіе дни, и продавалъ ихъ богатымъ крестьянамъ, мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ.

Эту идею онъ впоследствии развилъ болѣе широко, составилъ списокъ недоимщиковъ и расцѣнилъ ихъ недоимку въ соотвѣтствующихъ работахъ, встать сказать, по очень дешевымъ цѣнамъ, назначилъ день торговъ, оповѣстивъ о томъ всѣхъ крупныхъ помещиковъ округа.

Левинава скоро убрали.

Онъ какъ-то быстро и безслѣдно исчезъ, оставшись долженъ землевладѣльцамъ, крестьянамъ, оставивъ несчастную жену съ пятью дѣтьми, съ шестымъ въ ожиданіи, оставивъ въ такомъ же положеніи и нѣсколькихъ дѣвушекъ-мастерицъ въ устроенныхъ имъ заведеніяхъ, да одну молоденькую учительницу.

Въ другомъ родѣ былъ земскій начальникъ моего района, въ общемъ, благожелательный человекъ, съ университетскимъ образованіемъ, но не опытный. Обижались и на него и за слишкомъ большую энергію въ принятіи противоположныхъ мѣръ, и за общественную запашку.

Суть общественной запашки въ томъ, что крестьянъ обязывали (какъ мы уже видѣли, незаконно) часть ихъ земель засѣвать и урожай съ нихъ ссыпать въ общественные магазины. Этимъ хлѣбомъ должны были погашаться какъ старыя ссуды по продовольствію населенія, такъ и обезпечиваться будущіе недороды.

По справедливости, такія запашки слѣдуетъ причислить къ мѣрамъ, достигающимъ совершенно обратныхъ цѣлей.

Вотъ логика вещей.

Развѣ голодъ не указалъ на полное отсутствіе какихъ бы то ни было запасовъ въ населеніи? Какимъ же образомъ, отнимая и безъ того не хватающую землю для запашки, можно вдругъ получить запасъ?

Далѣе:

Взять много земли для запашки, что останется для текущихъ потребностей? Взять мало, что дастъ тогда эта запашка?

А между тѣмъ, сколько бесполезнаго времени терялось на нее.

Надо принять здѣсь во вниманіе и то обстоятельство, что при плохой обработкѣ вообще земли крестьянами (это не упрекъ, а фактъ, источникъ котораго—бессиліе, плохая лошадевка, плохая сбура) общественная работа по качеству своему еще ниже. И вотъ почему.

Работы на часъ, а ѣхать надо въ другое поле—день пропалъ. Вслѣдствіе этого и пашню, и сѣвъ, и всѣ работы по общественной запашкѣ крестьянинъ откладываетъ на самый конецъ и въ результатѣ получается всегда запозданная плохая работа.

— Но зачѣмъ же они такъ дѣлаютъ?—убѣждалъ земскій начальникъ,—пускай и берутъ на день работы: не сажень, а работу дня—двадцать сажень, а тотъ, кто семейный, пусть выжнетъ за то не сажень, а двадцать сажень..

Въ теоріи все это выходило хорошо, но на практикѣ всякій крестьянинъ отбывалъ свою сажень, теряя на пашню посѣвъ, полку, жнитво, возку и молотбу своей сажени по дню. И въ результатѣ получалось то, что если учесть весь затраченный трудъ, то пудъ хлѣба съ общественной сапашки, стоявшій на рынкѣ 20—30 к., обходился крестьянамъ въ 2—3 рубля..

Надо указать и вотъ еще на какую несправедливую сторону общественной запашки.

Работа здѣсь распредѣляется по числу душъ: каждый годъ съ рожденіемъ или смертью члена семьи мужскаго пола и число душъ измѣняется. И можетъ выйти такъ: кто бралъ на одну душу вслѣдствіе увеличенія семьи работалъ теперь больше, чѣмъ бралъ хлѣба, также какъ тотъ, у кого за смертью душъ становилось меньше, работалъ по раскладкѣ паличныхъ душъ меньше того, чѣмъ брали хлѣба.

Нельзя не упомянуть при этомъ и о злоупотребленіяхъ при продажѣ такого общественнаго хлѣба.

Какой-нибудь изъ теперешнихъ радѣтелей общественнаго деревенскаго блага будетъ энергично возражать:

— Помилуйте, хлѣбъ продается съ торговъ, заранѣе оповѣщается и пр. и пр.

Это теорія. Практика же вещей говоритъ иное: хлѣбъ скупается кулаками-стачечниками и радѣтель общественнаго блага знаетъ это отлично. Знаетъ и то, что наличность хлѣба въ рукахъ продажныхъ надсмотрщиковъ и сколько въ дѣйствительности этого хлѣба, знаетъ только онъ, да покупатель.

Словомъ, отвратительна эта общественная запашка во всѣхъ отношеніяхъ: и какъ всякая натуральная повинность, и какъ круговая порука, и какъ раззорительный и въ то же время никуда негодный палліативъ.

И крестьяне отлично понимали все это также, какъ понимали

весь эгоизмъ въ данномъ случаѣ земства, доведшаго ихъ до постѣва въ іюнѣ, до второго голода. Понимали и раздражались.

Раздражались крестьяне и заботами нашего земскаго о мѣрахъ противъ пожара.

Онъ писалъ циркуляры, чтобы крестьяне смазывали глиной крыши избъ и дворовъ и самъ ѣздилъ и энергично слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ требованій.

И не успѣвшія отдохнуть отъ зимней голодухи, отъ перевозки сѣмянъ и весенней пашни лошаденки таскали опять глину, а упавшіе окончательно духомъ крестьяне съ высотъ крышъ своихъ видѣвшіе свои опять и въ этомъ году черныя поля—апатично смазывали глиной тѣ крыши, которыя, благодаря гнилой соломѣ, которую и скотъ не ѣлъ, уцѣлѣли, приговаривая:

— Прежде придетъ, бывало, голодный, годъ хоть крышами кормилъ скотину, а теперь и тутъ шабашъ.

А когда ветхая крыша подъ непріятой въ расчетъ новой тяжестью глины проваливалась, несчастный крестьянинъ въ отчаяніи и тоскѣ проклиналъ и эту работу, и день и часъ своего рожденія.

ХІІІ.

Холера еще была гдѣ-то далеко, а страшные, одинъ нелѣпѣе другого слухи уже ходили въ народѣ.

Все невѣжество массъ точно проснулось и рельефно и ярко обрисовалось въ этихъ слухахъ.

Въ мирное время крестьяне благодушно будутъ рассказывать о вѣдмахъ и домовыхъ, а на малѣйшее сомнѣніе и сами смутятся и, махнувъ рукой, скажутъ:

— Бабы, конечно, чего не наговорятъ.

Но теперь они не хотѣли больше смущаться и вѣрили.

Вотъ какой сцены я былъ свидѣтелемъ въ іюнѣ 1892 года, въ деревнѣ, гдѣ пришлось мнѣ кормить лошадей при проѣздѣ въ городъ.

Было часа два дня. Все нѣжилось въ яркихъ лучахъ солнца. Куполъ неба, точно прозрачный, вторично отражалъ эти лучи и посылалъ ихъ свѣтло-голубыми стрѣлами назадъ на поля, на прудъ, на грязныя высохшія избы и дворы деревни. У единственной одинокой ветлы у пруда толпился народъ и горячо о чемъ-то толковалъ.

Сидя на завалинкѣ того двора, гдѣ кормились мои лошади, я смотрѣлъ на эту толпу и слушалъ словоохотливую нервно-возбужденную хозяйку, которая мнѣ, своему старому знакомому; что-то толковала.

— Зачѣмъ народъ собрался тамъ?

— Охъ, батюшка, такое пошло по свѣту, такое, что и дѣдамъ нашимъ не приводилось,—что дѣдамъ? Сколько ни жилъ другой, а такого не видалъ еще... Три сестры изъ индійской стороны взошли въ нашу землю: горячка, холера, да чума. Какъ взошли, никому неизвѣстно: кто ихъ пропустилъ?! Вотъ по деревнямъ и смѣкаетъ теперь народъ: кому надо было ихъ пускать? О-охъ! Свѣтъ-то свѣтъ куда поворачивается!

Она вдругъ съ ужасомъ уставилась въ меня.

— Я-то, глупая, что надѣлала?! Разказала тебѣ.

Но также быстро успокоившись, махнула рукой и весело сказала:

— Охъ, да вѣдь чать не погубишь меня, старуху.

Она двумя пальцами обтерла губы и продолжала:

— Ни меня, ни себя губить не захочешь: вотъ пойди, скажи имъ сейчасъ, что узналъ про сестеръ, живого не выпускай, удушать, камешекъ къ шейкѣ привяжутъ и уложатъ въ тотъ прудикъ.

— За что?

— Поопасаются, какъ бы не донесъ, батюшка,—даромъ, что и знакомый будто баринъ, да нынче времена такія пошли, что скоро и отецъ не отецъ станетъ.

— Да вѣдь это глупости.

— Глупости?—наклонила бо мнѣ старуха,—отъ простоты твоей глупости это... Какія глупости, когда видишь, чего надѣлала? Поля видѣлъ?—Черныя, а лѣто-то въ серединѣ,—въ серединѣ лѣта сѣяли,—голодь опять? Въ нашей деревнѣ сколько народа, а во всей-то землѣ—ну! Ораву эдакую второй годъ чѣмъ кормить стануть, когда и въ прошломъ году хлѣбъ на полтора рубля выскочилъ? А тутъ какъ три сестрицы примутся—и скачаютъ ненужнаго народу, чѣмъ также имъ съ голоду опять пропадать. И шито и крыто и никто и не узналъ: кто тамъ виновать, да какъ, да что: понялъ?

Я успокоилъ старуху, сказавъ ей, что ничего крестьянамъ не скажу, что подойду къ нимъ такъ отъ себя, ничего будто не зная и, вставъ, поборая какое-то жуткое чувство, пошелъ въ пруду.

Но, увидѣвъ, что я иду, крестьяне не стали меня дожидаться и, быстро перейдя по ту сторону плотины, разошлись.

Потомъ я нѣсколько разъ слышалъ отъ крестьянъ тотъ же разказъ, всегда передававшійся мнѣ съ глазу на глазъ, подъ страшнымъ секретомъ и каждый разъ на мои доводы, что это ложь, я получалъ въ отвѣтъ снисходительное и непреклонное:

— Нѣтъ, это ужъ вѣрно.

И все тотъ же доводъ:

— Голодъ опять?? Такъ?! Чѣмъ кормить? А?!

Напряженіе и тревога росли. Пріѣхалъ какъ-то ко мнѣ урядникъ:

— Смута идетъ въ народѣ: толкуютъ всякій свое... Человѣкъ воротился изъ Астрахани: „самъ, — говоритъ, — видѣлъ: ротъ открываютъ, набьютъ ему въ ротъ бѣлаго порошка и въ гробъ, живьемъ, пока бьется еще и тащатъ, — вотъ какъ подошло, вотъ какъ за нашего брата нынче принялись“. Скажешь имъ: „да Богъ съ вами“ — оборвутъ: „съ нами-то Богъ, а съ вами кто? черный?..“ Начнешь искать человѣка, который воротился изъ Астрахани: и пойдутъ, — тутъ, тамъ, въ той деревнѣ и нигдѣ никого не найдешь.

И урядникъ, понижая голосъ, объясняетъ:

— Видите, какъ они толкуютъ: кто, говорятъ, народъ подвелъ подъ новый голодъ? Коли воля была ихъ на это и на все, значитъ, воля есть. А другіе и не то еще толкуютъ. Я, конечно, донесъ становому, такъ вѣдь что тутъ сдѣлаешь? Говорить: не тѣ времена, видишь и не видишь, слышишь и не слышишь... Легенду о сестрахъ при приближеніи холеры смѣнилъ болѣе реальный слухъ:

— Доктора порошками морятъ народъ.

И тоже объясненіе.

Такъ, волнуясь, ждали холеру.

А передъ самымъ появленіемъ ея всѣ слухи о ней затихли, какъ будто забыли о ней.

И вдругъ, какъ громомъ поразившая всѣхъ вѣсть: въ Парашинѣ холера.

Въ той самой чувашской Парашинѣ, гдѣ зимой былъ сплошной тифъ.

Опять заволновались, взрывъ какого-то животнаго страха. Страхъ не передъ болѣзью, а предъ кѣмъ-то живымъ, невидимо ходящимъ гдѣ-то между людьми существомъ, неумолимымъ, страшнымъ, которое искало свои жертвы: и чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ страшнѣе было человѣку, потому что зналъ онъ, что его-то и отмѣтять, какъ лишняго.

И голтыба пила и какой-нибудь пьяный диво ревѣлъ:

— Какая такая холера?.. Выходи! Не боюсь...

И, качаясь, онъ засучивалъ рукава, вызывая на бой то неумолимое, которое уже жило, уже ходило между ними.

Бѣдные парашинцы!

Я какъ-то вскорѣ послѣ сѣва ѣздилъ къ нимъ и попалъ случайно на ихъ праздникъ весны — Уявъ, въ честь Тура и молодой богини, дочери добраго и великаго бога Тура.

Этотъ праздникъ весны, этотъ языческой культъ Венеры, эти люди до Владимировскаго періода, въ ихъ національныхъ костюмахъ, такъ ярко запечатлѣлись въ моей памяти.

Я, не заѣзжая тогда въ село, подѣхалъ прямо къ лугу, гдѣ происходило празднество.

О страшныхъ картинахъ зимы не было больше и помнуну: теперь было тепло, грѣло солнце, сверкала рѣчка; паровыя поля, за отсутствіемъ скотины, какъ ковромъ, покрылись желтыми, бѣлыми, синими цвѣтами.

Отъ этихъ цвѣтовъ пахло нѣжнымъ ароматомъ. На веселомъ лугу кружился хороводъ изъ молодыхъ дѣвушекъ и парней.

При приближеніи моего экипажа, толпа сперва бросилась было въ разсыпную, но меня узналъ старикъ-чувашь, переводчикъ, и, остановившись, хотя и не совсѣмъ увѣренно, но ждалъ меня.

Отбѣжавъ, поодаль, остановилась и остальная толпа.

— Думали, была, чиновникъ какая, — снисходительно привѣтствовалъ меня старикъ.

— А, если и чиновникъ, — пренебрежительно огрызнулся съ козелъ Владиміръ, — такъ онъ съѣстъ что ли? То-то зайцы...

— Ну, зайца. — сказала старикъ, — нынче чувашка не зайца: кто хочешь, пріѣзжай...

— А сами отъ кого хочешь, лыжи такъ и навастриваютъ...

Я смотрѣлъ на дѣвушекъ, все еще стоявшихъ вдаль.

На нихъ были надѣты родъ бѣлыхъ длинныхъ рубахъ, обшитыхъ краснымъ кумачомъ, перепоясанныхъ красными поясами, сзади спускался родъ хвостовъ, а на головѣ были оригинальные уборы: металлическія шапочки, вродѣ тѣхъ, что носили древніе войны, временъ Владиміра, съ острой шишечкой на макушкѣ; на грудь, вдоль щекъ, отъ шапочки падали длинныя застежки, всѣ обшитыя мелкой и крупной серебряной монетой.

Въ этомъ нарядѣ молодыя лица дѣвушекъ выглядѣли свѣжо, оригинально и сказочно.

— Что эти шапочки можно купить? — спросилъ я.

— Нѣтъ, купить нельзя, смотрѣть можно.

И разговорившійся со мной старикъ ушелъ въ дѣвушкамъ и, очевидно, сталъ уговаривать ихъ подойти ближе. Онѣ не сразу подошли, но наконецъ согласились.

Я смотрѣлъ, какъ онѣ подходили: увѣренно, плавно, спокойно.

— Смотри, — сказалъ мнѣ старикъ.

Подойдя, дѣвушки взяли за руки, составили большой кругъ и начали пѣть: это было такое оригинальное и пѣніе и зрѣлище, какого я никогда не видалъ. То-есть, видѣлъ на сценѣ, въ балетѣ, въ оперѣ. Но это не былъ ни балетъ, ни опера, а жизнь.

Большой кругъ плавно и медленно двигался; дѣвушки шли въ

польборота, одна за спиной у другой. Одинъ шагъ онѣ дѣлали большой, останавливались и тихо придвигали другую ногу.

На сценѣ это показалось бы можетъ быть выдумкой,—здѣсь же былъ естественъ и непередаваемо красивъ этотъ хороводъ молодыхъ весталокъ.

Онѣ смотрѣли передъ собой и пѣли.

— О чемъ поютъ онѣ?

— Безъ словъ поютъ,—отвѣчалъ нервно старикъ,—такъ будутъ пѣть онѣ, когда послѣ смерти пойдутъ къ Турѣ. Онѣ будутъ смотрѣть прямо въ глаза и на голосъ пойдутъ... Человѣкъ бѣдный, нѣтъ ничего, много грѣховъ... Только на голосъ, на одинъ голосъ, безъ словъ пойдутъ, чтобъ простилъ великій добрый Тура...

Дѣвушки пѣли, а старикъ переводчикъ, онъ же и жрецъ, говорилъ мнѣ:

— Бѣдные чуваша мы, живемъ какъ можемъ. Великій Тура весну далъ намъ, а дочка его намъ свадьбы править. Такъ и живемъ мы: пашемъ землю, круглый годъ работаемъ, а весна придетъ, опять веселимся. Мы любимъ землю. Отъ насъ обиды никому нѣтъ. Мы все весело дѣлаемъ: работаемъ, празднуемъ, а смерть придетъ—умираемъ. Такъ мы живемъ. А эту вотъ пѣсню только разъ въ годъ весной можно пѣть: больше нельзя, грѣхъ.

Старикъ говорилъ, а я слушалъ.

Иногда громче поднималась пѣснь среди аромата полей и улетаала въ небо, сливаясь тамъ съ пѣсней жаворонка нѣжная тихая лѣснь о промчавшемся..

Что оперы, что романсы?! Развѣ передадутъ они этотъ ароматъ временъ, этотъ ароматъ вѣчно молодой весны и нѣжной тоски о проносящихся вѣвахъ? Развѣ передадутъ они эту пѣснь народа, двѣ тысячи лѣтъ сквозь всю ломку пронесшаго съ собой яркій образъ прежней жизни? Развѣ можно выдумать такую пѣснь?

Дѣвушки, кончивъ смотрѣли на меня, охваченныя своей пѣсней.

Къ одной, у которой глаза горѣли такимъ сильнымъ огнемъ, а щеки отъ контраста съ сѣрымъ металломъ ея каски были еще румянѣе и вся она была яркимъ сочетаніемъ мира и войны, покоя и возбужденія, огня и холода, подошелъ стройный парень съ черными большими глазами, тоже въ бѣлой, но короткой рубахѣ, тоже обшитой кумачемъ.

Мужчины-чуваша мелкорослы и плюгавы и красивый парень рельефно выдѣлялся.

— Это мой внукъ Зоранбъ; вечеромъ онъ возьметъ ее въ жены себѣ. А это мой второй внукъ Зорабъ.

Зорабъ былъ моложе Зоранба и общалъ изъ себя въ будущемъ типичную плюгавую фигуру растрепаннаго ввинченнаго,

съ виду вѣчно пьянаго, но всегда веселаго, благодушнаго чуваша, который вмѣстѣ съ двадцатью такими же будутъ сперва убѣгать отъ новаго лица, а потомъ усердно наперерывъ бросатся выпрягать или запрягать ему лошадей, крича благимъ матомъ, безъ толку суетясь, на всѣ вопросы, какъ ихъ зовутъ, расторопно отвѣчая единственное знакомое русское слово:

— Иванъ!

Я вынулъ деньги и отдалъ ихъ невѣстѣ Зоранба.

Глаза старика сверкнули и онъ что-то оживленно заговорилъ. Дѣвушки весело, снисходительно слушали его и, переглянувшись, взялись опять за руки.

Когда образовался кругъ, двѣ, разорвавъ его, отвели каждая въ свою сторону концы круга и всѣ сразу опустились на землю.

Онѣ не то встали на колѣни, не то сѣли совсѣмъ.

И вся эта гирлянда бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, всѣ эти молодые глаза такъ ласково, непринужденно и привѣтливо смотрѣли на меня. Униженія не было и слѣда—онѣ только привѣтствовали меня, чужестранца.

Такъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, можетъ быть, слушалъ какой-нибудь путникъ, въ честь котораго пѣли дѣвушки,—путникъ, который попалъ на ихъ и свой праздникъ. Такъ могъ стоять и мой предокъ. И, заколдованный пѣсней, я видѣлъ теперь то, что скрыто отъ смертныхъ.

Садилось солнце, мечтательно догоралъ день, по золотистымъ небеснымъ полямъ заката двигались тѣни, а одинокія тучки туда выше, въ бирюзовомъ небѣ уже вспыхнули и горѣли прозрачнымъ послѣднимъ огнемъ.

И сильнѣе охватывало меня очарованіе.

Только снится иногда такое состояніе, какое испытывалъ я,—нѣжное, непередаваемо сильное, это состояніе сна на яву. Проносились времена или я дальше и дальше, понавъ въ обратное теченіе, уносился назадъ рѣкой времянь.

То небо, тѣ поля неба и этотъ кругъ дѣвушекъ и ихъ пѣсня и я слились вмѣстѣ въ одно, далекое, забытое, что было когда-то и моимъ...

Я пришелъ въ себя и въ отвѣтъ на ихъ поклонъ снялъ свою шляпу и отъ всей души, проникнутый и самъ привѣтомъ, уваженіемъ и признательностью, поклонился имъ.

Я уѣхалъ, но долго еще предъ моими глазами стоялъ нарядный лугъ съ толпой языческихъ дѣвушекъ, я все слышалъ ихъ пѣснь и напѣвъ ея въ моей душѣ такъ нѣжно звучалъ, что, право, я не запомню, захватывало ли когда-либо что-нибудь меня такъ сильно, какъ эта промелькнувшая картинка изъ давно забытой эпохи человѣческой жизни.

Съ нами сѣлъ и старикъ-чувашинь, чтобы показать намъ болѣе короткую дорогу.

Даже Владиміръ и тотъ поддался впечатлѣнію и сказалъ въ порывѣ:

— Да, хорошо...

Но, пройдя немного, онъ повернулся къ старику-чувашину и сказалъ съ сожалѣніемъ:

— А все-таки ваша вѣра пустая и вашъ богъ — чурбанъ, дрянъ...

Владиміръ сплюнулъ, а жрецъ разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Конечно, пьяница нашъ богъ и съ нами водеу вмѣстѣ пьеть, за то и держимъ мы его весь годъ на задахъ... Ну, а какъ весну намъ подарить опять, тутъ мы спасибо ему говоримъ. А вотъ Ирикъ злой: его не надо ругать, — на глаза, какъ разъ, болѣзнь пошлетъ...

Вижу, хочется Владиміру и Ирика обругать, да боится, только губы сжалъ, да гнѣвно смотритъ передъ собой.

И вотъ эту милую и бѣдную Парашино, этотъ поэтичный уголокъ весны первую посѣтила холера.

Вотъ какъ это случилось.

Сейчасъ же послѣ праздника Уявъ, Зорабъ и Зораибъ отправились на заработки на югъ, въ степь, гдѣ сѣютъ только крупные помѣщики, у которыхъ предвидѣлся въ этомъ году урожай.

Верстахъ въ двухстатъ отъ своей деревни, въ большомъ торговомъ пригородѣ, гдѣ уже свирѣпствовала холера, заболѣлъ холерой Зораибъ.

Испуганный Зорабъ положилъ брата въ телѣгу, закрылъ травой и повезъ его назадъ домой.

Зораибъ дорогой умеръ и привезъ Зорабъ только потемнѣвшій, смрадный трупъ его.

Но дорого было похоронить его по родному обычаю, чтобы не блуждала его тѣнь вѣчно у входа къ Турѣ, чтобы не взялъ его къ себѣ злой Ирикъ.

И Зораиба похоронили, какъ приказывалъ законъ.

Пекли блины, закатывали въ нихъ соевыми свѣчи и бросали собакамъ. Грызлись собаки, хорошо грызлись и веселые были похороны. Пьяные напился чуваша, пѣли пѣсни и съ пляской везли тѣло Зораиба.

Молодая жена Зораиба, Зорабъ и дѣдъ сидѣли съ Зораибомъ въ телѣгѣ, спиной къ лошадямъ.

Хвалили Зораба за то, что вѣрнымъ былъ братомъ Зораибу и въ память мужа, жена Зораиба соглашалась стать его женой.

Но на другой день и она, и Зорабъ уже катались въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Похоронили и ихъ.

Много стало умирать и не хватило ни водки, ни блиновъ и разбѣжались люди, кто куда могъ и стала пустая деревня.

Все выше и выше росла трава на непоханныхъ парахъ. Но не было больше бѣлыхъ, желтыхъ и синихъ цвѣтовъ на ней, — сохла она и ужъ не трава, а высокій жесткій бурьянъ стоялъ, а среди нихъ стояло пустое Парашино и далеко теперь кругомъ обходили и объѣзжали его рѣдкіе путники.

Въ нашемъ округѣ холера началась въ селѣ Боровѣ.

Во избѣжаніе распространенія заразы, земскій начальникъ распорядился холерныхъ хоронить не на старомъ кладбищѣ, находившемся внутри села, а на новомъ—внѣ села.

Теоретически онъ былъ, конечно, совершенно правъ, но при большемъ опытѣ провелъ бы дѣло иначе. Поручилъ бы, можетъ быть, священнику, чтобы тотъ въ проповѣди растолковалъ народу все обстоятельно. Можетъ быть, лучше было бы и совсѣмъ закрыть кладбище въ центрѣ села, начавъ хоронить всѣхъ вообще умершихъ на новомъ. Еще лучше было бы, конечно, провести все это одной общей мѣрой, исходящей изъ болѣе компетентнаго источника.

Какъ бы то ни было, но земскій, выбравъ надлежащее за селомъ, на обрывѣ рѣки мѣсто, огородилъ его плетнемъ и даже успѣлъ похоронить тамъ одного бездомнаго старца, умершаго отъ какой-то невыясненной болѣзни. Настоящей холеры тогда еще собственно не было въ селѣ, но вскорѣ затѣмъ страшная гостья появилась.

Извѣстно, что народъ нашъ не любитъ новыхъ кладбищъ.

— Новыя мазарки, — говоритъ онъ, — новые покойники.

При появлении холеры крестьяне угрюмо заговорили по поводу новаго кладбища:

— Накликаль-таки.

И крестьяне рѣшили не хоронить холерныхъ на новомъ кладбищѣ.

Когда умеръ первый холерный, то жена покойнаго поступила такъ: избу заперла на замокъ, а ключъ забросила.

Собралась толпа крестьянъ у запертой избы и стала разсуждать. Она, эта толпа, не желала прежде всего ничего не законнаго. Распоряженіе хоронить на новомъ кладбищѣ, конечно, фактъ; но фактъ и то, что покойникъ запертъ. Чтобы достать его, надо сломать замокъ, то-есть, учинить дѣло со взломомъ—дѣло незаконное, а слѣдовательно, и творящіе его тѣмъ самымъ становятся какъ бы внѣ законовъ.

— Да, ловко баба закрутила, — въ веселомъ похмельи сваливагося горя потряхивали головами тѣ, кому растолковывалась эта хитроумная вазуистика.

— Да-а, теперь дѣйствительно, попробуй только взломать... Староста растерялся и поѣхалъ за пять верстъ совѣтоваться съ земскимъ.

Возвратился староста назадъ и говорить:

— Велѣно отвести бабу въ земскую квартиру и держать ее тамъ подъ арестомъ до тѣхъ поръ, пока ключа не отдастъ.

— Ну что жь,—рѣшила толпа,—подъ арестъ, это по закону.

Баба покорно пошла и сѣла подъ арестъ.

Сидитъ день, другой, но ключа не отдастъ.

Лѣто, жарко, народъ волнуется:

— Этакъ и безъ холеры сдѣлаютъ намъ холеру... Экое, прадѣло: сами вѣдь на беззаконіе такъ и лѣзутъ, того и гляди, попадешь съ нимъ въ бѣду.

Думали, думали и рѣшили отъ бѣды ѣхать въ становому.

Становой пользовался большой популярностью среди населенія.

Выслушавъ ходоконъ, онъ обѣщалъ имъ содѣйствіе и поѣхалъ въ земскому.

— Ничего не могу,—говоритъ нашъ молодой земскій,—разъ ужъ поставленъ такъ вопросъ... Попробуйте уломать ихъ.

Поѣхалъ становой въ „бунтующее село“. Собралъ сходъ и началъ уговаривать крестьянъ подчиниться вполнѣ разумному требованію земскаго.

— Стой, стой,—закричалъ одинъ изъ толпы,—а какъ же у тебя въ Сорокахъ въ селѣ хоронять? Или такъ: что загонъ, то законъ?

Послѣ этого становой поѣхалъ опять къ земскому и объяснилъ, что у него въ околоткѣ четыре земскихъ начальника и каждый рѣшилъ по своему этотъ вопросъ: одинъ ничего не предпринялъ и все оставилъ по старому; другой засыпаетъ могилы известкой; третій—всѣхъ больныхъ въ баракъ увозить и хоронить ихъ изъ бараконъ своимъ распоряженіемъ, ночью; четвертый—нашъ земскій начальникъ еще новую мѣру придумалъ.

— Въ виду того, что мною же, съ согласія земскаго начальника, дѣйствительно разрѣшено въ Сорокахъ хоронить въ селѣ, я не могу здѣсь ручаться за дальнѣйшую безопасность.

— Но какъ же быть?—спрашивалъ земскій.—Вѣдь мой авторитетъ страдаетъ...

На счастье пріѣхалъ докторъ и для спасенія авторитета рѣшили такъ: земскій и становой поѣдутъ въ бунтующее село; докторъ окольными дорогами невзначай попадетъ въ то же село. Земскій при появленіи доктора сошлетъ на медицину, а докторъ, жертвуя на этотъ разъ авторитетомъ своей науки, скажетъ, что можно хоронить и въ селѣ, но только посыпать могилы известкой. Такъ и сдѣлали. На томъ и помирились. Такъ въ одиночествѣ

и остался на новомъ кладбищѣ, обнесенномъ плетнемъ, на высовомъ обрывѣ рѣки, безродный старикъ, вѣчный памятникъ мирнаго исхода дѣла.

У болѣе рѣшительнаго и меньше сомнѣвающагося въ себѣ Круговскаго безпорядки кончились далеко не такъ благополучно.

Одного изъ такихъ безпорядковъ я былъ отчасти очевидцемъ.

Безпорядки у Круговскаго, о которыхъ я упомянулъ, произошли прѣжде всего въ большомъ торговомъ селѣ. Среди населенія много старовѣровъ. Извѣстна ихъ заботливость относительно того, чтобы какъ-нибудь не оскверниться, „не измірщиться“,—своя икона, своя посуда. Въ случаѣ даже пожара, старовѣры предпочитаютъ, чтобы избы ихъ сгорали, но не поливались бы водой изъ ведеръ православныхъ. Въ кабакъ придетъ, пьянъ напьется, но изъ своей посуды. Какой-нибудь резонеръ деревенскій пуститъ такому старовѣру:

— Вы что жъ думаете, царствіе небесное дураки стерегутъ? Нажрался, напился, а своя посуда, и правъ опять?!

Несостоятельность этой посуды, такимъ образомъ, съ одной стороны и односельчанамъ ихъ очевидна, но мало ли съ другой стороны несостоятельныхъ вѣрованій на свѣтѣ?

И разъ ужъ это религиозная обрядность, то хороша ли она, худа ли, но если даже говорить объ искорененіи, то и искоренять ее надо осторожно и не въ разгаръ такихъ народныхъ бѣдствій, какъ холера.

Но въ данномъ случаѣ и искорененія не было, а такъ просто невѣдѣніе. И въ результатѣ распоряженіе: больныхъ, и православныхъ, и старовѣровъ,—всѣхъ тащить въ одинъ барахъ.

Выполненіе этого было передано урядникамъ, полицейскимъ. Выполнялось грубо, съ зуботычинами.

Кто-то кого-то ударилъ,—крикъ шумъ и собралась уже всѣмъ предъидущимъ раздраженная толпа. И какъ разъ въ базарный день, слѣдовательно, были и пьяные. Приѣхалъ Круговской. Въ заднихъ рядахъ толпы пьяные ругались. Круговской прикрикнулъ было, но стали громче ругаться, а передніе просили земскаго уйти, опасаясь какъ бы не убили его. И Круговской ушелъ, но затѣмъ уѣхалъ въ губернскій городъ...

И изъ приведенныхъ примѣровъ ясно, что многое изъ того, что приписывалось только народному невѣжеству во время холерныхъ безпорядковъ надо списать съ народнаго счета и записать за счетъ кого угодно, только не народа.

Невѣжество, конечно, невѣжествомъ, но и въ самыхъ невѣжественныхъ и съ виду нелѣпыхъ дѣйствіяхъ народа всегда на долю другихъ приходилась львиная часть.

Вспомнимъ хотя бы такъ называемый Базинскій бунтъ, гдѣ

весь бунтъ заключался въ томъ, что, когда удалось поймать убѣжавшаго полиціимейстера, его привели въ соборъ и взяли съ него клятву, что онъ не броситъ городъ на произволь судьбы.

Такимъ образомъ грубости, глупости, невѣжества, халатности, презрѣнной трусости было больше, чѣмъ достаточно со стороны тѣхъ, кто именуется себя представителями своего народа. И не тому надо удивляться, что холерный годъ обнаружилъ невѣжество черни,—странно было бы, еслибъ этого не случилось,—а тому, что онъ въ одинаковой степени обнаружилъ несостоятельность и нашу.

Всякій слыхалъ, конечно, нелѣпыя обвиненія, что фельдшера и доктора умышленно травятъ народъ какими-то порошками.

Съ виду, дѣйствительно, что можетъ быть нелѣпѣ этого слуха и сколько надо невѣжества, чтобы повѣрить ему?

А между тѣмъ, вотъ какой разговоръ велъ я съ однимъ крестьяниномъ уже много времени спустя послѣ холерной эпидеміи:

— Упрекають народъ, что порошкамъ вѣру даютъ, а вѣдь такъ это... Докторовъ нѣтъ, а фельдшера морятъ... вотъ хоть мое дѣло: уморилъ фельдшеръ мою дочь, сударь,—не тѣхъ порошковъ далъ... Еще раньше двоихъ другой уморилъ такъ же... И слѣдствие было: только и всего, что перевели въ другой участокъ,—другихъ, значить, морить будетъ... А вотъ этакая гостыя подойдетъ и вспомнить народъ опять...

Очевидно, слѣдовательно, что въ основѣ народныхъ слуховъ не только невѣжество, но и факты были. И важно здѣсь то, что измѣнилось ли настолько наше настоящее съ недавняго прошлаго, чтобы быть спокойнымъ, что это прошлое не повторится?

— Дохтуровъ не видимъ, а фельдшера морятъ...

И кто не подтвердитъ тотъ фактъ, что въ районахъ, гдѣ доктора были на высотѣ, тамъ и бунтовъ не было? Что доктора! Въ одномъ изъ описываемыхъ мною селъ была фельдшерницей дѣвушка и, несмотря на массу промаховъ административныхъ и медицинскихъ, только благодаря ея громадной популярности порядковъ и тишина не были нарушены.

Уѣзжая, когда ее провожали и спрашивали, чѣмъ она заслужила такое уваженіе и популярность, она отвѣчала:

— Я видѣла въ крестьянахъ равныхъ, совершенно *равныхъ* себѣ и обазывала имъ то уваженіе, какое желала бы, чтобы обазывали и мнѣ.

И не только данная фельдшерица, но и громадное большинство фельдшерницъ и учительницъ пользуются такой же популярностью и всегда все та же основа ихъ популярности: полное уваженіе личности другого.

И безъ всякихъ заботъ такимъ образомъ съ ихъ стороны, онѣ

добиваются того авторитета, въ которому такъ неудачно, надо правду сказать, стремится наша интеллигенція мужского пола.

Эту сторону пользы общественнаго труда нашихъ женщинъ необходимо подчеркнуть: женщины смягчаютъ наши общественные нравы и подають намъ примѣръ такта, вѣжливости, вниманія и уваженія, безъ которыхъ въ наше время такъ же трудно, какъ легко было въ дореформенную Россію.

Н. Гаринъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ДНЕВНИКА ПРОЛЕТАРІЯ.

Дни... мѣсяцы... годъ... Дряхлѣетъ духъ и тѣло.
 Растутъ ряды могилъ—моихъ надеждъ и думъ.
 Изъ глазъ исчезъ маякъ завѣтнаго предѣла...
 Живу поденщикомъ, озлобленъ и угрюмъ,—
 И жду... Чего я жду? Какъ червь, покрытый прахомъ,
 Полураздавленный пятой моей судьбы,
 Я корчусь и ползу съ тревогой и со страхомъ,
 Безъ вѣры въ лучшее, безъ силы для борьбы...
 Напрасно умъ велитъ отереть безъ сожалѣнья
 Пріюта вѣчнаго таинственную дверь;
 При мысли роговой душа полна смятенья:
 Въ предсмертномъ ужасѣ во мнѣ трепещетъ звѣрь.
 Онъ молитъ: дай мнѣ жить—хоть крохами богатыхъ,
 Хоть псомъ на привязи добро ихъ сторожить,
 Хоть жалкимъ быть шутомъ въ сіяющихъ палатахъ,
 Хоть нищимъ, хоть рабомъ,—но только бь вѣкъ продлить!..
 И я живу—во тьмѣ, въ неволѣ, изнывая,—
 Пока изъ ранъ моихъ еще сочится кровь...
 ...О, будь ты проклята, животная, слѣпая,
 Къ позору бытія позорная любовь!..

А. Колтоновскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Весеннія выставки.—Обиліе картинъ въ этомъ году.—Передвижники.—Ихъ безжизненность и естественное вымирание стараго искусства.—Академическая выставка.—Что новаго она вноситъ.—Второй томъ разсказовъ г. Чарикова.—Его «Инвалиды», «Чужестранцы», «Въ отставку».

Пять выставокъ одновременно, свыше 2.000 большихъ и малыхъ полотень, не считая безчисленныхъ этюдовъ, развѣ не достаточное доказательство, что искусство занимаетъ довольно видное мѣсто въ нашей жизни? Кто-нибудь дѣлаетъ эти полотна, кому-нибудь они нужны, кого-нибудь интересуютъ и привлекаютъ. А интересъ къ выставкамъ, несомнѣнно, великъ, если судить по массѣ посѣтителей, которую вы встрѣчаете на каждой изъ нихъ. Не говоря уже о праздничныхъ дняхъ, когда толпа двигается передъ картинами сплошной стѣной, но и въ будни—вездѣ полно зрителями, внимательными, интересующимися, мы бы сказали—почти жадно ищущими впечатлѣній.

Насколько же отвѣчаютъ выставки такому живому отношенію къ нимъ публики?—это вопросъ очень существенный, самый главный для насъ при оцѣнкѣ этого обилія художественныхъ произведеній за одинъ только годъ. Не можетъ быть, чтобы на искусство не вліяла именно публика, чтобы ея интересы и волненія оставались чуждыми господамъ художникамъ. Сами художники изъ той же публики, среди нея живутъ и до извѣстной степени для нея же работаютъ, ибо и самый ярый приверженецъ искусства для искусства втайнѣ навѣрное мечтаетъ привлечь къ себѣ вниманіе зрителя. А для этого надо же немножко знать его, сочувствовать ему, чтобы вызвать и сочувствіе къ себѣ. Современный зритель, какъ и современный читатель, представляетъ очень благодарную почву въ этомъ отношеніи. Онъ чутокъ и хорошо настроенъ, все маломальски оригинальное, искреннее, новое находитъ живой отголосокъ въ его сердцѣ, этомъ бдиномъ сердцѣ, переполненномъ внутренними волненіями, противорѣчiami и стремленіями, которыя не находятъ себѣ исхода въ дѣятельной и жизненной работѣ. Конечъ истекающаго вѣка поднялъ внутреннее напряженіе до небывалой высоты, а внѣшняя жизнь съ ея неподдающимися этому напору формами не даетъ выхода. Отсюда этотъ небывалый массовый интересъ къ книгѣ, къ журналу, статьѣ и къ картинѣ.

И зритель стремится на выставку, сначала бѣгло осматриваетъ всю, чтобы потомъ сосредоточить вниманіе на излюбленной картинѣ, и здѣсь его ожидаетъ большое разочарованіе. Въ выставки, за исключеніемъ академической, или «декадентской», какъ ее несправедливо называютъ,—оставляютъ въ общемъ сѣренькое и безотрадное впечатлѣніе. Особенно сильно это ощущеніе сѣрости и скуки выносите съ выставки передвижниковъ, которые въ текущемъ году нарочито постарались подчеркнуть свою замкнутость и отчужденіе отъ всего новаго и оригинальнаго, что хоть намекомъ служило бы на современное на-

строеніе. Общій фонъ этой выставки производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто передвижки тщательно замкнулись въ себѣ, загородились отъ свѣта и жизни, и въ таковой искусственной тиши творили по старымъ образцамъ и старымъ воспоминаніямъ. Самыя краски у нихъ какъ-то потускнѣли и посѣрѣли, и даже пейзажи такихъ мастеровъ, какъ г.г. Волковъ и Дубовскій, тусклы и безцвѣтны.

Пейзажъ у передвижниковъ, какъ и на другихъ выставкахъ, преобладаетъ, но есть достаточно жанра, портретовъ и даже небольшія экскурсіи въ исторію. Идеинныхъ картинъ, съ направленіемъ, которыя прежде отличали выставку передвижниковъ, нѣтъ ни одной, и это очень характерно для выставки этого года, подчеркивая отчужденность передвижниковъ и ихъ устарѣлость. Они сляпкомъ искренни, чтобы пытаться проникнуть туда, гдѣ они чувствуютъ свою слабость, и сляпкомъ цѣльны, чтобы поддаться новымъ настроеніямъ. Они стоятъ передъ нами, какъ уцѣлѣвшій обломокъ стараго, и предлагаютъ себя такими, каковы они есть. Это ихъ положительная и цѣннѣйшая сторона. Въ ней запечатлѣна страничка исторіи русскаго искусства, реализмъ, доведенный до того совершенства, которое становится уже недостаткомъ. Предъ нами, напр., этюдъ С. В. Иванова—«Изъ арестантской жизни»,—уголокъ наръ на арестантской палубѣ, гдѣ предъ зрителями причудливо переплелась куча ногъ въ кандалахъ—и больше ничего. Арестантскіе коты, портянки, кандалы—все неподдѣльно натуральное. Но какое все это имѣетъ отношеніе къ искусству—извѣстно развѣ самому автору, которому принадлежатъ и другая, не менѣе реально выписанная картина—«Изъ смутнаго времени»: куча сбитыхъ въ тѣсномъ пространствѣ тѣлъ, гдѣ ничего нельзя разобрать. На переднемъ планѣ опять чьи-то деревянные ноги, а тѣла не видно. Надъ ними какія-то головы безъ туловища и тѣла безъ головъ. Почему смутное время, причемъ тутъ смутное время—ничего нельзя понять. Или картина г. Святославскаго—«Корабли пустыни», огромное полотно, на которомъ табуны верблюдовъ, одни лежатъ, другіе стоятъ. Мы ничего не имѣемъ противъ картинъ изъ міра животныхъ, но въ правѣ требовать не только реальнаго воспроизведенія верблюда, какъ онъ есть, но картины, т. е. настроенія художника, который что-нибудь да чувствовалъ, когда задумалъ и рисовалъ своихъ верблюдовъ, который не даромъ же назвалъ эту картину «Кораблями пустыни». Здѣсь нѣтъ ни кораблей, ни пустыни, а хорошая фотографія видѣнныхъ г. Святославскимъ верблюдовъ.

Мужикъ на выставкѣ не въ авантажѣ обрѣтается. Даже г. Богдановъ-Бѣльскій избѣгнулъ ему, и вмѣсто обычныхъ сценъ изъ крестьянской жизни далъ рядъ портретовъ высокопоставленныхъ лицъ и великосвѣтскихъ дамъ. Г. Пимоненко далъ робкую попытку изобразить самосудъ въ Малороссіи надъ конокрадомъ, но именно только попытку. Нельзя признать удачной картину, гдѣ учиняющіе самосудъ чинятъ его удивительно кротко и миролюбиво, такъ что и самъ конокрадъ предобродушно относится къ нему, хотя руки у него скручены къ лопаткамъ, лицо въ крови и на голову ему льютъ изъ мазницы деготь. «На фонѣ земли» г. Пояркова изображается крестьянское семейство, идущее на работу, но причемъ тутъ земля въ этихъ не по росту картинны вытянутыхъ фигурахъ—непонятно. Нѣсколько лучше его мужикъ «Въ чужомъ лѣсу», тревожно прислушивающійся, прежде чѣмъ начать рубку выбраннаго дерева. Но картина испорчена узенькимъ форматомъ, такъ что мужику, сдвоенному рамкой, и размахнуться негдѣ.

Изъ жанровъ интереснѣе другихъ «Ревнивое наблюденіе» г. Селивачева, хорошо и захватывающе правдиво изобразившаго затѣенное ревнивое чувство, съ которымъ уже не первой молодости дѣвушка смотритъ украдкой на сцену флирта между молодой парой. Послѣдняя пара написана прескверно, оба какіе-то чахоточные, безцвѣтные, безъ всякаго выраженія, но лицо ревнивой наблюда-

тельницы—это цѣлая поэма, столько въ немъ силы, тайной печали, недобраго чувства къ счастливой соперницѣ и скрытаго презрѣнія къ нему. Есть премилая картинка г. Лемоха «Гдѣ болтались?»—изъ дѣтской крестьянской жизни, красивая вещца «Юный мечтатель»—блѣкучій красавецъ-мальчикъ, задумчиво сидящій на берегу моря. Обѣ картинки очень хороши.

Вотъ и всѣ жанры, на которыхъ можно и стоитъ остановиться. Историческую живопись представляютъ три картины А. М. Васнецова, изображающія три уголка старой Москвы (XVII в.), выписанныя превосходно и цѣлкомъ переводящія зрителя въ ту отдаленную эпоху. Это лучшія вещи на выставкѣ, но въ нихъ не достаетъ одного—человѣка. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто предъ нами прекрасная рамка для будущей задуманной авторомъ картины. Во всякомъ случаѣ Васнецовъ сумѣлъ уловить колоритъ старины, которой такъ и отдаетъ и его «Улица въ Китай-городѣ», и «Москворецкій мостъ», и «На разсвѣтѣ у Воскресенскаго моста». Въ историческому жанру слѣдовало бы этнести и «Голгофу» г. Нестерова, если бы она не была изъ рукъ вонъ плоха. Написанная въ стилѣ условной сугдальской иконописи, картина вызываетъ недоумѣніе полнымъ отсутствіемъ настроенія, которое передало бы зрителю, что собственно привлекло художника къ этому тысячи кратъ изображенному сюжету. Бѣлымъ пятномъ выдѣляется вся закрытая бѣлымъ одѣяніемъ Богоматерь, рядомъ такимъ же, но только краснымъ пятномъ выдѣляется Марія Магдалина, а предъ ними низенькій крестъ съ мертвенно-сѣрымъ тѣломъ Христа. Выстроены всѣ въ одной плоскости, безъ перспективы, на темномъ фонѣ, всѣ холодные, спокойные, словно плохіе статисты, старательно выдерживающіе свои позы въ живой картинѣ. И это тѣмъ страннѣе, что именно въ иконописной живописи г. Нестеровъ большой мастеръ. Мы помнимъ, напр., его превосходную картину на прошлогодней выставкѣ «Благовѣщеніе», гдѣ при всей условности сюжета идеально-хорошо былъ изображенъ благоговѣйный трепетъ на юномъ лицѣ Богоматери, слушающей благую вѣсть отъ ангела съ цвѣткомъ въ рукѣ. Г. Нестеровъ талантливый художникъ, когда не сковываетъ своего таланта особыми узамъ, о чемъ говорить, напр., такъ ярко его же картина «Думы» на настоящей выставкѣ. На зеленомъ фонѣ дуга, прорѣзанная рѣчкой, изображена въ глубокой задумчивости тоскующая фигура дѣвушки, на которую сзади строго и неодобрительно глядитъ пожилая женщина въ старомъ раскольничьего покроя сарафанѣ. Столько печали во всей картинѣ, въ склоненной, полной тоски головкѣ дѣвушки и въ строгой суровости старой раскольницы, изъ которой форма и обрядъ давно вытѣснили живое сочувствіе къ чужому страданію.

Пробѣгая мысленно выставку передвижниковъ, хогълось бы еще остановиться на чемъ-нибудь, отмѣтить что-либо интересное, захватывающее. Но все остальное сливается въ одну общую тускло-сѣрую картину, безцвѣтную, бѣдную по содержанію, слабую по замыслу и бессильную по исполненію.

Но главное, что, какъ непріятный осадокъ, остается отъ выставки передвижниковъ, это—впечатлѣніе усталости, равнодушія къ жизни и пренебреженія къ ея запросамъ и требованіямъ. Эту черту словно подчеркиваютъ три выставленные г. Рѣпиннымъ «недоконченыхъ портрета»—нѣчто небывалое на выставкахъ, такое, что мы привыкли видѣть лишь на выставкахъ посмертныхъ, гдѣ выставляется всякая работа художника въ томъ видѣ, какъ ее застигла кончина его.

Сѣренькое впечатлѣніе производитъ и выставка петербургскихъ художниковъ, преимущественно банальностью своего содержанія и шаблонностью приемовъ. Но вѣрному замѣчанію одного изъ зрителей, г. Буквы въ «Русск. Вѣд.», «она утомляетъ своей приличной и тоскливой посредственностью». Все то же и то же, что мы уже видѣли и перевидѣли. Выдаются, какъ всегда, неболь-

шія, изящныя и законченныя, но пустынькія вещицы, какъ жанры изъ военной жизни г. Мазуровскаго, этого русскаго Мейсонье, и картинки изъ древней жизни г. Бакаловича, выписанныя съ обычными ему мастерствомъ и тщательностью. Затѣмъ, какъ и у передвижниковъ, безконечные пейзажи весны, зими и уголки всякихъ Крымовъ, итальянскихъ и другихъ красотъ. И трактованіе этихъ пейзажей таково же, съ неменьшимъ повтореніемъ задовъ, съ неменьшимъ шаблономъ. Если смѣшать объ выставки, то удвоилось бы число картинъ, но ни мало не измѣнился бы характеръ. Одно развѣ можетъ отличить выставку петербургскихъ художниковъ отъ передвижниковъ—ихъ сравнительно болѣе свѣжія краски, которыя у передвижниковъ, у большинства, по крайней мѣрѣ, словно потускнѣли отъ долгаго лежанія въ мастерской.

Рѣзко отличается отъ обѣихъ этихъ выставокъ—академическая, на которой преобладаютъ въ этомъ году представители новыхъ началъ въ живописи. Молодежь словно вытѣснила оттуда учителей, отъ которыхъ ушла совсѣмъ въ сторону. Изъ старыхъ одинъ г. Крыжицкій занимаетъ съ честью видное мѣсто своими прекрасными пейзажами, въ которыхъ по-прежнему масса свѣта и воздуха. Весь интересъ выставки сосредоточивается на новыхъ художникахъ и ихъ необычной для публики манерѣ, съ которой они пишутъ и свои пейзажи, и свои фантастическія картины. Здѣсь привлекаетъ прежде всего разнообразіе и рѣзкая индивидуальность каждаго, доведенная у нѣкоторыхъ до той степени, гдѣ она переходитъ въ нечлѣпость и некрасивое оригинальничанье. Вотъ эту-то, несомнѣнно рѣзкую черту подхватили многіе и высмѣяли всю выставку, какъ декадентскую и потому слабую и ничтожную. Дѣйствительно, «Принцесса счастья» г. Стабровскаго, «Сказка» и «Поцѣлуй» г. Борхарта или «На молитвѣ» г. Дудина—архи-нечлѣпы, смѣшны и безвкусны, главное—некрасивы. Можно не обвиняясь сказать, что эти четыре шедевра побили рекордъ декадентской маэри г. Врубеля и его присныхъ. Не знаемъ, чему удивляться въ нихъ, — нечлѣпости затѣи или безвкусной маэри, то рѣзко кричащей, то замазанной силою сѣрымъ флеромъ, какъ «Поцѣлуй» и «Принцесса счастья». Всѣ эти картины лучшее testimony раурегатисъ авторовъ, которые, безъ искры въ душѣ, силится замѣнить ее крикливой нечлѣпостью. Это—не искусство, а грубая подъ него поддѣлка.

Тѣмъ не менѣе, эти «картины» здѣсь вполне умѣстны, рѣзко отбѣня ту разницу, какая давно уже существуетъ между декадентскими нечлѣпостями и дѣйствительно цѣннымъ и новымъ, внесеннымъ въ искусство новыми теченіями,— разницу, давно уже выяснившуюся, но которую нарочно не желаютъ замѣчать у насъ, все покрывая одной общей кличкой «декадентства». Самый неподготовленный зритель, видя рядомъ «Поцѣлуй» г. Борхарта—чахлую, неясную и криво нарисованную голую фигуру, съ бессмысленно вытаращенными глазами,—и «Балладу» г. Рушца не можетъ не замѣтить этой разницы. Мчащаяся лѣсомъ карета, подъ шумъ и трескъ бури, гнущей и ломающей деревья, тревожно несущіяся облака и таинственно мигающій сквозь деревья свѣтъ—неволью охватываютъ зрителя дрожью, какъ предчувствіемъ какого-то преступленія, только что совершившагося, чего-то таинственнаго, страшнаго и неизбежнаго. Это чувство жуткаго страха передано г. Рушицомъ превосходно въ каждомъ штрихѣ картины, чувство страха и безсилія предъ рокомъ, отъ котораго не уйти, какъ не уйти и этой бѣшено несущейся каретѣ. Картина пронизана однимъ настроеніемъ тревоги, и въ томъ ея огромное достоинство, помимо техники, тоже заслуживающей вниманія новизною приѣма, что, впрочемъ, лучше видно на картинахъ другого художника того же направленія г. Зарубина—«Солнце садится» и «Забытая дорога». Новизна этого приѣма вначалѣ смущаетъ зрителя, который, стоя вблизи, вплотную къ картинѣ, ничего не видитъ кромѣ странныхъ и грубыхъ мазковъ и пятенъ, не дающихъ

никакого дѣльнаго представленія. «Что за нелѣпости!»—вотъ первое заключеніе. Но когда тотъ же зритель, отойдя отъ картины, случайно оглянется, онъ пораженъ: предъ нимъ вполне определенное и яркое изображеніе, вполне гармоничное въ мельчайшихъ деталяхъ, оставляющее вполне определенное впечатлѣніе. «Забытая дорога» разстилается передъ нимъ въ грустномъ запущеніи, подъ нависшимъ темно-сѣрымъ небомъ осени, а покачнувшійся уныло придорожный столбъ какъ бы вспоминаетъ о нѣкогда кипѣвшей здѣсь жизни, и его невеселыя думы сообщаются зрителю, охватывая и его волною грусти и печальныхъ воспоминаній. У каждаго есть своя «забытая дорога», куда подчасъ увлекаетъ его неугомонная память и мучитъ и терзаетъ мыслью о быломъ. «Солнце садится»—не менѣе хорошо. Отраженіе послѣднихъ лучей заходящаго солнца въ водѣ, подъ крутымъ берегомъ, на которомъ чернѣютъ избы, золотистыя облака на заднемъ фонѣ, рябь воды, переливающейся золотомъ, производятъ впечатлѣніе полной иллюзии тихаго вечера въ далекой глухой деревнѣ, гдѣ жизнь человѣка и природы слита воедино. Миромъ и покоемъ вѣетъ отъ этой картины, которая вблизи ничего не даетъ, кромѣ пятенъ и смутныхъ вѣжковъ странной, на первый взглядъ, окраски. Краски эти кажутся неестественными, но на разстояніи, сливаясь въ общемъ, они производятъ иллюзію полнѣйшей естественности. «Какъ хорошо и какъ правдиво!»—воскликаетъ тотъ же зритель, только что сдѣлавшій заключеніе о нелѣпости картины. Такой пріемъ намъ кажется чрезвычайно труднымъ, почему безталантные художники, пробующіе имъ пользоваться, кончаютъ полнѣйшей неудачей, какъ, напр. г. Цюнглинскій, импрессионизмъ котораго ничего не вызываетъ, кромѣ недоумѣнія. То же, хотя съ нѣкоторыми оговорками, мы бы сказали и о многочисленныхъ картинахъ г. Пурвита, который пытается воспроизвести нѣжные оттѣнки весеннихъ красокъ, зелени и особой прозрачности воздуха весной. Самое большое его полотно «Весна», въ одномъ сплошномъ свѣтло-зеленомъ тонѣ, съ какой стороны къ ней ни подходи, все остается сплошнымъ зелено-желтымъ пятномъ, весьма-таки некрасивымъ.

Мы не станемъ перечислять остальныхъ картинъ того же типа, то болѣе, то менѣе удачныхъ, но всегда проникнутыхъ непосредственностью и талантливыхъ, какъ, напр., «На югѣ» г. Глуценко, всю залитую яркимъ солнцемъ, или «Озеро Тальмень» г. Гуркина въ фіолетовомъ темномъ тонѣ, воспроизводящее одинъ изъ мрачно-величественныхъ уголковъ Алтая.

Такова въ бѣгломъ обзорѣ эта выставка, дающая все-таки представленіе о новыхъ теченіяхъ въ нашемъ искусствѣ, о поискахъ новыхъ средствъ для выраженія измѣнившихся взглядовъ, для болѣе тонкаго познанія природы и болѣе глубокаго отраженія современныхъ настроеній. На этой выставкѣ чувствуется свѣжее вѣяніе, присутствіе молодого духа, стремительнаго и подчасъ ударающагося въ крайности. Последняго никто не станетъ отрицать, но общій колоритъ сверкаетъ и искрится, какъ молодой задоръ, что увлекаетъ и зрителя, уходящаго освѣженнымъ и бодрымъ. Крайности исчезнуть со временемъ, а новые таланты, которые здѣсь есть несомнѣнно, выбьются на истинный путь, *своей* путь, какъ все оригинальное и даровитое, что не можетъ удовлетвориться даннымъ шаблономъ и топтаться на мѣстѣ. Въ движеніи—сила, все—лучше, чѣмъ застои и неподвижность, печать которыхъ такъ ярко лежитъ на выставкѣ передвижниковъ текущаго года.

Второй томикъ рассказовъ г. Чирикова, автора, хорошо знакомаго нашимъ читателямъ по многимъ очеркамъ, печатавшимся у насъ («Ранніе восходы», «Прогрессъ», «Балигула», «Блудный сынъ»), объединенъ одной чертой, общей вѣсьмъ вошедшимъ въ этотъ томъ рассказамъ. Предъ нами развертывается та-

затяжко и правдиво написанная картина провинціального «общества» и нашей интеллигенціи, въ силу особенностей русской жизни выдѣленной изъ этого общества и противопоставляемой ему. Бѣдное это общество, и жутко живетъся этой интеллигенціи.

Въ двухъ очеркахъ «Инвалиды» и «Чужестранцы» мы видимъ представителей обоихъ, если можно такъ выразиться, лагерей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Въ свое время «Инвалиды» вызвали довольно рѣзкія нападки за особую окраску интеллигентнаго типа и невѣрное, по мнѣнію критиковъ, освѣщеніе его, какое сдѣлано авторомъ. Мы, съ своей стороны, не раздѣляя этого мнѣнія, указывали тогда же (см. «Крит. Зам.», янв. 1898 г.), что происходитъ это отъ нѣкоторой однотонности, съ которой написанъ очеркъ, но ни тогда, ни тѣмъ болѣе теперь не видимъ въ немъ нарочитаго осмѣянія народничества или прославленія марксизма. Именно теперь, когда уже прошло время острыхъ недоразумѣній, можно, какъ намъ кажется, видѣть въ героѣ разсказа, Брюковѣ, скорѣе не вполне художественное созданіе. Авторъ—прекрасный наблюдатель, жизнь провинціи онъ знаетъ отлично, онъ сжилъся съ нею, прекрасно изучилъ ея отрицательныя стороны. Но у него есть одинъ существенный недостатокъ. Онъ склоненъ къ излишнимъ обобщеніямъ и скорымъ выводамъ. На основаніи одной-двухъ вѣрныхъ чертъ характера онъ готовъ построить цѣлое зданіе выводовъ, залечатаѣвъ ихъ въ соответственные образы. Отсюда недалѣанность, грубоватость образовъ, отсутствіе тѣхъ тонкихъ штриховъ и отблнковъ, которые бы придали имъ жизненность и цѣльность истиннаго художественнаго произведенія. Спѣшность и торопливость чувствуется въ этомъ схватываніи на лету, фигуры выходятъ типичны по вѣрно схваченнымъ чертамъ, но нерѣдко карикатурны по рѣзкости штриховъ.

Таковъ и его Брюковъ, въ лицѣ котораго предъ нами одинъ изъ симпатичѣйшихъ типовъ интеллигенціи. Чистѣйшій идеалистъ, всегда витавшій въ чистой сферѣ высокихъ мыслей, не мало перенесшій ударовъ судьбы за свое увлеченіе высокимъ идеаломъ жизни, который всегдѣло сосредоточился для него въ служеніи народу, — Брюковъ, уже распатанный физически, съ надорванными силами, является въ разсказѣ представителемъ все того же непримиримаго отношенія къ дѣйствительности, какое руководило имъ всю жизнь. Отсюда естественно вытекаетъ рядъ столкновеній, тяжелыхъ и несправедливыхъ, но необходимыхъ. Все его начинанія, благородныя по идеѣ, оказываются дѣтски непрактичными, и разлетаются, какъ дымъ, при первыхъ же ударахъ безпощадной дѣйствительности. Его артели разсыпаются, его кооперативныя начинанія гибнутъ въ самомъ зародышѣ, его работа, какъ прекраснаго руководителя и стойкаго чловева, столько нужнаго въ мѣстной печати, сводится въ концѣ концовъ къ ночной корректурѣ. Но несмотря на всю очевидность безсилія измѣнить что-либо въ направленіи своихъ идеаловъ, Брюковъ, бѣдствующій, полураздавленный, больной—стоитъ по прежнему смѣлымъ и высокимъ идеалистомъ предъ лицомъ всего окружающаго общества, отличительная печать котораго—пошлость. Только его она не подавила, только его не коснулась грязь, и образъ Брюкова, что бы ни говорили, выступаетъ на этомъ фонѣ мелкихъ интересовъ, жалкихъ стремленій чисто шкурнаго типа и ничтожной борьбы такого же сорта—трогательнымъ и почти трагическимъ.

Какова же жизнь, не дающая развитія этому благородному и чистому типу, всей своей тяжестью гнетущая его и въ концѣ концовъ доводящая его если не до самоубійства, то до безвременной могилы? Съ одной стороны выступаетъ, примиренный съ нею, товарищ Брюкова, докторъ Порѣцкій и его жена, съ другой—разные люди мѣстнаго общества, собравшіеся праздновать Татьянинъ день, годовщину московскаго университета,—адвокаты, учителя, доктора. Товарищ Брюкова, Порѣцкій, былъ тоже изъ увлекающихся въ свое время, тоже стремив-

шихся и жаждавших чистой жизни, мечтавших о служеніи народу. Жена его шла еще дальше въ этомъ направленіи. Въ разсказѣ мы застаемъ ихъ уже далекими, чуждыми идеаламъ молодости,—они примирились съ существующей дѣйствительностью, стали въ уровень съ нею, проще—опустились и замерли въ сытомъ довольствѣ. Встрѣча съ Крюковымъ будитъ гдѣ-то тамъ, глубоко спящаго червяка «святого недовольства», но лишь на моментъ, чтобы затѣмъ еще сильнѣе почувствовать всю прелесть этой сытой самодовольной обстановки, гдѣ нѣтъ мѣста для «думы роковой», заботы о другихъ, для мысли о жизни болѣе широкой и нужной для другихъ. А между тѣмъ, супруги Порядкіе еще лучше другихъ, въ нихъ сохранилась хоть вѣщность интеллигентныхъ людей, почему они и становятся чѣмъ-то въ родѣ культурнаго центра, около котораго группируется остальное мѣстное общество въ день университетскаго праздника. Самое празднество, описанное очень живо, превращается въ обычное провинціальное пьянство. Правда, участники, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, слятся что-то припомнить по этому случаю, говорятъ высокія слова, которыя никого не задѣваютъ, всѣмъ чужды и, главное, не нужны. Слишкомъ уже всѣ далеки отъ того высокаго дѣла, ради чествованія котораго они сюда собрались. Г. Чириковъ большою мастеръ описывать эти провинціальныя торжества, на которыхъ съ особою яркостью выступаетъ пошлость провинціального общества. Припомнимъ, напримѣръ, яркую картинку въ «Gaudemus igitur».

На празднествѣ и происходитъ столкновение Крюкова народника съ «марксистами». Въ этой сценѣ, дѣйствительно, авторъ пересолил и этимъ далъ поводъ къ многочисленнымъ нападкамъ на себя. Чувство художника измѣнилось ему, и вмѣсто художественной сцены получилась публицистическая страничка, написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ настроенія минуты. Въ небольшой, но умно и тепло написанной статьѣ г. Потапова въ «Русскомъ Богат.», посвященной г. Чирикову, есть очень вѣрное, хотя и не новое замѣчаніе о неудобствѣ смѣшенія публицистики съ беллетристикой. «Если публицистика и принимается иногда партійное направленіе,—говоритъ г. Потаповъ,—то писатель-художникъ всегда долженъ остерегаться вмѣшиваться въ партійную борьбу, и критикъ не можетъ предъявлять партійныхъ требованій къ художественному произведенію. Чѣмъ больше въ послѣднемъ партійности, тѣмъ обыкновенно ничтожнѣе его художественная цѣнность, тѣмъ меньше въ немъ фактической правды и тѣмъ оно бываетъ эфемернѣе. И это вполне понятно. Въ художественномъ произведеніи, по самому его характеру, трудно, если не невозможно, представить въ полномъ объемѣ программу партіи и выяснить подробности теоретическихъ разногласій. какъ бы ни старался авторъ, желая сослужить службу партіи, уродовать свое произведеніе публицистическими выходками и quasi-научными разсужденіями. Всѣ эти старанія приводятъ только къ тому, что художественное произведеніе теряетъ и въ формѣ, и въ содержаніи, которое превращается въ большинство случаевъ въ шумиху словъ, не стоящую выведеннаго яйца. Но нужно принять во вниманіе еще одно обстоятельство. Нужно помнить, что изящная литература имѣетъ гораздо болѣе обширный кругъ читателей, чѣмъ критика и публицистика, и что эти читатели—не въ курсѣ партійныхъ теченій и наблюдаютъ ихъ со стороны. Имъ непонятны партійныя чувства, они принимаютъ на вѣру вольную или невольную фальшь автора и могутъ счесть за чистую монету истины даже продиктованный страстью пасквиль».

Нужно замѣтить, однако, что въ этой сценѣ, крайне неудачной вообще, авторъ не становится на ту или другую сторону, и его «марксистъ» такъ же поплъ и глупъ, какъ Крюковъ смѣшонъ и жалокъ. Мы приведемъ эту сценку.

Среди пьющихъ и источающихъ правды, хотя и высокія слова, гостей, Крюковъ замѣчаетъ такую же одинокую фигуру, какъ онъ самъ, держащуюся

въ сторонѣ. Это молодой еще человекъ, съ симпатичнымъ лицомъ. Брюковъ быстро знакомится съ нимъ и у нихъ сразу же завязывается диалогъ, въ которомъ новые знакомцы моментально выкладываютъ свое profession de foi. Брюковъ настоживаетъ, услышавъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ.

«Брюковъ долго молчалъ, смотрѣлъ куда-то въ пространство, а когда перевелъ бѣглый взглядъ на собесѣдника, то въ этомъ взглядѣ проскальзывала уже неприязнь.

«— Со многимъ я все-таки согласенъ (рѣчь идетъ объ одномъ партійно-беллетристическомъ очеркѣ),—глухо произнесъ, наконецъ, Брюковъ.

«— А именно?

«— Да вотъ хотя бы относительно квіетизма... Если все совершается въ силу какой-то естественно-исторической необходимости, то не о чемъ намъ съ вами и стараться! Все образуется само собой...

«— На такое возраженіе, право, какъ-то не хочется и отвѣчать... Прочитайте хотя Кауцкаго о роли личности, отводимой экономическимъ материализмомъ ей въ исторіи! Что же, вы полагаете, что многое совершается въ силу неестественно-исторической необходимости?—ехидно спросилъ Игнатовичъ (марксистъ).

«— На подобный вопросъ я считаю лишнимъ отвѣчать вамъ.

«— Очень жаль! А я хотѣлъ задать вамъ еще нѣсколько вопросовъ... Мнѣ было бы, напр., интересно узнать, что дѣлаютъ въ настоящее время народники? Ноютъ? Плачутъ? Твердятъ, какъ сороки про Якова, о томъ, что нужно поддерживать общину, и плачутъ, когда ихъ не слушаютъ? Поддерживать кустарей, уже разбившихся на группы зажиточныхъ буржуа и простыхъ наемныхъ рабочихъ! Или еще что-нибудь новое придумали?

«— Что же, мы вѣдь тоже—продуктъ естественно-исторической необходимости,—произнесъ Брюковъ угрюмо и недружелюбно.

«— Безъ сомнѣній... Не съ неба, конечно, свалились... Что же, однако, отсюда слѣдуетъ? Квіетизмъ... Ахъ вы, народные печальники! Что вы-то теперь дѣлаете? Проливаете слезы горькія тайкомъ! Ха ха-ха!..

«Брюковъ вдругъ вспыхнулъ и соскочилъ со стула. Глаза его злобно искрились, губы дрожали, на лбу собрались морщины...

«— Да знаете ли вы, молодой человекъ, что когда еще матерно молоко на вашихъ губахъ не подохло, я былъ уже тамъ?—хрипло, задыхаясь, прокричалъ Брюковъ и показалъ рукою куда-то въ пространство.—Какъ вы смѣете мнѣ это говорить?.. Это нахальство! Не больше-съ!

«— Възливость!—тихо и сдержанно сказалъ Игнатовичъ и тоже всталъ со стула, принявъ оборонительную позу.

«Со всѣхъ концовъ потянулись любопытные.

«— Какъ вы смѣете?—шипѣлъ Брюковъ, наступая на Игнатовича

«И вотъ, два интеллигентныхъ, честныхъ человека, такъ же по существу своему близкіе другъ другу, какъ дѣти одной матери, стояли врагами, самыми злѣйшими врагами, готовыми безжалостно оскорблять другъ друга и все то, что дорого каждому изъ нихъ, унижать и олеивать!..

«— Молоко-сосъ!—крикнулъ Брюковъ, потрясая дрожащей рукою въ воздухъ.

«— Психопатъ!—громко отвѣтилъ Игнатовичъ.

«Все это совершилось такъ быстро, неожиданно и гадко, омерзительно гадко...»

Упрекать, такимъ образомъ, автора въ томъ, что онъ высмѣялъ Брюкова исключительно, какъ народника, и за его счетъ превознесъ «марксиста», мы не видимъ основанія. Онъ, скорѣе, не справился съ поставленной имъ себѣ задачей—дать живой образъ, художественный и вѣрный дѣйствительности, человекъ-идеалиста, разбитого жизнью на всѣхъ пунктахъ. Образа не получилось, и въ этомъ вся вина автора, но симпатіи его всецѣло на сторонѣ этого бѣд-

наго Крюкова, какъ и всёхъ ему подобныхъ, которыхъ онъ выводитъ въ «Блудномъ сынѣ» и подробнѣе описываетъ въ «Чужестранцахъ».

На блудномъ сынѣ мы не станемъ останавливаться,—этотъ рассказъ знакомъ нашимъ читателямъ, такъ какъ онъ печатался у насъ (см. мартъ 1899 г.). Въ «Чужестранцахъ» авторъ выводитъ уже не одинокихъ «инвалидовъ», а цѣлую группу ихъ, сплоченную и объединенную общими дѣломъ, не только одними идеями, и впечатлѣніями «инвалидности», какъ Крюковъ или «блудный сынъ», они отнюдь не производятъ. Напротивъ, среди спячки провинціального болота, это единственные живые люди, имѣющіе цѣль передъ собой и знающіе средства для ея достиженія. Вся ихъ бѣда въ томъ, что они—«чужестранцы», они—чужие этому болоту люди, далекіе и чуждые всёму его интересамъ или же прямо враждебные имъ. Большинство общества, въ которомъ имъ приходится жить, не понимаетъ ихъ и потому глубоко равнодушно къ нимъ. Меньшинство, именно все сильное и власть имущее, видитъ въ нихъ прямого и непримиримаго врага, понимаетъ ихъ чистоту и неподкупность и потому боится и ненавидитъ. Въ борьбѣ, которая сама собой начинается, какъ только «чужестранцы» создаютъ для себя живое и хорошее дѣло въ видѣ мѣстной газеты,—имъ не на кого опереться, негдѣ найти поддержку, и въ этомъ весь трагизмъ ихъ положенія.

Въ «Чужестранцахъ», самомъ большомъ по размѣрамъ произведеніи г. Чирикова и, надо признать, самомъ плохомъ по исполненію, авторъ выводитъ цѣлую вереницу этихъ особыхъ людей въ нашей провинціи. На нихъ исключительно и сосредоточивается весь интересъ этихъ «очерковъ провинціальной жизни». Его характеристики ихъ иногда удачны, иногда отъ излишне сгущенныхъ красокъ аляповаты, иногда публицистика пущена въ нихъ во всю и отъ беллетристики даже слѣдъ исчезаетъ. Не умѣетъ г. Чириковъ писать большую картину, въ которой былъ бы центръ дѣйствія, завязка и развязка, интересная группировка лицъ. Но, быть можетъ, потому, что это почти сплошь публицистика,—нѣчто въ родѣ большой корреспонденціи изъ медвѣжьяго угла,—тутъ много живой, непосредственной правды, мѣткихъ наблюденій и вѣрно схваченныхъ фактовъ.

Разнообразіе среди «Чужестранцевъ» довольно велико. Есть тутъ и люди, прошедшіе долгій, мучительный путь, на которомъ, какъ Крюковъ, они переживали одно разочарованіе за другимъ; есть и молодые, только начинающіе эту мучительную дорогу, полные еще надеждъ и вѣры въ то, что для другихъ уже однѣ иллюзіи. Но во всёхъ есть одна общая черта, которая и выдѣляетъ ихъ изъ «общества»,—не умирающая вѣра въ высшую правду жизни, которая одна вѣчна, все же остальное скоропреходяще, ничтожно и пошло. Это-то и мѣшаетъ ихъ сближенію съ мѣстнымъ обществомъ, гдѣ иные аппетиты, иные стремленія, иная жажда, гдѣ тупое преклоненіе предъ силой и страхъ, самый низменный, шкурный страхъ—составляютъ основу жизни.

Двѣ фигуры особенно выдѣляются среди чужестранцевъ—нѣкій пожилой уже интеллигентъ-пролетарій Силинъ и еврейка Софья Ильинична. Первый уже извѣрился во многое, что одушевляло его когда-то, и сохранилъ только неприкосновеннымъ сознаніе лжи и мерзости текущей жизни, вмѣстѣ съ гордымъ презрѣніемъ и угрюмой неподатливостью. «Развѣдающій скептицизмъ смѣнилъ слѣпую вѣру, въ душу прокралась апатія... Все старое было изжито и шаталось подъ ударами разрушительнаго скептицизма и подъ напоромъ новыхъ вѣяній русской жизни, вырождаясь въ упорный и неповоротливый педантизмъ. Всѣ эти шаблонныя фразы объ общинѣ, артели, сектантствѣ, какъ главныхъ факторахъ грядущаго прогресса, потеряли въ глазахъ Силина всякую цѣнность, а передовыя статьи на ту же тему, писанныя по трафарету, приводили его въ унылое и раздражительное настроеніе. Все это, какъ было и писалось двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ и застыло и производило на Силина впечатлѣніе на-

зойливого мотива, который неотвязно преслѣдуетъ иногда человѣка, какъ тотъ ни старается выкинуть этотъ мотивъ изъ головы... Потомъ появилось такъ называемое новое направленіе. Новое оно было лишь въ томъ смыслѣ, что представители его не видѣли новыхъ путей для шествія родного прогресса, утверждая, что онъ пошелъ по старой избитой дорожкѣ капитализма, а потому иначе разрѣшали и вопросы «что дѣлать» и «какъ дѣлать». Это новое направленіе разбудило вяло тосковавшій въ бездѣйствіи умъ интеллигенціи. Старики, ревниво оберегавшіе свое міросозерцаніе отъ всякихъ «новыхъ словъ», не узнали своихъ друзей и ударили тревогу, и вышло то, что въ русской жизни выходило уже не разъ: честные люди стали мѣшать другъ друга съ грязью, нускать другъ въ друга стрѣлы остроумія и картечь насмѣшекъ и въ озлобленіи сопричислять противниковъ къ лику вракобѣствующихъ... Силинъ стоялъ въ сторонѣ и смотрѣлъ холоднымъ взоромъ скептика на эту грязную интеллигенцію. Какъ человѣкъ, котораго жизнь обманула, онъ былъ не способенъ уже беззаветно увлекаться и вѣрить, начиналъ все опровергать, все разрушать и надъ всѣмъ смѣяться: и надъ народниками, и надъ марксистами, называя и тѣхъ и другихъ мечтателями»...

Но этотъ угрюмый и печальный обломокъ прошлаго сразу оживаетъ, какъ только находится дѣло, въ которомъ и онъ можетъ, не кривя душой и совѣстью, принять живое и дѣятельное участіе. Иное положеніе и иная участь выпала на долю Софьи Ильинишны. Она вполне интеллигентная женщина, съ высшимъ образованіемъ, фельдшерница-акушерка съ знаніями, не уступающими врачу. Алтруизмъ, преданность дѣлу, беззаветная готовность на любую жертву, но... она еврейка, и этимъ рѣшается все. Мы, сидящіе въ культурномъ Петербургѣ, вращающіеся среди людей, достаточно приличныхъ, чтобы скрывать свои національныя симпатіи и антипатіи, мы, конечно, возмущаемся, когда выскочитъ тотъ или иной г. Ренсъ и, заявивъ *urbi et orbis* «я антисемитъ», начнетъ оказывать помоями, «не разбираючи лица», и еврейскую націю, и всѣхъ не согласныхъ съ нимъ. Но мы не чувствуемъ, не видимъ во очію всей несправедливости, грубости и непокрытой наглости такого поведенія, словомъ, всего этого безчестія. Тамъ же, въ провинціи, приходится не со словами считаться, а съ поступками, какъ и довелось Софьѣ Ильинишнѣ. Рядъ чистѣйшихъ порывовъ съ ея стороны, рядъ грязнѣйшихъ заушеній со стороны «общества», въ результатъ полная невозможность посвятить себя любимому дѣлу и работѣ на пользу народу. Получилось что-то дикое по нелѣпости, но реальное и непреодолимое. На этомъ примѣрѣ можно ясно видѣть, что значитъ проповѣдь антисемитизма тамъ, гдѣ она разрѣшается не словами, а фактами. Разбитая жизнь этой жертвы кончается сумасшествіемъ и самоубійствомъ. Такова, однако, сила потребности служить другимъ и работать для другихъ, что это полураздавленное жизнью существо все же ищетъ и находитъ, кому можно хоть что,нибудь сдѣлать. Она учитъ и развиваетъ, открываетъ крошечную щелку просвѣта для несчастной, бѣдной дѣвушки-мастерицы изъ магазина, которая «безъ вины виновата» и, сдѣлавшись матерью, прибѣгаетъ къ ней за помощью и совѣтомъ. Убѣжденія и взгляды Софьи Ильинишны и здѣсь сталкиваются съ особыми взглядами «среды», не позволяя ей сдѣлать то, чего добивается бѣдная обманутая дѣвушка. Этотъ послѣдній конфликтъ, разрѣшающійся самоубійствомъ дѣвушки, только подчеркиваетъ въ глазахъ несчастной еврейки ея непригодность для провинціальной жизни, и она идетъ въ слѣдъ за своей пацѣнткой.

Силинъ и Софья Ильинишна—два, болѣе удавшихся автору типа глухой провинціи. Но не они составляютъ центръ «чужестранцевъ». Такимъ оживляющимъ ихъ средоточіемъ являются супруги Прометовы, которыхъ судьба забрасываетъ въ этотъ уголокъ. Получивъ маленькія деньги, они основываютъ

газету, объединяющую всѣхъ чужестранцевъ, и тутъ-то, на живомъ и хорошемъ дѣлѣ, читатель видитъ, сколько нетронутыхъ силъ скрываютъ эти, по-видимому, побужденные и исковерканные люди. И опять мы должны признать, что художественности здѣсь нечего искать,—опять корреспонденція, но живо и правдиво описывающая то, что всякому, появившему въ провинціи, отлично известно. Нѣтъ теперь почти ни одного сколько-нибудь виднаго центра въ провинціи, гдѣ-бы въ той или иной формѣ не разыгралась рассказываемая авторомъ исторія. Приходитъ компанія «чужестранцевъ», и, воспользовавшись счастливымъ случаемъ, получаетъ въ свои руки какой-либо захирѣвшій мѣстный листокъ. Дѣло, попавъ въ чужія и чистыя руки, сразу оживаетъ, ибо въ провинціи, самой глухой и дикой, нѣтъ большей потребности, какъ въ печатномъ словѣ. Оно, какъ живая вода въ сказкѣ, вноситъ съ собой столько жизни и свѣта въ неподвижную рутинную обывательскую среду, что, по истинѣ, на яву чуда творятся. Глухіе начинаютъ слышать, слѣпые прозрѣваютъ и нѣмые начинаютъ говорить. Понятно, такое оживленіе не проходитъ даромъ, оно нарушаетъ «благочиніе» и «благополучіе», и «ковонецъ «Вѣстника» послѣдовалъ неожиданно и преждевременно». На прочищенную дорогу вступаетъ ловкій и пройдошливый конкурентъ, который продолжаетъ начатое дѣло иными средствами и на иныхъ началахъ.

Компанія «чужестранцевъ» разбивается и разсѣвается въ разныя стороны. Они, какъ сѣмена, носимыя вѣтромъ, разлетаются по лицу земли родной, оплодотворяя провинціальныя пустоши, и тамъ, гдѣ они уже побывали, остаются неумиряющія идеи, быть можетъ, маленькія и незамѣтныя, но не истребимыя. Ихъ странная судьба, беспокойная, неустойчивая и полная всякихъ неожиданностей, сплочиваетъ ихъ въ нѣкое братство, не имѣющее ни писанныхъ, ни неписанныхъ уставовъ, тѣмъ не менѣе, стойкое и живучее. Какъ вѣчные жиды, они все двигаются впередъ и ведутъ другихъ, проходятъ и проникаютъ въ такія дебри обывательскаго запущенія, куда, казалось бы, и путей нѣтъ. Выгода ихъ въ томъ, что имъ терять нечего, ибо имъ нечѣмъ дорожить, а то, что для нихъ свято и что составляетъ ихъ главную силу,—ихъ убѣжденіе, вѣра и любовь къ народу и человѣку—нельзя ни отнять, ни истребить.

Послѣдній рассказъ «Въ отставку» тоже провинціальная обычная исторія. Живой и хорошей человѣкъ, учитель гимназій, хочетъ дѣлать свое дѣло не только по формѣ, по программѣ, но и по душѣ, и разбиваетъ эту душу о непреодолимое препятствіе уже сложившагося учебнаго строя, который все, что угодно, допускаетъ, только не человѣчное отношеніе къ дѣлу и ученикамъ. Рассказъ грубоватъ, краски сгущены, фигура учителя деревянна, но суть вполне жизненна и правдива. Такой очеркъ именно теперь умѣстенъ, какъ иллюстрація къ жизни современной средней школы, о реформѣ которой мы столько теперь слышимъ. Авторъ попадаетъ въ самый центръ, указывая на ненормальность отношеній, установившихся между учителями и учениками. Они—какъ два враждебныхъ лагеря, между которыми нѣтъ и не должно быть единенія. Два брата, герои рассказа, не могутъ и не должны сойтись, разъ одинъ—учитель, другой—ученикъ. Можно представить, къ какимъ тягостнымъ конфликтамъ ведетъ такое положеніе. Рассказъ заканчивается трагически—старшій братъ не выдерживаетъ этой пытки и застрѣливается. Пожалуй, это лишнее, потому что въ жизни оно гораздо проще бываетъ. Человѣкъ—такое животное, которое ко всему притерпѣвается, все выноситъ и, привыкая постепенно ко всему, уже и не замѣчаетъ того, что творить. Такъ и кончаютъ обыкновенно огромное большинство учителей, которые, побившись вначалѣ какъ рыба объ ледь, складываютъ потомъ оружіе и не то, что братьевъ—родныхъ дѣтей прехладнокровно приносятъ въ жертву программѣ и требованіямъ системы. Не смотря, однако, на эту утрировку, рассказъ «Въ отставку» производитъ сильное и тяжелое впечатлѣніе,

какъ и всякая правда, именно потому, что сущность его списана съ жизни, которая переполнена подобной жестокой правдой.

Намъ пріятно отиѣтитъ эту яркую черту въ талантѣ г. Чирикова,—черту правдивости и знанія провинціальной среды, хотя, быть можетъ, и недостаточно художественно воспроизведенной имъ, но вѣрно и умѣло. И мы вполне согласны съ заключеніемъ упомянутаго выше автора статьи въ «Русскомъ Богатствѣ». г. Потапова, что отъ г. Чирикова мы въ правѣ ждать больше того, что онъ уже далъ. Для этого онъ далъ достаточно доказательствъ. «Интеллигенцію» и «провинцію» онъ хорошо изучилъ и вѣрно указываетъ достоинства и ошибки первой и тяжкія нужды—второй.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодъ въ Бессарабской губ. Въ газетахъ отъ времени до времени появляются скудные извѣстія, рисующія печальное положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей на югѣ, пораженныхъ неурожаемъ. Такъ, въ «Рус. Вѣд.» помѣщено письмо изъ Измаильскаго уѣзда Бессарабской губ. Пишущая это письмо, будучи знакома съ ковровымъ промысломъ въ Тюмени, рѣшила попробовать ввести его и здѣсь. Изъ письма ясно видно, съ одной стороны, какая тамъ царитъ нужда и какъ необходима помощь, съ другой—какъ охотно берется населеніе за предлагаемую работу.

«На другой же день по пріѣздѣ въ Н. Барагачъ (26-го января) ко мнѣ нахлынула цѣлая толпа женщинъ съ просьбой дать работу. Сначала я записала всѣхъ желающихъ работать, спрашивая каждую, что она умѣетъ дѣлать. Молдаванки почти всѣ записывались на ковры, хохлашки—на полотенца, тѣ и другія—на мытье, скубанье и пряжу шерсти; тѣхъ, которыя ничего не умѣютъ дѣлать, я записывала просто на поденную работу: будутъ ходить ко мнѣ по очереди помогать красить шерсть, т.-е. приносить воду, мѣшать въ котлѣ и т. п. Записалось пока 50 женщинъ, но на всѣхъ не хватитъ матеріала для работы; придется купить еще шерсти, пряжи для полотенецъ. На слѣдующій день принялись за работу—мыть шерсть, сушить и скубать ее; дня черезъ три шерсть будетъ выпрядена, и тогда начнутъ, подъ моимъ руководствомъ, ткать ковры «съ бумага», какъ называютъ молдаванки узоры»... «Нужда здѣсь страшная,—чуть ли не больше, чѣмъ въ прошломъ году въ Ставропольскомъ уѣздѣ: тамъ совмѣстная дѣятельность земства, самарскаго кружка и Краснаго Креста не дала развиться такой нуждѣ, здѣсь же нѣтъ никакой почти помощи; хуже здѣсь, чѣмъ и въ Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ помогаетъ земство (въ Измаильскомъ уѣздѣ земства нѣтъ). Пока здѣсь сдѣлано слѣдующее: выдано на январь пособіе мукой, по 1—1½ пуда на семью; начата въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но прекращена по недостатку средствъ трудовая помощь; во второй половинѣ января открыты въ четырехъ селеніяхъ 6 столовыхъ; два студента, устроившіе столовыя, уже уѣхали, такъ что изъ пріѣзжихъ я пока одна во всемъ уѣздѣ. Вотъ, кажется, и вся помощь»... «Въ сообщеніи «Правительственнаго Вѣстника» отиѣчены какъ наиболѣе пострадавшіе посады Тузлы и поселки Труповло и Шкандыба. Шкандыба, это—продолженіе Нового

Карагача, гдѣ я живу, и ничѣмъ положительно, въ матеріальномъ отношеніи, обѣ эти деревни не отличаются одна отъ другой: такое же полное разореніе. Я здѣсь всего недѣлю, и за это время ко мнѣ приходили изъ деревень Балабановки и Мартазы (за 5 и 7 верстъ) по нѣскольку женщинъ, прослышавшихъ, что я даю работу; и какъ же онѣ горько плакали, когда мнѣ пришлось отказать имъ въ работѣ по недостатку средствъ! Пока я могу давать работу только въ Новомъ Карагачѣ и въ Шкандыбѣ, но если будутъ деньги, то, конечно, начну давать и въ другихъ окрестныхъ деревняхъ. Необходимо также открыть нѣсколько столовыхъ, такъ какъ одной работой всѣхъ не прокормишь... Положеніе населенія прямо отчаянное, «скотъ на-половину распроданъ за безцѣнокъ еще лѣтомъ и осенью, оставшіясядохнуть отъ безкормицы. Неурожай былъ полный: не собрано ни зерна хлѣба, ни кола соломы; не было и подножнаго корма для скота,—все выгорѣло. Кормиться самимъ и кормить скотъ приходилось запасами предыдущаго, 1898 года. Но въ томъ году урожаи былъ средній, такъ что къ веснѣ 1899 г. эти запасы въ большинствѣ случаевъ уже истощались; многіе съ марта, а нѣкоторые и раньше начали покупать хлѣбъ, а съ мая—продавать за безцѣнокъ скотъ и инвентаръ. Къ осени покушниковъ становилось все меньше и меньше, такъ какъ всякій самъ старался продать; бывали случаи, что крестьянинъ, не имѣвшій возможности ни продать, ни прокормить лошадь, надѣвалъ ей на шею веревку съ дощечкой, на которой было написано: «бери кому надо», и пускалъ въ степь; находились люди, которые ловили такую лошадь, рѣзали ее и сдирали шкуру, стоящую рубля три; у самого же хозяина, несмотря на страшную нужду въ деньгахъ, не поднималась рука на свою лошадь. И при такомъ-то положеніи и подати приходилось вносить, и платить за аренду ничего не давшей земли... Населеніе (хохлы и молдаване)—чисто земледѣльческое; ни о какихъ промыслахъ и помина нѣтъ»... «Объ эпидеміяхъ пока неслышно, но народъ очень истощенъ: если только здѣсь тифъ появится, почва для него будетъ самая благоприятная. Самое бы время помочь теперь населенію; пройдетъ еще немного—и будетъ, пожалуй, уже поздно: придется уже не кормить, а лѣчать, потребуются тысячи на больницы, на медицинскіе отряды и все-таки многихъ уже не спасешь тогда»...

«Будетъ очень печально, если и въ данномъ случаѣ придется, по недостатку средствъ, сократить уже начатую трудовую помощь до мѣнѣйшаго или совсѣмъ прекратить раздачу работы населенію»,—замѣчаетъ газета.

Врачебно-продовольственные пункты для рабочихъ. «Сынъ Отеч.» приводитъ изъ отчета Самарской губерн. земской управы данныя о врачебно-продовольственныхъ пунктахъ. Эти пункты, устриваемые самарскимъ губернскимъ земствомъ въ теченіе 3 лѣтъ, имѣютъ цѣлю: 1) оказывать рабочимъ, прибывающимъ на сельско хозяйственные заработки, медицинскую помощь, какъ (главнымъ образомъ) на пунктахъ найма на работы, такъ (по возможности) и на мѣстахъ приложенія труда, для чего устриваются амбулаторіи въ наиболѣе важныхъ пунктахъ скопленія рабочихъ на мѣстахъ найма и выѣзды врачебнаго персонала въ хутора и экономіи; 2) оказывать рабочимъ продовольственную помощь, въ видѣ недорогой, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безплатной здоровой пищи; эта цѣль достигается устройствомъ при временной амбулаторіи на пунктѣ найма временной столовой-чайной; 3) имѣть санитарный надзоръ за пришлыми рабочими, что достигается осмотромъ рабочихъ при регистраціи ихъ и самой регистраціей на пунктахъ найма, въ амбулаторіяхъ, въ экономіяхъ и въ подѣ, а также наблюденіемъ за условіями санитарнаго положенія рабочихъ на мѣстахъ ихъ работы.

Прошлымъ лѣтомъ было открыто въ трехъ южныхъ уѣздахъ губерніи 10

врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, на которыхъ зарегистрировано свыше 30 тыс. рабочихъ. Амбулаторія на всѣхъ 10 пунктахъ работала въ среднемъ немого болѣе двухъ мѣсяцевъ (отъ 32 дней до 86). Больныхъ зарегистрировано около 10 тысячъ, сдѣлали они 13.577 посѣщеній. Каждая чайная, при 8 врачебно-продовольственныхъ пунктахъ, функционировала въ среднемъ 45 дней; число отпущенныхъ порцій чаю равняется 37 тыс., изъ нихъ бесплатныхъ 848, или 2,2 проц. Столовые (при чайныхъ) функционировали въ среднемъ 37 дней каждая. Изъ нихъ отпущено около 35 тыс. порцій, въ томъ числѣ бесплатныхъ 1.320, или 3,8 проц. При нѣкоторыхъ столовыхъ продавался по заготовительной цѣнѣ хлѣбъ.

«Врачебно-продовольственные пункты, — говорится въ отчетѣ, — удовлетворяя пришлыхъ рабочихъ медицинской помощью и дешевымъ продовольствіемъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ полной мѣрѣ обезпечивали рабочихъ пріютъ и защиту отъ знойнаго солнца, вѣтра, пыли и дождя. Въ сл. Покровской для этой цѣли имѣется два хорошо устроенныхъ барака, могущихъ вмѣстятъ до 1.000 человѣкъ рабочихъ; въ Ровномъ служить той же цѣли баракъ, выстроенный губернскимъ земствомъ въ 1898 году, съ мужскимъ и женскимъ отдѣленіями и съ помѣщеніемъ небольшой амбулаторіи при баракѣ; въ Дьяковкѣ за отчетное лѣто, при помощи «Краснаго Креста», выстроенъ также баракъ-столовая. Внутри барака, по бокамъ, построены нары для сна, а между нарами узкіе подвижные столы, и днемъ баракъ служить какъ столовая».

Санитарный надзоръ за пунктами найма и хуторами обнаружилъ рядъ вопіющихъ нарушеній санитарныхъ требованій и этотъ надзоръ имѣлъ безусловно свое положительное значеніе.

«Дѣятельность врачебно-продовольственныхъ пунктовъ за минувшее лѣто, — справедливо замѣчаетъ губернская управа, — неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что пункты завоевали и завоевываютъ все большія симпатіи пришлыхъ рабочихъ. Уже въ прошломъ году были обращенія рабочихъ къ завѣдующимъ пунктами съ жалобами на продажу имъ недоброкачественныхъ състныхъ продуктовъ мѣстными торгашами; минувшимъ лѣтомъ практика дьяковского пункта показала, что рабочіе по своей инициативѣ склонны придавать врачебно-продовольственнымъ пунктамъ и функція посреднической конторы. Такъ, рабочіе неоднократно обращались на пунктъ съ просьбой сохранить заработанные деньги отъ наемки до наемки; масса рабочихъ обращалась съ просьбой переслать домой, на родину, деньги, мотивируя свою просьбу недосугомъ въ рабочее время идти за нѣсколько десятковъ верстъ въ почтовое учрежденіе; такимъ образомъ, по просьбамъ рабочихъ, черезъ дьяковскій пунктъ было отправлено около 20 денежныхъ пачетовъ, на сумму 200 рублей. Эти факты говорятъ и о степени довѣрія рабочихъ къ врачебно-продовольственнымъ пунктамъ и о представленіяхъ, какими они рисуютъ себѣ задачи пункта. Въ Дьяковкѣ же, послѣ ряда злоупотребленій, обнаруженныхъ на нѣсколькихъ хуторахъ, послѣ сношенія о томъ земскаго начальника съ губернаторомъ, была назначена особая коммиссія для изслѣдованія означенныхъ хуторовъ, а послѣ этого изслѣдованія при врачебно-продовольственномъ пунктѣ введена была запись условій между рабочими и нанимателями; запись велась сельскимъ писаремъ при завѣдующемъ пунктомъ. Такихъ условій было заключено 80, при чемъ каждымъ условіемъ было нанято отъ 20 до 250 рабочихъ».

Завѣдующими пунктами обращено также вниманіе на то, что было бы крайне цѣлесообразно и полезно устроить при пунктахъ склады серповъ и косъ, такъ какъ рабочіе, при ихъ безденежьи, вынуждены пріобрѣтать необходимыя для нихъ орудія, при извѣстныхъ «льготахъ» (ссуды, залого), по очень дорогой цѣнѣ.

Расходы на каждый врачебно-продовольственный пунктъ равнялись всего

528 руб.; въ этой суммѣ заключается расходъ и на медицинскій персоналъ, и на устройство чайныхъ-столовыхъ, на выдачу бесплатныхъ порцій обѣдовъ и чая, на амбулаторію, на пріемный покой, на медикаменты и проч., и проч.

Народная бібліотека. «Россія» приводит поучительныя данныя о ростѣ спроса на книгу среди грамотной деревни. Такъ, напр., изъ отчета за 1895 г. (1-й годъ существованія бібліотеки) завѣдующаго сосновской народной бесплатной бібліотекой (въ Симбирской губ.) видно, что всего было выдано книгъ съ 3-го сентября по 1-е января 927 разъ; число читателей выражается за отчетное время слѣдующими цифрами: въ сентябрѣ 9 человекъ, а къ 1-му января—124 человекъ. Въ 1896 г. книгъ было взято 2,518 разъ, число же читателей къ 1-му января выразилось въ цифрѣ 180 человекъ. 1897 годъ даетъ уже цифру количества выданныхъ книгъ удвоенную, т.-е. къ 1-му января ихъ было выдано 5,205 разъ, при 283 читателяхъ. Въ 1898 году, четвертый годъ существованія бібліотеки, книгъ было выдано 7,537 разъ, т.-е. въ восемь разъ болѣе, чѣмъ въ первый годъ.

Изъ отчета за 1894 г. (1-й годъ существованія) бѣло-ключевской народной бібліотеки видно, что и эта маленькая бібліотечка работала въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія весьма хорошо. Въ ней было всего 295 книгъ, которыми пользовалось 68 человекъ взрослыхъ и 43 человекъ дѣтей. Отчетъ утверждаетъ, что «народъ съ удовольствіемъ читаетъ книги, и бібліотекой пользуются всѣ села волости. Нравственно-воспитательное вліаніе на народъ бібліотека безусловно имѣетъ... народъ привыкаетъ къ бібліотекѣ и день ото-дня начинаетъ интересоваться все больше и больше». Въ 1895 г., въ этой же бібліотекѣ, обладавшей уже 420 книгами, было прочтено 1,048 книгъ при 139 читателяхъ. Въ 1896 году было прочтено уже 1,914 книгъ, т.-е. на 866 книгъ болѣе предыдущаго года. Въ 1897 году книгъ изъ бѣло-ключевской бібліотеки прочитано 1,915, но при 342 читателяхъ. За четвертый годъ число выданныхъ и прочитанныхъ книгъ достигаетъ уже внушительной цифры—4,551, что, въ свою очередь, доказываетъ, лучше всякихъ словъ, развитіе любви къ чтенію въ народѣ. Средства же бібліотекъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, весьма незначительны,—такъ, напр., за 1898 г. приходъ бѣло-ключевской бібліотеки выразился въ 143 рубля, при расходѣ въ 87 р. 82 к.

Весьма интересныя данныя объ отношеніяхъ народа къ бібліотекамъ даетъ отчетъ горинской бесплатной бібліотеки за 1898 г. Напр., по увѣренію завѣдующаго бібліотекой, крестьяне выражаютъ свои симпатіи въ книгѣ и нерѣдко, бесѣдуя между собою, высказываютъ мысли, что «возьмешь книгу—и, вмѣсто того, чтобы идти на улицу или къ кабаку, гдѣ особенно много народа собирается въ праздничное время, сидишь дома, читаешь книгу и даже не только самъ приобретаешь различныя свѣдѣнія, но читаешь вслухъ, и семейные, дѣлая свои дѣла домашнія, интересуются хорошей книгой и слушаютъ со вниманіемъ».

«Брестяне, — говорится въ другомъ отчетѣ, — сочувственно относятся къ бібліотекѣ, берутъ книги съ охотой, посылаютъ своихъ дѣтей за книгой, передаютъ взятыя книги товарищамъ, такъ что иная книга переходитъ дворовъ пять—десять».

Какія же книги болѣе всего читаются крестьянами? Отчеты даютъ такія указанія: большая часть читателей охотнѣе берутъ книги беллетристическаго содержанія, затѣмъ историческаго и географическаго; духовно-нравственнаго содержанія требуютъ старики и раскольники, книги по садоводству и огородничеству расходятся весной, когда онѣ нужны для практическихъ занятій.

Особенною любовью пользуются у читателей военные рассказы сочиненія Майнъ-Рида, Лажечникова, Гоголя («Вечера на хуторѣ», «Тарасъ Бульба»),

сочиненія Пушкина, Толстого (Алексѣя) «Блязь Серебряный» постоянно находится на рукахъ, и требованіе на нихъ замѣтно возрастаетъ.

Интересный опытъ. Въ февральскомъ номерѣ нашего журнала уже сообщалось, что крестьянинъ деревни Малыхъ-Свѣтлицъ Боровичскаго уѣзда Я. М. Михайловъ основываетъ въ своей деревнѣ большую земледѣльческую артель, въ которую вошла *вся деревня*, въ количествѣ 50-ти дворовъ и 308-ми душъ крестьянъ обоего пола (200 рабочихъ). Теперь г. Погрузовъ рассказываетъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» о дальнѣйшемъ ходѣ этого интереснаго опыта.

Артельный договоръ крестьянъ подписывается на дняхъ. Исторія этого дѣла такая. Въ началѣ октября прошлаго года крестьянинъ Я. М. Михайловъ, разъяснивъ своимъ однодеревенцамъ всю безпомощность и безвыходность ихъ положенія, уговорилъ ихъ соединиться въ артель и общими силами перенести всю деревню на новое, незаливаемое рѣкой мѣсто, а затѣмъ сообща обрабатывать и землю. При такихъ условіяхъ Михайловъ обѣщалъ крестьянамъ найти и нужныя средства для постановки всего хозяйства на новую ногу. Въ этихъ дѣлахъ былъ составленъ приговоръ объ учрежденіи Общества «Взаимная помощь», и у мѣстнаго земскаго начальника испрашивалось разрѣшеніе на перенесеніе деревни, на введеніе общественной запашки и на открытіе общей столовой. Приговора земскій начальникъ не утвердилъ, ибо онъ не былъ компетентенъ въ этомъ дѣлѣ, а на перенесеніе деревни и устройство общей запашки и столовой посоветовалъ составить особые приговоры для передачи ихъ высшему начальству. Крестьяне такъ и сдѣлали. Но въ послѣдствіи все направленіе дѣла оказалось ошибочнымъ. Утвержденіе Общества «Взаимная помощь» было дѣломъ очень сложнымъ и длиннымъ, да и намѣренія крестьянъ не было бы возможности уложить въ рамки, очерчиваемыя въ такихъ случаяхъ узаконеніями и принятыми нормами. Вотъ почему Михайловъ, по совѣту свѣдущихъ лицъ, пріостановилъ ходатайства и рѣшилъ заключить простой артельный договоръ на общемъ основаніи (ст. 1.528 — 31 т. X ч. I Св. Зак.). Въ основаніе былъ положенъ артельный договоръ г. Левитскаго, съ нѣкоторыми измѣненіями. Такимъ образомъ вмѣсто долгихъ томительныхъ ожиданій (уставъ, напримѣръ, златоустовской артели утверждался почти два года) дѣло было сдѣлано въ нѣсколько дней.

Хотя вступленіе въ силу договора и не требовало утвержденія ни земскаго начальника, ни высшей власти, но Михайловъ счелъ своимъ долгомъ представить лично проектъ договора начальнику губерніи графу фонъ-Медему, который и былъ принятъ нѣсколько разъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Графъ выразилъ начинанію Михайлова свое полное сочувствіе, обѣщалъ ему свое постоянное содѣйствіе и помощь, одобрилъ всё его начинаніе и, пожелавъ успѣха, обѣщалъ посѣтить его артель въ недалекомъ будущемъ. Графъ, между прочимъ, просилъ владѣльца мѣстнаго черепичнаго завода познакомить Михайлова со способами выдѣлки черепицы и далъ нѣсколько другихъ полезныхъ совѣтовъ.

Ободренный такимъ приѣмомъ, Михайловъ еще болѣе воодушевился своимъ дѣломъ и усердно принялся за его осуществленіе. Вотъ въ общихъ чертахъ планъ его будущей работы.

Сначала Михайловъ хотѣлъ построить для крестьянъ глинобитные домики. Здѣсь онъ руководился сообщеніемъ о Высочайшемъ ассигнованіи 1899 г. на распространеніе и выработку этого типа построекъ 100.000 руб. По ознакомленіи съ дѣломъ, однако, оказалось, что до сихъ поръ не выработано еще режолта, по которому можно было бы съ полною увѣренностью употреблять для построекъ глинобитный матеріалъ. Такимъ образомъ, домики будутъ выстроены изъ кирпича, что обойдется дешевле деревянныхъ, а главное они будутъ безопасны отъ пожара и несравненно долговѣчнѣе. Крыши будутъ сдѣланы глиняно-соломенныя. На первый годъ постройка домиковъ производиться не будетъ,

потому-что будетъ заготовляться кирпичъ. Для этого строится кирпичный заводъ, который будетъ дѣйствовать водою, проведенною изъ р. Мсты. Работа на заводѣ будетъ производиться силами артели. Однако прежде домиковъ будетъ построены артельный скотный дворъ съ водогрѣйней и складами для корма и масла, которое предполагается вырабатывать. Затѣмъ будутъ построены: общая конюшня, общая столовая, лавка, баня, хлѣбопекарня. Соха замѣняется плугами и вводится восьмипольный сѣвооборотъ. Молотилка будетъ дѣйствовать водою. За деревней будетъ устроено сельскохозяйственное училище для крестьянскихъ дѣтей обоюга пола. При школѣ будетъ опытное поле, образцовые садъ, огородъ, пчельникъ, метеорологическая станція и скотный дворъ. Современемъ предполагается построить кожевенный заводъ, смолокурню, льнопрядильное-ткацкое заведеніе и маслобойный заводъ. Также будутъ устроены слѣдующія мастерскія въ разнѣрахъ, требующихся для своей деревни и сосѣднихъ крестьянъ: слесарная, столярная, шорная, швейная, портняжная и образцовая кузница. Изъ кустарныхъ издѣлій, которыхъ теперь въ деревнѣ не выдѣлываютъ никакихъ, прежде всего, предполагается ввести льнопряденіе и льноткачество на усовершенствованной самопрядѣ и самолетномъ станкѣ. Крестьяне будутъ обучаться правильному огородничеству, а впоследствии и садоводству. Для выдѣлки масла выписываются сепараторы.

Такимъ образомъ, это будетъ особый культурный уголокъ, гдѣ каждая отрасль хозяйства будетъ разрабатываться по послѣднимъ требованіямъ практики. Заслуживаетъ вниманія тотъ кругооборотъ въ хозяйствѣ, который, очевидно, старается ввести Михайловъ въ своемъ маленькомъ міркѣ. Такъ, изъ льна будетъ вырабатываться волокно, изъ волокна пряжа будетъ работать на самопрядкахъ, изъ пряжи на ткацкихъ станкахъ будетъ вырабатываться холстъ и полотно. Льняное сѣмя пойдетъ на маслобойный заводъ, откуда будетъ получаться, во-первыхъ, льняные жмыхи, представляющіе, какъ извѣстно, самый драгоценный кормъ для скота. Жмыхи эти пойдутъ на собственный же скотный дворъ, гдѣ будетъ выдѣлываться сливочное масло.

При такой постановкѣ дѣла неудивительно, что производительность артельного труда дастъ хорошіе результаты. Такъ, отъ льнянаго дѣла въ касѣ артели будутъ скоплены всѣ прибыли и заработки отъ выработки и продажи льнянаго волокна, пряжи, ткани, сѣмени, жмыховъ, льнянаго и сливочнаго масла. Посредникамъ здѣсь не будетъ уже мѣста.

Михайловъ думаетъ также устроить прямыя сношенія артели съ потребителями. Удобное положеніе его деревни на полпути между двумя такими огромными центрами потребленія, какъ Петербургъ и Москва, дѣлаютъ его намѣренія легко осуществимыми, чему также способствуетъ и интеллигентное населеніе обихъ этихъ городовъ. Продукты будутъ доставляться на-домъ по заказу агентами артели. Съ теченіемъ времени дѣло это можетъ развиваться и вылиться въ какія-нибудь новыя формы, которыхъ пока нельзя предвидѣть. Можетъ-быть, Малые-Свѣтлицы будутъ доставлять въ столицы не только свои продукты, но и продукты и издѣлія и сосѣднихъ крестьянъ, и такимъ образомъ они замѣнятъ имъ безбожно обирающихъ теперь скупщиковъ.

Какимъ образомъ артель будетъ вести свои расчеты? Не потребуютъ ли всѣ эти разнообразныя предпріятія сложнаго счетоводства, съ которымъ простые люди, пожалуй, и не справятся? Учетъ всѣхъ отраслей хозяйства въ отдѣльности потребуетъ, конечно, много записей и знающаго бухгалтера, но выводъ валоваго и чистаго дохода всего дѣла сдѣлать будетъ очень просто. Разсчитъ же, по мысли Михайлова, будетъ сдѣланъ пропорціонально труду, т.-е. числу рабочихъ дней въ году. Чистая прибыль всего хозяйства дѣлится на общую сумму рабочихъ дней всѣхъ артельщиковъ, и получается стоимость одного рабочаго дня. Каждый родъ работы будетъ находиться въ завѣдываніи особаго десятника,

который и сообщает ежедневно писарю артели о работавших людяхъ. Такимъ образомъ, къ труду никто не приневоливается, но сработавшій болѣе дней и получаетъ болѣе. Если кто работаетъ лѣнниве, тому счетъ дней можетъ быть убавленъ. За усердіе же предполагается ввести подарки къ праздникамъ. Работа дѣтей до 17-ти лѣтъ въ счетъ не пойдетъ. Это потому, что всѣ дѣти будутъ обучаться или сельскому хозяйству, или какому-нибудь ремеслу, отъ которыхъ ихъ и будетъ незачѣмъ отрывать для работы. Въ горячее же время они работаютъ бесплатно каждый за себя, какъ плата артели за расходы по воспитанію. Такой порядокъ не обиденъ ни для кого.

На воспитаніе дѣтей (а не только на выучку) предполагается обратить особенное вниманіе. Михайловъ желалъ бы создать изъ крестьянскихъ дѣтей *новое общество* и преданныхъ дѣлу помощниковъ и руководителей. Для этого будетъ сдѣлано все, чтобы въ подрастающемъ поколѣніи сосредоточивались всѣ знанія, полезныя крестьянину; одни будутъ въ совершенствѣ знать садоводство, другіе—огородничество, третьи—пчеловодство, прочіе—слесарное, столярное, кузнечное, строительное мастерство и т. д.

Все хозяйство поведется по усовершенствованнымъ порядкамъ. Будутъ вестись журналы, дѣлаться опыты, наблюденія и т. п. Артель будетъ имѣть читальню и бібліотеку, будетъ выписывать журналы.

Артель поведетъ дѣло на занятые деньги.

Крючниками на Волгѣ. «Сѣверный Курьеръ» рисуетъ любопытную картину вліянія капитализма на трудъ рабочихъ, такъ называемыхъ, крючниковъ на Волгѣ.

Нагрузка и разгрузка товаровъ на всѣхъ пристаняхъ волжскаго бассейна производится до сихъ поръ, главнымъ образомъ, при помощи грузчиковъ или крючниковъ. Трудъ этихъ рабочихъ крайне тяжелъ, утомителенъ, беретъ у нихъ нерѣдко по 15—18 часовъ въ сутки, производится часто ночью и, главное, въ высшей степени неопредѣленъ. То нѣсколько сутокъ самой мучительной, надрывающей силы работы, и сутки, а иногда и болѣе—полной бездѣятельности въ ожиданіи прихода предназначенныхъ къ нагрузкѣ или разгрузкѣ судовъ. За исключеніемъ сибирской пристани въ Нижнемъ-Новгородѣ, никакихъ приспособленій для облегченія по истинѣ каторжнаго труда крючниковъ не было сдѣлано до послѣдняго времени. Вездѣ крючники переносятъ тюки и ящики на сплнѣ при помощи традиціоннаго крюка; бочки и тому подобныя круглыя предметы катятъ руками или тянутъ на веревкѣ, а нѣкоторыя вещи прямо переносятъ на рукахъ («въ ручную»), и только на Сибирской пристани для перегрузки товаровъ употребляются тачки, которыя значительно облегчаютъ трудъ и ускоряютъ работу. Однако, какъ ни тяжелъ трудъ крючника, какъ ни велика эксплуатация его подрядчиками, крючниками, вслѣдствіе прогрессирующаго изъ года въ годъ наплыва грузовъ на всѣхъ приволжскихъ пристаняхъ, неразрывно связаннаго съ развитіемъ нашей промышленности и торговли, находятъ на Волгѣ постоянную работу, и притомъ зарабатываютъ сравнительно хорошо. Особенно въ благопріятныхъ условіяхъ находятся такъ называемые промзинцы, которые, несмотря на всѣ обесчеты со стороны подрядчиковъ, въ состояніи заработать въ теченіе навигаціи до 150 и болѣе рублей, не считая въ томъ числѣ харчей и квартиры.

Въ то время, какъ большая часть волжскихъ грузчиковъ является случайнымъ элементомъ въ этомъ трудѣ, людьми, бросающимися на какую угодно черную работу, чтобы только гдѣ-нибудь и что-нибудь заработать, промзинцы (изъ Пензенской и Симбирской губерній, преимущественно же изъ наѣстнаго с. Промзина) специально занимаются грузкою товаровъ на Волгѣ, и притомъ у крупныхъ пароходствъ и на такихъ большихъ пристаняхъ, какъ Ярослав-

ская, казанская, сибирская, самарская, саратовская, царицынская и частью астраханская и нижегородская. О послѣднихъ двухъ пристаняхъ мы говоримъ «частію», потому что въ Астрахани теперь преимущественно работаютъ грузчики персы (амбалы), а въ Нижнемъ—промзинцевъ мало, такъ какъ облегченная тачками работа не требуетъ особой специальной сноровки и легко исполняется самымъ разнообразнымъ сбродомъ изъ городского пролетаріата, большинство котораго составляютъ такъ называемые «золоторотны». Что касается такой крупной пристани, какъ Рыбинскъ, то тамъ работаютъ мѣстные крючники, извѣстные подъ названіемъ «зимогоровъ». По ловкости и силѣ промзинцы, какъ специалисты своего дѣла, превосходятъ всѣхъ волжскихъ грузчиковъ, и единственными ихъ конкурентами въ этомъ отношеніи могутъ быть лишь татары, работающіе на казанской пристани. Мѣстные крючники (въ томъ числѣ на Окѣ, Камѣ и пр.) работаютъ медленнѣе промзинцевъ и зарабатываютъ меньше. Плата всѣмъ грузчикамъ безъ исключенія колеблется отъ 4 до 6 руб. за 1.000 пудовъ. Случается, хотя и рѣдко, что эта плата значительно повышается (во время холеры 1892 г. до 10—12 р. съ 1.000 пудовъ), но иногда и понижается.

За отсутствіемъ статистическихъ данныхъ трудно точно опредѣлить, какъ велико число пристанскихъ рабочихъ на рѣкахъ волжскаго бассейна, но, во всякомъ случаѣ, всѣхъ грузчиковъ, и специальныхъ, и временныхъ (промзинцевъ, рыбинскихъ зимогоровъ, казанскихъ и др. татаръ, саратовскихъ галаховъ, астраханскихъ персовъ-амбаловъ и др.), на всѣхъ волжскихъ, камскихъ, вятскихъ, бѣльскихъ, окскихъ и другихъ пристаняхъ по приблизительному разсчету можно считать отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ. Такъ велико товарное движеніе въ бассейнѣ великой русской рѣки, что оно привлекаетъ къ себѣ дѣлюю армію однихъ только грузчиковъ! Но соотвѣтственно съ грандіозностью транспорта не менѣе грандіозны и перегрузочные расходы. По опредѣленію компетентныхъ людей, нагрузка, выгрузка и перегрузка транспортируемыхъ на волжскихъ судахъ кладей берутъ почти третью часть всего валоваго дохода всѣхъ пароходо-судовладѣльцевъ. Пароходчики ничего не могли предпринять до сихъ поръ для уменьшенія этихъ расходовъ.

Введеніе на Сибирской пристани тачекъ, во всякомъ случаѣ, обязано уже неисчислимымъ волгарямъ, а явившимся на Волгу со стороны, которые, въ настоящее время, все болѣе и болѣе вытѣсняя коренного волгара или обращая его въ свои «подручные», овладѣваютъ волжскимъ промысломъ, рѣзко измѣняяютъ его первобытныя формы и вносятъ въ него культурные европейскіе порядки. Капиталистическая струя въ волжскомъ судоходномъ дѣлѣ особенно ясно стала проявляться послѣ того, какъ рязано-уральское общество приобрѣло Саратовскую желѣзную дорогу; на Волгѣ появилось «Восточное общество» и началась усиленная конкуренція между волжскимъ пароходствомъ и прилегающими къ Волгѣ желѣзными дорогами.

Тачки облегчили работу крючникамъ, но на одну четверть сократили также ихъ числона Сибирской пристани. Это былъ первый шагъ къ сокращенію обременительныхъ для пароходо-судовладѣльцевъ перегрузочныхъ расходовъ. Второй шагъ, и болѣе рѣшительный, въ данномъ отношеніи сдѣлало рязано-уральское общество, еще недавно тѣсно связанное съ пароходными обществами: «по Волгѣ» и «Восточнымъ». Построивъ желѣзнодорожный путь къ Камышину, это общество обратило небольшую камышинскую пристань въ довольно крупный центръ, предназначенный рязано-уральцами для конкуренціи съ Царицынымъ этимъ входомъ и выходомъ на Волгу общества юго-восточныхъ желѣзныхъ, дорогъ. Такимъ образомъ, въ недавно еще захудалый городишко, славившійся одними лишь арбузами, стало приходять множество судовъ по Волгѣ и прибѣгать сотни вагоновъ по желѣзной дорогѣ. Чтобы перегружать товары изъ судовъ въ вагоны

и изъ вагоновъ въ суда, потребовалась масса грузчиковъ, и притомъ въ несравненно большемъ числѣ, чѣмъ если бы то же самое количество перегружалось на другой пристани. Крутой камышинскій берегъ, возвышающійся надъ горизонтомъ Волги свыше, чѣмъ на 45 сажень, затруднялъ перегрузку «въ ручную», значительно повышалъ ея стоимость и требовалъ для нея механическихъ приспособлений: Далекіе отъ всякой рутинѣ, снабженные большими капиталами и энергичные рязано-уральцы не постояли за крупными затратами и въ 1895 году устроили въ Камышинѣ подъемныя машины, такъ что въ настоящее время на этой пристани вмѣсто крочниковъ работаютъ не знающія усталі самотаски, и ихъ работа обходится несравненно дешевле ручного труда. Въ настоящее время всѣ волжскіе пароходовладѣльцы уже вполне поняли, насколько выгодно замѣна ручного труда машинами при перегрузкѣ товаровъ, и если многіе изъ нихъ не въ состояніи сдѣлать этого нововведенія, то лишь по неимѣнію достаточныхъ средствъ. Во всякомъ случаѣ, не далеко то время, когда каторжный трудъ крочниковъ будетъ не только облегченъ, но и совершенно упраздненъ машиною...

Таковъ неизбѣжный законъ, такъ и должно быть, но, конечно, благотворное значеніе машины вовсе не въ современности, на три четверти не освобожденнейшей еще отъ путъ пережитковъ старины, а всецѣло въ будущемъ, когда благодаря разнымъ общественно-экономическимъ факторамъ, и въ томъ числѣ все той же самой машинѣ, создадутся новыя общественныя отношенія. Теперь же, при наличности современной дѣйствительности, машина хотя и содѣйствуетъ созданію производства, тѣмъ не менѣе усиливаетъ противорѣчіе современныхъ экономическихъ отношеній, лишая 40—50 тыс. человекъ привычнаго заработка.

Беспорядки въ г. Луганскѣ. Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщенъ подробный отчетъ любопытнаго дѣла о 16-ти жителяхъ г. Луганска, обвиняемыхъ въ буйствѣ, сопротивленіи властямъ и даже насиліи надъ луганскими полицейскими чинами. Дѣло разбиралось въ Таганрогѣ особымъ присутствіемъ харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Среди обвиняемыхъ мужчинъ и женщинъ находились лица въ возрастѣ отъ 20-ти до 70-ти лѣтъ. Подсудимые содержались подъ стражею полгода, и одна изъ подсудимыхъ умерла въ тюрьмѣ. Обстоятельства настоящаго дѣла, согласно обвинительному акту, заключались въ слѣдующемъ.

20-го мая 1899 года въ городѣ Луганскѣ были арестованы за буйство и пьянство двое мѣстныхъ обывателей. При арестованіи городовые нанесли имъ тяжкіе побои, отчего одинъ изъ арестованныхъ вскорѣ умеръ. По городу быстро разнеслась молва объ этомъ преступленіи. Въ то же время о немъ было сообщено судебному слѣдователю. Трупъ умершаго, нѣкоего Заикина, былъ перевезенъ на мѣстное кладбище въ мертвецкую для вскрытія. Во время вскрытія на кладбищѣ собралась значительная толпа, человекъ около трехсотъ, которая громкими криками выражала свое негодованіе по поводу случившагося. Толпа стала требовать отъ судебного слѣдователя прочтенія протокола о вскрытіи, но получила отказъ. Съ тою же просьбой она обратилась къ полицейскому врачу, и на этотъ разъ желаніе ея было удовлетворено. Послѣ этого толпа стала выказывать еще большее возбужденіе: раздались угрозы противъ полиціи и крики, что полиція убиваетъ людей, что надо перебить всю полицію, что прежде въ Луганскѣ жили безъ полиціи и никто людей не убивалъ. Среди толпы выдѣлалось нѣсколько зачинщиковъ, которые призвали толпу къ избіенію полиціи и подстрекали не допускать погребенія тѣла Заикина. Особенно отличался Чукинъ, находившійся въ нетрезвомъ состояніи. Онъ стрѣлялъ изъ револьвера на воздухъ, подставляя его къ самому лицу полицейскаго надзирателя и говорилъ: «Вотъ что вамъ слѣдуетъ». Наконецъ, онъ былъ обезоруженъ, во время чего нанесъ побои городовымъ, желающимъ его задержать. Однако, кромѣ случая съ

Чукинимъ, въ этотъ день не было причинено насилія никому изъ полиціи. Въ вечеру толпа разошлась. На слѣдующій день опять толпа собралась около кладбища, не допуская хоронить тѣла Занкина и требуя новаго вскрытія. Раздавались тѣ же крики и угрозы противъ полиціи, которая въ этотъ день не рѣшалась даже входить въ толпу. Явившемуся для успокоенія толпы земскому начальнику Самойлову оборвали португеею, китель и отдавили шпору. Точно такъ же неуспѣшны были и попытки священника. Не вида возможности успокоить разбушевавшуюся толпу, они удалились. Толпа хлынула за ними и требовала телеграфировать объ убійствѣ Занкина губернатору. Требованіе это было исполнено. Въ вечеру толпа собралась около зданія, занимаемаго уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ. Она продолжала кричать, свистать и осыпала камнями зданіе, гдѣ какъ въ осаду находилась вся полиція г. Луганска. Въ ночи толпа разошлась. На слѣдующій день утромъ тѣло Занкина было предано землѣ его родственниками при огромномъ стеченіи народа на кладбищѣ, куда явилось до 1.000 человекъ. Послѣ похоронъ толпа вновь перешла на площадь, но затѣмъ была при помощи нагаекъ разогнана прибывшими по вызову казаками. Вслѣдъ затѣмъ, въ видахъ успокоенія толпы, былъ освобожденъ арестованный наканунѣ Чукинъ, послѣ чего толпа стихла, народъ разошелся по домамъ, и беспорядки болѣе не возобновлялись.

Изъ допроса свидѣтелей, показанія потерпѣвшихъ, рѣчей защиты и даже самого прокурора выяснилось что дѣло обстояло нѣсколько иначе. Луганскій исправникъ Нашекинъ отказался отъ главныхъ обвиненій: онъ говорилъ, что забылъ ихъ. По его словамъ выходило, что народъ волновался и шумѣлъ но насилія собственно не производилъ никакого: ни окна, ни двери полицейскаго управленія не были побиты, полиція даже и не пробовала выходить къ разбушевавшейся толпѣ. Характерны показанія священника: онъ хотя и слышалъ, что что-то неладное творится въ городѣ, но не замѣтилъ ничего необычайнаго на улицѣ. Онъ не видѣлъ ничего страшнаго, ни угрожающаго въ толпѣ, которая, правда, шумѣла, требуя одного только, чтобы не были скрыты слѣды убійства городскими челоѣкомъ. Такой же характеръ носятъ показанія врача и полицейскихъ надзирателей. Главнымъ обвинителемъ является земскій начальникъ, который, по его собственнымъ словамъ, очень любимъ жителями Луганска. Ему представляются беспорядки въ Луганскѣ грандіозными. Но и онъ долженъ признать, что толпа не осаждала полицейскаго управленія, а такъ просто собралась близъ него и галдѣла. По отношенію къ себѣ, онъ не замѣтилъ никакого враждебнаго отношенія: португеею и шпора были сорваны случайно въ толпѣ. Главными коноводами, по его мнѣнію, были Чукинъ и Ширяева. Последняя пріѣхала, по его словамъ, изъ Петербурга съ какими-то идеями: она всѣхъ въ дни беспорядка возбуждала своимъ поведеніемъ. Сама Ширяева, между прочимъ, увѣряетъ, что на вопросъ земскаго начальника, какія книги она читала, отвѣчала: «Я читала французскій романъ «Капитанъ Дрейфусъ»... Вотъ почему, полагаетъ она, и Самойловъ считаетъ ее бунтовщицей». Весь многочисленный рядъ свидѣтелей, состоящій изъ безхитростныхъ, простыхъ людей, показалъ подъ присягой, что ничего похожаго на беспорядки не было. А просто, когда узнали, что въ полицейскомъ участкѣ убитъ челоѣкомъ, городъ заволновался, и толпа стала собираться на кладбищѣ, куда былъ доставленъ трупъ для анатомированія. Народъ не допускалъ похоронить Занкина и требовалъ выясненія вопроса, убить ли тотъ, или умеръ своею смертю. Онъ требовалъ, чтобы убійцы были подвергнуты законному послѣдованію, а не разгуливали свободно по городу. Послѣдовалъ приказъ хоронить трупъ, и это хотѣли исполнить неявно. Трупъ былъ положенъ на телегу, закрытъ рогожей и безъ вѣдома родственниковъ отвезенъ на кладбище. Никто даже не зналъ, что именно везутъ; говорили, что это повезли гнилую рыбу. Похороны не могли

пронзойти, такъ какъ духовное лицо въ городѣ отказалось хоронить равнѣ трехдней. Помимо всего этого, нельзя было хоронить потому, что то гроба не было, то могила не была готова. Этотъ протестъ, правда, сопровождался угрозами, криками, но ничего не было приведено въ исполненіе. Тотъ же Чужинъ, грозившій револьверомъ, добровольно отдалъ себя въ руки полиціи. Надо замѣтить, что онъ былъ настолько пьянъ, что принесъ на кладбище тюфякъ съ подушкой, «чтобы покойничку было мягче спать». Осаждаемая полиція могла безпрепятственно выходить, если бы захотѣла. Одинъ изъ надзирателей ѣздилъ съ нѣкоторыми подсудимыми освидѣтельствовать, посажены ли въ тюрьму городовые, убившіе Закивна. И вотъ за такое преступленіе люди теперь судятся. Половина изъ нихъ—родственники убитаго, прибывшіе на кладбище для похоронъ и оттуда попавшіе на скамью подсудимыхъ. Одинъ изъ нихъ—дядя убитаго: въ чемъ его вина? «Виновать въ томъ,—сказалъ онъ,—что племянника своего оплакивалъ, когда дали знать, что умеръ онъ. А я бѣденъ и старуха у меня слѣпая... Мнѣ 70 лѣтъ... Онъ мнѣ какъ родной сынъ... Я его выходилъ... Ну, известно, мнѣ похоронить надобно было»... Проговоривъ это, старикъ заплакалъ и сѣлъ на мѣсто.

Прокуроръ, отказавшись поддерживать обвиненіе противъ восьми подсудимыхъ, настаивалъ на немъ по отношенію къ остальнымъ.

Приговоръ былъ вынесенъ слѣдующій. Восемь человѣкъ оправданы. Чужинъ приговоренъ къ аресту на 1½ мѣсяца. Онъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ полиціи, но не при исполненіи ея обязанностей; это былъ простой уличный беспорядокъ. Ширяева — къ семидневному аресту. Остальные присуждались къ штрафу отъ 3 до 10 р. Защиту велъ харьковскій присяжный повѣренный г. Левченко.

Дѣло о загадочной смерти врача Жирнова. «Саратовскій Дневникъ» даетъ отчетъ объ интересномъ съ бытовой стороны дѣлѣ о загадочной смерти врача Жирнова. 4-го февраля въ особомъ присутствіи саратовской судебной палаты, въ составѣ предсѣдателя уголовного департамента судебной палаты Л. И. Навроцкаго, членовъ палаты Булгакова, Стаматова и Лазаревского и сословныхъ представителей—князя А. А. Ухтомскаго, Н. П. Фролова и одного изъ старшинъ Саратовской губ. разбиралось сенсационное, надѣлавшее въ свое время много шума дѣло о загадочной смерти вольнопрактиковавшаго въ г. Николаевскѣ, Самарской губерніи, врача Жирнова, послѣдовавшей послѣ нанесенныхъ ему побоевъ низшими полицейскими служителями. На скамьѣ подсудимыхъ—бывшій николаевскій исправникъ, нынѣ назначенный въ г. Новоузенскъ, г. Ковалевскій и трое бывшихъ полицейскихъ: Симоновъ, Холодковъ и Пичужкинъ. По дѣлу было допрошено свыше 40 свидѣтелей и два эксперта—врачи Субботинъ и Романовъ; представителемъ обвинительной власти выступилъ товарищъ прокурора судебной палаты г. Трофимовъ; защитниками Ковалевскаго—пріязній изъ Петербурга адвокатъ, помощникъ присяжаго повѣреннаго *Голдштейнъ*, троихъ полицейскихъ—присяжный повѣренный П. Г. Бойчевскій, гражданскій истецъ со стороны жены покойнаго—А. А. Товарскій.

Подробности этого дѣла по обвинительному акту заключаются въ слѣдующемъ: 20 сентября 1899 года, проживающій въ гор. Николаевскѣ вольнопрактикующій врачъ Абрамъ Васильевичъ Жирновъ подалъ прокурору самарскаго окружного суда жалобу на николаевскаго уѣзднаго исправника Ковалевскаго и полицейскихъ служителей гор. Николаевска, объяснивъ въ этой жалобѣ, что онъ вообще подвергается преслѣдованію со стороны полицейскихъ чиновъ, по распоряженію исправника, и что 15 сентября былъ, безъ всякаго повода, на улицѣ арестованъ полицейскими служителями, которые избили его,

причемъ исправникъ, видя это, кричалъ: «бей его, мерзавца» и оскорбилъ при этомъ и мать его, Жирнова.

Затѣмъ, 25 октября того же года, Жирновъ, послѣ продолжительной болѣзни, умеръ, и жена его тотчасъ же заявила участковому товарищу прокурора, что смерть мужа была послѣдствіемъ побоевъ, нанесенныхъ еще 15 сентября.

Однако, при судебно-медицинскомъ осмотрѣ и вскрытіи тѣла Жирнова, произведеннымъ 26 октября, на трупѣ не оказалось никакихъ наружныхъ знаковъ насилія, кромѣ одного кровоподтека на груди.

По заключенію производившихъ вскрытіе врачей, смерть Жирнова послѣдовала отъ отека мозга и легкихъ и паралича сердца, обусловленныхъ его жировымъ перерожденіемъ, а также болѣзнию печени и почекъ; что же касается нанесенныхъ Жирнову побоевъ, то врачи, указавъ на отсутствіе слѣдовъ на отсутствіе слѣдовъ насилія, заявили что побой эти никакого вліянія на смерть не имѣли.

Тѣмъ не менѣе, нанесеніе побоевъ Жирнову, при указанномъ имъ въ жалобѣ обстоятельствевахъ, настолько подтвердилось при первоначальномъ изслѣдованіи, что по постановленію самарскаго губернскаго правленія 25 ноября 1898 года, противъ исправника Ковалевскаго и полицейскихъ служителей: Симонова, Холодкова и Пичужкина было возбуждено уголовное преслѣдованіе, по обвиненію ихъ въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 338, 342, 345, 347 и 348 ст. ул. о нак.

Судебная палата постановила: Ковалевскаго подвергнуть исключенію со службы съ послѣдствіями по 66 ст. ул. *), бывшихъ полицейскихъ служителей—Симонова къ тюремному заключенію на 3 мѣс., Холодкова и Пичужкина на 2 мѣс.; по вступленіи приговора въ законную силу подвергнуть подсудимыхъ церковному покаянію; въ гражданскомъ искѣ палата постановила отказать.

Дѣло о покушеніи на убійство инспектора Кіевской духовной семинаріи. «Кіевлянинъ» сообщаетъ, что въ засѣданіи особаго присутствія кіевской судебной палаты 28 февраля, при участіи сословныхъ представителей, слушалось дѣло о бывшемъ воспитанникѣ кіевской духовной семинаріи Ильѣ Крещенскомъ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство инспектора той же семинаріи, іеромонаха о. Филарета.

9 апрѣля 1899 г., во время раздачи инспекторомъ Кіевской духовной семинаріи, іеромонахомъ Филаретомъ, отпускныхъ билетовъ ученикамъ семинаріи, въ квартиру его явился ученикъ Ильѣ Пантелеймоновъ Крещенскій и нѣсколько разъ спрашивалъ у служителя Патапа Кугота, много ли еще учениковъ у инспектора. Наконецъ, Куготъ доложилъ о немъ, и онъ вошелъ въ квартиру инспектора, который сначала приказалъ ему принести записки о сдачѣ имъ казенныхъ книгъ и бѣлья, а затѣмъ, когда эти записки были принесены Крещенскимъ, вручилъ ему свидѣтельство объ увольненіи изъ семинаріи за дурное поведеніе. Крещенскій, взявъ это свидѣтельство, скончалъ его и сунулъ въ карманъ, а затѣмъ обхватилъ инспектора обѣими руками и началъ его жать. Когда инспекторъ повернулся къ нему бокомъ, то почувствовалъ въ лѣвомъ боку какъ бы ожогъ и боль. Вырвавшись изъ рукъ нападавшаго, онъ поспѣшилъ скрыться въ сосѣдную комнату. Крещенскій остался въ залѣ, куда на крикъ инспектора вбѣжалъ служитель Куготъ. Замѣтивъ въ рукахъ Крещенскаго кинжалъ, а на полу кровь, Куготъ спросилъ Крещенскаго, что онъ

*) Эта статья гласитъ: Исключенный изъ службы лишается права вступать снова въ какую-либо государственную службу, участвовать въ выборахъ и бытъ избираемымъ въ должности по назначенію дворянства, вѣства, городовъ и селеній.

туть дѣласть? Въ отвѣтъ на это Крещенскій указалъ на комнату инспектора и сказалъ: «идите, спросите, что онъ тутъ дѣласть». Затѣмъ онъ пошелъ въ прихожую и началъ рвать дверь въ кухню и столовую, а потомъ разбилъ кинжаломъ стекло въ дверяхъ и кричалъ: «давай мнѣ ректора!» Куготь взялъ его за плечи, и Крещенскій, весь дрожа, удалился изъ квартиры инспектора. Вбѣжавъ въ столовую, Куготь нашелъ тамъ инспектора, который плакалъ и требовалъ къ себѣ фельдшера или доктора. Въ гѣвомъ боку его была рана. Крещенскій, по выходѣ изъ квартиры инспектора, направился черезъ рекреационный залъ въ сборную комнату для наставниковъ, открылъ двери и началъ что то кричать и размахивать кинжаломъ. Бывшіе въ этой комнатѣ наставникъ Гѣввушевъ и помощникъ инспектора Козловскій въ испугѣ поспѣшно удалились оттуда и сообщили швейцару, что Крещенскій буйствуетъ. Швейцаръ Иванъ Свиридовъ, прошедши черезъ сборную къ дверямъ рекреационнаго зала, видѣлъ тамъ Крещенскаго, который кричалъ: «дайте мнѣ Павла Петровича!» (т.-е. учителя Петрушевскаго). Швейцаръ въ испугѣ началъ подпирать двери зала. Между тѣмъ, на свистокъ явился городской Чумаченко и вошелъ въ залъ. Увидѣвъ его, Крещенскій бросилъ кинжалъ, подошелъ къ нему и, сказавъ: «теперь что хотите со мной дѣлайте», положилъ ему руки на плечи и заплакалъ. Городовой, не зная, какъ поступить съ нимъ, послалъ сторожа къ начальству, а самъ остался наединѣ съ Крещенскимъ. Служитель вскорѣ возвратился и сказалъ, чтобы городской отвелъ Крещенскаго въ участокъ. Крещенскій спокойно послѣдовалъ за городовымъ, но, встрѣтивъ на лѣстницѣ Гѣввушева и Козловскаго, обругалъ ихъ площадной бранью и крикнулъ: «Гѣввушевъ, что это — въ одну треть двухъ братьевъ!»

На предварительномъ слѣдствіи Крещенскій призналъ себя виновнымъ въ покушеніи на убійство инспектора іеромонаха Филарета, причѣмъ объяснилъ, что онъ зналъ о предстоящемъ ему увольненіи и рѣшилъ убить не только инспектора, какъ главнаго виновника увольненія, но и учителя П. П. Петрушевскаго, котораго онъ считалъ виновнымъ въ увольненіи его брата, Григорія Крещенскаго. Самъ онъ былъ уволенъ за то, что вмѣстѣ съ ученикомъ семинаріи Александромъ Балцеромъ ѣздилъ кататься на лодкѣ по Днѣпру и напился пьянъ, а затѣмъ, желая скрыть это, отправился не въ корпусъ семинаріи, а въ больницу. Вся инспекція, особенно же инспекторъ, всегда обращались съ нимъ грубо. Это обстоятельство было подтверждено отчасти показаніями воспитанниковъ семинаріи Никодима Яновскаго и Федота Маркевича. По удостовѣреніи товарищей Крещенскаго по семинаріи Балцера, Войтенка, Руденка и Яновскаго, а также нѣкоторыхъ преподавателей, напр., наставника Гѣввушева, Крещенскій отличался выдающимися способностями, но въ послѣднее время сталъ почему-то хуже учиться. Многіе свидѣтели характеризовали Крещенскаго, какъ вспыльчиваго и самолюбиваго юношу. Изъ сообщенія ректора семинаріи на имя судебного слѣдователя видно, что Крещенскій былъ уволенъ правленіемъ семинаріи по представленію инспектора, причѣмъ постановленіе правленія было утверждено резолюціей преосвященнаго отъ 8 апрѣля 1899 г. Въ виду того, что Крещенскому въ моментъ совершенія преступленія не было еще 17 лѣтъ, дѣло о немъ было направлено на усмотрѣніе окружнаго суда, который въ распорядительномъ засѣданіи 29 октября 1899 г. постановилъ, что онъ дѣйствовалъ съ разумніемъ. На основаніи всего этого Крещенскій былъ преданъ суду по обвиненію въ покушеніи съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, изъ мести, на жизнь инспектора іеромонаха Филарета.

Судебная палата опредѣлила подвергнуть Крещенскаго тюремному заключенію срокомъ на 5 лѣтъ, съ лишеніемъ почетнаго гражданства. Защита предполагаетъ обжаловать приговоръ палаты въ касационномъ порядкѣ.

Борновская эпопея. Выѣздной сессіей самарскаго окружнаго суда разсматривалось дѣло крестьянъ д. Борки, самовольно запахавшихъ землю графа Орлова-Давыдова. Длинное и сложное дѣло это не представляется возможнымъ привести во всей полнотѣ, по обширности обвинительнаго акта, массѣ свидѣтельскихъ показаній и проч., почему ограничиваемся экстрактомъ изъ него, напечатаннымъ въ «Курьерѣ», и приговоромъ.

Давно уже борковцамъ мозолила глаза длинная лента земли, змѣей обвившая ихъ деревню. Змѣя эта «по планамъ» принадлежала сосѣднему владѣльцу гр. Орлову-Давыдову. Но борковцы имѣли много специфическихъ основаній сомнѣваться въ этомъ, въ рукахъ у нихъ имѣлся нѣкій историческій документъ, открытый мѣстнымъ археологомъ-дьячкомъ на церковной колокольнѣ. Это была старинная дарственная грамота царя Алексѣя Михайловича, гдѣ говорилось о землѣ и крестьянахъ *). Правда, содержаніе грамоты не имѣло ничего общаго съ «сомнѣніями» борковцевъ; она относилась даже къ другой мѣстности другого притомъ уѣзда, но все это нужно было разъяснить, а этого никто не сдѣлалъ въ теченіе 20 лѣтъ. Цѣлыхъ 20 лѣтъ борковцы обивали пороги «парадныхъ и не парадныхъ подъѣздовъ», добываясь только одного: сказать имъ правду, чья эта земля, барская или крестьянская?

Тщетно они обращались къ своему непосредственному начальству, къ губернатору, къ адвокатамъ, къ самому владѣльцу земли, наконецъ. Никто не хотѣлъ доказать крестьянамъ ихъ заблужденій; никто не хотѣлъ взглянуть на дѣло серьезно, безъ глумленія надъ темнотою людей, вздумавшихъ искать правду въ грамотахъ прошлаго вѣка; никто не разубѣдилъ ихъ и не успокоилъ мятушагося духа.

Неудивительно, что сомнѣнія крестьянъ перешли въ явные подозрѣнія, а затѣмъ въ увѣренность.

— А вѣдь, гляди, земля-то и вправду наша.

Увѣренность не замедлила перейти въ дѣйствіе. Отчаявшись въ возможности выяснить дѣло законнымъ путемъ, борковцы на исходѣ своихъ двадцатилѣтнихъ «хожденій», рѣшили самовольно произвести, какъ они выражаются, «полевое разобраніе», т.-е. проще говоря, совершить захватъ навозлившей имъ земли.

Однакожь, считая себя правыми, они не думали дѣлать изъ этого «разобранія» ночного набѣга.

«Они, по словамъ одного изъ защитниковъ, задумали великое дѣло; они хотѣли набатомъ разбудить всю Россію», чтобы вся она присутствовала на торжествѣ правды, какъ понимали ее борковцы.

Торжество назначено.

Письменные приглашенія на него были разосланы во всѣ сосѣднія селенія и въ подлежащая учрежденія. Самарскій губернаторъ и гр. Орловъ-Давыдовъ были извѣщены о предстоящемъ событіи особой депутаціей отъ борковцевъ **); губернаторы сосѣднихъ губерній тоже получили приглашеніе повѣстками ***). Въ этихъ повѣсткахъ борковцы сообщали о своемъ рѣшеніи самовольно распахать землю, если гр. Орловъ-Давыдовъ не докажетъ правъ на нее. При этомъ крестьяне условились не брать съ собой ни палокъ, ни другихъ орудій и не предпринимать враждебныхъ противъ полиціи дѣйствій ****).

1 іюня до 1.000 человекъ народа собралось на спорной землѣ. Тутъ было много женщинъ и дѣтей. Въ центрѣ толпы стояли два стола. Вокругъ нихъ

*) См. обвинительный актъ по дѣлу о крестьянахъ д. Борковокъ, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ.

***) Обвинительный актъ, стр. 11.

****) Показаніе исправника Агатицкаго.

*****) Тоже. Стр. 12.

помѣстились старѣйшины и «люди окольные» («свѣдущіе» изъ сосѣднихъ деревень).

Въ торжествѣ не замедлили явиться десятскіе во главѣ съ исправникомъ, земскимъ начальникомъ и управляющимъ гр. Орлова-Давыдова.

Началась церемонія «разобранія». Борковцы хотѣли освятить ее молебномъ, но священникъ отказалъ въ этомъ. Приступили къ чтенію документовъ. Прежде всего уполномоченные потребовали, чтобы управляющій показалъ имъ свои документы, чтобы въ присутствіи начальства были прочтены и тѣ и другіе. «При этомъ крестьяне выразили готовность безпрекословно подчиниться рѣшенію окольныхъ людей и начальства *) и немедленно удалиться съ поля, если земля не ихняя».

Требованія крестьянъ снова были отклонены **).

— Бросьте свою затѣю, разойдитесь,—говорили имъ въ отвѣтъ.

— Покажите документы, тогда—бросимъ! А до тѣхъ поръ—уиремъ на землѣ, а не уйдемъ! ***)—отвѣчали борковцы.

Началось чтеніе грамоты и статьи объ исторіи Ставрополя.

Головы обнажились... Глубокое вниманіе водворилось въ полѣ. Даже дѣти приложили... Но вотъ документы прочтены.

— Слышали-ли вы, окольные люди, чтеніе нашихъ документовъ?—спрашиваютъ борковцы окольныхъ людей

— Слышали.

— А слышали вы отказъ управляющаго представить графскіе документы, такъ какъ у него ихъ нѣтъ?

— Слышали.

— Такъ, значитъ, земля наша?

— Ваша.

— Пахать ее?

— Пашите съ Богомъ ****)!

Тысячи рукъ подыались къ небу, пахари осѣнили себя крестомъ. Триста сохъ почти разомъ впились въ сырую, холодную землю. Три дня продолжалось «полевое разобраніе»; три дня «подъ конвоемъ урядниковъ» отбивали борковцы землю шагъ за шагомъ, настойчиво, съ угрозами.

— Пашите, ничего не бойтесь; земля ваша,—говорили свѣдущіе (окольные) люди.

Прибылъ, наконецъ, губернаторъ, а съ нимъ и войска. Онъ былъ встрѣченъ хлѣбомъ-солью. Кольнопреклоненные борковцы снова начали просить и снова неудачно. Полевое разобраніе продолжалось недолго. Грамота запечатлѣлась на много лѣтъ на спинахъ искателей правды.

Такова сущность этого оригинальнаго дѣла, по которому обвинялось 43 чело-вѣка въ самоуправствѣ и неисполненіи приказаній начальства.

Рѣчь прокурора Н. А. Мурашева была, въ сущности, копіей обвинительнаго акта; прокуроръ поддерживалъ всѣ пункты обвиненія, выставленные въ актѣ, и даже почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ. Исключеніе было сдѣлано лишь для трюхъ подсудимыхъ, отъ обвиненія которыхъ г. Мурашевъ отказался вовсе.

Н. П. Барабчевскій, гражданскій истецъ гр. Орлова-Давыдова, выяснилъ причины, почему онъ является здѣсь гражданскимъ истцомъ. По его мнѣнію, все это дѣло чисто-гражданское, а отнюдь не уголовное, а слѣдовательно, и

*) Обвинительный актъ, 14 стр.

***) Тоже.

****) Тоже.

*****) Тоже, стр. 15.

обвиненіе крестьянъ по 1601 ст. и мѣщанъ по 129 ст. отпадаетъ само собой. «Графъ Орловъ-Давыдовъ,—закончилъ Карабчевскій свою рѣчь,—умываешь руки въ томъ, что подсудимые потерпѣли позорное наказаніе; оно для него было нежелательно и въ высшей степени оскорбительно. Такъ какъ подсудимые сами заявили, что не имѣютъ права на его землю, а только хотѣли поднять вопросъ о ней, то, слѣдовательно, отпадаетъ обвиненіе ихъ въ захватѣ. Правственные убытки его хотя и велики, но онъ ихъ не ищетъ, тѣмъ болѣе, что причинили ихъ вовсе не тѣ, кто сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ, а отъ возмѣщенія убытковъ матеріальныхъ онъ отказывается».

По разборѣ дѣла судъ приговорилъ: къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца 11 человѣкъ, на 2 мѣсяца 22 человѣка, къ аресту при полиціи на 2 мѣсяца 8 человѣкъ. Одинъ изъ обвиняемыхъ умеръ до суда и одинъ оправданъ.

Изъ воспоминаній о Чернышевскомъ. Въ «Амурскомъ Краѣ» печатаются очень интересныя воспоминанія г. Б. о Н. Г. Чернышевскомъ изъ жизни его на Нерчинскихъ рудникахъ.

«Изъ всѣхъ почти ссыльныхъ,—говоритъ авторъ,—Чернышевскій, кажется, меньше, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ тяжесть ссылки. Къ тому же онъ по натурѣ былъ изъ того типа людей, которые не любятъ вызывать въ другихъ сочувствіе къ себѣ, соболъзваніе и сожалѣніе. Онъ также предпочиталъ говорить съ тѣми, которые не изливали предъ нимъ своихъ чувствъ. Въ мѣстахъ заключенія съ поляками, сосланными за возстаніе 1863 г., онъ уклонялся отъ разговоровъ о политикѣ, объ отношеніяхъ русскихъ къ полякамъ, на каковыя темы повстанцы, сходясь съ русскими, любили возбуждать дебаты. Присутствуя при обсужденіи такихъ вопросовъ, Н. Г. обыкновенно молчалъ, хотя спорившіе иногда старались и его вовлечь въ общія бесѣды. Все это, думаю, можетъ служить нѣкоторымъ объясненіемъ, почему Чернышевскій уклонялся отъ разговоровъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ Сибири. Перейду теперь къ нашему знакомству».

«Чернышевскій, какъ извѣстно, въ 1864 г. приговоренъ былъ особымъ присут. прав. сен. на 7 л. каторжныхъ работъ и въ концѣ того же года, по прибытіи въ Забайкалье, помѣщенъ былъ сперва въ Кадаинскій рудникъ, а затѣмъ скорѣе переведенъ въ Александровскій заводъ Нерч.-Завод. округа. Здѣсь его помѣстили въ зданіи, гдѣ раньше была заводская контора. Ему отведена была небольшая комната, у дверей которой стоялъ казакъ, чтобы «не пущать» къ Чернышевскому, но такъ какъ это приказаніе было отдано не особенно строго, то о немъ мало-по-малу забылъ караулъ, и казакъ изображалъ изъ себя сурка во время зимней спячки».

«Комната Чернышевскаго находилась посрединѣ зданія. По обѣ стороны ея было по двѣ большія камеры, гдѣ помѣщались ссыльные поляки. Ихъ было въ этомъ зданіи больше ста человѣкъ, и они нерѣдко навѣщали Чернышевскаго,—да и распоряженіе казаку «не пущать» относилось болѣе къ государственными преступникамъ, которыхъ въ Александровскомъ заводѣ было около 20 человѣкъ и которые помѣщались чередъ площадъ, въ зданіи бывшей заводской полиціи».

«Работъ въ Александровскомъ заводѣ не было никакихъ. Да и трудно было бы придумать какую-нибудь работу для ссыльныхъ «политическихкихъ» (поляковъ) и «государственныхныхъ» (русскихъ), такъ какъ тѣхъ и другихъ было тамъ до 400 человѣкъ. Однажды, правда, комендантъ почему-то захотѣлъ наложить взыскаііе на поляковъ, для чего велѣлъ имъ мести улицы противъ своего дома и противъ казармъ, гдѣ помѣщались политическіе. Поляки сказали, что у нихъ вѣтъ метель, тогда комендантъ велѣлъ имъ такъ постоять на улицѣ безъ дѣла».

Вотъ единственная «обязательная работа», имъ придуманная для ссыльно-каторжныхъ въ то время.

«Жилъ Чернышевскій на каторгѣ очень скромно. Расходовалъ на себя въ мѣсяць около 15 руб. Обѣдъ ему приготовляли на кухнѣ у государственныхъ преступниковъ, откуда его приносили казакъ, Ходилъ онъ лѣто и зиму въ тепломъ халатѣ и валенкахъ и всегда съ растегнутымъ воротникомъ рубахи. Гулять по двору онъ не любилъ, а выходить за ворота ему не полагалось. Однажды, впрочемъ, когда комендантъ на время куда-то уѣхалъ и его обязанность исполнялъ плацъ-маіоръ З., то послѣдній разрѣшилъ Чернышевскому приходить въ помѣщеніе государственныхъ. Тогда Н. читалъ товарищамъ по заключенію нѣсколько своихъ произведеній. Въ это же время составилъ театръ, на которомъ играли какую-то пьесу его сочиненія. Была также поставлена еще другая пьеса — Ляндовскаго, бывшаго начальника польскихъ жандармовъ во время возстанія.

«Но съ возвращеніемъ коменданта эти посѣщенія кончились и Чернышевскій снова засѣлъ въ свою комнату. Зная, что Н. Г. не любитъ пустыхъ разговоровъ, сосѣди, обыкновенно, безъ надобности старались не отнимать у него напрасно времени.

«Довольствуясь немногимъ, Чернышевскій не могъ предъявлять никакихъ претензій относительно своего помѣщенія. Но случилось слѣдующее: среди его сосѣдей поляковъ развилось нѣчто вроде болѣзни—музыкальная манія. На нихъ на всѣхъ почти напала охота учиться играть на скрипкѣ. Это было, пожалуй, естественный исходъ для людей, обреченныхъ на полную бездѣятельность, такъ какъ иначе имъ также пришлось бы превратиться въ спящихъ сурковъ, какииъ сталъ караульный казакъ. Для развитія этой болѣзни достаточно было одному двумъ изъ нихъ сыграть нѣсколько пѣсень, особенно—патріотическихъ и вотъ это вызвало энтузіазмъ, который охватилъ массу. Къ несчастію Н. Г., меломаны къ тому же подобрались не совсѣмъ удачно. Вышло какъ-то такъ, что по сосѣдству съ нимъ помѣщались поляки-мастеровые, по ремеслу колесники. Какъ люди привыкшіе къ скрипу колесъ, они относились къ этому звуку не только спокойно, но съ нѣкоторымъ даже энтузіазмомъ, такъ какъ онъ напоминалъ имъ лучшее время, родину, семью. Но если принять во вниманіе, что скрипки были изготовлены этими же колесниками, то легко себѣ представить, какія этоть оркестръ исполнялъ мелодіи. И вотъ такіе концерты стали даваться съ утра до вечера по обѣ стороны комнаты Чернышевскаго! По утрамъ играли «соло», послѣ обѣда «дуэты», «тріо» и «квартеты», а къ вечеру эти «артисты», составивъ общій оркестръ, доходили до наибольшей ярости. Не думайте, однако, что эти любители музыки хотѣли сдѣлать непріятность москалю Чернышевскому. Напротивъ, они искренно думали, что услаждаютъ его слухъ и потому даже иногда приглашали его къ себѣ на чай и за одно послушать «музыку». Чернышевскій иногда принималъ это приглашеніе, но тогда наиболѣе ярые колесники—музыканты не участвовали въ оркестрѣ. Объ этой «музыкѣ» Н. Г. говорилъ только: «это ужасно, ужасно!» Чтобы избавиться отъ наибольшаго пароксизма этихъ меломановъ, Чернышевскій подъ ихъ музыку спалъ, а работалъ обыкновенно по ночамъ.

«Онъ много читалъ и писалъ, но написанное, къ сожалѣнію, почти всегда уничтожалъ. Въ помѣщеніи государственныхъ преступниковъ было довольно много книгъ, но Чернышевскому ихъ было слишкомъ недостаточно, и это составляло причину, почему онъ въ каторгѣ не могъ взяться за какой-нибудь обширный трудъ, для котораго ему постоянно требовались разнообразныя и при тѣхъ условіяхъ недостаточныя справки. Чтобы размяться, Н. Г. иногда, хотя и очень рѣдко, выходилъ на небольшой дворикъ, въ которомъ стояло зданіе бывшей канторы, и начиналъ ковырять землю чѣмъ попадало.

«Изъ государственныхъ преступниковъ довольно часто навѣщала Чернышевскаго Ст.—ичъ. Этотъ человекъ мало отблекался посторонними занятіями, также посвящая все время чтенію. Когда у него накоплялся извѣстный запасъ вопросовъ, требовавшихъ какихъ-нибудь разъясненій, онъ отправлялся за разъясненіями къ «стержняку» — такъ звали мы Чернышевскаго, — который былъ всегда доволенъ приходу Ст. и говорилъ о немъ: «вотъ изъ него вышелъ бы человекъ при иныхъ условіяхъ!» Ст. до того отдался Чернышевскому, что впоследствии писалъ мнѣ изъ ссылки на поселеніе (въ Яндынской волости Иркутской губ.) о своемъ сильнѣйшемъ желаніи жить вмѣстѣ съ Чернышевскимъ, находившимся тогда въ Вилюйскѣ, хотя бы въ качествѣ его слуги. Ст., само собою разумѣется, зная, что Н. Г. не нуждался въ слугѣ, и самъ онъ едва ли былъ способенъ къ такой функціи, — этимъ заявленіемъ онъ желалъ только показать, какъ сильно цѣнить онъ жизнь вблизи Чернышевскаго».

Письмо М. Е. Салтыкова. Въ «Россіи» г. Плещеевъ, сынъ знаменитаго поэта, сообщаетъ интересное письмо Салтыкова къ его отцу. Прилагаемое письмо, конечно, составить также небезинтересную страничку въ матеріалахъ для полной біографіи знаменитаго писателя.

«Парижъ, 14-го октября.

«Любезный другъ Алексѣй Николаевичъ. Извините, что до сихъ поръ не отвѣтилъ на ваше письмо. Парижъ такой дурацкій городъ, что не понимаешь, куда время уходитъ. Я здѣсь ни за какую работу не могъ взяться, такъ и просидѣлъ безъ дѣла, хотя большую часть вечеромъ все-таки проводилъ дома: послѣ позднаго обѣда, какъ-то ничего на умъ не идетъ.

«Очень вамъ благодаренъ за сочувственный отзывъ о «Снѣ въ лѣтнюю ночь». Только мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ правильно тутъ видите протестъ противъ юбилеевъ. Вся эта статья задумана ради 2-й ея части. т. е. рѣчи учителя. Я положительно не вижу отрицательнаго отношенія къ мужику въ этой рѣчи, а то, что вамъ кажется отрицательнымъ, есть не что иное, какъ уступка цензурному требованію. Я думалъ написать рядъ параллелей: съ одной стороны культурные люди, а съ другой — мужики. «Сонъ» есть начало такихъ параллелей. Не знаю, скоро ли буду продолжать и даже буду ли, но, во всякомъ случаѣ — вотъ вся мысль. Вообще, за границей мнѣ худо пишется...

«Можетъ быть, это оттого, что гостиницы не представляютъ никакихъ удобствъ, а можетъ быть, и отъ того, что болѣзнь дѣйствуетъ. Ежели послѣднее, то дѣло плохо. Я замѣчаю, что память у меня необыкновенно ослабѣла.

«Съ Тургеневымъ видѣлся разъ шесть. Два раза былъ у него въ Буживалѣ, затѣмъ онъ былъ у меня. Живетъ онъ, какъ принцъ крови. Прелестная дача и громадный паркъ. Онъ хотѣлъ меня представить семейству Віардо, но такъ какъ для этого надо ѣхать въ Буживаль обѣдать, а обѣдаютъ здѣсь въ 7 часовъ, то я уклонился нездоровьемъ. Къ сожалѣнію, я не могъ познакомиться съ Золя, котораго нѣтъ въ Парижѣ, и пріѣдетъ не раньше конца октября, когда уже меня здѣсь не будетъ. Взаимнѣ того, я имѣлъ удовольствіе слушать у Тургенева новую комедію гр. Соллогуба, такую пошлость... что со мной сдѣлалось что-то въ родѣ истерики, и я не помню самъ, что я наговорилъ... Довольно сказать, что онъ меня испугался, и предлагалъ мнѣ сжечь свой манускриптъ, и въ заключеніе просилъ меня поцѣловать его, въ знакъ прощенія. Можетъ быть, это была съ моей стороны и глупая выходка, но вы по этому можете судить, въ какой степени болѣзнь развила во мнѣ раздражительность. Тутъ выставленъ нигилистъ, который *воруетъ* *). А забавнѣй кажется всего, что Соллогубъ просилъ Тур-

*) Подробности объ этомъ чтеніи и о драмѣ см. въ «Воспоминаніяхъ о Салтыковѣ» Л. О. Пантелѣва, выдержки изъ которыхъ помѣщены въ июньской книжкѣ «Міра Божія» за 1899 г., «На Родинѣ».

генева непременно пригласитъ меня для слушанія. Я же думалъ, что будетъ нѣчто въ родѣ «Бѣды отъ нѣжнаго сердца».

«Не знаю, читали ли вы романы братьевъ Гонкуровъ (одинъ, впрочемъ, умеръ, остался другой, наиболѣе, впрочемъ, талантливый). Я читалъ одинъ «Lascieux», и онъ мнѣ очень понравился. Золя о немъ въ сентябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» статью написалъ, которую я хотя и не читалъ, но изъ которой вы почерпнете полезныя свѣдѣнія о дѣятельности Гонкуровъ. По моему мнѣнію, вполне переводить романы не стоитъ, а навлеченія были бы очень занимательны. Вотъ бы вы взяли на себя эту работу.

«Я уѣзжаю изъ Парижа 20-го числа нов. ст., заѣду на 1 день въ Лионъ и нѣсколько дней пробуду въ Марсель; потомъ отправлюсь на зимовку въ Ниццу. Безъ ужаса не могу себѣ представить, что еще больше 7 мѣсяцевъ придется пробыть за границей.

«Прощайте, поцѣлуйте отъ меня дѣтей и кланяйтесь тѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ. Весъ вашъ М. Салтыковъ».

Письмо это помѣчено 14-мъ ноября, а «Парижскія письма» (шестое письмо) Эмиля Золя о романахъ Гонкуровъ, на которыя ссылается М. Е. Салтыковъ, напечатаны въ «Вѣстникѣ Европы» въ сентябрьской книжкѣ 1875 года. Такимъ образомъ, можно предположить, что приведенное письмо относится къ тому же году.

Изъ русскихъ журналовъ.

«Русское Богатство», февраль. *Г. П. Голубевъ* предлагаетъ пересоздать продовольственную организацію на новыхъ основаніяхъ. Дѣйствующая продовольственная система основана на кредитѣ. Потерпѣвшимъ отъ неурожая выдаются ссуды и требуется ихъ возвратъ. Продовольственные запасы натурой и денежная касса составляются изъ взносовъ крестьянъ и пополняются уплатой выданныхъ ссудъ, значить, продовольственные сборы ограничиваются сословными рамками. Столѣтняя исторія (съ 1799 г.) этого продовольственного устава доказала полную непригодность его въ дѣлѣ помощи народной нуждѣ. Дѣйствительно, необходимость вернуть ссуду въ конецъ разоряетъ хозяйство, уже потрясенное неурожаемъ, или же, въ случаѣ неуплаты долга заемщиками, наличность продовольственныхъ запасовъ настолько падаетъ, что уже не можетъ оказать серьезной помощи въ борьбѣ съ бѣдствіемъ. Статистика показываетъ, что наличность запасовъ съ теченіемъ времени все уменьшается; напр., въ 1891 г. хлѣба въ магазинахъ состояло лишь 44% по отношенію къ номинальному итогу. Итакъ, причина неудовлетворительности продовольственной организаціи заключается въ томъ, что въ основу ея положенъ «принципъ самопомощи, что къ борьбѣ съ бѣдствіемъ привлекаются, собственно говоря, одни только потерпѣвшіе отъ него». вмѣсто самопомощи, необходимо ввести принципъ взаимопомощи; вмѣсто кредитно-ссудной системы, учредить страховую; вмѣсто узко сословнаго, необходимо установить всеобщій продовольственный сборъ; расходы на борьбу съ неурожаями должны падать на общій земскій бюджетъ, всѣ имущества должны быть обложены для составленія капитала, изъ котораго будутъ выдаваться безвозвратныя пособія потерпѣвшимъ отъ неурожая. Обсуждая возможность пракческаго осуществленія предлагаемой системы, авторъ показываетъ, что всѣ продовольственныя нужды 44 губерній покрываются 17 милліонами рублей; для полученія этой суммы придется обложить десятину земли только 3,4 копѣйками. Кроме того, при сосредоточеніи продовольственныхъ капиталовъ въ рукахъ земства упразднится необходимость имѣть массу мелкихъ сельскихъ магазиновъ, затѣмъ при возмож-

ности пересылать продовольственную помощь всюду въ предѣлахъ губерніи—не будетъ прежней неподвижности продовольственныхъ средствъ, а слѣдовательно, не будетъ надобности держать на готовѣ полную норму запасовъ: благодаря всему этому, значительно сократятся издержки продовольственного дѣла.

Въ «Хроникѣ внутренней жизни» разсматривается проектъ новаго продовольственного устава по тѣмъ извлеченіямъ, которыя проникли въ печать. Этотъ проектъ былъ внесенъ въ прошломъ году въ государственный совѣтъ и будетъ разсмотрѣнъ въ весеннюю законодательную сессию, такъ что, если его не вернуть обратно въ министерство для передѣловъ и добавленій, къ новому сельскохозяйственному году у насъ будутъ дѣйствовать новые продовольственные порядки. Путь, по которому поведена будетъ продовольственная реформа, повидимому, совсѣмъ не совпадаетъ съ планомъ продовольственной организаціи, предложеннымъ г. Голубевымъ въ предыдущей статьѣ. Такъ, сословный характеръ продовольственныхъ источниковъ не только остается въ полной силѣ, но еще болѣе закрѣпляется. Центромъ продовольственной организаціи и по новому закону остаются общественные запасные магазины и капиталы, но только существенно измѣняется *назначеніе* этихъ запасовъ. По дѣйствующему уставу, продовольственные фонды каждаго сельскаго общества могутъ быть обращены только на нужды того самаго общества, изъ взносовъ котораго они составились. Новый уставъ предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ право разрѣшать заимобразное употребленіе капиталовъ и запасовъ однихъ обществъ на нужды другихъ, — не требуя для этого даже согласія заинтересованныхъ сторонъ. Извѣстно, что въ 1897—1898 г. эта мѣра вводилась въ видѣ опыта, но окончилась неудачей. Дѣйствительно, она вызываетъ и принципиальныя и практическія возраженія. Это есть, въ сущности, экспроприація имущества одной части крестьянскаго населенія въ пользу другой, такъ какъ расчитывать на аккуратную уплату долговъ со стороны обезсиленныхъ неурожаемъ хозяевъ едва ли возможно. Далѣе, съ практической точки зрѣнія, представляется непонятнымъ, къ чему нужна децентрализація продовольственныхъ запасовъ, раздробленіе ихъ на массу сельскихъ магазиновъ, между тѣмъ какъ всѣ запасы составляютъ, въ сущности, общій оборотный фондъ продовольственной операціи. Наконецъ, затѣмъ требовать засыпки въ магазины полной суммы запасовъ—264 милл. пудовъ—если по опыту прошлаго можно думать, что при самомъ большемъ неурожаѣ не потребуется выдачи болѣе 100 съ небольшимъ милл. пудовъ? Еще болѣе страннымъ является требованіе хранить мѣстные фонды въ натуральной, хлѣбной, а не въ денежной формѣ, между тѣмъ какъ деньги представляютъ многія преимущества—подвижности, удобства храненія и т. п. Что касается формы продовольственной помощи, новый уставъ сохраняетъ *кредитно-ссудную* систему. Много уже говорено о томъ внутреннемъ противорѣчьи, которое подрываетъ теперешнюю продовольственную организацію: всякая кредитная операція только тогда можетъ быть успѣшна, если она основана на кредитоспособности заемщиковъ, между тѣмъ продовольственныя ссуды выдаются крестьянамъ, когда они уже истощили всѣ свои хозяйственныя средства и нахолятся на краю голодной смерти; понятно, что при такихъ условіяхъ краткосрочныя ссуды превращаются болѣею частью въ долгосрочныя и даже въ безвозвратныя пособія. Между тѣмъ, приимѣненіе страхового принципа вмѣсто ссуднаго дало бы правильный выходъ изъ этихъ затрудненій. Далѣе новый уставъ удерживаетъ и *круговую поруку* въ продовольственномъ дѣлѣ. Именно, пока наличность сельскихъ магазиновъ не достигнетъ 4 пудовъ зерна на каждую наличную душу, ежегодно послѣ жатвы собирается по полупуду съ души. Съ другой стороны, въ случаѣ несостоятельности заемщиковъ, отвѣтственность за пополненіе запасовъ опять несутъ всѣ члены сельскаго общества. Естественно, что при такой системѣ—приговоры о выдачѣ ссудъ далеко не всегда

будутъ руководиться дѣйствительною нуждою. Относительно размѣра ссудъ новый законъ дѣлаетъ шагъ впередъ—повышаетъ норму до одного пуда зерна въ мѣсяцъ, вмѣсто 30 фунтовъ дѣйствующаго продовольственнаго устава. Самыя существенныя измѣненія вносятъ новый проектъ въ завѣдованіе продовольственнымъ дѣломъ, именно возстановляетъ старый дореформенный порядокъ, передавая все въ руки администраціи и совершенно устраняя земства. Создается такая іерархія: земскій начальникъ, затѣмъ уѣздный сѣвъдъ, губернское присутствіе и министерство внутреннихъ дѣлъ. Переходъ къ казенному завѣдованію продовольственнымъ дѣломъ мотивируется тѣмъ, что дѣятельность земскихъ учреждений оказывалась неудовлетворительною. Прежде всего земствамъ ставится упрекъ, что въ неурожайные годы они не сумѣли опредѣлить размѣровъ нужды и составить точную продовольственную смѣту; но изъ того же опыта извѣстно, что центральныя учрежденія были не лучше освѣдомлены о положеніи дѣлъ, и, значить, коррективомъ земскихъ учреждений едва ли могутъ служить въ данномъ случаѣ административные органы. Своевременныя и точныя свѣдѣнія можетъ дать только хорошо поставленная мѣстная сельскохозяйственная статистика, но поставить ее на надлежащую высоту мѣшали земствамъ обыкновенно «независящія» обстоятельства. По новому уставу вся эта работа передается въ руки земскихъ начальниковъ: само собою разумѣется, что имъ придется въ концѣ концовъ за свѣдѣніями обращаться къ волостному правленію, или, вѣрнѣе, къ волостному писарю. Земства устраняются также и отъ заготовки продовольственныхъ средствъ, которую беретъ на себя министерство. Завѣдованіе распредѣленіемъ продовольственныхъ пособій возлагается на земскихъ начальниковъ, которые, за невозможностью справиться съ дѣломъ своими силами, принуждены будутъ обращаться за содѣйствіемъ опять къ волостному и сельскому управленію.

Г. Зотовъ продолжаетъ знакомить съ дѣятельностью камеры соглашенія и третейскаго суда въ свѣ. Англій. Правила, касающіяся разбора несогласій между фабрикантами и рабочими, позволяютъ доводить дѣло до камеры только въ крайнихъ случаяхъ, предоставляя спорящимъ сторонамъ предварительно самимъ стовориться; если переговоры рабочаго съ фабричною администраціей ни къ чему не приведутъ, въ такомъ случаѣ за дѣло беретъ представитель рабочихъ, въ качествѣ адвоката передъ капиталистомъ; очень часто дѣло улаживается на этихъ предварительныхъ стадіяхъ, и только въ случаѣ неудачи споръ передается въ постоянный комитетъ. Въ компетенцію *постояннаго комитета* входятъ споры изъ-за *частныхъ* измѣненій заработной платы, вызываемыхъ измѣненіями въ техническихъ условіяхъ работы, увеличивающими или уменьшающими производительность труда; затѣмъ слѣдуютъ искъ рабочихъ къ фабричной администраціи о неправильныхъ расчетахъ. Общее число рѣшенныхъ постояннымъ комитетомъ дѣлъ со времени основанія камеры до 1898 года достигаетъ 1.200, причеъ съ теченіемъ времени число споровъ все уменьшается. Камера *въ полномъ составѣ* занимается регулированіемъ *общей* заработной платы всѣхъ рабочихъ тѣхъ заводовъ, которые вѣдаетъ камера; измѣненія эти вызываются измѣненіями общихъ экономическихъ условій промышленности. И здѣсь, въ случаѣ разногласія, обращаются къ третейскому суду, избираемому всякій разъ особо для каждаго дѣла.

Н. К. Михайловскій посвящаетъ свою «Литературу и жизнь» разбору трехъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ нѣчто общее. Рѣчь идетъ о книгѣ г. М. Энгельгардта: «Прогрессъ, какъ эволюція жестокости»—«Парадоксъ, умно поставленномъ и фактически обставленномъ»; о «Накипи» г. Боборыкина—«поверхностномъ шаржѣ»—«на все, что въ данную минуту имѣетъ характеръ моды въ извѣстныхъ слояхъ русскаго общества»; и наконецъ о книгѣ г. Шестова «Добро въ ученіи гр. Толстого и Ф. Нитше», авторъ ко-

торой «желает внушить читателю еще болѣе уважительное отношеніе къ Нитше, чѣмъ какое питаетъ самъ, и поэтому затуманиваетъ мало симпатичныя или совсѣмъ не симпатичныя ему взгляды Нитше и выдвигаетъ впередъ тѣ, которые ему, г. Шестову лично, особенно дороги». Эти характеристики уже показываютъ, что критикъ не соглашается съ тенденціей всѣхъ трехъ произведеній. Но, читая статью Н. К. Михайловскаго, читатель все время чувствуетъ, что къ этой тенденціи, которую обличаетъ «парадоксъ» Энгельгардта, надъ которой слишкомъ «поверхностно» смѣется Боборыкинъ, которую, наконецъ, слишкомъ односторонне пропагандируетъ Шестовъ, — и самъ критикъ относится не безусловно отрицательно. Онъ выдѣляетъ въ этой тенденціи защиту (и обличеніе) «эгоизма» отъ защиты «индивидуальности». Эволюцію и проповѣдь эгоизма онъ отрицаетъ; эволюцію и проповѣдь индивидуальности въ извѣстномъ смыслѣ готовъ признать. «Но эта борьба личности и общества, «борьба за индивидуальность», не есть особенность нашего времени, она ведется съ незапамятныхъ временъ. Въ ней, а не въ смѣнѣ жестокости и смягченія нравовъ, какъ думаютъ съ разныхъ точекъ зрѣнія Нитше и Энгельгардтъ, заключается весь смыслъ исторіи... Быть можетъ, борьба эта никогда не кончится, быть можетъ, не увидитъ ея конца и застывшая или сожженная земля. Но человѣку, въ которомъ мысль, чувство и воля достаточно дѣятельны, нельзя въ ней не участвовать и надо выбирать. Задача не въ томъ, чтобы соединить интеллектъ современнаго евронеца съ нравственнымъ типомъ первобытнаго человѣка, и не въ томъ, чтобы дѣбною жизни и достоинства миллионъ человѣческихъ существъ выработать «сверхчеловѣка». Задача въ томъ, чтобы найти и осуществить такую форму общежитія, которая не налагала бы на личность дѣпей, которыя она сама признаетъ дѣпами. Повторяю, можетъ быть эта задача неосуществима даже на протяженіи тѣхъ сотенъ тысячъ или миллионъ лѣтъ, которыя еще остается жить человѣчеству; но отказаться отъ нея нельзя, нельзя по крайней мѣрѣ не участвовать въ ея разрѣшеніи активно или пассивно».

Мы безусловно подишемся подъ формулированную такимъ образомъ задачей. Бѣда лишь въ томъ, что около такой формулы, пожалуй, не удастся объединить всѣхъ тѣхъ, которые теперь признаютъ себя индивидуалистами. Въ формулѣ Н. К. Михайловскаго «борьба за индивидуальность» переходитъ уже въ «борьбу за социальность». Чистокровные индивидуалисты не признаютъ самой коренной черты ея: не признаютъ, именно, что освобожденіе «личности отъ дѣпей» можетъ быть достигнуто путемъ борьбы за «форму общежитія». Такимъ образомъ, истинный водораздѣлъ, пожалуй, пройдетъ не тамъ, гдѣ провѣлъ его критикъ, — не между эгоизмомъ и «индивидуальностью», а между индивидуализмомъ и социальностью.

«Русская Мысль», *февраль*. Въ очеркѣ 3-го *Н. М.—вой* сгруппированы свѣдѣнія о культурно-просвѣтительной дѣятельности Герцена въ провинціи. За время ссылки въ Вяткѣ и Владимірѣ Герценъ, при активности и страстности своей натуры, не могъ остаться чуждымъ зрителемъ: онъ глубоко входитъ въ мѣстную жизнь, беретъ на себя официальные статистическія работы, изучаетъ жизнь инородцев-вотьяковъ и черемисовъ, также бытъ русскихъ крестьянъ, и эти богатые наблюденія, систематизированныя отчасти по схемамъ гегелевской философіи, отчасти по широкимъ историческимъ обобщеніямъ, онъ переноситъ на страницы начала «Вятскихъ», потомъ «Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ послѣдней газетѣ онъ былъ редакторомъ не фискальнаго отдѣла. Задачей газеты онъ ставилъ изученіе экономическаго положенія края, бытовыхъ условій крестьянской жизни, въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ. «Весьма любопытно бы было знать, насколько улучшается хлѣбопашество, обрабатываніе полей, особенно совокупное разсмотрѣніе этихъ улучшеній въ казенныхъ и помѣщичьихъ деревняхъ привело бы къ нѣкоторымъ заклю-

ченіямъ». Герцену хотѣлось бы дать полный обзоръ промышленнаго состоянія губерній, начиная съ фабрикъ и заводовъ и кончая ремеслами и мелочной торговлей, «которыхъ развитіе тѣсно соединено съ развитіемъ гражданственности». Но подводя итоги изданію газеты за 1838 г., редакторъ не чувствуетъ удовлетворенія: и сотрудники, и общество отозвались вяло на его призывъ. Этимъ не ограничивается культурная роль Герцена въ провинціи. Онъ поддерживаетъ библіотеки, устраиваетъ выставку, горячо отзывается на проектъ устройства публичныхъ лекцій по естественнымъ наукамъ и т. д.

Г. Еропкинъ продолжаетъ свои статьи о пересмотрѣ положенія о крестьянахъ. Если волость будетъ организована, какъ всеобщая хозяйственно-административная единица, то является вопросъ о составѣ волостного схода и персоналъ волостнаго правленія. Приводя мнѣнія губернскихъ совѣщаній по первому вопросу, самъ авторъ предлагаетъ установить извѣстный земельный цензъ, дающій право участія въ волостномъ сходѣ; напр., 150 десятинъ, или соотвѣтствующее этой нормѣ другое имущество; мелкіе собственники должны группироваться вмѣстѣ для составленія ценза. Для лицъ интеллигентныхъ профессій долженъ быть установленъ образовательный цензъ. По вопросу объ организаціи волостнаго правленія авторъ, вслѣдъ за петербургской земской комиссіей, высказывается за введеніе коллегіальнаго принципа. Петербургская комиссія предлагаетъ образовать волостное правленіе изъ предсѣдателя, двухъ членовъ и волостнаго писаря. Самый существенный вопросъ, на который обратилъ вниманіе всѣ совѣщанія, есть вопросъ о непосильномъ обремененіи слѣшкомъ многосложными обязанностями должностныхъ лицъ, именно волостнаго старшины и сельскихъ старостъ. Волостной старшина въ настоящее время является скорѣе правительственнымъ агентомъ, чѣмъ общественнымъ представителемъ; онъ заботится прежде всего объ исполненіи предписаній начальства, а не о волостномъ хозяйствѣ и защитѣ мірскихъ интересовъ; между тѣмъ полицейскія обязанности могутъ быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, сняты съ волостныхъ старшинъ и переданы урядникамъ. То же самое отдѣленіе полицейскихъ обязанностей и сбора податей и передача этихъ функцій полицейскимъ чинамъ, авторъ предлагаетъ и по отношенію къ сельскимъ старшинамъ.

Проф. *М. Мензбиръ* характеризуетъ Романеса, какъ одного изъ представителей дарвинизма. Романесъ находитъ недостаточною теорію естественнаго подбора для объясненія эволюціи. Эта теорія можетъ объяснить лишь появленіе полезныхъ признаковъ, а для объясненія бесполезныхъ признаковъ онъ придумываетъ особую теорію физиологическаго подбора; но, съ одной стороны, онъ не обосновалъ эту теорію никакими фактами, съ другой—въ ней нѣтъ никакой надобности, ибо явленія, которыя онъ претендуетъ объяснить съ ея помощью, объясняются удовлетворительно помимо нея. Гораздо цѣннѣе его трудъ по «умственной эволюціи» животныхъ и человѣка. Здѣсь онъ является прямымъ продолжателемъ Дарвина, приложившимъ его принципы къ области психическихъ явленій, причѣмъ умственная эволюція животныхъ прямо, безъ всякаго скачка, переходитъ къ психическому міру человѣка: разница является не качественной, а лишь количественной. Самъ Дарвинъ собралъ для этой дѣли значительный матеріалъ и за нѣсколько времени передъ смертью передалъ его Романесу для дальнѣйшей обработки. Последній трудъ Романеса «Дарвинъ и послѣ Дарвина» остался неоконченнымъ за смертью автора. Въ первой части мы имѣемъ прекрасное изложеніе теоріи Дарвина, которое грѣшитъ только тѣмъ, что ослабляетъ значеніе естественнаго подбора, выдвигая теорію физиологическаго подбора. Резюмируя научное значеніе Романеса, г. Мензбиръ признаетъ за нимъ огромную заслугу въ приложеніи эволюціоннаго ученія къ человѣку—пунять, на который чаще всего направляются удары антидарвинистовъ.

Г. С. Шахъ въ общихъ чертахъ излагаетъ полемику между Чичеринымъ и Шиповымъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Авторъ поддерживаетъ главныя положенія Шипова, изложенныя имъ въ особой брошюрѣ и сводящіяся къ слѣдующему: губернскимъ земствамъ должна принадлежать руководящая и объединяющая роль въ земской дѣятельности, предварительная разработка вопросовъ и выработка системы и планы дѣйствій, и регулированіе земскихъ средствъ, т. е. наблюденіе за болѣе равномернымъ распредѣленіемъ какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгодъ между отдѣльными уѣздами. Шиповъ исходитъ изъ такого опредѣленія губернскаго земства, что оно есть союзъ населенія всей губерніи для удовлетворенія общихъ хозяйственныхъ нуждъ, а Чичеринъ держится мнѣнія, что губернское земство есть союзъ уѣздныхъ земствъ для завѣдыванія дѣлами, требующими совокупнаго управленія, а удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ населенія принадлежитъ исключительно уѣзднымъ земствамъ. Такъ, Чичеринъ устанавливаетъ особыя категоріи дѣлъ, подлежащихъ компетенціи губернскаго и уѣзднаго земства, между тѣмъ какъ Шиповъ настаиваетъ на совместной работѣ земствъ съ раздѣленіемъ не дѣлъ, а лишь труда. Въ направляющей роли губернскихъ земствъ Чичеринъ видитъ бюрократическія тенденціи, вредную для самостоятельности уѣздовъ регламентацію. Между тѣмъ Шиповъ далекъ отъ мысли стѣснить самоуправленіе бюрократической опекой: по его плану, инициатива возбужденія вопросовъ должна исходить отъ уѣздныхъ земствъ, затѣмъ выработанныя губернскимъ земствомъ правила и рѣшенія должны быть переданы на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній. Опасность бюрократизма грозитъ совсѣмъ съ другой стороны: уѣздныя земскія собранія собираются только разъ въ годъ, поэтому текущія дѣла и ввѣе возникающіе спѣшные вопросы рѣшаются земскими управами произвольно.

Въ параллель къ этой статѣ въ «Внутреннемъ обозрѣніи» сообщается о судьбѣ вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ земствъ на послѣднемъ московскомъ губернскомъ собраніи. Докладъ комиссіи, посвященный этому вопросу, предлагаетъ разрѣшить его въ духѣ Шипова; докладъ вызвалъ оживленныя пренія и въ заключеніе поставленъ былъ на баллотировку вопросъ: разсматривать ли докладъ немедленно въ собраніи, или передать на предварительное обсужденіе уѣздныхъ земствъ. Голоса раздѣлились поровну, и голосъ предсѣателя далъ перевѣсъ послѣднему рѣшенію.

«Вѣстникъ Европы», мартъ. {Г-жа А. Ефименко принадлежитъ талантливый очеркъ: «Ботларевскій въ исторической обстановкѣ», написанный по поводу открытія въ Полтавѣ памятника Ботларевскому. Такъ какъ біографическихъ свѣдѣній о дѣтствѣ писателя нѣтъ, г-жа Ефименко, взявъ того, яркими красками набрасываетъ историческую картину положенія Малороссіи при Екатеринѣ (Ботларевскій родился въ 1767 году). Послѣ короткаго періода либеральной терпимости, Екатерина приняла цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ для ассимиляціи казацкаго края съ остальной имперіей, а чтобы парализовать недовольство и протестъ, казацкой старшинѣ даны были права дворянства. Въ такому новому дворянству принадлежала и семья Ботларевскаго. Простота нравовъ и демократическій складъ жизни сохранялись въ этой средѣ еще пока во всей чистотѣ. Но скоро націоналистическая правительственная политика смаяла мѣстныя особенности. Орудіемъ ея явилось высшее духовенство, которое прежде всего принялось за преобразование школы; малорусскій языкъ былъ изгнанъ, и вмѣсто школьныхъ драмъ, виршей и кантъ, въ школахъ водворился Ломоносовъ со своими одами. Ботларевскій учился въ семинаріи, уже когда въ ней царилъ новый духъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ не пошелъ по слѣдамъ своихъ земляковъ — Хераскова, Вапниста и Гнѣдича, а остался вѣренъ малорусскому языку и родной дѣятельности. Источникомъ того неподражаемаго юмора,

который мы находимъ въ его «Перелицовой Энеидѣ», послужили «орациі» — вирши, предназначенныя для декламации; онъ внушилъ Котляревскому то своеобразное сочетаніе высокаго съ простонароднымъ, которое такъ роднитъ «Энеиду» съ малорусскимъ народнымъ творчествомъ. Позднѣйшія произведенія («Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чарівникъ») принадлежатъ уже другому періоду. Ново-пожалованное малорусское дворянство обнаружило большую готовность идти по пути отрѣшенія отъ своей народности, вмѣстѣ съ языкомъ перемѣнило нравы и интересы; это привело глубокую борозду между дворянствомъ и крестьянствомъ; крѣпостное право, съ своей стороны, помогло еще большому раздѣленію сословій. При такомъ положеніи дѣлъ писателю, любящему свой народъ, «надо было стучаться въ умы и сердца своихъ привилегированныхъ собратьевъ, чтобы высвѣтать изъ этой глухой и черствой среды искры сочувствія къ народу, надо было не дать имъ забыть, что народъ созданъ по тому же образу и подобию. Мало того: надо было и внѣшнему міру показать, какія сокровища общечеловѣческаго значенія укрываются въ малорусской народности: богатый и гибкій языкъ, своеобразныя бытовые формы, несравненная поэзія итѣсноваго творчества. И Котляревскій сдѣлалъ все это... Онъ есть дѣйствительно «первый представитель малорусской народности», а «Энеида» — первая попытка ввести малорусскій языкъ въ цѣль языковъ литературныхъ.

Г. С. И. Р — *тэ* даетъ историческій обзоръ колоніальной политики Англіи. Характерной чертой этой политики онъ считаетъ отсутствіе опредѣленнаго стремленія къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ и систематическаго плана ихъ. Обширныя территоріи переходили въ руки Англіи по разнымъ случайнымъ причинамъ и по инициативѣ частныхъ лицъ, правительство лишь шло за ними. Такъ были пріобрѣтены Сѣв. Америка, Австралія, Индія; такъ дѣло идетъ и теперь. Но въ вопросѣ объ отношеніи къ колоніямъ, ихъ управленію и эксплуатаціи можно отмѣчать нѣсколько фазисовъ. Въ первый періодъ Англія смотрѣла на колоніи исключительно какъ на источникъ доходовъ; ея политика по отношенію къ нимъ заключалась въ покровительствѣ добывающей промышленности, съ цѣлью получать сырье, и въ стѣсненіяхъ обрабатывающей промышленности, съ цѣлью снабжать колоніи своими собственными фабрикатами. Послѣ отпаденія Соединенныхъ Штатовъ наступаетъ поворотъ въ колоніальной политикѣ. Тяжелый опытъ показалъ, что алчная эксплуатація не можетъ практиковаться, а въ такомъ случаѣ колоніи являлись ненужными, разорительной обузой; поэтому онѣ были всецѣло предоставлены самимъ себѣ, метрополія не вмѣшивалась въ ихъ дѣла и ничего отъ нихъ не требовала, и сами колоніи, въ свою очередь, ничего не требовали отъ метрополіи. Но такая пассивная политика мѣняется съ конца 70-хъ годовъ, подъ влияніемъ завоевательныхъ стремленій другихъ государствъ. Англіискія владѣнія, какъ наиболее богатые и населенныя, возбуждаютъ зависть въ державахъ, ищущихъ рынковъ. Англія находитъ нужнымъ вступить въ болѣе тѣсную связь съ своими колоніями, въ формѣ «имперской федераціи», т. е. союза равноправныхъ членовъ. Для выясненія этого направленія въ политикѣ очень много сдѣлала книга проф. Сили (Seeley) «Расширеніе Англіи», вышедшая въ 1883 году. Англія, по словамъ Сили, должна укрѣпить свою связь съ колоніями, чтобы противостоять натиску двухъ огромныхъ, все расширяющихся государствъ — Россіи и Американскихъ Штатовъ, между которыми она лежитъ. Для пропаганды идеи федераціи выступила обширная «лага имперской федераціи», но, вслѣдствіе разногубія во мнѣніяхъ, ей не удалось выработать опредѣленнаго плана федераціи и она закрылась. Тогда федеративное движеніе пошло отъ самихъ колоній, которыя стремятся войти въ составъ британской имперіи, ради торговыхъ и политическихъ выгодъ. Но есть у федераціи и безкорыстные защитники, вродѣ Киплинга, которые увлекаются грандіозностью самой идеи. Имперская солидарность создается мало-по-малу, отдѣльными част-

ными мѣрами, безъ широкихъ плановъ; такъ, въ судебный комитетъ тайнаго совѣта, высшую апелляціонную инстанцію для всей имперіи, включены судьи изъ колоній; въ случаѣ войны колоніи посылаютъ теперь англичанамъ вспомогательные отряды. Какъ иллюстрацію этого федеративнаго движенія авторъ приводитъ трансваальскую войну. Инициаторомъ войны былъ Сесиль Родсъ, представитель Капской колоніи, вождь огромной мѣстной политической партіи, стремящейся образовать южно-африканскую федерацію съ включеніемъ Оранжевой и Трансваальской республикъ, ради промышленныхъ и торговыхъ цѣлей. Чемберленъ только пошелъ навстрѣчу этимъ стремленіямъ.

Въ «Иностранномъ обозрѣніи» приводятся возраженія и фактическія опроверженія главныхъ тезисовъ предыдущей статьи. Активная роль англійскаго правительства въ возбужденіи настоящей войны не подлежитъ сомнѣнію и доказывается документами. Отсутствие плана и цѣлей въ колоніальныхъ захватахъ Англій опровергается, напр., недавней суданской экспедиціей, въ которой преслѣдовалась очень планомѣрная колоніальная политика.

«Внутреннее обозрѣніе» занимается вопросомъ о предѣльности земскаго обложенія и о фиксаціи земскихъ расходовъ. Что касается перваго вопроса, въ принципѣ ничего нельзя возразить противъ него; но максимальныя нормы обложенія недвижимыхъ имуществъ должны основываться на точной оцѣнкѣ имуществъ. Такая оцѣнка только теперь у насъ производится. Кромѣ того, съ назначеніемъ высшаго размѣра платежей необходимо открыть для земствъ новые источники доходовъ для расширенія ихъ дѣятельности; тогда предѣльность обложенія не будетъ служить тормазомъ для развитія земскаго дѣла. Фиксація земскихъ расходовъ, т.-е. укрѣпленіе земскаго бюджета на той случайной цифрѣ, на которой застанетъ его эта мѣра, могла бы имѣть только временный характеръ, пока не будетъ закончена оцѣнка имуществъ и введена предѣльность обложенія; но и въ такомъ видѣ ея нельзя одобрить. Наши земства далеко не въ одинаковой степени удовлетворяютъ нужды населенія, что видно изъ того, что одни земства при высокой доходности имуществъ расходуютъ ничтожную сумму (напр., при облагаемой цѣнности въ 93 рубля на человѣка, расходуются лишь 84 коп. на человѣка), очевидно, они отстали и для благосостоянія края должны увеличить свои расходы; между-тѣмъ фиксація расходовъ остановитъ ростъ затратъ и, слѣдовательно, развитіе земскаго хозяйства. Другія земства (съ отношеніемъ 5 р. 44 к. облагаемой доходности и 94 к. расходовъ на человѣка) уже сами довели свои расходы до высшей нормы, дальше которой и безъ того не пойдутъ. Фиксація расходовъ мотивируется также необходимостью остановить ихъ ростъ, пока онъ еще не достигъ чрезвычайной высоты, ибо предупредить возрастаніе расходовъ легче, чѣмъ возвращаться назадъ съ достигнутаго пункта. Но въ этомъ нѣтъ никакой надобности, такъ какъ противодѣйствовать чрезмѣрности земскихъ расходовъ всегда можетъ губернаторъ своимъ протестомъ. Что касается утвержденія земской смѣты министромъ взаимнѣ права протеста со стороны губернатора, эта мѣра будетъ въ корнѣ парализовать земскую дѣятельность, подрывать увѣренность и энергію, лишая земскія рѣшенія всякой силы и самостоятельности. Такимъ образомъ, каждый новый расходъ на мѣстныя нужды будетъ подвергаться разсмотрѣнію въ столицѣ, земства попадутъ подъ опеку, и можно предположить, что одни предметы расходовъ, напр., ассигновки на устройство дорогъ, будутъ пользоваться одобреніемъ, другіе, какъ, напр., ассигновки на новыя земскія школы, будутъ задерживаться при фиксаціи смѣты. Нѣкоторый выходъ для расширенія земской дѣятельности предполагается дать сложеніемъ съ земства нѣкоторыхъ расходовъ, шедшихъ на общегосударственныя потребности, и обращеніе этихъ средствъ въ свободное, безконтрольное распоряженіе земствъ. Но этотъ источникъ даетъ слишкомъ ничтожныя суммы (не болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ земскихъ расходовъ), которыя

ни въ какомъ случаѣ не могутъ смягчить силу удара, нанесеннаго земскому хозяйству фиксаціей расходовъ. Фиксація смѣтъ проводится какъ временная мѣра—до завершения оцѣнки имущества, но предполагаемый срокъ (1904—1905 г.) и самъ по себѣ не близокъ, да и можетъ затянуться на неопредѣленное время, въ виду сложности дѣла. А пока—всякая жизнь въ земствахъ заглохнетъ...

«Жизнь», январь — февраль. Двѣ первыя книжки «Жизни» не особенно богаты серьезными статьями, — и тѣ, которыя есть, — не всѣ доступны среднему читателю. Но въ большой части этихъ статей чувствуется свѣжее усиліе мысли—найти новый путь къ рѣшенію вопросовъ, которые всѣхъ волнуютъ; статьи имѣютъ симптоматическое значеніе, — и въ этомъ смыслѣ найдутъ своихъ читателей, несмотря на трудность и отвлеченность изложенія, несмотря на нѣкоторую сбивчивость и неясность, — черты, неразлучно связанные съ исканіемъ новыхъ путей въ вопросахъ, въ высшей степени сложныхъ.

Борьба недавнихъ союзниковъ и единомышленниковъ за и противъ соединявшаго ихъ «ортодоксальнаго» пониманія извѣстныхъ экономическихъ вопросовъ—есть первое, что интересуется читающую публику въ молодомъ журналѣ. Мы читали раньше энергическій протестъ г. Струве «противъ ортодоксіи»; теперь мы читаемъ статью «въ защиту ортодоксіи» другого сотрудника журнала, г. П. Маслова. Въ вновь выступившимъ противникамъ ортодоксіи г. Масловъ относится очень иронически. «Суда по количеству попытокъ «поправить» теорію цѣнности Маркса,—замѣчаетъ онъ,—требовалось бы очень много мѣста для того, чтобы защитить эту теорію отъ столькихъ поправокъ, если бы такую задачу «ортодоксіи» не облегчили сами авторы... Каждый, дѣлая поправки, отклоняясь отъ ортодоксіи, уничтожалъ отклоненія и поправки другого. Отъ всѣхъ «открытій» осталось очень мало, если не считать предложенія г. Струве—упразднить теорію прибавочной цѣнности—«парадокса», который остался нетронутымъ, потому что изслѣдованіе по этому вопросу имъ еще не написано. Поэтому главнѣйшей заслугой экономистовъ при обсужденіи вопроса о цѣнности приходится признать успѣшное опроверженіе заблужденій другъ друга». Авторъ «соглашается вполнѣ съ заявленіями гг. Струве и Туганъ-Барановскаго, что нуженъ критическій пересмотръ теоріи Маркса и дальнѣйшее ея развитіе». Но, по его словамъ, «совершенно нельзя согласиться съ характеромъ пересмотра, принятымъ этими авторами. Въмѣсто развитія положеній теоріи Маркса и поправокъ тѣхъ изъ нихъ, которыя входятъ въ область обсуждаемаго вопроса и мѣшаютъ дальнѣйшему развитію теоріи,—критики съ легкимъ сердцемъ отбрасываютъ установленныя положенія, даже не входя въ обсужденіе этихъ положеній и ничѣмъ этого не обосновывая. Противники теоріи Маркса въ этомъ смыслѣ болѣе «вѣжливы» къ ней, чѣмъ критики-марксисты». Авторъ заключаетъ свою статью слѣдующимъ образомъ. «Бритическаго настроенія въ экономической литературѣ чувствуется даже избытокъ. Такое настроеніе является передъ критикой. Будемъ надѣяться, что появится и критика».

Какъ бы отвѣчая на эти надежды и упреки г. Маслова, П. Б. Струве въ слѣдующей книжкѣ печатаетъ отрывокъ изъ своего «въ большой части уже написаннаго критическаго изслѣдованія о цѣнности и цѣнѣ». Въ этомъ отрывкѣ онъ разбираетъ коренной спорный вопросъ «ортодоксіи» и ея противниковъ: то, что онъ называетъ «основной антиноміей теоріи трудовой цѣнности». Эта «антиномія» или противорѣчіе заключается, по мнѣнію критика, въ слѣдующемъ. Какъ извѣстно, по теоріи Маркса, такъ называемая «прибавочная стоимость»—вновь создаваемая въ процессѣ производства—создается исключительно живымъ трудомъ. Слѣдовательно, чѣмъ въ какомъ-либо предпріятіи больше затрачивается денегъ въ мертвыя средства производства: машины, зданія и т. п. («постоянный капиталъ» по Марксу) и чѣмъ меньшая доля приходится на оплату собственно

труда («переменный капитал»),—тѣмъ меньше будетъ создаваться этимъ трудомъ и прибавочной стоимости—по отношенію ко *всему* затраченному на предпріятіе капиталу. Другими словами, доходность и производительность предпріятія падаетъ, по мѣрѣ того какъ постоянный капиталъ увеличивается насчетъ переменнаго. Но вѣдь, съ другой стороны, увеличеніе постояннаго капитала (напримѣръ, заѣтна рабочихъ машинами) имѣетъ цѣлю, какъ разъ, *увеличеніе* производительности общественнаго труда. Выходитъ нелѣпость: производительность общественнаго труда одновременно и падаетъ, и повышается по отношенію къ совокупному общественному капиталу. Эта нелѣпость—логически вытекаетъ изъ положенія, что прибавочная цѣнность (прибавочный продуктъ) создается живымъ общественнымъ трудомъ. Очевидно, въ дѣйствительности, прибавочный продуктъ создается *не только* живымъ трудомъ; авторъ рѣшается даже утверждать, что *«ростъ прибавочнаго продукта зависитъ въ гораздо большей мѣрѣ отъ роста постояннаго капитала, чѣмъ отъ роста переменнаго капитала»*. Таковъ выходъ изъ «антиноміи», предлагаемый г. Струве. «Насколько я вижу,—такъ характеризуетъ самъ авторъ представляемое имъ направленіе,—наше критическое направленіе сознательно возвращается къ острожному реализму Рикардо, пытаюсь въ то же время связать его съ тѣми крупными пріобрѣтеніями, которыми экономическая наука обязана Госсену, Вальрасу, Девонсу и австрійской школѣ въ лицѣ Менгера, Визера и Бемъ-Баверка. Вставить такую реалистическую теорію экономическихъ явленій въ широкую и грандіозную рамку социологическихъ обобщеній Маркса—постановка такой задачи, думается мнѣ, уже сама по себѣ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Закрывать просто глаза на такъ называемую «буржуазную» критику ученія Маркса и заниматься его повтореніемъ и перефразировкой оказывалось до сихъ поръ не только бесполезнымъ, но даже и вреднымъ. Благодаря этой тактикѣ, дѣйствительное развитіе и истолкованіе экономическаго ученія Маркса перешло въ руки «буржуазныхъ» экономистовъ; блестящіе примѣры тому—Лексисъ и Зомбартъ».

Обращаетъ на себя вниманіе статья г. А. Гуревича: «Къ теоріи познанія». Авторъ стремится устранить вовсе изъ философіи понятіе «непознаваемаго». Часть того содержанія, которое вводится обыкновенно въ это понятіе, по мнѣнію автора, должна быть перенесена въ область—«имѣющаго быть познаннымъ» при дальнѣйшемъ развитіи науки (сюда, напримѣръ, относится вопросъ объ отношеніи челоуѣка къ органической природѣ). Другая часть подобныхъ вопросовъ должна быть отнесена къ области неразрѣшимыхъ, но не потому, чтобы эти вопросы были недоступны нашему познанію, а просто потому, что они поставлены неправильно или самая постановка ихъ незаконна, какъ незаконно было бы добиваться рѣшенія квадратуры круга или открытія *perpetuum mobile*. Однако, самое упорство, съ которымъ люди продолжаютъ ставить неразрѣшимые метафизическіе и религіозные вопросы, заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ духѣ Канта, но безъ его метафизической задней мысли, авторъ находитъ объясненіе этому упорству въ томъ, что «совокупность проблемъ, долженствующихъ быть признанными неразрѣшимыми, *совпадаетъ съ нравственнымъ идеаломъ*». Такимъ образомъ, понятіе познаваемаго изъ области теоретической мысли должно быть перенесено въ область практической нравственной дѣятельности: здѣсь оно получаетъ совершенно новый смыслъ. Непознаваемое превращается въ *недостижимое*: въ безусловный нравственный, умственный и эстетическій идеалъ, который «научная философія не признаетъ ни реальнымъ, ни въ будущемъ осуществимымъ», но который она ставитъ «нормой всякой дѣятельности», какъ «безконечное совершенствованіе, безконечное *стремленіе* къ идеалу».

Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ дѣятельность критика «Жизни», г. Андреевича. Въ январской книжкѣ онъ съ такими очевидными усиліями добрался до

конца своей переопиленной цитатами и механическими переходами от предмета къ предмету статьи, что читателю, навѣрное, становилось его жаль и думалось: зачѣмъ только мучить челоуѣкъ и себя, и другихъ? Ну, нечего сказать,—и молчалъ бы лучше! Не только первый «блинъ», но и второй, пользуясь собственнымъ выраженіемъ критика о себѣ, вышелъ «комомъ». Третій блинъ былъ, правда, нѣсколько лучше, хотя и тутъ настойчивое желаніе объяснить психику Льва Толстого его «барствомъ»—слишкомъ напоминаетъ упражненія въ томъ же родѣ г. Е. Соловьева въ прошлогоднихъ книжкахъ журнала надъ писателями «семидесятихъ годовъ».

«Историческій Вѣстникъ», мартъ. Г. Д. Миллеръ рассказываетъ объ арестѣ и ссылкѣ В. Н. Каразина, основателя харьковскаго университета. Это было въ октябрѣ 1820 года, когда вспыхнулъ бунтъ въ Семеновскомъ полку и немедленно былъ подавленъ, а виновные засажены въ рavelины Петропавловской крѣпости. Въ это время во дворѣ преобразенскихъ казармъ былъ подкинутъ пасквиль, «коиимъ полкъ преобразенскій вызывается быть возстать на защиту и освобожденіе сослуживцевъ своихъ». Прокламація оканчивалась призывомъ къ возстанію и носила подпись: «любитель отечества и сострадатель несчастныхъ. Единоземецъ». Подозрѣніе въ составленіи прокламаціи пало на Каразина, который въ это время случайно находился въ Петербургѣ, «былъ извѣстенъ правящимъ сферамъ по дѣлому ряду писемъ, проектовъ, докладныхъ записокъ». Въ какой степени основательно было заподозрить Каразина, можно судить по содержанію его записокъ; наприимѣръ, въ одномъ письмѣ онъ жалуется на «вольность стихотворцевъ», въ другой разъ въ пустой безграмотной бумажонкѣ онъ видитъ призывъ къ возмущенію и горюетъ о недостаточной бдительности чяовникоу. Но за нимъ была репутація «безпокойнаго», почеркъ прокламаціи, ровный и прямой, напоминалъ его почеркъ, и въ результатѣ изъ Тропнау, гдѣ находился въ то время императоръ Александръ I, былъ присланъ курьеръ съ приказомъ объ арестѣ Каразина. Любопытно, что распорядившійся объ арестѣ Каразина и изслѣдовавшій его бумаги Кочубей самъ былъ увѣренъ, что Каразинъ не авторъ пасквиля, и писалъ объ этомъ государю; тѣмъ не менѣе Каразинъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ Шлиссельбургской крѣпости, а затѣмъ сосланъ былъ въ свое харьковское помѣстье безъ права выѣзда. Только въ новое царствованіе, въ октябрѣ 1826 г., слѣдовательно, черезъ 6 лѣтъ, была снята съ него оуала.

З а г р а н и ц е й .

Въ Германіи. Никогда еще въ стѣнахъ германскаго рейхстага не происходило такихъ бурныхъ преній, какими ознаменовалось третье чтеніе такъ называемаго «законопроекта Гейнце», направленаго противъ безнравственности и порока. Этотъ законопроектъ, наванный именемъ Гейнце, прославившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ своимъ бракоразводнымъ процессомъ, благодаря которому раскрылись нравы берлинскихъ трущобъ, возбудилъ настоящую бурю въ обществѣ и печати. Тотчасъ же вслѣдъ за процессомъ Гейнце, по требованію императора Вильгельма, министерство предложило рядъ энергичныхъ мѣръ для борьбы съ публичною безнравственностью, но дальше этого дѣло не пошло и вопросъ оставался на очереди въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но теперь клерикалы и консерваторы вздумали снова вытащить изъ-подъ спуда пресловутый lex Heinze, главнымъ образомъ для того, чтобы съ его помощью захватить въ

свои руки литературу и искусство, такъ какъ въ законопроектѣ этомъ заключаются статьи, въ которыхъ говорится о вредномъ влияніи на добрые нравы некоторыхъ произведеній литературы и искусства. Борьба съ безнравственными субъектами, вроде Гейнце, отнынѣ сдѣлавшагося знаменитостью, и съ разными видами порока, совершенно отошла на второй планъ, а на первый выступила необходимость наложить узду на современную литературу и современное искусство. Къ существующимъ параграфамъ закона Гейнце была присоединена новая статья о наказаніи лицъ, которые будутъ предлагать или продавать юношамъ моложе 18 лѣтъ произведенія литературы и искусства, хотя и не безнравственныя сами по себѣ, но тѣмъ не менѣе оскорбляющія чувство стыдливости. Наказаніе полагалось строгое: до шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія или штрафъ. Такому же наказанію должны были подвергаться и тѣ, кто выставляетъ подобныя произведенія, оскорбляющія чувство стыдливости у лицъ моложе 18 лѣтъ, въ публичныхъ мѣстахъ и т. д. Еще болѣе сурово относится законъ къ театральнымъ произведеніямъ, причѣмъ одинаково привлекаются къ отвѣтственности и директоръ театра, и авторъ, и актеры, исполняющіе его произведеніе. Такимъ образомъ, lex Heinze превратился въ орудіе борьбы съ современнымъ искусствомъ и литературой, и естественно долженъ былъ возбудить энергичный отпоръ въ германскомъ обществѣ.

Законопроектъ въ своемъ обновленномъ видѣ благополучно миновалъ первое и второе чтеніе, но во время третьяго чтенія борьба загорѣлась не на шутку. Оппозиція прибѣгла даже къ обструкціи—примѣръ небывалый въ стѣнахъ германскаго рейхстага. Одновременно съ этимъ въ Берлинѣ, въ Мюнхенѣ и разныхъ другихъ городахъ устраивались митинги протеста, причѣмъ противъ постановленій пресловутаго законопроекта, относящихся къ литературѣ и искусству, высказались самымъ рѣшительнымъ образомъ такіе почтенные люди, какъ проф. Моммзенъ, проф. Бегасъ и др. Особенно много шума надѣлалъ митингъ, состоявшійся въ Берлинѣ, на которомъ Зудерманъ сказалъ рѣчь, направленную противъ законопроекта. Онъ сравнилъ этотъ законопроектъ съ розгой, которая повѣшена надъ литературой и искусствомъ и во всякое время готова наказывать виновныхъ. Но больше всего эта розга грозитъ драматической литературѣ. «Прежде,—сказалъ Зудерманъ,—когда драматическіе писатели изображали съ одной стороны злодѣевъ, а съ другой—добродѣтельныхъ людей, полицейскимъ стражамъ, блюстителямъ нравственности, конечно, не трудно было бы справиться съ такой задачей. Но теперь эта задача стала труднѣе и сложнѣе, такъ какъ на сценѣ не можетъ быть такихъ крайнихъ типовъ,—и въ образахъ, изображаемыхъ писателями, добро и зло сплетаются вмѣстѣ. Какъ же разрѣшать блюстители нравственности такую сложную задачу? Мнѣ очень пріятно убѣдиться, что у нашихъ полицейскихъ, отставныхъ сержантовъ, чувство стыдливости столь же развито, какъ и у молодыхъ пансіонерокъ, такъ какъ иначе они вѣдь не могли бы правильно судить о томъ, что оскорбляетъ это чувство! Теперь на сценѣ все будетъ чинно и благородно, будутъ произноситься патристическія фразы, и передъ нашими глазами пройдутъ цѣлыя галлерен предковъ. На сценѣ будутъ фигурировать герои и добродѣтельныя герцогини и княгини. Что же касается соціальной драмы, то она появится на сценѣ лишь въ видѣ контраста и чтобы дать возможность добродѣтельному пастору или ландрату успокоить вспышки бурной толпы!»

Собраніе приняло единогласно резолюцію, заявляющую, что lex Heinze включаетъ въ себѣ угрозу развитію нѣмецкой литературы и искусства и его постановленія недостойны цивилизованнаго народа. Резолюція указываетъ, кромѣ того, на возможность произвольныхъ толкованій законопроекта, унижительныхъ для дѣятелей литературы и совершенно бессмысленныхъ съ точки зрѣнія повышения уровня нравственности.

Агитація въ обществѣ и въ печати и обструкція въ парламентѣ сдѣлала все-таки свое дѣло. Несмотря на всѣ старанія клерикаловъ и консерваторовъ, имъ не удалось добиться голосованія проекта. Въ послѣднемъ засѣданіи, когда должно было произойти голосованіе, не оказалось quorum'a, такъ какъ присутствовало всего 172 члена, а нужно было 197. Начались шумныя пререканія, сторонники проекта настаивали на голосованіи, и шумъ достигъ такой степени, что графъ Галлестремъ нѣсколько разъ грозилъ закрыть засѣданіе. Когда шумъ улегся, то графъ Галлестремъ заявилъ, что, къ сожалѣнію законопроектъ долженъ быть снятъ съ очереди, такъ какъ по правиламъ пренія о бюджетѣ должны быть окончены къ 1-му апрѣлю, и поэтому слѣдующія засѣданія рейхстага должны быть посвящены бюджету. Пресловутый законопроектъ появится на сценѣ, слѣдовательно, не раньше, какъ послѣ Пасхи, — а, можетъ, и вовсе не появится болѣе.

Кромѣ lex Heinze, такъ волнующаго германское общество, въ послѣднее время скопилось нѣсколько фактовъ германской общественной жизни, вызвавшихъ также страстную полемику въ печати. Къ числу такихъ фактовъ принадлежатъ дѣло приватъ-доцента Аронса и дѣло профессора Нейссера. Дѣло Аронса тянется съ прошлаго года. Аронсъ пользуется извѣстностью, какъ молодой ученый, и былъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ Гельмгольца. Въ университетѣ Аронсъ читалъ лекціи по электричеству и интегральному численію, но въ политикѣ онъ придерживался взглядовъ партіи социалистовъ и не скрывалъ этого. Прусское министерство нашло это несомнѣственнымъ съ званіемъ профессора и, несмотря на постановленіе факультета, который не нашелъ возможнымъ лишить кафедры молодого ученаго только за принадлежность къ извѣстной политической партіи, министерство все-таки отставило его отъ должности, заявивъ, что считаетъ его недостойнымъ довѣрія, которое необходимо для преподавателя университета.

Такое пренебреженіе къ мнѣнію факультета не могло не вызвать негодованія въ лучшей части берлинскаго общества и печати. Даже нѣкоторыя консервативныя и патріотическія газеты нашли, что министерство въ данномъ случаѣ хватало черезъ край, приравнявъ профессоровъ университета къ должностнымъ лицамъ администраціи, которыхъ можно за политическіе взгляды увольнять отъ занимаемыхъ ими должностей.

Другой фактъ, взволновавшій берлинское общество, — это дѣло профессора Нейссера, давшее поводъ къ преніямъ въ прусской палатѣ. Профессоръ Нейссеръ, директоръ клиники въ Бреславлѣ, медицинское свѣтило, производилъ, какъ оказывается, разные научные эксперименты надъ живыми людьми въ своей клиникѣ. Не видя ничего предосудительнаго въ своихъ научныхъ экспериментахъ, онъ даже опубликовалъ свои опыты въ одномъ изъ спеціальныхъ медицинскихъ журналовъ. Такъ какъ опыты эти были произведены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то, въ силу давности, профессоръ Нейссеръ не можетъ быть привлеченъ къ суду, но это повело къ цѣлому ряду разоблаченій того, что вообще творится во многихъ клиникахъ и больницахъ, и даю поводъ клерикаламъ заговорить о необходимости обузданія науки. Въ защиту науки и врачей, которые въ данномъ случаѣ, главнымъ образомъ, подвергались нападкамъ, выступилъ старикъ Вирховъ. Онъ старался доказать въ своей рѣчи, что Нейссеръ, какъ и всякій другой врачъ, охваченный научнымъ рвеніемъ, могъ дѣйствовать подъ вліяніемъ совершенно чистыхъ побужденій. По его словамъ, опыты надъ живыми людьми вовсе не представляютъ такого ужаснаго и такого рѣдкаго явленія, какъ это принято думать. Вирховъ напомнилъ о знаменитомъ туберкулинѣ Коха. Вѣдь это также былъ опытъ и притомъ не безопасный, но какъ только разнеслась вѣсть объ открытіи Коха, то тысячи больныхъ стали молить, чтобы имъ сдѣлали прививку. Значить, суть дѣла заключается

не въ опытахъ надъ людьми, но въ томъ, что они производились безъ ихъ вѣдома и согласія.

Вирховъ въ особенноти настаивалъ на томъ, что нельзя произносить на основаніи такихъ единичныхъ фактовъ приговора надъ всею медициною или надъ извѣстнымъ научнымъ методомъ. Рѣчь Вирхова была выслушана съ большимъ вниманіемъ и почтеніемъ, но престарѣлый ученый видѣлъ все-таки, что онъ не убѣдилъ свою аудиторію и, по всей вѣроятности, Нейссеръ поплатится за свое чрезмѣрное увлеченіе наукой тѣмъ, что ему все-таки придется лишиться катедры и занимаемой имъ должности директора клиники.

Въ рейхстагъ снова поступила петиція о допущеніи женщинъ въ германскіе университеты на правахъ студентовъ, а не въ качествѣ слушательницъ, которымъ снисходительно разрѣшается присутствовать на лекціяхъ, но не дается при этомъ никакихъ правъ. Женщины желаютъ, чтобы имъ было дозволено держать государственные экзамены, открывающіе доступъ къ либеральнымъ профессіямъ. Въ особенноти же это нужно женщинамъ-врачамъ, которыя, благодаря тому, что ихъ не допускаютъ къ государственному экзамену, юридически не считаются врачами въ Германіи и по положенію своему стоятъ чуть ли не на одной ступени съ заварками и т. п. Къ стыду ихъ коллегъ мужчинъ-врачей приходится сказать, что они иногда пользуются своимъ привилегированнымъ положеніемъ и еще недавно одно медицинское общество потребовало исключенія трехъ женщинъ-врачей изъ списка врачей, заключившихъ договоръ съ обществомъ прикащиковъ, на томъ основаніи, что онѣ — «не врачи». Такъ какъ требованіе это опиралось на законъ, то, разумѣется, оно было исполнено.

Несмотря, однако, на то, что въ германскомъ обществѣ многіе сознаютъ несправедливость такого отношенія къ женщинамъ-врачамъ и на то, что въ рейхстагѣ находится не мало сторонниковъ женщинъ, даже среди католическаго центра, — тѣмъ не менѣе, старинныя германскія традиціи одержали верхъ во время голосованія и рейхстагъ перешелъ къ очереднымъ вопросамъ.

Нѣмецкія газеты очень много говорятъ о праздникѣ, устроенномъ соединенными женскими обществами въ залѣ филармоническаго общества въ Берлинѣ. На этомъ праздникѣ присутствовало до 3.000 женщинъ, принадлежащихъ къ міру искусства, науки и литературы, но не былъ допущенъ ни одинъ мужчина. Это фактъ — небывалый въ нѣмецкихъ странахъ, и поэтому онъ обратилъ на себя особенное вниманіе; многіе изъ приверженцевъ старинныхъ германскихъ традицій увидѣли въ этомъ опасный признакъ приближающейся окончателной эмансипаціи германской женщины.

Работа дѣтей въ копяхъ.—Событія общественной жизни въ Англии. Вопросъ о работѣ дѣтей въ рудникахъ представляетъ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ англійскаго законодательства. Онъ уже нѣсколько разъ возбуждался въ англійскомъ парламентѣ и даже была рѣчь о полномъ воспрещеніи отправлять дѣтей на подземную работу. Было время, когда въ рудники посылались дѣти съ шестилѣтняго возраста, и находились люди, среди англійскихъ лордовъ, доказывавшіе, что «нѣтъ болѣе здороваго мѣста какъ рудники» и, слѣдовательно, гораздо полезнѣе посылать дѣтей туда, нежели отправлять ихъ на фабрику. Теперь взгляды на это дѣло измѣнились, и законный возрастъ для такой работы установленъ двѣнадцатилѣтній. Но въ послѣднее время въ англійской печати возникла очень сильная агитація въ пользу повышенія этого возраста до 13-ти лѣтъ. Въ «Daily News» въ теченіе долгаго времени печатался рядъ статей, подъ заглавіемъ «The cry of the Children», гдѣ описывалась работа дѣтей въ рудникахъ. Корреспондентъ этой газеты посѣтилъ всѣ главные копи, спустился въ шахты и бесѣдовалъ съ маленькими рабочими, проводящими иногда по 9—10 часовъ подъ землей. Картины, которыя онъ развѣтываетъ передъ глазами чи-

тателей, способны внушить содроганіе и глубокую жалость къ участи подростковъ, осужденныхъ на такой тяжелый трудъ. Всѣ они, впрочемъ, относились съ удивительною покорностью къ своей судьбѣ. Ихъ отцы и дѣды работали въ копахъ съ младенческаго возраста, слѣдовательно и они должны также работать. Такія разсужденія они не разъ слышали дома и нѣкоторые изъ мальчиковъ разсказывали англійскому журналисту, что они съ нетерпѣніемъ ждали момента, когда имъ можно будетъ спуститься въ шахту вмѣстѣ съ отцомъ и братьями и они будутъ зарабатывать деньги. Всѣ такъ привыкли къ такому порядку вещей, что никому въ деревнѣ рудокоповъ и въ голову не приходило противиться этому. Какъ только мальчугану исполняется 12 лѣтъ, его назначаютъ на какую-нибудь изъ болѣе легкихъ сравнительно должностей въ шахтѣ, и съ этого времени онъ уже большую часть своей жизни проводитъ подъ землею. «Можно ли представить себѣ,—говоритъ корреспондентъ,—что-нибудь ужаснѣе того одиночества, на которое осужденъ двѣнадцатилѣтній ребенокъ, приставленный къ опускной двери, которую онъ обязанъ открывать и закрывать послѣ прохода вагонетокъ, нагруженныхъ углемъ. Онъ сидитъ одинъ у этой двери въ темнотѣ, и кромѣ скуднаго свѣта отъ его маленькой лампочки—никакой другой свѣтъ не проникаетъ въ его убѣжище и нѣтъ никого, съ кѣмъ бы онъ могъ перекинуться словомъ, подѣлиться своими мыслями. Онъ проводитъ въ такомъ одиночествѣ 9—10 часовъ, вдали отъ людей, своихъ сверстниковъ и только шумъ вагонетокъ, проходящихъ отъ времени до времени мимо него, нарушаетъ окружающее его безмолвіе. Мнѣ пришлось говорить съ однимъ изъ такихъ мальчиковъ, по имени Гарли, который уже полгода исполняетъ эту обязанность привратника. Онъ пожаловался мнѣ на одиночество, сказавъ, что очень бы желалъ, чтобъ у него былъ товарищъ, съ которымъ онъ могъ бы поговорить, а то вѣдь такъ тяжело сидѣть нѣсколько часовъ, не видя ни души! Въ началѣ ему было очень страшно въ одиночествѣ и темнотѣ. Его пугали звуки, которые онъ слышалъ, но теперь онъ уже привыкъ и научился различать эти звуки и понимать ихъ значеніе. Конечно, онъ предпочелъ бы ходить въ школу вмѣстѣ со своими сверстниками, но законъ дозволяетъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ работать въ рудникахъ, поэтому онъ и долженъ былъ, подобно всѣмъ прочимъ, отправиться подъ землю».

Мальчики, которые назначаются проталкивать по узкимъ и низкимъ галлереямъ шахты вагонетки съ углемъ до того мѣста, гдѣ шахта становится шире и выше и гдѣ ихъ могутъ замѣнить лошади, исполняютъ очень тяжелую работу и въ теченіе дня имъ приходится проходить взадъ и впередъ чуть не двадцать миль. Корреспондентъ подчеркиваетъ этотъ фактъ, также какъ и другіе, указывающіе на страшную эксплуатацію дѣтскаго труда въ копахъ. Несмотря на то, что англійское общество поглощено теперь южно-африканской войной, статьи «Daily News» обратили на себя вниманіе и сэръ Чарльзъ Дилкъ внесъ уже билль о запрещеніи подземной работы дѣтямъ до 13 лѣтъ. Сначала предполагалось даже повысить возрастъ до 14 лѣтъ, но опасаются наткнуться на слишкомъ большую оппозицію какъ со стороны владѣльцевъ рудниковъ, такъ и со стороны самихъ родителей, большинство которыхъ также съ дѣтства начало работать въ шахтахъ.

Въ прошломъ мѣсяцѣ состоялось открытіе лиги Рѣскина, основанной приверженцами его ученія. На торжественномъ засѣданіи членовъ новой лиги председатель мистеръ Фредерикъ Гаррисонъ въ особенности подчеркнул то обстоятельство, что лига открываетъ свои дѣйствія какъ разъ въ день рожденія автора «Modern Painters», которому долженъ былъ бы исполниться въ этотъ день 81 годъ. Цѣль лиги—подробное изученіе твореній Рѣскина. «Рѣскинъ училъ насъ чувствовать, но чувствовать благороднымъ образомъ,—сказалъ Гаррисонъ.— Онъ училъ насъ любить и стремиться къ жизни, а не только къ простому

существованію, и указалъ намъ, что счастливая человѣческая жизнь—это лучшая картина, какую только можетъ представить міръ. Рёскинъ описывалъ природу во всѣхъ ея видахъ; онъ писалъ объ искусствѣ во всѣхъ его формахъ, о нравственности, политической и социальной, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, а также о религіи. Соглашаться со всѣмъ, что онъ писалъ объ этихъ предметахъ невозможно, но не надо забывать, что Рёскинъ самъ сказалъ про себя: «Я вѣрю въ благородство человѣческой природы». Въ моментъ переживаемого нами національнаго кризиса, мы чувствуемъ необходимость подвергнуть пересмотру свои вѣрованія и взгляды и гдѣ нужно, внести поправки; если есть человѣкъ, писанія котораго могутъ помочь намъ въ этомъ процессѣ, этотъ человѣкъ—Джонъ Рёскин!»

Послѣ рѣчи председателя лига объявлена открытой и объявлены основныя правила ея существованія. Лига будетъ устраивать собранія для чтенія и обсуждения произведеній Рёскина и будетъ печатать протоколы засѣданій, которые будутъ раздаваться всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ, внесшимъ годовой взносъ полтинен. Корпорации и клубы могутъ, внося полтинен, присылать своего представителя на собраніе лиги и получать печатные протоколы.

Въ одномъ изъ населеннѣйшихъ и въ то же время бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона открытъ народный ресторанъ. Это—первое подобное учрежденіе въ Лондонѣ, основанное по инициативѣ принцессы Уэльской, открывшей подписку на постройку дома и устройство въ немъ народнаго ресторана. Нечего и говорить, что необходимая для этого сумма была быстро собрана, такъ какъ англійскіе богачи—аристократы подписывали по нѣскольку десятковъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Выстроено прекрасное зданіе со всѣми приспособленіями. Въ каждой изъ трехъ столовыхъ въ этомъ зданіи вмѣщается 500 человѣкъ обѣдающихъ. Комнаты производятъ въ высшей степени пріятное впечатлѣніе своею чистотой и убранствомъ. Обѣдъ стоитъ 4¹/₂ пенса и состоитъ изъ трехъ блюдъ. Ежедневно приготовляются три меню обѣда на выборъ, но по той же цѣнѣ, такъ что желающіе могутъ взять обѣдъ, который имъ придется больше по вкусу. Кромѣ этихъ трехъ блюдъ полагается еще чашка кофе, чай или какао или пирожное. Ресторанъ посѣщается очень усердно и въ день тамъ бываетъ до 5.000 человѣкъ, такъ что для удовлетворенія такой массы посѣтителей понадобилось держать при ресторанѣ не менѣе ста человѣкъ прислуги. Ресторанъ открывается въ восемь часовъ утра и тогда въ немъ можно получить завтракъ за полпенни, а закрывается онъ въ восемь вечера. Конечно, все зданіе освѣщено электричествомъ. При ресторанѣ устроены туалетныя комнаты для мужчинъ и женщинъ, гдѣ они могутъ смыть грязь, накопившуюся на нихъ во время работы въ мастерскихъ и затѣмъ уже, вычистившись и умывшись, явиться въ столовую къ обѣду. Учредители полагаютъ, что число посѣтителей еще увеличится и рассчитываютъ въ день кормить, по крайней мѣрѣ, 12.000 человѣкъ.

Въ Лондонѣ существуетъ еще одно любопытное и полезное учрежденіе, это такъ называемая «Spectacle Mission», имѣющее цѣлью снабженія очками всѣхъ рабочихъ, нуждающихся въ этомъ вспомогательномъ средствѣ для своего зрѣнія. «Spectacle Mission» была основана нѣсколько лѣтъ тому назадъ докторомъ Уорингомъ, который долгое время провель въ Индіи, но затѣмъ, вернувшись въ Лондонъ, сталъ практиковать среди рабочаго населенія. Онъ былъ пораженъ тѣмъ, какое огромное число рабочихъ страдаетъ отъ недостатка зрѣнія и часто теряетъ его, вслѣдствіе того, что во время не были приняты мѣры, между тѣмъ какъ подходящіе очки, назначенные врачами, могли бы еще надолго сохранить зрѣніе рабочему. Для борьбы съ этимъ зломъ докторъ устроилъ общество для раздачи очковъ и въ первый же годъ по открытіи дѣятельности этого общества была роздана 531 пара очковъ. Послѣ его смерти во главѣ этого общества стала его дочь и, вѣрная завѣтамъ отца, постаралась расширить дѣятель-

ность этого общества, побуждая рабочихъ, мало-малыски страдающихъ слабостью зрѣнія, изслѣдовать свои глаза у врачей, состоящихъ при обществѣ. Въ прошломъ году число получившихъ очки отъ общества возросло уже до тысячи. Многие теперь обязаны сохраненіемъ зрѣнія и возможностью работать этому обществу.

Столица алмазовъ—Кимберлей. Драма, разыгрывающаяся въ настоящее время въ южной Африкѣ, возбудила интересъ европейской читающей публики не только къ героямъ, но и къ мѣстности, гдѣ совершаются событія, волнующія теперь весь цивилизованный міръ. До трансваальской войны мало кто изъ обыкновенныхъ читателей интересовался Йоганнесбургомъ, Кимберлеемъ, Родезией,—и лишь со времени набѣга Джексона въ европейской печати стали появляться пространныя описанія и статьи, посвященные мѣстностямъ и городамъ южной Африки. Изъ этихъ послѣднихъ бесспорно самый интересный Кимберлей, столица алмазовъ, отчасти потому, что онъ принадлежитъ также къ числу косвенныхъ причинъ войны и обязанъ своимъ происхожденіемъ Сесилю Родсу, котораго считаютъ однимъ изъ главныхъ зачинщиковъ трансваальскаго конфликта. Жюль Деклеркъ въ своей книгѣ «Путешествіе по южной Африкѣ» называетъ Кимберлей однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ смѣшныхъ городовъ, какіе только ему случалось видѣть въ обоихъ полушаріяхъ. «Я видѣлъ города, выстроенные изъ камня, изъ кирпича, изъ дерева—говоритъ онъ.— Я видѣлъ даже города изъ глины, въ центральной Азій. Но тутъ передо мною былъ городъ изъ жести! Дома, магазины, всѣ общественныя зданія, стѣны, крыши, двери—все было сдѣлано изъ жести. Это придаетъ Кимберлею видъ портативнаго города, который всегда можно сложить и перенести на другое мѣсто. И въ самомъ дѣлѣ этотъ городъ, съ его постоянно мѣняющимся населеніемъ, представляетъ нѣчто вродѣ временнаго лагеря, куда являются только на короткій срокъ, чтобы поскорѣе нажиться и уѣхать!»

Городъ нельзя назвать живописнымъ, и только большая площадь въ базарные дни нарушаетъ его однообразіе. Тогда на ней собираются фургоны, нагруженные семью—десятью парами быковъ и начинается оживленная торговля. По площади расхаживаютъ люди со знаменемъ въ рукахъ и выкрикиваютъ товары, а возлѣ фургоновъ постоянно толпится народъ.

Кимберлей очень гордится своимъ клубомъ. Зданіе клуба выстроено изъ желѣза и отличается своимъ роскошнымъ устройствомъ, такъ какъ клубъ этотъ былъ открытъ въ періодъ расцвѣта Кимберлея, когда тамъ наживались миллионы въ нѣсколько мѣсяцевъ. Тогда тамъ деньги имѣли такъ мало цѣны, что за предметы самой первой необходимости платили баснословныя цѣны. Вода еще не была проведена тогда въ городъ изъ рѣки Вааль и рудокопы для умыванія употребляли иногда содовую воду, платя за бутылку пять франковъ.

Своимъ возникновеніемъ и развитіемъ городъ обязанъ алмазамъ, которые произвели огромный переворотъ въ судьбахъ южной Африки. Туземцы давно знали, что тутъ находятся алмазы, но они не придавали имъ никакого значенія, такъ какъ не знали ихъ цѣны. Когда О'Рельи нашелъ алмазы въ Гривуаландѣ, то это было самымъ выдающимся событіемъ въ южной Африкѣ, открывшимъ блестящія перспективы для колоніи, которая изъ всѣхъ британскихъ владѣній пользовалась до тѣхъ поръ наименьшимъ вниманіемъ. Результатомъ этой находки алмазовъ явилось устройство обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, заселеніе новыхъ территорій и завоеваніе обширныхъ областей, простирающихся до береговъ Замбезе. Вотъ почему населеніе южной Африки питаетъ благодарность къ О'Рельи, открывшему источникъ ея богатства.

Открытіе это, какъ и большая часть открытій подобнаго рода, произошло случайно. О'Рельи возвращался съ охоты и остановился на отдыхъ на одной

фермѣ, гдѣ увидаль, что дѣти играютъ какимъ-то камешкомъ, который поразилъ его своимъ необычайнымъ блескомъ. Родители этихъ дѣтей продали О'Рельи этотъ камень за какую-то бездѣлицу и сказали ему, что вдоль рѣки находится множество такихъ камней. О'Рельи показалъ купленный камень евреямъ, но они объявили, что это топазъ и притомъ малоцѣнный. Однако, нашелся геологъ, который объявилъ, что это настоящій алмазъ и оцѣнилъ его въ 12.000 франковъ.

Какъ только извѣстiе объ той находкѣ распространилось, въ страну стали стекаться искатели приключенiй съ разныхъ сторонъ. Но этихъ первыхъ алмазоискателей постигла неудача, и они вернулись разочарованные, такъ что существованiе алмазовъ въ этой мѣстности было подвергнуто сомнѣнiю до тѣхъ поръ, пока какой-то голландецъ увидѣлъ въ рукахъ одного готтентота великолѣпный алмазъ, за который ему уплатили 10.000 фр. и продалъ потомъ за полтораста тысячъ. Впослѣдствiи камень этотъ оцѣнили чуть ли не въ миллионъ. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «южно-африканской звѣзды» и находится въ числѣ драгоценностей графини Дудлей. Разумѣется, находка алмазовъ вызвала то, что англичане называютъ «rush»,—наплывъ искателей и настоящую алмазную лихорадку. Въ 1870 г. у береговъ Вааля тысячи «даггеровъ» алмазоискателей занимались промыскою песковъ рѣки. Всѣ нации земного шара имѣли тутъ своихъ представителей. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Кимберлей, стояли три фермы, называвшiяся по имени своихъ владѣльцевъ: Дюгуа, Бульфонтейнъ и де-Бирсъ. Эти имена теперь стали безсмертны въ силу того, что ими были названы алмазные копи, возникшiя на этомъ мѣстѣ. Добыча алмазовъ во всѣхъ этихъ соединенныхъ копахъ оцѣнивается миллиардами и по всѣмъ признакамъ въ нѣдрахъ земли заложены неистощимыя богатства, такъ что врядъ ли когда-нибудь человѣчество будетъ терпѣть недостатка въ алмазахъ. Кимберлеевская копь, вокругъ которой возникъ городъ, представляетъ грандiозную пропасть съ вертикальными стѣнами, продѣланную рукою человѣка на поверхности земли. Въ ней легко могли бы помѣститься египетскiя пирамиды и самыя высокiя башни соборовъ, а въ обружности ея входнаго отверстiя могъ бы смѣло расположиться цѣлый городъ. Эта открытая копь напоминаетъ обширный кратеръ вулкана неправильной эллиптической формы. Въ началѣ эксплуатацiя этой копи была незатруднительна и стоила не дорого. Вся внутренность копи была раздѣлена на участки и видомъ напоминала улей, но по мѣрѣ углубленiя работа становилась затруднительнѣе и чаще случались обвалы, такъ что первобытный способъ разработки теперь оставленъ и введена система шахтъ по всѣмъ правиламъ горнаго искусства. Тысячи кафровъ работаютъ днемъ и ночью въ этихъ подземныхъ галлереяхъ, разламывая каменную алмазосодержащую породу и нагружая ея вагонетки. Чернокожiе рабочiе набираются изъ всѣхъ частей южной Африки, такъ что тутъ есть не только кафры, но и зулусы, бечуаны, матабелы и т. д. Въ числѣ рабочихъ находится много каторжниковъ, которыхъ правительство отдаетъ въ наймы колонiи—удобная мѣра, избавляющая колонiю отъ содержанiя преступниковъ и вынуждающая этихъ послѣднихъ содержать себя собственнымъ трудомъ. Изъ восьми тысячъ рабочихъ, находящихся на службѣ въ компанiи де-Бирсъ, бѣлыхъ не болѣе 1.400 и нѣсколько сотъ каторжниковъ, остальные все чернокожiе туземцы. Но для каждой категорiи рабочихъ существуютъ особыя правила. Бѣлые остаются на свободѣ, каторжники живутъ въ тюрьмѣ, а чернокожiе ведутъ монастырскiй образъ жизни. Сообразно съ национальностью мѣняется и заработокъ. Чернокожiе получаютъ минимальную заработную плату—25 фр. въ недѣлю, тогда какъ самый минимальный заработокъ бѣлыхъ составляетъ 90 фр. въ недѣлю. Монастырь чернокожихъ или казармы, въ которой они помѣщаются для удобства надзора за ними, носятъ названiе «Compound». Это отгороженное стѣнами и на-

вѣсами изъ жести четырехугольное пространство, по срединѣ котораго устроенъ бассейнъ для умыванія. Тутъ проводятъ все время незанятыя работой въ копияхъ чернокожіе работники, совершенно изолированные отъ всего внѣшняго міра въ теченіе того періода, на который они заключили контрактъ съ компаніей. Обыкновенно контрактъ заключается на три мѣсяца и въ теченіи всего этого времени они не имѣютъ права выходить за предѣлы своего монастыря и вступать въ сношенія со внѣшнимъ міромъ. Даже съ женами и дѣтьми они могутъ видѣться только черезъ рѣшетку и то въ присутствіи надзирателя. Въ оградѣ «Compound» находится все, что нужно его обывателямъ: лавочка, съ съѣстными припасами, аптека, госпиталь и бани. Чернокожіе строго соблюдаютъ демаркаціонную линію между отдѣльными племенами и всегда держатся отдѣльными группами, не сливаясь между собой. Вся эта система заключенія имѣеть, главнымъ образомъ, цѣлью предупредить утайку алмазовъ. Прежде такъ называемый незаконный торгъ алмазами процвѣталъ въ Кимберлеѣ, но теперь благодаря системѣ «Compound» онъ значительно уменьшился, такъ какъ кража алмазовъ и тайная продажа ихъ стала труднымъ и опаснымъ ремесломъ, хотя еще и теперь увѣряютъ, что алмазовъ похищается ежегодно не болѣе, не менѣе какъ на пять милліоновъ франковъ. Особенно искусны кафры въ кражѣ алмазовъ и поэтому каждый кафиръ, по истеченіи срока службы, прежде чѣмъ его отпустить на волю, подвергается самому тщательному осмотру и обсерваціи. Ему даютъ слабительное и уже послѣ того открываются для него двери его тюрьмы.

Въ копияхъ встрѣчаются алмазы всевозможнаго вида, величны и цвѣта, отъ самаго прозрачнаго и безцвѣтнаго до чернаго включительно. Леклеркъ говорить, что онъ видѣлъ голубые, зеленые, красные, коричневые и желтые алмазы. Черные очень высоко цѣнятся въ промышленности вслѣдствіе своей чрезвычайной твердости. Человѣкъ, показывавшій эти алмазы Леклерку въ хранилищѣ копей, пересыпалъ ихъ горстями словно простые камешки, съ самымъ равнодушнымъ видомъ, а между тѣмъ тутъ собраны были богатства, не поддающіяся исчисленію.

Бѣлые рабочіе живутъ въ Кенильвортѣ, представляющемъ рѣзкій контрастъ съ обителемъ чернокожихъ, заключенныхъ въ свой «Compound». Кенильвортъ—это селеніе рудокоповъ и можетъ быть смѣло названо оазисомъ въ пустынѣ. Сесиль Родсъ, выстроившій это селеніе, говорить, что мысль о его устройствѣ внушилъ романъ Золя «Germinal», такъ какъ, прочтя его, онъ пронесся мыслью о необходимости доставить своимъ рудокопамъ такія жилища, гдѣ бы они могли найти необходимый домашній комфортъ и отдохнуть послѣ работы. Кенильвортъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ условіямъ. Это прелестная деревушка, гдѣ въ-сто улицъ устроены тѣнистыя тихія аллеи и домики напоминаютъ хорошенекія дачи. Она находится на разстояніи полумили отъ Кимберлея и соединяется съ копиями трамваемъ. Всѣ улицы сводятся къ центру деревни, гдѣ находится зданіе клуба. Въ этомъ клубѣ рудокопы могутъ найти все, что нужно для ихъ комфорта и развлечения, прекрасную бібліотеку, читальню, бильярдную и даже ресторанъ, гдѣ они получаютъ обѣдъ за 25 шиллинговъ въ недѣлю. Вокругъ клуба разбитъ прекрасный садъ. Плата за помѣщеніе невысока, а поэтому рудокопы при высокой заработной платѣ могутъ дѣлать сбереженія. Такимъ образомъ, положеніе черныхъ и бѣлыхъ рабочихъ въ копияхъ Кимберлея диаметрально противоположное, и чернокожіе находятся почти на положеніи рабовъ. Но Сесиль Родсъ, который неограниченно властвуетъ въ Кимберлеѣ, отвлекаетъ взоры отъ такой возмутительной эксплуатаціи безответныхъ чернокожихъ тѣмъ, что не жалѣетъ денегъ на украшеніе и благоустройство города и всячески старается позолотить оковы, которыя компанія де Бирсъ налагаетъ на всѣхъ своихъ служащихъ.

Мориць Юкай на праздникъ венгерскихъ журналистовъ. Будапештскій фереянь журналистовъ устроилъ банкетъ въ память состоявшагося въ мартѣ 1848 года освобожденія печати. На этомъ банкетѣ присутствовали министръ-президентъ и другіе министры и государственные дѣятели, а также представители міра науки, искусства, литературы и т. д. Во главѣ участвовавшихъ находился и Мориць Юкай, необыкновенно бодрый, несмотря на свой почтенный возрастъ. Онъ сказалъ слѣдующую рѣчь, которая привела въ восхищеніе всѣхъ слушателей и вызвала восторженные аплодисменты.

«Дорогіе друзья и не менѣе дорогіе враги! Поднимая свой бокалъ въ память знаменитаго дня, я долженъ, прежде всего, попросить извиненія у васъ, работниковъ печати, въ томъ, что я нѣкогда громогласно провозгласилъ свободу печати. Какое идилическое существованіе вели редакторы венгерскихъ газетъ со всѣми своими сотрудниками во времена блаженной памяти цензуры. Редакторъ, издатель и типографщикъ были связаны между собою строгимъ договоромъ, по условію котораго редакторъ обязывался не позже восьми часовъ вечера отсылать въ типографію послѣднюю рукопись, типографщикъ же со своей стороны долженъ былъ представить готовый номеръ корректуры не позже девяти, а въ 10 часовъ экземпляръ номера газеты долженъ былъ находиться уже въ цензурномъ отдѣленіи полицейскаго управленія. Полицейскій комиссаръ обязанъ былъ къ 11 часамъ уже обозначить краснымъ карандашомъ всѣ статьи, появленіе которыхъ онъ считаетъ опаснымъ. Сдѣлавъ это, полицейскій комиссаръ отправлялся въ типографію и тамъ указывалъ метранпажу, какія статьи должны быть выброшены. У метранпажа всегда были въ запасѣ на этотъ случай разныя резервныя статьи, которыя нашли названіе «нейтрализующихъ». И вотъ полицейскій комиссаръ выѣхалъ съ метранпажемъ принимался вымѣрять статьи, чтобы найти подходящія по длинѣ, которыя могли бы замѣнить выпущенныя статьи. На этомъ работа кончалась и номеръ могъ спокойно печататься. Въ половинѣ двѣнадцатаго редакторъ, сотрудники, корректоръ и наборщики могли спать спокойныхъ. Утромъ редакторъ обыкновенно съ большимъ любопытствомъ развертывалъ номеръ своей газеты, чтобы посмотреть, что въ немъ заключается. Случалось, что онъ бывалъ немало удивленъ, найдя вмѣсто статьи о сеймѣ статью о какомъ-нибудь новомъ вулканѣ, или же, на мѣстѣ нападокъ на интендантское вѣдомство, увидя статью о «трехдѣятномъ котѣ», а на мѣстѣ рѣзкой критики новаго государственнаго займа — весьма ученое изслѣдованіе объ употребленіи буквы «С». Но все-таки работа его была спокойна. Съ телеграммами ему не надо было возиться. Провинціальныя же корреспонденты сообщали ему о событіяхъ въ комитатѣ и танцовальныхъ празднествахъ. Ничего, слѣдовательно, не было неосторожнаго въ его работѣ. О всѣхъ же событіяхъ 13-го марта газеты сообщали своимъ читателямъ только черезъ три дня!

«И вотъ я явился непосредственнымъ виновникомъ той перемѣны, которая произошла въ этомъ идилическомъ существованіи венгерскихъ журналистовъ. Теперь въ восемь часовъ вечера, въ тотъ часъ, когда прежній редакторъ вытиралъ свое перо объ свои волосы, нынѣшній журналистъ только начинаетъ свою работу. Главный редакторъ, положивъ компрессъ на голову, садится писать руководящую статью о новыхъ фазахъ современной политики. Онъ только что вернулся домой изъ клуба, гдѣ онъ совѣщался съ вожаками партіи и депутатами, такъ что теперь онъ уже совершенно ориентировался въ лабиринтъ современнаго положенія. Парламентскій репортеръ старается согласовать свои личныя впечатлѣнія со стенографическимъ отчетомъ. Иностранный политикъ погружается въ чтеніе французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ газетъ, а судебный репортеръ описываетъ драму, которая разыгралась въ судѣ. Въ полночь приходятъ телеграммы со всѣхъ концовъ міра и ихъ надо быстро рас-

предъявить и назначить, какимъ набирать шрифтомъ. А въ это время корректора уже съли за свою работу и стараются о томъ, чтобы не было недостатка въ курьезныхъ опечаткахъ.

«Ну а теперь, какую массу знаний и способностей долженъ соединять въ себя современный журналистъ! Онъ долженъ быть: земледѣльцемъ, огородникомъ, сельскимъ хозяиномъ, виноградаремъ, рудокопомъ, морякомъ. Въ то же время журналистъ долженъ быть также проповѣдникомъ и поэтомъ, протекторомъ, меценатомъ, сборщикомъ на благотворительныя дѣла, другомъ чело-вѣчества, покровителемъ дѣтей, посредникомъ и привратникомъ, дипломатомъ, адвокатомъ, судьей, народнымъ трибуномъ и т. д., и т. д. до безконечности!»

Перечисливъ все то, чѣмъ долженъ быть журналистъ въ настоящее время, и всѣ качества и знания, которыми онъ долженъ обладать, Морицъ Іокай прибавилъ: «главные качества, которыми теперь долженъ обладать венгерскій журналистъ, я приберегъ къ концу. Журналистъ долженъ быть самымъ энергичнымъ и смѣлымъ агитаторомъ во время выборов. Онъ долженъ также знать и понимать политику... впрочемъ это необязательно. Такихъ много, много тяжестей обрушилось на журналистовъ со времени освобожденія печата! И я могу считать себя интеллектуальнымъ творцомъ этого бремени, которое легло на плечи журналистовъ. Мнѣ остается только пожелать, чтобы у васъ хватило силъ справиться со всѣми эти трудными задачами. Да здравствуютъ же венгерскіе журналисты!»

Мормонскій вопросъ въ американскомъ конгрессѣ и дѣло Карнеджи. Вашингтонскій конгрессъ весьма рѣдко рѣшается объявить выборы недействительными, но если онъ прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ, то всегда обставляеть ее очень торжественнымъ образомъ. Недавно пришлось это испытать на себѣ Брагаму Робертсу, адвокату и мормону, избранному депутатомъ Уты большинствомъ 5.665 голосовъ.

Брагамъ Робертсъ, вмѣстѣ съ прочими вновь избранными депутатами, явился принести присягу конституціи въ засѣданіе конгресса и когда до него дошла очередь, то вдругъ другой депутатъ, Тапнеръ, всталъ съ своего мѣста и торжественно объявилъ, что онъ протестуетъ противъ допущенія къ присягѣ «джентльмена изъ Уты» на томъ основаніи, что въ бюро палаты уже внесена петиція, требующая его немедленнаго исключенія. Президентъ, выслушавъ депутата Тапнера, предложилъ «джентльмену изъ Уты» удалиться на свое мѣсто до тѣхъ поръ, пока не будетъ рассмотрѣно его дѣло.

Послѣ довольно жаркихъ преній было, наконецъ, рѣшено назначить комиссію изъ девяти членовъ для пересмотра обвиненій, заключавшихся въ петиціи. Комиссія принялась за дѣло очень энергично и разслѣдовала его самымъ тщательнымъ образомъ. Слѣдствіе продолжалось полтора мѣсяца, причемъ комиссія допросила множество свидѣтелей мужского и женскаго пола. Всѣ эти свидѣтели подтвердили фактъ принадлежности Брагама Робертса къ мормонской церкви. Робертсъ—уроженецъ Англіи, но давно уже пріѣхалъ въ Уту и благодаря своему трудолюбію и своимъ качествамъ, а также своему ораторскому таланту, онъ скоро приобрѣлъ популярность среди своихъ единомышленниковъ. Съ 1885 года онъ жилъ съ двумя женами и имѣлъ отъ нихъ двѣнадцать дѣтей. Въ 1889 году его приговорили за это къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ. Но отсидѣвъ свой срокъ, онъ женился на третьей и въ 1898 г. былъ избранъ депутатомъ. Такимъ образомъ, онъ былъ въ глазахъ палаты рецидивистомъ, нарушителемъ законовъ страны и поэтому, какъ только избиратели Уты выбрали его своимъ депутатомъ, то немедленно началась агитация противъ него, выразившаяся въ предъявленіи петицій. Вашингтонскій конгрессъ, конечно, ни минуты не колебался относительно того, что Робертсъ

не может быть депутатомъ, но нужно было все-таки выполнить процедуру исключенія болѣе или менѣе законнымъ образомъ, такъ какъ Робертсъ былъ правильно избранъ и законы конституціи не предусматривали подобнаго случая. Пренія по этому вопросу продолжались цѣлыхъ три дня. Публика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ преній и нѣсколько разъ производила шумныя демонстраціи. Двадцать одинъ ораторъ произнесли рѣчи и между прочимъ, самъ Робертсъ говорилъ въ защиту своихъ правъ и возрѣній, вызвавъ восторженные аплодисменты своихъ защитниковъ и свисты противоположной партіи. Успѣхъ имѣла рѣчь президента палаты, который перечислилъ сначала всѣ авторитеты, осуждавшіе мормонство, и, опираясь на нихъ, требовалъ исключенія Робертса. Другой молодой депутатъ изъ Индіаны перечислилъ въ своей рѣчи всѣ случаи многоженства среди выдающихся гражданъ Уты, обязавшихся, однако, соблюдать подписанный ими договоръ. «Директоръ сельскохозяйственной коллегіи въ Логанъ—многоженецъ, — заявилъ ораторъ, — и открыто живетъ съ тремя женами. Администраторъ этой школы имѣетъ семь женъ и 39 дѣтей. Разныя другія лица изъ выдающихся мормонскихъ дѣятелей также слѣдуютъ этому постановленію. Лоренцо Сноу, президентъ совѣта мормонской церкви, сорокъ лѣтъ тому назадъ женился сразу на двухъ, а когда старшая изъ нихъ умерла, то онъ послѣдовательно женился на семерыхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ называю: Сара, Генриета, Элеонора, Марія, Фебе, Минна и Каролина. Не думаю, чтобы гг. депутаты находили пріятнымъ сидѣть за столомъ въ кругу такой огромной семьи!»

Это неожиданное обращеніе вызвало громкій смѣхъ въ палатѣ. Тогда выступилъ Робертсъ и началъ говорить въ защиту своихъ мормонскихъ возрѣній чрезвычайно краснорѣчиво, цитируя священное писаніе, Лютера и др. Онъ говорилъ долго и казалось убѣжденіе депутатовъ готово было поколебаться. Но отвращеніе къ полигаміи у почтенныхъ гражданъ взяло все-таки верхъ и, въ концѣ концовъ, палата высказалась большинствомъ 268 голосовъ противъ 50-ти въ пользу исключенія Робертса.

Пренія по поводу Робертса отвлекли на время вниманіе американскаго общественнаго мнѣнія отъ сенсационнаго процесса, который будетъ разбираться въ нью-йоркскомъ судѣ. Процессъ интересенъ только личностью героя, архимилліонера Карнеджи, которому его управители предъявили искъ въ нѣсколько милліоновъ.

Пять лѣтъ тому назадъ въ Нью Йоркѣ рассказывали довольно странныя исторія про этого богача, который носитъ названіе «стального короля». У этого стального короля произошло столкновеніе съ рабочими въ Питтсбургѣ и такъ какъ правительство не оказало ему помощи, то онъ обратился къ поставщикамъ съ предложеніемъ организовать для него армію. У одного изъ этихъ поставщиковъ, Пиннертона, изъ Чикаго оказалась готовая армія. Однако, это не испугало рабочихъ и они рѣшили оказать этой арміи въ полномъ смыслѣ этого слова «жаркій приемъ». Они вылили въ рѣчку всѣ запасы керосина, какіе только имѣлись на сосѣднихъ фабрикахъ и подожгли. Рѣка запылала. Въ концѣ концовъ, однако, рабочіе уступили и состоялось примиреніе, послѣ котораго Карнеджи вдругъ круто измѣнился.

Карнеджи началъ свою жизненную карьеру, какъ подмастерье, на ткацкой фабрикѣ. Ему было одиннадцать лѣтъ, когда онъ зарабатывалъ 6 ф. 25 сантимовъ въ недѣлю. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ уже владѣлъ состояніемъ болѣе чѣмъ въ одинъ милліардъ и въ день получалъ дохода 150.000 фр. У него работаетъ 20.000 рабочихъ и служащихъ и онъ выдаетъ ежегодно сто милліоновъ на жалованье служащимъ и заработную плату. Послѣ своего знаменитаго столкновенія съ рабочими, Карнеджи началъ выказывать особенное вниманіе къ судьбѣ бѣднѣйшихъ классовъ и пришелъ къ убѣжденію, что для

борьбы съ порокомъ и невѣжествомъ необходимы такія учрежденія, гдѣ бы рабочіе могли одновременно находить и здоровыя развлечения, и интеллектуальную пищу. Идея народныхъ университетовъ и бесплатныхъ библиотекъ особенно понравилась ему и онъ началъ щедро сыпать деньгами на ихъ устройство, такъ что менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ истратилъ на это дѣло не болѣе, не менѣе какъ 80 милліоновъ. Въ Эдинбургѣ находится народный университетъ, выстроенный на пожертвованные Карнеджи деньги.

Въ настоящее время онъ открыто проповѣдуетъ, что гигантскія состоянія, скопившіяся въ однихъ рукахъ, могутъ считаться лишь наполовину законными. Только въ самомъ началѣ человекъ дѣлаетъ усиліе, чтобы пріобрѣсти состояніе, но если ему удалось это, то затѣмъ онъ можетъ уже не заботиться о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, оно совершается уже само собой и доходитъ до колоссальныхъ размѣровъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Карнеджи не считаетъ богатство, достигшее такихъ колоссальныхъ размѣровъ, вознагражденіемъ за труды и находитъ его вреднымъ, такъ какъ оно можетъ служить орудіемъ экономической тиранніи, притомъ самымъ ужаснымъ и дѣйствительнымъ. Постепенно Карнеджи пришелъ къ убѣжденію, что богатство надо тратить какъ можно скорѣе и поставилъ аксіомой, что «человекъ, умирающій богачомъ, умираетъ обезпеченнымъ». Поэтому онъ рѣшилъ непремѣнно истратить свой милліардъ раньше и теперь всячески старается сдѣлать это.

Конечно, такіе взгляды у милліонера, тѣмъ болѣе такого, какъ Карнеджи, вызвали волненіе въ мірѣ доллара. Такая ересь показала опасной другимъ милліонерамъ. Искъ, предъявленный управителемъ Карнеджи, вызванъ этими же соображеніями. Управитель Фриксъ, человекъ крайне суровый, рѣшилъ спасти для себя нѣсколько милліоновъ и наложить узду на расточительность своего патрона, съ которымъ у него уже не разъ происходили столкновенія изъ-за его «безумныхъ» тратъ на разныя учрежденія, въ родѣ народныхъ дворцовъ и т. д.

Но Карнеджи этимъ не смущается и продолжаетъ тратить свои милліоны, зато рабочіе, готовые прежде утопить его въ огненной рѣкѣ, теперь сами пойдутъ за него въ огонь и воду.

Американское общество чрезвычайно заинтересовано этимъ процессомъ и ожидаетъ любопытныхъ разоблаченій относительно того, какъ наживаются и администрируются колоссальныя богатства въ Америкѣ.

Нѣмецкій критикъ о Толстомъ. «Наступить, навѣрное, время, когда вопросъ о тенденціозности въ искусствѣ перестанетъ быть спорнымъ. По отношенію къ выдающимся художникамъ эти споры уже теперь потеряли смыслъ: они выше ихъ,—и къ такимъ художникамъ принадлежитъ Толстой. Правда, часто приходится слышать мнѣніе, что со времени переворота въ его идеяхъ Толстой сталъ слабѣе какъ художникъ. Но едва ли такое мнѣніе основательно. Меньше всего оно подтверждается послѣднимъ произведеніемъ маститаго писателя, тенденціознымъ до *non plus ultra*. Такимъ замѣчаніемъ начинается свой разборъ «Воскресенія» нѣмецкій критикъ Mathias Acher въ вѣнскомъ журналѣ «Die Zeit». По его мнѣнію, неправда, будто художественная сила Толстого ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ усилился его этицизмъ. «Воскресеніе» самымъ блестящимъ образомъ доказываетъ обратное. Если общее мнѣніе о Толстомъ, дѣйствительно, нуждается въ поправкѣ, то отнюдь не по вопросу о его творческомъ талантѣ, а по отношенію къ его этическимъ взглядамъ. Въ «Воскресеніи» Толстой хочетъ намъ показать, какъ мертвые (погруженные въ мірскую жизнь) воскресаютъ, въ лицѣ Нехлюдова,—для того, что Толстой считаетъ истинной жизнью. Но въ дѣйствительности передъ нами воскресаетъ только одинъ такой мертвый, между тѣмъ какъ все остальное общество не обнаруживаетъ никакихъ при-

знаковъ возрожденія. Этими Толстой невольно обнаруживаетъ слабую сторону своей этики. Она основана у него на отдѣльной личности, которая провозглашаетъ эту этику во имя собственной непогрѣшимости или непогрѣшимости преданія. Чуждый величайшимъ пріобрѣтеніямъ современной мысли: идеѣ развитія и идеѣ монизма, — единства во множественности, Толстой утрачиваетъ всякое чувство соприкосновенія съ общимъ и дѣльнымъ. Мелкіе враги современнаго міровоззрѣнія опираются на консервативныя инстинкты толпы. Толстой напротивъ, не хочетъ считаться ни съ какими существующими инстинктами. Стремясь «улучшить міръ», онъ старается обратять его къ новой жизни, которая, въ лучшемъ случаѣ, можетъ получиться какъ результатъ долгаго развитія; а Толстой изображаетъ эту жизнь, какъ своего рода «естественное состояніе». Онъ всѣми силами призываетъ наступленіе этого естественнаго состоянія, какъ бы не сознавая того, что никогда разрѣшеніе путаницы, внесенной въ жизнь культурой, не можетъ получиться путемъ *возвращенія* къ примитивному, а лишь путемъ *усовершенствованія* сложнаго. Какъ различно смотритъ, напр., Ибсенъ на тотъ же вопросъ! И онъ тоже, какъ Толстой, не желаетъ апеллировать къ консервативнымъ инстинктамъ толпы; но зато онъ въ ней же старается найти элементы прогресса. Его «облагороженные люди» часто не существуютъ въ дѣйствительности, но, по крайней мѣрѣ, они возможны въ будущемъ. Возьмемъ, напр., его послѣднее произведеніе. «Когда мы мертвые воскресаемъ»: тамъ уничтожается самое понятіе прелюбодѣянія тѣмъ, что устраняется изъ него всякая фривольность, всякая утайка и обманъ. Подобныя понятія могутъ развиваться въ жизни; начало такому развитію уже и положено. Толстой, напротивъ, съ полной серьезностью провозглашаетъ: «всякій, кто посмотритъ на *свою* жену съ вождѣльнѣемъ, уже нарушилъ бракъ». Противъ такого нарушенія брака онъ борется тѣмъ, что громитъ «животную» любовь. Его Нехлюдовъ, собирающійся, несмотря на физическое и нравственное отвращеніе, жениться на Катюшѣ, чтобы искупить свою вину передъ ней, самъ по себѣ, можетъ быть и есть настоящій человѣкъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, не таковъ съ точки зрѣнія будущаго общества. А именно такимъ человѣкомъ будущаго онъ долженъ былъ бы быть, чтобы мы могли говорить объ этической гениальности Толстого. Откуда же, однако, міровая слава толстовской этики? Она основывается, несомнѣнно, не столько на ея положительномъ содержаніи, сколько на присущей ей критической силѣ. Въ этомъ отношеніи Толстой богаче Ибсена. Его эпическія описанія, его драматическія изображенія душевныхъ состояній, особенно его сцены въ судѣ и въ тюрьмѣ, обнаруживаютъ неувѣроятную силу пронизательности, съ которой Толстой подкапываетъ наши насковъ прогнившіе общественные порядки. Онъ — не открыватель новыхъ путей въ этикѣ, но пророкъ, потрясающій сердца, неутомимый въ своихъ предостереженіяхъ и порицаніяхъ. Притомъ, онъ проявляетъ свою пророческую силу въ формѣ великихъ художественныхъ произведеній: простое краснорѣчіе было бы слишкомъ слабо, чтобы взволновать совѣсть притупившуюся современнаго человѣка. Своимъ богословскимъ трактатомъ «Въ чемъ моя вѣра» Толстой ничего не могъ добиться, а своей «Крейцеровой сонатой» или, теперь, своимъ «Воскресеніемъ» онъ глубоко взволновалъ весь цивилизованный міръ, а это, въ концѣ концовъ, — тоже великая *этическая* заслуга.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Forum». — «Fortnightly Review» — «Contemporary Review» — «Nuova Antologia» — «Revue des Revus» — «Nineteenth Century».

Въ Парижѣ и въ другихъ городахъ Франціи основаны нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ народные университеты. Въ Англій университетское движеніе вступило на новый путь съ открытіемъ въ Оксфордѣ рабочей коллегіи, основанной послѣдователями Рёсвина. Въ Соединенныхъ Штатахъ также обнаруживается новое движеніе, выразившееся въ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ университетовъ. «Forum» сообщаетъ нѣкоторыя подробности происхожденія этого предпріятія. Сельско-хозяйственный департаментъ (министерство земледѣлія) давно уже заботится о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ странѣ. Ежегодно печатаются до 500 разныхъ брошюръ и листовъ въ семи милліонахъ экземпляровъ и распределяются даромъ по всей странѣ. Кромѣ этого печатается иллюстрированный ежегодникъ въ 500.000 экземпляровъ и продается по самой ничтожной цѣнѣ. Этотъ ежегодникъ представляетъ настоящую сельско-хозяйственную энциклопедію, составляемую специалистами и притомъ такимъ образомъ, что даже люди, получившіе только первоначальное образованіе, могутъ пользоваться ею безъ всякихъ затрудненій. Экспериментальныя станціи, числомъ 56, разбѣяны теперь по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, включая Аляску и Гаванскіе острова. Въ извѣстное время станціи эти становятся странствующими и переселяются со всѣмъ персоналомъ и со всѣмъ пособіями туда, гдѣ оказывается нужда въ просвѣщенной помощи и гдѣ сельское хозяйство находится въ плохомъ состояніи. Станція доставляетъ сѣмена и удобрения, если нужно, усовершенствованныя орудія, а фермеры съ своей стороны предоставляютъ въ распоряженіе станціи землю и рабочія руки и тогда уже совместно приступаютъ къ опытамъ улучшенія культуры хлѣбныхъ растений, плодовыхъ деревьевъ, луговыхъ травъ и т. д. Однимъ словомъ, возникаетъ нѣчто вродѣ кооперативнаго обученія.

Само собою разумѣется, что персоналъ станціи пользуется такими перемѣщеніями для организаціи въ сельскихъ округахъ публичныхъ чтеній по различнымъ вопросамъ сельскаго хозяйства, гигиены, метеорологій и т. п. Бываетъ, что при этомъ составляется программа чтеній на зимній сезонъ и фермеры зазываютъ сношенія съ странствующими бібліотеками, чтобы пополнить свои свѣдѣнія по сельскому хозяйству. Такимъ образомъ, благодаря этимъ перемѣжающимъ съ мѣста на мѣсто экспериментальнымъ станціямъ образовались такъ называемыя «Adult Farmer's Schools» — это настоящіе полевые народные университеты. Такихъ университетовъ насчитывается уже около сотни въ одномъ только штатѣ Индіана и число слушателей достигаетъ уже 25.000. Въ Миннесотѣ основано 120 сельско-хозяйственныхъ народныхъ университетовъ съ 50.000 слушателей. Въ тридцати штатахъ уже есть такіе университеты и пальма первенства принадлежитъ Мичигану, гдѣ число слушателей достигло 120.000. Ожидаютъ очень благоприятныхъ результатовъ для земледѣльческой промышленности страны отъ этого новаго движенія, возбуждавшаго интересъ къ сельскому хозяйству.

Профессоръ Гейльпринъ (Angelo Heilprin) говоритъ о недостаткахъ университетскаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ и о необходимости коренной реформы. По его мнѣнію университетъ, вмѣсто того чтобы удерживать свой чисто національный характеръ, долженъ приобрѣсти международныя черты. Для достиженія этой цѣли необходимо прибѣгнуть къ коопераціи другихъ націй. Повидимому, нѣтъ никакихъ основаній для того, чтобы проходить трехлѣтній или четырехлѣтній курсъ въ атмосферѣ одного и того же города или страны.

Никто не станет оспаривать, что если этот же самый срок употребить на учение въ разныхъ странахъ, то результаты получатся гораздо болѣе благотворны. Восемь мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Германіи для изученія нѣмецкаго языка, страны и народа, его исторіи, литературы, искусства и промышленности, за которыми слѣдовало бы пребываніе съ тою же цѣлью въ другихъ государствахъ, не могутъ не принести громадной пользы. Римъ, изучаемый съ высоты форума, конечно иной, чѣмъ тотъ, который мы изучаемъ по нашимъ учебникамъ. То же самое можно сказать о швейцарскихъ ледникахъ, дѣйствующихъ вулканахъ въ Неаполѣ и т. д. Авторъ статьи особенно настаиваетъ на преимуществахъ въ дѣлѣ воспитанія такъ называемой «travelling system», существующей въ германскихъ университетахъ и высказываетъ предположеніе, что эта система можетъ быть введена въ американскихъ университетахъ безъ особенныхъ затрудненій. О профессиональныхъ курсахъ тутъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ для нихъ существуютъ спеціальныя высшія школы, и авторъ имѣетъ въ виду лишь университеты, курсъ которыхъ не имѣетъ спеціального характера, а только общеобразовательный. Пополнивъ свое образованіе въ разныхъ странахъ, студентъ проводитъ въ своемъ родномъ университетѣ послѣдній годъ или вообще то время, которое ему нужно для приобрѣтенія остальныхъ знаний, входящихъ въ программу университетскаго курса.

Трансваальская распря, конечно, не забыта въ «Forum». Въ послѣднемъ номерѣ этого журнала напечатана статья, авторъ которой стремится разобратъ, кто правъ и кто виноватъ въ этомъ спорѣ. Авторъ предвѣщаетъ, что составилъ свое сужденіе о немъ не по книгамъ и журнальнымъ статьямъ, а на мѣстѣ, т.-е. въ Трансваалѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ. Воздавая должное бурямъ и стараясь быть справедливымъ, авторъ все-таки дѣлаетъ выводъ, что буры сражаются за расовое господство, порабощеніе промышленности, за сохраненіе такихъ социальныхъ условій, которыя могутъ быть названы полудивиллзаціей. Англичане же хотятъ только, чтобы британскіе подданные въ Трансваалѣ пользовались такими же правами, какими пользуются всѣ бѣлые иностранцы въ каждой части британской имперіи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Англія, — утверждаетъ авторъ, — борется за цивилизацію. Никто на свѣтѣ не гнѣннть свободу выше буровъ, но они требуютъ для себя монополию въ этомъ отношеніи и отрицаютъ свободу для другихъ. Несмотря на свою благородную храбрость, на безстрашіе, буры все-таки не правы и американцы должны скорѣе сочувствовать англичанамъ, такъ какъ они сражаются за идеи, болѣе дороги американскому сердцу, за которыя, при аналогичныхъ условіяхъ, каждый гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ готовъ былъ бы вѣяться за оружіе.

Авторъ предсказываетъ, что вѣчнымъ результатомъ будетъ то, что буры получатъ большую свободу и лучшее правительство, чѣмъ ихъ собственная олигархія. Права всѣхъ людей, бѣлыхъ и черныхъ, будутъ охраняться лучше, чѣмъ это было до сихъ поръ въ южной Африкѣ. Однимъ словомъ, по предсказанію автора, наступитъ послѣ войны золотой вѣкъ для южной Африки, но онъ забываетъ, повидимому, что дорога къ этому вѣку ведетъ по колѣна въ крови.

- «Правда о Рѣскинѣ», — такъ называется статья «Fortnightly Review», — авторъ которой самымъ безпощаднымъ образомъ критикуетъ дѣятельность и произведенія англійскаго писателя. Правда, которую открылъ авторъ, заключается въ томъ, что Рѣскинъ, въ теченіе всей своей долгой жизни, не зналъ, чего хотѣлъ, за исключеніемъ одного только пункта, да и то, чего онъ тутъ добивался, было безуміемъ. Всѣ его произведенія состоятъ изъ однихъ только противорѣчій; онъ не только никакъ не можетъ согласовать все, что имъ сказано въ этихъ томахъ, но на каждой страницѣ поддерживаетъ те-

зисъ, уничтожающей предшествующей. Но больше всего обрушивается авторъ на Рёскина за его ненависть къ желѣзнымъ дорогамъ. Въ этомъ отношеніи Рёскинъ никогда не мѣнялся. Эта ненависть возмущаетъ автора и онъ доказываетъ, что надо не только воздавать должное желѣзнымъ дорогамъ, но и восхищаться тою новою красотою, которую онѣ ввели въ жизнь. «Если даже желѣзныя дороги испортили прелесть нѣкоторыхъ пейзажей,—говоритъ авторъ,—то это, во всякомъ случаѣ, незначительный ущербъ въ сравненіи съ тѣми услугами, которыя онѣ оказываютъ прогрессу и счастью человѣчества. Да и ущербъ, нанесенный желѣзными дорогами красотѣ пейзажа, весьма преувеличенъ. Поездъ, проносящійся по рельсамъ, прибавляетъ живописный элементъ къ окружающимъ видамъ природы»... Авторъ восторгается виадуками, желѣзнодорожными мостами и т. д. и говоритъ, что они составляютъ славу нашего столѣтія, такъ же какъ великолѣбные соборы, выстроенные въ XIII вѣкѣ, составили славу этого вѣка.

Статья эта вызвала полемику въ англійской печати, такъ какъ никто еще не говорилъ подобной «правды о Рёскинѣ», и теперь, послѣ его смерти, въ англійскомъ обществѣ возникло еще большее стремленіе изучать его творенія и восторгаться ими, доказательствомъ чему служатъ недавнее открытіе лиги Рёскина и ея успѣхи, такъ какъ число членовъ этой лиги необыкновенно быстро возрастаетъ.

Юлія Веджвудъ сообщаетъ въ «Contemporary Review» свои личныя воспоминанія о Джонѣ Рёскинѣ, съ которымъ она еще дѣвочкой познакомилась 50 лѣтъ тому назадъ и къ горячимъ поклонницамъ котораго всегда принадлежала. «Съ именемъ Рёскина, — такъ начинается она свою статью, — соединяется представленіе о столь различныхъ сферахъ духовной дѣятельности, что иногда кажется, будто почитатели Рёскина поклоняются не одному и тому же человеку, а нѣсколькимъ различнымъ. Конечно, высокіе идеалы, неустанная энергія, безкорыстная преданность ближнему,—все это такія черты, которыя проходятъ красной нитью черезъ всѣ области дѣятельности Рёскина; но судить о сравнительныхъ заслугахъ Рёскина въ той или другой отдѣльной области— часто значитъ характеризовать не его, а себя». Рискаю подвергнуться тому же упреку, авторъ высказываетъ мнѣніе, что «самый ранній періодъ развитія гонія Рёскина былъ и самый блестящій». «Когда Рёскинъ говоритъ о природѣ и искусствѣ, онъ кажется мнѣ точно вдохновеннымъ свыше. Когда онъ переходитъ къ финансамъ, политикѣ, социальному переустройству, законодательнымъ мѣропріятіямъ, я не вижу у него ни трезвости сужденія, ни глубины убѣжденія. Тяжело признать, что въ дальнѣйшихъ фазисахъ своего развитія Рёскинъ опускается на низшую ступень; но фактъ этотъ надо считать несомнѣннымъ». Обращаясь, затѣмъ, къ блестящему началу дѣятельности Рёскина, авторъ ставитъ въ связь это начало съ настроеніемъ тогдашней англійской интеллигенціи. Только что передъ тѣмъ прогремѣлъ богословъ Ньюманъ, положившій начало возрожденію Высокой Церкви. Но римско-католическія тенденціи этого возрожденія уже успѣли достаточно опредѣлиться; самъ Ньюманъ перешелъ въ католицизмъ, и за нимъ пошли многіе его послѣдователи. Такимъ образомъ движеніе вылилось въ опредѣленное русло и пошло на убыль. На смѣну Ньюману не явилось еще ни одного изъ тѣхъ именъ, около которыхъ нѣсколько позднѣе сосредоточилось преклоненіе и споры публики. Не было еще слышно ни о Джорджѣ Эдліотѣ, ни о Гербертѣ Спенсерѣ ни о Мэтью Арнольдѣ; Дарвинъ былъ извѣстенъ только какъ авторъ интересной книги о своемъ путешествіи; Тенисонъ, какъ сочинитель нѣсколькихъ недурныхъ лирическихкихъ пьесъ. «Оставался какой-то пробѣлъ, для заполнения котораго Рёскинъ былъ самымъ подходящимъ человекомъ». Несмотря на полное несход-

ство личностей и взглядовъ, авторъ считаетъ Рёскина въ известномъ смыслѣ преемникомъ Ньюмана. «Онъ былъ, можно сказать, католикъ и протестантъ сразу». Протестантъ по рожденію и воспитанію, не чуждый вѣроисповѣдной узости, ненавидѣвшій Возрожденіе,—онъ былъ католикомъ по своему душевному складу, по своей склонности владывать въ вещи таинственный смыслъ, «говорить съ непосвященнымъ языкомъ притчъ»—языкомъ всёхъ великихъ духовныхъ учителей. «Любитель искусства легко растѣрется, если, созерцая какую-нибудь замѣчательную картину, прочтетъ при этомъ описаніе великаго критика: онъ тщетно будетъ стараться приложить описаніе къ тому, что онъ видитъ передъ глазами. Что критикъ нашелъ въ картинѣ готовымъ и что онъ внесъ въ нее самъ? По временамъ Рёскинъ самъ готовъ былъ усомниться въ себѣ. «Неужели Шекспиръ думалъ обо всемъ этомъ?»—спросилъ онъ какъ-то пріятеля, послѣ одной лекціи о Шекспирѣ.—«Ужъ во всякомъ случаѣ не меньше, а скорѣе больше насъ», отвѣчалъ тотъ.—«Да, вотъ и я то же полагалъ о Тернерѣ,—замѣтилъ грустно Рёскинъ,—но теперь я ужъ не знаю».—«Конечно, прибавляетъ авторъ,—эти колебанія учителя только сильнѣе отбѣиваютъ неподдѣльность его пророческихъ откровеній.—«Рёскинъ для каждого читателя былъ тѣмъ, чѣмъ служатъ очки для близорукихъ глазъ». Онъ открывалъ вновь предметы, которые казались давно знакомыми и известными. Авторъ прибавляетъ, что личное вліяніе Рёскина было еще несравненно сильнѣе, чѣмъ дѣйствіе его произведеній, хотя онъ не импонировалъ сразу, какъ Ньюманъ. Онъ становился ближе, непосредственнѣе къ душѣ собеседника, заставлялъ забыть о разстояніи между ними и собой. И самъ онъ былъ замѣчательно доступенъ всякому вліянію со стороны. А, главное, онъ жилъ своими убѣжденіями: можно спорить объ ихъ глубинѣ и послѣдовательности, но онъ и его идею—это было одно.

Въ послѣдней книгѣ «Nuova Antologia» Цезарь Ломброзо посвящаетъ первую статью велосипеду, рассматривая его съ криминологической точки зрѣнія. Вѣрный своей излюбленной теоріи, итальянскій ученый стремится опредѣлить роль, которую играетъ велосипедъ въ развитіи и распространеніи различныхъ видовъ преступленій въ Италіи. Всякій новый механизмъ, входящій въ обиходъ человѣческой жизни, говоритъ Ломброзо, увеличиваетъ цифру и причины какъ преступленій, такъ и безумія. Ломброзо при этомъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что и графофонъ, введенный теперь въ употребленіе, уже успѣлъ сдѣлаться «орудіемъ мщенія и клеветы». Но вліяніе велосипеда на преступность оказывается гораздо сильнѣе и притомъ настолько сильнымъ, что Ломброзо приписываетъ ему огромное число преступленій, воровства и даже убійства, совершенныя молодыми людьми изъ хорошаго круга. Конечно, Ломброзо торопится прибавить, что такое вліяніе велосипеда въ особенности сказывается у природенныхъ преступниковъ, и подкрѣпляетъ свои слова нѣсколькими примѣрами. Во всѣхъ приведенныхъ имъ случаяхъ покражи велосипеда существовали аномалии въ развитіи черепа. Въ одномъ изъ цитируемыхъ имъ примѣровъ молодой человѣкъ, 19 лѣтъ, убилъ своего сосѣда, чтобы украсть у него деньги, нужныя ему для покупки велосипеда. «Это былъ красивый мальчикъ,—говоритъ Ломброзо,—съ огромнымъ черепомъ, притупленною боковою чувствительностью и суженнымъ полемъ зрѣнія. У него также были признаки эпилепсиса. Мать его была истерична, одинъ изъ дядей самоубійца, а кузина его матери страдала эпилепсией». Все это были, по мнѣнію Ломброзо, antecedенты, заставившіе его совершить преступленіе подъ вліяніемъ увлеченія спортомъ.

На этихъ примѣрахъ Ломброзо заканчиваетъ свое изученіе велосипеда, какъ «причины преступленія» и во второй главѣ уже изучаетъ велосипедъ какъ и «орудіе преступленія». Но и тутъ онъ снова говоритъ о молодыхъ людяхъ съ ненор-

мально развитымъ черепомъ, которые занимались продажей похищенныхъ велосипедовъ или купленныхъ въ кредитъ. Впрочемъ, тутъ среди героевъ попадаются военные или бывшіе военные, избѣгающіе преслѣдованія благодаря быстротѣ велосипеда. Затѣмъ Ломброзо, посвящаетъ главу мелкимъ преступлениямъ и псевдо-преступленіямъ. Читая эту главу, можно только удивляться способности почтеннаго ученаго отыскивать связь между фактами, повидямому, не имѣющими никакого отношенія другъ къ другу. Кромѣ того, статья эта указываетъ также на огромную изобрѣтательность автора и на обиліе темъ для подобныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ какъ вѣдь, такимъ образомъ, можно изучать съ криминологической точки зрѣнія всѣ предметы домашняго обихода и опредѣлить степень ихъ вліянія на развитіе преступныхъ наклонностей у человѣка!

Фицъ-Джеральдъ Марриотъ, изъ лондонскаго археологическаго института, сообщаетъ въ «Revue des Revues», интересныя свѣдѣнія о тайныхъ обществахъ африканскихъ негровъ. Такихъ обществъ довольно много и они встрѣчаются у разныхъ африканскихъ племенъ. У племени Ибибю, проживающаго въ области, лежащей на дорогѣ къ рѣкѣ Кива Ибо, существуютъ два тайныхъ общества; одно изъ нихъ называется Эгбо, другое—Идионъ. Это послѣднее болѣе могущественное. Въ дѣйствительности тайну составляютъ только обряды посвященія и церемоніи, такъ какъ существованіе этихъ обществъ всѣмъ извѣстно и всѣ жители этой мѣстности смотрятъ на членовъ этого общества какъ на своихъ духовныхъ руководителей и защитниковъ противъ злыхъ духовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Африки бывають случаи, что мальчики десяти-четырнадцати лѣтъ вдругъ пропадаютъ. Это ихъ похитили старшины тайнаго общества, чтобы посвятить во всѣ его мистеріи. Мальчики остаются въ лѣсу, въ священномъ мѣстѣ и не показываются въ публикѣ. Если же они выходятъ изъ лѣса, то надѣваются для этого особый костюмъ, который тотчасъ же снимають по возвращеніи въ лѣсъ. Лицо покрывается маской и эта маска представляетъ главный атрибутъ тайной силы; тотъ, кто имѣетъ ее на лицѣ, узнаеть тайны другихъ и ничто не можетъ скрыться отъ его проницательности, ни похищенные или потерянные предметы, ни факты, тщательно скрываемые отъ всѣхъ. Когда члены тайнаго общества выходятъ изъ лѣса, то они всѣ носятъ маски и подвигаются, танцуютъ. Женщинамъ воспрещено смотрѣть на нихъ, такъ какъ носеніе маски внушаетъ такое же почтеніе, какое вѣрующіе питають къ духамъ. Члены общества, чтобы усилить впечатлѣніе и таинственность, мѣняютъ голосъ, издаютъ особенные крики и чаще всего употребляютъ діалектъ, совершенно различный отъ того, на которомъ говоритъ племя.

Когда членъ тайнаго общества Эгбо пожелаетъ усилить свое вліяніе среди племени, то онъ вступаетъ въ Идионъ. Для этого ему надо пройти всѣ стадіи посвященія. Когда онъ будетъ принятъ, то надѣваетъ на голову тонкій сурукъ. Это единственный вѣншній признакъ, отличающій Идионъ отъ Эгбо. Члены обоихъ обществъ даютъ священное обѣщаніе никогда не воровать, не лгать, не измѣнять женамъ и вообще не совершать никакого дурнаго поступка. Обѣщанія эти выполняются самымъ священнымъ образомъ. Благодаря тому, что это тайное общество имѣетъ священныи характеръ, члены его составляютъ высшій совѣтъ, пользующійся большою властью. Всѣ вопросы, политическіе и религиозные, рѣшаются ими, а также всѣ споры, возникающіе по какому бы то ни было поводу. Верховный глава тайнаго общества пользуется властью и авторитетомъ настоящаго короля и имѣетъ рѣшающій голосъ. Никто не смѣетъ оспаривать его рѣшенія. Если кто-нибудь изъ членовъ этого общества возьметъ подъ свое покровительство иностранца, то безопасность его вполне обезпечена.

Эти тайныя общества оказываютъ племени услугу еще тѣмъ, что исполняютъ настоящія полицейскія обязанности, поддерживаютъ порядокъ, уважи-

вають споры, однимъ словомъ, господствуютъ надъ племенемъ и руководятъ имъ не только посредствомъ страха, который они внушаютъ, но и посредствомъ почтенія. Такія общества можно найти какъ на берегахъ Нигера, такъ и на Невольничьемъ берегу. Они организованы такъ же правильно, какъ вѣюгда средневѣковые цехи въ Европѣ, и представляютъ настоящее политическое и судебное учрежденіе, стоящее на стражѣ туземныхъ обычаевъ. Они обладаютъ большимъ могуществомъ въ странѣ, потому что негры все-таки настолько цивилизованы, что умѣють повиноваться имъ безъ сопротивленія.

Миссъ Рамденъ въ интересномъ очеркѣ «Современный мистицизмъ въ Скандинавіи» (The Nineteenth Century) знакомитъ насъ съ нѣсколькими типичными фигурами сѣверныхъ символистовъ и декадентовъ. «Мистицизмъ есть одна изъ формъ реакціоннаго движенія въ новѣйшей литературѣ. Утомившись реализмомъ и васкучивъ тенденціозными романами, читающая публика ищетъ отдохновенія въ старомъ — «измѣ», подъ новымъ видомъ. Пржежній мистикъ былъ пророкомъ и ясновидящимъ, современный — не претендуетъ на свыше ниспосланный даръ, но продолжаетъ считать свои ощущенія особенными, не похожими на ощущенія обыкновенныхъ людей. Первымъ, кто ввелъ мистицизмъ въ скандинавскую литературу, былъ матеріалистъ и дарвинистъ Якобсенъ. Онъ жилъ въ переходную эпоху, когда датская литература освобождалась отъ романтизма, но рисковала подпасть вліянію норвежской литературы, съ которой не могла конкурировать. Якобсенъ попробовалъ быть оригинальнымъ и сдѣлался главой цѣлой школы, которая сама оказала вліяніе на всю Скандинавію. Онъ еще слишкомъ реалистъ, чтобы сразу перейти въ мистицизмъ; но его глубокій пессимизмъ подготавливаетъ почву для самаго характернаго явленія мистической литературы: для новокатолицизма. По его взгляду, «цѣсни сирены» (такъ и называется самое популярное сочиненіе Якобсена) звучать надъ бурнымъ житейскимъ моремъ, привлекая неосторожнаго пловца къ безднѣ: добро и красота есть только одинъ обманъ, — иллюзія, скрывающая горькую истину.

Изъ новѣйшихъ послѣдователей мистическаго направленія въ Давни — самый яркій Йоргенсенъ. Въ противоположность Якобсену, онъ очень плодовитъ. За двѣнадцать лѣтъ писательской дѣятельности онъ издалъ пятнадцать томовъ своихъ произведеній и успѣлъ трижды переимѣнить направленіе. Онъ былъ пантеистомъ въ началѣ, потомъ сталъ новокатоликомъ и, наконецъ, перешелъ въ католицизмъ. *Синіе* выдвигается произведеніе перваго періода есть его «Древо жизни». Синіе тополи поднимаются вверхъ къ синему небу, окаймляя открытое поле; но съ этого поля тянетъ къ себѣ путника дремучій *зеленый* лѣсъ, въ самой глухой чащѣ котораго стоитъ страшное дерево жизни. Далеко сквозь туманъ свѣтитъ его блюамраморный силуэтъ и блестятъ его кроваво-красные цвѣты. На чистомъ полѣ туманъ навѣваетъ на путника тоску и апатію и гонитъ его противъ воли къ страшному дереву, въ объятіяхъ котораго онъ погибаетъ. Йоргенсенъ не хочетъ погибнуть въ объятіяхъ жизни. Онъ «вѣчный жидъ», который бѣжитъ отъ счастья, потому что доступное ему счастье только помѣшаетъ стремиться къ идеалу. Счастье приходитъ къ нему въ образѣ «синей» дѣвушки, но онъ не беретъ счастья. «Я не для любви жилъ въ мирѣ. У меня были иные планы. Моя цѣль была — возвысить свое «я», насладиться въ самомъ себѣ... Все чувства, все вниманіе къ другимъ я сжегъ на алтарѣ передъ священнымъ изображеніемъ моего «я», передъ идоломъ, который я называлъ своимъ искусствомъ». И онъ раскаялся въ своемъ языческомъ идолослуженіи. Онъ пересталъ быть жрецомъ Пана и греческихъ божествъ; онъ отправился въ странствіе по католическимъ монастырямъ Италіи и написалъ свою «Исповѣдь» и «Книгу странствій». Вечеромъ, когда далекія горы «синіи» въ

лучаяхъ заходящаго солнца, мистическій міръ нисходилъ въ душу Джованни (переставшаго быть Іоганномъ). Но утромъ, при полномъ свѣтѣ солнца, снова вставали въ душѣ сомнѣнія, конца не было вопросамъ: «я сдѣлаюсь вольтеріанцемъ, если буду еще дольше думать объ этихъ вещахъ». Изъ страха сдѣлаться вольтеріанцемъ Іоргенсенъ бѣжалъ подъ защиту католической церкви и съ мужествомъ отчаянія писалъ на ея оградѣ: «оставь свой разумъ, всячь сюда идущій». Онъ пишетъ теперь «Ложь жизни и правда жизни», рисуетъ ужасы «страшнаго суда», старается исправить грѣхъ своего «Древа жизни», выводя вновь самого себя, но исправленнаго.

Въ Норвегій наиболѣе выдающимся послѣдователемъ того же направленія является Вильгельмъ Брагъ, въ Швеціи—писательница Сельма Лагерлевъ, въ короткое время приобрѣтшая огромную репутацію. Но ни стихи перваго, ни проза послѣдней не поддаются короткой характеристикѣ.

Г. Гордонъ характеризуетъ съ англійской точки зрѣнія «Проблему средняго Востока», т. е. русско-англійскія отношенія въ Афганистанѣ и Персіи. Задачей Англии онъ считаетъ сохраненіе независимости Афганистана, какъ «нейтральнаго пояса» между Индіей и русскими среднеазиатскими владѣніями; задачей Россіи—раздѣлъ Афганистана и созданіе общей границы между обѣими великими державами. Полковникъ германскаго генеральнаго штаба Вартебургъ утверждалъ въ своей лекціи, читанной въ декабрѣ въ берлинскомъ военномъ собраніи, что за оккупаціей Герата русскими, вѣроятно, послѣдуетъ оккупація Бандагара англичанами. Затѣмъ, дѣйствительная борьба будетъ вестись за обладаніе Кабуломъ. Военному столкновенію будетъ предшествовать дипломатическая борьба за союзъ съ эмиромъ. По мнѣнію автора, эмиръ за послѣдніе 15 лѣтъ убѣдился, что Англія не покушается на независимость Афганистана, а потому онъ, въ случаѣ занятія русскими Герата, выпуститъ англичанъ въ Бандагаръ, какъ союзниковъ. Притомъ же, въ Бандагарѣ и Кабулѣ всѣ признаютъ, что Афганистанъ и Индія нуждаются другъ въ другѣ и что на Индію можно безопасно положиться. Англичане пожнутъ плоды своей добросовѣстности, съ которою въ 1880 г. они исполнили обязательство—очистить страну послѣ возстановленія правильнаго туземнаго правительства. Что касается предлога для занятія Герата, за этотъ дѣло не станетъ; военной трудности это дѣло тоже не представитъ. Послѣ занятія—Россія можетъ предложить эмиру вознаграждать его изъ доходовъ Герата, которые тогда, несомнѣнно, увеличатся.

На удачу персидскаго займа авторъ вовсе не склоненъ смотрѣть, какъ на нобѣду русской дипломатіи. Персидская казна во что бы то ни стало нуждалась въ деньгахъ; англійскіе финансисты не находили гарантій займа достаточными, а для Россіи надзоръ за пограничными съ нею таможенными, доходы которыхъ гарантируютъ заемъ,—не представлялъ никакого труда. Что касается фактическаго преобладанія русскихъ дипломатовъ въ Тегеранѣ, оно объясняется просто условіями тамошней придворной жизни. Нынѣ правящая династія, почти всѣ министры, вельможи и придворные происходятъ изъ сѣверныхъ провинцій; ихъ личные и фамильные интересы требуютъ, чтобы они были въ дружбѣ съ сѣвернымъ сосѣдомъ. Также ошибочно, по мнѣнію автора, мнѣніе, что рѣшеніе желѣзнодорожнаго вопроса есть побѣда тегеранской дипломатіи. Шахъ вовсе не желаетъ, чтобы спокойствіе Персіи было потревожено свистками локомотивовъ. Россія не желаетъ, чтобы концессіи на постройку желѣзныхъ дорогъ давались подданнымъ другихъ державъ. Обѣ стороны скрывали свои цѣли, но, въ концѣ концовъ, поняли, что до нѣкоторой степени добиваются одного и того же. Такимъ образомъ, въ 1888 г. заключено было соглашеніе, по которому русскіе получали право первенства при построеніи желѣзныхъ дорогъ на пять лѣтъ. Въ 1890 г., къ обоюдному удовольствію, это право продолжено на 10 лѣтъ еще. Шахъ былъ очень радъ, что дѣло отложено въ долгій ящикъ.

КАКЪ ЖИВЕТЪ АНГЛІЙСКІЙ РАБОТНИКЪ.

Записки нѣмецкаго рудокопа (Эрнста Дюнкерсгофа).

Эти записки первоначально печатались въ нѣмецкой газетѣ «Volkswohl», чѣмъ, между прочимъ, и объясняется ихъ нѣкоторая отрывочность, а лѣтомъ истекшаго года вышли въ Англіи отдѣльнымъ изданіемъ.

На первыхъ страницахъ авторъ сообщаетъ свою біографію. Родился онъ въ 1858 г. близъ Золингена на Рейнѣ. Съ шести до десяти лѣтъ онъ посѣщалъ начальную школу, а затѣмъ, въ виду неспособности отца къ труду, долженъ былъ прекратить ученіе и взяться за работу, поступивъ разсылнымъ на фабрику. Раньше, чѣмъ ему исполнилось тринадцать лѣтъ, его отецъ и мать умерли, и онъ сталъ вести совершенно самостоятельную жизнь. Съ этого времени и до 1890 г. онъ много странствовалъ по Германіи, работая сначала на постройкахъ, а потомъ—въ качествѣ рудокопа. Въ теченіе этого времени онъ отбылъ воинскую повинность и обзавелся семьей.

Въ 1890 г. товарищи-рудокопы выбрали его делегатомъ на конференцію въ Галле, гдѣ была основана федерація нѣмецкихъ рудокоповъ. За свое участіе въ конференціи онъ лишился работы и даже возможности найти ее, такъ какъ его имя, вмѣстѣ съ именами другихъ делегатовъ, было занесено въ черный списокъ нанимателей. Въ 1891 г. онъ былъ посланъ делегатомъ на международный конгрессъ въ Парижѣ. Въ виду начавшихся послѣ возвращенія систематическихъ преслѣдованій на родинѣ, онъ покинулъ Германію и наудачу отправился въ Ньюкестль на «Тайнѣ», гдѣ и остался работать въ каменноугольной копи. Нижеслѣдующія записки—это результатъ его личныхъ наблюденій жизни англійскаго работника, главнымъ образомъ, въ Ньюкестлѣ и въ его окрестностяхъ.

Условія труда въ каменноугольной промышленности.

Положеніе рудокопа въ Англіи несравненно лучше, чѣмъ въ Германіи. Меня положительно изумляетъ теперь, какимъ образомъ въ Германіи можетъ быть терпимо такое грубое обращеніе съ рудокопами.

Въ здѣшнихъ копяхъ царитъ духъ товарищества. Каждое приказаніе отдается и выполняется по-дружески и работать тутъ просто удовольствіе. Нѣмца особенно поражаетъ обращеніе служащихъ съ работниками. Первые вопросы обыкновенно бываютъ таковы: «Какъ идутъ ваши дѣла?» «Если ли у васъ табакъ?» или «Какъ поживаетъ ваша семья?» «Зарабатываете ли вы что-нибудь на этомъ мѣстѣ?»

Сразу видно, что эти служащіе получаютъ определенное вознагражденіе безъ всякихъ премій съ добычи угля. Между тѣмъ, эти-то преміи всего больше и вредятъ рудокопу. Надсмотрщикъ нисколько не заботится здѣсь о томъ, лѣнливъ рудокопъ или прилежитъ, такъ какъ на его собственномъ заработкѣ это нисколько не отзовется, а отзовется лишь на заработкѣ самого рудокопа. Не чѣмъ прилежитъ рудокопъ, тѣмъ большимъ уваженіемъ онъ пользуется среди своихъ товарищей.

Столь часто практикуемое въ Германіи наказаніе лицъ, непріятныхъ для администраціи копи, посредствомъ помѣщенія ихъ въ худшія шахты, невозможно здѣсь, потому что каждые три мѣсяца мѣста работы забойщиковъ распределяются по жребію. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ. Въ пятницу послѣ полудня, передъ началомъ новой четверти года, три члена союза рудокоповъ и трое служащихъ при коняхъ собираются въ помѣщеніи, нанимае-

момъ союзомъ. Они пишутъ имена рудокоповъ на однихъ кусочкахъ бумаги, а номера мѣстъ въ шахтахъ—на другихъ, послѣ чего эти билетика вынимаются попарно двумя школьниками подъ присмотромъ присутствующихъ. На слѣдующій день вечеромъ, т. е. въ субботу, каждый рудокопъ переноситъ свои инструменты на свое новое мѣсто и затѣмъ возвращается домой.

Англійскій рудокопъ пользуется всякими удобствами. У каждаго забойщика есть небольшая скамеечка, которую онъ можетъ повышать и понижать, приспособляя ее къ положенію угля. Забойщикъ всегда работаетъ сидя на этой скамеечкѣ, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда слой угля идетъ отвѣсно. Такъ, какъ при сидѣніи лѣвый локоть забойщика опирается на лѣвую ногу, то его грудь меньше напрягается, какъ равно и предплечье. Вентиляция въ коняхъ очень хороша; сверхъ того, шахты въ Нортумберлендѣ и Дургеми не особенно глубоки.

Трудъ забойщика ограничивается добываніемъ угля; работы же по укрѣпленію шахтъ и разнымъ другія выполняются особыми людьми, работающими поденно. Рабочій день здѣсь очень коротокъ. Забойщики, напримѣръ, работаютъ всего лишь шесть часовъ въ день, а именно: съ 10 час. утра до 4 ч. дня или съ 4 ч. до 10 ч. вечера. Средній дневной заработокъ равняется 5 шиллингамъ 6 пенсамъ (немного болѣе 2 р. 60 коп.). *) Сверхъ урочная работа не практикуется. Расчетъ производится черезъ каждыя двѣ недѣли по пятницамъ. На другой день послѣ получки работы не бываетъ.

Присоединяясь къ союзу, рудокопъ уплачиваетъ одновременно пять шиллинговъ, а затѣмъ каждыя двѣ недѣли—семь пенсовъ. Каждый членъ, въ случаѣ стачки или отсутствія работы, получаетъ изъ кассы союза двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю, если онъ женатъ, и—пять шиллинговъ въ недѣлю, если онъ холостъ. Рудокопы каждой копи выбираютъ трехъ лицъ для приѣма жалобъ отъ работниковъ и нанимаютъ помѣщеніе, въ которомъ всѣ рудокопы собираются разъ въ двѣ недѣли. Жалобы работниковъ обсуждаются и сообщаются администраціи копей, которая немедленно удовлетворяетъ ихъ, если онѣ оказываются основательными.

Въ коняхъ всюду развѣшаны правила, но обыкновенно не подписанныя работниками. Правила эти не похожи на нѣмецкія и не грозятъ на каждомъ шагѣ штрафами. Всякій, поступаая на работу, тѣмъ самымъ принимаетъ на себя обязательство подчиняться этимъ правиламъ. Рабочіе союзы слѣдятъ, однако, за тѣмъ, чтобы права и обязанности были взаимобязующи. Штрафа за прогулъ не полагается. Отъ рудокопа не требуется, чтобы онъ сообщалъ администраціи копи свое имя. Сообщить ли онъ свое настоящее имя, или вымышленное—это и для нанимателей, и для полиціи безразлично. Тутъ имѣетъ значеніе лишь поведеніе человека. О прибытіи и отъѣздѣ работника полиціи сообщать не нужно.

Въ здѣшнихъ коняхъ принята сдѣльная плата, разнѣръ которой устанавливается на каждую четверть года и измѣняется въ соответствии съ измѣненіемъ цѣны на уголь.

Если рудокопъ проработаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на хорошемъ мѣстѣ, то онъ можетъ заработать очень много; человекъ же, которому досталось плохое мѣсто, утѣшаетъ себя надеждой получить болѣе хорошее при слѣдующемъ перераспределеніи. Если, однако, кому-нибудь достанется такое мѣсто, на которомъ установленная сдѣльная плата окажется невыгодной, то онъ воленъ работать поденно и въ этомъ случаѣ получаетъ пять шиллинговъ за восьмичасовую смѣну. Забойщики, однако, рѣдко прибѣгаютъ къ этому, предпочитая надѣяться на лучшей жребій въ слѣдующую четверть года.

*) При переводѣ на наши теперешнія деньги шиллингъ составляетъ 48 коп., а пенсъ—4 коп.

Англійскій рудокопъ проявляетъ большое вниманіе къ слабымъ и престарѣлымъ товарищамъ. Въ Германіи, надо съ грустью сознаться, все бываетъ кончено для рудокопа, перешагнувшаго за пятидесятый годъ. Въ Англии не то: тутъ въ каждой копи для престарѣлыхъ рудокоповъ оставляются такъ называемыя «стариковскія мѣста». Это обыкновенно такія мѣста, гдѣ уголь лежитъ свободно и легко добывается, такъ что старики могутъ зарабатывать столько же, сколько зарабатываютъ другіе. Мнѣ однажды пришлось работать въ теченіе трехъ мѣсяцевъ около стариковъ. Ихъ было тринадцать человѣкъ, изъ которыхъ самому младшему было шестьдесятъ три года, а самому старшему семьдесятъ пять лѣтъ, и, однако, нѣкоторые изъ нихъ могли бы поспорить своимъ проворствомъ съ сорокалѣтнимъ германскимъ рудокопомъ. Не трудно указать причину, почему англійскій рудокопъ долговѣчѣе и сильнѣе нѣмецкаго и можетъ работать болѣе напряженно: во-первыхъ, онъ имѣетъ больше времени для отдыха, а во-вторыхъ, онъ питается не картофелемъ, а мясомъ.

Какъ заработная плата, такъ, въ сущности, и все остальное, касающееся работниковъ, регулируется здѣсь союзомъ. Споры съ предпринимателями болѣею частью улаживаются мирно. Каждый рудокопъ принуждается примкнуть къ союзу. Вотъ одинъ примѣръ этого, бывшій у меня на глазахъ. Въ копи, гдѣ я работалъ, было четырнадцать человѣкъ, не принадлежавшихъ союзу. Имъ было предложено вступить въ члены, но они не пожелали. Отъ завѣдующаго копью потребовали увольненія этихъ работниковъ, но онъ отказался. Тогда было рѣшено приостановить работу и, по окончаніи смѣны, администраціи копи было заявлено объ этомъ всѣми рудокопами въ количествѣ 451 человѣка. Управляющій отказался принять увѣдомленіе о приостановкѣ работы, сказавъ, что онъ готовъ уволить работниковъ, не принадлежащихъ къ союзу, послѣ чего тѣ изъявили согласіе поступить въ члены союза. Каждый изъ нихъ, сверхъ обычнаго взноса, долженъ былъ уплатить еще штрафъ въ размѣрѣ десяти шиллинговъ.

Враждебно или благосклонно относятся предприниматели къ союзу—этого я не берусь рѣшать, такъ какъ они не высказываются на этотъ счетъ. Что касается газетъ, то онѣ сообщаютъ свѣдѣнія о дѣлахъ союза точно такъ же, какъ и всякія другія новости. Въ общемъ, предприниматель проявляетъ здѣсь большой интересъ къ положенію своихъ работниковъ, а тѣ, въ виду человѣчнаго отношенія къ нимъ, сами устанавливають въ своей средѣ контроль и устраняютъ недобросовѣстныхъ работниковъ.

На двухнедѣльныхъ собраніяхъ рудокоповъ присутствуютъ служащіе при копяхъ, которые такъ же, какъ и работники, излагаютъ при этомъ свои претензіи, что сильно содѣйствуетъ взаимному пониманію. Рабочіе отношеніе къ заводской администраціи совершенно чуждо англійскому работнику.

Большое ежегодное собраніе союза нортумберлендскихъ рудокоповъ бываетъ 1 го іюля на берегу моря въ Блѣтѣ, въ шестнадцать миль къ сѣверу отъ Ньюкестля. На это собраніе смотрятъ скорѣе какъ на праздникъ: рудокопы отправляются туда ва ботахъ, въ омнибусахъ и по желѣзной дорогѣ въ сопровожденіи музыки. На собраніи этого года (1897) присутствовало нѣсколько членовъ парламента, которые пріѣхали на собраніе. Митингъ продолжался отъ часу до шести; присутствовало нѣсколько тысячъ рудокоповъ, но не было ни одного полицейскаго. Я не могъ не вспомнить при этомъ о моемъ нѣмецкомъ отечествѣ.

Во многихъ мѣстахъ сѣверной Англии недавно произошли стачки, главная причина которыхъ—недовольство заработной платой. Испытавши въ Германіи на самомъ себѣ, какъ различно примѣняются предписанія закона, когда имѣютъ дѣло съ работниками, я внимательно наблюдалъ здѣсь, какъ будутъ вести

себя власти. Пьяный стачечникъ-фонарщикъ разбилъ уличный фонарь. Въ Германіи его приговорили бы за это къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, а здѣсь—лишь къ уплатѣ двадцати шиллинговъ штрафа и судебныхъ издержекъ. Были тутъ и небольшія столкновенія между стачечниками и лицами, не примкнувшими къ стачкѣ. Такія столкновенія случаются вездѣ во время стачекъ и не могутъ быть вполне предотвращены; но здѣсь они оканчиваются самое большее штрафомъ, а въ Германіи они могутъ привести къ примѣненію властями оружія. Здѣсь все, дозволенное одной сторонѣ, признается дозволеннымъ и другой; всякія же политическія соображенія оставляются въ сторонѣ и при стачкахъ тутъ имѣется лишь двѣ стороны: стачечники и ихъ наниматели. Такой ненависти и взаимнаго озлобленія, какъ въ Германіи, тутъ не встрѣтишь. Капиталистъ прибѣгаетъ здѣсь къ тѣмъ же средствамъ, какъ и въ Германіи, но онъ не пользуется при этомъ поддержкой властей и, сверхъ того, сильно побаивается общественнаго мнѣнія, которое обыкновенно бываетъ на сторонѣ работниковъ.

Это хорошо было видно во время стачки на сѣверо-восточной желѣзной дорогѣ. Желѣзнодорожные работники выбрали комитетъ изъ пяти человекъ для переговоровъ съ директорами относительно заработной платы. Эти пять человекъ немедленно были уволены администраціей дороги. Тотчасъ же послѣдовала общая остановка всѣхъ работъ. Всѣ союзы работниковъ, занятыхъ въ промышленности передвиженія, приготовились къ борьбѣ. Работники на докахъ въ полномъ составѣ примкнули къ стачкѣ. Стачечники проявляли величайшую эмергію. На станціи не пропускали ни одного человекъ, который не могъ объявить, куда онъ идетъ. Переходя отъ одной станціи къ другой, стачечники убѣждали своихъ товарищей, еще продолжавшихъ работу, присоединиться къ нимъ и успѣвали въ этомъ. Товарное движеніе почти совсѣмъ замерло, а пассажирское было сильно стѣснено. Продлилась стачка еще два дня — и по всей Англіи и Шотландіи желѣзнодорожная служба совсѣмъ бы остановилась. Въ докахъ стояло сорокъ пароходовъ, готовыхъ къ нагрузкѣ, но вынужденныхъ бездѣйствовать, вслѣдствіе присоединенія доковыхъ работниковъ къ стачкѣ. Работа въ каменноугольныхъ копяхъ совершенно прекратилась, потому что къ конямъ не подавали вагоновъ. Изъ всѣхъ крупныхъ городовъ стачечники получили привѣтствія и среди желѣзнодорожныхъ работниковъ Англіи и Шотландіи царилъ полное единодушіе. Если принять во вниманіе, что Англія получаетъ всѣ свои пищевые запасы изъ чужихъ краевъ, то станетъ ясно, насколько серьезны могли быть послѣдствія такой стачки.

Желѣзно-дорожные директора, повидимому, полагали, что стоятъ имъ только уволить комитетъ—и вопросъ о заработной платѣ на долгое время будетъ отложенъ въ сторону. Но на второй день стачки общество начало сознавать всю серьезность положенія. Директора изъявили готовность вступить переговоры. Желѣзнодорожные служащіе избрали для этой цѣли комитетъ изъ десяти лицъ. Переговоры привели къ тому, что всѣ уволенные служащіе должны быть вновь приняты, а нанятые на ихъ мѣста должны быть уволены; къ обсужденію же вопроса о сокращеніи рабочаго дня и о повышеніи заработной платы рѣшено было приступить черезъ десять дней.

Всего стачка продолжалась четыре дня. Желѣзнодорожные служащіе очень гордятся своей побѣдой. Союзъ служащихъ на сѣверо-восточной желѣзной дорогѣ имѣетъ фондъ въ размѣрѣ 100.000 фунтовъ стерлинговъ (около 950.000 руб.).

Слѣдуетъ добавить, что разъ столкновеніе заканчивается, между работниками и предпринимателемъ опять устанавливаются старыя отношенія, чего не бываетъ въ Германіи.

Домашняя жизнь и хозяйство.

По моему мнѣнію, въ Англіи работнику гораздо легче создать и поддерживать свой домъ, чѣмъ въ Германіи. О послѣдней страшѣ я могу говорить, разумеется, лишь на основаніи моего личнаго опыта въ каменноугольныхъ районахъ.

Можно было бы думать, что германскій работникъ въ состояніи дѣлать сбереженія, но это не такъ. Тамъ, гдѣ дешева жизнь, низка заработная плата; тамъ же, гдѣ плата высока, какъ, напримѣръ, вблизи городовъ, наемъ помѣщенія и провізія тоже обходятся дороже. Я всѣми силами старался дѣлать сбереженія, но безуспѣшно. Заработная плата сбивается тамъ пришлыми работниками, и рудокопъ просто растрчиваетъ свои силы. Въ Германіи я зарабатывалъ въ среднемъ восемьдесятъ марокъ въ мѣсяцъ (около 37 руб.), а здѣсь я заработалъ въ теченіе 1895 г., согласно записямъ въ конторскихъ книгахъ, 77 фунт. стерл. 12 шиллинговъ и 7 пенсовъ (около 737 руб.).

Я увѣренъ, что изъ двухгодичнаго заработка я буду въ состояніи отложить здѣсь кое-что на черный день, тѣмъ болѣе, что нѣмцу гораздо легче дѣлать сбереженія, чѣмъ англичанину, болѣе требовательному въ своихъ привычкахъ.

Питаніе рудокопа здѣсь приблизительно таково. Онъ встаетъ около восьми часовъ и принимается за завтракъ, состоящій изъ ветчины или свинины, пары яицъ, хлѣба и чаю. Отправляясь на работу, онъ захватываетъ съ собой въ шахту ломта два хлѣба и кусокъ мяса или сыру. Покончивъ съ работой въ четыре часа дня, онъ обѣдаетъ, причѣмъ его обѣдъ состоитъ изъ мяса и пуддинга, или изъ супа и яицъ, или изъ супа и мяса. На ужинъ у него бываетъ сыръ или мясо, хлѣбъ и чай. Родъ мяса постоянно мѣняется. Пуддингъ, изготовляемый изъ риса и муки, въ большомъ здѣсь ходу.

Провізія обыкновенно закупается большими количествами. За нѣсколько дней до получки, крупные торговцы посылаютъ своихъ людей по домамъ рудокоповъ за полученіемъ заказовъ. Надо замѣтить, что всѣ рудокопы покупаютъ провізію исключительно у крупныхъ фирмъ. Заказы записываются въ книгу, и, часъ спустя послѣ полученія рудокопами платы, тяжело нагруженные тележки торговцевъ объѣзжаютъ дома рудокоповъ. Каждый получаетъ то, что онъ заказывалъ, и расплачивается немедленно.

Система торговли въ долгъ, принятая столь многими нѣмецкими торговцами, не практикуется здѣсь. Каждый тотчасъ же уплачиваетъ за все, включая напитки. По моему мнѣнію, это очень хорошо, потому что кредитъ всегда кончается плохо для работника, обыкновенно забирающаго въ долгъ больше, чѣмъ позволяютъ его заработки; торговцы же ограждаютъ себя отъ потерь или надбавками въ цѣнахъ, или продажей товаровъ низшаго качества, а въ концѣ-концовъ нѣрѣдко вознаграждаютъ себя еще движимымъ имуществомъ работника. Нѣмецкій работникъ такъ же, какъ и англійскій, стремится создать себѣ приличную обстановку и гордится, если при переездѣ на другую квартиру у него наберется мебели на цѣлый возъ. Но если вы освѣдомитесь объ этой хорошей мебели черезъ пять или шесть лѣтъ, то узнаете, что она пошла съ молотка.

Въ англійскихъ жилищахъ нѣтъ мѣста для особенно большого количества мебели, а главные предметы ея устроены въ самихъ комнатахъ. Переезды на другую квартиру можно наблюдать здѣсь по субботамъ. При этомъ оказывается, что одна небольшая тележка, запряженная маленькой лошадкой, вполне достаточна для перевозки всего имущества средняго работника. Домовладельцы, однако, ничѣмъ не рискуютъ вслѣдствіе этого, потому что наемная плата за помѣщеніе вносится за недѣлю впередъ. Я плачу за свое помѣщеніе за двѣ недѣли впередъ, что несравненно удобнѣе для меня, чѣмъ плата по четвертямъ, такъ широко принятая въ Германіи.

Хотя у англійскаго работника не особенно много мебели, однако онъ умѣетъ придать своему жилищу уютный и привлекательный видъ, изобрѣтая въ часы досуга различныя вещи для украшенія.

Я не разъ бесѣдовалъ съ товарищами здѣсь нѣмцами о преимуществахъ жизни англійскаго работника и часто слышалъ въ отвѣтъ: «въ Германіи тоже было бы хорошо жить, если бы тамъ можно было расходовать такія деньги, какъ здѣсь».

Одна изъ особенностей хозяйства здѣшнихъ работниковъ состоитъ въ томъ, что каждая семья сама печетъ для себя хлѣбъ, причемъ англичанки, какъ оказывается, больше понимаютъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ многіе нѣмецкіе пекари. Пшеничная мука стоитъ отъ 10 до 18 пенсовъ (40—72 коп.) за «стонъ» (14 англійскихъ фунтовъ=15½ русскимъ фунтамъ). Такъ какъ рабочія семьи имѣютъ обыкновенно много дѣтей, а дѣти, какъ извѣстно, много ѣдятъ хлѣба, то такая дешевизна муки является одной изъ крупныхъ здѣшнихъ выгодъ. Я, напримѣръ, съ женой и четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ трое ходятъ въ школу и много ѣдятъ хлѣба, расходую на него всего два шиллинга въ недѣлю (96 коп.), покупая два «стона» муки по шиллингу за «стонъ». Печеніе хлѣба производится каждую недѣлю, причемъ, кромѣ хлѣба, пекутъ различныя пироги и парожки. Печь для хлѣба имѣется въ каждой квартирѣ, такъ что всѣ добавочныя расходы ограничиваются лишь лишнимъ ащикомъ для угля.

Вотъ цѣны главныхъ продуктовъ *):

Пшеничная мука	за 15½ ф.	отъ 40 до 72 к.
Говядина	за фунтъ	» 14 » 32 »
Баранина	»	» 16 » 24 »
Солонина	»	» — » 24 »
Американская соленая свинина ...	»	» 14 » 24 »
Американское топленое свиное сало	»	» — » 20 »
Бобы и зеленый горошекъ	»	» 6 » 10 »
Соль въ кускахъ	»	» — » 1 »
Рисъ	»	» 6 » 10 »
Мелкій сахаръ	»	» 4 » 6 »
Головной сахаръ	»	» — » 8 »
Боринка	»	» 6 » 10 »
Изюмъ	»	» 10 » 14 »
Чай	»	» 48 » 72 »
Масло	»	» 48 » 64 »
Маргаринъ	»	» 20 » 44 »
Голландскій сыръ	»	» — » 21 »
Мыло въ брускахъ	»	» 6 » 10 »
Сода	за 15½ фунт.	» — » 24 »

Англійская хозяйка не любитъ тяжелой работы и вообще про нее нельзя сказать, чтобы она очень усиленно работала, однако все въ ея домѣ чище, чѣмъ въ такомъ же домѣ въ Германіи. Достигается это тѣмъ, что здѣсь гостиная, кухня и лѣстница застланы ковромъ или клеенкой, что устраняетъ мытье половъ; подобная же экономія въ трудѣ получается и во многомъ другомъ.

*) Для облегченія сравненія, цѣны этой таблицы переведены на русскія деньги, причемъ шиллингъ считался за 48 коп., а пенсъ за 4 коп. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой таблицѣ указаны цѣны англійскаго фунта, который тяжелѣе русскаго на одну десятую. Интересно, между прочимъ, тотъ фактъ, что болѣе богатый англійскій работникъ, какъ оказывается, имѣетъ возможность покупать чай вътрое дешевле, чѣмъ русскій работникъ, а сахаръ—дешевле въ два-три раза, хотя значительная доля этого сахара доставляется туда изъ Россіи. *Примеч. перес.*

Стирка, напримѣръ, самая тяжелая работа нѣмецкой хозяйки, легко выполняется здѣсь благодаря совершенно другимъ приемамъ работы.

Что касается жилищныхъ условий, то въ этомъ отношеніи положеніе здѣшняго работника несравненно болѣе благопріятно, чѣмъ въ Германіи. Многіе владѣльцы копей и фабрикъ имѣютъ для своихъ работниковъ жилища, которыя и представляютъ имъ бесплатно. Если рудокопъ не пожелаетъ пользоваться однимъ изъ такихъ жилищъ, то ему выдается нѣкоторая сумма въ видѣ квартирныхъ денегъ и бесплатно доставляется топливо.

Рабочіе кварталы здѣсь довольно невзрачны на видъ, такъ какъ англичане вообще мало придаютъ значенія наружной красотѣ ихъ жилищъ, заботясь лишь объ удобствѣ и уютности внутри. Тамъ, гдѣ строятся нѣсколько домиковъ, всегда оставляется свободное пространство для игръ. Это совершенно не практикуется въ Германіи, гдѣ изъ каждаго клочка земли стараются извлечь деньги, какія бы послѣдствія отъ этого ни произошли для другихъ людей.

Въ Германіи я немало посѣтилъ рабочихъ жилищъ, внѣшній видъ которыхъ значительно превосходилъ здѣшнія рабочія жилища; внутренность же часто оказывалась мрачной и невзрачной; тогда какъ здѣсь нѣкоторый комфортъ замѣтенъ во всѣхъ рабочихъ жилищахъ. Здѣшніе работники любятъ жить въ этихъ поселкахъ, и тутъ нерѣдко можно встрѣтить семейства, которыя живутъ въ томъ же домѣ въ теченіе двадцати, тридцати и даже сорока лѣтъ. Въ Германіи каждый порядочный работникъ брезгливо сторонится отъ рабочихъ поселеній и они населены, главнымъ образомъ, иностранцами.

Теперь я скажу нѣсколько словъ объ устройствѣ домовъ. На той улицѣ, гдѣ я живу, имѣется восемьдесятъ три дома. Каждый домъ имѣетъ два этажа, двѣ двери на улицу, двѣ двери на дворъ и предназначается лишь для двухъ семействъ. Расположеніе домовъ всей улицы совершенно одинаковы. Въ каждомъ этажѣ двѣ комнаты. Передняя комната нижняго этажа имѣетъ двѣнадцать футовъ длины и пятнадцать футовъ ширины. Задняя комната имѣетъ пятнадцать футовъ въ квадратѣ. Передняя комната короче потому, что отъ нея три фута отнимаетъ лѣстница, ведущая во второй этажъ. Обѣ комнаты имѣютъ двѣнадцать футовъ высоты и могутъ быть нагрѣваемы при помощи каминовъ, вдѣланныхъ въ стѣну. Каминъ занимаетъ шесть футовъ стѣны, оставляя два угла для шкафовъ, употребляемыхъ для платья, посуды и кухонныхъ принадлежностей. Передняя комната обыкновенно служитъ спальней; при многочисленномъ же семействѣ спятъ въ обѣихъ комнатахъ. Бухня представляетъ маленькую комнату съ небольшимъ окномъ, выступающую сзади во дворъ и имѣющую девять футовъ длины и семь съ половиною футовъ ширины. Во внутреннюю стѣну кухни вдѣланъ мѣдный котелъ, вмѣщающій пополамъ ведро воды для кухонныхъ и прачечныхъ цѣлей, а на противоположной наружной стѣнѣ помѣщается водопроводный кранъ и сточная труба. Вдоль стѣны между котломъ и сточной трубой устроенъ столъ въ три фута ширины, предназначаемый для мытья и для чистки платья. Задній ходъ въ квартиру идетъ черезъ эту кухню.

Верхній этажъ расположенъ совершенно такъ же; тамъ есть лишь еще маленькая площадка, выступающая надъ лѣстницей. Задній дворъ обнесенъ стѣной, имѣетъ восемнадцать футовъ въ квадратѣ и содержитъ отдѣльный для каждой квартиры сарай для угля и общій для двухъ квартиръ ватеръ-клозетъ. Въ домѣ нѣтъ ни чердака, ни погреба, такъ что нельзя дѣлать никакихъ запасовъ. Это единственный недостатокъ такихъ жилищъ.

Нижній этажъ сдается по пяти съ половиною шиллинговъ въ недѣлю, а верхній—по пяти шиллинговъ, при чемъ квартирная плата собирается еженедѣльно или черезъ двѣ недѣли, смотря по тому, когда работники получаютъ свою плату; въ эти же сроки дается увѣдомленіе и объ отказѣ отъ квартиры. Во время

собиранія квартирной платы агентъ домовладѣльца обходитъ всѣ дома одинъ за другимъ. Всѣ пошлины и налоги включены въ вышеуказанную плату; но если кто-нибудь снимаетъ цѣлый домъ, то тотъ бываетъ долженъ уплачивать еще налогъ въ пользу бѣдныхъ, взимаемый по полугодіямъ. На нѣкоторыхъ улицахъ (дома одной улицы въ Ньюкестлѣ обыкновенно одинаковы) каждая квартира снабжена ванной комнатою, что отзывается на квартирной платѣ прибавкой шести пенсовъ или шиллинга въ недѣлю.

Англійскій работникъ очень цѣнитъ домашній покой, а потому люди съ многочисленными семействами предпочитаютъ жить въ нижнихъ этажахъ, чтобы устранить неудовольствіе изъ-за шума, производимаго дѣтьми.

Дома стараго типа въ два или три этажа съ однимъ переднимъ и однимъ заднимъ входомъ еще существуютъ на главныхъ улицахъ. Въ каждомъ такомъ домѣ помѣщается пять или шесть семействъ и въ этихъ домахъ три комнаты въ одномъ этажѣ можно имѣть за два шиллинга въ недѣлю. Но англичане стараются возможно скорѣе отдѣлаться отъ такихъ домовъ.

Благодаря болѣе высокимъ заработкамъ и лучшимъ жилищнымъ условіямъ, здѣсь гораздо меньше бываетъ домашнихъ ссоръ, чѣмъ въ Германіи. Тамъ мнѣ часто приходилось жить съ шестью или семью семействами въ одномъ домѣ, и сплошь и рядомъ случалось, что когда глава семейства возвращался съ работы домой, его ужинъ бывалъ отравленъ разказами жены о ссорахъ съ соседками. Тамъ я часто недоумѣвалъ, почему дѣти въ такихъ домахъ обыкновенно такъ грубы, и, лишь переѣхавъ въ Англію, понялъ это. Если дѣти слышать изъ устъ родителей лишь бранныя слова, вызываемыя тѣсною помѣщеніемъ и недостаткомъ средствъ, и если у родителей совершенно не остается времени заниматься своими дѣтьми, то неудивительно, что послѣдвія грубѣютъ. Въ Германіи много разглаговльствуютъ о грубости работниковъ, но совершенно забываютъ о причинахъ этого.

Отношеніе къ дѣтямъ.

Ученье въ начальныхъ школахъ начинается здѣсь не въ семь или восемь часовъ, какъ въ Германіи, а лишь въ девять и продолжается до половины перваго, а затѣмъ съ двухъ и до половины пятаго ежедневно, за исключеніемъ субботы, когда ученія не бываетъ. Въ школахъ ученики все получаютъ бесплатно: книги, грифельныя доски и до карандашей включительно, причѣмъ по окончаніи уроковъ все это возвращается учителю.

Школьный возрастъ считается въ Германіи съ шести лѣтъ; здѣсь же съ пяти, и ребенокъ посылается въ школу не съ опредѣленнаго дня года, а въ его пятый день рожденія.

Что касается обязательности посѣщенія школъ, то школьнымъ совѣтомъ назначено нѣсколько лицъ для наблюденія за регулярнымъ посѣщеніемъ дѣтьми школъ, причѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ свой районъ. Когда такой попечитель встрѣчаетъ на улицѣ ребенка школьнаго возраста въ часы, назначенные для ученія, онъ отводитъ его къ родителямъ и требуетъ, чтобы они послали его въ школу. Если ребенокъ и послѣ этого не придетъ въ школу, то его приводятъ, а родителей подвергаютъ взысканію.

Въ школѣ имѣется семь классовъ, изъ которыхъ седьмой—старшій и ведется учителемъ, надзирающимъ также за преподаваніемъ въ остальныхъ классахъ. Любой мальчикъ и любая дѣвочка, обладающіе достаточными знаніями и склонностью, могутъ быть учителями въ младшихъ классахъ. Такъ какъ родители зачастую посылаютъ въ школу вмѣстѣ со старшими дѣтьми и малютокъ двухъ-трехъ лѣтъ, то одна изъ учительницъ исполняетъ роль няни и присматриваетъ за ними.

Дѣти недостаточныхъ родителей получаютъ въ школахъ завтракъ, состоящій изъ чая съ хлѣбомъ. Завѣдующіе школами дѣйствуютъ рука-объ-руку съ попечителями о бѣдныхъ, въ видахъ облегченія положенія такихъ семействъ. Дѣти, достигнувшія двѣнадцатилѣтняго возраста, освобождаются отъ обязанности посѣщать школу и, въ случаѣ надобности, могутъ оставаться дома и помогать родителямъ.

Различныя религіозныя общества имѣютъ свои собственные школы, куда дѣти принимаются съ платой одного пенса въ недѣлю. Обученіе въ государственныхъ школахъ, какъ уже было упомянуто, совершенно бесплатно.

Всѣ дѣти хорошо одѣты, потому что работники очень гордятся своими дѣтьми. По воскресеньямъ дѣтей работниковъ нельзя отличить отъ дѣтей зажиточныхъ людей. Для дѣтей здѣсь дѣлается не мало. Въ Ньюкестлѣ имѣется обширное общественное мѣсто для игръ, на одной сторонѣ котораго помѣщены качели и гимнастическія приспособленія для дѣвочекъ, а на другой сторонѣ имѣется большая зеленая лужайка для игры мальчиковъ въ ножной мячъ. Мѣсто это, всегда весьма оживленное, поддерживается въ порядкѣ на счетъ города.

Почти всѣ дѣти посѣщаютъ воскресныя школы, которыя въ теченіе лѣта устраиваютъ совмѣстныя прогулки, обыкновенно въ субботу послѣ полудня. Мои дѣти, напримѣръ, участвовали прошлымъ лѣтомъ въ двухъ такихъ прогулкахъ, одинъ разъ на ботѣ въ Сѣверное море, а другой разъ по желѣзной дорогѣ на ферму, отстоящую на пятнадцать миль отъ Ньюкестля. Дѣти все время оставались тамъ на открытомъ воздухѣ, развлекались разнообразными играми, вдоволь имѣли чаю съ хлѣбомъ и остались въ восторгѣ отъ этой прогулки. Многочисленныя прогулки для дѣтей устраиваются также различными обществами работниковъ.

Вообще тутъ проявляютъ величайшее вниманіе къ благополучію дѣтей; ну, а въ такихъ мѣстахъ благосостояніемъ взрослыхъ обыкновенно также не пренебрегаютъ.

Общественная жизнь и развлечения.

Средній и рабочій классы находятся здѣсь въ дружескихъ отношеніяхъ, благодаря тому, что они сталкиваются въ клубахъ и религіозныхъ обществахъ, а также благодаря существующему здѣсь равенству. Въ Германіи классовыя различія вездѣ замѣтны и для уха, и для глаза. Нѣмецкіе отели и таверны съ ихъ отдѣльными комнатами для должностныхъ лицъ, для торговаго класса и для работниковъ могутъ служить лучшимъ примѣромъ этого. Въ англійскихъ тавернахъ также имѣются отдѣльныя комнаты, но ими можетъ пользоваться всякій. Что касается Германіи, то я могъ бы привести сотни такихъ случаевъ, въ которыхъ работнику давали понять, чтобы онъ смѣшивался лишь съ равными себѣ.

Въ Германіи каждая группа предпринимателей стремится добиться для своего дѣла особаго покровительства закона; здѣсь же дѣловые люди, подобно работникамъ, стремятся помочь себѣ путемъ союзовъ. «Равныя права для всѣхъ» — вотъ общее правило обоихъ классовъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о Германіи, особенно когда дѣло идетъ объ интересахъ работниковъ. Отношенія въ здѣшнихъ клубахъ и обществахъ самыя сердечныя и дружескія. Иностранца просто очаровываетъ тотъ теплый пріемъ, который онъ встрѣчаетъ тамъ со всѣхъ сторонъ. Надо сказать, что въ личныхъ отношеніяхъ англичане вообще очень вѣжливы и доброжелательны, особенно по отношенію къ женщинамъ и пожилымъ людямъ.

Многіе нѣмецкіе дѣловые люди презрительно засмѣются надъ человѣкомъ, который сталъ бы доказывать имъ, что они имѣютъ обязанности по отношенію къ работнику. Что значитъ для нихъ какой-то грубый и глупый ра-

бочій? Иные изъ нихъ настолько заносчивы, что воображаютъ, будто они оказываютъ работнику большое благодѣяніе, принимая его на работу. Презрительно относясь къ работнику, они находятъ, что для него и конина слишкомъ хороша, и всякія его издержки на улучшеніе питанія или обстановки объявляютъ мотовствомъ. Они преувеличиваютъ его недостатки, въ то же время не замѣчая своихъ собственныхъ, гораздо болѣе крупныхъ. Они не позабудутъ пожаловаться на грубость рабочаго класса, если пьяный работникъ выбранный ихъ, но они никогда не думаютъ о томъ, что сами ежедневно оскорбляютъ его чувства, сознательно или безсознательно.

Отношенія этихъ двухъ классовъ совершенно иныя здѣсь, въ Англіи, гдѣ лица средняго класса даже за послѣднимъ работникомъ признаютъ тѣ же самыя права, которыми пользуются они сами и поддерживаютъ его въ его стремленіи улучшить свое положеніе.

Больше всего англичане хвалятъ существующую здѣсь свободу. Тутъ каждый можетъ говорить все, что придетъ ему на умъ. Всѣ сношенія работника съ властями ограничиваются исключительно сообщениями о рожденіяхъ, бракахъ и смертяхъ.

При устройствѣ публичныхъ митинговъ полицію не нужно извѣщать. Митинги могутъ быть устраиваемы на любомъ углу улицы. Этимъ правомъ пользуются главнымъ образомъ различныя секты, и англичане такъ присмотрѣлись къ такимъ собраніямъ, что рѣдко останавливаются послушать, лишь армія спасенія обыкновенно привлекаетъ много слушателей благодаря музыкѣ.

Въ Германіи при собраніяхъ работниковъ трактирщикъ играетъ слишкомъ видную роль, такъ какъ собраніе обыкновенно сопровождается попойкой, иногда довольно сильной. Это обыкновеніе, несомнѣнно, существуетъ и среди другихъ классовъ, но всего болѣе страдаютъ отъ него работники. Правда, они не могутъ обойтись совсѣмъ безъ трактирщика, потому что иначе имъ негдѣ будетъ собираться, но все-таки слишкомъ обильное возліаніе могло бы быть устранено.

Англійскіе трактирщики обыкновенно не имѣютъ залъ для собраній; если же у кого-нибудь изъ нихъ есть такой залъ, то онъ отдается подлѣ собраніе за весьма значительную сумму, такъ какъ напитки не могутъ быть подаваемы въ немъ.

Здѣсь всѣ общества работниковъ имѣютъ свои собственные наемныя помѣщенія для собраній, гдѣ спиртныхъ напитковъ совсѣмъ не пьютъ. Если кто-нибудь захочетъ выпить послѣ окончанія собранія, то онъ отправляется въ питейный домъ. Члены одного союза, занятые въ копи, находящейся въ предѣлахъ Ньюкестля, были, однако, не въ состояніи найти себѣ другое помѣщеніе для собраній, кромѣ таверны, взимающей съ нихъ плату за каждое отдѣльное собраніе. Я присутствовалъ на одномъ изъ ихъ митинговъ. Комната, предоставляемая имъ таверной, имѣла восемнадцать футовъ длины, двѣнадцать футовъ ширины; въ ней было три двери, изъ которыхъ одна вела въ буфетъ, другая—на улицу, а третья—на задній дворъ. Послѣ внесенія платы за комнату, дверь, ведущая въ буфетъ, была заперта, и у присутствующихъ не было видно ни одного стакана пива. Я не могъ не вспомнить при этомъ о Германіи. Тамъ дверь въ буфетъ ужъ навѣрное не была бы заперта и передъ каждымъ изъ присутствующихъ стоялъ бы стаканъ пива. Безъ этого въ Германіи ничего не дѣлается. Но я могу удостовѣрять, что англійскіе работники, благодаря своей воздержности, лучше ведутъ дѣла на такихъ собраніяхъ.

Вслѣдствіе отсутствія при трактирахъ залъ, танцы здѣсь устраиваются сравнительно рѣдко. Тотъ или другой клубъ устраиваетъ въ теченіе дѣла балъ, о чемъ объявляется при помощи большихъ афишъ, но за входъ съ каждой пары взимается два или три шиллинга, и танцы рѣдко продолжаются

позже одиннадцати часовъ вечера. Устраиваются они въ субботу, въ день развлеченій, и никогда не бываютъ въ воскресенье, которое посвящается исключительно отдыху.

По воскресеньямъ здѣсь прекращаются все общественныя увеселенія и все заперто, кромѣ церквей и тавернъ, при чемъ послѣднія бываютъ открыты отъ половины второго до половины третьяго и отъ шести до десяти часовъ вечера, но отнюдь не бываютъ слишкомъ переполнены.

Въ воскресенье устраиваются иногда лишь загородныя прогулки; никакихъ же другихъ развлеченій не бываетъ. Старики или сидятъ дома, читая книги и газеты, или выходятъ на улицу и стоятъ или сидятъ тутъ на одномъ мѣстѣ часъ и два, такъ что со стороны можно подумать, что они дожидаются кого-нибудь. Я могу засвидѣтельствовать, что англійскіе работники, проводя воскресенье въ полномъ покоѣ, выходятъ въ понедѣльникъ на работу болѣе свѣжими, чѣмъ нѣмецкіе работники, проводящіе воскресенье въ кутежѣ.

Что касается молодежи, то она проводитъ здѣсь все свое свободное время недѣли въ различныхъ играхъ, среди которыхъ самая главная—игра въ ножной мячъ. Просто удивляешься, какъ проворно двигаются ноги въ этой игрѣ. Обшитый кожей мячъ, имѣющій обыкновенно футъ въ діаметръ, при ловкомъ ударѣ ногой взлетаетъ вверхъ футовъ на шестьдесятъ, а то и болѣе. Мнѣ думается, что игра эта, должно быть, очень полезна для здоровья, потому что англійскій работникъ сохраняетъ гибкость своихъ членовъ до глубокой старости. Игра эта тутъ такъ распространена, что ею занимаются даже мальчики, едва научившіеся ходить, употребляя, вмѣсто мяча, жестянки отъ консервированнаго мяса, которыя въ изобиліи валяются на улицахъ.

Главные скачки бываютъ въ Нортумберлендѣ 24-го, 25-го и 26-го іюня. Надо быть очевидцемъ, чтобы составить себѣ понятие о томъ, насколько англичане интересуются этимъ спортомъ. Въ эти три дня все дѣла въ Ньюкестлѣ прекращаются въ полдень, и все населеніе, богатое и бѣдное, устремляется къ скаковому кругу. Непосвященный не сразу подмѣтитъ, что подкладкой этого общаго интереса къ скачкамъ служатъ пари. Задолго до скачекъ въ газетахъ сообщаются имена записанныхъ на скачки лошадей съ указаніемъ призовъ, полученныхъ раньше каждою лошадыю. Какъ среди богатыхъ людей, такъ и среди работниковъ заключаются пари, причемъ у первыхъ—на весьма большія суммы. Такъ какъ лоттереи въ Англій воспрещены, то англичане отдѣлываются отъ своихъ денегъ при помощи пари. Не подлежитъ сомнѣнію, что ибмцы никогда не расшвыриваютъ такихъ денегъ на эту игру.

Спиртные напитки и табакъ обложены здѣсь очень высокимъ налогомъ, вслѣдствіе чего водка продается по три шиллинга за пинту (немного менѣе бутылки), а табакъ—по четыре шиллинга за фунтъ. Если человекъ пьющій оказывается въ то же время и усерднымъ курильщикомъ, то онъ не можетъ жить хорошо, несмотря на высокую заработную плату. Пьянство работника совершенно разоряетъ здѣсь его семейство.

Въ Германіи больше потребляется спиртныхъ напитковъ и пива, чѣмъ въ Англій, но денегъ на это тратится значительно меньше, такъ какъ то количество водки, которое стоитъ въ Англій пять шиллинговъ, въ Германіи обходится лишь въ восемь пенсовъ. Въ Германіи многіе работники имѣютъ обыкновеніе являться въ городъ въ день получки съ большимъ кувшиномъ, въ четыре или пять квартъ, который они наполняютъ водкой, запасаясь ею до слѣдующей двухнедѣльной получки. Они, несомнѣнно, были бы поражены, если бы имъ пришлось платить за это количество водки не четыре шиллинга, которые они платятъ теперь, а тридцать шиллинговъ, какъ въ Англій. Такая высокая цѣна водки не позволяетъ покупать ее здѣсь въ большихъ количествахъ.

Лавки открываются здѣсь лишь съ девяти часовъ; закрываются же боль-

шинство изъ нихъ въ пять, за исключеніемъ субботы. Такъ какъ въ воскресенье никакой торговли не бываетъ, а въ субботу работники отчасти или совершенно свободны, то торговцы стараются всѣми силами привлечь въ этотъ день возможно больше покупателей, рекламируя свои товары или украшая окна своихъ магазиновъ. Въ этотъ день усиленно торгуютъ не только магазины, но и сотни бѣдныхъ людей, которые продаютъ на улицахъ разные вещи. Суббота тутъ похожа на ярмарочный день въ Германіи.

Торговля въ разное не преслѣдуется здѣсь полиціей, какъ въ Германіи. Свидѣтельство на разносный торгъ стоитъ пять шиллинговъ и даетъ его обладателю право продавать его товары по всей Англіи. Многія семейства находятъ себѣ въ этомъ поддержку во время зимней безработицы, изготовляя дома различныя вещи и затѣмъ разнося ихъ отъ одной двери къ другой.

Все, имѣющее зеленые листья, покупается здѣсь зимой, какъ богатыми людьми, такъ и работниками, для ношенія въ петличкѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что работники не отличаются здѣсь своимъ костюмомъ отъ другихъ людей.

Покупатели обыкновенно расплачиваются въ лавкѣ за свои покупки, а затѣмъ онѣ доставляются къ нимъ на домъ. Нѣмецъ, припоминая нѣсколько неприятныхъ приключеній съ нимъ въ его родной странѣ, сначала сомнѣвается, дѣйствительно ли его покупки будутъ присланы вслѣдъ за нимъ, но скоро эта подозрительность исчезаетъ, такъ какъ подобныхъ обмановъ здѣсь не бываетъ: съ иностранца нерѣдко лишь берутъ дорожку.

Религіозныя и благотворительныя общества.

Часто повторяемое въ Германіи замѣчаніе, что въ Англіи столько сектъ, сколько песку на берегу моря, имѣетъ нѣкоторую долю правды. Но секты эти занимаются не только молитвами да проповѣдями, но и облегченіемъ нужды, порождаемой существующими экономическими условіями. Эти общества хорошо понимаютъ, какъ замѣтилъ мнѣ однажды одинъ пасторъ, бывший прежде самъ рудокопомъ, что голодъ не можетъ быть утоленъ одной молитвой. Семья, впадая въ непредвидѣнное затрудненіе, немедленно получаетъ помощь. Изумительную дѣятельность здѣсь обнаруживаютъ особенно женщины. Эта любовь къ ближнему проявляется не только женщинами рабочаго и средняго класса, но и богатыми дамами, которыя безъ колебанія являются съ помощью въ дома работниковъ.

Когда, какъ это часто случается, семья впадаетъ въ нужду вслѣдствіе пьянства отца, ей, все равно, помогаютъ, чтобы спасти жену и дѣтей. При этомъ не щадятъ усилій исправить человѣка, стараются пробудить въ немъ чувство стыда, и часто эти усилія увѣнчиваются успѣхомъ. Много людей было такимъ образомъ исправлено и убѣждено дать зарокъ не пить, благодаря чему ихъ семейства были спасены отъ нищеты. Къ сожалѣнію, не мало оказывается и такихъ людей, которые совершенно безнадежны. Однако религіозныя общества поддерживаютъ и эти семейства, оставляя главу семейства одного, что для того обыкновенно является самымъ суровымъ наказаніемъ.

Секты эти помогаютъ не только своимъ членамъ, но и каждому нуждающемуся лицу, насколько имъ позволяютъ средства; когда же средствъ не хватаетъ, то обращаются къ содѣйствию приходской помощи, избавляя нуждающееся лицо отъ излишнихъ хлопотъ и неприятностей.

Эти общества слѣдятъ за случаями болѣзни, берутъ на себя заботу о дѣтяхъ и помогаютъ также продержаться въ періоды безработицы. Въ нихъ распоряженіи имѣются значительныя суммы, такъ какъ богатые люди принимаютъ большое участіе въ этихъ дѣлахъ. Секты стремятся превзойти другъ друга въ добрыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ христіанство проявляетъ себя здѣсь дѣлами, а не одними лишь словами.

Что касается медицинской помощи, то тутъ большая разница сравнительно съ Германіей. Въ Германіи каждый работникъ долженъ быть членомъ фонда на случай болѣзни и, вслѣдствіе этого, принужденъ обращаться къ доктору, назначенному управленіемъ фонда. Къ сожалѣнію, многіе изъ этихъ докторовъ грубо обращаются съ пациентами, многочисленныя примѣры чего я самъ могъ бы привести изъ Вестфальскаго промышленнаго округа. Жалобы работниковъ на грубость докторовъ достаточно обсуждались въ газетахъ, но это зло не будетъ устранено до тѣхъ поръ, пока членамъ фонда не предоставлятъ самимъ выбирать для себя докторовъ.

Что касается Англии, то здѣсь во многихъ предпріятіяхъ изъ заработка работника удерживается администраціей предпріятія шесть пенсовъ для предоставленія работнику въ случаѣ болѣзни бесплатной медицинской помощи. Произсымаема лѣкарства докторъ изготовляетъ въ такихъ случаяхъ самъ. Кроме этого, тутъ существуютъ такъ-называемыя «докторскіе клубы»—нѣчто въ родѣ частнаго фонда на случай болѣзни. Каждый избираетъ клубъ, докторъ котораго внушаетъ ему довѣріе, и вноситъ туда по шести пенсовъ каждыя двѣ недѣли, получая за это бесплатную медицинскую помощь и лѣкарства какъ для себя, такъ и для членовъ своего семейства.

Въ Ньюкестлѣ имѣется еще два большихъ общественныхъ учрежденія для подачи медицинской помощи—лѣчебница для приходящихъ и больница, расположенныя въ самомъ центрѣ города. Здѣсь больнымъ все предоставляется бесплатно; приходящіе больные должны лишь имѣть свою посуду для лѣкарствъ. Насколько оба эти учрежденія благодѣтельны для рабочаго класса—это лучше всего видно изъ широкаго пользованія ими; въ лѣчебницѣ для приходящихъ, напримѣръ, нерѣдко собирается до двухсотъ пациентовъ сразу. Въ случаѣ продолжительной болѣзни, этими учрежденіями пользуются всѣ работники, даже принадлежащіе къ «докторскимъ клубамъ» или къ обществамъ взаимнаго вспоможенія. Больница является въ то же время и медицинской школой, гдѣ всегда имѣется сорокъ или пятьдесятъ студентовъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о дѣтской больницѣ, пользующейся большимъ довѣріемъ среди работниковъ. Такъ какъ у меня самого долгое время лежалъ тамъ четырехлѣтній ребенокъ, то я имѣлъ случай видѣть все. Зданіе дѣтской больницы очень красиво снаружи и еще болѣе привлекательно внутри. Справа и слева идутъ палаты. Въ срединѣ второго этажа помѣщается столовая для выдо-равливающихъ дѣтей, гдѣ имѣется много всевозможныхъ игрушекъ. При входѣ въ палату посѣтителя поражаютъ громадныя пирамиды цвѣтовъ. Вдоль стѣнъ размѣщены маленькія желтыя койки, на которыхъ лежатъ дѣти, одѣтыя въ красную фланель. Эта больница приспособлена на сто больныхъ.

Существующая въ Германіи обширная система обязательнаго страхованія на случай болѣзни, увѣчья и на старость, отсутствуетъ въ Англии. Здѣсь работникамъ предоставлено самимъ организовывать страхованіе. Лица, не обезпечившія себя на случай болѣзни, бесплатно принимаются въ больницу; какъ-бымъ же зачастую приходится прибѣгать къ прошенію милостыни послѣ того, какъ они истратятъ полученное ими вознагражденіе. Предприниматели, впрочемъ, всѣми силами стараются удержать на работѣ и такихъ изувѣченныхъ людей, которые въ Германіи были бы зачислены въ разрядъ совершенно неспособныхъ къ труду. Напримѣръ, въ той копѣ, гдѣ я работаю, работаютъ четыре человѣка, имѣющіе лишь по одной ногѣ. Одинъ изъ нихъ потерялъ правую ногу и правую руку; другой лишился одной ноги и изувѣчилъ одну руку. Эти люди занимаются выбираніемъ изъ угля камней.

Вслѣдствіе отсутствія обязательнаго страхованія, на долю приходскаго попечительства выпадаетъ много труда. Мое личное знакомство съ этимъ попечительствомъ было вкратцѣ таково. Вслѣдствіе незнанія мною мѣстныхъ орга-

низацией страхованія на случай болѣзни, я примѣнулъ въ одному изъ этихъ обществъ всего за три мѣсяца до моей болѣзни, между тѣмъ помощь можетъ получать лишь тотъ, кто пробылъ членомъ не менѣ шести мѣсяцевъ. Въ теченіе первыхъ шести недѣль моей болѣзни меня посѣщала одна дама, которая ознакомилась съ моими обстоятельствами и уплатила десять шиллинговъ за квартиру. Затѣмъ пришелъ уполномоченный приходскаго комитета и вызвалъ мою жену присутствовать на собраніи совѣта, засѣдающаго ежедневно въ полдень. Какъ оказалось, тамъ хорошо были знакомы со всѣми моими дѣлами и назначили мнѣ семь шиллинговъ и шесть пенсовъ въ недѣлю на четыре мѣсяца, съ добавленіемъ медицинской помощи и лѣкарствъ. По прошествіи этихъ четырехъ мѣсяцевъ мнѣ назначили девять шиллинговъ въ недѣлю еще на восемь недѣль, но при этомъ были приложены всѣ старанія, чтобы отдѣлаться отъ меня, такъ какъ докторъ сказалъ, что я могу прожить еще долго, но никогда уже не поправлюсь. Я, будучи иностранцемъ, не считалъ себя въ правѣ порицать за это приходскія власти, потому что у нихъ много и своихъ бѣдныхъ.

Въ Германіи лица, завѣдующія попеченіемъ о бѣдныхъ, далеко не такъ извѣстны, какъ въ Англіи. Здѣсь уполномоченный приходскаго попечительства извѣстенъ всѣмъ и каждому на много миль кругомъ. У него нѣтъ никакого другого занятія, кромѣ посѣщенія бѣдныхъ и еженедѣльной раздачи имъ назначеннаго совѣтомъ пособія.

Каждое лицо, получающее пособіе и имѣющее ребенка школьнаго возраста, снабжается книжкой, въ которой учитель отмѣчаетъ посѣщенія ребенкомъ классовъ въ теченіе недѣли. Эта книжка должна предъявляться уполномоченному приходскаго попечительства каждую субботу въ девять часовъ утра, когда раздается пособіе. Уполномоченный приходскаго попечительства поддерживаетъ сношенія со школами и съ религіозными обществами, такъ что онъ хорошо освѣдомленъ объ обстоятельствахъ каждого нуждающагося семейства.

Если человѣкъ, нуждающійся въ помощи, велъ передъ тѣмъ дурной образъ жизни, то ему отказываютъ въ помощи на дому, и тогда все семейство должно отправиться въ рабочій домъ, гдѣ отца, мать и дѣтей разлучаютъ и допускаютъ видѣться лишь разъ въ двѣ недѣли. Въ рабочій домъ беспрепятственно принимаютъ всѣхъ, даже дѣтей, которыхъ подбираетъ и полиція. Для многихъ стѣсненія этого дома настолько невыносимы, что они предпочитаютъ скорѣе просить милостыню, что дозволяется въ Англіи, лишь бы просящій пѣлъ. Вслѣдствіе этого здѣсь нерѣдко приходится встрѣчать мужа, жену и двухъ или трехъ дѣтей, которые поютъ на улицѣ.

Скитающіеся люди допускаются на ночлегъ въ рабочіе дома, лишь бы они пришли до десяти часовъ вечеръ. Тамъ имъ даютъ кусокъ хлѣба и пинту кашицы на ужинъ и кусокъ хлѣба на завтракъ. Зато они должны въ теченіе двухъ часовъ рубить дрова или дробить камни. Рабочій домъ часто бываетъ биткомъ набитъ. Самому мнѣ никогда не приходилось быть въ немъ, и теперь я опять могу работать.

Среди другихъ общественныхъ учрежденій Ньюкестля заслуживаютъ упоминенія особенно слѣдующія: городскіе парки и мѣста для игръ, общественныя ванны и прачешныя, публичныя читальни и библіотеки, выдающія книги на домъ. Рабочій классъ широко пользуется всѣми этими учрежденіями, особенно же библіотеками, которыхъ въ Ньюкестлѣ имѣется двѣ. Въ библіотекѣ каждый можетъ читать газеты со всѣхъ концовъ земного шара и брать книги на домъ безъ всякой платы.

Д. М.—овъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Физиология. Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита.—Зоология. 1) Органы свѣченія у рыбъ *Pogichthys notatus*. 2) Юконскія собаки.—Бактеріологія. Судьба болѣзнетворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма. Д. Н.—Географія и путешествія. Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Нансена.—Химія. Новое анестезирующее вещество.—Техника. 1) Постройка желѣзной дороги на Юнгфрау. 2) Заводы Круппа въ Эссенѣ. Н. М.—Астрономическія извѣстія. К. Пожровскій.

Физиология. Почему луна и солнце вблизи горизонта намъ кажутся больше, чѣмъ вблизи зенита. Въ послѣднее время, нѣкоторыми физиологами вновь подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ о причинѣ различной кажущейся величины луны и солнца (а также и звѣздъ) вблизи горизонта и вблизи зенита. Новое и очень хорошо обоснованное рѣшеніе этого вопроса даетъ въ «Pflüger's Arch. f. d. ges. Physiologie». Bd. 78, ассистентъ физиологической лабораторіи грацкаго университета Цотъ (статья его называется «Ueber den Einfluss der Blickrichtung auf die scheinbare Grösse des Gestirne und die scheinbare Form des Himmelsgewölbes»). Въ физиологіи принято и удерживается объясненіе этого оптическаго обмана, данное еще за 150 лѣтъ до Р. Х. Птоломеемъ. Объясненіе это таково. Пространство, наполненное различными предметами, находящимися на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, намъ кажется больше того, которое ничѣмъ не занято; поэтому разстояніе отъ нашего глаза до горизонта намъ кажется больше, чѣмъ до зенита, такъ какъ на немъ мы видимъ различные предметы, находящіеся на землѣ; эта неправильная оцѣнка разстояній является, въ свою очередь, причиной кажущейся формы небеснаго свода.

Изображенія небесныхъ свѣтилъ, находятся ли они вблизи горизонта, или вблизи зенита, на сѣтчатеѣ глаза получаютъ одинаковыхъ размѣровъ, но мы считаемъ, что самыя свѣтила помѣщаются на небесномъ сводѣ, слѣдовательно, вблизи горизонта, дальше отъ насъ, а вблизи зенита ближе къ намъ, изъ двухъ же предметовъ, находящихся на разныхъ разстояніяхъ и дающихъ одинаковыя изображенія на сѣтчатеѣ, мы по ежедневнуму опыту привыкаемъ считать большимъ тотъ, который дальше отъ насъ находится. Итакъ, вслѣдствіе того, что между глазомъ и линіей горизонта имѣются различные предметы, небесный сводъ представляется намъ плоскимъ куполомъ; солнце, луну и звѣзды мы считаемъ находящимися на поверхности этого купола и поэтому, вслѣдствіе неправильной оцѣнки разстоянія между глазомъ и свѣтилами при различной высотѣ ихъ надъ горизонтомъ, они намъ кажутся тѣмъ меньше, чѣмъ ближе къ зениту они находятся.

Цотъ строитъ свои разсужденія, подкрѣпляемые весьма доказательными опытами, на совершенно иныхъ основаніяхъ. Наблюденія надъ кажущейся величиной предметовъ въ зависимости отъ различнаго положенія глазъ привели его къ мысли, что и въ опредѣленіи величины небесныхъ свѣтилъ главное значеніе должно принадлежать направленію, по которому мы видимъ эти свѣтила.

Свой основной опытъ онъ производитъ слѣдующимъ образомъ. Если встать прямо и, не наклоня головы ни впередъ, ни назадъ, ни вбокъ, смотрѣть на луну черезъ закопченную стеклянную пластинку, или черезъ два положенныя другъ на друга разноцвѣтныхъ стекла, черезъ которыя хорошо видно свѣтлый дискъ луны, но совершенно нельзя различить никакихъ предметовъ ни на поверхности земли, ни рисующихся въ видѣ силуэтовъ на небѣ, то, въ зависимости отъ разстоянія луны до зенита, оптической обманъ относительно ея кажущейся величины сохраняется безъ всякаго измѣненія совершенно такъ же, какъ при непосредственномъ наблюденіи луны на небесномъ сводѣ: низко стоящее свѣтило кажется большимъ, высоко стоящее маленькимъ, въ обоихъ случаяхъ, быть можетъ, нѣсколько меньше, чѣмъ при разсматриваніи его безъ закопченнаго стекла; при этомъ безразлично, какого цвѣта кажется луна черезъ окрашенныя стекла, а также будемъ ли мы смотрѣть на нее передъ тѣмъ простыми глазами или нѣтъ. Относительно кажущагося разстоянія свѣтила въ этихъ обстоятельствахъ не возникаетъ никакого представленія. Такимъ образомъ, результатъ этого опыта слѣдующій: круглый, слабо свѣтящійся, окрашенный дискъ, опредѣленныхъ размѣровъ, относительно разстоянія и величины котораго мы совершенно не можемъ судить, на темномъ фонѣ, вблизи горизонта намъ кажется больше, чѣмъ вблизи зенита. Изъ того обстоятельства, что при этомъ опытѣ единственно что измѣнялось, это положеніе глазъ, Цотъ справедливо дѣлаетъ заключеніе, что именно оно-то и является причиной различной кажущейся величины дисковъ. или другими словами: высоко стоящая луна кажется намъ меньше потому, что мы смотримъ на нее поднятыми глазами, низко стоящая—больше потому, что мы видимъ ее при горизонтальномъ или прямомъ положеніи осей глаза. Обобщая этотъ выводъ, можно сказать, что всѣ предметы, относительно разстоянія и величины которыхъ, мы не можемъ составить никакого сужденія, кажутся намъ меньше, если мы смотримъ на нихъ поднятыми глазами, чѣмъ если мы ихъ видимъ прямо передъ собою. Далѣе это свое основное положеніе Цотъ провѣряетъ различными опытами и затѣмъ на основаніи его старается объяснить кажущуюся форму небеснаго свода, а также и нѣкоторыя другія интересныя явленія, на которыя, повидимому, до сихъ поръ мало обращали вниманія. Производя провѣрочные опыты, онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Если основное положеніе вѣрно, то при прочихъ равныхъ условіяхъ и низко надъ горизонтомъ стоящая луна должна казаться намъ меньше, когда мы будемъ смотрѣть на нее поднятыми глазами, чѣмъ когда мы будемъ ее видѣть прямо передъ собою, и равнымъ образомъ вблизи зенита луна будетъ намъ казаться больше, когда мы будемъ ее видѣть прямо передъ собою, чѣмъ когда мы будемъ смотрѣть на нее поднятыми глазами. Соответствующіе опыты можно произвести разными способами или безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ, или при помощи зеркалъ и призмъ. Всѣ эти опыты и были произведены авторомъ. Большинство изъ нихъ легко удаются при разсматриваніи луны простыми глазами безъ закопченной стеклянной пластинки или цвѣтныхъ стеколъ. Простейшая форма опыта состоитъ въ томъ, что наблюденія производятся, стоя прямо и въ одномъ случаѣ сильно наклонивъ голову (чтобы видѣть луну, находящуюся вблизи горизонта, поднятыми глазами), въ другомъ случаѣ держа голову совершенно вертикально; или же можно лечь на горизонтальной поверхности и смотрѣть на луну, въ одномъ случаѣ держа голову прямо (горизонтально), въ другомъ—сильно наклонивъ ее (лежа на спинѣ назадъ и внизъ, лежа на груди назадъ и вверхъ). Во всѣхъ трехъ опытахъ оказалось, что дискъ восходящей луны представляется меньшихъ размѣровъ, если смотрѣть на него поднятыми глазами одинаково и при затѣненіи небеснаго свода съ помощью стеколъ и безъ него. Если измѣнить положеніе головы такъ, чтобы видѣть луну прямо передъ собою, то она опять принимается въ нашихъ глазахъ

прежние размеры. Во всех этих опытах сила оптического обмана зависит от продолжительности наблюдения: чем дольше оно производится (до известнаго предела), тем резче выступает разница в кажущейся величинѣ наблюдаемаго диска.

Въ подтвержденіе результатовъ основного изслѣдованія, какъ и нужно было ожидать, дискъ луны, стоящій близъ зенита, если смотрѣть на него, лежа на спинѣ и, слѣдовательно, видѣть прямо предъ собою, не поднимая глазъ, кажется значительно большихъ размеровъ, чѣмъ если смотрѣть на него стоя и поднимая глаза вверхъ. Особенно хорошо удается этотъ опытъ, если, не переставая смотрѣть на дискъ луны и не наклоняя головы назадъ, перевести тѣло изъ горизонтальнаго положенія въ вертикальное (т. е. лечь на спину и затѣмъ подняться). Подобные же опыты и съ соответствующимъ результатомъ были произведены при помощи такъ называемыхъ свѣтовыхъ слѣдовъ въ глазу, а также посредствомъ зеркалъ и призмъ. Всякій знаетъ, что если смотрѣть на какой-либо ярко свѣтящійся или освѣщенный предметъ и затѣмъ перевести взгядъ на болѣе темную поверхность или просто закрыть глаза, то появляется изображение предмета, разсматривавшагося перекъ этимъ, что объясняется тѣмъ, что въ сѣтчаткѣ глаза въ соответствующемъ мѣстѣ сохраняется раздраженіе, вызванное яркимъ свѣтомъ. Вызвавъ такой свѣтовой слѣдъ въ глазу, напр., отъ изображенія солнца, просвѣчивающаго черезъ облака, и затѣмъ, измѣняя положеніе глаза, можно наблюдать увеличеніе размеровъ свѣтового слѣда при прямомъ положеніи глазъ и уменьшеніе—при подниманіи ихъ. Этотъ опытъ интересенъ, между прочимъ, тѣмъ, что здѣсь изображение на сѣтчаткѣ, очевидно, перемѣщается не можетъ. Опыты съ зеркаломъ такъ же, какъ и только что описанные со свѣтовымъ слѣдомъ, удаются не всегда хорошо. Цотъ даетъ этому обстоятельное объясненіе, разборъ котораго потребовалъ бы сообщенія слишкомъ многихъ подробностей изъ физиологіи зрѣнія.

На основаніи изложенныхъ опытовъ кажущаяся форма небснаго свода можетъ быть объяснена такъ. Если мы вставимъ, держа голову въ вертикальномъ направленіи, и будемъ перемѣщать направленіе взгляда отъ зенита къ горизонту черезъ равные небольшие углы, то это будетъ соответствовать разсматриванію полосъ одинаковой ширины, расположенныхъ послѣдовательно отъ зенита къ горизонту, причѣмъ въ данномъ случаѣ, переходя отъ верхнихъ полосъ къ нижнимъ, мы все болѣе и болѣе опускаемъ глаза. Понятно, что при этихъ условіяхъ верхнія полосы должны казаться намъ уже, нижнія—шире, а на правильно изогнутой поверхности это можетъ быть лишь тогда, если она опускается все болѣе и болѣе полого. Слѣдовательно, небсный сводъ представляется намъ плоскимъ куполомъ потому, что предметы, находящіеся отъ насъ на неизвѣстномъ разстояніи, какъ, напримѣръ, луна и солнце, кажутся намъ тѣмъ меньше, чѣмъ выше приходится поднимать глаза, чтобы ихъ увидѣть. Итакъ, кажущееся измѣненіе величины небсныхъ свѣтилъ при различныхъ положеніяхъ ихъ опредѣляетъ форму небснаго свода, а не наоборотъ, какъ это принималось до сихъ поръ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что видимая форма небснаго свода должна измѣниться, если мы будемъ разсматривать его, лежа на спинѣ, т. е. если мы будемъ видѣть зенитъ прямо передъ собою, а горизонтъ только въ томъ случаѣ, если сильно опустимъ или поднимемъ глаза. По господствующимъ представленіямъ этого произойти не должно, такъ какъ близость горизонта къ предметамъ, находящимся на землѣ, измѣненіемъ положенія наблюдателя не устраняется. Соответствующій опытъ Цотъ описываетъ слѣдующими словами: «Я легъ горизонтально на спину на площадкѣ на крышѣ, вслѣдствіе чего я могъ довольно далеко видѣть кругомъ во всѣ стороны, причѣмъ зенитъ я видѣлъ прямо передъ собою. Поднимая глаза кверху (вѣрнѣе сказать, ко лбу), я могъ прослѣдить небсный сводъ до горизонта, а нѣсколько наклонивъ голову

назадъ, могъ даже видѣть и землю за собой; опуская взглядъ (къ ногамъ), я могъ достигнуть горизонта съ противоположной стороны, а нѣсколько наклонивъ голову впередъ, увидѣть землю и передъ собой. Глаза при этомъ были защищены очками съ дымчатыми стеклами. Наблюденіе производилось при почти совершенно ясномъ небѣ. Оказалось слѣдующее: небесный сводъ въ зенитѣ начинаетъ отдаляться не тотчасъ же при переходѣ въ горизонтальное положеніе, а спустя минуту или двѣ. Если поднять глаза, то у горизонта небесный сводъ какъ будто сильно приближается и, круто опускаясь къ горизонту, становится почти вертикально. Если быстро нѣсколько разъ переѣстить взглядъ, то этотъ оптический обманъ выступаетъ весьма рѣзко. Чѣмъ дольше оставаться въ горизонтальномъ положеніи, тѣмъ яснѣе становится углубленіе небеснаго свода въ зенитѣ... Когда я обращалъ взглядъ къ горизонту внизъ, къ ногамъ, то казалось, что небесный сводъ еще нѣсколько больше отступалъ, чѣмъ въ зенитѣ, но различіе въ кажущемся отдаленіи его при вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи взгляда не такъ велико, какъ при подниманіи глазъ». Такимъ образомъ, въ этомъ положеніи форма небеснаго свода представляется въ видѣ несимметричнаго купола, болѣе плоскаго у горизонта со стороны головы и болѣе углубленнаго къ ногамъ, чего и слѣдовало ожидать на основаніи вышеприведенныхъ соображеній.

Кромѣ того, Цотъ произвелъ цѣлый рядъ наблюденій для рѣшенія вопроса. измѣняется ли кажущаяся величина предмета, находящагося на близкомъ разстояніи, въ зависимости отъ того, видимъ ли мы его прямо передъ собой или должны для этого поднять глаза. Для опытовъ служили бѣлые, освѣщенные изнутри шары одинаковыхъ размѣровъ, слабо накаленные электрическимъ токомъ проволоки и свѣчи, поставленныя на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга; при опытахъ одинъ изъ предметовъ помѣщался прямо передъ наблюдателемъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, другой — на такомъ же разстояніи почти надъ головой. Оказалось, что при измѣненіи направленія взгляда въ этихъ условіяхъ кажущаяся величина предмета ее измѣняется, но зато рѣзко измѣняется кажущееся разстояніе предмета отъ глаза наблюдателя, а именно, предметъ, находящійся почти надъ головой наблюдателя, кажется гораздо дальше; но это происходило только тогда, если по положенію окружающихъ предметовъ можно было составить себѣ какое-нибудь, въ данномъ случаѣ совершенно ложное, представленіе о разстояніи; если же наблюденія производились въ полной темнотѣ, то казалось, что измѣняется величина наблюдаемыхъ предметовъ, а не разстояніе ихъ отъ глаза. Этотъ результатъ, вполне подтверждающій предположеніе Цота, показываетъ въ то же время, какъ сложно происхожденіе впечатлѣній, которыя мы считаемъ непосредственно производимыми предметами вѣшняго міра.

Какъ выше было указано, по общепринятому мнѣнію кажущаяся величина луннаго диска измѣняется для насъ потому, что мы видимъ его въ проекціи на небесномъ сводѣ. «Но,—говоритъ Цотъ,—я не нахожу, чтобы луна на горизонтѣ казалась мнѣ дальше отстоящей, чѣмъ въ зенитѣ: напротивъ, она кажется мнѣ ближе, чѣмъ когда стоитъ высоко на небѣ, и тѣмъ ближе, чѣмъ яснѣе и больше она представляется, въ зенитѣ же она мнѣ кажется гораздо дальше, чѣмъ у горизонта, и притомъ тѣмъ дальше, чѣмъ меньше я ее вижу. Итакъ, у горизонта я вижу луну большую и близко, у зенита — маленькую и далеко; а такъ какъ небесный сводъ мнѣ, какъ и всѣмъ, представляется въ зенитѣ ближе, то я и долженъ былъ заключить изъ этого, что кажущаяся величина луны не зависитъ отъ формы небеснаго свода. Если же небесный сводъ у горизонта мнѣ кажется болѣе отдаленнымъ, а восходящая луна болѣе близкою, чѣмъ въ зенитѣ, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является, какъ мнѣ всегда и представлялось, что восходящую луну я вижу всегда *передъ* небеснымъ сво-

домъ въ пространствѣ и никогда не вижу ее въ проекціи на самомъ небесномъ сводѣ. Я былъ въ большомъ затрудненіи по поводу всего изложеннаго, такъ какъ, повидимому, я со своими ощущениями находился въ прямомъ противорѣчій съ «Птоломеемъ и арабскими астрономами», а также со всеми тѣми, кому луна «у горизонта представляется больше потому, что она кажется имъ тамъ дальше отстоящею». Я не могъ понять, чтобы мы одновременно видѣли луну дальше и считали ее близко находящеюся, но, быть можетъ, это моя индивидуальная особенность, и поэтому я обратился съ вопросами, приблизительно, къ 100 лицамъ различнаго положенія, возраста и пола и изъ различныхъ странъ, чтобы узнать, раздѣляетъ ли мои представленія большее или меньшее число людей. Полагаю, что я не произвелъ въ своихъ вопросахъ никакого внушенія этимъ лицамъ. Отвѣты, полученные мною, поразительно согласны съ моими представленіями. Только двое изъ спрошенныхъ лицъ не могли припомнить нѣкоторыхъ обстоятельство. Одно лицо дало противорѣчащее другъ другу отвѣты, но никто не утверждалъ, чтобы луна у горизонта ему казалась дальше, чѣмъ когда она стоитъ высоко на небѣ. Въ общемъ полученные отвѣты были почти стереотипны. Вопросы и отвѣты гласили слѣдующее: 1) Не можете ли вы припомнить хорошій восходъ луны, при которомъ вы бы видѣли ее у горизонта весьма ясною и большою? Отвѣтъ: «Да». 2) Казалась ли вамъ при этомъ луна ближе или дальше, чѣмъ при менѣе хорошемъ восходѣ, или чѣмъ когда она поднимается выше надъ горизонтомъ? Отвѣтъ: «Ближе (или гораздо ближе)». 3) Казался ли вамъ при этомъ дискъ луны *на* небесномъ склонѣ или *передъ* нимъ, въ пространствѣ? Отвѣтъ: «Передъ нимъ»... На основаніи этихъ многочисленныхъ и вполне согласныхъ между собою отвѣтовъ—независимо отъ описанныхъ въ первой части этого сообщенія опытовъ—я не могу раздѣлять взгляда, чтобы мы видѣли у горизонта луну болѣею потому, что она тамъ кажется намъ дальше отстоящей; равнымъ образомъ, такъ какъ восходящая луна въ дѣйствительности намъ кажется находящеюся не на небесномъ сводѣ, а передъ нимъ въ пространствѣ, я не могу примѣнуть къ мнѣнію, что вопросъ о кажущейся величинѣ свѣтилъ стоитъ въ зависимости отъ вопроса о причинѣ формы небеснаго свода. Напротивъ, я полагаю, что первичнымъ является оптический обманъ относительно кажущейся величины свѣтилъ». Эти явленія, которыя, вѣроятно, приходилось наблюдать весьма многимъ изъ читателей, не поддающіяся объясненію съ точки зрѣнія общепринятой гипотезы, вышеназложенными опытами Цота, какъ мы видѣли, объясняются весьма просто и даже вытекаютъ изъ нихъ какъ необходимое слѣдствіе.

Въ заключеніе Цотъ дѣлаетъ попытку дать физиологическое объясненіе своего основного изслѣдованія. Специальность вопроса не позволяетъ излагать его въ подробностяхъ. Въ существенныхъ чертахъ дѣло сводится къ слѣдующему. Обращая взглядъ на опредѣленную точку, мы приводимъ глаза въ такое положеніе, чтобы продолженія зрительныхъ осей (т. е. линій, проходящихъ черезъ центръ зрачка и приблизительно черезъ центръ глазного яблока) пересѣкались въ этой точкѣ. Уголъ, образуемый этими линіями («уголъ зрѣнія»), разумѣется, тѣмъ больше, чѣмъ ближе къ намъ точка, на которую мы смотримъ. Поэтому понятно, что величиной угла зрѣнія, или, вѣрнѣе сказать, степенью сокращенія мышцъ, приводящихъ глаза въ движеніе, мы пользуемся для опредѣленія разстоянія видимыхъ предметовъ отъ глаза. Это самое важное, хотя и не единственное обстоятельство, которымъ мы пользуемся для указанной цѣли; такъ, напримѣръ, для этого же служить намъ ощущеніе приспособленія хрусталика глаза *) (аккомодациі) къ данному разстоянію; впрочемъ степень аккомодациі

*) Всякій знаетъ, что объективъ фотографическаго аппарата долженъ быть надлежащимъ образомъ установленъ, чтобы на матовой пластинкѣ получилось отчет-

отчасти зависятъ отъ схождения зрительныхъ осей. На основаніи ежедневнаго опыта мы бессознательно приучаемся изъ двухъ предметовъ, дающихъ на сѣтчаткѣ изображеніе одинаковой величины и находящихся отъ насъ на неизвѣстныхъ намъ разстояніяхъ, придавать большіе размѣры тому, который мы видимъ подъ меньшимъ угломъ зрѣнія. При подниманіи главъ зрительныя оси нѣсколько расходятся; поэтому, чтобы направить ихъ на предметы, находящіеся въ одинаковомъ отъ насъ разстояніи, въ одномъ случаѣ прямо передъ глазами, въ другомъ случаѣ почти надъ головой, мы должны употребить не одинаковое усиліе глазныхъ мышцъ для соединенія зрительныхъ осей, а именно въ послѣднемъ случаѣ, т. е. направляя взглядъ вверхъ, большее усиліе, что и производитъ впечатлѣніе, какъ будто мы видимъ этотъ предметъ подъ большимъ угломъ зрѣнія! Если, какъ это бываетъ при разсматриваніи небесныхъ свѣтилъ, величина изображеній на сѣтчаткѣ при этомъ не мѣняется, то предметъ, находящійся надъ головой, кажется намъ видимымъ подъ большимъ угломъ зрѣнія и, слѣдовательно, меньшихъ размѣровъ. Подобныя же разсужденія могутъ быть приложены для объясненія причины неправильной оцѣнки разстояній предметовъ, находящихся вблизи отъ насъ прямо передъ глазами и надъ головой.

Безразлично, вѣрны или нѣтъ только что приведенныя физиологическія соображенія Цота, во всякомъ случаѣ его непосредственныя наблюденія, на мой взглядъ, вполне объясняютъ причину кажущагося измѣненія размѣровъ небесныхъ свѣтилъ при различной высотѣ ихъ надъ горизонтомъ, а также и видимой формы небеснаго свода.

Зоологія. 1) *Органы свѣченія у рыбы Porichthys notatus.* Какъ извѣстно, органы свѣченія имѣются у многихъ глубоководныхъ рыбъ; на большихъ глубинахъ океана, въ которыхъ онѣ обыкновенно держатся и въ которыя не проникаетъ солнечный свѣтъ, способность самосвѣченія многихъ живущихъ тамъ организмовъ, имѣетъ извѣстное физиологическое значеніе, что слѣдуетъ уже изъ широкаго распространенія этого явленія въ глубоководной фаунѣ. Органы свѣченія у *Porichthys* представляютъ собою маленькіе, но видимые невооруженнымъ глазомъ бугорки, расположенные длинными, правильными рядами между чешуекъ. Число ихъ очень велико; они распространены у нихъ во всѣхъ областяхъ тѣла. Эти органы заложены непосредственно подъ эпидермой; они состоятъ изъ трехъ частей: изъ такъ называемой линзы, железы и рефлектора. Линзу образуютъ совершенно прозрачныя, сильно преломляющія свѣтъ кѣтки; хотя очертанія и расположеніе этихъ кѣтокъ не представляютъ большой правильности, тѣмъ не менѣе правильные контуры образованнаго ими органа вполне оправдываютъ названіе линзы. Линза прилегаетъ непосредственно къ такъ называемой железѣ, которая и представляетъ собою собственно органъ свѣченія. Она состоитъ изъ большихъ различной формы кѣтокъ съ густой зернистой протоплазмой. Эти кѣтки расположены безъ особеннаго порядка въ соединительно-тканной основѣ. Самую внутреннюю часть органа образуетъ такъ называемый рефлекторъ. Онъ образованъ почти исключительно гладкими, сильно преломляющими свѣтъ волокнами. Рефлекторъ имѣетъ видъ чашки, въ которую заложены железа и линза. Такимъ образомъ строеніе органа свѣченія вполне обеспечиваетъ пользованіе выдѣляемымъ свѣтомъ. Специальныхъ нервныхъ стволовъ, направляющихся къ этимъ органамъ, найдено не было. Если наблюдать эту рыбу въ аквариумѣ, то даже и въ темнотѣ нельзя замѣтить свѣченія; весьма слабый свѣтъ замѣтенъ, если рыба прикоснется къ стеклу. Однако кар-

ливое изображеніе; нѣчто подобное происходитъ и въ глазу, но только здѣсь имѣется не разстояніе между хрусталикомъ, соответствующимъ объективу фотографическаго аппарата, и сѣтчаткой, соответствующей чувствительной пластинкѣ, а форма хрусталика, но результатъ достигается тотъ же.

тивна совершенно мѣняется, если къ водѣ акваріума прибавить нѣсколько амміака; приблизительно черезъ пять минутъ свѣченіе достигаетъ максимума и бываетъ при этомъ весьма значительно: отдѣльные бугорки различаются вполне ясно. Затѣмъ свѣченіе ослабѣваетъ и спустя минутъ 20 совершенно прекращается. Замѣчательно, что амміакъ вызываетъ свѣченіе даже и 5—6 часовъ спустя послѣ смерти животного. Прикосновеніе къ свѣтящимся бугоркамъ усиливаетъ свѣченіе на нѣкоторое время. Авторъ статьи, изъ которой заимствованы сообщаемыя свѣдѣнія, полагаетъ, что свѣченіе вызывается лишь непосредственнымъ раздраженіемъ соответственнаго органа, влѣдствіе чего железа начинаютъ выделять легко окисляющіяся вещества, которыя при окисленіи и освобождаютъ свѣтовую энергію. Назначеніе рефлектора и линзы понятны сами собою: это чисто физическіе аппараты («Naturwissenschaftliche Rundschau» 1900 г. № 10).

2) *Юконскія собаки*. Единственное упряжное животное въ Клондейкѣ— это собака. Тамъ не можетъ жить ни лошадь, ни ослѣ, и даже опыты акклиматизаціи европейскаго сѣвернаго оленя не имѣли успѣха. Употребляемыя тамъ собаки мѣстнаго происхожденія; на низовьяхъ Юкона ихъ называютъ «маламутъ», въ верхнемъ бассейнѣ—«сивашъ». Маламутъ бѣлаго цвѣта или сѣроватый съ черными или бѣлыми пятнами; сивашъ черный съ бѣлыми пятнами. Эти животныя ублюди: помѣсь собаки съ волкомъ. Чтобы сохранить въ чистотѣ свойства расы, хозяева собакъ каждый годъ весною ловятъ волчатъ и держатъ ихъ до слѣдующей весны, затѣмъ случаютъ ихъ съ собаками и потомъ отпускаютъ на свободу. Нравъ юконскихъ собакъ весьма непріятенъ: это едва ли не самыя вороватыя животныя. Мѣстное населеніе хорошо это знаетъ, но единственное средство—это хорошенько все прятать, такъ какъ, если кто уберетъ не принадлежащую ему собаку (исключая, конечно, случаевъ самозащиты), подвергается штрафу въ 1.000 фр. или тюремному заключенію на 6 мѣсяцевъ.

Цѣнятся юконскія собаки вообще весьма дорого. Зимой 1898 г. онѣ продавались по 750—1.000 фр. и даже 1.500 за штуку. За четверку этихъ собакъ въ декабрѣ 1897 г. было заплачено 6.000 фр. Правда, это были едва ли не лучшія собаки во всей мѣстности; онѣ были куплены около форта Юконъ и сразу же сдѣлали путешествіе въ 1.500 километровъ. Юконскія собаки имѣютъ гладкую шерсть и короткій хвостъ и по сложенію нѣсколько напоминаютъ скаковыхъ лошадей; ростомъ онѣ съ большого датскаго дога. Форма хвоста имѣетъ важное значеніе. Этихъ собакъ запрягаютъ пугомъ, и такихъ, у которыхъ хвостъ короче, можно запречь ближе другъ къ другу и къ повозкѣ. Съ другой стороны, въ этомъ вліять и для самой собаки хвостъ имѣетъ большое значеніе: въ сильные морозы, которые тамъ, какъ всякій знаетъ, весьма суровы и продолжительны, собака во время сна закрываетъ хвостомъ носъ и голову. Къ холоду эти животныя замѣчательно выносливы: даже въ 40 и 50° мороза у нихъ не забнутъ ноги.

Часто ввозятъ въ Аляску и въ Клондейкъ собакъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, но эти породы далеко не такъ выносливы, какъ мѣстная раса. Для короткихъ поѣздокъ онѣ годятся, но для путешествій въ 800 и болѣе километровъ могутъ употребляться только собаки туземныя. Кормятъ ихъ одинъ разъ въ сутки—вечеромъ; имъ даютъ сало съ мукой, хорошо проваренное. Эта пища вполне пригодна при той тратѣ силъ и тѣхъ тепловыхъ потеряхъ, которымъ приходится подвергаться этимъ животнымъ въ дальнихъ путешествіяхъ («Revue scientifique»).

Бактеріологія. *Судьба болѣзнетворныхъ микробовъ послѣ смерти зараженнаго ими организма.* Всякая инфекціонная болѣзнь представляетъ собою не что иное, какъ отдѣльный эпизодъ изъ той борьбы всѣхъ противъ

всѣхъ, которая непрерывно совершается въ животномъ мірѣ. Если зараженный организмъ одерживаетъ верхъ надъ микробами—выздоровливаетъ,—то при этомъ онъ уничтожаетъ ихъ съ помощью разнообразныхъ приспособленій. Что же происходитъ, если одержать верхъ микробы? Какъ пользуются они плодами своей побѣды? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ статьѣ Klein'a «Zur Kenntnis des Schicksals path. Bact. in der beerdigten Leiche», помѣщенной въ «Centralblatt für Bakt». Bd. 25 № 21/22. Наблюденія производились слѣдующимъ образомъ. Животнымъ (обыкновенно морскимъ свинкамъ) производилось впрыскиваніе въ полость брюшины значительныхъ количествъ культуръ различныхъ болѣзнетворныхъ микробовъ, 24 часа спустя (въ это время животныя обыкновенно погибали) трупы ихъ заворачивали въ куски полотна и затѣмъ, положивъ въ деревянный или цинковый ящикъ, или и просто такъ завернутыми въ полотно закапывали во влажную землю или въ песокъ. Черезъ опредѣленные промежутки времени трупы животныхъ выкапывали и опредѣляли, какіе виды бактерій сохранились въ нихъ. Такимъ образомъ были изслѣдованы *Bacillus prodigiosus*, *Staphylococcus pyogenes aureus*, холерные вибрионы, бациллы тифа, дифтерита, чумы и туберкулеза. Во всѣхъ случаяхъ оказалось, что болѣзнетворные микробы въ этихъ условіяхъ весьма быстро погибаютъ: такъ, напримеръ, бациллы тифа черезъ 15—20 дней, бациллы дифтерита также черезъ 15—20, бактеріи холеры черезъ 28 дней, бактеріи чумы черезъ 3 недѣли и бациллы туберкулеза черезъ 7 недѣль. Слѣдуетъ замѣтить, что способность заражать (вирулентность) у бактерій въ зарытыхъ трупахъ исчезаетъ еще скорѣе. Этотъ результатъ, конечно, весьма важенъ и благоприятенъ въ гигиеническомъ отношеніи. Именно для цѣлей гигиены и были произведены эти изслѣдованія. Что же касается поставленнаго выше вопроса, то они показываютъ, что болѣзнетворные микробы, выйдя побѣдителями изъ борьбы съ зараженнымъ ими организмомъ, тѣмъ самымъ создаютъ для себя условія, въ которыхъ они обречены на гибель. Такой исходъ борьбы, въ дѣйствительности весьма частый, по существу совершенно не цѣлесообразенъ, такъ какъ одинаково губеленъ для обѣихъ борющихся сторонъ: явленіе бесполезное, тѣмъ не менѣе, совершается реко-вымъ образомъ. Мнѣ кажется этотъ логическій выводъ изъ наблюденій Клейна не безынтересенъ съ точки зрѣнія биологіи.

Д. Н.

Географія и путешествія. *Нѣкоторые научные результаты экспедиціи Нансена*. Научныя наблюденія, производившіяся Нансеномъ во время его знаменитаго путешествія въ полярныя области, не получили еще до сихъ поръ достаточно полной обработки, чтобы дать общій обзоръ достигнутыхъ имъ результатовъ. Часть обработанныхъ наблюденій составила матеріалъ для доклада, прочитаннаго Нансеномъ на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Мюнхенѣ осенью прошлаго года. Докладъ содержитъ много новыхъ данныхъ и былъ иллюстрированъ множествомъ картинъ. Сообщаемыя ниже свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ доклада знаменитаго путешественника.

Земля Франца-Иосифа состоитъ главнымъ образомъ изъ вулканическихъ формаций: она состоитъ по преимуществу изъ базальта. Почти вся страна покрыта ледниками, снѣгомъ и льдомъ и только въ отдѣльныхъ мѣстахъ изъ льда выдаются черные утесы. Въ южной части Земли Франца-Иосифа подъ базальтомъ лежитъ глинистый слой до 600 футовъ мощностью, въ которомъ попадаются отдѣльныя каменные глыбы. Эта глинистая формация очень богата окаменѣлыми животными, въ особенности же головоногими (аммониты) и пластинчатожаберными, принадлежащими цѣлкомъ юрской системѣ, притомъ по преимуществу ея новѣйшимъ формациямъ. Между базальтовыми покровами найдены тонкіе слои, заключающіе въ себѣ множество ископаемыхъ растений, которыя, по опредѣленію проф. Натгорста, относятся къ верхней или бѣлой юрѣ или же принадлежатъ переходной эпохѣ между юрской и мѣловой. Это дока-

зываетъ, что базальты также отчасти юрскаго происхожденія или относятся къ той-же переходной эпохѣ. Вся Земля Франца-Иосифа представляетъ, такимъ образомъ, образованіе, относящееся къ позднѣйшимъ временамъ юрскаго эпохи.

Важнѣйшій въ географическомъ отношеніи результатъ экспедиціи есть открытіе, что полярная область представляетъ обширный и глубоководный океанический бассейнъ. Выполненіе измѣреній глубинъ посредствомъ лота было очень затруднительнымъ, такъ какъ экспедиція не ожидала встрѣтить такихъ глубинъ, не запаслась соответствующими приборами и необходимыя для этой цѣли приборы пришлось приготовить на «Фрамъ». Наибольшая измѣренная глубина равняется 3850 метрамъ. Измѣренія свои Нансенъ считаетъ точными до 50 метровъ. Такимъ образомъ, съ достаточной точностью извѣстна глубина арктическаго бассейна, но, къ сожалѣнію, величина его поверхности не могла быть выяснена, такъ какъ въ послѣднее время путешествія экспедиція не могла производить много измѣреній глубинъ вслѣдствіе неблагоприятныхъ условий: на глубинѣ 3000 метровъ нигдѣ не находили дна. Только вернувшись къ Шпицбергену экспедиція вновь попала въ область мелкаго моря. Основываясь на добытыхъ гидрографическихъ результатахъ, Нансенъ высказалъ предположеніе, что отъ Шпицбергена до Гренландіи тянется хребетъ или подводный мостъ, находящійся на глубинѣ отъ 800 до 900 метровъ, такъ что глубокой бассейнъ полярнаго океана не находится въ прямой связи съ большими впадинами сѣверной части Атлантическаго океана и Норвержскаго моря. Полярный океанъ представляетъ обособленную, замкнутую впадину. Далѣе, онъ высказалъ догадку, что эта большая впадина образовалась въ юрскаго эпоху, что ея образованіе относится къ тому-же самому времени, что и выходъ большихъ потоковъ базальта на Землѣ Франца-Иосифа, Шпицбергенѣ, Землѣ Карла и т. д.

Добытыя со дна арктическаго океана пробы были изслѣдованы и оказалось, что онѣ содержатъ необыкновенно мало веществъ органическаго происхожденія, всего лишь отъ $\frac{1}{2}$ до 1% органической извести. Едва ли гдѣ-нибудь въ другихъ областяхъ океановъ существуетъ дно, которое на такихъ глубинахъ содержало-бы столь незначительное количество извести. Далѣе къ западу количество извести растетъ и доходитъ до $1\frac{1}{2}$ %, у Шпицбергена его содержаніе увеличивается до 4—6% и далѣе къ югу доходитъ до 20, 40 и даже 50%. Изъ этого видно, что собственно арктический бассейнъ очень бѣденъ мелкими панцирными животными—его органическая жизнь бѣдна представителями этого рода.

На льдѣ надъ глубинами океана производились наблюденія надъ качаніями маятника. Ледъ прекрасная почва для научныхъ наблюденій, однако лѣтомъ, когда ледъ изломанъ, эти наблюденія не такъ легко установить. Въ десяти различныхъ мѣстахъ были сдѣланы опредѣленія тяжести при помощи качаній маятника. Два изъ нихъ удались особенно хорошо: одно въ концѣ апрѣля 1896 г. на 84 градусѣ и другое—въ ноябрѣ 1895 г. на 86 градусѣ. На основаніи прежнихъ наблюденій полагали, что сила тяжести болѣе надъ моремъ, чѣмъ надъ сушей. Изъ наблюденій Нансена оказалось, что сила тяжести на полярномъ океанѣ—нормальна. Проф. Шютцъ въ Христианіи вычислилъ, что ускореніе тяжести на 86 градусѣ равняется 9,83168. Нормальное ускореніе на этомъ мѣстѣ должно быть абсолютно то же самое. Наблюдавшееся на 84 градусѣ ускореніе равнялось 9,83128; нормальное должно бы быть 9,83136; разница совершенно ничтожная.

Даже подъ самыми высшими широтами количество льда въ теченіе лѣта уменьшается вслѣдствіе таянія, однако это таяніе лишь очень незначительно на нижней поверхности льда; оно происходитъ главнымъ образомъ на верхней поверхности, гдѣ образуются большія или меньшія озера съ прѣсною водою; иногда они достигаютъ настолько значительныхъ размѣровъ, что по нимъ можно ѣздить

въ лодкѣ. Озерца эти даютъ прекрасную питьевую воду и, какъ ни странно это можетъ показаться на первый взглядъ, заключаютъ въ себѣ особую арктическую фауну и флору: маленькія водоросли, кремнеземки, инфузоріи и т. п. Вмѣстѣ съ плавучимъ льдомъ этотъ мелкій органическій міръ путешествуетъ на пространствѣ отъ Берингова пролива до восточнаго побережья Гренландіи.

Температура воды океана особенно точно наблюдалась во время экспедиціи. Нансенъ объяснилъ температурныя отношенія на нѣсколькихъ схематическихъ таблицахъ. На поверхности океана до 100 метровъ глубины встрѣчаются очень низкія температуры отъ $-1,6^{\circ}$ до $-1,9^{\circ}$; далѣе въ глубину температура быстро повышается. Въ юнѣ 1895 г. наиболѣе высокая наблюдавшаяся температура на глубинѣ отъ 250 до 400 метровъ равнялась $+1^{\circ}$. Отъ глубины въ 800 метровъ температура падаетъ очень медленно и чѣмъ далѣе, тѣмъ медленнѣе, по мѣрѣ же приближенія ко дну нѣсколько повышается. Въ глубинахъ температура не опускается ниже -1° . Это послѣднее обстоятельство очень интересно въ томъ отношеніи, что въ глубокихъ впадинахъ сѣверной части Атлантическаго океана мы встрѣчаемъ на глубинѣ болѣе низкую температуру въ $-1,5^{\circ}$; арктическій океанъ, такимъ образомъ, теплѣе на днѣ, чѣмъ сѣверная часть Атлантическаго океана. Эта разница находится въ прямой связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что арктическій океанъ является типическимъ внутреннимъ моремъ. Только на поверхности до глубины 100—200 метровъ мы находимъ типическую полярную воду, далѣе въ глубину движется вода изъ Гольфштрома; на глубинѣ въ 200 метровъ мы встрѣчаемъ воду съ тѣмъ же точно удѣльнымъ вѣсомъ, какъ и въ Гольфштромѣ, т. е. тотъ вѣсъ, который соответствуетъ содержанию солей 35 на тысячу. Удѣльный вѣсъ воды на поверхности едва равняется 1,023—1,024. Замѣчательно, что удѣльный вѣсъ и $\%$ содержаніе солей въ водахъ Ледовитаго океана на глубинѣ ниже 250 метровъ почти тѣ-же, что и соответствующія максимальныя цифры для водъ Гольфштрома у западныхъ береговъ Шпицбергена, тогда какъ температура и удѣльный вѣсъ воды Гольфштрома по пути отъ Фарѣрскихъ острововъ до Шпицбергена быстро падаютъ. Главными источниками легкой воды полярнаго теченія являются, по мнѣнію Нансена, прѣсныя воды сибирскихъ рѣкъ, а также легкая вода, текущая въ сѣверномъ направленіи черезъ Беринговъ проливъ. Очевидно, что этотъ слой легкой полярной воды хорошо защищаетъ ледъ отъ дѣйствія теплой воды Гольфштрома. Кромѣ того, образованіе льда происходитъ тѣмъ легче, такъ какъ теплая вода тяжеле. Ледъ полярнаго теченія гонится вѣтрами къ югу, вслѣдствіе чего должно образоваться противотеченіе ввизу. Главная масса полярнаго теченія вѣтрами или разными другими силами сѣвернѣе Исландіи направляется къ востоку и протекаетъ между Исландіей и Янъ-Майеномъ въ юго-восточномъ направленіи. Для Европы это имѣетъ очень большое значеніе, такъ какъ это восточно-исландское полярное теченіе направляется къ европейскимъ берегамъ и тѣмъ оказываетъ очень важное вліяніе на европейскій климатъ.

Наблюденія надъ метеорологическими отношеніями въ полярной области производились въ теченіе болѣе трехлѣтняго промежутка времени. Теперь мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что холодъ этихъ областей не столь страшенъ, какъ то прежде предполагалось и температура, которая тамъ преобладаетъ, выше тѣхъ низкихъ температуръ, которыя извѣстны въ Сибири. Самая низкая, наблюдавшаяся Нансеномъ, температура -53° по Ц. (-42° по Реомюру). Лѣтомъ температура поднималась до $+5^{\circ}$. Проф. Монъ занятъ въ настоящее время детальной разработкой метеорологическихъ наблюденій, но его работа еще не вполнѣ закончена. Упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, добытыхъ имъ результатахъ. Вѣтры въ общемъ не отличались силою; наиболѣе сильныя

вѣтры въ восточной части Ледовитаго океана не превышали скорости 15—16 метровъ въ секунду. Средняя скорость вѣтра равнялась, приблизительно, $5\frac{1}{2}$ метрамъ въ секунду. Затишье царяло рѣдко, чаще всего осенью, рѣже всего въ апрѣль. Зимой затишье приносило низкія температуры. Зимой самыми холодными вѣтрами были NNW и SW. Чисто западные вѣтры были рѣдкою. Облачность была легкая: лѣтомъ облака были прозрачны, зимой—представляли картину легкихъ покрововъ. Воздухъ былъ наполненъ ледянными кристаллами. Луна рѣдко была окружена двойными кольцами, зато очень часто ее видѣли окруженною простымъ кольцомъ. Ни одна другая экспедиція не имѣла случая наблюдать такъ полно сѣверныя сіянія; зимою Нансенъ и его спутники имѣли возможность почти каждый день любоваться этимъ зрѣлищемъ, причемъ нерѣдко наблюдались цвѣтныя сіянія.

Высокій интересъ представляютъ тоже магнитныя наблюденія въ этихъ сѣверныхъ странахъ; послѣднія производились посредствомъ очень точныхъ инструментовъ капитаномъ Скоттъ-Гансеномъ, работа котораго была очень затруднительна вслѣдствіе необходимости обращаться съ точными инструментами на сильномъ холоду голыми руками. Здѣсь не мѣсто излагать интересныя, но слишкомъ спеціальныя результаты этихъ наблюденій; достаточно сказать, что магнитная стрѣлка никогда не была въ покоѣ: она постоянно двигалась то въ одну, то въ другую сторону.

Въ заключеніе, Нансенъ посвятилъ нѣсколько словъ жизни этихъ высокихъ широтъ. Лѣтомъ живыя существа попадались вездѣ. «Моржей мы встрѣчали посреди полярнаго океана зимою 1893 года на 79° въ мѣстахъ, гдѣ вблизи не было никакой земли. Эти животныя совершаютъ, повидимому, замѣчательныя странствованія. Тюленей наблюдали лѣтомъ даже на 84° сѣв. широты, слѣды лисицъ находили на 85° . Чаякъ и различныхъ птицъ мы видѣли каждое лѣто вездѣ, даже въ высшихъ, достигнутыхъ нами, широтахъ. Въ водѣ мы встрѣтили очень много разнообразной жизни, въ особенности много находилось ракообразныхъ. Большинство представителей живыхъ существъ являлось типическими для арктическаго или полярнаго міра. Мы нашли много новыхъ формъ, которыя еще не были извѣстны—новые роды и новые виды». Такимъ образомъ, мы не должны представлять себѣ сѣверный полюсъ лишеннымъ всякой жизни. Нѣтъ, по всей вѣроятности, ни одного мѣста на землѣ, гдѣ бы нельзя было найти жизни въ формѣ какого бы то ни было живого существа.

Химія. *Новое анестезирующее вещество—нирванинъ.* Новое анестезирующее вещество, которому доктора Эйнгорнъ и Гейндъ дали названіе нирванинъ, отъ слова «нирвана», чтобы избѣжать слишкомъ неудобнопроизносимый научный терминъ его обозначающій, представляетъ метиловый эфиръ діэтил-глицоколламидооксibenзойной кислоты. Читатель согласится, что есть основаніе замѣнить такое названіе болѣе простымъ и практичнымъ. Нирванинъ есть анестезирующее вещество вродѣ кокаина, но передъ этимъ послѣднимъ алкоколомъ имѣеть то важное преимущество, что онъ гораздо менѣ ядовитъ, обладая въ то же время способностью уничтожать болезня ощущенія. Вещество это является въ видѣ кристаллической соли—бѣлыхъ призмъ, сильно растворимыхъ въ водѣ. Химической реакціей для его распознаванія можетъ служить хлорное желѣзо: нѣсколько капель его сообщаютъ раствору нирванина красивую фіолетовую окраску. Анестезирующія свойства нирванина очень рѣзко выражены: нѣсколько капель пятипроцентнаго раствора, влитыя въ глазъ, вызываютъ черезъ 10 минутъ полную нечувствительность. Глазъ можно трогать пальцемъ, взять пинцетомъ конъюнктиву, словомъ выполнить цѣлый рядъ необходимыхъ въ хирургіи операций безъ всякаго неприятнаго для пациента ощущенія. На глазъ реакція немного сильна и иногда наблюдается раздраженіе конъюнктивы. Но на всѣхъ другихъ слизистыхъ оболочкахъ, напр., носа или

полости рта раздраженія не получается и анестезирующее дѣйствіе достаточно полно. Но, чтобы получить полную анестезію, которая могла бы допустить разрьбъ или прижиганіе, необходимо, чтобы нервные окончанія пришли въ прямое соприкосновеніе съ растворомъ. Поэтому практическимъ способомъ для анестезирования являются подкожныя впрыскиванія нирванина.

Лушенбургеръ, изслѣдовавшій подробно эффекты этого новаго агента, считаетъ коканнъ болѣе пригоднымъ для анестезирования глаза и полости носа. Но онъ отдаетъ предпочтеніе нирванину для производства мѣстной анестезіи другихъ областей, вслѣдствіе его слабой ядовитости. Онъ могъ инъецировать до 40 сентиграммовъ нирванина безъ всякихъ послѣдствій, тогда какъ половинное количество коканна повлекло бы серьезное отравленіе. Максимальная доза доходить до 70 сентиграммовъ. Анестезирующій эффектъ ясно выраженъ и наступаетъ скоро; продолжительность анестезіи растетъ съ крѣпостью раствора. Однопроцентнаго раствора достаточно для потери чувствительности на четверть часа; двухпроцентнаго—на двадцать, двадцать пять минутъ на пространствѣ въ 3, 4 квадратныхъ сантиметра. Сдѣлавши 4, 5 впрыскиваній по 1 куб. сант. 2⁰/₀ раствора вокругъ опухоли величиною въ кулакъ, можно получить настолько полную анестезію, что опухоль удаляется вполне безболѣзненно. Проф. Бонкуръ въ Парижѣ примѣняетъ новое средство съ большимъ успѣхомъ въ зубной хирургіи и находитъ его лучше другихъ средствъ, примѣнявшихся до сихъ поръ. Кромѣ того, растворы нирванина имѣютъ еще важное преимущество: они болѣе прочны, чѣмъ растворы коканна; они не портятся при кипяченіи и могутъ быть удобно стерилизованы. Въ тому же, нирванинъ, по своей химической природѣ, обладаетъ нѣкоторой антисептической силой. Последнее также даетъ ему нѣкоторое преимущество передъ другими анестезирующими веществами, но его главное достоинство—его небольшая ядовитость. («La Nature»), № 1399).

Техника. 1 *Постройка желѣзной дороги на вершину Юнгфрау*. Грандіозное предпріятіе, достойное fin de siècle пара и электричества, устройство желѣзнодорожнаго сообщенія съ вершиной Юнгфрау, находящейся на высотѣ 4.166 метровъ, постепенно подвигается впередъ, и рассчитываютъ, что вся дорога будетъ вполне закончена къ 1904 году. Извѣстно, въ какой широкой степени и въ какихъ разнообразныхъ формахъ въ современной индустріи находятъ примѣненіе электрическая энергія, но едва ли въ какомъ-нибудь предпріятіи она находила столь исключительное и всеобъемлющее приложение какъ при постройкѣ упомянутой желѣзной дороги. Можно съ полною увѣренностью утверждать, что безъ примѣненія великой культурной силы нашего вѣка—электричества, выполненіе такой задачи, какъ проведеніе желѣзной дороги на вершину Юнгфрау, встрѣтило бы непреодолимые затрудненія и оказалось бы непосильнымъ генію человѣка.

Интересныя свѣдѣнія, сообщенныя по этому поводу инженеромъ Мауреромъ въ его публичной лекціи «о роли электричества при постройкѣ желѣзной дороги на Юнгфрау» подтверждаютъ высказанную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, если принять въ соображеніе, что паровой локомотивъ, перевозящій сорокъ путешественниковъ изъ Лаутербруннена на Малую Шейдекъ, потребляетъ въ теченіе полутора-часового пути 250 килограммовъ (15 пудовъ) каменнаго угля и болѣе 2 кубическихъ метровъ воды, можно составить себѣ нѣкоторую идею о томъ, во что должна была въ этихъ условіяхъ обойтись постройка и эксплуатация желѣзной дороги на Юнгфрау. Такъ какъ воды на Малый Шейдекъ вовсе нѣтъ, воду и уголь нужно было бы доставлять по желѣзной дорогѣ, идущей черезъ Венгервальдъ, до того пункта, гдѣ находится станція отправленія новой дороги. Электричество въ этихъ условіяхъ, оказалось незамѣнимымъ: оно не имѣетъ вѣса и не имѣетъ объема; перенесенное на далекое разстояніе почти

безъ всякой потери путемъ простыхъ металлическихъ проводовъ на какую угодно высоту, оно развивается на концѣ этихъ нитей любой родъ энергіи: свѣтъ, теплоту и рабочую силу. Въ сооруженіи этой дороги всѣ перечисленные виды энергіи очень цѣнны. Электрическіе двигатели, установленные на соответствующихъ вагонеткахъ, служатъ локомотивами, перевозящими необходимый для построекъ матеріалъ, рабочихъ и въ будущемъ будутъ возить туристовъ. Тѣ же моторы приводятъ въ дѣйствіе вентиляторы, приводящіе свѣжій воздухъ въ строящіеся туннели. Электрическая сила прямо примѣняется при работахъ пресверляванія туннелей; такимъ образомъ удалось избѣжать слишкомъ дорогихъ сооружений для сверленія сжатыхъ воздухомъ. Само собою разумѣется, что туннели, всѣ необходимыя постройки и жилища помѣщенія для рабочихъ освѣщаются электричествомъ. Теплота, развиваемая электричествомъ, служитъ для добычи питьевой воды: область, гдѣ производятся работы, находится въ средѣ ледниковъ, лишена текущей воды, а потому для добычи воды необходимо плавить ледъ и свѣгъ; помѣщенія отапливаются посредствомъ электричества и въ настоящее время проектируются къ постройкѣ электрическая кухня и хлѣбопекарни. Количество необходимой для выполнения работъ электрической энергіи вычисляется отъ 1.500 до 2.000 лошадиныхъ силъ. Эта сила производится рѣкой Бѣлой Люциней, протекающей въ долинѣ Лаутербрунненъ иногда по очень крутому уклону. Гидравлическія сооружения и электрическій заводъ, устроенные съ этою цѣлью, находятся возлѣ Лаутербруннена.

2) *Заводы Крунна въ Эссенѣ.* Исторія возникновенія и развитія заводовъ Крунна въ Эссенѣ представляютъ интересную главу въ исторіи металлургіи вообще. Дѣдъ нынѣшняго владѣльца заводовъ открылъ въ 1810 году небольшой литейный заводъ; въ продолженіи 16 лѣтъ онъ едва получалъ средства для самаго скромнаго существованія. Въ 1826 году ему наследовалъ сынъ его Альфредъ: еще въ 1832 году у него на заводѣ было всего 9 человекъ рабочихъ. Въ 1851 году онъ выставилъ въ Лондонѣ образчики стали и пушекъ своего завода: съ тѣхъ поръ фирма приобрѣла заказы разныхъ правительствъ и мало-по-малу обратила на свои произведенія вниманіе почти всего міра.

Въ первомъ январѣ текущаго года у фирмы числилось на службѣ 41.750 человекъ, причемъ на одни заводы въ Эссенѣ приходилось болѣе 25.000 человекъ. Въ 1895 году на сталелитейномъ заводѣ въ Эссенѣ считалось 3.000 машинъ—орудій или аппаратовъ, приводимыхъ въ движеніе 458 паровыми машинами, общая сила которыхъ равнялась 36.651 лошадинымъ силамъ. Въ теченіе 1895—1896 коммерческаго года было сожжено болѣе милліона тоннъ каменнаго угля и кокса. Заводъ потребилъ количество воды, одинаковое съ потребленіемъ воды въ городѣ Дрезденѣ, который имѣетъ населеніе въ 336.000 жителей; количество потребленнаго свѣтлignaго газа превосходитъ потребленное городомъ Дрезденомъ. Заводъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 80 километровъ рельсоваго пути съ подвижнымъ составомъ въ 36 локомотивовъ и 1.300 вагоновъ. На заводѣ 522 телефонныхъ станціи.

Здѣсь, въ этой гигантской лабораторіи происходитъ постоянная борьба между орудіемъ разрушенія—пушкой и блиндажемъ или защитительной броней; каждая изъ соперничающихъ сторонъ попеременно одерживаетъ верхъ, но ни одна еще не сказала своего послѣдняго слова: усовершенствованіе идетъ впередъ непрерывно съ обѣихъ сторонъ. И... кто знаетъ? быть можетъ, послѣднее слово этой ужасной по своему назначенію техники будетъ ея же смертнымъ приговоромъ: усовершенствованное оружіе сдѣлаетъ невозможнымъ существованіе войны, которая превратилась бы въ разрушительную катастрофу. Интересно, что уже и въ настоящее время раздаются голоса противъ войны именно съ этой точки зрѣнія. Въ своихъ докладахъ мирной конференціи въ Гаагѣ экономистъ де-Блохъ призывалъ правительства къ изслѣдованію, возможно болѣе

полному современныхъ условій войны и ея возможныхъ результатовъ. Въ книгѣ подъ заглавіемъ «Война» этотъ авторъ такимъ образомъ формулируетъ свои идеи: «Истинная химера, истинная утопія—это война. Современное усовершенствованіе оружія сдѣлало ее невозможною. Отнынѣ она приведетъ только къ катаклизмамъ. Наибольшая услуга, которую можно оказать человечеству—изучить глубоко всѣ вопросы военного дѣла, чтобы идея невозможности войны въ будущемъ стала всеобщимъ достояніемъ». Въ той же книгѣ, опираясь на мнѣніе авторитетныхъ военныхъ дѣятелей, де-Блохъ пытается предсказать послѣдствія примѣненія въ военномъ дѣлѣ бездымнаго пороха, дальнобойныхъ пушекъ, магазинныхъ ружей и т. д.

Онъ говоритъ, между прочимъ: «Нельзя будетъ производить фронтальной атаки безъ громадныхъ потерь; нельзя будетъ безъ прикрытія пройти зону орудіянаго огня; нельзя будетъ избѣжать потери пушекъ, такъ какъ артиллерійская прислуга будетъ падать жертвою дальнобойныхъ ружей; наконецъ, нельзя будетъ воспользоваться военнымъ успѣхомъ». Кроме того, Блохъ предсказываетъ большія потери офицеровъ и говоритъ, что война въ будущемъ еще возможна въ видѣ осады и обороны укрѣпленныхъ позицій. Интересно, что непосредственнымъ отвѣтомъ на теоретическія разсужденія де-Блоха явилась англо-трансваальская война, которая ведется со всѣми новѣйшими техническими усовершенствованіями и средствами. Въ интересной статьѣ, помѣщенной «Revue des Revues», де-Блохъ пытается по пунктамъ провести параллель между своими предсказаніями и тѣмъ, что произошло въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ военныхъ операций въ южной Африкѣ. Авторъ выдвигаетъ на первый планъ бросающееся въ глаза заключеніе, что защита имѣетъ явное превосходство предъ нападеніемъ и, слѣдовательно, невозможность для нападающаго сломить сопротивление, которое ему противопоставляютъ, очевидно; другими словами онъ хочетъ доказать—*невозможность побѣдить*. «Борьба невозможна,—говоритъ онъ, третейскій судъ единственный выходъ изъ конфликта»... и настаиваетъ на необходимости всесторонняго, полнаго изслѣдованія, которое должно, по его мнѣнію, привести къ обнаруженію полной нецѣлесообразности дальнѣйшихъ вооруженій, на которыя разоряются всѣ цивилизованныя націи. Н. М.

Астрономическія извѣстія.

— *Сложные радіанты падающихъ звѣздъ. Изслѣдованія академика О. А. Бредихина.* При наблюденіи болѣе или менѣе сильнаго потока падающихъ звѣздъ каждый наблюдатель непосредственно можетъ замѣтить, что метеоры летятъ, какъ бы изъ одной определенной точки на небѣ—такъ называемаго *радіанта*. Эта точка сохраняетъ свое положеніе между звѣздами, вмѣстѣ съ ними восходить, поднимается надъ горизонтомъ и заходить. Очевидно, что метеоры идутъ по параллельнымъ путямъ, которые только вслѣдствіе перспективы кажутся сходящимися, какъ сходятся для насъ два параллельные рельса желѣзнодорожнаго полотна, когда мы смотримъ вдаль. То обстоятельство, что радіантъ не измѣняетъ своего положенія относительно звѣздъ, прямо указываетъ, что метеоры идутъ изъ далекаго мірового пространства, что они не могутъ имѣть своего начала въ нашей атмосферѣ, что это явленія — космическаго происхожденія. Открытіе существованія въ потокѣ радіанта имѣло такимъ образомъ громадное значеніе—оно выдѣлило падающія звѣзды изъ области изслѣдуемыхъ метеорологій и обратило на нихъ вниманіе астрономовъ.

Извѣстный итальянскій ученый Скиапарелли устанавливаетъ, затѣмъ, связь метеоровъ съ кометами. Падающія звѣзды суть не что иное, какъ мелкія ча-

стижки разсыпавшихся кометъ, онѣ движутся въ пространствѣ по орбитамъ, близкимъ къ орбитамъ кометъ, породившихъ ихъ, и пронесясь, при встрѣчѣ съ землею, черезъ нашу атмосферу, сильно нагрѣваются отъ тренія, въ общемъ случаѣ сгораютъ совершенно и бесслѣдно.

Теорія, созданная нашимъ маститымъ ученымъ $\Theta.$ А. Бредихинымъ, раскрыла еще въ большихъ деталяхъ зависимость падающихъ звѣздъ отъ кометъ. Тотъ фактъ, что пути метеоровъ на небѣ, продолженные назадъ, сходятся собственно не въ точку, а только лишь въ нѣкоторой области, которую Бредихинъ называетъ *площадью радиации*, свидѣтельствуетъ, что въ потокѣ падающихъ звѣздъ мы собственно имѣемъ дѣло не съ однимъ лучкомъ орбиты, а съ нѣсколькими, наклоненными другъ къ другу.

Бредихинъ утверждаетъ дальше, что метеоры не суть непременно части разсыпавшейся кометы, что это просто выдѣленія кометы. Комета вовсе не должна прекратить своего существованія, какъ таковая, чтобы породить потокъ метеоровъ. Она выдѣляетъ ихъ при приближеніи къ солнцу въ различные моменты, въ различныхъ точкахъ своей орбиты, а потомъ удаляется, какъ была кометой. Даже ушедшая въ бесконечное пространство, комета можетъ оставить въ нашей солнечной системѣ такой потокъ, который будетъ наблюдаться ежегодно.

Бредихинъ объясняетъ и открытыя въ 1878 году Деннингомъ такъ называемыя стационарныя радіанты, которые для многихъ являлись рѣзкимъ противорѣчіемъ установившимся теоріямъ. Стационарными названы Деннингомъ такіе радіанты, которые держатся на небѣ долгое время—нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ сегодня, такъ и черезъ мѣсяць, черезъ два и черезъ четыре наблюдаются метеоры, слѣды которыхъ будучи продолжены назадъ, сходятся все около одной и той же точки. Иногда мѣсяца черезъ три послѣ наблюденія одного потока, появляется новый съ тѣмъ же радіантомъ. Конечно, при малой точности наблюденія падающихъ звѣздъ, особенно, когда потокъ слабъ, опредѣленіе положенія радіанта можетъ быть сдѣлано только въ предѣлахъ нѣсколькихъ градусовъ. Тѣмъ не менѣе, Деннингъ съ увѣренностью устанавливаетъ нѣсколько случаевъ повторенія радіанта на одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Между тѣмъ, изъ всей массы наблюденій ясно выходитъ, что скорость метеоровъ только немного, приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ раза больше скорости земли въ ея движеніи около солнца, а въ такомъ случаѣ для каждаго момента естественно ждать видимаго смѣщенія наблюдаемаго метеора, уклоненія лучей, идущихъ отъ него, на нѣсколько градусовъ отъ ихъ истиннаго направленія, подобно тому, какъ для человѣка, смотрящаго изъ окна вагона въ быстро едущемъ позадѣ, вертикальныя струи дождя кажутся наклонными. Для различныхъ точекъ земной орбиты это видимое смѣщеніе различно. Разница можетъ доходить до десятковъ градусовъ. И только въ томъ случаѣ могъ бы наблюдаться дѣйствительно стационарный радіантъ, т. е. радіантъ на одномъ и томъ же мѣстѣ неба, принадлежащій одному и тому же потоку, если бы этотъ потокъ былъ такъ широкъ, что обнималъ бы всю площадь земной орбиты и имѣлъ бы скорость громадную сравнительно съ земной скоростью.

Но такой скорости допустить нельзя, противъ нея возстаетъ даже Деннингъ, который настаиваетъ на существованіи стационарныхъ радіантовъ, игнорируя только что приведенное возраженіе.

Еще въ 1888 году для одного спеціальнаго радіанта, который наблюдался, какъ указалъ Деннингъ, въ іюль, августъ, сентябрь, октябрь и ноябрь, на на одномъ и томъ же мѣстѣ неба—близъ звѣзды β Персея, Бредихинъ рассчиталъ истинныя положенія для всѣхъ дней наблюденія. Расхожденія оказались громадны, до 80 градусовъ въ одномъ направленіи и 20 градусовъ въ другомъ. Ясно, что если въ различные моменты наблюдались радіанты на одномъ и томъ

же мѣстѣ неба, они не принадлежатъ одному потоку метеоровъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нѣсколькими потоками, совершенно различными, радіанты которыхъ расходятся до 80 градусовъ и только лишь вслѣдствіе смѣщенія земли усматриваются на одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Стационарный радіантъ, такимъ образомъ, является просто сложнымъ радіантомъ.

Въ послѣднее время Бредихинъ опять остановилъ свое вниманіе на сложныхъ радіантахъ и еще нагляднѣе показалъ ихъ существованіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Деннингъ подозрѣвалъ стационарный радіантъ. Поводомъ къ этому изслѣдованію послужилъ новый каталогъ радіантовъ, выпущенный Деннингомъ въ 1899 году.

Взявши изъ этого каталога числа, опредѣляющія положеніе радіанта, Бредихинъ вычислилъ для каждаго момента, когда наблюдался этотъ радіантъ, орбиту метеоровъ.

Простое сопоставленіе такихъ орбитъ прямо показало, что стационарный радіантъ соответствуетъ многимъ, совершенно различнымъ потокамъ.

Для радіанта близъ β Персея, наблюдавшагося, согласно новому каталогу Деннинга, всего 18 разъ (въ мартѣ, іюлѣ, августѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ) оказались, напримѣръ, 14 совершенно непохожихъ другъ на друга орбитъ.

Слѣдовательно, четырнадцать потоковъ, ничего другъ съ другомъ общаго не имѣющіе, даютъ совершенно случайно, только вслѣдствіе смѣщенія земли, видимый радіантъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ неба. Это вовсе не стационарный, не постоянный радіантъ, это—радіантъ *сложный*.

Такъ просто, такъ наглядно объясняетъ Θ . А. Бредихинъ явленіе, которое кажется другимъ исключительно сложнымъ, загадочнымъ. Деннингъ, который установилъ фактъ появленія радіанта на одномъ и томъ же мѣстѣ неба, признаетъ прямо себя неспособнымъ составить даже гипотезы для его объясненія.

Еще въ самое недавнее время въ прошломъ году появились двѣ сложные, искусственныя теоріи Тэрнера и Гершеля, для объясненія стационарныхъ радіантовъ, разсматривающія ихъ, какъ таковыя и желающія видѣть нѣкоторыя необычныя подробности въ самомъ образованіи, происхожденіи метеорныхъ потоковъ, которые могутъ производить радіанты, quasi-аномальныя.

Въ своей послѣдней статьѣ проф. Бредихинъ даетъ и критическій разборъ этихъ теорій, наглядно раскрывающій ихъ несостоятельность.

— *Новая комета.* 31-го января (н. ст.) астрономомъ Жіакобини открыта была въ Ниццѣ комета, которая, какъ оказалось по вычисленіи ея орбиты, идетъ къ солнцу и 28-го апрѣля будетъ находиться отъ него въ наиболѣе близкомъ разстояніи. Въ моментъ открытія она представляла видъ неправильной туманности, нѣсколько вытянутой въ сторону, противоположную отъ солнца. Она имѣла ядро, которое какъ бы дѣлилось на-двое. Яркость его не превосходила яркости звѣзды 13-ой величины. Да и вообще яркость всей кометы очень мала.

Интересно, что въ нѣкоторомъ отношеніи элементы орбиты новой кометы похожи на элементы интересной кометы Свифта, наблюдавшейся въ прошломъ году. Вѣроятно, комета будетъ видима еще мѣсяца три послѣ прохожденія въ наиболѣе близкомъ отъ солнца разстояніи. Даже въ концѣ іюля условія для наблюденія будутъ достаточно благоприятны, такъ что, вѣроятно, движеніе кометы будетъ прослѣжено мѣсяцевъ за шесть, и орбита окажется хорошо опредѣленной.

Къ сожалѣнію, только до сихъ поръ благодаря дурной вообще погодѣ и сла-

бости кометы послѣдняя наблюдалась неособенно много. Впрочемъ проф. Вольфу въ Гейльдельбергѣ удалось даже сфотографировать ее.

— Премія за открытіе кометы при Русскомъ Астрономическомъ Обществѣ. В. Ѳ. Голубевъ принесъ въ даръ Русскому Астрономическому Обществу капиталъ въ 5.500 рублей, проценты съ котораго должны выдаваться въ видѣ премій преимущественно за открытіе новой кометы въ Россіи. Размѣръ премій опредѣленъ въ 350 рублей. Она будетъ носить имя покойнаго брата жертвователя—геодезиста Александра Ѳедоровича Голубева, скончавшагося въ 1866 г. Правила о присужденіи премій будутъ напечатаны въ «Извѣстіяхъ Русскаго Астрономическаго Общества». Тамъ будетъ также помѣщена и инструкція къ разыскиванію кометъ.

Н. Покровский.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Апрѣль.

1900 г.

Содержаніе: — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія права. — Политическая экономія. — Философія и психологія. — Естествознаніе. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Русская земская медицина».

«Русская земская медицина». Изданіе Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова (XII-й международный сѣздъ врачей). М. 1899 г. Сборникъ заключаетъ въ себѣ статистическій очеркъ Россіи и ея санитарнаго состоянія (Е. А. Осипова), обзоръ развитія земской медицины въ Россіи вообще (его же) и обзоръ состоянія земской медицины въ Московской губерніи (Н. В. Попова и П. И. Куркина). Составленіе большей части сборника, такимъ образомъ, принадлежитъ Е. А. Осипову, въ продолженіи 20 лѣтъ (съ 1875 г.) ближайшимъ образомъ завѣдывавшему врачебно-санитарною частью московскаго губернскаго земства. Главнымъ источникомъ при составленіи очерка развитія и состоянія земской медицины въ Россіи служили матеріалы, разработанные и изданные подъ редакціей врача Д. Н. Жбанкова Обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ теченіе 1890—1893 гг. въ видѣ «Земско-медицинскаго сборника», заключительный выпускъ котораго и представляетъ настоящая книга, помимо ея спеціальнаго назначенія.

Наша земская медицина, какъ по своей организаціи, такъ и по достигнутымъ результатамъ, безспорно, представляетъ явленіе, заслуживающее вниманія и изученія. Она сложилась и выросла на почвѣ того мѣстнаго самоуправленія, которое возникло въ Россіи съ изданія «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года». При скудныхъ земскихъ средствахъ приходилось ооздавать все съизнова, причѣмъ задача осложнялась своеобразными условіями внутренней русской жизни, крайней разбросанностью русскаго сельскаго населенія, низкимъ уровнемъ народнаго благосостоянія и культуры, народнымъ невѣжествомъ и предрасудкомъ. Но постепенно, благодаря преданности этому дѣлу со стороны лучшихъ земствъ и настойчивымъ и самоотверженнымъ усиліямъ молодой корпораціи земскихъ врачей, стали выясняться основныя черты рациональнаго устройства народной медицины, опредѣляться наиболѣе доступныя и цѣлесообразныя типы сельскихъ лѣчебныхъ учрежденій, наиболѣе дѣятельныя способы врачебной помощи и пріемы борьбы съ эпидеміями. За сравнительно короткій 25—30-ти-лѣтній періодъ дѣятельности по организаціи врачебной помощи населенію русское земство образовало по уѣздамъ 34 земскихъ губерній до 1.931 медицинскихъ участковъ съ лѣчебными въ нихъ заведеніями. «Въ теченіе столь малаго времени оно успѣло радикально преобразовать переданныя ему городскія больницы, которыя въ казенныя времена приказа существовали больше для видимости, переполняясь неважѣчкими хро-

никами и дряхлыми стариками и мало чѣмъ отличаясь отъ функционировавшихъ рядомъ съ ними (преимущественно въ городахъ) запущенныхъ, смрадныхъ богадѣленъ, въ настоящее же время такъ благоустроены, что съ полнымъ правомъ могутъ носить названіе «лѣчебныхъ» заведеній и громадное большинство ихъ удовлетворяетъ всѣ главные требованія госпитальной гигиены. Затѣмъ, земстве успѣло устроить болѣе 1.350 (считая и амбулаторіи) завѣдуемыхъ врачами лѣчебницъ среди сельскаго населенія, а кромѣ того, свыше 300 уѣздныхъ городскихъ больницъ поставило въ положеніе участковыхъ лѣчебныхъ заведеній и тѣмъ самымъ, по возможности, обратило также и ихъ на дѣйствительное служеніе мѣстному населенію. вмѣсто прежнихъ 350 врачей-ревизоровъ и городскихъ практиковъ по преимуществу, исполнявшихъ свои служебныя обязанности болѣе формально, въ настоящее время на земской почвѣ сформировалась довольно уже значительная корпорація врачей, заключающая почти 2.500 лицъ, занятыхъ безвозмездной медицинской помощью населенію. Наконецъ, вмѣсто прежнихъ 2.000 невѣжественныхъ фельдшеровъ и акушерокъ, теперь на земской службѣ состоитъ болѣе 8.000 лицъ разнаго вспомогательнаго медицинскаго персонала, въ большинствѣ достаточно подготовленнаго къ толковому и добросовѣстному исполненію подлежащихъ ему обязанностей» (стр. 93).

Безсочасно, если имѣть въ виду, что средній земско-медицинскій участокъ превышаетъ 1.400 кв. километровъ и заключаетъ въ себѣ болѣе 32-хъ тысячъ жителей, одно земское лѣчебное заведеніе, считая больницы и амбулаторіи, приходится на 37 тыс. жителей, а одинъ земскій врачъ на 25¹/₂ тыс. жителей,—то надо признать, что помощь эта весьма недостаточна въ отношеніи къ пространству и населенію земской Россіи и земству остается еще не мало работать, чтобы сдѣлать медицинскую помощь доступной болѣе или менѣе всему населенію. Но при этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что, благодаря постановкѣ земской медицинской помощи, и теперь она можетъ быть болѣе доступна сельскому населенію, чѣмъ таковая же помощь въ столицахъ, хотя тамъ и приходится одинъ врачъ на 800 — 900 жителей. Дѣло въ томъ, что организація нашей земской медицины основана на принципѣ общественности и потому безвозмездна. По словамъ проф. М. Я. Капустина, «Западная Европа выработала медицинскую помощь въ больницахъ преимущественно въ видѣ личнаго дѣла больного и служащаго ему врача на правахъ ремесла и торговли. Русская земская медицина явилась чисто общественнымъ дѣломъ. Помощь врача въ земствѣ не есть личная услуга за счетъ больного, не есть также и актъ благотворенія; она есть общественная служба. Конкуренція врачей въ городахъ на счетъ болѣющаго населенія есть фактъ общеевропейскій; отсутствіе конкуренціи между сельскими земскими врачами есть принадлежность общественной службы. Какъ вышій, такъ и узкій интересъ земскаго врача, заключается въ сокращеніи числа больныхъ и продолжительности болѣзней. Задачи лѣчащей медицины и гигиены здѣсь идутъ рука объ руку, въ неразрывной связи».

Дѣятельность земской медицины, какъ общественной организаціи, не ограничилась одной чисто врачебной стороной въ разрѣшеніи задачи попеченія о народномъ здоровіи, но наметила пути для осуществленія другой, еще болѣе важной функціи—санитарнаго попечительства. Многочисленныя изслѣдованія показали, что санитарныя условія нашего сельскаго населенія представляютъ крайне благопріятную почву для возникновенія заразныхъ болѣзней и волюнѣ объясняютъ существующій въ Россіи высокій процентъ смертности. Мѣры общественнаго оздоровленія, рационально проводимыя, должны были занять вниманіе земства въ особенности со времени закона 1879 года, который предоставлялъ земству право на санитарную регламентацію съ наблюденіемъ за исполненіемъ издаваемыхъ имъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій для населенія. Первую образцовую санитарную организацію выработало московское

земство; примѣру его послѣдовало земство херсонское съ его интереснымъ и удачнымъ опытомъ санитарнаго надзора за движеніемъ пришлыхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, и сравнительно въ недавнее время земство петербургское. Но вообще въ этомъ направленіи земской медицины остается сдѣлать еще много, и большинство земствъ только выступаютъ на это благодарное поле дѣятельности.

Къ несомнѣннымъ заслугамъ земской медицины должно быть отнесено все, что сдѣлано ею въ отношеніи правильной постановки попеченія о душевно-больныхъ. Собственно до того времени, какъ земство взяло это дѣло въ свои руки, у насъ, исключая развѣ столицъ, не существовало никакого рациональнаго попеченія объ умалишенныхъ, не говоря уже о научномъ лѣченіи душевныхъ болѣзней. Земство получило отъ приказовъ общественнаго призрѣнія до 32 психіатрическихъ заведеній, въ видѣ особыхъ отдѣленій губернскихъ больницъ. Общее состояніе этихъ заведеній было болѣе чѣмъ печально; это были, по словамъ д-ра В. И. Яковенко, «учрежденія возмутительныя по вѣншему и внутреннему содержанию—мѣста заключенія, жестокія со смирительными домами». Крайняя ветхость зданій: сырость, мрачность и холодъ въ нихъ; скученность помѣшанныхъ; неимовѣрная во всемъ неопрятность, удушливая, при отсутствіи сносной вентиляціи, атмосфера, — вотъ обычныя вѣншія условія содержанія больныхъ. Объ условіяхъ же и способахъ пользованія помѣшанныхъ, какъ душевно-больныхъ, едва ли и приходила кому-нибудь мысль при всей тогдашней обстановкѣ. Со времени принятія земствомъ этихъ заведеній, въ которыхъ числилось до 1.167 кроватей, земство увеличило число кроватей къ 1893 г. въ 31 земскомъ и 3-хъ арендованныхъ земствомъ психіатрическихъ заведеніяхъ до 9.055 кроватей, въ среднемъ на губернію до 266, тогда какъ ранѣе ихъ приходилось въ среднемъ лишь 36. Къ 1897 г. въ земскихъ психіатрическихъ заведеніяхъ душевно-больныхъ состояло свыше 10.000 и въ среднемъ на губернію приходилось не менѣе 300 человекъ. Безъ сомнѣнія, и среди земскихъ психіатрическихъ заведеній остается еще не мало несовершенныхъ и дурно поставленныхъ, но это объясняется, съ одной стороны, наслѣдіемъ отъ прежнихъ временъ, съ которымъ не такъ-то легко раздѣлаться, съ другой—недостаточностью земскихъ средствъ. Исслѣдованія, произведенныя нѣкоторыми земствами, нижегородскимъ, московскимъ и петербургскимъ, показали, что число страдающихъ душевными разстройствомъ на каждую 1.000 жителей колеблется у насъ отъ 2 до 2,4 человекъ. Слѣдовательно, для 34 губерній земской Россіи общее число душевнобольныхъ должно простираться до 127.776 человекъ обоого пола, въ среднемъ 3.758 чел. на каждую губернію. Передъ задачею содержанія такого количества больныхъ земство безсильно съ одними своими средствами. Между тѣмъ ему не предоставлено даже права цѣлесообразнаго выбора больныхъ въ заведенія, такъ какъ указъ Сената 1875 г. обязываетъ его не ограничивать количества больныхъ, призрѣваемыхъ въ домахъ умалишенныхъ, никакою цифрою. Безъ сомнѣнія, надлежащее призрѣніе душевно-больныхъ оолжно быть дѣломъ общегосударственнымъ столько же, какъ и земскимъ, и устройство обширныхъ правительственныхъ заведеній, главнымъ образомъ, для неизлѣчимо больныхъ, сняло бы съ земства значительную часть задачи. Однако, правительство послѣ цѣлаго ряда проектовъ, различныхъ регламентацій и мѣропріятій по вопросу призрѣнія душевно-больныхъ, съ 1879 г. передало все это дѣло въ руки земства. Къ заслугамъ его и земской медицины въ частности слѣдуетъ отнести то, что при скудныхъ средствахъ, они все же справляются болѣе или менѣе съ этой задачей, постепенно развивая бюджетъ въ указанномъ направленіи и совершенствуя самую постановку дѣла.

М. П.—62

ИСТОРИЯ ВСЕОБЩАЯ.

И. М. Гревсъ. «Очерки римскаго землевладѣнія». — Фр. Бенюльдъ. «Исторія реформациі въ Германіи». — Э. Жебаръ. «Начало возрожденія въ Италиі». Ф. Грегоротусъ. «Исторія города Азинъ въ средніе вѣка».

И. М. Гревсъ. «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія» (преимущественно во время имперіи) Т. I. С.-Петербургъ. 1899 (цѣна 4 р.) XXIII+651 стр. Книга Гревса есть несомнѣнно одно изъ выдающихся произведеній нашей исторической литературы. По предположеніямъ автора она должна служить первымъ звеномъ въ цѣпи подобныхъ изслѣдованій, объединенныхъ стремленіемъ выяснитъ одну изъ наиболѣе важныхъ сторонъ экономической жизни древняго міра—его земельный строй. Нельзя не привѣтствовать этотъ замыселъ автора. Всякому, кто занимался изслѣдованіями въ области экономической исторіи древности вполнѣ знакомо то чувство, которое проникаетъ всю первую вводную часть труда автора, разбирающую состояніе нашихъ знаній въ избранной авторомъ для изслѣдованія области,—чувство, которое можно охарактеризовать слѣдующимъ образомъ: несмотря на цѣлый рядъ частныхъ изслѣдованій въ области аграрнаго строя Рима, настоящая научная работа здѣсь только еще начинается, историческая (въ противоположность антикварной) точка зрѣнія только устанавливается, и обобщенія все еще держатся въ узкомъ кругѣ отдѣльных эпохъ и явленій.

Общій планъ дальнѣйшихъ работъ и общая цѣль изслѣдованія намѣчены авторомъ уже въ этомъ первомъ томѣ, указанъ и методъ изслѣдованія, весьма интересный по своему замыслу. Въ противоположность обычному систематическому изученію явленія и его эволюціи—авторъ стремится «выдѣлать одно изъ наиболѣе существенныхъ теченій въ процессѣ земельной эволюціи и рассмотреть его не только во внутренней послѣдовательности развитія, но и въ тѣсномъ взаимодействіи съ другими явленіями исторической жизни народовъ римскаго міра, а также въ связи съ уясненіемъ значенія, которое принадлежитъ изучаемому вопросу, какъ фактору прогресса и упадка римскаго общественнаго строя, и какъ прецеденту соціальнаго развитія средневѣковыхъ государственныхъ и національных организмовъ». Преимущество этого метода авторъ видитъ въ томъ, что онъ «служая полноту систематическаго обзрѣнія, расширяетъ удобство эволюціоннаго изученія». Если мы правильно понимаемъ автора, то его методъ сводится къ тому же обычному систематическому изученію, но не всего явленія, а наиболѣе яркой съ точки зрѣнія автора его части и притомъ въ болѣе широкихъ рамкахъ, съ стремленіемъ охарактеризовать сразу и влияние избраннаго явленія на всѣ стороны общественной и государственной жизни. Такимъ яркимъ явленіемъ экономической жизни Рима—И. М. Гревсъ считаетъ «развитіе императорскаго землевладѣнія» и поэтому избираетъ его выясненіе центромъ своей дальнѣйшей научной дѣятельности. Но авторъ не сразу приступаетъ къ систематическому разбору отмѣченнаго явленія; онъ сознаетъ, что многія частности его далеко еще не выяснены и находитъ поэтому необходимымъ сначала уяснить ихъ себѣ и своимъ сотоварищамъ по работѣ въ видѣ отдѣльныхъ экскурсовъ, объединенныхъ либо однимъ какимъ-нибудь частнымъ вопросомъ въ намѣченной авторомъ области, либо однимъ какимъ-нибудь источникомъ или какой-нибудь исторической личностью. Предпочтеніе, судя по составу намѣченныхъ авторомъ работъ, онъ отдаетъ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей съ экономической точки зрѣнія, что соединяется по необходимости съ разборомъ одного источника, чаще всего произведеній этой именно личности (такъ выходитъ при разборѣ Горація и Плинія). Объединяется вся намѣченная авторомъ вводная серія изслѣдованій желаніемъ выяснитъ вопросъ, «дѣйствительно ли и насколько круп-

ная земельная собственность была силою, объединявшею около себя все экономическое развитие римской древности». Изъ четырехъ предположенныхъ этюдовъ Ш. М. Гревсъ въ настоящемъ томѣ своего изслѣдованія даетъ первые два: этюдъ о Гораціи и этюдъ объ Аттікѣ. Горацій интересенъ для автора съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ земельный собственникъ, хозяйствовавшій на своей землѣ, и какъ наблюдатель современной ему жизни, въ значительной мѣрѣ интересовавшійся внѣшнимъ строемъ римской жизни того времени, вопросами экономическими и социальными. Въ виду этого и этюдъ о немъ распадается на двѣ части: 1) характеристика Горація, какъ помѣщика, опредѣленіе состава недвижимаго имущества его, описаніе сабинскаго помѣстья Горація и способъ хозяйствованія на немъ, что все вмѣстѣ должно было дать рельефный примѣръ жизни и хозяйства помѣщика, владѣвшаго имѣніемъ средняго размѣра, и 2) сводъ данныхъ, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Горація о земельномъ строѣ ему современномъ, о развитіи крупной собственности и о положеніи низшихъ земельныхскихъ классовъ.

Оба изслѣдованія даютъ автору возможность сдѣлать общую характеристику земельного строя, какимъ онъ представлялся современникамъ Августа, и охарактеризовать социальное положеніе Горація и подобныхъ ему собственниковъ средней руки въ рамкахъ этого земельного строя.

Такъ понявъ свою задачу авторъ и, надо сознаться, выполнилъ ее въ высшей степени добросовѣстно и умѣло. Все, что можно было извлечь изъ Горація и отчасти изъ другихъ современныхъ ему поэтовъ, авторъ извлекъ въ полной мѣрѣ и соединилъ добытый имъ матеріалъ въ живую и рельефную, не смотря на свою гипотетичность, картину.

Если въ чемъ настъ авторъ не убѣдилъ, такъ это въ цѣлесообразности своего метода изслѣдованія, въ цѣлесообразности разъяснять вопросъ путемъ *примѣровъ* тамъ, гдѣ еще чувствуется настоятельная потребность въ *систематическомъ* изслѣдованіи. Пока авторъ разбираетъ данныя Горація о его собственномъ имѣніи и хозяйствѣ, необходимость систематическаго построенія не такъ чувствуется: данныя Горація настолько богаты, что общее представленіе о хозяйствѣ средней руки получается и при умѣренномъ лишь пользованіи аналогіями (впрочемъ, и здѣсь рядъ гипотетическихъ подробностей о размѣрѣ, общемъ видѣ и способѣ обработки имѣнія основаны исключительно на аналогіяхъ); но положеніе дѣла мѣняется, когда авторъ начинаетъ характеризовать по Горацію общій аграрный строй римскаго государства. Даваемая имъ картина понятна только тому, кто знакомъ съ данными объ аграрномъ строѣ этой эпохи вообще, а такъ какъ авторъ на такихъ читателей не рассчитываетъ, то онъ принужденъ постоянно прибѣгать къ обрывкамъ систематическаго построенія для того, чтобы сдѣлать понятнымъ свой частный примѣръ (такъ, см. на стр. 165 опытъ систематическаго изложенія отношенія крупныхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ; ср. 198. нр. 2; 144, нр. 2; 142, 1; 135, 3; 130, 1; 121, 1 и т. д.). Этимъ путемъ получается, на нашъ взглядъ, маложелательное соединеніе обоихъ методовъ, не удовлетворяющее насъ ни какъ система, — такъ какъ авторъ и не желалъ дать таковой, — ни какъ примѣръ, потому что еще нѣтъ того, что требуется этимъ примѣромъ иллюстрировать, ни даже какъ собраніе матеріала, такъ какъ новый матеріалъ затеривается въ массѣ аналогій. А между тѣмъ данныя, собранныя авторомъ, въ высшей степени цѣнны и настолько обильны, что, конечно, авторъ могъ бы и дѣйствительно дать систематическое изложеніе (къ которому онъ очень часто приближается) аграрнаго строя Италіи (для провинцій данныя сопоставлены авторомъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ объ Аттікѣ) въ первый вѣкъ послѣ Р. Хр. Укажемъ, кстати, что отчасти благодаря тому же смѣшенію системы и примѣра, этюдъ автора разросся до тѣхъ размѣровъ, которые онъ имѣетъ (стр. 64—234). Почти то же надо сказать и о второмъ этюдѣ объ «Экономической биографіи

Аттики». Авторъ исходитъ изъ той мысли, что для характеристики крупнаго землевладѣнія въ исторіи Рима наиболѣе вѣрный путь есть рядъ экономическихъ портретовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, т. е. рядъ примѣровъ, изъ которыхъ должна создаваться общая картина. Одинъ изъ этихъ наиболѣе рельефныхъ примѣровъ и есть Т. Помпоній Аттикъ. Намъ, однако, думается, что число лицъ, экономическую біографію которыхъ можно было бы дать, не злоупотребляя аналогіями, очень и очень не велико. И лучшимъ доказательствомъ нашего мнѣнія можетъ служить работа И. М. Гревса. Мы вполне согласны съ нимъ, что Аттикъ и Цицеронъ извѣстны намъ въ экономическомъ отношеніи лучше, чѣмъ кто бы то ни было ранѣе или послѣ обоихъ; причина тому—наличность единственнаго въ своемъ родѣ источника—переписки Цицерона, съ которой (съ указанной точки зрѣнія) врядъ ли можетъ сравниться какой-либо другой источникъ, не исключая даже писемъ Плинія Младшаго. И что же получается при пользованіи этимъ единственнымъ въ своемъ родѣ источникомъ? Отвѣтъ на это даетъ біографія Аттика. Въ первой ея части И. М. Гревсъ пытается отвѣтить на вопросъ, какъ сложилось состояніе Аттика. Прежде всего, мы не знаемъ, что составляло зерно состоянія Аттика (стр. 253—254). Можно только предполагать, что одна часть его состояла изъ недвижимостей. Далѣе мы не знаемъ въ точности, какъ онъ увеличивалъ это зерно: въ государственныхъ откупахъ онъ какъ будто участія не принималъ (стр. 263); зато несомнѣнно, что онъ велъ крупныя ростовщическія дѣла по ссудамъ (268 сл.). Затѣмъ мы знаемъ, что онъ занимался книгоиздательствомъ и книготорговлей, наконецъ, что онъ получилъ богатое наследство и, вѣроятно, не одно. Если эти немногія данныя излагаются на 60 почти страницахъ (230—289), то причиной этому служитъ опять-таки то же соединеніе, и въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ въ этюдѣ о Горации—системы и примѣра. И только это соединеніе даетъ нѣкоторую рельефность картинѣ, рельефность и широту. Поэтому намъ думается, что гораздо лучше было бы, оставивъ «примѣръ», прямо дать изложеніе систематическое, хотя бы на основаніи только собранныхъ авторомъ въ его изложеніи данныхъ. Картина получилась бы гораздо болѣе яркая и яркость ея не ослаблялась бы необходимою постоянно прибѣгать къ догадкамъ. Та же гипотетичность построения царить и въ этюдѣ о недвижимыхъ имуществахъ Аттика и ихъ управленіи. То, что мы знаемъ,—и здѣсь сводится къ очень немногому: у Аттика несомнѣнно были имѣнія въ Эпирѣ у гор. Бутрота, дома въ Римѣ и помѣстья около Арретія и Номенты. Почти все, что говорить И. М. Гревсъ сверхъ этого немногаго, есть результатъ аналогій: напр., то, что у него сказано о домахъ, дававшихъ Аттику доходъ въ Римѣ, о томъ, какъ выглядѣла его пригородная вилла, что представляли изъ себя его имѣнія около Арретія и Номенты. Новое точное данное—это то, что были у Аттика земли и въ Апуліи и что тамъ онъ велъ обширное скотоводство; но все, чѣмъ этотъ фактъ иллюстрируется, опять—только аналогіи и предположенія.

Невозможнымъ оказывается характеризовать и провинціальныя владѣнія Аттика, ихъ величину и эксплуатацію на основаніи данныхъ, относящихся къ нимъ же. Нельзя ни воспроизвести способа возникновенія этихъ имѣній и ихъ топографіи (342, 343), ни опредѣлить, какія преобладали тамъ культуры, ни точно установить, что владѣнія Аттика были дѣйствительно экстерриториальны (347 сл.), ни того, какъ велось на нихъ хозяйство. Если все-таки обо всемъ этомъ И. М. Гревсъ говоритъ подробно, то это потому, что Аттикъ для него только предлогъ и что по его поводу авторъ даетъ систематическое изложеніе того, что мы знаемъ по каждому данному вопросу: изложеніе, которое было бы, конечно, и рельефнѣе, и подробнѣе, если бы оно все время не обречено было играть исключительно роль аналогій. Если уже непременно желать рельефнаго изображенія личности, то мы предпочли бы полу-фантастическихъ «Галла» и

«Харикла» Векеера. Этюдъ объ Аттікѣ заканчивается превосходнымъ изложеньемъ его нравственного облика, его политическихъ, житейскихъ и философскихъ воззрѣній.

Таково содержаніе основной части труда г. Гревса. Несмотря на указанную принципиальную разницу въ нашихъ взглядахъ на методъ изслѣдованія трагетическихъ вопросовъ, надо сказать, что нарисованная Гревсомъ картина набросана широко и богата красками, и чтеніе его очерковъ доставляетъ истинное удовольствіе и специалисту, и еще больше, думается намъ, начинающимъ изслѣдователямъ. Въ первый разъ мы читаемъ ясныя доказательства знаменитаго Плиніева изреченія «латифундіи погубили Италію»,—доказательства и положительныя, и отрицательныя—въ рамкахъ широко набросанной картины аграрнаго строя Итали и отчасти провинцій въ послѣдніе годы республики и въ первые имперіи. Особенно цѣнно въ изслѣдованіи то, что въ первый разъ здѣсь тщательно изучены съ экономической точки зрѣнія тѣ источники, которые, казалось бы, менѣе всего даютъ для изслѣдователей экономическаго быта Рима—римскіе поэты первыхъ временъ имперіи. Это изученіе поэтическихъ произведеній, надо сознаться, дало гораздо больше, чѣмъ можно было ожидать, для характеристики аграрнаго строя Италиіи. Это позволяетъ намъ надѣяться, что тѣ же источники не мало дадутъ и для характеристики другихъ сторонъ экономической жизни Рима.

Въ разобранной основной части своего труда авторъ присоединяетъ особое обширное заключеніе, которое, по идеѣ автора, должно вѣстѣ съ тѣмъ служить и введеніемъ ко всей обширной серіи задуманныхъ имъ работъ. Въ этой заключительной части авторъ разбираетъ общій вопросъ объ основахъ экономической жизни античнаго міра и находимъ на этотъ вопросъ удовлетворяющій его отвѣтъ въ теоріи Бюхера о преобладаніи домового хозяйства, какъ основы экономической жизни всей древности. Въ виду этого задача автора сводится къ историческому обоснованію теоретическаго построенія Бюхера. Мы лично не раздѣляемъ теоріи Бюхера и считаемъ ее односторонней; односторонними кажутся намъ и аргументы Гревса. Причина этой односторонности обоихъ талантливыхъ и компетентныхъ ученыхъ лежитъ въ томъ, что они оба отклоняются отъ своего основного принципа — принципа всемірно-историческаго. Тѣмъ, что разбираютъ съ экономической точки зрѣнія только послѣднюю эпоху въ жизни древняго міра—римскую имперію, не обращая должнаго вниманія на предшествовавшія эпохи, на экономическую жизнь Востока, эллинизма, эллинизма, Карагена и римской республики. Намъ думается, что историкамъ древности слѣдовало бы въ построеніи широкихъ теорій держаться прежде всего, *всепантичной* точки зрѣнія, которая необходимо приведетъ ихъ къ точкѣ зрѣнія всемірно-исторической. Эта всеантичная точка зрѣнія, раздѣляемая теперь, можно сказать, всѣми выдающимися представителями науки о древности, и подняла противъ Бюхера нѣкоторыхъ изъ этихъ видныхъ представителей, прежде всего одного изъ главныхъ апостоловъ всеантичной идеи, Э. Мейера, автора общей исторіи древности. Бюхеръ здѣсь побивается аргументами, взятыми изъ исторіи эллинскихъ республикъ, и защитникъ его долженъ былъ прежде всего ослабить эти аргументы. И. М. Гревсъ однако не считаетъ себя призваннымъ къ этому, онъ считаетъ достаточнымъ указать на неосновательность возраженій Бюхеру относительно того, что касалось римскаго міра и главнымъ образомъ имперіи. Намъ кажется, такой родъ спора основанъ на недоразумѣніи и вотъ въ чемъ оно состоитъ. Съ точки зрѣнія Бюхера и Гревса, высшій пунктъ государственнаго, а слѣдовательно и экономическаго развитія древности есть эпоха имперіи. Поэтому, если въ основѣ экономической жизни этой эпохи лежитъ *домовое хозяйство*,—а съ этимъ надо согласиться,—то оно же есть основа экономическаго быта и всей древности, а *potiori*. Между

тѣмъ эта точка зрѣнія совершенно неправильна: въ государственномъ, культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ древность выработала наиболѣе развитыя формы раньше въ эпоху эллинизма, подготовленную могучимъ развитіемъ греческихъ государствъ въ собственной Греціи и колоніяхъ. Въ эпоху эллинизма выработались наиболѣе совершенныя формы государственности: союзъ городовъ, т. е. первый примѣръ представительнаго правленія, и территоріальная монархія, созданная соединеніемъ восточной монархіи и самоуправляющейся и самодовѣющей греческой городской республики. Въ эту же эпоху достигла высокой степени развитія эллинская культура какъ интенсивно, такъ и экстенсивно; со времени Александра начинается цвѣсти пышнымъ цвѣтомъ эллинская наука и теоретическая, и прикладная, искусство выработываетъ удивительно изящныя формы и, что еще важнѣе, проникаетъ во всѣ слои общества. Въ эту-то эпоху и экономическая жизнь доходитъ до наиболѣе совершенныхъ формъ, которыя выработаны были древностью — до формы *народнаго хозяйства* *), т. е. какъ разъ той формы, которой, по мнѣнію Бюхера, совершенно не знала древность.

Эпоха римской всемірной гегемоніи, поэтому, — отнюдь не эпоха прогресса это начало регресса. Римская республика, въ угоду устарѣвшему городскому строю, губить новыя, болѣе совершенныя формы государственности; губя эти формы и одновременно уничтожая самостоятельность всѣхъ эллинистическихъ государствъ, она губить залогъ прогресса — конкуренцію культурную и экономическую; эксплуатируя самымъ беззастѣнчивымъ образомъ въ интересахъ Рима и Италіи культурный Востокъ, она подрываетъ основы его экономическаго благосостоянія, словомъ, она въ теченіе двухъ вѣковъ наноситъ эллинизму, т. е. культурѣ, ударъ за ударомъ, и на мѣсто убиваемаго она не ставитъ ничего равносильнаго: внѣшній ростъ ея задавилъ ея внутреннее культурное развитіе; и въ экономическомъ отношеніи она дальше домоваго хозяйства, дѣйствительно, не пошла. Съ появленіемъ новаго режима въ римскомъ государствѣ, съ измѣненіемъ взгляда на провинціи настало и столь ярко очерченное Гревсомъ возрожденіе античнаго міра, настала какъ будто новая фаза въ экономической жизни — фаза міроваго хозяйства. Это возрожденіе обязано было своимъ кратковременнымъ существованіемъ все тѣмъ же странамъ культурнаго Востока, но этотъ Востокъ теперь уже слишкомъ слабъ, чтобы перестроить вполнѣ хозяйство Италіи и всѣхъ западныхъ провинцій, всецѣло основанное на домѣ, «ойкосѣ»; нѣтъ теперь и двухъ могучихъ факторовъ эллинизма — свободы и свободной государственной конкуренціи. И въ силу всего этого, не Востокъ побѣждаетъ Западъ, не народное хозяйство ойкосный строй, а наоборотъ.

Ошибка Гревса и Бюхера лежитъ такимъ образомъ въ слишкомъ низкой оцѣнкѣ эллинизма, заслуга ихъ и особенно перваго — въ выясненіи той ойкосной подкладки, которая просвѣчиваетъ сквозъ внѣшній блескъ римской имперіи. Ошибка ихъ противныковъ въ томъ, что они также недостаточно оцѣнили эллинизмъ, вида апогей развитія въ эллинской политикѣ и въ томъ, что не поняли роли Рима въ экономической исторіи древности.

Таково богатое содержаніе книги Гревса. Наши возраженія не ослабятъ, конечно, того значенія, которое она несомнѣнно имѣетъ и мы можемъ только пожелать ей возможно большаго распространенія въ нашей читающей публикѣ. Литературныя и научныя достоинства книги ручаются за то, что она найдетъ себѣ широкій кругъ читателей.

М. Ростовцевъ.

Фр. фонъ-Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Томъ I. Спб., изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1900 г. Цѣна 3 р. «Исторію реформаціи въ Германіи», вышедшую изъ-подъ пера извѣстнаго бонн-

*) Доказательства см. въ моей статьѣ «Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ». «Русская Мысль» 1900 г., мартъ.

скаго профессора фонъ-Бецольда, съ полною справедливостю слѣдуетъ поставить на первое мѣсто среди всѣхъ существующихъ общедоступныхъ сочиненій по этому предмету. Широкий планъ работы, соединенный съ ясностью въ расположеніи матеріала, рѣдко встрѣчающаяся у нѣмецкихъ изслѣдователей даннаго періода свобода отъ партійной пристрастности, мастерство въ портретахъ выводимыхъ личностей и, наконецъ, живой и изящный стиль—все это дѣлаетъ указанную книгу въ высшей степени цѣннымъ и привлекательнымъ явленіемъ новѣйшей популярно-исторической литературы.

Бецольдъ начинаетъ свою работу съ картины положенія Германіи на исходѣ среднихъ вѣковъ. Очертивъ крупными штрихами упадокъ обоихъ средневѣковыхъ великихъ институтовъ—папства и имперіи—онъ рисуетъ намъ тогдашнее германское общество во всѣхъ его сословіяхъ и показываетъ, насколько широко развито было въ немъ недовольство политическими, экономическими и духовными условіями его существованія. Въ особую заслугу автору нельзя здѣсь не поставить той тщательности, съ которой онъ отнесся при этомъ къ трудной задачѣ дать намъ почувствовать характеръ настроенія самыхъ глубокихъ слоевъ нѣмецкой народной массы XV вѣка. Главы «Народная религія», «Реформа и ересь» и «Предвѣстники революціи» прекрасно готовятъ читателя къ пониманію сути того крестьянскаго движенія, которое имѣло такое рѣшительное вліяніе на судьбы начатой Лютеромъ церковной реформациіи.

На такомъ фонѣ разворачивается затѣмъ предъ нами та могучая драма, которую пришлось пережить нѣмецкому народу при вступленіи въ новую исторію. Слѣдуя въ общемъ Ранке, но поправляя и дополняя его результатами позднѣйшихъ изслѣдованій, Бецольдъ вводитъ насъ прежде всего разговоромъ объ избраніи императоромъ Карла V въ кругъ сложныхъ вопросовъ международной и внутренней политики Германіи, которые до самаго конца тридцатилѣтней войны постоянно перекрещивались съ ходомъ развитія религіозной жизни страны. Вскрывъ предъ глазами читателя глубокий разрывъ всего политическаго міра Германіи, такъ ярко проявившійся въ этотъ моментъ ея исторіи, авторъ переходитъ далѣе къ оцѣнкѣ идеальныхъ силъ, которыми располагало тогда нѣмецкое общество—къ характеристикѣ гуманистовъ и Лютера. Глава, посвященная Возрожденію, имѣетъ наибольшее самостоятельное значеніе во всей книгѣ Бецольда: здѣсь сразу видна рука специалиста, много работавшаго ранѣе научнымъ образомъ въ этой области. Въ портретѣ Лютера приходится особенно цѣнить, что авторъ рѣшился съ рѣдкой въ нѣмецкой наукѣ смѣлостью положить и свѣтъ, и тѣни. Рисуя Лютера религіознымъ Титаномъ, Бецольдъ не счелъ нужнымъ очень ступешивать и грубость этой стихійной силы. Изобразивъ затѣмъ столкновеніе идеализма съ политикой въ эпоху Вормскаго сейма и рассказавъ про первую счастливую пору реформаціоннаго движенія, когда оно носило еще общенациональный и освободительный характеръ, авторъ прослѣживаетъ далѣе сплетеніе религіозныхъ идей съ представленною ранѣе глухою классовой борьбой, разъединявшею Германію. Разговоромъ о двойной попыткѣ социальной революціи—со стороны дворянъ и со стороны крестьянства—и заканчивается предлагаемый въ настоящее время русской публикѣ первый томъ разбираемаго сочиненія. Обширный очеркъ крестьянскаго возстанія, который далъ при этомъ Бецольдъ, является не только одной изъ наиболѣе увлекательныхъ главъ его работы, но и вообще лучшемъ вещью, по какой читатель, интересующійся социальной исторіей Германіи, можетъ сейчасъ познакомиться съ однимъ многозначительнымъ ея эпизодомъ.

Русскій переводъ книги читается довольно легко, но нельзя не замѣтить, что подъ перомъ переводчика колоритная форма изложенія Бецольда значительно потускнѣла и огрубѣла. Встрѣчаются кое-гдѣ и прамые промахи. Бецольдъ, напримѣръ, пишетъ: «Bekannt ist die Frage Friedrichs des Weisen an

Richard von Trier, was denn ein Kurtisan sei, und die Antwort des Erzbischof: «Das will ich Euer Lieb den wohl sagen, denn ein Kurtisan ist ein Bube und eine Kurtisan ist eine Bübin, das weiss ich sehr wohl *denn ich bin auch einer zu Rom gewesen*». Переводчикъ передаетъ это такъ. «На это я съ удовольствіемъ (?) отвѣчу вашей милости: куртизанъ—это мерзавецъ, а куртизанка—мерзавка; я знаю это очень хорошо, такъ какъ я когда-то тоже былъ въ Римѣ» (стр. 80). Такимъ образомъ, въ переводѣ изъ—пикантнаго анекдота улетучилась вся его соль. Страница 79-я показываетъ, дагѣ, что переводчикъ очень неясно представлялъ себѣ, что такое за вещи были папскія *reservatio* и *provisio*. *Ordinarius* онъ напрасно переводитъ «священникъ» вмѣсто «епископъ». И пробствъ въ католической церкви тоже не имѣетъ ничего общаго съ «протоиереемъ» (стр. 124). Впрочемъ, подобныхъ ошибокъ разсѣяно по книгѣ сравнительно немного, и въ общемъ переводомъ можно свободно пользоваться. *Н. Сперанскій.*

Эмиль Жебаръ. Начала Возрожденія въ Италиі. Переводъ съ французскаго, цѣна 2 руб. Среди историковъ итальянскаго Возрожденія Э. Жебаръ (Gebhardt) занимаетъ особенное мѣсто. Его задача поставлена уже, чѣмъ ставятъ ее обыкновенно, и благодаря этому, получается возможность подробнѣе заняться такими вопросами, которые раньше какъ-то смазывались. Какъ видно изъ заглавія («*Les origines de la Renaissance en Italie*»), Жебаръ прежде всего хочетъ изслѣдовать *происхожденіе* того движенія, которое обычно принято называть Возрожденіемъ, и дѣйствительно у него причины движенія разсматриваются съ большею обстоятельностью, чѣмъ у кого бы то ни было изъ его предшественниковъ. Ставя вопросъ такимъ образомъ, Жебаръ сумѣлъ избѣжать прежнихъ одностороннихъ взглядовъ, которые сводили причины Возрожденія къ одной группѣ отношеній. Даже у Буркгардта, самого блестящаго изъ изслѣдователей нашей проблемы, не хватило широты взгляда, и его знаменитая книга какъ разъ въ этомъ пунктѣ недостаточно обработана.

Жебаръ принимаетъ во вниманіе, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, всѣ стороны культурной—въ широкомъ смыслѣ—жизни Италиі. Главныя причины движенія для него сводятся къ слѣдующимъ: свобода мысли, социальный строй, классическая традиція, языкъ; изъ второстепенныхъ причинъ онъ отмѣчаетъ иностранныя вліянія (византийское, арабское, норманское, провансальское и французское). Первоначальныя формы Возрожденія изображаются въ трехъ главахъ: о выработкѣ итальянскаго духа, литературѣ и искусствѣ первой поры Возрожденія. Книгѣ предпослана нѣсколько схоластическая по постановкѣ вопроса глава: «Почему Возрожденіе началось не во Франціи?»

Первая группа причинъ обоснована всего слабѣе. Жебаръ хочетъ доказать, что въ Италиі и сила схоластическаго шаблона, и гнетъ церковной опеки,—эти два тормоза челоѣческой мысли въ средніе вѣка, — были слабѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ западной Европѣ. Жебаръ подчеркиваетъ то обстоятельство, что Италиа была родиной юристовъ, которые поддерживали духъ научнаго изслѣдованія и что юридическій методъ, примѣненіе котораго особенно процвѣтало въ Италиі, все сильнѣе и сильнѣе выдвигалъ духъ рационализма. Въ этомъ отношеніи традиція юристовъ неуловимо поддерживается отъ «Монархіи» Данте вплоть до «Principe» Макиавелли. Религіозная свобода доказывается отсутствіемъ крупныхъ еретическихъ движеній, подобныхъ лоллардизму, викторизму, гусситству и проч. Довольно мудро усмотрѣвъ рационализмъ въ работахъ юристовъ и еще того мудренѣе приводитъ ихъ въ связь съ Макиавелли. Юристы всегда оставались чужды гуманистическому движенію, въ то время, какъ флорентинскій политикъ—плоть отъ плоти этого же движенія. Схоластика процвѣтала въ Италиі не меньше, чѣмъ въ остальной Европѣ: Фома Аквинатъ, царь схоластическаго мышленія, если не перечислять менѣе крупныхъ, былъ итальянецъ. Что касается религіозной свободы, то отсутствіе

ересей у подножія трона Иннокентія III еще мало говорило бы въ ея пользу, да и не совсѣмъ вѣрно по существу: ломбардская патарія была столько же религиознымъ, сколько и социальнымъ движеніемъ. А тотъ религиозный либерализмъ, который отмѣчается Жебаромъ, — явленіе далеко не специально — италянское.

Интереснѣе вторая группа причинъ. Жебаръ впервые привелъ въ связь факты социальнаго и экономическаго характера съ нарождающимся культурнымъ движеніемъ. Насколько эта связь выяснена—вопросъ другой. До Жебара на это указывалось лишь вскользь; Жебаръ далъ подробную, хотя теперь и нѣсколько устарѣлую (книга появилась въ 1879 г.) картину социальныхъ отношеній преимущественно въ сѣверной и средней Италиі. Коммунальная революція, происхожденіе буржуазіи и ремесленниковъ, зачатки крупныхъ кредитныхъ учрежденій, городскія республики и тиранніи—все это отмѣчено очень обстоятельно, и для современнаго, читателя, привычнаго разсматривать процессъ исторической эволюціи, какъ нѣчто цѣльное, представляетъ большой интересъ. Въ настоящее время, особенно послѣ появленія второго тома книги М. М. Ковалевскаго объ экономическомъ ростѣ Европы, является возможность сильно пополнить этотъ отдѣлъ.

Третья и четвертая группы причинъ—факты настолько общезвѣстные, что мы не будемъ останавливаться на нихъ. Отмѣтимъ только то, что Жебаръ, говоря, хотя и не достаточно опредѣленно, о переживаніи классической традиціи, сошелся съ академикомъ А. Н. Веселовскимъ, у котораго это положеніе доказывается превосходно. Иностранныя вліянія, выработка италянскаго духа и первое возрожденіе искусства разсмотрѣны у Жебара очень хорошо. Зато совершенно не удовлетворяетъ глава о литературномъ возрожденіи, въ которой авторъ говоритъ о Давте, Петраркѣ, Боккаччо и историкахъ ранняго возрожденія: Малиспини, Дино Компаньи, трехъ Виллани и Велути—и только.

Въ книгѣ Жебара два серьезныхъ недостатка. Перебирая причины, онъ не сумѣлъ связать ихъ со слѣдствіями. Различныя стороны италянскихъ отношеній, которыя разсматриваются у него, какъ причины движенія, вышли разобщенными не только между собою, но и отъ тѣхъ фактовъ, которыя, какъ правильно думаетъ Жебаръ, изъ нихъ вытекаютъ. Этотъ недостатокъ, въ свою очередь, истекаетъ изъ другого, еще болѣе крупнаго. Читатель, внимательно изучивъ всю книгу, едва ли будетъ въ состояніи отвѣтить на вопросъ: что такое «Возрожденіе». Подъ вліяніемъ указанныхъ Жебаромъ причинъ, изъ которыхъ первая остается проблематичной, явились опредѣленные психическіе факты, явились литература и искусство, отличныя отъ средневѣковаго, хотя и неясно, какимъ именно образомъ это произошло. Но даже допустить, что связь причинъ и слѣдствій ясна, развѣ указаннымъ у Жебара исчерпываются даже ближайшіе результаты разсмотрѣнныхъ причинъ? Какимъ образомъ классическая традиція, столь интенсивная, повела къ италянскій литературѣ? А изъ книгъ Жебара выносятся то впечатлѣніе, что главнымъ результатомъ была литература національная. Латинскія сочиненія Петрарки и Боккаччо едва упомянуты, изъ историковъ перечислены только тѣ, которые писали по италянски. Куда дѣвались Салутати, Леонардо Бруни, Джованни Равенна и друг. современники первыхъ гуманистовъ, писавшихъ только на древнихъ языкахъ? Отчего не разобраны подробно латинскія сочиненія Петрарка и Боккаччо, которыя авторами цѣнились несравненно выше италянскихъ?

«Возрожденіе въ Италиі не было исключительно обновленіемъ литературы и искусствъ, вызваннымъ обращеніемъ культурныхъ умовъ къ античнымъ произведеніямъ, и лучшею подготовкою художниковъ, постигшихъ въ школахъ Греціи истинный смыслъ красоты. Возрожденіе охватывало всю италянскую цивилизацію»... Это совершенно вѣрно, но, оцѣнивая общіе результаты, нерѣдко

гораздо болѣе отдаленные, не слѣдовало упускать изъ виду ближайшихъ. Такой страннѣйшій промахъ можетъ найти лишь одно объясненіе. О латинской и греческой литературѣ говорили слишкомъ много; дѣятельность первыхъ гуманистовъ даже заслоняла общіе итоги Возрожденія; поэтому книга Жюбара является своего рода реакціей противъ увлеченія точкой зрѣнія Фойхта. Только разсматриваемая нѣ связи со всей предшествовавшей литературой (книга Гейгера, III томъ Бертинга и наследованіе Корелина появились позднѣе) она можетъ помочь ориентироваться въ вопросѣ. Въ качествѣ самостоятельнаго пособія она мало подходитъ, и благодаря невыясненности самого понятія, легко можетъ сбить неподготовленнаго читателя. Но благодаря широкой постановкѣ вопроса о причинахъ Возрожденія, она не можетъ быть обойдена.

Русскій переводъ въ литературномъ отношеніи сдѣланъ недурно, но переводчикъ обнаруживаетъ совершенное невѣжество въ передачѣ именъ и терминовъ (Перуза вмѣсто Перуджа, «Пѣсня Geste», Шеферъ Буахорстъ, вмѣсто Бойхорстъ, Акбайуоли вмѣсто Аччайуоли и пр., и пр.). *А. Джисвелоговъ.*

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Аонинъ въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе А. Ф. Пантелѣева. 1900. Цѣна 3 р. 50 к. Умершій девять лѣтъ тому назадъ, Фердинандъ Грегоровіусъ принадлежалъ къ тому старому, уже исчезающему типу ученыхъ идеалистовъ, которыми надѣлило Германію поколѣніе «von acht und vierzig». Вся его жизнь, жизнь обезпеченнаго человѣка была посвящена научнымъ скитаніямъ по странамъ классической культуры, археологическому и историческому изученію ихъ прошлаго. Плодомъ этихъ занятій явилось нѣсколько трудовъ, изъ которыхъ одному—именно исторіи средневѣковаго Рима—суждено было обезсмертить имя автора. Въ этихъ восьми томахъ уже вполне выяснились достоинства и недостатки научной манеры Грегоровіуса; его исчерпывающее знакомство съ источниками, строгость ихъ критики, умѣлое расположеніе матеріала, уподобляющее въ иныхъ мѣстахъ его научный трудъ художественному произведенію по легкости чтенія, изящный литературный языкъ—всѣ эти выдающіяся стороны работы въ «Исторіи Рима» соединяются съ основными и немаловажными недостатками: приподнятостью и нѣкоторой восторженностью тона, стремленіемъ къ морализированію, тенденціей произносить вердикты чисто моралистическаго свойства тамъ, гдѣ это совершенно ни съ какой точки зрѣнія не важно и не интересно, наконецъ, съ полнымъ нежеланіемъ хоть гдѣ-нибудь отступить отъ чисто описательной формы и помочь читателю разобраться въ громадѣ фактовъ. Лежащая предъ нами трехтомная «Исторія города Аонинъ въ средніе вѣка», которую издатель такъ умѣло помѣстилъ въ одномъ томѣ русскаго перевода,—была затѣяна Грегоровіусомъ въ параллель его «Исторіи Рима въ средніе вѣка». Она написана по тому же типу, какъ и исторія Рима, и только что сдѣланные замѣчанія о недостаткахъ и достоинствахъ научной манеры Грегоровіуса всецѣло можно примѣнить и къ «Исторіи Аонинъ». Самый сюжетъ разбираемой книги, разумеется, гораздо менѣе интересенъ, чѣмъ тема исторіи Рима—уже потому, что Римъ игралъ въ средніе вѣка большую и вполне самостоятельную роль, а Аонинъ дошли до такой степени политической и культурной ничтожности, что въ Европѣ время отъ времени путешественники должны были удостаивать общество въ продолжающемся существованіи этого города. Но идеалистъ Грегоровіусъ изъ чувства «благодарности» готовъ былъ посвятить нѣсколько лѣтъ своей жизни, чтобы воскресить прошлое великаго очага европейской цивилизаціи въ самое тусклое, сѣрое и неприглядное время его существованія. Лишнею эту попытку назвать никакъ нельзя. Бромъ двухъ суммарныхъ трудовъ Константинидеса (по исторіи Аонинъ отъ Р. X. до 1821 года) и Камбуроглу (о турецкомъ владычествѣ въ Аонинахъ), написанныхъ на греческомъ языкѣ и, насколько намъ извѣстно, не переведенныхъ ни на одинъ евро-

нейскій языкъ, — нѣтъ никакихъ работъ, которыя были бы посвящены аэинскому средневѣковью. Такая скудость литературы объясняется почти совершеннымъ отсутствіемъ культурно-историческаго значенія въ средневѣковой исторіи Аэинъ. Вся тысячелѣтняя эволюція эллинизма, осложненіе его восточнымъ христіанствомъ и другими вліяніями — словомъ, то, что дѣлаетъ глубоко поучительнымъ и интереснымъ изученіе общей исторіи Византіи, можетъ быть повнятно исполнѣ хорошо и безъ спеціальнаго ознакомленія съ судьбами маленькаго и заброшеннаго провинціалнаго византійскаго городка, Вотъ почему три человека, едва ли не больше всѣхъ сдѣлавшіе для исторіи византійской культуры, — Успенскій, Крумбахеръ и Васильевскій нашли возможнымъ почти совсѣмъ обойти исторію Аэинъ молчаніемъ. Но все-таки съ своеобразнымъ чувствомъ интересующійся исторіей принимается за книгу Грегоровіуса: это чтеніе — прогулка по «оставленному храму», гдѣ проводникъ съ любовнымъ вниманіемъ останавливается надъ «поверженными кумирами», ежеминутно встрѣчающимися на пути. Археологическій интересъ книги не подлежитъ сомнѣнію. Правда, здѣсь Грегоровіусъ и проявляетъ особую восторженность, иногда не исполнѣ обоснованную. Напримѣръ, онъ касается причинъ отступничества императора Юліана, — о которомъ, какъ извѣстно, преданіе рассказываетъ, что его соvertsили въ язычество статуи боговъ, видѣнныя имъ въ Италіи. Авторъ не совсѣмъ этимъ доволенъ. «Эти показанія, — пишетъ онъ, — имѣютъ долю истины, но только сцену дѣйствія *слѣдовало бы* перенести изъ Рима въ Аэины, ибо именно чудныя творенія Фидія, Праксителя и Алькамена, краснорѣчивыя декламации языческихъ софистовъ, сіяющее небо и памятники Аэинъ плѣнили мечтательнаго юношу». Почему «слѣдовало бы», если ни одинъ источникъ ни однимъ звукомъ не упоминаетъ о *вліяніи* Аэинъ на Юліана? Положимъ, самый вопросъ въ данномъ случаѣ по существу дѣла не представляетъ ничего важнаго, но тѣмъ характернѣе резнивое отношеніе Грегоровіуса къ красотамъ описываемаго имъ города...

Впрочемъ, всѣ эти недостатки болѣе внѣшняго характера съ избыткомъ выкупаются главнымъ достоинствомъ писателя — его умѣньемъ выдѣлять отдѣльныя культурныя наслоенія въ многовѣковой исторіи Аэинъ. Любопытенъ одинъ изъ основныхъ выводовъ изслѣдованія, именно относительно полной невозможности для западныхъ романскихъ культуръ акклиматизоваться въ Аэинахъ: ни каталанцы, ни сѣверные итальянцы не оставили рѣшительно никакихъ культурныхъ слѣдовъ въ исторіи Аэинъ, не смотря на свое долгое владычество. Причины этого факта коренятся, можетъ быть, въ несомнѣнномъ количественномъ и качественномъ перевѣсѣ греческой цивилизаціи надъ средневѣковой западной, можетъ быть, въ условіяхъ того «химическаго сродства народностей», которое слишкомъ было слабо между испанцами и итальянцами съ одной стороны и аэинянами — съ другой. Лучшія страницы книги — послѣднія; времена турецкаго нашествія описаны очень живо и драматично.

Переводъ исполненъ въ общемъ исполнѣ литературно; впрочемъ, начало книги переведено какъ будто нѣсколько хуже, чѣмъ конецъ. Напримѣръ, удивительно тяжела такая фраза (стр. 14): «Въ теченіе двухъ лѣтъ, что процарствовалъ Юліанъ, эллинизмъ хотя и могъ возгордиться скорпроходящимъ освободженіемъ изъ подъ гнета императорскихъ законовъ, тѣмъ не менѣ явилъ доказательство полной своей несостоятельности въ смыслѣ правильнаго возрожденія». Попадаются такія выраженія, какъ «вывѣтрѣлый міръ» (16) «благорасположить къ себѣ» (стр. 238), «городъ Аэины былъ исторгнутъ изъ забвенія черезъ воззваніе одной изъ своихъ дочерей» (стр. 64) etc. Но важно, что переводчикъ, очевидно, лицо, знающее самый сюжетъ, знакомое съ исторіей, и какихъ бы то ни было промаховъ, указывающихъ на неваніе терминовъ, нѣтъ и слѣда.

Отъ души привѣтствуя обогащеніе русской переводной литературы сочиненіемъ

нѣмъ Грегоровіуса, не можемъ не вспомнить, что до сихъ поръ ждѣтъ своего перевода классическій трудъ Витерсгейма, отчасти, также затрогивающей исторію Аѳинъ, и весьма обстоятельно трактующій о Балканскомъ полуостровѣ вообще. Драматическая, живая и полная «Geschichte der Völkerwanderung», конечно, не менѣе «Исторіи Аѳинъ» заслуживаетъ перевода, читаться же она будетъ безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе широкими кругами общества.

Евг. Тарле.

ИСТОРИЯ ПРАВА.

М. Владимірскій-Будановъ. «Обзоръ исторіи русскаго права».

Обзоръ исторіи русскаго права проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Изданіе третье съ дополненіями. Изданіе книгопродавца Н. Я. Оглоблина. Кіевъ. 1900. Стр. IV + VII + 667. Появленіе новаго изданія «Обзора» спустя четырнадцать лѣтъ послѣ перваго выхода книги и черезъ двѣнадцать—послѣ втораго изданія само по себѣ служитъ достаточнымъ показателемъ достоинствъ книги. Предназначенный сначала «служить только *пособіемъ при слушаніи лекцій*» автора, «Обзоръ» скоро получилъ болѣе широкое распространеніе, что объясняется не только его внутренними качествами, но также и тѣмъ, что уже около десяти лѣтъ онъ является единственнымъ полнымъ пособіемъ по исторіи русскаго права.

Новое изданіе полнѣе предшествующаго, но «не вслѣдствіе наполненія книги новыми матеріалами, а въ силу необходимости отозваться на новыя теоріи и мнѣнія, накопившіяся въ промежуткѣ между двумя изданіями». Одѣнка этихъ теорій и мнѣній вызвала со стороны автора рядъ возраженій его «уважаемымъ соотаварищамъ по наукѣ», хотя онъ и «отдастъ великую честь работамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ».

Замѣчанія и возраженія автора на высказанныя въ новѣйшей исторической литературѣ мнѣнія, составляя главную новинку въ книгѣ, представляютъ двоякій интересъ: во-1-хъ, каждому занимающемуся русскою исторіею всегда любопытно выслушать мнѣніе, хотя и противоположное, такого авторитетнаго изслѣдователя, каковымъ является авторъ; во-2-хъ, полемика автора во многихъ случаяхъ помогаетъ выяснить собственные его мнѣнія, изложенныя въ книгѣ не всегда съ желательною подробностью. Необходимо принять во вниманіе, что «Обзоръ», главнымъ образомъ, и прежде всего имѣетъ въ виду слушателей автора, которымъ многое можетъ быть разъяснено и дополнено посредствомъ устнаго изложенія; читателю же «Обзора», лишенному возможности слѣдить за устнымъ изложеніемъ автора, иныя мѣста текста могутъ показаться недосказанными и недоказанными; для нихъ то полемическія дополненія получаютъ особый интересъ и большую важность. Съ этой стороны можно лишь пожалѣть, что авторъ отозвался на нѣкоторыя историческія новинки послѣдняго десятилѣтія слишкомъ кратко, а на иныя и вовсе не отозвался. Отмѣтимъ для примѣра статьи проф. Ключевскаго о представительствѣхъ на земскихъ соборахъ; этимъ статьямъ посвящены два примѣчанія: одно, вопреки сказанному въ текстѣ (195), гласитъ, что «можно согласиться съ проф. Ключевскимъ, что на соборахъ XVII в. начало выбора представителей уступало порядку призыва извѣстныхъ лицъ самимъ правительствомъ отъ классовъ, корпорацій и мѣстностей»; другое (191) содержитъ частное замѣчаніе о смольнянахъ на соборѣ 1566 г.; и ничего больше. Сдѣланное въ литературѣ (г. Рудневымъ) указаніе о томъ, какія сомнѣнія возникаютъ у читателей по поводу теоріи автора о происхожденіи обычнаго права, при дословной перепечаткѣ этого отдѣла изъ стараго

изданія, оставлено безъ разсмотрѣнія и лишь почему-то въ примѣчаніи на стр. 477 сказано, что нужно различать условія *возникновенія* и *измѣненія* обычнаго права; но въ чемъ эти различія — предоставлено разгадать самому читателю.

Сосредоточенныя въ примѣчаніяхъ литературныя возраженія и замѣчанія составляютъ главную новинку книги, но не единственную. Мѣстами дополнены и измѣнены и самый текстъ. Наибольшее число такихъ дополненій и почти всѣ измѣненія приходятся на исторію гражданского права, въ частности — права вещнаго, гдѣ встрѣчаются и новые отдѣлы, напр.: «Меньшія сельскія общины и кооперативные союзы»; здѣсь же впервые приводятся и немногія выдержки изъ вновь открытаго памятника, такъ-наз. «Судебника Федора Ивановича». Бромъ того, замѣтныя дополненія сдѣланы въ исторіи государственнаго права московскаго періода, именно въ отдѣлахъ о сельскомъ населеніи и финансовомъ управленіи (153—156, 218—221). Болѣе мелкія дополненія въ одну или нѣсколько строкъ разсыяны по разнымъ мѣстамъ книги. Но всѣ дополненія и немногія измѣненія текста являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ и разъясненіемъ ранѣе сформулированныхъ авторомъ выводовъ, которымъ онъ остался въ точности вѣренъ и теперь. Бромъ двухъ трехъ незначительныхъ пропусковъ и немногихъ измѣненій (въ исторіи вещнаго права), старый текстъ перепечатанъ въ новомъ изданіи безъ всякихъ перемѣнъ. Можно даже отмѣтить, что текстъ остался безъ исправленій и тамъ, гдѣ это требовалось соответственными дополненіями.

Какъ сказано, авторъ отозвался почти на всѣ новые литературныя труды, хотя и не на всѣ съ одинаковою подробностію. Всего больше возраженій и замѣчаній вызвали «Русскія юридическія древности» и «Лекціи и изслѣдованія» (изд. 1899 г.) проф. Сергѣевича. Съ нимъ, иногда не называя его, авторъ полемизируетъ почти въ каждомъ отдѣлѣ своей книги (кромя отдѣловъ, посвященныхъ исторіи уголовного права и судопроизводства, хотя и здѣсь возрѣнія изслѣдователей во многомъ расходятся) какъ по группнымъ, такъ и по болѣе мелкимъ вопросамъ. Наиболѣе подробныя возраженія посвящены вопросамъ: о характерѣ древне-русскаго государства (12—14); о боярской думѣ (48—53 и 179—188); о вѣчѣ (56—57, 59, 61—63); о холопствѣ полномъ и кабалномъ (388—399); объ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми (463—465); о наследованіи (489, 505—506); о черныхъ земляхъ (551—552); о родовомъ выкупѣ (566, 570). Едва ли не самыми сильными изъ всѣхъ слѣдуетъ признать возраженія по вопросу о боярской думѣ: попытка проф. Сергѣевича вычеркнуть думу изъ числа древне-русскихъ учреждений встрѣтила со стороны автора горячій и весьма серьезный протестъ. Но едва ли съ такимъ же успѣхомъ авторъ вышелъ изъ состязанія по другимъ вопросамъ. Трудно допустить, что ему удалось убѣдить читателей въ томъ, что терминъ «земля» «точнѣе обозначаетъ какъ объемъ тогдашнихъ русскихъ государствъ, такъ и внутренний характеръ ихъ», чѣмъ терминъ «волость» и «княженіе», которые, по утверженію автора потому не годятся для обозначенія государства, что «предѣлы и составъ княженій измѣнялись чуть не ежегодно». Желаніе автора настоять на правильности раздѣленія вѣчевыхъ собраній на нормальныя и ненормальныя привело его къ неловкому признанію, что постановленія ненормальнаго вѣча вовсе не должны считаться незаконными. Всѣ попытки выяснять возникновеніе кабалной зависимости онъ считаетъ неудачными и винить въ этихъ неудачахъ проф. Сергѣевича, который новымъ объясненіемъ закупничества порвалъ естественную связь между послѣднимъ и кабалой; самый взглядъ на кабалу, какъ на договоръ займа, и затѣмъ мнѣніе о мгновенномъ переворотѣ, произведенномъ закономъ 1597 г., по мнѣнію автора, должны быть признаны крупнымъ недоразумѣніемъ. Однако, развитіе

собственныхъ положеній поставило и автора передъ вопросами, на которые онъ не дастъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Мнѣніе проф. Сергѣевича, что крестьяне черныхъ волостей владѣли участками обработанной земли на правахъ собственности, возбуждаетъ у автора много неразрѣшимыхъ недоумѣній; главнымъ образомъ, онъ считаетъ совершенно невозможнымъ примирить его съ порядками передѣловъ, хотя послѣдніе засвидѣтельствованы единственнымъ актомъ, относящимся къ г. Шуѣ. Правда, авторъ пытается истолковать въ смыслѣ общинныхъ передѣловъ и одну статью Судебника царя Федора; но въ ней идетъ рѣчь о передѣлахъ «повытно, по кучинѣ», т. е. между собственниками - совладѣльцами одной деревни.

Авторъ отмѣчаетъ и мнѣніе цѣлаго ряда другихъ лицъ, съ которыми онъ обыкновенно полемизируетъ и очень рѣдко соглашается. Было бы утомительно перечислять здѣсь всѣ спорные вопросы какъ болѣе важные, такъ и детальныя. Можно лишь отмѣтить, что болѣе подробно формулированы возраженія и замѣчанія касательно положенія служилыхъ людей, крѣпостного права, закладничества, верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, отдѣльныхъ вопросовъ насльдванія, вотчиннаго и помѣстнаго права. Не подлежитъ сомнѣнію, что возраженія автора не даютъ окончательныхъ рѣшеній, не устраняютъ спорныхъ вопросовъ и вызовутъ, въ свою очередь, возраженія съ другой стороны. Однако, важное ихъ значеніе заключается, какъ сказано, въ томъ, что, благодаря имъ, лучше могутъ быть выяснены собственные взгляды автора, для подкрѣпленія которыхъ, вопреки заявленію предисловія, приводится и новый матеріалъ изъ вновь изданныхъ актовъ.

Въ заключеніе съ сожалѣніемъ отмѣтимъ, что новое изданіе содержитъ еще больше опечатокъ, чѣмъ предшествующее, изъ которыхъ добрая половина не оговорена.

М. Дьяконовъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІА.

И. Озеровъ. «Общество потребителей». — «Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи».

И. Озеровъ. Общество потребителей. 2-е изданіе С. Дароватовскаго и А. Чарушеникова съ предисл. акад. И. И. Янжула. Спб. 1900. Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 г. Изданіе постоянной комиссіи по дѣламъ потребительныхъ обществъ. Сост. Н. А. Рейтлингеръ. Спб. 1899. Потребительныя общества въ Западной Европѣ, если и не выполнили тѣхъ неумѣренныхъ ожиданій, которыя нѣкогда возлагались на нихъ, то во всякомъ случаѣ, при существующихъ тамъ широкихъ размѣрахъ распространенія играютъ значительную роль въ улучшенія матеріальнаго быта наиболѣе нуждающихся классовъ. Немаловажно также значеніе ихъ въ смыслѣ развитія среди трудящихся массъ того духа солидарности и коопераціи, который является необходимымъ условіемъ ихъ соціальнаго возвышенія. У насъ стремленіе къ объединенію дѣятельности потребительныхъ обществъ выразилась только въ самое послѣднее время въ видѣ Нижегородскаго съѣзда представителей потребительныхъ обществъ и образованія нѣкоторыхъ центровъ совмѣстной работы, что же касается соотвѣтственной литературы, то она столь же слаба, какъ слабо самое движеніе. Трудъ *И. Озерова*, первое изданіе котораго относится къ 1894 г., занимаетъ въ ней видное мѣсто: онъ не только даетъ историческій очеркъ развитія потребительныхъ обществъ въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи, но и устанавливаетъ правильные принципы веденія самого дѣла, насколько выяснены они опытомъ

передовыхъ въ данномъ отношеніи странъ. Для того, чтобы служить «*краткимъ руководствомъ* къ основанію и веденію потребительныхъ обществъ», какъ говорится въ заголовкѣ, книга И. Озерова слишкомъ громоздка и научно написана, тѣмъ не менѣе, она пока незамѣнима по цѣнности указаній, богатству матеріала и новизнѣ данныхъ. Со времени перваго ея изданія, движеніе русскихъ потребительныхъ обществъ сдѣлало существенные шаги впередъ, которые и отмѣчены въ работѣ, но, хотя авторъ и аттестуетъ второе изданіе, какъ «значительно дополненное и исправленное», мы не находимъ въ немъ ни одного значительнаго дополненія, что же касается исправленій, то они мѣстами сдѣланы небрежно. Такъ, въ первомъ изданіи въ концѣ книги была приложена сводная таблица русскихъ потребительныхъ обществъ, на которую авторъ ссылается и во второмъ изданіи (стр. 162), но сама она въ послѣднемъ изданіи опущена, такъ какъ къ этому времени вышли уже позднѣйшія данныя, опубликованныя постоянной комиссіей по дѣламъ потребительныхъ обществъ. Этими данными авторъ пользовалась въ видѣ корректурнаго оттиска (стр. 182), но привести ихъ въ извлеченіи не нашелъ возможнымъ, благодаря чему книга лишена необходимаго дополненія, и должна быть разсматриваема совмѣстно съ вышеупомянутымъ изданіемъ «Постоянной Комиссіи», «Обзоромъ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 года», сост. Н. А. Рейтлингеромъ. Во второмъ изданіи оставлены также частью намѣренно, частью по недосмотру нѣкоторыя мѣста перваго изданія, потерявшія свое значеніе съ тѣхъ поръ, какъ съѣздъ представителей русскихъ потребительныхъ обществъ сталъ осуществившимся фактомъ (стр. 182, 247). Тѣмъ не менѣе, второе изданіе заключаетъ въ себѣ существенныя дополненія въ отдѣлѣ иностраннаго движенія потребительныхъ обществъ («Послѣднія теченія въ области коопераціи», «Женская консервативная гильдія» въ Англіи, Международный кооперативный союзъ, свѣдѣнія о ходѣ движенія въ Италіи), а также русскаго—въ видѣ изложенія существующихъ попытокъ объединенія нашихъ потребительныхъ обществъ и описанія обществъ потребителей Пермской губерніи, на основаніи данныхъ, собранныхъ на мѣстахъ самимъ авторомъ лѣтомъ 1895 года.

Идея потребительныхъ обществъ или товариществъ крайне проста и несложна: она сводится къ оптовой закупкѣ необходимыхъ для потребленія предметовъ и къ продажѣ ихъ членамъ товарищества или всѣмъ желающимъ по пониженной цѣнѣ или по рыночной, но съ возвращеніемъ большей части полученнаго отъ торговой операціи барыша. Этими достигается сразу нѣсколько полезныхъ результатовъ: выгода потребителей, устраненіе излишнихъ посредниковъ, уничтоженіе фальсификаціи товаровъ, косвенное понижающее вліяніе на общій уровень цѣнъ. Достигнувъ болѣе высокаго развитія и прочности, потребительныя общества не ограничиваются указанными результатами, они переходятъ къ собственному производству, выработкѣ главнѣйшихъ изъ потребляемыхъ товаровъ за счетъ общества, или обращаютъ значительную часть получаемой отъ операціи чистой прибыли на иныя дѣла, чѣмъ просое сбереженіе: на постройку домовъ для членовъ, страхованіе членовъ, наконецъ на поднятіе умственнаго уровня среды, ихъ выдѣлившей, путемъ устройства библіотекъ, школъ, чтеній и т. д. Такимъ образомъ потребительныя общества становятся центрами, которые на матеріальной основѣ выгодъ доставляемыхъ ихъ коммерческими операціями удовлетворяютъ многимъ существеннымъ потребностямъ нуждающагося населенія. Конечно, значеніе ихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе велико, чѣмъ болѣе онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ дѣятельности самихъ трудящихся классовъ. Ихъ настоящая среда—это рабочій людъ и вообще классы небогатые, живущіе трудомъ, гдѣ дорожатъ копѣйками, гдѣ важную роль имѣетъ самое небольшое сбереженіе, ничтожная на первый взглядъ экономія.

Переходя къ современному состоянію потребительныхъ обществъ въ Россіи, приходится признавать, что, не смотря на 35-ти-лѣтній періодъ ихъ исторіи, оно ничтожно не только абсолютными числами, но и относительно. Всего дѣйствуетъ у насъ по послѣднимъ свѣдѣніямъ 307 обществъ, такъ что въ общемъ для всей Россіи одно потребительное общество приходится, приблизительно, на 417.271 жителя. Для того, чтобы поравняться, напр., съ Швейцаріей, число потребительныхъ обществъ въ Россіи должно было бы возрасти въ 30 разъ, чтобы сравняться съ Германіей—въ 12 разъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія, имѣющіяся о 100 потребительныхъ обществахъ, показываютъ, что какъ по самому числу обществъ, такъ равно и по количеству членовъ, первое мѣсто у насъ занимаютъ потребительныя общества среди рабочихъ и мастеровыхъ при фабрикахъ и заводахъ: 40% числа обществъ и 35% всего числа членовъ упомянутыхъ 100 обществъ. Затѣмъ слѣдуютъ потребительныя общества железнодорожныхъ служащихъ, дающія 23,7% и такъ называемыя экономическія общества военного и морского вѣдомства, дающія 18,6% всего числа членовъ. Сельское населеніе пока принимаетъ весьма незначительное участіе въ организаціи потребительныхъ союзовъ. И тамъ, и здѣсь потребительныя общества являются результатомъ инициативы и дѣятельности не самого рабочаго населенія, а лицъ, болѣе или менѣе начальствующихъ, выше поставленныхъ, и это составляетъ характерную черту нашего движенія въ отличіе отъ западно-европейскаго, гдѣ оно, дѣйствительно, есть результатъ самодѣятельности труящихся классовъ. «Общества у насъ, — пишетъ И. Озеровъ, — возникаютъ въ фабричной, заводской и железнодорожной средѣ или по инициативѣ гуманнаго фабриканта, правленія желѣзной дороги или, наконецъ, служащихъ высшихъ категорій, и лишь затѣмъ уже втягиваются мало-по-малу рядовые рабочіе, и имъ передается все дѣло, но все-таки и тогда многія наши потребительныя общества ярко окрашены филантропическимъ характеромъ: рабочіе сами не могутъ вести дѣла, за нихъ завѣдуютъ дѣлами общества другіе служащіе.—болѣе интеллигентныя и болѣе знающія лица, а рабочіе въ большинствѣ случаевъ лишь пользуются болѣе дешевыми продуктами, получаютъ дивидендъ и... только» (стр. 181). Правда, стадію филантропической постановки дѣла переживало движеніе потребительныхъ обществъ на первыхъ порахъ и на Западѣ, но у насъ, въ виду особенностей русской жизни, она остается существенной чертою движенія и до сихъ поръ. И это становится вполне понятнымъ, если вникнуть въ тѣ условія, которыя встрѣчало до послѣдняго времени движеніе, принять во вниманіе тѣ препятствія, которыя всякое общество находило у насъ при своемъ возникновеніи и дѣятельности. Говоря о враждебномъ отношеніи торговцевъ къ потребительнымъ обществамъ, И. Озеровъ отмѣчаетъ, что тогда какъ въ Англіи и другихъ странахъ обычные способы борьбы, употребляемые торговцами — бойкотъ, конкуренція, у насъ это ходатайства по начальству и разные темные способы (стр. 149). Естественно, что въ подобной борьбѣ остаются всего болѣе неувязными именно тѣ общества, которыя сами состоятъ подъ спасительной эгидой начальства. Средняя продолжительность существованія у насъ потребительныхъ обществъ очень невелика: 60% изъ числа обществъ, время утвержденія уставовъ которыхъ извѣстно, не насчитываютъ и 5 лѣтъ существованія, а изъ потребительныхъ обществъ, учрежденныхъ въ первые 4 года со времени возникновенія перваго потребительнаго общества (1865—1868), не осталось въ настоящее время, повидимому, ни одного («Обзоръ», стр. 12).

Въ послѣднее время, однако, устранено важное препятствіе если не развитію, то возникновенію новыхъ потребительныхъ обществъ: введенъ одновременно съ изданіемъ нормальнаго устава потребительныхъ обществъ 13 мая 1897 г. новый порядокъ ихъ утвержденія: властью мѣстнаго губернатора, который только доводитъ *post factum* до свѣдѣнія мин. вн. дѣлъ, а не этимъ

послѣднимъ, что очень тормозило открытіе новыхъ обществъ. Благодаря этому, со времени изданія нормальнаго устава по іюню 1898 г. разрѣшено было открытіе 65 новыхъ потребительныхъ обществъ, тогда какъ въ 1896 г. было разрѣшено 40, а въ 1897 г. только 26.

Сильный толчекъ развитію потребительныхъ обществъ у насъ дало созваніе перваго съѣзда представителей потребительныхъ обществъ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г. во время происходившей тамъ всероссійской выставки.

Обсужденію съѣзда подвергся важный вопросъ объ объединеніи кооперативныхъ обществъ, было выработано «положеніе о союзахъ», которое, однако, до сихъ поръ не получило еще санкціи. Разработка основныхъ вопросовъ кооперативнаго движенія и собраніе данныхъ о положеніи потребительныхъ обществъ было возможно на «постоянную комиссію» при означенномъ с.-петербургскомъ отдѣленіи комитета имп. моск. общества сельскаго хозяйства. Первымъ изданіемъ этой Постоянной комиссіи и является разсматриваемый нами «Обзоръ положенія и дѣятельности потребительныхъ обществъ въ Россіи по даннымъ 1897 г.». Что касается вопроса о матеріальномъ объединеніи русскихъ потребительныхъ обществъ, объ организаціи оптовыхъ закупокъ, то вопросъ этотъ, также возбужденный на нижегородскомъ съѣздѣ, въ послѣднее время снова ожилъ. Большія надежды возбудилъ въ этомъ отношеніи учрежденный въ 1898 г. московскій союзъ потребительныхъ обществъ и еще большія возбуждаетъ проектируемое «Россійское кооперативное общество оптовыхъ операцій».

Надо ожидать, что единеніе на почвѣ взаимнаго содѣйствія и опыта привьетъ нашимъ обществамъ болѣе здравые принципы, чѣмъ тѣ, которыми большинство изъ нихъ до сихъ поръ руководится. Такъ, среди нашихъ потребительныхъ обществъ крайне развита продажа товаровъ не по умѣреннымъ рыночнымъ цѣнамъ, а по цѣнамъ закупки, а также продажа въ кредитъ, что одинаково отвергается разумной практикой системы и всегда гибельно отражалось на развитіи движенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ условія экономическаго быта нашихъ рабочихъ, приемы расплаты не позволяютъ исполнѣть отвергнуть продажу товаровъ въ кредитъ, такъ что въ качествѣ компромисса между теоріею и дѣйствительною жизнью приходится прибѣгать къ продажѣ въ кредитъ, но за ручательствомъ фабричной конторы. Указанныя несовершенства въ приемахъ дѣятельности, полная разрозненность дѣйствій, незначительность оборотовъ все это ведетъ къ тому, что наши потребительныя общества приобрѣтаютъ товары на маловыгодныхъ условіяхъ и имѣютъ низкій % чистой прибыли (62% изслѣдованныхъ обществъ имѣли всего отъ 1 до 5%). Естественно, что при такомъ низкомъ уровнѣ прибыли наши потребительныя общества не могутъ развивать производительныя операціи за свои счеты. Изъ 100 потр. обществъ только 24 имѣли собственныя мастерскія или иныя заведенія. Большинство этихъ заведеній возникло въ недавнее время, уже въ 90-хъ годахъ. По примѣру Запада, часть прибылей нашихъ потребительныхъ обществъ отпущается на общепользныя дѣла, нужды образованія: школы, бібліотеки и народныя чтенія, волшебные фонари и на дѣла благотворительнаго характера. Но все это касается, конечно, болѣе обширныхъ столичныхъ обществъ, обладающихъ большими капиталами и прочнымъ положеніемъ. Большинству же нашихъ потребительныхъ обществъ далеко и до того, чтобы быть дѣйствительно серьезнымъ экономическимъ подспорьемъ населенію въ опутывающихъ его сѣтяхъ нужды и эксплуатаціи. Со временемъ безспорно, придетъ и это, но много еще предстоитъ движенію пройти ступеней и устранить препятствій, прежде чѣмъ оно станетъ на ту солидную почву, которую находить для себя въ Западной Европѣ.

М. П—въ

ФИЛОСОФІЯ и ПСИХОЛОГІЯ.

Ев. Бобровъ. «Философія въ Россіи». — Макъ-Кендрикъ и Снодграссъ. «Физиологія органовъ чувствъ». — Кименталя. «Развитіе памяти и воображенія».

Проф. Евгений Бобровъ. Философія въ Россіи. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки. Вып. I. Казань 1889 г., стр II—48. Вып. II, VI—255. Вып. III, Казань 1900 г., II—256. Содержаніе соответствуетъ подзаглавію книги. Это, дѣйствительно, только «матеріалы» для исторіи философіи въ Россіи: рядъ отрывочныхъ справокъ, по преимуществу библиографическаго содержанія. Авторъ, большею частью, дословно пересказываетъ философскія произведенія и статьи интересующихъ его авторовъ, дѣлаетъ выписки изъ сочиненій, въ которыхъ говорится о нихъ и объ упоминаемыхъ ими лицахъ, и очень рѣдко прибавляетъ собственное сужденіе. Но кто интересуется исторіей умственныхъ движеній русскаго общества, тотъ долженъ будетъ поневолѣ прибѣгнуть къ пособіямъ г. Боброва, и будетъ ему благодаренъ за его чернорабочій трудъ. Особенный интересъ представляетъ большой очеркъ III выпуска, посвященный знаменитому «А. Н. Радищеву, какъ философу». Радищева знаютъ у насъ преимущественно, какъ автора «Путешествія изъ Петербурга въ Москву»; о его философскихъ взглядахъ ходячіе учебники литературы повторяютъ мнѣніе Пушкина, который считалъ Радищева «истиннымъ представителемъ *полупросвѣщенія*», легкомысленнымъ и поверхностнымъ послѣдователемъ французской «философіи» XVIII вѣка, особенно Гельвеція. Г. Бобровъ совершенно справедливо доказываетъ, что подобное мнѣніе глубоко несправедливо. Путемъ дословной передачи философскаго трактата Радищева «о чловѣкѣ, его смертности и безсмертіи», составляющаго теперь библиографическую рѣдкость, путемъ ряда справокъ и сличеній, г. Бобровъ приходитъ къ совершенно иному выводу. Онъ видитъ въ Радищевѣ глубоко образованнаго чловѣка, широко знакомаго со всеми важнѣйшими литературными произведеніями Западной Европы XVIII в. Интересъ къ французскимъ философамъ нисколько не мѣшалъ ему находиться подъ сильнымъ вліяніемъ *нѣмецкой* философіи и науки. Проводникомъ этого вліянія былъ его знаменитый учитель въ Лейпцигѣ, проф. Платеръ. Онъ передалъ Радищеву свои симпатіи къ философіи Лейбница: къ этому направленію, притомъ въ его чистомъ видѣ, не искаженномъ обработкой Вольфа, принадлежитъ и философское произведеніе Радищева, очень продуманное и самостоятельно изложенное. По этимъ качествамъ и «по обилію заключающихся въ немъ свѣдѣній, трактатъ Радищева есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ памятниковъ къ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII в.».

Мнѣніе общаго интереса имѣютъ очерки, посвященные г. Бобровымъ московскимъ «натурфилософамъ», послѣдователямъ Шеллинга, Д. М. Велланскому, М. Г. Павлову и Д. В. Веневитинову. Но исторію русской мысли и съ этимъ матеріаломъ долженъ будетъ считаться. Между прочимъ, автору удалось найти въ числѣ рукописей Публичной бібліотеки неизданный трудъ Велланскаго о животномъ магнетизмѣ.

II. Милоковъ.

Макъ-Кендрикъ и Снодграссъ. Физиологія органовъ чувствъ. Изд. библи. для самообразованія М. 1900 г. Никто не сомнѣвается въ томъ, что въ настоящее время психологія составляетъ необходимый предметъ самообразованія. Но при этомъ всякій знаетъ, что въ послѣднее время психологія, будь это «физиологическая» или «экспериментальная» или т. н. «общая» психологія, разрабатывается въ самой тѣсной связи съ физиологіей. Психологія очень многимъ обязана физиологіи, въ особенности той части ея, которая изучаетъ функціи органовъ чувствъ и которая извѣстна подъ именемъ «физиологіи органовъ чувствъ». Этотъ отдѣлъ физиологіи составляетъ необходимую составную часть

современной психологій, и потому всякій, желающій ознакомиться съ психологіей, долженъ предварительно ознакомиться именно съ этимъ отдѣломъ физиологій. При существующихъ недостаткахъ современнаго средняго образованія именно этотъ отдѣлъ физиологій большинству читателей приходится пополнять при помощи самообразованія, при отсутствіи же подходящихъ сочиненій ознакомленіе съ нею встрѣчаетъ множество трудностей.

Книга Макъ-Кендрика и Снодграса идетъ именно на встрѣчу этой потребности. Авторы, по ихъ собственному признанію, хотѣли дать такую книгу, «которая была бы изложена въ формѣ, доступной и для читателя, не изучавшаго специально физиологій, и которая могла бы дать надлежащую подготовку и для того, кто впоследствии пожелаетъ перейти къ болѣе отвлеченнымъ вопросамъ физиологической психологій». Въ виду такой цѣли авторы, по возможности, мало останавливались на психическихъ процессахъ, обращая главное вниманіе на физиологическую сторону явленій. Задачу свою авторы, какъ намъ кажется, выполнили вполне удовлетворительно. Книга написана, дѣйствительно, вполне популярно, доступно. Изложенію функции того или другого органа предшествуетъ подробное анатомическое описаніе этого органа. Нужно отмѣтить, что въ этой книгѣ впервые появляется изложеніе теоріи цвѣтового ощущенія Геринга на русскомъ языкѣ, что чрезвычайно важно, такъ какъ эта теорія у насъ известна очень мало, вслѣдствіе того, что большой распространенностью у насъ пользуется отличная отъ нея теорія Гельмгольца. Мускульное чувство изложено авторами черезчуръ кратко, и далеко не принято въ соображеніе даже современное состояніе этого вопроса. Такъ, одна изъ самыхъ распространенныхъ теорій, по которой это чувство обязано своимъ происхожденіемъ возбужденію «сочленовныхъ поверхностей», не нашла себѣ мѣста въ этой книгѣ, а между тѣмъ вопросъ о субстратѣ этого чувства есть вопросъ физиологическій. Мускульное чувство занимаетъ такое важное мѣсто въ современной психофизиологій, что о немъ нужно было бы сказать больше, чѣмъ объ этомъ говорятъ авторы.

Въ концѣ книги прибавлена глава «о физиологическихъ условіяхъ ощущенія», и мы ставимъ въ особую заслугу авторамъ содержаніе этой главы, потому что они сумѣли при разрѣшеніи этого вопроса стать на чисто-научную точку зрѣнія, не пускаясь въ произвольныя построенія, которыя такъ часто можно встрѣтить среди представителей естествознанія, когда имъ приходится высказываться по поводу вопросовъ объ отношеніи между физическими и психическими явленіями.

«Никто не сомнѣвается, — говорятъ авторы, — что сознаніе имѣетъ матеріальный субстратъ, но задача о связи явленій душевныхъ съ молекулярными процессами въ нервной ткани въ настоящее время такъ же далека отъ разрѣшенія, какъ и въ тѣ дни, когда мало знали въ физиологій нервной системы».

Въ этомъ вопросѣ авторы занимаютъ положеніе, которое можетъ быть признано всѣми. По ихъ мнѣнію, «ученіе, принимающее совмѣстное существованіе обонхъ рядовъ явленій, параллельно идущихъ и строго соподчиненныхъ, признаетъ фактъ, какъ онъ есть, и не обольщаетъ умъ подобіемъ разрѣшенія неразрѣшимаго».

Они рѣшительно противъ материалистическаго толкованія. «Утверждая, что цѣль физическихъ явленій есть причина состояній сознанія, также какъ физическія явленія въ печеночной кѣлѣткѣ есть причина выдѣленія желчи, мы вводимъ въ эту цѣль нѣчто нематеріальное, и такимъ образомъ разрываемъ физическую связь отдѣльныхъ звеньевъ. Если же мы, наоборотъ, желая избѣжать затрудненія, отвергнемъ физическій субстратъ сознанія, и будемъ разсматривать самыя физическія звенья, какъ нѣкоторыя сознанія, то это будетъ не болѣе, какъ обманъ словъ, а не разъясненіе». Авторы не согласны также и съ тѣмъ взглядомъ, что сознаніе есть особый родъ *энергій*. Сознаніе не можетъ быть измѣрено, не можетъ произойти изъ различныхъ родовъ физической энергій и не можетъ

въ нихъ преобразоваться. Движеніе вещества не разрѣшается въ сознаніе, или, другими словами, сознаніе не есть видъ энергій.

Изданіе и переводъ книги сдѣланы вполне хорошо. Переводчикъ мѣстами дѣлаетъ отъ себя дополненія, вполнѣ идущія къ гѣлу.

Нужно надѣяться, что хорошій переводъ книги и внутреннія достоинства ея будутъ способствовать ея распространенію.

Г. Челпановъ.

Кименталь. Какъ слѣдуетъ учиться? Развитие памяти и соображенія. Спб. 1900. Указанная книга не принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ можно писать рецензіи, она принадлежитъ къ числу тѣхъ книгъ, отъ которыхъ можно только предостерегать читателя, потому что если эта книга попадетъ въ руки читателя, то тотчасъ увидитъ, что онъ этимъ заманчивымъ заглавіемъ онъ былъ введенъ въ заблужденіе. Очевидно, сомнительные лавры г. Файнштейна побудили автора составить эту вздорную книжку.

Чтобы читатель могъ видѣть, съ чѣмъ въ данномъ случаѣ онъ имѣетъ дѣло, я приведу нѣсколько примѣровъ правилъ для укрѣпленія памяти. «Для запоминанія иностранныхъ словъ и ихъ значеній,—по мнѣнію автора,—слѣдуетъ связывать слово, похожее по звукамъ на иностранное, съ значеніемъ иностраннаго или словомъ ему созвучнымъ».

père—отецъ. На перинѣ спать *отецъ*.
 mère—мать. Надо снять *мѣрку* съ *матери*.
 mardi—вторникъ. *Замарать* диванъ *дворника*.
 jeudi—четвергъ. *Жиды* не имѣютъ *цетокъ*.
 vendredi—пятница. *Звонять* *пяткой*.

Для того, чтобы запомнить города, напр., Олонецкой губерніи, слѣдуетъ взять первые слоги этихъ городовъ и составить изъ нихъ фразу, имѣющую какой-нибудь смыслъ. *Петрозаводскъ, Вытегра, Каргополь, Пудожъ, Повънецъ, Олоонецъ, Лодейное поле*. Составляемъ предложеніе. *Петръ вытеръ картину пудрой и повернулъ Олину лодку*.

Но самыя замѣчательныя правила развитія памяти находятся въ главѣ о гигиенѣ умственнаго труда. Тамъ, между прочимъ, говорится:

«Работать въ сумерки или при слабомъ освѣщеніи вредно». «Стулъ слѣдуетъ ставить такимъ образомъ, чтобы передній край его на полвершка—вершокъ вдавался подъ столъ». «Ноги ставить на полъ, не закладывая одна на другую и не подгибая ихъ подъ стулъ». «На стулѣ слѣдуетъ сидѣть прямо и не горбиться и не прижиматься къ столу». Неужели нужно было писать книгу, чтобы изречь такія истины. Всѣ правила г. Киментала въ этомъ родѣ.

Г. Челпановъ.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

В. Фаусекъ. «Этюды по вопросамъ біологической эволюціи».—*Эрнстъ Геккель*. «Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи челоѣка».—*И. Циммеръ*. «Курсъ астрономіи».

В. Фаусекъ. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. Спб. 1899 г. Ц. 60 коп. Этюды г. Фаусека представляютъ удачную попытку извлечь изъ специальныхъ изслѣдованій, недоступныхъ «широкому кругу читателей», множество интересныхъ наблюденій и изложить ихъ въ популярной формѣ, связавъ и ожививъ какой-нибудь одну общей мыслью. Эта общая мысль служитъ чита-

«мѣръ вождіи. апрѣль № 4 отд. II.

тею руководящей нитью, безъ которой онъ запутался бы въ дебряхъ специальныхъ изслѣдованій. Если и не всегда можно согласиться съ толкованіями автора, то все же нельзя отказать ему въ удачномъ сопоставленіи и умѣломъ изложеніи опытовъ и наблюденій разныхъ ученыхъ, благодаря чему очерки читаются съ ослабѣвающимъ интересомъ.

Первый изъ этюдовъ, «Живорожденіе и паразитизмъ» появился впервые въ «Русскомъ Богатствѣ», если не ошибаемся, въ 1892 году. Что произведеніе на свѣтъ живыхъ дѣтенышей или вивипарія, принявшая столь опредѣленный характеръ у млекопитающихъ, встрѣчается и въ другихъ группахъ животнаго міра, было извѣстно давно. Открытіе, сдѣланное Гааге и Больдуэлемъ въ 1884 году, показало, что между двумя формами произведенія дѣтенышей—между снесеніемъ яицъ съ одной и живорожденіемъ съ другой стороны существуютъ переходныя ступени. Что живорожденіе представляетъ собою приспособленіе, независимо возникшее во многихъ порядкахъ животнаго царства, это доказывается его спорадическимъ распространеніемъ. Прослѣдить путь этого приспособленія, т. е. показать, какія отношенія между материнскимъ организмомъ и снесенными яйцами обуславливаютъ возникновеніе и развитіе живорожденія—вотъ задача, которую поставилъ себѣ авторъ. Но наряду съ этимъ авторъ задается вопросомъ: каковъ характеръ отношеній, возникающихъ между матерью и зародышемъ при живорожденіи? И на этотъ вопросъ отвѣчаетъ: живорожденіе есть только частный случай паразитизма, такъ какъ дѣтеныши развиваются на счетъ соковъ, отторгнутыхъ ими отъ организма матери; они паразиты своей собственной матери. Паразитизмъ этотъ выгоденъ для существованія вида и поэтому поощряется естественнымъ подборомъ. Вполнѣ соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что морфологическія и физиологическія измѣненія въ организмѣ матери, сопровождающія живорожденіе, являются результатомъ раздраженій, исходящихъ изъ развивающейся яйцевой кѣтки, мы, однако, позволимъ себѣ задать вопросъ: примѣнимо ли названіе «паразитизмъ» къ случаю временнаго сожителства особей одного и того же вида, хотя и ведущаго къ питанію одной изъ нихъ за счетъ другой, но не ослабляющей ни питающей особи, ни вида, а наоборотъ, дающей виду лишь новые шансы въ борьбѣ за существованіе? Или авторъ иначе опредѣляетъ паразитизмъ?—тогда жаль, что онъ не приводитъ своего болѣе расширеннаго опредѣленія. Во всякомъ случаѣ, нужно остерегаться доводить аналогію до степени тожества, особенно въ виду недоказанности нѣкоторыхъ допущеній.

Второй очеркъ: «Раздражительность низшихъ организмовъ и органы чувствъ животныхъ» заключаетъ много фактовъ, освѣщающихъ генезисъ нашихъ органовъ чувствъ. Изложеніе опытовъ и наблюденій такъ интересно и связь ихъ съ руководящей идеей, положенной въ основу этюда, такъ очевидна, что читатель незамѣтно вводится въ кругъ специальныхъ изслѣдованій, безъ знакомства съ которыми невозможно понимать трактуемаго вопроса, но которые, однако, такъ тщательно избѣгаются широкою публикой.

Третій очеркъ: «Автотомія и болевая чувствительность у животныхъ» былъ напечатанъ въ «Мірѣ Вожьемъ» въ 1898 году и, вѣроятно, знакомъ большинству читателей нашего журнала.

Г. Фаусекъ является популяризаторомъ науки въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не отрещиваясь отъ всего «популярнаго», подобно многимъ специалистамъ, онъ въ то же время не впадаетъ въ излишнее стремленіе схематизировать явленія до неузнаваемости, ведущее скорѣе къ «вульгаризаціи», чѣмъ къ популяризаціи знанія. Истинная задача популярной литературы—поднять читателя—неспециалиста до пониманія явленій, а не низводить научныя положенія до степени ничѣмъ не доказываемыхъ догматовъ, лишь бы они сдѣлались «понятны». Разбираемая книга вполнѣ удовлетворяетъ этой задачѣ и мы смѣло рекомендуемъ ее читателямъ.

С. Ч.

Эрнстъ Гейкель. Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка. Переводъ съ нѣмецкаго В. Вихерскаго. Спб. 1899 г. Ц. 60 коп. Вопросъ о происхожденіи человѣка и о мѣстѣ его въ органической природѣ по справедливости можетъ претендовать на всеобщій интересъ. Это «вопросъ всѣхъ вопросовъ», и отъ того или иного рѣшенія его зависитъ весь характеръ и складъ нашего міросозерцанія. Авторъ лежащей предъ нами брошюры—извѣстный ученый и блестящій популяризаторъ дарвинизма. Настоящая брошюра его представляетъ собою докладъ, читанный авторомъ на 4-мъ международномъ конгрессѣ зоологовъ въ Кембриджѣ—сдѣдовательно, исключительно передъ специалистами. И если тамъ такой бѣглый обзоръ нѣсколькихъ отраслей естествознанія въ наиболѣе трудныхъ и важныхъ точкахъ ихъ сопрякосновенія могъ быть оправданъ наличностью специальной подготовки у слушателей, то, вынесенная изъ собранія ученыхъ специалистовъ «въ широкий кругъ образованныхъ людей», эта брошюра сразу теряетъ значительную часть своего значенія. Читателю мало такихъ краткихъ и бѣглыхъ указаній, какія даетъ брошюра, чтобы достигнуть той «непоколебимой увѣренности» въ вопросѣ о происхожденіи человѣка, которую хочетъ передать ему авторъ. Борьбѣ съ антидарвинистскими предразсудками нужно путемъ систематическаго изложенія и освѣщенія фактовъ и выводовъ современнаго естествознанія, а не путемъ короткихъ положеній и формулъ, затрагивающихъ часто самыя важныя вопросы лишь мимоходомъ и принимающими слишкомъ часто догматическій характеръ.

Можно было бы многое возразить почтенному автору и по существу. Излюбленный имъ способъ построенія схематическихъ родословныхъ деревьевъ не всегда является результатомъ индуктивныхъ изслѣдованій, а содержитъ довольно крупную долю фантазій. Далеко не всѣ согласятся съ тѣмъ, что «весь классъ млекопитающихъ, начиная съ древнѣйшихъ однопроходныхъ и кончая человѣкомъ,—монофилетическій, что всѣ члены его могутъ быть выведены изъ одной общей первоначальной формы» (стр. 34). Именно въ послѣднее время палеонтологія пытается доказать полифилетическое происхожденіе класса млекопитающихъ—и не безъ успѣха, такъ что въ настоящее время далеко не «всѣ компетентныя зоологіи раздѣляютъ взглядъ о происхожденіи млекопитающихъ изъ одной только вымершей группы» (стр. 34).

Мы, однако, рекомендуемъ читателямъ прочесть эту брошюру, такъ какъ она несомнѣнно способна пробудить интересъ къ дальнѣйшему изученію этого вопроса.

Переводъ сдѣланъ очень старательно, но не свободенъ отъ погрѣшностей. Жаль также, что названія всѣхъ сочиненій и статей, на которыя ссылается авторъ, переведены на русскій языкъ, между тѣмъ какъ большинства этихъ сочиненій нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Переводчикъ гораздо лучше бы поступилъ, если бы оставилъ всѣ названія цитируемыхъ книгъ не переведенными и лишь относительно тѣхъ, которыя существуютъ въ русскомъ переводѣ, дѣлалъ всякій разъ соответствующее указаніе.

С. Ч.

Курсъ астрономіи Н. Цингера, генералъ-лейтенанта, заслуженнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. I. Часть теоретическая. II. Часть практическая. С.-Петербургъ. 1899 г. Курсъ проф. Цингера предназначенъ для офицеровъ геодезическаго отдѣленія Николаевской академіи генеральнаго штаба и гидрографическаго отдѣленія Николаевской морской академіи, но онъ можетъ быть рекомендованъ вниманію и университетскихъ слушателей, равно какъ и лицъ, занимающихся самостоятельно. Онъ полезенъ для всякаго, кто интересуется астрономіей по существу. Многіе изъ курсовъ не только у насъ въ Россіи, но и за границей,—такого рода, что, проштудировавъ ихъ, добросовѣстно разобравъ всѣ формулы, читатель тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ все-таки чувствуетъ себя безпомощнымъ, когда ему приходится при-

*

мѣнить эти формулы на практикѣ. Помимо тѣхъ вѣднѣхъ техническихъ затрудненій, которыя можетъ испытывать человѣкъ, мало знакомый съ числовыми вычисленіями, самое значеніе величинъ, входящихъ въ формулы, часто окажется для него неяснымъ: онъ остановится въ недоумѣніи передъ вопросомъ, въ какихъ единицахъ должна быть выражена та или другая величина, откуда взять ея числовое значеніе, годное для даннаго момента, какъ комбинировать ее съ другими величинами, нужны ли какія-либо поправки, встрѣчающіяся въ другихъ случаяхъ и пр.

Наоборотъ, курсъ проф. Цингера практическій. Его основная задача—подготовить читателя къ практическимъ занятіямъ тѣми астрономическими наблюденіями, которыя входятъ въ сферу дѣятельности геодезиста и гидрографа. Вотъ почему проф. Цингеръ никогда не ограничивается математическимъ выводомъ формулы—онъ переводитъ ее на числовой языкъ, разъясняетъ ея примѣненіе, рѣшаетъ для примѣра и задачу и рѣшаетъ со всею строгостью, со всеми подробностями, расположивъ свои вычисленія въ образцовой учебной схемѣ. Во всемъ видна та строгая практическая школа, которую прошелъ авторъ. Нельзя не отмѣтить и его остроумія, обнаруживающагося то тутъ, то тамъ, въ изящныхъ простыхъ рѣшеніяхъ, цѣнныхъ замѣчаніяхъ и пр. По преимуществу авторъ пользуется геометрическими приемами, какъ болѣе естественными, наглядными, болѣе простыми, чѣмъ приемы аналитическіе.

Что касается самого содержанія курса, то въ первой части его (теоретической) мы имѣемъ послѣ введенія: выводъ основныхъ формулъ сферической тригонометріи съ цѣнными замѣчаніями относительно числовыхъ рѣшеній и развитіемъ дифференціальнахъ соотношеній, интерполированіе, начала теоріи вѣроятности, способъ наименьшихъ квадратовъ, рядъ задачъ, такъ называемой сферической астрономіи, основныя начала астрономіи теоретической и небесной механики, очень краткія свѣдѣнія о физической природѣ небесныхъ свѣталъ, а во второй части (практической): изложеніе различныхъ способовъ опредѣленія времени, широты и долготы мѣста, которому предшествуетъ описаніе астрономической трубы, уровня, часовъ, хронометровъ пассажнаго инструмента, зенитъ-телескопа, переноснаго вертикальнаго круга универсальнаго инструмента и отражательныхъ угломерныхъ инструментовъ (секстанта, круга Пистора, отражательнаго инструмента Рапсольда).

Кромѣ многочисленныхъ пояснительныхъ примѣровъ, рѣшаемыхъ самимъ авторомъ со всеми подробностями, въ различныхъ главахъ первой части дано по нѣскольку чрезвычайно полезныхъ задачъ съ указаніями на ихъ рѣшенія.

Изложеніе всегда точное и сжатое. Громадный матеріалъ напечатанъ на сравнительно небольшомъ числѣ страницъ (I—360 стр.; II—280). Большого вниманія заслуживаютъ числовыя таблицы, приложенныя въ концѣ первой части.

Можно настоятельно рекомендовать читателямъ это почтенное руководство.

К. Покровский.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНИЯ.

Е. Водовозова. «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ». — Е. II—ва. «Гаребальдіицы».

Е. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Французы. Спб. 1899 г. Съ 10 рис. Стр. 227. Цѣна 40 к. Подъ общимъ заглавіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ» г-жа Водовозова выпустила въ свѣтъ 8 книжекъ, въ которыхъ описывается жизнь народовъ различныхъ европейскихъ странъ. Книжки эти въ свое время завоевали себѣ общее вниманіе, а изданная недавно книга г-жи Водовозовой «Французы» (8-я въ серіи) является тѣмъ болѣе кстати, что въ нашей популярной литературѣ не имѣется ни одной удовлетворительной книжки на эту тему; какъ это ни странно, но въ то время, какъ о жизни японцевъ мы имѣемъ, кромѣ другихъ, три хорошихъ популярныхъ сочиненія, о болѣе близкомъ намъ европейскомъ народѣ, къ тому же нашемъ «союзникѣ», имя котораго не сходитъ со страницъ русскихъ газетъ за послѣднія 5—6 лѣтъ, до сихъ поръ не было издано ни одного сколько-нибудь удовлетворительнаго популярнаго сочиненія. Книга г-жи Водовозовой, въ общемъ, удачно заполняетъ этотъ пробѣлъ, давая читателю, при вполне доступномъ изложеніи, массу новаго и интереснаго матеріала.

Охарактеризовавъ вначалѣ Парижъ, какъ центръ культуры не только Франціи, но и всего міра, авторъ въ легкихъ и интересныхъ описаніяхъ знакомитъ читателя съ внѣшнимъ видомъ Парижа, съ его замѣчательными постройками и кипучей уличной жизнью, съ его большими магазинами-базарами и центральнымъ рынкомъ, съ увеселительными заведеніями, наконецъ съ рѣкой Сеной, подземнымъ городомъ и съ предметъшею бѣдняковъ, гдѣ находятъ себѣ пріютъ парижскіе нищіе и бродяги. Затѣмъ въ четырехъ главахъ авторъ даетъ характеристики французскаго дворянства, буржуазіи, крестьянъ и рабочихъ, и еще въ одной отдѣльной главѣ характеристику всего французскаго народа и французовъ юга и сѣвера въ частности. Въ двухъ главахъ: Бретань и Нормандія—разсказывается о своеобразной жизни населенія этихъ провинціальныхъ угловъ Франціи, о занятіяхъ и промыслахъ его. Наконецъ, въ главѣ—«Образованіе» сообщается о постановкѣ дѣла народнаго образованія во Франціи, о преобладающемъ вліяніи духовенства и особенно подробно описываются средне-учебныя заведенія. Въ послѣдней главѣ г-жа Водовозова даетъ обстоятельный очеркъ государственнаго устройства Франціи. Такимъ образомъ книга какъ бы распадается на три отдѣла: 1) описаніе Парижа и двухъ характерныхъ провинцій Франціи, 2) характеристики населенія Франціи, какъ вообще, такъ и по отдѣльнымъ сословіямъ и классамъ и 3) описаніе государственнаго устройства страны и постановки народнаго образованія. Наиболѣе удавшимся автору нужно признать описанія Парижа и его особенностей, очеркъ государственнаго устройства, гдѣ въ краткихъ, но ясныхъ словахъ разсказано о системѣ выборовъ, значеніи тайнаго и общаго голосованія, о власти исполнительной и законодательной въ лицѣ президента, парламента и сената, сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о группировкѣ партій, хотя и слишкомъ краткія, такъ какъ не лишнее было бы привести тутъ данныя о количествѣ депутатовъ каждой партіи по цифрамъ послѣднихъ выборовъ; очень кстати въ этой главѣ введены характерные панамскій и дрейфусовскій эпизоды. Глава объ образованіи тоже удачно составлена, но очень жаль только, что ни здѣсь, ни въ другомъ мѣстѣ книги авторъ не остановился на значеніи свободы манифестацій и въ особенности свободы печати, въ виду той огромной роли, какую въ жизни всей страны, а особенно въ жизни Парижа играетъ ежедневная пресса. Описаніе Бретани и Нормандіи въ общемъ интересное, заставляетъ однако пожалѣть, что

авторъ не удѣлилъ мѣста описанію какого-нибудь другого провинціального центра, стоящаго гораздо выше въ культурномъ и промышленномъ отношеніяхъ, а потому играющаго болѣе важную роль въ общемъ развитіи страны, какъ напримѣръ, Лионъ, Марсель и др.

Въ главахъ, посвященныхъ характеристикамъ отдѣльныхъ классовъ и сословій, на-ряду съ сообщеніемъ интересныхъ фактовъ и наблюденій, мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ огульныхъ характеристикъ, бездоказательно приписывающихъ тому или другому классу или даже всему народу въ его цѣломъ тѣ или иные, дурныя или хорошія качества. Авторъ, который, вмѣсто того, чтобы въ живыхъ сценахъ или на яркихъ примѣрахъ показать наиболѣе рельефныя черты характера данной группы населенія, стремится лишь дать во что бы то ни стало общія характеристики,—вступаетъ обыкновенно на путь голословныхъ утвержденій и даже противорѣчій съ самимъ собою. И дѣйствительно, въ характеристикахъ г-жи Водозовой мы видимъ и то, и другое. Уже въ оглавленіи мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ рубрикъ, указывающихъ на подобное стремленіе, какъ, напримѣръ: «Буржуазія. Характеристика людей этого класса общества. Ихъ взгляды, стремленія и желанія. Ихъ хорошія и дурныя стороны... Характеръ французскаго народа. Его хорошія и дурныя стороны» и т. п. Дальше же на страницахъ самой книги подъ этими рубриками мы видимъ цѣлый рядъ утвержденій, вродѣ слѣдующихъ: «Болѣзненная страсть *каждою* француза быть во что бы то ни стало дворяниномъ, пользоваться громкимъ титуломъ графа»... и т. д. (стр. 51). «Другою характерною чертою, общею *всей* буржуазіи, оказывается враждебное отношеніе къ народу» (стр. 59). «*Вся* французская буржуазія заражена страстью къ наживѣ, *всѣ*, составляющіе это сословіе, поклоняются золотому тельцу. Даже самые образованные изъ ея среды не брезгаютъ никакими спекуляціями, играютъ на биржѣ и мало-по-малу заглушаютъ въ своей душѣ честныя природныя инстинкты» (стр. 60). «Хотя *всѣ французы одинаково* любятъ деньги...» (стр. 61) И дальше, въ томъ же родѣ: «Что касается титуловъ, привилегій, орденовъ и всякихъ отличій, французы всегда обнаруживали какую-то двойственность: съ одной стороны они издавна добивались водворить на своей родинѣ братство и равенство, съ другой—страстно стремились получить высокій титулъ или какой-нибудь орденъ» (стр. 49). «*Каждый* французъ снить и видеть, какъ бы получить какой-нибудь орденюкъ; точно также каждый изъ нихъ, сдѣлавшись богатымъ человѣкомъ, мечтаетъ о громкомъ титулѣ графа или барона. Конечно, это очень мало вяжется съ братствомъ и равенствомъ, которыхъ всегда такъ добивались французы, но такія противоположныя, противорѣчивыя чувства прекрасно уживаются вмѣстѣ въ ихъ душѣ» (стр. 49 и 50). Та же мысль повторяется еще разъ на стр. 175, начиная со словъ: «Болѣе всего въ характерѣ француза поражаютъ контрасты...» и т. д. Однако, если бы авторъ отвлекся отъ своего стремленія видѣть во что бы то ни стало одну общую черту въ характерѣ всего народа и всей буржуазіи, то онъ не нашелъ бы никакого контраста въ этомъ двойномъ стремленіи французовъ и къ равенству, и къ отличіямъ; эта загадочная двойственность на самомъ дѣлѣ объясняется очень просто: не одни и тѣ же люди стремятся и къ равенству и къ неравенству, а въ то время, какъ одни стремятся къ равенству и братству, другіе жаждутъ титуловъ и привилегій; въ одни историческіе моменты число стремящихся къ равенству увеличивается въ зависимости отъ разныхъ матеріальныхъ и психическихъ условій, этимъ людямъ или этимъ группамъ людей удается восторжествовать на время надъ другими и тогда они добаваются хотя бы формальнаго признанія началъ братства и равенства; въ другое время на первый планъ выдвигаются другіе люди и другія общественныя группы, которыя стремятся къ восстановленію всѣхъ сословныхъ и иныхъ привилегій. Все это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что не весь французскій народъ и

даже не вся буржуазія стремится къ одному и тому же, и что контрасты наблюдаются болѣе въ историческомъ развитіи Франціи, чѣмъ въ душѣ отдѣльнаго француза, а тѣмъ болѣе въ душѣ всѣхъ французовъ.

Разсматривая дальнѣйшія характеристики книги о французахъ, мы наталкиваемся на такое утвержденіе въ главѣ о рабочихъ, которое лучше всего показываетъ, къ какимъ противорѣчіямъ можетъ привести манера, усвоенная г-жею Водовозовой. Перечисливъ нѣсколько характерныхъ особенностей всѣхъ французскихъ рабочихъ, авторъ говоритъ: «Характерная черта рабочаго—нѣжная, горячая любовь къ своимъ дѣтямъ. Но эта страсть къ дѣтямъ не привела къ хорошимъ результатамъ... Избалованныя дѣти рабочихъ не выходятъ ни особенно великодушными, ни людьми съ твердыми принципами и взглядами, ни трудолюбивыми работниками, какъ о томъ мечтали ихъ родители, а людьми съ слабою волею, которыхъ всего болѣе привлекаютъ соблазны столицы и пьянство» (стр. 148—149). Такъ ли это? Только что передъ тѣмъ мы читали, что французскіе рабочіе и трудолюбивы, и даровиты, и умѣютъ стойко переносить самыя тяжелыя испытанія; дальше, (на той же страницѣ) мы узнаемъ, что замѣчательной чертой характера французскихъ рабочихъ является добродушіе и необыкновенное сочувствіе къ своему товарищу. «Въ горѣ онъ отдаетъ ему послѣднюю копѣйку, будетъ для него работать, сколько хватитъ силъ, и въ то же время ему никогда не придетъ въ голову придать этому какое-нибудь значеніе: онъ думаетъ, что поступить иначе—величайшая подлость, и вовсе не считаетъ, что поступать такъ въ его положеніи—величайшій подвигъ» (стр. 149). Жена рабочаго въ большинствѣ случаевъ его истинная подруга: «она въ высшей степени трудолюбива, настойчива, энергична и также, какъ и мужчина, если не болѣе его, находчива, остроумна и одарена природнымъ чувствомъ изящнаго» (стр. 150). Итакъ, все хорошее, что авторъ говоритъ о рабочихъ, относится только къ родителямъ, которые балуютъ своихъ дѣтей и дѣти выходятъ уже плохими, слабыми людьми. Но кто же эти родители, а кто дѣти? Вѣдь всѣ родители были когда-то дѣтьми и, въ свою очередь, дѣти въ свое время становятся родителями. Одно изъ двухъ: или всѣ вообще рабочіе слабобольны, не великодушны, безпринципны и т. п., или всѣ они великодушны, даровиты, настойчивы и т. п. Чтобы выпутаться изъ этого противорѣчія, оставалось только указать съ точностью время, съ котораго всѣ рабочіе начали плохо воспитывать своихъ дѣтей; авторъ этого не сдѣлалъ, по весьма понятнымъ причинамъ.

Рядомъ съ этими неудачными попытками огульных характеристикъ стоятъ также не всегда удачныя объясненія нѣкоторыхъ социальныхъ явленій, даваемыхъ г-жей Водовозовой въ примѣненіи къ французской жизни. Такъ, описавъ на стр. 22—26 грандіозный парижскій магазинъ «Дешевая продажа» со всѣми его приспособленіями для удешевленія товаровъ и продажи ихъ въ небывало широкихъ размѣрахъ, коснувшись далье вопроса о положеніи служащихъ этого предпріятія, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «Вообще гигантскіе магазины-базары въ родѣ только что описаннаго, а также «Лувра», «Самаритянки», «Прекрасной садовницы», когда къ нимъ поближе примотришься, оказываются далеко не благодѣтелями человѣческаго рода, а просто-на-просто колоссальными спекуляторами и эксплуататорами: они умѣютъ чрезвычайно умно употреблять все въ свою пользу, ловко эксплуатируютъ рабочій людъ, подавляютъ и вытѣсняють многія отрасли промышленности и совершенно убиваютъ не только мелкіе магазины и мастерскія, но и весьма солидныя фирмы» (стр. 26). Дальше авторъ говоритъ объ эксплуатациіи магазинами мелкихъ домашнихъ рабочихъ, преимущественно портныхъ и портнихъ. Авторъ совершенно правъ, говоря о вытѣсненіи такими колоссальными предпріятіями болѣе мелкихъ конкурентовъ, т. е. производителей: для нихъ ростъ и развитіе подоб-

ныхъ магазиновъ-базаровъ грозитъ полной гибелью. Но авторъ совершенно напрасно упускаетъ изъ виду интересы потребителей, которые, — и въ ихъ числѣ также рабочій людъ — получаютъ возможность дешево приобрести хорошія вещи. Что же касается эксплуатаціи занятыхъ при магазинахъ рабочихъ, въ частности портныхъ и портныхъ, то тяжесть ея слѣдуетъ относить не на счетъ большихъ дешевыхъ базаровъ, а на счетъ развивающагося капитализма, захватывающаго въ свои желѣзные лапы все новые и новые ряды домашнихъ рабочихъ и вообще ремесленниковъ. Говоря дальше о стачкахъ (въ главѣ «Рабочіе») авторъ описываетъ всѣ бѣдствія, какія выпадаютъ на долю забастовавшихъ и заканчиваетъ слѣдующимъ утвержденіемъ: «Во всякомъ случаѣ, рабочіе знаютъ, чего имъ ждать отъ стачки, если она состоится, и сами до смерти боятся ея» (стр. 139). Если такъ, то естественно было бы ждать, что при улучшеніи условій труда, сокращеніи рабочаго времени, организаціи синдикатовъ, о чемъ намъ рассказываетъ самъ авторъ, количество стачекъ во Франціи все уменьшается. Однако, на той же страницѣ мы видимъ рядъ цифръ, краснорѣчиво доказывающихъ, что растетъ не только число стачекъ, но и число стачечниковъ. Очевидно, французскіе рабочіе не такъ ужъ боятся стачекъ, какъ думаетъ авторъ. Въ противоположность слишкомъ большому пессимизму по отношенію къ стачкамъ, г-жа Водовозова черезчуръ оптимистично смотритъ на значеніе синдикатовъ, прिवѣтствуя въ интересахъ рабочихъ не только ихъ синдикаты труда, но и синдикаты предпринимателей, являющихся, какъ известно, гораздо болѣе страшнымъ врагомъ рабочихъ, чѣмъ отдѣльные хозяева (стр. 143—145). Также оптимистично относится г-жа Водовозова и къ устройству колоній для рабочихъ при возможности для нихъ покупать жилища въ собственность (стр. 134).

Мы остановились такъ подробно на разборѣ книги г-жи Водовозовой, главнымъ образомъ потому что и слабыя, и сильныя стороны разбираемаго труда характерны въ большей или меньшей степени и для остальныхъ книгъ изъ серіи подъ заглавіемъ «Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ». Но мы отнюдь не желали бы умалить достоинствъ этого единственнаго серьезнаго и въ то же время популярнаго сочиненія о Франціи и французсахъ, знакомство съ которымъ, безъ сомнѣнія, расширяетъ кругозоръ читателя, а потому не можетъ не быть полезно. Книга «Французы» даетъ очень много интересныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній и притомъ въ образцовой по легкости и ясности формѣ, дѣлающей ее доступной и для читателя изъ народной среды, и для учащагося юношества нашихъ среднихъ школъ.

М. Б.

«Гарибальдійцы». Историческая повѣсть изъ временъ борьбы Италіи за свое освобожденіе. Передѣлано съ итальянскаго Е. П—вой. Изданіе Алексѣева. Спб. 1900. Цѣна 15 к. Стр. 80. Повѣсть «Гарибальдійцы», какъ можно видѣть изъ заглавія ея, посвящена разсказу о подвигахъ Гарибальди и его соратниковъ. Въ доступной русской литературѣ не имѣется произведеній, которыя знакомили бы читателей съ эпохой освобожденія Италіи, поэтому повѣсть «Гарибальдійцы» появилась весьма кстати, тѣмъ болѣе, что по содержанию своему она и заинтересуетъ читателя, и окажетъ на него известное воспитательное вліяніе. Безпредѣльная любовь къ родитѣ, мужество и самопожертвованіе въ борьбѣ за ея освобожденіе, беззаветная преданность долгу, — таковы черты, характеризующія героев повѣсти, начиная съ самого Гарибальди и кончая дѣвущкой, — воиномъ Марціей. Въ повѣсти кратко очерчена исторія экспедиціи гарибальдійцевъ въ Сицилію и Неаполь; по пути разсказаны и козни враговъ свободы и приключенія отдѣльныхъ членовъ экспедиціи, совѣщанія королевскаго совѣта и воззванія Гарибальди, наконецъ, приведены выдержки изъ его дневника. Такимъ образомъ, несмотря на свои небольшие размѣры, книжка «Гарибальдійцы» можетъ дать довольно богатую пищу для души

и ума читателя. Однако серьезнымъ упущеніемъ со стороны лица, передѣлывавшаго повѣсть для русскихъ читателей, слѣдуетъ признать отсутствіе какого бы то ни было предисловія или введенія, объясняющаго ту историческую обстановку, въ которой происходитъ дѣйствіе разсказа, и сообщающаго о тѣхъ измѣненіяхъ въ дальнѣйшей жизни страны, къ которымъ привело это движеніе. Снабженная такимъ предисловіемъ, повѣсть «Гарибальдійцы» замѣтно выиграла бы въ своемъ значеніи и доступности для читателя безъ спеціальной подготовки.

Изложена повѣсть простымъ и понятнымъ языкомъ, но художественными достоинствами изложеніе г-жи П—ой не отличается; особенно неудаченъ приѣмъ, часто практикующійся г-жей П—ой, при переходѣ отъ одной темы разсказа къ другой: «Воспользуемся этимъ промежуткомъ времени, чтобы сказать два слова объ этихъ людяхъ», «вспомнимъ нашихъ старыхъ знакомыхъ», и т. п. (стр. 8, 9, 30, 74 и т. п.). Въ общемъ же, несмотря на указанныя упущенія, книжка «Гарибальдійцы» представляетъ собою очень полезный вкладъ въ народную литературу.

М. Б.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го февраля по 15-е марта 1900 года).

- И. Наутскій. Аграрный вопросъ. Харьковъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.
- А. Сутерланда. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Переводъ съ англ. Н. Канчевской. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.
- Михаилъ Мосналь. Возрожденіе или упадокъ. Критическій этюдъ по поводу романа «Воскресенье». М. 1900 г. Ц. 60 к.
- Уставъ Об-ва вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Симферопольскаго Императора Николая II-го реальнаго училища. Симферополь. 1900 г.
- Графа А. К. Толстого. Упырь, рассказъ съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. Спб. Изд. книжнаго склада М. Залшупина. 1900 г. Ц. 1 руб.
- Его-же. Проектъ постановки на сцену трагедіи: «Смерть Іоанна Грознаго». Изд. М. Залшупина. Спб. 1900 г. Ц. 50 коп.
- Р. С. Бергъ. Курсъ общей эмбриологіи. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 30 коп.
- Вольфъ. Космогоническія гипотезы. Перев. подъ редакціей Флиппова. Спб. Изд. Сойкина. 1900 г. Ц. 60 коп.
- Буддійскія сутты. Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Л. М. Шахрай. Русское слово еврейскимъ дѣтямъ. Часть I и II-ад. 2-й, 3-й и 4-й годъ обученія. Одесса. 1900 г. Ц. 90 к., съ перес. 1 р. 5 коп.
- В. Луневичъ. Обезьяны. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 15 коп.
- Его-же. Общественная жизнь животныхъ. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 12 к.
- Семейная жизнь животныхъ. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 15 коп.
- Жилища и постройки животныхъ. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 16 коп.
- Землетрясенія и огнедышца горы. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 16 коп.
- Вичи земли и чудеса природы. Спб. Изд. Павленкова. 1899 г. Ц. 16 коп.
- Калифъ на день. Арабская сказка. Перев. В. Д. Порозовской. Изд. Павленкова. Ц. 15 коп.
- Аладдинъ и Волшебная лампа. Арабская сказка перев. В. Д. Порозовской. Изд. Павленкова. Ц. 20 коп.
- Проф. А. Р. Уоллеса. Чудесный вѣкъ. Перев. Л. Лакіера. Спб. Изд. Ф. Павленкова. 1900 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- В. Луневичъ. Среди животныхъ и растеній. Спб. Изд. Павленкова. 1900 г. Ц. 75 к.
- М. А. Энгельгардта. Прогрессъ, какъ эволюція жестокости. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.
- Этьенъ Гюйаръ. Исторія міра. Перев. съ франц. Л. Шейниса. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р.
- С. и Б. Уэббъ. Исторія рабочаго движенія въ Англіи. Перев. съ англ. Г. А. Паперна. Изд. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сильванусъ Томпсонъ. Свѣтъ видимый и невидимый. Перев. съ англ. В. Чешинскаго. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 60 к.
- Г. Ахелмса. Современное народовѣдѣніе. Перев. съ нѣмецк. Ф. Капемоша. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Г. Брандесъ. Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. Нѣмецкая литература. Перев. съ нѣмецк. В. Д. Порозовской и В. И. Писаревой. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.
- В. Луневичъ. Вода. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 28 коп.
- Его-же. Пчелы, осы и термиты. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 18 к.
- Среди снѣговъ и вѣчнаго льда. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 24 к.
- Подводное царство. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 20 к.
- Тайга и тундра. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 14 к.
- Степь и пустыня. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 18 к.
- Воздухъ. Изд. Павленкова. 1899. Спб. Ц. 15 к.
- И. М. Ивановъ. А. Н. Островскій. Его жизнь и литературная дѣятельность. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.
- Я. В. Абрамовъ. Бракъ и семья. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 25 к.
- А. Лейрца. Противныя животныя. Перев. съ франц. И. Я. Шавырева. Изд. Павленкова. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Э. П. Эванса. Эволюціонная этика и психологія животныхъ. Переводъ съ англ.

- Е. Орлова. Изд. Павленкова. Спб. 1899. Ц. 75 к.
- Р. Вирховъ, его жизнь и научно-общественная дѣятельность. Биографич. очеркъ Ю. Г. Малыса. Изд. Павленкова, Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Исторія Ам-Бабы и сорока разбойниковъ. Арабская сказка. Перев. В. Д. Порозовской. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 15 к.
- Путешествія Синдбада мореплавателя. Арабская сказка. Перев. В. Д. Порозовской. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 20 к.
- Японскія сказки. Перев. В. Д. Порозовской. Изд. Ф. Павленкова. Спб. Ц. 15 к.
- Польскія сказки. Перев. Т. С. Якубовскаго. Изд. Павленкова. Спб. Ц. 15 к.
- Я. В. Абрамовъ. Личный наемъ и служба. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1899 г. Ц. 25 к.
- Артуръ Графъ. Софизмы Льва Толстого по отношенію къ искусству и критикѣ. Перев. съ итальян. И. Гливленко. Кіевъ. 1900 г. Ц. 20 к.
- Л. Гаштермана. Практическое руководство къ изученію органической химіи. Перев. съ нѣмецк. В. А. Смирнова. Москва. 1900 г. Ц. 2 руб.
- А. Г. Степановъ. Изд. Пушкинской юбилейной литературы и славянъ. Кіевъ 1900 г.
- Н. И. Канисецкой. Изъ былого Черноморія. Екатеринодаръ. 1900 г. Ц. 1 руб.
- К. Р. Качаровскій. Русская община. Т. 1-я. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.
- А. Д. Педашенко. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей по сельскому хозяйству за 1897 г. Спб. 1900 г.
- С. А. Золотаревъ. Голосъ семьи о школѣ. Изд. Вр. Башмаковыхъ. Рига. 1900 г. Ц. 30 коп.
- А. И. Введенскаго. Общественное самознание въ русской литературѣ. Критическіе очерки. Спб. Изд. М. П. Мельникова. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Н. А. Пальчевскаго. Доклады: Потребность учрежденія во Владивостоцкѣ морской биологической станціи. Владивостокъ. 1899 г.
- Программы домашнего чтенія на 4-й годъ систематическаго курса. Москва. 1900 г.
- А. И. Фаресовъ. Третій Ивановичъ Филипповъ. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.
- Отчетъ Об-ва попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1898 г. сост. Р. Л. Вейсманъ. Томскъ. 1899 г.
- Ф. Тома. Нравственность и воспитаніе. Перев. съ франц. Е. Леонтьевой. Спб. 1900 г. Ц. 30 коп.
- Л. Шепелевича. «Фаустъ» Гёте. Опытъ характеристики. Спб. 1900 г. Ц. 30 к.
- Поль Анпель. Сборникъ задачъ по рациональной механикѣ. Перев. А. П. Ненашева. Москва. 1900 г. Ц. 75 коп.
- Весь Саратовъ. На 1900 г. Адресъ-календарь. Изд. Фридрихсонъ въ Саратовѣ. Ц. 75 к.
- У. Ранке. Человѣкъ. Перев. съ нѣмецк. Изд. М. Е. Лиона подъ ред. Д. А. Корочевскаго. Спб. 1900 г. Вып. 11—13. Ц. отд. выпуска 50 к.
- Годовой отчетъ за 1-й годъ дѣятельности Об-ва ревнителей военныхъ знаній.
- С. Введенскаго. Религіозные идеалы А. С. Пушкина. Казань. 1899 г. Ц. 30 к.
- Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. Т-ва «Знаніе» Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.
- А. М. Никольскій. Дѣтнія повѣдки натуралиста. Изд. Т-ва «Знаніе». Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.
- Н. В. Кириловъ. Морскіе промыслы южнаго Сахалина.
- Л. Шестовъ. Шекспиръ и его критикъ Врандесъ. Спб. 1898 г.
- Клавдія Лукашевичъ. На жизненномъ пути. Повѣсти и рассказы съ рисунками. М. 1900 г. Ц. 1 руб.
- В. И. Немировичъ-Данченко. Мысейкина Хурда-Мурда. Повѣсть съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 1 руб.
- Кн. Ф. Н. Касаткина-Ростовскаго. Стихотворенія (Эфкаеръ). Спб. 1900.
- Сводъ данныхъ о торговыхъ сборахъ въ Россіи за 1897 и 1898 гг. Изд. Департамента торговли и мануфактуръ. Спб. 1900 г.
- У. М. Левитъ. Деньги, деньги—въ нихъ вся суть. Ком. въ 4-хъ дѣйств. Вендеры. 1900 г. Ц. 40 к.
- Генрихъ Ибсенъ. Когда мы мертвые прощаемся. Перев. съ норвежск. Ю. Валтрушайтиса и С. Полякова. Изд. «Скорпіонъ». Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- Н. А. Сахаровъ. О химической основѣ жизненныхъ явленій. Тифлисъ. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ф. Д. Нефедовъ. Т. IV. Изд. С. Дароватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.
- Г. Докудра. Исторія цивилизаціи. Т. II-я. Перев. съ франц. А. А. Повенъ подъ ред. Д. А. Корочевскаго. Изд. «Дѣтское Чтеніе» съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. Вып. IV. Изд. Об-ва. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 к.
- Материалы для оцѣнки земель въ Екатеринославской губ. Т. I-я. Изд. губ. земск. управы. Екатеринославъ. 1899 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Преосвященный Григорій, епископъ Омскій и Семипалатинскій. Биограф. очеркъ. Омскъ. 1900 г.
- В. П. Литвиновъ-Фалинскій. Ответственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Спб. 1900 г. Ц. 3 руб.
- А. А. Федорова-Давыдова. Сказки съ рисунками. Изд. библ. «Дѣтское Чтеніе». М. 1900 г. по 3 коп.
- Е. Н. Тихомировой. Сказки съ рисунками. Изд. библ. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1900 г. по 3 к.
- Танъ. Чукотскіе рассказы съ 12-ю рисун-

- ками. Изд. С. Дороватовскаго и Чарушниковой. Спб. 1900 г. Ц. 1 руб.
- В. И. Немировича-Данченко. Оодька-Рудоконь. Повѣсть съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- Д. А. Королчевскаго. Наши тайные друзья и враги. П. Фарадеи Франклянда. Перев. съ англійск. Изд. ред. журн. «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ». Москва. 1900 г. Ц. 30 к.
- А. Н. Рождественской. Маленькіе герои. Очерки и рассказы въ перев. съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 35 к.
- В. А. Гольцева. Основныя понятія о правоудѣбнѣ. Изд. «Дѣтское Чтеніе» и «Педаг. Листка». Москва. 1900 г. Ц. 15 к.
- М. Н. Ремезова. Рассказы изъ русской исторіи съ рисунками. Изд. библи. «Дѣтское Чтеніе». Москва. 1900 г. Ц. 10 к. за каждый.
- К. Д. Носилова. На охотѣ. Очерки и рассказы съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 30 к.
- Его-же. Въ снѣгахъ. Рассказы и очерки изъ жизни сѣверныхъ инородцевъ. М. 1900 г. Ц. 50 к.
- А. К. Сизовой. Дочь Солнца. Тысячу лѣтъ назадъ. Истор. повѣсть съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 25 к.
- Л. Сямснкой. Зеленый охотникъ Робинъ Гудъ съ рисунками. Москва. 1900 г. Ц. 20 к.
- Отчетъ о дѣятельности библиотекъ Юго-Зап. ж. д. за 1897 и 1898 гг. Кіевъ. 1900 г.
- Денежный отчетъ Невскаго Об-ва устройства народныхъ развлеченій, за 1898 и 1899 гг. Спб. 1900 г.
- Отчетъ Невскаго Об-ва о постройкѣ каменнаго театра. Спб. 1900 г.
- Отчетъ Об-ва Вологодской бесплатной библиотекы. Вологда. 1900 г.
- Д. Тихомировъ. Объ основахъ и организаціи средней школы. Изд. М. Залшунина. Спб. 1900 г. Ц. 85 к.
- Материалы для торгово-промышл. статистики. Спб. 1900 г.
- Отчетъ Якутской бесплатной народной библиотекы за 1899 г. Якутскъ. 1900 г.
- Plato v. Reussner. Morceaux choisis de lecture pour apprendre à lire écrire et parler français avec un. Vocabulaire en 4 langues. Manuel 1-й Edition Varsovie. 1899 г. Prix. 15 cop. chag.
- Хвольсонъ. Краткій курсъ физики. Въ 3-хъ частяхъ. Изд. К. Л. Риккера. Спб. 1900 г. Ц. каждой части 2 р. 50 к.
- Проф. Д. И. Менделѣвъ. Вибл. промышл. знаній. XX томовъ. Изд. Об-ва Издательское дѣло Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1900 г.
- Ө. Ө. Тютчевъ. На границѣ. Повѣсти и рассказы. Москва. 1900 г. Ц. 1 руб.
- Отчетъ библиотекы Об-ва взаимнаго вспомошествованія приказ. евреевъ г. Одессы за 1900 г. Одесса 1900 г.
- Докладъ С. Ю. Соттори. Экономическая программа тульскаго губернскаго земства. Тула. 1900 г.
- Макса Плана. Лекціи по термодинамикѣ. Пер. съ нѣм. В. А. Кашерининой подъ ред. проф. И. И. Боргмана. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Отчетъ Аккерманской обществен. библиотекы. Аккерманъ. 1900 г.
- И. И. Янжуль. Милліоны и что съ ними надо дѣлать. Москва. 1899 г. Ц. 20 к.
- Проф. М. Н. Петровъ. Евангеліе въ исторіи. Москва. 1900 г. Ц. 15 к.
- Н. Н. Златовратскій. Надо горопитъ. Рассказъ. Москва. 1900 г. Ц. 15 к.
- Ф. Готтерротъ. Исторія вѣншей культуры съ рисунками. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Вып. 1-й.
- Л. Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. Перев. А. Серебряковой. Ред. Д. Протопопова. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Проф. Н. Поповъ. Краткій курсъ сельскаго хозяйства. Изд. К. Тихомирова. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- Воложане писатели. Материалъ для словаря писателей уроженцевъ Вологодской губ. Вологда. 1900 г.
- Отчетъ Обществ. библиот. имени М. Ю. Лермонтова. Пенза. 1900 г.
- А. Алферовъ и А. Грузинскій. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. Изд. Думнова. Москва. 1900 г. Ц. 25 к.
- С. И. Архиповъ. Обществ. бесѣды по лѣсоводству. Весѣда II-я и III-я. Изд. Тихомирова.
- Дм. Ивановъ. О посѣвахъ льна. Изд. Тихомирова. Москва. 1900 г. Ц. 10 к.
- Д. И. Нарамзинъ. Почвовозаніе для крестьянъ. Изд. Тихомирова. Москва. 1900 г. Ц. 15 к.
- В. Вересаевъ. Конецъ Андрея Ивановича. Повѣсть. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Рене Базенъ. Умирающая земля. Романъ. Перев. съ франц. подъ редакц. У. Смирнова. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Переводъ съ франц. подъ редакц. Э. Л. Радлова. Т. II-й. Изд. Л. Ф. Пантелѣва. Спб. 1900 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Проф. Максъ Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Перев. съ нѣмецк. Спб. Изд. Пантелѣва. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Отчетъ Бюро Московскаго союза Потребительныхъ Об-въ за 1899 г. Москва 1900 г.
- Брэмъ. Жизнь животныхъ. Перев. съ нѣм. подъ редакціей проф. П. Ф. Лесгафта. Т. I-й. Вып. I-й. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900 г.
- Проф. Фридриха Рашцеля. Народовѣдніе. Перев. съ нѣм. Д. А. Коройчевскаго. Т. I-й. Вып. I-й. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1900 г.
- Вильгельма Мейера. Міровданіе. Перев. подъ редакціей проф. Глашенана. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Т. и Вып. 1-й. Спб. 1898 г.

- Вильге Гаане. Происхождение животнаго мира. Перев. съ нѣмецк. Ю. Н. Вагнера. Вып. I-й. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1898 г.
- Проф. Фридр. Фогта и Манса Коха. Исторія нѣмецкой литературы. Перев. А. Л. Погодина. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Вып. I—V. Спб. 1899 г.
- Большая энциклопедія. Подъ ред. С. Н. Южакова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Спб. 1899 г. Т. I. Вып. 1—2.
- Ивъ Делажъ. Наслѣдственность. Москва. 1900 г. Ц. 50 к.
- Отчетъ о дѣятельности союза взаимопомощи русскихъ писателей за 1899 г. Спб. 1900 г.
- Отчетъ семейно-педагогическаго кружка въ г. Казани. Казань. 1900 г.
- Жанъ де-ла-Пуланъ. Колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Перев. съ франц. В. Кустерскаго. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.
- Проф. Н. И. Стороженко. Теодоръ Паркеръ, апостолъ гуманности и свободы. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе». Москва. 1900 г. Ц. 20 к.
- Альфредъ Фулье. Свобода и необходимость. Перев. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1900 г. Ц. 2 руб.
- Обзоръ дѣятельности комитета по устройству сельскихъ библиотекъ и народныхъ читаленъ.
- Н. Г. Бунинъ. Разсказы охотника. Изд. его дочерью М. И. Бунинной. Спб. 1900 г. Ц. 2 руб.
- А. О. Гурвича. Бугорчатка, какъ народная болѣзнь и общественная борьба съ ней. Изд. Медич. департ. Мин. Внутр. Дѣлъ. Спб. 1900 г.
- Отчетъ по устройству народныхъ чтеній и литературныхъ утръ въ г. Самарѣ за 1899 г. Самара. 1900 г.
- Отчетъ по Красноярской городской общественной библиотекѣ за 1899 г. Красноярскъ. 1900 г.
- Книжки ховяина Докторъ А. Франкъ. Болѣзни растений. Перев. съ нѣмец. подъ ред. М. А. Энгельгарта. Вып. 1-й и 2-й. Изд. журн. «Ховяинъ». 1899 г. Спб.
- А. А. Радцигъ. Сахарная промышленность всего свѣта. Изд. журн. «Ховяинъ». Спб. 1900 г. Ц. 60 к.
- Г. Гауптманъ. Ганнеле, Извозчикъ Геншель, Одинокіе, Праздникъ, Примиреніе, Потонувшій колоколь. Изд. книжнаго магазина «Трудъ». Ц. 1 р. 80 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Studien und Beobachtungen aus der Südsee*» von Joachim Graf Pfeil. Mit beigegebenen Tafeln und Zeichnungen. (Исследования и наблюдения въ Южномъ океанѣ). Описанія бисмарковскаго архипелага занимаютъ большую часть книги. Авторъ, изучившій эту область, приходитъ къ заключенію, что это лучшая и наиболее здоровая часть изъ германскихъ владѣній. Онъ собралъ обширный матеріалъ, относящійся къ природѣ и населенію этой мѣстности. Въ заключительныхъ главахъ онъ описываетъ Новую Гвинею и Соломоновы острова.

(Frankfurter Zeitung).

«*Geschichte des deutschen Zeitung wesens*» von Ludwig Salomon. (Исторія немецкаго газетнаго дѣла). Вышелъ только первый томъ этого подробнаго изслѣдованія исторіи нѣмецкой печати, охватывающій періодъ XVI, XVII и XVIII столѣтій и обрисовывающій постепенное развитіе журналистики и ея борьбу съ тѣми путями, которые связывали ея дѣятельность. Картина журналистики XVIII вѣка представляетъ мало утѣшительнаго; журналистика прозябала, не имѣя возможности вздохнуть свободно. Дальнѣйшее развитіе журналистики и ея освобожденіе будутъ разсказаны авторомъ во второмъ томѣ.

(Frankfurter Zeitung).

«*London Souvenirs*» by Charlie William Heckethorn (Chatto and Windus). (Лондонскія воспоминанія). Авторъ знакомитъ читателей съ жизнью и физиономіей стараго Лондона, съ его исчезнувшими уже учрежденіями, клубами, общественными обычаями и т. д. и сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ. Книга написана очень живо и читается съ интересомъ.

(Daily News).

«*Patriotism and Empire*» by John M. Robertson (Grant Richards). (Патриотизмъ и имперія). Авторъ доказываетъ въ своей книгѣ, что патриотизмъ и империализмъ тѣсно связаны съ милитаризмомъ, а этотъ послѣдній ведетъ за собою деградацию страны въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Лучшимъ примѣромъ этого, по

мнѣнію автора, можетъ служить Германія, не давшая міру ничего за послѣднее время и потерявшая всякій престижъ въ этическомъ отношеніи, вслѣдствіе узкопатриотическихъ идеаловъ и подчиненій милитаристскимъ тенденціямъ.

(Frankfurter Zeitung).

«*A Life for Liberty, Antislavery and Other Letters of Sallé Holley*» by John White Chodwick. With illustrations. (Жизнь за свободу противъ рабства и др. Письма). Имена Ллойда Гаррисона, Гольмса, Лонгфелло, Эмерсона, Лоуэля и многихъ другихъ борцовъ за свободу и за уничтоженіе рабства знакомы каждому образованному читателю, но авторъ все-таки находитъ нужнымъ оживить въ памяти своихъ читателей образы этихъ великихъ дѣятелей. Кромѣ этихъ извѣстныхъ дѣятелей, авторъ отводитъ почетное мѣсто въ своей книгѣ и другимъ скромнымъ труженикамъ, которые, однако, принесли большую пользу движенію въ пользу свободы и отмычки рабства.

(Literary World).

«*A Prisoner of the Khaleefa: Twelve Years Captivity at Omdurman*» by Charles Newfeld. (Chapman and Hall). (Дѣла въ халифа). Карлъ Нейфельдъ, нѣмецкій купецъ, попалъ въ плѣнъ къ халифу и пробылъ въ плѣну двѣнадцать лѣтъ, вплоть до освобожденія Омдурмана и паденія могущества Махди. Освободившись изъ плѣна, Карлъ Нейфельдъ рѣшился описать его, такъ какъ за время своего двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ Омдурманѣ, онъ имѣлъ возможность изучить какъ личность халифа, такъ и всѣ окружающіе его условія. Разсказъ автора очень интересенъ и заключаетъ въ себѣ много драматическихъ эпизодовъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ описаніе суданскаго возстанія и смерти Геркова.

(Literary World).

«*The Custom of the Country. Tales of New Iagan*». By M-r Hugh Fraser. (Hutchinson and Co.). (Обычай страны). Въ послѣднее время читающая публика особенно

интересуется восточною жизнью и это отражается в литературѣ, изобилующей всякаго рода описаніями, очерками и рассказами изъ жизни восточныхъ народовъ. Названная книга также посвящена востоку и заключается въ себѣ очерки и рассказы изъ японской жизни, очень живо написанные и знакомяще читателя со всеми особенностями этой любопытной страны и ея обитателей.

(Literary World).

«*Darwinism and Lamarckism; Old and New*» by Frederick Wollaston Hutton (Duckworth). (Дарвинизмъ и Ламаркизмъ; старый и новый). Въ книгѣ заключаются четыре лекціи, прочитанныя авторомъ въ Новой Зеландіи и носящія слѣдующія названія: «Дарвинизмъ; новый дарвинизмъ; дарвинизмъ въ человѣческихъ дѣлахъ; новый ламаркизмъ». Авторъ былъ молодымъ восторженнымъ натуралистомъ, когда теорія Дарвина прогнѣвала на весь міръ. Конечно, онъ тотчасъ же сдѣлался горячимъ послѣдователемъ Дарвина. Въ своей лекціи авторъ излагаетъ всѣ новѣйшія изслѣдованія въ области теоріи Дарвина, а въ главѣ «Дарвинизмъ въ человѣческихъ дѣлахъ» авторъ защищаетъ биологическій методъ изученія исторіи.

(Literary World).

«*Man and his Work*» by A. I. Herbertson and T. D. Herbertson. (A. Black). (Человекъ и его дѣятельность). Прекрасная маленькая книга, представляющая первую попытку изложенія въ популярной формѣ принциповъ человѣческой географіи. Въ началѣ авторъ говоритъ объ обществѣ въ самомъ первобытномъ состояніи и изслѣдуетъ дѣйствіе климата и окружающихъ условий въ связи съ различными другими условиями, которыя содѣйствуютъ развитію человѣческихъ расъ. Книга написана очень простымъ и яснымъ языкомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ научный характеръ. Она можетъ служить хорошимъ введеніемъ къ болѣе серьезному изученію предмета.

(Literary World).

«*African Incidents*» Personal Experiences in Egypt and Unyoro. By A. B. Thurston. (John Murray). (Африканскія приключенія). Авторъ этой книги былъ убитъ въ Угандѣ во время возмущенія въ 1897 г. Брать его издалъ оставшіяся послѣ него записки, снабдивъ ихъ предисловіемъ, въ которомъ разсказана трагическая судьба автора, молодого англійскаго офицера, прикомандированнаго съ 1890 г. къ египетской арміи. Жизнь автора въ Угандѣ, его участіе въ догольской экспедиціи и странствованія по Египту изобилуютъ разнаго рода драматическими инцидентами. Авторъ очень талантливо описываетъ ихъ, также какъ и ту обстановку, среди которой ему пришлось жить и дѣйствовать.

(Daily News).

«*How Women may Earn a Living*» by Helen Churchill Candee. (Macmillan Co). (Какимъ образомъ женщина можетъ зарабатывать средства къ жизни). Женщины, стремящіяся къ самостоятельному образу жизни, найдутъ въ этой книгѣ много полезныхъ для себя указаній и совѣтовъ, хотя книга написана съ американской точки зрѣнія. Авторъ подвергаетъ пересмотру всѣ профессіи, доступныя женщинамъ, и сообщаетъ о нихъ полезныя свѣдѣнія.

(Daily News).

«*From Sea to Sea, and other Sketches*» Letters of Travel. By Rudyard Kipling. (Macmillan). (Отъ моря къ морю и другіе очерки). Въ первой части книги извѣстный англійскій писатель со свойственною ему художественностью описываетъ свою поѣздку въ романтическую провинцію Индіи Раджпутану. Остальная часть посвящена описанію предпріятого имъ путешествія вокругъ свѣта въ мартѣ 1899 г. Очень хороши описанія Гонконга и Санъ-Франциско и жизни въ этихъ городахъ. Всѣ эти описанія раньше помѣщались авторомъ въ видѣ корреспонденцій въ разныхъ газетахъ и въ первый разъ теперь появляются въ отдѣльномъ изданіи.

(Literary World).

«*Police et criminalité*» par Louis Hamon. (Flammarion). Prix: 3 fr. 50. (Полиція и преступность). Авторъ долго служилъ въ должности полицейскаго комиссара въ Парижѣ и хорошо знакомъ съ дѣятельностью парижской полиціи. Въ бытность свою на службѣ онъ собралъ большой матеріалъ, какъ и имѣетъ громадный запасъ наблюденій, какъ это можно судить изъ его разсказа о нѣкоторыхъ крупныхъ дѣлахъ административнаго и уголовного характера, съ которыми ему пришлось сталкиваться во время своей службы. Онъ знакомитъ читателя съ парижскою жизнью временъ второй имперіи, въ первые годы ея существованія и въ особенности съ театральными нравами той эпохи.

(Journal des Débats).

«*Die Physikalischen Erscheinungen und Kräfte, ihre Erkenntnis und Verwerthung im praktischen Leben*» von prof. Leo Grumt-mach. Leipzig. (Физическія явленія и силы, ихъ распознаваніе и примѣненіе въ практической жизни). Авторъ въ популярной формѣ разъясняетъ принципы различныхъ новѣйшихъ изобрѣтеній и дѣствующихъ аппаратовъ и объясняетъ физическіе законы, на которыхъ они основаны.

(Frankfurter Zeitung).

«*Daniel O'Connell. Sa vie, son oeuvre*» (2e édition) par M. L. Nemours Godré. (V. Lecoffre). 3 fr. 50. (Даніель О'Коннелль; его жизнь и дѣятельность). Авторъ разсказываетъ жизнь ирландскаго дѣятеля, причѣмъ старается выяснитъ многие не совсемъ ясныя пункты исторіи страны. Воспользовавшись превосходными источниками и, главнымъ образомъ, перепиской самого

О'Коннелла, авторъ представилъ въ яркомъ свѣтѣ благородный образъ героя и всѣ перипетіи великой драмы, сопровождавшей освобождение ирландскаго народа. Новое изданіе этой книги пересмотрѣно и дополнено авторомъ. (Journal des Débats).

«*Alpine Memories*» by *Emile Javelle*. (*Fischer Uelvin*). (*Альпійскіе мемуары*). Авторъ этихъ мемуаровъ былъ однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и смѣлыхъ современныхъ альпинистовъ. Его излюбленными прогулками было лазаніе по горамъ, и нѣтъ ни одной вершины въ Швейцаріи, которую онъ бы не достигъ вѣсколько разъ. Описаніе его горныхъ экскурсій, изданнаго послѣ его смерти его друзьями, могутъ заинтересовать не только горныхъ туристовъ, а также и обыкновенныхъ читателей, интересующихся Альпами и альпійскою природой. (Daily News).

«*Malay Magic*» by *W. Skeat*. (*Macmillan and Co*). (*Малайская магія*). Книга представляетъ тщательное изслѣдованіе вѣрованій малайцевъ въ чудесное, вѣхъ обрядовъ и суевѣрій. Жизнь малайца во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ подчинена извѣстнымъ обрядамъ и преисполнена вѣчнаго страха предъ таинственными силами. Малаецъ старается задобрить злыхъ духовъ, предотвратить несчастія, угрожающія ему, прибѣгая для этого къ различнымъ за-

клинаніямъ и посредничеству людей, имѣющихъ сношенія съ таинственными силами, маговъ, колдуновъ. Авторъ описываетъ дѣятельность этихъ послѣднихъ и знакомитъ читателя съ наиболѣе интересными повѣрьями малайцевъ. Особенно интересна глава, посвященная отгадыванію мыслей и разнымъ фокусамъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ авторъ. Вообще въ книгѣ заключается очень обильный матеріалъ, съ большимъ тщаніемъ собранный авторомъ во время его пребыванія среди малайцевъ. (Daily News).

«*In the Land of the Boers*» by *Olevis Osborne*. *Illustrated*. (*Everett and Co*). *London*. (*Въ странѣ буровъ*). Приключенія, которыя описываетъ авторъ, не имѣютъ отношенія къ нынѣшней войнѣ, но они обрисовываютъ условія жизни въ южной Африкѣ и характеръ ея населенія. (Daily News).

«*Studies in Religious Fallacy*» by *I. M. Robertson*. (*Watts and Co*). (*Изслѣдованіе релігіозныхъ заблужденій*). Въ книгѣ заключается рядъ статей, посвященныхъ разбору идей, проповѣдуемыхъ нѣкоторыми изъ современныхъ авторовъ, писавшихъ о вѣрѣ и религіи. Между прочимъ, двѣ главы посвящены Толстому. Философскіе взгляды автора заслуживаютъ вниманія. (Daily News).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

	СТР.
14. П. Л. Лавровъ (Некрологъ), П. Милюкова	32
15. Къ истории устройства общеобразовательныхъ курсовъ и лекцій въ Россіи. Н. К.	35
16. Изъ русскихъ журналовъ. «Русское Богатство». — «Вѣстникъ Европы». — «Русская Мысль». — «Русская Старина»	38
17. За границей. Событія англійской жизни. — Отмѣна штемпельнаго налога въ Австріи. — Картинки турецкой жизни. — Республиканская школа во Франціи. — Въ Германіи	46
18. Изъ иностранныхъ журналовъ. «Revue de Paris». — «The Forum». Трансваальская «афера». (Статья Берты фонъ-Суттнеръ изъ «Die Zeit»).	55
19. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Физиологія. 1) Особенности чувства обонянія и новая гипотеза о причинѣ обонятельныхъ ощущеній. 2) Какъ отзывается на ребенкѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ матерью. 3) О цвѣтвой слѣпотѣ. Д. Н. — Метеорологія. Выстрѣлы, какъ средство противъ града. — Техника. Новый сплавъ — магналій. Н. М. — Астрономическія извѣстія. К. Покровскаго.	63
20. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Публицистика. — Исторія всеобщая. — Исторія государственнаго права. — Статистика. — Народныя изданія и самообразованіе. — Справочныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію.	80
21. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	114
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	117

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

22. ЭЛЕОНОРА. Романъ миссисъ Гѣмфри Уордъ. Перев. съ англ. М. В. Маннъ	1
23. УМСТВЕННЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ТЕЧЕНІЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ. Теобальда Циглера. Перев. съ нѣм. подъ редакціей П. Милюкова.	57
24. ТРАНСФОРМИЗМЪ И ДАРВИНИЗМЪ Эрнста Геккеля. Переводъ съ девятаго нѣмецкаго изданія В. Вихерскаго	1

При этомъ № иногороднимъ подписчикамъ разсылается каталогъ книжнаго магазина А. Земскаго.

„МІРЪ ВОЖІЙ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНИЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ нѣветныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печко-ской*, Петровскія линія и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть чётко перписаны, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятія мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятія статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятія же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтового расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для получения отвѣта, прилагаютъ семикопѣчную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію не позже *двухъ-недѣльной* срока съ обозначеніемъ № адреса.

6) *Иногородныхъ* просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскіхъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногородныхъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія съ редакторомъ по *столбикамъ*, отъ 2 до 4 час., кромѣ *праздничныхъ* дней.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россію 8 руб., безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ:

С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

